

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLVI.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашова. Наб. Катерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ .	3
Н. И. Карѣвѣвъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (продолженіе).	1
П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы (продолженіе)	72
С. Ф. Платоновъ. Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ (про- долженіе)	118
Е. Е. Замысловскій. Овошенія Россіи съ Польшею въ царствова- ніе Феодора Алексѣевича (окончаніе)	161

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Б. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Родъ Шереметевыхъ. <i>Александра Бар- сукова</i> . Книга V. С.-Пб. 1888	198
И. П. Филевичъ. <i>М. Урсинъ</i> . Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. С.-Пб. 1888	201
П. М. М—въ. Конституція Финляндіи. <i>Л. Махелина</i> . Переведено К. Ор- дипикъ. С.-Пб. 1888	208
А. Н. Веселовскій. <i>M. Gaster</i> . Hechester lectures on greco-slavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages. London. 1887.	217
Ч. К. Ренненкампфъ. Лекціи по общей теоріи права. <i>Н. Корку- нова</i> . С.-Пб. 1887	247
Б. Н. Вестужевъ-Рюминъ. <i>Д. Н. Шлобайскій</i> . Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. М. 1888.	270
П. Н. Петровъ. <i>Rozzet rodow w wielkiem księstwie Litewskiem w XV i XVI wieku. Uložil Adam Boniecki</i> . Warszawa. 1887	274
— Книжныя новости	283
В. К. Богдановъ. Бъ вопросу о желательномъ единообразіи въ рус- ской учебной грамматикѣ.	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорская Академія наукъ въ 1886 году. I.	1
— Наши учебныя заведенія: Объ попытаніяхъ вѣрности въ 1886 году.	28

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Ю. А. Вергъ. Аттическое нарѣчіе по надписямъ и рукописному преданію (продолженіе)	106
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го марта)

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛѸ.

1888.

МАРТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Владшвѣ. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

Исторический ман., л. № 79.
3621.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (25-го октября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевою.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 25-й день октября 1887 года, Высочайше соизволилъ на принятіе капитала въ 15,900 рублей, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевой, съ тѣмъ, чтобы проценты съ сего капитала употреблялись на уплату за слушаніе лекцій недостаточными студентами означеннаго университета.

2. (14-го ноября 1887 года). О порядкѣ производства пенсій профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на оную до изданія новаго положенія о семъ институтѣ.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 14-й день ноября 1887 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на пенсію выслугою 25 и 30 лѣтнихъ сроковъ до изданія новаго положенія о названномъ институтѣ 23-го марта 1887 года, производить таковыя пенсіи, сверхъ содержанія, до выслуги ими сроковъ, на которые они были утверждены на службѣ, съ тѣмъ, чтобы означенные профессора, по наступленіи таковыхъ сроковъ, подлежали дѣйствию ст. 33 и 37 приведеннаго институтскаго положенія.

3. (1-го декабря 1887 года). О правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе приложенія къ статьѣ 53 устава о воинской повинности (свод. зак. т. IV, кн. I, изд. 1886 г.), постановить:

„Двухклассныя русско-киргизскія училища вѣдомства народнаго просвѣщенія въ Тургайской области причисляются, для окончившихъ въ нихъ полный курсъ ученія, къ третьему разряду учебныхъ заведеній, по отбыванію воинской повинности“.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

4. (1-го декабря 1887 года). О порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: Предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ законовъ и въ общемъ собраніи, рассмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія

о порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей Высочайше утвержденного 8-го іюня 1869 года устава Императорскаго Варшавскаго университета, постановить, относительно порядка увольненія и оставленія на службѣ преподавателей, прослужившихъ двадцать пять лѣтъ по учебной части, слѣдующее правило:

Для продолженія на новое пятилѣтіе службы при университетѣ профессорамъ, прослужившимъ по учебной части двадцать пять лѣтъ (§ 82), требуется ходатайство попечителя учебнаго округа и разрѣшеніе министра народнаго просвѣщенія. Для доцентовъ, прозекторовъ и лекторовъ университета необходимо въ подобнѣхъ случаяхъ разрѣшеніе попечителя.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналахъ предсѣдателями и членами.

5. (25-го декабря 1887 года). О введеніи въ Пермской губерніи въ число членовъ уѣднаго училищнаго совѣта врача.

Въ комитетѣ министровъ слушана записка министра народнаго просвѣщенія по ходатайству Пермскаго губернскаго земскаго собранія о введеніи въ число членовъ уѣднаго училищнаго совѣта врача.

Комитетъ полагалъ:

I. Разрѣшить участіе земскаго врача въ засѣданіяхъ уѣдныхъ училищныхъ совѣтовъ Пермской губерніи съ правомъ голоса по вопросамъ, относящимся до санитарно-гигиеническаго состоянія народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы самое приглашеніе означеннаго врача къ присутствованію въ уѣдномъ училищномъ совѣтѣ по объясненнымъ вопросамъ зависѣло отъ предсѣдателя совѣта и чтобы въ случаѣ невозможности для земскаго врача прибыть на собраніе совѣта, обстоятельство это не служило препятствіемъ къ признанію засѣданія совѣта состоявшимся.

и II. Предоставить министру народнаго просвѣщенія, въ случаѣ возбужденія подобныхъ же ходатайствъ земскими собраніями другихъ губерній, разрѣшать примѣненіе въ сихъ губерніяхъ упомянутой въ предыдущемъ пунктѣ временной мѣры.

Государь Императоръ, въ 25-й день декабря 1887 г., положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1888 г.) Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II-го при Елабужскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго Елабужскимъ уѣзднымъ земствомъ капитала въ три тысячи руб., за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, передачѣ въ казну, учреждается при Елабужскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени Императора Александра II-го.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Елабужскаго реального училища и составляетъ неотъемлемую собственность онаго, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендіатъ избирается Елабужскимъ земскимъ собраніемъ изъ дѣтей бѣднѣйшихъ жителей Елабужскаго уѣзда.

§ 4. Стипендіатъ пользуется стипендіей во все время пребыванія въ училищѣ, если только не будетъ лишенъ таковой по опредѣленію педагогическаго совѣта, за неодобрительное поведеніе или малоуспѣшность въ наукахъ.

§ 5. Могуція образоваться сбереженія отъ стипендіи, по случаю временнаго незаимѣненія ея или по какимъ-либо другимъ причинамъ, приобщаются къ основному капиталу или же выдаются въ пособіе стипендіату, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 6. Въ случаѣ закрытія Елабужскаго реального училища стипендія переходитъ въ другое учебное заведеніе, по усмотрѣнію Елабужскаго земскаго собранія.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

2. (23-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Христофоровича Грекова при Императорскомъ университетѣ св. Владиміра.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала 2,000 рублей, пожертвованнаго женою коллежскаго секретаря Анною Александровною Гре-

ковою и заключающагося въ 2-хъ билетахъ государственной 5%, желѣзнодорожной непрерывной ренты, учреждается при университетѣ св. Владиміра стипендія имени Александра Христофоровича Грекова въ размѣрѣ 100 рублей.

§ 2. Стипендія имени А. Х. Грекова, согласно волѣ жертвователю назначаются студентамъ юридическаго факультета изъ дворянъ православнаго вѣроисповѣданія.

§ 3. Выборъ стипендіата принадлежитъ юридическому факультету, при чемъ факультетъ отдаетъ преимущество бѣднѣйшему студенту, отличному по поведенію и успѣхамъ въ наукахъ. Право назначенія стипендіата принадлежитъ правленію университета съ утвержденія попечителя учебнаго округа.

§ 4. Стипендіатъ имени Александра Христофоровича Грекова обязанъ подвергаться установленнымъ испытаніямъ въ теченіе всего времени бытности въ университетѣ; не выдержавшій же по причинамъ неуважительнымъ испытанія, равно неодобрительно аттестованный въ поведеніи, хотя бы и выдержалъ испытаніе, лишается стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (27-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго мануфактуръ-совѣтника Герасима Хлудова при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ десять тысячъ рублей, завѣщаннаго умершимъ мануфактуръ-совѣтникомъ Герасимомъ Ивановичемъ Хлудовымъ, за удержаніемъ суммы, на основаніи закона 20-го мая 1885 года, учреждается при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Обначенный капиталъ, заключающійся въ пятипроцентныхъ государственныхъ банковыхъ билетахъ, признается неприкосновеннымъ, а на содержаніе стипендіата употребляются одни проценты въ размѣрѣ установленной за содержаніе пансіонеровъ платы. Излишніе проценты причисляются къ капиталу. Капиталъ хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ вмѣстѣ съ специальными суммами Императорскаго Московскаго техническаго училища.

§ 3. Стипендія должна быть предоставляема только круглымъ сиротамъ, изъ дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей города Москвы, право-

славнаго вѣроисповѣданія. Выборъ стипендіата принадлежитъ дочерамъ Герасима Ивановича Хлудова: Прасковьи Прохоровой, Клавдіи Востряковой, Александрѣ Найденовой и Любови Лукутиной, по ихъ взаимному соглашенію, послѣ же ихъ смерти—московскому купеческому обществу.

§ 4. Стипендія предоставляется лицу, удовлетворяющему требованію § 3 и выдержавшему приемное испытаніе въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ на общемъ основаніи.

§ 5. Стипендіатъ, по опредѣленію педагогическаго совѣта уволенный изъ числа учениковъ за неодобрительное поведеніе, лишается стипендіи, о чемъ немедленно доводится до свѣдѣнія лицъ или учрежденія, коимъ принадлежитъ выборъ стипендіата, для избранія другаго лица. Стипендіату, оставшемуся на второй годъ въ одномъ и томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважительнымъ причинамъ, напримѣръ, тяжелой продолжительной болѣзни, и при томъ во время всего курса лишь одинъ разъ.

§ 6. Начальство Императорскаго Московскаго техническаго училища два раза въ годъ, по истеченіи каждаго полугодія, уведомляетъ лицъ или учрежденіе, поименованныхъ въ п. 3 сего положенія, объ успѣхахъ и поведеніи стипендіата.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

4. (2-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Екатерины Григорьевны Тепловой при Иркутской женской прогимназіи И. С. Хаминова.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 5-го декабря 1881 года на счетъ процентовъ съ капитала въ 950 рублей, пожертвованнаго неизвѣстнымъ лицомъ, учреждается при Иркутской женской прогимназіи одна стипендія имени Е. Г. Тепловой.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 5% билетахъ государственнаго банка, на сумму 500 руб., 4-хъ облигаціяхъ 1-го восточнаго займа по 100 руб. каждая, на сумму 400 руб., и одной облигаціи того же займа въ 50 руб., оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ прогимназіи.

§ 3. Проценты со стипендіальнаго капитала, за вычетомъ 5% налога, употребляются на взносъ платы за ученіе въ упомянутой про-

гимназій одной ученицы, остатокъ же отъ стипендіи, за взносомъ платы за ученіе, выдается стипендіатѣ на учебныя пособія.

§ 4. Стипендіей пользуется бѣднѣйшая изъ воспитанницъ прогимназій, по преимуществу изъ круглыхъ сиротъ, отличающаяся хорошими успѣхами и поведеніемъ.

§ 5. Выборъ стипендіатки, а равно и лишеніе стипендіи за неодобрительное поведеніе и неудовлетворительныя успѣхи предоставляются попечительному совѣту прогимназій.

§ 6. Могушіе образоваться остатки отъ стипендіи причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія впоследствии размѣра стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

5. (7-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго при Лебедянской прогимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ восемьсотъ руб., пожертвованнаго преподавателями Лебедянской прогимназій и нѣкоторыми членами мѣстнаго общества, въ память двадцатипятилѣтней педагогической дѣятельности бывшаго инспектора названной прогимназій статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго, учреждается при означенной прогимназій одна стипендія съ наименованіемъ: „стипендія имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ облигаціяхъ 3-го восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Лебедянской прогимназій въ мѣстномъ уѣздномъ казначействѣ и составляетъ неотъемлемую собственность этого учебнаго заведенія, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ выхода означенныхъ облигацій въ тиражъ, онѣ замѣняются другими государственными процентными бумагами соотвѣтственной стоимости.

§ 3. Проценты съ этого капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, на основаніи закона 20-го мая 1885 г., поступленію въ казну, употребляются на приобрѣтеніе учебныхъ пособій, одежды, обуви или на другія нужды одного изъ бѣднѣйшихъ и достойнѣй-

шихъ по усѣхамъ и поведенію учениковъ, безъ различія сословій, во все время ученія его въ прогимназіи.

§ 4. Избраніе и назначеніе стипендіата принадлежитъ педагогическому совѣту Лебедянской прогимназіи.

§ 5. Въ случаѣ малоуспѣшности или неодобрительнаго поведенія стипендіатъ лишается стипендіи по опредѣленію педагогическаго совѣта Лебедянской прогимназіи.

§ 6. Могущіе оказаться вслѣдствіе какихъ-либо причинъ остатки отъ суммы стипендіи употребляются въ слѣдующіе годы пребывания стипендіата въ прогимназіи на необходимыя для него расходы, или выдаются стипендіату по окончаніи имъ ученія въ Лебедянской прогимназіи, въ томъ случаѣ, если стипендіатъ поступитъ въ другое учебное заведеніе для продолженія образованія, или причисляются къ основному капиталу стипендіи.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (12-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ. (Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи девятьсотъ пятьдесятъ рубл., завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждаются при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя.

§ 2. Обеспечивающій стипендіи капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ спеціальныхъ средствъ Саратовскаго реальнаго училища въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія двухъ стипендіатовъ и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для нихъ.

§ 4. Могущіе образоваться остатки отъ незамѣщенія стипендій, или по другимъ причинамъ, присоединяются къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 5. Стипендіями имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуются, по избранію педагогическаго совѣта, двое изъ бѣднѣйшихъ учениковъ

Саратовскаго Александрo-Маринскаго реальнаго училища, заслуживающіе того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатами, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендіи могутъ быть сохранены только по особо уважительнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, приобрѣтаются училищемъ новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

7. (12-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовской мужской гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ одну тысячу шестьсотъ рублей, завѣщаннаго саратовскимъ мѣщаниномъ Дмитріемъ Денисовичемъ Грачевымъ, учреждается при Саратовской мужской гимназій одна стипендія имени завѣщателя.

§ 2. Обеспечивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ 5% облигаціяхъ восточнаго займа, хранится въ числѣ специальныхъ средствъ Саратовской гимназій въ мѣстномъ казначействѣ, составляя неотъемлемую собственность заведенія и оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за право ученія одного стипендіата и на приобрѣтеніе учебныхъ пособій для него.

§ 4. Могущій образоваться остатокъ отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ причинамъ, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія разиѣра стипендіи.

§ 5. Стипендіей имени Дмитрія Денисовича Грачева пользуется, по избранію педагогическаго совѣта, одинъ изъ бѣднѣйшихъ учениковъ Саратовской гимназій, заслуживающій того по своимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію.

§ 6. За стипендіатомъ, оставшимся на другой годъ въ томъ же классѣ, стипендія можетъ быть сохранена только по особо уважи-

тельнымъ причинамъ, признаннымъ таковыми педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 8. По выходѣ процентныхъ бумагъ, составляющихъ стипендіальный капиталъ, въ тиражъ, приобрѣтаются гимназіею новыя государственныя процентныя бумаги той же, а если возможно, и высшей стоимости.

8. (13-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго представителями тюменскаго купечества капитала въ девятьсотъ рублей учреждается при Тюменскомъ Александровскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера.

§ 2. Обезвѣчивающій стипендію капиталъ, заключающійся въ билетахъ государственнаго дворянскаго земельного банка, хранится въ мѣстномъ окружномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 года о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, назначаются для уплаты за право ученія стипендіата, на учебныя пособія и платѣе.

§ 4. Право пользованія стипендіей предоставляется дѣтямъ лицъ недостаточнаго состоянія, христіанскаго вѣроисповѣданія, всѣхъ сословій.

§ 5. Право назначенія стипендіата, а равно и лишенія стипендіи ученика, оказавшагося недостойнымъ, предоставляется Федору Логиновичу Миллеру, а послѣ смерти его—педагогическому совѣту Александровскаго Тюменскаго реальнаго училища.

6. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

9. (16-го февраля 1888 года). Положеніе о капиталѣ имени проживающихъ въ Китаѣ сибиряковъ при Троицкосавской женской гимназіи.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Въ память двадцатипятилѣтняго существованія Троицкосавской женской гимназіи учреждается при означенномъ учебномъ заведеніи капиталъ имени сибиряковъ, проживающихъ въ Китаѣ, въ суммѣ до шести тысячъ рублей, пожертвованной упомянутыми сибиряками.

§ 2. Означенный капиталъ, по обращеніи въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, составлѣя неотъемлемую собственность упомянутой гимназіи, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ оной.

§ 3. Проценты съ пожертвованнаго капитала, за удержаніемъ части, подлежащей, по закону 20-го мая 1885 года, передачѣ въ казну, поступаютъ ежегодно въ распоряженіе попечительнаго совѣта Троицкосавской женской гимназіи на проаводство стипендій недостаточнымъ ученицамъ означенной гимназіи.

III. ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(31-го января 1888 года). Утверждены: ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фолькъ—въ званіи заслуженнаго ординарнаго профессора, съ 8-го іюня 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мюлау—деканомъ богословскаго факультета сего университета, на три года, съ 1-го января 1888 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго Дерптскаго университета, коллежскій совѣтникъ Беннель—ординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ зоологій, съ 8-го декабря 1887 года; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Праховъ—ординарнымъ профессоромъ Императорскаго университета св. Владиміра по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 12-го декабря 1887 года; приватъ-доцентъ Императорскаго Каванскаго университета, докторъ химіи Сорокинъ—экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ агрономіи, съ 1-го января 1888 года; наставникъ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-

филологическаго института, докторъ греческой словесности, коллежскій совѣтникъ Латышевъ—наставникомъ-руководителемъ гимназій сего института по греческому языку и завѣдывающимъ этою гимназіею, съ 27-го ноября 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реального училища, преподаватель сего училища, статскій совѣтникъ Любарскій—директоромъ Ломжинской мужской гимназій, съ 1-го ноября 1887 года; дѣйствительный тайный совѣтникъ Батюшковъ, дворянинъ Собанскій, почетный гражданинъ Улановъ и купецъ Ѳемелиди—почетными попечителями прогимназій на три года: Батюшковъ—Устюженской мужской, Собанскій—Херсонской, Улановъ—Бѣлевской мужской и Ѳемелиди—Аккерманской; изъ нихъ Собанскій—съ 10-го декабря 1887 года; исполняющій обязанности инспектора Тверскаго реального училища, статскій совѣтникъ Висьневскій—директоромъ реального училища при реформатской церкви въ Москвѣ, съ 13-го ноября 1887 года; учитель Екатеринбургской гимназій, надворный совѣтникъ Стешинъ—директоромъ Екатеринбургскаго Алексіевскаго реального училища, съ 1-го декабря 1887 года; директоръ Московскаго архива министерства юстиціи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Поповъ, бібліотекаръ Императорской Публичной Библіотеки, коллежскій ассессоръ Вычковъ и дѣлопроизводитель VI класса Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій ассессоръ Уляницкій—членами археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 20-го ноября 1887 года, съ оставленіемъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; коллежскій совѣтникъ Круликовскій, коллежскій ассессоръ Кульвецъ, сарапульскіе купцы: Варановъ, Осиповъ, Ижболдинъ и Новокшеновъ—членами попечительства Сарапульскаго Алексіевскаго реального училища, на три года; кандидатъ Императорскаго Каванскаго университета Новосильцевъ—почетнымъ попечителемъ Вольской учительской семинаріи, на три года.

Назначены: старшій врачъ Мясницкаго отдѣленія больницы для чернорабочихъ въ Москвѣ, докторъ медицины Послѣловъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ кожныхъ и сифилитическихъ болѣзней, съ 30-го ноября 1887 г.; приватъ-доцентъ Императорскаго Каванскаго университета Болдыревъ—сверхштатнымъ экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ общей терапіи, съ 1-го декабря 1887 г.; доценты института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи, статскій совѣтникъ Краузе и на-

дворный совѣтникъ Выковъ—профессорами сего института, съ 10-го декабря 1887 г.; кандидатъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Владиміръ Майковъ — сотрудникомъ археографической комиссіи министерства народнаго просвѣщенія, съ 22-го декабря 1887 года.

Перемѣщены: экстраординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Шварцъ, на кафедре древне-классической филологіи въ томъ же университетѣ, съ 11-го декабря 1887 г.; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кондаковъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ теоріи и исторіи искусствъ, съ 1-го января 1888 года.

Опредѣлены: изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ Гадяцскій — вновь на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, директоромъ Якутской прогимназіи, съ 23-го декабря 1887 г.; дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ Ивановъ — дѣлопроизводителемъ VII класса сего департамента, съ 14-го января 1888 г., и причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій секретарь Егоровъ—исправляющимъ должность дѣлопроизводителя VIII класса департамента народнаго просвѣщенія, съ 1-го января 1888 г.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: доцентъ С.-Петербургскаго лѣснаго института, коллежскій совѣтникъ Сомовъ—съ утвержденіемъ экстраординарнымъ профессоромъ Императорскаго Варшавскаго университета по кафедрѣ механики, съ 14-го ноября 1887 г.; канцелярскій служитель Новгородскаго дворянскаго депутатскаго собранія, не имѣющій чина баронъ Борисъ Клодтъ-фонъ-Юргенсбургъ — въ департаментъ народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ исправляющимъ должность помощника дѣлопроизводителя, съ 18-го ноября 1887 года.

Оставлены на службѣ: на два года: директоръ Вольской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Зимницкій—съ 19-го ноября 1887 г.; профессоръ православнаго богословія Демидовскаго юридическаго лицей, протоіерей Лавровъ — съ 29-го декабря 1887 г.; на три года: директоръ Тверской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Овсянниковъ, съ 25-го ноября 1887 г., директоръ Виленской дирекціи народныхъ училищъ

дѣйствительный статскій совѣтникъ Ставровицъ, съ 27-го декабря 1887 г. и директоръ Ливенскаго реального училища, дѣйствительный статскій совѣтникъ Бѣлинъ, съ 31-го декабря 1887 г.; на пять лѣтъ: ординарные профессора Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Голевинскій, съ 19-го сентября 1887 г.; Московскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ Клейнъ, съ 10-го октября 1887 г. и Дерптскаго — дѣйствительный статскій совѣтникъ фонъ-Валь, съ 18-го октября 1887 г.; окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Чеховицъ, съ 19-го октября 1887 г.; директоръ Псковской учительской семинаріи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кестнеръ, съ 17-го ноября 1887 г.; директоръ Шавельской гимназіи, статскій совѣтникъ Шолковичъ, съ 20-го ноября 1887 г., ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кожевниковъ и директоръ Великолуцкаго реального училища, статскій совѣтникъ Вейнбергъ, съ 7-го декабря 1887 г.; директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, статскій совѣтникъ Жаворонковъ, съ 11-го декабря 1887 г. и директоръ С.-Петербургской второй гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Смирновъ, съ 10-го января 1888 года.

Оставлены на службѣ: по выслугѣ 30-ти лѣтъ по учебной части: ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ Вреденъ, съ 19-го ноября 1887 г. и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Вредихинъ, съ 23-го октября 1887 г.; по выслугѣ 40-ка лѣтъ по учебной части, профессоръ православнаго богословія Императорскаго Харьковскаго университета, протоіерей Добротворскій, съ 31-го октября 1887 года.

Командированы съ ученою цѣлью въ Россіи: ординарный профессоръ Демидовскаго юридическаго лицея, статскій совѣтникъ Суворовъ и исправляющій должность экстраординарнаго профессора сего лицея Щегловъ — въ Москву и С.-Петербургъ, — первый на мѣсяцъ и послѣдній — на полтора мѣсяца; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета, статскій совѣтникъ Трачевскій — въ С.-Петербургъ, на весеннее полугодіе 1888 года; доцентъ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Хлюдинскій — во внутреннія губерніи, съ 25-го января по 1-е сентября 1888 года.

Уволены въ отпускъ въ Россіи: помощникъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ Кунъ—на три недѣли, въ С.-Петербургъ; директоръ Пензенской учительской семинаріи, статскій совѣтникъ Аничковъ—на 28 дней, въ С.-Петербургъ; за границу: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, тайный совѣтникъ Новицкій—на 25 дней; дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера, коллежскій совѣтникъ Камовскій—на два мѣсяца, по болѣзни; причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, въ званіи камергера, князь Гедройцъ и сверхштатный ординаторъ Императорскаго Харьковскаго университета Данилевскій—на четыре мѣсяца.

Уволены: экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, коллежскій совѣтникъ Сергѣевскій, согласно прошенію, отъ должности декана юридическаго факультета сего университета, съ 20-го ноября 1887 года; ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Вилецкій, экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ Преображенскій и наставникъ-руководитель гимназіи Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавриловъ, отъ службы, первый—за выслугою срока, съ 19-го сентября 1887 года, съ дозволеніемъ носить въ отставкѣ мундирный полукафтанъ, послѣдней должности присвоенный, и согласно прошенію: Преображенскій—съ 1-го декабря 1887 года и Гавриловъ—съ 4-го января 1888 года.

Объявлена признательность министерства народнаго просвѣщенія: учителямъ гимназій: Царицынской — надворному совѣтнику Гендри и Симбирской — Пору; учителю Алатырской мужской прогимназіи, надворному совѣтнику Красовскому; учителю Вятскаго реальнаго училища, надворному совѣтнику Асаткину; учителю-инспектору Малмыжскаго, Вятской губерніи, городского трехкласснаго училища, коллежскому ассессору Соколову; сверхштатному учителю Московской 5-й гимназіи Касичину; преподавательницѣ Смоленской Маріинской женской гимназіи Аванасьевой и преподавательницѣ и надзирательницѣ сей гимназіи Бородиной—за отлично-усердную и ревностную ихъ службу; владѣлицѣ мукомольной мельницы въ Полтавской губерніи графинѣ Капнистѣ, председателю хозяйственнаго комитета и главному химику экспеди-

ція заготовленія государственныхъ бумагъ, завѣдывающему нефтянымъ заводомъ при экспедиціи, дѣйствительному статскому совѣтнику Дешеному; исправлявшему должность начальника адмиралтейскихъ ижорскихъ заводовъ, инженеръ-механику полковнику Геймбруку; директору рельсового механическаго завода общества путейловскихъ заводовъ, инженеръ-технологу Ясюковичу; директору общества франко-русскихъ заводовъ (бывшихъ Берда), инженеру Дю-Бюи; завѣдывающему мѣдно-прокатнымъ отдѣломъ на заводѣ общества франко-русскихъ заводовъ, горному инженеру Радлову; правленію общества с.-петербургскихъ водопроводовъ, главному инженеру сего общества, инженеръ-технологу Ермолину; директору с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги, инженеру путей сообщенія, титулярному совѣтнику Сумарокову; владѣльцу крупчато-пшенично-вальцовой мельницы, рыльскому куцу Рыловникову; управляющему верхъ-исетскими заводами графини Стембокъ-Ферморъ, инженеръ-технологу Роджеру; владѣльцу невской писчебумажной фабрики въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Варгунину; владѣльцу писчебумажной фабрики въ Красномъ-Селѣ, инженеръ-технологу, потомственному почетному гражданину Печаткину; владѣльцу кожевеннаго завода въ С.-Петербургѣ, коммерціи-совѣтнику Брусницыну; директору правленія Высочайше утвержденного товарищества картонно-тольнаго производства А. Науманъ и К^о, дворянину Зайдлеру; владѣльцу маслобойнаго завода въ С.-Петербургѣ, потомственному почетному гражданину Жукову; управляющему главнымъ заводомъ общества столичнаго освѣщенія, инженеръ-технологу Скиндеру; исправляющему должность инженеръ-техника на заводѣ общества освѣщенія газомъ города С.-Петербурга, въ 1835 году учрежденнаго, Кубе и директору с.-петербургскаго газоваго общества (для освѣщенія Петербургской и Выборгской частей), французскому гражданину Гарсону — за содѣйствіе ихъ успѣхамъ учебнаго дѣла въ С.-Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ; почетному блюстителю Едровскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народнаго просвѣщенія, Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, дѣйствительному статскому совѣтнику Герке — за заботливость его о семъ училищѣ; начальникамъ уѣздовъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскаго — коллежскому совѣтнику Кедрову и Соколовскаго — коллежскому ассессору Кескевичу — за усердіе къ дѣлу народнаго образованія; законоучителю Сожвинскаго двухкласснаго начальнаго народнаго училища министерства народ-

наго просвѣщенія, Смоленской губерніи и уѣзда, священнику Конокотину и попечителю Вешковскаго сельскаго училища Гжатскаго уѣзда той же губерніи, графинѣ Уваровой — за заслуги ихъ на пользу дѣла народнаго образованія; предсѣдателю попечительнаго совѣта Троицкой женской прогимназіи, городскому головѣ Дмитріеву — за усердную и полезную для сей прогимназіи дѣятельность; попечителю Петровичской, Минской губерніи Игуменскаго уѣзда, школы плодоводства и хмелеводства, дѣйствительному статскому совѣтнику Мышенкову — за оказанное имъ содѣйствіе учебному вѣдомству въ предоставленіи учителямъ начальныхъ училищъ возможности теоретически и практически ознакомиться съ веденіемъ сихъ отраслей сельскаго хозяйства; заслуженному ординарному профессору Императорскаго Московскаго университета, тайному совѣтнику Захаряну — за пожертвованіе его въ пользу Саратовской мужской гимназіи; почетному попечителю С.-Петербургской 7-й гимназіи, коллежскому совѣтнику Русанову — за пожертвованіе дома для Мезенскаго двухкласснаго приходскаго училища; администратору завода Черезъ Версону — за постройку новаго каменнаго дома для мужскаго и женскаго училищъ, въ деревнѣ Лешно, Блошскаго уѣзда Варшавской губерніи; попечителю Воронѣжской Нечаевской двухклассной народной школы, потомственному почетному гражданину Нечаеву — за пожертвованія въ пользу сей школы.

Исключенъ изъ списковъ умершій, ординарный академикъ Императорской Академіи Наукъ, тайный совѣтникъ Видеманъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Исторія Русской Словесности. Составилъ А. Галаховъ. Изд. 5-е. С.-Пб. 1888“ — рекомендовать какъ учебное руководство для мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

— Книгу: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Составилъ А. Камковъ. Изд. 7-е. Съ приложеніемъ текста изъ Евангелія по Остромирову списку (по христоматіи Вуслаева). Въ 8-ву

стр. 64. Казань. 1887. Цѣна 30 к. — одобрить, какъ учебное пособие при преподаваніи церковно-славянскаго языка.

— Книгу: „Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Е. Тихомировъ, преподаватель Орловской гимназій. Москва. 1887. Цѣна 1 р. 25 к.—Стр. 400“ — одобрить, какъ руководство для гимназій и реальныхъ училищъ (за исключеніемъ дополнительнаго класса).

— Книгу: „Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ К. Раевскимъ. 5-е исправленное изданіе съ 203 рисунками. С.-Пб. 1887“ — одобрить, какъ руководство для реальныхъ училищъ и училищныхъ институтовъ и какъ учебное пособие для мужскихъ и женскихъ гимназій и учительскихъ семинарій.

— Книгу: „Руководство къ изученію православной христіанской вѣры. Учебное пособие при изученіи пространнаго христіанскаго катихизиса православной церкви, въ среднихъ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ законоучитель Полтавскаго института благородныхъ дѣвицъ священникъ Петръ Мазановъ. Изд. 4-е. Полтава. 1887. Цѣна 80 к.“ — одобрить, въ 4-мъ изданіи, къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособия при изученіи пространнаго катихизиса митрополита Филарета въ среднихъ, мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Брошюру: „О построеніи и черченіи картъ. Главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири Н. И. Раевскаго (вновь измѣнено и исправлено). Съ 34 чертежами. Цѣна 45 коп. С.-Пб. 1886 г. Стр. 33 въ 8-ку“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Географія, какъ наука и учебный предметъ. Н. И. Раевскаго (Измѣненное и дополненное сочиненіе „О преподаваніи географіи“). Цѣна 75 коп. С.-Пб. 1887 г. Стр. 142 въ 8-ку“ — рекомендовать для фундаментальныхъ библиотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а равно и для учительскихъ семинарій вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Славянскія повѣсти для ювоншества. Болгарія, Сербія, Черногорія. М. Дялиной. Съ рисунками Каразина и Михайлова. С.-Пб. Изданіе Девріена. Въ 8-ку стр. 220. Цѣна 1 р. 75 коп.“ — одобрить для приобрѣтенія въ ученическія библиотеки среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

— Брошюру: „А. Князева, директора Динабургскаго реальнаго

училища подъ заглавіемъ „Методика преподаванія естественной исторіи въ основномъ отдѣленіи Динабургскаго реального училища. Вильна. 1887 г.“—одобрить для: приобрѣтенія въ бібліотеки реальныхъ училищъ.

— Брошюры проф. Н. М. Любимова: 1) „Чихотка, ея причины и предосторожности противъ нея. Изд. 2-е исправленное и дополненное, книгопродавца А. А. Дубровина. Казань. 1887 г. Стр. 80 въ 16 д. л.“ и 2) „Бактеріи и вліяніе ихъ на здоровье человѣка, съ 18 рис. Казань. 72 стр. въ 16 д. л.“—одобрить для учительскихъ бібліотекъ низшихъ школъ и для ученическихъ бібліотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій.

— Книгу: „*Agmani Anabasis*. Для учениковъ третьяго класса гимназій и прогимназій по эвристическому методу обработалъ Вячеславъ Ракушанъ, учитель Тифлисской гимназіи. Часть первая. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку стр. 177. Цѣна 65 к.“—допустить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку для гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ Будиновъ. Москва. 1888. Стр. 74 въ 8-ку. Цѣна 30 к.“—допустить въ видѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Анатомія и физиологія человѣка. Въ объемѣ курса женскихъ гимназій, институтовъ, учительскихъ семинарій и городскихъ школъ. Составилъ Д. К. Влахопуловъ, кандидатъ естественныхъ наукъ Императорскаго Московскаго университета. Въ приложеніи: Анатомическій атласъ (хромолитографированный). Москва. 1888. 91 стр. въ 16-ю д. л. Цѣна 50 к.“—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ введено преподаваніе естественныхъ наукъ.

— Книгу: „Учебная книга священной исторіи, для еврейскаго юношества (отъ сотворенія міра до Нееміи влчучительно). Составили М. Вольперсъ и В. Л. Каганъ. Вильна. 1887. Цѣна 80 к.“—одобрить какъ учебникъ для еврейскаго юношества, обучающагося въ мужскихъ и женскихъ гимназіяхъ, реальныхъ и еврейскихъ училищахъ.

У. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книги: „Избранныя сочиненія А. С. Пушкина. Для дѣтей школьнаго возраста. Изданіе учебнаго магазина „Начальная школа“ Е. Н. Тихомировой: 1) Младшій возрастъ. М. 1887. Стр. 392. Цѣна 50 к.—2) Старшій возрастъ. Выпускъ первый. М. 1887. Стр. 412. Цѣна 50 к.—3) Старшій возрастъ. Выпускъ второй. М. 1887. Стр. 314. Цѣна 50 к.“ — одобрить младшій возрастъ для ученическихъ, а старшій для учительскихъ библіотекъ народныхъ училищъ сельскихъ и городскихъ.

— Книгу: „Люди труда и сильной воли. Жизнь Джемса Гарфильда. „Отъ бревенчатой хижины до Бѣлаго Дома“. Составлено по Тэйнеру Е. А. Сысоевой. Съ портретомъ и 3-мя картинками. 2-е, исправленное и удешевленное, изданіе. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 161 стр. Цѣна 60 к.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, и старшаго возраста городскихъ училищъ.

— „Ө. Ө. Пуцъковичъ. Русскія прописи. Учебное пособие для народныхъ училищъ, церковно-приходскихъ и воскресныхъ школъ, дѣтскихъ пріютовъ и для начального домашняго обученія. Изд. 2-е, исправленное. Тетрадь въ 48 стр. С.-Пб. Цѣна 25 к.“ — одобрить для употребленія въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

— Книгу: „Сказки А. С. Пушкина. Рязань. 1887. Въ 12-ю д. л. 94 стр. Цѣна 10 к.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. (Подъ редакціей О. Ө. Миллера). С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 85 стр. Цѣна 15 к.“ — допустить въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яхонтовымъ. Изданіе С.-Петербургскаго комитета грамотности. Изд. 3-е. С.-Пб. 1887. Въ 12-ю д. л. 134 стр. Цѣна 15 к.“ — одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Книгу: „Приключенія Ивасека, маленькаго хохла. Поэма въ

стихахъ (для дѣтскаго чтенія). Сочиненіе Ан. Лѣсничаго. Одесса. 1888. Въ 8-ку 43 стр., съ 6-ю рисунками. Цѣна не обозначена — допустить въ ученическія бібліотеки народныхъ училищъ.

— Составленныя Ѳ. И. Егоровымъ книги: 1) „Ариметика и сборникъ ариметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ. М. 1887. Въ 8-ку 232 стр. Цѣна 40 к.“ и 2) „Для учителей. Отвѣты и рѣшенія задачъ (помѣщенныхъ въ предыдущей книгѣ). М. 1887. Въ 8-ку 30 стр. Цѣна 15 к.“ — допустить первую къ употребленію въ народныхъ училищахъ въ качествѣ руководства, а вторую — въ учительскія бібліотеки.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ увеличить размѣръ платы за ученіе въ Николаевской—Александровской гимназій до шестидесяти рублей въ годъ съ cadaго ученика, съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года.

— Въ сентябрѣ и началѣ октября прошлаго года преосвященный Анастасій, епископъ Врестскій, при обзорѣнн церквей Волковыскаго и Гродненскаго уѣздовъ, между прочимъ, испытывалъ, обыкновенно въ церквахъ же, по окончаніи богослуженія, знанія учениковъ мѣстныхъ сельскихъ училищъ въ законѣ Божіемъ, церковно-славянскомъ чтеніи и въ церковномъ пѣніи. При этомъ преосвященный, выражал похвалу многимъ учителямъ и преподавая каждому изъ учениковъ свое благословеніе, награждалъ ихъ иконами, крестиками, Евангеліями и другими книгами религіозно-нравственнаго содержанія, а нѣкоторыхъ изъ учителей — брошюрою собственнаго сочиненія подъ названіемъ: „Храните православіе“.

Оставшись вообще доволенъ отвѣтами учениковъ и ихъ пѣніемъ, преосвященный Анастасій вынесъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе при посѣщеніи церкви въ м. Новомъ-Дворѣ, Волковыскаго уѣзда, гдѣ хоръ изъ 15 учениковъ мѣстнаго народнаго училища и 9 чело-вѣкъ взрослыхъ крестьянъ, подъ управленіемъ учителя Гуляя, весьма стройно пропѣлъ многія молитвы. Его Преосвященствомъ обращено было также вниманіе на дѣятельность учителя въ м. Мстибовѣ, того же уѣзда, Писаревича, который въ этой сильно окатоличенной мѣстности устроилъ приличный церковный хоръ изъ 12 дѣтей и 3 взрослыхъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

По донесенію попечителя Казанскаго учебнаго округа, 29-го ноября минувшаго года послѣдовало открытіе однокласснаго начальнаго народнаго училища сего министерства въ селеніи Слободкѣ, Царевскаго уѣзда, Астраханской губерніи, при 175 учащихся.

„ПАДЕНІЕ ПОЛЬШИ“ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ¹⁾.

II.

Польскія историческія школы XIX вѣка въ вопросѣ о паденіи Рѣчи Посполитой.

Въ польской исторіографіи XIX вѣка различаютъ три главныя школы, изъ которыхъ двѣ первыя называются именами своихъ основателей, а третья—по мѣсту своего возникновенія: это—школы Нарушевича, Лелевели и краковская ²⁾. Такое дѣленіе еще не обозначаетъ того, что всѣ историческіе труды на польскомъ языкѣ непременно должны принадлежать къ одной изъ этихъ школъ, но существованіе послѣднихъ не въ томъ и заключается: вопервыхъ, указанное дѣленіе относится, главнымъ образомъ, лишь къ тѣмъ историческимъ трудамъ, въ конхъ выражается извѣстное политическое міровоззрѣніе, а къ числу такихъ относятся, главнымъ образомъ, общія исторіи Польши; во вторыхъ, школы знаменуютъ собою самыя видныя, если не господствовавшія въ извѣстное время направленія исторической мысли. Съ послѣдней точки зрѣнія въ развитіи польской исторіографіи можно различить три періода. Первый обнимаетъ время съ конца прошлаго столѣтія до двадцатыхъ годовъ текущаго включительно: это—школа уже извѣстнаго намъ Нарушевича. Второй охватываетъ тридцатые, сороковые и пятидесятые годы: это—

¹⁾ *Продолженіе*. См. январскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

²⁾ *Bobrzyński. Dzieje Polski w zagrybie. Warszawa. 1880. Wstęp. II: o państwie historyi polskiej i jej umięjętnem badaniu. Smoleński. Szkoły historyczne w Polsce. Ср. нашъ христано-библиографическій очеркъ „Вопросъ о религиозной реформации XVI в. въ польской исторіографіи“—*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1885, ноябрь, 1 в. Новѣйшая польская исторіографія, 537.*

школа Іоахима Лелевела, ученаго виленскаго профессора и дѣятеля революціи 1830 года. Наконецъ, третью школу представляетъ изъ себя направленіе краковскихъ ученыхъ, и къ ней принадлежать многіе историческіе труды послѣдней четверти вѣка.

Мы уже знаемъ, какія политическія идеи высказывалъ Нарушевичъ: вся его школа въ XIX вѣкѣ повторяетъ взгляды публицистовъ XVIII вѣка, то-есть, является продолжательницей традиціи монархическаго лагеря польской публицистики. Направленіе краковскихъ ученыхъ можетъ быть названо вторымъ изданіемъ школы Нарушевича, явившимся на сѣнѣ лелевелевской доктрины, которая сама была возобновленіемъ, въ исправленномъ и дополненномъ видѣ, ученія публицистовъ республиканцевъ въ родѣ гр. Вельгорскаго. Таковъ генезисъ и взаимныя отношенія польскихъ историографическихъ школъ. Изъ дальнѣйшаго изложенія мы убѣдимся, что можно прослѣдить, какъ историка изъ школы Нарушевича восприняли идеи монархическихъ публицистовъ прошлаго вѣка, и какъ тѣ же идеи, на время отбѣсненныя на задній планъ противоположнымъ взглядомъ на прошлое Польши, возродились у писателей краковского направленія. Съ другой стороны, намъ очевидно ставеть и то, что школа лелевелевская тѣсно связана съ теоріями, подобными воззрѣнію гр. Вельгорскаго. Конечно, съ теченіемъ времени въ старыя идеи привзошло много новаго, и напримѣръ, особенно о Лелевелѣ можно сказать, что его взглядъ былъ исправленіемъ взгляда республиканцевъ XVIII в., потому что знаменитый историкъ дополнялъ его кое-чѣмъ новымъ, такъ какъ его демократизмъ болѣе соответствуетъ духу новаго времени, нежели шляхетскій демократизмъ гр. Вельгорскаго, то-есть, демократизмъ въ античномъ смыслѣ, исключавшемъ изъ „демоса“, народа, имену то, что принято называть народомъ въ наше время.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній о польской историографіи въ текущемъ столѣтіи перейдемъ къ отдѣльнымъ ея явленіямъ.

Итакъ, основателемъ первой историографической школы въ Польшѣ былъ Нарушевичъ. Продолжателями его дѣла, какъ историка, усвоены были и его политическіе взгляды. Говоря здѣсь о его школѣ, мы имѣемъ въ виду именно не то, что составляетъ, такъ сказать, технику исторической науки, а политическую мысль, вложенную въ историческое представленіе. Въ эпоху Варшавскаго герцогства мѣстное „Общество любителей наукъ“ (Towarzystwo przystajacich nauk) напечатало въ *RamieŃniku warszawskim* (ноябрь 1809 г.) выработанный Станиславомъ Потоцкимъ и прелатомъ Пражмовскимъ „Про-

спектъ исторіи польскаго народа¹⁾, въ которомъ между прочимъ обращаетъ на себя вниманіе рекомендуемое авторами дѣленіе польской исторіи на періоды. За основу этого дѣленія совѣтуется взять „перегѣбны, какимъ подвергался народъ“, а между ними особенно перегѣбны въ „правлящей власти“ (we władzy rządzącej), ибо въ ней—сказано тамъ—заключается „первѣйшая причина какъ прежней силы, такъ и позднѣйшаго паденія народа“. Вотъ характеристика пятаго періода въ этомъ „Проспектѣ“: упадокъ королевской власти, вліяніе заграничныхъ державъ, увеличивающееся безпорядке шляхетской демократіи и можновладства до утраты національной независимости. За проспектомъ въ томъ же изданіи слѣдовалъ „Краткій очеркъ исторіи народа польскаго“²⁾ въ видѣ программы большаго труда. Здѣсь эта характеристика пятаго періода развивается подробно, но въ общемъ—какъ замѣчаетъ г. Смоленскій—весь очеркъ былъ только схематизированной квинт-эссенціей (ujętem w szematyzowaniu) взглядовъ Нарушевича и разъясненныхъ въ разныхъ брошюрахъ XVIII вѣка аналогичныхъ воззрѣній. Работу надъ составленіемъ исторіи Польши раздѣлили между собою нѣсколько человекъ, но исполнили свою задачу только трое (Нѣмцевичъ, Квятковскій и Краевскій), взявше на себя царствованія Сигизмунда III, Владислава IV и Яна Казимира. Въ историческихъ трудахъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ этому плану³⁾, проводится та же мысль, а Нѣмцевичъ, кромѣ того, формулировалъ свою идею, въ „Мысляхъ объ упадкѣ и характерѣ польскаго народа“, составляющихъ послѣдній отдѣлъ „Spiewów historycznych“⁴⁾. Будучи писателемъ совсѣмъ посредственнымъ, но человекомъ живымъ и отзывчивымъ, Нѣмцевичъ затрогивалъ въ своихъ произведеніяхъ „всѣ животрепещущіе современные вопросы и ударялъ постоянно въ чувствительную струну патриотизма“⁵⁾. Не смотря на всю слабость его „Историческихъ пѣсенъ“, въ которыхъ онъ хотѣлъ изобразить поль-

¹⁾ Изложень у Смоленскаго, стр. 19—21.

²⁾ Krótki zbiór dziejów narodu polskiego. Изложенье у Смоленскаго, стр. 21—23.

³⁾ Niemcewicz. Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. Kwiatkowski. Dzieje narodu polskiego za panowania Władysława IV. Warszawa. 1823. Krajewski. Dzieje panowania Jana Kazimierza. Warszawa. 1846.

⁴⁾ Uwagi nad upadkiem i charakterem narodu polskiego. См. Spiewy historyczne z muzyką i ryciami przez Jul. Urs. Niemcewicza. Warszawa. 1816. Стр. 433—441.

⁵⁾ Слова г. Спасовича. О. с., 455.

скую исторію въ картинахъ, но именно благодаря его умѣнію ударять въ чувствительную струну, эти пѣсни были въ свое время очень популярны, такъ что публика заучивала ихъ наизусть: онѣ были положены на музыку и распѣвались въ салонахъ и шляхетскихъ усадьбахъ ¹⁾. Сущность указанныхъ „Мыслей“ заключается въ томъ, что шляхта „уничтожила равновѣсіе между собою, народомъ (ludem) и трономъ“. „Приобрѣтеніе одною частью народа богатствъ и власти“, говоритъ Нѣмцевичъ,—„подчиненіе другихъ сдѣлалось причиною ослабленія цѣлаго. Вскорѣ среди этой шляхты, по видимости допущенной до равнаго участія въ свободѣ, вслѣдствіе невзмѣримой разницы въ имуществѣ болѣе бѣдная часть сдѣлалась простымъ орудіемъ вельможъ: такимъ образомъ вельможи управляли всѣмъ и часто, несогласные между собою, враждебные королямъ, они, захвативши въ вихрь своихъ страстей все отечество, постепенно погрузили его съ высоты могущества въ вѣчную пропасть. Въ злостатномъ ослѣпленіи не было обращено вниманія на то, что подобныя злоупотребленія, бурные выборы королей, удаленіе отъ вольностей мѣщачъ и простого народа, приведутъ когда-нибудь къ ужаснымъ слѣдствіямъ. Въ одной саблѣ видѣли только защиту безопасности и дѣлности: въ пренебреженіи были науки, торговля, промышленность“ и т. д. ²⁾. Во время общихъ перемѣнъ въ Европѣ, въ эпоху усиленія исполнительной власти и улучшенія по ея инициативѣ положенія народныхъ массъ, въ Польшѣ только одна шляхта считалась за народъ; короли были подчиненными ей чиновниками, народъ—орудіемъ доходовъ и богатствъ. Вина въ гибели отчизны слѣпота вельможъ и снисходительность (rowolność) королей ³⁾, Нѣмцевичъ замѣчаетъ, что и въ каждомъ другомъ народѣ было бы подобное угнетеніе простого люда, гдѣ только почувствовали бы, что „бразды правленія находятся въ слабыхъ рукахъ“. По автору, поляки собственно склонны къ повиновенію и дисциплинѣ: „нѣтъ“, говоритъ онъ,—„другаго народа, болѣе годнаго, чѣмъ нашъ, чтобы быть управляемымъ, когда король—дѣльный и знающій наши склонности“ ⁴⁾. Любопытны и политическія мысли, которыя высказываются въ самыхъ „Śpiewachъ“. Напримѣръ, пѣснь о Стефанѣ Баторіи начинается словами:

¹⁾ *A. Kulickowski*. Zarys dziejów literatury polskiej. Lwów. 1884. Wydanie trzecie, str. 265.

²⁾ *Niemcewicz*, 434.

³⁾ *Ibid.*, 435.

⁴⁾ *Ibid.*, 436.

Uszą nas dzieje, i obraz niesprzeczny
 Ciągłych zwycięstw pod Stefanem,
 Co może Polska, kiedy król waleczny
 Umie być wodzem i Panem ¹⁾.

Собственно говоря, школа Нарушевича не произвела ничего крупнаго, надъ чѣмъ мы могли бы еще здѣсь остановиться. Въ этотъ періодъ польской историографіи писатели любили останавливаться на отдѣльныхъ личностяхъ королей, полководцевъ, законодателей, а не на процессахъ общественной и народной жизни, касаясь которой они шли въ виду, главнымъ образомъ, государство и политическіе вопросы, весьма мало вниманія посвящая, чтобы не сказать больше, вопросамъ общественнымъ и социальнымъ. ²⁾ Въ старой Рѣчи Посполитой важно было не одно политическое беззарядье, но и социальное угнетеніе шляхтою другихъ общественныхъ классовъ.

Мысль о томъ, что много зла Польшѣ причинило угнетеніе мѣщанства и хлоповъ, встрѣчается нерѣдко у монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка, равно какъ и у писателей изъ школы Нарушевича ³⁾, но въ этомъ угнетеніи они видѣли фактъ второстепенный сравнительно съ слабостью правительства, которая и была для нихъ главною причиною бѣдствій. Среди польскихъ публицистовъ прошлаго вѣка преимущественно Станиславъ Сташиць, бывший самъ мѣщанскаго происхожденія, доказывалъ, что „шляхта есть только одно сословіе, а не весь народъ“ (*szlachta są jednym stanem, nie sąym narodem*), и что „гдѣ народъ уцѣлѣеть, тамъ удержится и сословіе“ (*gdzie naród osaleje, tam otrzyma się stan*). Шляхта, по его словамъ, не сумѣла охранить Польшу отъ раздѣла (рѣчь идетъ о первомъ), а потому не можетъ править ею по прежнему. Крѣпостное право, говоритъ онъ еще, — больше зла надѣлало Польшѣ, чѣмъ всѣ враги вмѣстѣ взятые, татары, шведы, москали. „Паденіе Польши, наконецъ“, прочитъ опъ, — „будетъ наказаніемъ за притѣсненіе хлопа“. ⁴⁾ Но на

¹⁾ *Niemcewicz*, 227. Разборъ „*Śpiewów historycznych*“ былъ сдѣланъ Делевелемъ (помѣщенъ въ XVII т. изданія сочиненій этого историка подъ заглавіемъ *Polska, dzieje i rzecz jej*. Poznań. 1884. Стр. 57 и слѣд. Объ *Uwagach* см. стр. 74 и слѣд.).

²⁾ Хорошіи для своего времени учебники польской исторіи написали *Jerzy Bandtkie*. *Dzieje Królestwa Polskiego*. Wrocław. Эта книга есть и въ русскомъ переводѣ.

³⁾ Напримеръ, въ „*Uwagach*“ Нандеяча.

⁴⁾ *Przestrogi dla Polski*. 1790, безъ обозначенія мѣста.

такія мысли въ свое время мало обращали вниманія ¹⁾, и ихъ нечего принимать въ расчетъ при обзорѣни польской публицистической и исторической литературы въ первую треть нашего столѣтія. Только послѣ 1831 г. польскіе историки съ исключительно политической точки зрѣнія, на которой стояли прежде, начали переходить на точку зрѣнія социальную, то-есть, кромѣ вопроса объ организаціи государственныхъ властей и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, стали интересоваться и исторіей общественныхъ классовъ. Отчасти подь влияніемъ тогдашнихъ событій, заставившихъ наконецъ подумать о томъ, что сила націи можетъ заключаться лишь въ народѣ, отчасти и подь влияніемъ французскихъ политическихъ идей, среди поляковъ образовалась демократическая партія, представителемъ которой въ исторіографіи былъ Лелевель. Тезисъ о первоначальной свободѣ крестьянства легъ въ основу его „Мыслей объ исторіи Польши и ея народа“ ²⁾, гдѣ причиною паденія Польши было выставлено пренебреженіе исконными, лежащими въ народномъ духѣ и осуществленными въ первоначальной Польнѣ основами всеобщаго равенства и свободы.

„Объясненіе судьбы польской націи—имѣли мы уже случай говорить—Лелевель далъ чисто апіористическое: это была въ умственной жизни Европы пора, когда рядомъ съ значительными успѣхами исторической науки, все болѣе и болѣе основывавшейся на критическомъ изученіи источниковъ и объективномъ построеніи фактовъ, распространяла свое влияние идеалистическая философія, вносящая въ исторіографію привычку къ апіорному мышленію. Лелевель, который своими трудами оказалъ важныя услуги наукаѣ, находился подь влияніемъ этой философіи, когда взялся за построеніе своего общаго взгляда на исторію польской націи: онъ вообразилъ себѣ извѣстный исконный идеалъ своей націи, осуществленіе котораго ему, такъ сказать, мерещилось въ формахъ быта первоначальной Польши, . . . и причиною паденія Рѣчи Посполитой было объявлено то, что нація

¹⁾ Обь этомъ сочиненіи Сташица *Katinka* говорятъ: „czy wówczas była czytana (książka) nie wiemy . . . czy wywarła wpływ na opinią szlachty, twierdzić nie smiemy“. *Sejm czteroletni*, II, 434.

²⁾ *Lelewel. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. 1844. Помѣщено въ изданіи „Polska, dzieje i greszy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela“. Poznań. 1855. Томъ III. Въ этомъ же изданіи помѣщены (т. II) *Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane* (пер. изд. въ Варшавѣ 1830 г.), затѣмъ (т. VI) *Racowanie króla polskiego Stanisława Poniatowskiego* и (въ т. VII) *Polska odradzająca się*.*

не только не развила этого своего идеала, но съ извѣстнаго момента стала ему измѣнять, его искажать" (Новѣйшая польская исторіографія, стр. 539). Эта общая концепція сильно напоминаетъ намъ ту, съ которою мы уже встрѣтились у Вельгорскаго, хотя между обими писателями есть и разница.

Теорія Вельгорскаго была примѣненіемъ къ польской исторической дѣйствительности политической доктрины Руссо и потому можетъ идти въ сравненіе съ извѣстными „Разсужденіями объ исторіи Франціи“ аббата Мабли, доказывавшаго, что исконное политическое устройство французовъ было именно таково, каково идеальное государство Руссо; на Лелевелѣ же сказалось вліяніе не только современнаго ему французскаго радикализма, ведущаго начало отъ того же Руссо, но и априорной философіи, родственной нѣмецкому идеализму, и романтизма, получившаго у другихъ поляковъ мистическую, религіозную окраску. Еще важнѣе та разница, что Вельгорскій подѣ „народомъ“, какъ носителемъ верховной власти, разумѣетъ одну шляхту и даже старается оправдать исключеніе другихъ классовъ, хотя и признаетъ, что первоначально крестьяне не были порабощены ¹⁾, между тѣмъ какъ Лелевелъ именно въ исключеніи народной массы изъ политическихъ правъ видѣлъ отступленіе отъ первоначальнаго устройства Польши ²⁾: если для республиканцевъ XVIII вѣка виновниками паденія Польши были короли и магнаты, то для Лелевеля значительная доля вины падаетъ, кромѣ нихъ, и на самую шляхту.

Концепцію Лелевеля въ общемъ можно представить слѣдующимъ образомъ: „У польскаго народа есть искони свой политическій и общественный идеалъ, и когда народъ къ нему приближался, онъ шелъ впередъ,—и приходилъ въ упадокъ, отъ него удаляясь. Идеалъ этотъ—свобода въ государственныхъ и общественныхъ отношеніяхъ; во всей своей широтѣ онъ былъ осуществленъ только разъ въ славянскомъ

¹⁾ *Wisłhorski. Essai sur le rétablissement*, 292—293.

²⁾ Въ своихъ историческихъ трудахъ Лелевелъ очень часто говоритъ, что о состояніи Польши можно судить по положенію бѣднѣйшаго класса, и выставляетъ вины шляхты по отношенію къ холопамъ. *Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane* (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań 1859. II, 105, 131). *Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej* (тоже изд. Poznań 1855. III, 188 sq. 214 sqq. до 252; 328 sqq., 394 sqq. См. также стр. 430 sq., гдѣ говорится о равнодушіи и бездѣйствіи народа во время паденія). Одинъ изъ эпиграфовъ „Uwag“—слова Руссо: *quiconque veut ôter aux autres leur liberté, finit presque toujours par perdre la sienne.*

общинномъ быту (*gminowładztwo*, верховенство общины), насторожѣ котораго стояли первые Болеславы. Когда можновладство, то-есть, аристократическіе элементы общества, уничтожило свободу народа и княжескую власть, съ середины XII в. почти до конца XIV-го, Польша находилась въ упадкѣ, и только въ слѣдующемъ періодѣ совершился подъемъ гражданскаго духа въ лучшей части народа: аристократическое правленіе было сломлено и разцѣбло шляхетское гминовладство. Послѣднее, однако, не исполнило своей задачи, а этою задачей было — возвращеніе свободы деревенскому люду и совершенное осуществленіе республиканской формы правленія; потому-то Рѣчь Посполитая съ начала XVII в. приходитъ опять въ упадокъ, приводящій ее къ окончательному паденію“¹⁾.

Намъ придется еще возвратиться къ разсмотрѣнію собственно идеализаціи польскаго духа, находимой нами у писателей эмиграціи послѣ 1830 г., — придется именно при разборѣ славянофильскихъ взглядовъ на предметъ, — а тутъ при общемъ сочувствіи ко взгляду, до нѣкоторой степени являющемуся развитіемъ пророчества Сташница, нельзя не замѣтить, что построеніе польской исторіи, только-что представленное, грѣшитъ не въ одномъ отношеніи. Не говоря о произвольномъ представленіи „гминовладства“, весьма невѣрно освѣщена роль Болеславовъ, этихъ самодержцевъ древнѣйшей Польши, которыхъ историкъ ставитъ насторожѣ общинной свободы. Лелевель прославляетъ, даже, XV и XVI вѣка, но это именно была эпоха закрѣпощенія въ Польшѣ народныхъ массъ. Впрочемъ, Лелевель и его преемники отступили отъ того представленія о перво-бытной польской конституціи, какое составилось у республиканскихъ публицистовъ прошлаго вѣка: историки этой школы признаютъ развитіе княжеской власти въ началѣ польской исторіи²⁾. Установленіе полной республики въ Польшѣ Лелевель относитъ только къ прекращенію династіи Ягеллоновъ³⁾. „Трудно предвидѣть“, говоритъ

¹⁾ Новѣйшая польская историографія, 552—553.

²⁾ *Lelewel. Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane. 1830 (Polska, dzieje i rzeczy jej. Poznań. 1859. II, 13 sq. 34). Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. (То же изд. Poznań. 1855. III). См. названіе перваго періода, стр. 49. Samowładztwo, создавшее государство, Лелевель называетъ противнымъ духу славянскому, принципамъ, коихъ держалось племя цѣлые вѣка. Стр. 73. Лелевель хвалитъ бытъ нившихъ слоевъ общества въ эпоху шляхетскаго гминовладства. Dzieje Polski p. sp. opow., 70.*

³⁾ *Lelewel. Dzieje Polski potocznyim sposobem opowiedziane. II, 96. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej. III, 162.*

онъ въ другомъ мѣствѣ, — что произошло бы отъ попытки Баторія замѣнить въ Польшѣ республику монархіей. Такая перемена въ другихъ странахъ Европы безъ кровопролитія и тяжелыхъ насилій не обошлась. Богъ знаетъ, что изъ этого вышло бы! Одно вѣрно, что Польша и Литва были не монархіей, какъ другія въ Европѣ государства, но полной республикой, въ которой господствовало шляхетское сословіе¹⁾. Шляхта, однако, не исполнила своей задачи, какъ слѣдуетъ²⁾. „Избраніе королей сдѣлалось вреднымъ для Польши, ибо имъ пользовались неумѣло“³⁾; но въ принципѣ Лелевель стоитъ за него, находя, что „наслѣдственный ролялизмъ“ противорѣчитъ славянскому духу⁴⁾, а въ попыткахъ установленія монархіи видитъ причину порчи Рѣчи Посполитой⁵⁾. Справедливо здѣсь то, что шляхта, ревниво относясь къ правамъ короны, все болѣе и болѣе ихъ ограничивала при каждой дѣйствительной или мнимой попыткѣ королей установить „ролялизмъ“, но отнятія у короля права она не перенесла ни на какой другой органъ власти, и это, дѣйствительно, было причиной разложенія государства. Нельзя еще не отмѣтить, что Лелевель указывалъ на печальныя послѣдствія для Польши отъ католической реакціи съ прятѣсеніемъ иновѣрцевъ⁶⁾ и паденіемъ образованія⁷⁾.

Отъ общихъ взглядовъ Лелевеля на всю польскую исторію перейдемъ къ разсмотрѣнію его отношенія къ самымъ послѣднимъ временамъ Рѣчи Посполитой.

Лелевель занимался и эпохой паденія Польши. Обзоръ царствованія Станислава Августа входятъ, конечно, въ его общія сочиненія по польской исторіи⁸⁾, но кромѣ того, онъ написалъ объ этой эпохѣ особое сочиненіе, полное заглавіе котораго такое: „Царствование

¹⁾ Dzieje Polski p. sp. op., 103.

²⁾ Ibid., 104.

³⁾ Ibid., 105.

⁴⁾ Uwagi nad dziejami Polski, 73, особенно 307 слѣд.

⁵⁾ Ibid., 310.

⁶⁾ Dzieje Polski pot. sp. opow., 132, 139—140. Uwagi nad dziejami Polski i ludu jej, 301 sq., 437.

⁷⁾ Dzieje Polski p. sp. opow., 133.

⁸⁾ Dzieje Polski potocznyмъ зрзобомъ opowiedziane, стр. 144—160. Эта книжка вышла первымъ изд. 1880 г. въ Варшавѣ. Въ Uwagach nad dziejami Polski ludu jej послѣдніе 55 §§ (стр. 307—469) посвящены вообще эпохѣ паденія. По-смертная Historia Polaka (Polaka, dzieje i gieszy jej. Rozpań, 1863. XIII) доведена только до конца царствованія Стефана Баторія.

польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго, обнимающее тридцатилѣтнія усилія народа возродиться и сохранять существованіе и независимость" ¹⁾). Въ предисловіяхъ къ 3-му и 4-му изданіямъ этого труда самъ авторъ разказываетъ намъ его исторію. „Исторія царствованія, подъ которымъ Рѣчь Посполитая дожила до своего паденія“, говоритъ Лелевель,—„нескоро будетъ начертана дѣйстви-тельно историческимъ перомъ. Прежде нежели это будетъ, для цѣлей простаго знанія нужно было краткое изложеніе этой исторіи. Я рѣшился исполнить такое дѣло въ 1818 году. Мое маленькое сочиненіе было хорошо принято, что побудило меня повторить изданіе въ 1819 г. Эти слишкомъ краткія извѣстія объ эпохѣ не могли быть перепечатаны въ послѣдующіе годы вслѣдствіе стѣсненія свободы печати. За это время я задумалъ развить ихъ нѣсколько обширнѣе и, дождавшись болѣе благопріятной для напечатанія минуты (писано въ 1831 г.), пускаю ихъ въ свѣтъ въ третій разъ... Первые изданія“, продолжаетъ предисловіе къ третьему,—„опирались единственно на устныхъ разказахъ и собственной памяти. Въ теперешней, третьей редакціи я воспользовался разными сочиненіями, уже бросающими большой свѣтъ на дѣло падавшей Рѣчи Посполитой... Быть можетъ“, говоритъ далѣе Лелевель,—„придетъ время, когда найдутся искусныя перья, которыя изложатъ зрѣло (dojrzałe) эту часть нашей исторіи; быть можетъ, въ дальнѣйшей жизни и самому мнѣ удастся нѣсколько зрѣлѣе обработать этотъ періодъ времени, а пока вслѣдствіе того, что на польскомъ языкѣ нѣтъ другаго изложенія этой исторіи, печатаю это мое сочиненіе“ ²⁾). Въ предисловіи къ четвертому изданію

¹⁾ Panowanie króla polskiego Stanisława Augusta Poniatowskiego obejmujące trzydziestoletnie usiłności narodu podźwignięcia się, ocalenia bytu i niepodległości (Въ указанномъ над. Polska, dzieje i gieszy jej. Poznań. 1859. VI).

²⁾ О. с., 1—2. Лелевель вѣрно замѣчаетъ, что матеріалы для исторіи Ст. Авг. еще мало собраны и мало извѣстны. Вотъ какіе источники и пособія называетъ Лелевель въ предисловіи къ 3-му изданію: печатные діаріи сеймовъ и брошюры (piśma ulotne), записки Килинскаго и Китоувча, известную книгу о конституціи 3-го мая, сочиненія Рюммера и Феррана („najcenniejsze do przytoczenia dzieła“). *Лейденскую газету*, *Histoire de la révolution de Pologne depuis la mort d'Auguste III jusqu'à l'année 1774* (par *Jaubert*. Varsovie 1775. Paris. 1807), путешествіе по Польшѣ Вильяма Кокса, *Lettres particulières du baron de Vioménil sur les affaires de Pologne en 1771 et 1772*, соч. Раумера о паденіи Польши (сравн. пер. 1837 г.), *Coup d'oeil sur les causes réelles de la décadence de la Pologne* par *Komarzewski* (P. 1897), *Histoire de la révolution de Pologne en 1791* par *Méhée* (P. 1792), *Hist. de la révolution de Pologne en 1794* par un té-

(1839 г.) Лелевель разказываетъ о цензурныхъ затрудненіяхъ, встрѣченыхъ сначала третьимъ изданіемъ, и о судьбѣ его послѣ подавленія революціи въ 1831 г.: авторъ воспользовался событіями того времени, чтобы выпустить въ свѣтъ 3-е изданіе, но оно почти все погибло. Выпуская четвертое, онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что эта работка (*dzielko*) есть одна изъ тѣхъ, которую онъ нѣсколько разъ передѣлывалъ въ теченіи двадцати лѣтъ, чтобы ее поправить, расширить, не выпуская изъ рамокъ краткихъ извѣстій о событіяхъ ¹⁾. Затѣмъ авторъ, дополнивъ кое въ чемъ этотъ свой трудъ, выпускалъ его въ свѣтъ пятымъ и шестымъ изданіями ²⁾, изъ коихъ послѣднее относится къ 1845 г. ³⁾.

Изъ всего этого видно, что Лелевель не придавалъ особаго значенія своему сочиненію, хотя и работалъ надъ нимъ постоянно, дополняя его новыми извѣстіями, и перепечатывалъ его нѣсколько разъ: его „*dzielko*“ въ собственныхъ его глазахъ было еще недостаточно „зрѣлымъ“. Самые размѣры сочиненія въ послѣдней его работѣ (238 небольшихъ страницъ не очень мелкой печати, — въ примѣчаніяхъ прямо разгонистой, — заключающихъ въ себѣ текстъ и примѣчанія) вполне соответствуютъ этому названію — „*dzielko*“.

Начинаетъ Лелевель свою исторію паденія Рѣчи Посполитой съ указанія на ослабленіе Польши, бывшее результатомъ событій второй половины XVII в. вплоть до 1717 г., событій, непрерывно наносившихъ удары народу и землѣ: послѣ этого, при Саксонскихъ короляхъ, Польша была какъ бы въ параличѣ ⁴⁾. Въ числѣ другихъ явленій саксонской эпохи онъ отмѣчаетъ французское вліяніе, которому приписываетъ распространеніе въ Польшѣ монархическихъ идей: послѣднія, по его словамъ, „свободно распространялись между шляхтою, ибо она, при паденіи народнаго просвѣщенія и въ собственномъ оцѣпенѣніи, не оказывала никакого сопротивленія и не знала

moins oculaire (*J. Zajacsek*. P. 1797), *Mémoire sur la rév. de Pologne trouvé à Berlin* (*Пустора*. P. 1807), *Versuch einer Geschichte der letzten polnischen Insurrection* (*Karola Woyda*. Zurich. 1796), *Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution im Jahre 1794* (Frankfurt und Leipzig. 1796) и ижеот. др.

¹⁾ Ibid., 5—7.

²⁾ Для дополненій *Bartoszewicz*. *Znakomitsi męzowie polscy*. *Henryk Schmitt*. *Materiały do dziejów bezkrólewia i lat dziesięciu panowania St. Aug. Lwów*. 1857. *Wajcicki*. *Archivum domowe* и ижеот. др.

³⁾ Соч. это видѣется въ нѣмецкомъ и французскомъ переводахъ.

⁴⁾ Ibid., 11.

потребностей своей Рѣчи Посполитой, а вельможные панн получили вкусъ къ придворной жизни для большаго отличія отъ обыкновенной шляхты" ¹⁾). Въ томъ же духѣ дѣйствовала и школа, реформированная Конарскимъ. Далѣе онъ указываетъ на потребность реформы: „равныя болѣе знатныя фамиліи увидѣли, какъ низко пала и испортилась Рѣчь Посполитая, а для многихъ тѣмъ болѣе она казалась испорченной, чѣмъ больше сами они были наполнены монархическими мыслями и свою Рѣчь Посполитую разсматривали какъ монархію" ²⁾). Таковы главныя мысли „вступленія“. Въ приведенныхъ словахъ замѣтно нѣкоторое несочувствіе къ новымъ идеямъ, значеніе коихъ въ тогдашней Польшѣ Лелевель преувеличиваетъ. Отсюда не совсѣмъ сочувственное отношеніе историка къ реформаторской „фамиліи“ (Чарторыскихъ), съ вложенія политики коихъ и начинается исторія перваго періода царствованія Станислава Августа. Здѣсь стѣдуетъ только указать въ исторіи этого періода на взглядъ Лелевеля по диссидентскому вопросу: дѣло, по его представленію, шло не о терпимости, какъ кричали въ Европѣ, а о томъ, чтобы усилить политическое значеніе диссидентовъ, чрезъ которыхъ иностранныя державы могли бы дѣйствовать на внутреннюю жизнь Польша ³⁾). Последнее едва ли было нужно, потому что, по крайней мѣрѣ, одна изъ иностранныхъ державъ и чрезъ католическихъ сановниковъ и пословъ въ сеймѣ умѣла оказывать вліяніе на внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой ⁴⁾). Самъ Лелевель при всей своей краткости не щадитъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ выставить сеймовыхъ пословъ, согласившихся на первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой ⁵⁾), который притомъ сопровождался расхищеніемъ староствъ и поіезуйтскихъ фундушей польскими фамиліями ⁶⁾). Въ Барской конфедерации, приведшей къ первому раздѣлу, Лелевель видитъ пробужденіе шляхты отъ прежней оцѣпенѣлости, но „народъ находился въ такомъ недужномъ состояніи, что, выходя изъ него, не могъ сразу возвратитъ себѣ преж-

¹⁾ Ibid., 13.

²⁾ Ibid., 15.

³⁾ Ibid., 33.

⁴⁾ Лелевель еще прямо обвиняетъ Екатерину въ подстрекательствѣ къ бунтамъ русскихъ хлопцовъ. Ibid., 45, 108.

⁵⁾ Ibid., 72—73, 75. Побужденіе къ раздѣлу вышло изъ Пруссіи, а Екатерина была вынуждена послѣ нѣкотораго сопротивленія. Ibid., 71—72.

⁶⁾ Ibid., 79—80.

нія свои силы" ¹⁾). Слѣдующія за тѣмъ пятнадцать лѣтъ глубокаго мира рисуются историку, какъ эпоха важныхъ улучшеній въ Рѣчи Посполитой ²⁾, хотя „подлые люди, руководимые предрассудками или интересомъ“, старались все портить ³⁾. Указывая на разные улучшенія, Лелевель однако не забываетъ упомянуть, что дѣлались многія переменны „подъ могущественнымъ вліяніемъ російскаго посольства, такъ что російскій посланникъ правилъ Польшею“. Развивающійся общественный духъ сказался на лучшемъ ходѣ сеймовыхъ дѣлъ, а *liberum veto* не столько, впрочемъ, въ силу убѣжденія, сколько по принужденію „пало вмѣстѣ съ другими установленіями, поддерживавшими республику. Все это“, говоритъ историкъ,— „замѣняется новыми формами, болѣе подходившими къ умѣренной монархіи, къ смѣшанному образу правленія, о которомъ все больше и больше мечтали, къ которому возростала склонность“ ⁴⁾. Впрочемъ, обо всемъ у Лелевеля говорится такъ кратко, что отношеніе его ко многимъ явленіямъ польской жизни въ 1772—1787 гг. остается для насъ неяснымъ. И вообще Лелевель часто просто только разказываетъ, приводя факты безъ всякаго освѣщенія.

Въ исторіи четырехлѣтняго сейма Лелевель также очень кратокъ. Объ отношеніи его къ конституціи 3-го мая мы скажемъ еще особо по поводу другаго его сочиненія ⁵⁾. По мнѣнію историка, сеймъ, поручивъ Станиславу Августу оборону края и разошедшись, сдѣлалъ два пагубные шага ⁶⁾.

Въ описаніи краковскаго возстанія стѣдуетъ упомянуть объ указаніи, сдѣланномъ на цѣль его, и объ отношеніи къ нему шляхты и крестьянъ. Цѣлью его не было непременно вернуть конституцію 3-го мая ⁷⁾, а отношеніе къ нему шляхты стало охладѣвать, когда Костюшко обратился къ простому люду, хотя въ послѣднемъ знаменитый вождь не нашелъ той моральной силы, на какую рассчитывалъ ⁸⁾. Разказъ оканчивается капитуляціей Варшавы.

¹⁾ Ibid., 81.

²⁾ Ibid., 82—85.

³⁾ Ibid., 96.

⁴⁾ Ibid., 100—101.

⁵⁾ Здѣсь можно только отмѣтить § 113 подъ заглавіемъ: *czas rewolucyjny dostarcza gabinetom języka przeciw Polsce*, стр. 129—130, гдѣ порицается политика державъ.

⁶⁾ Ibid., 123.

⁷⁾ Ibid., 142.

⁸⁾ Ibid., 149—150.

Въ заключеніе авторъ даетъ нѣсколько общихъ соображеній. Сравнивая двѣ бурныхъ эпохи, изъ коихъ одна привела къ первому раздѣлу, а вторая—къ двумъ другимъ, Лелевель указываетъ на совершившійся прогрессъ: сначала немногіе хотѣли реформы и то при иноземной помощи, а потомъ безъ послѣдней все народное представительство желало реформы; сначала массы недовольныхъ реформами породили конфедераціи, покрывшія Польшу и Литву, а потомъ лишь нѣсколько вѣнниковъ употребило противъ новыхъ порядковъ иноземную силу; въ первомъ возстаніи въ защиту независимости приняла участіе одна шляхта, въ послѣднемъ—и мѣщане, и сельчане, и войско. Но въ умаленной странѣ не было силъ бороться съ тремя державами, когда ни откуда не было помощи. Въ своемъ паденіи польскій народъ „объявилъ всему міру, что, приближаясь къ паденію, онъ возвращался послѣ долгаго оцѣненія къ жизни,—показалъ, что въ самомъ его паденіи начинается его быстрое возрожденіе“ ¹⁾. Въ общемъ исторія царствованія Станислава Августа представляется Лелевелю такимъ образомъ. Въ началѣ этой эпохи Польша была въ упадкѣ. Тогда „аристократическій эгоизмъ, желая возвыситься, сталъ проповѣдывать монархическіе принципы, сдѣлалъ попытку обособленія съ ущербомъ для республиканскихъ началъ. Но гражданская мысль стремилась воздвигнуть свободу и независимость на стародавнихъ національныхъ основахъ. На откликъ этимъ планамъ пробудились всѣ классы; зрѣлище этихъ предпріятій потрясло ихъ до основанія. Шляхта бросилась спасать свои привилегіи, которымъ грозила опасность; диссиденты, мѣщане вспомнили въ свою очередь объ утраченныхъ правахъ; гуманность (*ludzkość*) начала говорить за несвободный людъ, сдѣлала попытку двинуть впередъ его дѣло. Столько общественныхъ элементовъ оживило послѣднія тридцать лѣтъ падавшей Рѣчи Посполитой... Врагъ не упустилъ случая извлечь пользу изъ замѣшательства, употребить все, что было негоднаго изъ прежней порчи, изъ прежняго сподленія“. Въ Рѣчи Посполитой происходила социальная революція, а вишній врагъ дѣлался все грознѣе, опираясь на возростающую беззащитность внутреннихъ польскихъ вѣнниковъ ²⁾, которые готовы были дѣлать и другъ другу уступки. „Аристократія выхлопотала наследственность престола для упроченія

¹⁾ Ibid., 163—164. Ср. слѣдующій параграфъ подъ заглавіемъ—„Postęp towarzyskości“.

²⁾ Ibid., 165.

придворнаго быта, почестей, титуловъ, орденовъ... Шляхта сохранила свое всемогущество и прерогативы". Впрочемъ, Лелевель видитъ въ дѣятельности шляхты и другую сторону, указывая на уступки, сдѣланныя мѣщанству, уступки, которыя тотчасъ же прибавили силы Рѣчи Посполитой. „Какую бы силу она приобрѣла“, восклицаетъ онъ, — „еслибы сумѣли двинуть самый сильный и трудолюбивый классъ“¹⁾.

Въ этомъ взглядѣ знаменитаго историка есть вѣрные и невѣрные стороны. Вѣрно то, что въ Польшѣ было замѣшательство, которое было вызвано выступленіемъ Рѣчи Посполитой на путь реформъ и которымъ воспользовались сосѣднія державы, нашедшія союзниковъ внутри самой Польши. Невѣрнымъ нужно признать преувеличеніе происходившаго въ Польшѣ прогресса, ибо не такъ ужъ значительно, какъ представляетъ Лелевель, исправились поляки отъ шестидесятихъ годовъ къ концу восьмидесятихъ и началу послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка. Также съ чисто партійной точки зрѣнія объясняетъ онъ переиѣну избирательнаго трона въ наслѣдственный. Самая же вѣрная мысль его та, что шляхта одна не могла спасти Рѣчи Посполитой²⁾. Съ большимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла доказываетъ тезисъ о прогрессѣ въ Польшѣ, какъ мы увидимъ, новѣйшій польскій историкъ г. Корвонъ.

Въ текстѣ исторіи царствованія Станислава Августа мы напрасно стали бы искать сколько-нибудь опредѣленнаго взгляда Лелевеля на конституцію 3 го мая. Свое къ ней отношеніе историкъ высказываетъ въ одномъ изъ примѣчаній къ рассматриваемому труду и въ отдѣльной статьѣ, на которую въ этомъ примѣчаніи и ссылается. Съ болью въ сердцѣ смотритъ онъ на это „уклоненіе (złosczenie) отъ стародавнихъ началъ, какое народъ и его представители своею верховною волею признали и утвердили. Рѣчь Посполитая, объясняетъ онъ, была превращена въ монархію, республиканскія учрежденія поставлены подъ наслѣдственное правленіе“³⁾. Лелевель не хочетъ соглашаться съ „софи-

¹⁾ Ibid., 166.

²⁾ Не касаемся здѣсь отношенія Лелевеля къ самому Станиславу Августу. См. его краткую характеристику, въ которой много вѣрнаго, на стр. 170—171. Отмѣчу еще примѣчаніе 22, гдѣ авторъ также бросаетъ coup d'oeil на послѣднія времена Рѣчи Посполитой. Между прочимъ видно мѣсто, гдѣ Лелевель говоритъ о двухъ дорогахъ для Польши: одна—исправленіе стараго, другая—занятія его новымъ. Первое значило сохраненіе республики, второе—превращеніе ея въ монархію, 210. Л. сочувствуетъ первому пути, но въ подробности не входить, 215.

³⁾ Ibid., 220.

стическими аргументами" въ пользу этой перемѣны: дѣлали это для спасенія отчизны, вводя принципъ, противъ коего народъ боролся четыре вѣка (1370—1791 гг.), а между тѣмъ перемѣна не удержала бытія Польши. Тутъ сама судьба показала, что „наслѣдственность трона не согласна съ вольностью народа" ¹⁾. Лелевель высказывается далѣе противъ неотвѣтственности короля, противъ запрещенія veto и конфедераций: эти постановленія помѣшали дать отпоръ бунту тарговичанъ и т. д. Подробнѣе свой взглядъ развиваетъ авторъ въ брошюрѣ „Сравненіе трехъ польскихъ конституцій", изданной въ первый разъ въ Варшавѣ въ 1831 г., перепечатанной въ 1832 г. въ Парижѣ и во Львовѣ, переведенной на французскій языкъ и выпущенной въ свѣтъ въ Аррасѣ въ 1833 г. и наконецъ прилагавшейся къ 4-му изданію „*Rapowania Stanisława Augusta*" ²⁾. Лелевель здѣсь насчитываетъ существованію республики въ Польшѣ четыре съ половиной вѣка („по крайней мѣрѣ, отъ короля Локотка"), а паденіе приписываетъ тому, что народъ „заснулъ на лонѣ своихъ вольностей" ³⁾. „Составилось", продолжаетъ онъ, — „фальшивое мнѣніе, яко бы наши стародавнія республиканскія учрежденія сдѣлались причиной паденія польскаго народа". Авторъ иного мнѣнія: „не учрежденія Рѣчи Посполитой (которыя были не безъ недостатка, которыя несомнѣнно время отъ времени требовали измѣненій и исправленій), но ихъ дурное выполненіе, частныя ими злоупотребленія вліяли на упадокъ народа". Онъ думаетъ, что сама судьба дѣлаетъ поляковъ особенно способными къ политической жизни ⁴⁾. Конституція 3-го мая все-таки оставляла власть у народа ⁵⁾. Сравнивая ее съ конституціями герцогства Варшавскаго (1807 г.) и царства Польскаго (1815 г.), онъ ей въ этомъ, да и въ иныхъ отношеніяхъ отдаетъ преимущество, а потому

¹⁾ Ibid., 222.

²⁾ Trzy konstytucje polskie 1791, 1807, 1815, porównal i różnice jich rozważył *Joachim Lelewel* w roku 1831. (См. VII томъ изданія *Polaka*, dzieje i gzeszy jej. Poznań. 1859. Здѣсь помѣщено и предисловіе къ французскому изданію, стр. 189—203. Самый текстъ съ обращеніемъ къ „representantom narodu polskiego obu jltz sejmju 18 grudnia 1830 i dalszego ciągu tegoż sejmju w roku 1831" занимаетъ стр. 205—258).

³⁾ Trzy konstytucje, 210—211.

⁴⁾ Ibid., 211. Такъ до быту народа польскаго, zdaje się, pomysł swobód konstytucyjnych przywiązany i zdaje się jakoby narod polski bez tych swobód nie mógł mieć bytu. Pewnie że to jest dla narodu zaszczytna, bo to okazuje jego usposobienie do bytu prawdziwie politycznego.

⁵⁾ Ibid., 287.

является съ нею, хотя и видитъ въ ней уклоненіе отъ національныхъ основъ. Въ концѣ концовъ она была все-таки своя, и въ ней все-таки сохранялся шляхетскій республиканизмъ ¹⁾. Нѣкоторая двойственность въ отношеніи Лелевеля къ конституціи 3-го мая объясняется тѣмъ, что для него эта конституція была, съ одной стороны, живъной національнымъ основамъ, съ другой, дѣломъ самой націи, сохранявшею за шляхтой прежній суверенитетъ.

Лелевель создалъ въ польской историографіи цѣлую школу, но вскорѣ его взгляды встрѣтили критику со стороны защитниковъ шляхетскаго принципа, особенно послѣ событій 1846 и 1848 гг. Изъ сторонниковъ теоріи Лелевеля особаго вниманія заслуживаютъ Морачевскій и Шмиттъ. Первый въ 1843—1855 годахъ издалъ въ девяти томахъ Польскую исторію ²⁾. Удалось ему довести этотъ трудъ только до отреченія Яна Казимира, но ему очень хотѣлось охватить въ своемъ трудѣ и всю исторію XVIII вѣка. Его интересовала вопросъ, пала ли Польша вслѣдствіе несправимой порчи народа, или же порча эта была только на поверхности и не касалась основъ, и вотъ для рѣшенія этого вопроса онъ собиралъ матеріалы по исторіи прошлаго столѣтія, которые дали ему возможность составить себѣ довольно определенное представленіе объ этомъ столѣтіи: „Это мои времена“, говорилъ онъ друзьямъ,—„мнѣ кажется, что я въ нихъ жилъ; буду же вамъ описывать все, на что въ это время я смотрѣлъ, какъ будто бы былъ очевидцемъ“ ³⁾.

Въ духѣ республиканской теоріи написаны и историческіе труды Генриха Шмитта, одинъ изъ которыхъ былъ переведенъ по русски ⁴⁾. Для насъ важна въ сочиненіяхъ Шмитта идеализація шляхетскаго

¹⁾ Nie wyzuwał się naród-zszlachta ze swoich praw, tylko dozwalał przewodnictwa nieodpowiedzialnemu królowi i do swoich praw znaczną część mieszczaków przegruszczał, 253.

²⁾ *Moraczewski*. Dzieje Rzeczypospolitej polskiej. Poznań. Отъимъ *Куличковскаго*: Przy całej sumiennosci i krytyczności rozwija Moraczewski w ciągu dzieła pewne właściwe sobie zapatrywania na dzieje narodowe, które wszystkie znajdują wyjaśnienie swoje w republikańskim stanowisku pisarza. О. с., 477.

³⁾ *Zdanowicz-Sowiński*. Rys dziejów literatury polskiej. Wilno. 1877. IV, 423.

⁴⁾ *Schmitt*. Dzieje narodu polskiego krótko opowiedziane. Lwów. 1861. Dzieje Polski w potocznym opowiadaniu. Lwów. 1869.—Rys dziejów narodu polskiego. Lwów. 1869. Русскій переводъ одного изъ этихъ трудовъ, принадлежащій г. Ю. Шрейеру, вышелъ въ Петербургѣ въ 1864—1866 гг. (Исторія польскаго народа, *Генриха Шмитта*). Цитуюмъ по этому переводу. (Кромъ того, тотъ же авторъ написалъ *Діеіе Полькі од 1738 до 1832 г.* Kraków. 1867).

гминновладства. Пятый періодъ польской исторіи, который у него обнимаетъ XVI и первую половину XVII вѣка (съ 1496 по 1648 гг.), обозначенъ въ заголовкѣ словами: „Польша въ цвѣтущемъ положеніи, какъ шляхетско-общинная Рѣчь Посполитая“ ¹⁾; характеризуется же періодъ такимъ образомъ: „Гражданское равенство, личная свобода, свобода совѣсти и слова благоприятствовали этому развитію. Гражданскія доблести, любовь къ отечеству, готовность къ самопожертвованію и шляхетское равенство отличаютъ тогдашнее польское общество. Возникшая общественная жизнь создала могущественное общественное мнѣніе, которое долго сдерживало многихъ“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о томъ, что на Западѣ „начали возникать явленія, возвѣщавшія, что господство физической силы и вызванное ею историческое право должны уступить мѣсто естественнымъ правамъ чловѣка и общества“, авторъ высказываетъ мысль, что „Польша, стоявшая тогда по развитію выше многихъ державъ, могла бы стать во главѣ этого движенія, еслибы къ несчастью сама не сошла съ пути своего развитія“ ³⁾. Причины послѣднаго явленія, по Шмитту, лежала въ предоставленіи общественнаго воспитанія іезуитамъ, въ религиозныхъ спорахъ и въ проискахъ двора. „Просвѣщеніе мало по малу клонилось къ упадку, а религиозныя преслѣдованія становились все рѣзче и рѣзче. Съ упадкомъ же просвѣщенія поколебалось и общественное мнѣніе, а съ нимъ и тѣ гражданскія доблести, которыя были фундаментомъ Рѣчи Посполитой“. Впрочемъ, и „въ устраненіи большинства жителей отъ пользованія гражданскими правами, составляющемъ темную сторону этого (то-есть, пятаго) періода“, онъ видитъ также причину повдѣйшихъ бѣдствій ⁴⁾. Шмиттъ постоянно обвиняетъ дальнѣйшую политику королей и, напримѣръ, заключая разказъ о царствованіи Августа II, говоритъ такъ: „Постоянныя сношенія короля, стремившагося къ единодержавію, съ сосѣдними монархами, давали послѣднимъ возможность виѣшиваться во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой“ ⁵⁾, то-есть, онъ часто однихъ королей обвиняетъ въ томъ, въ чемъ не одни они были виноваты.

Кромѣ того, Шмиттъ написалъ „Польскую исторію XVIII и

¹⁾ *Schmitt. Dz. p.*, II, 1.

²⁾ *Ibid.*, II, 242.

³⁾ *Ibid.*, II, 243.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 242.

⁵⁾ *Ibid.*, III 208.

XIX вѣковъ¹⁾ и „Царствованіе Станислава Августа“²⁾. Первые три тома перваго изъ этихъ сочиненій обнимаютъ исторію отъ 1733 по 1795 г., а четвертый, подъ заглавіемъ „Dzieje Polski rogozbiogowej“, доводитъ изложеніе до 1832 года. Въ предисловіи ко второму труду авторъ говоритъ, что до того времени (1868 г.) никто не изложилъ исторіи Станислава Понятовскаго „исчерпывающимъ образомъ“: „Быть можетъ“, думаетъ онъ,— „главнѣйшею причиною этого было отвращеніе къ изображенію событій, въ которыхъ народъ нашъ игралъ довольно печальную роль.... Къ этому присоединялась еще дѣтская боязнь, что обнаженіе отрицательныхъ сторонъ тогдашняго нашего общества лишитъ насъ симпатій другихъ народовъ“³⁾. Этотъ трудъ доведенъ только до 1768 года, и въ немъ помѣщено нѣсколько документовъ, которые до того времени не были нигдѣ напечатаны.

Исходный пунктъ составляетъ теорія Лелевеля и въ сочиненіи, которое однако написано было съ прямою тенденціей заштитить шляхту отъ демократическихъ нападокъ. Мы говоримъ о „Словѣ польской исторіи“ Врублевскаго⁴⁾. Основной идеаль польскаго народа сводится имъ къ тремъ принципамъ: ко всеобщимъ свободамъ и равенству, къ единогласію въ совѣщаніяхъ и къ избирательному началу, и въ смыслѣ этого идеала рисуется у него первоначальный бытъ Польши. Если въ Рѣчи Посполитой зародилась анархія, то виноваты въ этомъ паны и короли. „Пока“, говорятъ онъ о первыхъ,— „они опасались за свободу, до тѣхъ поръ они не мѣшали шляхтѣ въ ея стремленіи стать во главѣ народа; но со времени Люблинской уніи, лишь только исчезла всякая боязнь передъ наслѣдственной Литвой, лишь только не стало нужды въ приманкѣ литовской шляхты сладостями польскихъ вольностей,—начали они своимъ безполымъ (bezręciowym?) можновладствомъ устранивать рыцарское сословіе отъ

¹⁾ Dzieje Polski XVIII i XIX w. Kraków. 1866—1867. Lwów. 1868.

²⁾ Panowanie Stanisława Augusta. Lwów. 1868—1870. Два тома. Этому изданію предшествовало другое, популярное и иллюстрированное подъ заглавіемъ Szkic historyczny trzydziestoletniego panowania Stanisława Augusta króla polskiego. Kraków. 1872. Въ сущности это нѣкоторымъ образомъ повтореніе III тома Dziejów Polski XVIII i XIX w. Наконецъ, укажемъ еще на его труды Poглядъ na żywot i pisma Hugona Kołłątaja (1860 г.) и Książd Hugo Kołłątaj (Lwów. 1873).

³⁾ Panowanie St. Aug. I, przedślowie, стр. V—VI.

⁴⁾ Waleryan Wróblewski. Słowo dziejów polskich. 1858—1860. Сочиненіе написано собственно подъ псевдонимомъ В. Короновича. „Слово“ значитъ здѣсь verbum, λόγος въ смыслѣ основной идеи.

его значенія, не допуская его до вершины преобладанія, которой оно уже достигало, и произвели авархію⁴. Съ другой стороны, говоритъ Врублевскій,—нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ то, что Польша, управляемая наследственно и самодержавно (zadowoladnie), достигла бы великаго значенія и силы и на вѣки упрочила бы свое существованіе, но также нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго, какъ и то, что чрезъ это поляки сдѣлались бы чуждыми своему призванію и природѣ свободного народа⁵. По этой теоріи, причина паденія Польши—въ томъ, что исторія не сумѣла разрѣшить борьбу національной идеи (= „слова“) съ противными ей принципами: все спасеніе было въ развитіи шляхетской республики, а для него необходимо было лишить королей опаснаго права раздачи должностей и наградъ, ибо безъ этого права короли не могли бы деморализовать гражданъ, можновладство должно было бы подчиниться рыцарству, какъ высшему распорядителю почестями и матеріальными благами. „Народъ“ (ogół narodu, то-есть, шляхта), говоритъ Врублевскій,—всегда послушный своему призванію, своему первоначальному „слову“, совершенно чистъ отъ вины въ гибели отечества“.

Сваливая всѣ несчастія Польши на королей и магнатовъ, авторъ „Слова польской исторіи“ въ сущности возвращался вполне къ республиканскимъ теоріямъ XVIII вѣка, но въ его концепціи была новая сторона, которая роднитъ его взгляды на польскую исторію съ націоналистическимъ мистицизмомъ, встрѣчавшимся и въ другихъ литературахъ нашего вѣка, а въ польской эмиграціонной литературѣ приведшимъ къ такъ называемому мессіанизму. По представленію экзальтированныхъ патриотовъ, своимъ исконнымъ идеаломъ, или своимъ „словомъ“, логосомъ, употребляя терминъ Врублевскаго, „Польша рѣшительнымъ образомъ выдѣлялась изъ другихъ европейскихъ націй: она становилась чѣмъ-то исключительнымъ въ челоѣчествѣ, и апіорное построеніе ея исторіи, далеко не соответствующее дѣйствительному ходу этой исторіи, дѣлалось чѣмъ-то въ родѣ догмата національной вѣры, поддерживая патриотическое упованіе на лучшее будущее“¹). Доктрина Лелевеля, особенно въ передѣлкѣ Врублевскаго, и сдѣлалась наиболѣе популярною въ польскомъ обществѣ²).

Перваго важнаго критика политическія идеи лелевелевской школы нашли въ лицѣ Гофмана, автора „Изображенія правленія и законо-

¹) Новѣйшая польская историографія, 539.

²) *Smoleński. Szkoły historyczne*, 43.

дательства старой Польша¹⁾), „Исторіи политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ“²⁾ и „Причинъ раздѣла Польской монархіи послѣ Болеслава Кривоустаго въ XII вѣкѣ“³⁾). Разрушивъ построеніе первоначальной исторіи Польши, созданное цѣлымъ рядомъ писателей, начиная отъ Вельгорскаго, видѣвшаго народовластіе à la Rousseau въ древнѣйшемъ строѣ Польши, и кончая Врублевскимъ, который поднялъ Польшу надъ всѣми народами земли, Гофманъ по вопросу о причинахъ паденія Рѣчи Посполитой высказался такъ: „На несчастье“,—передаемъ его основную мысль словами г. Смоленскаго— „на несчастье Польшѣ недоставало національнаго и сильнаго городского сословія (mieszczaństwa), которое, какъ это бывало въ другихъ мѣстахъ, пришло бы, съ помощью къ королямъ, подало бы руку земледѣльческому классу и распространяло бы представленія о всеобщей свободѣ. Послѣ ослабленія монархизма, такъ какъ демократическій элементъ, угнетаемый невѣжествомъ и бѣдностью, не могъ еще мечтать о власти,—пришла очередь аристократіи, а такъ какъ послѣдняя не имѣла никакой организаціи, никакой іерархіи, то правленіе перешло не къ нѣсколькимъ лицамъ или не къ нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, а въ руки каждаго въ отдѣльности. Масса шляхты, упорно державшаяся приванки мнимаго равенства, увлекаемая мѣняющимися теченіями выгоды, предрасудковъ или страстей, переливалась, какъ потокъ, поочередно отъ одного магната къ другому, никому не обѣщая вѣрности, никому не оказывая постоянной поддержки,—ничего не создавала, все уничтожала. Слѣдствіемъ отсутствія феодализма было то, что ни одинъ изъ общественныхъ элементовъ,—монархической ли, аристократической или демократической,—не могъ взять перевѣса, не сумѣлъ забрать въ сильныя руки бразды правленія. Трудно добратъся, какая форма правленія была при Ягеллонахъ; не легко отгадать, гдѣ находился суверенитетъ (wszechwładztwo): у короля, въ представительствѣ страши или же въ отдѣльныхъ земляхъ. Каждый изъ этихъ факторовъ заявлялъ на него претензіи, но ни одинъ не могъ одержать рѣшительную побѣду. Одинъ мѣшалъ дѣлу (psuł rząd) другаго, вслѣдствіе чего внутреннее развитіе на-

¹⁾ Hoffman. *Obraz rządu i prawodawstwa dawnej Polski (Przegląd Poznanski. 1847, 48, 49).*

²⁾ *Historya reform politycznych w Polsce. Lipsk. 1867.*

³⁾ *Przyczyny podziału monarchii polskiej po Bolesławie Krzywoustym w wieku XII. Kraków. 1872.* Ср. статью проф. *Adolfa Pawińskiego* подъ заглавіемъ *Karol Bogomusz Hoffman* въ журналѣ *Tygodnik Ilustrowany* № 397.

рода остановилось. Привилегированное сословіе, вмѣсто того, чтобы подѣлиться властью съ королемъ или народомъ, монополизировало въ свою пользу всѣ существенные интересы; не создавъ внутри себя организаціи, не обезпечивъ за сеймами значенія и силы за дѣйствующимъ правомъ, оно посѣяло еще въ эпоху золотого вѣка просвѣщенія зерно анархіи¹⁾.

„Исторія политическихъ реформъ въ прежней Польшѣ“ Гофмана раздѣляется на три части. Въ первой идетъ рѣчь о реформахъ времени совершенной независимости Польши отъ середины XV вѣка до конца XVII, во второй—о реформахъ эпохи „чужеземнаго протектората“ съ начала XVIII в. до 1775 г., а въ третьей—о реформахъ времени „номинальнаго существованія Польши“ отъ 1775 до 1791 г. Изложеніе царствованія Станислава Понятовскаго начинается съ середины второй главы. Кончается все сочиненіе анализомъ конституціи 3-го мая, такъ какъ она была „ostatnim objawem politycznym życia narodowego“.

До сихъ поръ мы видѣли, что при всемъ разнообразіи въ пониманіи причинъ паденія Польши, причинъ этихъ искали въ однихъ политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ прежней Рѣчи Посполитой. Явленія культурныя польской исторіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ лишь отмѣчались попутно въ томъ случаѣ, если содѣйствовали общему упадку, въ какомъ находилась польская нація на канунѣ катастрофы. Напримѣръ, въ упомянутомъ „Браткомъ очеркѣ исторіи народа польскаго“, составленномъ по мысли Общества любителей наукъ, указывалось на то, что одною изъ причинъ апархіи была ошибочная система народнаго просвѣщенія (błędna publiczna instrukcja), породившая и духъ религіозной нетерпимости въ польскомъ народѣ²⁾. При той роли, какую въ исторіи Польши игралъ „диссидентскій вопросъ“, трудно было, чтобы польскіе историки не коснулись религіозныхъ отношеній въ Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о паденіи послѣдней. Въ специальномъ очеркѣ литературы по исторіи реформаціи въ Польшѣ³⁾ мы объяснили при-

¹⁾ *Smoleński. Szkoły historyczne*, 36. О соч. Гофмана *Obraz gządu i prawodawstwa dawnej Polski*: „obszerna ta praca jest po dziś dzień najlepszą u nas historią instytucyj politycznych w dawnej Polsce i słuszny Hoffmanowi daje tytuł do sławy“. *Zdanowicz-Sowiński*. IV, 529.

²⁾ *Smoleński. Szkoły historyczne*, 22.

³⁾ Вопросъ о религіозной реформаціи XVI в. *Ж. М. Нар. Пр.* 1885, ноябрь. Эта статья вышла в отдѣльномъ брошюркою.

чину того, почему поляки занялись сравнительно поздно исторіей своихъ диссидентовъ,—и отмѣтили то общее явленіе, что до самаго недавняго времени въ изученіе этого предмета вносились вѣроисповѣдныя тенденціи. Изъ этой литературы надлежитъ отмѣтить здѣсь сочиненія протестанта гр. Валеріана Красинскаго, выдающаго причину политическихъ бѣдствій Польши въ паденія въ ней реформаціи, и іезуитскаго воспитанника, гр. Маврікія Дзѣдушицкаго, который находилъ, что единственное спасеніе Польши заключалось, на оборотъ, именно въ проведеніи программы Сигизмунда III—уничтожить равновѣрство. Гр. Красинскій высказалъ свой взглядъ въ изданномъ по англійски „Историческомъ очеркѣ происхожденія, успѣховъ и упадка реформаціи въ Польшѣ и вліянія, которое евангелическое ученіе оказало на эту страну въ литературномъ, моральномъ и политическомъ отношеніяхъ“¹⁾. „Быть можетъ“, говоритъ въ предисловіи авторъ,—„ни одна страна въ свѣтѣ не даетъ столь блестящихъ доказательствъ, какъ Польша, относительно того, что государство получаетъ великія благодѣянія отъ введенія въ немъ вѣроученія, основаннаго на Св. Писаніи, и что, на оборотъ, подавленіе его влечетъ за собою великія бѣдствія для народа, ибо Польша во время успѣховъ реформаціи пользовалась благосостояніемъ и славой и въ обоихъ отношеніяхъ стала падать, когда библейское христіанство должно было склониться передъ римско-католической реакціей“. Этотъ взглядъ мы разобрали въ другомъ мѣстѣ подробно²⁾, а здѣсь лишь укажемъ на то, что въ немъ есть вѣрнаго: это именно—печальная культурная слѣдствія, которыя вытекли для Польши изъ католической реакціи, предводимой іезуитизмомъ. Хотя точка зрѣнія гр. Красинскаго под-сказана ему его вѣроисповѣднымъ субъективизмомъ, но въ общемъ онъ болѣе правъ, нежели панегиристъ іезуитовъ гр. Дзѣдушицай. Послѣдній на реформацію сваливаетъ всѣ бѣды Рѣчи Посполитой. „Съ тѣхъ поръ“, говоритъ онъ въ своей книгѣ о „Петрѣ Скаргѣ и его вѣкѣ“,—„съ тѣхъ поръ началось разъединеніе; разладъ (niezgoda) сдѣлался однимъ изъ признаковъ польскаго характера, разладъ, въ которомъ всегда справедливо обвиняютъ нашъ народъ. Odtąd zaczęła

¹⁾ Historical sketch of the rise, progress and decline of the Reformation in Poland and of the influence which the scriptural doctrines have exercised on that country in literary, moral and political respects. London. 1838—1840. Есть въ нѣмецкомъ переводѣ *Lindau* (Leipzig. 1841).

²⁾ Вопросъ о религиозной реформаціи, 22.

Polska stać bezzładem" ¹⁾). Между прочимъ онъ приписываетъ реформаціи, какъ слѣдствие, „рѣшительное раздвоеніе между паномъ и подданнымъ" ²⁾), хотя это раздвоеніе было уже совершившимся фактомъ до начала реформаціи, и если послѣдняя не удержалась въ Польшѣ, то отчасти именно благодаря ему и исключительно шляхетскому характеру польскаго протестантизма ³⁾). Если гр. Красинскій правъ, обвиняя въ разложеніи Польши политику іезуитовъ, то гр. Двѣдушицкій забываетъ, что религіозный раздоръ, игравшій роль въ паденіи Рѣчи Посполитой, не былъ слѣдствіемъ одной реформаціи, и что именно церковная унія 1596 г., введенная іезуитами, содѣйствовала подъему враждебнаго полякамъ чувства въ русскихъ подданныхъ Рѣчи Посполитой.

Разсмотрѣвъ взгляды польскихъ историковъ двухъ старыхъ школъ (Нарушевича и Лелевеля) на причины паденія Польши, мы могли бы перейти прямо къ успѣхамъ польской исторіографіи за послѣднее время и къ характеристикѣ основныхъ воззрѣній современной исторіографической школы (краковской) относительно причинъ гибели Рѣчи Посполитой, еслибы не имѣли еще передъ собою особнякомъ стоящей книги Антона Валевскаго подъ заглавіемъ „Философія польской исторіи и методъ ея изслѣдованія" ⁴⁾), изданной въ Краковѣ въ 1875 г. и очень нелюбезно въ свое время принятой критикомъ ⁵⁾). Авторъ проводитъ ту мысль, что основная черта польскаго характера — лояльность, и что главная причина паденія Польши въ утратѣ націей этой своей основной черты. Здѣсь было бы совсѣмъ пеумѣстно разбирать всю исторіософію и философію исторіи автора, то-есть, его общія философскія разсужденія относительно сущности исторіи и его разсужденія о всемірной исторіи, составляющія обширное (75 стр.) вступленіе, равно какъ общіе его взгляды относительно хода польской

¹⁾ *Rychciński* (псевдонимъ *hr. Dziadoszycki*). *Piotr Skarga i jego wiek*. Kraków. 1850. I, 138. II, 26. Второе изд. вышло въ 1868—1869 гг.

²⁾ *Ibid.*, I, 141.

³⁾ *Lukasiewicz*, авторъ нѣсколькихъ монографій о польскомъ протестантизмѣ, видитъ въ реформаціи одну изъ причинъ паденія Польши, ибо она раздѣлила народъ на два враждебные лагеря и отдала его пронырливому ордену іезуитовъ.

⁴⁾ *Antoni Walowski*. *Filozofija dziejów polskich i metoda ich badania*. Kraków. 1875.

⁵⁾ *Schmitt*. *Rozbiór krytyczny pomysłów historyzoficznych i odkryć dziejowych pana...Lwów*. 1875. *Zdanowicz—Sowiński*. IV, 571. *Smoleński*. *Szkoły historyczne*. 38—41.

исторіи¹⁾, а потому ограничимся уже сдѣланнымъ указаніемъ на основную идею этой и въ другихъ отношеніяхъ курьезной книги²⁾.

Послѣдняя четверть вѣка представляетъ изъ себя время весьма быстрого и плодотворнаго движенія впередъ въ польской національной историографіи, что было нами уже отмѣчено раньше³⁾. Издавая въ 1879 г. свой „Очеркъ исторіи Польши“, краковскій профессоръ Михаилъ Бобржинскій замѣтилъ въ предисловіи, что современная детальная и монографическая разработка польскими историками прошлаго Рѣчи Посполитой бросаетъ на исторію послѣдней, взятую въ цѣломъ, совершенно новый свѣтъ, и взгляды, къ которымъ приходитъ національная историографія, отличаются какъ небо отъ земли, отъ всего того, чему училось поколѣніе автора изъ школьныхъ руководствъ⁴⁾. „Работа надъ исторіей прежней Польши“, говоритъ и Іосифъ Шуйскій въ своемъ компендіумѣ польской исторіи, — „находится въ стадіи полного развитія; съ каждымъ годомъ умножается запасъ матеріала, съ каждымъ годомъ растетъ число монографій, въ которыхъ обрабатываются отдѣльные эпизоды на основаніи большаго количества источниковъ и лучшаго метода изслѣдованія, и“, прибавляетъ Шуйскій, — „въ виду этихъ успѣховъ въ области специальныхъ и частныхъ работъ, весьма быстро старѣютъ общія изложенія польской исторіи, и взгляды, которые добываются ученымъ міромъ, постоянно разрушаютъ распространенныя въ публикѣ представленія

¹⁾ Содержаніе сочиненія: Часть I. Кн. I. Отчего Польша выступила на историческое поприще въ X в.? Кн. II. Какъ возникла монархія въ Польшѣ? Кн. III. Возникло ли Польское государство путемъ завоеванія или развитія? Кн. IV. Политическое и общественное воспитаніе польскаго народа въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ и причины анархій. Кн. V. Польскія событія послѣ разборовъ.—Часть II. Кн. I. Церковное воспитаніе Польши. Кн. II. Отношеніе польской исторіи къ человечеству, Западу и Востоку. Прибавленіе о примѣненіи историческихъ теорій къ практическому положенію.

²⁾ Отмѣтимъ здѣсь кетати еще болѣе публицистическую, чѣмъ историческую книжку варшавскаго каноника *Домальскаго*, вышедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ за границей подъ заглавіемъ „Prawda, a nie fałszem“. Здѣсь доказывается, что Екатерина II не только не была виновницей паденія Польши, но даже хотѣла спасти ее отъ паденія.

³⁾ Вопросъ о релягіозной реформаціи, 5—6 и 52. Новѣйшая польская историографія, 535—536, 540 и др. Ср. при этомъ IV главу историографической работы *Смоленскаго*, стр. 42 и слѣд.

⁴⁾ *M. Bobrzyński*. Dzieje Polski w zarysie. Kraków. 1880. I. Przedmowa do pierwszego wydania.

о прошломъ Польши“¹⁾). Мы нарочно привели слова этихъ двухъ новѣйшихъ историковъ, такъ какъ оба они сдѣлали попытку воспользоваться результатами указанной работы для общаго построения польской исторіи, а ихъ взгляды принадлежать третьей (послѣ Нарушевича и Лелевеля) исторической школѣ, которая слыветъ подъ названіемъ краковской²⁾). Не касаясь вопросовъ о матеріалѣ, какимъ располагали, съ одной стороны, Нарушевичъ съ послѣдователями, а съ другой—корифей краковской школы, и о методѣ, который, конечно, въ обѣихъ школахъ далеко не одинъ и тотъ же, обращая все вниманіе на политическую мысль, лежащую въ основѣ взглядовъ на прошлое Польши у этихъ историковъ, мы придемъ къ тому общему выводу, что краковская школа продолжаетъ традиціи школы нарушевичевой, какъ послѣдняя повторяла аргументы монархическихъ публицистовъ XVIII вѣка. Въ эпоху господства лелевелевскихъ взглядовъ эта традиція нашла пріютъ въ партіи эмигрантовъ, образовавшейся около Адама Чарторыскаго и имѣвшей свои органы и въ періодическихъ изданіяхъ (*Kronika emigracyi polskiej*, 1834—1839. *Trzeci Maj*, 1839—1848), и въ парижскомъ Историко-литературномъ обществѣ (*Towarzystwo historyczne-literackie*). Отсюда традиція эта перешла къ историкамъ, группирующимся около Краковской академіи наукъ (*Akademia umiejętności*), возникшей въ 1872 г. изъ болѣе ранняго Научнаго общества. Установленію сходства между обѣими школами г. Смоленскій въ своей брошюрѣ объ историческихъ школахъ въ Польшѣ посвящаетъ цѣлую главу³⁾, утверждая даже, что краковскіе ученые въ историко-философскомъ отношеніи ничего новаго не дали сравнительно съ Нарушевичемъ⁴⁾). Не отрицаетъ родства своихъ взглядовъ съ воззрѣніями первой исторической школы въ Польшѣ и Шуйскій, сначала раздѣлявшій теорію Врублевскаго. Въ пре-

¹⁾ *J. Szujski. Historji polskiej treściwie opowiedzianej ksiąg dwanaście. Warszawa, 1880. Wstępne słowo.*

²⁾ Основателемъ краковской школы былъ Калинка, о которомъ нѣме въ VII-й главѣ. Въ этой главѣ будетъ сказано нѣсколько больше объ идеяхъ этой школы.

³⁾ Подъ заглавіемъ *Stosunek szkoły historycznej krakowskiej do Naruszewiczowskiej i stanowisko jej w dziejopisarstwie*, стр. 76 и слѣд.

⁴⁾ Z powierzchownej krytyki, jaką Bobrzyński dotknął dziejopisów XVIII i pierwszej ćwierci XIX wieku wypadłoby sądzić, że pomiędzy szkołą Naruszewiczowską a krakowską pokrewieństwa nie ma żadnego; rzetelniejsze zbadanie rzeczy prowadzi do wniosku, że historyzoficzne poglądy uczonych podwawelskich są echem głoŝów dawno przebrzmiałych. *Ibid.*, 79. Nic w zasadzie pod względem historyzoficznym uczeni krakowscy nie wymyślili nowego, стр. 80.

дисловіи къ своимъ „Двѣнадцать книгамъ польской исторіи“ онъ говоритъ объ этомъ прямо, прибавляя, что Нарушевичу и его послѣдователямъ нужно отдать справедливость въ томъ, что зрѣлище паденія Рѣчи Посполитой оказало благотворное вліяніе на ихъ способъ пониманія исторіи, на ихъ сужденіе о ней, которое было сужденіемъ и наиболѣе серьезной и зрѣлой части народа: „они“, поясняетъ Шуйскій,— „видѣли слишкомъ близко недостатки Рѣчи Посполитой, чтобъ ихъ не знать, были слишкомъ хорошо знакомы съ дѣйствительностью, чтобы могли ошибиться въ указаніи политическихъ ошибокъ, какія встрѣчали въ исторіи“¹⁾. На оборотъ, проф. Вобржинскій старается представить обѣ школы, какъ діаметрально-противоположныя, но въ данномъ случаѣ онъ либо обращаетъ вниманіе на научные приемы старой школы, либо преувеличиваетъ значеніе такихъ ея сторонъ, которыя должны были бы имѣть второстепенное значеніе²⁾. Во всякомъ случаѣ основаніе краковской исторической школы было возвращеніемъ отъ лелевелевскихъ взглядовъ къ тѣмъ, которые въ XVIII вѣкѣ высказывались монархическими публицистами, и это возвращеніе вочью совершилось въ переходѣ Шуйскаго отъ доктрины Врублевскаго къ идеямъ такъ называемыхъ „станьчиковъ“³⁾.

Въ этотъ же періодъ появились и главныя историческія труды по эпохѣ паденія Польши. Игдѣ, по отзыву проф. Вобржинскаго, переменна въ приемахъ изслѣдованія и въ выводахъ науки, происшедшая въ польской исторической литературѣ послѣ Лелевеля, не бросается въ глаза съ такою силою, какъ именно въ новѣйшихъ сочи-

¹⁾ W traktowaniu dziejów od Naruszewicza czasów wchodzimy dzisiaj w epokę różną od tej, która czas od r. 1825 do 1861 wypełniała; różną też, ale poniekąd bardziej pokrewną tej, którą reprezentował Naruszewicz i jego epigonowie. Cokolwiekby pozostawiał do życzenia biskup łucki i jego następcy, oddać im trzeba słuszną, że sam fakt zapamiętania lub czynnego przebycia ostatnich zaradków upadającego państwa wpłynął korzystnie na ich sposób pojmowania dziejów, na sąd, który o nich wydawali, a który był zarazem ugruntowanym sądem poważniejszej i dojrzałszej części narodu. Wadom rzeczy polspolitej zbyt byli blizkietmi, aby ich nie znali; doświadczenia zbyt naoczniemi, aby się mylić mogli w wskazywaniu obłędów politycznych, jakie spotykali w dziejach, стр. II.

²⁾ См. въ первомъ томѣ исторіи *Вобржинскаго* отдѣлъ подъ заглавіемъ: O paŃwie historyi polskiej i jej umiejetnem badaniu, стр. 40—63. Довольно строго критикуетъ за это Вобржинскаго г. Смоленскій, приписывая его характеристику школы Нарушевича „игноранцизмъ“, незнакомству съ литературой XVIII вѣка. *Szkoły historyczne*, 79 и 80.

³⁾ Политическая партія консервативнаго характера, о которой будетъ рѣчь идти въ главѣ VII по поводу трудовъ кс. Калинина.

веніяхъ, посвященныхъ послѣднимъ днѣмъ Рѣчи Посполитой ¹⁾. Можно сказать, что работы Крашевскаго (*Polska w czasie trzech rozbiorów. 1874—1875*), Калинки (*Ostatnie lata panowania Stanisława Augusta. 1868. Sejm czteroletni. 1880—1886*) и Корвона (*Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta, 1881—1886*), не считая другихъ болѣе мелкихъ работъ ²⁾, совершенно упразднили все сдѣланное по этому предмету самимъ Лелевелемъ и его послѣдователями. Въ своемъ мнѣніи мы увидимъ, однако, что и въ послѣдней стадіи польской исторіографіи нѣтъ единообразнаго взгляда на эпоху паденія Польши: именно авторы двухъ главныхъ трудовъ, посвященныхъ этому времени, кс. Калинка и г. Корвонъ стоятъ на двухъ различныхъ точкахъ зрѣнія, такъ что можно говорить о противоположности между ними, если и не столь значительной, какъ между Нарушевичемъ и Лелевелемъ, то во всякомъ случаѣ напоминающей ее. Большіе труды, рассматривающіе паденіе Польши, будутъ подвергнуты нами разбору въ концѣ этой работы, а здѣсь мы остановимся на взглядахъ общихъ историковъ и главнымъ образомъ на взглядахъ Бобржинскаго, какъ наиболѣе радикальнаго въ своей оппозиціи противъ лелевелевской школы. Нѣкоторые критики ставили ему даже въ вину, и не всегда безъ основанія, что онъ слишкомъ преклоняется иногда предъ византійскимъ деспотизмомъ и абсолютизмомъ нѣмецкаго полицейскаго государства.

„*Dzieje Polski w zagysie*“ Бобржинскаго вышелъ въ свѣтъ въ 1879 году въ одномъ томѣ, а вторымъ изданіемъ—въ 1881 году въ двухъ томахъ. Появленіе книги произвело сильную сенсацію и въ обществѣ, и въ прессѣ, что только способствовало оживленію полемики, которая возникла вслѣдствіе замѣчаній на книгу, сдѣланныхъ компетентными

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 296.

²⁾ *R. Płat*. Literatura polityczna sejmu czteroletniego. (*Przegląd polski* 1872). *L. Wegner*. Dzieje dnia 3 i 5 maja 1791 r. Poznań. 1865. Konfederacya województw wielkopolskich 1792 r. Poznań. 1863. Sejm grodzieński ostatni. Poznań. 1866. Hugo Kołłątaj na posiedzeniu rady królewskiej z dnia 23 lipca 1792 r. Poznań. 1869. Ostatnie dni powstania Kościuszkowskiego. Poznań. 1871. *Br. Zaleski*. Korespondencya krajowa Stanisława Augusta. Poznań. 1872. *E. Tysskiewicz*. Króla Stan. Aug. ostatni pobyt w Grodnie. Poznań. 1878. *Dr. Antoni Rolle*. Czartoryscy i Repnin (*Przewodnik naukowy*. 1877). *Z. Gloger*. Antoni Tyzenhaus podskarbi nadworny litewski 1733—1785. (Кварталник *Nisoto*. 1887). *M. Chyliński*. Hugo Kołłątaj w obec Targowicy. Lwów. 1875. *K. Chłędowski*. Tractat handlowy między Austryą a Polską z r. 1775 (*Przewodnik naukowy*. 1880). Zajęcie Galieyi (*Ateneum* 1880), *J. J. Kraszewski*. Polska w połowie XVIII w. (*Ateneum* 1877). *Smoleński*. Kuźnica Kołłątajowska. Kraków. 1885 и ин. др.

критиками ¹⁾). Въ общемъ можно сказать, что газетная критика напала на Бобржинскаго вслѣдствіе мотивовъ болѣе публицистическаго, чѣмъ научнаго свойства, и въ этомъ отношеніи такіе историки, какъ Шуйскій, Смолка и Калинка, явились скорѣе защитниками основныхъ идей книги. „Извѣстно“, писалъ Смолка въ статьѣ „О задачѣ, понятіи и положеніи исторіи“ (Атепеиш, 1879),— „что въ теченіе десяти,слишкомъ лѣтъ совершился въ нашей исторіографіи важный переворотъ, результаты котораго болѣею частью еще не проникли въ читающую публику. Нѣтъ ничего удивительнаго, что подъ вліяніемъ болѣе оживленнаго движенія въ области нашего бытописанія выработались среди историковъ взгляды, съ которыми соглашаются почти всѣ, принадлежащіе къ этому цеху, хотя большая публика не имѣла еще случая съ ними познакомиться. Книга Бобржинскаго прежде всего имѣетъ ту заслугу, что стремится стать выраженіемъ этихъ взглядовъ, хорошимъ ихъ проводникомъ въ болѣе широкую среду читающей публики“. Но, продолжаетъ Смолка,— „на этомъ не кончается заслуга и достоинство этой книги. Никто не станетъ спорить, что, кромѣ указаннаго элемента, трудъ Бобржинскаго заключаетъ много сужденій и взглядовъ, которые принадлежатъ исключительно самому автору и, по скольку удержатся, будутъ личной его заслугой. Съ общимъ основнымъ взглядомъ, проведеннымъ во всемъ сочиненіи, со всѣмъ тѣмъ, что представляетъ изъ себя выраженіе единогласнаго приговора современной исторической школы, эти взгляды имѣютъ такое несомнѣнное сходство, что имъ нельзя отказать въ общемъ источникѣ, который есть, бесспорно, нынѣшнее положеніе исторіографической работы“ ²⁾).

Мы не станемъ здѣсь входить въ разборъ всѣхъ сторонъ труда Бобржинскаго, а остановимся исключительно на его пониманіи причинъ паденія Польши. Эти причины онъ ищетъ въ условіяхъ, породившихъ въ Рѣчи Посполитой политическое безарядье, которое и погубило Польшу. „Не границы и не сосѣди“, говоритъ онъ,— „только наша внутренній разладъ довелъ насъ до потери государственнаго существованія“ ³⁾). Свою основную мысль онъ развиваетъ слѣдую-

¹⁾ Большая часть статьи нашей „Новѣйшая польская исторіографія“ посвящена разбору книги Бобржинскаго. О вызванной ею полемикѣ см. стр. 546—551. Съ точки зрѣнія дедовскихъ идей книгу разбираетъ *Schmitt. Roźbiór (ziefie p. t. Dzieje Polaki w zagusie przez M. Bobrzyńskiego. Kraków. 1882.*

²⁾ *Stanisław Smółka. Szkice historyczne. Warszawa. 1882. Serja pierwsza. „Słowo o historyi“, стр. 283—284.*

³⁾ *Bobrzyński II, 336.*

щимъ образомъ: „Какія бы мы ни находили теперь причины нашего паденія, будетъ ли это притѣсненіе народа шляхтой, или приниженное положеніе городовъ, или моральный упадокъ и умственный регрессъ въ интеллигенціи, все это будутъ только второстепенныя явленія, которыя въ другихъ мѣстахъ выступали еще въ худшемъ видѣ, но ни одного народа не доводили до утраты политическаго бытія. Вездѣ именно въ другихъ мѣстахъ“, сейчасъ же поясняетъ Бобржинскій, — „существовало правительство, которое, усмотрѣвъ зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У однихъ только насъ недоставало этого оздоравливающаго фактора, недоставало правительства, которое въ рѣшительную минуту совокупило бы около себя, хотя и разрозненныя, общественныя силы и придадо бы имъ единое направленіе. Если поэтому, проживъ побѣдоносно столько вѣковъ, въ концѣ XVIII столѣтія мы не могли противостоятъ опасности, то единственная причина этого заключалась въ нашемъ внутреннемъ безарядьѣ. Тѣ, которые насъ дѣлили, не разъ находились между собою въ грозномъ раздорѣ; не одинъ изъ нихъ намъ помочь бы, слабы только и мы могли, и хотѣли съ своей стороны оказать ему хотя бы самую незначительную помощь противъ его соперниковъ“¹⁾. Весь второй томъ (по 2-му изданію) своего труда Бобржинскій посвящаетъ, главнымъ образомъ, только выясненію причинъ, почему въ Польшѣ не возникло сильной центральной власти, находя вообще, что кто пишетъ исторію Польши съ XVI в., тотъ долженъ выдвинуть на первый планъ съ ту сторону національной жизни, „тѣмъ болѣе“, прибавляетъ онъ, — „что около этого важнаго вопроса (то-есть, организациі правительственной власти) вращались тогда всѣ усилія націи“²⁾. Новую исторію Польши Бобржинскій начинаетъ съ конца XV в., и какъ разъ въ тѣхъ явленіяхъ, въ которыхъ Лелевель видѣлъ возвращеніе страны къ ея исконному идеалу, усматриваетъ причины, погубившія Польшу. „Знакомась со взглядомъ Лелевеля“, говоритъ онъ, — „мы теперь удивляемся, какъ можно было впасть въ такіа заблужденія и ошибки. Слыша постоянно, какъ прославляется свобода, мы удивляемся, какъ можно было проглядѣть другое условіе здороваго развитія каждаго народа, именно силу и упругость его правительственной власти“³⁾. Съ этой точки зрѣнія новый польскій историкъ смотритъ даже на самое отдаленное прошлое Польши, какъ бы

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 335.

²⁾ *Ibid.*, II, 342.

³⁾ *Ibid.*, I 50.

сожалѣя, что оно не заключало въ себѣ условій для развитія не только правительственной власти вообще, но даже абсолютизма. Первоначальнымъ славянамъ онъ ставитъ въ упрекъ, что у нихъ не было „rozszapowania prawa i despotycznej władzy“¹⁾, и какъ бы завидуетъ Руси и Болгаріи въ томъ отношеніи, что они рано испытали на себѣ вліяніе автократической Византіи²⁾. Въ дальнѣйшей исторіи Польши онъ съ удовольствіемъ отмѣчаетъ тѣ факты, которые свидѣтельствовали объ усиленіи власти. Говоря о возникновеніи въ Польшѣ „парламентаризма“, онъ спрашиваетъ: „не былъ ли онъ преждевременнымъ въ ту эпоху, когда всѣмъ средневѣковымъ народамъ нужна была суровая школа абсолютнаго правленія“,—я отвѣтъ даетъ въ смыслѣ преждевременности³⁾. Очень часто Бобржинскій всю бѣду видитъ въ томъ, что Польша въ своемъ развитіи не шла дорогой другихъ континентальныхъ государствъ⁴⁾, и что въ ней не было монарховъ въ родѣ Франциска I, Генриха IV, Людовика XIV, Карла V, Филиппа II или Ивана Грознаго⁵⁾. Не нужно, однако, думать, что авторъ „Dziejów Polski w zagysie“ совсѣмъ не видѣлъ для Польши иного пути образованія правительственной власти, помимо установленія западно-европейскаго абсолютизма. Онъ очень сочувственно относится къ той программѣ „направлѣн Рѣчи Посполитой“, которую на сеймахъ середины XVI в. проводили протестантскіе послы, къ программѣ, какъ онъ выражается, „парламентарной монархіи“, и въ паденіи этой программы видитъ большое несчастье для Польши. Дѣло шло о томъ, чтобы утвердить преобладаніе общаго сейма надъ мѣстными сеймиками, добиться для пословъ совершенныхъ полномочій отъ избирателей, установить рѣшеніе дѣлъ на сеймѣ большинствомъ голосовъ, а не единогласіемъ, и лишить сенатъ самостоятельности, чтобы король могъ идти и за мнѣніемъ меньшинства сенаторовъ. „Это“, говоритъ Бобржинскій,—„была несомнѣнно самая широкая политическая программа, какая только была въ польскомъ народѣ на протяженіи десяти вѣковъ его существованія“⁶⁾. Говора о цар-

¹⁾ *Bobryński*, I, 68.

²⁾ *Ibid.*, I, 69—71.

³⁾ *Ibid.*, II, 21.

⁴⁾ *Ibid.*, 337 и др. мѣста.

⁵⁾ *Ibid.*, II, 340.

⁶⁾ *Ibid.* II, 71. См. вообще въ этомъ томѣ § подъ заглавіемъ „Programъ програму Reszyporolltej“, 68 sq. Ср. также нашъ Очеркъ исторіи реформадіоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. См. гл. III.

ствованіи Сигизмунда III, авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Думать объ абсолютнѣмъ у народа, который уже сто лѣтъ привыкъ къ политической свободѣ, было вещью трудной, но за тѣмъ болѣе слѣдовало думать объ учрежденіи, которое примирило бы свободу съ порядкомъ, о парламентарномъ министерствѣ, которое, будучи выбраннымъ изъ сеймоваго большинства, могло бы управлять и приказывать отъ имени короля, но въ духѣ націи“¹⁾). Другими словами, Бобржинскій вполнѣ раздѣляетъ взглядъ на сеймъ, какой въ прошломъ вѣкѣ былъ высказанъ Руссо и повторенъ Вельгорскимъ: сеймъ былъ безсиленъ, и въ этомъ безсиліи сейма заключалась и для новѣйшаго историка причина безнарядья.

По нашему мнѣнію, Бобржинскій весьма основательно разобралъ причины того, что паденіе королевской власти въ Польшѣ не сопровождалось переходомъ этой власти къ сейму, вслѣдствіе чего элементъ власти не нашелъ себѣ помѣщенія въ польскомъ обществѣ, исчезъ изъ него, такъ сказать, чтобы ввергнуть это общество въ анархію²⁾). Но очень странно, что, резюмируя въ концѣ книги³⁾ свой взглядъ на причину того, что Польша не создала себѣ сильнаго правительства, авторъ молчитъ обо всемъ этомъ и указываетъ на другія условія, которые сами по себѣ не могли произвести указаннаго результата. „Одно изъ нихъ“, именно говоритъ онъ, — „есть наша молодость, ибо мы на пять вѣковъ позднее, нежели Западъ, выступили на поприще ея цивилизаціи; другое—обширность преимущественно земледѣльческой страны въ отношеніи къ народонаселенію; а сверхъ этого, то, что наши лучшія силы бросались на востокъ, на Русь и Литву, вслѣдствіе чего силы, оставшіяся въ краѣ, уменьшенныя и ослабленныя, не могли выполнить задачи—создать правительство въ духѣ новаго времени“⁴⁾). Но такія же условія—и молодость, и слабая населенность обширной земледѣльческой страны, и эмиграція за ея первоначальные предѣлы—существовали и для русской исторіи, а между тѣмъ Московское государство пошло по совершенно иной политической дорогѣ, чѣмъ Польское.

Бобржинскій въ непривлекательномъ видѣ рисуетъ и развитіе шляхетско-хлопскихъ отношеній и, конечно, не оппонируетъ Леле-

¹⁾ *Bobrzyński*. II, 169.

²⁾ *Ibid.* II, 333 вк.

³⁾ Краткое изложеніе этого см. въ нашей статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 560—564.

⁴⁾ *Bobrzyński*. I, 19.

велю, когда тотъ усматриваетъ въ неволѣ деревенскаго люда одну изъ причинъ паденія Польши; но и здѣсь онъ указываетъ на то, что неволя эта существовала и въ другихъ мѣстахъ, но что въ другихъ мѣстахъ существовало и правительство, которое такъ или иначе боролось со зломъ, хотя бы не давая превратиться крѣпостному праву въ полное рабовладѣльчество и все-таки ограничивая произволъ господъ по отношенію къ ихъ подданнымъ ¹⁾). Вліяніе косныхъ началъ католицизма и развращающей педагогики и политики іезуитовъ также нашло прекрасное освѣщеніе въ книгѣ Бобржинскаго: онъ совершенно свободно отнесся къ католической реакціи въ Польшѣ и выставилъ на видъ все зло, какое принесли обществу и государству іезуиты ²⁾). Шуйскій въ своихъ „Замѣчаніяхъ на исторію Польши Бобржинскаго“ ³⁾, соглашаясь въ общемъ съ его объясненіемъ причинъ паденія Польши, находитъ, такъ сказать, неловкимъ, что авторъ книги не сумѣлъ лишить печальную картину національнаго упадка „черезъ-чуръ рѣзущихъ глаза, яркихъ красокъ“, и отвѣчая на это, какъ и вообще на упреки въ пессимизмѣ, Бобржинскій во второмъ изданіи своей книги говоритъ: „упрекъ въ пессимизмѣ можно было бы сдѣлать только моему очерку двухъ послѣднихъ вѣковъ. Я ихъ представилъ, не спорю, ярко“ ⁴⁾: Съ нѣкоторыми оговорками можно сказать, что, постоянно признавая русскую силу въ Литвѣ и справедливо порицая польскую политику по отношенію къ русскому населенію Рѣчи Посполитой, онъ довольно вѣрно въ общемъ изображаетъ необходимость борьбы Польши съ Россіей за русскія земли и, пожалуй, неизбежность невыгоднаго для поляковъ результата этой борьбы ⁵⁾.

Извѣстно, что вслѣдствіе своего безнарядья Рѣчь Посполитая съ самаго почти начала XVIII вѣка попала подъ опеку Россіи. Это время (1717—1773 гг.) разсматривается у Бобржинскаго въ главѣ, которая названа „Преобладаніе Россіи“ ⁶⁾, а за нею слѣдуетъ и послѣдняя съ характернымъ названіемъ „Возрожденіе въ упадкѣ“ ⁷⁾:

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 335.

²⁾ *Ibid.*, II, 131 sq.

³⁾ *J. Świąski*. Kilka uwag o Dziejach Polski Michała Bobrzyńskiego. Warszawa. 1872. Было прежде помѣщено въ журналѣ *Niwa*.

⁴⁾ *Bobrzyński*, I, 23.

⁵⁾ Эта сторона историческихъ воззрѣній была мною разобрана въ „Новойшней польской историографіи“, стр. 574—583.

⁶⁾ *Bobrzyński*, II, 262 sq.

⁷⁾ *Ibid.*, II, 296 sq. *Odrodzenie w upadku*.

здѣсь въ сущности онъ и разказываетъ исторію паденія Польши. На первый планъ въ этихъ главахъ выдвигается иностранная политика. „Пока“, говоритъ Бобржинскій, — „Россія думала, что она одна будетъ въ состояніи включить въ свой составъ всю Польшу, до тѣхъ поръ, полагаясь на существующее уже свое преобладаніе, ожидала только удобнаго момента, чтобы не оглядываться на Пруссію и Австрію и не допустить ихъ до участія въ раздѣлѣ. Пруссія и Австрія стояли однако на стражѣ своихъ интересовъ, готовыя помѣшать занятію всей Польши Россіей и сильному вслѣдствіе этого увеличенію послѣдней. Такъ до поры, до времени оправдывался на самомъ дѣлѣ девизъ тогдашней польской шляхты, что Польша держится своимъ безнарядьемъ“ ¹⁾. Изъ двухъ единственно возможныхъ для тогдашней Рѣчи Посполитой перспективъ: раздѣла между сосѣдями и подчиненія Россіи — историкъ отдаетъ предпочтеніе второй и съ этой точки зрѣнія разсматриваетъ всю эпоху раздѣловъ, между прочимъ очень сочувственно относясь къ установленному въ Польшѣ Екатериною послѣ перваго разбора „постоянному совѣту“ (*gada nieustająca*), какъ къ „исполнительной власти, къ правительству, въ которомъ такъ давно нуждалась Польша“, какъ къ „постепенному переходу отъ безнарядья къ сильному правительству“ ²⁾. Въ сохраненіи этого учрежденія онъ видитъ единственное средство, которое оставалось у Польши для проведенія необходимой внутренней реформы. Съ этой точки зрѣнія онъ высказывается противъ конституціи 3-го мая, введенной вопреки желаніямъ Россіи, хотя именно творцы этой конституціи полагали причину упадка Рѣчи Посполитой тамъ, гдѣ ее указываетъ и современная историографическая школа. Впрочемъ, это все относится уже къ подробностямъ факта паденія Польши, и оцѣнка воззрѣній новыхъ польскихъ историковъ на этотъ предметъ будетъ дана въ другомъ мѣстѣ ³⁾.

Къ „*Dziejeam Polski w zagrysie*“ можно вполне приложить слова Шуйскаго въ концѣ „Двѣнадцати книгъ польской исторіи“. „За эпохой“, говоритъ этотъ историкъ, — „въ которую апологія была главнымъ знаменемъ польской историографіи, наступаетъ другая, когда среди серьезныхъ работъ, среди все болѣе растущаго историческаго мате-

¹⁾ *Bobrzyński*, II, 266.

²⁾ *Ibid.*, II, 299 sq.

³⁾ Ср. разборъ этой части труда Бобржинскаго въ статьѣ „Новѣйшая польская историографія“, стр. 583—587.

рѣла, рушатся прежнія апологетическія системы, а прошлое должно выступить въ свѣтъ сравнительнаго метода и общихъ законовъ, познаваемыхъ изъ историческаго опыта. Въ новомъ этомъ направленіи могутъ быть увлеченія и односторонность, появляющіяся время отъ времени; оно однако имѣетъ будущее и непоколебимое право на существованіе, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направленіе это положило конецъ несчастному и столь долговременному заблужденію—защитѣ и апофеозу анархичной Польши¹⁾. Авторъ, писавшій эти слова въ 1880 году, за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ самъ отдавалъ дань такому „заблужденію“, раздѣляя историческіе взгляды Врублевскаго. „Ежели“, писалъ онъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,—„ежели мы должны опереться на прошлое, то можемъ опереться только на шляхетское прошлое, ибо оно есть единственно и исключительно прошлое народа... Шляхта есть альфа и омега народа, ибо она одна обладаетъ секретомъ ассимиляціи нешляхетскихъ и даже чуждыхъ элементовъ и т. д.“²⁾. Съ этими взглядами и приступилъ Шуйскій къ работѣ надъ своею „Исторіей Польши“, вышедшею въ свѣтъ въ четырехъ томахъ въ 1861—1866 годахъ³⁾. Оптимистическому эпиграфу, поставленному на заголовкѣ: „Все Ты намъ далъ, Господи, что могъ дать“ (*Wszystko nam dałeś, co dać mogłeś, Panie!*),—волиѣ соответствуетъ въ этомъ сочиненіи идеализація Польши въ духѣ теоріи Врублевскаго и мистическихъ фантазій поэтовъ эмиграціи. Но, по вѣрному замѣчанію г. Смоленскаго, Шуйскій долго все-таки колеблется, чему приписать вину паденія Польши—безнравственности ли тогдашнихъ кабинетовъ, или исключительному положенію Польши среди народовъ Европы⁴⁾, положенію, въ которомъ онъ сначала усматриваетъ превосходство Польши. Уже отступленіемъ отъ лелевелевской традиціи были слова, въ которыхъ онъ склоняется къ рѣшенію вопроса во второмъ смыслѣ. „Каждый народъ и каждое человѣческое общество“, говоритъ онъ,—„зависятъ отъ извѣстныхъ условій порядка, справедливости внутри и мощи извнѣ, не удовлетворяя коимъ, они утрачиваютъ силу развитія, независимость и свободу (*niepodległość*). Не освобождаетъ ихъ отъ этихъ условій никакая высшая идея, хотя бы самая возвышенная (*najszczytniejsza*),

1) *Szujski. Historji polskiej ksiąg dwanaście*, 383.

2) *Portrety przez Nie-Van-Dyka. Lwów. 1861. Приведено у Смоленскаго, стр. 65—66.*

3) *Szujski. Dzieje Polski podług ostatnich badań. Lwów. 1861—1866.*

4) *Skoły historyczne*, 67.

ибо для этой идеи нужно найти подлежащую форму... Падеіе Рѣчи Посполитой совершила наша собственная вѣковая вина¹⁾. Въ ближайшемъ прошломъ Польши онъ видитъ исканіе этой формы то въ видѣ соединенія силъ посредствомъ диктатуры 'конфедерацій', то въ монархическихъ стремленіяхъ, проявившихся въ политическомъ завѣщаніи 3-го мая 1791 г. Такой взглядъ, заявленный въ послѣднемъ томѣ *Dziejów Polski*, уже проникъ въ книгу подъ влияніемъ нѣкотораго сближенія автора съ идеями парижскаго Историко-литературнаго общества. Образование въ Краковѣ въ концѣ шестидесятихъ годовъ партіи „станьчиковъ“, въ чемъ самъ Шуйскій игралъ видную роль, повліяло окончательно на перемену его воззрѣній, которая выразилась съ наибольшою полнотою въ „Двѣнадцати книгахъ польской исторіи“, изданныхъ имъ въ одномъ томѣ въ 1880 году. Въ этомъ сочиненіи „монархическая идея“ соединилась съ католическимъ доктринерствомъ, которое у Шуйскаго особенно ясно проявляется въ княжествѣ „Возрожденіе и реформація въ Польшѣ“²⁾, такъ что приближается къ восхваленію іезуитовъ. Здѣсь не мѣсто сопоставлять Бобржинскаго и Шуйскаго, почти одновременно издавшихъ по очерку польской исторіи съ точки зрѣнія краковской школы³⁾, и достаточно только указать на то, что и Шуйскій заявляетъ о своей оппозиціи къ лелевелевской школѣ. „Изъ одного изъ самыхъ младшихъ народовъ, выступившихъ на арену цивилизаціи европейскаго Запада“, говоритъ онъ,—мы стали въ собственныхъ глазахъ народомъ, опережающимъ весь Западъ развитіемъ у насъ конституціонныхъ и республиканскихъ формъ; изъ ошибокъ и заблужденій политической мысли мы свили себѣ идеальныя лапровыя вѣянія, очень вредныя; въ вольной элекціи, королей, въ конфедераціяхъ, даже въ „liberum veto“ мы усматривали положительныя явленія, которыми слѣдуетъ гордиться. Борьбу съ идеей правительства мы переносили въ тѣ времена, когда

¹⁾ *Szujski*. *Dzieje Polski*, IV, 723. Самъ Шуйскій въ предисловіи (wstępne słowo) въ Польской исторіи въ XII книгахъ говоритъ о себѣ (въ третьемъ лицѣ), что за przekonywającemi i bliższemi prawdą plastycznymi postaciami Szaiznochy poszło nastawienie całości dziejów J. Szujskiego jako reakcyja przeciwko doktrynie Lelawela i jego stronników, стр. IV.

²⁾ *Odrodzenie i reformacya w Polsce*. Kraków. 1881. Объ этомъ сочиненіи см. въ указанной выше статьѣ „Вопросъ о религіозной реформаціи XVI вѣка въ Рѣчи Посполитой“, стр. 34.

³⁾ См. въ „Новѣйшей польской исторіографіи“ стр. 544—545, 542—550 и друг.

это правительство находилось въ самыхъ трудныхъ условіяхъ и только одно оно представляло интересы государственной самостоятельности¹⁾). Онъ сходится съ Бобржинскимъ въ мнѣніяхъ и относительно преждевременности польскаго „парламентаризма“²⁾, то-есть, въ этомъ вопросѣ краковская школа пошла далѣе писателей XVIII в., бывшихъ ея предшественниками въ пониманіи польской исторіи, такъ какъ они стояли именно за „парламентарную монархію“. Въ общемъ и Шуйскій, и Бобржинскій полагаютъ, что гибель Польши происходила отъ того, что государство это развивалось не такъ, какъ другія страны, въ конхъ окрѣпъ абсолютизмъ, опирающійся на бюрократію, хотя Бобржинскій и отмѣчаетъ бывшую въ Польшѣ возможность образованія болѣе сильнаго правительства инымъ путемъ.

Въ духѣ монархической традиціи написана и большая исторія Польши Теодора Моравскаго³⁾, о которой очень хорошо отзываются Шуйскій⁴⁾ и др. критики.

Замѣтимъ въ заключеніе этой главы, что далеко не всѣ современные польскіе историки принадлежать къ краковской школѣ, хотя и отдають должное ея заслугамъ⁵⁾). Это, между прочимъ, мы увидимъ при разсмотрѣніи специальныхъ трудовъ по исторіи послѣднихъ лѣтъ Рѣчи Посполитой. Прежде однако мы разсмотримъ другія историческія литературы, на сколько онѣ заключаютъ въ себѣ что-либо по исторіи паденія Польши.

III.

Польскія дѣла въ западно-европейской публицистикѣ прошлаго вѣка.

Польскія дѣла въ эпоху раздѣловъ обратили на себя вниманіе и тогдашнихъ западно-европейскихъ писателей. Вопервыхъ, многіе изъ

¹⁾ *Szujski*. Н. р. ksiąg XII, стр. III.

²⁾ *Ibid.*, 194.

³⁾ *Teodor Morawski*. Dzieje narodu polskiego. Poznań. 1870—1871. Drezno. 1872.

⁴⁾ Слова Шуйскаго: w tymъ samymъ kierunku, o dawną monarchiczną szkołę oparte poszły w ostatnichъ latachъ *Dzieje Teodora Morawskiego*,—praca źródłowa i monograficzna tymъ czasem, szersze corazъ przybrała i przybiera rozmiary, starającъ się o osiągnięcie zagranicę w dwóchъ kierunkachъ—uporządkowanego i krytycznego nagromadzenia źródeł, obróbeniâ wybitniejszychъ lub sprzeczniejszychъ kwestyjъ dziejowych. *Historji polskiej* ksiąg XII, стр. IV.

⁵⁾ Ср. всю брошюру г. *Омюленскаго* объ историческомъ школахъ въ Польшѣ Въ числѣ критиковъ Бобржинскаго былъ и Генрихъ Шниттъ.

нихъ имѣли случаи высказывать свое мнѣніе объ этихъ дѣлахъ мимоходомъ, не посвящая имъ отдѣльныхъ сочиненій, и конечно, собрать все, что говорилось такимъ образомъ о Польшѣ въ XVIII вѣкѣ различными писателями, было бы очень трудно. Вторыхъ, о польскихъ дѣлахъ писали еще въ видѣ политическихъ совѣтовъ дѣлае трактаты, по приглашенію самихъ поляковъ, видные публицисты прошлаго столѣтія. Третьихъ, послѣ раздѣловъ Рѣчи Посполитой по собственному почину или по стороннему внушенію нѣкоторые писатели стали составлять историческія описанія событій, приведшихъ къ концу Польское государство.

Мы остановимся вкратцѣ на отношеніи ко всѣмъ этимъ дѣламъ нѣсколькихъ публицистовъ прошлаго столѣтія, которые были руководителями и выразителями тогдашняго общественнаго мнѣнія Европы. Извѣстный клерикальный писатель нашего столѣтія, Вѣльо, обвиняетъ философію XVIII вѣка въ томъ, что и она участвовала въ польскихъ раздѣлахъ ¹⁾. Вѣрно въ этомъ взглядѣ то, что общественное мнѣніе Европы, руководимое философами, было сначала, какъ извѣстно, за союзъ, образовавшійся между Россіей и Пруссіей въ пользу польскихъ диссидентовъ, комъ отказывали въ вѣротерпимости. Далѣе, можно еще сослаться въ частности на Вольтера, находившагося въ перепискѣ съ главными дѣятелями перваго раздѣла Рѣчи Посполитой ²⁾. На отношеніе его къ польскимъ дѣламъ уже указывали историки этого событія. „Вольтеръ“, говорятъ Ферранъ,—„въ своемъ посланіи къ барскимъ конфедератамъ, представляетъ польскія смуты, какъ религиозныя войны, и говорятъ, что сосѣди вступили въ Польшу по праву, которое имѣютъ входить въ домъ сосѣда, когда въ немъ пожаръ“ ³⁾. Извѣстно еще, что къ Фридриху II онъ писалъ: „Говорятъ, что раздѣлъ Польши—ваше дѣло, и я этому охотно вѣрю, потому что это—вещь гениальная“. То, что ду-

¹⁾ „La Russie, la Prusse, l'Autriche ne furent pas seules coupables du meurtre de la Pologne: une quatrième puissance y a contribué non moins cruellement et en quelque sorte odieusement que les autres: c'est la philosophie du XVIII siècle. Elle a pressenti le crime, elle l'a conseillé, elle y a participé“. *Veuillot. Mélanges*, III, 282. Цитировано у *Laurent. Études sur l'histoire de l'humanité*. XI, 350—351.

²⁾ За приведенными словами у *Veuillot* идетъ обвиненіе Вольтера: L'homme qui le représenta, qui parla en son nom, qui stipula pour et qui reçut sa part, ce fut Voltaire. Il eut un cadeau de Frédéric, un sourire de Catherine.

³⁾ *Histoire des trois démembrements de la Pologne*. P. 1820. III, 584.

налъ или, по крайней мѣрѣ, высказывалъ Вольтеръ, было обобщено и распространено вообще на всѣхъ философовъ XVIII вѣка. На самомъ дѣлѣ, нужно различать отдѣльныхъ писателей и разные эпохи въ исторіи западно-европейскаго общественнаго мнѣнія по отношенію къ польскимъ дѣламъ. Между тѣмъ, и очень еще недавно, одинъ солидный польскій историкъ, спеціально занимавшійся этою эпохой, приписалъ писателямъ XVIII вѣка одно общее и притомъ крайне неблагоприятное мнѣніе о польской націи. „Европа“, говоритъ указанный историкъ паденія Польши, г. Корзонъ,—„смотрѣла равнодушно, безъ всякаго протеста на раздѣлъ государства нѣкогда славнаго и цвѣтущаго, объявивъ весь народъ глупымъ, бездѣтельнымъ (piedofępnym) и подлымъ. Такъ-называемые тогдашніе философы нашли для нея только слова брани ¹⁾“. Въ сущности дѣло было не совсѣмъ такъ, и мы это увидимъ сейчасъ изъ краткаго обзора, который теперь сдѣлаемъ.

Кромѣ Вольтера, о польскихъ дѣлахъ высказалъ свое мнѣніе и Монтескье. Нѣсколько краткихъ замѣчаній о польскихъ порядкахъ при Саксонскихъ короляхъ можно найти именно въ его „Духѣ законовъ“. Напримѣръ, въ третьей главѣ второй книги, гдѣ авторъ говоритъ о законахъ, относящихся къ сущности аристократіи, дѣлается общее замѣчаніе о томъ, что чѣмъ болѣе аристократія приближается къ демократіи, тѣмъ она совершеннѣе, и что, на оборотъ, она дѣлается менѣе совершенною по мѣрѣ приближенія своего къ монархіи. „Самая же несовершенная изъ всѣхъ аристократій“, продолжаетъ Монтескье,—„есть та, гдѣ часть народа, которая повинуется, находится въ гражданскомъ рабствѣ у той, которая повелѣваетъ, какова аристократія въ Польшѣ, гдѣ крестьяне—рабы дворянства“. Въ знаменитой XI-й книгѣ „Esprit des lois“ пятая глава трактуетъ „о предметѣ разныхъ государствъ“: для Польши таковымъ Монтескье называетъ „независимость каждаго частнаго лица и, что отсюда проистекаетъ, притѣсненіе всѣхъ“. То-есть, вообще авторъ „Духа законовъ“ былъ, дѣйствительно, не очень лестнаго мнѣнія о польскомъ государственномъ устройствѣ, и таково было въ его время общее мнѣніе.

Монтескье не пришлось видѣть „начала конца“ Рѣчи Посполитой. Но и послѣ перваго раздѣла Польши отношеніе къ ней не

¹⁾ Т. Корзон. Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta. Kraków. 1885—1886. IV, 643.

измѣнилось: политику дворовъ, разбивавшихъ это государство по частямъ, однако не одобряли; въ самомъ же фактѣ все-таки видѣли естественное слѣдствіе внутреннихъ причинъ, доводившихъ Польшу до разложенія, вслѣдствіе чего къ полякамъ стали иногда проникаться жалостью. Еще большее сочувствіе къ ихъ падающему государству явилось послѣ конституціи 3-го мая, войны 1792 г., втораго раздѣла, возстанія 1794 г. и окончательнаго исчезновенія Рѣчи Посполитой съ политической карты Европы. Въ видѣ примѣра перваго отношенія можно привести слова Рэйналя, писавшаго въ промежутокъ между первымъ и вторымъ польскими раздѣлами.

„Польша“, говоритъ этотъ писатель, — „Польша, которая, имѣя внутри себя только народъ рабовъ, заслуживаетъ того, чтобы видѣть себя находить лишь однихъ притѣснителей, — сохраняетъ однако тѣнь и нмѣя свободы. Она (по отношенію къ внутреннему устройству) въ настоящее время представляетъ изъ себя то, чѣмъ были всѣ европейскія государства десять вѣковъ тому назадъ“¹⁾. Въ польскомъ государственномъ строѣ онъ видитъ именно полное господство феодализма, профанацію имени республики, лигу мелкихъ деспотовъ противъ народа, а сеймъ называетъ горстью тиранновъ. Изобразивъ въ немногихъ словахъ польскія смуты, Рэйналь замѣчаетъ, что „какой бы оборотъ ни принимали дѣла, судьба народнои массы не испытываетъ отъ этого никакой счастливой переменѣи“²⁾. Извнѣ Польша слаба, и если сосѣди не воспользовались ея слабостью, то лишь вслѣдствіе взаимнаго недовѣрія. „Особня обстоятельства ихъ соединили“, говоритъ далѣе авторъ. — „Нашимъ временамъ было предназначено видѣть, какъ это государство разрывалось тремя соперничающими державами, которыя присвоили себѣ наиболѣе для нихъ подходящія провинціи, при чемъ ни одинъ европейскій монархъ не пошевелилъ даже пальцемъ, чтобы помѣшать вторженію. Среди безопасности мира, безъ права, безъ предлога, безъ основаній, безъ тѣни справедливости этотъ переворотъ былъ сдѣланъ примѣненіемъ ужаснаго принципа силы, который, къ несчастью, есть лучший аргументъ королей.“ Впрочемъ, Рэйналь ожидаетъ и хорошаго результата отъ раздѣла. „Да будетъ угодно небу, восклицаетъ онъ, чтобы преступленіе честолюбія обратилось на пользу человѣчеству, и чтобы муд-

¹⁾ *Raynal*. Histoire philosophique et politique des établissemens et du commerce des européens dans les deux Indes. Genève. 1782. X, 36.

²⁾ *Ibid.*, 37.

рымъ возвращеніемъ къ добрымъ принципамъ здравой политики узурпаторы разбили цѣли самой трудолюбивой части своихъ новыхъ подданныхъ! Народъ этотъ, сдѣлавшись менѣе несчастнымъ, будетъ развитѣе, дѣятельнѣе, лучше расположенъ и болѣе вѣренъ по отношенію къ правительству¹⁾.

По вѣрному замѣчанію одного новѣйшаго историка, „польская революція 1791 г. имѣла рѣдкую привилегію возбуждать одновременно удивленіе и сторонниковъ французской революціи, и самаго непримиримаго изъ ея противниковъ“²⁾. Дѣйствительно, конституція 3-го мая сразу измѣнила европейское общественное мнѣніе въ пользу поляковъ. Знаменитый Бёркъ, видѣвшій вообще въ раздѣлѣ Польши гибель политической системы, которая до того времени охраняла независимость Европы³⁾, превознесъ похвалами конституцію 3-го мая въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей⁴⁾. Съ своей стороны и Фоксъ въ краснорѣчивой парламентской рѣчи 18-го февраля 1793 г. восхвалялъ конституцію 3-го мая и оплакивалъ судьбу Польши⁵⁾. Томасъ Пэнъ, не придавая большого значенія самой конституціи, признавалъ однако, что польское правительство хотѣло дать примѣръ исправленія своихъ недостатковъ⁶⁾. Далѣе, Мекинтошъ, бывшій оппонентомъ Бёрка въ пониманіи французской революціи, видѣлъ въ раздѣлѣ Польши убійство націи. Онъ находилъ, что этому дѣлу можно было бы помѣшать, такъ какъ оно произошло не сразу, и „Англія съ Франціей“, говоритъ онъ, — „имѣли бы за себя всѣхъ государей, потому что всѣмъ одинаково угрожало покушеніе, отдававшее судьбу націй господству силы“⁷⁾. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „убійца не можетъ предвидѣть зла, которое произойдетъ отъ его преступнаго дѣла; онъ убиваетъ силу, назначеніе коей извѣстно единому Богу. Что же будетъ, если это—цѣлая нація, которая погибаетъ отъ злодѣйскаго покушенія? . . . Убить націю есть преступленіе про-

1) *Raznal*, 38.

2) *A. Sorel*. *L'Europe et la révolution française*. P. 1887. II, 215.

3) *Burke* въ *Annual Register* 1772 г. Приведено у *Laurent*. О. с., XI, 352.

4) См. длинную выписку на стр. 249—252 перваго тома книги *Vom Entstehen und Untergange der poln. Constitution vom 3-ten May 1791*. Ср. краткое прилѣч. у *Lelewel* (*Polska, dzieje i rzeczka jej*. Poznań. 1859. VI. *Panowanie St. Aug. Poniatowskiego*, 217.)

5) *Vom Entstehen etc.* I, 252-253. *Lelewel*. О. с., 217.

6) *Vom Entstehen etc.* I, 253.

7) *Edinburgh Review*. Selections, IV, 42 (*Laurent*, XI, 353).

тивъ человѣчества. Съ точки зрѣнія политики это столь же виновное дѣяніе" ¹⁾). Мэкинтошъ, какъ и Бёркъ, оплакиваетъ гибель европейскаго равновѣсія: „съ 1772 года“, говоритъ онъ, — „международное право сдѣлалось пустымъ словомъ, ибо царствуетъ насиліе“.

Кромѣ того, сочувствіе къ Польшѣ по поводу конституціи 3-го мая и судьбы послѣдней было высказано аб. Сійесомъ, Вольнеемъ, членомъ конвента *Garran de Coulon* и др. ²⁾).

Уже изъ приведенныхъ примѣровъ можно ясно видѣть, что приписывать философамъ XVIII в. однообразное отношеніе къ тогдашнимъ польскимъ дѣламъ, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, цитированные мною Вѣльо и г. Корзонъ, положительно не приходится. Это разъ. Повторыхъ, и тѣ немногіе примѣры, которые были приведены, даютъ намъ до нѣкоторой степени возможность познакомиться съ исторіей общественнаго мнѣнія на Западѣ по польскому вопросу и сравнить это мнѣніе съ тѣмъ, какое образовалось у самихъ поляковъ относительно причинъ ихъ политической гибели: это очень важно, ибо предопредѣляетъ ту точку зрѣнія, съ какой и на Западѣ должны были писаться первая исторія раздѣловъ Рѣчи Посполитой. Собирая вмѣстѣ приведенныя и имъ подобныя мнѣнія западныхъ писателей и политическихъ дѣятелей о Польшѣ, мы во всей совокупности этихъ мнѣній находимъ три существенные пункта. Первый—порицаніе старо-польскихъ порядковъ, то-есть, анархіи въ политическомъ отношеніи (напримѣръ, у Монтескье), угнетенія народной массы въ социальномъ (напримѣръ, у Рейналя) и духа нетерпимости въ религіозномъ (напримѣръ, у Вольтера). Отсюда дѣлается выводъ, что Польша заслужила свою судьбу. Другой пунктъ—порицаніе политики державъ, дѣлившихъ Польшу: если въ самомъ началѣ диссидентскаго вопроса независимое общественное мнѣніе было за союзъ Екатерины II и Фридриха II, то когда изъ этого союза вышелъ первый раздѣлъ, это мнѣніе отнеслось къ нему неодобрительно, хотя и было признано, что поляки пострадали заслуженно. Третій пунктъ—сочувствіе возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, вѣра въ это возрожденіе, а затѣмъ и негодованіе на то, что ему помѣшали. Такимъ образомъ въ существенныхъ чертахъ независимый взглядъ на паденіе Польши, образовавшійся на Западѣ, до извѣстной степени со-

¹⁾ *Ed. R. Sel.*, IV, 45 (*Laurent*, XI, 353).

²⁾ *Vom Entstehen etc.* I, 254. *Lelewel*, 218. *Garran de Coulon* написалъ *Recherches politiques sur la Pologne*. 1794.

впасть съ тѣмъ общимъ представленіемъ, какое составилось обо всемъ дѣлѣ въ польскомъ обществѣ.

Ко второй категоріи авторовъ, писавшихъ о Польшѣ, нужно отнести тѣхъ, которые посвятили ей цѣлыя сочиненія. Таковы были, главнымъ образомъ, аббатъ Мабли, составившій цѣлый трактатъ подъ заглавіемъ „О правительствѣ и законахъ Польши“, и Жанъ-Жакъ Руссо, издавшій также „Разсужденіе о польскомъ правительствѣ“. Оба названныя сочиненія обязаны своимъ происхожденіемъ просьбѣ польскихъ патріотовъ, доставившихъ знаменитымъ французскимъ публицистамъ и необходимый матеріалъ для такой работы, и свои собственные соображенія.

„Мы“—такъ начинается Мабли свое сочиненіе, обращаясь къ гр. Вельгорскому ¹⁾— „мы часто разговариваемъ, графъ, о несчастіяхъ, удручающихъ ваше отечество, мы отыскиваемъ ихъ причины, такъ какъ ваше стремленіе къ общему благу заставляетъ васъ искать гѣхарства, полезнаго для вашихъ согражданъ, а разъ вы этого желаете, я сообщу вамъ свои размышленія. Я очень желалъ бы, чтобъ они были въ состояніи принести какую-либо пользу націи, которую могли сдѣлать несчастною недостатки ея правленія, но которая, болѣе рабства и любя свободу, быть можетъ, еще способна отказаться отъ своихъ предразсудковъ и исправить свои ошибки. Еслибы вы мнѣ сказали о вашихъ соотечественникахъ то, что говорилъ Титъ Ливій о современныхъ ему римлянахъ: *pes vitia postea, pes remedia patri possunt*, вы должны были бы рѣшиться на то, чтобы видѣть гибель своей республики. Любовь къ свободѣ, любовь къ отечеству, презрѣніе къ смерти, храбрость, терпѣніе, ваши конфедераціи, на которыя вы возлагаете такія надежды,—ничто изъ всего этого не помѣшаетъ вамъ пасть.... Но еще не все потеряно, если правда, какъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ, что ваши вельможи, начиная понимать, что ихъ благосостояніе не удержится, если республика рухнетъ, теперь уже менѣе предаются взаимной непріязни и обнаруживаютъ болѣе способности къ сближенію“ ²⁾).

¹⁾ Abbé de Mably. Du gouvernement et des lois de la Pologne. A. M. le comte Wielhorski. Цитуетъ по изданію Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Toulouse. 1793. Tome XI. Объ этомъ политическомъ писателѣ, несколько позабытомъ историческою литературой, есть французская книга проф. Моск. ун-ва. В. Н. Герье.

²⁾ Mably, 1—3.

Единственное спасеніе видѣтъ Мабли въ „мудромъ правленіи“: „конфедераты“ (барскіе), говоритъ онъ,—„убѣждены въ этой истинѣ, и они надѣются, что ихъ отечество, наученное несчастьями, произведетъ у себя реформу. Я охотно желалъ бы вѣрять этому съ вами, но позвольте мнѣ сказать вотъ что: эти надежды исчезнутъ, если въ минуту заключенія мира, сеймикамъ и общему сейму не будетъ представлена совсѣмъ готовая система правленія“¹⁾. Что безъ реформы Польша погибнетъ, эта мысль проходитъ черезъ весь трактатъ Мабли²⁾, а онъ однако вездѣ даетъ понять, какъ трудна эта реформа, по его мнѣнію. „Сказать ли мнѣ“, объявляетъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—„что по счастью или несчастью слишкомъ серьезное изученіе переворотовъ, которые испытывали народы, мнѣ убѣдило, что ничто не встрѣчается такъ рѣдко и не бываетъ такъ трудно, какъ реформа націй?... Не долженъ ли всякій знать, что характеръ полученный націей отъ старыхъ законовъ и старыхъ обычаевъ, долго еще борется противъ нововведеній, принять которыя заставила ее политика.... Но даже, допуская, что произойдетъ счастливый переворотъ въ польскихъ нравахъ, я все-таки, графъ, еще боялся бы, какъ бы ваша республика не стала прозябать въ крайней слабости или, по крайней мѣрѣ, какъ бы не упустила случая извлечь все изъ своихъ силъ, пока она остается республикой дворянской. Взгляните, пожалуйста, въ какомъ уничиженіи держитъ ваше дворянство своихъ подданныхъ. Они, конечно, совсѣмъ не интересуются ни благополучіемъ племени, ни вашими бѣдствіями; и еслибы они не были доведены до скотскаго состоянія (*abrutis*) своимъ невѣжествомъ и тяжестью своего рабства, они были бы открыто вашими врагами, и вы испытали бы возстанія рабовъ, которыя отчаяніе дѣлало иногда столь ужасными“³⁾.

Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что авторъ сочиненія „О правительствѣ и законахъ Польши“ смотрѣлъ довольно-таки пессимистически на будущее Рѣчи Посполитой. Есть всѣ основанія полагать, что такой тонъ сочиненія Мабли не понравился полякамъ. Но идемъ далѣе. Разсмотримъ, въ чемъ этотъ политическій писатель видѣлъ главные недуги Польши. Взявшись дать полякамъ политическіе со-

¹⁾ *Mably*, 7. Ст. 8—9.

²⁾ Ст. стр. 18—14, 27 и др. Замѣчательно, что авторъ стоитъ противъ крутыхъ переворотовъ, стр. 149 sq.

³⁾ *Ibid.*, 230—231.

бѣтъ, онъ въ началѣ своего трактата „начертываетъ въ двухъ словахъ исторію правленія и несчастій“ Польши ¹⁾). „Польша“, говоритъ онъ, — „ускользнула отъ произвольной власти, только все чаще и чаще прибѣгая къ конфедераціямъ. Голоса покупались на сеймахъ, и чтобы воспрепятствовать этимъ собраніямъ продать королю свободу націи, установили наконецъ *liberum veto*... Въ концѣ концовъ всѣ несчастія происходятъ отъ уничтоженія (*anéantissement*) законодательной власти, которая была подчинена капризу одного посла, произносящаго *veto*... Начните же съ того, чтобы установить законодательную власть, и дайте ей силу, которой ничто не могло бы сопротивляться“ ²⁾). Указывая на конфедераціи, единогласіе и *liberum veto*, какъ на самыя характерныя польскія учрежденія, Мабли высказываетъ о нихъ такое мнѣніе: „такимъ образомъ, чтобы избѣжать тиранніи, ваша республика впала въ самую чудовищную анархію“ ³⁾). И въ *liberum veto*, и въ конфедераціяхъ онъ видитъ выгодныя стороны лишь потому, что само польское правленіе чудовищно: „это порокъ (*vices*), служащій паміативомъ противъ другаго порока“ ⁴⁾). Но недостаточно одной организаціи законодательной власти: нужно, продолжаетъ Мабли, „разрушить еще въ провинціяхъ духъ независимости и анархіи, который тамъ царствуетъ и который онѣ ревниво оберегаютъ“ ⁵⁾). Авторъ затронулъ здѣсь ненормальныя отношенія, существовавшія въ Польшѣ между сеймомъ и сеймиками. Переходя къ вопросу о королевской власти, онъ остроумно замѣчаетъ, что поляки для униженія короля возвысили министровъ, а противъ нихъ придумали „гражданскую войну“, то-есть, конфедерація ⁶⁾). Самую королевскую власть онъ совѣтуетъ сдѣлать наследственной, указывая на подкупъ и застрачиванія, рѣшающіе выборы королей. „Избраніе“, говоритъ онъ, — „ведетъ за собою дурное царствованіе, а дурное царствованіе подготавливаетъ ошибочное избраніе“. Но наследственному королю Мабли оставляетъ мало дѣйствительной власти ⁷⁾). Что ка-

¹⁾ *Mably*, 11 sq.

²⁾ *Ibid.*, 12—13.

³⁾ *Ibid.*, 17.

⁴⁾ *Ibid.*, 31. Je n'ai pas étudié votre histoire, monsieur le comte, mais il me semble, qu'il suffit de connoître vos confédérations et votre *veto*, pour être convaincu que vous êtes dans la plus parfaite anarchie, 48.

⁵⁾ *Ibid.*, 34.

⁶⁾ *Ibid.*, 55.

⁷⁾ *Ibid.*, 59—60. Любопытно, что Мабли находитъ слишкомъ много власти

сается до социальныхъ отношеній, то Мабли высказывается объ ихъ реформѣ очень осторожно, съ оговорками въ родѣ: „если возможно“, „нѣтъ времени думать о такихъ установленіяхъ“¹⁾). Только о крѣпостномъ состояніи крестьянъ онъ говоритъ рѣшительнѣе²⁾). Диссидентскій вопросъ даже совсѣмъ не былъ рассмотрѣнъ авторомъ. Мабли касается и разныхъ важныхъ подробностей государственной жизни, отмѣчая отсталость Польши въ весьма различныхъ отношеніяхъ. „Я слышалъ“, говоритъ онъ, —,отъ иностранцевъ, что полиція въ нашемъ отечествѣ не лучше татарской“³⁾). —,У васъ нѣтъ ни искусствъ, ни мануфактуръ, ни рабочихъ. Вы смотрите на евреевъ, какъ на своихъ рабовъ, а я уже бралъ на себя смѣлость утверждать, что они—господа Польши“⁴⁾). —,Пора, чтобы философія проникла наконецъ въ Польшу и изгнала изъ вашихъ университетовъ жалкую систему, болѣе опасную, чѣмъ невѣжество“⁵⁾). —,Войскá теперь въ Польшѣ такъ же дурно устроены, какъ въ Европѣ три вѣка тому назадъ... Въ то самое время, какъ всѣ націи начали дисциплинировать своихъ солдатъ и воевать при помощи ученой методы, которой мы удивляемся у древнихъ, одна Польша не выходила изъ своего стараго варварства“⁶⁾). Мѣстами встрѣчаются у Мабли и далеко не лестныя мнѣнія о господствующемъ сословіи, то-есть, о шляхтѣ. „Что касается до меня“, говоритъ онъ, —,признаюсь вамъ, я не могу видѣть безъ нѣкотораго рода страха это многочисленное дворянство, властительное, хотя и униженное, то-есть, дерзкое, мстящее на народѣ за уничтоженіе, съ какимъ оно ползаетъ въ ногахъ вельможъ, конхъ оно ненавидитъ,—полное своихъ старыхъ предразсудковъ, незнакомое съ обязанностями гражданина“⁷⁾). Въ другомъ мѣстѣ онъ высказываетъ сомнѣніе въ силѣ польскаго патріотизма⁸⁾). Пред-

у Англійскаго короля и прочесть парламенту гибель, 70, 72, 74, 113—114, 128—129. Онъ рекомендуетъ подражать шведамъ, 75, 77, 106, 292 (cf. у Воижевска въ сочиненіи, о которомъ ниже, такіе же отзывы: объ Англіи, стр. 434, 439, 444, 446, 457, 470 и др.).

¹⁾ *Mably*, 170, 171.

²⁾ *Ibid.*, 231 sq.

³⁾ *Ibid.*, 185.

⁴⁾ *Ibid.*, 189.

⁵⁾ *Ibid.*, 191.

⁶⁾ *Ibid.*, 196—197.

⁷⁾ *Ibid.*, 41. Другія подобныя характеристики шляхты, стр. 37, 125.

⁸⁾ *Si j'osais le dire, cette indifférence des plus grands personnages de la répu-*

водители Барской конфедераціи онъ прямо обвиняетъ въ нерѣшительности и бездѣйствіи ¹⁾). Замѣчательна еще звучащая иногда нота вѣжливаго сомнѣнія въ томъ, что автору сообщали барскіе конфедераты, бывшіе не прочь, по видимому, прихвастнуть относительно возможности хорошаго оборота дѣлъ,—въ такомъ случаѣ Мабли оговаривается: „если только это правда, въ чемъ я не сомнѣваюсь послѣ нашихъ разговоровъ“, „я готовъ вѣрить этому вмѣстѣ съ вами“ и т. д. ²⁾), но сами эти оговорки очень плохо прикрываютъ скрывающееся въ нихъ сомнѣніе.

Мабли не ограничился указаніемъ на явленія внутренняго разложенія Рѣчи Посполитой, онъ обратилъ вниманіе и на ея международное положеніе. Поляки, какъ мы видѣли, говорили, что Польша стоитъ безварядьемъ, и это было вѣрно, по скольку каждая изъ сосѣднихъ державъ зорко наблюдала за тѣмъ, чтобы другія не поживились на счетъ слабого польскаго государства. Въ соперничествѣ державъ шляхта видѣла гарантію своей безопасности, и такъ, дѣйствительно, было до поры, до времени. Авторъ разсматриваемаго трактата предостерегаетъ поляковъ отъ слишкомъ большой безпечности въ этомъ отношеніи, и его соображенія, касающіяся даннаго вопроса, стоить отмѣтить. „Я“, говоритъ онъ,—„хорошо это вижу, графъ: ваши соотечественники слишкомъ рассчитываютъ на силу равновѣсія, которое, по ихъ словамъ, управляетъ Европой и не позволяетъ, чтобы ихъ притѣсняли. беру на себя смѣлость доказать вамъ, что эта политика равновѣсія не что иное, какъ химера“ ³⁾). Не свидѣтельствуетъ ли объ этомъ равнодушіе Европы къ несчастьямъ Польши? Если Россія сдѣлаетъ попытку подчиненія Польши, кто можетъ поручиться, что Европа будетъ въ состояніи этому воспротивиться? Пока Польша не можетъ быть по крайней своей слабости полезна своимъ союзникамъ, кто станетъ жертвовать за нее своими интересами? „Всякая нація, которая не можетъ держаться собственными силами, не будетъ вѣчно держаться силами своихъ союзниковъ“ ⁴⁾). Въ другомъ

blique me persuaderoit que l'amour de la patrie n'est qu'un sentiment bien foible en Pologne, et qu'il n'a pas formé toutes ces confédérations qui se sont vantées de s'armer pour défendre la liberté“. 118—119.

¹⁾ *Malbi*, 310 sq.

²⁾ *Ibid.*, 3, 7 и др.

³⁾ *Ibid.*, 80.

⁴⁾ *Ibid.*, 81.

мѣстѣ онъ замѣчаетъ: „Если мнѣ позволено свободно выразить свою мысль, я признаюсь, что меня удивляетъ, какимъ образомъ Польша уже не сдѣлалась провинціей Россіи“ ¹⁾). Съ другой стороны, онъ указываетъ и на то, что „если Австрійскій домъ не воспользовался безпорядками польской анархіи, чтобы подчинить себѣ Польшу или, по крайней мѣрѣ, добиться въ ней вліянія, какимъ пользуется Россія, то Польша обязана этимъ только важнымъ дѣламъ, коими Австрія два вѣка была занята на югѣ Европы“ ²⁾). Мабли еще не предвидитъ опасности отъ Пруссіи и за союзъ съ нею—противъ Россіи, конечно,—совѣтуетъ уступить Прусскому королю кое-какія земли. Въ это время Екатерина вела первую свою войну съ Турціей: „Еслибы“, говорятъ Мабли,—она окончила эту войну, принудивъ султана васъ покинуть, для Польши не осталось бы болѣе никакихъ ресурсовъ.... Вѣнскій и берлинскій дворы не суть наши враги, какъ дворъ прусскій; но они и не друзья ваши: до сихъ поръ не дѣлали вамъ ни добра, ни худа. Конечно, у нихъ есть свои причины любить вашу анархію: для нихъ такъ удобно имѣть подъ бокомъ сосѣда, котораго нечего бояться“ ³⁾). Вѣнскій дворъ онъ совѣтуетъ убогаторить установленіемъ наслѣдственной короны и выборомъ пріятнаго ему лица на наслѣдственный польскій престолъ, а съ Прусскимъ королемъ „можно было бы вступить въ переговоры и купить его согласіе (на реформу), предоставивъ ему кое-какія земли, которыя будутъ для него подходящи и которыя вамъ самимъ никонимъ образомъ ненужны, чтобы образовать счастливую и уважаемую республику“ ⁴⁾).

Мемуаръ Мабли, написанный по просьбѣ барскихъ конфедератовъ ⁵⁾, былъ сообщенъ гр. Вельгорскимъ многимъ лицамъ, которыя письменно сдѣлали на него замѣчанія. Последнія были переданы автору и возражая на нихъ, онъ написалъ вторую часть своего трактата. „Мнѣ кажется“, говорятъ Мабли,—я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ возраженій, что очень часто ихъ авторы разсматриваютъ общее благо только по отношенію къ своимъ частнымъ интересамъ.

¹⁾ *Mably*, 89.

²⁾ *Ibid.*, 97—98.

³⁾ *Ibid.*, 288.

⁴⁾ *Ibid.*, 289.

⁵⁾ *Peut-être*, говорятъ Мабли въ первой части,—*monsieur le comte*, que la publication de ce mémoire que les confédérés m'ont fait l'honneur de me demander, ne seroit pas entièrement inutile. *Ibid.*, 162.

Они судятъ о недостаткахъ и безпорядкахъ республики только по тому злу, какое испытали лично, либо по отношенію къ своимъ землямъ¹⁾. Но это мимоходомъ. Укажемъ на главныя возраженія, сдѣланныя аббату Мабли.

Прежде всего возстали противъ его мнѣнія, что польскій государственный строй никуда не годится. Сущность этого возраженія сводилась къ тому, что „законы хороши, и что всё безпорядки, жертвою коихъ стала Польша, нужно приписать испорченности правъ“²⁾. Но откуда эта испорченность? По мнѣнію Мабли, она обусловлена въ концѣ концовъ все-таки худымъ законодательствомъ³⁾. Далѣе, одинъ изъ оппонентовъ находилъ, что Польша вовсе не нуждается въ общей реформѣ, что достаточно было бы частныхъ мѣръ, которыя проводились бы при случаѣ и по требованію тѣхъ или другихъ обстоятельствъ⁴⁾. Возразивъ противъ этой мысли по существу⁵⁾, Мабли совѣтуетъ пользоваться зарождающеюся среди поляковъ мыслью о крайнемъ несовершенствѣ ихъ политическаго быта и о необходимости реформы. „Въ самомъ дѣлѣ“, говоритъ онъ,—„еслибы урокъ, который получаетъ Польша, не былъ въ состояніи открыть ей глаза и излѣчить ее отъ ея предрасудковъ, нужно было бы согласиться, что только одна полная гибель будетъ въ состояніи научить поляковъ объ ихъ ошибкахъ“⁶⁾. Въ дальнѣйшемъ авторъ шагъ за шагомъ разбираетъ болѣе частныя замѣчанія о королевскихъ прерогативахъ, о veto, о конфедераціяхъ, объ избирательности престола и т. д.

Мы оставили въ сторонѣ самые совѣты Мабли полякамъ, хотя объ одномъ изъ нихъ—объ установленіи наследственной монархіи и пришлось упомянуть. Изложеніе этихъ совѣтовъ не входитъ въ нашъ планъ, по сколько цѣль наша—представить, какъ понимались въ разное время и разными лицами причины упадка Рѣчи Посполитой. Совѣты Мабли не внушили большаго довѣрія тѣмъ, кто за ними

¹⁾ *Mably*, 238—239.

²⁾ *Ibid.*, 239.

³⁾ *Ibid.*, 240 sq.

⁴⁾ *Ibid.*, 247.

⁵⁾ *Tant que je n'aurai pas un plan fixé et arrêté de législation, comment jugerai-je que la loi que je porte aujourd'hui ne nuira pas à celle que je croirai important de publier demain?* *Ibid.*, 249.

⁶⁾ *Ibid.*, 253. Ср. аналогичную мысль въ концѣ второй главы II части, стр. 246.

къ нему обращался, и точно такое же предложеніе было сдѣлано въ 1771 году Руссо ¹⁾. Отвѣтомъ на это были его „*Considérations sur le gouvernement de Pologne*“. Къ анализу этого трактата мы теперь и приступимъ, выдѣливъ при этомъ изъ него все существенное для характеристики общаго взгляда Руссо на польскія дѣла и оставивъ въ сторонѣ какъ преподанные полякамъ совѣты, такъ и все, что относится къ политической философіи самого Руссо.

„Читая исторію польскаго правленія“—почти съ этихъ словъ начинается Руссо свои разсужденія—, съ трудомъ понимаешь, какимъ образомъ столь странно устроенное государство могло просуществовать такъ долго ²⁾. Не смотря на такое заявленіе, Руссо совѣтуетъ однако полякамъ держаться своей конституціи. „Храбрые поляки“, восклицаетъ онъ,—остерегайтесь! Какъ бы не испортить своего положенія изъ-за слишкомъ большого желанія блага. Думая о томъ, что вы хотите приобрести, не забывайте того, что вы можете потерять. Исправьте, если возможно, злоупотребленія своей конституціи, но не презирайте ее, сдѣлавшую васъ тѣмъ, чѣмъ вы есть ³⁾. Свое заявленіе о томъ, что нужно удивляться существованію Польши, Руссо объясняетъ гораздо дальше, именно въ началѣ III главы. „Польша“, говоритъ онъ здѣсь,—государство большое, окруженное еще болѣе значительными государствами, которыя, благодаря своему деспотизму и военной дисциплинѣ, имѣютъ большую наступательную силу. Слабая, напротивъ, вслѣдствіе своей анархіи, она, не смотря на польскую храбрость, открыта со всѣхъ сторонъ для ихъ несправедливостей ⁴⁾.

Первымъ радикальнымъ недостаткомъ польскаго устройства Руссо считаетъ обширность территоріи Рѣчи Посполитой: республиканское правленіе не годится, по его теоріи, для большаго государства. Объ этомъ можно было бы не упоминать, еслибы Руссо не высказалъ такой мысли, что Польшу полевно было бы обрѣзать: „быть можетъ“, говоритъ онъ,—„ваши сосѣди думаютъ оказать вамъ эту услугу. Это было бы, конечно, великимъ зломъ для отдѣленныхъ частей, но за

¹⁾ Джонъ Морлей. Руссо. М. 1881. Стр. 441. Авторъ этой монографіи говорить, что въ „*Considérations*“ нѣтъ ничего такого, о чемъ стоило бы распространяться. Согласиться съ этимъ нельзя. Полное заглавіе: „*Considérations sur le gouvernement de Pologne et la réforme projetée*“. En avril. 1772.

²⁾ Цитую по „*Oeuvres de J. J. Rousseau, citoyen de Genève. Paris. 1793. Tome premier contenant la politique*“. Приведенныя слова см. на стр. 404.

³⁾ Ibid., 405. Cf. стр. 406.

⁴⁾ Ibid., 412.

то было бы громаднымъ благодѣяніемъ для остальной націи¹⁾). Другой недостатокъ польскаго устройства—существованіе въ республикѣ трехъ чиновъ (короля, сената и рыцарскаго сословія), когда одна только шляхта (если ужъ не весь народъ) должна имѣть верховную власть²⁾). И это опять имѣетъ болѣе отношенія къ собственной политической теоріи Руссо, нежели къ польской дѣйствительности. Но вотъ мѣсто, гдѣ „женевскій гражданинъ“ прекрасно отмѣтилъ коренной недостатокъ польской конституціи. „Ослабленіе законодательства“, говоритъ онъ,—„произошло въ Польшѣ совсѣмъ особеннымъ и, можетъ быть, безпримѣрнымъ образомъ: дѣло въ томъ, что оно потеряло свою силу, не бывши подчинено исполнительной властью. Въ настоящую еще минуту законодательная власть сохраняетъ весь свой авторитетъ; она находится въ бездѣйствіи, но ничего не имѣя надъ собою. Сейму также принадлежитъ верховенство, какъ и во время его установленія, и однако онъ безсиленъ; ничто надъ нимъ не господствуетъ, но ничто ему и не повинуется (*rien ne la domine, mais rien ne l'obéit*). Это состояніе замѣчательно и заслуживаетъ размышленія“³⁾). Организація исполнительной власти, которой не удалось въ Польшѣ подчинить себѣ власть законодательную, также имѣетъ крупныя недостатки. „Исполнительная власть, раздѣленная между многими лицами, лишена гармоніи между своими частями и производитъ постоянныя судороги, несогласныя съ хорошимъ порядкомъ. Каждый носитель части этой власти становится, въ силу этой части, во всѣхъ отношеніяхъ выше магистратовъ и законовъ. Правда, онъ признаетъ авторитетъ сейма, но признавая только его, когда сеймъ распущенъ, онъ не признаетъ въ сущности никакого; онъ презираетъ суды и бравируетъ ихъ приговоры. Каждый изъ нихъ есть маленькій деспотъ, который, не похищая верховной власти въ буквальномъ смыслѣ слова, не упускаетъ случая притѣснять поодиночкѣ гражданъ и даетъ пагубный, находящій слишкомъ много подражателей примѣръ нарушенія, безъ совѣсти и страха, правъ и свободы частныхъ лицъ“⁴⁾). Указываемъ на эти два мѣста, такъ какъ въ нихъ вѣрно схвачены двѣ главныя особенности польскаго госу-

¹⁾ Rousseau, 428.

²⁾ Ibid., 429 sq. Въ этой же главѣ (VI) находится и знаменитое мѣсто объ освобожденіи крестьянъ.

³⁾ Ibid., 433—434.

⁴⁾ Ibid., 435.

дарственнаго строя, и обходимъ молчаніемъ предложенныя въ данныхъ отношеніяхъ Руссо реформы, чтобы перейти прямо къ сдѣланному имъ анализу причинъ господствующей въ Польшѣ анархіи. Этому вопросу онъ посвящаетъ IX главу. „Презрѣніе къ законамъ“, говоритъ онъ въ началѣ этой главы,—„и анархія, въ конхъ Польша жила доселѣ, имѣють бросающіяся въ глаза причины. Изъ нихъ я уже указалъ на главную прежде;... другія, содѣйствующія ей, причины суть: 1) *liberum veto*, 2) конфедерація и 3) злоупотребленіе частныхъ лицъ правомъ имѣть у себя на службѣ вооруженныхъ людей. Это послѣднее злоупотребленіе таково“, продолжаетъ авторъ,—„что если не начать съ его отміны, всѣ остальные реформы будутъ бесполезны. По скольку частные люди будутъ имѣть возможность сопротивляться исполнительной силѣ, по столько они будутъ считать себя въ правѣ это дѣлать, а пока между ними будутъ маленькія войны, какъ хотите вы, чтобы государство пользовалось миромъ?“¹⁾ Что касается до *liberum veto*, то Руссо считаетъ его вовсе не дурнымъ установленіемъ, но „лишь только оно нереступаетъ свою границу, оно дѣлается опаснѣйшимъ изъ злоупотребленій: оно представляло собою гарантію общественной свободы, но въ настоящее время оно только орудіе притѣсненія.“ По отношенію къ нему Руссо рекомендуетъ нѣкоторыя реформы²⁾. Столь же осторожно онъ относится къ конфедераціямъ, совѣтуя только ихъ упорядочить и находя, что когда всѣ злоупотребленія изчезнутъ, конфедераціи сами собою сдѣлаются излишними³⁾. Мы могли бы привести еще мѣсто, гдѣ говорится о крѣпостномъ состояніи крестьянъ, еслибъ оно не было болѣе характернымъ для самого Руссо, чѣмъ для пониманія имъ причинъ паденія Рѣчи Посполитой.

Общее впечатлѣніе отъ отношенія Руссо къ польскимъ порядкамъ гораздо болѣе для нихъ благопріятное, нежели впечатлѣніе,

¹⁾ *Rousseau*, 461. На это указывалъ и Мабли. *Je vois avec chagrin*, говоритъ онъ,—*un vice énorme dans votre constitution. Je veux parler de ces espèces de souverainetés que se sont faites quelques seigneurs. Ils ont des forteresses, et y tiennent une garnison qui ne dépend que d'eux. Vos lois ont toléré cet abus, ou parce qu'elles ne pouvaient le réprimer, ou etc.... Mais la société est menacée des plus grands dangers quand un citoyen est assez fort par lui-même pour ne pas craindre la loi. O. e., 206.*

²⁾ *Rousseau*, 462.

³⁾ *Ibid.*, 466 sq.

такое оставляетъ по себѣ сочиненіе Мабли о томъ же предметѣ ¹⁾. Но и у него попадаются мѣста, какъ будто говоряція о безнадежномъ состояніи Рѣчи Посполитой. „Если“—сказано, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, — „если Польша дошла уже до того, что все въ ней продажно и развращено до корня, то напрасно она пытается реформировать свои законы и сохранить свою свободу; нужно, чтобы она отъ этого отказалась и склонила голову свою подъ иго“ ²⁾. Въ другомъ мѣстѣ, къ самому концу „*Considérations*“, Руссо говоритъ: „Ну, а если не смотря на храбрость и твердость конфедератовъ и не смотря на справедливость ихъ дѣла, счастье и всѣ державы ихъ оставить и отдать отечество его угнетателямъ..... Но я не имѣю чести быть полякомъ, и въ положеніи, въ какомъ вы находитесь, дозволяется подавать свое мнѣніе только своимъ примѣромъ“ ³⁾.

Только что указанное благоприятное отношеніе Руссо къ принципамъ польскаго политическаго строя находитъ объясненіе въ томъ, что въ немъ женевакій философъ видѣлъ какъ бы осуществленіе своей теоріи о народовластіи. Поэтому и въ польскомъ обществѣ Руссо сдѣлался очень популяренъ. „Руссо“, говоритъ Калинка, изслѣдовавшій его вліяніе на Польшу, — „приносилъ съ собою то, что находилъ у насъ, приходилъ къ своимъ, и свои его узнали. Было бы“, прибавляетъ онъ, — „любопытною и заманчивою вещью разсмотрѣться по-основательнѣе въ столь великомъ количествѣ сходныхъ чертъ между „Общественнымъ договоромъ“ Руссо и политическими парадоксами, которые высидѣлись въ шляхетскихъ головахъ въ эпоху нашей анархіи“ ⁴⁾. Приведши нѣкоторыя мѣста изъ „*Contrat social*“, польскій историкъ замѣчаетъ, что все это какъ бы политическій кодексъ изъ саксонскихъ временъ, и читая его, словно слышишь польскихъ сеймовыхъ пословъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что Руссо требовалъ отъ единицы и абсолютнаго повиновенія государству ⁵⁾. Не смотря на все это, Руссо находитъ важные недостатки въ польской конституціи,

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руссо критикуетъ политическіе совѣты Мабли не называя, впрочемъ, ихъ автора. См. стр. 436, 451, 456, 522, 525.

²⁾ *Ibid.*, 501.

³⁾ *Ibid.*, 526. О трактатѣ Руссо см. статью *Pennella*, въ *Zft d. hist. Gesellsch. für d. Prov. Posen*, 1887, № 3.

⁴⁾ *Kalinka*. *Sejm czteroletni*. 1886. II, 411 (по 3 нед.).

⁵⁾ *Ibid.*, II, 451. Калинка странною образомъ пропустилъ Мабли.

и то, что онъ говоритъ о слабости законодательной власти и о дурной организации власти исполнительной, совершенно вѣрно ¹⁾.

Третью категорію западно-европейскихъ писателей, которыхъ мы должны включить въ свой обзоръ, составляютъ первые историки раздѣловъ Рѣчи Посполитой, излагавшіе дѣло по устнымъ разказамъ, газетнымъ извѣстіямъ, разнымъ публицистическимъ брошюрамъ и официальнымъ публикаціямъ и обсуждавшие его съ точки зрѣнія наиболѣе распространенныхъ тогда взглядовъ ²⁾. Уже послѣ перваго раздѣла Польши на западѣ появилось нѣсколько сочиненій полупублицистическаго, полусторическаго характера, имѣвшихъ значеніе въ свое время по своему вліянію на образованіе общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ относительно польскихъ дѣлъ, но въ настоящее время едва заслуживающихъ вниманія, тѣмъ болѣе, что ихъ авторамъ иногда было достаточно нѣсколькихъ общихъ идей и общихъ мѣстъ, кое-какихъ отрывочныхъ знаній по исторіи Польши, да ходячихъ разказовъ о томъ, что творилось съ этою страной, чтобы считать себя въ правѣ судить и раять. Переходъ отъ этихъ писателей къ историкамъ XIX вѣка, писавшимъ о польскихъ раздѣлахъ на основаніи разработки архивныхъ матеріаловъ, представляютъ изъ себя два историка, сочиненія коихъ, не смотря на свой публицистическій характеръ, долгое время были чуть не единственными источниками по исторіи паденія Польши.

Я не думаю останавливаться подробно на многочисленныхъ пи-

¹⁾ Въ „*Contrat social*“ (кн. III, гл. VII) Руссо говоритъ, что раздѣленіе исполнительной власти на независимыя магистратуры, какъ въ Польшѣ, дурно: *cette dernière forme est mauvaise, parce qu'il n'y a pas d'unité dans le gouvernement et que l'État manque de liaison.*

²⁾ Въ первой главѣ нашего обзора были уже названы: 1) сочиненія объ этомъ предметѣ, изданныя поляками на иностранныхъ языкахъ, 2) иностранныя сочиненія, основанныя на польскихъ источникахъ, и 3) переводы съ польскаго (1) *Łojko, Komarszewski, Łobarszewski, Woyda* и др.; 2) *Jaubert, K. Glawe* и т. п., 3) *Vom Entstehen und Untergange der polnischen Konstitution*, „*Beitrag zur Geschichte der polnischen Revolution*“ и пр.). Кроме того, во второй главѣ при разсмотрѣніи книги Делеваля о царствованіи Станислава Августа приведемъ еще названія другихъ сочиненій, коими пользовался этотъ историкъ (*Wil. Coxe, Vioménil, Méhée, Zajacsek, Pistor* и др.). Наконецъ, укажемъ на *Reise eines Liebländers von Riga nach Warschau. Berlin. 1796—1797* (польскій переводъ изданъ въ Дрезденѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ: *Polska w roku 1793 według podróży Fryderyka Szulca*), *Wrazall. Memoirs of the courts of. Berlin, Dresden, Warsaw and Wionna in the years 1777—1779. London. 1800.*

саніяхъ прошлаго вѣка, посвященныхъ паденію Польши. Какъ историческій источникъ, они имѣютъ большею частью значеніе самое маловажное, а ихъ взгляды, не отличаясь ни глубиной, ни оригинальностью, и вліянія особеннаго не имѣли на послѣдующую западно-европейскую историографію. Въ видѣ примѣра этой литературы можно привести здѣсь только кое-что. Прежде всего одинъ примѣръ того, съ какимъ плохимъ знаніемъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ брались иногда за обсужденіе польскихъ дѣлъ. Вскорѣ послѣ перваго раздѣла Рѣчи Посполитой вышла въ свѣтъ на французскомъ языкѣ книжка подъ заглавіемъ „Польша, какою она была, какова теперь и какою будетъ“¹⁾. „Событіе, о которомъ она повѣствуетъ, заслуживаетъ“, по словамъ ея автора, — „всеобщаго вниманія: оно показываетъ намъ, что можетъ сдѣлать сила и какимъ онасиостамъ всегда подвержено слабое правительство“²⁾. Книжка представляетъ изъ себя очень бѣглый и поверхностный обзоръ польской исторіи и государственнаго устройства Рѣчи Посполитой; нѣсколько подробнѣе изложена исторіи царствованія Станислава Понятовскаго, хотя и тутъ авторъ нерѣдко плохо знаетъ то, о чемъ пишетъ. Напримѣръ, онъ говоритъ, что Екатерина вступилась „за польскихъ протестантовъ, которыхъ называютъ диссидентами“, и не упоминаетъ ни единымъ словомъ³⁾ о православныхъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ увѣряетъ, что польская республика никогда не обижала протестантовъ, и если въ Европѣ была, оворнть онъ, — нація вѣротерпимая, такъ это именно были поляки⁴⁾. Подробное утвержденіе является у автора вовсе не изъ желанія защитить поляковъ во что бы то ни стало, потому что вообще этого желанія въ книжкѣ незамѣтно, но просто авторъ былъ мало знакомъ даже съ самыми важными фактами польской жизни. Онъ самъ заявляетъ о своемъ безпристрастіи, и на дѣлѣ его размышленія надъ судьбами Польши отличаются спокойствіемъ. „Каждому философу“, — говоритъ онъ, — „который внимательно извѣшнваетъ то, что мы изложили и что произошло чуть не на нашихъ глазахъ, есть о чемъ

¹⁾ La Pologne, telle qu'elle a été, telle qu'elle est, telle qu'elle sera. 1775. A Varsovie et se trouve à Poitiers. Въ концѣ цензурное разрѣшеніе печатать, полученное изъ Париза въ 1774 г. Сочиненіе это приписываютъ *Caraccioli* (1731—1803).

²⁾ *Ibid.*, часть первая, стр. V.

³⁾ *Ibid.*, II, 13. Ср. II, 21, 24 и др., гдѣ также рѣчь идетъ объ одномъ лютеранинѣ.

⁴⁾ *Ibid.*, III, 13.

тутъ поразмыслить, будетъ ли это непостоянство дѣль человеческихъ или способъ умаленія и увеличенія государствъ" ¹⁾). И входи въ обсужденіе факта съ точки зрѣнія политической, а не съ такой отвлеченной, авторъ по прежнему остается спокойнымъ ²⁾). Значить, то, что можно было бы приписать сознательному искаженію истины, объясняется тутъ просто ея незнаніемъ.

Съ другой стороны, были, конечно, сочиненія и основательныя, но въ наше время они большею частью утратили свою цѣну, да и на ближайшихъ даже къ той эпохѣ историковъ не оказали особаго вліянія. Въ видѣ примѣра я укажу здѣсь на одно нѣмецкое изданіе, которое можно разсматривать, какъ ученый комментарий къ конституціи 3-го мая. Именно въ годъ костюшковскаго возстанія (1794 г.) вышла въ Вѣнѣ книжка Франца Іосифа Јекела подъ заглавіемъ „Изображеніе государственныхъ перемѣнъ въ Польшѣ" ³⁾, заключающая въ себѣ краткую исторію государственнаго права Польши до конституціи 3-го мая включительно. Впослѣдствіи авторъ сдѣлалъ изъ этой книжки введеніе въ болѣе обширный трудъ, который вышелъ въ шести частяхъ въ 1803—1814 годахъ подъ названіемъ „Исторія польскихъ государственныхъ перемѣнъ и послѣдней конституціи" ⁴⁾. Все сочиненіе получило характеръ анализа конституціи 3-го мая 1791 г. по отношенію къ коему роль введенія играетъ именно болѣе ранняя работа; самый же анализъ ведется такъ, что каждая часть „устава, правленія" разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Напримѣръ, первая статья конституціи 3-го мая посвящена религіи, и вотъ авторъ разсматриваетъ исторію религіи въ Польшѣ, то-есть, исторію католической церкви и иновѣрныхъ исповѣданій (вся вторая часть). Также разбираются статьи конституціи о шляхтѣ, городахъ, крестьянахъ (III часть), о правительствѣ и сеймѣ, вслѣдъ заѣмъ начинается описаніе Польши въ физическомъ отношеніи (IV часть), представляющее переходъ къ исторіи польской торговли (V и VI части). Конечъ такимъ образомъ не вполне подходитъ къ заглавію книги, такъ что послѣднія статьи конституціи остались не разобранными. Для насъ нѣкоторый интересъ можетъ еще представить первая часть

¹⁾ *Caraccioli*, II, 122.

²⁾ *Ibid.*, II, 123 sq.

³⁾ *Franz Jos. Jekel*. Darstellung der Staatsveränderungen Pohlens. Wien. 1794.

⁴⁾ *Franz Jos. Jekel*. Pohlens Staatsveränderungen und die letzte Verfassung. Первые три части—1803 г., четвертая—1806 г., пятая и шестая—1814 г.

болѣе общаго содержанія, которая была вывучена въ свѣтъ въ 1794 г. Въ ней первые 9 параграфовъ разсматриваютъ польскую исторію до смерти Августа III, а послѣдній (17-й) заключаетъ въ себѣ самый уставъ правленія 3-го мая. Такимъ образомъ на исторію царствованія Станислава Августа приходится семь параграфовъ, занимающихъ около 50 страницъ. Эпиграфъ на заглавномъ листѣ введенія гласитъ:

Ὅβη ἀγαθὸν πολυχοραγίῃ εἰς χοίρανος ἔστω
Εἰς Βασιλεὺς,

—стихъ изъ Гомера, осуждающій многоначаліе во имя одного господина, одного царя. Самое однако содержаніе введенія имѣетъ чисто повѣствовательный и описательный характеръ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ два французскіе историческіе труда о польскихъ раздѣлахъ, долгое время, какъ было упомянуто, остававшіеся главными источниками, изъ коихъ черпали свои свѣдѣнія объ эпохѣ другіе историки ¹⁾.

Первое изъ этихъ сочиненій есть знаменитая „Исторія анархій въ Польшѣ и расчлененія этой республики“ Рюльера ²⁾. Прежде всего два-три слова объ авторѣ. Получивъ образованіе у іезуитовъ, онъ 25 лѣтъ отъ роду попалъ въ секретари французскаго посольства въ Петербургъ, гдѣ пробылъ съ небольшимъ годъ, какъ разъ во время переворота, доставившаго престолъ Екатеринѣ II. Возвратившись въ Парижъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ описаніемъ этого переворота (*Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'an-*

¹⁾ Lange Zeit hindurch beherrschten Rulhière und sein Fortsetzer Ferrand die Auffassung über die Genesis des Theilungsvertrages. *Adolf Beer*. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Vorwort, III. Лелевель въ предисловіи къ 3 изд. *Rapowania Stanisława Augusta*, перечисляя сочиненія, коими пользовался, при указаніи на Феррана замѣчаетъ: dzieło najważniejsze, obejmujące ogół do końca, a poszytujące Rulhièra za swój wstępek. Кроме того, онъ особенно выдвигаетъ оба сочиненія изъ массы другихъ: w języku francuzkim najcenniejsze są do przytoczenia dzieła którymi się Francuzi, a mianowicie Rulhière i Ferrand dziejom ostatnieh czasów Rzeczpospolitej przysłużyli.

²⁾ *De Rulhière*. Histoire de l'anarchie de Pologne et du démembrement de cette république. P. 1807. Сомнѣн дѣлаются у насъ по парижскому изданію 1819 г. въ четырехъ томахъ. Въ этомъ изданіи помѣщены еще: „notice historique sur la vie et les écrits de Rulhière“, „extrait de la discussion qui s'éleva dans le sein de l'Institut de France au sujet de l'Hist. de l'anarchie de Pol.“ и знаменитыя *Anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762*. Это сочиненіе было издано еще въ Парижѣ въ 1863 г. въ трехъ томахъ.

пѣе 1762), и ему былъ открытъ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, откуда можно было бы почерпнуть матеріалъ для заказанной ему исторіи польской анархіи. Эта исторія назначалась въ буквальномъ смыслѣ *ad usum delphini* (въ 1768 г.). Ему хотѣли даже поручить секретную миссію въ Польшѣ, но дѣло не состоялось, и только черезъ восемь лѣтъ послѣ начала работы надъ польскою анархіею удалось Рюльеру побывать въ этой странѣ (1776 г.) и то въ качествѣ частнаго чедовѣка: онъ посѣтилъ Польшу, чтобы собрать кое-какія свѣдѣнія на мѣстѣ. Изъ этого можно видѣть, какъ подготавливалъ Рюльеръ свою работу, и откуда онъ почерпалъ для нея матеріалъ: разборъ бумагъ министерства иностранныхъ дѣлъ и личныя сношенія съ французскими дипломатическими агентами на мѣстѣ должны были поставить его *au courant* всего, чтò творилось въ Польшѣ. Работая надъ своимъ историческимъ трудомъ двадцать-два года, онъ такъ-таки его и не окончилъ; изданъ же былъ этотъ трудъ только черезъ 16 лѣтъ послѣ смерти автора. Появленіе книги въ свѣтъ въ 1807 г. надѣлало много шума, который еще болѣе увеличился, когда во французскомъ институтѣ не хотѣли ей присудить одинъ изъ такъ называемыхъ „*grands prix décennaux*“, распредѣлявшихся въ 1810 году ¹⁾.

Все сочиненіе Рюльера о польской анархіи раздѣляется на пятнадцать „книгъ“, не имѣющихъ особыхъ заглавій ²⁾, но уже конецъ тринадцатой пришлось издателю возстановлять на основаніи оставшихся отъ автора замѣтокъ и набросковъ, такъ какъ самъ онъ не далъ окончательной обработки послѣдней части указанной книги; книги же XIV-я и XV-я существуютъ только въ видѣ краткихъ *résumés*, въ значительной степени принадлежащихъ перу издателя, такъ что,

¹⁾ См. вышеуказанный „*extrait de la discussion*“, занимающій въ изданіи 1819 г. около 125 стр. перваго тома (XLIII—CLXVI).

²⁾ Въ I книгѣ излагается вкратцѣ польскія, а во II русская исторія до Августа II и Петра Великаго. III книга охватываетъ событія въ Россіи и въ Польшѣ съ начала царствованія Екатерины I до начала семилѣтней войны, IV доводитъ параллельный разказъ о русскихъ и польскихъ дѣлахъ до вступленія на престолъ Екатерины II, книга V—до смерти Августа III, книга VI—до избранія Станислава Пятовскаго, VII—до двенадцатой конфедераціи, VIII—до Барской конфедераціи, IX—до турецкой войны, книги X—XII обнимаютъ исторію этой войны и дальнѣйшихъ судебъ Барской конфедераціи, XIII посвящена австро-прусской политикѣ, XIV—продолженію разказа о Барской конфедераціи до похищенія короля, XV оканчивается первымъ раздѣломъ.

напримѣръ, сочиненіе оканчивается указаніемъ на событія 1794 г., которыхъ авторъ не могъ знать, такъ какъ умеръ въ 1791 году ¹⁾.

Рюльеръ описывалъ современныя ему событія, разсматривая ихъ подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, обусловливающимся и вліяніемъ на него тогдашняго общественнаго мнѣнія, и отношеніемъ къ Польшѣ со стороны Франціи. Своею цѣлью онъ прямо ставитъ изобразить „борьбу духа національной независимости противъ насилія чужеземнаго господства ²⁾“, и онъ не скрываетъ своего сочувствія къ полякамъ, тѣмъ болѣе, что системою правительства, коему онъ служилъ, было противодѣйствовать все болѣе и болѣе возростающему вліянію Россіи на Рѣчь Посполитую. Отсюда его пристрастія, его симпатіи и антипатіи, идеализація польскихъ сторонниковъ Франціи и совѣмъ иного рода отношеніе къ Станиславу Августу. Самая постановка вопроса внушена была Рюльеру его партійностью: при обсужденіи достоинствъ и недостатковъ его труда во французскомъ Институтѣ, извѣстный Дюпонъ де-Немуръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что „главный недостатокъ его плана“ заключается въ принятіи слѣдствія за причину: „если ему вѣрить“, говорилъ этотъ академикъ,—„именно вліяніе Россіи породило анархію въ Польшѣ, тогда какъ, на оборотъ, сама польская анархія, предшествовавшая возвышенію Россіи, дала послѣдней и поводъ, и средства къ развитію этого вліянія, а затѣмъ стала вводить и другихъ сосѣдей въ искушеніе подобнаго рода“ ³⁾. „Когда“, говоритъ еще тотъ же критикъ,—„князь Радзивиллъ и его конфедерація обращаются къ покровительству сначала Россіи, а потомъ Турціи, еще болѣе опасному, такъ какъ войска послѣдней безъ всякой дисциплины производятъ гораздо большія опустошенія, это происходитъ, по автору, изъ любви къ свободѣ, ради поддержанія старыхъ законовъ. Ихъ продажность, ихъ интриги, попытки, которыя дѣлаютъ въ Петербургѣ гр. Огинскій, ихъ раболѣпіе предъ иностранцами, у которыхъ они вымаливаютъ помощь,—все это ему всегда кажется извинительнымъ. Онъ видитъ здѣсь только хорошія побужденія; онъ говоритъ о лицахъ, которыя такъ себя вели, какъ о гра-

¹⁾ Ainsi s'annonçaient, dès 1774, les envahissements nouveaux qui, vingt ans plus tard, devaient absorber la Pologne entière. IV, 253.

²⁾ Выраженіе издателя въ „notice historique“, т. I, стр. XX.

³⁾ Extrait du mémoire de M. Dupont de Nemours. Ibid., I, стр. LXI. Наме мы приведемъ собственныя слова Рюльера, которыя находятся, по видимому, въ противорѣчій съ такимъ обвиненіемъ, но критикъ вѣрно передаетъ общій тонъ книги.

жданыхъ, исполненныхъ чести, высокихъ нѣмѣреній (d'élévation) и добродѣтели. Но если король Понятовскій или его дяди пользуются русскою мощью, чтобы помочь установленію еще лучшихъ законовъ, необходимыхъ даже для самаго существованія республики, онъ видитъ въ нихъ лишь интригановъ и деспотовъ. Если большинство поляковъ остается спокойнымъ, если конфедерации могутъ собрать только самыя незначительныя силы, это со стороны шляхты лишь необходимое благоразуміе, чтобы выждать болѣе благоприятное время, прежде чѣмъ высказать свое мнѣніе. Если, на оборотъ, король медлитъ, если онъ ждетъ, чтобы улеглись страсти и истинная любовь къ отечеству привела всѣхъ къ единственно полезнымъ законамъ, которые позволили бы націи возвратитъ свою прежнюю силу извнѣ и управлять внутренними дѣлами, Рюльеръ обвиняетъ его въ нерѣшительности и въ трусости, за привязанность къ этимъ законамъ и къ этимъ учрежденіямъ, предложеннымъ его дядямъ, принятымъ его разумомъ и его сердцемъ.... Рюльеръ вынужденъ согласиться, что законъ объ единогласіи и разрывъ сеймовъ однимъ голосомъ дѣлали невозможнымъ какое бы то ни было правленіе, и что обычай оставлять тѣ незначительныя финансы, какіе только были у поляковъ, въ произвольномъ распоряженіи великихъ казначеевъ и отдавать войска, притомъ безъ жалованія, на добрую волю великихъ гетмановъ—нигдѣ также весьма важныя неудобства. Но именно удерживаніе этого безпорядка онъ называетъ патриотизмомъ и добродѣтельною, а усилія помочь злу получаютъ у него названіе низости и тирании. Хотя онъ соглашается, что въ 1573 году совершенное равенство политическихъ правъ польской шляхты не было нарушено существованіемъ различія въ религиозныхъ мнѣніяхъ, и что сами католики подразумѣвались въ формулѣ *inter nos de religione dissidentes*, тѣмъ не менѣе онъ порицаетъ не-католиковъ за то, что они потомъ протестовали противъ отиѣни политическихъ правъ, которыми они такъ долго пользовались и которыя были столь согласны съ естественнымъ правомъ" ¹⁾). Другой академикъ, также высказавшій свое мнѣніе о книгѣ, именно Левекъ, отиѣтилъ другую сторону пристрастнаго изложенія Рюльера. „Когда Рюльеръ писалъ, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ, что Россія находится на канунѣ своей гибели... Рюльеръ непремѣнно хочетъ, чтобы русскіе были трусы" ²⁾ и т. п. Въ этомъ пристрастномъ отношеніи

¹⁾ Ibid., I, стр. LXII—LXIV.

²⁾ Extrait des observations de M. Levesque. Ibid. I, стр. LXXXV—LXXXVI.

къ Россіи упрекали автора еще при жизни, когда онъ читалъ зна-
комымъ отрывки изъ своей книги. Въ 1788 или 1789 г., напримѣръ,
академикъ Шабанонъ въ письмѣ къ Рюльеру говорилъ, между про-
чимъ, слѣдующее: „Позвольте мнѣ сдѣлать общее замѣчаніе. Вы всегда
изображаете русскихъ, какъ народъ подлый и достойный презрѣнія;
вы показываете у поляковъ больше благородства, величія, дѣятель-
ности; вы приписываете имъ патріотическія чувства и великую лю-
бовь къ свободѣ. Вы создаете среди нихъ великіе характеры, по
истинѣ равные характерамъ древнихъ республикъ. Между тѣмъ во
всемъ теченіи вашей исторіи, эти гордые и дѣятельные поляки на-
ходятся всегда подъ игомъ. Они всегда зависаютъ отъ презрѣнныхъ
тиранновъ, которымъ вы ихъ порабощаете.... Не боитесь ли вы воз-
можности упрека въ томъ, что вы провозгласили великихъ людей,
которые никогда ничего не дѣлаютъ, хотя и имѣютъ передъ собою
только трусовъ!“¹⁾ Сочувственный Рюльеру авторъ „Histoire des
trois démembrements de la Pologne“ соглашается съ тѣмъ, что въ
книгѣ, дѣйствительно, часто проявляется неблагоприятное чувство по
отношенію къ русскимъ. „Не менѣе вѣрно и то“, прибавляетъ онъ,—
„что, разказывая долговременныя и достойныя слезъ несчастья поля-
ковъ, Рюльеръ, такъ сказать, отождествился съ ними и раздѣлялъ
чувство угнетенныхъ по отношенію къ ихъ притѣснителю“²⁾.—Раз-
смотримъ теперь самое содержаніе книги. На первыхъ же ея стра-
ницахъ³⁾ Рюльеръ говоритъ о польской анархіи, что и понятно при
заглавіи сочиненія, имѣющаго впрочемъ, болѣе богатое содержаніе,
нежели описаніе одной польской анархіи. Причины послѣдней, по
его словамъ, коренятся очень глубоко. „Послѣднія событія“, говоритъ
онъ,—„на которыя часть поляковъ сваливаетъ всѣ несчастья своего
отечества, были ея послѣдовательными симптомами (occasions), но не
суть ея настоящія причины. Всѣ эти бѣдствія имѣютъ болѣе глу-
бокіе корни, распространяющіеся, такъ сказать, подъ послѣдними
вѣками, такъ что еслибы судьба привела другія конъюнктуры, эти
печальныя сѣмена нашли бы какой-нибудь другой способъ дать

Наиболѣе явныя замѣчанія о книгѣ Рюльера и о польскихъ дѣлахъ, имъ описы-
ваемыхъ, принадлежатъ Дюпонъ-де-Немуру.

¹⁾ Приведено въ Histoire des trois démembrements de la Pologne. P. 1820.
I. Avertissement, p. XI—XII.

²⁾ Ibid., I. Avertissement, IX. Объ этой книгѣ см. ниже.

³⁾ Ibid., I, 5, 6.

ростки¹⁾. Описывая устройство этого государства, давно уже пришедшаго въ „совершенное почти разложеніе“²⁾, авторъ находитъ, что польская конституція, не имѣя въ себѣ ничего феодальнаго³⁾, была въ сущности тѣмъ же устройствомъ, какое мы встрѣчаемъ у варваровъ, разрушившихъ Римскую имперію⁴⁾. „Таково“, говоритъ онъ,—„въ своей первой простотѣ древнѣйшее республиканское устройство, какое только существуетъ на землѣ, и мы можемъ въ немъ видѣть, какъ въ вѣрномъ зеркалѣ, первобытное состояніе почти всѣхъ новыхъ націй“⁵⁾. Это устройство впоследствии только подверглось измѣненіямъ, искавшимъ его сущность: Рюльеръ подробно останавливается на причинахъ этихъ измѣненій⁶⁾, приведшихъ съ другими условіями быта, особенно въ союзнѣ съ католическимъ фанатизмомъ, какъ выражается авторъ, къ „единственной въ своемъ родѣ анархіи (anarchie singulière), которая, подъ предлогомъ пріданія конституціи непоколебимости, разрушила въ Польшѣ всю верховную власть (tout le pouvoir souverain), не оставивъ надежды ни для одной корпораціи и ни для одного гражданина когда-либо захватить эту власть въ свои руки“⁷⁾. Польша должна была остановиться въ своемъ развитіи: „если“, говоритъ Рюльеръ,—„Польша въ предыдущіе вѣка шла наравнѣ со всѣми другими государствами, она остановилась на той точкѣ, какой достигла, или вѣрнѣе—пошла вспять на нѣсколько вѣковъ“⁸⁾. Единственнымъ средствомъ что-либо сдѣлать хорошее, да и то паллиативнымъ и обоюдоострымъ были конфедераціи⁹⁾. Частое срываніе сеймовъ сдѣлало Рѣчь Посполитую неспособною быть всегда наготовѣ противъ сосѣдей, честолюбіе коихъ стала привлекать въ себѣ столь богатая добыча¹⁰⁾. „Ничего подобнаго не случалось ни у одного народа“¹¹⁾. Подъ вліяніемъ

¹⁾ Ibid., I, 9.

²⁾ Ibid., I, 10.

³⁾ Ibid., I, 11 sq.

⁴⁾ Ibid., I, 14.

⁵⁾ Ibid., I, 19.

⁶⁾ Ibid., I, 21 sq. Эти причины: увеличеніе территоріи, установленіе представительныхъ сеймовъ, раздѣленіе дворянства на вельможъ и простую шляхту и новый духъ въ Рѣчи Посполитой послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ

⁷⁾ Ibid., I, 42.

⁸⁾ Ibid., I, 49.

⁹⁾ Un palliatif,..... dont le patriotisme et la tyrannie se soient servis tour à tour. I, 54.

¹⁰⁾ Ibid., I, 58.

¹¹⁾ Ibid., I, 62.

анархіи и характеръ польской націи исказился: „Благородная гордость поляковъ, ихъ великодушная увѣренность въ самихъ себѣ, отличавшая ихъ прежде, должны были необходимо измѣниться и выродиться... Прежде ихъ обвиняли въ легкомысліи, теперь ихъ начали обвинять въ вѣроломствѣ" ¹⁾). Все это было на руку Россіи, для которой, по Рюльеру, съ Петра Великаго Рѣчь Посполитая сдѣлалась главною цѣлью честолюбія ²⁾, и „еслибы", говоритъ онъ еще, — „русскій тронъ былъ болѣе долгое время занятъ однимъ изъ этихъ честолюбивыхъ государей, способныхъ хвататься за всѣ предлоги, какіе имъ только посылаетъ судьба, то, вѣроятно, фатальный періодъ Польши наступилъ бы уже тогда", то-есть, при Петрѣ Великомъ ³⁾. Большинство поляковъ этого не понимало, видя даже въ своей анархіи „самую прекрасную систему правленія, какая когда-либо существовала на землѣ". „Только очень небольшое число гражданъ чувствовало, что столь странное состояніе не можетъ продолжаться много времени, что не можетъ быть настоящаго благополучія для людей безъ защиты и что при первомъ же случаѣ республика падетъ въ великомъ смятеніи. Но даже въ этомъ числѣ нѣкоторые, удерживаемые боязнью причинить такое гибельное потрясеніе, еслибы сдѣлана была попытка реформы, охлаждали свой пылъ, не хотѣли рисковать какою-либо попыткой и предоставляли участь свою и отечества времени и фортунѣ. Другіе, болѣе рьяные и убѣжденные въ настоятельной необходимости предупредить неизбежныя иначе бѣдствія, не скрывали отъ себя того, что для успѣха въ такомъ великомъ и трудномъ предпріятіи имъ нужна была крайняя осмотрительность, что одна мысль о перемѣнѣ была бы въ глазахъ большей части націи преступленіемъ, и что сосѣднія державы для ускоренія гибели республики ухватились бы, какъ за предлогъ, за эти самыя реформы, лишь только онѣ стали бы вводиться" ⁴⁾. Рюльеръ становится на сторону поляковъ, видѣвшихъ необходимость въ реформѣ, а въ какомъ направленіи должна была, по его мнѣнію, произойти эта реформа, можно усмотрѣть изъ того, что имъ говорится, между прочимъ, о безкорольствѣ по смерти Августа III: „Въ это междуцарствіе, наступленія котораго ожидали самыя добродѣтельные граждане, чтобы легче исполнить

¹⁾ Ibid., I, 107—108. Cf. 184 sq.

²⁾ Ibid., I, 110.

³⁾ Ibid., I, 125.

⁴⁾ Ibid., I, 188—189.

задуманнаы ими преобразованія, дѣло не могло уже ограничиваться, какъ въ предыдущія междуцарствія, удовлетвореніемъ нѣкоторымъ жалобамъ націи, исправленіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій, вкравшихся при послѣднемъ королѣ. Было очевидно, что польскіе законы не соотвѣтствовали болѣе правамъ; пужно было установить совсѣмъ новое правленіе. Желаніемъ самыхъ мудрыхъ было изъять свое отечество изъ-подъ анархической власти дворянства, отмѣнивъ этотъ нелѣпный законъ объ единогласіи, но въ то же время спасти республику отъ всѣхъ опасностей деспотизма, установивъ національный совѣтъ для назначенія на всѣ должности" ¹⁾).

Такъ понимаетъ Рюльеръ потребности Рѣчи Посполитой, и съ этой точки зрѣнія онъ обсуждаетъ вопросъ объ отношеніи Россіи къ Польшѣ вообще и въ поднятомъ Екатериною диссидентскомъ вопросѣ въ частности. „Эта государыня“, говоритъ онъ, — „видя, что Польша какъ будто сама подставляла шею подъ ярмо, что, ловко играя всѣми интересами и антипатіями, ей удалось всѣхъ поляковъ, заставить повиноваться ея приказаніямъ, — эта государыня думала что поляки дозволяли себя ослѣпить до готовности охотно пожертвовать своею независимостью, что республикѣ предстояло подчиненіе, и что наступилъ моментъ самой сдѣлаться ея неограниченною госпожею. Какую славу“, продолжаетъ Рюльеръ, — „приобрѣла бы на самомъ дѣлѣ эта государыня, еслибы, дѣлая въ дѣйствительности то, что она дѣлала только по видимости, она оказала покровительство у сосѣдней и дружественной націи новому законодательству, ставшему необходимымъ, и къ этой прекрасной идеѣ не примѣшала всѣхъ противорѣчій, которыя его разрушаютъ? Какую выгоду она могла бы приобрести и для себя, еслибы, сдѣлавшись благодѣтельницей этой націи, всегда вѣрной трактатамъ, она привязала ее къ себѣ узамъ благодарности, не угрожая этимъ несчастнымъ республиканцамъ игомъ, которое они съ ужасомъ отталкивали и тяжесть котораго она уже давала имъ чувствовать, еще не успѣвъ его на нихъ наложить? Это великодушіе только послужило бы ея честолюбію. Лишь восстанавливая былую свободу Греціи и сохраняя по отношенію къ ней кажущееся равенство, римляне сдѣлали ее своею данницею. Но Екатерина, вообразила, что она сдѣлается владѣлицей этой республики посредствомъ политикни, которая была бы равносильна завоеванію: она задумала у націи, еще независимой, переимѣнить и ре-

¹⁾ Ibid., II, 122.

лигію (1), и законы, то-есть, все то, что ловкіе завоеватели, обладавшіе искусствомъ укрѣплять свое владычество, всегда уважали у покоренныхъ народовъ“¹⁾). Разказавъ о реппинскомъ рѣшеніи диссидентскаго вопроса, авторъ предается аналогичнымъ же размышленіямъ: „Если бы императрица дѣйствительно желала совершить дѣло, за которое хвалили ее эти философы, то, вмѣсто того, чтобы умножать злоупотребленія церковной власти, она уничтожила бы всѣ старыя злоупотребленія, на которыя жаловались сами поляки, когда нація сохраняла еще свои сеймы; она уменьшила бы всѣ тѣ узурпированныя права, которыя получилъ римскій клиръ, благодаря древнимъ суевѣріямъ: вотъ за что философы, слѣдуя своимъ правиламъ, могли бы ее хвалить. Но установить вооруженною рукою собственную свою религію (1) въ сосѣдней странѣ подъ предлогомъ вѣротерпимости; дать участіе ея священникамъ и ея дворянству въ чужой верховной власти вопреки самому духу религіи, которымъ покровительствовала; сдѣлать изъ столь же обременительными для государства, какъ и римскій клиръ, однимъ словомъ, умножить злоупотребленія религіи“,—за все это панегиристы Екатерины не должны были ее хвалить²⁾).

Немногія выписки, сдѣланныя нами изъ книги Рюльера показываютъ, что и этотъ писатель, вопервыхъ, находилъ старое польское устройство никуда не годнымъ, вовторыхъ, порицалъ политику раздѣловъ и, втретьихъ, не прочь былъ пометать о возрожденіи Польши. Его анализъ причинъ польской анархіи, не представляя для насъ ничего новаго и оригинальнаго, сравнительно съ мнѣніями на этотъ счетъ другихъ тогдашнихъ писателей, заслуживаетъ однако вниманія, потому что, при всемъ желаніи сдѣлать изъ своей исторіи апологію падавшей Рѣчи Посполитой, онъ не могъ не видѣть, въ чемъ заключается истинная причина политическихъ бѣдствій Польши. Въ данномъ случаѣ Рюльеръ выражалъ только общее мнѣніе о польской конституціи. То же выраженіе общаго мнѣнія представляетъ собою и осужденіе Рюльеромъ политики раздѣловъ, хотя въ послѣдней и ему самому, равно какъ и его современникамъ, не все было извѣстно хорошо и вполне ясно: говоря это, я имѣю въ виду невѣрное пониманіе сущности диссидентскаго вопроса, а еще болѣе—общее молчаніе публицистовъ и историковъ прошлаго столѣтія о томъ,

¹⁾ Ibid., II, 392—394.

²⁾ Ibid., II, 464.

что можно назвать русскимъ вопросомъ ¹⁾. Наконецъ, хотя Рюльеръ и не довелъ своего изложенія до тѣхъ временъ въ исторіи падавшей Рѣчи Посполитой, когда появились дѣйствительные признаки возможнаго, по крайней мѣрѣ, возрожденія націи, но онъ хочетъ въ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ симпатичной ему партіи видѣть нѣчто такое, что заключало въ себѣ спасеніе Польши и даже его осуществило бы, еслибъ этому не препятствовали вышнія обстоятельства.

Продолжателемъ Рюльера явился Ферранъ, издавшій въ 1820 году въ Парижѣ „Исторію трехъ раздѣловъ Польши“ ²⁾. До известной степени предшественникъ помогъ въ работѣ своему продолжателю, оставивъ ему значительное количество собраннаго и не обработаннаго еще матеріала ³⁾. Ферранъ издавалъ свою книгу уже послѣ того, какъ совершился послѣдній передѣлъ польскихъ земель на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 г., а это обстоятельство дало ему поводъ въ предисловіи предупредить читателя, что его отношеніе къ польскимъ раздѣламъ прошлаго столѣтія отнюдь не распространяется на новый порядокъ вещей. „Справедливыя упреки“, говоритъ онъ,— „которыхъ не могутъ избѣжать виновники трехъ раздѣловъ, падаютъ на старую политику, подготовившую, проводшую и окончившую это несправедливое дѣло. Справедливыя похвалы (homages), которыми слѣдуетъ покрыть современное состояніе того, что составляло прежнюю Польшу, касаются теперешней политики, и нѣтъ никого, кто не согласился бы съ тѣмъ, что эта политика обратилась къ выгодѣ разныхъ жителей разчлененныхъ провинцій. Стоять только вспомнить всевозможныя бѣдствія, удручавшія поляковъ въ прошломъ столѣтіи, особенно послѣ 1783 г., чтобы прійти къ тому заключенію, что они потеряли только свое прежнее политическое существованіе, которое было для нихъ лишь источникомъ раздора и несчастій и которое, можетъ быть, не могло бы никогда улучшиться, среди препятствій, какія оно встрѣчало въ ихъ предразсудкахъ, ихъ привычкахъ и ихъ дурныхъ законахъ: теперь они приобрѣли существованіе, находящееся въ гармоніи съ государствами, часть конхъ они нынѣ составляютъ,

¹⁾ См. гл. V и V нашего обзора.

²⁾ Histoire des trois démembrements de la Pologne pour faire suite à l'histoire de l'anarchie de Pologne par Rulhière, par l'auteur de L'esprit de l'histoire et de la théorie des révolutions. Paris. 1820. Ср. похвальныя отзывы о Рюльерѣ на первыхъ страницахъ „avertissement“.

³⁾ Avertissement стр. V—VII.

и если ихъ новое существованіе упрочится, какъ все заставляетъ этого ожидать, полякъ, въ болѣе истинномъ смыслѣ свободный, нежели тогда, когда онъ безпрестанно говорилъ о свободѣ, будетъ въ состояніи, пользуясь выгодами, какія ему даетъ природа, оживить свое земледѣліе, бывшее всегда въ пренебреженіи, и наконецъ освободить свою торговлю отъ разорительной монополіи, какой подчинили ее евреи¹⁾. Мы привели это мѣсто, какъ бросающее свѣтъ на общій взглядъ автора. Впервыхъ, Ферранъ заявляетъ вдѣсь, что онъ будетъ несочувственно относиться и къ самому дѣлу польскихъ раздѣловъ, и къ его виновникамъ. Вовторыхъ, онъ высказываетъ однако сомнѣніе относительно того, могла ли бы Польша придти къ лучшему политическому состоянію, предоставленная сама себѣ,—и не очень высоко ставитъ прежнюю польскую свободу, если не жалѣеть о ея потерѣ. Втретьихъ, для будущаго онъ рекомендуетъ полякамъ нѣчто такое, что напоминаетъ позднѣйшую программу „органической работы“ (pracy organicznej). По первому пункту авторъ даетъ намъ знать, что его трудъ былъ оконченъ за двѣнадцать лѣтъ до появленія его въ свѣтъ, но онъ находилъ тогда неполитичнымъ издавать сочиненіе, заключающее въ себѣ нападки на политику державъ, раздѣлившихъ Польшу, неполитичнымъ даже въ томъ случаѣ, еслибъ исключить изъ книги разныя рѣзкости²⁾.

Сочиненіе Феррана, состоящее изъ трехъ томовъ, раздѣлено на введеніе, четырнадцать „книгъ“ и общій обзоръ всего содержанія. Во введеніи авторъ разсматриваетъ à vol d'oiseau всю польскую исторію, останавливаясь на концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ первыхъ шести книгахъ (томы I и половина II) разсказывается исторія перваго раздѣла, седьмая заключаетъ краткое изложеніе всего происходившаго въ Турціи и Польшѣ со времени Кучукъ-Кайнарджійскаго мира и перваго раздѣла до 1788 г., книги VIII—XII³⁾ повѣствуютъ о сеймѣ 1788 г. и о второмъ раздѣлѣ, двѣ остальные посвящены костюшковскому восстанію и окончательному раздѣлу, и вездѣ авторъ слѣдитъ за дипломатическими и военными дѣлами, вліявшими на судьбу Польши. Въ заключительномъ обзорѣ подводятся итоги и высказываются общіе взгляды.

¹⁾ Avertissement, стр. XXVII—XXVIII.

²⁾ Avertissement, XXIV.

³⁾ Третій томъ начинается съ IX книги.

Въ краткомъ очеркѣ польской исторіи Ферранъ, по собственному признанію, слѣдовалъ, главнымъ образомъ, Солиньяку, автору известной исторіи Польши, доведенной до бѣгства Генриха Валуа ¹⁾. Но какъ разъ съ этой эпохи въ польскую политическую жизнь вошли новые принципы, которые придали Польшѣ особый характеръ среди другихъ государствъ Европы. Ферранъ слѣдитъ за измѣненіями въ польской конституціи, открывшими, какъ онъ выражается, „эру бѣдствій“ ²⁾, но, собственно говоря, въ его изложеніи польской исторіи нѣтъ ни одной сколько-нибудь оригинальной мысли, которую слѣдовало бы отмѣтить. Гораздо важнѣе заключеніе (rescapitulation), занимающее около пятидесяти страницъ третьяго тома, такъ какъ здѣсь авторъ подводитъ итоги ³⁾. По представленію Феррана, и съ точки зрѣнія интересовъ „Европы“, Польша была „назначена“ предохранять „цивилизованную Европу отъ татарскихъ нашествій“ и отдѣлять ее отъ обширныхъ странъ, долгое время косившихъ въ варварствѣ ⁴⁾. Повтому, говорить онъ, — послѣ Петра Великаго Европа должна была почувствовать необходимость „удержать Польшу, какъ охранительную плотину“, а этого можно было достигнуть, только предупреждая или усновывая внутреннія польскія несогласія. Европа, однако, этого не сдѣлала ⁵⁾. Съ такой точки зрѣнія Ферранъ входитъ далѣе въ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ подробностей европейской политики XVIII вѣка указывая на то, что Франція имѣла даже и специальный интересъ поддерживать Польшу, которою хотѣла завладѣть Россія ⁶⁾. Среди полного мира беззаботность Европы дозволила совершиться первому раздѣлу Польши. Этотъ актъ, говоритъ Ферранъ, — „разложилъ Польшу, но еще ранѣе такого топографическаго разложенія Польша уже давнымъ-давно подверглась политическому и нравственному разложенію.

¹⁾ *Ferrand*, I, 2. Замѣчу кстати, что въ 1790 г. въ Амстердамѣ и Лейпцигѣ появилась *Continuation de l'histoire générale de Pologne par Mr. le chevalier de Solignac par les auteurs de la grande édition de Hollande de l'histoire universelle*. Этотъ „маленькій“ томикъ заканчивается царствованіемъ Станислава Августа, доведеннымъ до 1774 г.

²⁾ *Ferrand*, I, 21.

³⁾ *Ibid.*, III, 549—682.

⁴⁾ *Ibid.*, III, 550.

⁵⁾ *Ibid.*, III, 551.

⁶⁾ Le premier projet de Catherine étoit de dominer seule dans la Pologne... Elle ne se décida au partage que subsidiairement. III, 552—553. См. вообще 552 sq. О Екатеринѣ ср. 577.

Первый шагъ въ политическомъ разложеніи она сдѣлала, когда изъ равниваго недовѣрія къ власти ослабила свое правительство; вторымъ шагомъ было дозволеніе и даже желаніе, чтобъ иностранные принцы стремились стоять во главѣ этого ослабленнаго правительства. Наконецъ, правительство могло найти средства своего восстановленія въ сеймахъ, одушевленныхъ благими намѣреніями: Польша лишила себя и этого средства, или вѣрнѣе она легально себя противъ него вооружила, давая безумцу или интригану право разорвать или парализировать сеймъ. Свойство дурного правительства“, заключаетъ авторъ,—„деморализировать тѣхъ, которые ему подчинены“. Но, замѣчаетъ онъ, указавъ въ немногихъ словахъ на то, въ чемъ заключалась эта деморализація, — въ Польшѣ былъ еще національный духъ, и онъ послѣ воцаренія Станислава-Августа сдѣлалъ-было попытку уничтожить внутренніе безпорядки; попытка однако не удалась, ибо въ ней не было общаго плана, и притомъ безпорядки при поддержкѣ со стороны Россіи взяли верхъ¹⁾. Далѣе авторъ излагаетъ дипломатическую сторону польскаго раздѣла, изображая его, какъ нѣчто, происшедшее противъ первоначальной мысли Фридриха II²⁾, и перечисляетъ приведшія къ этому ошибки и Станислава-Августа (вступленіе его безъ малѣйшихъ правительственныхъ способностей на польскій престолъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ и съ иностранною помощью и всѣ слѣдствія этого факта)³⁾, и Барской конфедераціи (отсутствіе осторожности, силы и общаго плана въ ея дѣйствіяхъ⁴⁾), и самихъ державъ, дѣлвшихъ Польшу, и наконецъ, всей Европы. Любопытны соображенія Феррана объ ошибкахъ державъ Австріи,—ея ошибка самая большая,—не слѣдовало переступать Карпаты⁵⁾. Россія должна была думать о внутреннемъ преуспѣянніи и о господствѣ на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, сохраняя неприкосновенность Польши, какъ оплота противъ Европы, и поддерживая ея слабость⁶⁾. И Фридрихъ яко бы сначала былъ] противъ раздѣла,

1) Ibid., III, 558.

2) Ibid., III, 559 sq.

3) Ibid., III, 563 sq. Это—дѣлимъ обвинительный актъ противъ Станислава-Августа.

4) Ibid., III, 567 sq. Неосторожнымъ, хотя и легальнымъ, дѣломъ Ферранъ объявляетъ низложеніе Станислава-Августа.

5) Ibid., III, 574—575.

6) Ibid., III, 575 sq.

видя въ немъ для себя болѣе вреда, чѣмъ пользы ¹⁾). Ферранъ указываетъ также и на то, что и самимъ полякамъ не слѣдовало полагаться на соперничество державъ, какъ въ гарантію ихъ политическаго бытія, тѣмъ болѣе, что предусмотрительные люди пророчили объ опасности ²⁾). Польша, говоритъ онъ,—„не имѣла силы сопротивляться вторженію трехъ державъ, и за это нельзя ее упрекать; но у нея не было силы и возстать противъ многочисленныхъ злоупотребленій, которыя готовили ея гибель. Была ли это безпечность или ослѣпленіе,—первой нельзя извинить, какъ нельзя понять и втораго“ ³⁾). По крайней мѣрѣ, первый раздѣлъ, говоритъ Ферранъ,—оказалъ благотворительное вліяніе на національный духъ поляковъ. Начались реформы, которыя уже достигали цѣли, когда все дѣло было испорчено, какъ онъ выражается, невѣною того, кто указалъ на эту цѣль и способствовалъ ея достиженію. Тутъ-то, по его словамъ, и заключается интересъ сейма 1788 года: „въ этой революціи національный духъ стяжалъ всю славу успѣха, и позоръ неудачи его не коснулся“ ⁴⁾). Ферранъ восхваляетъ четырехлѣтній сеймъ и отказывается видѣть „въ упрямѣнныхъ вождяхъ Торговицкой конфедерации“ людей, принадлежащихъ къ націи ⁵⁾). Революцію 1794 г. онъ считаетъ также дѣломъ національнаго духа, хотя послѣдній, по его словамъ, едва имѣлъ время въ ней вполнѣ проявиться ⁶⁾). Послѣднія страницы книги заняты разсмотрѣніемъ отношенія державъ къ конституціи 3-го мая ⁷⁾ и общими разсужденіями моральнаго и политическаго свойства ⁸⁾. Нельзя и у Феррана не отмѣтить 1) признанія полной негодности старой польской конституціи, 2) порицанія раздѣловъ и 3)

¹⁾ Ibid., III, 578—579. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ о нарушеніи относительно Польши державами „всего, что священно въ глазахъ цивилизованныхъ націй“, 583.

²⁾ Ibid., III, 580—582.

³⁾ Ibid., III, 582—583.

⁴⁾ Ibid., III, 585.

⁵⁾ Ibid., III, 586.

⁶⁾ Ibid., III, 587.

⁷⁾ Ibid., III, 591 sq.

⁸⁾ Отъясъ объ этомъ сочиненіи Костомарова въ спискѣ источниковъ его „Послѣднихъ годовъ Речи Посполитой“ (С.-Пб. 1886. I, стр. IV): „Въ высшей степени пристрастное сочиненіе съ невѣрными фактами и превратными взглядами. Въ немъ важны только приложения“. Въ концѣ отдѣльныхъ книгъ помѣщены *pieces justificatives*, представляющія въ себѣ часто лишь выписки изъ *Лейденской газеты*.

сочувствія къ возрожденію Польши въ эпоху четырехлѣтняго сейма, не смотря на всѣ сомнѣнія въ возможности для поляковъ улучшения собственными силами. Для современной историографіи сочиненія Рильера и Феррана можно назвать совершенно устарѣлыми ⁴⁾, но, какъ было уже сказано въ началѣ ихъ разбора, обѣ книги долгое время были главными историческими трудами по вопросу о паденіи Рѣчи Посполитой.

Н. Карѣевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ См. напр. отзывъ Beer'a: Diesen Männern standen recht umfassende Hilfsmittel zu Gebote: mündliche Ueberlieferungen und schriftliche Aufzeichnungen. Dennoch waren sie nicht in der Lage, einen ganz richtigen Einblick in die Verhandlungen zu gewähren und die vielfach verschlungenen Fäden vollständig zu entwirren. Die ihnen zur Verfügung stehenden Quellen waren bloß secundärer Natur. In vielen Punkten streifen sie hart an die Wahrheit, ohne jedoch in's Schwarze zu treffen. Die erste Theilung Polens. Wien. 1873. I. Предисловіе, стр. III.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ ¹⁾.

V.

Попытки Симеона Полоцкого ввести въ Москвѣ южно-русскій обычай драматическихъ дѣйствъ по времени почти совпадаютъ съ появленіемъ у насъ новаго театра, который не имѣлъ уже ничего общаго съ представленіями школьными. Этотъ новый театръ былъ однимъ изъ знаменательныхъ признаковъ поворота въ умственной жизни русскаго общества XVII столѣтія, однимъ изъ плодовъ западной культуры, носителями которой въ Москвѣ явились нѣмцы. Въ началѣ своего царствованія, молодой государь Алексѣй Михайловичъ, отвѣчая внушеніямъ духовенства, стремившагося удержать русскую жизнь въ кругу старыхъ отеческихъ преданій и обычаевъ, и руководясь собственною набожностью, относился ко всѣмъ, даже самымъ невиннымъ проявленіямъ народнаго веселья совершенно отрицательно. Въ 1648 году по всѣмъ городамъ разсланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтверженіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжкамъ въ городахъ, волостяхъ, станахъ, пегостахъ не по одиножды (всѣмъ вслухъ. По этимъ грамотамъ, какъ выразительно замѣчаетъ И. Е. Забѣлинъ ²⁾, вся земля свѣторусская должна была обратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Строго предписывалось въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладоши не бить (то-есть, въ хороводы не играть) и игръ не слу-

¹⁾ Продолженіе. См. евразьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.*, за 1888 годъ.

²⁾ Домъ быть русск. царьцъ, гл. V.

шать; на свадьбахъ пѣсенъ не пѣть и не играть глумотворцамъ, органикамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на свѣткахъ въ бѣсовское сонмище не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказокъ не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, — такими помраченными и беззаконными дѣлами, — душъ своихъ не губить, личины и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить, зерню и въ карты и въ шахматы не играть; на Святой на доскахъ не скакать, на качеляхъ не качаться, скоморохомъ не быть, съ гуслими, бубнами, зурнами, домрами, волынками, гудками не ходить, медвѣдей не водить, съ собаками не плясать, кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (бабки) не играть, — не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи. Словомъ, изъ жизни изгонялись всѣ общественныя и домашнія удовольствія. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батоги, а въ третій или въ четвертый —сылать въ ссылку въ украинныя города; гусли, домры, зурны, гудки и всѣ подобныя бѣсовскіе гудебныя сосуды, а также и хари (маски) велѣно было отбирать, ломать и жечь безъ остатку. Скомороховъ же на первый разъ бить батоги, вдругорядь —кнутомъ и брать пеню по пяти рублей съ человѣка. Подобныя же грамоты были разосланы повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ всякаго милосердія и отлученіемъ отъ церкви Божіей ¹⁾.

Деять лѣтъ спустя, въ 1657 году, послѣдовало новое подтвержденіе этого строгаго запрета, наложеннаго на мірское веселье.... Между тѣмъ, время шло, и духъ новой культуры постепенно, но все сильнѣе и сильнѣе подкапывался подъ русскую старину и отчужденію; русская земля, увлекаемая небывалыми новизнами, начинала „переставлять обычи свои“; въ общественной жизни, въ литературѣ, въ искусствѣ мало по малу пробивались новыя идеи, болѣе живыя и свободныя, устранявшія прежнюю исключительность. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, въ первое время старавшійся подавать примѣръ строгаго благочестиваго житія по правиламъ стараго Домостроя, не могъ устоять противъ вѣяній времени и влеченій своей благодушной природы. Назначая „дѣлу время и потѣхъ часъ“, онъ любилъ послушать пѣсенниковъ и игрецовъ на органахъ, виолахъ и флей-

¹⁾ Акты Историч. IV, № 36; Акты Арх. Эксп. IV, № 59 и 98; *Ивановъ*, Опис. Госуд. Архива, 296.

тахъ, не прочь былъ посмотрѣть на пляски шутовъ и скомороховъ, которыхъ не мало жило „у государя на верху“, — не прочь былъ иногда позабавиться и запрещенною его же указами игрою въ тавлен вли въ шахматы; словомъ, на практикѣ онъ не могъ долго оставаться такимъ строгимъ ревнителемъ „старческаго устава“, какимъ хотѣлъ быть по внушенной ему теоріи. Мало по малу отвыкая отъ преданій и обычаевъ старины, онъ заинтересовался тѣми новинками европейской культуры, которыя все чаще и чаще появлялись въ Москвѣ и не могли остаться безъ вліянія на окружающую его обстановку. Нѣмецкая слобода, населенная заѣзжими иноземцами всевозможныхъ профессій, приобрѣтала для русской жизни все болѣе и болѣе важное значеніе, становилась все болѣе и болѣе необходимою: во всѣхъ областяхъ практической жизни нѣмцы оказывались незаменимыми людьми, и какъ правительству, такъ и отдѣльнымъ лицамъ все чаще и чаще приходилось пользоваться ихъ услугами. Ближайшіе къ царю люди, — бояре Ординъ-Нащокинъ, Ртищевъ и въ особенности — знаменитый Артемовъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, женатый на шотландкѣ Гамильтонъ, находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранцами и въ своемъ домашнемъ быту не стѣснялись перенимать заморскіе обычаи и повадки, если это доставляло имъ пользу или удовольствіе: интересовались научными свѣдѣніями, разными художествами и, наконецъ, не виданными до того времени развлеченіями. Вторая супруга царя, Наталья Кирилловна Нарышкина, выросшая въ домѣ Матвѣева „отца и друга нѣмцевъ“ была воспитана въ новыхъ условіяхъ быта; своимъ личнымъ характеромъ и вліяніемъ она содѣйствовала измѣненію образа жизни въ царскихъ теремахъ до такой степени, что Алексѣй Михайловичъ сталъ допускать многое такое, о чемъ не смѣлъ бы и подумать за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, когда церковные ходы и царскіе выходы доставляли чуть ли не единственную пищу его врожденной любви къ художеству.

Въ числѣ новыхъ иноземныхъ развлеченій, которыми сильно заинтересовался и успѣлъ заинтересовать царя бояринъ Матвѣевъ, первое мѣсто занималъ театр. Изъ разказовъ русскихъ пословъ, бывавшихъ за границей, давно уже было извѣстно, что въ нѣмецкихъ земляхъ и въ Польшѣ при дворахъ бываютъ „комедіи, по русски — потѣхи“; пріѣзжіе иностранцы, изъ которыхъ выше, можетъ быть, и сами играли въ подобныхъ „потѣхахъ“, могли сообщать еще болѣе обстоятельными свѣдѣніями объ ихъ обстановкѣ и содержаніи; иноземныя посольства, постоянно наѣзжавшія въ Москву, нерѣдко имѣли въ

своей свитѣ музыкантовъ, фокусниковъ и тому подобныхъ артистовъ; иногда въ Нѣмецкой слободѣ устраивались и настоящія театральныя представленія. Англійскій посоль графъ Карлейль, въ описаніи своихъ трехъ поѣздокъ въ Россію, разказываетъ, что въ 1664 году въ посольскомъ домѣ была представлена комедія, доставившая зрителямъ нѣсколько пріятныхъ часовъ¹⁾. Быть можетъ, подобные любительскіе спектакли бывали въ Нѣмецкой слободѣ и не одинъ разъ, и разказы о нихъ при дворѣ еще сильнѣе возбуждали въ Алексѣй Михайловичѣ желаніе познакомиться съ нѣмецкою потѣхой. Увлеченный этимъ желаніемъ, царь, наконецъ, рѣшилъ выписать изъ-за границы труппу актеровъ и завести у себя въ Москвѣ постоянный театръ: 15-го мая 1672 года Матвѣевъ объявилъ своему „пріятелю“, полковнику Николаю фанъ-Стадену, царскій указъ: ѣхать къ курляндскому Якубусу князю (герцогу Іакову, 1642—1681 гг.) и, будучи въ Курляндской землѣ, приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бь руды всякія подлинно знали и плавить ихъ умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бь умѣли всякія комедіи стронть; при этомъ было прибавлено, что если фанъ-Стаде такихъ людей въ Курляндіи не добудеть, то ѣхать ему во владѣніе короля Свейскаго и въ Прусскую землю“²⁾. Исполняя это порученіе, фанъ-Стаденъ въ іюлѣ нанялъ въ Ригѣ восемь человѣкъ актеровъ, а въ октябрѣ сообщилъ Матвѣеву, что ему удалось приговорить „еще три человѣка молодыхъ, которые на всѣхъ играхъ играютъ, чего никогда впредь сего на Москвѣ не слышано“. Черезъ мѣстныхъ рижскихъ актеровъ онъ вступилъ въ сношенія съ наиболѣе извѣстными изъ германскихъ странствующихъ труппъ. Во главѣ одной изъ этихъ труппъ стоялъ чрезвычайно популярный сценическій дѣятель того времени, магистръ Іоганнъ Фельтенъ, который, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ „Чарлусомъ“ (по видному, англичаниномъ) и труппою изъ двѣнадцати человѣкъ соглашался на предложеніе фанъ-Стадена ѣхать въ Москву. Съ такимъ же предложеніемъ обратился царскій посланецъ и къ примадоннѣ

¹⁾ La relation des trois ambassades etc., nouv. édition, revue et corr. par le pr. Aug. Galitzine. P. 1857, p. 76. Ср. Wesselofsky, Deutsche Einflüsse, 11.

²⁾ Тихонравовъ, Русск. драм. прозв. I, стр. VII—VIII. Подробные документъ о миссіи фанъ-Стадена, которыми мы, къ сожалѣнію, не могли пользоваться, находятся въ Моск. Гл. Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, Вызвды въ Россію, 1671, № 3; 1672—1677, № 1. См. Циттаева Генералъ Н. Бауманъ и его дѣло. М. 1884, стр. 50.

копенгагенской оперы, Аннѣ Паульсонъ. Такимъ образомъ, фанъ-Стаденъ, какъ человекъ образованный и, очевидно, любитель театра, предполагалъ познакомить московскій дворъ 'со всѣмъ тѣмъ, что представляла тогдашняя нѣмецкая сцена самаго новаго и лучшаго. Драматическій репертуаръ Фельтена былъ въ то время, такъ сказать, послѣднимъ словомъ нѣмецкаго театра; опера только что начинала входить въ моду въ Германію, и еслибы желанія фанъ-Стадена исполнились, то русская сцена, при самомъ своемъ основаніи, была бы поставлена наравнѣ съ нѣмецкою. Но эти ожиданія не сбылись. Нѣмецкіе актеры, сначала заявившіе 'готовность принять условія фанъ-Стадена (вѣроятно, очень заманчивыя), потомъ отказались отъ поѣздки въ Россію: они были напуганы трудностями пути и неблагопріятными разказами объ этой далекой, варварской странѣ, откуда очень трудно выбраться, и гдѣ иностранцамъ грозятъ иногда „кнутомъ и Сибирью“. Вернувшись изъ своей поѣздки въ декабрѣ 1672 года, фанъ-Стаденъ привезъ съ собою только одного трубача да четырехъ музыкантовъ.

Между тѣмъ желаніе царя поскорѣе увидать нѣмецкую театральную потѣху было такъ сильно, что отправивъ фанъ-Стадена за иноземными „экомендіантами“, онъ рѣшилъ не дожидаться результатовъ этой поѣздки и устроить театръ домашними средствами, при помощи своихъ московскихъ нѣмцевъ. Матвѣевъ обратился въ Нѣмецкую слободу съ запросомъ, нѣтъ ли такого человека, который могъ бы сочинить и представить комедію. Ему было указано на пастора Іоганна Готфрида Грегори, которому, 'такимъ образомъ, волеяневолей пришлось заняться неожиданнымъ и не подходящимъ для него дѣломъ, — устроить театръ, собирать и обучать труппу актеровъ и музыкантовъ и сочинять комедіи.

Іоганнъ Готфридъ Грегори (Gregorii), уроженецъ Мерзебурга ¹⁾,

¹⁾ Главнымъ источникомъ для біографіи Грегори служатъ записки *Laurentia Rinhubera*: Relation du voyage en Russie fait en 1684 par L. Rinhuber. Berl. 1883 (см. объ этой книгѣ статью прое. Брюкнера въ *Historische Zeitschrift* 1884, тетр. 5 и А. Н. Фехнера въ *Spb. Ztg.* 1883, № 232) и дѣло генерала Ник. Баумана въ Москв. Гл. Архивѣ М-ва Ин. Д. См. *Центалова*, „Дѣло ген. Баумана“ и „Пятакники къ исторіи протестантства въ Россіи“, т. I. Далѣе — изъ некоторымъ документальнымъ даннымъ можно найти въ книгѣ: *Die evangelische Ecclesia militans in Moskau vor zwei Jahrhunderten*, Berl. 1865 и въ соч. пастора *Fechner'a*: *Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau*, B. I, M. 1876. Что Грегори родомъ изъ Мерзебурга, а не изъ Марбурга (какъ сказано въ трудахъ гг. *Тихомирова* и *Центалова*), объ этомъ свидѣлствуетъ онъ самъ, у *Rinhubera*, с. е. 10.

былъ сынъ медика Виктора Грегори; мать его, по смерти мужа, вышла за другаго медика, извѣстнаго впоследствии Лаврентія Блюментроста. Въ Москву онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ октябрѣ 1658 года и опредѣлился учителемъ церковной школы въ приходѣ пастора Фадемрехта; раньше служилъ въ некоторое время, въ военной службѣ, въ Швеціи, а потомъ—въ Польшѣ, въ Ганчевскомъ рейтарскомъ полку. Ко времени прибытія Грегори въ Москву, въ Нѣмецкой слободѣ было двѣ лютеранскія церкви: одна, при которой служилъ Фадемрехтъ, имѣла прихожанами такъ называемыхъ „старыхъ нѣмцевъ“, то-есть, такихъ, которые вели свой родъ отъ первыхъ жителей слободы—плѣнныхъ эпохи Грознаго или вообще были въ Москвѣ старожилами; другая церковь, называвшаяся обыкновенно „офицерскою“, принадлежала нѣмцамъ нововывъзшимъ, и при ней находился сначала пасторъ Якоби, а затѣмъ, по смерти его, пасторъ Фокеродтъ. Послѣдняго вызвалъ въ Москву „Датскія земли полковникъ и инженеръ и граватный мастеръ Миколай Бовманъ“ (Бауманъ), приглашенный на русскую службу, вмѣстѣ съ другими офицерами, въ 1657 году. Бауманъ содержалъ Фокеродта на свой счетъ и взял его въ 1659 году вмѣстѣ съ собою въ Малороссію, въ походъ противъ гетмана Выговскаго и Крымскаго хана. Возвратившись изъ этого похода уже въ генеральскомъ чинѣ, Бауманъ занялъ среди жителей Нѣмецкой слободы почетное и весьма плѣнительное положеніе, въ особенности въ церковныхъ дѣлахъ, какъ старшина прихода офицерской церкви, на перестройку и содержаніе которой онъ жертвовалъ свои деньги. Съ увеличеніемъ количества прихожанъ этой церкви, благодаря наплыву нѣмецкихъ офицеровъ въ началѣ 1660 годовъ, Бауманъ пожелалъ имѣть при ней втораго пастора. Его вниманіе остановилось на Грегори, который уже успѣлъ приобрести нѣкоторую извѣстность своею смѣтливостью, начитанностью и въ особенности—краснорѣчіемъ. Въ это время Грегори, желая докончить свое образованіе, собирался уѣхать изъ Москвы. Генералъ послалъ за нимъ въ погоню стрѣльцовъ, призвалъ его къ себѣ и потребовалъ вѣтвеннаго обѣщанія и поручительства, что онъ вернется въ Москву пасторомъ¹⁾. Грегори отправился въ Іену, получилъ тамъ степень

¹⁾ *Generalls Baumannus eum per strelizas imperatorios iterum accersi jubet, jurare eum cogit et per fide jurores se reverenturum in Moscoviam pastorem spondere. Вильдеръ, 43.* „Просилъ его генералъ Бовманъ съ начальными людьми и далъ ему пшено, чтобъ онъ ѣхалъ въ Цесарскую землю и сталъ въ пасторы, а отъѣзъ въ пасторы, пріѣхалъ въ Москау“—показаніе Грегори, у *Цоттаева, Па-*

магистра, а затѣмъ былъ рукоположенъ въ пастора въ Дрезденѣ, въ присутствіи курфирста Саксонскаго Іоанна Георга II и его сановниковъ, вѣроятно, въ апрѣлѣ 1662 года. Отпуская его въ Москву, оба правителя Саксоніи, курфирстъ Іоаннъ-Георгъ и герцогъ Христіанъ, снабдили его грамотами къ царю, въ которыхъ заключались просьбы о благосклонности къ живущимъ въ Россіи лютеранамъ и очень лестные отзывы о новомъ пасторѣ. „Магистръ Іоаннъ-Готфридъ Грегори“, писалъ курфирсту отъ 16-го апрѣля 1662 года, — „отличается ревностнымъ благочестіемъ, чрезвычайною ученостію и замѣчательнымъ умомъ; изъ любви къ слову Божию, онъ сдѣлался добровольнымъ изгнанникомъ, отказавшись отъ всего имущества, покинулъ родину, отцовскій домъ и родственниковъ и въ дальнихъ странствованіяхъ подвергалъ свою жизнь многимъ опасностямъ, повинаясь единственно призванію Божию и желая свято и ненарушимо исполнить данное имъ обѣщаніе возвратиться въ Россію“¹⁾.

По возвращеніи въ Москву, Грегори занялъ мѣсто младшаго пастора въ офицерской церкви и поочередно съ старшимъ пасторомъ Фокеродтомъ долженъ былъ, время отъ времени, отправляться съ офицерами, для исполненія церковныхъ требъ, въ походы и объѣзжать гарнизоны²⁾. Молодой ученый проповѣдникъ скоро возбудилъ противъ себя неудовольствіе и зависть старыхъ пасторовъ, которые не могли простить ему его магистерской степени и краснорѣчія, привлекавшаго къ нему множество слушателей. У старой церкви убавилось число прихожанъ, а слѣдовательно, и доходовъ; вслѣдствіе этого пасторъ Фадемрехтъ сдѣлался крайнимъ недоброжелателемъ Грегори, считая его креатурой Баумана, котораго старые нѣмцы вообще очень не любили; въ новой, офицерской церкви сослуживецъ Грегори, Фокеродтъ, вынужденный дѣлить доходы пополамъ, просто его возненавидѣлъ, всѣми средствами старался его выжить, устраивалъ ему сцены, распускалъ о немъ сплетни, такъ, что Бауманъ сталъ пригла-

мтвину, 15. Кажущееся противорѣчіе между обими свидѣтельствами объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Бауманъ, лично настаивая на возвращеніи Грегори, желая оооронить дѣло и поручилъ церковнымъ старшинамъ слабдить его рекомендацію. При томъ вліяніи, каковымъ пользовался Бауманъ, ему не трудно было это сдѣлать.

¹⁾ *Fechner, Chronik*, 298.

²⁾ *Bei der Officir Kirch zwey Priester, der älteste Herr Joh. Fockerodt, der ander Mag. Joh. Gregoril. Reisen eins umbs andere bey die Armeen so auff Tartar, Casack undt polnischer Grantz liegen, wie auch in die Garnisonen, umb daselbst die Tauffen undt sonst die Gottesdienst zu verrichten. Bialuber, 2.*

шать Грегори для проновѣди къ себѣ на домъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ представителями прихода взялъ съ Фокеродта письменное обязательство, съ поручительствомъ четырехъ лицъ, (8-го января 1663 года) не опорочивать Грегори никакими позорными словами, ни тайно, ни явно, ни въ лицо, ни заочно, и почитать его, какъ честнаго человека и достойнаго пастыря церкви ¹⁾.

Кромѣ обязанности пастора, Грегори завѣдывалъ также и устроеною Бауманомъ при церкви школою. Содержаніе церкви и школы требовало значительныхъ расходовъ, которые далеко не покрывались сборомъ съ прихожанъ; Бауманъ расходовалъ частью свои деньги, частью дѣлалъ займы у купцовъ, въ надеждѣ на будущія пожертвованія. Между тѣмъ, пожертвованія не оправдывали ожиданій, такъ что чувствовалась большая нужда въ деньгахъ. Въ виду этого, въ 1667 году, Бауманъ и ближайшія къ нему лица рѣшили отправить Грегори въ Германію для сбора пожертвованій, снабдивъ его рекомендаціями и просительнымъ письмомъ ²⁾. Выборъ палъ на Грегори, потому что онъ лично былъ извѣстенъ Саксонскому курфирсту, къ которому именно въ это время правительство намѣревалось обратиться съ просьбою о присылкѣ въ Россію рудознатцевъ и добрыхъ суконнаго дѣла мастеровъ. Грегори взялъ на себя передачу царской грамоты курфирсту и вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ Баумана, выхлопоталъ у сильнаго въ то время вельможи, князя Юрія Ивановича Ромодановскаго, призывную грамоту для своего отчима, доктора Блюментроста, котораго обѣщано было сдѣлать царскимъ „архіатеромъ“ то-есть, лейбъ-медикомъ. Съ этими грамотами Грегори, въ качествѣ почти officialнаго агента русскаго правительства, явился прежде всего въ Дрезденъ, затѣмъ побывалъ въ Готѣ, Аугсбургѣ и многихъ другихъ городахъ, вездѣ былъ принятъ съ почетомъ, собралъ довольно крупную сумму пожертвованій и въ маѣ 1668 года возвратился въ Москву съ новыми рекомендательными грамотами отъ саксонскаго курфирста. Вмѣстѣ съ пасторомъ пріѣхалъ и его отчимъ Блюментростъ, пригласившій съ собою, въ качествѣ ассистента, лейпцигскаго студента Лаврентія Рингубера.

Между тѣмъ враги пастора, съ Фокеродтомъ во главѣ, и завистники Баумана, уже произведеннаго въ полные генералы, не теряли времени и усердно раздували неудовольствіе на того и другаго.

¹⁾ *Центасетъ*, Дѣло Баумана, 15.

²⁾ Тамъ же, 16 и сл., *Rinliber*, 44.

Противъ Грегори были пущены въ ходъ всевозможныя сплетни: разказывали, будто въ Австріи онъ былъ лишенъ чина и чести, въ Польшѣ бѣжалъ изъ рейтарской службы, за что его имя было прибито къ висѣлицѣ и т. п. Воспользовавшись тѣмъ, что Романовскій впалъ въ немилость и былъ удаленъ отъ двора, враги Грегори стали распускать слухъ, что пасторъ возилъ отъ князя Юрія въ Саксонскую землю подарки и какія-то секретныя письма; что онъ поносилъ Московское государство въ Германіи, называя русскихъ варварскимъ народомъ; что онъ умалялъ честь государя, потому что по возвращеніи своемъ изъ-за границы молился въ церкви сперва за курфирста, а потомъ уже за царя. Такимъ образомъ выработался уже настоящій политическій доносъ, который Фокеродтъ и его сторонники не замедлили подать по начальству вмѣстѣ съ жалобой на своеволие Баумана въ церковныхъ дѣлахъ. Они доказывали, что офицерская церковь, хотя и построенная преимущественно на средства Баумана, принадлежитъ не ему, а Фокеродту, и просили о восстановленіи правъ послѣдняго и объ удаленіи Грегори. Началось дѣло, очень непріятное для Грегори и его покровителя и тянувшееся нѣсколько мѣсяцевъ, со всевозможными интригами, жалобами, доносами, допросами и т. д. ¹⁾ Грегори оправдывался, но все-таки, былъ оставленъ въ подоврѣніи; царскимъ указомъ 22-го декабря 1668 года велѣно было „у богомольной хоромины въ Нѣмецкой слободѣ пасторомъ быть Ивану Фокроту по прежнему, магистру же отъ той богомольной хоромины отказать“. Послѣ этого приговора Бауманъ, ссылаясь на свои не возмѣщенные расходы по постройкѣ офицерской церкви, сломалъ ее, перенесъ на новое мѣсто и поставилъ въ ней пасторомъ Грегори, котораго содержалъ отчасти на свой счетъ, отчасти на деньги, пожертвованныя нѣмецкими князьями, въ особенности — Саксонскимъ герцогомъ Эрнстомъ Благочестивымъ. Эта новая или Баумановская церковь была торжественно освящена 2-го февраля 1669 года; при ней была устроена школа, и чтобы занятія въ ней не мѣшали богослуженію, для Грегори былъ выписанъ изъ Нарвы помощникъ, Герардъ Линау. Обученіе въ школѣ было бесплатное; въ нее брали богатыхъ и бѣдныхъ юношей, служанокъ, плѣнныхъ или купленныхъ турокъ, татаръ, поляковъ, холоповъ и холопокъ, и учили ихъ закону Божію, нѣмецкому и латинскому языкамъ, счету, письму и музыкѣ.

¹⁾ Дѣло это впервые по подлиннымъ документамъ изложено в. Цитируемыя въ названной выше брошюрѣ.

Школа быстро развивалась, но матеріальное положеніе ея, точно также, какъ и положеніе самого Грегори, было далеко не блестящее, въ особенности послѣ того какъ его покровитель Бауманъ уѣхалъ (въ началѣ 1671 года) изъ Россіи. Старые недруги магистра не оставляли своихъ интригъ, и ему, какъ человѣку уже заподозрѣнному, было очень трудно возстановить въ глазахъ правительства свое прежнее достоинство и защититься отъ наѣтовъ. Лаврентію Блюментросту и Рингуберу жилось также очень плохо: вопреки общаго, давному въ призывной грамотѣ, Блюментростъ не только не получилъ мѣста лейбъ-медика, но и самыя его знанія въ медицинѣ и даже въ латинскомъ языкѣ были заподозрѣны, такъ что ему пришлось держать экзаменъ въ особой комиссіи, подѣ предсѣдательствомъ митрополита Газскаго Пансія Лигарида; однако, и послѣ того онъ все еще оставался въ неопредѣленномъ положеніи. Что касается до Рингубера, то онъ сначала нѣкоторое время жилъ у Блюментроста и обучалъ его сына медицинѣ и химіи, а затѣмъ въ теченіе года (1671—1672) былъ учителемъ въ школѣ Грегори. Пасторъ, видя, что ему въ Москвѣ не удастся пристроиться, хотѣлъ уже отпустить его въ Лейпцигъ; но именно въ это время на Грегори было указано Матѣеву, какъ на человѣка, способнаго „строить комедіи“. Рингуберъ даетъ понять, что это указаніе было сдѣлано врагами Грегори, съ цѣлю поставить его въ еще болѣе затруднительное и неприятное положеніе ¹⁾. Отказаться отъ порученія было не возможно, потому что это значило бы окончателно погубить себя; но и исполнить его, при отсутствіи всякихъ средствъ и при совершенной необычности дѣла, было очень нелегко. Однако Грегори энергично взялся за комедійное строеніе и, при дѣятельномъ участіи своихъ друзей и преданныхъ людей, сумѣлъ обратить это дѣло себѣ въ пользу. На родинѣ пастора, въ его ученическіе годы, повсюду процвѣтали школьныя представленія; можетъ быть, онъ и самъ, будучи студентомъ, не разъ принималъ участіе въ подобныхъ спектакляхъ, такъ какъ въ XVII вѣкѣ большинство странствующихъ труппъ въ Германіи состояло на половину изъ студентовъ, которые любили примкнуть ненадолго къ обществу актеровъ, чтобы людей посмотреть и себя показать, и кое-что зарабо-

¹⁾ *Magnus Moscoviae Czar de rebus comicis audiens videre comoediam havet. Num quis esset, qui id praestare posset, quaesitum. Nemine id audiente, clam defertur dom. mag. Gregorii pastor: hunc comoediam scribere posse dicunt. En nolentem volentem eo adigit vel caetera clementia, vel periculum. Rinhuber, 29.*

тать. Словомъ, для Грегори комидійное дѣло не могло быть совершенно невзвѣстнымъ ¹⁾. Но, живя почти уже 14 лѣтъ въ Россіи и посвятивъ себя совершенно инымъ занятіямъ, онъ, естественно, отсталъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о современномъ положеніи драматической литературы и театра въ Германіи, такъ что когда ему пришлось выбирать пьесу, пригодную для представленія, онъ обратился не къ новому репертуару фельтеновской труппы (пьесы котораго, впрочемъ, трудно было и достать въ Москвѣ), а къ старому, изданному за полвѣка передъ тѣмъ (1620 г.) сборнику такъ-называемыхъ „англійскихъ комедій“, которыя въ 70-хъ годахъ въ Германіи уже сошли со сцены. Въ этомъ сборникѣ ²⁾ на первомъ мѣстѣ стоитъ „Комедія о королевѣ Эссери и высокогѣрномъ Аманѣ“. На ней-то Грегори, по видимому, и останавливалъ свое вниманіе. Можетъ быть, впрочемъ, что онъ предлагалъ Матвѣеву на выборъ нѣсколько пьесъ, подходящихъ для обработки и представленія „предъ свѣтлыми очми царскаго величества“, и самъ Матвѣевъ выбралъ именно эту пьесу. Какъ бы то ни было, 4-го іюня 1672 года, на шестой день по рожденіи Петра Великаго, которое было отпраздновано во дворцѣ большимъ пированьемъ, въ приказѣ Володимірской и Галицкой чети было объявлено, что „царь указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Ессери, и для того дѣйства устроить хоромину вновь, а на строенье тое хоромины и что на нее подобно покупать изъ приказу володимірской чети. И по тому великаго государя указу камидійная хоромина построена въ селѣ Преображенскомъ со всѣмъ нарядомъ, что въ тое хоромину подобно. А сколько въ тое хоромину лѣсныхъ запасовъ и всякаго наряду, и сколько по цѣнѣ чего пошло, и тому смѣтную роспись подавъ овольничему Артемону Сергѣевичу Матвѣеву да дьякомъ думному Григорью Богданову, да Якову Поздышеву, да Ивану Евстафьеву приказу володимерские чети подъячей Аванасей Дмит-

¹⁾ Г. Цейтгейс (Дѣло Ваум., 50) высказываетъ предположеніе, что драматическія представленія бывали и въ школахъ при Ваумановской церкви; но въ такомъ случаѣ Грегори могъ бы просто повторить передъ государемъ одну изъ своихъ школьныхъ пьесъ; между тѣмъ, этого онъ не дѣлалъ, а ставилъ пьесы совершенно иного характера.

²⁾ *Engelische Comedien und Tragedien, das ist: sehr schöne, herrliche und ausserlesene geist- und weltliche Comedi und Tragedi Spiel sampt dem Pickelhering, и пр. gedruckt im Jahr M. DCXX.* Перепечатано *Tittmann*'омъ въ издашіи *Deutsche Dichter des XVI Jahrhunderts*, B. 13, Lpz. 1880.

ривъ¹⁾). Прежде чѣмъ дать этотъ указъ и такимъ образомъ узаконить небывалую до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ театральную потѣху, царь обратился къ своему духовнику за совѣтомъ, можно ли допустить вѣмцевъ играть во дворцѣ комедію, и духовникъ, протопопъ Андрей Савиновъ—далъ разрѣшеніе, ссылаясь на примѣры прочихъ христіанскихъ государей и въ особенности—православныхъ византійскихъ императоровъ, которые устроивали театральныя зрѣлища въ своихъ палатахъ²⁾). Такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая старую Русь все ближе и ближе къ европейскому міру.

Покуда строилась комидійная хоромина, Грегори и Рингуберъ сочиняли „трагико-комедію“ объ Эсэри и Артаксерксѣ, затѣмъ собрали дѣтей разныхъ чиновъ служивыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человекъ и, при помощи учителя Юрія Михайлова и переводчика посольскаго приказа Георга Губнера³⁾, стали упражнять ихъ *in exercitio comico* на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ⁴⁾). Одинъ изъ друзей пастора, голландскій живописецъ „Петръ Гавриловъ“ Инглисъ, писалъ декорации и, вѣроятно, распоряжался устройствомъ сцены; церковный органистъ Симонъ Гутовскій и другой „игрецъ“, Тимофей Гасенкрухъ, вмѣстѣ съ дворовыми музыкантами Матвѣева, составили оркестръ. Дѣло представляло, конечно, не мало трудностей, но, благодаря энергіи пастора и его помощниковъ, черезъ четыре съ половиною мѣсяца все было готово, и 17-го октября 1672 года⁵⁾ состоялось первое представленіе „Артаксерсова дѣйства“. Царь былъ очарованъ не виданнымъ дотошъ спектаклемъ и внимательно слѣдилъ за ходомъ пьесы, впродолженіе десяти часовъ не вставая съ мѣста. Грегори и участники дѣйства, въ особенности сынъ доктора Влюментроста (впоследствии—знаменитый архіатръ Петра Великаго и первый президентъ Академіи Наукъ), исполнявшій главную роль (вѣ-

¹⁾ Летописи, изд. Тихонравова, т. III, отд. 2, стр. 28. Расходима книга приказа Галицкой чети—во Временникъ Общ. Нот. и Др. 1856, кн. 24 и у Калачева—Архивъ юрид. и практич. сѣд., 1869, вып. VI.

²⁾ Пекарскій, Н. в Л., I, 392.

³⁾ По русски его звали „Гинверъ“; самъ онъ подписывался Hühner или, можетъ быть, Hühner, но не Hühner, какъ у А. Н. Веселовскаго, Deutsche Einfl., 18.

⁴⁾ *Scriptis ergo, me socium sibi adjungens, tragico-comoediam Ahasveri et Esthæe, quam et germanice, et slavonice trium mensium spatio pueros edocui agentes. Vindeber, 29.*

⁵⁾ Эта дата установлена съ полнымъ несомнѣніемъ свидѣтельствомъ Рингубера. Ср. также Ecclesia militans, S. 14.

роятно, роль Эсеяри), были обласканы и вскорѣ щедро награждены: 21-го января 1678 года Матвѣевъ объявилъ царское распоряженіе „взять въ посольскій приказъ сорокъ соболей во сто рублевъ, да пару въ восемь рублевъ, а изъ посольскаго приказу отдать тѣ соболи его, великаго государя, на жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строенье, что объ Артаксерксовѣ царствованіи“. На свѣтлой недѣлѣ, 6-го апрѣля того же года, „были у великаго государя у руки и видѣли его, великаго государя, пресвѣтлыя очи магистръ, пасторъ Яганъ Готфридъ, да учитель Юрья Михайловъ, да съ ними экомедіанты Артаксеркова дѣйства. А напередъ сего изъ посольскаго приказу пасторы и иноземскія дѣти у великаго государя у руки не бывали“⁴⁾. Еще раньше, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря 1672 года, иноземецъ Фридришко Госенъ, бывшій по указу великаго государя въ комидійномъ дѣйствѣ, просилъ исправить его въ поруческій чинъ и дать ему жалованье. Просьба эта была исполнена. Экземпляръ Артаксеркова дѣйства, поднесенный царю, вѣрно было переплести въ сафьянъ съ золотомъ. Не смотря, однако же, на эту заботливость о комедіи, до нашего времени она, все-таки, не сохранилась. Текстъ ея, несомнѣнно, былъ написанъ по русскія; изъ показанія Рингубера, обучавшаго будущихъ актеровъ germanice et slavonice при помощи русскаго учителя Юрія Михайлова, слѣдуетъ заключить, что и представлена была пьеса также на русскомъ языкѣ, а не на нѣмецкомъ. Въ противномъ случаѣ пришлось бы предположить, что царь или слѣдилъ за ходомъ дѣйствія по рукописному экземпляру пьесы, или все время слушалъ переводчика, толковавшаго ему каждое слово дѣйствующихъ лицъ: и то, и другое было, конечно, очень неудобно. Можетъ быть, однако, что нѣкоторые изъ актеровъ, не вная русскаго языка, вели свои рѣчи по нѣмцу.

Комидійная хоромина, выстроенная по царскому указу въ селѣ Преображенскомъ, была не очень велика: приблизительно 10 сажень въ квадратъ, при вышинѣ въ 6 аршинъ, и огорожена заборомъ со створчатыми воротами⁵⁾. Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество заграничнаго сукна, краснаго и зеленаго, ковровъ и другихъ предметовъ для украшенія театра. Стѣны и полы

¹⁾ Тихонравовъ, Русск. драм. прозв., I, стр. XI.

²⁾ Записка объ употребленномъ на ея постройку лѣсномъ матеріалѣ, стоившемъ болѣе тысячи рублевъ, напечатана у Забѣлина, Вътъ русск. царницъ, 474.

кругомъ были обиты войлоками, а по нимъ убраны сукнами и коврами. Царское мѣсто, конечно, впереди другихъ, было обито красивымъ сукномъ; остальные зрители сидѣли на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ; устроены были также полки, то-есть, мѣста амфитеатромъ. Сцена была отдѣлена отъ зрительнаго зала брусомъ съ перилами и, вѣроятно, нѣсколько поднята; занавѣсъ, долго сохранившій нѣмецкое названіе „шпалеръ“ (Spaller), былъ раздвижной на обѣ стороны и висѣлъ на мѣдныхъ кольцахъ на толстомъ желѣзномъ прутѣ. Какъ сцена, такъ и зрительная зала, освѣщались большими сальными свѣчами, вставленными на утвержденные на доскахъ подсвѣчники. Декорации, называвшіяся „рамами перспективнаго письма“ изготовлялись уже упомянутымъ голландцемъ Петромъ Инглисомъ, котораго титуловали „перспективнаго дѣла мастеромъ“; въ записи 1674 года такихъ декоративныхъ рамъ насчитывается уже 36 штукъ разной величины. На костюмы, парики и прочія принадлежности не жалѣли расходовъ. Грегори подавалъ Матвѣеву „роспись, что ему надобно на комедію“, и получалъ деньги изъ приказа Галицкой чети. Такъ, напримѣръ, въ записномъ расходномъ столбцѣ этого приказа подъ 6-мъ октября 182 (1673) года отмѣчено: „По указу государя царя и пр. окольничій Артамонъ Сергѣевъчъ Матвѣевъ приказалъ магистру Іагану Готфриту ко исправленію комедіи на платьѣ ангеловъ и на молодого Товію и на одѣяніе его спутшественниковъ дать изъ доходовъ приказу галицкне чети тридцать рублей съ роспискою“ (дѣло шло о представленіи комедіи о Товіи, которое и состоялось 2-го ноября того же года); 9-го октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комедійную хоромину на обивку стѣнъ 216¹/₂ аршинъ сукновъ анбурскихъ червчатыхъ (гамбургскихъ красныхъ); далѣе упоминается, что „на бороды евреевъ и на иную меньшую починку“ выдано 5 рублей; мастеру Энрику заплачено за починку вѣнца; Грегори заявлялъ, что для комедіи „платья многово нѣтъ“ и костюмы шились по его указаніямъ особыми портными¹). Вообще, видно, что Матвѣевъ, покровитель и любитель театра, старался доставлять новоустроенной потѣхѣ всѣ средства для приличнаго устройства сцены и тщательной постановки дѣйствъ. Оркестръ состоялъ

¹) Изъ одной записки Грегори, отъ 22-го января 1673 года, видно, что роли, для заучиванія ихъ авторами, расписывались также, какъ это дѣлается и теперь: мастору просить выдать ему „четыре десяти бумаги, написаныя робляномъ комедіи“.

язъ вѣмцевъ и дворовыхъ людей Матвѣева, которые играли на органахъ, на віолахъ (рыль) и въ страменты; вѣроятно, въ этомъ оркестрѣ находились и музыканты, привезенные фанъ-Стаденомъ, имя котораго иногда упоминается въ замѣткахъ о спектакляхъ. Нѣкоторые представленія сопровождались танцами. Иногда весь комидійный нарядъ перевозился изъ Преображенскаго въ Москву, и спектакли устраивались въ кремлевскихъ палатахъ, надъ придворною антекою; отсюда театръ временами опять перевозился въ Преображенское, смотря по желанію царя ¹⁾. Представленія происходили обыкновенно по вечерамъ и затягивались иногда до поздней ночи ²⁾. Зрителями комидійнаго дѣйства были всѣ приближенные царя: „бояре

¹⁾ „181 года генваря въ 22-й день великій государь царь... указалъ надъ оптекою, что на дворцѣ въ полатахъ, построитъ какъ быть комидійному дѣлу... 181 года генваря въ 23-й день, по указу великаго государя царя... и по приказу околичаго А. С. Матвѣева, перевезены изъ села Преображенскаго ис комидійной хоромины рамы перспективаго письма къ Москвѣ и внесены въ палаты, что надъ оптекою; а для взносу, что болшия и средние рамы въ двери не прошли, перстерты и построены здвжными, а къ тѣмъ рамамъ придѣлано сто задвижекъ да двѣсти енобъ желѣзныхъ. За желѣзо и за дѣло по уговору кузнецу Сенке Троешмову три рубли десяти алтынъ, да провозу отъ тѣхъ рамъ отъ тридцати ото шти штукъ отъ села Преображенскаго къ Москвѣ до дворца на десять подводъ нашоцикамъ Андришке Яковлеву с товарищи по три алтына на подводу, всего четыре рубли шесть алтынъ четыре денги... 182 г. февраля въ 24-й день, по указу... околичей Матвѣевъ приказалъ изъ полатъ, что построены надъ оптекою для комидійнаго дѣйства, рамы и ковры и суина и стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидійнаго жъ дѣйства въ село Преображенское въ комидійные хоромы *наскоро*, на наемныхъ подводахъ... Того жъ числа послано изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по Симона органиста и по его учениковъ, да въ Новонѣмецкую слободу по игрецовъ по Тимоею Гасенкруха съ товарищи, да по музыкантовъ... Да въ село жъ Преображенское въ комидійные жъ хоромы х комидійному дѣйству купленъ на Москвѣ-рѣвѣ на льду столъ дубовой... Да февраля жъ въ 27-й день изъ села Преображенскаго ис комидійныхъ хоромъ тѣ жъ рамы и ковры и суина и всякой нарядъ и органы перевезены къ Москвѣ въ полаты, что надъ оптекою, для комидійнаго жъ дѣйства“. На время поста 1873 г. театральные уборы, ковры, суина и всякое потѣшное патье были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ яданий, хотя все еще, по старой памяти, назывался дворомъ Милославскаго. Это—такъ называемый потѣшный дворець, или теперь комендантскій домъ. *Забѣлинь*, 475.

²⁾ „Началась комидія въ пятомъ часу ночи (то-есть, по нашему счету—въ десятомъ); *отомшла* до свѣту за три часа“, следовательно, въ пятомъ часу утра.

и околичіе, и думные дворяне и думные дьяки, и ближніе люди всѣ, и стольники, и стряпчіе". Когда въ Преображенскомъ была поставлена „Іудинъ“ (въ ноябрѣ 1674 г.) царь разослалъ ко всѣмъ приближеннымъ, не сопровождавшимъ его въ Преображенское, нарочныхъ сокольниковъ и конюховъ стремянныхъ, съ приказомъ: „быть съ Москвы нарочно къ великому государю въ походъ, въ село Преображенское" ¹⁾). Въ томъ же году, на представленіи „Эсвири“, кромѣ придворныхъ, были съ одной стороны, „государыня царица и государи царевичи и государыни царевны", а съ другой — всякихъ чиновъ люди ²⁾). По свидѣтельству Рейтенфельса ³⁾, для царицы и царевенъ были устроены особыя мѣста, въ родѣ ложъ, отгороженныхъ частою рѣшеткою, сквозь которую они и смотрѣли на сцену, не будучи видны остальной публикѣ, наполнявшей залу. Такимъ образомъ, даже и женская половина царской семьи, хотя и не открыто, но все-таки любовалась новою нѣмецкою потѣхой и не считала этого развлечения зазорнымъ.

Существованіе театра, по видимому, было упрочено; его старались обставить какъ можно лучше, старались дать комидійному дѣлу возможность правильнаго дальнѣйшаго развитія. Въ половинѣ 1673 года пастору Грегори было поручено обучать специально комидійному строенію 26 человекъ мѣщанскихъ и подьяческихъ дѣтей, набранныхъ въ „его царскаго величества экомедіанты" изъ Новомѣщанской слободы; такимъ образомъ устроилась настоящая театральная школа. Матеріальное положеніе этихъ первыхъ дѣятелей русской сцены было, однакоже, въ первое время совершенно не обезпечено, такъ что крайняя нужда заставила ихъ, наконецъ, обратиться къ царской милости съ такою характерною челобитвою:

„Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу, всеа великія и малыя и бѣдыя Росіи самодержцу, бьютъ челомъ подъячичка Васка Мешалкинъ с товарищи. В нынешнемъ государь во 181 году июня въ 16-й день по твоему великаго государя указу отослали насъ, холопей твоихъ, въ немецкую слободу для наученія камидѣйнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а твоего великаго государя жалованья корму намъ, холопемъ твоимъ, ничего не учинено, и ныне мы, холопи твои, по вся дни ходя къ нему магистру

¹⁾ Дворцовые Разряды, III, 1131.

²⁾ *Строевъ*. Выходы государей царей. М. 1814, указатель, 41.

³⁾ De rebus Moschoviticiis. Patav. 1680, p. 105.

и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожничками обносилсь, а пить ѣсть нечего, и помираемъ мы, холопы твои, голодною смертію. Милосердый государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всеа великия и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ! пожалуй насъ, холопей своихъ: вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитанье поденной кормь учинить, чтобъ намъ, холопемъ твоимъ, будучи у того комедіаннаго дѣла, голодною смертію не умереть. Царь государь, смилуйся, пожалуй!“¹⁾

Просьба обвиняемыхъ и голодныхъ актеровъ была исполнена: „По указу великаго государя царя . . . и по помѣтѣ на челобитной думнаго дьяка Григорья Богданова, велѣно давать великаго государя жалованья поденнаго корму комедіантомъ, мѣщанскимъ дѣтемъ 26-ти человѣкомъ, с того числа какъ почели быть въ ученье у магистра и впредь, покажѣтъ въ ученье побудутъ, по 4 денги человѣку въ день. Дано іюня съ 16 числа прошлаго 181 году сентября по 1 числу нынѣшняго 182 году по 4 денги человѣку на день, и того 34 рубли 10 алтынъ 4 денги. А сентября съ 1 числа нынѣшняго 182 году тѣмъ комедіантомъ поденной корми давать ли— и о томъ великій государь какъ укажетъ.—182 года октября въ 10 день по указу великаго государя . . . давать имъ его великаго государя жалованья поденнаго корму с сего числа на день по 4 денги с свидѣтельствомъ“,—то-есть, съ аттестаціею Григори, который самъ и расписывался въ полученіи этихъ денегъ.²⁾ Изъ другихъ русскихъ актеровъ этого времени, товарищей Василя Мѣшалкина, по роспискамъ въ полученіи кормового жалованья извѣстны имена Николая и Родіона Ивановыхъ, Тимоѣя Максимова и Луки Степанова.

Этими данными исчерпываются наши свѣдѣнія о внѣшней сторонѣ перваго русскаго театра. Что касается до внутренней его стороны, до содержанія тѣхъ пьесъ, которыя ставилъ Григори на своей сценѣ, то самаго поверхностнаго знакомства съ уцѣлѣвшими до нашего времени образцами достаточно для того, чтобы убѣдиться, что эти дѣйства не имѣютъ почти ничего общаго съ драматическими произведеніями нѣмецкихъ или южно-русскихъ школьныхъ учителей и Симеона Полоцкаго. Григори, подобно школьнымъ драматургамъ, „дѣйствовалъ изъ Библии“: вслѣдъ за „Эсепрью“ онъ далъ комедіи

¹⁾ Тихонравовъ, I. с. 30.

²⁾ Расходный столбецъ приказу Галицкія чети.

объ Іудинѣ, о Товинѣ, объ Іосифѣ; но при обработкѣ библейскихъ сюжетовъ онъ руководился совершенно иными правилами и воззрѣніями. Школьная драма на первый планъ выдвигала правоученіе, морализацію сюжета, обыкновенно при помощи аллегорій и риторическихъ параллелей, при чемъ на развитіе дѣйствія не обращалось почти никакого вниманія. Грегори, на оборотъ, не задавался спеціально правоучительными цѣлями, прежде всего имѣлъ въ виду литературный или, точнѣе, сценическій интересъ пьесы, заботился не столько о морали сколько о самой драмѣ. Онъ далъ только одну пьесу строгаго школьно-правоучительнаго характера—комедію объ Адамѣ и Евѣ; но, какъ справедливо замѣчаетъ Н. С. Тихонравовъ ¹⁾, онъ самъ выдвинулъ эту серьезную, строго выдержанную въ стилѣ духовной драмы, каноническую пьесу изъ ряда другихъ дѣйствъ своего репертуара, назвавъ ее „жалостною“, въ отличіе отъ остальныхъ—„прохладныхъ“ или „потѣшныхъ“ комедій. Выборъ библейскихъ сюжетовъ обусловливался какъ общимъ направленіемъ литературы XVII столѣтія, такъ и тѣми особенными условіями, въ какія былъ поставленъ первый русскій театръ: нѣмецкая потѣха представилась бы слишкомъ безчынною и вазорною, еслибы сцена сразу приняла свѣтскій характеръ; не слѣдуетъ, конечно, забывать и духовнаго сана Грегори. Но съ другой стороны нѣмцы относились къ библейскимъ сюжетамъ съ большою свободою и самостоятельностью: они дѣйствовали Библию въ духѣ старинныхъ мистерій, и наконецъ, вслѣдъ за библейскими драмами поставили на сцену пьесу уже чисто свѣтскаго содержанія, „Темиръ-Аксаково дѣйство“ или комедію о Баязетѣ и Тамерланѣ. Всѣ эти отличительныя черты репертуара Грегори роднятъ его съ особымъ видомъ западно-европейской драматической литературы XVI—XVII вв., съ такъ-называемыми англійскими комедіями.

Въ Англии, гдѣ театръ уже въ началѣ XVI вѣка достигъ блестящаго и оригинальнаго развитія,—въ Англии раньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ, появляются и профессиональные актеры, люди, не знающіе другаго дѣла, вромѣ сцены. Во второй половинѣ XVI вѣка представители этой свободной профессіи,—сначала всевозможные „играцы“, то-есть, музыканты, фокусники, веселые потѣшники, а затѣмъ и настоящіе актеры начинаютъ предпринимать поѣздки на европейскій континентъ,—особенно въ Данію, Голландію и, нако-

¹⁾ Русск. драм. прозв., I, стр. XIII.

нецъ, въ Германію. ¹⁾ Въ 1585 году знаменитый покровитель Шекспира, графъ Лейстеръ, явился въ Голландію съ войскомъ, посланнымъ королевою Елизаветою на помощь Генеральнымъ Штатамъ противъ Филиппа II. Графа сопровождала труппа актеровъ, которую онъ содержалъ на свой счетъ; другую труппу онъ рекомендовалъ Датскому королю Фридриху II; въ 1586 году пятеро англичанъ изъ этой датской труппы являются при дворѣ Саксонскаго курфирста Христиана I и увеселяютъ его игрою на скрипкахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, а также танцами и другими искусствами, которымъ они обучались. Успѣхъ этой труппы вызвалъ появленіе на континентѣ другихъ, подобныхъ ей, странствующихъ компаній сначала „инструментистовъ“, а затѣмъ уже и актеровъ. Въ 1591—1600 годахъ по Голландію, а затѣмъ и по Германію разѣзжала небольшая труппа, показывавшая свое искусство въ музыкѣ, гимнастикѣ (*agilltez*) и представленіи комедій, трагедій и „исторій“. Впослѣдствіи (въ 1602—1617 гг.) одинъ изъ принципаловъ этой труппы, Томасъ Сэвилль, съ товарищами, находился при дворѣ герцога Брауншвейгскаго Генриха-Юлія, который былъ страстнымъ любителемъ театра и самъ писалъ трагедіи и комедіи въ англійскомъ стилѣ; другую подобную же труппу держалъ при своемъ дворѣ ландграфъ Морницъ Гессенскій. Обѣ эти труппы, время отъ времени, предпринимали поѣздки по всей Германіи; ихъ примѣру слѣдовали многія другія, пріѣзжавшія, обыкновенно, черезъ Голландію и потому получившія названіе „англійско-нидерландскихъ“ или даже просто „нидерландскихъ“ компаній. Въ первой половинѣ XVII столѣтія онѣ являются повсюду, при дворахъ нѣмецкихъ князей, во всѣхъ имперскихъ городахъ, въ Бельгіи, Моравіи, Польшѣ (1616—1617 гг.), быстро пріобрѣтая широкую популярность. Первоначально эти труппы состояли изъ однихъ англичанъ и давали свои представленія на англійскомъ языкѣ, что, однако,

¹⁾ Извѣстія о странствованіяхъ англійскихъ комедіантовъ по средней Европѣ собраны и расположены въ хронологическомъ порядкѣ у *Gödecke*, *Grundriss*, II-е, 524—542; краткій очеркъ исторіи этихъ бродячихъ компаній сдѣланъ *Tittman*'омъ въ изданіи *Deutsche Dichter des XVI Jahrh.*, III (Lpz. 1868), *Einleitung*. См. также *I. Meissner*, *Die englische Comödianten in Wien*, W. 1884; *Zeitschr. für vergl. Liter.*, hrsg. v. *M. Koch* und *E. Geiger*, N. F., Bd. I. 1-tes Heft (1887), статья *Gust. Könnecke*, *Neue Beiträge zur Gesch. der engl. Komödianten*; *Anglia* 1887, Bd. X, 2-tes Heft, S. 289: *E. Soffé*, *Eine Nachricht über engl. Komödianten in Mähren*. Хронологическій перечень *Gödecke* обнимаетъ періодъ съ 1585 по 1666 гг.

не мѣшало публикѣ усердно посѣщать эти спектакли и очень ими интересоваться (вѣдь посѣщались же даже латинскія школьныя дѣйства). Въ англійскихъ представленіяхъ привлекали зрителей, даже не понимавшихъ языка, музыка, пѣніе, танцы и шутовскія выходки клоуна, бывшаго непремѣннымъ участникомъ всѣхъ этихъ спектаклей. Эта „дурацкая персона“ уже въ первые годы дѣятельности англійскихъ комедіантовъ въ Германіи овладѣла нѣмецкимъ языкомъ и потѣшала публику въ антрактахъ между дѣйствіями¹⁾. Съ теченіемъ времени, съ одной стороны, англичане выучивались по нѣмецки, а съ другой—и составъ англійскихъ труппъ понемногу измѣнялся; къ нимъ присоединялись актеры голландскіе и нѣмецкіе, такъ что явилась возможность уже совершенно оставить англійскій языкъ. Наконецъ, нѣмецкіе актеры взяли уже рѣшительный перевѣсъ: бывали такія компаніи, въ которыхъ не было ни одного англичанина, и которыя, не смотря на то, все-таки продолжали называться „англійскими“, потому что это названіе было въ то время въ модѣ и указывало на извѣстный, опредѣленный характеръ представленій. Послѣ тридцатилѣтней войны англійскіе комедіанты мало по малу сходятъ со сцены; послѣднія извѣстія о нихъ не идутъ далѣе 1666 года; но ихъ вліаніе долго еще чувствовалось въ нѣмецкой драматической литературѣ и существеннымъ образомъ отозвалось на ея характерѣ и развитіи. Эти профессиональные сценическіе дѣятели припесли въ Германію и надолго утвердили на нѣмецкой сценѣ особенный репертуаръ, рѣзко отличавшійся отъ нѣмецкой школьной драмы какъ формою, такъ и содержаніемъ пьесъ. Отвергая всякія „правила драматическаго сочиненія“, всякую нравоучительную тенденцію и не соблюдая никакого единства дѣйствія, англичане брали содержаніе своихъ пьесъ изъ священной и свѣтской исторіи, изъ рыцарскаго романа и легенды, изъ народнаго преданія, старой баллады, италіанской новеллы, англійской хроникѣ и т. д. и обрабатывали выбранный сюжетъ съ полною свободою, заботясь только о возможно болѣе

¹⁾ Dieselbige agerden... in ihrer engelscher sprache. Si hetten bi sich vielle verschiede instrumente, dar sie uf speleden, als luten, zitteren, fiolen, pipen und dergelichen; sie dantzeden vielle und froemmede dentze (so hir zu lande nicht gepruechlich) in anfange und ende der comedien. Sie hetten bei sich einen schalcke narren, so in *duescher sprache* vielle boetze und geckerie machede under den ageren, wan sie einen neuwen actum wolten anfangen und sich umbkleiden, darmidt ehr das volck lachent machede. Изъ Мюнхенской хроникѣ 1601 г., *Gödecke*, I. с. 528, № 36.

эффектномъ сценическомъ впечатлѣніи. Ужасныя, кровавыя сцены убійствъ и казней съ самыми реальными подробностями безпорядочно переплетаются въ этихъ пьесахъ съ шутовскими эпизодами обыденной жизни, надутое многословіе трагическихъ героев смѣшивается съ грубою, часто циничною прозою черни; напыщенные любовныя сцены въ стилѣ итальянскихъ пасторалей смѣняются дракою шутовъ; вообще, быстрая смѣна событій поражаетъ всякаго рода неожиданностями, а для усиленія эффекта къ дѣйствию прибавляется еще музыка, пѣніе (такъ-называемыя Singetspiele); антракты наполняются пляской, представленіями акробатовъ, фокусниковъ и выходками клоуновъ,—часто импровизированными.

Огромный успѣхъ и популярность, выпавшіе на долю англійскихъ комедіантовъ въ Германіи, объясняются тѣмъ, что они были актеры по профессіи, а не дилеттанты, какъ ихъ предшественники и, слѣдовательно, были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы нравиться публикѣ и привлекутъ ее зрѣлищемъ всевозможныхъ эффектовъ, въ особенности — сраженій и всякаго рода кровопротитія, щекотавшаго нервы толпы, которая шла въ театръ съ тѣмъ же любопытствомъ, какое гнало ее къ эшафоту или заставляло въ мистеріи Страстей Христовыхъ изображать распятіе со всѣми его подробностями. Съ другой стороны, не менѣе притягательною силою обладалъ, конечно, и ничѣмъ не сдерживаемый юморъ шута, обильно приправленный крѣпкими словами и выразительною пантомимой.

Съ точки зрѣнія литературной, „англійскія комедіи“ представляютъ не что иное, какъ эпическій разказъ, переложенный въ разговоры и разбитый на сцены. Дѣйствіе въ нихъ совершенно лишено внутренней связи: мы видимъ рядъ явленій, удовлетворяющихъ любопытству публики и дающихъ ей возможность поплакать или посмѣяться, всевозможныя приключенія, странствованія героевъ и героинь по всему свѣту, различныя опасности, которымъ они при этомъ подвергаются, — но почти не видимъ центрального событія, которое было бы ядромъ пьесы: до такой степени она загромождена массою постороннихъ подробностей. Драма развивается совсѣмъ на эпическій ладъ, подобно сказкѣ: она изображаетъ отдѣльныя событія рядомъ одно съ другимъ, предоставляя зрителю отыскивать связь между ними и догадываться о душевномъ состояніи дѣйствующихъ лицъ. Самый способъ выраженія отличается постояннымъ схематизмомъ: дѣйствующія лица обыкновенно говорятъ: „Теперь я сдѣлаю то-то и то-то“, а затѣмъ: „вотъ, теперь я это сдѣлалъ“; о дѣйстви, только-что

совершенномъ передъ публикою со всѣми подробностями, разказываютъ очень обстоятельно, какъ будто бы оно и не происходило на сценѣ; событія, раздѣленные многолѣтними промежутками, помѣщаются рядомъ, иногда въ одномъ и томъ же явленіи; словомъ, эта драма еще не успѣла освободиться отъ повѣствовательной формы. Видѣвъ съ тѣмъ, она имѣетъ очень много общаго съ кукольнымъ представленіемъ: кукла не имѣетъ внутренней драматической жизни и потому всѣ ея движенія должны быть объяснены словами и всѣ психическіе мотивы, вся игра страстей излагаются какъ можно подробно; актеры XVII столѣтія, въ сущности, были такими же куклами на проволокахъ изображаемой ими исторіи; они „слишкомъ усердно пилили воздухъ руками, разрывали страсть въ клочки, чтобы гремѣть въ ухахъ райка, который не смысляетъ ничего, кромѣ неизяснимой нѣмой пантомимы и крика; старались перенродить самого Ирода; въ словахъ и походахъ не походили ни на христіанъ, ни на язычниковъ, ни вообще на людей; выступали и оралы такъ, точно какой-нибудь поленщикъ природы надѣлалъ людей, да неудачно,—такъ ужасно подражали они человѣчеству...“¹⁾ Но настоящей драмы, внутренней психической жизни во всемъ этомъ, все-таки, не было, потому что не было ее въ самихъ пьесахъ, которыя, при всемъ нагроможденіи трагизма и вышнихъ эффектовъ, были, повторяемъ, лишены живого дѣйствія.

Постояннымъ дѣйствующимъ лицомъ „англійскихъ комедій“ является дурацкая персона клоуна, народнаго шута, представляющая особенный, характерный типъ, разработанный въ подробностяхъ актерами-специалистами. Фигура, многими чертами напоминающая средне-вѣкового нѣмецкаго Совѣстдрала я, конечно, имѣющая длинный рядъ предковъ въ лицѣ средне-вѣковыхъ народныхъ потѣшниковъ и древнеримскихъ глумотворцевъ, выступаетъ на сцену подъ разными прозвищами, большею частью означающими любимое народное кушанье²⁾: въ Англии—Jack Pudding или Posset (молочный пуншъ), въ Италіи—Giovanni Massaroni, во Франціи — Jean Potage (въ нѣмецкой переводѣ—Schampitasche), въ Германіи — Hans Wurst, въ Голландіи—

¹⁾ Гамлетъ, III, 2.

²⁾ Это замѣтилъ еще Аджессомъ въ своемъ „Зрителѣ“: „There is a set of merry-drolls, whom the common people of all countries admire, and seem to love so well, that they could eat them, according to the old proverb: I mean those circumforaneous wits whom every nation calls by the name of that dish of meat which it loves best“. *The Spectator*, № 47, April 24.

Jan Pickelhering, и т. д. ¹⁾). Имя Гансвурста, впервые встрѣчающееся въ ниже-нѣмецкомъ „Nagenschiff“ 1497 года, является на сценѣ лишь въ половинѣ XVI столѣтія ²⁾; но этотъ типъ выработался въ опредѣленную комическую маску только подъ вліяніемъ англійскихъ комедіантовъ и достигъ полнаго своего развитія лишь въ XVIII вѣкѣ, въ фарсахъ неистощимаго вѣнскаго глумотворца Іосифа Страницкаго и Франца Шула.

Въ извѣстныхъ намъ нѣмецкихъ обработкахъ „англійскихъ комедій“ шутовская персона является обыкновенно съ именемъ Пикельгеринга (pickled hering, маринованная селедка). Принадлежность этой разновидности шутовского типа именно англійскимъ комедіантамъ удостоверяется документально свидѣтельствомъ 1831 года: „Diesen Monsieur Pickelhäring haben die Engelländischen Comödianten erstmalen in Deutschland eingeföhret“ ³⁾, происхожденіемъ же своимъ она обязана классической странѣ сельдей — Голландіи ⁴⁾. Англійскіе комедіанты вначалѣ выводили шута подъ его нарицательнымъ именемъ — клоуна (съ этимъ именемъ онъ является даже въ пьесахъ нѣмецкихъ послѣдователей англійскаго стиля, — герцога Генриха-Юліуса и Якова Айрера), но вскорѣ дали ему собственное имя Пикельгеринга, которое едва ли не пережило на нѣмецкой сценѣ самую „англійскую комедію“. Подобно своему нѣмецкому товарищу Гансвурсту, Пикельгерингъ соединяетъ въ своей особѣ всевозможныя комическія черты: онъ и непопоротливый, грубый обжора (Tölpel), и ловкій пройдоха-плутъ, и глупый лѣнтяй, и предприимчивый, веселый малый, на всѣ руки мастеръ, — все смотря по обстоятель-

¹⁾ Въ нѣмецкихъ пьесахъ XVII вѣка встрѣчаются еще названія: Jahn Posenreisser, Kurzweiler (потѣшникъ), Narr, Tanzmann, Jahn Clam или Klan (clown), Jan Panzer (голостороній, франц. panse, нем. Panze) и др.

²⁾ Въ пьесѣ Петра Пробста: Fastnachtspiel vom Krauken Bauern, 1553. См. *Archiv für Literaturgesch.* IV, 409—425.

³⁾ *Albert Cohn, Shakespeare in Germany*, Lond. 1865, p. XCVIII.

⁴⁾ Не довольствуясь простымъ объясненіемъ имени Пикельгеринга, нѣмцы придумывали для него разныя мудренныя этимологіи, наиримѣръ, производили Pickel отъ древне-нѣмецкаго pickeln = Possen treiben, или отъ pikiren = играть въ шкетъ, или отъ голландскаго gulchelaar = Gaukler; въ словѣ же Hering видѣли древне-нѣмецкое hringi, знатнѣйшій (такъ что, стало бытъ, Pickelhering должно было значить: „оберъ-шутъ“), или hring, собрание, или даже haar. *Filögel's Gesell. des Grotesk-Komischen*, bearb. v. *Ebeling*, 5-te Aufl. 1888, S. 175. Въ миниатюрахъ фламандскихъ рукописей XV столѣтія дурацкій колпакъ часто украшается селедкой, какъ эмблемою національнаго шутовскаго типа. *Wesselofsky*, о. с. 27, прилѣч.

ствамъ. Не представляя индивидуальнаго комическаго типа, онъ въ каждую данную минуту можетъ выдвинуть на первый планъ ту или другую смѣшную сторону, всегда съ отбѣнкомъ насмѣшки надъ самимъ собою, и ни при какихъ обстоятельствахъ за словомъ въ карманъ не ползаетъ. „Роль Пикельгеринга“, говоритъ Девриентъ, — 1) „собственно даже не роль, а общее мѣсто, какое-то попури изъ плутовства, глупости, насмѣшливости, наивности и пошлости; это условный сценическій типъ, комическій хоръ, въ которомъ отражаются смѣшныя стороны дѣйствія, олицетвореніе народнаго юмора, который дерзко врывается въ самыя серьезныя сцены и тутъ потѣшается надъ всѣмъ знатнымъ, высокимъ или напыщеннымъ или является ему противоположностью собственною грубою фигурою“. Иногда ему даются второстепенныя роли, требующія, однако, частаго появленія на сценѣ: онъ является слугою, вѣстникомъ, стражемъ, вонномъ; знаетъ много такого, что неизвѣстно другимъ дѣйствующимъ лицамъ; все подмѣчаетъ и всѣмъ пользуется, чтобы вызвать комическій эффектъ; иногда онъ бываетъ лѣкаремъ, иногда — палачемъ, послѣднее еще во старой, средневѣковой привычкѣ. Но вообще его роль, какава бы она ни была, не имѣетъ непосредственной, органической связи съ пьесою; оттого она часто и не писалась цѣликомъ, а исполненіе ея предоставлялось импровизаторской изобрѣтательности актера: въ упомянутомъ уже сборникѣ „англійскихъ комедій“ 1620 года иногда вмѣсто цѣлой сцены просто находится отмѣтка: „Здѣсь дѣйствуетъ Пикельгерингъ“. Эти импровизаціи въ грубо-народномъ вкусѣ часто доходили до крайнихъ предѣловъ безстыдства, вызывавшаго протесты даже со стороны далеко не церемонныхъ зрителей XVII вѣка 2), такъ что иногда „англійскимъ комедіантамъ“ по этой

1) Gesch. d. deutsch. Schauspielkunst, I, 178.

2) О шуткахъ Пикельгеринга можетъ дать понятіе слѣдующій отрывокъ изъ Маркса Маугольда, 1597 г.:

Wie der Narr drinnen, Jam geneant,
Mit Blossen wer so excellent:
Welches ich auch bekenn fürwar,
Dass er damit ist Meister gar.
Verstellt also sein Angesicht,
Dass er keim Menschen gleich mehr sieht.
Auff tölpisch Blossen ist sehr geschickt,
Hat Schuch, der Keiner jhn nicht trüct.
In sein Hosen noch einr bett Platz,
Hat dran ein unhehewren Latz.

причинѣ не разрѣшали представленій ¹⁾. Слѣды этого безстыдства остались и въ пьесахъ репертуара Грегори, которыми, впрочемъ, зрители были очень довольны. До насъ дошло современное изображение Пикельгеринга на заглавномъ листѣ небольшой брошюры, изданной около 1649 года: „Gesprech zwischen dem englischen Bickelhering und frantzösischen Schanpetasen (то-есть, Jean Potage) über das schändliche Hinrichten Königl. Majestät in Engelland, Schott und Ireland“. Пикельгерингъ костюмированъ по-военному; на головѣ у него шляпа въ родѣ тирольской, но вдвое выше, украшенная двумя довольно длинными пѣтушьими перьями; одѣтъ онъ въ короткую, плотно стянутую и застегнутую на двѣ пуговицы куртку съ очень широкимъ отложнымъ воротникомъ, въ короткіе, но широкіе штаны; на ногахъ башмаки; за поясомъ короткій мечъ или ножъ ²⁾.

Въ сборникѣ 1620 года (который былъ перепечатанъ въ 1624 году) находятся комедіи: объ Эсфиря и Аманѣ; о Влудномъ сынѣ; о Фортунатѣ; о королевскомъ сынѣ изъ Англіи и королевской дочери изъ Шотландіи; Сидонія и Теагена; Нѣкто и Никто; Юлій и Гиппиолита; Титъ Андроникъ; двѣ пьесы съ Пикельгерингомъ въ главной роли и шесть „Auffzüge“ или „Singspiele“ въ стихахъ и съ нотами, для пѣнія въ автрактахъ. Во второй части сборника, изданной въ 1630 году подъ заглавіемъ: „Liebeskampff“, помѣщено восемь пьесъ, въ томъ числѣ комедія о могуществѣ Купидона, объ Аминтѣ и Сильвіи, Испытаніе вѣрной любви, о королѣ Манталорѣ и двѣ *Singe-Comödien*. Наконецъ, нѣкоторыя изъ этихъ комедій вошли въ изданный

Sein Juppen jhn zum Narren macht,
Mit der Schlappen die er nicht acht
Wann er da fängt zu löffeln an,
Vnd dünckt sich sein ein fein Person.
Der *Wursthänsel* ist abgericht,
Auch zimlicher massen, wie man sieht . . .
Dass solches fürwar ein Lust zu sehen,
Wie glatt die Hosen jhm anstehen,
Welche mit Fleiss so zugericht,
Dass man was zwischen Beinen sieht:
Darnach etwan pflegen zu schawen
Glünstige Weiber und Jungfrawen . . .

(*Marx Mangoldt*, *Marckschiffs Nachen*, цит. у *Gödecke*, *Grundr.* II², 527, № 19)

¹⁾ *Gödecke*, о. с. 537, № 62 и 65; 536, № 120; 537, № 126; 542, № 179, 180.

²⁾ *H. C. Loffell*. *English actors on the continent*, *Shakespeare Jahrbuch*, VI (1869), S. 377—380. Позднѣйшее (XVIII в.) изображение Гансвурота см. у *Flögel-Ebeling*, о. с., Taf. 9. Ср. *Devrient*, о. с. I, 196.

въ 1670 году въ Франкфуртѣ трехтомный сборникъ, подъ заглавіемъ: „Schaubühne Englischer und französischer Comödianten“, вмѣстѣ съ переводами мольеровскихъ и другихъ французскихъ пьесъ. Кромѣ того, изъ извѣстій о спектакляхъ „англійскихъ комедіантовъ“ мы знаемъ, что въ составъ ихъ репертуара входили передѣлки трагедій Марло (Фаустъ) и Шекспира (Венеціанскій еврей, Гамлетъ, Ромео и Джульета, Король Лиръ), мольеровскій „Амфитріонъ“, „Неистовый Орландъ“ и цѣлый рядъ пьесъ, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ рыцарскихъ романовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ потомъ отысканы и напечатаны Когеномъ и Мейснеромъ. Какъ видно изъ этихъ текстовъ, составители „англійскихъ комедій“ относились и къ Шекспиру съ тою же свободою, съ какою они передѣлывали рыцарскіе романы или италіанскія новеллы: и его пьесы служили для нихъ только канвой, на которой они вышивали собственные узоры, большею частью очень грубые и нескладные. Впрочемъ, надо замѣтить, что тѣ нѣмецкія пьесы, которыя дошли до насъ подъ названіемъ „англійскихъ комедій“, сами по себѣ представляютъ, по всей вѣроятности, переводы или переработки пьесъ, которыя дѣйствительно разыгрывались „англійскими комедіантами“, такъ какъ послѣдніе, конечно, вовсе не были заинтересованы въ томъ, чтобы ихъ подлинныя тексты распространялись въ публикѣ помимо представленія. Притомъ, такъ какъ „англійскія“ труппы въ Германіи XVII столѣтія пользовались широкою популярностію, то всѣ остальныя актерскія компаніи, образовавшіяся по ихъ примѣру и подъ ихъ вліяніемъ, также или прямо выдавали себя за „англійскія“ или, во всякомъ случаѣ, старались имъ подражать и для своихъ представленій сочиняли пьесы въ подходящемъ тонѣ и духѣ. Подобныя-то пьесы, по всей вѣроятности, и служили образцами для московскаго пастора и его помощниковъ, призванныхъ устроить русскій театръ и создать для него драматическій репертуаръ.

Изъ репертуара Грегори до насъ дошли только четыре пьесы (двѣ изъ нихъ—въ неполныхъ спискахъ), извѣстіе о представленіи одного балета и заглавія двухъ пьесъ. Хронологическій порядокъ ихъ представленій опредѣляется (приблизительно) слѣдующими соображеніями ¹⁾.

Первый спектакль („Артаверсово дѣйство“) состоялся 17-го октября 1672 года. Затѣмъ, въ теченіе миссіи, то-есть, до 14-го по-

¹⁾ *Заблужд.* 475—481; *Тихомировъ*, с. с.

ября, представленія, вѣроятно, повторялись, хотя мы и не имѣемъ объ этомъ извѣстій. Въ наступившей постѣ царь, конечно, уже не могъ смотрѣть подобныя зрѣлища, и потому они возобновляются опять въ мясодѣ, уже въ январѣ 1673 года. Въ годовщину бракосочетанія съ Натальей Кирилловной, 22-го января, царь отдалъ приказъ объ устройствѣ комидійной палаты въ Кремлѣ, надъ аптекою; работа шла очень спѣшно, и къ 29-му января все было готово, а представленія происходили, конечно, уже на масляницѣ, которая началась 2-го февраля. Въ это время въ два дня перевезено изъ Нѣмецкой слободы до дворца 60 человекъ дѣтей, которыя участвовали въ комидійномъ дѣйствіи: это число должно обозначать всю труппу, бывшую на представленіи. Соображая его съ количествомъ дѣйствующихъ лицъ въ комедіи „Іудинъ“ (63), мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что между 2-мъ—9-мъ февралемъ 1673 года была представлена именно эта комедія. Это предположеніе кажется намъ тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что въ прологѣ „Іудинъ“, точно также, какъ и въ прологѣ кievскаго дѣйства объ Алексѣѣ Божьемъ человекѣ (1673 г.), находятся, какъ увидимъ ниже, намеки на современную войну съ турками, почти повторяющіе слова кievской пьесы, что царь

Съ неприятелемъ Бреста дѣло зачинаеть,
Але, яко Константинъ, никогда не програеть.

Кромѣ дѣтей, въ комедіи дѣйствовали и нѣмцы, Тимошей Гасенкрухъ съ товарищи, названные игроцами. Ихъ привозили во дворецъ три раза и, слѣдовательно, одинъ разъ они играли уже одинъ, безъ актеровъ-дѣтей. Вѣроятно, ими и былъ представленъ, въ субботу на масляницѣ, тотъ балетъ, о которомъ разказываетъ Рейтенфельсъ ¹⁾, и о которомъ еще будетъ рѣчь ниже. Это предположеніе подтверждается извѣстіемъ, что при постройкѣ комидійной хоромины надъ аптекою „выкрашены голубцомъ четыре балѣты“, то-есть, вѣроятно, подвижныя пирамиды, требовавшіяся для упомянутого представленія.

Съ наступленіемъ великаго поста театръ былъ, разумѣется, оставленъ и возобновился только весной, уже послѣ Троицына дня, въ Преображенскомъ, куда царь переѣхалъ на другой день послѣ праздника, 19-го мая. На пятнадцати подводѣхъ были свезены туда 32 рамы декораций, 9 ковровъ, сукна, скамьи, органы; семеро плот-

¹⁾ De rebus moschovit., 105—107.

яковъ, подъ руководствомъ декоратора Петра Инглиса, устанавливали рамы и устранивали все нужное. О дняхъ и содержаніи спектаклей извѣстій нѣтъ. Осенью, 7-го октября, были выданы деньги на постановку комедіи о Товіи младшемъ, а 2-го ноября, ввечеру, царь, незадолго передъ тѣмъ вернувшійся въ Преображенское отъ Троицы, „ходилъ въ комедію смотреть дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали“¹⁾. Вѣроятно, до заговѣнья 14-го ноября эта комедія была повторена.

Въ началѣ 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда она 24-го февраля, во вторникъ на масляницѣ, наскоро перевозится въ Преображенское, а въ пятницу, 27-го, опять въ Кремлевскую хоромину; на масляницѣ было, слѣдовательно, не менѣе двухъ спектаклей. Затѣмъ, въ ноябрѣ „была у великаго государя въ селѣ Преображенскомъ комедія, и тѣшили его, великаго государя, иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла“, то-есть, „Иудея“²⁾; вслѣдъ за нею, въ тотъ же мясоѣдъ, была „другая комедія: какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царидыну челобитью и по Мардохеину наученью“, то-есть, „Эсепрь“. Наконецъ, на заговѣнья, 14-го ноября, снова была потѣха, а тѣшили великаго государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матѣева, на органахъ и на фіолахъ и на страментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами розными (тѣшили); комедія въ числѣ этихъ потѣхъ не упоминается.

Въ 1675 году, въ четвергъ на масляницѣ, 11-го февраля, была комедія, вѣроятно, въ Кремлѣ и продолжалась около семи часовъ. Тѣшили великаго государя тѣ же дѣйствующія лица: иноземцы да люди Матѣева. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домою прожилъ на Воробьевыхъ горахъ, оттуда перешелъ въ Ко-

¹⁾ Выходы, 563.

²⁾ Не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Н. С. Тихонова, что „Иудея“, поставлена 8-го декабря: во время рождественскаго поста комедія едва ли могла быть допущена. Въ указателѣ Строева къ Выходамъ (стр. 41) отмѣчено, что извѣстіе о представленіи „Иудеи“ записано безъ числа въ ноябрѣ. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, г. Тихоновъ ссылается на свои примѣчанія къ этой пьесѣ (Русск. драм. прозав., I, стр. XLIII); но въ его изданіи „Русск. драм. прозаведеній“ и, сколько намъ извѣстно, вообще въ печати никакихъ примѣчаній къ „Иудеи“, къ сожалѣнію, не находится. См. по этому поводу нашу замѣтку о сборникѣ г. Тихонова въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 226, отд. 2, стр. 270—282.

ломенское и потомъ уже, 9-го ноября, въ Преображенское, гдѣ и оставался до половины декабря. Можетъ быть, въ концѣ масовѣда, между 9-мъ и 14-мъ ноября, и дано было, по примѣру прежнихъ лѣтъ, какое-нибудь представленіе. Ливекъ, секретарь цесарскаго посольства, бывшаго въ этомъ году въ Москвѣ, разказываетъ, что въ посольской свитѣ былъ, между прочимъ, одинъ фокусникъ, чрезвычайно искусный въ своемъ дѣлѣ: наприимѣръ, онъ скрещивалъ между собою нѣсколько ножей, которые безъ всякаго посторонняго дѣйствія поднимали вещи и деньги. Нѣмецкіе комедіанты, узнавъ объ его искусствѣ, просили пословъ позволить ему участвовать въ представленіи, которое они должны были устроить черезъ нѣсколько дней; но послы не могли исполнить этой просьбы, потому что 7-го ноября должны были уѣхать изъ Москвы. По отъѣздѣ пословъ, слухъ о фокусникѣ дошелъ до царя, который тотчасъ же отправилъ вслѣдъ за ними барона Менезеса, бывшаго прежде посломъ въ Вѣннѣ и Римѣ, чтобы воротить фокусника, обѣщая, что онъ безъ всякаго затрудненія и съ наградою будетъ отпущенъ на родину. Послы исполнили желаніе царя и отпустили фокусника, который два раза давалъ свои представленія, удивилъ царя и царицу и воротился съ подарками ¹⁾).

Скудость свѣдѣній о театральныхъ потѣхахъ этого времени лишаетъ насъ возможности болѣе или менѣе точно опредѣлить время представленія трехъ дошедшихъ до насъ пьесъ изъ репертуара Грегори. Эти пьесы — малая прохладная комедія объ Іосифѣ, малая комедія Баязетъ и Тамерланъ и жалостная комедія объ Адамѣ и Еввѣ, — несомнѣнно были представлены въ 1637—1675 годахъ учениками школы Грегори, которые въ послѣсловіи „Баязета“ называютъ себя „еще неискусными и несмышленными отрочатами“, а въ прологѣ „Іосифа“ просятъ снисходительности къ своему „дѣтскому дѣйствію“. На основаніи эпилога къ „Баязету“ мы можемъ предположить, что эта пьеса была представлена вскорѣ послѣ „Іосифа“, такъ какъ въ этомъ эпилогѣ упоминается о поклоненіи Іосифу сноповъ ²⁾). Что касается до комедіи объ Адамѣ и Еввѣ, то по особенностямъ ея содержанія, сближающимъ ее съ школьными *moralités*, можно думать, что она была представлена въ концѣ масляницы, какъ бы въ видѣ напоминанія о постѣ и покаяніи.

Въ началѣ іюня 1675 года Грегори скончался ³⁾, и молодой театръ

¹⁾ *Некарскій*, о. с., 393.

²⁾ *Русск. драм. прозв.*, I, 242.

³⁾ *Fechner, Chronik*, I, 365.

потерялъ, такимъ образомъ, главнаго своего руководителя. Это обстоятельство не могло не отразиться очень невыгоднымъ образомъ на дальнѣйшей судьбѣ драматическихъ представленій при дворѣ Алексѣя Михайловича, которыя, впрочемъ, по смерти Грегори продолжались очень короткое время, такъ какъ въ зимній масовѣдъ 1676 года самъ царь заболѣлъ и 30-го января скончался.

Изъ приведенныхъ нами извѣстій о первыхъ шагахъ русскаго придворнаго театра 1672—1675 годовъ видно, что комидійныя дѣйства этого времени заключали въ себѣ тѣ же самыя внѣшніе элементы, какими отличались представленія „англійскихъ комедіантовъ“: здѣсь кромѣ собственно комедій, были танцы, пѣніе, музыка, фокусники и, всякіе иные игроки. Этой внѣшней обстановкѣ соотвѣтствовало и внутреннее содержаніе тѣхъ драматическихъ произведеній, которыя до насъ дошли и которыя (за исключеніемъ одной лишь комедіи объ Адамѣ и Еввѣ) носятъ на себѣ весьма выразительный отпечатокъ „англійскаго“ стиля. По содержанію дошедшихъ до насъ комедій мы считаемъ возможнымъ судить и о характерѣ утраченныхъ пьесъ, къ числу которыхъ относится, прежде всего, Артаксерксово дѣйство; на этомъ основаніи мы и высказали выше предположеніе, что эта первая пьеса репертуара Грегори была, вѣроятно, переработкою „англійской“ комедіи „Von der Königin Esther und hoffärtigem Haman“.

Разказъ объ Эсэири, занесенный въ Библию, какъ достопамятный и поучительный примѣръ чудеснаго попеченія Божія о возлюбленномъ израильскомъ народѣ, отличается несомнѣнными литературными достоинствами. Эта несложная исторія, въ которой дѣйствіе развивается очень быстро и мотивируется вполне естественно, а характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ обрисованы ярко и живо, еще въ первой половинѣ XVI вѣка обратила на себя вниманіе писателей, занимавшихся драматическою обработкою библейскихъ сюжетовъ. Въ нѣмецкой литературѣ, начиная съ „Эсэири“ Ганса Сакса (1536 г.) и до появленія въ печати „англійской“ комедіи 1620 года, то-есть, за 84-лѣтній періодъ времени, насчитываютъ до 15-ти пьесъ на эту тему¹⁾, въ томъ числѣ два или три латинскихъ школьныхъ дѣйства. На французской сценѣ „Эсэири“ является еще во времена мистерій, въ XV вѣкѣ, и держится въ различныхъ переработкахъ до эпохи класси-

¹⁾ Общія замѣчанія и анализъ нѣкоторыхъ пьесъ см. въ статьѣ *Hugo Holstein'a*, въ *Archiv für Litt.-Gesch.* X, 147—154, XI, 442 и XII, 46—60. Ср. *Tittmann*, *Schauspiele der engl. Comödianten in Deutschland* (Deutsche Dichter des XVI Jahrh., B. XII), Einleitung, S. XXI—XXII.

цизма (трагедія Расина 1689 г.). Въ англійской драматической литературѣ известна интерлюдія of godly Queen Esther и драма „Эсепри и Агасферъ“, представленная въ 1594 году актерами лорда Чемберлена (въ числу которыхъ принадлежалъ и Шекспиръ). Титманъ высказываетъ предположеніе, что именно эта пьеса послужила оригиналомъ для нѣмецкой обработки 1620 года, въ которой многіе обороты и отдѣльныя слова прямо указываютъ на переводъ съ англійскаго. Комедія 1620 года, о представленіи которой по разнымъ городамъ Германіи до насъ дошли точныя извѣстія, въ свою очередь, послужила предметомъ для латинской передѣлки Jo. Val. Andreae (†1654), который самъ говоритъ въ своей биографіи, что написалъ эту пьесу „ad aemulationem anglicorum histronum“. Такимъ образомъ, эта тема, и въ особенности „англійская“ комедія объ Эсепри, была въ Германіи очень популярна. Ею-то, вѣроятно, и воспользовались Грегори и Рингуберъ, сочиняя свое Артаксерсово дѣйство.

„Комедія объ Эсепри и высокоумномъ Аманѣ“ дѣлится на четыре акта. Содержаніе ея, въ общемъ, вѣрно передаетъ библейскій разказъ, только сокращая его въ интересахъ бѣльшей выразительности дѣйствія. Пьеса открывается рѣчью царя Артаксеркса, который, восхваляя свою славу и могущество, заявляетъ, что онъ устроилъ роскошныя пиры съ цѣлю показать своимъ подданнымъ всѣ свои богатства и, наконецъ, желая показать народу величайшее свое сокровище—красавицу-жену, приказываетъ привести ее на пиръ. Царица, считая такую выставку унижительною и неприличною, отказывается придти на пиръ. Тогда разгнѣванный царь, по совѣту ближайшаго и любимѣйшаго своего вельможи Амана, разводится съ женою, такъ какъ безнаказанность ея поступка побудила бы и всѣхъ другихъ жёнъ не почитать мужа за главу и господина. Затѣмъ онъ приказываетъ Аману созвать со всего государства прекрасныхъ дѣвицъ на смотръ, для выбора новой жены. Аманъ съ двумя царедворцами отправляется на поиски за красавицами, встрѣчаетъ Мардохея съ его племянницею Эсеприю и, плѣнившись ея красотой, приводитъ ее во дворецъ. Царь, которому не понравилась ни одна изъ созданныхъ невѣстъ, увидѣвъ Эсеприю, беретъ ее себѣ въ жены и награждаетъ Амана величайшими почестями. Эти награды возбуждаютъ зависть двухъ царедворцевъ, которые рѣшаются извести царя; но Мардохей, подслушавъ ихъ разговоръ, сообщаетъ объ этомъ Эсепри, и царь велитъ казнить виновныхъ. Награда за спасеніе царской жизни достается опять-таки Аману: по царскому указу, при встрѣчѣ съ нимъ

всѣ должны преклонять колѣна. Мардохей, считая это идолопоклонствомъ, не слушается царской воли и не падаетъ ницъ передъ гордымъ временщикомъ. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отомстить; онъ клеветаетъ царю на іудеевъ и выпрашиваетъ повелѣніе истребить въ одинъ день все это, ненавистное ему, племя по всему царству. Іудеи трепещутъ и молятся; Мардохей заклинаетъ царицу спасти ихъ и умоляетъ царя объ отмиѣнѣ страшнаго указа. Эсфирь принимаетъ на себя этотъ подвигъ и достигаетъ цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умилостивила царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего только она захочетъ. На первый разъ Эсфирь проситъ только одного: чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пожаловалъ къ ней на пирь. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость. а для Мардохея, который осмѣлился ему перечить, приказываетъ построить высокую висѣлицу. Но обстоятельства мѣняются. Царь случайно вспоминаетъ заслугу Мардохея, нѣкогда раскрывшаго заговоръ, хочетъ его наградить и обращается къ Аману съ вопросомъ: какой почести заслуживаетъ человѣкъ, котораго царь желаетъ почтить? Аманъ, принимая этотъ вопросъ на свой счетъ, отвѣчаетъ, что такого человѣка надо облечь въ царскую одежду, возложить на него царскій вѣнецъ и, посадивъ на царскаго коня, торжественно провести по всему городу. Царь одобряетъ предложеніе и приказываетъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ, не ожидавшій такой развязки, долженъ подчиниться царской волѣ. Послѣ этой унижительной для него церемоніи, онъ является на пирь, на которомъ царь снова обѣщаетъ Эсфирь исполнить все, чего она пожелаетъ. Тогда царица рассказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи, и проситъ казнить высокоумнаго злодѣя со всѣмъ его родомъ, а іудеевъ избавить отъ смертнаго страха. Амана вѣшаютъ (на сценѣ) на той самой висѣлицѣ, которую онъ готовилъ Мардохею, а Мардохей заступаетъ его мѣсто и становится ближайшимъ совѣтникомъ царя.

Параллельно съ этимъ библейскимъ сюжетомъ въ комедіи развивается балаганная исторія шута Ганса Кнаркәсе и его сварливой жены. Эта исторія занимаетъ добрую половину 1-го, 2-го и 4-го актовъ и служить, такимъ образомъ, веселою интермедією. Жена Ганса, взбалмошная баба, заставляетъ его таскать корзины и нещадно колотить; по совѣту добраго сосѣда, Гансъ вооружается палкою и начинаетъ отплачивать женѣ за побои; силою или хитростью палка, символъ супружеской власти, нѣсколько разъ переходитъ изъ рукъ въ

руки; наконецъ, супруги идутъ къ царю жаловаться другъ на друга. Царь, согласно своему закону, объявляетъ, что жена должна во всемъ повиноваться мужу, какъ главѣ и господину, и рѣшаетъ, что Гансъ долженъ развестись съ своею бабой. „Я очень этимъ доволенъ“, говоритъ Гансъ;— „но вѣдь ночью мы будемъ по прежнему вмѣстѣ?“ — „Нѣтъ, вы уже никогда не должны видѣть другъ друга“. „О, возлюбленный государь, этого я не могу перенести! Возлюбленный государь, днемъ намъ вмѣстѣ тошно, а ночью порознь скучно“. „Ну, въ такомъ случаѣ, чудакъ, ты будешь съ нею въ разводѣ только днемъ“.

Въ другихъ сценахъ комедіи этотъ же Гансъ является въ роли слуги и палача. Онъ строитъ висѣлицу для Мардохея, и онъ же потомъ вѣшаетъ на ней Амана.

По свидѣтельству Рейтенфельса, „Эсэиръ“ дѣйствовали комически: по всей вѣроятности, и въ русской передѣлкѣ находились шутовскія сцены, подобныя этой исторіи Ганса.

Что касается до выбора именно этого сюжета, то И. Е. Забѣлинъ¹⁾ высказываетъ предположеніе, что исторія объ Эсэирѣ давала много намековъ на современныя придворныя обстоятельства и что роль Эсэира походила на роль царицы Натальи во время ея избранія въ невѣсты, также какъ роль Мардохея—за роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана—не извѣстно; но Матвѣевъ могъ прямо думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ Алексѣя Михайловича, какъ это разказывается и записками о такихъ отношеніяхъ сына Матвѣева, Андрея. Очень понятно, прибавляетъ г. Забѣлинъ, на сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

Та же самая основная идея—посрамленіе гордыни и торжество невинно-угнетенныхъ—развивается и въ другой библейской комедіи „Іудеѣ“, представленной вслѣдъ за „Эсэирью“. Эта пьеса, очень обширная, дошла до насъ вполнѣ²⁾, и относительно ея представленія вскорѣ послѣ „Эсэира“ сохранилась довольно подробная замѣтка въ одной изъ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, конца XVII столѣтія. Въ виду скудости матеріаловъ для исторіи первоначальнаго русскаго театра, приводимъ эту замѣтку цѣликомъ³⁾.

¹⁾ О. с., 473.

²⁾ Напечатана первоначально въ Древн. Рос. Вѣстникѣ, VIII³, 187—328. Русск. драм. проязв., I, 76—203.

³⁾ Рук. Ими. П. Б-ки, F. IV. 558, русская, но написанная на половину латинскими буквами (какъ это было въ обычаѣ у малороссовъ), заключаетъ въ

„Во рѣа-ѣ-ѣ годѣхъ на Москвѣ в Преображанскомъ селѣ учинена была комѣдїа по библіиному писанію древнѣхъ и подобие бытей, якоже было при древнѣхъ царехъ, при Давидѣ и Соломоне; і како Іудею отсече главу, пришествіемъ своимъ, лѣнотою зрака и одѣянемъ ризъ преукрашенныхъ, на главѣ нѣгѣ митру царску, и пришедше в полкъ людей асирійскихъ сиречь вавилонская, яже видѣ она градъ свой в погибелѣ і ко взятію предваряюще отъ людей асирійскихъ. И возвѣстѣша онаго полку воеводе, асирійскому мужу Алоерну. Онъ же возрадовался о ней, яко пришедъ жена отъ града того, егоже онъ хошетъ взяти, и сказа ему словеса утѣшительная, яко прекланялася она до градовзятія ему. Собра же воевода тогда чиновачалства люднѣ отъ полку его, и вечера съ ними вѣселяся, и упився отъ вина и шедъ в ложанцу, ляже на одрѣ свой, никому же ту входить повѣле, токмо единая Іудею. И упився отъ вина, успе спомъ. Іудею же стояше близъ одра его, видѣ спяща Алоерна, возопи ко Господу Богу, яко да спасетъ градъ ихъ и свободитъ отъ плененія Израїля своего, вземъ его мечъ і отсече главу асирійскому воеводе Алоерну, і тело его обертевъ одеваломъ, а главу вземъ в ризы своя і изыде изъ ложанцы его и крепнѣ. И вопроси ю стража о входе ея, она же сказа имъ, яко ідетъ до источника взмытися, понеже возвѣщено бѣ о ней стражемъ. І пришедъ ко стѣне града, і возопи людемъ своимъ, да примутъ во градъ, і сказа еже бысть і да изыдутъ изъ града люди противъ асиріянъ, понеже обезглавенъ Алоерь. І показа имъ главу его, оне же, вышедъ изъ града, ноби асиріянъ малыми людьми многне тысящи. І градъ свой спасе отъ погибелѣ, о томъ же пишетъ в книгѣ Іудею.

„Такое же дѣло і о царце Езвирѣ, како упрости у царя своего весь родъ свой израїлѣтскій отъ носѣченія меча и болгарина своего Мардохана отъ смерти избави, ему же древо приготова Аманъ, болгаринъ царевъ, но упрошеннѣ же царь на томъ дрѣвѣ повѣле Амана обѣснѣти предъ враты дому его. В книгѣ Езвирѣ, противъ того действоваху и симъ веселяшеся в ноци тако *Car z bliznimi swoimi bollary. Siu sze igru uczini немецъ*, якоже во Амбурхе і в прочѣхъ римскихъ градѣхъ на откупу его (*ee?*) держать и многую казну темъ збираютъ. А кто хошетъ смотрѣти,—по дукату имѣетъ дати, сиречь червонному златому. Изъ нѣхъ земель приезжають смотрѣти многне чесные ихъ люди і крѣпичи закрытыми лицы ¹⁾. Овогда же пуцають громъ, овогда же дождь и снегъ, сядѣ козными дѣйствоваху“.

„Takova ubo igra byla na moakwe komediia.

себѣ рядъ небольшихъ статей о событіяхъ царствованія Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и первыхъ годовъ Петра Великаго. Большая часть статей касается политическихъ отношеній Московскаго государства къ Польшѣ. На верхней доскѣ современнаго рукописи переплета еще можно разобрать остатки слова: „Kronika“. Листы не перенумерованы и никакихъ помятъ о принадлежности рукописи кому-либо не пишется. Приводимый нами отрывокъ уже былъ напечатанъ *И. А. Шлякиннмъ* въ журналѣ *Искусство* 1883, № 16, стр. 184, но съ ошибками. Мы соблюдаемъ правописаніе подлинника, только отдѣляя слова и разставляя знаки препинанія, въ рукописи поставленныя совершенно произвольно.

¹⁾ Incognito?

„Некто поведал от галавцов Izbrant¹⁾ яко того ради
 пряхъ Амбурхъ град многое разореніе, іже бы он был в нем и се видел.
 Anno Domini 1686—go,
 Sruskimí posly widel Wanburhe“²⁾.

Исторія Іудней также пользовалась въ Германіи XVI—XVII столѣтій большою популярностію, какъ драматическій сюжетъ. Гансъ Саксъ обработалъ ее въ двухъ пьесахъ (1533 и 1553 гг.); Сикстъ Биркъ (Xustus Wetullius, 1500—1554 гг.), въ своей латинской комико-трагедіи примѣнилъ ее къ современнымъ обстоятельствамъ, — къ войнѣ противъ турокъ³⁾. Пьесы на эту тему (по перечню Гёдеке ихъ насчитывается до десяти) разыгрывались и на школьной сценѣ, на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, а впоследствии вошли въ репертуаръ странствующихъ актеровъ (напримѣръ, драма Мартина Бёме, 1618 г.). Опицъ сдѣлалъ изъ „Іудней“ полу-оперу, съ аріями и хорами, на которые была написана Чернингенномъ особая музыка (1646 г.). Наша „Іудней“, несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго; оригиналомъ для нея служила комедія, сочиненная въ „англійскомъ“ стилѣ и, можетъ быть, близкая къ той, которую видѣли наши послы въ 1634 году во дворцѣ Польскаго короля, гдѣ въ то время дѣйствовали тоже „англійскіе комедіанты“. Комедія, какъ мы уже сказали, очень обширна. Она раздѣлена на семь дѣйствъ, которыя, въ свою очередь, дѣлятся на сѣны; всѣхъ сѣней—29; кромѣ того, между третьимъ и четвертымъ дѣйствіями вставлено довольно большое междосѣніе, не имѣющее, однако, обычнаго характера интермедіи. Число дѣйствующихъ лицъ доходитъ до 63.

Сохраняя въ общихъ чертахъ направленіе и характеръ „англійскихъ“ комедій, „Іудней“, какъ и всѣ другія дошедшія до насъ пьесы репертуара Грегори, отличается отъ нихъ однимъ существен-

¹⁾ Елзеарій Избрантъ (Evert Ysbrandszoon Ides) въ концѣ XVII столѣтія ѣздилъ, по порученію русскаго правительства, въ Китай и затѣмъ, по грамотѣ 1700 года, получалъ дозволеніе печатать въ Голландіи и продавать въ Россіи книги. *Пекарскій*, I, 7, 12.

²⁾ Въ Гамбургѣ. Въ числѣ гамбургскихъ дѣйствъ XVII столѣтія есть пьеса Христіана Розе (1609—1667), напечатанная въ 1648 году подъ заглавіемъ: „Holoferu, aus Heil. Schrift Anweisung allen des Teutsch-Landes Friedenstörern und Blutgierigen Kriegern in einem lustigen Schauspiel vorgestellt“. *Gödecke*, III², 214, № 15.

³⁾ *Judith, drama comico-tragicum. Exemplum reipublice recte institutae, unde discitur, quomodo arma contra Turcas sicut capienda. Augsb. 1540. Gödecke*, II², 134, № 8.

вою чертой: „английскіе“ комедіанты отбросили прологъ и эпилогъ, эти непремѣнныя принадлежности старинной и затѣмъ школьной драмы; въ нашихъ пьесахъ прологи и эпилоги сохранены, потому что они были необходимы для объясненія комедіи, какъ дѣйства новаго и еще не вошедшаго въ обычай, и для нравоучительныхъ выводовъ изъ ея содержанія. Здѣсь нашла себѣ приютъ морализація, удаленная изъ самаго текста комедій, но все еще продолжавшая считаться непремѣннымъ условіемъ (и оправданіемъ) театральнаго дѣйства. „Іудинъ“, въ томъ видѣ, какъ она до насъ дошла, не имѣетъ эпилога (можетъ быть, онъ затерялся); прологъ, конецъ котораго представляется сильно попорченнымъ и темнымъ, въ первой своей половинѣ позволяетъ развить прозаическую рѣчь на стихи, хотя и очень нескладные, но, все-таки, кое-какъ рѣшоманные.

Великій Алексѣй Михайловичъ, о царю,
 Самодержче, къ сему многихъ странъ государю,
 Тебѣ же весь народъ великій, земли
 Россіи ся славають, худно жь и бѣлыя!
 О, великій князю, превосходитель міра,
 Обладателю востока и сѣвера,
 И запада жь къ тому. Но и то тебѣ мало,
 Достойно бо и быть второму міру было.
 Ей, что вселенная едина предъ тобою,
 Когда многихъ царей наслѣдіе есть съ тобою.
 Ты убо еси можиѣйшій во вселеннѣй,
 Зане царству славы ты далъ еси презвѣльной:
 Весь христіанской родъ скипетръ твой почитаетъ,
 Божию бо милостью онъ всѣхъ ихъ защищаетъ
 Отъ врага Крестова, лютаго бусурмана,
 Да христіанъ ему одолѣти, пѣсть дано...

Дальнѣйшій текстъ пролога не поддается подобному раздѣленію на стихи ¹⁾, да трудно поддается и вообще пониманію.

¹⁾ Крокъ, впрочемъ, трехъ мѣстъ:

Богъ же всевышній соблюдаетъ твое царство,
 Зане оградою есть всему христіанству...

И твои, о царю, ограждены предѣлы
 Отъ неприятелей огненными ангелы...

Зри, великій царю: здѣ ты, ей, изъясняется,
 Въ комедіи сіе объявится, (въ рук. *объявляла*)

какъ Богъ нашъ чудесно хранитъ въ странной землѣ благочестиво (благодѣтельно?) и безопасно, и какъ претѣшаетъ печаль зѣльную въ счастье, и т. д. Рукопись

Самая пьеса, очень длинная, является подробною передачею, въ діалогической формѣ, библейскаго разказа, при чемъ различныя, даже второстепенныя его части значительно распространены. Дѣйствіе развивается крайне медленно, теряясь среди безконечныхъ разговоровъ, напыщенныхъ и многословныхъ рѣчей множества дѣйствующихъ лицъ. Большая часть этихъ рѣчей дословно взята изъ Библии; иногда библейскія рѣчи переданы съ прибавками и украшеніями; многое, о чемъ въ Библии только разказывается, также переложено въ рѣчи. Такъ, пьеса открывается совѣщаніемъ Навуходоносора съ своими вельможами о походѣ на Іудею; царь призываетъ Олоферна и вручаетъ ему начальство надъ войскомъ. Во второмъ дѣйствіи изображается скорбь іудеевъ и посольство къ Олоферну отъ азіатскихъ царей. Въ третьемъ дѣйствіи, ближе къ библейскому тексту и отчасти уже дословно, передаются разспросы Олоферна объ іудеяхъ и гнѣвные рѣчи вождя, оскорбленнаго замѣчаніями богобоязненнаго мужа Ахіора („Книга Іудеѣвъ“, гл. 5 и 6, послѣдняя въ значительно распространенномъ видѣ). Разказъ Ахіора о происхожденіи и исторія еврейскаго народа, очень длинный, взятъ цѣликомъ изъ Библии¹⁾, какъ и дальнѣйшія рѣчи Ахіора, наказаннаго Олоферномъ. Іудеѣвъ является только въ четвертомъ дѣйствіи, гдѣ она бесѣдуетъ съ своею служанкой Аброй о крайнемъ бѣдствіи іудеевъ; до сихъ поръ драма, въ сущности, еще ни на шагъ не подвинулась въ своемъ развитіи. Въ пятомъ дѣйствіи опять видимъ плачъ іудеевъ (по книгѣ Іудеѣвъ VII, 24—30); Іудеѣвъ убѣждаетъ ихъ не сдаваться еще въ продолженіе пяти дней (VIII, 10 и сл.) и молится Богу о помощи и объ укрѣпленіи ея на подвигъ (IX, 2—14). Въ шестомъ дѣйствіи она прощается съ іудейскими старѣйшинами (X, 7—22) и приходитъ въ

Императорской Академіи Наукъ, напечатанная *Новиковымъ* въ Визлюевѣ и *Тихонравовымъ* въ Русск. драм. прозв., вообще неисправна и сильно попорчена; между прочимъ, въ текстѣ пьесы (стр. 114) пропущена цѣлая строчка, отчего произошла безмыслица, не замѣченная надателями (объ этомъ см. ниже). Кроме того, Н. С. Тихонравовъ отиѣтилъ испорченныя мѣста на стр. 78, 104, 130, 136.

¹⁾ Въ этомъ-то разказѣ и находится указаннй выше большой пропускъ. Ахіоръ говоритъ: „Егда же отягчаше ихъ царь египетскій работою въ свиданіи градовъ своихъ съ блага и плинны, и воззваша ко Господу Богу своему; сій же порази, и въздоша на горы сія вся, и цѣпи владѣють Іерусалиномъ“. Въ Библии же сказано: „сій же порази всю землю египетскую язвами различными. Егда же изгнаша ихъ египтяне“ и т. д. Слѣдуетъ исторія страствованія евреевъ по исходу изъ Египта, заключающаяся словами: „И соединилися во единство, и въздоша на горы сія вся“, и т. д., какъ въ пьесѣ.

лагерь Олоферна (X, 23—XI, 22). Наконецъ, седьмой актъ представляетъ Иудею на пиру у Олоферна (XII, 17—20), смерть послѣдняго (XIII, 3—7) и возвращеніе Иудеи въ Вавилію (XIII, 14—20, XIV, 1), и заключается побѣдною пѣснью іудеевъ (XVI, 1—5). Указанныя нами мѣста изъ книги „Иудея“ воспроизведены въ комедіи лишь съ самыми незначительными измѣненіями.

Какъ въ англійской „Эсэри“, такъ и въ нашей „Иудея“ параллельно серьезному дѣйствию идетъ рядъ шутовскихъ сценъ, полныхъ живого комизма. Такъ какъ драма разыгрывается во время похода и осады крѣпости, то и эти шутовскія сцены взяты изъ военного быта; главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ нихъ является солдатъ Сусакимъ („облезлянова порода“, какъ называетъ его одно изъ дѣйствующихъ лицъ), воплощающій въ себѣ характерныя свойства Гансвурста: обжорство, тупоуміе, трусость и издѣвательство надъ самимъ собою. Солдаты и ихъ ближайшіе начальники радуются походу, потому что онъ даетъ имъ случай награть вдоволь всякаго добра; одинъ желалъ бы, чтобы война никогда не прекращалась и чтобы такое беззаботное и богатое житье продолжалось вѣчно: вѣдь если, чего добраго, заключать миръ, такъ придется вернуться къ себѣ въ деревню и снова хлѣбъ молотить. „Не опасайся, брате!“ утѣшаетъ его товарищъ, — „мы столько накрадемъ, разбоемъ и грабежомъ издобудемся, что господами въ нашихъ земляхъ возможемъ быть; аще ли умремъ, тогда пси и вороны изъ насъ учрежденіе себѣ да изготовятъ“. Сусакима тревожитъ только одно обстоятельство: „Сказываютъ, что жида свинного мяса не ѣдятъ; тогда и намъ свиныхъ жаринъ и колбасъ не будетъ?“ Колбасы и жаринны составляютъ любимый предметъ его вождельній: не даромъ же Сусакимъ—родной братъ Гансвурста. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ о немъ: „Всегда опасался еси, что колбасами не удовлетворишься; ниѣ же, чаю, когда еще годъ здѣ пребудеши, тогда всѣ кишки твои въ колбасы, ты же самъ въ свинное мясо премѣниши“. „Ни, брате“, отвѣчаетъ Сусакимъ, — „не хочу свиніею быть, инако бо возмоглъ бы озорокъ единъ отъ меня нашему воеводѣ на столъ достатися“... Вмѣстѣ съ товарищами онъ стоитъ на часахъ у колодца; іудеи нападаютъ на нихъ и захватываютъ его въ плѣнъ. „Пощадите, господа мои!“ молить Сусакимъ, — „пощадите мя, даруйте ми животь, азъ бо отъ роду моего ни единого жида убилъ есмь“! Когда же его спрашиваютъ, для чего у него ружье и сабля, онъ увѣряетъ, что ружьемъ тѣмъ только свиней убивалъ, а саблею рубилъ мясо въ колбасы. Иудейскій

„поручникъ“ Ваня приводитъ его въ Веулію; здѣсь тотчасъ же приговариваютъ его къ смертной казни. Узнавъ о томъ, что ему готовится, Сусакимъ разсуждаетъ такъ:

„Азъ есмь отъ природы моей доброй ковалеръ, и господина корутина Ваня отъ кладяевъ нашихъ сюда даже въ домъ его проводилъ; но въ Веуліи градъ весьма грубогордые люди обрѣтаются, которые ковалера въ малой чести ишѣютъ, понеже никто изъ насъ не хочетъ нишѣ пакн назадъ на станы мой проводить“...

„Азъ ишѣмъ воръ, не осли, ниже скоть, и не есмь ни собака и никакой чловѣкъ“.

Ахіоръ. Что же тогда еси?

Сусакимъ. Азъ есмь вещь, какъ деревенскимъ мужикамъ досаждаютъ нуци таракановъ, но ямли миѣ нѣтъ.

Ахіоръ. О вслывнику! Не знаю ли ты азъ? Не зовутъ ли ты Сусакимомъ?

Сусакимъ. Ни, милостивый господине! то имя азъ въ то время въ кладязъ уронилъ, какъ меня Ваня въ половъ звалъ.

Его собираются повѣсить. „Нѣтъ, господа мои“, говоритъ онъ,—не шутите со мною такъ: шея моя висѣть не привыкла“. Тогда іудейскій начальникъ приказываетъ отрубить ему голову, но, для потѣхи, велитъ палачу ударить его по шеѣ, виѣсто меча, лисьимъ хвостомъ. Видя невябѣжшю смерть, Сусакимъ начинаетъ прощаться съ міромъ, нѣсколько разъ выпрашивая себѣ позволеніе сказать еще слово:

„Прости, чюдный и изрядный свѣтъ честной!.. Не вельми печальтеса о моемъ скоромъ умерщвленіи: останутся еще многіе воры и злодѣи по смерти моей къ покоревію. Простите мя, пять мои братія, иже въ Ниневѣ обитаютъ!.. Прости, моя старая сестра, яже въ Ниневѣ большой торгъ и виѣшеи сѣрными трески, неревками, сапожникии колодеками, и яшаною отравою!.. Простите вы благородные сродники мои изъ пятерыхъ чивовъ: арыжи, чурмы, трубочистники, бревня возники и благородные чяны духовные, яже при церкви просищю милостынею ятаютца!.. Простите жъ мя вы, девять художествъ, яже плоти моей угождаете: блудодѣланіе, убивство, костарничество, оболганіе, обманство, крадежство, разбойничество и мошенничество!... Простите седмь (?) вы веселія годовые времена, младые цыплатка, агяятка, янца свѣжія вешнія, кормленные каплауны и телата жареные, къ паспѣ молоко, сметана, калачи крупчатые съ масломъ и молодые голуби жареные, лѣтніе скворцы и жаворонки, молодые ряпки, кролики и зайцы молодые осенніе, гуси жирные, утята, кислая капуста, вино, жаркое и мясо баранье въ пирогахъ, шуба и рукавицы да шапка теплая, винія кашки жаренныя свинныя, окорока и головы свяннежъ, студена ребры свянныя и жалуди во всѣхъ корчмахъ,—простите, простите!..

Когда палачъ продѣлываетъ надъ нимъ потѣшный обрядъ казни, ударяя его лисьимъ хвостомъ по шеѣ, Сусакимъ долго лежитъ, какъ мертвый; наконецъ встаетъ, и со страху не знаетъ, живъ онъ или умеръ; ему мнится, что „животъ его отступилъ изъ внутреннихъ

потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа"; понемногу приходя въ себя, онъ собираетъ разбросанное свое платье, только не знаетъ, куда дѣвалась его голова и обращается къ публикѣ, „покорно, безъ шляпы“ проситъ отдать ему голову, „аще ли кто изъ любви и пріятства ее скрываетъ“.

Лисій хвостъ былъ одною изъ постоянныхъ принадлежностей Гансвурста ¹⁾, а сцены казни лисьиимъ хвостомъ или платкомъ вмѣсто меча и затѣмъ исканіе головы принадлежали, по видимому, къ числу любимыхъ потѣхъ нѣмецкаго народнаго театра. Н. С. Тихонравовъ указываетъ ²⁾, что еще въ первой четверти XVIII столѣтія въ одной изъ вѣнскихъ Haupt- und Staatsactionen воспроизведенъ этотъ комическій эпизодъ Юдиен, потѣшавшій нѣкогда царя Алексѣя Михайловича.

Другое комическое лицо въ пьесѣ—Абра, служанка Іудиеи. Это „отроковица“ уже далеко не первой молодости, сильно желающая „сподобиться мужа“, хотя бы и изъ числа ассирійскихъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ отзывается объ ея наружности крайне неучтиво. Она такая же трусиха и буфонка, какъ и Сусакимъ. Всюду сопровождая свою госпожу, она ищетъ приключеній, но неудачно, и прибавляетъ къ рѣчамъ дѣйствующихъ лицъ разныя шутовскія замѣчанія. Когда Іудиеи, отрубивъ голову Олоферну, приказываетъ служанкѣ положить ее въ мѣшокъ и бѣжать изъ ассирійскаго лагеря, Абра восклицаетъ: „Охъ! такому храброму воину главу отсѣкла! Вѣсь таковымъ обычаемъ госпожу мою да возлюбить. Что же тотъ убогій человекъ скажетъ, егда пробудится, а Іудиеи съ главою его ушла?“

Гораздо болѣе тонкимъ и замисловатымъ комизмомъ отличается сцена Іудиеи съ Олоферномъ. Ассирійскій полководецъ говоритъ еврейкѣ о своей любви; Іудиеи отвѣчаетъ ему согласіемъ, но такъ, что въ ея рѣчахъ для зрителя ясно ея намѣреніе убить Олоферна: напримѣръ, Олофернъ говоритъ: „Спріятствую, да сея нощи главу свою на лонѣ ея держу“; Іудиеи отвѣчаетъ: „Богъ сіе желаніе твое исполнить можетъ“; на его слова, что она обладаетъ его сердцемъ, она замѣчаетъ, что дѣйствительно, очень хотѣла бы имѣть это сердце и вообще сдѣлать съ Олоферномъ то, чего она желаетъ, и т. д.

¹⁾ Prutz, Vorlesungen, 179.

²⁾ Русск. драм. пр., I, стр. XXII, со ссылкою на Weiss, Wiener Haupt- und Staatsactionen. Этой книги мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ.

Совершенно въ стилѣ „англійскихъ комедій“ въ пьесу вставлены аріи и хоры (Singetspiele). Въ „междосѣніи“ послѣ 3-го акта цари, вняты въ пѣвнѣ Олоферномъ, „поютъ зѣло жалобно“ стихи о своей горькой участи: въ пятомъ дѣйствіи изображена солдатская попойка, съ веселыми застольными пѣснями въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

О, братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь:

Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?

Смѣло дерзайте,
Пока живете,
Не сомнѣвайтесь,
Но веселятесь,

До конхъ мѣсть сердце въ глѣвѣ живетъ.

Пируя съ Иудифью, Олофернъ приказываетъ Вагаву „пѣть нѣчто“ о любви его. Пѣснь Вагава, очень краткая, передана прозой, при чемъ въ концѣ пѣсни, вмѣсто словъ: жена въ свойство получила храбраго Олоферна“, послѣднему слышится: „убила“: приемъ, отчасти напоминающій игру въ эхо, довольно часто встрѣчаемую въ „англійскихъ комедіяхъ“¹⁾. Заключается „Иудифъ“ побѣднымъ хоромъ іудеевъ (пять 10-строчныхъ куплетовъ), переложеннымъ изъ библейской пѣсни.

Въ пьесѣ находится очень много подробныхъ сценическихъ указаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что она была опытною рукою приспособлена къ представленію. Такъ, напримѣръ: Селумъ бьетъ на барабанѣ и влечь чинить (85); царь скифетръ на главу Олоферна владеть (90); Савалъ глаголетъ дрожаще, яко бы ужаснулся (99); Финеесъ плачетъ: у, у, у! и вси вопіють, рыдающе (146); Олофернъ держитъ кубокъ въ руцѣ и говоритъ (191); сполохъ чинится со трубы и тимпаны (201) и т. д.

Отмѣтимъ еще одну литературную подробность. Имя царя Навуходносора было хорошо знакомо нашимъ предкамъ не только по Библии, но и по многочисленнымъ сказаніямъ о Вавилонскомъ царствѣ, гдѣ Навуходносоръ представляется царемъ сильнымъ и мудрымъ, съ отгнѣнкомъ волшебства. Между прочимъ, онъ повелѣлъ сдѣлать себѣ „мечъ самосѣвъ аспидъ змій“ и однажды, когда нечестивые цари съ силою многою напали на вавилонянъ и стали ихъ побивать, онъ опоясался этимъ мечемъ и выѣхалъ на помощь своему

¹⁾ См., напримѣръ, первую сцену комедіи о Фортунатѣ, *Титъмаи*, 77.

войску. Тогда мечъ самосѣкъ аспидъ змій отъ царя изъ ноженъ выпорхнулъ и нача безъ милости сѣчь, тотчасъ всѣхъ царей посѣче съ великими силами ¹⁾. Въ нашей пьесѣ Навуходоносоръ, посылая Олоферна на войну, говоритъ: „Се дарствую ты моимъ мечемъ, его же сильная моя мышца самая носила въ то время, во еже извоевахъ Арфаксада, царя медского, на поли, еже именуется Рагавъ... Той мечъ во всѣхъ походѣхъ твоихъ да носятъ предъ тобою, да очи силою моею возгорятся и сердце твое къ храбрости возбудится“. Начитаннымъ зрителямъ XVII вѣка этотъ мечъ Навуходоносора могъ напоминать чудесный самосѣкъ, служившій Вавилонскому царю.

„Иудея“, несомнѣнно, переведена съ нѣмецкаго. На это указываетъ множество германизмовъ, отличающихъ языкъ пьесы ²⁾; изрѣдка попадающіася, очень немногія, южнорусскія выраженія заставляютъ предполагать въ переводчикѣ малороссійскаго уроженца. Такъ, на примѣръ, Олофернъ называется вельможнымъ гетманомъ (115)—выраженіе, вѣроятно, соответствующее нѣмецкому *Feldherr*; хозяйка названа господиней (105); далѣе встрѣчаемъ слова: можнѣйшій царю (79), клейноты (83); войсковой маршалокъ (106), укусь, укусны (102), ходи брате, (104); отчините врата (197). Палачъ именуется спекуляторомъ, какъ и въ переводѣ „Римскихъ Дѣяній“, но и майстеръ Никелемъ (*meister Nickel*),—очевидно, съ нѣмецкаго (158). Есть много спеціально военныхъ терминовъ: взять языкъ (106); подѣздъ (рекогносцировка, 106); шапцы (111); передняя стража (аванпостъ, 141); Марсово мѣсто (85); генеральной смотръ (85) и т. п.; изъ военныхъ чиновъ встрѣчаются: воевода (и генеральный воевода, 158), капитанъ (84), ротмистръ (106) поручикъ (158), сотники (140), рейтары (113). Языческіе храмы названы мечетями (95, 97). Есть и спеціально русскія подробности, какъ, на примѣръ, приведенный выше перечень кушаній, съ которыми прощается Сусакимъ, или названіе подарковъ—поминками.

¹⁾ Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ—въ *Лжмон. русск. лит. и дресн.*, III, отд. 3, стр. 20—26.

²⁾ Вотъ примѣры: окомгновленіе=*Augenblick*, 77; безпутныя горы=*weglose*, 80; походженіе (потомство)=*Nachkommenchaft*, 146; мертвостуденой=*tottkalt*, 86; въ посреди = *inmitten*, 86; идите тогда = *gehen sie also* 89, 95; вредительное (непорочное)=*schadhaft*, 112; предвступленіе=*Vortritt*, 79; живите благо=*leben sie wohl*, 97; поѣзжай благо=*fahre wohl*, англ. *farewell*, 185; одежду низъ ложити = *niederlegen*, 195; взялся яри Навуходоносоровъ мечъ = *bei dem Schwerte*, 168 и т. п.

Слогъ пьесы, за исключеніемъ комическихъ сценъ, вообще очень тяжелъ и утомителенъ; стремленіе къ риторической напыщенности и многословію слишкомъ сильно чувствуется. Встрѣчаются иногда сравненія и выраженія поговорчальнаго характера, напримѣръ: „Не обрѣтшу соколу прилету, безопасна въ пещерѣ своей пребываетъ горлица“ (96); „многажды кошка, въ угѣсненіи сущи, вредительнѣе драги, нежели песь кусати можетъ“ (135); „Колѣкократно похульные враны и пресильнѣйшаго льва свѣдоша, и крѣпчайшее желѣзо ежедневно ржа истребляетъ, аже точію прахомъ нарицается“ (109).

Авторомъ „Іудиен“ долго считали Симеона Полоцкаго—единственно на томъ основаніи, что Новиковъ, впервые напечатавшій эту пьесу, далъ ей заглавіе: „Навуходоносоръ, Мемуханъ, Моавъ, Аммонъ, Нееманъ, Корей, Лалидооъ, четыре протазавники, четыре спальники“, принявъ такимъ образомъ за названіе комедіи перечень дѣйствующихъ лицъ перваго явленія. А такъ какъ Симеонъ Полоцкій тоже написалъ комедію „О Навуходоносорѣ царѣ“, то изъ этого чисто виѣшняго и случайнаго совпаденія и позволили себѣ положительно заключать о принадлежности ему „Іудиен“: одинъ изъ довольно многихъ въ исторіи нашей литературы примѣровъ недостаточнаго строгаго критическаго отношенія къ историческому матеріалу. Ошибочное заключеніе потомъ было отвергнуто; но, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, слѣды его все же остались. Пекарскій, ничего не говоря объ авторѣ комедіи, однако, считалъ ее произведеніемъ русскаго писателя, и притомъ—близко знакомаго съ Польшей: по его мнѣнію, въ ассирійскихъ солдатахъ „Іудиен“ легко узнать представителей мелкой польской шляхты, любившей въ старину выпить и подраться и смотрѣвшей на войну, какъ на средство пограбить и повеселиться¹⁾. Къ этому мнѣнію присоединяется, отчасти, и Алексѣй Ник. Веселовскій, указывая на подходящіе типы солдатъ въ польскихъ комедіяхъ XVI и XVII вв. (O polskim Scilurusio, Albertus Rotmistrz и др.). Это приводитъ его къ предположенію, что такъ какъ при польскомъ дворѣ еще во времена Сигизмунда III (1587—1652 гг.) часто давались спектакли на латинскомъ, италіанскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, то весьма возможно, что „Іудиен“ была сочинена именно въ Польшѣ какимъ-нибудь нѣмецкимъ актеромъ, можетъ быть, даже изъ „англійской“ труппы Спенсера, дѣйствовавшей тогда въ Польшѣ; этимъ и объясняются мѣстныя, польскія черты

¹⁾ Наука и Лит., I, 398.

въ пьесѣ ¹⁾). И. Е. Забѣлинъ, справедливо замѣчая, что представленная въ пьесѣ характеристика солдатства не имѣетъ въ себѣ ничего специально-польскаго, совершенно неожиданно и категорически заключаетъ: „Нѣтъ сомнѣній, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкій“ ²⁾ Это положеніе ничѣмъ не доказывается; напротивъ, сотрудничество Симеона болѣе чѣмъ сомнительно хотя бы уже потому только, что онъ вовсе не зналъ по нѣмецки (по крайней мѣрѣ, изъ его сочиненій и изъ свѣдѣній о немъ нигдѣ не видно, чтобы нѣмецкій языкъ былъ ему извѣстенъ). Переводъ исполненъ, по нашему мнѣнію, въ посольскомъ приказѣ, откуда и впоследствии выходило много переводовъ для нашей сцены XVII и XVIII вв.

Что касается до солдатскихъ типовъ, то они представляются совершенно обще-европейскими: подобныя фигуры можно указать, напримѣръ, еще въ сводной *Mystère du vieux testament* XV вѣка, гдѣ именно въ „Юдионъ“ выведены два солдата Олоферновой арміи—*Granchevuude* и *Turelututu*, олицетворяющіе собою грубое фанфаронство, пьянство, обжорство и трусливость. ³⁾ Если искать ближайшихъ родственниковъ нашего Сусакина, то гораздо проще обратиться не въ Польшу, а въ Германію, откуда пришла къ намъ и сама „Юдионъ“, и гдѣ Тридцатилѣтняя война расплодила множество представителей этого типа. Впрочемъ, на сценѣ они являютъ еще въ XVI столѣтіи: напримѣръ, въ пьесѣ Самуила Гебеля „Объ осадѣ Ветуліи“ (1566 г.) на раду съ Юдионъ и Олоферномъ стоятъ ландскнехты

¹⁾ *Deutsche Einflüsse*, 30—31.

²⁾ *Вѣтъ русск. царяцъ*, 485—486.

³⁾ Замѣтимъ кстати, что французская „*Judith*“, также какъ и наша, начинается напыщенною похвалой Навуходоносора:

Los immortel par triumpbant proesse,
 Hardiesse de pompeuse noblesse
 Si nous dresse grant gloire deifique,
 Deifiez par sublime hautesse,
 Gentillesse, resplendissant richesse,
 De nous qu'esse? Poliee magnifique
 Pareil de nous n'est trouvé en cronique
 Soit antique, car sans nulle replique
 On s'applique de nous craindre sans cesse, и пр.

Petit de Julleville, Les Mystères, II, 373. Сводная мистерія ветхаго завета состоитъ изъ 40 отдѣльныхъ мистерій разной величины, заключающихъ въ себѣ болѣе 49.800 стиховъ.

Veit Rausch и Hans Sauffer, достаточно характеризруемые уже своими именами. 1)

„Эсэиръ“ и „Іуднѣ“ связаны между собою единствомъ основной идеи—что „гордымъ Господь Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать; Богъ бо не любитъ высокія мысли нашея, возносящагося смиряеть“. Эта идея, одна изъ самыхъ распространенныхъ въ нашей до-петровской литературѣ, вводитъ обѣ комедіи Грегори въ длинный рядъ весьма разнообразныхъ литературныхъ произведеній, начиная съ поученій и лѣтописей и кончая благочестивыми легендами, народными духовными стихами, повѣстью о Горѣ-Злочастія. Такимъ образомъ, первыя пьесы, явившіяся на подмосткахъ комидійной хоронины села Преображенскаго, строго говоря, были новостью только съ формальной стороны, сущностью же своею не противорѣчили господствовавшему въ литературѣ поучительному направленію: это была „потѣха“, но потѣха, въ концѣ концовъ, дающая все тотъ же моральный урокъ; оттого-то она и не вызвала, по видимому, протеста со стороны ревнителей благочестія. Даже въ строгой старовѣрческой литературѣ, вообще рѣшительно осуждающей всякія мірскія развлечения, мы не находимъ укоровъ, которые были бы направлены специально протавъ комидійнаго дѣйства. Грамотные люди, которымъ случалось отмѣчать извѣстія о театрѣ, относятся къ нему, по видимому, съ любопытствомъ и безъ всякаго порицанія, при чемъ останавливаютъ свое вниманіе! именно на „Эсэири“ и „Іуднѣ“, какъ на комедіяхъ, въ которыхъ указанная нами правоучительная идея проведена съ особенною полнотою и выразительностью. Въ Дворцовыхъ Разрядахъ, Выходахъ Государей и въ приведенномъ выше рукописномъ извѣстіи изъ всѣхъ комедій, представленныхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, названы только эти двѣ 2). Такимъ образомъ, Грегори, съ точки зрѣнія русскихъ литературныхъ понятій XVII вѣка, сдѣлалъ выборъ удачный и вполнѣ подходившій къ требованіямъ и вкусамъ зрителей. Если обработка „Эсэири“ была, можетъ быть, подсказана Матѣе-

1) *Kalwein, Dram. Poesie der Deutschen*, I, 112.

2) Слова рукописной записки, со ссылкой на свидѣтельство Избрата, „для того ради прияхъ Амбурхъ градъ многое разореніе“—по видимому, звучатъ укоромъ; но по смыслу даннаго мѣста трудно определять, къ чему именно относится этотъ укоръ: къ театру ли вообще, или къ тому, что за посѣщеніе театра брали деньги, или, наоборотъ, къ тому, что въ Гамбургѣ стало съязматься, ради театра, много посторонней публики. Во всякомъ случаѣ, конецъ записки не ясенъ.

внѣ, то въ выборѣ другого сюжета—„Иудеи“—Грегори полагался уже на собственное усмотрѣніе и руководился, по всей вѣроятности, инстинктомъ Лютера, который въ этой библейской исторіи прежде всего ставилъ на видъ ея поучительность. „Можетъ быть“, говоритъ Лютеръ въ предисловіи къ своему переводу „Иудеи“,—„можетъ быть, евреи разыгрывали это сказаніе, какъ у насъ представляютъ Страсти Христовы и другія священныя исторіи, чтобы общедоступною картиною или дѣйствіемъ научить народъ и юношество надѣяться на Бога, блюсти благочестіе и ожидать отъ Бога помощи и утѣшенія во всѣхъ напастьяхъ, противъ всѣхъ враговъ. Потому эта книга хороша, священна и полезна для чтенія намъ, христіанамъ, и рѣчи, произносимыя дѣйствующими въ ней лицами, слѣдуетъ понимать такъ, что онѣ исходятъ отъ духовнаго, святаго поэта или пророка, отъ Святого Духа, который представляетъ этихъ лицъ въ дѣйствіи и ихъ устами поучаетъ насъ“¹⁾).

Поучительное направленіе, съ прибавкою, для прилекательности легкаго шутовства и театральныхъ эффектовъ во вкусѣ „англійскихъ“ комедій, характеризуютъ и всѣ прочія, извѣстныя намъ, пьесы репертуара Грегори. Сильнѣе всего нравоучительная тенденція выразилась въ „жалостной“ комедіи объ Адамѣ и Евѣ, которая остается строго вѣрною типу старой духовной драмы и потому исключаетъ всякіе комическіе эпизоды. Далѣе, та же тенденція, и даже одинаковая общая мысль о наказаніи гордости и о наградѣ за смиреніе, объединяетъ между собою комедіи о Товіи, объ Іосифѣ и Темиръ-Аксаково дѣйство, имѣющее уже совершенно свѣтскій характеръ: во всѣхъ этихъ пьесахъ мораль, въ указанномъ нами смыслѣ, составляетъ основную идею.

III. Морозовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Vorrede zum Buche Judith, у Gódecke, II, 329—330.

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

IV.

Обратимся теперь къ произведеніямъ о смутѣ князя Семена Ивановича Шаховскаго-Хари. Онъ составилъ Житіе царевича Дмитрія и сказаніе о первомъ самозванцѣ подъ названіемъ Повѣсти о нѣкоемъ мнисѣ, како послася отъ Бога на царя Бориса. Оба произведенія стоятъ въ тѣсной связи одно съ другимъ, оба одинаково сильно зависятъ отъ Повѣсти Катырева-Ростовскаго въ своихъ фактическихъ показаніяхъ и оба составлены въ духѣ обычнаго вѣдѣнія князя Шаховскаго.

Благодаря своимъ литературнымъ трудамъ, князь Семенъ Шаховской получилъ достаточную извѣстность въ исторіи нашей племени. О немъ сохранилось много біографическихъ свѣдѣній ²⁾; установлено и опредѣленное представленіе о характерѣ его литературной дѣятельности ³⁾. Обиліе отзывовъ о Шаховскомъ, какъ писателѣ,

¹⁾ *Продолженіе*. См. февральскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ. Здѣсь помѣщается вторая половина IV-й главы.

²⁾ Его автобіографія, написанная, вѣроятно, около 1649—1650 гг. (судя по тому, что ея извѣстія кончаются началомъ 7158 года), напечатана подъ заглавіемъ: „Домашнія записки князя С. Шаховскаго“ въ *Моск. Вѣстникѣ* за 1830 г. (ч. V, № 17—20, Наука, стр. 61—70) съ новаго списка, принадлежавшаго П. П. Бекетову, а нѣмѣ хранищагося въ библ. Имп. Общества Ист. и Древностей (Отд. I, № 227: это, какъ кажется, списокъ единственный). Біографическія замѣчанія о кн. С. И. Шаховскомъ собраны, кромѣ того, въ *Др. Росс. Вѣд.*, изд. 2-е, IX, стр. 279—281. Отдѣльными данными о Шаховскомъ будутъ указаны ниже.

³⁾ Рядъ справедливыхъ замѣчаній о характерѣ и значеніи трудовъ Шаховскаго находимъ въ трудѣ г. *Смирнова*: „Св. патріархъ Филаретъ Никитичъ“ (въ *Чт. Общ. любим. дух. просв.* за 1874 г., февраль, стр. 244—245; мартъ, стр. 455—456; апрѣль, стр. 620—622).—См. также: *итр. Макарія Ист. русск.*

дасть намъ возможность не останавливаться долго на его литературной характеристикѣ. Но отсутствіе хотя бы краткой его біографіи вынуждаетъ насъ привести въ порядокъ тѣ данныя о его жизни, какими мы располагаемъ. Знакомясь съ ними, мы убѣждаемся, что Шаховской многое обошелъ молчаніемъ въ своемъ собственномъ жизнеописаніи.

Князь Семенъ Ивановичъ Шаховской ¹⁾, сперва стольникъ или стряпчій, затѣмъ дворянинъ московскій ²⁾, началъ свою службу еще во время смуты. Въ 1606 году, во время возстанія Сѣверскихъ городовъ противъ Шуйскаго, онъ былъ посланъ на службу подъ Елецъ. Но здѣсь его постигла царская опала. Привезенный „за приставомъ“ въ Москву, князь Семенъ не узналъ тамъ причины царскаго гнѣва и былъ сосланъ „въ Новгородъ въ морь“. Однако, прежде чѣмъ онъ доѣхалъ до мѣста ссылки, ему дано было приказаніе „жить до указа въ деревнѣ“. Указъ послѣдовалъ только чрезъ два года: осадивъ Тулу въ 1608 году, царь Василій пожаловалъ Шаховскаго, „велѣлъ взять къ Москвѣ“ ³⁾. Годы 1608—1609 князь Семенъ провелъ въ Москвѣ на

церкви, XI, стр. 227—231, и *Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 417. Литературные труды Шаховскаго наиболее полно исчислены интр. *Макариемъ* и *П. М. Строевымъ* (Библиол. Словарь, стр. 291—298). Мы пользовались сборникомъ его произведеній, составленнымъ трудами самого автора и сохранившимся въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ (Рип. Моск. Дух. Академіи № 213 и № 214. Строевъ зналъ эти списки подъ № 191 и № 192).

¹⁾ Его родословіе въ книгѣ *А. А. Титова* Ярославль. М. 1883 г., стр. 137, № 502, и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, Родословныя книги, стр. 59, 150, 234.—О прозвищѣ его (Харя) см. въ *Др. Росс. Вывл.*, изд. 2-е, III, 149, 150, и *Дворц. Разряды* I, 341, 389; II, 17, 568.—С. И. Шаховской былъ человекомъ состоятельнымъ; его вотчины, какъ видно изъ его автобіографіи и перенески, были подъ Москвой и въ Галичѣ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69.—*Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, Переписки дьяка Третьяка Васильева, стр. 5); кромѣ того, онъ имѣлъ крупный помѣстный и денежный окладъ (*Др. Росс. Вывл.*, изд. 2-е, IX, стр. 280, 281).

²⁾ Подъ 7114 (1606) г. самъ Шаховской говоритъ о себѣ въ своей автобіографіи: „послали насъ стольниковъ и стряпчихъ пятнадцать человекъ“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62) Повдѣе же, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ, онъ писанъ былъ „во дворянѣхъ“ (*Др. Росс. Вывл.*, изд. 2-е, IX, стр. 279—281.—*Дворц. Разряды*, II, 718. — Алевитинъ указатель фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ Воаренныхъ книгахъ. М. 1853 г., стр. 468).

³⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 62—63. Этотъ эпизодъ изъ жизни Шаховскаго весьма любопытенъ. Князь Семенъ, рассказывая о своей опалѣ, замѣчаетъ, что Шуйскій ему „не сказалъ..... никакихъ винъ“. Подобной жалобы не находимъ въ запискахъ Шаховскаго, когда онъ говоритъ о другихъ своихъ

службѣ Шуйскому, и не разъ бился съ тушинцами; но въ самомъ началѣ 1610 года, „въ великой мясоѣдѣ“, онъ измѣнилъ царю Василию и отъѣхалъ изъ Москвы въ Тушино. Въ Тушинѣ ему пришлось быть не долго: уже въ февралѣ того же года отправился онъ къ Сигизмунду, получилъ отъ него помѣстья, а затѣмъ въ 1611 году, неизвестно какъ, очутился въ Новгородѣ около того времени, когда Новгородъ взяли шведы: „и я, князь Семень, на томъ новгородскомъ взятѣи былъ“, — говоритъ онъ о себѣ¹⁾. Однако онъ не остался ни въ плѣну у шведовъ, ни въ польскомъ лагерѣ, а пришелъ подъ Москву въ русское ополченіе. Подмосковные воеводы еще до освобожденія Москвы отправили князя Семена „походнымъ воеводою“ въ Торопецъ, откуда онъ вернулся въ Москву уже во время избранія Михаила Феодоровича²⁾.

Изъ этихъ краткихъ замѣчаній видно, какъ много впечатлѣній долженъ былъ вынести Шаховской изъ смутной эпохи. Но эти личныя впечатлѣнія и воспоминанія совершенно не отразились на его произведеніяхъ о смутномъ времени. Ему, конечно, не совсѣмъ было удобно писать со всею откровенностью о томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ во время смуты: пришлось бы вспоминать свою тушинскую службу и награды, полученныя отъ короля. Послѣ прекращенія смуты, когда общественное мнѣніе безповоротво осуждало всякую измѣну, откровенность въ этомъ отношеніи могла бы повредить князю Семену, и только въ интимной своей автобіографіи рѣшился онъ записать нѣсколько воспоминаній, весьма краткихъ и сдержанныхъ, о томъ, что дѣлалъ онъ въ смутные годы. Звало или не звало московское правительство времени царя Михаила, какъ держалъ себя Шаховской раньше, рѣшить трудно; но князь Семень съ первыхъ же дней царствованія Михаила Феодоровича началъ служить новому государю. Въ 1613—1615 годахъ онъ участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ

смыслахъ и опалахъ. И мы можемъ повѣрить ему, что въ данномъ случаѣ онъ пострадалъ безъ личной вины: Шуйскій сослалъ князя Семена, всего взроститѣ, потому, что онъ былъ роднымъ племянникомъ извѣстнаго Григ. Петр. Шаховскаго, возставшаго въ 1606 году противъ Шуйскаго (А. А. Тимоса Ярославля. М. 1883 г., стр. 137). Если эта догадка вѣрна, мы имѣемъ право предположить, что Шуйскій очень скоро забылъ свое клятвенное обѣщаніе „безъ вины ни на кого опалы своей не класти“ и не преслѣдовать братья, женъ и дѣтей виновныхъ лицъ (Акт. Арх. Эксп. II, № 44.—Нив. Лѣт. VIII, 77).

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 63—64. — Акт. Западн. Россіи, IV, № 183, стр. 322, § XIII, и стр. 321. Дата 2-го марта здѣсь новаго стиля.

²⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 64.

полковъ и два раза былъ раненъ. Трудности походной жизни заставили его бить челомъ о томъ, что онъ „заволоченъ со службы да на службу“; но это челобитье навлекло на него кратковременную опалу и ссылку на Унжу и не избавило отъ новой службы. Въ 1616 году онъ былъ посланъ воеводою въ Ядринъ, гдѣ и пробылъ до августа 1618 года. Осенью этого года онъ участвовалъ въ защитѣ Москвы отъ Владислава, а „на весну“ 1619 года былъ отправленъ въ Пронскъ полковнымъ воеводою противъ татаръ. Съ лѣта 1619 до лѣта 1620 г. оставался онъ свободнымъ отъ служебныхъ посылокъ, а на вторую половину 1620 года былъ отправленъ вторымъ воеводою въ Вязьму, но скоро оттуда возвратился ¹⁾.

Съ 1620 года начались для князя Семена большія непріятности. Произошли онѣ отъ разныхъ причинъ, и самъ Шаховской былъ виноватъ въ нихъ лишь отчасти. Въ концѣ 1619, кажется, года, послѣ смерти своей третьей жены, онъ женился въ четвертый разъ, и это навлекло на него преслѣдованіе патріарха ²⁾. Въ то же приблизи-

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 65 — 67. — Дворц. Разряды, I, 102; 181—182; 247, 349; 336, 341, 359; 389—390, 407; 421; 456. — Книги Разрядныя, I, 47—48; 196, 545; 507, 568, 568; 621 — 624, 640, 653; 717 — 718. — Др. Росс. Вѣд., изд. 2-е, IX, стр. 279—280. Здѣсь ошибочно показано, что князь Семень былъ на службѣ въ Можайскѣ въ 7122 (1614 г.) вмѣсто 7142 (1633—1634 г.). — Самъ князь Семень неправильно говоритъ, что былъ посланъ въ Ядринъ „во 125 году“: другіе источники согласно показываютъ 7124 годъ. Въ Вязьмѣ онъ былъ очень короткое время: въ 7129 (1620 — 1621) году тамъ уже были другіе воеводы (Книги Разрядныя, I, 762).

²⁾ О своихъ женахъ Шаховской говоритъ въ автобіографіи, въ посланіи къ патріарху Филарету и въ молитвахъ своего сочиненіи. Въ первомъ произведеніи читаемъ подъ 122 (1614) годомъ: „того году у меня, князь Семена, жены первый не стало“; подъ 127 (1619) г. — „тоя весны у меня другія жены не стало послѣ Свѣтлова Воскресенія вскорѣ“; подъ 128 (1619) г. — „того же лѣта на Филипово загованье (то-есть въ ноябрѣ) женился я, князь Семень, на нынѣшней своей княгинѣ“ (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., стр. V, 65 — 67). Такимъ образомъ можно думать, что князь Семень женатъ былъ въ молодости три, а не четыре раза. Но въ посланіи къ патріарху онъ говоритъ слѣдующее: „Умершу ми тремъ женамъ въ малолетней годниѣ и ни со единою довольно помихъ, толко очима своимъ видѣхъ я. Со единою помихъ тригодинное число, со второю полтора года, съ третьемоу девятнадцать недѣль... И удалася отъ различнаго многоа блудодѣланія, сочталася есмь бракомъ съ дѣвицею сущею и жилъ съ нею два годы, и дѣтки, государь великій, даровалъ ми Богъ съ нею“ (Риз. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 20 об.—21; № 214, лл. 28 об.—29). Въ молитвахъ своихъ Шаховской молится за упокой трехъ своихъ женъ и проситъ долголѣтствія для четвертой: „Помини, Господи, рабы свои законоданныя ми жены: Матрону и Настасью и Татьяну...“

тельно время случилось событіе, въ которомъ князь Семенъ не былъ виноватъ, но за которое постигла его опала уже отъ самого государя. Въ 1620 г. въ Москвѣ нѣсколько Шаховскихъ были уличены въ „великихъ винахъ“ политическаго характера и приговорены къ смерти, но помилованы и сосланы „въ понизовые города по тюрьмамъ“¹⁾. Хотя князя Семена въ то время не было и въ Москвѣ, когда его родня впала въ „беззаконіе“, однако и его привлекли къ дѣлу, обвинивъ, какъ кажется, въ недонесеніи и укрывательствѣ²⁾. Источники не позволяютъ точно опредѣлить, когда именно и какое наказаніе понесъ за свои вины князь Семенъ. Въ своихъ запискахъ онъ отмѣтилъ только, что въ 7180 (1622) году онъ былъ сосланъ въ Тобольскъ „въ опалу въ чужомъ дѣлѣ и того же году пожало-

„Помянуи, Господи Царю, и сохрани жену мою, аще и незаконно поять ю, и чада моя, еже ни еси даровалъ“ (Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 314 об.—315; № 214, лл. 422—423.—Библиол. Словарь *Стросса*, стр. 291). Такимъ образомъ, можно съ полнымъ основаніемъ думать, что князь Семенъ не упомянулъ въ своихъ запискахъ одной изъ своихъ умершихъ женъ и дочь „вышедшей своею книжней“ разумѣлъ не третью, а четвертую супругу. Всего вѣроятнѣе, не упомянулъ онъ ту, съ которой жилъ не годы, а недѣли. Мы ошибемся во всякомъ случаѣ немного, если временемъ его четвертаго брака будемъ считать 7128 годъ (то-есть, конецъ 1619 г.).

¹⁾ Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 550 и 529. — „Великія вины“ Шаховскихъ были сказаны имъ въ такихъ словахъ: „Во 128 (1620) году назидатель на насъ государю... Ондрей Голубовской, что вы въ вечеру у Илейки Вочкина были и затѣйными воровскимъ обычаемъ вы, князь Оеонасей, и князь Ондрей, и князь Ивалъ, и Илейка Вочкинъ называлъ тебя, князь Матвѣя, царемъ, а ты, князь Матвѣй, князя съ братьею называлъ бояры, и сами вы въ томъ воровствѣ виновались.“—Князья Андрей, Аеонасей, Матвѣй Федоровичи Шаховские по роду были довольно близки къ князю Семену и имѣли съ нимъ общаго прадеда князя Андрея Александровича Шаховскаго.

²⁾ Нѣтъ сомнѣнія, что князь Семенъ былъ привлеченъ къ этому именно дѣлу. Въ посланіи къ митрополиту Кипріану, прося о милости къ себѣ, онъ приводитъ такіе оправданія: „мнѣ, государямъ, всяко вѣдома суть о сихъ, что коимъ худости и на Москвѣ не было въ тѣ дни, къ нимъ же случися братіимъ нашимъ въ таковое беззаконіе впасть, и не разумѣхъ о томъ“. Намекъ на „братіи“ видѣсь очень ясенъ. Изъ другаго же мѣста этого посланія видно, что князя Семена обвинили въ томъ, что онъ не донесъ о проступкѣ родныхъ: „Свидѣтельствуеть о мнѣ самомъ дѣла мое“, говорить онъ, — „яко ниже по умышленію, ниже по лукавству нѣкому сидевое дѣло приключися ми, о нихъ же по невѣдѣнію умолчахъ и за то расхищенъ и различными озлобленіи озлобленъ“ (Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 50, л. 52; № 214, л. 65, л. 67 об.).

ванъ, вѣсть къ Москвѣ". Въ своихъ посланіяхъ онъ мимоходомъ замѣчаетъ, что благополучно жилъ съ четвертою женою „два года“, прежде чѣмъ его съ нею разлучили. Такъ какъ послѣдняя его женитьба по всѣмъ соображеніямъ была въ концѣ 1619 года, то разлученіе съ женою, по всей вѣроятности, произошло одновременно съ ссылкой его въ 1622 году ¹⁾. Но ссылкой и разлученіемъ бѣды Шаховскаго не ограничились. Просьба ходатайства у митрополита Кириана, князь Семень говоритъ, что четыре года онъ терпѣть безъ вины, „гонимъ и прогонимъ и всячески оаооленъ и расхищенъ“, въ нищетѣ и убожествѣ ²⁾. Это даетъ поводъ думать, что имущество его было конфисковано. А изъ другихъ его произведеній видно, что онъ одно время былъ заключенъ и въ тюрьму ³⁾. Волѣе опредѣленныхъ показаній о бѣдахъ князя Семена не находимъ ни у него самого, ни въ официальныхъ документахъ. Можемъ только догадываться, что въ 1625 году положеніе Шаховскаго уже улучшилось: въ маѣ этого года онъ пишетъ, по порученію патриарха, официальное посланіе Персидскому шаху, въ которомъ убѣждаетъ шаха принять православіе, а въ іюлѣ 1625 г. князь Семень служитъ во дворцѣ ⁴⁾. Но опала съ него не была снята: на службу его не посылали до 1628 г., а затѣмъ отправили воеводой въ Енисейскъ, гдѣ онъ и пробылъ до начала 1631 г.

¹⁾ Моск. Вѣсти. за 1830 г., V, стр. 67.—Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 21; № 214, л. 29.

²⁾ Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 51, л. 52 об.; № 214, л. 66 — 66 об., л. 68.

³⁾ Въ первомъ посланіи Шаховскаго самое заглавіе показываетъ, что авторъ сидѣлъ въ тюрьмѣ: „егда ми случися стрегому быти, въ царстей опалѣ сущу неповинну“. И въ текствѣ этого посланія говорится: „Ты бо, господине мой и друже, не тако просто азъ тебѣщу придохъ посѣтити убогаго ми, но и потребна принесохъ“. Это первое посланіе писано къ Семену Гавриловичу: по указателю къ Книгамъ Разряднымъ можно видѣть, что изъ замѣтныхъ людей того времени князь Семена Гавриловича носилъ одинъ Коробѣничъ, дворянинъ московскій. Въ предисловіи къ сборнику своихъ произведеній Шаховской также свидѣтельствуетъ, что былъ „въ заключеніи и во изгнаніи“ и писалъ оттуда своимъ друзьямъ (Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 2, л. 3 об.; № 214, л. 2, л. 3 об.). Не знаемъ, откуда почерпнулъ митроп. Евлімій свое извѣстіе о томъ, что князь Семень былъ заключенъ въ Чудовъ монастырь (Словарь русск. святскихъ писателей, II, стр. 248).

⁴⁾ Рис. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 24 об. — 43; № 214, лл. 32 — 55.—Дворц. Разряды, I, 699.—Митр. Макарія Ист. р. церкви, XI, стр. 65 — 66 и 228 — 229.

Потомъ въ качествѣ опальнаго человѣка онъ жилъ въ Тобольскѣ еще около года и возвратился въ Москву только въ августѣ 1632 года ¹⁾.

Со смертью патриарха Филарета въ 1633 г., Шаховскіе, дѣйстви-тельно виновные, были помилованы и возвращены въ Москву; имъ былъ данъ совѣтъ „впередъ свои великіе вины покрывать службою“. И неповинный князь Семенъ, вмѣстѣ съ прочею роднею, снова началъ служить по смерти Филарета, какъ служилъ до своей опалы. Въ 1633—1637 гг. онъ ходилъ въ походы противъ поляковъ и участвовалъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Польшей ²⁾. Въ 1638 году, съ апрѣля по ноябрь, былъ онъ противъ крымцевъ воеводою на Крапивнѣ и мѣстничался съ княземъ С. Гагянымъ, при чемъ былъ обвиненъ и въ февралѣ 1639 года за Гагина сидѣлъ въ тюрьмѣ ³⁾. Вслѣдъ затѣмъ его отпразднили воеводою на Терекъ, гдѣ онъ оставался до 1642 года ⁴⁾. Въ самомъ концѣ 1643 г. его послали въ Тверь встрѣчать королевича Вольдемара на его дорогѣ въ Москву ⁵⁾. Такъ

¹⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67.—Дворц. Разряды, II, 17, 186.—Книги Разрядныя, II, 208, 299, 365.—Др. Росс. Вѣд., изд. 2-е, III, стр. 149 (и 147), 150; IX, 280.

²⁾ Русск. Ист. Библиотека, IX, стр. 529, 551.—*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 67—68 (смлч. Дворц. Разряды, II, 349, 355, 373, 380, 413, 438, 445). Въ 1637 г., 20-го февраля, онъ былъ даже отправленъ посланникомъ въ Польшу (Дворц. Разряды, II, 530, 873.—Доп. къ Ант. Ист., VI, № 138, стр. 430.—Памятнини дипломатич. сношеній, III, стр. 89, 121, 212.—Ант. Запада. Россіи, V, № 14 и 15.—Протоколы засѣданій Археогр. Комиссіи, I, 345—346.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 377—378).

³⁾ *Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 68.—Дворц. Разряды, II, 568, 590—591, 599—600.—Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 110, 113—114, 127.—Др. Росс. Вѣд., изд. 2-е, стр. 280—281.—Въ 1637—1639 гг. виднѣи иногда князь Семена за государыньи столомъ (Русск. Ист. Библиотека, X, стр. 100, 180).

⁴⁾ О Терской службѣ князя Семена показанія источниковъ разнорѣчивы: Самъ Шаховской говоритъ, что на Терекъ его послали въ 147 (1639) году (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69); въ Др. Росс. Вѣдѣніи (изд. 2-е, IX, стр. 281) пребываніе его на Терекѣ показано въ 149—150 (1641—1642) годахъ; а въ Дворц. Разрядовъ (II, 633, 639) видно, что назначеніе его на Терскую службу состоялось 5-го мая 7148 (1640) года. И о концѣ этой службы извѣстія не согласны: по однимъ показаніямъ, князь Семенъ остался на Терекѣ и въ 7150 (1642) году, по другимъ же—въ этомъ 7150 г. воеводою Терскимъ былъ М. П. Волыньскій (Др. Росс. Вѣд., изд. 2-е, IX, стр. 281.—Дворц. Разряды, II, 662 и 688).

⁵⁾ Дворц. Разряды, II, 718.—*Соловьева* Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 291—292.—Самъ князь Семенъ ошибочно написалъ, что эта его служба

обычнымъ московскимъ порядкомъ шла жизнь Шаховскаго до тѣхъ поръ, пока весной 1644 года не разразилась надъ нимъ, неизвѣстно за что, новая опала. Онъ былъ посланъ на далекое воеводство въ Усть-Колу и служилъ тамъ до апрѣля 1646 года; оттуда былъ переведенъ въ Устюгъ и тамъ оставленъ до начала 1647 года. Тамъ ждалъ онъ государевой милости и прощенія: „ожидалъ,.... что велѣтъ мнѣ быть къ Москвѣ (такъ писалъ онъ дяку Васильеву), а вмѣсто таковаго чаянія подвинули меня подалѣ, указавъ мнѣ государь быть у Соли у Вычегодской“. Князя Семена хотѣли, кажется, вмѣсто Москвы отправить на Лену, гдѣ тогда только что былъ построенъ „городъ Якутской“. Но эта посылка не состоялась: въ февралѣ 1648 г. отъ государева гонца узналъ Шаховской, что государь велѣлъ его „отъ Ленскіе службы отставить, а до своего государева укаву велѣлъ еще побытъ у Соли“. И только въ концѣ 1648 года его отпустили изъ Сольвычегодска въ его вотчину въ Галичъ, а затѣмъ позвали и въ Москву. Но опала миновала не надолго: уже на масленицѣ 1649 года князь Семенъ снова поѣхалъ въ ссылку въ Томскъ¹⁾. Хотя свѣдѣній о его жизни послѣ 1649 года совсѣмъ нѣтъ, однако является возможность утверждать, что онъ въ Сибири не умеръ, но возвратился въ Москву и еще въ 1653 году переписывался съ Троицкимъ келаремъ Симономъ Аварьиннымъ²⁾. Въ это время ему

была въ 1642 году: „во 151 году... на Рождество Христово“ (*Моск. Вѣстн.* за 1630 г., V, стр. 69).

¹⁾ Въ своихъ запискахъ Шаховской не объясняетъ причины опалы (*Моск. Вѣстн.* за 1830 г., V, стр. 69). Въ перепискѣ же съ тобольскимъ дякомъ Т. Васильевымъ, которая относится къ 1647—1648 годамъ (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, IX, № 1—4), князь Семенъ объясняетъ свои бѣды не преступленіемъ или проступкомъ, а вообще своими грѣхами: „А напасти, гозударь мой (пишетъ онъ въ первомъ своемъ письмѣ), за грѣхи постигаютъ мя, а много не вѣтъ въ себѣ ничего же“. Ту же мысль развиваетъ онъ очень пространно и въ третьемъ письмѣ.—Обстоятельства этой ссылки Шаховскаго изложили мы по его запискамъ и перепискѣ съ Васильевымъ. Кромя того, см. Др. Росс. Визл., изд. 2-а, III, 176 (здесь показано, что Шаховской былъ въ 1647 году въ Томскѣ; это опровергается его перепиской); III, 161; IX, 281.—При переводѣ изъ Колы моремъ къ Архангельску, Шаховской и его спутники едва не погибли отъ бури. Спасеніе свое они приписывали чудотворенію преп. Сергія Радонежскаго; князь Семенъ составилъ святому „кондаки и икосы по подобію несѣдаемыхъ“ и принесъ ихъ къ Троицкому келарю Симону Аварьину, когда возвратился изъ ссылки. Онъ же описалъ все это въ своей Книгѣ новоявленныхъ чудесъ преп. Сергія (Риз.; Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 93—95).

²⁾ Риз. Моск. Дух. Академіи № 203, л. 108: „161 (1653) году... писалъ ко мнѣ, келарю Симону, съ Москвы князь Семенъ князь Ивановъ сынъ Шахов-

шелъ по крайней мѣрѣ седьмой десятокъ лѣтъ (около пятидесяти лѣтъ онъ уже находился на службѣ); вѣроятно, князь Семень и скончался въ 50-хъ годахъ XVII вѣка.

Трудно догадаться, почему такъ много потерпѣлъ въ концѣ своей жизни такой благочестивый человекъ, какъ князь Семень. Его знакомый дьякъ Т. Васильевъ называлъ его человекомъ „предвѣннымъ, шествующимъ путемъ правды, и не мало разумѣющимъ божественнаго писанія, и примѣвшимъ по дару Божию много здраваго ученія“ Патриархъ Филаретъ, преслѣдовавшій Шаховскаго, именно ему поручилъ составленіе своего посланія къ шаху; очевидно, онъ считалъ князя Семена способнымъ къ такому важному труду, въ которомъ должны были сочетаться я правыя богословскія знанія, и литературныя способности. Изъ сочиненій князя Семена видно, что многія лица считали его авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры и обращались къ нему за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Изучая его произведенія, мы дѣйствительно убѣждаемся въ большой начитанности Шаховскаго въ книгахъ священныхъ и церковныхъ. Какъ писатель, онъ является предъ нами писателемъ-богословомъ. Его излюбленныя темы — похвальныя слова святымъ, церковныя службы, молитвы; въ просительныхъ своихъ посланіяхъ и въ частныхъ письмахъ онъ легко обращается къ религіознымъ размышленіямъ и наставленіямъ; если же берется за историческій сюжетъ, то непремѣнно обрабатываетъ его

своей... Въ этомъ письмѣ князь Семень сообщаетъ келарю, что пожаръ въ его вотчинѣ былъ остановленъ иконою преп. Сергія. Такъ какъ онъ упоминаетъ здѣсь объ икосахъ „своего творенія“, то нѣтъ сомнѣнія, что это былъ именно писатель Шаховской. Но другія извѣстія о Семѣнѣ Ивановичѣ Шаховскомъ, дошедшія отъ второй половины XVII в., не могутъ относиться непремѣнно къ С. И. Шаховскому-Харѣ. Въ родѣ Шаховскихъ былъ другой Семень Ивановичъ, поволазіемъ младше князя Семена Харя, приходившійся ему, если не ошибаемся, троюроднымъ племянникомъ (*А. А. Титова* Ярославль. М. 1883, стр. 136). Онъ началъ свою службу стряпчимъ около 1640 года и былъ потомъ стольникомъ; упоминанія о его службѣ въ Москвѣ встрѣчаемъ въ 1640 и 1647 гг., какъ разъ тогда, когда старшаго князя Семена въ Москвѣ не было (*Русск. Ист. Библиотекъ*, X, стр. 215, 366, 372, 377). Зная о существованіи втораго С. И. Шаховскаго и не имѣя точныхъ указаній на жизнь князя Семена Харя послѣ 1649 года (на которомъ онъ прекратилъ свои записки), мы не можемъ рѣшить, къ кому изъ нихъ отнести слѣдующія, напримѣръ, данныя: въ 1652 г. С. И. Шаховской упоминается въ одномъ изъ богомольныхъ походовъ государыни; въ Воарскихъ книгахъ 7166 (1657—1658) и 7176 (1667—1668) годовъ С. И. Шаховской показанъ дворяниномъ московскимъ. Сомнѣваемся, чтобы князь Семень могъ дожить и дослужить до 1670, приблизительно, года.

въ формѣ богословскаго трактата, религіозно-нравственнаго поученія. Таково его Слово о пожарѣ московскомъ 1626 года ¹⁾. Въ немъ находимъ лишь нѣсколько словъ о самомъ событіи, и то довольно общихъ и риторичныхъ; но пожаръ даетъ автору поводъ сказать москвичамъ обширную обличительную проповѣдь на ту тему, что несчастіе было Божиимъ наказаніемъ за грѣхи московскихъ людей. Такимъ же точно характеромъ благочестиваго поученія отличаются и произведенія Шаховскаго о смутѣ. Въ нихъ изображеніе фактовъ не играетъ главной роли; событія смуты интересуютъ автора по столько, по сколько на нихъ оправдываются его религіозно-нравственные взгляды. Излагая эти взгляды и въ нихъ полагая главное значеніе своего труда, Шаховской счелъ болѣе удобнымъ для себя при описаніи фактовъ воспользоваться готовымъ разсказомъ о смутѣ, находящимся въ повѣсти Катырева.

Оба произведенія Шаховскаго, касающіяся смутнаго времени, такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ правильнѣе считать одною повѣстью, раздѣленною на двѣ части только заглавіями ²⁾. Въ первомъ изъ этихъ произведеній описаны преступленія Бориса Годунова, во второмъ — то возмездіе, какое онъ получилъ отъ Бога за эти преступленія. Основная мысль, одинаково замѣтная и въ томъ, и въ другомъ повѣствованіи, такова: ни одинъ грѣхъ не остается безъ наказанія, какъ не остается безъ награды терпѣніе и страданіе. Борись, много согрѣшившій властолюбіи ради, могъ бы загладить свою вину передъ Богомъ, если бы началъ „по волѣ Божіи.. власть 'свою стронти“; но онъ не сдѣлалъ этого и погибъ отъ само-

¹⁾ Рип. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 113 об.—140; № 214, лл. 149—185 (такое же описаніе пожара находится въ рип. № 213 на лл. 115—116 об.; въ рип. № 214—на лл. 151—158).

²⁾ Оба произведенія находятся въ сборникѣ сочиненій Шаховскаго непосредственно одно за другимъ. Первое носитъ заглавіе „Повѣсть, какъ въ то время, на память великомученика благоговѣрнаго царевича Дмитрія, о убиеніи его и о преславномъ обратеніи тѣлеси, и о язвѣ людскій. Списание Семіономъ Шаховскимъ“ (Рип. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 267—285 об.; № 214, лл. 362—386). Часть этого заглавія („о преславномъ обратеніи тѣлеси“) относится къ содержанію уже втораго произведенія, въ которомъ повѣствуется объ открытіи мощей царевича. Второе произведеніе озаглавлено: „Повѣсть о нѣкоемъ мнѣшѣ, како посланъ отъ Бога на царя Бориса во отищеніе крове праведнаго царевича Дмитрія“ (Рип. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—301; № 214, лл. 387—404 об. Существуетъ и отдѣльный списокъ: см. *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. за 1879 г. II, Протоколъ засѣданій, стр. 4).*

званца, въ свою очередь скоро ниспровергнутаго за свои беззаконія. Невинно же пострадавшій Димитрій сподобился дара чудесъ и былъ прославленъ, какъ святой ¹⁾).

Свой разсказъ о страданіяхъ Димитрія Шаховской начинаетъ пространнѣмъ описаніемъ того, какъ угождаютъ Богу Его святые или отшельничествомъ, или подвигами труда и послушанія въ обществѣ, или, наконецъ, мученичествомъ. Мученическаго вѣнца достигъ и царевичъ Димитрій. Приступая къ изображенію его судьбы, авторъ боится, что не сумѣетъ этого сдѣлать по своему невѣжеству и „уродству ума“. Рѣшается онъ писать лишь въ надеждѣ на Божью помощь и съ тѣмъ соображеніемъ, что житія святыхъ можно описывать „не витѣйскими словесы и риторскимъ разумомъ“, а простою рѣчью. „Житія святыхъ и мученія и доблести ихъ ясно да скажутся“, говоритъ онъ,— „яко же и не книжнымъ мочно простымъ глаголемая внимати“. Въ судьбѣ царевича Димитрія прежде всего занимаетъ автора его „многобрачное рождество“, то-есть, то, что царевичъ родился „отъ шестыя жены“ Грознаго. „Не осудится бо всякъ родившійся отъ многобрачія родительскимъ согрѣшеніемъ“, пишетъ онъ и указываетъ затѣмъ, что даже въ книгѣ родства Іисуса Христа можно найти примѣры неправильныхъ браковъ. За этимъ обширнымъ вступленіемъ начинается у Шаховскаго и самое житіе царевича.

Помянувъ о смерти Грознаго, о возвышеніи Годунова, авторъ характеризуетъ степень власти Бориса словами Катирева: „и самому царю во всемъ послушну ему быти и повелѣнное имъ творити“ ²⁾). Послѣ краткихъ самостоятельныхъ замѣчаній о честолюбіи Бориса и ссылкѣ въ Угличъ царевича ³⁾), Шаховской въ разсказѣ о смерти царевича, о бесидіи царя Ѳеодора узнать правду въ этомъ дѣлѣ, о московскомъ пожарѣ 1591 года, о кончинѣ царя Ѳеодора, — прямо слѣдуетъ словамъ Катирева, нрѣдка дополняя ихъ риторическими

¹⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 281 об.—284 об., лл. 293—296; № 214, л. 381 об.—385, л. 395 об.—399.

²⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 278 об.; № 214, л. 377.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 285.

³⁾ Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 278 об.—279; № 214, л. 377 об.: по словамъ Шаховскаго, Борисъ „помышляетъ юнѣйшаго брата царева Димитрія царевича и съ матерію его на Угличъ лестію, якоби власть даруа ему“. Обыкновенно въ сказаніяхъ читаемъ, что Димитрія на Угличъ отправилъ царь Ѳеодоръ; къ названію Шаховскаго близки только Хронографъ 2-й редакція (Изборникъ, стр. 186—187) и „Сказаніе и Повѣсть, еже содѣяся“..., стр. 1.

вставками ¹⁾. Измѣнивъ затѣмъ со стороны слога и сокративъ извѣстіе Катырева объ избраніи Бориса въ цари, Шаховской приступаетъ къ обстоятельному развитію основной идеи своего произведенія, уже указанной нами. Вспоминая судьбу Саула, говоритъ онъ, что Борисъ, ставъ царемъ, не избѣжалъ этимъ суда и кары Божьей. Спаси его могло бы благочестивое правленіе и добрыя дѣла. Но Борисъ „слѣпотою объять бысть и братоненавидѣніемъ“; онъ сталъ гордиться, сталъ подозрѣвать и преслѣдовать своихъ подданныхъ. Словами Катырева излагаетъ Шаховской опалу на Романовыхъ ²⁾ и затѣмъ замѣчаетъ, что именно съ тѣхъ поръ, какъ обнаружился грѣхъ Бориса-царя, Господь послалъ ему казнь, поразивъ его народъ голодомъ и моромъ. Немногимъ позже голода явился Борису новый мститель отъ Бога—самозванецъ, котораго Шаховской сравниваетъ съ Фокою, убійцею имп. Маврикія. Но рассказъ объ этомъ мстителѣ авторъ обѣщаетъ дать уже въ другой повѣсти. Борисъ „судъ пріять подобенъ своему нечестію“, пишетъ Шаховской,—„и многожелаемаго своего владычества лишается образомъ симъ, яко же здѣ явственно Повѣсть предложити вамъ хошу“.

Такимъ образомъ Повѣсть о вѣкомъ мнѣсѣ, по признанію самого автора, является непосредственнымъ продолженіемъ Повѣсти о смерти царевича. Начинается она рассказомъ о походе на самозванца на Русь и въ Польшу, при чемъ этотъ рассказъ, съ чисто-внѣшними стилистическими измѣненіями, прямо взятъ изъ Повѣсти Катырева ³⁾. Затѣмъ, опуская всѣ подробности борьбы самозванца съ войсками царя Бориса, Шаховской беретъ у Катырева лишь немногія строки о томъ, какъ распространился на Русь слухъ о самозванцѣ и какъ Борисъ приготовился къ борьбѣ съ своимъ врагомъ ⁴⁾. Душевное состояніе Бориса при этомъ онъ рисуетъ обстоятельнѣе, чѣмъ Катыревъ: хотя Бориса и мучила совѣсть, тѣмъ не менѣе онъ „мужески“

¹⁾ Ргп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 279—281; № 214, лл. 378—380 об.—Изборникъ, стр. 285, отъ словъ: „послалъ тамбниковъ своихъ“, и стр. 286, до словъ: „аки овца не имѣюще пастыря“. — Изъ дополненій Шаховскаго историческаго характера имѣетъ только одна замѣтка, что царь Федоръ не могъ узнать о смерти брата, „понеже удержанъ бысть властью убійцы оного“, то-есть, Бориса.

²⁾ Ргп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 284 об.; № 214, л. 385.—Изборникъ, стр. 287; „Не усрами же ся и славна роду“ и т. д.

³⁾ Ргп. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 286—289; № 214, лл. 387—390 об.—Изборникъ, стр. 287—288 (до словъ: „и отпускаетъ досягати царства отеческаго“).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 287.—Ргп. Моск. Дух. Академіи, № 213, лл. 289—290; № 214, лл. 390 об.—391 об.

оподчался на самозванца, напрасно думая избѣжать Божьяго мщенія. Оно скоро постигло его: самъ Борисъ умеръ внезапною смертью, а семья его стала жертвою Разстриги. При описаніи смерти Бориса, гибели его семейства и торжества самозванца Шаховской возвращается къ тексту Катырева и передаетъ его въ сильно сокращенномъ видѣ съ измѣненіями и вставками, мало интересными въ историческомъ отношеніи. Словами Катырева характеризуетъ онъ и царствованіе Разстриги ¹⁾, при чемъ, сообщая о женитьбѣ самозванца, даетъ самостоятельный отзывъ о поведеніи Гермогена при Лжедмитріи ²⁾. Очень близокъ къ тексту Катырева и рассказъ о сверженіи самозванца и поруганіи его тѣла, объ избіеніи поляковъ въ Москвѣ и о тѣхъ физическихъ явленіяхъ, которыя совпали съ переворотомъ 17-го мая ³⁾.

Отъ описанія гибели самозванца Шаховской переходитъ къ отвлеченнымъ размышленіямъ и окончательно выясняетъ главную мысль своего повѣствованія. Онъ показываетъ читателю, что и Борисъ, и самозванецъ пали вслѣдствіе своихъ грѣховъ; ему остается для полного раскрытія темы показать, что награда не замедлила явиться тому праведному страдальцу, судьба котораго была связана съ судьбою описанныхъ авторомъ злодѣевъ. И Шаховской обращается къ

¹⁾ При описаніи царствованія самозванца занисствованія Шаховскаго идутъ приблизительно въ такомъ порядкѣ: рассказъ о сверженіи и заточеніи Годуновыхъ (Изборникъ, стр. 292), онъ въ двухъ самостоятельныхъ еразахъ говорить о водрвеніи Лжедмитрія; затѣмъ сообщаетъ словами Катырева о заимствѣ самозванца противъ православія (Изборникъ, стр. 293 въ концѣ), о сверженіи Юва, о поставленіи въ патріархи Игнатія, о судьбѣ царевны Есепіи (Изборникъ, стр. 292), о призваніи въ Москву Мишика и другихъ поляковъ, о женитьбѣ самозванца съ позволенія Игнатія (Изборникъ, стр. 293—294).

²⁾ Послѣ сообщенія, со словъ Катырева, что Игнатій благословилъ самозванца на женитьбу „безо всякаго пренословія“ (Изборникъ, стр. 294), Шаховской пишетъ: „Митрополиту же казанскому Ермогену, единому по благочестію поборнику, ревностію всяко Божіею много запрещающе ему (то-есть, Разстригѣ) о сввервобрачїи самъ, глаголюще: яко не достоитъ ти естъ, царю, совокупитися со иновѣрною отроковицею, не омывъ ю духовною банею пакы бытія, сїрѣчь святыхъ крещеніемъ. Онъ же, окаанный, никако сего восхотѣ послушати, яко аснѣдъ глухій заткнула уши свои, и многу некавнсть и рвепіе воздвизаетъ ва блуждемаго сего отца. Аще не бы Богъ прекратилъ днїе его, безъ сумнѣнїя убилъ быхъ того окаанный“ (Рки. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 291 об.—292; № 214, л. 394. Сравни. отзывъ Катырева о Гермогенѣ въ Изборникѣ, стр. 295).

³⁾ Изборникъ, стр. 294, отъ словъ: „Во десятый же день“..... до словъ: „воиснїе въ царствующемъ градѣ даже и до третьяго дня“.—Рки. Моск. Дух. Академіи № 213, лл. 292—293; № 214, лл. 394 об.—395 об.

рассказу объ открытіи мощей царевича. Кратко говоритъ онъ, занимствуя фразы у Катырева, объ избраніи на царство царя Василія и о возведеніи въ патріархи Гермогена; затѣмъ даетъ самую общую характеристику послѣдующей смуты „даже и до благочестиво царствующа великого князя Михаила Федоровича" ¹⁾. Эта характеристика служить для него какъ бы введеніемъ въ рассказъ объ обрѣтеніи мощей Димитрія. „Внегда убо царю Василію скипетры царскія удержавшу и митрею велию бывшу, той же.... Ермогенъ воспоминаетъ царю, да послется отъ него на взысканіе тѣлеси праведнаго царевича",—такъ начинается Шаховской свой рассказъ ²⁾. Изъ лицъ, посланныхъ въ Угличъ за мощами, называетъ онъ одного Филарета Никитича и повторяетъ о немъ почти буквально отзывъ Катырева ³⁾. Самое же обрѣтеніе и перенесеніе мощей описываетъ онъ такими общими фразами, въ которыхъ нельзя уловить сколько-нибудь цѣнныхъ показаній. Очевидно, съ подробностями этого дѣла онъ былъ мало ознакомленъ и не зналъ такого обстоятельнаго источника, изъ котораго могъ бы черпать свои свѣдѣнія въ данномъ случаѣ такъ-

¹⁾ Этотъ обзоръ смуты не даетъ исторически-цѣнныхъ свѣдѣній, благодаря своей чрезвычайной краткости. Читая его, невольно думаешь, что онъ писанъ подъ впечатлѣніемъ шестой главы Сказанія Палицына. На это же какъ будто намекаютъ и слѣдующія слова Шаховскаго: „Не азъ, нме вѣрѣжда по всему, но и мудръ нѣкто не бы могъ писаніемъ представи аужду тогдашняго времени; и вѣсть мощно подробну глаголати кнѣзъ, паче же и слову удолжитися. Хотя и навмынуги о сяковыхъ да прочита: въ лѣтописныхъ исторіяхъ мало что изъявлено суть любомудрецы" (Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 297—297 об.; № 214, л. 400—400 об.). Въ то время, когда писалъ Шаховской (въ царствованіе Михаила Федоровича), еще не появились историческіе труды С. Азарьина и Ив. Насадки; Сказаніе Палицына было единственнымъ „исторіею", гдѣ обстоятельно были описаны ужасы смутной поры и бѣдствія русскихъ людей.

²⁾ Приведенная црѣва Шаховскаго заключаетъ въ себя двѣ неточности: съ одной стороны перенесеніе мощей царевича состоялось до появленія открытой смуты при Шуйскомъ; а съ другой—Гермогенъ не участвовалъ въ дѣлѣ перенесенія мощей. Эти ошибки нашего автора показываютъ, что онъ не руководился ни оенціальными грамотами Шуйскаго, ни Повѣстью о перенесеніи мощей Димитрія, составленною въ 1607 году (показанія этихъ памятниковъ разсмотрѣны нами въ первой главѣ нашего труда). Источники Шаховскаго въ данномъ случаѣ опредѣлить трудно; но нельзя не замѣтить, что въ Хронографѣ 2-й редакціи находится подобныя же фактическия неточности (Изборникъ, стр. 195—196).

³⁾ Изборникъ, стр. 312—313.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 297 об.—298; № 214, л. 401.

же удобно, какъ въ другихъ случаяхъ изъ Повѣсти Катырева ¹⁾. Повѣствованіе свое князь Семень оканчиваетъ молитвою къ святому царевичу Дмитрію и проситъ помощи отъ всѣхъ бѣдъ „благовѣрному царю Михаилу“.

Двукратное упоминаніе о царѣ Михаилѣ свидѣлствуетъ, что Шаховской писалъ не позже 1645 года, а его зависимость отъ Повѣсти Катырева говоритъ намъ, что онъ не могъ писать раньше 1626 года. Точнѣе указать время составленія его Повѣстей мы не можемъ, да въ этомъ не представляется и нужды въ виду ничтожнаго историческаго значенія произведеній князя Семена. Для того, чтобы окончить рѣчь о нихъ, замѣтимъ, что Шаховской передѣлывалъ Повѣсть Катырева иногда очень небрежно, какъ бы слѣша, и поэтому допускалъ въ своемъ изложеніи нѣкоторыя несообразности и неловкости. Отмѣтимъ, напримѣръ, слѣдующее мѣсто. Рассказывая о смерти Бориса, Шаховской затѣмъ такъ сокращаетъ повѣствованіе Катырева: „Слышана же бысть смерть царева во емъ и всѣмъ людемъ, и сотвориша совѣтъ, да отоймутъ скипетръ отъ дому его (то-есть, Бориса)... и предадутъ царство въ рудъ грядущаго (то-есть, самозванца). И тако утверждаютъ совѣтъ и предаются въ рудъ злоковеннаго мнѣша онога“. Читатель думаетъ, что рѣчь идетъ о Москвѣ и всемъ государствѣ, но сейчасъ же встрѣчаетъ фразу: „Слышана же бысть сія въ царствующемъ градѣ, яко предашася все многособранное воинство въ рудъ онога, и воздвигоша оружіе и придоша на царскій дворъ и пограбиша вся царская сокровища“ ²⁾. При сопоставленіи этихъ мѣстъ съ Повѣстью Катырева, становится яснымъ, что Шаховской въ первой фразѣ очень неудачно сократилъ рассказъ Катырева объ измѣнѣ Федору Борисовичу въ полкахъ, а вторую фразу объ измѣнѣ въ Москвѣ частью списалъ у Катырева, частью же составилъ самъ. Далѣе, сокращая изложеніе Катырева, Шаховской постоянно выбрасывалъ изъ повѣствованія собственныя имена ³⁾ и отдѣльныя извѣстія и не всегда заботился о восстанов-

¹⁾ Шаховской, на сколько можно судить, не зналъ даже мѣсяца и дни происесенія мощей царевича въ Москву. Онъ оставилъ пробѣлъ для того, чтобы вписать число и мѣсяць, и почему-то не вписалъ (Рип. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 298 об.; № 214, л. 402).

²⁾ Рип. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 290—290 об.; № 214, л. 392—392 об. Изборникъ, стр. 290—291, 292.

³⁾ Такъ, при описаніи жизни самозванца въ Литвѣ, Шаховской выпустилъ всѣ личныя и географическія имена, находящіяся у Катырева, кромѣ имени Мишка.

леніи нарушенной пропусками грамматической правильности рѣчи. Въ этомъ отношеніи любопытна такая частность: Шаховской говорить о трупѣ Лжедмитрія, что его положили на площади „нага суща, вичимъ покровенна и лежаху трупъ его три дни“. Неправильное употребленіе формы „лежаху“ объясняется текстомъ Катыврева: „Положиша его... на площади, нага суща, въ знакъ ничѣмъ прикровенна; подъ ногами же положиша боярина П. Васманова... и тако лежаху трупія ихъ“¹⁾. Такія литературныя оплошности Шаховскаго ясно показываютъ (если только въ этомъ можетъ быть сомнѣніе), что именно онъ дѣлалъ заимствованія у Катыврева, а не на оборотъ.

Отъ произведеній кн. Шаховскаго, представляющихъ собою типичный образецъ риторическаго искусства его эпохи, перейдемъ къ безыскусственной по формѣ „Книгѣ, глаголемой Новый Лѣтописецъ“. Въ XVII вѣкѣ она была распространена по множествѣ списковъ²⁾; богатствомъ своихъ показаній она рано обратила на себя вниманіе историковъ и была издана два раза въ прошломъ столѣтіи и одинъ разъ въ настоящемъ³⁾. Въ наше время извѣстія Но-

¹⁾ Ркн. Моск. Дух. Академіи № 213, л. 292 об.; № 214, л. 395.—Изборникъ, стр. 294.

²⁾ Трудно перечислить всѣ списки этого памятника: они находятся во всѣхъ нашихъ древнехранилищахъ. Мы лично не могли принять на себя громадный трудъ ихъ сличенія и ограничили свои занятія одними напечатанными текстами въ той увѣренности, что одно изъ печатныхъ изданій счастливо воспроизвело первоначальный текстъ памятника (Няч. Лѣт. VIII).

³⁾ „Лѣтопись о многихъ мтежахъ“ и т. д. (изд. 1-е: С.-Пб. 1771 г.; изд. 2-е: М. 1788).—„Руская Лѣтопись по Никонову списку“, VIII, С.-Пб. 1792.—„Новый Лѣтописецъ, составленный въ царствованіе Михаила Феодоровича, издавъ по списку кн. Оболенскаго“. М. 1853 (и во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII).—Изъ этихъ печатныхъ текстовъ первоначальнымъ мы считаемъ тотъ, который помѣщенъ въ Никоновой Лѣтописи. Онъ сохранилъ свое первоначальное заглавіе: „Книга, глаголемая Новой Лѣтописецъ; степень ц. и в. кн. Феодора Ивановича всеа Русіи; въ ней же сперва степени немногіе главы ц. и в. кн. Ивана Васильевича всеа Русіи; въ началѣ убо книги о взятіи царства Сибирскаго; зача писати съ 92 (1584)-го году и донынѣ“ (то-есть, до 1630 г., которымъ оканчивается списокъ. См. Няч. Лѣт. VIII, стр. 1 и 256.—П. Собр. Р. Лѣт., IX, стр. VIII). Въ этомъ текстѣ находимъ много указаній на то, что онъ составлялся дѣйствительно при патр. Филаретѣ (эти указанія будутъ приведены ниже) и именно около 1680 года. Другой печатный текстъ (въ Лѣт. о мн. мтежахъ) сохранилъ вообще неприкосновенною первоначальную редакцію памятника, но утратилъ нѣсколько первыхъ статей его и имѣетъ позднѣйшія приписки (Лѣт. о мн. мт., изд. 2-е, стр. 343—366). А тотъ текстъ Нового Лѣтописца, который

ваго Лѣтописца пользуются большимъ вниманіемъ со стороны историковъ смуты, но и до сихъ поръ ничего не сдѣлано для того, чтобы освѣтить происхожденіе этого цѣннаго памятника.

Изученіе текста Новаго Лѣтописца не даетъ никакихъ прямыхъ указаній на его автора. Авторъ очень немного говоритъ о себѣ самомъ. Въ первый разъ, описывая чудесное видѣніе 1611 года и не довѣряя ему, онъ замѣчаетъ: „обаче азъ написахъ се, а не мимо ядохъ“. Въ другомъ мѣстѣ при разказѣ о томъ, что поляки, осажденные въ Кремлѣ, питались человѣческимъ мясомъ и дѣлали запасы этого мяса, авторъ прибавляетъ: „то сами видѣхомъ очима своимъ“¹⁾. На основаніи этихъ фразъ нельзя дѣлать никакихъ заключеній о личности писателя; можно только считать его современникомъ смуты. Мы не остановились бы на вопросѣ о личности составителя Новаго Лѣтописца, еслибы не встрѣтили въ „Исторіи Россійской“ Татищева намека на то, что авторомъ этого произведенія Татищевъ считалъ Іосифа, келейника патріарха Іова, или же самого Іова²⁾. Нельзя, конечно, думать съ Татищевымъ, что лѣтопись,

начинается краткимъ обзоромъ всей русской исторіи и который былъ принятъ Я. Оболенскимъ за „первобытный“ текстъ (*Врем. Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVII), есть не что иное, какъ позднѣйшая литературная переработка, стершая указанія первоначальной редакціи на автора и время составленія. Мы будемъ руководиться при разборѣ памятника его первоначальнымъ текстомъ и въ своемъ мѣстѣ дадимъ рядъ сопоставленій, которыми оправдаютъ изложенныя здѣсь замѣчанія.

¹⁾ Нил. Лѣт., 173, 197.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 233, 265.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ оба эти указанія выпущены (стр. 143, 157—158), что свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ происхожденіи текста.

²⁾ Исторія Россійская, I, Предъизвѣщеніе, стр. XII.—Татищевъ не говоритъ прямо о Новомъ Лѣтописцѣ. Приписывая митр. Макарію описаніе первыхъ 26 лѣтъ „жизни“ Ивана Грознаго, онъ затѣмъ говоритъ: „Іосифъ келейникъ Іова Патріарха или самъ Іовъ въ некоторыя дѣла онагожь Государя послѣднихъ 24 года, но весьма кратко, а по немъ до избранія царя Михайла довольно пространно (описалъ)“. Не смотря на всю неточность выраженій Татищева, думаемъ, что онъ здѣсь разумѣетъ именно Никонову Лѣтопись съ ея продолженіемъ Новою Лѣтописцемъ. Макарьевская лѣтопись, по представленію Татищева, обнимала 26 лѣтъ „жизни“ Грознаго, и, стало бытъ, должна была кончатся 1566 годомъ, а лѣтопись Іова (Іосифа) обнимала послѣдніе 24 года жизни Грознаго и, стало бытъ, должна была начинаться 1566 годомъ. Изъ московскихъ сводовъ до конца 50-хъ годовъ XVI в. доведены Воскресенская и Никонова Лѣтописи и Степенная Книга. Но только одна Никонова Лѣтопись имѣетъ краткія приписки о концѣ царствованія Грознаго (Нил. Лѣт. VII, 813—316) и добавленія о Грозномъ, царѣ Феодорѣ и смутѣ—въ Житіи ц. Феодора и въ Новомъ Лѣ-

доходящую до 1630 года, составилъ Іовъ, умершій въ 1607 году. Но келейникъ патріарха могъ на много лѣтъ пережить его и, какъ современникъ смуты, могъ быть авторомъ Новаго Лѣтописца. Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ извѣстій объ этомъ келейникѣ Іосифѣ, мы не можемъ поэтому повѣрить показанія о немъ Татищева; но мы интересуемся этимъ показаніемъ потому, что оно даетъ намъ извѣстную точку зрѣнія на памятникъ, даетъ поводъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ при патріаршемъ дворѣ. Къ такому же взгляду на происхожденіе Новаго Лѣтописца приводятъ и нѣкоторыя другія соображенія.

Въ источникахъ сохранились указанія на то, что московскіе патріархи XVII вѣка, и особенно—Гермогенъ, были прикосновенны къ дѣлу составленія, переписки и храненія лѣтописей. Эти указанія, какъ ихъ ни мало, вполне заслуживаютъ вниманія. Ту лѣтопись, которая теперь извѣстна подъ названіемъ Воскресенской, люди XVII вѣка считали патріаршею: они называли ее „лѣтописцемъ святѣйшаго патріарха Гермогена“¹⁾. Списокъ этой лѣтописи былъ позданъ, въ 1658 году, въ рукахъ патріарха Никона, который и пожертвовалъ его въ только что основанный Воскресенскій монастырь²⁾. Та-

тописецъ (Ник. Лѣт. VII, VIII). Это даетъ уже поводъ догадываться, что приведенныя слова Татищева должны относиться къ Никонову своду. Еще большее основаніе для такой догадки заключается въ томъ обстоятельствѣ, что въ V томѣ своей Исторіи Татищевъ пересказывалъ именно послѣднія части Никонова свода со всѣми отрывочными извѣстіями о времени Грознаго и съ Житіемъ Феодора патр. Іова (Исторія Россійская, V, М. 1848, стр. 490—530.—Ник. Лѣт. VII, 313—359). При такихъ условіяхъ ясно, что Татищевъ считалъ Іова и Іосифа авторами послѣднихъ частей Никоновой Лѣтописи (и Новаго Лѣтописца), а не другаго какого-нибудь произведенія.

¹⁾ Мы утверждаемъ это по слѣдующимъ соображеніямъ: въ одной изъ Родословныхъ книгъ, писанныхъ, какъ думаютъ, въ началѣ XVII в., включено родословіе Литовскихъ великихъ князей. Предъ нимъ находится статья: „Предисловіе родонъ великихъ князей литовскихъ“ и при ней замѣчаніе: „Синовою съ Лѣтописца Святѣйшаго патріарха Гермогена Московскаго“ (Родословныя книги во Времьникѣ Моск. Общ. Ист. и Др., X, стр. 74 и предисловіе, стр. I.—Барсукова Рукописи Археогр. Комиссіи, стр. 23). Сравнивая это „предисловіе родонъ“ съ московскими сводами, убѣждаемся въ томъ, что выписка о Литовскихъ князьяхъ сдѣлана изъ Воскресенской Лѣтописи и съ добавочныхъ статей (Ср. Родословную книгу, стр. 74—75, и П. Собр. Р. Лѣт., VII, 253—254 и 165; см. также „Русскую Лѣтопись съ Воскресенскаго списка“. С.-Пб. 1793—1794, т. I, 48—49; т. II, 239—240).

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт., VII, Предисловіе, стр. VI.

кимъ образомъ исторія одного изъ подробнѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ московскихъ связана съ именами двухъ московскихъ патріарховъ, и это даетъ поводъ думать, что послѣ историческихъ трудовъ митр. Макарія (Степенная книга) и патр. Іова (Житіе царя Θεодора), послѣдующіе московскіе іерархи не пренебрегали лѣтописнымъ дѣломъ. На ту же мысль наводятъ и весьма вѣроятное, какъ мы видѣли, преданіе о происхожденіи Филаретовой Рукописи. Наконецъ, имѣемъ мы и прямое свидѣтельство самого Гермогена о томъ, что онъ записывалъ „въ лѣтописцѣхъ“ замѣчательныя событія его времени ¹⁾. Рядъ подобныхъ указаній невольно возбуждаетъ вопросъ: если при патріаршемъ дворѣ существовали лѣтописные своды, если Гермогенъ, какъ онъ самъ говоритъ, дѣлалъ записи о событіяхъ, то гдѣ искать патріаршую лѣтопись за позднѣйшіе (XVI—XVII) вѣка и гдѣ искать тѣ записи Гермогена, которыя относятся къ смутному времени? Помимо Новаго Лѣтописца, изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ общихъ повѣствованій о смутѣ безусловно ни одно не можетъ считаться произведеніемъ патріаршимъ, кромѣ Рукописи Филарета. Но изучая всѣ тѣ дополненія, какія привнесены въ этомъ послѣднемъ памятникѣ къ Повѣсти Катырева, не находимъ никакихъ слѣдовъ литературнаго творчества Гермогена. Остается, стало быть, предположить, что записи Гермогена или не дошли до насъ вовсе, или же находятся именно въ Новомъ Лѣтописцѣ, который чрезвычайно богатъ свидѣніями, пользовался, очевидно, официальными источниками и былъ въ рукахъ патр. Никона, какъ дополненіе къ Никоновой Лѣтописи ²⁾.

Было бы довольно легко оправдать это послѣднее предположеніе, еслибы намъ удалось отыскать въ текстѣ Новаго Лѣтописца изло-

¹⁾ „И то чудо въ Лѣтописцѣхъ записали мы“,—таковы слова патріарха (Акт. Арх. Элеп. II, № 169, стр. 290—291).

²⁾ Описание списка Никоновой Лѣтописи, отданнаго Никономъ въ Воскресенскій монастырь,—въ П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VIII—IX. Мы не имѣемъ твердыхъ данныхъ, чтобы установить оенціальное происхожденіе этого свода, но не можемъ не указать на слѣдующее: въ Никоновой Лѣтописи находится оенціальное повѣствованіе Іова о Житіи царя Θεодора; Никонова лѣтопись очень близка по составу къ Воскресенской; Никонова лѣтопись въ XVII в. интересовались оенциально: въ 1637 году одинъ изъ ея списковъ, принадлежавшій Тр.-Сергіеву монастырю, былъ доставленъ „по государеву указу“ въ Приказъ Большаго Дворца (П. Собр. Р. Лѣт., IX, Предисловіе, стр. VII—VIII). Совокупность этихъ признаковъ, вмѣстѣ съ общимъ оенциальнымъ тономъ этой лѣтописи, даетъ нѣкоторое право считать памятникъ оенциальнымъ.

женіе того факта, который хотѣлъ занести патр. Гермогенъ въ свой лѣтописецъ. Въ грамотѣ своей къ русскимъ измѣнникамъ, отъѣхавшимъ отъ царя Василія, Гермогенъ свидѣтельствуесть, что самъ Богъ немедленно наказалъ людей, возставшихъ на законнаго государя Шуйскаго. „Преславно, Вожимъ праведнымъ судомъ“, говоритъ патріархъ, — „тѣ враждотворцы сами отъ Бога въ мгновеніи ока мечь воспріяша и разорисяся, ни отъ кого, но сами отъ себя... И то чудо въ Лѣтописцѣхъ записали мы“, — прибавляетъ Гермогенъ ¹⁾. Естественно было бы ожидать, что въ Новомъ Лѣтописцѣ (если онъ дѣйствительно былъ составленъ при Гермогенѣ) мы встрѣтимъ разсказъ объ этомъ чудѣ, на которое патріархъ только намекаетъ въ своей грамотѣ. Обращаясь къ тексту памятника, мы находимъ въ немъ повѣствованіе о тѣхъ событіяхъ, по поводу которыхъ составлены грамоты Гермогена: Новый Лѣтописецъ перечисляетъ нѣсколько отъѣздовъ изъ Москвы въ Тушино ²⁾. Но при этомъ онъ не упоминаетъ о скорой гибели измѣнниковъ и не говоритъ ни о какомъ чудѣ ³⁾. Такимъ образомъ мы лишены возможности подтвердить свою догадку текстомъ разбираемаго памятника. Въ немъ не оказывается того, что записывалъ Гермогенъ въ своей лѣтописи.

Однако на этомъ основаніи еще нельзя заключать, что Гермогеновская лѣтопись исчезла для насъ совершенно безслѣдно. Мы можемъ только утверждать, что она не дошла до насъ въ томъ видѣ, какой имѣла при Гермогенѣ. Но легко можетъ быть, что матеріалъ, собранный Гермогеномъ для исторіи смуты, не пропалъ, а былъ сведенъ и переработанъ позднѣе, уже по смерти Гермогена. Не представляетъ ли собою Новый Лѣтописецъ именно такого свода данныхъ, официально собранныхъ при патріаршемъ дворѣ для исторіи смуты? Въ такую форму облекается въ концѣ концовъ вопросъ о

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 169, стр. 290, и примѣчаніе 19.

²⁾ Слич. Акт. Арх. Эксп. II, № 169, и Новый Лѣтописецъ (Ник. Лѣт. VIII, 101—102, 111—112, 122—123.—Лѣт. о мн. лѣт., изд. 2-е, 136—137, 150—151, 165.—Нов. Лѣт., 95, 101—102, 107).

³⁾ Правда, въ Новомъ Лѣтописцѣ есть разсказъ о необычайной, чудесной кончинѣ измѣнниковъ, просившихъ „съ лестию“ патріаршаго благословенія. Но объ этомъ повѣствуется уже послѣ разсказа о сверженіи Шуйскаго; измѣнники, проклятые Гермогеномъ и погибшіе страшною смертью, были уже не тушинцы, а слуги Сигизмунда и поляковъ. Поэтому нѣтъ возможности отождествить это чудо Новаго Лѣтописца съ чудомъ Гермогеновой грамоты (Ник. Лѣт. VIII, 141—142.—Лѣт. о мн. лѣт., изд. 2-е, 190—191.—Нов. Лѣт., 121—122).

происхожденіи Новаго Лѣтописца, и для разрѣшенія этого вопроса негдѣ искать указаній, кромѣ текста самаго памятника.

Наблюденія надъ этимъ текстомъ прежде всего приводятъ къ мысли, что Новый Лѣтописецъ не есть лѣтописецъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Его повѣствованіе представляется читателю не рядомъ одновременныхъ записей, сдѣланныхъ по годамъ, а довольно цѣльнымъ разсказомъ, составленнымъ, такъ сказать, за одинъ пріемъ. Много данныхъ говорятъ намъ, что этотъ разсказъ во всѣхъ его частяхъ былъ писанъ не въ смуту, а послѣ нея,—въ то приблизительно время, къ которому относятся послѣднія извѣстія Новаго Лѣтописца. (1630 г.). Укажемъ эти данныя. Онѣ находятся уже въ началѣ Лѣтописца, въ статьѣ о ссылкѣ Романовыхъ отъ Бориса Годунова ¹⁾. Здѣсь Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ названъ „государемъ“, а всѣ Романовы—„царскимъ послѣднимъ сродствіемъ“. Понятно, что такого отношенія къ семьѣ Романовыхъ въ смуту у лѣтописца, современнаго событію, быть не могло. Статья эта написана, очевидно, тогда, когда Филаретъ Никитичъ уже сталъ „государемъ“: послѣ 1619 г. и никакъ не раньше 1613 года. Послѣ 1619 года составленъ и разсказъ о Ростовскомъ плѣнѣ Филарета въ 1608 году: въ немъ Филаретъ названъ „великимъ государемъ“ ²⁾. И далѣе, въ нѣсколькихъ статьяхъ, {посвященныхъ судьбѣ Филарета въ смуту, авторъ Лѣтописца не разъ даетъ понять, что писалъ въ патріаршество Филарета, послѣ 1619 года. Такъ, говоря о отправленіи великаго посольства подъ Смоленскъ въ 1610 году, онъ замѣчаетъ о митрополитѣ Филаретѣ: „многую бѣду и скорбь въ девять лѣтъ за православную христіанскую вѣру претерпѣ“ ³⁾. То же повторяетъ онъ, говоря о плѣненіи Филарета и пословъ: „и былъ онъ, государь, въ такихъ великихъ бѣдахъ девять лѣтъ“ ⁴⁾. И въ разсказѣ о взятіи Смоленска находимъ подобное же свидѣтельство, касающееся участи воеводы Шеина съ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 42—45.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 56—61.—Нов. Лѣт., 49—51.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 103.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 139.—Иначе въ Нов. Лѣт., 96: здѣсь находимъ литературную переработку первоначальнаго разсказа.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 192 (здѣсь вариантъ: „десять лѣтъ“).—Нов. Лѣт., 122 („до десяти лѣтъ“).

⁴⁾ Ник. Лѣт. VIII, 160.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 215.—Нов. Лѣт., 134 („велию скорбь ови послы претерпѣша въ девять лѣтъ“).—Подобный же намекъ на позднее время составленія Лѣтописца встрѣчаемъ и въ статьѣ о посылкѣ въ Литву къ плѣнному Филарету игумена Еерема: Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 283.—Нов. Лѣт., 165.

его семью: „быша въ полону девять лѣтъ“ (1611—1619 гг.)¹⁾. Всѣ эти признаки ясно говорятъ, что обработка Новаго Лѣтописца завершилась не ранѣе 1619 года. Другія же данныя болѣе определенно свидѣтельствуютъ, что Новый Лѣтописецъ составленъ около 1630 года: въ это время были занесены въ него не только послѣднія его извѣстія, но и показанія о событіяхъ довольно раннихъ. Такъ, помѣщая въ началѣ своего повѣствованія о времени царя Михаила рассказъ о Казанской иконѣ Божьей Матери, авторъ Новаго Лѣтописца приводитъ въ этомъ рассказѣ фактъ 7133 года—признакъ, что статья эта составлена не ранѣе 1625 года²⁾. Говоря о состояніи Новгорода подъ шведскимъ владычествомъ въ 1613—1617 гг., авторъ свидѣтельствуетъ, что Хутынский архимандритъ Кирианъ, едва не убитый шведами, былъ впоследствии Новгородскимъ митрополитомъ. Назначеніе митрополита Кириана въ Новгородъ состоялось въ 1626 году, и, стало быть, ранѣе этого года не могли появиться замѣтки о Кирианѣ въ Новомъ Лѣтописцѣ³⁾. Наконецъ, въ рассказѣ о кометѣ 7127 (1618) года, авторъ Лѣтописца прямо указываетъ, что писалъ этотъ рассказъ въ 7138 (1630) году⁴⁾. Такимъ образомъ рядъ указаній заставляетъ насъ считать Новый Лѣтописецъ произведеніемъ, составленнымъ и законченнымъ много лѣтъ спустя послѣ смуты, въ 1630 году.

Намъ можно возразить противъ такого вывода. Всѣ приведенныя нами хронологическія показанія могли быть внесены въ первоначальный текстъ Лѣтописца его позднѣйшимъ поправщикомъ во время Филарета, самый же Лѣтописецъ могъ по частямъ составляться и

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 163.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 219.—Нов. Лѣт., 136.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 210.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 282.—Нов. Лѣт., 165.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 223.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 299—300.—Нов. Лѣт., 173—174.—*Строева* Списки Іерарховъ, ст. 36.—П. Собр. Р. Лѣт., III, 168.

⁴⁾ Ник. Лѣт. VIII, 238.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 320—321.—Комета явилась въ 1618 году: „въ то же пору пришелъ подъ Москву“ королевичъ Владиславъ. По мнѣнію автора, небесное знаменіе пророчило войну въ Германіи, и междоусобія среди нѣмцевъ действительно произошли: „Бывшимъ у нихъ имѣть себя войнамъ великимъ во 138 (1630) году, а зирѣчь объ нихъ Богу соудити, покажетъ у нихъ Богъ велитъ быти войнамъ“,—говоритъ авторъ. Ясно, что онъ писалъ эту статью въ 1630 году и тогда же закончилъ свой трудъ, потому что послѣднія извѣстія Никонова списка оканчиваются именно 1630 годомъ. Въ спискѣ Новаго Лѣтописца кн. Оболенскаго (стр. 183) это мѣсто о войнѣ въ Германіи пропущено, что прямо указываетъ на позднѣйшее происхожденіе списка.

раньше, даже въ самую смуту. Однако знакомство съ содержаніемъ памятникка устраняетъ такое соображеніе. Новый Лѣтописецъ отличается внутреннею цѣльностью повѣствованія. Съ одной стороны, онъ весь проникнутъ единствомъ взгляда на событія, и это единство указываетъ на трудъ одного автора. Съ другой стороны, въ Лѣтописцѣ нѣтъ и слѣда личныхъ симпатій и антипатій его составителя; авторъ очень спокойно относится ко всѣмъ лицамъ и дѣятелямъ смуты и нигдѣ не измѣняетъ разъ принятому тону. Въ этомъ мы видимъ ясный признакъ позднаго происхожденія Лѣтописца: еслибы его авторъ работалъ въ самую эпоху смуты, онъ не могъ бы съ такимъ успѣхомъ скрыть свои личныя чувства подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій. Постараемся оправдать свои предположенія текстомъ памятникка.

Авторъ на все смотритъ съ религіозной точки зрѣнія. Всѣ бѣды, постигающія Русь, приписываетъ онъ Божьему гнѣву и кознямъ діавола. И въ началѣ, и въ концѣ своего Лѣтописца многія статьи онъ начинаетъ однообразными фразами, въ родѣ такихъ: „Богу же попускающу, а врагу дѣйствующу, видя Богъ наши неправды и лукавство, наипаче жъ любви не имѣхомъ, всякіе козни наведе на насъ грѣхъ ради нашихъ: аки волны морскія, едина погибаетъ, а другая воставаеть“... или „Врагъ же искони вѣкъ не хотя видѣти добра роду христіанскому, а хотя видѣти души въ пагубѣ, вложи мысль на Москвѣ многимъ людемъ“...¹⁾ Этими и подобными фразами исчерпывается стремленіе автора къ прагматизму. Благочестивыя размышленія нашъ авторъ охотно вводитъ и по поводу различныхъ мелочей своего повѣствованія: такъ, о лукавомъ поступкѣ кн. В. Голицына, который при переходѣ на сторону Лжедмитрія велѣлъ себя связать, чтобы казаться не измѣнникомъ, а плѣннымъ, авторъ замѣчаетъ: „хотя у людей утаити, а у Бога не утаити ничто же“. Говоря о преданности и повиновеніи русскихъ людей самозванцу, авторъ упрекаетъ ихъ въ томъ, что они „не восхотѣша отъ Бога приняти вѣнца страсотерпческаго“. По поводу зависти Шуйскихъ къ М. В. Скопину авторъ высказываетъ такія мысли: „Видаеще, кому Богъ даетъ храбрость и разумъ, и тѣхъ не любяху;

¹⁾ Сравни. начала статей въ Ник. Лѣт. VIII, 6, 15, 20, 29, 40, 53, 54, 80, 89, 111, 116, 122 и т. д.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (сур. 24, 31—32, 36, 41, 52, 57, 78, 87, 101, 105, 107) эти вступительныя фразы часто имбрасываются.

силою жъ никому у Бога не взять: всякъ бо званный отъ Бога честь воспріемлетъ; власть даетъ Богъ: кому хоцетъ, тому и даетъ" ¹⁾). Благочестивое настроеніе автора вызываетъ въ немъ сожалѣніе, что Датскій „королевичъ Еганъ“, пріѣхавшій при царѣ Борисѣ на Русь, „умре не крещенъ" ²⁾). Преобладаніе религіознаго чувства въ авторѣ сказывается на всемъ его разсказѣ объ избраніи королевича Владислава и отправленіи къ нему посольства: авторъ все свое вниманіе сосредоточиваетъ на вопросѣ о вѣроисповѣданіи Владислава и даже отмѣчаетъ, что Гермогенъ избиралъ такихъ священниковъ и дьяконовъ въ посольство, „которые бѣ умѣли говорити съ Латыни о православной христіанской вѣрѣ" ³⁾). При такомъ настроеніи писателя естественно то вниманіе, съ какимъ онъ относится къ дѣламъ церкви и духовенства: онъ нерѣдко описываетъ открытіе мощей или освященіе жовой раки того или другаго святаго; онъ упоминаетъ объ установленіи новыхъ праздниковъ, о приходѣ греческихъ іерарховъ на Русь, о бѣдствіи монастырей русскихъ, о крещеніи иноувѣрцевъ и т. п. ⁴⁾). Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы уяснить себѣ господствующую точку зрѣнія автора. И кто дастъ себѣ трудъ сравнить тѣ статьи Новаго Лѣтописца, какія были составлены несомнѣнно въ патриаршество Филарета, съ остальными частями памятника,—тотъ убѣдится, что авторомъ и тѣхъ, и другихъ было одно лицо. Статьи позднѣйшаго происхожденія ничѣмъ не выдѣляются отъ прочаго повѣствованія: на нихъ лежитъ печать того же строгаго религіознаго мировоззрѣнія. Это—первое основаніе для того, чтобы считать Новый Лѣтописецъ такимъ произведеніемъ, которое было написано послѣ смуты и однимъ лицомъ.

Другое основаніе заключается въ отношеніи автора къ описаннымъ въ Лѣтописцѣ событіямъ и лицамъ. Авторъ не безстрастенъ: къ однимъ дѣятелямъ смуты онъ относится съ рѣзкимъ осужденіемъ, къ другимъ же—съ похвалою. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ онъ не стоитъ на точкѣ зрѣнія личной или партійной. Всѣ тѣ лица, которыхъ онъ осуждаетъ,—„отметники" и „измѣнники"; тѣ же, кото-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 66, 72, 132—133.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 86, 97, 178. Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 66, 72, 114) все эти мѣста опущены.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 50.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 67.—Нов. Лѣт., 56.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143.—Лѣт. о мн. мат., изд. 2-е, 192—Нов. Лѣт., 122.

⁴⁾ См., напримѣръ, Ник. Лѣт. VIII, 12, 27—28, 31, 32—33, 49, 79, 128—130, 167—168, 190, 209—210, 245, .

рыхъ онъ хвалить,—защитники православія и русской народности. Такимъ образомъ авторъ является не представителемъ политической партіи, а выразителемъ всей православно-русской народности ¹⁾. При этомъ самый тонъ повѣствованія автора остается спокойнымъ и не переходитъ ни въ страстное обличеніе, ни въ страстную похвалу. Уже то обстоятельство, что авторъ сумѣлъ возвыситься до такого отношенія къ событіямъ смуты, можетъ навести на мысль, что онъ писалъ по окончаніи смутной эпохи, когда тяжелые годы, пережитые русскимъ обществомъ, стали простымъ воспоминаніемъ и не будили острыхъ чувствъ въ русскихъ людяхъ. Если же мы обратимся къ частностямъ повѣствованія автора и разберемъ его отношеніе къ нѣкоторымъ лицамъ, дѣйствовавшимъ въ смуту, то для насъ не останется никакого сомнѣнія въ томъ, что авторъ не стоялъ близко ни къ кому изъ дѣателей смутной поры (кроме патріарха Филарета), не зависѣлъ ни отъ кого изъ нихъ, даже мало былъ знакомъ съ нѣкоторыми событіями смуты. Это — уже ясный признакъ поздняго происхожденія Лѣтописца.

Посмотримъ, напримѣръ, какъ относится авторъ къ Борису Годунову. Онъ совершенно объективно излагаетъ борьбу Годунова съ боярами при царѣ Феодорѣ, обвиняетъ Бориса въ томъ, что онъ погубилъ въ этой борьбѣ много народа и „обогалъ“ передъ царемъ митрополита Діонисія; рассказываетъ затѣмъ подробно, какъ Борисъ изыскивалъ средства умертвить царевича Димитрія, какъ онъ велѣлъ ослѣпить Симеона Бекбулатовича. Далѣе, отмѣчая, что Бориса избрали въ цари, „видяще его при царѣ Феодорѣ Ивановичѣ праведное и крѣпкое правленіе къ землѣ“, авторъ свидѣтельствуетъ, что Борисъ въ первое время царствованія оправдывалъ свою репутацію, „объявляясь всѣмъ добръ“. Но вслѣдъ затѣмъ находимъ въ Лѣтописцѣ рядъ новыхъ обличеній Годунова: авторъ говоритъ о доносахъ, опалахъ и казняхъ, бывшихъ при Борисѣ, и даетъ понять, что въ успѣхахъ самозванца самъ Борисъ „слышавъ на себя гнѣвъ Божій“ ²⁾. При такомъ отношенія къ Борису автора Нового Лѣто-

¹⁾ Единственнымъ уклоненіемъ отъ обычной широты воззрѣнія автора является необъяснимая вражда его къ Прокопію Ляпунову. Онъ называетъ Ляпунова „лѣтнимъ человекомъ“, упрекаетъ его въ томъ, что онъ „не по своей мѣрѣ вознесся и гордость взя“ (Ник. Лѣт. VIII, 123—124, 133—134, 165—167. —Лѣт. о мн. вѣт., изд. 2-е, 166, 178—179, 222—225. —Нов. Лѣт., 108, 118, 138).

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 7—10, 15—20, 23, 30, 36—39, 40—45, 62. —Лѣт. о мн. вѣт., изд. 2-е, 8—13, 19—26, 30—31, 39—40, 48—52, 54—61, 83. —Нов. Лѣт., 25—27, 33—35, 38, 42, 46—48, 49—53, 64.

писца нельзя и думать, чтобы Лѣтописецъ составлялся кѣмъ-нибудь изъ приверженцевъ Годунова. Не могъ, конечно, написать такое произведеніе и патриархъ Іовъ, на котораго, какъ мы видѣли, намекалъ Татищевъ. Не могъ, наконецъ, написать его и патриаршій келейникъ Іосифъ: еслибы составителемъ Лѣтописца былъ этотъ Іосифъ, отношеніе Лѣтописца къ Іову было бы и внимательнѣе, и теплѣе, чѣмъ мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Объ Іовѣ говорится весьма мало и довольно холодно. Съ нѣкоторымъ сочувствіемъ рассказываетъ авторъ только о поведеніи Іова въ тѣ минуты, когда его свергли съ престола. Но такое отношеніе вызвано въ данномъ случаѣ не близостью къ пострадавшему патриарху, а тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ пострадалъ отъ еретика самозванца ¹⁾. Такимъ образомъ можно высказать увѣренность, что Новый Лѣтописецъ составлялся не при Годуновѣ и не при Іовѣ. Увѣренность эта усиливается и тѣмъ, что авторъ, говоря о времени Бориса, впадаетъ въ такіа противорѣчія и неточности, какихъ могъ бы избѣжать современникъ событій ²⁾.

Къ подобному же выводу приводитъ и разборъ отношенія автора къ лицамъ времени царя Шуйскаго. Самъ Василій Шуйскій рисуется въ Новомъ Лѣтописцѣ, какъ Богомъ вѣнчанный государь, много терпѣвшій отъ мятежниковъ и измѣнниковъ. Это привлекаетъ къ нему сочувствіе благочестиваго автора; но, сочувствуя монарху, онъ иногда не щадитъ въ Шуйскомъ человѣка. Такъ онъ не скрываетъ, что Шуйскій солгалъ царю Θεодору о смерти царевича Дмитрія и что онъ вступилъ на престолъ не вполне законно; не

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 11—12, 36, 55—56, 67—69.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 14—16, 48—49, 74—75, 90—93.—Нов. Лѣт., 29, 46—47, 58—59, 68—69.

²⁾ Такъ, повѣствуя о послышѣ царевича Дмитрія въ Угличъ, авторъ заявляетъ, что съ нимъ поехали и убійцы его Д. Волоховъ и Н. Качаловъ. А ниже онъ говоритъ, что эти лица посланы въ Угличъ передъ самимъ убіеніемъ царевича (Ник. Лѣт. VIII, 5 и 17.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 6 и 22.—Нов. Лѣт., 21 и 33). Это грубое противорѣчіе отмѣчено между прочимъ въ статьѣ *Е. А. Бялова*: „О смерти царевича Дмитрія“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 г., августъ, стр. 286—287). Далѣе авторъ свидѣтельствуетъ, что Шуйскіе не хотѣли избравія Бориса въ цари, ибо знали „что быти отъ него людемъ и къ себѣ головно: они же отъ него потомъ многія бѣды и скорби и тѣсноты приима“ (Ник. Лѣт. VIII, 36.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 48.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ, стр. 46, этого нѣтъ). А между тѣмъ извѣстно, что Шуйскіе при Борисѣ удаляли отъ „многихъ бѣдъ“.

оправдываетъ авторъ и непріязни царя Василія къ М. В. Скопину ¹⁾). Объективно отношеніе Новаго Лѣтописца и къ патриарху Гермогену до тѣхъ поръ, пока авторъ не подходитъ къ концу царствованія Шуйскаго. О дѣятельности Гермогена при Шуйскомъ говоритъ онъ очень мало, отзываясь о патриархѣ сдержанно и вообще при описаніи царствованія Шуйскаго на столько же далекъ отъ Гермогена, на сколько былъ далекъ отъ Іова при описаніи царствованія Бориса ²⁾). Словомъ, нѣтъ въ Лѣтописцѣ ни одной черты, которая давала бы право заключать о близости автора къ царю Василю и къ его патриарху, и это обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, что Новый Лѣтописецъ не былъ официальнымъ произведеніемъ времени Шуйскаго. Рядомъ съ этимъ не найдемъ мы въ Лѣтописцѣ никакихъ слѣдовъ пріязни автора къ какой-нибудь партіи времени Шуйскаго. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ статьяхъ Лѣтописца, которыя посвящены Романовымъ, и позднее происхожденіе которыхъ, какъ мы показали выше, несомнѣнно. Ихъ нельзя принимать въ расчетъ; остальные же статьи памятника ясно показываютъ, что авторъ Новаго Лѣтописца не вынесъ изъ царствованія Шуйскаго личныхъ впечатлѣній; онъ даже не ясно представлялъ себѣ нѣкоторыя видныя событія этого времени и дѣлалъ фактическія ошибки ³⁾).

Иного рода признаки появляются въ изложеніи событій, послѣдовавшихъ по сверженіи царя Василія. Борьба Москвы съ новобръ-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 19, 75—77, 124, 131—132.—Лѣт. о ин. вѣт., изд. 2-е, 26, 102—104, 166—167, 176—178.—Нов. Лѣт., 35, 74—76, 108—109, 113—114.

²⁾ Ник. лѣт. VIII, 76—77, 95, 111, 139—140.—Лѣт. о ин. вѣт., изд. 2-е, 103, 128, 150, 187—188.—Нов. Лѣт., 75, 90, 101 (здѣсь вставлена вѣтвенатая рѣчь Гермогена), 119—120.

³⁾ Авторъ говоритъ, что Гермогенъ вѣнчалъ Шуйскаго на царство и встрѣчалъ (уже патриархомъ) мощи цар. Дмитрія въ Москвѣ (Ник. Лѣт. VIII, 76, 78.—Лѣт. о ин. вѣт., изд. 2-е, 103, 106.—Нов. Лѣт., 75, 76). Но въ официальномъ чинѣ вѣнчанія царя Василя первое мѣсто занимаетъ митрополитъ Новгородскій Исидоръ (Ак. Арх. Эксп. II, № 47), а отсутствіе патриарха на встрѣчѣ мощей цар. Дмитрія удостоверяется грамотою самого Шуйскаго (Ак. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—111). По одному показанію, „Гермогенъ былъ поставленъ въ патриархи только черезъ мѣсяць послѣ перенесенія мощей царевича—3-го іюля 1606 года (Митр. Макарія Ист. р. церкви, X, стр. 130).—Любопытна и другая неточность въ рассказѣ Новаго Лѣтописца: авторъ его говоритъ, что Шуйскій тогда только подумалъ о перенесеніи тѣла царевича въ Москву, когда узналъ, что „многіе города измѣнили“. Въ этомъ заблужденіи авторъ Лѣтописца сошелся съ авторомъ Хронографа 2-й редакціи (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 194—196).

ными врагами выдвинула на первый планъ патріарха Гермогена и людей, шедшихъ за нимъ и ему помогавшихъ. На нихъ-то и обращено главное вниманіе автора. Отношеніе его къ Гермогену замѣтно измѣняется. Въмѣсто краткихъ отзывовъ о патріархѣ мы видимъ рядъ пространныхъ главъ, посвященныхъ восхваленію дѣятельности Гермогена. Авторъ не разъ называетъ Гермогена „праведнымъ“ и приписываетъ ему даже даръ пророчества: патріархъ предрекаетъ „злую смерть“ нѣкоторымъ измѣнникамъ, предвѣщаетъ князю Ѡ. И. Мстиславскому скорое прекращеніе его рода ¹⁾). Рядомъ съ Гермогеномъ какъ его лучший и достойнѣйшій сподвижникъ, поставленъ въ Новомъ Лѣтописцѣ и митрополитъ Филаретъ Никитичъ. Съ Гермогеномъ онъ былъ связанъ обѣтомъ умереть за православіе,—и дѣйствительно, будучи въ великомъ посольствѣ, Филаретъ „подвизашеся, чтобъ пострадать за православную хрстіянскую вѣру, и товарищей своихъ укрѣпляше“. Въ глаза врагамъ говорилъ опъ, что „радъ страдать“ за православіе, и не сдавался на ихъ увѣщанія, какъ сдавались другіе. Его твердость повела къ тому, что сами поляки удивлялись митрополиту, желали его благословенія и „начаша ево почитать и честь ему воздаваху велию“ въ то время, когда онъ былъ плѣннымъ въ Польшѣ ²⁾). Авторъ Лѣтописца могъ усвоить себѣ одинаковое отношеніе къ заслугамъ Гермогена и Филарета съ общей своей точки зрѣнія, православно-національной. Этого, конечно, нельзя отрицать; но нельзя также отрицать и нѣкоторой близости автора къ Филарету, о которомъ онъ сообщаетъ положительно больше, чѣмъ о Гермогенѣ. Переходя къ описанію царствованія Михаила, авторъ не теряетъ изъ виду плѣннаго Филарета: мы читаемъ въ Лѣтописцѣ обстоятельныя сообщенія о томъ, какъ Михаилъ Ѡеодоровичъ сносился со своимъ отцомъ чрезъ довѣренныхъ людей. Изъ этихъ сообщеній особенно любопытно одно—о свиданіи Филарета съ Ѡ. Желябужскимъ ³⁾). Русскихъ людей не было при разговорѣ Филарета съ гошцомъ его сына. Кромѣ самихъ собесѣдниковъ и людей близкихъ къ

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 141—142, 152—153, 177.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 190—191, 204—206, 238.—Нов. Лѣт., 121—122, 128—129, 146.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 143, 148, 153—154, 160—161.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 191—192, 199, 206—207, 215—216.—Нов. Лѣт., 122, 125, 129—130, 134.

³⁾ Ник. Лѣт. VIII, 210—211.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 283—284.—Нов. Лѣт., 165—166 (здѣсь беседа Филарета съ Желябужскимъ изложена болѣе литературнымъ языкомъ,—знакъ позднѣйшей передѣлки).—О послышкѣ Желябужскаго мы уже упоминали въ одномъ изъ примѣчаній къ этой главѣ.

государевой семьѣ, никто не могъ сообщить автору свѣдѣній объ этой бесѣдѣ. А между тѣмъ какъ безыскусственно и правдиво она изложена въ Новомъ Лѣтописцѣ! При описаніи патриаршества Филарета, въ концѣ произведенія, находимъ подобныя же черты близости автора къ патриарху. Характеризуя правленіе Филарета, авторъ замѣчаетъ, что Филаретъ привелъ въ православіе многихъ иновѣрцевъ, которые „подъ началомъ всѣ быша у него, государя, на патриаршѣ дворѣ“¹⁾. Это частное замѣчаніе свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ вѣшними порядками патриаршаго управленія, бывшими при Филаретѣ.—Такимъ образомъ только во второй половинѣ Нового Лѣтописца обычное безстрастіе автора исчезаетъ и замѣняется панегирическими отзывами о двухъ московскихъ патриархахъ. Кромѣ Гермогена и Филарета, авторъ со всею теплотой чувства повѣствуетъ о Мининѣ, Д. М. Пожарскомъ и вообще о дѣятеляхъ нижегородскаго движенія; но по отношенію къ нимъ нельзя уловить въ Новомъ Лѣтописцѣ такихъ частности, которыя дали бы намъ право говорить о томъ, что Лѣтописецъ составлялся въ лагерѣ втораго ополченія. Такихъ частности не найдемъ мы, строго говоря, и въ отношеніи автора къ Гермогену: авторъ благоговѣетъ передъ нимъ, но не близокъ къ нему. Ближе, чѣмъ къ кому бы то ни было, стоитъ онъ къ Филарету, и это даетъ намъ еще одинъ лишній поводъ утверждать, что разбираемый Лѣтописецъ есть литературное произведеніе времени патриарха Филарета.

Итакъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, изучая общіе взгляды автора рядомъ съ частностями его повѣствованія, приходимъ мы къ одному и тому же заключенію: Новый Лѣтописецъ, доходящій въ своихъ показаніяхъ до 1630 года, былъ весь составленъ около этого же года (допускаемъ, что составленіе такого крупнаго памятника продолжалось не одинъ годъ: онъ могъ быть начатъ въ 20-хъ годахъ XVII вѣка и только законченъ въ 1630 году). На основаніи такого заключенія можемъ мы установить и дальнѣйшую характеристику разбираемаго произведенія.

Если авторъ его работалъ надъ исторіею смуты много времени спустя послѣ ея окончанія, если онъ писалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ черезъ тридцать, даже черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ они совершились, то очевидно, что онъ писалъ не по однимъ своимъ вос-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 245.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 329.—Нов. Лѣт., 186 (здѣсь эта живая подробность выпущена при переработкѣ первоначальнаго текста).

помянутымъ. Никакая память не могла бы удержать съ такою отчетливостью той массы фактовъ, какую передаетъ намъ Новый Лѣтописецъ. Нѣтъ сомнѣнія, что у автора Лѣтописца были источники, и при томъ очень хорошіе и очень разнообразныя, такіе, которые позволяли ему съ замѣчательною обстоятельностью, съ мелочною точностью описывать положеніе дѣлъ одновременно въ различныхъ частяхъ Русской земли¹⁾). Какого рода историческіе документы были подъ руками автора, мы можемъ догадываться съ большою вѣроятностью. Можно даже категорически утверждать, что авторъ зналъ, напримѣръ, много официальныхъ грамотъ и центральнаго правительства, и мѣстныхъ властей. Часто находимъ у него упоминанія о грамотахъ времени Шуйскаго: онъ говоритъ по поводу разныхъ дѣлъ, что „съ Коломны писалъ ко царю Василью воевода“, или что „писалъ изъ Торжку воевода К. Чоглоковъ ко князь Михаилу Васильевичу (Скопину)“, или что кн. Дм. Мих. Пожарскій „съ тою грамотою посла ко царю Василью наскоро“. Очень обстоятельно излагаетъ нашъ авторъ и дипломатическую переписку со шведами и съ Новгородомъ властей нижегородскаго ополченія. Упоминаетъ онъ и о грамотахъ времени царя Михаила²⁾). Рядомъ съ официальною перепиской, безъ сомнѣнія, были навѣстны автору и разрядныя записи.

¹⁾ За всѣ описанныя въ Лѣтописцѣ годы авторъ даетъ одинаково хорошия свѣдѣнія о разныхъ мѣстностяхъ, другъ отъ друга отдаленныхъ. Сопоставивъ, напримѣръ, нѣкоторые рассказы автора о событіяхъ въ различныхъ городахъ: Новгорода, Владиміръ, Смоленскъ, Нижнемъ. Подробно рассказывая о пребываніи Скопина въ Новгородѣ, сообщая мелочныя частности его бѣгства изъ Новгорода и затѣвъ похода къ Москвѣ, авторъ съ такою же обстоятельностью рисуетъ убійство воеводы во Владиміръ, послѣдовавшее въ то же, приблизительно, время. Приводя много подробностей о томъ, какъ Казань цѣловала крестъ Вору, авторъ черезъ нѣсколько страницъ обнаруживаетъ весьма близкое знакомство съ тѣми обстоятельствами, какія помогли Сигизмунду овладѣть Смоленскомъ. И въ описаніи перемыхъ ивнугъ нижегородскаго движенія авторъ выступаетъ съ такими же знаніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ: онъ даже помнитъ, что „первое приидоша Коложичи“ на помощь Нижнему (Ник. Лѣт. VIII, 106—109, 118—121; 114, 150, 162—163, 174—178.—Лѣт. о ив. мѣт., изд. 2-е, 143—147, 158—162; 153—154, 201—202, 218—219, 234—240.—Нов. Лѣт., 97—100, 105—107; 103, 127, 136, 144 и далѣе; замѣтимъ, что въ этомъ послѣднемъ изводѣ Лѣтописца свѣдѣствія значительно уже пострадала отъ литературной переработки). Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что авторъ не могъ самъ видѣть всѣхъ сопоставленныхъ нами событій: не могъ онъ быть въ одно время въ Новгородѣ и Владиміръ, въ Нижнемъ и подъ Смоленскомъ.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 105—106, 119, 133; 181, 184; 230, 233.

Начиная со времени царя Феодора Ивановича, почти на каждой страницѣ онъ даетъ рядъ извѣстій о служебныхъ назначеніяхъ, о придворныхъ торжествахъ и церемоніяхъ, о царскихъ походахъ и т. п. Нѣтъ нужды приводить примѣры подобныхъ показаній: на столько они многочисленны и опредѣленны по своему, такъ сказать, разрядному характеру. Если даже и вѣрно то извѣстіе, что официальные разряды не были писаны за 7113—7121 (1605—1613) годы ¹⁾, то разряды частные, безъ сомнѣнія, существовали и за это время (примѣръ—разрядная книга, носящая названіе Хронографа Столяра). Кромѣ того, въ московскихъ приказахъ не исчезалъ, конечно, и въ смуту тотъ матеріалъ, на основаніи котораго составлялись обыкновенно разряды. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что авторъ Новаго Лѣтописца могъ заимствовать свои данныя изъ подобнаго матеріала, официального или частнаго. Помимо официальныхъ документовъ, авторъ зналъ и литературу своего времени. Въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего его знакомство съ лѣтописью: онъ, напримѣръ, знаетъ обстоятельства смерти Андрея Боголюбскаго и сравниваетъ предателя Романовыхъ Втораго Вартевева съ убійцею Андрея, Якимомъ Кучковичемъ ²⁾. Пользуясь древними памятниками съ цѣлями литературнаго украшенія своего разсказа, составитель Лѣтописца изъ современныхъ ему произведеній заимствовалъ иногда и факты. Такъ онъ зналъ разобранную нами выше Повѣсть нижегородца Григорія о чудесномъ видѣніи 1611 года и далъ довольно подробный отчетъ о ея содержаніи ³⁾. Какъ ни малочисленны и какъ ни проблематичны эти указанія на источники Новаго Лѣтописца, тѣмъ не менѣе ихъ совершенно достаточно для того, чтобы утверждать, что авторъ Новаго Лѣтописца имѣлъ у себя нѣкоторыя пособія, а не записывалъ одни только личные впечатлѣнія.

Это обстоятельство не лишено значенія для общей характеристики разбираемаго памятника. Если мы признаемъ, что Новый Лѣтописецъ есть произведеніе, основанное на источникахъ, то должны, конечно, признать нѣкоторую зависимость автора отъ его источниковъ, и со стороны фактической точности показаній, и со стороны литературной. Только этою зависимостью можемъ мы объяснить, во-

¹⁾ Русск. Ист. Сборникъ подъ ред. Полодина, II, стр. XVI—XVII.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 42.

³⁾ Повѣсть о видѣніи Григорія разсмотрѣна нами во II главѣ.—Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о н. мѣт., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 148.

первыхъ, нѣкоторыя противорѣчія автора, а вторыхъ, двойственность его литературныхъ пріемовъ. Наконецъ характеръ источниковъ Лѣтописца преимущественно officialный, позволяетъ догадываться съ болѣею или меньшею вѣроятностію, что разбираемое произведение создано въ средѣ officialной.

Что касается до противорѣчій въ повѣствованіи Новаго Лѣтописца, то мы не задаемся цѣлью указать ихъ всѣ. Для характеристики ихъ мы позволимъ себѣ остановиться на такомъ рѣзкомъ примѣрѣ: рассказывая объ установленіи праздника иконъ Казанской Божіей Матери при царѣ Михаилѣ, авторъ даетъ перечисленіе чудесъ отъ иконы, бывшихъ въ смуту. Въ числѣ ихъ онъ помѣщаетъ и взятіе у поляковъ Новодѣвичьяго монастыря: „ею помощію подѣ Москвою взяли Новой дѣвicheй монастырь у Литовскихъ людей“ Авторъ, очевидно, упустилъ изъ виду, что объ иконѣ и о взятіи монастыря онъ уже повѣствовалъ раньше, и повѣствовалъ въ совершенно иномъ тонѣ ¹⁾. Раньше онъ заявилъ, что подѣ Москву былъ принесенъ „списокъ съ Казанскія иконы“; позже заявляетъ, что былъ принесенъ подлинный образъ, который затѣмъ былъ отпращенъ въ Ярославль, а въ Казань возвращенъ списокъ, сдѣланный въ Ярославлѣ. Сверхъ того, въ первомъ рассказѣ нѣтъ ничего о чудесной помощи иконы при взятіи Новодѣвичьяго монастыря, и самое взятіе описывается съ полнымъ несочувствіемъ къ казачеству, взявшему монастырь. Получается, такимъ образомъ, полное противорѣчіе и въ тонѣ, и въ содержаніи двухъ повѣствованій: одно и то же событіе возбуждаетъ въ авторѣ раньше чувство нѣкотораго неодобренія, позже—чувство благоговѣнія. Очевидно, что эта разница отношенія къ одному и тому же факту существовала въ различныхъ источникахъ, которыми въ данномъ случаѣ воспользовался авторъ. Такое же подчиненіе разнообразнымъ источникамъ сказывается и въ отношеніи нашего автора къ бывшему при самозванцѣ патриарху Игнатію. Какъ и всѣ прочіе писатели, онъ считаетъ его еретикомъ и говоритъ, что онъ „пришелъ въ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ; царь же Борись не позна въ немъ, окаяннемъ, ерести, посла его на Рязань“. Но раньше и самъ авторъ какъ будто впалъ въ одинаковую ошибку съ Борисомъ и свидѣтельствовалъ, что когда греческое духовенство приходило на Русь „въ утверженіе вѣры“ при царѣ Ѳеодорѣ Іоан-

¹⁾ Ник. Лѣт. VIII, 209—210 и 167—168.—Лѣт. о ми. мѣт., изд. 2-е, 281—282 и 226—226.—Нов. Лѣт., 164—165 и 139—140.

новичѣ, то многіе греки на Руси „видяху православную христіанскую, истинную, вепорочную вѣру и ошашась на Москвѣ, туто жь ошася Кипрскій архіепискупъ, Игнатей“¹⁾). Читатель въ правѣ думать, что Игнатій, пришедшій вмѣстѣ съ прочими для „утвержденія вѣры“, остался именно потому, что убѣдился въ правотѣ вѣры Москвы. Очевидно, что это объективное извѣстіе объ Игнатіи, которое замѣняется потомъ обвиненіемъ его въ ереси, попало въ Новый Лѣтописецъ изъ какого-нибудь источника времени царя Феодора, и авторъ Лѣтописца не привелъ своего перваго показанія въ соотвѣтствіи съ дальнѣйшимъ разсказомъ.

Рядомъ съ внутренними противорѣчіями въ Лѣтописцѣ бросается въ глаза и отсутствіе внѣшней литературной обработки повѣствованія. Авторъ вообще не заботился о своемъ слогѣ. Между статьями, составленными по правиламъ тогдашняго вѣтѣства, помѣщались онъ простыя лѣтописныя отмѣтки о разныхъ фактахъ, иногда вовсе не замѣчательныхъ исторически. Такъ, почти рядомъ съ обширными статьями о доносахъ при Борисѣ и о ссылкѣ Романовыхъ, авторъ помѣстилъ такое, напримѣръ, извѣстіе: „тое же яини въ великій постъ (1599 г.) ходилъ царь Борисъ съ сыномъ своимъ съ царевичемъ Феодоромъ на Волокъ на Ламской въ Осиеовъ монастырь молитися“²⁾). Официально-спокойный и безыскусственный тонъ этой и многихъ подобныхъ ей замѣтокъ о царѣ Борисѣ совершенно расходится съ литературно обработаннымъ слогомъ статей о жестокостяхъ Бориса. Такая двойственность внѣшняго литературнаго приѣма свидѣтельствуемъ намъ о томъ, что авторъ Лѣтописца зависѣлъ отъ своихъ источниковъ не только въ выборѣ и освѣщеніи фактовъ, но и въ литературномъ отношеніи. Тамъ, гдѣ его источники говорили простымъ языкомъ, и онъ выражался просто. И напротивъ, онъ стремился облечь свое повѣствованіе въ торжественныя фразы и придать ему литературную цѣльность и законченность въ томъ случаѣ, если сообщаемый фактъ казался автору особенно важнымъ. Просматривая Новый Лѣтописецъ, мы легко можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько такихъ статей, которыя рѣзко выдѣляются изъ прочаго повѣствованія своею литературною отдѣланностью и законченностью. Часто эти

¹⁾ Ник. Лѣт., VIII, 31—32 и 71.—Лѣт. о ин. мат., изд. 2-е, 42 и 95.—Нов. Лѣт., 43 и 70—71.—Выше мы имѣли случай указать и еще одно грубое противорѣчіе Лѣтописца—о времени отправленія въ Угличъ Виталіевскихъ и Качалова.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 39 и 40—45.—Лѣт. о ин. мат., изд. 2-е, 52 и 54—61.—Въ Новомъ Лѣтописцѣ ии. Оболенскаго это извѣстіе вымущено.

статьи имѣютъ всѣ признаки отдѣльныхъ сказаній: при нихъ находимъ особня предисловія и заключенія, въ нихъ авторъ нарушаетъ общую послѣдовательность изложенія, возвращается ко времени ранѣе описанному и забѣгаетъ впередъ за цѣлыя годы ¹⁾. Сопоставленіе этихъ сказаній съ массой простыхъ и краткихъ фактическихъ извѣстій, среди которыхъ они находятся, даетъ намъ право раздѣлить статьи Новаго Лѣтописца на два ясно-очерченныхъ типа повѣствованій: на повѣствованія литературно-обработанныя и на записи лѣтописнаго характера. Между тѣми и другими очень часто вѣтъ никакой литературной связи. Поэтому Новый Лѣтописецъ можетъ быть названъ сводомъ разнохарактернаго литературно-историческаго матеріала.

Давая такое опредѣленіе разбираемому памятнику, мы тѣмъ самымъ лишаемъ себя возможности точно опредѣлить его историческую цѣнность. Если Новый Лѣтописецъ не имѣетъ однороднаго состава,

¹⁾ Попробуемъ перечислить статьи Новаго Лѣтописца, болѣе или менѣе близкія къ типу отдѣльныхъ сказаній (при названіи статей указываемъ страницы Никонова епископа): 1) „О смерти царевича Малатъ-Кирея“ (13—15); 2) „О убіеніи царевича Дмитрія“ (15—20); 3) „О приходѣ царя Крымскаго подъ Москву и о пророчествѣ царя Федора“ (20—22); 4) „О преставленіи царя Федора“ (33—35); 5) „О доводахъ холопныхъ на бояръ“ и „О Федорѣ Никитичѣ въ братьемъ“ (40—45); 6) О королевичѣ Яганѣ (49—50); 7) „О посылкѣ и о побояхъ въ Таркахъ“ (51—53); 8) „О настоящей бѣдѣ Московскому государству, о Гришкѣ Отрѣшевѣ“ (54—55—59); 9) „О ворѣ Стародубскомъ“ (89—91); 10) „О градѣ Ростовѣ и о крѣпкоостоятельствѣ мигр. Филарета“ (103—105); 11) „О осадѣ Троицкаго монастыря“ (128—130; здѣсь помѣщены такіа чудеса преп. Сергія, о которыхъ Авр. Палидимъ или не говоритъ, или говоритъ иначе: см. его Сказаніе, изд. 2-е, стр. 88—89, 93—94, 102—104, 157—158, 185—190); 12) „О взытіи Папугутьева монастыря“ (136—137); 13) „О разореніи Московскаго государства“ (156—158); 14) „О взытіи Смоленскомъ“ (162—163; это сказаніе едва ли не составлено по показаніямъ Юрія Потемкина: см. стр. 163); 15) „О приговорѣ всей земли и убіеніи Пр. Липупова“ (стр. 165—167; и здѣсь играетъ роль тотъ же Потемкин: см. стр. 167); 16) „О посту“ (172—173); 17) О нижегородскомъ движеніи (174—177); 18) „О умышеніи Заруцкаго“ (185—186); 19) О пребываніи нижегородскаго околскаго въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ (189—191); 20) „Объ шебраніи царя Михаила“ (201—203); 21) „О походѣ подъ Москву иконы преч. Богородицы Казанскія“ (209—210); 22) „О воровствѣ и о побояхъ на казаковъ и на черкасъ“ (214—216); 23) „О принесеніи срачицы Господня“ (248—250).—Предлагая этотъ перечень, мы не думаемъ, что онъ полный и безошибоченъ. Дальнѣйшія изслѣдованія текста Новаго Лѣтописца, быть можетъ, укажутъ точнѣе на его источники и въ связи съ этимъ вѣрнѣе опредѣлятъ характеръ его составныхъ частей.

то трудно допустить, чтобы всё его показанія были одинаково точны, вѣрны и цѣльны. Въ Лѣтописцѣ, рядомъ съ драгоценною записью современника, можетъ стоять позднѣйшее литературное воспроизведеніе какого-нибудь событія (слѣды такихъ позднѣйшихъ литературныхъ упражненій автора были указаны нами выше). Кто же можетъ поручиться, что поздняя редакция разсказа не искажила подробностей какого-нибудь факта, не внесла въ него чертъ легендарныхъ?

Если тѣ показанія Новаго Лѣтописца, которыя мы назвали записями лѣтописнаго характера, дышать часто наивною правдивостью, отличаются полною достовѣрностью и нерѣдко удивительною точностью показаній ¹⁾, то разсказы, облеченные въ литературную форму, не всегда заслуживаютъ такого отзыва. Убѣдиться въ этомъ не трудно. Стоитъ, наиримѣръ, сравнить уже упомянутую нами статью Новаго Лѣтописца „О посту“, въ которой разсказано нижегородское видѣніе, съ ея оригиналомъ—подлиннымъ повѣствованіемъ о видѣніи нижегородца Григорія,—и мы увидимъ, что авторъ Лѣтописца и невольно, и неточно передалъ содержаніе оригинала ²⁾. Въ прочихъ случаяхъ подобное сравненіе Лѣтописца съ его источниками не возможно, однако найдутся основанія для того, чтобы заподозрить и нѣкоторые другіе литературно обработанные разсказы его текста. Мы уже видѣли, что иногда самъ авторъ допускалъ разногласія и самъ себя противорѣчилъ при повтореніяхъ своихъ извѣстій. Про-

¹⁾ Нѣтъ возможности исчислить всѣ тѣ извѣстія Лѣтописца, въ которыхъ видны правдивыя впечатлѣнія не только современника, но и очевидца событій. Они встрѣчаются почти на каждой страницѣ памятника. Для характеристики ихъ приведемъ немногіе примѣры: Описывая бурю, бывшую въ Москвѣ въ 1595 году, авторъ замѣчаетъ, что „въ Кремль городъ у Бориса Годунова съ воротъ верхъ сломило“. Въ замѣткѣ объ одной изъ послѣднихъ битвъ съ тушинцами подъ Москвою авторъ говоритъ, что враги „древяной городъ зажгоша“ въ Москвѣ, и что выгорѣло стѣны „сажень съ сорокъ“. Въ разсказѣ о притѣсненіяхъ Гермогену въ Москвѣ авторъ мимоходомъ замѣчаетъ о полякахъ: „въ то бо время бысть у нихъ костель на старомъ царя Борисовѣ дворѣ въ полѣтѣ“. Въ повѣствованіи о приходѣ втораго ополченія подъ Москву находимъ указаніе даже на то, гдѣ именно Пожарскій устраивалъ свой первый ночлегъ подъ Москвою: „сташа на Яузѣ за пять верстъ . . . и нача туто на Яузѣ ночевати, а не пошедь (то-есть, къ снѣгой Москвѣ) для того, что пришли поздно“ (въ спискѣ кн. Оболенскаго это извѣстіе уже испорчено).—Ник. Лѣт. VIII, 28—29, 125—126, 155—156, 190—191.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 38, 168—169, 209, 256—257.—Нов. Лѣт., 41, 109—110, 131, 163—154.

²⁾ Ник. Лѣт. VIII, 172—173.—Лѣт. о мн. мѣт., изд. 2-е, 231—233.—Нов. Лѣт., 143.—Подлинное сказаніе Григорія разсмотрѣно нами въ концѣ II главы.

стими замѣтками о взытіи Новодѣвичьяго монастыря онъ заставляеть насъ убѣдиться въ неполнотѣ своего же сказанія о Казанской иконѣ. Замѣткою о томъ, что Бятяговскіе и Качаловъ отправлены были въ Угличъ одновременно съ Нагими, онъ самъ подрываетъ весь свой рассказъ о томъ, какъ Борисъ долго не могъ отыскать злодѣевъ, готовыхъ убить царевича, какъ онъ, наконецъ, отыскалъ Бятяговскаго и послалъ его въ Угличъ уже тогда, когда царевичъ давно жилъ тамъ. Такимъ образомъ неосмотрительность самого автора помогаетъ намъ убѣдиться въ неправотѣ нѣкоторыхъ его показаній. Подробная критическая оцѣнка извѣстій Новаго Лѣтописца найдетъ, безъ сомнѣнія, и другіе пути для того, чтобы выдѣлать въ немъ достовѣрные факты отъ легендъ. Одну такую попытку критическаго изученія статей разбираемаго памятника представилъ уже Е. А. Вѣловъ, заподозрившій достовѣрность того сказанія о смерти царевича Димитрія, которое мы находимъ въ Новомъ Лѣтописцѣ ¹⁾. Къ замѣчаніямъ г. Вѣлова, сводящимъ на степень простой легенды рассказъ Лѣтописца о смерти царевича, мы относимся съ полнымъ сочувствіемъ. Въ дополненіе къ нимъ можемъ сказать, что этотъ рассказъ представляется намъ позднѣйшимъ произведеніемъ, принадлежащимъ перу самого автора Лѣтописца, который, какъ мы видѣли, писалъ около 1630 года ²⁾. Нельзя допустить, чтобы онъ былъ очевидцемъ собы-

¹⁾ Е. А. Вѣлова, „О смерти царевича Димитрія“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1873 годъ, августъ, стр. 281—294.—*Ник. Лѣт.* VIII, 15—20.—*Лѣт.* о ми. мѣт., изд. 2-е, 19—26.—*Нов. Лѣт.*, 31—35.

²⁾ Въ томъ, что рассказъ о смерти царевича не есть запись очевидца или современника событія, убѣждаетъ насъ слѣдующее его мѣсто: авторъ говоритъ, что Богъ хранилъ царевича отъ яда, „хоти его праведную душу и неповинную крѣпъ объявити всему міру“. Это—ясный признакъ, что сказаніе составлено послѣ канонизація Димитрія въ 1606 году. Мнѣніе же наше о томъ, что это сказаніе принадлежитъ самому составителю Новаго Лѣтописца, а не просто имъ списано съ какого-нибудь другаго памятника, мы основываемъ на слѣдующемъ: во первыхъ, вступленіе въ рассказъ о смерти царевича совершенно соответствуетъ общему тону тѣхъ благочестивыхъ вступленій, которыми авторъ, какъ мы уже говорили, начинается многія главы своего Лѣтописца; и вообще языкъ этого рассказа ничѣмъ не отличается отъ языка всего Лѣтописца. Во вторыхъ, въ сказаніи мы можемъ отыскать слѣды любопытнаго повѣрья: авторъ думаетъ, что кровь убитаго царевича не допустила бѣгства преступниковъ и они невольнѣ возвратились на мѣсто преступленія, съ котораго сначала убѣжали. „Кровь же праведнаго вопіаше въ Богу, не попусти ихъ, они же окаяніи возвратишася назадъ“,—говорится въ сказаніи. Такое повѣрье принадлежитъ именно автору Лѣтописца: онъ высказываетъ его и въ другомъ мѣстѣ, когда повѣствуетъ о пс-

тія: слишкомъ много лѣтъ прошло между фактомъ и его описаніемъ. Очевидно, что у автора должны были быть какіе-нибудь источники. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами раннихъ произведеніяхъ о смутѣ мы находили лишь краткія замѣтки о убіеніи Димитрія. Можно думать, что подробныхъ описаній угличскаго происшествія и не существовало до перенесенія въ Москву мощей царевича, потому что самое раннее Житіе царевича, какъ мы уже видѣли, было составлено только въ 1607 году, при чемъ заимствовало свое краткое фактическое содержаніе изъ Повѣсти 1606 года ¹⁾. При такихъ условіяхъ необходимо допустить, что, если авторъ Новаго Лѣтописца пользовался чужими показаніями при описаніи смерти царевича, то эти показанія онъ почерпнулъ или въ не дошедшихъ до насъ литературныхъ произведеніяхъ, составленныхъ не ранѣе времени Шуйскаго (1606—1607 гг.), или въ тѣхъ устныхъ преданіяхъ, какія существовали во время составленія Лѣтописца. Если же настаивать на раннемъ происхожденіи источниковъ нашего автора, то всего естественнѣе предположить, что онъ воспользовался фактическими данными извѣстнаго слѣдственнаго дѣла о смерти Димитрія и переищивалъ ихъ съ позднѣйшими легендами ²⁾. Почти къ такому выводу при-

кушеніи казака Степана на живъя Пожарскаго. Убійца ранилъ не князя, а стоявшаго подлѣ казака и не убивалъ: „злѣдѣя Степкѣ не попускаше кровь, тутъ же стоящу ему“ (Ник. Лѣт. VIII, 18 и 186). Встрѣчнхъ, наконецъ, въ разсказѣ о смерти царевича выражается симпатія къ Гр. В. Годунову. И нѣсколько страницъ ниже, въ другой главѣ Лѣтописца, видимъ опять благосклонное отношеніе въ тому же лицу и увѣреніе, что Гр. Годуновъ былъ близокъ къ царю Θεодору (Ник. Лѣт. VIII, 16 и 21).

¹⁾ См. первую главу нашего труда, гдѣ разсмотрѣна наша первая редакція Житія цар. Димитрія, внесенная въ Минея Тулунова.

²⁾ Полною легендарностью отличается разсказъ Лѣтописца объ участіи и поведеніи Гр. Годунова во всемъ этомъ дѣлѣ объ убіеніи царевича: Григорій Годуновъ знаетъ умыселъ, сокрушается и молчитъ, тогда какъ по своей близости къ государю, о которой свидѣтельствуетъ самъ Лѣтописецъ, онъ могъ бы предупредить злодѣйство. Мало вѣроятно и молчаніе Загряжскаго съ Чепруговымъ. Несомнѣны также легендарныя свойства преданія о томъ, что убійцы успѣли убить за двѣнадцать верстъ, но вернулись сами собою для того, чтобы понести наказаніе. Тѣмъ же эпическимъ числомъ двѣнадцать исчислены и всѣ убійцы „совѣтники“ злодѣйства. Словомъ, легендарно-поэтический отпечатокъ лежитъ на всемъ сказаніи. Въ немъ можно даже различить слѣды легендъ болѣе раннихъ отъ слѣдовъ легендъ болѣе позднихъ. Преданіе о лѣдѣ, не подѣйствовавшей на царевича, было создано еще въ Повѣсти 1606 года; слухъ о злодѣйской близости Клешинина къ Борису ходилъ еще въ 1608 году (*Временникъ Моск. Общ. Ист. и Др.*, XVI, стр. 4.—*Бутурлина* Ист. смутн. времени, II,

ходитъ и А. Е. Бѣловъ, считаа разсказъ Лѣтописца воспроизведеніемъ народныхъ толковъ и догадокъ, соображеній самого сказателя и искаженныхъ отрывковъ дѣйствительныхъ фактовъ.

Какъ бы то ни было, къ тѣмъ частямъ Новаго Лѣтописца, которыя носятъ на себѣ слѣды литературной работы самого автора, нельзя относиться съ безусловнымъ довѣріемъ. Въ этомъ убѣждаютъ насъ приведенные примѣры неточностей, противорѣчій и разногласій въ текстѣ Лѣтописца. Вотъ почему нѣтъ возможности дать одну общую характеристику достовѣрности этого памятника. Въ то время, когда однѣ его части служатъ прекраснымъ источникомъ для историка, въ другихъ¹ его показаніяхъ ясно выступаютъ на видъ искусственность и легендарность повѣствованія, сами себя обличающія, благодаря тому, что авторъ не былъ въ силахъ слить разнохарактерныя части своего свода въ цѣльное литературное произведеніе.

Сведемъ теиерь результаты нашихъ наблюденій надъ текстомъ Новаго Лѣтописца. Къ изученію этого текста мы приступили съ вопросомъ: не есть ли Новый Лѣтописецъ офиціальныи сводъ данныхъ, собранныхъ для исторіи смуты при патриаршемъ дворѣ? Прежде всего мы замѣтили, что Новый Лѣтописецъ нельзя считать лѣтописью, слагавшеюся постепенно, трудомъ нѣсколькихъ лицъ. По всѣмъ признакамъ онъ былъ обработанъ съ начала до конца въ патриаршество Филарета, около 1630 года, и притомъ однимъ лицомъ. Авторомъ его былъ человекъ, проникнутый религиознымъ чувствомъ и обсуждавшій событія исключительно съ религиозно-національной точки зрѣнія безъ личныхъ симпатій и антипатій. Въ немъ незамѣтно близости ни къ какому дѣятелю смутной эпохи, кромѣ патриарха Филарета, о которомъ авторъ внаетъ даже такіа подробности, какъ его частная бесѣда съ Желябужскимъ. Въ повѣствованіи своемъ авторъ Лѣтописца руководился разнообразными источниками, между прочимъ и офиціальными документами. Занисимость его отъ источниковъ была такъ велика, что вводила его въ противорѣчія съ самимъ собою и не позволила ему выработать цѣльный, однообразный

Приложеніа, стр. 49). Напротивъ, сказочное повѣствованіе о томъ, какъ В. Шуйскій плакалъ надъ тѣломъ царевича, молчалъ во время свадьбы, ни съ кѣмъ „не мошаше проглаголати“, а потомъ сдѣлалъ ложное доносеніе царю,—это повѣствованіе могло появиться только по сверженіи Шуйскаго, когда его темное участіе въ этомъ дѣлѣ могло излагаться открыто и свободно. Повѣсть 1606 года молчатъ объ этомъ участіи, и въ первый разъ обличеніе двуличнаго поведенія Шуйскаго находимъ только въ Временникѣ Тимоѣева.

литературный приемъ. Тамъ, гдѣ онъ передавалъ свои источники не въ собственной обработкѣ, онъ сохранилъ намъ драгоценныя записи, современныя событіямъ. Тамъ же, гдѣ онъ подвергалъ источники литературной передѣлкѣ, онъ не всегда умѣлъ воздержаться отъ неточностей, не всегда умѣлъ различать легенду отъ факта.

Нужно сознаться, что эти данныя не рѣшаютъ категорически вопроса о происхожденіи памятника. Обиліе въ немъ данныхъ officialнаго характера даетъ полное основаніе предполагать, что Новый Лѣтописецъ вышелъ изъ officialныхъ круговъ московскаго общества. Трудно себѣ представить, чтобы какое нибудь частное лицо могло собрать такой богатый матеріалъ, касающійся притомъ всѣхъ частей Русской земли, какимъ располагалъ авторъ Лѣтописца. Чтобы описать смуту такъ подробно, какъ описалъ онъ, нужно было пользоваться центральными правительственными архивами,—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Каково же было общественное положеніе автора: былъ ли онъ самъ лицомъ officialнымъ? былъ ли онъ патріаршимъ лѣтописцемъ? На эти вопросы нельзя дать точнаго отвѣта. Текстъ памятника говоритъ намъ, что авторомъ его не могъ быть ни Іовъ, ни его келейникъ Іосифъ, ни патріархъ Гермогенъ. Но тотъ же самый текстъ указываетъ на близость автора къ Филарету; религиозное міросозерцаніе автора обличаетъ въ немъ лицо духовное. Подобныя обстоятельства нисколько не противорѣчатъ тому предположенію, что Лѣтописецъ могъ быть составленъ при дворѣ Филарета,—и это очень важно. Если приведенныя нами выше указанія на лѣтописную дѣятельность московскихъ патріарховъ заслуживаютъ довѣрія и если искать въ письменности XVII вѣка патріаршую лѣтопись о событіяхъ XVI—XVII вѣковъ, то прежде всего придется указать на Новый Лѣтописецъ, потому что никакой другой исторической памятникъ, намъ извѣстный, не можетъ претендовать на подобное значеніе. Новый же Лѣтописецъ легко могъ быть написанъ какимъ-нибудь священникомъ или монахомъ изъ патріаршаго штата. Онъ и сохранился до насъ въ первоначальномъ видѣ именно въ патріаршемъ спискѣ лѣтописи.

Новымъ Лѣтописцемъ завершается рядъ наиболѣе замѣтныхъ литературныхъ произведеній о смутѣ, составленныхъ при Михаилѣ Феодоровичѣ современниками и очевидцами смутной эпохи. Отъ обзоренія этого Лѣтописца мы могли бы перейти къ перечню болѣе мелкихъ и позднѣйшихъ произведеній о смутѣ, еслибы не считали себя обязанными дать нѣсколько замѣчаній о томъ любопытномъ па-

мятникъ письменности XVII вѣка, который до сихъ поръ зачисляется въ ряды литературныхъ произведеній лишь по недоразумѣнію. Разумѣемъ такъ-называемый Столяровъ хронографъ, принадлежавшій Карамзину и отъ него получившій свое названіе ¹⁾. Изъ обстоятельнаго описанія этого хронографа, даннаго А. Н. Поповымъ, узнаемъ, что по составу своему онъ представляетъ сборникъ различныхъ историческихъ повѣствованій, ничѣмъ не связанныхъ между собою ²⁾. Многія части этого сборника общезвѣстны и мало любопытны. Но среди нихъ находится повѣствованіе о событіяхъ 1604—1644 годовъ, въ которому Карамзинъ и Поповъ отнесли съ большимъ вниманіемъ. Карамзинъ нѣрѣдко пользовался его данными при обработкѣ XII тома своей Исторіи, а Поповъ, принявая это повѣствованіе частью „какого-то неизвѣстнаго лѣтописнаго сочиненія“, оригинальнаго и самобытнаго, издалъ его цѣликомъ ³⁾. Это же самое сочиненіе, какъ можно думать, было извѣстно и П. И. Мельникову подъ именемъ Лобковскаго хронографа ⁴⁾. Всѣ названные изслѣдователи считали разбираемое повѣствованіе памятникомъ литературнаго творчества и называли его „хронографомъ“. Истинный же характеръ произведенія опредѣленъ былъ А. И. Маркевичемъ который видѣлъ въ немъ довольно полную разрядную книгу частнаго происхожденія ⁵⁾.

Знакомясь съ содержаніемъ памятника, мы убѣждаемся въ пол-

¹⁾ Карамзина Ист. Гос. Росс., XII, прим. 46.

²⁾ А. Н. Попова Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 252—256. Въ основу сборника положена первая редакція Хронографа, дополненная извѣстіями Хронографа 1617 года, Новаго Лѣтописца и другихъ произведеній XVII в. Сборникъ подписанъ рукою владѣльца „Спасскаго игумена Корнилія, что въ Арзамасѣ“. Корнилій былъ игуменомъ Спасскаго Арзамаскаго монастыря въ 1646—1661 годахъ (Строева Спаси Герарховъ, ст. 616). Къ этимъ годамъ и должно относить составленіе сборника, хотя онъ и дополнялся позднѣйшими замѣтками до 1668 года.

³⁾ Изборникъ, стр. 321—379.

⁴⁾ П. И. Мельникова „Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени“ и т. д. въ *Москвитинѣ* за 1850 годъ, № 21, ноябрь, кн. I, стр. 1—12.—Мельниковъ, излагая данные о смутѣ, найденныя имъ въ хронографѣ А. И. Лобкова, замѣтилъ, что этотъ хронографъ „цѣлыми страницами схожъ“ съ хронографомъ Столяра (Карамзина Ист. Гос. Росс., XII, пр. 100, 116, 117, 132, 133, 134 и др.). Дѣйствительно, сличая данные Мельникова съ текстомъ Столярова хронографа въ Изборникѣ, убѣждаемся въ полномъ тождествѣ текстовъ. Къ сожалѣнію, въ статьѣ Мельникова нѣтъ обстоятельнаго описанія Лобковской рукописи.

⁵⁾ А. И. Маркевича О мѣстничествѣ. Ч. I, Кіевъ. 1879, стр. 755—756.

ной справедливости такого опредѣленія. Повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа есть дѣйствительно разрядная книга. Это видно, вопервыхъ, уже изъ того, что нѣкоторыя ея показанія слово въ слово были приводимы Карамзиннымъ прямо изъ разрядныхъ книгъ, раньше, чѣмъ ему сдѣлался извѣстенъ хронографъ Столяра ¹⁾). А во вторыхъ, повѣствованіе о смутѣ Столярова хронографа всѣмъ строено своимъ свидѣтельствомъ, что цѣлю его автора было не изложить исторію смуты, а собрать возможно большее число дѣловыхъ, иногда очень мелкихъ замѣтокъ о разнаго рода назначеніяхъ, мѣстническихъ случаяхъ и замѣчательныхъ событіяхъ въ сферѣ служебной. Поэтому авторъ обходитъ въ своемъ изложеніи многія выдающіяся событія смуты. Такъ, у него почти вовсе нѣтъ свѣдѣній о походе нѣтъ свѣдѣній о походе Отрепьева; очень кратко говорится и о самомъ царствованіи самозванца; но при этомъ весьма подробны записи о назначеніи воеводъ противъ Лжедмитрія при царяхъ Борисѣ и Ѳеодорѣ Борисовичѣ, не забыта также и та частность, что самозванецъ „въ 114 году... велѣлъ всѣ города верстати помѣстными оклады и денежными оклады“ ²⁾). О перенесеніи мощей царевича Дмитрія въ Москву не говорится вовсе; но съ большимъ стараніемъ отмѣчается, что во время похода царя Василія на Тулу, „Разрядъ былъ весь съ царемъ Васильемъ“, и что Иванъ Кровковъ, обѣщавшій затопить Тулу, обратился съ своимъ предложеніемъ именно въ этотъ Разрядъ: „въ государевѣ Разрядѣ дьякомъ подавъ челобитную“. Точно также о существованіи Разрядной избы и другихъ приказовъ въ подмосковныхъ земскихъ ополченіяхъ говорится не одинъ разъ, а о началѣ нижегородскаго ополченія находимъ рассказъ далеко не полный и притомъ односторонній. И здѣсь авторъ все свое вниманіе обращаетъ на вишнюю организацію дѣла, на то, какъ устроены были служилые люди, пришедшіе служить нижегородцамъ, и какое денежное жалованье они получали отъ Пожарскаго и Минина ³⁾). Такимъ образомъ авторъ является въ своемъ повѣствованіи не историкомъ, желающимъ послѣдовательно изобразить крупнѣйшія событія прошлаго, а служилымъ человекомъ, ведущимъ разрядную лѣтопись, въ которую онъ заносилъ съ одинаковымъ вниманіемъ и служебныя

¹⁾ См. выписки изъ Разрядныхъ книгъ въ Ист. Гос. Росс., XI, прим. 285 (Изборникъ, ст. 326—327), прим. 304 (Изб., 327), прим. 311 (Изб., 327).

²⁾ Изборникъ, стр. 323—329.

³⁾ Изборникъ, стр. 335, 337, 351—352, 353.

мелочи, и великія историческія событія. Если же обратимъ вниманіе на полное отсутствіе въ повѣствованіи всякой риторики, даже всякой попытки къ построенію стройнаго литературнаго изложенія (разсказъ ведется погодно и не всегда послѣдовательно), то убѣдимся въ томъ, что имѣемъ дѣло не съ литературнымъ сказаніемъ, а съ разрядною книгой.

Опредѣлить точно происхожденіе этой разрядной книги намъ кажется невозможнымъ. Офіціальныя разряды въ смуту не велись ¹⁾, поэтому повѣствованіе Столярова хронографа должно считать произведеніемъ частнаго лица. Объ этомъ же говорятъ намъ и находящіяся въ произведеніи многочисленныя вставки лѣтописнаго характера, не имѣющія вида офіціальныя разрядныхъ записей (опѣ-то и были причиною того, что разрядная книга сочтена была за хронографъ). Можно думать, что та часть повѣствованія Столярова хронографа, которая посвящена событіямъ смуты, была составлена современникомъ и очевидцемъ. Только очевидецъ могъ дать такое живое описаніе, какое находимъ въ разсказѣ о народномъ сборищѣ на Красной площади, когда читались въ Москвѣ грамоты самозванца ²⁾. Только современникъ могъ знать такія частности о постриженіи царя Василія, какія сохранились въ разбираемомъ произведеніи ³⁾. Однако, какъ ни вѣроятны подобныя догадки, вопросъ о происхожденіи памятника ими не разрѣшается: на основаніи ихъ можно только утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ раннимъ, которое составлялось или въ самую смуту, или не позднѣе времени царя Михаила Ѳеодоровича, и было доведено путемъ постепенныхъ приписокъ до 1644 года, на которомъ и прерывается повѣствованіе ⁴⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Сборникъ подъ ред. Нювнина, II, стр. XVI—XVII: „со 113 году какъ пришелъ къ Москвѣ воръ розстрига Гришка Отрепьевъ... по 121 годъ, по царство В. Гос. Царя и В. Ки. Михаила Ѳеодоровича всея Русіи розряды не писывиы“.—См. также П. Н. Мельникова „Офіціальныя и частныя редакціи древнѣйшей Разрядной книги“ въ *Чт. Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1887 г., II, стр. 4—5.

²⁾ Изборникъ, стр. 328.

³⁾ Изборникъ, стр. 346—347.

⁴⁾ П. Н. Мельниковъ замѣчаетъ, что „судя по тѣмъ подробностямъ, съ какими лѣтописатель говоритъ о нижегородскихъ и арзамасскихъ происшествіяхъ, надобно полагать, что хронографъ писанъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“ (*Москвитинныя* за 1850 г. № 21, стр. 1). Если сопоставить съ этимъ замѣчаніемъ то обстоятельство, что экземпляръ Карамзина принадлежалъ Арзамасскому игумну, а экземпляръ Лобкова приобрѣтенъ имъ въ Нижнемъ, то догадка Мельникова получаетъ полную вѣроятность.

Характеръ памятника выводитъ его изъ круга тѣхъ литературныхъ произведеній, которымъ посвященъ нашъ трудъ. Для надлежащей оцѣнки показаній Столярова хронографа мы должны были бы войти въ сличеніе и изслѣдованіе различныхъ редакцій разрядныхъ книгъ за смутное время, которыя еще далеко не приведены въ извѣстность и не имѣютъ близкаго отношенія къ памятникамъ, нами изучаемымъ. Что же касается до тѣхъ мѣстъ Столярова хронографа, которыя приближаются къ лѣтописнымъ показаніямъ, то оны представляются намъ весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно вспомнить находящееся въ памятникѣ обстоятельное описаніе походовъ и битвъ въ борьбѣ Годуновыхъ съ самовлапцемъ и В. Шуйскаго съ митяжниками; далѣе, подробные рассказы о сверженіи Шуйскаго и о постриженіи его; цѣнные показанія о грамотахъ Гермогена въ смуту; рассказы о сожженіи Москвы, о смерти Ляпунова и о третьемъ самозванцѣ; наконецъ, пѣкоторыя подробности о нижегородскомъ ополченіи ¹⁾. Всѣ эти показанія Столярова хронографа по своей обстоятельности и правдивости мало чѣмъ уступаютъ Новому Лѣтописцу и даютъ разбяраемой разрядной книгѣ весьма почетное мѣсто въ ряду русскихъ неофициальныхъ памятниковъ смутной эпохи.

С. Платоновъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Изборникъ, стр. 346—347, 349 356—352 353, 354—355.

СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ПОЛЬШЕЙ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ОЕО- ДОРА АЛЕКСѢЕВИЧА ¹⁾.

VI.

1680 годъ.

Отправленіе въ Польшу пословъ окольного Ивана Аонасіевича Прончищева и дьяка Емельяна Украинцова.—Наказъ, имъ данный въ январѣ 1680 г.—Въ Оршѣ, 4-го марта, послы узнаютъ отъ Кутенискаго монастыря намѣстника Досмога и чернаго священника Симеона о разговорахъ, происходившихъ въ Люблинѣ между греческаго закона духовными и мірскими людьми съ исповѣдниками римскаго костела и съ униатами.—Прибытіе пословъ въ Варшаву 21-го апрѣля и совѣщанія здѣсь съ сенаторами апрѣля 27-го, 29-го; мая 5-го, 8-го и 10-го.—Совѣщаніе русскихъ пословъ съ французскимъ посломъ маркизомъ де-Ветуниемъ и цесарскимъ резидентомъ Яномъ Жировскимъ.—Сенаторы въ совѣщаніи 12-го мая стараются убѣдить русскихъ пословъ въ необходимости вести съ Турціей войну наступательную, а не оборонительную.—Рѣчи цесарскаго резидента Яна Жировскаго, 15-го мая. По его увѣренію, „нехристіанскіе поступки“ Французскаго короля чинятъ замѣшаніе во всемъ христіанствѣ; онъ старается возбуждать венгровъ противъ цесаря; уговариваетъ курфирста Бранденбургскаго отступить отъ цесарскаго величества, находится въ тайномъ союзѣ съ султаномъ.—Переговоры дьяка Емельяна Украинцова съ папскимъ легатомъ Францискомъ Мартелли, 21-го мая.—Послѣднее совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами 29-го мая.—Сознаніе порубежной комиссіи откладывается до 20-го іюня 1681 г.—Универсалы королевскіе о сѣздѣ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ греческаго вѣроисповѣданія и униатовъ въ Люблинѣ, въ январѣ 1680 г.—Послы русскіе настаиваютъ на томъ, чтобы королевское величество никакого утѣшенія и гоненія православнымъ чинить не велѣлъ.

23-го января 1680 г. великій государь указалъ и болре приговорили въ передней: отпустить къ королевскому величеству пословъ окольного Ивана Аонасіевича Прончищева и дьяка Емельяна

¹⁾ Окончаніе. См. есвальскую книжку: *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.
часть ССLVI, отд. 2.

Украинцова съ предложеніемъ слѣдующихъ статей „на общую христіанскую пользу противъ наступленія силъ поганскихъ“: 1) призвать къ союзу цесарское величество и короля Французскаго; тому союзнику, на котораго султаны сдѣлаютъ нападеніе, каждый изъ остальныхъ союзниковъ посылаетъ на помощь 20,000 ч. войска; тотъ, кто не исполнитъ этой статьи, долженъ заплатить 200,000 руб.; 2) договоръ о союзѣ заключить на 13 лѣтъ; 3) одинъ государь безъ другого ни въ какіе переговоры вступаться не долженъ; 4) великій государь желалъ бы заключать договоръ съ королевскимъ величествомъ, даже еслибы послы цесарскій и французскій не захотѣли приступить къ союзу, не списався съ своими государями; если имъ, обоимъ государямъ, не учинить договора, „то и окрестные государя ни къ какому общему христіанскому добру приступить не похотятъ, понеже всѣ христіанскіе государя смотрятъ на союзное обязательство ихъ обоихъ государей“¹⁾.

На дорогѣ послы получили 27-го февраля грамоту²⁾ съ предписаніемъ не откладывать заключеніе договора до комиссіи. Въ случаѣ, если наны-рада будутъ стоять накрѣпко, чтобы комиссія, по договору 1678 г., быть въ 1680 г., то посламъ „всѣми мѣрами“ настаивать на отложеніи комиссіи до будущаго года, такъ какъ королевское величество не писалъ великому государю о посредникахъ. Какъ видно, московское правительство опасалось, чтобы переговоры въ комиссіи не понели къ разрыву съ Польшей.

4-го марта послы пріѣхали въ Орпу, и сюда въ тотъ же день ихъ пріѣзда явились къ нимъ Кутеинскаго монастыря намѣстникъ Досифей и черныи священникъ Симеонъ. Они сказывали, что благочестивыи христіанскія вѣры греческаго закона у духовныхъ и у мірскихъ людей съ исполнителями римскаго костела и съ уніатами были въ Люблинѣ о вѣрѣ разговоры³⁾. „А съ Бѣлой Руси ѣздили на тотъ разговоръ Кутеинскаго монастыря игуменъ Гелеонъ, да изъ Могилева намѣстникъ, да изъ коруны польской епископъ Луцкой Гедсонъ Четвертинской, и нине многіе духовные и мірскіе люди, шляхта

¹⁾ Кн. № 195, лл. 96—116. Посламъ велено быть у руки великаго государя 21-го января, а съ Москвы итти 2-го февраля.

²⁾ Лл. 238—248, 1680 г., февр. 23-го, царская грамота посламъ. Ср. кн. № 196, лл. 7—10.

³⁾ Кн. № 196, статейный епископъ бывшихъ въ Польшѣ пословъ околицкаго Ивана Прочащова и дьяка Емельяна Украинцова, л. 13. Л. 292: свидѣтельство православныхъ съ уніатами происходить въ январѣ 1680 г.

и мѣщане. Да при тѣхъ же разговорахъ былъ униатской митрополитъ Киприянъ Жеховской со многими униатами. И чинили римляне и униаты съ тѣми благочестивыми духовными и мірскими людьми разговоры о сродненіи соборника двенадцати мѣсяцовъ съ римскимъ календаремъ и о иныхъ церковныхъ артикулахъ. Только де за помощію Вожіею и за предстательствомъ пресвятыя Богородицы отъ благочестивыхъ, духовныхъ и мірскихъ людей римляне и униаты со стыдомъ отошли и обиды, по своему злему намѣренію, благочестивой вѣрѣ никакой не учинили. А королевское де величество, разсмотря того дѣла, что духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людямъ учителя римскіе и униаты ничего учинить не возмогли, указалъ тѣ разговоры прекратить, а сказалъ духовнымъ благочестивымъ и мірскимъ людямъ, что хотя нынѣ тѣ разговоры добраго сочертненія и не воспріяли, однако же довершить оу то дѣло и къ доброму концу приведетъ на сеймѣ. И съ того разгору изъ Люблица всѣ духовные и мірскіе люди греческаго якона развѣхались" 4).

21-го апрѣля послы пріѣхали въ Варшаву и здѣсь же 25-го апрѣля были у короля на пріѣздѣ 5). Въ первомъ же посольскомъ совѣщаніи, происходившемъ 27-го апрѣля въ Варшавѣ, сенаторы говорили, что королевское величество имѣетъ вѣдомость объ отправленіи царскимъ величествомъ посланника къ султану для переговоровъ о мирѣ и спрашивали, съ чѣмъ былъ отправленъ этотъ посланникъ. На это послы потребовали объявить имъ, какого рода порученія были даны королевскимъ величествомъ Спандовскому, посланному къ султану, и Карвовскому, который былъ отправленъ къ Крымскому хану. Царское же величество, говорили послы,—отправилъ къ султану посланника для переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ. Сенаторы отвѣчала: Султанъ узналъ о переговорахъ польскихъ пословъ, бывшихъ въ Москвѣ въ 1678 г. Хотя эти переговоры и не повели къ заключенію союза, однако королевское величество, опасаясь, чтобы султанъ, досадуя на него, не началъ съ нимъ войны, отправилъ къ нему резидента, а къ хану—гонца, чтобы ихъ не раздосадовать прежде времени 6).

Второе совѣщаніе русскихъ пословъ съ сенаторами, апрѣля 29-го, началось съ обычнаго спора о томъ, кому первому объявлять условія

4) Кн. № 196, л. 13.

5) Дл. 25, 29. Д. 18: 1-го апрѣля послы пріѣхали въ мѣстечко Еловку (за Слонимомъ) и говорили пристапу Николаю Выганонскому, „что чрезъ все княжество Литовское кормовъ и подводъ имъ не дано“.

6) Дл. 48—60.

союза. Сенаторы отказывались опредѣлять эти условія, ссылаясь на то, что они уже были выяснены Вростовскимъ и Гнинскимъ. Послы, русскіе доказывали, что предложенія послѣднихъ польскихъ пословъ не осуществимы; великій государь—государь самодержавный, и потому прежде времени говорить о томъ, чтобъ онъ предводительствовалъ войсками — не надобно; запросъ о денежной казнѣ называли непристойнымъ. „А что они сенаторы“, говорили наши послы, — „ставятъ на примѣръ Голандскихъ Статовъ и короля Свѣйскаго, и тотъ примѣръ великому государю его царскому величеству не пристоевъ. Буде голландцы денежную казну цесарю Римскому, и королю Датскому, и курфирсту Вранденбургскому на войска ихъ давали, и они [Статы] чинили то отъ великой своей нужи, понеже отъ короля Французскаго имѣли великое утѣсненіе. И за тою помощью завоеванное все у Французскаго короля отыскали и миръ учинили. Также и король Свѣйской просилъ у Французскаго короля войсками и деньгами вспоможенія, видя свое копечное отъ неприятелей утѣсненіе. А великому государю его царскому величеству при помощи Вожицъ никакого утѣсненія отъ неприятеля нѣтъ.“⁷⁾

Когда послы упомянули о томъ, что королевское величество болѣе нуждается въ союзѣ, чѣмъ великій государь, такъ какъ король уступилъ Турціи значительную часть своихъ владѣній, сенаторы дали отвѣтъ, въ которомъ находятся любопытныя данныя для характеристикн тогдашнихъ взглядовъ на отношенія Россіи къ Турціи. „Королевское де величество съ салтаномъ Турскимъ имѣеть миръ. А у царскаго де величества миру съ салтаномъ Турскимъ и съ ханомъ Крымскимъ быть они не чаютъ, потому что турки и татарова на Московское государство великую имѣють неприязнь для того, что Русь греческой вѣры, а они владѣють греческими государствами. И будто всегда греки чаютъ себѣ отъ царскаго величества обороны и отъ руки бусурманской освобожденія. А съ римлянами де [католиками] неприязни турки не имѣють и легко ихъ почитаютъ“. Турки имѣють великую неприязнь къ Московскому государству потому также, что они требуютъ у царскаго величества всей Украйны и впредь будутъ требовать, „вмѣняя то, что будто еще Богданъ Хмельницкій имъ съ Украйною поддался. Да не успѣли они тогда его принять, понеже удержаны были кандійскою войною. И куравъ [коранъ] де ихъ не повелѣваетъ

⁷⁾ Д. 70.

своего никому не уступать. Да турки жъ де не только что отъ Кіева съ царскимъ величествомъ войну имѣють, но и со всѣхъ сторовъ промышляютъ, какъ бы на Московское государство войну навестить, и въ Казани, и въ Астрахани тамо будущихъ татаръ бунтуютъ и наговариваютъ, чтобъ они на Московское государство возстали и домашнюю войну вѣчали⁴. На это послы отвѣчали: Московское государство начало войну съ Турціей изъ-за Рѣчи Посполитой, въ Казани и Астрахани служатъ вѣрно, и сенаторы бы „отложили свои мысли“⁵).

Хотя сенаторы и старались доказать посламъ, что Рѣчь Посполитая менѣе, чѣмъ Московское государство, нуждается въ союзѣ противъ Турціи, однако въ совѣщаніи 5-го мая они заявили о томъ, что королевское величество „для великаго и доброначатаго дѣла откладываетъ запросъ денежной казны, и большаго того упоминаться о томъ не будетъ, а хочетъ тѣ убытки для общаго добра христіанскаго нести собою и Рѣчью Посполитою, и съ непріателемъ миръ нарушить и войну взоичетъ“; запросъ объ уступкѣ городовъ откладываетъ до комиссіи, назначенной въ іюнь 1680 г. „Ту тягость“, говорили сенаторы,—и войну непріятельскую за имя христіанское и для цѣлости всего христіанства хочетъ его королевское величество принять съ радостію. А на великаго государя, на его царское величество, на брата своего и на ближайшаго сосѣда надеженъ, что въ той войнѣ его не выдастъ и убытки его королевскаго величества изволить наградить инымъ способомъ, который бы могъ его королевское величество и Рѣчь Посполитую удовлетворить“. Тогда послы объявили статьи о слученіи силъ. Но эти статьи не оправдали ожиданій. Великій государь, говорили сенаторы, желаетъ заключить съ королевскимъ величествомъ только оборонительный союзъ, а не наступательный. „А если быть одному оборонительному союзу, и непріятельской де войнѣ конца не будетъ, потому что непріятель всегда будетъ войною приходить... и обои государства разорять“. Отъ оборонительнаго союза оба государства придутъ только къ вѣщому разоренію, а прибыли изъ того никакой не будетъ. А королевское же величество желаетъ оборонительнаго и наступательнаго союза, чтобъ непріятелю, учина отъ своихъ государствъ отпоръ, воевать его въ Волошской землѣ по Дунай и за Дунаемъ, а съ другой

⁴) Л. 78—74.

сторони въ Крыму⁹. Послы отвѣчали, что прежде времени такихъ высокыхъ словъ и говорить не слѣдуетъ⁹).

Послѣ совѣщанія 5-го мая послы отправили сенаторамъ письменныя условія о союзѣ съ оговоркою, чтобы эти условія, данныя на письмѣ, въ случаѣ если не состоится договоръ, не были прирѣчены къ крѣпости¹⁰).

6-го мая къ посламъ пріѣзжали приставы Гавріилъ Черкесъ и Александръ Мереевскій и заявили: чтобы обсудить предложенныя послами условія союза, королевское величество созываетъ раду, „потому что то дѣло, о которомъ они послы отъ царскаго величества присланы, великое, и одному королевскому величеству дѣлать его не возможно“. „Да приставы же говорили: Сего жъ де числа приказывалъ къ королевскому величеству чрезъ конюшняго коруннаго Марка Матчинскаго Крымскаго хана посолъ Мустоа Ага, чтобъ указалъ королевское величество прислать къ нему его Гавріила Черкеса. И королевское де величество его, Гавріила, къ нему посылалъ. И посолъ де говорилъ ему, чтобъ королевское величество съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ слученіе силъ противъ салтана турскаго и хана его не чинилъ. А учинилъ бы слученіе съ ними. И они де возьмутъ у царскаго величества Кіевъ и Смоленскъ и отдадутъ королевскому величеству. Да онъ же де говорилъ, чтобъ королевское величество позволилъ ему отпустить въ Крымъ отъ себя татарина. И онъ де, выслушавъ у него тѣ рѣчи, доносилъ до королевскаго величества. И королевское де величество указалъ ему скавать, что они послы договору о слученіи силъ никакого не чинятъ, а присланы отъ царскаго величества въ тѣхъ дѣлахъ, которыя имѣетъ его королевское величество съ его царскимъ величествомъ въ разводѣ рубежей и въ иныхъ порубежныхъ дѣлахъ. А татарина ему отпускать не указалъ, и будетъ де отпускъ и самому ему послу вскорѣ¹¹).

Въ совѣщаніи 8-го мая сенаторы снова обратились къ посламъ съ вопросомъ: какого рода порученія даны посланнику царскаго величества, отправленному къ султану? Послы отвѣчали то же, что и въ совѣщаніи 27-го апрѣля. Но этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ сенаторовъ. Королевскому величеству, говорили они, и имъ сенаторамъ

⁹) Л. 88—98.

¹⁰) Л. 99.

¹¹) Л. 108.

„зѣло сумнительно“, что отъ великаго государя „учали быть частыя посланки къ салтану Турскому и къ хану Крымскому, и часть его королевское величество, что не объ иномъ о чемъ царское величество пересылки съ ними [султаномъ и ханомъ] имѣеть, токмо о миру“¹³⁾.

Затѣмъ перешли къ обсужденію условій союза. Тѣ, которые были предъявлены послами на письмѣ, не удовольствовались ни королевское величество, ни сенаторовъ, ни депутатовъ потому, говорили польскіе уполномоченные, „что награды вмѣсто запросовъ въ тѣхъ способахъ его королевское величество нивакой себѣ не видитъ, но еще тѣ способы хуже тѣхъ, которые царскаго величества послы въ Гроднѣ предлагали. А что де написано въ первой статьѣ, чтобъ съ царскимъ величествомъ и съ королевскимъ величествомъ быти въ союзѣ цесарскому величеству римскому и королевскому величеству французскому, и то дѣло недостаточное и неподобное, чтобъ имъ учинити союзъ вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ такожь и съ королевскимъ величествомъ, для того, что цесарь Римскій и король Французской имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ свои принадлежности, и царскаго величества и королевскаго величества принадлежности съ ихъ принадлежностями не сойдутся, понеже король Французской имѣеть государство свое отъ салтана Турскаго въ дальнихъ странахъ. А великій государь его царское величество и государь ихъ его королевское величество имѣютъ съ салтаномъ Турскимъ близкое сосѣдство“.

„А цесарь Римской, хотя и желаетъ быть съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ въ союзѣ, потому что и онъ съ салтаномъ Турскимъ отъ Венгерской земли имѣеть ближнее жъ сосѣдство, и въ нѣсколько на десять миль отъ самой Вѣдны рубежи неприятельскіе прилежать, однако не можетъ и онъ [цесарь безъ обнадеживанія короля Французскаго въ тотъ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и съ государемъ ихъ съ его королевскимъ величествомъ вступить. Потому опасается де его цесарское величество того, если онъ войну съ турками взочнетъ и въ союзъ съ царскимъ и съ королевскимъ величествомъ вступить, и король Французской въ то время наступитъ на него войною въ государство Нѣмецкое и въ дѣдичныя его государства. И имѣеть де нынѣ король Французской въ собраніи войска своего 170.000, которые стоятъ близко рубежей цесарскаго величества, а цесаря де онъ про-

¹³⁾ Д. 113.

тивъ его желанія не обнадеживаетъ. И когда у государя ихъ у его королевскаго величества была въ Варшавѣ генеральная рада, на которой былъ и цесарскаго величества посолъ, и королевское де величество желало того, чтобъ съ цесарскимъ величествомъ противъ общаго непріятеля учинить силъ слученіе. И посолъ де цесарскаго величества тоже объявлялъ, что цесарское величество въ союзъ быти желаетъ, только вступить въ союзъ опасенъ отъ короля Французскаго, что если онъ въ союзъ вступить и войну съ салтаномъ Турскимъ вочнетъ, и король Французской тогда на государство его цесарскаго величества войною наступитъ. И королевское де величество, видя цесарскаго посла такое предложеніе, послалъ съ той рады къ королевскому величеству французскому великаго и полномочнаго посла своего Андрея Морштена, подскарбія великаго коруннаго, съ тѣмъ, чтобъ королевское величество французской цесарское величество римскаго дружбою своею обнадежилъ, и въ союзъ ему съ его королевскимъ величествомъ вступить, и войну съ турками всчать не помѣшалъ. А его королевскому величеству въ той войнѣ противъ непріятеля, яко государь христіанскій, помочь денежною казною или ратными людьми учинилъ. И по се де время тотъ королевскаго величества посолъ у королевскаго величества французскаго. А никакого обнадеживанья цесарскому величеству римскому не упросилъ. А въ помочи королевскому величеству одержалъ отъ королевскаго величества французскаго такой отвѣтъ: когда де королевское величество учинить съ царскимъ величествомъ противъ того непріятеля союзъ и войну вочнуть, и тогда и онъ [король Французскій] въ той войнѣ учинить имъ великимъ государямъ помочь.

„А съ салтаномъ де Турскимъ королевское величество французской никакихъ рубежей не имѣетъ, токмо подданные его имѣютъ моремъ съ турками великую торговлю. И отъ того имѣетъ онъ богатые доходы и великую прибыль.

„А смотреть де королевское величество французской того, какъ великій государь его царское величество съ королевскимъ величествомъ [польскимъ] союзъ учинить, и онъ тогда хочетъ помочь учинить.

„О томъ подлинно писалъ къ его королевскому величеству изъ Французской земли великій посолъ Андрей Морштень.

„И для того де не надобно въ тотъ союзъ привывать королевское величество французскаго, понеже его принадлежности не равняются принадлежностямъ царскаго величества и королевскаго величества, но

еще и противныя его привалежности. И уже де государь ихъ его королевское величество въ томъ дѣлѣ чрезъ посла своего гораздо его извѣдалъ.

„А они послы присланы нынѣ отъ его царскаго величества къ королевскому величеству о союзѣ договоръ чинить. И королевскаго де величества—намѣреніе и ихъ сенаторская рада то, чтобъ прежде учинити межъ себя союзъ великому государю его царскому величеству и королевскому величеству и укрѣпиться, какъ пристойно, а потомъ бы приваивать къ себѣ на помочь папу и нынѣхъ христіанскихъ государей, которые уже обѣщаются помочь учинить людьми и деньгами, только смотреть того, какъ великій государь его царское величество съ его королевскимъ величествомъ союзъ изволить учинить и войну съ непріателемъ взочнуть. И послы къ папѣ и къ тѣмъ государемъ для того посланы отъ королевскаго величества еще съ Гроденскаго сейму. А цесарской де резидентъ и французской посолъ нынѣ отговариваются тѣмъ, что не имѣютъ они отъ государей своихъ полной мочи къ договорамъ съ ними царскаго величества послы и получить къ себѣ указу о томъ отъ государей своихъ не обѣщаются. И надобно де обонимъ великимъ государемъ, великому государю его царскому величеству и великому государю ихъ его королевскому величеству, самимъ о себѣ мыслить и междо собою, какъ и ванекрѣпчае и союзѣе укрѣплятися и договоръ чинить на достойныхъ способахъ“¹¹⁾.

Не смотря на убѣдительные, по видимому, доводы сенаторовъ, послы въ совѣщаніи 10-го мая продолжали настаивать на томъ, чтобы сначала чинить договоръ съ французскимъ и цесарскимъ послами. Тогда сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь отсюда въ отвѣтную палату, объявили посламъ, что на дворѣ королевскаго величества находятся тѣ послы чужеземныхъ государей, съ которыми рускіе уполномоченные желаютъ видѣться. Сначала они должны переговорить съ французскимъ посломъ, а потомъ съ резидентомъ цесаря. Переговоры должны происходить не въ отвѣтной, а въ другой палатѣ. На это послы замѣтили: „имъ изъ отвѣтной палаты ийти въ другую палату недлячего и чтобъ королевскаго величества французскаго посолъ пришелъ къ нимъ въ отвѣтную палату, потому что о томъ богоугодномъ дѣлѣ [о союзѣ] зачаты разговоры въ отвѣтной палатѣ, и его призываютъ они послы для того жъ дѣла, и пристойно

¹¹⁾ Кн. № 196, лл. 115—118.

ему притить къ нимъ посломъ въ отвѣтную палату⁴. Сенаторы вышли въ другую палату и, возвратясь оттуда въ отвѣтную палату, говорили: „О чемъ де они послаи имъ сенаторемъ говорили, и они французскому послу о томъ сказывали. И посолъ де имъ говорилъ, что ему въ отвѣтную палату, гдѣ они сенатори имѣютъ съ ними царскаго величества послаи разговоры, притить никакими мѣрами невозможно для того: отвѣтная де палата на договоры назначена и мѣста въ ней какъ они царскаго величества послаи, такъ и они королевскаго величества сенатори и депутаты имѣютъ, а ему мѣста нѣтъ и имѣть невозможно потому, что онъ отъ государя своего отъ его королевскаго величества указу и полной мочи въ тѣмъ договорамъ не имѣетъ. И сидѣть ему въ той палатѣ, гдѣ съ обонхъ сторонъ полномочныи договоры отиравлятися имѣютъ, не мочно. И желаетъ де онъ съ ними царскаго величества послаи видѣться, кромѣ отвѣтной палаты, въ иной палатѣ и сойтяться ему съ ними царскаго величества послаи среди палаты“.

Послаи согласились. На совѣщаніи ихъ съ французскимъ посломъ должны были присутствовать четверо лицъ изъ польскихъ уполномоченныхъ: ксендзь Янъ Малаховскій, епископъ Хельминскій, подвандеръ великій корунный Владиславъ Рей, воевода Любельскій, Станиславъ Любомирскій, маршалокъ великій корунный, Хриштофъ Паць, великій канцлеръ Литовскій. Въ сопровожденіи этихъ лицъ рускіе послаи вошли въ палату, въ которую одновременно вошелъ и французскій посолъ маркизъ Де-Бетуніи и, сошедшись съ нимъ среди палаты, витались и сѣли въ кресла. Послѣ рѣчи русскихъ пословъ о союзѣ, французскій посолъ сталъ говорить то же, что они уже слышали отъ сенаторовъ. Послаи обратились къ нему съ просьбою изложить свою рѣчь письменно, но онъ отказался исполнить эту просьбу и вышелъ изъ палаты. Затѣмъ вошелъ сюда цесарскій резидентъ Янъ Жировскій и сѣлъ близъ русскихъ пословъ съ лѣвой стороны, „а не въ томъ мѣстѣ“, записано въ статейномъ спискѣ русскихъ пословъ, „гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, для того, что сенатори того мѣста, гдѣ сидѣлъ французскій посолъ, ему не дали потому, что онъ резидентъ, а не посолъ“. И резидентъ цесаря заявилъ то же, о чемъ уже было заявлено сенаторами: цесарское величество только тогда готовъ приступить къ союзу, когда великій государь вступитъ въ союзъ съ королемъ Польскимъ¹⁴). Какъ увидимъ, это заявленіе

¹⁴) Лл. 129—137.

цесарскаго резидента было неискреннимъ и сдѣлано, вѣроятно, вслѣдствіе настоявій французскаго посла. Цесарю въ ожиданіи новаго враждебнаго столкновенія съ Франціей, нельзя было и думать о при-ступленіи къ союзу Россіи и Польши противъ Турціи. Едва ли съ искреннимъ сочувствіемъ могъ относиться къ этому союзу и Французскій король, такъ какъ всякое умаленіе турецкаго могущества было ему невыгодно.

Послѣ приведенныхъ заявленій французскаго посла и цесарскаго резидента задача переговоровъ русскихъ пословъ съ сенато-рами упрощалась. Окончательно выяснилась возможность и необходи-мость первоначально заключить союзъ только между двумя го-сударствами—Россіей и Польшей. Не было никакого повода сомнѣ-ваться въ самомъ искреннемъ желаніи Польскаго короля добиться осуществленія этого союза. Король заручился сочувствіемъ и фран-цузскаго посла, и цесарскаго резидента, умалилъ свои требованія относительно обязательствъ великаго государя, отказался даже отъ денежной помощи, но по расчетамъ короля и сенаторовъ для успѣш-наго веденія войны съ Турціей необходимо было Московскому госу-дарству выставить болѣе значительное войско, чѣмъ то, которое могла выставить Рѣчь Посполитая. Въ этомъ, а также въ крайней необходимости вести съ Турціей войну не оборонительную, а наступательную, сенаторы старались убѣдить пословъ въ совѣщаніи 12-го мая. „Отъ начала свѣта“, говорили сенаторы,—„до нынѣшняго вѣка тѣ всегда были счастливы, которые наступательныя войны чинили. А тѣ несчастливы были, которые имѣли оборонительную войну. И отложивъ иные примѣры, объявляютъ они къ разсужденію дѣло Турскаго салтана. Чѣмъ онъ распространилъ монархію свою? И чѣмъ страшень всѣмъ монархамъ? Посмотримъ на его страны. И въ По-долѣ, и въ Украинѣ у него все въ цѣлости. А у насъ—дикое мѣсто и пустыня. И то надобно разсудить: тогда бѣ отъ него имѣть обо-ронительный союзъ, когда бѣ онъ нынѣ приходилъ къ намъ изъ своихъ азіатскихъ краевъ, тобъ въ то время держаться противъ его оборонительно, не пропуская его въ началѣ чрезъ тѣсное море подъ Царемъ-Городомъ, а потомъ чрезъ горы, а на остатокъ чрезъ Дунай. Но когда уже онъ, прошедъ моря, овладѣлъ греками, а прошедъ чрезъ горы и Дунай, овладѣлъ многими христіанскими государствами и королевствами, а чрезъ Днѣстръ прошедъ, овладѣлъ Подольемъ, Украиню, Каменцомъ, Чигиринномъ и иными мѣстами, а въ Венгер-ской землѣ въ ближнихъ мѣстехъ отъ цесарской столицы отъ Вѣны,

и нынѣ уже обороняться отъ него во Львовѣ, въ Кіевѣ, въ Вѣннѣ. И 15,000, которые царское величество обѣщается въ помощь, могутъ ли ему [султану] возбранить? И русскіе около Львова край, и остатокъ Венгерской земли обратятся въ такую жь пустыню, какъ и прочіе, или завоевавъ, учнетъ ихъ держать, какъ и нынѣ мѣста.

„И папа Римской, и всѣ государи христіанскіе не для того хотятъ учинить помощь денежною казною и отвращеніемъ на море, чтобъ оборонять Кіевъ, Львовъ, Вѣнну, но для того, чтобъ изъ рукъ погашскихъ Каменецъ взять, въ Подольѣ и въ Украинѣ расширятся и селитися непріятелю не дать и изъ Венгерской земли его выгнать. И буде невозможно далѣ, хотя бь его за Дунай загнать, и чтобъ православныхъ христіанъ изъ неволи свободить.

„Да и то надобно разсудить, что отъ оборонительной войны, и безъ наступленія непріятельскаго, сами бь государи наши государства своя разорили. А Турской салтанъ имѣетъ татаръ, которыми ничего не даетъ, а они ему чинятъ великую прибыль. Также имѣетъ волоховъ и мултановъ, и не малую часть турковъ, которые съ земель служатъ, не касаяся казны его. И тѣхъ онъ будетъ высылать въ полѣ по вся годы. А королевское величество и царское величество, не вѣдая того, на кого они наступать будутъ, великія держать будутъ войска, съ великимъ убыткомъ денежной казни. А непріятель учнетъ загонами находить, иногда на государство королевскаго величества, а иногда на государство царскаго величества. А они великіе государи учнутъ только войску деньги давать, и земли своя тѣмъ разорять и пустошить.

„Да и того де непріятель будетъ надъ нами смотрѣть: буде у котораго государя учинится въ государствѣ бунтъ или съ сосѣдомъ война, и онъ въ то время на того же и войною пойдетъ. И тогда помочные 15 тысячъ не оборонять.

„И такими де способами государей нашихъ тотъ непріятель и долгою войны преодолѣетъ, и ни во что обратитъ. И для того не надобно де надѣяться государемъ нашимъ на то, что будто, услышавъ онъ о союзѣ ихъ государскомъ, войною наступать не будетъ. Но тотъ непріятель ни съ кѣмъ не можетъ воевать, только съ христіанами, сосѣдства нигдѣ съ инымъ не имѣетъ. Персы его воевать не мыслятъ. Да и по вѣрѣ де своей турки безъ войны быти не могутъ. И если они учнутъ государства государей нашихъ воевать, а они отъ нихъ учнутъ только борониться, и отъ того была

(бш) имъ очевидная пагуба, хула и малое отъ всѣхъ христіанъ почитаніе, и государствамъ ихъ ивнищеніе.

„Да и оттого де надобно имѣть остерегательство, что продолженіе оборонительной войны привело бъ подданныхъ государей нашихъ къ отчаянію, также какъ волоховъ и мултяновъ, и казаковъ съ Дорошенкомъ и съ Хмельниченкомъ. Не вѣдая бъ своей обороны, пошли бъ въ поганскія руки“.

Въ заключеніе своей пространной рѣчи о необходимости наступательной, а не оборонительной войны съ Турціей, сенаторы ссылались на примѣръ царя Алексѣя Михайловича, который хотѣлъ самъ своею особою вести войска на Крымъ, а королевскому величеству предлагалъ предпринять походъ къ Дунаю.

На эту рѣчь послы отвѣчали: условія союза, о которыхъ имъ велѣно было сообщить, они уже заявили, а объ иномъ договариваться имъ нельзя, такъ какъ на это не имѣютъ они полной мочи. Вести войну наступательную—опасно. Въ такомъ случаѣ пришлось бы войску проходить черезъ степь, гдѣ нельзя вайти корму. Оборонительная и наступательная война—въ рудѣ Вожин ¹⁵⁾.

15-го мая къ посламъ пріѣзжалъ цесарскаго величества резидентъ Явъ Жировскій и заявилъ: на совѣщаніи, происходившемъ 10-го мая, онъ не могъ объявить, отчего цесарское величество въ скоромъ времени не можетъ приступить къ союзу противъ Турціи, такъ какъ на этомъ совѣщаніи присутствовали сенаторы, бывшіе совѣтниками французскаго посла. Французскій король, учиня миръ съ цесаремъ, „нынѣ войска свои держитъ близко государствъ цесарскаго величества, со 170,000 [человѣкъ], и пѣкоторыя земли у цесарскаго величества заѣзжаетъ, и къ курфирстромъ посылаетъ, чтобъ они отъ цесарскаго величества отступили и къ нему пристали. И того де цесарское величество крѣпко опасенъ.“

„И здѣсь де въ Польшѣ короля Французскаго посолъ маркизъ Де-Ветуній да посланникъ Акакей и нима многіе его слуги и совѣтники. И послалъ посолъ маркизъ Де-Ветуній того Акакія нынѣ недавно изъ Польши въ Седмиградскую землю къ Абаею, князю Седмиградскому, бунтовать тамъ венгерскихъ бунтовщиковъ противъ

¹⁵⁾ Ен. № 196, лл. 138—154. *Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowitch, Féodor III et Pierre le Grand, czars de Russie, extraits des archives du Vatican et de Naples par Augustin Theiner. Rome. 1859. P. 202—203, № CLXIV.*

цесарскаго величества. И онъ резидентъ послу о томъ говорилъ, чтобъ онъ Акакія въ Венгерскую землю не посылать, и того нехристіанскаго поступка чинить ему не велѣлъ. И посолье де ему сказавъ, что будто Акакій ѣдетъ къ Абаоію князю считаться въ денежной казнѣ, что доведется ему взять на государѣ его на королевскомъ величествѣ французскомъ, а королевское де величество такого безславія не хочетъ о себѣ слышать, чтобъ кто на немъ могъ долгъ какой почитать. И то де онъ [посолье французскій] говорить вымышленную рѣчь. А послалъ онъ его подлинно для того, чтобъ венгровъ еще противъ цесарскаго величества взбунтовать.

„Да и у курфистра Бранденбургскаго есть нынѣ французскій посолье. Также его наговариваетъ, чтобъ онъ отъ цесарскаго величества отступилъ и къ нему присталъ.

„Такіе де нехристіанскіе поступки Французскаго короля замѣшаніе чинять во всемъ христіанствѣ. А до сгоды и до соединенія [король Французскій] не допустить. А съ Турскимъ де салтаномъ подлинно имѣеть онъ тайный союзъ. И цесарское величество того и опасается, что если ему печать съ Турскимъ салтаномъ войну, а король Французскій въ то время на него наступать, и оттого опасно, чтобъ государства не потерять.

„И папа Римскій послалъ ко Французскому королю посла своего, напоминая его, чтобъ онъ отъ злаго своего начинанія престалъ и цесарскому величеству съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ союзъ противъ салтана Турскаго учинить допустилъ и дружбою своею и додержаніемъ мира его [цесаря] обнадежилъ. А что тотъ посолье учинилъ, и того еще не слышитъ“.

Резидентъ цесаря сказывалъ еще, „что Крымскаго хана посолье пошелъ черезъ Польшу во Французскую землю. И королевское де величество польской не хотѣлъ было его пропустить. И посолье французскій королю говорилъ: для чего онъ цесарскихъ пословъ и посланниковъ къ царскому величеству, а царскаго величества пословъ къ цесарскому величеству чрезъ свою землю пропускаетъ, а хана Крымскаго посла къ государю его не пропустить? И король де не могъ въ томъ отъ него отговориться, велѣлъ татарскаго посла отпустить къ королю Французскому. И въ томъ де какая правда Французскаго короля? Сосѣдства у него не только съ ханомъ и съ салтаномъ нигдѣ нѣтъ, и пересылки имѣеть онъ съ ханомъ не для чего иного, но чтобъ какую ссору учинять. И наговариваетъ [Французскій король] тѣхъ непріателей [султана и хана] на цесарское ве-

личество и на царское величество. И королевское величество польской видитъ его въ томъ такое лукавство да еще держится дружбы его для того: ожидаетъ отъ него вспоможенія денежною казною, которую онъ ему обѣщалъ дать и дожидается о томъ его королевское величество вѣдомости изъ Французской земли отъ посла своего съ часу на часъ.

„Да и папа Римскій и иные христіанскіе государи обѣщались королевскому величеству помочь денежною казною учинить.

„А съ царскимъ де величествомъ желаетъ его королевское величество учинить противъ непріятеля наступательный союзъ. И тогда недлячего будетъ Кіева и Львова оборонять. Хочетъ де его королевское величество съ войсками идти въ Волосскую землю къ Дунаю. И тогда у царскаго величества подъ Кіевомъ войны не будетъ. И для того де наступательнаго союза хочетъ папа и иные христіанскіе государи его королевскому величеству денежною казною и помочь учинить. А если онъ съ турками войны не вкочнетъ, и они не хотятъ ему и денегъ давать. И буде они послы (русскіе) полною мочи о договариваніи наступательнаго союза не имѣютъ, и королевское величество хочетъ ихъ отпустить вскорѣ. А объ оборонительномъ союзѣ и не мыслить договариваться.

„А будетъ они послы, при помощи Божіи, договоръ о слученіи силъ здѣсь учинить, и цесарское величество указалъ ему резиденту съ тою вѣдомостію пріѣхать къ себѣ самому тотчасъ. И о томъ одержалъ онъ къ себѣ цесарскаго величества указъ съ нынѣшнею почтою.

„Онъ же говорилъ, что жить ему здѣсь зѣло тяжко. Онъ здѣсь одинъ отъ цесарскаго величества, а Французскаго короля посолъ, да посланникъ, да резидентъ, и иные многіе каноники и изъ польскихъ сенаторей и изъ урядниковъ совѣтники и друзья. И безпрестанно посолъ ихъ у себя кормить. А они ему дружбу дѣлаютъ. А то де ихъ и дѣло, чтобъ цесарское величество съ королевскимъ величествомъ польскимъ въ союзъ не допустить, чтобъ цесарь и король Польской противъ турка не соединялись, и войны съ туркомъ не имѣли, и побѣды надъ нимъ не одержали. То де Французскаго короля и радость, чтобъ цесарь и король Польской Турскаго салтана боялись. А если цесарское величество, соединясь съ царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ, учинить турку отпоръ и завоеванное свое цесарь и король Польской у него отыщутъ, и тогда де це-

сарь Французскаго короля опасаться не будетъ. И для того онъ нынѣ вымышляетъ и ссорить, чтобъ ни къ какому добру не допустить“ ¹⁶⁾).

Послѣ описаннаго нами совѣщанія 15-го мая цесарскій резидентъ имѣлъ еще нѣсколько совѣщаній съ нашими послами, а именно 24-го, 26-го и 27-го мая. Но всѣ эти совѣщанія не оказали никакого существеннаго вліянія на переговоры нашихъ пословъ съ сенаторами. Вслѣдствіе извѣстныхъ отношеній къ Людовику XIV, цесарь не могъ идти далѣе заявленій о томъ, что онъ желаетъ осуществленія мысли о союзѣ Россіи и Польши противъ Турціи. А этихъ заявленій было слишкомъ недостаточно для того, чтобы подлгнуть московское правительство къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою ¹⁷⁾).

Не могли имѣть также никакого существеннаго вліянія на переговоры о союзѣ и заявленія папскаго легата. За болѣзною Прончищева, имѣлъ свиданіе съ нимъ дѣкъ Емельянъ Украинцовъ, въ саду подскарбія коруннаго Андрея Морштена, 21-го мая. Папскій легатъ Францискъ Мартелли, архиепискупъ Коринтскій, говорилъ Украинцеву: слышалъ онъ, что русскіе послы присланы „для богоугоднаго и всему христіанству пожелаемаго дѣла“. Королевство Польское „въ силахъ своихъ нынѣ ослабѣло“ и противъ Турціи, противъ такого сильнаго непріятеля „безъ помощи царскаго величества устоять не можетъ“. Затѣмъ легатъ говорилъ объ условіяхъ союза то же, что заявляли и польскіе уполномоченные, а Украинцовъ предлагалъ ему отправить письмо къ папѣ съ просьбою, чтобы „папа Французскаго короля, яко пастырь и учитель, отъ злаго начинанія клятвою своею или инымъ какимъ запрещеніемъ отвратилъ, чтобъ онъ цесарскому величеству въ союзъ съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ и королевскимъ величествомъ польскимъ противъ непріятеля креста святаго вступать не мѣшалъ“. На это легатъ отвѣчалъ: папа о томъ давно радѣеть „и по должности своей Французскаго короля отъ того отвращаетъ. И часть онъ, что папа Французскаго короля въ томъ уговорить и въ пріязнь съ цесарскимъ величествомъ приведетъ. Однако жъ де онъ и нынѣ, слыша такія отъ него [Украинцова] слова, писать о томъ къ папѣ учнетъ“ ¹⁸⁾).

¹⁶⁾ Кн. № 196, лл. 180—183.

¹⁷⁾ Лл. 246, 272, 274—276.

¹⁸⁾ Л. 217. *Monuments etc. Theiner*, p. 206—207, № CLXV. „Il venerdì mattina la maesta del ré mandò da me il canonico Kordwanowski, il quale per

Условія союза, предложенныя русскими посланцами, были отвергнуты, и имъ удалось исполнить одно только порученіе относительно порубежной комиссіи для заключенія договора. Въ послѣднемъ совѣщаніи 29-го мая сенаторы согласились отложить созваніе комиссіи до 20-го іюня 1681 года ¹⁹⁾. Когда покончили съ вопросомъ о времени созыва комиссіи, послы въ томъ же совѣщаніи 29-го мая стали говорить о притѣсненіяхъ, претерпѣваемыхъ православными, обитающими въ области Рѣчи Посполитой. На это сенаторы отвѣчали: „Напередъ сего царскаго величества великіе послы, будущіе въ Гроднѣ, въ отвѣтъхъ о томъ говорили жъ. И по указу королевскаго величества отвѣтъ они сенаторы тѣмъ царскаго величества посломъ učinили и на письмѣ дали“.

Прочитавъ это письмо, сенаторы продолжали: „Нынѣ было имъ царскаго величества посломъ въ другорядъ о томъ и говорить непристойно, потому что королевское величество постановленные договоры во всемъ ненарушимо сохраняетъ и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой Руси въ сторонѣ его королевскаго величества имѣющейся никакой препоны не чинится“. Это заявленіе не могло удовлетворить пословъ. „Въ нынѣшнемъ,“ говорили они, — „во 188 (1679 году) въ октябрѣ мѣсяцѣ въ государствѣ королевскаго величества разосланы универсалы за его королевскаго величества рукою, изъ Яворова, по всѣмъ городамъ, чтобъ митрополиты, архіепископы и епископы, архимандриты и игумены и все духовенство, также и шляхта моленія греческаго, униаты и не униаты, въ корунѣ и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, и въ земляхъ, къ нимъ належащихъ, пребывающіе, со всѣми съ обонхъ сторонъ привиліями, приговорами и дѣлами въ Люблинѣ генваря въ 14 день пмѣишиного 1680 г. пріѣзжали. И тамъ, при прибытіи его королевскаго величества комиссаровъ, межъ собою подлинной učinили разговоръ. А ктобъ для того въ Люблинѣ пріѣхать не похотѣлъ, и тотъ отъ мѣстностей которыми владѣеть, будетъ отлученъ. И когда въ государствѣ королевскаго величества разосланы такіе универсалы и потому въ государствѣ

parte della maestà sua mi pregò di volermi trovare quell'istessa mattina nel giardino del sig. grantesoriero, dove si sarebbe trovato anche il suddetto secondo ambasciatore Moscovita, e così fu fatto“. Затѣмъ оцѣзуетъ донесеніе Марггали о разговорѣ съ Украинцевымъ... „e tratto sempre meco con somma humanità e con sommo rispetto, e poi ha detto al residente Cesareo che era restato soddisfattissimo di me“.

¹⁹⁾ Кн. № 196, лл. 288, 309 и 310.

королевскаго величества греческія вѣры жителемъ явное гоненіе и утѣсненіе чинится. И не для чего иного въ Люблинѣ призывать было указано, только для того, чтобъ всѣ благочестивныя церкви греческаго закона, также и жителей благочестивыхъ въ римскую вѣру или въ унию обратить". Ссылаясь на 4-ую статью Московскаго договора, послы просили донести королевскому величеству, чтобъ онъ „никакого утѣсненія и гоненія чинить не велѣлъ“.

„И сенаторы говорили шумно и сердитуя: въ Московскомъ де перемирномъ договорѣ написано только объ уступленныхъ въ сторону королевскаго величества городахъ: Невлѣ, Себезѣ и Велижѣ, чтобъ въ нихъ въ дѣйствованіи богомолія вѣры греческой вольность дана была. И королевское де величество по тѣмъ постановленнымъ договорамъ въ цѣлости непоручимо во всемъ сохраняетъ, и въ тѣхъ вышепомянутыхъ, уступленныхъ городѣхъ въ дѣйствованіи богомолія вольность имѣти позволяетъ, и во употребленіи церквей Божіихъ и вѣры греческой никакой препоны чинить не велить.

„А то де королевскому величеству и Рѣчи Посполитой зѣло досадительно, что великій государь его царское величество за подданныхъ его королевскаго величества русской вѣры, которые пребываютъ въ государствѣ его королевскаго величества вступается. И тѣмъ чинится государю ихъ его королевскому величеству и Рѣчи Посполитой великое безчестье. И ни который христіанскій монархъ не имѣетъ такой власти, чтобъ кто Рѣчью ихъ Посполитою правилъ и въ дѣлахъ указывалъ. А о чемъ они послы предлагаютъ: и того въ государствѣ королевскаго величества не бывало и впредь не будетъ. А что они жъ послы припоминаютъ съѣздъ Люблинской, и будто на тотъ съѣздъ греческія вѣры духовные и мірскіе люди, по универсаламъ королевскаго величества, собраны были по неволѣ, и неволи въ томъ никакой не бывало, а требовали того съѣзду сами греческой вѣры духовные люди. Да и въ вѣрѣ ихъ римской нѣтъ такого обычая, чтобъ въ нее совращать кого по неволи. И легатъ папы Римскаго, который всегда живетъ въ государствѣ королевскаго величества, крѣпко того постерегаетъ, чтобъ неволи никому къ принужденію на вѣру римскую не было, кромѣ того, развѣ кто добровольно обратится.

„И въ государствѣ де королевскаго величества народъ вольный. И еслибы кому чинилась въ чемъ какая кривда, и о томъ вольно говорить на сеймикахъ, и на сеймахъ, и въ трибуналахъ. А греческой де вѣры многіе есть родовитая шляхта. И въ городѣхъ многое

жъ церковное братство. И чтобъ царское величество впредь за подданныхъ королевскаго величества греческой вѣры вступаться не изволилъ потому—неволи имъ въ государствѣ королевскаго величества никакой нѣтъ и впредь не будетъ. Да и въ Гроднѣ царскаго величества послы о томъ говорили жъ, и имъ тогда отвѣтъ учиненъ же и на письмѣ данъ. И нынѣ было о томъ въ другорядъ говорить не годилось.

„А надобно де царскому величеству стоять за ту Русь и за грековъ, которые въ неволи у турковъ и у татаръ пребываютъ и не токмо въ вѣрѣ своей утѣсненіе пріемлютъ, но обрѣзаніе бусурманское, и на вѣру магометанскую приневоленіе терпятъ, и поголовные откупы даютъ отъ того. Тѣхъ бы де изволилъ великій государь его царское величество у непріателя отыскать и увольнить.

„А у королевскаго де величества русской вѣры жителямъ неволи никакой нѣтъ. Еще де нанпаче королевское величество указываетъ къ нимъ всякую свою милость, чего напередъ его ни который государь не чинилъ.

„А что Московскаго перемирнаго договору королевскаго величества пословъ князя Михаила Черторыйскаго, воеводы Волынскаго, съ товарищи припоминаютъ они послы о той же греческой вѣрѣ четвертую статью, и то они послы написали безъ указу королевскаго величества и безъ росказанія Рѣчи Посполитой. И на сеймѣ Гродненскомъ королевское величество того не подтвердилъ, и Рѣчь Посполитая не приняла. Да и перемирный де договоръ учинили они послы безъ указу королевскаго величества и безъ росказанья Рѣчи Посполитой. Только де принялъ королевское величество и Рѣчь Посполитая то перемиріе для того, что они послы сенаторы чиновъ высокихъ и о всякомъ радѣніи Рѣчи Посполитой учинили присягу. И Рѣчь де Посполитая такимъ присяглымъ сенаторемъ вѣрить, что они заприсяженные люди и учинили то, желая Рѣчи Посполитой лучшаго“ 20).

Послы выѣхали изъ Варшавы 9-го іюня. Король былъ очень недоволенъ ихъ дѣйствіями. За два дня до ихъ отъѣзда приставъ говорилъ имъ: королевское величество полагаетъ, что комиссія, которая должна будетъ собраться въ слѣдующемъ году, какъ постановлено въ нынѣшнемъ договорѣ, не состоится, такъ какъ царскому величеству она не такъ необходима, какъ королевскому величеству и Рѣчи

20) Кн. № 196, лл. 209—296.

Посполитой; если царское величество не будетъ поступать по братски съ королевскимъ величествомъ, то онъ будетъ искать дружбы у турокъ и татаръ, которые давно уже того желаютъ ²¹⁾.

VII.

1680—1682 года.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ 1680 г. относительно вопроса о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ.— Тайные разговоры московскаго гонца Назарія Краевскаго съ гетманомъ Падомъ и воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ, въ іюнѣ 1680 г.— Заботы московскаго правительства о пограничной комиссіи, которая должна была опредѣлять условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою.— Совѣщаніе бояръ 8-го іюля и ихъ приговоръ относительно пограничной комиссіи.— Отношенія польскаго правительства къ вопросу о той же комиссіи.— Прибытіе въ Москву польскихъ полномочныхъ пословъ Константина Томицкаго, каштеляна Велюнскаго, и секретаря Юри Доминика Долмонта, подчанаго Жмудскаго. Совѣщанія съ ними русскихъ уполномоченныхъ.— 20-го сентября отпустить пословъ.— Отправленіе въ Польшу думнаго дворянина Ивана Аванасіевича Желябужскаго и дѣла Семева Протопопова, въ декабрѣ 1680 г. Совѣщанія ихъ съ польскими уполномоченными въ 1681 г. 23-го и 28-го февраля, 7-го и 11-го марта, 7-го апрѣля.— Вѣсти, сообщенныя посланъ цесарскимъ резидентомъ и приставомъ Гавриломъ Черкесомъ.— Намѣреніе короля начать войну съ Турціей.— Шляхтичъ Янъ Приемскій.— Указъ великаго государя о веденіи „пространныхъ и пристойныхъ любовныхъ разговоровъ“ съ сенаторами.— Отпустить пословъ 2-го іюня.— Свѣдѣнія, собранныя въ Варшавѣ Желябужскимъ и Протопоповымъ.— Рѣчи волосскаго посланца Константина Козловскаго и папскаго легата Опиціуса Полавитинуса.— Пріѣздъ въ Москву польскаго посланника Станислава Невѣстискаго въ подбрѣ 1681 г. Переговоры съ нимъ въ декабрѣ того же года.— Общія заключенія о политическихъ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ въ періодъ времени съ 1676 по 1682 г.

Донесенія русскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г. ¹⁾, должны были убѣдить московское правительство въ томъ, что союзъ съ Рѣчью Посполитою можетъ только создать новыя трудности, вовлечь въ непроезводительные расходы и не принести никакихъ существенныхъ выгодъ. Надежды, которыя,

²¹⁾ Л. 347.

¹⁾ Они вернулись въ Москву 21-го іюля 1680 г. Кв. № 196, л. 361.

по увѣренію польскихъ уполномоченныхъ, могли быть, по видимому, возлагаемы на цесаря и на папу, тоже оказывались несбыточными. Цесарь не могъ приступить къ союзу восточно-европейскихъ государствъ противъ Турціи и вслѣдствіе своихъ сомнительныхъ отношеній къ Людовику XIV; посредничество папы не оказывало никакого замѣтнаго вліянія на политику того же короля. А между тѣмъ вліяніе его на дипломатическія сношенія Рѣчи Посполитой снова возстановило противъ Польскаго короля литовскую партію.

Съ главными представителями этой партіи гетманомъ Пацомъ и воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ имѣлъ тайные разговоры гонецъ великаго государя Назарій Краевскій, отправленный съ царскою грамотою къ русскимъ посламъ. Онъ прибылъ въ Гродну 9-го іюня и оставался здѣсь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. По пріѣздѣ сюда, онъ не засталъ гетмана и имѣлъ свиданіе съ воеводою Трокскимъ Мартіаномъ Огинскимъ. Ему Краевскій объявилъ въ тайнѣ, что онъ, по указу великаго государя, присланъ къ гетману и къ нему воеводѣ для переговоровъ. Огинскій отвѣчалъ, что ему одному трудно учинить отвѣдъ, и онъ пошлетъ извѣщеніе къ гетману. Когда прибылъ въ Гродну Паць, Краевскій имѣлъ съ нимъ тайное свиданіе, на которомъ присутствовалъ и воевода Трокскій Мартіанъ Огинскій. Краевскому было поручено переговорить съ ними о способахъ къ заключенію союза и, по возвращеніи въ Москву, онъ представилъ въ Посольскій приказъ письменные отвѣты гетмана, въ которыхъ высказывается готовность содѣйствовать намѣреніямъ великаго государя. Паць негодовалъ на короля за его потворство Франціи. Лучше, писалъ онъ, — совѣщаться съ чинами Рѣчи Посполитой, чѣмъ съ тѣмъ, кого „французенивъ съ туркомъ посадилъ на королевскій престолъ“ 2).

Еще до возвращенія пословъ въ Москву, здѣсь были озабочены не изысканіемъ способовъ къ заключенію союза съ Рѣчью Посполитою, а тѣмъ вопросомъ, который уже давно приковывалъ къ себѣ главное вниманіе московскаго правительства, вопросомъ о пограничной комиссіи, которая должна была опредѣлить условія вѣчнаго мира между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою. Вслѣд-

2) № 195, лл. 591—608. „Онъ же Назарей слышалъ отъ Яна Храповицкаго, воеводы Витебскаго, говорилъ же ему онъ Янъ: „видать же они, что царское величество слученіе съ ними чинить не дозволялъ. И впрядь того дѣла не чають же, потому что же Москва усматриваетъ прибыла себя, а не вмѣ. И того же для гнать они. Пускай же и Москва съ ними пропадетъ“.

ствіе заявленія русскихъ пословъ, бывшихъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 г., созваніе пограничной комиссіи было отложено до 1681 г., о чемъ и дана была ими запись.

8-го іюля 1680 г. происходило въ Москвѣ совѣщаніе бояръ о комиссіи, имѣющей собраться въ 1681 г. На этомъ совѣщаніи присутствовали бояре князь Никита Ивановичъ Одоевскій, князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, Петръ Михайловичъ Салтыковъ, Иванъ Михайловичъ Милославскій, Василій Семеновичъ Волинской, Иванъ Ѳедоровичъ Стрешневъ, князь Юрій Никитичъ Барятинской. Бояре приговорили: 1) „Запись, какову дали государевы послы нынѣ польскимъ сенаторамъ объ отложеніи комиссіи отставить не мочно; только тою записью на сѣздѣ послы при посредникахъ къ нарушенію договоровъ будутъ причитать, что неприбытіе по договорамъ посредниковъ и пословъ учинилось съ стороны царскаго величества, а у королевскаго величества было готово“.

2) „Какъ о той записи великій государь изволить, только посредниковъ звать время. Изъ прежнихъ звать короля Датскаго и послать къ нему гонца подъячаго съ грамотою, дать вѣдать комиссіи срокъ“.

3) „Прежняго посредника цесаря Римскаго отставить для тѣхъ причинъ, что онъ будетъ общій, а пріятства на государеву сторону, хотя онъ и хотѣлъ бы учинить, не можетъ, потому что онъ безсиленъ и короля Польскаго во всемъ слушаетъ, а Французскаго боится и отъ турка имѣетъ, по близости своихъ земель, страхъ и впредь по тѣмъ причинамъ надѣяться на него въ добрѣ не мочно. Да и для того, что онъ царскаго величества и полномочнымъ посламъ, по государскому желанію, никакой дружбы не показалъ“.

4) „Вмѣсто бѣ цесаря, призвать въ посредство Англійскаго короля, хотя онъ будетъ и общій посредникъ съ королемъ Польскимъ, только онъ великимъ государямъ царямъ и великимъ князьямъ Россійскимъ исконный другъ и чають бы онъ больше похотѣлъ добра на государеву сторону. А буде бы онъ похотѣлъ просить прежней повольности въ торгахъ, и его бѣ тѣмъ и обнадѣжить противъ прежнюю въ то время, какъ у великаго государя у его царскаго величества успокоится война съ Турскимъ султаномъ и съ Крымскимъ ханомъ, и буде его посредствомъ съ Польскимъ королемъ учинится вѣчный миръ на волѣ великаго государя. А о сборѣ пошлинъ выписать, что по прежнему было въ сборѣ и что послѣ англичанъ при торговомъ уставѣ“.

5) „Ко Французскому королю посланника отпустить съ тѣмъ,

что великій государь его царское величество, по волѣ всемогущаго Бога, учинился на великихъ и преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія на престолѣ отца своего государева. И то будетъ Французскому королю въ любовь. Да посланникамъ же говорить о торговыхъ дѣлахъ, о чемъ его королевское величество напередъ сего желалъ, и чтобъ его подданные ѣздили торговать къ Архангельскому городу или въ Великій Новгородъ и во Псковъ. И какіе товары его королевскому величеству будутъ годны, тѣ бы имали, по договорной цѣнѣ, по прямому торгу, съ платежемъ пошлинъ. А его бы королевскаго величества подданные товары свои продавали по прямой же цѣнѣ съ пошлинами. А буде онъ учнетъ называться въ посредники, и ему сказать, что онъ будетъ съ стороны королевскаго величества польскаго посредникомъ. А великій государь его царское величество, по исконной дружбѣ, и безъ посредничества на его королевское величество надежность имѣеть, что его королевское величество на его государскую сторону неприятельства никакого чинити не похочеть. А буде учнетъ гораздо принуждать о призываніи своемъ въ посредство, и ему объявить чрезъ ближнихъ его людей тайно, что посредникъ не долженъ никакой неволи при договорахъ чинити, только долженъ выслушать съ обѣихъ сторонъ. И если между обонихъ великихъ государей дойдетъ до успокоенія дѣлъ, то добро. А если за какими трудностями мирный договоръ совершенія своего не воспріемлетъ, тогда посредниковъ съ учтвостью отпустить, а самимъ тѣ всѣ дѣла отложить на дальнее время. Тому всему свидѣтельствуя договоры съ королемъ Польскимъ. А великій государь его царское величество и безъ посредниковъ съ королемъ Польскимъ о мирныхъ договорахъ и о союзѣ христіанскомъ на бусурманъ пересылки чинити, о чемъ его королевскому величеству не безвѣстно, и королевское величество учинити того не похотѣлъ. И чтобъ его королевское величество французской, яко государь христіанскій, по исконной дружбѣ его царскому величеству съ христіанскаго своего намѣренія объявилъ, какъ бы учинити христіанству покой и отвращеніе отъ христіанскихъ государствъ бусурманъ. И когда великій государь его царское величество дознаеть въ томъ его королевскаго величества пріятство, тогда его королевскому величеству взаимно такую жь братскою любовью будетъ воздавати⁴.

Этотъ приговоръ боярскій 9-го іюля былъ утвержденъ великимъ государемъ ⁵).

⁴) Кв. № 199, лл. 15—21.

Съ меньшимъ интересомъ, чѣмъ московское правительство, относилось къ вопросу о пограничной комиссіи правительство Рѣчи Посполитой. Его болѣе занимали переговоры о союзѣ. Но какъ ни желало оно скорѣйшаго благопріятнаго для себя окончанія этихъ переговоровъ, заключенія союзнаго договора съ Московскимъ государствомъ, какъ ни значительны были уступки, дѣлаемыя королемъ, событія отодвигали все далѣе и далѣе осуществленіе его завѣтной мысли — возвращеніе Каменца, а вмѣстѣ съ нимъ и юго-западной Украйны. Во время пребыванія въ Гроднѣ, въ іюнѣ 1680 года, Краевскій слышалъ отъ гетмана Паца: „говорилъ де ему гетману королевское величество, и инымъ сенаторамъ, что имъ съ великимъ государемъ союзъ учинить никакъ не возможно, потому что Москва турковъ боится. И полководцевъ добрыхъ у нихъ [москвитянъ] нѣтъ и биться съ ними [турками] не умѣютъ. И если де учинится союзъ, то чаеть онъ, что ихъ выдадутъ“⁴⁾. Не смотря однако на горькое разочарованіе, королю, не располагавшему необходимыми для самостоятельной политики средствами, приходилось идти по старой тропѣ, измысливать новые способы для слученія силъ Московскаго государства съ силами Рѣчи Посполитой.

Въ августѣ 1680 года явились въ Москву полномочные польскіе послы Константинъ Томицкій, каштелянъ Велювскій, и секретарь Юрій Доминикъ Довмонтъ, подчашій Жмудскій⁵⁾. 27-го августа послѣдовалъ указъ о томъ, чтобы имъ быть на пріѣздѣ у великаго государя, и каштелянъ Константинъ Томицкій обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: „Ужъ многожды на воинскихъ бояхъ кровавымъ потомъ обливался навяснѣйшій король Польской, государь нашъ милостивый, когда на хотинскихъ бояхъ съ немногими рыцарями выгналъ толикое множество неприятельскихъ войскъ изъ валовъ, обозовъ и смерти ихъ предалъ, а потомъ въ журавинскихъ окопахъ бывшимъ всѣмъ восточнымъ гордымъ силамъ насмѣялся и застыдилъ ихъ. Дождается подобный случай къ безсмертной славѣ вашего царскаго величества, если людей тѣхъ своихъ толико многихъ рыцарскихъ, которые въ тоскѣ безъ воинскихъ чиновъ въ обозахъ время теряютъ, на тотъ бой спровадити повелите, гдѣ вѣра святая хри-

⁴⁾ Кн. № 195, л. 602.

⁵⁾ Кн. № 199, лл. 75 и сл. Томицкій и Довмонтъ прибыли въ Смоленскъ 31-го іюля. Съ ними было королевскихъ дворянъ 16 человекъ да 2 коендаа, посольскихъ и дворянскихъ людей 295 человекъ. 2-го августа послы выѣхали изъ Смоленска. Лл. 75, 94—95, 106.

стіанская неотвѣтственно требуетъ пособствія. Если только великіе достатки государства своего на защищеніе всего христіанства позволите изволите, на ту вашего царскаго величества храбрость, все что ни есть подъ именемъ христіанскихъ князей, королей и монарховъ выразитъ, прилежно дожидаяся, дабы имъ ваше царское величество общаніемъ своимъ войны святой подалъ извѣщеніе. Къ чему, если постоянно приложитесь изволите, если съ только великою охотою къ чинамъ воинскимъ, которую охоту до нынѣ въ сердцѣ своемъ содержаще всему міру объявить изволите, не только тѣмъ только великихъ предковъ своихъ величіемъ славы своея преввидете, но такожь на вѣки вѣчные воспоминаніе о себѣ наследникамъ своимъ благодарнымъ оставите. Угасите ваше царское величество тотъ воинскій пожаръ, который не только тѣ два превеликіе государства, въ сосѣдствѣ близкомъ и пріятствіи между собою будущія, поглотити желаетъ, но такожь примирныя и желательныя всегда народу вашего царскаго величества наисильнѣшаго цесаря христіанскаго государства пожретъ хочеть“^{*)}).

Веденіе переговоровъ съ польскими послами было поручено ближнему боярину и намѣстнику Обдорскому Василю Семеновичу Волинскому, думному дворянину и намѣстнику Курмышскому Ивану Аванасьевичу Желябужскому и думному дяку Ларіону Иванову^{*)}.

Въ первомъ же совѣщаніи, 30-го августа, послы горячо настаивали на томъ, чтобы имъ было объявлено, съ какими порученіями отправили посланниковъ царскаго величества къ султану и Крымскому хану. Русскіе уполномоченные отвѣчали, что эти посланники были отправлены для переговоровъ о плѣнныхъ; королевское величество посылалъ къ султану Спандовскаго, а къ Крымскому хану Карвовскаго, и бояре и думные люди даже не развѣдывали о порученіяхъ, данныхъ помянутымъ посланцамъ, такъ какъ царское величество надеженъ на королевское величество. Послы этимъ отвѣтомъ не удовольствовались, продолжали настаивать на томъ, чтобы имъ были объявлены наказы, данные русскимъ посланцамъ, и заставили русскихъ уполномоченныхъ доложить объ этомъ великому государю. Исполнивъ это требованіе, думные люди заявили то же, что уже было ими заявлено: „И того ни въ которыхъ государствахъ не повелось,

*) Лл. 300—301.

*) Л. 334.

чтобъ посламъ прѣхать досматривать грамотъ государскихъ и наказовъ⁸⁾).

Когда приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, оказалось невозможнымъ примирить требованія той и другой стороны. Послы настаивали на необходимости вести войну наступательную, требовали помощь деньгами и ратными людьми. Русскіе уполномоченные заявляли, что царское величество соизволяетъ послать войско на Крымскаго хана и отправить ратныхъ людей на помощь королевскому величеству, если оны предприметь походъ въ Волосскую землю. Сначала думные люди предложили на помощь королевскому величеству 3,000, а затѣмъ 5,000 человекъ. Послы просили со стороны царскаго величества помощи войскомъ въ 40,000 человекъ, затѣмъ въ 20,000 человекъ; со стороны же королевскаго величества объявляли всего только 3,000 человекъ⁹⁾. Въ безплодныхъ спорахъ прошло девять совѣщаній¹⁰⁾ и 20-го сентября послы были на отпускъ¹¹⁾.

Еще во время пребыванія русскихъ пословъ въ Польшѣ въ первой половинѣ 1680 года до короля дошли слухи о переговорахъ московскаго правительства съ султаномъ, и тогда же сенаторы обратились къ посламъ съ запросами о цѣли этихъ переговоровъ. Еще настоятельнѣе были запросы о томъ же польскихъ пословъ, пребывавшихъ въ Москвѣ въ августъ и сентябрь 1680 года. Именно въ это время для окончанія переговоровъ съ Крымскимъ ханомъ и султа-

⁸⁾ Лл. 334—358.

⁹⁾ Лл. 380—381, 427, 472, 462, 465, 501, 565.

¹⁰⁾ Августа 30, 31; сентября 2, 4, 7, 13, 16, 17 и 19.

¹¹⁾ Л. 568. 29-го сентября послы выѣхали изъ Москвы, л. 666. 11-го сентября (1680 г.) послы, по принятіи съ почты присланныхъ на нихъ нѣя бумагъ, говорили стольнику Семону Алмазову и дьяку Василю Постникову: *„У салтана же бы замыселъ, чтобъ волохи и мултаны изъ земли изъ естъ вывести. А въ нихъ бы мѣсто населить и жить туркомъ, чтобъ на сей сторону Дуная во естъ мѣстѣхъ насажены были турки, а нѣя бы христіанское нигдѣ не поманулось. И для того изъ Волосской земли къ королевскому величеству польскому присыланы были знатные люди, чтобъ имъ указавъ королевское величество въ своемъ государствѣ для поселенія дать мѣсто. И молятъ Господа Бога, дабы, по своей неизреченной милости, благословилъ великихъ государей, царское величество и королевское величество, между нихъ крѣпкимъ союзомъ. А они волохи и мултаны къ тому союзу прѣстать готовы“* (л. 484). *Monuments etc. Theiner*, p. 211—212, № CLXIX, письмо Томицкаго къ нунцію, изъ Можайска, 12-го октября, 1680 года—*„dux magnus, mihi expeditione 30 Septembris data, iisdem fere vestigiis ad regem serenissimum remque publicam nostram legatos suos submittit, qui utinam optatum christiano orbi hoc tandem aliquando terminent opus“*.

номъ были отправлены въ Крымъ стольникъ Василій Тяпкинъ и дьякъ Никита Зотовъ ¹³⁾. Московское правительство имѣло основаніе ожидать благопріятнаго окончанія этихъ переговоровъ, желало, какъ можно предполагать, не союза съ Польшей, а заключенія мирнаго договора съ Турціей. Но въ то же самое время оно считало необходимымъ продолжать переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ противъ Турціи. Польскій король могъ поимѣшать этимъ переговорамъ, могъ предложить свои услуги Турціи, а не то—сообщить свѣдѣнія, которыя повредили бы интересамъ Московскаго государства. Политическіе расчеты требовали принятія мѣръ къ тому, чтобы не допустить короля къ вмѣшательству въ отношенія Московскаго государства къ Крымскому хану и султану. Необходимо было также, по возможности, обстоятельно и заблаговременно узнать о томъ, что предприметь Рѣчь Посполитая по полученіи извѣстія о договорѣ Московскаго государства съ Турціей.

Три мѣсяца спустя послѣ того, какъ польскіе послы оставили Москву, а именно въ декабрѣ 1680 года, велѣно было ѣхать въ Польшу думному дворянину Ивану Аванасьевичу Желябужскому и дьяку Семену Протопопову. 28-го октября они были на отпускѣ, а 7-го января выѣхали изъ Москвы ¹⁴⁾.

Въ первомъ же совѣщаніи, 23-го февраля 1681 года, сенаторы обратились къ посламъ съ просьбой объявить имъ, заключилъ ли великій государь миръ съ султаномъ и Крымскимъ ханомъ, о чемъ дошли извѣстія до королевскаго величества. Послы завѣряли, что отъ великаго государя къ султану и Крымскому хану „пословъ не послано о договорѣ и вѣчнаго миру не учинено“ ¹⁴⁾. Затѣмъ приступили къ переговорамъ объ условіяхъ союза, и въ нихъ самымъ спор-

¹³⁾ *Соловьевъ*, Ист. Росс., XIII, по изд. 1863 г., стр. 288.

¹⁴⁾ Кн. № 202, лл. 1 и 3. Въ кн. № 201, лл. 26—28. 1680 г. декабря 20, царская грамота гетману съ извѣщеніемъ объ отправленіи въ Польшу пословъ. „На отпуску той великаго государя грамоты помѣта думнаго дьяка Лариона Иванова: 189 года декабря въ 17 день великій государь, слушавъ сей грамоты въ комнатѣ и совѣту съ святѣйшимъ патриархомъ и говоря съ своими государевыми ближними бояры, указалъ отпустить, да и въ Польшу послать пословъ не мѣшавъ, чтобъ они посѣщили къ сейму“. Съ Желябужскимъ были посланы: 1 дворянинъ, 5 человекъ „изъ мѣтъ“; переводчикъ польскаго и латинскаго языковъ Иванъ Тяпкогорскій и 4 подъячихъ (л. 80 и сл.).

¹⁴⁾ Кн. № 202, л. 59. Стат. списокъ Ивана Желябужскаго и Семена Протопопова. *Monumenta, Theiner*, p. 215, № CLXXIV. „Primus congressus fuit die 5 Martii 1681“.

нимъ являлся вопросъ о числѣ войска съ той и другой стороны. Послы русскіе, по обыкновенію, начинали съ предложенія условій, менѣе выгодныхъ, и затѣмъ, уступая запросамъ польскихъ уполномоченныхъ, измѣняли эти условія къ выгодѣ Рѣчи Посполитой, хотя представителямъ ея всѣ предлагаемыя съ русской стороны измѣненія по большей части казались ничтожными.

Въ совѣщаніи 28-го февраля послы предложили, чтобы со стороны царскаго величества было отправлено на помощь королевскому величеству 10,000 человекъ пѣхоты, съ его же стороны должно быть отправлено на помощь царскому величеству 9,000 человекъ конницы. Это предложеніе сенаторы называли непристойнымъ. Королевское величество, говорили они, согласенъ выставить 60,000 войско и столько же должно быть и со стороны царскаго величества; для похода русскихъ въ Крымъ король даетъ въ помощь великому государю отрядъ въ 2,000 человекъ. Русскіе уполномоченные замѣтили, что польскіе послы, бывшіе въ Москвѣ, просили со стороны царскаго величества всего только 20,000 человекъ. То, отвѣчали сенаторы,—послы предлагали сами собою. На это русскіе уполномоченные возразили: „Всякой посолъ повиненъ указъ государя своего исполнять, что ему будетъ наказано, а не по волѣ своей чинить“¹⁵⁾.

Относительно числа ратныхъ людей, которые должны быть выставлены каждымъ союзникомъ, русскіе уполномоченные въ шестомъ совѣщаніи, происходившемъ 7 марта, предложили со стороны царскаго величества 20,000 человекъ со стороны королевскаго величества—10,000 конницы „для крымскаго промысла“¹⁶⁾. Это предложеніе тоже не было принято и въ совѣщаніи 11-го марта сенаторы объявили посламъ о томъ, что они получаютъ отпускъ. Тогда послы всѣми мѣрами домогались, чтобы королевское величество дозволилъ имъ отправить къ великому государю отписку. Объ этомъ доложили королю, и онъ изъявилъ свое согласіе на то, чтобы они пребывали въ Варшавѣ до полученія царской грамоты, хотя сенаторы и были убѣждены въ томъ, что послы испрашивали время на полученіе царской грамоты только для того, чтобы затянуть переговоры¹⁷⁾, и едва ли это убѣжденіе было неосновательно. Московское правительство могло желать замедленія перего-

¹⁵⁾ Кн. № 202, лл. 70—91. *Theiner*, p. 217.

¹⁶⁾ Кн. № 202, лл. 115—130. *Theiner*, p. 218: „Congressus sextus die 17 Martii“. „Itaque legati Moschovitici post longas contestationes obtulerunt 20,000 peditum; sub conditione tamen, quod respublica ipsa det 10,000 equitum“.

¹⁷⁾ Кн. № 202, лл. 140—157.

воровъ съ польскими уполномоченными относительно союза съ цѣлью выждать окончаніе переговоровъ съ Турціей. Тогда только могли выясниться требованія, которыми необходимо было руководствоваться въ отношеніяхъ къ Рѣчи Посполитой. Въ случаѣ заключенія договора съ Турціей, отъ союза съ Польшей, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время необходимо было уклониться; въ случаѣ продолженія войны съ Турціей, можно было предложить Рѣчи Посполитой условія болѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, которыя были предложены.

Въ совѣщаніи 7-го апрѣля сенаторы обратились къ посламъ съ предложеніемъ объявить послѣднія условія. Послы отвѣчали: все, что имъ велѣно было объявить по наказу, ими объявлено; замедленіе же въ переговорахъ чинится не отъ нихъ, а отъ королевскаго величества, такъ какъ, по его приказанію, задержали посыльщика, отправленнаго съ отпискою къ великому государю. Имъ объявили, что посыльщикъ ихъ отпущенъ.

Черезъ два дня послѣ описаннаго совѣщанія послы отправили переводчика Тяжкогорскаго для провѣдыванія вѣстей къ цесарскому резиденту, и онъ сообщалъ довольно важныя новости: Турція готовится къ новой войнѣ, а между тѣмъ приходятъ вѣсти о заключеніи мира съ Россіей. „И того де поляки“, говорилъ резидентъ, — „вѣло опасны, чтобы за тѣмъ миромъ не пришелъ на нихъ тотъ непріятель войною“. Сеймъ не кончится за тѣми трудностями, что въ корунѣ и въ Литвѣ войску быть противъ непріятеля числа подлиннаго не положено, и на то войско какимъ поборамъ быть и откуда того не постановлено ¹⁸⁾.

Вѣроятно вѣсти о заключеніи московскимъ правительствомъ мира съ Турціей и опасенія, о которыхъ сообщалъ цесарскій резидентъ, заставили короля прибѣгнуть къ энергическимъ мѣрамъ, съ цѣлью склонить сеймъ къ признанію союза съ Россіей. 1-го мая къ посламъ нашимъ пріѣзжалъ приставъ Гавріилъ Черкесь, который, по приказанію короля, сообщилъ имъ въ тайнѣ: „Завтрашняго де числа его королевское величество станетъ засѣдать съ сенаторами и съ повѣстовыми послами въ сеймовой посольской избѣ для рады государственной и ихъ посольскаго дѣла. И вѣдомо де его королевскому величеству учинилось, что нѣкоторые изъ сенаторей особы, хотя тому доброначатоу дѣлу помѣшку учинить, сеймъ хотять разворвать и, не дождався на ихъ посольскую обыску отъ царскаго

¹⁸⁾ Кн. № 202, лл. 180—193.

величества указу изъ Варшавы разѣхаться хотять для того, что въ томъ дѣлѣ многіе королевскому величеству не довѣриваютъ, чтобы съ царскимъ величествомъ королевское величество, учина тотъ союзъ, ихъ польскія вольности не отнял и подъ свое сомодержавство не привелъ. И чтобы они царскаго величества послы завтрашняго числа, какъ королевское величество яседетъ въ сеймовой избѣ, прислали отъ себя королевскаго величества на дворъ переводчика и велѣли бѣ, вызвавъ изъ сенаторской избы, гетману Литовскому Михаилу Пацу или корунному Цольскому гетману, воеводѣ Русскому Яблоновскому говорить, что будто имъ посламъ вѣдомость такая есть: что царское величество указалъ имъ посламъ о томъ союзѣ при его королевскомъ величествѣ договоръ учинить и подтвердить. И тотъ царскаго величества указъ съ Москвы къ нимъ посламъ уже посланъ, и нынѣ въ дорогѣ, и чають, что придетъ тотъ указъ къ нимъ посламъ вскорѣ. И они де гетманы тое ихъ посольскую присылку въ то жѣ время въ сеймовой избѣ объявятъ королевскому величеству и Рѣчи Посполитой. И чаеть де королевское величество, что тою ихъ посольскою присилкою сеймъ удержится и, слыша Рѣчь Посполитая такой ихъ посольскій къ нимъ приказъ, того сейму разрывать никто не будетъ, а стануть ожидать отъ царскаго величества къ нимъ посламъ посланнаго указу¹⁹⁾.

На это предложеніе короля послы не изъявили согласія. 4-го мая приставъ Черкесь объявилъ посламъ о томъ, что король получилъ вѣрное извѣщеніе о заключеніи мира между Россіей и Турціей. Послы на это заявили, что они никакихъ вѣдомостей изъ Москвы не имѣютъ.

Не смотря однако на полученное королемъ важное извѣстіе, онъ желалъ провести на засѣданіяхъ сейма, происходившихъ въ маѣ мѣсяцѣ, предложеніе о начатіи войны съ Турціей. Все, какъ сообщилъ посламъ приставъ Черкесь, было подготовлено на сеймѣ для рѣшенія вопроса относительно войны, но „по наученію не желающихъ Рѣчи Посполитой добра нѣкоторыхъ особъ изъ воеводства Познанскаго“, посолъ шляхтичъ Янъ Пріемскій вышелъ изъ сеймовой избы, „и тѣмъ своимъ неповоленіемъ сеймъ остановилъ“. Король послалъ епископа Познанскаго уговаривать Пріемскаго не разрывать сейма и прійти въ сеймовую избу, но епископъ уже не засталъ его дома: Пріемскій уѣхалъ къ себѣ въ воеводство. Ходили слухи,

¹⁹⁾ Дл. 194—195.

что онъ и его единомышленники подвергнутся суду. Главнымъ же виновникомъ неудачнаго окончанія сейма считали гетмана Литовскаго Михаила Паца, а онъ дѣйствовалъ по замыслу курфирста Бранденбургскаго ²⁰⁾.

27-го мая сенаторы объявили посламъ: хотя сеймъ и не сдѣлалъ окончательнаго постановленія относительно войны съ Турціей, все же вопросъ о союзѣ Рѣчи Посполитой съ Московскимъ государствомъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и они сенаторы отъ тѣхъ предложеній, которыя были заявлены посламъ, не отступаютъ.

На слѣдующій день послы получили наконецъ царскія грамоты. Посламъ велѣно было объявить о договорѣ съ Турціей, просить объ отпускѣ, а на послѣднія предложенія сенаторовъ относительно союза заявить о томъ, что имъ будетъ данъ отвѣтъ впоследствии. Предписывалось вести съ сенаторами „пространные и пристойныя любовныя разговоры“, чтобы „впредь множилась дружба и любовь“, но содержаніе этихъ любовныхъ разговоровъ запрещалось излагать письменно ²¹⁾.

30-го мая послы исполнили вновь полученныя ими предписанія. Выслушавъ заявленія ихъ, сенаторы говорили: „Свидѣтельствуются они Господомъ Богомъ и рассудитъ то весь свѣтъ, что къ тому доброму и всему христіанству потребному дѣлу королевскаго величества и Рѣчи Посполитой радѣніе и охота была и желали того вседушно, чтобъ съ его царскимъ величествомъ, союзъ учиня, итти противъ того непріятеля вообще всѣмъ христіанамъ на оборону. И имѣючи въ томъ на царское величество надежду королевское величество и Рѣчь Посполитая и ко окрестнымъ государямъ то святое дѣло огласили. А нынѣ видятъ они, что конечное къ тому доброму дѣлу невзволеніе его царскаго величества и нынѣшнее ихъ посольство не ко оборонѣ христіанской, къ пущему разоренію его королевскаго величества государству приводить. И гдѣ бы на свѣтѣ такой христіанской поступокъ явился, какъ съ стороны царскаго величества учинено: отпуста посланниковъ для договору о миру къ хану, а ихъ пословъ изволилъ царское величество прислать къ королевскому величеству противъ того жъ непріятеля о союзѣ и о наступленіи на него договоръ чинить. И розглаша то дѣло всему свѣту и непріятелю ихъ то святое и всему христіанству потребное дѣло оставя и

²⁰⁾ Лл. 198—208.

²¹⁾ Лл. 213 и слѣд.

приведчи ихъ тѣмъ розголошеніемъ непріателю въ самую злобу и ссору, учинили съ тѣмъ непріателемъ перемирье, который отъ своей злобы и отъ розголошенія того союзу государству его королевскаго величества починитъ великое развореніе и инымъ государствамъ многое утѣсненіе. Такъ же де и царскаго величества государству въ томъ перемирьѣ покой и прибыль малая будетъ, и то разсудитъ Богъ, кто будетъ къ пролитію той христіанской крови причиною ²²⁾».

На это послы отвѣчали, что перемирье учинено „для свободы страждущихъ въ неволѣ православныхъ христіанъ“...

Не смотря на горькія жалобы поляковъ, послы были отпущены 2-го іюня „по прежнему посольскому обычаю съ любовью ²³⁾“. Съѣздъ комиссіи для договора съ Рѣчью Посполитою, назначенный въ 1681 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ, былъ отложенъ ²⁴⁾.

Желябужскому и Протопопову, во время долгаго пребыванія ихъ въ Варшавѣ, также какъ и другимъ русскимъ посламъ XVII вѣка, представился случай собрать нѣкоторыя, не лишеныя политическаго значенія, свѣдѣнія отъ лицъ постороннихъ, не принимавшихъ непосредственнаго участія въ дипломатическихъ переговорахъ. Варшава во второй половинѣ XVII вѣка была центромъ оживленныхъ политическихъ сношеній. Отношенія Польши и Россіи къ Турціи обращали на себя вниманіе и цесаря, и папы, и Французскаго короля. За этими отношеніями слѣдили съ живѣйшимъ вниманіемъ и въ Малой Россіи, и въ Венгріи, и въ земляхъ, подвластныхъ Турціи.

24-го февраля 1681 г. приходилъ къ посламъ Волосскаго госиодаря посланецъ Константинъ Козловскій и говорилъ: Посланъ онъ къ королевскому величеству просить его объ избавленіи отъ ига бусурманскаго. Они Волошане надѣются на союзъ королевскаго величества съ царскимъ величествомъ. „А если де королевское величество станетъ ихъ обнадеживать своими войсками безъ слученія царскаго величества войскъ, и они де на одного королевскаго величества въ оборонѣ надежности имѣть не будутъ. А буде изволитъ великій государь его царское величество прислать къ нимъ войска своего хотя 10,000 человекъ, и они де волошане при тѣхъ царскаго величества войскахъ и сами стоятъ учнуть противъ того непріателя крѣпко и надежны будутъ, и никогда бъ де бусурмана

²²⁾ Кн. № 201, лл. 240 и 241.

²³⁾ Лл. 245—247.

²⁴⁾ Кн. № 203, лл. 1—2.

за Дунай не перепустили; также де и мултаны, и сербы отъ нихъ волоховъ не отстали. А чаеъ бы де онъ, что и Седмиградская земля турку была не прочна и нынѣ де ова всегда бунтуеът⁴. „А они де волошане хотя и множественныя царскаго величества войска прокормить у себя могутъ и всякими запасами удовольствовать. И радостно бѣ имъ то было, что удовольствовать христіанъ, нежели бусурманъ. А какъ де бусурманскія войска ходятъ противъ царскаго величества войскъ, и они де тѣмъ войскамъ всякое удовольствованіе чинятъ же. А за милосердіемъ Вожинъ еще они запасами не скудны и скотомъ животиннымъ довольны.

„И по сѣ де сторону Дуная въ Волосской землѣ турскихъ войскъ, опрнчъ Каменца Подольскаго, нигдѣ нѣтъ. А въ Каменьцѣ де Подольскомъ только осадныхъ людей тысячъ съ шесть. Да и за Дунаемъ де нигдѣ сбора войскамъ турскимъ нѣтъ же, и нынѣшняго де году къ Кіеву турскимъ войскамъ приходу не будетъ“. Упомянувъ затѣмъ о переговорахъ султана съ царскимъ величествомъ, Козловскій продолжалъ: „А мысль де ихъ бусурманская, чтобъ помирась съ царскимъ величествомъ овладѣть Польшею... Да и къ царскому де величеству владѣтель ихъ и Волосской земли жители хотѣли послать отъ себя съ тѣмъ же, съ чѣмъ и онъ присланъ къ королевскому величеству. Только де къ Кіеву проѣздъ труденъ и берегутъ накрѣпко. И Хмельниченко де того стережетъ крѣпко жъ, чтобъ кто съ письмами какими не проѣхалъ. И въ Польшу де владѣтель ихъ послалъ его тайнымъ обычаемъ, только де въ Польшу проѣхать свободнѣе. „А вѣрѣ де ихъ христіанской и церквамъ благочестивымъ отъ бусурманъ конечное угнѣсненіе. И опасеніе де турки великое имѣютъ отъ царскаго величества, потому что христіане, подѣ туркомъ живущіе, всѣ того ожидаютъ, чтобъ царскаго величества войска въ ихъ землю вступили, и христіане бѣ всѣ отъ турокъ отступили и приключились къ войскамъ царскаго величества“²⁵).

Съ тѣми же русскими послами, съ которыми посланецъ Волошскаго господаря говорилъ о великихъ надеждахъ, возлагаемыхъ на царское величество христіанскими народами, живущими подѣ игомъ турецкимъ, велъ разговоръ о союзѣ противъ Турціи и папскій легатъ Опицій Подлавитинъ. Пріѣхавъ къ посламъ 9-го марта, онъ сталъ уговаривать ихъ, чтобъ они „для славы“ великаго государя не

²⁵) № 202, лл. 63—65.

разстроивали бы столь добраго дѣла, какъ заключеніе союза противъ Турціи. Легатъ обѣщаль приводить и королевское величество, и Рѣчь Посполитую къ святому союзу. „А будетъ де“, говорилъ онъ,—„у царскаго величества то доброе дѣло съ королевскимъ величествомъ учинится, и папа де его королевскому величеству помощь хотя не людьми, ино денежною казною спомоществуетъ, такъ же и иные государи помощь за промысломъ и радѣніемъ папѣжскимъ учинять же“²⁶⁾).

Послѣ заключенія московскимъ правительствомъ договора съ Турціей, казалось, должны были прекратиться и переговоры съ Рѣчью Посполитою о союзѣ. А между тѣмъ они не прекращались. Кромѣ политическихъ событій, которыя имѣли прямое вліяніе на эти переговоры, на нихъ оказывали также не малое вліяніе и отдаленныя отъ Восточной Европы событія западно-европейскія, отношенія Французскаго короля къ цесарю и его отношенія къ султану.

Въ 1681 г., ноября 12-го, голова московскихъ стрѣльцовъ Елизарій Жуковъ вмѣстѣ съ переводчикомъ ѣздили за Днѣпръ по Смоленской дорогѣ встрѣчать польскаго посланника Станислава Невѣстияскаго, съ которымъ было 6 человекъ дворянъ да 44 человекъ прислуги. Посланные къ нему на встрѣчу спрашивали: для какихъ дѣлъ онъ пріѣхалъ? и услышали слѣдующій отвѣтъ: пріѣхалъ онъ съ королевскою грамотою и въ отвѣтъ де ему быть велѣно, и крестъ поцѣловать, а королевское величество договорныя статьи у него приметъ. „Султанъ де Турской воветъ цесаря Римскаго и впредь многими полками султанъ Турской на цесаря Римскаго готовится. А венгры де, которые подъ цесаревымъ владѣніемъ, на цесаря бунтъ подняли. И султановою де помощію они венгры его жъ цесаря воюютъ. А хочеть де султанъ, чтобы цесарь, убоаяся той войны цесарской, свой вѣнецъ отдалъ Французскому королю. А буде не отдастъ, и онъ де государство его хочеть разорить“²⁷⁾. 29-го ноября посолъ былъ на пріѣздѣ, а на слѣдующій день великій государь указалъ ему быть въ посольскомъ приказѣ на совѣщаніи съ околыничимъ и намѣстникомъ каргопольскимъ Иваномъ Ивановичемъ Чаадаевымъ и думнымъ дьякомъ Ларіономъ Ивановичемъ Ивановымъ. Въ первомъ же совѣщаніи 30-го ноября посолъ объявлялъ, что королевское величество призываетъ и проситъ царское величество приступить къ союзу и

²⁶⁾ Кн. № 202, л. 137

²⁷⁾ Кн. № 204, лл. 732—734.

начать войну, „на которую и главу свою его королевское величество несетъ, и всѣ войска свои коронныя и литовскія и посполитое рушенье собираетъ, и желаетъ, чтобы то дѣло могло нынѣ принять подлинное совершенье“²⁵⁾.

Во второмъ совѣщаніи, 2-го декабря, посолъ объявилъ новые способы къ слученію: 1) королевское величество желаетъ получить отъ царскаго величества помощь въ 18,000 человекъ пѣхоты и въ 2,000 человекъ конницы; 2) войскамъ царскимъ воевать не только въ полѣ, но чинить воинскій промыселъ и ко ваятію городовъ; 3) чтобы войска царскаго величества помогали войскамъ королевскаго величества взять Каменецъ. Для промысла крымскаго королевское величество предлагаетъ въ помощь царскому величеству 5,000 человекъ. „Королевское величество“, говорилъ посолъ,—„писалъ во всѣмъ христіанскимъ государямъ о помощи, но болѣе всего надѣется онъ на царское величество“.

На эти заявленія русскіе уполномоченные въ третьемъ совѣщаніи дали такой отвѣтъ: „Великому государю вашему его королевскому величеству и всей Рѣчи Посполитой вѣдомо подлинно, съ какимъ истиннымъ намѣреніемъ“ царь Алексѣй Михайловичъ желалъ союза съ королемъ. Но Рѣчь Посполитая упустила случай къ заключенію этого союза. Нынѣ великій государь его царское величество желаетъ содержать съ королевскимъ величествомъ дружбу и любовь; но къ союзу можетъ приступить только тогда, когда король отвратитъ Французскаго короля отъ войны съ цесаремъ. „А если государь вашъ его королевское величество того учинить не изволитъ, чтобы Французскаго короля отъ войны цесарской отвратить, и христіанскихъ государей слученіе будетъ не надежно“. Этотъ отвѣтъ не только не возбудилъ никакихъ горькихъ жалобъ со стороны польскаго посла, но былъ принятъ даже сочувственно. „Такимъ де отвѣтомъ“, говорилъ онъ,—„государь его королевское величество и Рѣчь Посполитая довольствуются, что великій государь его царское величество братскую дружбу и любовь съ его королевскимъ величествомъ содержать изволяетъ и о слученіи силъ въ надеждѣ оставляетъ ко удобному времени, а совершенно не отступаетъ. И по тому его великаго государя его царскаго величества намѣренію разумѣетъ онъ, что еще милосердіе Божіе надъ христіанами есть, и любовь въ сердцахъ у христіанскихъ государей ко общему христіанскому добру

²⁵⁾ Ев. № 204, лл. 734, 780—781, 786.

не угасаетъ. Подаи той же Всемогущій Господь Богъ и впредь ту жь свою милость, чтобъ у христіанскихъ государей любовь ко общему христіанскому добру множилась, а пачежь у государя его у королевскаго величества съ великимъ государемъ съ его царскимъ величествомъ, чтобъ бусурманъ съ той государей христіанскихъ любви страхъ имѣлъ, а не о безсовѣтн ихъ радовался^а.

Послу объявили, что великій государь его пожаловалъ „для братской къ королевскому величеству дружбы и любви указалъ своего царскаго величества жалованья давать ему посланнику по 80 р. на недѣлю, съ многою прибавкою передъ иными его королевскаго величества посланниками“.

Когда посоль въ четвертомъ совѣщаніи, 12-го декабря, заговорилъ о заключеніи вѣчнаго мира, отвѣчали, что вопросъ объ этомъ отложенъ до имѣющей быть пограничной комиссіи.

13-го декабря Невѣстинскій былъ на отпускѣ¹⁾.

Какъ видно изъ отвѣта русскихъ уполномоченныхъ Невѣстинскому, московское правительство высказывало сочувствіе предложеніямъ о союзѣ противъ Турціи, но считало этотъ союзъ осуществимымъ только въ томъ случаѣ, если вмѣстѣ съ Московскимъ государемъ и королемъ Польскимъ будетъ участвовать въ этомъ союзѣ и цесарь. Союзнической помощи одной Рѣчи Посполитой Московское государство имѣло основаніе придавать весьма мало значенія. Явнымъ доказательствомъ безсилія Польши служилъ Журавинскій договоръ. Въ то время, когда война съ Турціей возбуждала въ московскомъ правительствѣ тревожныя и основательныя опасенія, польскіе уполномоченные вынудили его къ заключенію невыгоднаго договора 1678 года. Вскорѣ послѣ этого договора въ отношеніяхъ Рѣчи Посполитой къ Московскому государству совершается перемена, вызванная новыми политическими событіями на западѣ Европы. Польскій король убѣждается въ ошибочности своихъ расчетовъ на Французскаго короля и начинаетъ дѣятельно стремиться къ заключенію союза съ Московскимъ государствомъ. Но оно, какъ мы видѣли, не могло принять предложеній короля, такъ какъ онѣ не представляли никакихъ существенныхъ выгодъ. На военныя силы и средства Рѣчи Посполитой въ концѣ XVII вѣка нельзя было рассчитывать, и крайнее недовѣріе къ ней со стороны московскаго правительства служить только доказательствомъ его политической дальновидности и трезвости, его умѣнья сохранять и

¹⁾ Л. 793—808, 818, 819, 823, 838. *Theiner*, pp. 229—234, № CLXXI.

ограждать интересы своего государства, не соблазняясь никакими заманчивыми обѣщаніями. Оно не рассчитывало на чужую помощь, отъ которой ея ближайшій и безпокойный сосѣдъ ожидалъ если не спасенія, то по крайней мѣрѣ выхода изъ тягостнаго политическаго положенія. Но эта помощь не являлась. Сказывался роковой законъ исторіи, въ силу котораго народъ, заявившій притязаніе на самостоятельную жизнь государственную, долженъ располагать и необходимыми для таковой самостоятельности и духовными, и матеріальными средствами. Расчеты и надежды Рѣчи Посполитой на чужую помощь въ концѣ XVII вѣка напоминаютъ имъ же подобныя расчеты и надежды въ XVIII вѣкѣ и въ историческихъ судьбахъ являются знаменательнымъ предвѣстіемъ ея упадка и немощи.

Е. Замысловскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Родъ Шереметевыхъ. *Александра Барсукова*. Книга V. С.-Пб. 1888.

Любитель русской исторіи не можетъ не порадоваться появленію новаго тома труда А. П. Барсукова, первыми своими выпусками уже стяжавшаго вполне заслуженную извѣстность. Трудъ этотъ, даже въ литературахъ болѣе богатыхъ историческими монографіями, чѣмъ наша, долженъ былъ бы остановить на себѣ вниманіе,—тѣмъ болѣе онъ важенъ для насъ. Удачный выборъ предмета, ибо родъ Шереметевыхъ въ тотъ періодъ, который обнимаютъ появившіеся томы, имѣетъ выдающееся значеніе въ русской исторіи, изслѣдовательность, стремящаяся ознакомиться со всѣми источниками, нужными для полнаго освѣщенія предмета, изложеніе ясное, живое, значительное умѣнье сохранять историческую перспективу, выставляя вполне тѣ событія, въ которыхъ принимаетъ участіе Шереметевъ, а на другіе только указывая по мѣрѣ нужды въ нихъ для объясненія первыхъ,—вотъ выдающіяся черты сочиненія А. П. Барсукова, объясняющія возбужденный имъ интересъ и опредѣляющія его прочное мѣсто въ русской исторіографіи. Конечно, ни одинъ будущій изслѣдователь и повѣствователь не можетъ уже обойтись безъ изученія этого замѣчательнаго труда. Пятый томъ разбираемаго сочиненія заключаетъ въ себѣ дѣятельность Василя Петровича Шереметева отъ времени назначенія его воеводою въ Кіевъ до плѣна подъ Чудновымъ. За исключеніемъ немногихъ страницъ, авторъ излагаетъ событія, совершавшіяся въ Малой Россіи въ знаменательную пору, послѣдовавшую за смертью Богдана Хмельницкаго. Кромѣ не особенно обстоятельныхъ, устарѣ-

ныхъ и не всегда критическихъ исторій Малой Россіи (Вантышъ-Каменскаго и Маркевича), время это описано въ „Исторіи Россіи“ Соловьева и въ монографіяхъ Костомарова: „Гетманство Выговскаго“ и „Гетманство Юрія Хмѣльницкаго“. Въ громадномъ трудѣ Соловьева нельзя искать подробнаго монографическаго изложенія, монографіи Костомарова отличаются обычными достоинствами и недостатками его изложенія и, конечно, не могутъ руководить къ вѣрному пониманію событій; а между тѣмъ пора эта, пора перваго сближенія между Великою и Малою Россіей, представляетъ собою высокій интересъ. Время Богдана, которое занимаетъ видное мѣсто въ изложеніи нашего автора, въ его четвертомъ томѣ, занято, главнымъ образомъ, военными дѣйствіями, а здѣсь завязываются уже другіе вопросы: здѣсь уясняется для московскаго правительства составъ общества Малой Россіи, какъ-то отношенія между казаками защиточными и голытьбой, значеніе городовъ; здѣсь является вопросъ о московскихъ воеводахъ въ городахъ малорусскихъ. Въ изложеніи Костомарова, конечно, выходятъ на первый планъ недостатки тогдашняго правящаго слоя въ Московскомъ государствѣ и забывается многое существенное. Костомаровъ, хотя и пользуется источниками московскихъ архивовъ, но нерѣдко становится прямо на точку зрѣнія тогдашнихъ малороссовъ; взглядъ Соловьева и яснѣе и выше, но историкъ не могъ давать подробностей и вникать во всѣ источники. Вообще для нашихъ историковъ только еще наступаетъ та пора, которую пророчилъ Максимовичъ, когда съ высотъ кievскихъ можно будетъ смотрѣть и на Москву, и на Украину. Добрософѣстныя и подробныя труды, въ родѣ разсматриваемаго, сильно приближаютъ наступленіе этой поры.

Каждый новый томъ сочиненія А. П. Барсукова служитъ доказательствомъ его постояннаго внимательнаго отношенія къ источникамъ. Сравнивая его изложеніе съ изложеніемъ Соловьева и Костомарова, мы видимъ, что онъ пользуется гораздо большимъ числомъ источниковъ, чѣмъ не только первый — что само собою ясно — но даже чѣмъ и второй, посвятившій этому времени двѣ монографіи. Г. Барсуковъ представляетъ гораздо болѣе свидѣтельствъ польскихъ; между прочимъ, онъ пользуется трудами Потоцкаго, свидѣтеля очень интереснаго, ибо въ бытность свою въ Москвѣ онъ успѣлъ ознакомиться и съ людьми, и съ положеніемъ дѣла, а въ русской исторіографіи сочиненія его почти неизвѣстны; дневникъ Даревскаго, сообщенный графу С. Д. Шереметеву изъ Рима отцемъ Мартыновымъ,

далъ нашему автору много любопытныхъ свѣдѣній. Въ выборѣ иностранныхъ свидѣтельствъ автору помогалъ г. Фетерлейнъ, первый современный знатокъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи. Это сотрудничество служить, конечно, ручательствомъ за полноту собраннаго матеріала. Съ русскимъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ авторъ знакомился лично, а сверхъ того, Г. Ѳ. Карповъ подѣлился съ нимъ портфелемъ выписокъ, собранныхъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи. Располагая столь обширнымъ матеріаломъ, авторъ могъ передавать тѣ событія, которыя прямо входятъ въ его задачу со всею полнотою; изложеніе его получаетъ такимъ образомъ особенное значеніе. Въ вышедшемъ томѣ болѣе всего обращаютъ на себя вниманіе главы, посвященныя дѣйствіямъ подъ Чудновымъ; ясное представленіе этого эпизода всецѣло принадлежитъ автору: Соловьеву движенія Шереметева казались запутанными, Костомаровъ останавливается на надменности Шереметева и не видитъ въ немъ достоинствъ полководца; авторъ подробно разкрываетъ и значеніе движеній Шереметева, свидѣтельствующихъ о его большихъ военныхъ талантахъ, и имяну Юрія Хмѣльницкаго, и бездѣятельность Бярятинскаго, припущеннаго обращаться за приказаніями въ Москву. При этомъ нельзя не вспомнить сообщеннаго у Соловьева мѣтвія Ордича-Нащокина: „Во всѣхъ государствахъ надъ войсками гетманы или генералиссимусы на границѣ бывають, даже и не въ военное время, а когда война, то и подавно съ войскомъ стоятъ на границахъ, рати съ ними идутъ и указы отъ нихъ получаютъ, а не они отъ кого-нибудь указовъ просятъ: отъ этого дѣло скорѣе дѣлается; гдѣ глаза видятъ и ухо слышитъ, тутъ бы и промыслъ держать неотложно“ (Ист. Росс., XI, 60). Мы выписали это замѣчательное и поучительное мѣтвіе, которое могло бы затеряться въ обширномъ трудѣ Соловьева.

Пожелаемъ въ заключеніе г. Барсукову также неуклонно и также подробно вести свой важный для русскаго самознанія трудъ. Поприще, которое предстоить ему впереди обширно, матеріала у него достаточно, и можно поручиться что всѣ, кому дорого наше прошлое, будутъ неуклонно и съ любовью слѣдить за его трудомъ. Впереди у него еще конецъ XVII вѣка и начало XVIII столѣтія, когда Шереметевы дѣятельно участвуютъ въ политическихъ дѣлахъ; если въ XVIII и XIX вв. они не являются на страницахъ политической исторіи, то занимаютъ видное мѣсто въ исторіи бытовой: архивъ графовъ Шереметевыхъ поможетъ даровитому автору нарисовать

намъ много сценъ придворной, общественной и вообще частной жизни нашего недалекаго прошлаго.

Изданіе его книги роскошно, что, конечно, нельзя поставить въ вину: это книга монументальная, а не очеркъ мимолетный. Такъ издаются подобныя книги и въ западной Европѣ. Появленіе этой книги радуется еще какъ ясное свидѣтельство о томъ, что въ наше время потомки заслуженныхъ предковъ, уже перестаютъ считать

грамоты царей
за пыльный сборъ календарей

и начинаютъ понимать разницу истинныхъ заслугъ отъ временныхъ и случайныхъ отличій. Пушкинъ, конечно, этому порадовался бы. При пятомъ томѣ приложены фотографіи въ современнаго гравированнаго портрета В. В. Шереметева и снимокъ съ его отписки къ царю.

И. Вестумевъ-Рюминъ.

М. Урсинъ. Очерки изъ психологии Славянскаго племени. Славянофилы. С.-Пб. 1887.

Серьезныхъ книгъ для чтенія, написанныхъ безъ претензій, просто и живо, по нѣкоторымъ вопросамъ у насъ очень мало. Особенно эта бѣдность чувствуется относительно вопроса славянскаго, какъ извѣстно, не обрѣтающагося въ „авантажѣ“ въ текущей литературѣ,—вслѣдствіе чего интересъ къ нему не можетъ удовлетворяться и періодическими изданіями въ той мѣрѣ, какъ другіе интересы, усердно разрабатываемые на страницахъ разныхъ журналовъ. Уже въ виду этого, какъ восполненіе весьма чувствительнаго пробѣла, книга г. Урсина представляетъ несомнѣнно пріятное явленіе. Интересъ къ ней усиливается предметомъ изслѣдованія. Авторъ дѣлаетъ попытку анализировать мистическій патріотизмъ, какъ „всеобщую психическую черту славянскаго племени“, представляющую поэтому наиболѣе, по его мнѣнію, удобный матеріалъ для сравнительныхъ очерковъ. Приступая къ своему труду, онъ руководствовался мыслью, что „указаніе и опредѣленіе характерныхъ особенностей даннаго народа или племени составляетъ благодарнѣйшую задачу для изслѣдователей исторіи и литературы“ (стр. 218). Характерною чертою славянскаго племени авторъ, какъ сказано, считаетъ мистическій патріотизмъ, „заключающійся, по его опредѣленію, въ томъ, что распространившіяся въ теченіе послѣдняго столѣтія національныя стремленія проявились у

насъ въ формѣ мистической вѣры въ особое наше призваніе возродить погравшій въ сухомъ рационализмѣ міръ, при чемъ это возрожденіе должно совершиться помощью живого начала чувства, которое у насъ еще сохранилось и продолжаетъ развиваться" (стр. 5), или, какъ перифразировываетъ авторъ это опредѣленіе въ другомъ мѣстѣ—мессіанизмъ—это „вѣра въ великое будущее народа, основанная не на умственныхъ способностяхъ или культурномъ превосходствѣ племени, но на чувствѣ и происходящей отсюда способности постигать и увлекаться религиозными и общественными идеалами" (стр. 144).

„Очерки", по сознанію самого автора, „далеко не исчерпываютъ предмета: затронуты въ нихъ лишь самые выдающіеся факты и лица": русское славянофильство (преимущественно Хомяковъ); Шевченко Гоголь какъ представители „украинскаго" мессіанизма, хорватъ Прерадовичъ,—все это изъ 221 страницъ занимаетъ лишь 74 и является такимъ образомъ лишь какъ дополненіе и болѣе яркое освѣщеніе польскаго мессіанизма, на которомъ авторъ и „сосредоточилъ все свое вниманіе" (стр. 6).

Скажемъ заранѣе, что мы не считаемъ вужнымъ останавливаться на подробностяхъ содержанія книги г. Урсина. Въ подобныхъ изслѣдованіяхъ важна основа, исходная точка, а не подробности, тѣмъ болѣе, что въ послѣднемъ отношеніи „Очерки" не представляютъ, да и не могутъ представлять ничего новаго, за чтò, конечно, вовсе нельзя упрекать автора: его книга имѣетъ интересъ какъ попытка сгруппировать извѣстные факты около одного центра, на который до сихъ поръ не обращали надлежащаго вниманія. Именно какъ первая попытка въ этомъ родѣ, она заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ затрогиваетъ вопросъ несомнѣнно очень интересный, но въ то же время сложный и чрезвычайно мало разработанный: „предварительныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ личностяхъ или проявленіяхъ, входящихъ въ область мессіанизма" (стр. 219) нѣтъ, или почти нѣтъ. Очевидно, въ такомъ случаѣ необходимо точно опредѣлить самый предметъ изслѣдованія, болѣе или менѣе твердо гарантировать себя отъ возможныхъ недоразумѣній и смѣшеній. Мы видѣли, что въ опредѣленіи предмета своего изслѣдованія авторъ не колеблется (стр. 5, 113, 144), и тѣмъ не менѣе съ первой же страницы чувствуется какое-то существенное недоразумѣніе. Авторъ считаетъ мессіанизмъ „явленіемъ, проходящимъ черезъ весь славянскій міръ, всеобщей психической чертой славянскаго племени". Что же? Это черта, исключительно ли свойственная славянамъ? Всегда ли взглядъ на себя, какъ на народъ

избранный, представляет мистическій патриотизмъ, или же такой взглядъ можетъ быть и чуждъ мистицизма? Наконецъ, если даже онъ и вытекаетъ изъ чувства, но совпадаетъ съ выводами холоднаго критическаго ума, долженъ ли онъ также быть отнесенъ къ мистицизму, или нѣтъ? Вотъ вопросы, являющіеся съ первой же страницы.

Съ одной стороны, несомнѣнно, не только въ поэзіи, но и во всякомъ произведеніи, отличающемся извѣстнымъ подъемомъ чувства, особенно патриотическаго или религіознаго, могутъ встрѣчаться и встрѣчаются, мотивы, близко подходящіе къ тѣмъ, которые авторъ считаетъ мессіаническими; съ другой—нѣтъ ни одного крупнаго историческаго народа, который считалъ бы себя послѣднимъ и не чувствовалъ бы себя призваннымъ къ великой роли, къ великимъ дѣламъ. Великіе историческіе народы не только чувствуютъ себя, но и сознательно выступаютъ въ роли благодѣтелей непремѣнно нуждающагося въ нихъ—по ихъ мнѣнію—человѣчества. Своего рода мессіанизмъ вовсе поэтому не представляетъ собою психической черты, свойственной исключительно славянскому племени, а есть простое самоопредѣленіе народа, чувствующаго себя великимъ. Такое самоопредѣленіе можетъ быть облечено въ стройную теорію, можетъ и обойтись безъ нея, и какъ естественное слѣдствіе сознанія дѣйствительной силы, дѣйствительнаго величія ово можетъ изумлять лишь народы, вовсе не обладающіе ни тѣмъ, ни другимъ, и на оборотъ, оно является чѣмъ-то совершенно ненормальнымъ, если не гармонируетъ съ окружающею дѣйствительностью. Можно ли—спрашивается—эти разнородныя явленія подводить подъ одну категорію? Никто, конечно, не станетъ спорить, что польскій мессіанизмъ можетъ быть отнесенъ только ко второму разряду. Породило его окончательное паденіе Польши и неудачная попытка возстановить ея самостоятельность, и легко себѣ представить, какъ должна была отразиться въ сердцахъ выдающихся представителей польскаго народа постигшая ихъ родину катастрофа; не трудно понять, что вырвавшійся изъ ихъ груди стонъ долженъ былъ живымъ эхомъ отозваться въ душѣ ихъ соотчичей, надолго выбитыхъ изъ колен, принужденныхъ искать новыхъ путей для дальнѣйшаго своего развитія. Мессіанизмъ охватываетъ чуть не все польское общество, является временнымъ пристанищемъ народа на его историческомъ распутьи. Не смотря на то, что съ дѣйствительностью онъ имѣетъ связь лишь поразительнаго контраста, польскому сердцу онъ доставляетъ временное облегченіе и успокоеніе отъ жестокой боли. Философія польскаго мессіанизма представляетъ собою бредъ отруб-

шившагося отъ дѣйствительности воображенія, совершенно невозможный постулатъ чувства. По сознавію самого г. Урсина, „идеи, проводимыя въ книгахъ польскаго народа и польскаго пилигримства лишены разумнаго основанія“; „о возможности осуществленія въ практикѣ мечтаній творцовъ „Даядовъ“ и „Сенгелли“ не можетъ быть и рѣчи“ (стр. 145). Въ восторженномъ, но безумномъ бредѣ польскихъ мессіанистовъ нѣтъ ни одного здраваго мѣста; „мысли, высказанныя ими, лишены реальной подкладки, при малѣйшемъ прикосновеніи критики разлетаются въ пухъ и прахъ“ (стр. 145). Пусть созданія ихъ сотканы изъ цвѣтовъ радуги, пересыпаны брилліантами росы, пусть побужденія ихъ благородны и святы, чтò жь изъ этого? Въ свободномъ отъ родственной имъ болѣзни сердцѣ они могутъ оставить лишь неудовлетворенность, утомленіе и горечь при мысли, что столько чудныхъ Божіихъ даровъ потрачено столь безплодно и напрасно. Это сознаетъ самъ г. Урсинъ: „Съ Мидкевичемъ и Словацкимъ“, говоритъ онъ— „разсуждать и спорить не возможно (а Краспяскій—спросимъ мы—равнѣ всегда трезвъ и разумителенъ?),—остается или покориться всепоглощающей силѣ чувствъ перваго и полшебнои фантази втораго и послѣдовать за ними въ міръ, не имѣющій ничего общаго съ дѣйствительностью, или отвернуться отъ нихъ съ чувствомъ грусти, что столько гигантскихъ силъ потрачено на служеніе безпочвенной, хотя и симпатичной, идеѣ“ (стр. 116). Повторяемъ, мы убѣждены, что въ нормальномъ состояніи возможно только послѣднее. И съ этимъ причудливымъ сдѣленіемъ разстроенныхъ чувствъ и фантастическихъ образовъ, съ этимъ болѣзненнымъ бредомъ сопоставляется стройная и цѣлостная теорія, вытекающая изъ чувства— да,—но проверенная „доброевѣстнымъ изученіемъ Европы“ (стр. 89), глубокимъ напряженіемъ мощной мысли, „вооруженная всѣми доводами пауки“ (стр. 116), теорія, касающаяся народа независимаго, сильнаго, полнаго вѣры въ свою мощь и силы, „искавшаго только свободы и простора“ (стр. 116) и, слѣдуетъ прибавить, имѣющаго полное основаніе вѣрить, что и свобода, и просторъ развитія должны ему открыться. Самъ г. Урсинъ чувствуетъ, что здѣсь что-то неладно. „Какъ ни странно съ виду“, говоритъ онъ,— „подводитъ подъ одинъ уровень горячечный бредъ великихъ польскихъ поэтовъ и ученіе, имѣвшее въ числѣ своихъ послѣдователей даже видныхъ государственныхъ дѣятелей (почему видные государственные дѣятели свободны отъ горячки—это секретъ автора), все-таки, не смотря на значительныя различія сущность и тутъ, и тамъ—та же, тотъ же взглядъ на мистическое призваніе славянства обновить драхлѣющій міръ“ (стр. 115).

Такъ ли это? Древній грекъ или римлянинъ совершенно трезво и сознательно противопоставлялъ себя „варвару“; если остальной міръ и не представлялся ему „дряхлѣющимъ“, то во всякомъ случаѣ, онъ считалъ только себя призваннымъ сѣять въ немъ то сѣмя, которое казалось ему единственно плодотворнымъ. Въ свою очередь для германца, послѣ первоначальнаго дѣтскаго изумленія передъ величіемъ старой культуры Рима, этотъ же Римъ сталъ несомнѣнно дряхлымъ; теперь пѣмцы считаютъ себя совершенно сознательно Kulturträger'ами въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, французы смотрятъ на себя, какъ на la grande nation, англичане — тоже, и врядъ ли во всемъ этомъ играетъ какую-нибудь роль мистицизмъ. Но посмотрѣли на себя, какъ на народъ, призванный къ великимъ подвигамъ, русскіе — и это называютъ мистицизмомъ. Чтò же противъ такого взгляда можетъ сказать холодный трезвый умъ? Утверждаетъ ли онъ непремѣнно, что мы — народъ послѣдній? И вотъ, съ одной стороны — болѣзненный бредъ народа, поверженнаго въ прахъ не сдѣвленіемъ неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ только — это признаютъ и поляки, народа, выбитаго изъ вѣковой колен; въ виду дѣйствительно безпримѣрно труднаго настоящаго и неопредѣленнаго будущаго онъ создаетъ фантастическія теоріи, находитъ въ нихъ утѣшеніе, успокоеніе и держится ихъ какъ единственнаго якоря спасенія, нисколько не останавливаясь передъ сознаниемъ рѣшительной невозможности ихъ осуществленія. Это ли не самое мрачное, самое безнадежное отчаяніе! Съ другой стороны, свѣтлая надежда на свѣтлое будущее, положимъ даже — вытекающія изъ чувства, но опирающіяся на реальный непререкаемый фактъ, и намъ говорятъ: „сущность и тутъ, и тамъ — та же!“

Мало этого. Г. Урсинъ находить, что относительно этического значенія польскій мессіаниззмъ далеко оставляетъ за собою русское славянофильство, даже что послѣднее имѣетъ лишь отрицательное значеніе. Если такъ, то для Россіи остается одно изъ двухъ: или, уничтоживъ съ корнемъ славянофильство, ибо оно „лишено нравственной возвышенности“ (стр. 220), ждать, пока кто-нибудь не придумаетъ для нея чего-нибудь подходящаго, или прямо обратиться къ „вѣчной сокровищницѣ высокихъ чувствъ и высокихъ стремленій“ (стр. 221), къ польскому мессіанизму, отражающему „святую жажду правды и добра и пламенную вѣру“ его великихъ представителей. Къ счастью для славянофильства, по крайней мѣрѣ, послѣдній исходъ можетъ быть отвращенъ одною выпиской изъ книги г. Урсина. Сравнивая „Ири-

діона" Красинскаго съ „Неофитами" Шевченка, онъ говоритъ: „У Красинскаго рядомъ съ апотеозомъ страданія, которое есть знакъ благодати Божіей, все слышатся полныя силы воззванія въ борьбѣ противъ всего зла, которое служитъ помѣхой къ осуществленію идеала: пора бросить поэзію словъ и вѣзаться за поэзію дѣлъ; награда вѣнчается только подвиги самоотверженія; дай, о Господи, чтобы мы святыми дѣлами умѣли воскресить себя; трудитесь во имя высшей идеи, хоть бы сердце изсохло въ вашей груди, хоть бы усумнились вы въ людяхъ, отчаялись въ Богѣ—все это чудимое" — по мнѣнію г. Урсина—„аккорды, которые составляютъ лучшую часть поэзія Красинскаго" (стр. 188). Это лучшая часть поэзія Красинскаго, а Красинскій, по словамъ г. Урсина, „хоть по силѣ гения и уступаетъ Мидкевичу и Словацкому, но проповѣдуемые имъ идеалы поставили его на высотѣ, которой не удалось достигнуть его великимъ противникамъ" (стр. 172), слѣдовательно, это лучшая часть всего польскаго мессіанизма. Сердцемъ изсохнуть, въ Богѣ отчаяться, въ людей извѣрнуться и при этомъ трудиться по имя высшей идеи (?).. Да что же это такое? Намъ говоритъ: это „чудные аккорды", это „сокровищница". Штъ! Это могильныя стоны, это гробы!

Мы нѣсколько вышли изъ первоначально предположенныхъ рамокъ. Что дѣлать! Этого требовала важность затронутого г. Урсинемъ вопроса. Теперь мы можемъ ограничиться бѣглыми замѣчаніями. Изложеніе славянофильства у автора довольно безпристрастно, легко и понятно; за непогими исключеніями (укажемъ важнѣйшее: авторъ выводитъ славянофильство отъ декабристовъ; конечно, зарожденіе его слѣдуетъ искать гораздо раньше), мы считаемъ его весьма удачнымъ, и вообще 4-я глава книги, по ясности и опредѣленности изложенія, едва ли не лучшая; въ другихъ главахъ не мало лишняго, и изложеніе не вездѣ отличается одинаковыми достоинствами. Нельзя однако никакъ обойти одного крупнаго промаха: г. Урсинъ утверждаетъ, что славянофильство „обоготворило существующее" (стр. 220), и самъ же онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что „Хомяковъ и Аксаковъ основывали свою вѣру въ Россію на совершенныхъ, по ихъ мнѣнію, началахъ русской исторической жизни" (стр. 173); слѣдовательно, онъ понимаетъ, что рѣчь можетъ быть не о существующемъ, а лишь о его основахъ; къ чему же такое непріятное извращеніе?

Еще одно замѣчаніе: на какомъ основаніи къ мессіанистамъ отнесены Гоголь и Шевченко?

Сильное, но болѣзненное религіозное настроеніе—вотъ характеръ

„Переписки“ Гоголя, и только; гдѣ же тутъ мессіанизмъ? Относительно Шевченка авторъ говоритъ: „Шевченко поэтизировалъ свою грусть, не касаясь животрепещущихъ вопросовъ жизни, и собственно говоря, мессіанизмъ его обнаружился только въ одной повѣсти—„Неофитахъ“, и то сравнительно слабо“ (стр. 185). Объясняется ли это „малымъ развитіемъ украинскаго пѣвца“, или другими причинами—это особый вопросъ, въ данномъ случаѣ не имѣющій никакого значенія. Въ изданіи „Кобзаря“ 1884 года находимъ такое примѣчаніе къ „Неофитамъ“: „Въ письмѣ къ М. М. Лазаревскому, отъ 21-го января 1858 года, Т. Г. Шевченко сообщилъ, что „Неофиты“ не окончены. Послѣ этого онъ не принимался за нихъ; такъ они и остались не оконченными“. Не доказываетъ ли это, что поэма была плодомъ, если не минутнаго, то во всякомъ случаѣ лишь временнаго, преходящаго настроенія поэта, почему онъ и не чувствовалъ потребности къ ней возвращаться, что, по своимъ мотивамъ рѣзко выдѣляясь изъ ряда стихотвореній Шевченка, она никоимъ образомъ не можетъ быть принимаема за мѣру въ оцѣнкѣ его поэзии, настроенія и взглядовъ? Не говоримъ уже о томъ, что мессіанизма доискаться въ „Неофитахъ“ врядъ ли можно. На какомъ основаніи относить г. Урсинъ Шевченка къ мессіанистамъ, и что еще болѣе удивительно, какимъ образомъ рѣшается онъ, на основаніи такихъ сомнительныхъ представителей мессіанизма, какъ Гоголь и, особенно, Шевченко, создавать особый „украинскій“ мессіанизмъ и не затрудняться даже въ общей его характеристикѣ (стр. 219),—этого мы рѣшительно постигнуть не можемъ. „Психологія не математика, поэтому трудно опредѣлить, гдѣ кончается поэзія и начинается мистицизмъ“ (стр. 113), говоритъ и самъ г. Урсинъ, но, во первыхъ, слѣдуетъ отдѣлять мистицизмъ и мистическій патріотизмъ, и разъ поставивъ опредѣленіе какого-нибудь явленія, слѣдуетъ подводить подъ него только тѣ факты, которые дѣйствительно сюда подходятъ; во вторыхъ, въ сомнительныхъ случаяхъ надо быть болѣе осторожнымъ.

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать о книгѣ г. Урсина. Его попытку разъяснить избранный имъ вопросъ мы не можемъ считать удачною, но она несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, и дай Богъ, чтобы починъ, очевидно, не русскаго автора нашелъ себѣ продолжателей въ средѣ русскихъ исследователей.

И. Филосовичъ.

Конституція Финляндіи въ изложеніи мѣстнаго сенатора *Л. Мехелина*. Переведено и дополнено примѣчаніями по русскимъ документамъ *К. Ордина*. С.-Пб. 1888.

Финляндскій сенаторъ Мехелинъ издалъ, на французскомъ языкѣ, очень любопытную книгу „*Précis du droit public du grand duché de Finlande*“, которая, сверхъ того, если не ошибаемся, въ нѣмецкомъ переводѣ войдетъ въ составъ IV-го тома извѣстнаго сборника издаваемого Марквардсеномъ подъ заглавіемъ: *Handbuch des öffentlichen Recht der Gegenwart in Monographien* (Freiburg. 1886—1888). Сочиненіе г. Мехелина особенно любопытно тѣмъ, что онъ въ сжатомъ очеркѣ представляетъ ясную картину государственнаго управленія одной изъ составныхъ частей Россійской имперіи, части, о которой большинство русскихъ людей имѣетъ самое смутное понятіе. Причиной тому, между прочимъ, конечно, и отсутствіе на русскомъ языкѣ обстоятельныхъ изслѣдованій о порядкѣ управленія Финляндіей. Поэтому, нельзя не поблагодарить г. Ордина за то, что онъ принялъ на себя трудъ не только перепестить сочиненіе г. Мехелина, но и снабдить свой переводъ примѣчаніями, основанными, какъ заявляетъ переводчикъ, на русскихъ источникахъ. Къ сожалѣнію, г. Ординъ не всегда указываетъ эти источники. Въ свою же очередь, и г. Мехелинъ, излагая государственныя учрежденія Финляндіи, также не указываетъ въ надлежащихъ мѣстахъ, на чемъ основано то или другое изъ его положеній, но за то въ особомъ отдѣлѣ своего сочиненія онъ говоритъ о законодательныхъ источникахъ государственнаго права Финляндіи и затѣмъ уже нигдѣ на нихъ болѣе не указываетъ. Нельзя сказать, чтобы такая система была удобна для читателя, но ея придерживаются многіе писатели.

Догматическому изложенію г. Мехелина предшествуетъ небольшое историческое введеніе, въ которомъ, конечно, главное мѣсто отведено разказу объ окончательномъ присоединеніи Финляндіи къ Россіи и состоявшемуся тогда сейму въ городѣ Борго. Къ открытію этого сейма Императоръ Александръ I прибылъ лично въ Борго и подписалъ 15-го марта 1808 года манифестъ, которымъ даровалъ охраненіе религій и основныхъ законовъ страны и правъ, кои на каждое сословіе въ великомъ княжествѣ въ частности и всѣ жители вообще высшаго и низшаго состоянія пользовались до того времени по конституціи. „Мы общаемъ“, говорилъ императоръ, — „сохранить всѣ эти преимущества и законы твердо и невыблемо въ полной ихъ силѣ“ (стр. 12). Съ этого дня вся Финляндія присоединена была къ Россіи или, выра-

жаясь словами нашихъ основныхъ законовъ (Томъ I, ч. 1), съ этого дня „съ Императорскимъ Россійскимъ престоломъ нераздѣльны суть престолы: Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго“ (ст. 4). Императоръ Всероссійскій управляетъ Финляндіей, имѣя при этомъ своими органами: генераль-губернатора, сенатъ и статсъ-секретаріатъ, который находится въ Петербургѣ для веденія дѣлъ, требующихъ рѣшенія императора и великаго князя Финляндскаго. Финляндскій сенатъ въ Гельсингфорсѣ состоитъ изъ двухъ департаментовъ: судебного—это высшая инстанція суда, и административнаго, который завѣдуетъ общимъ управленіемъ страны это—какъ бы наши министерства въ ихъ совокупности. Кромѣ того, сенатъ приготовляетъ проекты законовъ и другихъ предложеній, вносимыхъ императоромъ въ сеймъ; представляетъ императору свои заключенія по революціямъ и ходатайствамъ сейма; получаетъ и распубликовываетъ утвержденные императоромъ законы, а также императорскіе манифесты. Генераль-губернаторъ, сенаторы и секретари-докладчики въ сенатѣ назначаются императоромъ. Не входя въ подробное изложеніе государственнаго строя и предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ произведеніемъ г. Мехеліна, мы позволимъ себѣ еще сказать нѣсколько словъ о финляндскомъ сеймѣ.

Сеймъ собирается въ столицѣ страны по меньшей мѣрѣ каждыя пять лѣтъ, на время до четырехъ мѣсяцевъ (но сессія можетъ быть продолжена долѣе и закрыта ранѣе). Созываетъ сеймъ императоръ. Онъ же можетъ созвать и чрезвычайный сеймъ. На сеймъ являются представители четырехъ сословій княжества, именно: отъ дворянства въ числѣ отъ 100 до 140 лицъ; отъ духовенства—въ томъ числѣ архіепископъ и два епископа лютеранской церкви, 28 депутатовъ отъ духовенства, одинъ или два депутата по выбору профессоровъ и чиновниковъ Гельсингфорскаго университета, а также отъ 3 до 6 депутатовъ, выбранныхъ преподавателями лицеевъ и другихъ общественныхъ училищъ. Городскіе обыватели имѣютъ 54 представителя; каждый городъ посылаетъ одного депутата, но при населеніи въ шесть тысячъ жителей посылаются два депутата, а свыше того—по одному депутату на каждыя шесть тысячъ жителей. Систему выборовъ городскихъ депутатовъ предоставляется по закону установить самимъ городамъ съ тѣмъ, что установленный порядокъ долженъ быть представленъ на утвержденіе императора. Крестьянское сословіе избираетъ по одному депутату въ каждомъ судебномъ участіи. Необходимо припомнить, что въ судебномъ отношеніи вся Финляндія

раздѣлена на 60 судебныхъ округовъ, и въ каждомъ округѣ имѣется одинъ только судья, свѣдущій въ юридическихъ наукахъ (*högadshärding*). Онъ назначается императоромъ. Этотъ округъ (*domsagu*) имѣетъ отъ 3 до 5 судебныхъ участковъ (*tingslag*), гдѣ два раза въ годъ бывають судебныя засѣданія, на которыя прѣзжаетъ этотъ юристъ-судья и отправляетъ правосудіе вмѣстѣ съ пятью совѣтниками, избираемыми изъ числа землевладѣльцевъ округа. Это первая степень суда. Отъ каждаго судебного округа набирается одинъ депутатъ на сеймъ, при чемъ всякій владѣлецъ кадастроваго недвижимаго имущества, а также арендаторъ казенныхъ земель, имѣетъ право голоса. Выборы двухразрядныя. Каждое сословіе на сеймѣ имѣетъ своего предсѣдателя и вице-предсѣдателя, а также секретаря, утверждаемыхъ императоромъ. Сословія засѣдаютъ каждое отдѣльно и обсуждаютъ дѣла и предложенія отдѣльно. Резолюціи одного сословія безотлагательно сообщаются другимъ сословіямъ. Въ каждомъ сословіи рѣшенія постановляются простымъ большинствомъ голосовъ. Подробно указано, въ какихъ дѣлахъ для законнаго рѣшенія необходимо получить согласіе четырехъ сословій, и въ какихъ достаточно согласія трехъ, а также въ какихъ случаяхъ образуется великая коммиссія изъ 60 членовъ, которой, при разрѣшеніи предложенныхъ ей вопросовъ, предоставляются права самаго сейма. Сейму, представляющему собою народъ, принадлежитъ вмѣстѣ съ императоромъ законодательная власть. Сеймъ устанавливаетъ налоги и посредствомъ депутатовъ управляетъ, наблюдаетъ и контролируетъ финскій банкъ. Сеймъ имѣетъ право петицій, и каждый членъ сейма имѣетъ право предложить свою петицію.

Что касается законодательнаго почина, то въ этомъ отношеніи надо прежде всего замѣтить, что въ Финляндіи есть два рода законовъ. Первую группу составляютъ собственно законы, въ числу которыхъ принадлежатъ законы основныя, привилегіи сословій, законы гражданскіе, уголовныя, а также судопроизводство гражданское и уголовное, дагѣ законы о военной организаціи, морское уложеніе, законы о налогахъ, о финляндскомъ банкѣ и монетной единицѣ, законы въ области ховяйства и администраціи, касающіеся правъ и обязанностей гражданъ, законы о лютеранской церкви и прочихъ вѣровсповѣданіяхъ и т. д. Вторую группу составляютъ законы въ области администраціи. Этого рода законы издаетъ императоръ безъ содѣйствія сейма. Въ силу своего права управлять страной императоръ можетъ (стр. 72) не только давать приказанія на счетъ мѣръ, вызывае-

ныхъ обстоятельствами, но и устанавливать признаваемые имъ нужными правила для обезпеченія соблюденія и исполненія законовъ и вообще для правильнаго дѣйствія публичныхъ властей и выполненія правительствомъ его обязанностей. Въ отношеніи законовъ первой группы законодательный починъ сперва принадлежалъ только императору, но закономъ 16-го іюня 1886 года право законодательнаго починна предоставлено и сейму, съ нѣкоторыми впрочемъ ограниченіями. Починъ этотъ осуществляется слѣдующимъ образомъ: по приказанію императора, сенатъ изготавляетъ проектъ закона; императоръ, одобривъ его, приказываетъ предложить его сейму, одновременно всѣмъ сословіямъ. Затѣмъ происходитъ обсужденіе законопроекта по сословіямъ, и если онъ будетъ принятъ, то подносится на утвержденіе императора, при чемъ государь требуетъ предварительно заключенія сената по законопроекту. По утвержденіи закона императоромъ, онъ объявляется сенатомъ и публикуется въ официальной финляндской газетѣ и читается въ церквахъ. Бюджетъ обыкновенный утверждается императоромъ безъ участія сейма. Чрезвычайный же бюджетъ (его не существовало до 1865 года) устанавливается сеймомъ, подносится на утвержденіе императора, и служитъ основаніемъ на составленіе чрезвычайнаго ежегоднаго бюджета до будущаго сейма. Установленіе новыхъ налоговъ, а также отмена или преобразование существующихъ, не можетъ послѣдовать безъ согласія сейма. Въ началѣ каждаго сейма сословіямъ сообщается о финансовомъ положеніи, „дабы они могли узнать, какимъ образомъ доходы были употреблены въ пользу и на благо страны“ (стр. 79). Это изложеніе разсматривается финансовою комиссіей, образуемою изъ среды сейма, и если сеймъ передастъ къ свѣдѣнію правительства замѣчанія, сдѣланныя ею, то сенатъ обязанъ принять ихъ въ соображеніе и извѣстить слѣдующій сеймъ о сдѣланныхъ имъ вслѣдствіе того распоряженіяхъ. Для исполненія дѣлъ сейма образуется особая комиссія въ составѣ двухъ членовъ отъ каждаго сословія; на ея обязанности лежитъ окончательная редакція бумагъ, поступающихъ отъ сейма къ императору, отвѣтовъ на проекты, исходящіе отъ монарха, а равно она имѣетъ право вносить свои предложенія и петиціи. Протоколъ общій (редессъ) подписывается всѣми членами сейма. Всѣ эти акты, а равно и проекты, публикуются.

Таковы основныя черты государственнаго права Финляндіи въ изложеніи г. Мехелина. Переводъ его, сдѣланный г. Ординымъ, вполне удовлетворителенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Одно намъ непонятно; почему заглавіе сочиненія г. Мехелина переведено словами „Конституція Фин-

ляндін" и т. д. Казалось бы, правильнѣе было заглавіе книги г. Мехелина перевести словами „Очеркъ государственнаго права великаго княжества Финляндскаго“. Слово конституція полунностраннымъ и можетъ вести къ не совсѣмъ точному понятію о содержаніи книги. По заглавію можно предполагать, что въ книгѣ содержится буквальное изложеніе дѣйствующаго въ Финляндіи законодательства по статьямъ и параграфамъ, а между тѣмъ на дѣлѣ г. Мехелинъ въ своей книгѣ передаетъ своими словами содержаніе законодательныхъ актовъ и мѣстами добавляетъ его своими разсужденіями и историческими изслѣдованіями, чего въ конституціяхъ, въ общепринятомъ значеніи сего слова, не встрѣчается. Затѣмъ еще, на стр. 121 и слѣдующихъ въ отдѣлѣ объ организаціи народной обороны г. Ордину слѣдовало бы ближе держаться выраженій того русскаго оригинала, который служилъ и г. Мехелину основаніемъ для его изложенія. Мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ 6-го декабря 1878 года уставѣ о воинской повинности въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ, принятомъ земскими чинами Финляндіи на сеймѣ 1877—1878 годовъ; онъ помѣщенъ въ Полномъ Собраніи Законовъ за 1878 годъ подъ № 59100. Этотъ уставъ очень напоминаетъ дѣйствующій въ имперіи уставъ о воинской повинности 1874 года. На основаніи устава 1878 года въ Финляндіи вооруженныя силы края составляютъ: 1) дѣйствующія войска, состоящія на постоянной службѣ; 2) запасъ, который преимущественно предназначается для приведенія дѣйствующихъ войскъ въ полный военный составъ, и 3) ополченіе, состоящее изъ всѣхъ вышедшихъ изъ запаса“. У г. Ордина это передано такъ: „изъ милиціи, или охотничьей національной стражи (landtvärn), пополняемой всѣми прошедшими черезъ (?) резервъ“. Равнымъ образомъ по § 6 устава, лица, осужденныя за позорные поступки, въ военную службу не допускаются. Г. Ординъ говоритъ: „исключаются изъ воинской службы всѣ осужденныя за позорныя преступленія“,—что опять большая разница. На стр. 127 говорится вдругъ о производствѣ набора и дѣленіи на рекрутскіе участки, тогда какъ по уставу никакого набора не производится, и даже слово рекрутъ не встрѣчается во всемъ уставѣ. Придерживаясь опять текста закона, слѣдуетъ сказать: каждая губернія дѣлится на призывныя участки. Равнымъ образомъ никакой высшей комиссіи по воинскимъ дѣламъ (стр. 123) въ каждой губерніи не состоитъ, а есть призывное присутствіе (ст. 42 устава), а вторую инстанцію состав-

ляетъ губернскае по воинской повинности присутствіе (ст. 46 и 47), на которое жалобы приносятся судебному департаменту сената.

Нельзя не упомянуть также, что г. Ординъ снабдилъ свой переводъ какъ примѣчаніями, такъ и приложеніями, въ которыя вошли по преимуществу законодательные акты, помѣщенные въ Полномъ Собраніи Законовъ. Примѣчанія, сдѣланныя переводчикомъ, указываютъ на близкое знакомство его съ различными актами, до Финляндіи относящимися, тѣмъ не менѣе, въ правильности нѣкоторыхъ изъ примѣчаній можно сомнѣваться, а содержаніе и цѣль другихъ является не совсѣмъ понятными. Такъ, напримѣръ, на стр. 71 г. Ординъ въ примѣчаніи заявляетъ, что утвержденныя Государемъ Императоромъ мѣры носятъ въ Финляндіи названіе не повелѣній, а Высочайшихъ объявленій. Тутъ есть какое-то недоразумѣніе. Веремъ на выдержку любой томъ Собранія постановленій великаго княжества Финляндскаго (которое печатается въ Гельсингфорсѣ на русскомъ языкѣ), напримѣръ, хоть за 1872 годъ, и видимъ, что въ немъ помѣщена въ № 1—Высочайшая Его Императорскаго Величества открытая грамота, подъ № 4—Высочайшее Его Императорскаго Величества постановленіе, подъ № 5—таковое же Положеніе, подъ № 12—Высочайшій рескриптъ, подъ № 20—Высочайшая инструкція, подъ № 28—Высочайшій уставъ, подъ № 38—Высочайшій манифестъ. Конечно, встрѣчаются нерѣдко и Высочайшія объявленія, но утверждать, что обнародованіе Высочайшей воли всегда въ Финляндіи называется объявленіемъ, очевидно, нельзя.

На стр. 5 г. Мехелинъ въ своемъ историческомъ очеркѣ говоритъ, что христіанство въ Финляндіи насадили шведы въ теченіе XII и XIII вв. При этомъ г. Ординъ дѣлаетъ примѣчаніе: „Въ восточной части Финляндіи христіанство насаждено новгородцами. Тамъ и до сихъ поръ числится до 40 тысячъ православныхъ финновъ“. Очевидно, слово тамъ означаетъ восточную часть Финляндіи. Изъ того, что теперь въ восточной части Финляндіи числится до 40 тысячъ православныхъ, нельзя еще заключать, что христіанство насаждено въ Финляндіи именно новгородцами: эти православные могли поселиться гораздо позднѣе. Равнымъ образомъ, это обстоятельство не даетъ указанія на то, въ какомъ вѣкѣ христіанство насаждено въ восточной части Финляндіи. Между тѣмъ изъ Исторіи Русской церкви Макарія, митрополита Московскаго (т. I, стр. 202 и слѣд.), мы узнаемъ, что преподобные отцы Сергій и Германъ были изъ числа тѣхъ проповѣдни-

ковъ, чрезъ которыхъ св. Владиміръ хотѣлъ распространить Евангеліе въ глубинѣ Кареліи (принадлежавшей тогда Россіи), и что, вѣроятно, для успѣшнѣйшаго хода своей проповѣди вокругъ Ладожскаго озера они основали на островѣ Валаамѣ обитель иноковъ. По случаю нападенія шведовъ въ 1164 году мощи этихъ преподобныхъ валаамскихъ чудотворцевъ перенесены въ Новгородъ. Въ XIII вѣкѣ русскіе обратили—было почти всю Карелію къ православной вѣрѣ (стр. 207). Нельзя также не замѣтить, что это примѣчаніе на стр. 5 противорѣчитъ тому, что говорится г. Ординымъ въ примѣчаніи на стр. 89; тутъ уже общее число финляндскихъ гражданъ (слѣдовательно, не только одной восточной части Финляндіи) православнаго вѣроисповѣданія показано въ количествѣ до 40,000, то-есть, около двухъ процентовъ населенія великаго княжества, не включая въ эту цифру русскихъ войскъ, пребывающихъ въ Финляндіи. На самомъ же дѣлѣ, по свѣдѣніямъ, обнародованнымъ въ Матеріалахъ для статистики Финляндіи, изданныхъ генеральнымъ штабомъ въ 1855 году, во всей Финляндіи было 1.651,353 лицъ лютеранъ и 37,352 православныхъ: изъ сихъ послѣднихъ 28,716 жили въ Выборгской губерніи, 7,483 въ Куопіоской, и остальные 1,174 въ городахъ Гельсингфорсѣ, Або, Нейшлотѣ (стр. 197), при чемъ замѣчалось, что русское населеніе, сперва быстро увеличившееся отъ переселенія русскихъ въ Финляндію, въ послѣднія пять лѣтъ быстро уменьшилось. Такъ, въ 1830 году считалось во всей Финляндіи 25,212 человекъ, въ 1836—35,396, въ 1840—37,130, въ 1845—42,565, въ 1850—47,144, а въ 1855—опять 37,352 (стр. 215): причина такого уменьшенія не объяснена.

Но было бы крайне несправедливо съ нашей стороны, указывая на нѣкоторыя не выдерживающія критики примѣчанія г. Ордина, не обратить вниманія и на самыя существенныя, въ которыхъ на основаніи русскихъ источниковъ онъ указываетъ на неточности и неправильныя толкованія и выводы, сдѣланные г. Мехелиномъ въ его сочиненіи. Не приводя ихъ въ подробности, мы сообщимъ ихъ сущность. Вопросъ сводится въ тому, какъ понимать манифестъ императора Александра I отъ 5-го іюня 1808 г. къ вѣроподаннымъ обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи всякаго чина и состоянія, а также слова, произнесенныя императоромъ Александромъ I при открытіи сейма въ Борго, а потомъ при его закрытіи въ 1809 году. Г. Мехелинъ говоритъ: Употребить матеріальную силу для того, чтобы слить эту страну (Финляндію) съ Россіей, не соответствовало бы ни личнымъ взглядамъ императора, ни потребно-

сти немедленнаго умиротворенія, вызваннойъ политическими интересами имперіи. Поэтому Александръ I предпочелъ актъ соединенія; онъ утвердилъ конституцію страны и призвалъ представителей ея для основанія новаго порядка вещей (стр. 18), и прочнаго основанія бюджета поваго государства (стр. 15). Финляндцы, предвидя невозможность возвратиться къ прошедшему, не колеблясь, приняли предложеніе императора, давшаго имъ въ залогъ будущаго самое формальное обѣщаніе сохранить прежнія учрежденія (стр. 19). Послѣдовало соединеніе Финляндіи съ Россіей, ясно опредѣленное, не только въ рѣчахъ императора, но и въ манифестѣ 1810 года (15-го марта) (стр. 21).

Г. Ординъ считаетъ такое толкованіе и выводы г. Мехелина неправильными и лишенными основанія. Онъ указываетъ на то, что Финляндія никакого особаго государства не составляла и не составляетъ; Финляндію называли только провинціей (стр. 13); манифестъ 5-го іюля 1808 года указываетъ на водвореніе Финляндіи въ Россію, какъ ея неразрывной части, но вовсе не имѣлъ цѣлю обезпечить обособленность Финляндіи (стр. 8); о сеймѣ Императоръ Александръ имѣлъ неопредѣленное понятіе и колебался въ своихъ рѣшеніяхъ по сему предмету; ему придавалось только совѣщательное значеніе (стр. 11); акта соединенія не было, этого выраженія даже нѣтъ ни въ одномъ изъ документовъ (стр. 19); императоръ Александръ I ни единымъ словомъ не предрѣшалъ того, какія отношенія будутъ установлены между русскимъ народомъ и завоеванною его кровью и деньгами Финляндіей (стр. 19); всѣ льготы, данныя императоромъ Финляндіи, исходили исключительно отъ его доброй воли; сеймъ никакого рѣшающаго значенія не имѣлъ, и о его резолюціяхъ даже вовсе не упоминается (стр. 22); не боргскіе акты, а статсъ-секретари Финляндіи (въ томъ числѣ М. М. Сперанскій, воспользовались довѣрчивостію императора и успѣшно начали и продолжали подъ русскою эгидой разрушеніе великихъ дѣлъ Петра, Елизаветы и самого Александра (стр. 26 и 27).

Замѣтимъ также, что г. Ординъ въ газетѣ Новое Время отъ 9-го января сего года, отвѣчая на отзывы финскихъ газетъ по поводу сдѣланнаго имъ перевода книги г. Мехелина съ своими примѣчаніями, указываетъ еще на то, что хотя отношенія Россіи и Финляндіи опредѣляются, главнѣйшимъ образомъ, документами, писанными и подписанными на русскомъ языкѣ, но финскіе писатели знаютъ эти документы только въ переводахъ на шведскій языкъ. Переводы же эти далеко не точны; такъ,

напримѣръ, въ манифестѣ, данномъ 15-го марта 1809 году въ Борго (онъ приведенъ нами въ концѣ замѣтки), допущены четыре неточности, а именно: 1) опущено слово вновь передъ глаголомъ утвердить, чрезъ что манифестъ является какъ бы новымъ, особымъ актомъ, хотя на дѣлѣ этотъ манифестъ въ себѣ новаго ничего не заключалъ и является повтореніемъ обѣщаній, данныхъ до сейма; 2) къ слову религія произвольно добавлено слово страны, отчего получилась религія страны, то-есть, господствующей церкви (конечно, лютеранской, чего въ подлинникѣ нѣтъ); 3) слово подданные переведено словомъ жители (*in byggarne*), что конечно, не одно и то же; 4) вмѣсто по конституціямъ или по уставамъ и учрежденіямъ въ переводѣ сказано по конституціи,—что опять совершенно не то, что стоитъ въ русскомъ документѣ. Провнести свое рѣшительное сужденіе въ этомъ толкованіи словъ и намѣреній императора мы, конечно, не рѣшаемся. Позволимъ себѣ только сказать слѣдующее: Какое бы толкованіе ни придавали словамъ, произнесеннымъ императоромъ Александромъ въ Борго: „*J'ai promis de maintenir votre constitution, vos loix fondamentales; votre réunion ici vous garantit ma promesse. Cette réunion fera époque dans votre existence politique*“ и т. д. (Исторія царствованія Императора Александра I и Россіи въ его время—Богдановича, томъ II, стр. 410), или словамъ, выраженнымъ въ манифестѣ 5-го іюля 1808 г.: „Обыватели Финляндіи. Вступивъ въ составъ имперіи вашей, вы приобрѣли тѣмъ самымъ равныя права съ ними. Сверхъ древнихъ установленій, странѣ вашей свойственныхъ и свято нами хранимыхъ, новое поле вашей дѣятельности и трудолюбію открывается“ (Прибавленіе къ изданному по Высочайшему повелѣнію съ переводомъ на русскій языкъ Уложенію, существующему въ великомъ княжествѣ Финляндіи. С.-Пб., 1827, стр. 231), или словамъ манифеста, даннаго 15-го марта 1809 года въ Борго (такого же содержанія манифестъ данъ императоромъ Николаемъ 14-го декабря 1825): „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали Мы за благо самъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимуществъ, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“; какое бы, говоримъ, ни придавали значеніе и толкованіе вышеприведеннымъ словамъ, для насъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что императоръ и

самодержецъ Всероссійскій есть въ то же время и великій князь Финляндскій (ст. 37. Т. I, ч. 1 основныхъ законовъ); что Финляндія, придерживаясь словъ манифеста 1808 года, „навсегда присоеди-нена къ Россіи“, и что „это достоиніе, Промыслѣмъ врученное, надлежитъ хранить во всей его неизблѣмости и въ непрѣмѣнномъ и вѣч-номъ съ Россією единствѣ“.

Задача опредѣлена ясно; осуществленіе ея составляетъ потребность нашей имперіи. Потребность эту должно ясно сознавать и никогда не упускать изъ виду. Но какъ, то-есть, въ какой формѣ и какими способами, осуществить ее, это, конечно, не могло быть предначертано ни манифестами, ни трактатами. Это зависитъ отъ множества условій, тѣсно связанныхъ съ государственною жизнью Россіи, указывать и даже касаться которыхъ, очевидно, выходитъ далеко за предѣлы бібліографическаго очерка, единственною цѣлью котораго было обратить вниманіе читателя на сочиненіе г. Мехелина и переводъ оного, прекрасно изданный г. Ординимъ.

И. М.—въ.

M. Gaster. ILLUSTRATED LECTURES ON GREECO-SLAVONIC LITERATURE AND ITS RELATION TO THE FOLK-LORE OF EUROPE DURING THE MIDDLE AGES. London. 1887.

Содержаніе лекцій г. Гастера не новое въ славянской наукѣ: апокрифы и повѣсти, пересказы греческихъ подлинниковъ (оттуда и названіе: „греко-славянской“ литературы), сохраненные въ болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ спискахъ, уже не разъ обращали на себя вниманіе изслѣдователей, давая матеріалъ для монографій и замѣтокъ, указывавшихъ на связь греко-славянскаго литературнаго преданія съ западно-европейскимъ. Изъ неславянскихъ ученыхъ въ этомъ изслѣдованіи принимали участіе лишь румунскіе, встрѣчавшіе въ своей древней письменности тѣ же памятники, отраженія и переводы славянскихъ и греческихъ оригиналовъ. Я имѣю въ виду извѣстную книгу г. Хыждеу, разборъ которой представленъ въ моихъ Розысканіяхъ, VI, и аналогичскую работу г. Гастера: *Literatura populara romana* (Bucuresti. 1883). Результаты этихъ сравнительно-литературныхъ изысканій, въ которыхъ памятники древнеславянской литературы освѣщались сближеніемъ съ западными и въ свою очередь непрѣдко бросали свѣтъ на ихъ прансторію, эти результаты оставались до сихъ поръ достояніемъ немногихъ, читающихъ на славянскихъ и румынскомъ языкахъ. Между тѣмъ, каковы бы ни были эти резуль-

таты, важно было оповѣстить ихъ въ болѣе широкихъ кругахъ, чтобы вызвать ихъ провѣрку въ обратномъ смыслѣ и съ другой точки отправленія, которую, очевидно, избрали бы себѣ западные ученые, не-специалисты въ славяно-румынской области. Ильчестерскія лекціи г. Гастера помогутъ имъ ориентироваться въ ней, познакомятъ съ характеромъ литературнаго матеріала, съ рядомъ вопросовъ и рѣшеній и литературой предмета. Въ послѣдней есть у г. Гастера недочеты, отчасти невольные: авторъ не могъ пользоваться ни изслѣдованіемъ г. Порфирьева о ветхозавѣтныхъ апокрифахъ, ни работой покойнаго А. Попова о Палеѣ¹⁾; тамъ и здѣсь онъ нашелъ бы многое, что могъ бы перенести на страницы своего труда. Жаль также, что ему осталась неизвѣстною (см. стр. 172) книга француза Берже о старофранцузскихъ переводахъ Виблія, и не приняты въ разчетъ новѣйшія работы по вопросу о до-лютеровскомъ (вальденскомъ?) ея переложеніи: онъ упрочи бы или отмѣнили гипотезу автора о вальденскомъ происхожденіи *Biblia pauperum* (стр. 199 слѣд.).

Я коснусь лишь мимоходомъ тѣхъ сторонъ его книги, которыя не подлежатъ моему вѣдѣнію. Лингвисту, знакомому съ языками Балканскаго полуострова, предстоитъ разрѣшить, на сколько состоятельно предположеніе автора о болгарскомъ (финно-татарскомъ) вліяніи, обусловившемъ нѣкоторыя особенности, общія языкамъ албанскому, румынскому, новогреческому, болгарскому и отчасти сербскому (сл. стр. 130 слѣд.). Г. Гастеръ устраняетъ мнѣніе, объясняющее эти общія черты воздѣйствіемъ древнеиракійскаго туземнаго населенія, и склоненъ уступить его роль болгарамъ. Ихъ орда была не малочисленна, судя по многимъ народностямъ, которыя онѣ подчинили и держали въ своей власти; въ продолженіе болѣе чѣмъ двухъ столѣтій они удержали свой говоръ и, хотя съ теченіемъ времени переняли языки побѣжденныхъ, но оставили въ нихъ слѣды своего собственнаго: тѣ особенности, которыя типически сближаютъ между собою албанскій, новогреческій, румынскій и т. д. языки, не что иное, какъ печать финско-татарскаго вліянія, одинаково распространившагося на соотвѣтствующія народности въ VII—X вѣкахъ.

Еще относительно другаго вопроса, поднятаго авторомъ (стр. 139 и 209 и слѣд.), я ограничусь простымъ рефератомъ. Дѣло идетъ объ изобрѣтеніи глаголицы св. Кирилломъ: по мнѣнію г. Гастера, ея источникомъ оказывается армянскій алфавитъ, въ свою очередь заим-

См. также: *Жданова*, Палея (Оттискъ изъ *Кіевск. унив. извѣстій* 1881 г.).

ствовавший изъ вендскаго, и, вѣроятно, распространенный у крымскихъ хазарь. Среди нихъ проповѣдывали свв. Кирилль и Меѳодій, препираясь съ евреями, магометанами и схизматиками, то-есть, вѣроятно, толкуеть авторъ, армянами, главными представителями въ то время манихейской ереси. Мнѣніе свое о томъ, что глаголица есть приспособленіе къ звукамъ славянскаго языка какого-то восточнаго алфавита, близко сходнаго съ армянскимъ и грузинскимъ, авторъ уясняетъ графически, параллельною таблицей. Онъ и самъ считаетъ свое рѣшеніе вопроса не болѣе, какъ вѣроятнымъ (стр. 228); извѣстно, что у насъ подобная гипотеза уже была высказана Вс. О. Миллеромъ.

Перехожу къ главному содержанію книги, знакомящей западнаго читателя съ литературой южнославянскихъ ветхо- и новозавѣтныхъ апокрифовъ, легендъ и заклинаній и съ небольшою группою повѣстей свѣтскаго характера. Вольшей части памятниковъ, рассмотрѣнныхъ г. Гастеромъ, касался и я въ разныхъ своихъ изслѣдованіяхъ, и такъ какъ авторъ цитуетъ нима изъ нихъ, я позволю себѣ кое-что прибавить къ его указаніямъ—изъ своего и чужаго.

Говоря (стр. 29—30) о космогоническихъ представленіяхъ древнеславянскихъ „Вопросовъ и отвѣтовъ“, авторъ умалчиваетъ о космогонической же сказкѣ, сохранившейся и въ записяхъ, и въ славянскихъ и румынскихъ пересказахъ: о сотвореніи міра Богомъ и діаволомъ. О ней я говорилъ въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 164 и прим. 1. Съ тѣхъ поръ моя библиографія преданія значительно обогатилась; я вернусь къ его анализу въ слѣдующемъ выпускѣ моихъ Разысканій, которыя коснутся и вопроса объ источникахъ русскаго стиха о Голубиной книгѣ. Г. Гастеръ сообщаетъ его содержаніе (71—74) по одному варианту, представляющемуся ему наиболѣе полнымъ; см. пока сочиненіе г. Мочульскаго, Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ (Варшава, 1887).

Въ отдѣлѣ, посвященномъ легендѣ о крестѣ (стр. 31 и слѣд.; см. мои Разысканія, X, стр. 367 слѣд.), „Gherusia Plata (=блато) Исповѣданія Еввы (стр. 34) не что иное, какъ ἡ ἀχέρουσα λίμνη=озеро хѣрусиско Апокалипсиса св. Павла (см. мои: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 508); Severian Gavalski = изъ Габалы (стр. 53), Cabalorum episcopus.

По поводу славянскихъ сказаній о Соломонѣ (стр. 40 и слѣд.) присоединю къ указанію г. Гастера на мою диссертацию о Соломонѣ и Китоврасѣ — еще мои Разысканія, V (= Neue Beiträge zur Geschichte der Solomonssage въ Архивѣ Ягича, VI); „О талмудическомъ

источникѣ одной Соломоновской повѣсти въ русской Палей⁴ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, апрѣль); „Эпизодъ о жской царицѣ въ Палей“ (Замѣтки по литературѣ и народной словесности, I, стр. 1 слѣд.) и „Замѣтки къ исторіи апокрифовъ“ (Журналъ Мин. Нар. Просв., 1886, июнь, стр. 297 слѣд.), гдѣ указано (стр. 298—299) и еще одно французское свидѣтельство (Roman d'Alexandre, ed. Michelant, p. 452) о знакомствѣ запада съ легендой о невѣрности Соломоновой жены. Кстатѣ—замѣтка по поводу заключительной сцены славянской (и нѣмецкой) повѣсти объ „увозѣ“: Соломонъ, разыскивая жену, попадаетъ въ руки ея похитителя и осужденъ къ повѣшенію. Онъ проситъ, чтобъ ему дозволено было передъ смертью поиграть на рожкѣ; трубитъ, и войско его, оставленное имъ въ засадѣ, слѣпится къ нему на выручку. Извѣстны народныя отраженія этого разказа; г. Гастеръ (стр. 42) сравниваетъ съ призывнымъ рогомъ Соломона знакомую всѣмъ сцену въ Chanson de Roland, гдѣ раненый Роландъ три раза трубитъ, подавая вѣсть своимъ. Я предпочелъ бы параллель Будинской лѣтописи (Chron. Budense, ed. Pedhradczky, p. 56), вычтя особую развязку разказа: Leel и Bulchu, вожди венгровъ (955 г.), попадаютъ въ плѣнъ къ императору Конраду (= Оттону Великому), который предлагаетъ имъ выборъ смерти: *Eligite vobis mortem, qualem vultis.*—*Cui Leel ait: Afferatur mihi tuba mea, cum qua primum vocemans, post hoc tibi respondebo.* Получивъ дозволеніе, Леэль начинаетъ трубить, все время приближаясь къ императору, которому раскраиваетъ черепъ ударомъ рога. Замѣтимъ, что Simon Kéza (ed. Endlicher, p. 105) говоритъ о повѣшеніи обоихъ вождей, съ замѣткой: „quidam vero ipsos aliter dampnatos fabulose asseverant, quod Cesari presentati, unus illorum cum tuba in caput ipsum Cesarem occidisset feriendo“.

Повѣстью о „Вавилонскомъ царствѣ“ (стр. 43) я не разъ занимался и надѣюсь, что мнѣ удастся еще разъ вернуться къ полному пересмотру вопроса о ней. Гастеръ цитуетъ мою статью въ Архивѣ г. Ягича (II, 1, 2) и въ Замѣткахъ по литературѣ и народной словесности I, стр. 9—14; присоединю къ этому мою же замѣтку въ томъ же Архивѣ VIII, стр. 326—330: *Der Drache zu Babylon* и слѣдующую выписку изъ *Jean d'Outremeuse* (t. I, p. 6, 9): Яфетъ съ сыновьями *Javan* и *Rachem*, прибывъ въ Европу, строятся на мѣстѣ, гдѣ впоследствии основанъ былъ Римъ, но по нѣкоторомъ времени множество змѣй и другихъ ядовитыхъ животныхъ заставили ихъ удалиться, откуда пришли. Позже *Rachem* вернулся по приказанію Божію, „qui

Il envoia certain signe, par laquelle il fist voidier de son pays tous les serpens et s'en alcrent en Orient. Se prisent puis ches serpens habitation en la thour de Babel, c'on nommoit alors la thour de confusion⁶. Интересно эпизодическое упоминаніе о пустынномъ Вавилонѣ и великанскомъ змѣѣ въ одномъ славянскомъ спискѣ житія свв. Кирика и Улиты. Встрѣчается ли этотъ эпизодъ въ греческихъ спискахъ—не знаю; Dillmann (Über die apocryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus und Julitta въ Sitzungsberichte d. kgl. preuss. Akad. d. W. zu Berlin, XVIII—XXIII) пересказываетъ его по сирийскому и арабскому текстамъ житія, вмѣняя его (стр. 348) подлиннику, отмѣченному уже въ индексѣ папы Геласія (495—496 г.) и, вѣроятно, отличавшемуся болѣе яркимъ гностическо-манихейскимъ колоритомъ, чѣмъ его повдѣйшіе, очищенные пересказы. Такъ какъ вышеуказанный эпизодъ не безинтересенъ для вопроса объ источникахъ нашей вавилонской повѣсти, я остановлюсь на немъ подробнѣе.

Въ славянскомъ житіи Кирика и Улиту собираются бросить въ котелъ съ кипящею смолою, масломъ и воскомъ; Улита колеблется, но сынъ поддерживаетъ ее напоминаніемъ помощи Божіей, избавившей „отъ печи“ Ананіи, Азаріи и Мисаила, и пророка Давида изъ львиного рва, и далѣе говорить: „Не вѣсы ли, мати моя, егда Мадімианъ црь повелѣ наю вѣложить въ корабль и сточить наю отъ свое земли? Беху бо тамо зверіе мнози, не можетъ езыкъ члвчъ ни исцести, и ехидни аспидь; бѣше бо ту змен велики, шпашъ его досезаше до оустъ его и посрѣдъ его блато шбѣстоаше миноующи .н. дѣи? И гризеше травѣ и трѣстіе и хотѣхоу наю пожрѣти звѣріе тѣи, нь Богъ спасе наю и избави насъ отъ звѣри лютыхъ. Не вѣси ли, мати моя: егда придоховѣ къ Вавулону граду и шбрѣтоховѣ его пуста, и бѣху ту зверіе мнози, и ны единъ къ намъ не прикоснусе? Не вѣси ли, мати моя, тако егда придоховѣ на рѣцѣ Маднамли та бо ксть рѣка исходеще отъ бездны и с пекломъ течеть розмесь, тоу же реку не можетъ ни единъ члвкъ прѣйти, нь божіемъ повеленіемъ въ суб[оту] прѣходить, и тогда придуть вси зверіе, темъ же ксть камень зелькъ,—и ми прѣидоховѣ въ дѣнь четвертъкъ повелѣніемъ божіемъ“?

Вотъ соотвѣтствующій отрывокъ сирийскаго житія (Dillmann, стр. 346—347), напоминающій Дильманну отреченныя Дѣянія апостола Фомы, особливо ихъ гностическій гимнъ: „Стоя въ котлѣ, св. Кирикъ началъ на своемъ языкѣ читать молитву, содержаніе которой въ переводѣ такое: Се врата Господа, въ которыя вступаютъ праведныи! И снова сказалъ онъ: Когда я молился, мати моя сдѣлала мнѣ одежду (στολή)

и украсила ее жемчугомъ; мать моя—церковь, жемчугъ—божественныя словеса, наставленіе св. Духа. Съ знаменіемъ эпистолиі св. Духа (съ посланіемъ св. Духа, какъ знаменіемъ?) я былъ посланъ въ мрачный градъ, гдѣ не было ни одного луча свѣта, ни солнца, ни луны, ни мѣсяца. Когда я прибылъ въ градъ, . . . и нашелъ тамъ оноцентавровъ и гиппоцентавровъ и волшебницу Lmptaos (или Lmptaos) и множество демоновъ; они хотѣли уничтожить меня, но эпистолиа ихъ отогнала. Затѣмъ я прибылъ въ Вавилонъ, къ рѣкѣ, нарицаемой страшной (Tausis или Taospis), черезъ которую люди могутъ переправиться лишь въ субботу, ибо в ней повелѣно покоиться въ первый день недѣли. Въ той рѣкѣ есть нѣчто, истекающее изъ глубины, и все это песокъ, ни одинъ человекъ не въ состояніи увидѣть воды той рѣки. Когда я переправился черезъ рѣку, я прибылъ въ тотъ градъ, море собранія (море Квіа и Кбіа), и нашелъ тамъ змѣй и ехиднъ и многочисленную рать демоновъ, великихъ драконовъ и царя всѣхъ земныхъ пресмыкающихся, опашь котораго засунута въ его пасть ¹⁾, а передъ лицомъ его лежалъ путь ехиднъ; у него зубы что острые мечи, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, ногти что когти орла, пасть какъ острый вертелъ; пищей ему служить папирусъ и кожа волковъ; изъ его ноздрей исходитъ духъ, подобный дыму, а когда онъ раскрываетъ пасть, въ теченіе семи дней проглатываетъ воды Іордана, и ни одна капля не упадаетъ изъ рта. Это тотъ змѣй, который совратилъ вождельніями ангеловъ съ высоты; змѣй, совратившій перваго Адама и изгнавшій его въ рай (формула: „это змѣй“ повторяется нѣсколько разъ къ ряду, съ такими же библейскими воспоминаніями). Когда онъ уврѣлъ меня, онъ хотѣлъ меня проглотить, но письмо заткнуло его пасть. Тогда явился Спаситель, сжегъ великаго змѣя, отогналъ отъ меня сонмище демона, собралъ все, что осталось отъ израильской рати, и выслалъ ихъ въ тотъ градъ; и они казались единоплеменными. А есть въ томъ градѣ знаменіе: порогъ и врата изъ желѣза, въ 300 исполинскихъ аршинновъ высотой (Второзак. 3,11 Pesch.); говорятъ, что въ послѣдніе дни то желѣзо и порогъ будутъ столпаны ногами проходящихъ, такъ что отъ желѣза ничего не останется на томъ мѣстѣ для идущаго вокругъ пути живыхъ. Когда я прибылъ въ городъ царства (stadt des Reiches), я окончилъ мои молитвы“.

¹ Дильманъ, 1. с., стр. 347, прим. 2. Сл. сходный образъ въ отреченныхъ Дѣяніяхъ св. Фомы: οὗ ἢ οὐρά εὐχεταί τῷ ἰδίῳ στόματι.

Дильманъ находитъ въ приведенномъ нами отрывкѣ гностическую, или даже двѣ гностическія молитвы (стр. 346 и прим. 5); меня интересуетъ въ нихъ эпическій элементъ послѣдней, разказывающей о посланіи Кирилла въ градъ ирака и Вавилонъ съ какимъ-то осторожнымъ письмомъ-знаменіемъ. О послѣднемъ въ славянскомъ житіи нѣтъ рѣчи и, на оборотъ, вмѣстѣ съ Кирилломъ идетъ (сослана) и Улита. Въ сирійскомъ текстѣ драконъ, облегающій городъ,—демонъ, „даръ пресмыкающихся“: у него хвостъ сошелся съ пастью, ребра мѣдныя, хребетъ желѣзный, изъ ноздрей выходитъ дымъ. Въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ драконъ оживаетъ лишь въ послѣдствіи, въ началѣ дѣло идетъ о хитрыхъ постройкахъ Навходоносора: вокругъ города онъ велитъ сотворить „змій великъ, во главу бы змиеву въвадь въ градъ“, „глава бы змиева во вратѣхъ градныхъ съ хоботомъ свилась“; и „повелѣ во вратѣхъ градныхъ, въ главѣ змиевѣ по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлати, и за тѣ рѣшетки повелѣ уголія навовити; и какъ во время посольскаго приходу, егда послы придуть отъ великихъ царей и великихъ кралей, и тогда Навходоносоръ царь Вавилонскій повелитъ грознымъ своимъ воеводамъ за градомъ на полѣ, на двадцати верстахъ до града полки великіе урядити, и по полкамъ знамена львовы, и во всѣхъ полкахъ набаты и накры и многогласныя трубы. Егда же послы поидуть въскрость великіе полки, тогда во всѣхъ полкахъ ударити повелѣлъ воеводы во всѣ набаты и накры и во многогласныя трубы, и тогда послы весело буяше идучи. А какъ близъ вратъ градныхъ придуть, и тогда триста кузнецовъ начнутъ въ мѣхи дуги разжегши уголье, и тогда дымъ и искры; а какъ выйдуть послы во врата во главу змиеву, и тогда огонь и поломя опалятъ пословъ. И тогда послы ужаста великія исполнятся и пришедъ къ великому царю Навходоносору поклонятся“.

Если эпизодъ о вавилонскомъ змѣѣ и царствѣ входилъ въ древній составъ житія о Кириллѣ и Улитѣ и принадлежитъ вообще по замыслу не къ объективно-повѣствовательнымъ, а къ легендарно-апокрифическимъ мотивамъ, то въ повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ онъ является уже въ другой, позднѣйшей стадіи своего примѣненія: и здѣсь данныя апокрифа развились въ схему повѣсти, какъ талмудическіе разказы о Соломонѣ перешли въ романтическое сказаніе объ увозѣ его жены. Это вноситъ нѣкоторую двойственность въ рѣшеніе вопроса: къ апокрифу или къ повѣсти отнести образъ вавилонскаго змѣя, указанный мною въ *Roman d'Alexandre* (ed. Michelant).

Александръ говоритъ Пору, что возьметъ Вавилонъ, „s'ocigai le sergent c'on dist qui tous jors veille“, послѣ чего объ Александрѣ говорится въ другомъ мѣстѣ, въ связи съ взятіемъ Вавилона: *Al dragon est li rois qui le mont emprisonne*. См. мою статью: „Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ“, Журн. Мин. Нар. Просв., 1885, ноябрь, стр. 78 и „Изъ исторіи романа“, стр. 405, примѣч. 1. Позволю себѣ указать на послѣднюю работу (стр. 331—332, прим. 2 и 3) еще и по поводу преданія объ „успѣвѣ“ Іереміи (Gaster, p. 42—43; мотивъ неестественно долгаго сна у *Cosquin'a*, *Contes pop. de Loggaine I*, 19) и легенды о св. Макаріи (стр. 305 и слѣд.). Если, говоря о ней, г. Гастеръ (стр. 55) выражается, что ея апокрифическая часть цѣликомъ взята изъ Псевдокаллистеена, то едва ли онъ не выразился черезчуръ аподектично, какъ и въ другомъ случаѣ, связавъ съ еретическимъ или заподозрѣннымъ церковью культомъ ап. Іоанна (см. стр. 49, 64 и слѣд.) нѣмецкую обрядовую *Johannis-tinne*. Она, несомнѣнно, относится къ распространенной ивановской обрядности, какъ, вѣроятно, и эротическій *Hannsenwein*, недавно отмѣченный Негеле (*Germania*, XXXI, стр. 346—347).

„Эпистолиа съ неба“ и легенда о 12-ти пятницахъ (стр. 67—71; см. мои Опыты по исторіи развитія христіанской легенды II, II—VI; Джузеппе Питрѣ и его библіотека народныхъ сицилійскихъ преданій, Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, январь, стр. 89 и слѣд.; Критическія и библіографическія замѣтки, *ib.* 1878, янв., стр. 156—159; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 14 и слѣд.), если распространеніе и своеобразное развитіе того и другаго памятника стоять, какъ я полагаю, въ связи съ развитіемъ флагелланства, нарушаютъ въ хронологическомъ и генетическомъ отношеніяхъ серію текстовъ, до сихъ поръ разобранныхъ авторомъ, ибо слѣдующая дальѣ заговорная молитва отъ трасавицы, приписанная полу Іереміи (см. стр. 80 и слѣд.), относится, во всякомъ случаѣ, къ другой, болѣе древней, сферѣ представленій, чѣмъ статьи о Недѣлѣ и Пятницѣ.— Молитвой отъ трасавицы подробно занимались Хиждеу и г. Гастеръ въ указанныхъ выше сочиненіяхъ; см. мои Разысканія VI, стр. 40 и слѣд., 222—223, прим. 2 и 427 и слѣд.; Замѣтки по литературѣ и народной словесности I, стр. 87 и слѣд.; Замѣтки къ исторіи апокрифовъ, I. с., стр. 288—293.

Изъ заклинательныхъ формулъ, которыми кончаетъ авторъ обзоръ апокрифической литературы, укажу на „молитву святаго апостола Павла отъ змія“, которой я коснулся по поводу сообщеній Питрѣ

о сицилианскихъ *siagauli*: людяхъ, родившихся въ ночь на 29-е іюня или 26-е января (дни, посвященные памяти апостола Павла), не боящихся укушенія змѣи и исцѣляющихъ увзвленныхъ ею. См. мою замѣтку: Новые журналы по народной словесности и мѣологии въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, сентябрь, стр. 213 и слѣд. Какъ суевѣрная молитва, такъ и ремесло *siagauli* (о которыхъ см. еще замѣтку Тоггаса въ *Giorn. storico della letteratura italiana* № 10—11, стр. 218, прим. 3) одинаково примыкаютъ къ извѣстному разказу Апостольскихъ Дѣяній, гл. XXVIII.

Мы видѣли, что повѣсть о Соломонѣ и его женѣ и о Вавилонскомъ царствѣ была рассмотрѣна авторомъ въ отдѣлѣ апокрифовъ, хотя, быть можетъ, естественнѣе было удѣлить имъ мѣсто въ разборѣ разказовъ романтическаго содержанія, проникшихъ изъ Греціи къ славянамъ. Извѣстно, что греки съ своей стороны были нерѣдко лишь передатчиками иноземнаго преданія: такъ перешелъ къ намъ Акиръ премудрый, Стефанитъ и Ихнилать (стр. 117 и слѣд.), Варлаамъ и Іоасафъ (стр. 111—112) и др.

Относительно первой повѣсти надлежало упомянуть новое ея изданіе Е. В. Барсовымъ¹⁾ и загадочное упоминаніе дѣйствующихъ въ ней лицъ, Синагрипа и Акира въ одномъ апокрифическомъ чудѣ св. Николая. Въ румянцевской рукописи № 181, 1523 года, оно озаглавлено: „чудо святаго Николы ѿ Синагрипи цари“ и начинается такимъ образомъ: „в таже лѣта поиде царь Синагрипъ на браня и бысть на морн восташа вѣтры велици и оуже кораблю разбитиса“. „Статья въ рукописи зачеркнута и, кажется, давно, нныя слова трудно разобрать“, говоритъ Пыпинъ²⁾;—„впрочемъ содержаніе очень темно и по испорченности чтенія, и потому, что въ рукописи недостаетъ листовъ“. То же чудо находится, если не ошибаемся, въ одномъ изъ сборниковъ бібліотеки проф. Тихонравова, и о немъ же докладывалъ, на основаніи одного сборника XVI вѣка Императорской Публ. бібліотеки (Q, I, № 862), г. Владиміровъ въ Обществѣ любителей древней письменности, въ засѣданіи 21-го февраля 1886 года³⁾. Мнѣ оно извѣстно по списку XVII вѣка, описанному А. Н. Попо-

¹⁾ Акиръ Премудрый во вновь открытомъ сербскомъ спискѣ XVI вѣка, съ предисловіемъ Е. В. Барсова, въ *Чтеніяхъ Им. Общ. ист. и древн. Росс.* 1886, кн. III.

²⁾ Пыпинъ, *Очеркъ*, стр. 84.

³⁾ Памятники древней письменности № I.XVI, 1887, стр. 32.

вымъ¹⁾, и въ копіи съ указаннаго выше текста, любовно представленной мнѣ г. Владиміровымъ. Въ послѣднемъ чудо „о цѣи Синагрипѣ“ помѣщено при житіи и чудесахъ св. Николая Чудотворца, въ самомъ концѣ посмертныхъ чудесъ; въ хлудовскомъ спискѣ наша статья стоитъ подъ 29-мъ февраля и подписана: „преподобнаго Штца нашего Кассіяна римлянина“. Демоны, похитившіе въ младенцествѣ Касьяна, пользуются имъ въ послѣдствіи для того, чтобы чинить „пакости великому Василию, когда божественную литургію писаше“. Далѣе говорится о составленіи имъ литургіи, обращеніи Касьяна и сложеніи канона: Всякое дыханіе да хвалить Господа. По кончинѣ св. Василія его наслѣдникомъ въ Кесаріи былъ Θεоктиристъ, въ послѣдствіи митрополитъ Халкидонскій. Здѣсь собственно и начинается чудо св. Николая; списокъ Имп. Публ. библ. не знаетъ сообщеннаго тотчасъ введенія²⁾. „В то же время поиде царь Синаграеъ (вар. Синагрипъ) на брань; яко бысть ему в мори, и восташа вѣтри и хотѣша корабль разбити. Въ то же время бысть у него радца Акиръ мудрый крестыяннинъ и рече царю своему: Призови святаго Николу и завѣщай ему завѣтъ: капонъ и свѣщи, и избавитъ та шть потопа“. Такъ тотъ и дѣлаетъ и избавляется отъ бури. Вернувшись домой, онъ проситъ Акира: повзвать къ нему Николу; но Акиръ ссылается на митрополита Θεоктириста: „тотъ можетъ призвати святаго Николу въ образѣ челоувѣка“. Тогда царь посылаетъ за митрополитомъ, принимаетъ отъ него благословеніе, творитъ обѣты святому Николѣ. „И по повелѣнію Θεоктириста поставити повелѣ полату (вар. церковь) чисту въ три дни, и никому повелѣ асти и пити. И осващена бысть церковь сватымъ митрополитомъ и пѣша канонъ и молебень и сотвориша святому Николѣ святую литургію и совершивъ канонъ и кутію и вшедъ въ полату цареву седоша за трапезою и готоваше мѣсто святому Николѣ“. Митрополита понуждаютъ ѣсть и пити, но онъ отказывается до пришествія Николы, а онъ не является, и Θεоктириста начинаютъ уличать во лжи, когда по девятомъ часѣ онъ видитъ святаго, грядущаго во врата царевы. Онъ выходитъ къ нему на встрѣчу съ свѣщами и кадцями, припадаетъ къ стопамъ, спрашиваетъ: „Отче святыи, почему ты замедлилъ?“ Никола отвѣчаетъ: „бывшоу ми на мори Тивериадстемъ, и нача ко-

¹⁾ Описаніе рукописей и каталогъ книгъ в т. д. библиотеки А. И. Хлудова, № 178, стр. 358—360.

²⁾ Далѣе сообщая текстъ по хлудовской рукописи, кое-гдѣ отмѣчал варианты другаго списка.

рабли утопати, и призвалъ имя мое, и пидѣ тамо избави ихъ изъ дна моря, и умедлявшу ми тамо. И рече ему Θεоктиристь: Да что еси у нихъ взялъ? И рече святыи Николае: Завѣщаша канонъ и свѣщю и емиянъ и даша ми курецъ печенъ тѣстанъ. И показа ему курецъ. И рече Θεоктиристь философіею штъ моудрости: Авъ бы сего дѣла курца трехъ степеней (вар. ступеней) не ступилъ^а. Услышавъ это, Никола выходитъ изъ палаты, а Θεоктириста упрекаетъ въ гордости: „сотворю на та молитву Христу царю Богу нашему“. Митрополитъ и царь и вельможи начинаютъ молить святаго, и онъ, снова войдя въ палату, благословилъ всѣхъ, брашно и вино, а самъ сталъ невидимъ. Царь крестился со всѣмъ домоу и сотворили Николѣ „праздникъ честенъ; а святаго Θεоктириста за тѣ три степени (вар. ступени) повелѣша свати штцы по три года не поминати, но попереже въ четвертый годъ поминаютъ, тогда бываетъ високость, а сватому Николае составиша свати штцы праздновати во единъ годъ трижды“.

Отношенія Синагрипа и Акира предложенной апокрифической легенды къ повѣсти, въ которой они являются протагонистами, загадочны; Акиръ видимо обобщился до роли христіанскаго совѣтдателя и увлекъ за собою и имя Синагрипа. Чудо Николы сводится къ общему мѣсту его обычныхъ чудесъ; весь разказъ къ ожидаемому объясненію: по чину св. Николаю празднуютъ три раза въ году, а Θεоктиристу лишь черезъ три года въ четвертый. Въ греческихъ синаксаряхъ XII вѣка память св. Θεоктиристу или Θεоктирику полагается 29-го февраля, когда празднуютъ и св. Кассіана; въ пергаменномъ Евангеліи XIV вѣка (Публ. библ. F. n. I, № 17, л. 132) читается подъ этимъ числомъ помѣтка: „оѣ фестерикта сего поминаютъ на д—к лѣ“¹⁾. Если народная русская легенда²⁾ замѣнила его Касьяномъ, то естественно является вопросъ: случайно или нѣтъ уноминаніе послѣдняго въ хлудовскомъ вариантѣ чуда передъ эпизодомъ о Синагрипѣ? Разказъ легенды проще: однажды осенью мужикъ увязилъ во дорогѣ возъ; проходитъ Касьянъ-угодинокъ и отказывается помочь ему, чтобы не замарать райскаго платья; помогъ Никола³⁾. Когда тотъ и другой пришли къ рай и Господь узналъ, какъ было дѣло,

¹⁾ Сообщение г. Владивірова.

²⁾ См. А. Аванасьевъ, Нар. русскія легенды, № 11.

³⁾ Спасеніе на морѣ, о которомъ говоритъ чудо, замѣнено въ сказкѣ спасеніемъ на сушѣ. Въ одной нѣмецкой легендѣ св. Николай также помогаетъ крестьянину вытащить увязнувшую въ землѣ телѣгу и лошадей. Сл. *Schnell, Sanct. Nicolaus, der heilige Bischof und Kinderfreund*, I Heft, p. 33.

Онъ говоритъ Касьяну: „не помогъ ты мужику—за то будутъ тебѣ черезъ три года служить молебны; а тебѣ, Никола-угодникъ, за то, что помогъ мужику воѣ вытащить, будутъ служить молебны два раза въ годъ“. Никольскіе капуны извѣстны: когда Никола хочетъ помѣшать бражнику пробраться въ рай, тотъ стыдитъ его: „А помнишь ли ты, святой Николае, коли ты намъ велѣлъ капуну варить и намъ бражникамъ велѣлъ пить долго, свой праздникъ величать? Святой Николае отъиде отъ вратъ посрамленъ“¹⁾.

Если повѣсть объ Акирѣ дала нѣсколько собственныхъ именъ благочестивой легендѣ, то такому сюжету, какъ Варлаамъ и Иосафъ, этотъ путь популяризаціи былъ предначертанъ самими его свойствами: русскія и румынскія народныя пѣсни знаютъ аскетическій образъ Иосафа, и мнѣ кажется, что популярность нѣкоторыхъ анологовъ повѣсти, распространенныхъ въ рукописяхъ какъ притчи отъ болгарскихъ книгъ, требовала болѣе подробнаго изложенія, чѣмъ какое удѣлялъ имъ авторъ. Здѣсь мы въ самомъ дѣлѣ присутствуемъ при переходѣ литературнаго памятника въ оборотъ народной поэзіи, въ европейскій folk-lore, отношенія котораго къ гречеславянской литературѣ разобраны не въ уровень съ общающимъ заглавіемъ книги. До-славянская судьба Варлаама и Иосафата, о которой мнѣ не разъ приходилось говорить²⁾, здѣсь насъ не интересуетъ, но я не могу не указать на недавній трудъ Зотенберга, посвященный этой повѣсти³⁾ и вызвавшій интересныя соображенія барона В. Р. Розена⁴⁾. По мнѣнію Зотенберга, редакторомъ греческаго житія Варлаама и Иосафа былъ какой-то Іоаннъ, монахъ лавры св. Саввы около Іерусалима, жившій и писаншій въ первой половинѣ VII вѣка; онъ-то и придавъ разказу, занесенному изъ Индіи въ Іерусалимъ, ту законченную и художественную форму, въ которой онъ приобрѣлъ вслѣдствіи столь огромную популяриность. Но въ надписаніи повѣсти объ Іоаннѣ говорится только какъ о лицѣ, принесшемъ повѣсть въ монастырь, не какъ о переводчикѣ ея; Зотенбергъ полагаетъ, что

¹⁾ Памятники древней письменности. Докладъ комитета 16-го декабря 1878 г., стр. 88—91: о псалмѣ.

²⁾ См. между прочимъ мой отчетъ о *Cosquin, Contes populaires de Lorraine* въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1887 г., апрѣль, стр. 285.

³⁾ Notice sur le livre de Barlaam et Josaphat, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabes et éthiopiennes par H. Zotenberg. Paris, 1886.

⁴⁾ *Извѣстія Вост. отд. Им. Р. Археол. Общ.* 1887 г., т. II, вып. I—II, стр. 166 слѣд.

слова „перевелъ“ или „списалъ“ случайно опущены, не давая большого значенія показанію двухъ рукописей, изъ которыхъ одна относится къ XI вѣку, въ которыхъ рядомъ съ Іоанномъ, принесшимъ повѣсть, упоминается и имя ея переводчика, Евонмія Ивира: „μετα-
 νηχθῆτα[α] διὰ Ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἀγίου Σάββα, [ἀρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς Ἰβήρων πρὸς τὴν Ἑλλάδα γλώσσαν ὑπὲρ Εὐθυμίου ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου Ἰβηρος“. „Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности“ проф. Цагарели дали барону Розену поводъ высказать въ связи съ этимъ надписаніемъ нѣсколько соображеній, открывающихъ новую страницу въ исторіи греческаго Варлаама и Іосафа. Св. Евонмій Ивиръ жилъ въ концѣ X и началѣ XI вѣка; еще въ дѣтствѣ привезенный въ Константинополь, онъ по воспитанію и языку былъ болѣе грекъ, чѣмъ грузинъ. Извѣстна его дѣятельность какъ переводчика греческихъ отеческихъ писаній на грузинскій языкъ; но онъ переводилъ и съ грузинскаго на греческій; въ одной рукописи 1074 года проф. Цагарели нашелъ указаніе, что св. Евонмій, извѣстный „не только въ Грузіи, но и въ Греціи.. перевелъ съ грузинскаго на греческій языкъ Балахвари (по вторичной справкѣ въ рукописяхъ, вмѣсто напечатаннаго Вальвари), Абукура и нѣсколько другихъ книгъ“. Баронъ Розенъ предполагаетъ въ словѣ Балахвари имя В-л-в-н-р, какъ зовется Варлаамъ въ мусульманской версіи повѣсти о немъ и Іосафѣ. Это подтвердило бы показаніе упомянутыхъ выше рукописей, которое бар. Розенъ понимаетъ такимъ образомъ: индійская легенда, занесенная уже въ христіанизованномъ видѣ въ лавру св. Саввы, записана была здѣсь монахомъ Іоанномъ со словъ „правдивыхъ и благочестивыхъ людей“, можетъ быть, по сирійски; монахи-грузины той же лавры перевели ее на грузинскій языкъ и записали въ Грузію, гдѣ въ началѣ XI вѣка Евонмій Ивиръ переложилъ ее по гречески въ той формѣ, въ какой она намъ теперь извѣстна. Исторія ея греческаго текста спустилась бы, при этой гипотезѣ, на нѣсколько столѣтій позже, съ VII на XI вѣкъ: списковъ житія ранѣе этого времени не встрѣчается, самны имена св. Варлаама и Іосафа не являются въ древнихъ синаксаряхъ и минологіяхъ, не исключая и Симеона Метафраста. Это не мѣшаетъ предположить для легенды другіе пути проникновенія на западъ, хотя бы и не въ греческой, и даже въ нехристіанизованной формѣ. Г. Влелюцкій сообщилъ недавно ¹⁾ арманскій и цыганскій пересказъ

¹⁾ Въ *Zeitschrift f. vergleichende Litteraturgeschichte* I, 5—6 Heft., стр. 462 слѣд.

легенды объ Іоасафѣ-Буддѣ, записанный имъ изъ устъ народа. Въ послѣднемъ имень нѣтъ, въ первомъ они обличаютъ непосредственное отношеніе къ какому-нибудь восточному оригиналу, не къ его христіанской передѣлкѣ: царевичъ (=Іоасафъ) названъ Gimágtan-Siddhárta (Будда), его другъ Tschandakan отъвѣчаетъ Tschandaka'ъ Лалитавистары, гдѣ это имя носятъ возница Будды.

Страницы, посвященныя г. Гастеромъ разбору Стефанита и Ихнилата, вызываютъ поправку къ сказанному на стр. 120: будто въ арабскомъ текстѣ (Калила ва Димпа) нѣтъ сновъ царя (Biladh), существующихъ какъ въ сирійской и тибетской, такъ и въ греческой и славянской версіяхъ. Это едва ли не обмолвка; сл. мое: Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши, стр. 25—27. Г. Гастеръ цитуетъ этотъ памятникъ, какъ „The Dreams of Tzar Mamer und Shahaisha“. Въ древней редакціи этой статьи названіе царя Шахайша, то-есть, Шаханшахъ, Мамерь—има философа, толкующаго сны; лишь въ позднѣйшихъ спискахъ послѣднее имя перешло на царя, а философъ названъ—Шаховичъ. Я по прежнему предполагаю, что статья эта перепеделана была у насъ не съ греческаго, а съ какого-нибудь восточнаго оригинала, какъ и сказка о Ерусланѣ Лазаревичѣ, хотя для послѣдней Е. В. Барсовъ ¹⁾ нашелъ возможнымъ допустить греческій оригиналъ—на основаніи встрѣчающихся въ повѣсти греческихъ собственныхъ именъ: Θεοδουλъ, Вахрамей (Βαρθολομαῖος), Епистимія, Анастасія; Продора (Πρόδρομα) и Легія (λέγαι-γωναίτες—въ фрагментахъ Архилоха!), отъвѣчающая и своимъ типомъ этимологіи имени, какъ Арацей либо ἀρτίθρος, либо ἀραῖος, царь Картаусъ—κράτος, κράτος. Примѣняя сказанное авторомъ (I. c. I, 310—311) по поводу славянскаго перевода повѣсти о Дигенисѣ къ сказкѣ о Ерусланѣ, ограничуся замѣткой, что указанныя въ ней гречизмы недостаточны для предположенія греческаго подлинника и могутъ принадлежать русскому переводчику.

Если сны Шахайши уже вывели насъ изъ собственно-греческаго теченія всей этой литературы, то тѣмъ менѣе подходитъ къ понятію grecoslovenic повѣсть о Семи мудрецахъ. Самъ авторъ говоритъ (стр. 117), что въ русской литературѣ она явилась въ переводѣ съ польскаго; въ югославянскихъ пока неизвѣстна; существованіе въ разказахъ отдѣльныхъ мотивовъ и даже повѣстей этого сборника еще не указываетъ, изъ какого, греческаго или западнаго, ис-

¹⁾ Е. Барсовъ, Слово о полку Игоревѣ, I (стр. 422).

точника они провикли въ народъ. Для всякаго отдѣльнаго случая необходимо отдѣльное изслѣдованіе. Славянскія сказки, напримѣръ, о гордомъ царѣ могутъ восходить къ отраженію какой-нибудь западной повѣсти, въ родѣ извѣстной въ *Gesta Romanorum*, либо къ ея византійскому прототипу, въ родѣ легенды о царѣ Аггеѣ¹⁾; мотивъ баллады о „Фридолинѣ“ встрѣчается въ цѣломъ рядѣ восточныхъ и западныхъ сказокъ²⁾, г. Леммъ сообщилъ мнѣ, что нашелъ ея коптскую версію въ рукописи X вѣка; невольно возникаетъ вопросъ, имѣемъ ли здѣсь дѣло съ фактомъ устнаго распространенія одного и того же сюжета, или въ частныхъ случаяхъ было воздѣйствіе на народный пересказъ какой-нибудь опредѣленной литературной обработки общезвѣстнаго мотива. Я имѣю въ виду, между прочимъ, вариантъ указанной легенды, помѣщаемый въ древнерусскихъ прологахъ подѣ 18-мъ апрѣля, какъ заимствованный изъ Патерика³⁾. Во время голода одинъ отецъ продалъ вельможѣ своего сына и, оставляя его, заповѣдалъ ему, чтобы онъ никогда не проходилъ мимо церкви во время богослуженія, не вошедши въ нее и не простоявъ всей службы. Однажды увидѣлъ онъ свою госпожу въ преступной связи съ слугою, но никому о томъ не повѣдалъ, а только молилъ Бога простить имъ тотъ грѣхъ. Но госпожа, стыдясь срама, исполнилась гнѣва и наклеветала на юношу, внушивъ своему мужу, что тотъ юноша замышляетъ убить его. Господинъ рѣшилъ предать его позорной казни и совѣщался съ епархомъ, чтобы онъ умертвилъ того, кто къ нему придетъ съ убрисомъ. Юноша былъ посланъ, но

¹⁾ См. мои Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 44 слѣд.; Разсужденія V, стр. 104 и слѣд. Къ указанной тамъ литературѣ необходимо теперь прибавить: R. Köhler въ *Zs. für roman. Philologie* III 275; Hermann Varnhagen, *Ein indisches Märchen auf seiner Wanderung durch die asiatischen und europäischen Literaturen* (1882) и отчеты объ этой книгѣ: R. Köhler'a (*Archiv f. Literaturgeschichte*, XI, 582 слѣд.) и Torraca, *Saggi e rassegne* (1884), p. 294. О драматической передѣлкѣ этого сюжета у Lope de Vega, *El palacio encantado* см. *Bolte* въ *Ann. für deutsches Alterthum u. Literatur* XIII, 1 Jan. 1887, стр. 110—111. Диссертацию Nuck'a, *Robert of Cisyle*, я знаю лишь по заглавію.

²⁾ См. мой *Dit de l'empereur Constant* въ *Romania* № 22.

³⁾ *Buslaev*, *Ист. очерки* I, 448—449 и *Повесть о благочестивомъ рабѣ* (въ двухъ вариантахъ) въ *Пам. стар. русск. литературы* I, стр. 81—83. Легенда эта находится въ ближайшей связи съ разказомъ, отмѣченнымъ у *Weber*'a (*Ueber eine Episode im Jalmini-Bharata* въ *Monatsberichte d. kön. preuss. Akad. d. Wiss.* 1869, стр. 45—46): о сиротѣ Ahmed'a въ введеніи къ арабскому роману о Сеинъ визиряхъ.

на пути зашелъ въ церковь и промедлилъ; а между тѣмъ, вмѣсто него былъ казнень дѣйствительный виновникъ, опозорившій господина и его жену.

Разказы, подобные этому, нерѣдко встрѣчаются въ такъ-называемыхъ повѣстяхъ „отъ старчества“, благочестивыхъ легендахъ—прикладахъ, проводившихъ въ народное сознаніе рядъ типовъ и эпическихъ формулъ, нерѣдко дошедшихъ съ дальняго востока, чтобы затеряться впоследствии въ синкретивѣ европейскаго folk-lore'a. Посредницей здѣсь для славянъ была Византія и литература патериковъ. Въ исторіи греко-славянскихъ „вліяній“ ее не надо было обходить молчаніемъ.

Иначе ставится вопросъ объ источникѣ южно-славянской Александрии. Я отнесъ ее ¹⁾ къ числу византійскихъ повѣстей и въ этомъ смыслѣ не могу протестовать противъ опредѣленія „grecso-slavonic“; но необходимо отмѣтить, что греческій оригиналъ славянской повѣсти не непосредственно выработался на византійской почвѣ изъ какого-нибудь текста Псевдокаллистоена, а указываетъ на знакомство его редактора съ литературой западной романтики, или же на посредство или вліяніе какой-нибудь западной, нынѣ утраченной обработки, въ родѣ *Historia de grellis* (I. c., стр. 444). Замѣчу кстати, что я нашелъ во Флоренціи списокъ греческой Александрии 1521 г., тождественный съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ спискомъ (I. c. Приложенія, стр. 1 слѣд.), но восполняющій его пробѣлы въ совершенномъ согласіи съ старосербскимъ переводомъ. Такъ, въ этомъ спискѣ находится весь эпизодъ о хожденіи Александра въ страну чудесъ, который я думаю напечатать; въ описаніи даровъ, поднесенныхъ Александру въ Троѣ, та же подробность, что и въ вѣнскомъ спискѣ (недостающая въ славянскихъ): о любви Трояна къ Бризендѣ, только что первый замѣненъ Ахилломъ, послѣдняя замѣнила Поликсену; встрѣчается тотъ же загадочный Аданъ (см. I. c., стр. 443—444 и Приложенія, стр. 36): Ο' Αδάμ ὁ προπάπους μας διὰ τὴν γυναῖκα ἐξόριστος ἐγγύκει ἐκ τὴν τροφὴν τοῦ παραδείσου, ὁ Σολμών ὁ θαυμαστός καὶ ἀνδραγαθὸς δια γυναῖκα κακὴν ἐχάθη, ὁ Σολομών ὁ θαυμαστός καὶ πρόνιμος εἰς τὸν κόσμον ὄλον τὸν Ἀτάνην (вѣнс. см. Ἀτάνην) τὸν βασιλεὺς ἐκολούθησεν διὰ κακὴν γυναῖκα. Приведу для сравненія съ напечатаннымъ мною вѣнскимъ текстомъ и соответствующими славянскими эпизодъ троянскихъ даровъ: ἤφεραν (трояницы Александру) καὶ

¹⁾ См. мое изслѣдованіе: Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 129—451.

τοῦ Ἀχιλλέως τὸ σκουτάριν μὲ τὸ πατζίν τοῦ λέοντος ἐντι[μη]μένον, καὶ ἦτον ἱστορισμένον τὸ πρόσωπον του εἰς τὸ σκουτάριν καὶ τόσον ἔλαμπε πρόσωπόν του εἰς τὸ σκουτάριν ὡς ἂν τὸ φεγγάρι εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ ὡς ἂν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πταρά του ἐφάνταζεν ἔμορφα (ДО СИХЪ ПОРЪ СХОДНО, ЕСЛИ НЕ ДОСЛОВНО, СЪ ВЪНСКИМЪ СПИΣКОМЪ), ὡς ἂν εἰς κοκκινάδι ἐφαίνετον, καὶ ὅταν ἐμάκρυνεν οὐρανοχεῦον (?) ἐφαίνετον τὸ πρόσωπον ἐφάνταζεν, καὶ πάλιν ἐφαγγεν ἀπὸ τὰ λιθαρόπουλα ὅπου εἶχεν ἐγχομισμένον. καὶ πάλιν ὅταν του ἔκρουεν ὁ ἥλιος, ἐφαίνετον ἄσπρον καὶ κόκκινον καὶ γαλαζεύον τὸ πρόσωπον εἰς τὸ σκουτάριν τὸ συνεἶχεν τὴν τέχνην θαυμαστή διὰ λόγιας ἔλαμπε ἀπὸ τὰ λιθαρόπουλα ὅπου ἦτον ἐγχομισμένο τὸ σκουτάριν του. Καὶ ὡς το εἶδεν ὁ Ἀλέξανδρος, ἐθαύμασε θαῦμα μέγα πολὺν. Ἦφεραν καὶ τῆς Βρισηΐδας (ВЪНСК. СПИС. ДАЛЪЕ: τοῦ Καλκᾶ) τῆς θυγατρὸς τὸ μαντέλον ὄλον μὲ χρυσομάργαρον καὶ πολυτίμητα λιθαρόπουλα εἶχεν, ὅπου τὸ εἶδεν πᾶσα ἄνθρωπος καὶ ἐθαύμασε. Въ вѣнскомъ спискѣ за послѣд-нею фравой, нѣсколькю иначе выраженноу (Ἦφεραν καὶ τῆς Βροσιᾶδος τὸ μαντέλο ὄλον μὲ χρυσομάργαρον πολλὰ τιμημένο ὅπου ἐξέστη πᾶσα ἄνθρωπος ἀπὸ τὴν ἔμορφαδα ὅπου εἶχεν), слѣдуютъ непосредственно слова: ὅπου ἀγάπα ὁ Τρωῖλος τοῦ Καλκᾶ τῆς θυγατρὸς (то-есть, Врисенду), καὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστός ἐσκοτώθη διὰ τὴν θαυμαστὴν Πολυξένην. Иначе продолжается флорентійскій списокъ (за описаніемъ чудеснаго манτέло Врисенды, являющейся далѣе въ роли Поликсены): ὅπου ἐσκοτώθη ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ θαυμαστός καὶ μέγας καὶ δυνάστης διὰ τὴν Βρισηΐδαν καὶ ὅταν ἐπάρθη ἡ Τρωάδα ἀπὸ τοὺς Ἕλληνας, αὐτὴ ἐσφάγη εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως καὶ ἀπέθανεν, καὶ ὡς εἶδεν τὸ ροῦχον ἐκεῖνον ὁ Ἀλέξανδρος πολλὰ τὸν ἐπομπεν καὶ ἐκαύχησεν τὴν τιμὴν τῆς γυναικὸς ἐκείνης, τὸ πῶς καθαρὸν πόθον καὶ ἐνεπιστευμένην ἀγάπην ἐκράτησεν πρὸς τὸν Ἀχιλλεῖα, ὅπου εἰς τὸν κόσμον ὄλον ἄλλῃ μία γυναῖκα οὐδὲν ἐποιήσε τέτοιαν ἐμπιστοσύνην, καὶ πολλὰ τὴν ἐπαίναςαν ὅλοι ὅτι ὁ Ἀχιλλεὺς ἀπέθανεν καὶ αὐτὴ ὀλοῦσθαι ἀνθρώπου οὐδὲν ἠθέλησε νὰ γένῃ γυναῖκα. καὶ εἶπε ἡ Βρισηΐδα εἰς τὸν τάφον τοῦ Ἀχιλλέως ὄνταν ἐσφάνῃ ὁ βασιλεὺς· Ἀχιλλεῖα μου καὶ λέοντα, ὅπου οἱ Τρωαδίταις ἀπὸ τὸν φόβον σου ἐτρόμαξαν, πῶς ἐγὼ ἢ ἀθλία νὰ ὑπηγαίνω εἰς ξένον τόπον; ὅπου εἶσαι, αὐθέντη μου λεοντόκαρδος; διὰτ' ἐμένα ἐχάθης, κάλλιον τὸ αἷμα μου νὰ πέσῃ εἰς τὸ μνήμα σου καὶ ἐγὼ ἀτίμω νὰ πέσω κοντά σου περὶ νὰ γένω ζωντανή καὶ νὰ ἐπάρω ἄλλον ἄνδρα. За этииъ причитаніемъ, недостающимъ въ вѣнскомъ спискѣ и менѣе развитымъ въ славянскихъ, слѣдуетъ во всѣхъ похвала Александра добродѣтелямъ Поликсены=Врисенды, послѣ чего продолжается перечисленіе даровъ, между прочимъ тѣхъ βασιλίσσης ἐκείνης: (то-есть, Поли-

всены=Вризиды) τὸ σταφάνῳ и ἀλανωκλίβανον Гектора, какъ въ славянскихъ текстахъ, тогда какъ вѣнскій имени не упоминаетъ.

Я позволилъ себѣ пространную выписку изъ флорентійской рукописи Александрии, ибо троянскій эпизодъ этого памятника представляетъ особый интересъ по своей запутанности и поднимаемому имъ хронологическому вопросу. Я разумѣю упоминаніе любви Троила къ Вризидѣ, разказъ, встрѣчающійся впервые у Benoit de Saint More. Флорентійскій текстъ не знаетъ Троила, но не есть ли это результатъ простаго опущенія? Дальнѣйшее смѣшеніе Вризиды съ Поликсеной я представляю себѣ возможнымъ лишь подѣ условіемъ, что смѣшаны были слѣдовавшія другъ за другомъ влюбленныя пары: Вризиды и Троила, Поликсены и Ахилла; славянскіе тексты стоятъ здѣсь въ сторонѣ. Интересно во флорентійскомъ спискѣ подробное описаніе Ахиллова щита и его портрета на немъ; ни въ вѣнскомъ, ни въ славянскихъ текстахъ его нѣтъ, но послѣдніе представляютъ во многомъ сходное описаніе „корзвы“ Поликсены: когда она облачалась въ него, „четыремъ различіямъ подоблаша се и четыре образъ оуказоваше различіиѡ отъ различнаго каменія. Кгда на велено каменікъ възираше, прибываше се зѣлено каменікъ бѣломоу ккъ лицу и подобіи. бѣше образъ ккъ лууне небесной и паоуновоу повлатіѡмоу перію (сл. выше: ὡσάν τὸ φαγγάρι εἰς τὸ οὐρανὸν καὶ ὡσάν τοῦ παγονίου μὲ χρυσάφιν τὰ πτερὰ τοῦ); кгда ли на цървено каменіе възираше, бѣлоу лице ккъ нерайжаномоу (οὐρανοχεύον?) видѣнню прибываше се; кгда ли на плаветно каменіе възираше, прибываше ее плаветъ къ бѣломоу лицу ккъ, и небесной плавети (αλαζεῖον) образъ ккъ подоблаше се; кгда-ли въ вѣи исходдаше, различнаа блистанія блисташе отъ каменѣнныхъ видовъ, таже отъ крѣвна того исходдаахоу“ (см. Изъ исторіи романа I, стр. 264).— Едва ли такое описаніе не естественнѣе встрѣтитъ при изображеніи Поликсены, какъ въ славянскомъ текстѣ, чѣмъ при описаніи Ахилла. Я полагаю вѣроятнымъ, что перенесеніе этихъ образовъ съ первой на послѣдняго принадлежитъ оригиналу флорентійскаго списка, и что изъ сличенія доступныхъ намъ версій этой части текста можно сдѣлать заключеніе о ея первоначальномъ составѣ. Въ славянскомъ переводѣ въ сценѣ поднесенія даровъ являются слѣдующія имена и подробности: Ахиллъ, Гекуба, Кассандра, Поликсена и ея корзно; въ вѣнскомъ спискѣ: Ахиллъ, описаніе его щита, по началу сходное съ пространною флорентійскою рукописью; Троила и Вризиды; Поликсена; въ флор. сп.: Ахиллъ, подробное описаніе его щита, Вризиды (=Поликсены). Последовательность греческаго оригинала могла быть первоначально та-

ков: Ахиллъ, его щить; описаніе корва Поликсены; между тѣмъ и другимъ вторглось упоминаніе Троила и Бризиды, но такъ, что описаніе корва приложено было къ Ахиллову щиту; въ вѣнскомъ сохранилась лишь часть этого описанія, во флорентійскомъ оно было удержано, но съ выпаденіемъ имени Троила, Бризида, внесенная въ контекстъ, какъ простое упоминаніе, смѣшана была съ слѣдовавшею далѣе Поликсеной. Еслибъ это предположеніе оказалось состоятельнымъ, оно пролило бы свѣтъ на хронологію греческаго текста Александрина, ибо въводъ о Троилѣ и Бризидѣ является въ данномъ случаѣ хронологическимъ признакомъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать при бѣдности другихъ данныхъ. Таковыхъ, къ сожалѣнію, оказалось весьма мало въ еврейской Александринѣ, извлеченіе изъ которой сообщены были мнѣ г. Гастеромъ. Сл. мон: Новая данна для исторіи романа объ Александрѣ и мой отчетъ о Paul Meyer, Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge въ *Giornale storico della letteratura italiana* fasc. 25—26, стр. 255 слѣд.

Замѣчу мимоходомъ, что легенда о св. Христофорѣ кинкофеалѣ, упомянутая г. Гастеромъ (стр. 100) въ связи съ разказами о хожденіи Александра въ страну чудесъ, стоитъ отдѣльно отъ нихъ, являясь однимъ изъ многихъ комментаріевъ къ ихъ представленіямъ о песнглавцахъ. Къ легендѣ о св. Христофорѣ сл. Usener, *Acta S. Marinae et S. Christofori*, Bonn, 1886; объ этомъ изданіи я надѣюсь поговорить особо.

Славянскую Александрию мы принуждены были извлечь изъ не тронутого западомъ византійскаго теченія, оплодотворявшаго южнославянскую повеллистику. „Троянскія дѣянія“, о которыхъ говоритъ далѣе авторъ (стр. 101 слѣд.), должны быть совершенно изъяты изъ ея византійскихъ источниковъ. Я говорю не о средне-болгарской повѣсти, изданной г. Сырку, содержаніе которой сообщается на стр. 102—104 и затронуто было мною въ статьѣ: Болгарскія повѣсти Букурештскаго сборника, Журн. Мин. Нар. Просв. 1884, январь, стр. 76—77, въ: Изъ исторіи романа, вып. I, стр. 440 и въ: *Die altslawische Erzählung vom Trojanischen Kriege*, въ *Arch. f. Slav. Philol.* X, 37¹⁾—а о древней „Троянской притчѣ“, извѣстной по изданіямъ гг. Микло-

¹⁾ О другомъ спискѣ этой повѣсти, найденномъ въ рукописяхъ покойнаго проф. Григоровича, докладывалъ проф. Кирпичниковъ на Ярославскомъ археологическомъ съѣздѣ. Судя по письменному сообщенію мнѣ проф. Кирпичникова, содержаніе (и, вѣроятно, и текстъ) то же, что и въ версіи г. Сырку; Магдона (дочь царя Амора) называлась Мигдуной, Елена—*Гилудой*.

шича и Ягича. О ней я говорилъ въ послѣдней изъ указанныхъ выше работъ; что ея источникъ западный—въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе: параллели къ Овидіевымъ Герондамъ и такъ называемому Пиндару Фиванскому, указанныя Мейстеромъ, Келеромъ и Грейфомъ, говорятъ краснорѣчиво; къ нимъ я присоединилъ и другія, разбирая составъ тѣхъ эпизодовъ, которые въ текстѣ, изданномъ Ягичемъ, являются лишними противъ изданія Миклошича. Зависимость отъ однихъ и тѣхъ же, и притомъ западно-латинскихъ источниковъ обнаруживается во всей повѣсти, говорящей въ первой своей части, послѣ краткаго введенія, о рожденіи и романтической юности Париса, во второй разсказывающей намъ о битвахъ подъ Троею, до паденія города. Первая часть, собственно эпизодъ о рожденіи и юности Париса, извѣстна въ цѣломъ рядѣ западныхъ версій, являясь эпизодомъ поэмъ о Троѣ, пересказанныхъ по Дарету, Диктису, Бенуа де St. Моге: источникамъ, не знающимъ этого эпизода; вторая стоитъ въ извѣстной доселѣ литературѣ троянской саги особнякомъ, не по новости фактовъ, а по составу, обнаруживающему тѣ же отношенія къ Овидію, какъ и первая. Это побудило меня предположить, что „Шритча“ могла быть переводомъ какой-нибудь западной повѣсти о Троѣ, части которой („юность Париса“) заврели эпизодически въ ту или другую европейскую поэму, тогда какъ цѣлое сохранилось лишь въ славянскомъ переложеніи. Грейфъ (въ письмѣ къ мнѣ) не согласенъ съ этимъ построеніемъ: по его мнѣнію, повѣсть о „юности Париса“ могла быть отдѣльною статьей, которою пользовались одинаково и независимо другъ отъ друга поэты и компиляторы троянскихъ сказаній. Это возможно, но предполагаетъ прежде всего, что сказка о юности Париса могла въ самомъ дѣлѣ дать содержаніе отдѣльному разказу, и оставляетъ открытымъ вопросъ: о своеобразности всего состава славянской повѣсти (-и ея оригинала) по сравненію съ западными, въ которыхъ эпизодъ о юности введенъ, какъ мы видѣли, въ разказы, составленные по другимъ, обычнымъ тамъ, источникамъ.

Я позволю себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на эпизодѣ о рожденіи и юности Париса, такъ какъ со времени написанія моей статьи для него открылись новыя параллели, не безынтересныя по вопросу объ источникахъ славянской повѣсти.

Гекубѣ снился сонъ, что она родила головню, которая, взлетѣвъ къ небу, упала въ море, изъ моря разсыпались искры, отъ которыхъ выгорѣла Троя. Пріамъ, которому жена передала свой сонъ, спрашиваетъ о его значеніи пророковъ и волхвовъ. Тѣ говорятъ, что у царя

родится сынъ, будущая гибель города. Услышавъ это, царь велить женѣ тотчасъ же убить имѣющаго родиться ребенка; но у ней не хватило на то духа; завернувъ новорожденнаго въ шелковыя ткани, положивъ къ нему золота и серебра, она отдаетъ его одному юношѣ съ порученіемъ забросить его подальше отъ города. Такъ тотъ и сдѣлалъ; ребенка находятъ старикъ овчарь, который относитъ его къ своей женѣ, только-что родившей ему сына; съ нимъ вырастаетъ въ семьѣ пастуха и заброшенный царевичъ, играетъ въ полѣ около стада, своди быковъ въ бою и возлагая вѣнокъ изъ цвѣтовъ на голову побѣдителя. Самъ онъ, возмужавъ, начинаетъ сходиться съ добрыми витязями и всѣхъ ихъ превосходить въ играхъ и военныхъ забавахъ. — Къ послѣдующему развитію дѣйствія этотъ разказъ принимаетъ такимъ образомъ: Парисъ рѣшаетъ извѣстный споръ трехъ богинь и присуждаетъ яблоко Венерѣ, которая и открываетъ ему тайну его происхожденія. Парисъ отправляется въ Трою, узнавъ, и его дальнѣйшая исторія сплетается съ общимъ ходомъ троянскихъ дѣлъ.

Мотивы этого разказа, отчасти кровніе, отмѣчены были до сихъ поръ въ слѣдующихъ средневѣковыхъ обработкахъ троянской саги: у Симона Сарга Augea, Конрада Вюрцбургскаго, въ *Trojumännsaga*, *Sæge of Troye*, передѣлкѣ поэмы *Benoît de St. More* *Jean*'омъ *Maikaraume* и въ хроникѣ *Delgado*. Сличеніе всѣхъ этихъ текстовъ съ славянскими и между собою дало мнѣ поводъ высказать нѣсколько предположеній относительно послѣдовательности первичнаго разказа, легшаго въ ихъ основу. Новые варианты той же легенды, о которыхъ я говорю далѣе, дадутъ мнѣ, вѣроятно, возможность кое въ чемъ видоизмѣнить эти предположенія, но уже и тотъ матеріалъ, который до сихъ поръ былъ у меня подъ рукою, не оставляетъ сомнѣній, что оригиналъ славянской статьи былъ западный, латинскій или романскій. Обращу вниманіе на этимологическую игру именемъ Париса. Въ текстѣ Миклошича говорится, что обрѣтеннаго отрока пастухъ называлъ „Парижъ пастыревичищъ“; иначе въ версіи Ягича: „издѣ му имя Парижъ, за-чѣ растѣше како и парижъ (=фарижъ—копѣ), вскруживъ шию“. Такъ какъ оба текста пошли изъ одного прототипа, то послѣднему слѣдуетъ вмѣнить одну изъ двухъ этимологій, другую—редактору одного изъ двухъ текстовъ, которому этимологія подлинника могла показаться невнятною. Какой бы изъ нихъ мы ни отдали предпочтеніе въ древности, обѣ онѣ представляются ребяческими, вышшими, какъ бы внушенными стараніемъ приблизительно выразить звуками родного слова не переводимую содержательную

игру словъ подлинника. Въ англійскомъ *Seege of Troye Pagus* такъ названъ потому, что былъ *wuse*; то же и у Конрада Вюрцбургскаго (*wis: Paris*), но онъ же говоритъ, въ связи съ правосудіемъ Париса, обнаруженнымъ въ состязаніи быковъ, что има ему дано было за его справедливость, прибавляя:

Pag und Paris sind ebensleht.

Стало быть, има *Paris'a*, правосуднаго, толковалось въ связи съ *pag*; этой игры словами не могъ удержать славянскій переводчикъ и замѣнилъ ее другою, въ которой содержательное значеніе прозвища поневоли исчезло, какъ не поддающееся передачѣ.

Разказъ о юности Париса находится еще въ средне-англійской хроникѣ *Robert de Brunne* (по письменному сообщенію мнѣ Грейфа) и въ цѣломъ рядѣ италіанскихъ сказаній о Троѣ, разборъ которыхъ посвящена недавно вышедшая книга *Egidio Gorra's* (*Testi inediti di storia trojana. Torino, 1887*). Я пользовался его трудомъ въ корректурныхъ листахъ и во время моего, въ сожалѣнію слишкомъ краткаго, пребыванія во Флоренціи, могъ самъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ описанныхъ имъ рукописей. Италіанская редакція троанской саги тѣмъ болѣе меня заинтересовала, что западному оригиналу южнославянской „Притчи“ естественнѣе всего было проникнуть въ славянскія земли именно изъ Италіи.

Дальнѣйшія сообщенія я ограничиваю эпизодомъ о юности Париса, въ *Istorietta Trojana*, изданной Горрой въ приложеніи къ своему труду по рукописи начала XIV вѣка, нѣтъ разказа о рожденіи и воспитаніи Париса у пастуха. Однажды, когда онъ идетъ въ полѣ, онъ видитъ, что его быкъ бьется съ захожимъ, и награждаетъ послѣднѣго какъ побѣдителя, возлагая на него гирлянду изъ цвѣтвъ. За этотъ поступокъ онъ заслужилъ репутацію справедливаго (*e sibi saputo, molto ne fue Paris lodato e tenuto a giusto*), и когда заспорившія богини ищутъ, кто могъ бы разсудить ихъ между собою, онѣ обращаются къ нему, припоминая его судъ надъ быками¹⁾.—Ийте-

¹⁾ Мотивъ „быка“ существовалъ въ классическомъ преданіи еще и въ другомъ видѣ при имени Париса. Я указалъ на Овидія *Heroid. XVI 357*:

*Paene puer caesis abducta armenta recessi
Hostibus, et saevam nominis inde tuli.*

(Сл. мое: *Die altslavische Erzählung* и т. д., I. с., стр. 39, прим. 1). Объясняется это указаніе легендой у Гигина (*Hugini Fabulae 91*), совъ Гекубы; она велитъ слугамъ убить родившагося мальчика, но тѣ пощадилъ его; *quem satellites misericordia ducti exposuerunt, [eum] pastores pro suo filio repertum expositum*

ресны собственныя имена троянской саги, встрѣчающіяся въ нашемъ памятникѣ и напоминающія обликъ именъ въ славянской притчѣ: Accilles=Ацилешъ, Giuppiter=Ипитерь, Ulixes=Уриксешъ, Patricolus (sic)=Патриколушь.

Въ одной венеціанской версіи Троянскихъ сказаній, описанной Горрой, которому я обязанъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ выписокъ изъ текста, послѣдовательность такова: сонъ Гекубы; она отдаетъ Париса на воспитаніе женамъ пастуховъ, а Пріама увѣрила, что мальчикъ убить по его приказу. Слѣдуетъ, какъ въ большинствѣ пересказовъ нашей легенды (и въ славянскомъ, сокращающемъ этотъ эпизодъ), любовная связь Париса съ Эноной, которая представляется нимфой. *zò dia dele fontane e delle aque*. Парисъ отбиваетъ стадо, которое пытались увести (см. выше въ примѣчаніи разказъ Гигина); бои быковъ и судъ надъ ними Париса: *e per zò follo chiamato Paris proteg (? per tal?) sentenza che iera igual le sentenzie ch'ello daxeua*. Энона открываетъ ему тайну его рожденія. Въ славянской версіи это откровеніе приписано Венерѣ; ту же подробность я предполагалъ возможнымъ встрѣтить и *Trójumaupasaga*'ѣ, текстъ которой въ данномъ мѣстѣ указываетъ на явный пропускъ: Гекуба отдаетъ Париса на воспитаніе, онъ названъ Парисомъ; „когда онъ выросъ, онъ сильно любилъ Фрею (=Венеру) и впоследствии, когда узналъ о своемъ происхожденіи...“ Далѣе, въ сценѣ суда надъ богинями, Фрея является сѣверною замѣной Венеры, почему я и полагалъ возможнымъ, что въ приведенныхъ отрывочныхъ строкахъ она выступаетъ, какъ и въ славянской версіи, въ роли Венеры, открывающей Парису тайну его происхожденія. Противъ этого говоритъ то обстоятельство, что въ славянской притчѣ это откровеніе помѣщено послѣ суда надъ богинями, въ связи съ обѣщаніемъ Венеры наградить Париса, если онъ окажетъ ей преимущество; между тѣмъ въ сагѣ сцена суда, въ которой является и Фрея=Венера, разказана позже указаннаго выше

educarunt eumque Parim nominaverunt. Is cum ad puberem aetatem pervenisset habuit taurum in deliciis. Quo eum satellites missi a Priamo ut taurum aliquit adduceret venissent, qui in athlo funebri quod ei fiebat poneretur, coeperunt Paridis taurum abducere qui persecutus est eos et inquisivit quo eum ducerent. Illi indicant se eum ad Priamum adducere qui vicisset ludis funebribus Alexandri. ille amore incensus tauri sui descendit in certamen et omnia vicit, fratres quoque suos superavit. indignans Deiphobus gladium ad eum strinxit, at ille in aram Jovis Hercei insiluit. Quod cum Cassandra vaticinaretur eum fratrem esse, Priamus eum agnovit regiisque recepit.

отрывочнаго ея упоминанія, и представляется сомнительнымъ, по отношенію къ ней, выраженіе: любилъ. Остается предположить, что какъ въ венеціанскомъ пересказѣ, такъ и въ подлинникѣ саги дѣло шло о Энонѣ, которую пересказчикъ смѣшалъ (если только смѣшеніе не произошло въ его оригиналѣ) съ слѣдующею далѣе Венерой—по смежности и созвучію именъ, усиленному обоюднымъ искаженіемъ. Въ славянской притчѣ Венера = Веноушь, Веноуша, Энона = Оинеушь, Ионеш и Веноушь, какъ въ одной латинской статьѣ о Тройѣ, о которой рѣчь будетъ далѣе, Венера является подъ именемъ *Veneus* (Венеоушь).

Въ связи съ эпизодомъ объ Энонѣ нашего разказа припомнимъ одно мѣсто славянской притчи. Энона обращается съ упрекомъ къ Еленѣ: „помани, егы то ны три сѣдѣхомъ въ морьскомъ отоцѣ и доиде Тезишь витезь и вѣва тебе изъ междѣ насъ, и по томъ та е вѣзаль Менелаоушь царь, а сези си въ третна постела прѣлюбь сѣтворила“. Въ венеціанской повѣсти Энона такъ говоритъ Парису: *Tu credis aver fato una gran cossa per aver tolto Elena, ma no sattu ch'elo non è, ma sa tempo avanti ch'ela fosse moler de Menelaus si andò la festa in Grezia che le done se andava a bagnar al fiume in chamiza, e stando le done sovra lo ladi del fiume e li signori da l'altro ladi, e stando Ellena spolada, si se gita in lo fiume per lavarse; e Texeo, lo qual si era so amador, si se li zita driedo a l'aqua e si la prexe e menala a [A]tenes e si la tene molti zorni? и т. д.*

Въ „Цвѣтникѣ“ (Florita) *Armannino giudice di Bologna* (XIV в.) разказъ о юности Париса встрѣчается дважды, но безъ боя быковъ и откровеній Эноны. Интересны для славянскаго текста вѣкоторыя подробности, предшествующія первому разказу: Пелей женится на Фетидѣ, дочери Нерея. У этого Нерея было пятьдесятъ мудрыхъ и вѣщихъ дочерей, знавшихъ всѣ искусства гаданія, особливо путемъ гидромантии. Онѣ обитали на морскихъ „отокахъ“, *isole nereite*, ибо здѣсь ихъ искусство проявлялось наиболѣе; писатели зовутъ этихъ женъ нимфами и морскими богинями, ибо онѣ изощрялись въ искусствѣ гидромантии. Нимфы и nereиды обратились въ вѣщихъ женъ, пророчицъ, какъ въ славянской притчѣ Юнона, Паллада и Венера являются „вилами пророчицами, кожъ бѣхъ наглѣпша въ морскихъ отоцѣхъ“. Последнее опредѣленіе напоминаетъ „*isole nereite*“: богини смѣшаны съ вѣщими морскими вилами — nereидами; морскою вилой и пророчицей является позднѣе и Фелеса — Діана. Очень вѣроятно, что славянскому переводчику принадлежить

перенесеніе на языческихъ богинь вообще образа пророчицъ-нереидъ, встрѣченный имъ въ его подлинникѣ, въ эпизодѣ о Пелеевои свадьбѣ.

Тѣ же подробности о рожденіи и юности Париса съ боемъ быковъ (*iudex justus*), но безъ эпизода о Энонѣ, находятся въ одномъ рукописномъ латинскомъ *Liber exitium Troje*, изъ котораго выше приведено было чтеніе *Veneus=Venus*.

Какъ эта форма имени, въ связи съ другими подобными, такъ и весь характеръ источниковъ, раскрываемый предыдущимъ, хотя бы и частичнымъ сравненіемъ, отводитъ нашей притчѣ мѣсто не въ греко-славянскомъ литературномъ теченіи, какъ то полагаетъ авторъ, а въ томъ, которое позволено обозначить, по отношенію къ южно-славянскимъ странамъ, названіемъ латинско- или романско-славянскаго. Въ этомъ теченіи помѣстятся, слѣдомъ за Троянскою притчей, и сербскіе переводы Тристана и Изы, сохранившіеся въ бѣлорусскомъ пересказѣ XVI вѣка, можетъ быть, и нѣкоторые изъ другихъ памятниковъ, обыкновенно рассматриваемыхъ подъ рубрикой византийскаго вліянія. Для Россіи передаточнымъ пунктомъ этой западной литературной струи были въ древнюю пору Сербія и Далмація; позднѣе—Польша.

Византийскому теченію, на оборотъ, принадлежитъ поэма о Дигенисѣ¹⁾, перешедшая къ славянамъ въ своеобразномъ прозаическомъ пересказѣ. Разборъ, посвященный ей Гастеромъ (стр. 105—108; стр. 39. См. мои Отрывки византийскаго эпоса въ русскомъ. Поэма о Дигенисѣ, Вѣстникъ Европы 1875, апрѣль=*Bruchstücke des byzantinischen Epos in russischer Fassung, Russische Revue 1875, IV Jahrg. 6 Heft*; отчетъ о книгѣ г. Жданова: Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1881, февраль, стр. 368—371), едва ли отвѣчаетъ ей значенію; по отношенію къ греко-славянскому вліянію, которое изучаетъ авторъ, ему интересно было остановиться на гипотезѣ Психари (которую, впрочемъ, я по прежнему считаю не доказанною, см. мою статью: Къ народнымъ мотивамъ баллады о Ленорѣ, I. с., стр. 74): что списатель поэмы о Дигенисѣ скалькировалъ свой планъ съ французской

¹⁾ Новое изданіе ея трапезунтскаго текста, съ добавками изъ другихъ, не отличаетъ цѣлымъ критикъ. См. *Ἐπὸς μετασχημὸν ἐκ τῆς χειρογράφου Τραπεζούντος. Ὁ Βασιλεὺς Διγενὴς Ἀκρίτης ὁ Κακποδάρχης ἐπομνηστικῶν ἐκδόματα: ὑπὸ Σάββα Ἰωαννίδου. Ἐν Κωνσταντινουπόλει. 1887.*

chanson de geste о Guillaume au Court nez. Съ другой стороны отмѣтивъ предложенное мною отождествленіе Дигениса-Аникита съ. Аникомъ русскаго духовнаго стиха, Гастеръ не коснулся вопроса, поднятаго Саеой, Леграномъ и Политомъ: о другомъ отраженіи легенды о Дигенисѣ въ области народнаго folk-lore. Я разумѣю балладу о Ленорѣ или о братѣ-мертвецѣ. Я позволилъ себѣ (I. с., стр. 76—78) усомниться въ состоятельности этой генеалогіи; тѣмъ не менѣе вопросъ еще остается открытымъ, какъ вообще вопросъ о международныхъ направленіяхъ, среди которыхъ создались пѣсни о Ленорѣ. См. Krumbacher, Ein Problem der vergleichenden Sagenkunde und Litteraturgeschichte (Zeitschr. f. vergleichende Literaturgeschichte I, стр. 214 слѣд.); Böckel, Zur Lenorensage, Germania XXXI, стр. 117—119 и тамъ же стр. 347—351: отчетъ Либрехта о брошюрахъ Психари и Полита; Jahn, Volkssagen aus Pommern und Rügen № 515 (библиографія пѣсни, составленная Ernst'омъ Kuhn); новые варианты греческихъ пѣсней, сообщенные недавно Политомъ (Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος II, 7, стр. 552 слѣд.). Вопросъ этотъ тѣмъ интересенъ, что рядомъ съ литературнымъ движеніемъ греко-славянскимъ онъ открываетъ возможность и другому противоположному—славяно-греческому. Я имѣю въ виду предположеніе Вольнера о томъ, что мотивы баллады о братѣ-мертвецѣ сложились въ отношеніяхъ славянскаго быта и соотвѣтствующія греческія пѣсни стоятъ въ зависимости отъ южно-славянскихъ.

Переходя къ общимъ взглядамъ автора на пути и характеръ изучаемаго имъ литературнаго движенія, я совершенно согласенъ съ нимъ (стр. 95, см. мой отчетъ о книгѣ Cosquin, I. с., стр. 288 и слѣд.) въ отрицательной оцѣнкѣ Бенфеевой гипотезы: о монголахъ, какъ передатчикахъ отъ Азіи къ Европѣ восточнаго повѣствовательнаго матеріала, и въ значеніи, которое онъ даетъ въ этомъ дѣлѣ византійскому посредству. Я долженъ выразиться сдержаннѣе по другому вопросу: о значеніи богомиловъ-катаровъ въ исторіи того же литературнаго перехода. Я формулировалъ подобныя предположенія въ моихъ Славянскихъ сказаніяхъ о Соломонѣ и Китоврасѣ (1872); позднѣе встрѣтилъ его въ книгѣ г. Хыждеу, теперь его развиваетъ авторъ разбираемаго труда (сл. его 2-ю главу; стр. 48 и слѣд., 79: о связи средневѣковыхъ вѣрованій въ демонизмъ вѣдовства съ распространеніемъ дуалистическихъ ересей; стр. 112), къ которому я могу приложить сказанное мною по поводу сходныхъ возрѣній г. Хыждеу; по видимому, по данному вопросу между нами не могло бы быть разно-

гласія; между тѣмъ, оно существуетъ — не въ принципѣ, а въ примѣненіяхъ. Я по принципу не сомнѣваюсь въ сильномъ вліяніи богомильской проповѣди и богомильской фантазіи на религиозное и, болѣе того, поэтическое міросозерцаніе тѣхъ народныхъ слоевъ, которыхъ такъ или иначе тронуло движеніе сектанства; но я выразился бы теперь менѣе категорично относительно опредѣленныхъ слѣдовъ этого вліянія, чѣмъ дѣлалъ это прежде, чѣмъ дѣлаетъ это, съ большою смѣлостью противъ меня, г. Хиждуе (Разсканія VI, стр. 4)—я Гастеръ¹⁾. Я не подписался бы, напримѣръ, подъ слѣдующимъ мнѣніемъ послѣдняго (стр. 28): „Замѣчательно, что древнѣйшіе переводы Библии на народныя (европейскіе) языки, особливо на французскій и итальянскій, сдѣланы были не съ латинской Вульгаты, а несомнѣнно съ греческаго текста, либо какого-нибудь составленнаго по немъ перевода. По всей вѣроятности, они принадлежатъ катарамъ и, быть можетъ, переведены были съ славянскаго“ (сл. стр. 195). Такое же богомильское происхожденіе авторъ приписываетъ не только древнеславянской Палеѣ (стр. 26—27), но и западной Bible historique, источника которой разбираются въ особомъ приложеніи (стр. 147 и слѣд.). Общій выводъ изъ этого разбора такой (стр. 191): „Источники западной Bible Historiale, и въ извѣстномъ смыслѣ и Historia Scholastica, слѣдуетъ искать въ греко-славянской Палеѣ, принесенной съ востока во Францію и Провансъ теченіями, съ которыми мы далѣе познакомимся.... Не въ ортодоксальныхъ, а въ иновѣрческихъ кружкахъ зачалась и развилась литература апокрифовъ“, говорится въ другомъ мѣстѣ (стр. 192),—„и здѣсь же сложилась и Bible Historiale, появленіе которой страннѣйшимъ образомъ совпадаетъ съ замѣчательнымъ движеніемъ, обнаружившимся въ ту пору во Франціи и во всей средней Европѣ“. Въ началѣ XIII вѣка возникло въ Мецѣ общество съ цѣлью читать Библию на народномъ языкѣ; Мецскій епископъ донесъ объ этомъ Иннокентію III, общество было закрыто, ихъ Библия, уличенная въ еретическомъ содержаніи, сожжена; она оказалась принесенною въ Мецъ вальденсами (стр. 194). „Такимъ образомъ“, заключаетъ авторъ,—„мы имѣемъ звено, соединяющее вульгарный пере-

¹⁾ Что распространеніе русскихъ сатирическихъ разказовъ на духовенство принадлежитъ, между прочимъ, нашимъ раскольникамъ и сектантамъ, предпологаетъ, но не доказываетъ г. К. Г.: Два малороссійскихъ еябло и ихъ источникъ, *Вѣстн. Европы* 1887 г., июль, стр. 323 и слѣд. Кстати: *tableau vtrive fabliau*, но къ последнему мы привыкли (стр. 324); страннѣйшій пуримъ рядомъ съ передачей *Rustbues*=*Rugebussom*.

воду Библии и ея обращеніе въ народѣ съ еретическими сектами, процвѣтавшими въ то время, особливо на югѣ Франціи" (I.c.). Но въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о вальденсахъ, не о дуалистахъ богомилахъ или катарахъ; Библия первыхъ не могла быть Библией вторыхъ и на оборотъ; вальденсы также мало принадлежать дуалистическому религіозному движенію, протянувшемуся отъ Болгаріи до Прованса, какъ и флагелланты, распространившіе свою проповѣдь покаянія и самобичеванія въ обратномъ направленіи: отъ Италіи до далекаго Новгорода. Полагаю также, что авторъ выразился слишкомъ обще, говоря въ другомъ мѣстѣ (стр. 21—22), что еретическое (дуалистическое) движеніе, подавленное на югѣ Франціи крестовымъ походомъ на альбигойцевъ, не было окончательно уничтожено, и что его отголоски объявились позднѣе—въ движеніи флагеллантовъ и гусситовъ.

За вычетомъ всего сказаннаго, попытка г. Гастера уяснить себѣ составъ западной Bible Historiale сравненіемъ ея съ греко-славянскою Палеей, заслуживаетъ полнаго вниманія. Разумѣется, его работа — только опытъ, онъ я самъ не даетъ ей другаго значенія (стр. 147), но это опытъ, имѣющій будущее. Авторъ пересмотрѣлъ цѣлый рядъ памятниковъ, черпавшихъ свое содержаніе изъ искомой древней Bible Historiale; обойденъ почему-то богатый отреченнымъ содержаніемъ Cursor mundi. Частные результаты сличенія съ нашею Палеей любопытны. Въ одной каталонской Bible historiale, изученной Rhode (Suchier, Denkmäler der provenzalischen Literatur und Sprache, p. 589 и слѣд.), какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ стихотворныхъ Библияхъ верѣдко встрѣчается воззваніе: „Слышите! Слушайте! Зрите!“ и тому подобныя выраженія. Издатели и изслѣдователь (Rhode) заключили изъ этихъ воззваній, что такая Библия читалась въ церкви и въ школахъ; но если припомнить, что содержаніе ея далеко не каноническое и что чтеніе вульгарной Библии не допускалось католическою церковью, мы поймемъ невозможность предложеннаго объясненія. Совершенно иной смыслъ получаютъ указанныя фразы, если сравнить ихъ съ сходными въ славянской толковой „Палее“: она обращена преимущественно противъ евреевъ и, въ меньшей степени, противъ мусульманъ, служа къ ихъ уличенію. Отсюда понятны частыя возгласенія: „Слыши, жидовине!.. Спрашиваю тебя, жидовине!.. О, вы, грѣшныя жиды и нечистые бесермены!.. Уразумѣйте чудо и возблагодарите Господа!.. Откройте глаза и устремите очи“ и т. п. Гастеръ усматриваетъ въ такихъ же возгласеніяхъ романской „Исторической Библии“, непонятныхъ въ ея настоящемъ составѣ, слѣдъ ея древняго

учительнаго назначенія (сл. стр. 179—180 и 153—154). Другой повод сближенія съ Палеей даетъ одна рукопись нѣмецкой „Исторической Библии“ (стр. 189—190). „Когда Господь готовился создать небо и землю, Онъ сотворилъ раньше всего ангела Sataël, а затѣмъ и другихъ ангеловъ“. Этотъ Sataël не кто иной, какъ Сатанаилъ. Пален, извѣстный изъ богомилскихъ писаній и специально принадлежащій ихъ еретическому влiянiю. Въ полномъ согласiи съ ихъ ученiемъ стоитъ и то обстоятельство, что Сатанаилъ названъ первосозданнымъ, могущественнѣйшимъ, бѣльшимъ надъ другими ангелами. откуда его гордыня и паденiе. Comestor въ *Historia Scholastica* также знаетъ Satanail'a, котораго отождествляетъ съ Люциферомъ и неправильно объясняетъ Сатаномъ: *sic dictus est ante lapsum, vel forte post lapsum, Satan, quasi adversarius, El: Deo*². Интересную легенду о немъ и о происхожденiи демоновъ находимъ въ житiи св. Марины (ed. Usener, l. c., стр. 34—36): οὗτος ὁ Σαταναῆλ ἔλαβεν εἰς γυναῖκα τοῦ Διὸς τὴν θυγατέρα· καὶ οὗτος, ἡ θυγατὴρ τοῦ Διός, ἐγενήθη δαίμων τέλειος· καὶ οὗτος συμμίγνεται αὐτῇ ὡς περ ἀνδρόγυνον, καὶ τίεται ἐξ αὐτοῦ φά ἀντὶ γεννήσεως· καὶ ἐξ αὐτῶν τῶν ψῶν ἐξέρχονται δαίμονες πονηροί. Такъ говоритъ демонъ святой Маринѣ, прибавляя: καὶ λοιπὸν λέγουσιν οἱ μὲν περὶ ἡμῶν ὅτι ἀπὸ τῶν πονηρῶν γυναικῶν τῶν ἀρχαίων γεγενῆμεθα... ἄχρις δὲ Σολομῶντος ἤμεν φυλαττόμενοι εἰς πῖθος ἐκκεχλεισμένοι τῇ σφραγίδι τοῦ Σατανᾶ· ὅτε δὲ ἤλθον οἱ Βαβυλωνιοὶ, ἡμεῖς ἐποίησαμεν ἠλόγα ἀπὸ τῶν ἀγγείων· οἱ δὲ ἐνόμισαν ἰδόντες θησαυρὸν λάμποντα, καὶ ἐλθόντες ἤνοιξαν τοὺς χαλκοὺς πῖθους νομίζοντες χρυσοῖον εὐρεῖν· ἡμεῖς δὲ ἀπολυθέντες ἐθύομεν εἰς τὴν ὑπ' οὐρανόν.

Знакомство западныхъ ученыхъ съ составомъ нашей Пален несомнѣнно прольетъ свѣтъ на исторiю подобныхъ ей библейско-апокрифическихъ сводовъ, бывшихъ въ ходу на западѣ. Разумѣется, не всегда новыя откровенiя будутъ на нашей сторонѣ: легенда объ Авраамовомъ деревѣ неизвѣстна, наприимѣръ, богатому циклу славянскихъ крестныхъ сказанiй. Я занимался ею въ моихъ Разысканiяхъ (X стр. 417 слѣд.; сл. теперь: Bonnard, *Les traductions de la Bible en vers français au moyen âge*, стр. 181; Chabaneau, *Li romans de St. Fanel*, *Revue des langues romanes*, t. XXVIII de la collection, 3-me série, t. XIV, Sept. 1886, p. 118 слѣд.; Oct.—Dec., стр. 158 слѣд.), приравнивая встрѣчающiйся въ ней мотивъ: о чудесномъ оплодотворенiи цвѣтомъ къ малорусской легендѣ о двухъ женахъ, созданныхъ Господомъ Адаму: „жинкѣ зъ рожи“ и женѣ изъ ребра = Еввѣ. Въ томъ же нѣмецкомъ текстѣ „*Historienbibel*“, на который

выше было указано по поводу Сатанаила, упоминается и еврейская легенда (*Alphabetum Pseudo-siracidum*, около VIII вѣка) о первой женѣ Адама, сотворенной Господомъ изъ персти и вѣвъ рай, тогда какъ Ева сотворена была въ рай изъ ребра Адамова (стр. 188).

Какъ часто мелкіе факты западной апокрифической литературы могутъ выяснитъ темныя стороны сходныхъ русскихъ и славянскихъ статей, я попытаюсь указать на примѣрѣ. Въ русской Повѣсти града Іерусалима „царю Волоту видится сонъ: „въ тое страны восточныя восходитъ лучъ солнца краснаго, освѣтила всю землю святорусскую; а въ другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное кореніе, і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречеть бѣлой, на ногахъ у нево колокольчикъ“. Объясненіе этого сновидѣнія такое (сл. мон Разысканія IV, стр. 71): „что съ тое страны восточныя восходитъ лучъ солнца краснаго, освѣтитъ всю землю святорусскую, то будетъ на Руси градъ Іерусалимъ начальный; а что с тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе серебряное, [то] въ томъ градѣ будетъ соборная и апостольская церковь Софіи Премудрости Божия о семидесяти верхахъ, си рѣчь, Святая Святыхъ. А что у древа вѣтвие золоты, то будутъ паникадилы поставлены, а вѣтвие бумажное, то свѣщи на паникадилахъ поставлены будутъ предъ чуднымъ образомъ. [А что поверхъ того древа сидитъ птица кречеть бѣлой], то у меня (Давида) будетъ сынъ царь Соломонъ премудрый і онъ созиждетъ Святая Святыхъ...; а что у кречета колокольчикъ золотой,—у твоей царицы родитца дочь Соломонова“.

Символы дерева (крестнаго)=церкви, птицы—кречета (=феникса), на немъ сидящей = Христа извѣстны въ средневѣковой литературѣ и искусствѣ; что кречеть=Соломонъ, колокольчикъ=его жена Соломонова, дочь Волота—это не гармонируетъ съ иносказательнымъ смысломъ предыдущихъ образовъ (I. с., стр. 71); это дало мнѣ право заключить, что въ данномъ эпизодѣ русской статьи мы имѣемъ дѣло съ агломерацией „нѣсколькихъ значеній, не связанныхъ между собою внутренне, а послѣдовательно приуроченныхъ къ одному и тому же образу, что стало возможнымъ лишь при забвеніи первоначальной символики“ (I. с., стр. 72). Она могла быть такая: дерево=церковь, птица=Христосъ; значеніе колокольчика ясно изъ слѣдующаго крестнаго видѣнія, бывшаго одному умбрійскому мистнику XIV вѣка *Tommasuccio da Foligno* (сл. G. Mazzatinti, *Un profeta umbro del secolo XIV*, въ *Propugnatore* 1882 г., disp. 4—5, стр. 13—14): онъ ви-

дѣлъ почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца, въ правой рукѣ у него вѣтка кипариса, на которой виситъ благозвучно звенящія колокольцы, въ лѣвой знамя съ изображеніемъ черепа, изъ рта котораго выходятъ три лозы. Это Адамъ, три лозы означаютъ три дерева, изъ которыхъ сдѣланъ былъ крестъ Спасителя, кипарисъ указываетъ на качество дерева, колокольцы изображаютъ радость людей, избавленныхъ Распятымъ на крестѣ.—Слѣдуютъ видѣнія: Ноя, Авраама, Моисея и Аарона (безъ иносказательнаго отношенія къ крестному дереву) и, наконецъ, Давида, съ тремя вѣтвями въ рукѣ: кипариса, кедра и пальмы (= три крестныхъ дерева), украшенными серебряными колокольцами.—Иносказаніе русской повѣсти объясняется: въ ея источникѣ колокольцы на крестѣ=фениксъ=Христѣ, воссѣдавшемъ на крестномъ деревѣ=церкви, могли также обозначать радость, имѣющую вселиться въ міръ подвигомъ спасенія.—Въ этомъ иносказаніи имя Соломона могло быть связано первоначально съ упоминаніемъ дерева=церкви=Святая Святыхъ, имъ сооруженной; имя Соломониды вторглось впоследствии изъ Соломоновской повѣсти (увозъ жены), спутавъ первичный символизмъ.

Замѣтокъ и обобщенныхъ исправленій, подобныхъ предложенному, я могъ бы сдѣлать и еще нѣсколько, разбирая трудъ г. Гастера; но и предоставляю это дѣло другимъ, особливо западнымъ ученымъ, для которыхъ его книга будетъ въ извѣстномъ смыслѣ откровеніемъ.

А. Весселомей.

Лекции по общей теоріи права. Приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета Н. Коркунова. Ч. I. С.-Пб. 1887.

Появленіе въ свѣтъ курса общей теоріи права г. Коркунова очень обрадовало насъ. Даже въ Германіи, которая еще такъ недавно была богата литературою по общей теоріи энциклопедіи права, въ два послѣднія десятилѣтія замѣчается по этимъ предметамъ видимый упадокъ; съ 60-хъ годовъ вышли всего только два небольшіе курса Меркеля (*Juristische Encyclopädie*. 1885) и К. Гарейса (*Encyclopädie und Methodologie*. 1887), не представляющіе впрочемъ ни по направленію, ни по содержанію ничего выдающагося.

Курсъ г. Коркунова общалъ тѣмъ больше, что онъ явился въ результатъ довольно продолжительнаго преподаванія, слѣдовательно, постепенно могъ быть провѣренъ и обработанъ; къ тому же г. Кор-

куновъ извѣстенъ, по прежнимъ трудамъ, какъ человекъ способный, со свѣдѣніями по своей спеціальности.

Къ сожалѣнію, курсъ лекцій г. Коркунова, въ его печатномъ видѣ, далеко не оправдалъ нашихъ ожиданій. Трудъ этотъ не даетъ ни цѣльной системы, ни опредѣленныхъ ясныхъ понятій, ни даже сколько-нибудь выдержаннаго направленія. Книга его представляетъ попытку, столько же оригинальную, сколько и неудачную, соединить не соединимые начала и методы, такъ какъ авторъ считаетъ задачей современнаго правовѣдѣнія (между прочимъ) „обработку практическаго матеріала права въ систематическомъ, спекулятивно-идеалистическомъ, историческомъ и эмпирико-реалистическомъ направленіяхъ“ (стр. 29).

Г. Коркуновъ начинаетъ свою книгу изложеніемъ понятій объ энциклопедіи права, философіи права и общемъ ученіи о правѣ; въ этомъ краткомъ критическомъ очеркѣ онъ въ особенности борется противъ „философіи права, какъ сверхчувственнаго понятія о правѣ“ и въ результатѣ отвергаетъ юридическую энциклопедію, какъ особую науку, отождествляя ее съ философіей права (стр. 28), а послѣднюю въ свою очередь отождествляетъ съ общією теоріей права. Съ извѣстной точки зрѣнія можно согласиться со взглядомъ автора; дѣло не въ названіяхъ; необходимо только, чтобы данное опредѣленіе науки было отчетливо и послѣдовательно проведено въ цѣломъ трудѣ, но именно этого мы и не находимъ въ книгѣ г. Коркунова, какъ убѣдимся впоследствии.

Что же такое общая теорія права по взгляду г. Коркунова? Слѣдую Мюллеру (не извѣстно которому, а Мюллеровъ такъ много!), г. Коркуновъ опредѣляетъ свою науку „какъ систему основъ права“ (стр. 28), которая, слѣдую вышеуказанному сложному методу, „обработываетъ практическій матеріалъ права, извлекаетъ изъ него общія основы права, обрабатываетъ ихъ собразно ихъ внутренней связи въ цѣльную систему общей теоріи права“... Въ особенности общая теорія провѣряетъ положительное право съ его технической (?) и логической стороны, выясняетъ руководящіе правовые принципы изъ совокупности, связи и сущности общественнаго организма и сводитъ ихъ къ общимъ основамъ людской дѣятельности въ обществѣ и государствѣ“ „Общая теорія права есть такимъ образомъ краеугольный камень системы правовѣдѣнія“ (стр. 29). Впрочемъ, „сама общая теорія права“, продолжаетъ Коркуновъ, — „конечно, не можетъ никакъ имѣть непосредственнаго примѣненія къ жизни, ибо она содержитъ только общія основы права; не возможно также изъ ея общаго содержа-

ніа, путемъ интерпретаціи, путемъ логическаго и діалектическаго развитія понятій, образовать практическое (?) право" (стр. 29). Предоставляемъ самому читателю найти въ этомъ объясненіи сколько-либо опредѣленныя черты той науки, которую авторъ ставитъ „краугольнымъ камнемъ всего правовѣдѣнія“, при чемъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что „общая теорія права есть обобщенный выводъ изъ практическаго матеріала права“, и въ то же время „изъ общаго содержанія этой науки не возможно образовать практическое право“, равно и на то, что „теорія права свизываетъ въ одно цѣлое не только отдѣльныя дисциплины, но и ихъ содержаніе“; какъ будто дисциплина можетъ быть безъ содержанія?

Для своей науки общей теоріи права г. Коркуновъ ставитъ широкія задачи: „она должна имѣть мѣсто какъ въ системѣ обученія, такъ и въ разработкѣ права“; она служитъ введеніемъ, заключительнымъ курсомъ юридическихъ наукъ, руководствомъ для выбора и постановки спеціальныхъ изслѣдованій и повѣрки ихъ результатовъ; она же заключаетъ въ себѣ и общую критику для права“ (§ 5). Если подобное расширеніе задачъ общей теоріи права мыслимо при научной разработкѣ предмета, то едва ли оно возможно въ системѣ обученія; какимъ образомъ начинающіе слушатели, то-есть, студенты первыхъ семестровъ, могутъ выполнять одновременно столь высокія задачи, могутъ быть готовыми для изученія основъ права и для критики положительныхъ и научныхъ явленій права?

Въ историческомъ очеркѣ философіи права (§ 3) авторъ увѣряетъ, что „теоріи XVII вѣка еще не отличаютъ нравственности отъ права, по крайней мѣрѣ отъ права естественнаго“ (§ 19), и что будто бы „первый установившій опредѣленнымъ образомъ не только это различіе, но и противоположность (?) между правомъ и нравственностью, былъ Томазіи“. Между тѣмъ еще Гроціи понималъ различіе между правомъ (*facultas, justitia expletrix*) и нравственностью (*aptitudo, justitia attributrix*) и провелъ его весьма отчетливо въ ученіи о наказаніи; еще болѣе понималъ различіе между естественнымъ правомъ и нравственностью Пуффендорфъ, указавшій существенныя черты той и другой. Томазіи лишь точнѣе и рѣзче установилъ отличіе между правомъ и нравственностью и провелъ это отличіе въ цѣлой своей системѣ (*Fundamenta juris naturae et gentium. 1705*); вмѣстѣ съ тѣмъ Томазіи не только не противопоставлялъ право нравственности, но признавалъ необходимымъ для счастливой жизни человѣка совокупное дѣйствіе честнаго (*honeste*), благопристойнаго (*decore*) и праведнаго (*juste*).

Перейдемъ однако къ опредѣленію самаго понятія о правѣ.

Г. Коркуновъ полагаетъ (стр. 48), что юридическія нормы, отличныя отъ законовъ природы, не могутъ быть „чѣмъ-либо другимъ какъ только явленіями“¹⁾. Въ чемъ же заключается это „явленіе-право“? „Если отбросить въ обыденныхъ взглядахъ на право всѣ субъективныя воззрѣнія, все мѣняющееся, сообразно различію времени, мѣста, обстоятельствъ, то мы получимъ“, говоритъ г. Коркуновъ, — „какъ общепризнанное, стоящее внѣ споровъ, слѣдующее положеніе: право есть правило (здѣсь уже право не явленіе?), норма человѣческой дѣятельности, осуществляемая чрезъ посредство сознательной воли человѣка, а потому допускающее нарушение“ (стр. 84). Жаль очень, что авторъ не указалъ, кто именно считаетъ подобное опредѣленіе безспорнымъ, такъ какъ мы не встрѣчали его ни у одного серьезнаго правовѣда. Да и что заключается въ этомъ опредѣленіи? Развѣ подъ него не подходятъ отношенія нравственныя, религіозныя, правила логики, грамматики, гигиены и т. п.?

Высказавъ свое безспорное положеніе, г. Коркуновъ нѣсколько ниже воспоминаетъ, „что въ юридической литературѣ нельзя вовсе найдти опредѣленія, пользующагося сколько-нибудь общимъ признаніемъ“ (стр. 53). Вѣроятно, вслѣдствіе того онъ излагаетъ и критикуетъ различныя прежнія и новыя воззрѣнія на право и предлагаетъ въ заключеніе свои. Остановимся лишь на болѣе интересныхъ. Г. Коркуновъ причисляетъ нѣкоторымъ образомъ къ праву и юридическія теоріи: „Если бы право и законъ“, говоритъ онъ, — „были тождественны, то было бы непонятно существованіе юридическихъ теорій. Если бы норма дѣлалась юридическою только въ силу облеченія ея въ форму закона, единственно возможная юридическая теорія была бы теорія составленія законовъ. Между тѣмъ стоитъ раскрыть любой трактатъ по гражданскому и уголовному праву, чтобы убѣдиться въ существованіи такихъ матеріальныхъ теоретическихъ ученій, могущихъ прямо составить содержаніе закона, но и до превращенія въ законъ имѣющихъ юридическій характеръ“ (каковъ языкъ?! стр. 62). Не легко отдать себѣ отчетъ въ этихъ положеніяхъ. Вѣдь существенная принадлежность юридическимъ нормъ заключается въ томъ, что общество, власть признаютъ ихъ обязательными (самъ г. Коркуновъ подтверждаетъ это на стр. 38, 43). Что же общаго, въ юридиче-

¹⁾ Раньше, на стр. 45, онъ говоритъ иначе: нормы юридическія *служатъ причиною явленій*, совокупность которыхъ образуетъ юридическій бытъ. . .

скомъ смыслѣ, между нормами права и трактатами отдѣльныхъ мыслителей? Одна общность содержанія еще не можетъ превратить теорій въ право; хотя бы ученый трактатъ былъ вполне годенъ и приложимъ къ дѣйствительнымъ юридическимъ отношеніямъ, онъ получаетъ значеніе юридическое только въ силу признанія его обществомъ (обычай) или властью (законъ).

Въ теченіе XVII и части XVIII вѣка господствовало воззрѣніе, что законодательство есть исключительная форма права, что самый обычай есть лишь молчаливо признанный законъ, и именно въ это время процвѣтала теорія естественнаго права, а не одна теорія составленія законовъ. Трудно даже понять, почему г. Коркуновъ при такомъ пониманіи юридическихъ теорій отвергаетъ гипотезу естественнаго права, многія положенія котораго перешли въ концѣ XVIII вѣка цѣлкомъ въ законодательство.

За снмъ г. Коркуновъ посвящаетъ нѣсколько страницъ (§ 13) отрицанію принужденія, какъ существенно отличительнаго признака права: „различіе между нравственностью и правомъ“, говоритъ онъ,— „заключается въ томъ, что „нравственность никогда не допускаетъ“ принудительнаго осуществленія... а право иногда допускаетъ... Но отсюда еще нельзя заключать о возможности опредѣлить юридическую норму какъ принудительно осуществляемую“ (стр. 65). Изъ принудительно осуществляемыхъ нормъ г. Коркуновъ исключаетъ „всѣ тѣ, послѣдствіемъ нарушенія которыхъ является наказаніе, такъ какъ наказаніе не есть принужденіе къ осуществленію тѣхъ нормъ“ (стр. 66). „Всѣ юридическія нормы, требующія содѣянія чего-либо, совершенія какого-либо дѣйствія, безусловно не допускаютъ принудительнаго осуществленія. Нѣтъ власти, могущей насильно заставить человѣка дѣйствовать. Силою можно отнять у человѣка жизнь, но нельзя вынудить совершенія дѣйствія“ (стр. 67).

Безъ сомнѣнія, можно находить разнообразныя основанія и цѣли въ дѣйствіи уголовной кары, но общее и основное значеніе наказанія заключается, между прочимъ, и въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ оно служитъ прямымъ или косвеннымъ принужденіемъ къ осуществленію нормъ права. Сверхъ того, если законъ требуетъ отъ извѣстныхъ лицъ уплаты налоговъ, долговъ, исполненія повинностей, и если за неисполненіе сего назначаетъ въ продажу и продаетъ имущество неисправнаго плательщика или должника, то можно ли сказать, что никакая сила не можетъ заставить человѣка уплатить слѣдуемый съ него налогъ или долгъ?

Разборъ важнѣйшихъ опредѣленій философіи у древнихъ и новыхъ народовъ (Аристотеля, Гроція, Канта, Шеллинга, Конта, Краузе, Спенсера) г. Коркуновъ завершаетъ (стр. 24) ссылкой на философскіе этюды г. Козлова, выписывая изъ нихъ длинную тираду, съ такимъ окончаніемъ: „Подлинною задачею философіи всегда было „не познать“ міръ какъ заготово-завершенное цѣлое, а лишь построить понятіе міра“ (Этюды, в. I. 1876, стр. 28). Разборъ общихъ опредѣленій права нашъ авторъ оканчиваетъ ссылкой (стр. 29) на Альб. Поста (къ сожалѣнію, не указывая, на какую изъ нѣсколькихъ брошюръ Поста). Подобныя завычаивающія ссылки производятъ странное впечатлѣніе: неужели авторъ не нашелъ болѣе твердыхъ и признанныхъ авторитетовъ для опроверженія идей Аристотеля и Канта о сверхчувственномъ мірѣ и для подкрѣпленія своихъ взглядовъ? Вѣдь Постъ—одна изъ самыхъ незначительныхъ правовѣдовъ-практиковъ, не имѣющихъ никакого научнаго авторитета. Почему же было не сослаться на Алекса, который еще рельефнѣе выражаетъ позитивный взглядъ на право и на философію права (Du droit et du positivisme 1876)?

Перейдемъ къ разсмотрѣнію основныхъ вопросовъ, составляющихъ содержаніе общей теоріи права г. Коркунова.

На первомъ планѣ стоитъ, конечно, вопросъ о правѣ (гл. I), который г. Коркуновъ разсматриваетъ въ далеко раздвинутыхъ рамкахъ. Авторъ прежде всего старается уяснить отлччіе законовъ этическихъ (въ томъ числѣ и права) отъ нормъ техническихъ (?) и законовъ научныхъ (?); но онъ не только не достигаетъ успѣшныхъ результатовъ, но и спутываетъ понятія. „Законы въ научномъ смыслѣ или законы природы есть“, говоритъ г. Коркуновъ, — „не болѣе какъ формула, выражающая подмѣченное людьми постоянное однообразіе¹⁾ явленій“; „законъ этотъ указываетъ лишь на то, что есть, независимо отъ воли и сознанія человѣка“ (стр. 34); „онъ представляетъ собою лишь обобщенное выраженіе дѣйствительности; поэтому онъ безусловно не допускаетъ нарушеній“ (стр. 44). „Нормы же техническія суть правила должнаго, осуществляются сознательно волею человѣка“ (стр. 36); „онѣ указываютъ только, какъ слѣдуетъ поступать для достиженія какой-либо опредѣленной цѣли, и могутъ быть и не соблюдены, нарушены; таковы правила гігіены, педагогика, грамматика, строительнаго

¹⁾ Одно однообразіе явленій, безъ сведенія его къ общимъ причинамъ, еще не можетъ имѣть значенія научнаго закона.

искусства" и т. д. (стр. 34). „Правила техническія представляются выводами изъ разнородныхъ началъ; нельзя свести къ одному общему началу правила педагогическія, строительнаго искусства, грамматики и гигиены" (стр. 36). По поводу этой характеристики замѣтимъ, что для насъ далеко не ясно принятое г. Коркуновымъ принципиальное различіе между правилами техническими и законами природы, которые почему-то авторъ специально называетъ также законами научными. Развѣ техническія правила, къ которымъ онъ относитъ правила гигиены, грамматики, педагогики, не суть также формулы, выведенныя наукой изъ наблюденія надъ явленіями, и не суть требованія закововъ природы? Развѣ хотя одинъ серьезный гигиенистъ или языковѣдъ согласится, что правила гигиены и грамматики составляютъ простое техническое искусство, что они обнимаютъ не то, чтѣ есть? Смѣшавъ понятія о правилахъ техническихъ и законахъ природы, г. Коркуновъ не могъ установить точнаго отличія между законами этическими (къ которымъ онъ относитъ и нормы права) и законами природы. „Нормы этическія и юридическія осуществляются", говоритъ г. Коркуновъ, — „сознательною волею человѣка, выражаютъ не фактъ, а требованіе, не то, чтѣ необходимо есть, а то, чтѣ должно быть" (стр. 34). „Этическія нормы не могутъ мѣняться съ переменною преслѣдуемыхъ людьми цѣлей; онѣ едины въ томъ смыслѣ, что всѣ онѣ одинаковы, что всѣ онѣ могутъ быть сведены къ одному общему началу" (стр. 36). Предложенная характеристика крайне сбивчива и неудовлетворительна. Нормы этическія, какъ и законы природы и правила техническія, не суть произвольныя созданія; онѣ вырабатываются, хотя и при участіи человѣческаго сознанія, но истекаютъ также изъ фактовъ, изъ того, чтѣ есть, изъ тѣхъ основаній и условій, которые существуютъ въ природѣ человѣка и общества.

Затѣмъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что законы этики, въ противоположность нормамъ техническимъ, могутъ быть сведены къ одному общему закону? Правда, всѣ науки, въ томъ числѣ и этическія, стремятся къ возможному обобщенію и объединенію закововъ; но всѣ онѣ далеки отъ искомой цѣли. Впрочемъ, нѣсколько ниже г. Коркуновъ сознается, что юридическія нормы различныхъ народностей и эпохъ не могутъ быть сведены къ одному общему принципу (стр. 55), что юридическая норма не есть выраженіе общаго и постояннаго въ юридическихъ отношеніяхъ, а представляетъ собою частный и измѣняемый элементъ юридическаго порядка (стр. 48).

Къ дѣйствительно принудительнымъ нормамъ права г. Коркуновъ относить только двѣ небольшія категоріи: 1) „когда законъ запрещаетъ что-либо не дѣлать, то можно силою заставитьъ его не совершать запрещенныхъ дѣйствій“; 2) „если человекъ отказывается представить другому определенную вещь, то эту вещь можно отнять у него силою“. „Въ этихъ двухъ случаяхъ, но я только, дѣйствительно возможно принудительное осуществленіе юридическихъ нормъ“ (стр. 67). Слѣдуя однако строго воззрѣнію г. Коркунова, мы можемъ сказать, что и во второй категоріи не всѣ нормы вполнѣ принудительны: въ моментъ, когда является судебный приставъ, чтобы силою взять у меня вещь, принадлежащую другому, я могу сдѣлать эту вещь негодною (хотя она будетъ находиться на лицо) или еще лучше передать ее третьему лицу. Мало того, къ какому разряду должно отнести нормы о правоспособности и дѣеспособности?

Не должно, однако, думать, что г. Коркуновъ вовсе исключаетъ принужденіе изъ области права; отвергнувъ его въ одномъ видѣ, онъ открываетъ ему полный просторъ въ другомъ: „юридическія нормы“, говоритъ онъ, — „не вездѣ могутъ быть принудительно осуществлены, по интересамъ, ими разграничиваемымъ, всегда допускаютъ принужденное осуществленіе. Принудительность есть отличительное свойство не самаго права, а регулируемыхъ имъ отношеній и интересовъ“ (стр. 69).

Предлагаемое г. Коркуновымъ различіе, заимствованное отчасти у Тона, но выраженное имъ въ своеобразномъ и запутанномъ видѣ, скорѣе составляетъ игру въ формализмъ понятій и выраженій, нежели уясняетъ существо вопроса. Если однако стоять на точкѣ зрѣнія г. Коркунова, то-есть, что принудительность не есть отличительное свойство права вообще, то съ одинаковымъ основаніемъ можно сказать, что принудительность не есть свойство и регулируемыхъ правомъ отношеній и интересовъ. Спрашивается: какимъ образомъ осуществлять принудительно всѣ отношенія и интересы супруговъ, дѣтей и родителей, интересы нанимателей и рабочихъ, всѣ отношенія должностныхъ лицъ, всѣ обязанности представителей службы и вообще большинство интересовъ и отношеній публичнаго права? Вѣдь здѣсь также не возможно непосредственное физическое принужденіе къ осуществленію; психическое же принужденіе, по словамъ г. Коркунова, „сопутствуетъ столько же праву, сколько и религія, нравственности, логикѣ и т. п.“ (стр. 68). За симъ г. Коркуновъ переходитъ къ формулировкѣ собственнаго понятія о правѣ; но пред-

варительно онъ останавливается на воззрѣніи Геринга о правѣ (какъ оно выражено въ сочиненіи: *Der Zweck im Recht*), которое онъ находитъ „наиболѣе широкимъ и нравственнымъ“.

Опредѣленіе Герингомъ права какъ „охраны и обезпеченія интересовъ“ представляетъ въ глазахъ г. Коркунова много преимуществъ, сравнительно съ старымъ объясненіемъ права какъ „разграниченія воли“ (стр. 72). Не смотря однако на эти преимущества, г. Коркуновъ не вполне доволенъ опредѣленіемъ Геринга и „считаетъ необходимымъ“ принять его съ видоизмѣненіемъ и поправкою (стр. 75). „Нельзя“, говоритъ онъ,—„согласиться вполне съ тѣмъ, чтобы право было лишь охраной интересовъ, такъ какъ можетъ оказаться, что какой-либо одинъ исключительный интересъ (деспота) поглощаетъ и подавляетъ всѣ другіе“. Поэтому г. Коркуновъ считаетъ болѣе правильнымъ замѣнить выраженіе „охрана“ „разграниченіемъ“ и опредѣляетъ право „нормою, разграничивающею интересы“. „При такомъ опредѣленіи функціей права будетъ не охрана, а только разграниченіе интересовъ, и этимъ самымъ объяснится, почему юридическое отношеніе мыслимо только между субъектами правоспособными“ (стр. 77). Предложенное опредѣленіе имѣетъ еще и то преимущество, по мнѣнію г. Коркунова, что „охрана интересовъ“ предполагаетъ выборъ лучшаго способа осуществленія ихъ, слѣдовательно, открываетъ путь для безграничной правительственной опеки и подавленія личной инициативы, между тѣмъ какъ „разграниченіе интересовъ“ только устраняетъ взаимныя столкновенія интересовъ, не вмѣшиваясь въ выборъ лучшихъ способовъ осуществленія каждаго интереса въ отдѣльности. Такимъ образомъ, заканчиваетъ г. Коркуновъ,—„разграниченіе интересовъ представляетъ средину между двумя крайностями: индифферентизмомъ формальнаго пониманія права и безусловнымъ уничтоженіемъ всякой индивидуальной самостоятельности“ (стр. 78).

Относительно изложенныхъ воззрѣній на право считаемъ необходимымъ высказать слѣдующее. Прежде всего понятіе о правѣ самого Геринга, столь высоко цѣнимое г. Коркуновымъ, мы позволимъ себѣ считать чрезвычайно слабымъ; да и вообще ученіе Геринга о цѣли права имѣетъ болѣе социально-политическій интересъ, нежели юридическій. Оставивъ твердую почву римскаго и общаго гражданскаго права, на которой Герингъ стоялъ въ своихъ первыхъ трудахъ, доставившихъ ему имя одного изъ первыхъ и даровитыхъ современныхъ правовѣдовъ, онъ вступилъ въ шаткую, измѣнчивую и одностороннюю сферу социально-политическихъ ученій, вследствие чего его „*Der*

Zweck im Recht¹⁾, хотя заключаетъ въ себѣ талантливныя страницы, глубокія и вѣрныя замѣчанія, не вноситъ однако въ ученіе о правѣ ни твердости, ни ясности, исполнено искусственныхъ построений, одностороннихъ выводовъ и едва ли многимъ переживетъ произведенія Поста. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ хотя бы опредѣленіе права, предложенное Іерингомъ въ „Der Zweck im Recht“¹⁾: „право“ является здѣсь „системою обеспеченныхъ принужденіемъ общественныхъ цѣлей или жизненныхъ условій общества“ (S. 240). „Условіе и цѣль“ у Іеринга совпадаютъ (§ 434); подъ условіемъ онъ разумѣетъ всѣ тѣ блага и наслажденія, которыя даютъ жизни настоящую цѣну; они обвиняютъ честь, любовь, дѣятельность, образованіе, религію, искусство, науку (стр. 435 — 436). „Такимъ образомъ, все частное исчезаетъ, все состоитъ подъ господствомъ общества, государства, все можетъ быть превращено въ общественную цѣль, подвергнута принужденію“. Самъ г. Коркуновъ замѣчаетъ этотъ недостатокъ и говоритъ, что „при такомъ разумѣніи права можетъ явиться безграничная опека правительства, такъ какъ выборъ цѣлей и способовъ осуществленія принадлежитъ правительству“. У Іеринга оно такъ и есть: „Лицо, товарищество, государство“, говоритъ онъ, — „такова историческая лѣстница человѣческихъ цѣлей; что прежде исполнялось лицомъ, то переходитъ къ товаричеству и затѣмъ къ государству. Государство поглощаетъ въ себѣ всѣ цѣли общества; и если правильно заключеніе отъ прошедшаго къ будущему, то въ концѣ концовъ государство восприметъ въ себя все общество, явится верховнымъ субъектомъ права“ (стр. 304). „Прогрессъ государства и права“, продолжаетъ Іерингъ, — „представляетъ безконечное повышеніе требованій къ индивидууму, и мы должны быть готовы постоянно къ новымъ ограниченіямъ“ (стр. 316—521). Неужели нѣтъ пункта, достигнувъ котораго индивидуумъ могъ бы воскликнуть: „довольно однако требовать, я усталъ быть вѣчнымъ животнымъ общества; должна же быть граница между мною и обществомъ, за которою начинается область свободы, принадлежащая мнѣ исключительно“? (стр. 522). Іерингъ благоразумно уклонился отъ разрѣшенія этого вопроса и сомнѣвается даже, чтобы онъ могъ быть разрѣшенъ когда-либо принципиально (стр. 522—523). Опасеніе совершенно основательное; при взглядѣ Іеринга на право, отысканіе желаемой границы немисляемо.

¹⁾ I-er Bd. Leipz. 1877.

Отдавъ, однако, человѣка въ полную жертву цѣлямъ государства, Герингъ старается успокоить личность и оградить частную свободу различными искусственными гарантиями. Гарантии эти Герингъ находитъ въ „самоограниченіи силы и власти государства, въ развитіи и утверженіи правосознанія, въ отдѣленіи юстиціи отъ правительственной власти и въ независимости судовъ, долженствующих охранять право, наконецъ въ сознаніи, что государство и индивидъ не чужды другъ другу (стр. 368); что государство есть само отдѣльное лицо, что государство должно быть такъ устроено, чтобы каждый подданный могъ повторять выраженіе Людовика XIV: *L'état c'est moi*. „Римлянинъ такъ и понималъ свое государство“, заключаетъ Герингъ (стр. 546). Не трудно видѣть всю слабость и ложность оснований и аргументаціи Геринга. Сдѣлавъ государство верховнымъ творцомъ и субъектомъ права, производя все право изъ интереса и силы, превративъ право въ политику власти, сливъ государство съ индивидуумомъ, Герингъ сдѣлалъ свои гарантіи ничтожными и бесполезными. Одна сила сама себя не можетъ ограничивать, и, вѣроятно, не захочетъ. Да къ чему индивиду гарантіи, если для него не оставлена неприкосновенною ни одна частица личной жизни, если даже тайники мысли, любви, религіи обречены только на службу государству? Независимо отъ сказаннаго, принципъ цѣли и интереса, предложенный Герингомъ, не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ прежними теоріями, основывавшими право на началахъ справедливости, блага, свободы и т. п. Также, какъ и послѣдніе, онъ непрерывно колеблется, не имѣетъ ни опредѣленнаго содержанія, ни опредѣленныхъ границъ, а потому не можетъ служить точнымъ мѣриломъ для оцѣнки и разграниченія. Самъ Герингъ сознавалъ послѣднее, говоря, „что вопросъ о жизненныхъ цѣляхъ какъ индивида, такъ и общества есть вопросъ культуры“ (стр. 430—437). „Языческое государство ополчалось противъ христіанства, раздавался кликъ: горе христіанамъ! Позднѣе само христіанство вооружалось огнемъ и мечемъ и сказало: горе еретикамъ! Тюрмы и костры остались тѣ же, измѣнились лишь жертвы закланія. Какое же изъ этихъ воззрѣній было правильное? Каждое для своего времени!“

Предположенная г. Коркуновымъ замѣна выраженія Геринга „охрана интересовъ“ разграниченіемъ интересовъ, по нашему мнѣнію, страдаетъ всѣми вышеуказанными недостатками и кромѣ того, заключаетъ въ себѣ свои собственные. Прежде всего: чѣмъ отличается понятіе „охраны интересовъ“ отъ „разграниченія интересовъ“?

Для того, чтобы разграничить, необходимо распределить, избрать (г. Коркуновъ, между тѣмъ, желаетъ избѣжать выбора изъ опасенія правительственной опеки); при этомъ разграниченіи право будетъ брать одни интересы въ свое вѣдѣніе, другіе—оставлять на свободѣ, одни интересы будетъ признавать существенными, другіе—несущественными и вредными, и потому однимъ будетъ содѣйствовать, другіе—отклонять и сдерживать. Оверхъ того, разграниченіе не можетъ остановиться на одномъ отмежеваніи; если оно захочетъ дать своей границѣ какое-либо значеніе, оно неминуемо должно и охранить ее. Напрасно г. Коркуновъ боится, что „при значеніи права только какъ хранителя интересовъ придется признавать правою и такой порядокъ, въ которомъ охраняются интересы одной силы, гдѣ есть только деспотъ и безправіе“. Право есть законъ для отношеній, отношенія же возможны лишь тамъ, гдѣ есть лица правоспособныя,—гдѣ же существуетъ одно правоспособное лицо, тамъ нѣтъ отношенія, не можетъ быть и права.

Въ заключеніе разсмотримъ предложенное авторомъ отличіе права отъ нравственности. По взгляду г. Коркунова, „цѣль и интересъ составляютъ содержаніе нравственности, какъ и права; „различіе между тою и другою областью“, говорятъ онъ,—„можетъ быть сформулировано очень просто: нравственность даетъ оцѣнку интересовъ, право—разграниченіе ихъ; какъ установленіе мѣрила для оцѣнки нашихъ интересовъ есть задача каждой нравственной системы, такъ установленіе принципа для разграниченія интересовъ различныхъ личностей есть задача права“ (стр. 42). Дѣйствительно, формулировка эта чрезвычайно проста, но едва ли даетъ что-либо. Какъ мы видѣли, по мнѣнію г. Коркунова, содержаніе нравственности и права тождественно; разница между ними заключается лишь въ томъ, что первая оцѣниваетъ интересы, а второе разграничиваетъ ихъ. Но понятіе объ интересѣ не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго содержанія, и по общепринятому взгляду; между интересомъ и нравственностью есть даже вѣкоторая противоположность: интересъ нерѣдко требуетъ одного, нравственность—другаго. Самъ г. Коркуновъ говоритъ, „что обязательность нравственныхъ нормъ не обусловлена вовсе заинтересованностью другихъ людей въ ихъ исполненіи; если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ свою силу. Это потому, что нравственная оцѣнка не обусловлена вовсе противоположеніемъ своихъ и чужихъ интересовъ“ (стр. 43). При чтеніи послѣднихъ строкъ невольно является вопросъ: откуда и почему

явился у г. Коркунова долгъ, если нравственность имѣетъ дѣло только съ интересами и ихъ оцѣнкою? Возможно ли при оцѣнкѣ интересовъ не различать и не противопоставать своего и чужаго? Можно побѣдить влеченіе къ собственному интересу, но не понимать различія между своимъ и чужимъ не мыслимо? Дѣло въ томъ, что единственная сдержка и побѣда надъ эгоистическимъ личнымъ интересомъ происходитъ не посредствомъ оцѣнки интересовъ, а подъ влияніемъ сознанія и чувства долга, которое и есть главнѣйшій руководитель въ нравственномъ мірѣ.

Далѣе г. Коркуновъ говоритъ, что каждая нравственная система должна установить мѣрило для оцѣнки нашихъ интересовъ. Но откуда она возьметъ это мѣрило, если все основаніе и содержаніе нравственности заключается въ цѣляхъ и интересахъ? Если нравственная система обратится въ этомъ случаѣ за поисками къ принципамъ пользы, истины, красоты, любви, свободы, какъ предполагаетъ г. Коркуновъ (стр. 40),—то, очевидно, она броситъ собственный міръ, зайдетъ въ чужія области и едва ли будетъ въ силахъ примирить ихъ, за исключеніемъ развѣ принципа пользы, который совпадаетъ съ интересомъ.

Переходимъ къ ученію о происхожденіи права (стр. 93—112) и о формахъ образованія права (стр. 255—298), такъ какъ оба эти вопроса (хотя разсматриваются г. Коркуновымъ въ отдаленныхъ другъ от друга отдѣлахъ) составляютъ развитіе одного начала и неразрывно связаны между собою. Остановимся, однако, только на двухъ положеніяхъ автора. Отвергая идею естественнаго права, врожденность правосознанія, г. Коркуновъ останавливается на вопросѣ: „какимъ образомъ и откуда появляется впервые самосознаніе о правѣ“ (стр. 106), и рѣшаетъ его такимъ образомъ, „что первоначальное правосознаніе дается и устанавливается безсознательно“ (стр. 107), и въ поясненіе ссылается на аналогическое образованіе воли (по Бену), языка (непроизвольно произносимые звуки по ассоціаціи впечатлѣній переходятъ въ сознательно произносимыя слова и звуки, по Штейнталу). „Безсознательно образуемые обычаи, подъ влияніемъ столкновеній, представленія о тѣхъ непріятностяхъ, какія влечетъ за собою нарушеніе обычаевъ, переходятъ въ сознательное соблюденіе установившихся обычаевъ; безсознательно созданное содержаніе обычаевъ превращается въ обязательно обычные правила“ (стр. 108—109).

Предложенное объясненіе весьма слабо въ научномъ отношеніи. Авторъ неоднократно высказывалъ, и совершенно справедливо, что

формы права дѣлаются доступными для наблюденія уже тогда, когда онѣ образовались, и потому нѣтъ достаточныхъ данныхъ для заключенія о процессѣ образованія права. Мало того, въ дальнѣйшихъ главахъ авторъ совершенно иначе объясняетъ происхожденіе права какъ общественнаго порядка (§ 43); тамъ онъ говоритъ, что „обще-привязанное въ обществѣ право предшествуетъ субъективно различному правосознанію отдѣльныхъ личностей, что прежде индивидуальныхъ воззрѣній на справедливость въ отношеніяхъ между людьми слагаются общія, всѣми одинаково признаваемые, нормы такихъ отношеній“ (стр. 208). Не смотря на эти воззрѣнія, г. Коркуновъ, подъ вліаніемъ ученій ¹⁾ Бена и Штейнтала, незамѣтно остановился на объясненіи, которое ничѣмъ не лучше ученія о прирожденныхъ идеяхъ естественнаго права. Самая аналогія между образованіемъ права, языка и воли, на которую ссылается г. Коркуновъ, оказывается не вѣрною: новѣйшія изслѣдованія по языковѣдннн объясняютъ, что образованіе языка происходитъ не случайно, подъ вліаніемъ „впечатлѣній о пріятномъ и желательномъ“, а обуславливается, между прочимъ, законами физическими, а также физиологическимъ строеніемъ гортани. Притомъ же ученіе о бессознательномъ происхожденіи обычаевъ мало согласуется съ принципами о дѣлн, интересѣ, которые признаетъ г. Коркуновъ; равно не согласуется это ученіе и съ тѣми отрывочными, но знаменательными фактами, которые можно найти у Спенсера, Фримена, Лейбова объ образованіи учреждений и права у первобытныхъ племенъ.

Въ ученіи объ источникахъ положительнаго права г. Коркуновъ принимаетъ за формы права: обычаи, законы и судебную практику (стр. 256). Последнюю онъ признаетъ за самостоятельный источникъ права (стр. 275), наравнѣ съ обычаемъ и закономъ, отличаетъ отъ „судебнаго обычнаго права“ (стр. 274), приписываетъ ей творческую силу (стр. 275 и 276) говоря: „Судебная практика всегда имѣетъ нѣсколько творческое значеніе, и право, какъ оно выражается въ судебной практикѣ, никогда не совпадаетъ въ точности съ правомъ, какъ оно выразилось въ обычай или законѣ“ (стр. 257). Допустивъ такое мнѣніе, г. Коркуновъ возбуждаетъ вопросъ: „какимъ образомъ дѣятельность суда, призваннаго только къ примѣненію существующаго права, можетъ привести къ возникновенію новыхъ нормъ? Признать судебную практику самостоятельнымъ источникомъ права не все ли равно, что признать за су-

¹⁾ Постороннихъ для права.

домъ право судить не по закону или обычаю, а по своему усмотрѣнiю, и такимъ образомъ возвести въ общее правило судейскiй произволъ" (стр. 275)... Возбужденное однако сомнѣнiе не отклонило автора отъ признанiя за судебною практикою творческаго значенiя: „Какъ издаше обыкновенныхъ законовъ или правительственныхъ распоряженiй“, говоритъ онъ,—, по необходимости имѣеть творческое значенiе, такъ и дѣятельность суда, по самому своему существу, не можетъ быть чужда творческаго элемента“ (стр. 257). „Творчество необходимо, потому что, вопервыхъ, „рѣдкiй законодательный актъ, есть цѣльное выраженiе единой мысли“; почти каждый законъ является продуктомъ компромисса между разнообразными стремленiями въ правительственныхъ сферахъ или въ парламентѣ“. Въ такомъ положенiи суду приходится приискывать единство логическое самостоятельно и, это, конечно, есть творческая дѣятельность! Притомъ, „что при одной концессii общей системы законодательнаго постановленiя можетъ явиться общимъ правиломъ, при другой можетъ быть низведено на степень строго ограниченнаго исключенiя“ (стр. 276). „Вовторыхъ“, продолжаетъ авторъ, — „въ каждомъ законодательствѣ встрѣчаются противорѣчiя и неполноты; для ихъ устраненiя представляется обыкновенно вѣсколько путей, и выборъ между этими различными, но одинаково возможными путями, дѣлаемiй судебною практикою, имѣеть опять, таки творческiй характеръ“ (стр. 275). „Наконецъ, третьихъ, востановляя логическое единство, устраняя противорѣчiя и пробѣлы, судъ черпаетъ для того материалъ и руководящiя начала въ выводахъ научнаго мышленiя о правѣ“ (стр. 276). „Такимъ образомъ чрезъ посредство судебной практики, и наука является источникомъ права“ (стр. 277).

Давая такое значенiе судебной практикѣ, г. Коркуновъ оговаривается, что разъ принятое судомъ рѣшенiе не связываетъ судъ на будущее время: „Если каждый законъ можетъ быть замѣненъ новымъ, то, конечно, и судебная практика не можетъ быть обречена на неподвижность и застои“ (само собою при равенствѣ въ самостоятельности, должно быть равенство и въ силѣ дѣйствиiй). „Впрочемъ“, поясняетъ авторъ, — „такъ какъ постоянство судебной практики имѣеть весьма важное значенiе, то судъ всегда будетъ склоненъ поддержать однажды признанное... потому все вѣроятiе за то, что разъ принятое судомъ начало будетъ поддерживаться имъ и въ послѣдующихъ рѣшенiяхъ“ (стр. 277).

Изложенное мнѣнiе г. Коркунова о творествѣ судебной практики

есть явленіе почти исключительное; можно сказать, что ни одинъ изъ авторитетныхъ юристовъ не признаетъ подобнаго значенія за судебнымъ правомъ. Допускается толкованіе, примѣненіе по аналогіи, однако, всегда въ предѣлахъ смысла закона и законодательства; но судебное творчество, которое имѣло бы право „отвергать компромиссы, введенные въ законодательный актъ“, могло бы обращать „общее правило въ исключеніе, а исключеніе въ общее правило“, и которое для „исполненія пробѣловъ или устраненія противорѣчій могло бы черпать матеріалъ и руководяща начала изъ научнаго мышленія о правѣ“,—противорѣчить всѣмъ понятіямъ о дѣйствительномъ судѣ и правѣ.

Жаль, что г. Коркуновъ въ настоящемъ столь важномъ вопросѣ отступилъ отъ Іеринга, котораго онъ ставитъ столь высоко и который въ своемъ „Der Zweck im Recht“ высказываетъ неоднократно: „Судья долженъ быть ничѣмъ инымъ, какъ живымъ олицетвореннымъ закономъ“ (стр. 378). „Какъ солдатъ научается подчиненію въ строевой войсковой школѣ, такъ судья службою научается повиновенію закону“ (стр. 404). „Юридическая форма, которую судья не обязанъ руководствоваться при отправленіи суда — противорѣчіе, — это не горящій огонь, это—свѣтъ, который не свѣтитъ“ (стр. 321).

Взглядъ г. Коркунова на судебное творчество не менѣе противорѣчитъ и другимъ возрѣніямъ самого г. Коркунова. „Всякому важно“, говоритъ онъ выше, — „опредѣлить напередъ, съ возможною точностью, при соблюденіи какихъ именно правилъ онъ можетъ быть обезпеченъ отъ всякаго притязанія со стороны другихъ, и соблюденія чего именно онъ можетъ требовать отъ нихъ самихъ“ (стр. 261)... „Отличительная особенность положительнаго права—его общезвѣстность; поэтому никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ положительнаго права...“ (стр. 265). „Судья долженъ судить по закону или обычаю, а не по своему усмотрѣнію“.....

А развѣ уничтоженіе законодательныхъ компромиссовъ и введеніе научныхъ началъ не есть усмотрѣніе, и развѣ логическіе выводы, научныя заключенія всѣми понимаются одинаково?

Правда, г. Коркуновъ подаетъ надежду, что судья не легко будетъ мѣнять однажды сотворенныя и принятыя имъ начала; но такъ какъ, по мнѣнію того же автора, судья можетъ измѣнять свои рѣшенія также властно, какъ и законъ („на обыкъ есть перевикъ“), то возможно ли считать подобный порядокъ обезпеченнымъ отъ случай-

ности и произвола суда? Есть ли способы знать впередъ, по какимъ правиламъ должно дѣйствовать?

Не довольствуясь теоретическими положеніями, г. Коркуновъ утверждаетъ, что русское право также относитъ къ источникамъ права законъ, обычай и судебную практику: „наша судебная практика“, говоритъ онъ, — „особенно кассационная, вслѣдствіе неполноты и казуистичнаго характера нашего законодательства по необходимости заурядъ (?) имѣетъ творческій характеръ“.... (стр. 284, 286).

Положеніе это совершенно не вѣрно. Впервыхъ, ст. 47 нашихъ основныхъ законовъ, опредѣляющая что „имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ“ не отмѣнена; по ст. 49, 55, даже поясненія, дополненія законовъ подносятся на Высочайшее благоусмотрѣніе; остаются въ силѣ и слѣдующія за 47-ю статьею основныхъ законовъ, опредѣляющія порядокъ и границы примѣненія законовъ (стр. 65). Вторыхъ, въ нашемъ законодательствѣ (и почти во всѣхъ законодательствахъ Европы) даже обычному праву предоставлено мѣсто только дополнительнаго источника, дѣйствующаго не въ общемъ порядкѣ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ и границахъ. Третьихъ, во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ, а равно и у насъ, судебная практика не признается самостоятельнымъ творческимъ источникомъ права. Правда, судебные уставы расширили право судовъ въ толкованіи и примѣненіи законовъ, при чемъ статьи Гражд. Суд. 9—10 и Угол. Суд. 12—13 не воплію согласованы съ вышеприведенными статьями законовъ основныхъ; но въ указанныхъ статьяхъ судебныхъ уставовъ, на которыя ссылается г. Коркуновъ, вовсе не говорится о творчествѣ судебной практики. Такъ, ст. 9 (Гр. С.) гласитъ: „всѣ судебныя установленія обязаны рѣшать дѣла по точному разуму дѣйствующихъ законовъ, а въ случаѣ ихъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія — основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ закона“. Къ этому разъясненіе сената (Кассац. гражд. департ. № 47, 1867) прибавляетъ: „они (то-есть, судьи) обязаны всякій споръ о правѣ гражданскомъ разрѣшать силою того закона, которымъ опредѣлено и охранено право, подвергшееся спору“. То же самое и въ тѣхъ же выраженіяхъ сказано и въ ст. 12 и 13 уст. уголовн. судопроизв. Далѣе, судебные уставы требуютъ, чтобы въ резолюціи судовъ заключалось: 1) краткое изложеніе обстоятельствъ, 2) соображенія суда и указаніе на

законы, которыми они руководствовались (ст. 701 Гр. Суд.). Изъ приведенныхъ статей очевидно, что въ судебныхъ уставахъ дѣло идетъ о толкованіи и примѣненіи законовъ по аналогіи, съ непремѣннымъ условіемъ руководствоваться точнымъ разумомъ закона. Какъ далеко это отъ творчества, которое приписываетъ нашимъ судамъ г. Коркуновъ, утверждающій, что „наша кассационная практика сената заурядъ имѣетъ творческій характеръ!“ Утвержденіе это извращаетъ самое понятіе о кассационныхъ судахъ, которые были созданы въ западной Европѣ съ цѣлю дать закону твердость и постоянство, а правосудію равенство и единообразіе. Наши кассационные департаменты сената учреждены съ тою же цѣлю: правительствующій сенатъ, сказано въ ст. 12 Судебн. Уст. (Учрежд. Суд. уст.) въ качествѣ верховнаго кассационнаго суда, не рѣшая дѣлъ по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства, наблюдаетъ за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными постановленіями имперіи. А для того, чтобы суды могли слѣдовать указаніямъ сената, требуется (ст. 815 Гражд. Суд.), „чтобы всѣ рѣшенія и опредѣленія кассационныхъ департаментовъ, которыми разъясняется точный смыслъ законовъ, были публикуемы во всеобщее свѣдѣніе для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію оныхъ“. Гдѣ же здѣсь мѣсто творчеству судовъ?

Отдѣлъ второй посвященъ г. Коркуновымъ изложенію объективной и субъективной стороны права и классификаціи права (системѣ). Мы не войдемъ въ подробное разсмотрѣніе этого отдѣла, такъ какъ онъ не представляетъ ничего особеннаго. Общій характеръ всей работы замѣчается и здѣсь: непослѣдовательность, излишества, противорѣчія, непрерывныя отступленія (такъ, напримѣръ, по поводу субъектовъ права и правоспособности авторъ посвящаетъ цѣлыя страницы вопросу о рабствѣ, невольничествѣ черныхъ, о международныхъ актахъ и договорахъ, прекратившихъ торговлю неграми).

Весьма часто авторъ приводитъ чужія мнѣнія и предлагаетъ свои поправки, при этомъ останавливается на мнѣніяхъ, далеко не выработанныхъ, не признанныхъ (напримѣръ, Тона). Жаль очень, что именно въ ученіи о субъективной и объективной формѣ права авторъ не руководствовался такими образцовыми правоучителями, какъ Унгеръ, Лоранъ, Толь, Фёрстеръ. Они охраняли бы его отъ многихъ ошибокъ и неточностей.

По вопросу о классификаціи права авторъ указываетъ на раз-

личные характеристики частнаго и публичнаго права (римскаго права, исторической школы, Аренса, Террига, Тона, Мейера, Канелипа, Муромцева), вездѣ онъ находитъ недостатки и предлагаетъ свою характеристику. „Всѣ особенности частнаго и публичнаго права“, говоритъ онъ,—„вполнѣ объясняются различіемъ подѣленія объекта и его приспособленія“ (стр. 164). Не говоря о томъ, что понятія о подѣленіи и приспособленіи, въ которомъ г. Коркуновъ находитъ рѣшительное и объемлющее отличіе частнаго права отъ публичнаго, сами по себѣ еще не выработаны съ точностію и опредѣленностію, развѣ можно сказать, а еще болѣе принять, что это различіе, достаточное болѣе или менѣе для частнаго права, исчерпываетъ и характеризуетъ всѣ основанія и особенности публичнаго права?

Третій отдѣлъ (книги) авторъ посвящаетъ изложенію ученій объ обществѣ и государствахъ. Отдѣлъ этотъ очень обширенъ (стр. 167—255), особенно ученіе объ обществѣ; авторъ подробно разсматриваетъ и критикуетъ теорію механическую, историческую, органическую, на нѣсколькихъ страницахъ полемизируетъ со Спенсеромъ относительно отождествленія общества съ организмомъ. Мы не будемъ останавливаться подробно на этихъ главахъ (исполненныхъ также излишествъ, напримѣръ, разказъ объ археяхъ доктора Стала, о витализмѣ Вина), такъ какъ онѣ представляютъ интересъ болѣе психологической, нежели юридической или политической, а обратимъ вниманіе лишь на нѣкоторые вопросы. По поводу ученія о свободѣ воли г. Коркуновъ говоритъ: „Всѣ попытки дать примирительное рѣшеніе вопросу о свободѣ оказываются несостоятельными. Не возможно, чтобы воля была вмѣстѣ и свободна, и несвободна. Приходится ставить вопросъ категорически: воля свободна или нѣтъ; нельзя считать ее какою-то полусвободною“ (стр. 199). На поставленный вопросъ авторъ отвѣчаетъ: „Прежде всего законъ причинной связи есть совершенно общій, не знающій никакихъ исключеній“. Свободная воля есть нѣчто не существующее никакимъ опредѣленнымъ образомъ, то-есть, очевидный *non sens*... „намъ заурядъ приходится сознавать себя не властнымъ надъ собою“ (стр. 200); „то же самое доказываетъ наблюденіе поведенія другихъ; будь воля свободна, никакія прочныя отношенія между людьми не были бы возможны“ (стр. 201). Размѣръ нашей замѣтки не позволяетъ намъ войти въ ближайшій разборъ изложеннаго понятія о свободѣ; можно лишь сказать, что оно очень просто, но мало убѣдительно. Дѣло, впрочемъ, въ томъ, что самъ г. Коркуновъ на слѣдующихъ страницахъ, забывая свой категорическій выводъ

о свободѣ воли, старается найти средній примирительный путь для объясненія свободы воли и хочетъ сохранить за человѣкомъ самостоятельность и возможность противопоставить себя внѣшнему міру и обществу. Подобное примиреніе онъ хочетъ доказать различнымъ образомъ; прежде всего посредствомъ закона ассоціаціи идей, въ силу котораго „мы можемъ по нашей волѣ усиливать и ослаблять, вызывать и устранять впечатлѣнія“ (стр. 203). Далѣе: „Личность“, говоритъ г. Коркуновъ,—„есть самоцѣльное существо, она никогда не можетъ быть средствомъ для чего-либо внѣ ея“... „Законъ причинности отвергаетъ лишь существованіе объективныхъ цѣлей міра“... „Но каузальное объясненіе міра допускаетъ существованіе субъективныхъ цѣлей... Эти цѣли суть только наши представленія; внѣ нашего сознанія никакихъ цѣлей нѣтъ. При такомъ взглядѣ личность не есть ни цѣль, ни средство; она сама себя ставитъ цѣль... И каждая личность создаетъ себя свой особый міръ, съ нею вмѣстѣ и гибущій“... (стр. 204). Приведенныя строки вызываютъ вопросы: Откуда вдругъ явилась у г. Коркунова воля, которая можетъ вызывать и устранять впечатлѣнія? Откуда могутъ явиться цѣли субъективныя, если нѣтъ объективныхъ? Какое значеніе могутъ имѣть субъективныя цѣли, составляющія, какъ думаетъ авторъ, плодъ воображенія, порывъ мысли, лишеныя всякой дѣйствительности?

Г. Коркуновъ силится отстоять самостоятельность личности принадлежностью человѣка одновременно различнымъ общеніямъ (государству, церкви, общинѣ, національности, семьѣ и т. д.), изъ которыхъ каждое составляетъ противовѣсъ другимъ, вслѣдствіе чего „личность представляетъ особое самостоятельное начало, никогда не прилаженное къ складу даннаго общества... личность стремится нѣсколько видоизмѣнить его и потому служитъ источникомъ жизни, является прогрессивнымъ факторомъ общественной жизни“. Но взаимныя противовѣсы, расширяя кругъ силъ, вліяющихъ на человѣка, не могутъ поддерживать постоянство движенія: нейтрализуя другъ друга, они неминуемо приводятъ къ устою и неподвижности, въ которой должна исчезнуть личная инициатива. Наконецъ, если личность есть лишь „продуктъ коллективной жизни людей“ (стр. 193), „если она не вноситъ въ міръ ничего своего новаго“ (стр. 205), если „ея идеалы суть результаты отъ прошлаго и настоящаго“, если „весь созданный человѣкомъ личный міръ живетъ лишь въ его сознаніи и съ нимъ погибаетъ“ (стр. 204), то откуда же

можетъ явиться движеніе, прогрессъ, различіе и треніе между обществомъ и индивидуумъ? Да и къ чему самое движеніе, прогрессъ?

Слѣдуя Р. Молю, г. Коркуновъ выдѣляетъ общество изъ государства и говоритъ по этому поводу, что „возврѣніе Моля“ на самостоятельное значеніе общества на ряду съ государствомъ въ настоящее время пользуется наибольшею популярностью“ и „въ общемъ можетъ быть принято, но въ частностяхъ требуетъ исправленій“. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Коркуновъ считаетъ ученіе Р. Моля популярнымъ въ настоящее время. Ученіе это никогда не было популярнымъ: оно осталось почти неизвѣстнымъ въ литературѣ французской и англійской; даже въ Германіи оно потеряло въ настоящее время значеніе. При первомъ появленіи его, въ началѣ 50-хъ годовъ, оно вызвало серьезныя возраженія Блюмчли (который въ свое время пользовался авторитетомъ не менѣе самого Р. Моля), потомъ обстоятельную критику извѣстнаго историка и публициста Трейчке¹⁾, повдѣе Шеффле. Подъ влияніемъ критики этихъ публицистовъ, съ первыхъ дней была обнаружена вся слабость, искусственность и несостоятельность выдѣленія общества, предложеннаго Р. Молемъ, и оно не образовало даже школы. Значительными защитниками этого ученія были только Штейнъ (передававшій его въ своеобразномъ видѣ) и до нѣкоторой степени Бёръ и Гирке; но они не оказали никакого дѣйствительнаго вліянія на дальнѣйшіе успѣхи этой доктрины; наиболѣе значительные новѣйшіе публицисты Германіи—Гельдъ, Лабандъ, Шульце, Гарейсъ—не даютъ ему самостоятельнаго мѣста въ своихъ системахъ.

Въ ученіи о государствѣ г. Коркуновъ весьма многое заимствуетъ изъ „Der Zweck im Recht“ Іеринга, и такъ какъ публицистическое ученіе послѣдняго чрезвычайно слабо, а съ другой стороны, г. Коркуновъ дѣлаетъ нѣкоторыя свои прибавки и поправки²⁾, мало соответствующія общимъ основамъ Іеринга, то несообразности выступаютъ у нашего автора гораздо рельефнѣе.

¹⁾ Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch. 1859.

²⁾ Напримѣръ, Іерингъ полагаетъ, что интересы отдѣльнаго лица и цѣли законодательства на высшихъ ступеняхъ должны слиться, что личное должно совпадать съ общимъ; г. Коркуновъ же говоритъ, что общее развитіе ведетъ къ большому расширенію личной свободы, что личность съ своею самостоятельностью всегда противостоитъ обществу (стр. 222) и можетъ сталкиваться съ послѣднимъ (стр. 239).

Отличительнымъ признакомъ и условіемъ государства г. Коркуновъ признаетъ „самостоятельность власти принужденія“; другіе общественные союзы или вовсе не пользуются властью принужденія, напримѣръ, семья, общественные классы, или, если пользуются, то не самостоятельно. Такимъ образомъ, „государство есть общественный союзъ, пользующійся самостоятельной и исключительною властью принужденія“ (стр. 217). Едва ли надо доказывать, что властію самостоятельнаго принужденія пользуются и главы родовъ, племенъ, какъ это можно видѣть изъ множества описаній историческихъ и географическихъ (напримѣръ, у того же Спенсера), хотя эти роды и племена никто не признаетъ за государства; феодалы, а затѣмъ сословія въ средневѣковой западной Европѣ пользовались вполне самостоятельною властью суда и наказанія надъ своими членами безъ уполномочія отъ государства.

Смѣшавъ понятіе принужденія и власти, и замѣтивъ, что власть характеризуетъ всѣ общественные союзы, г. Коркуновъ счлется найдти отличительные признаки государственной власти и находить ихъ „въ независимости (внутренней и вѣшной) и единой ея организаціи“ (стр. 223), а также въ томъ, что „она принудительно организована, между тѣмъ какъ другіе союзы (научные, художественные, филантропическіе) имѣютъ организацію свободную, не опирающуюся на принужденіе“ (стр. 224). Не трудно видѣть, что вся эта аргументація необыкновенно спутана и безсодержательна: каждому извѣстно, что единствомъ организаціи, независимостью и даже правомъ сношеній съ иноземными державами пользуются многія племена (напримѣръ нѣкоторые австралійцы, бушмены и др.), которыхъ никто не признаетъ за государства. Далѣе: Чтѣ означаетъ выраженіе „государственная власть принудительно организована“? Его можно понимать или въ томъ смыслѣ, что она организована насильно, или что она господствуетъ насильно надъ людьми, что, разъ захвативъ людей въ свой кругъ, она уже не выпускаетъ ихъ.

Очевидно, характеристика государственной власти и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ несообразна и противорѣчитъ всѣмъ извѣстнымъ фактамъ. Дѣло въ томъ, что истинную природу, отличительный признакъ и государства и государственной власти надо искать не во вѣшнихъ признакахъ, каковы принужденіе, сила, власть, а въ условіяхъ внутренней жизни, въ степени политическаго единства, въ сознаніи и выполненіи всѣхъ цѣлей и функцій государственной жизни.

Разбирая формы правленія, г. Коркуновъ, по обыкновенію, отвергаетъ всѣ прежнія классификаціи, древнія и новыя (стр. 235—238) и говоритъ, что „разсмотрѣніе различныхъ существующихъ организацій приводитъ, само собою, къ двойной классификаціи“. Основываясь на выраженіи двойная, мы предполагали, что авторъ признаетъ дѣйствительно двойную классификацію, но оказывается, что подъ двойною классификаціей онъ разумѣетъ собственно два типа формъ правленія: „самодержавство и народоправство: первое правитъ государствомъ самостоятельно, по собственному праву и составляетъ монархическую форму, второе—по порученію народа и есть республика; при этомъ „принадлежать ли правительственная власть одному лицу или коллегіи, но если власть эта не самостоятельна (то-есть, не есть делегація, данная народомъ), мы будемъ имѣть республику“ (стр. 239). Предлагаемая „двойная“ классификація очень проста, но совершенно неудовлетворительна; она игнорируетъ государственный строй почти всей западной Европы; слѣдуя началамъ г. Коркунова, мы затрудняемся найти мѣсто для Германской имперіи, Англіи, Пруссіи, Бельгіи, Италіи и др. Въ Англіи власть королевы образовалась не по порученію отъ народа, но власть ея не самостоятельна, она раздѣлена между ею и коллегіей парламента. Неужели же Англія составляетъ республику? Равно къ республикамъ приходится отнести и Бельгію, Италію и даже Пруссію!

Въ заключеніе г. Коркуновъ опредѣляетъ отношеніе государственной власти къ праву. Государственную власть онъ ставитъ (стр. 218) въ „числѣ основныхъ и необходимыхъ элементовъ государства, наравнѣ съ территоріей и населеніемъ“. Но уже на стр. 239 онъ называетъ ее только „важнымъ интересомъ общества“, а нѣсколько ниже говоритъ, что „на ряду“ съ государственною властью есть и множество другихъ интересовъ человѣческихъ, могущихъ приходиться въ столкновеніе съ интересомъ власти“ (стр. 239). „Въ устраненіе этихъ столкновеній и для огражденія общества отъ произвола и насилія власти, вооруженной силою“ авторъ предлагаетъ мѣры, которыя заимствуетъ у того же Іеринга („Der Zweck im Recht“), съ небольшою прибавкою отъ себя. Подобно Іерингу, онъ полагаетъ, что „неограниченная государственная власть въ интересахъ собственной твердости и спокойствія должна сама себя обуздать“ (стр. 340). Не совсѣмъ однако увѣренный, чтобы власть, происшедшая изъ силы, всегда своевременно отворала двери закону, Іерингъ, а за нимъ г. Коркуновъ ищутъ и находятъ гарантіи права „въ раздѣленіи

властей и въ независимости отъ правительства суда, который долженъ имѣть исключительною цѣлю охраненіе права" (стр. 377). „Если истолкованіе и примѣненіе права будетъ вѣрено особому органу власти, независимому отъ другихъ, то этимъ самымъ", говоритъ г. Коркуновъ, — „господству права, какъ въ отношеніи гражданъ, такъ и въ отношеніи къ органамъ власти, будетъ придана подлежащая твердость" (стр. 244). Устанавливая „обособленность" (стр. 877) и „независимость суда", г. Коркуновъ, очевидно, упустилъ, что на стр. 235 онъ характеризуетъ „правительство органомъ единого цѣлаго государства", а на стр. 223 „отличительною особенностью государственной власти" признаетъ „единство ея организаціи". Гдѣ же будетъ это единство, если въ лицѣ суда стоитъ конкурирующая съ правительствомъ власть судебного контроля? Кроме того, г. Коркуновъ, объясняя въ начальной главѣ значеніе общей теоріи права, высказалъ, что его наука есть „обобщенное знаніе дѣйствительности", что она „должна излекать свои начала изъ положительнаго и практическаго матеріала"; но ни въ одномъ государствѣ западной Европы суды не пользуются положеніемъ, которое присвоиваетъ имъ г. Коркуновъ въ своей теоріи права. Въ верховномъ судѣ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ на первый взглядъ представляются нѣкоторыя черты чего-то подобнаго, но при ближайшемъ разсмотрѣніи положенія и функціи этого суда обнаруживается коренное отличіе отъ того, что предлагаетъ г. Коркуновъ. Верховному сѣверо-американскому суду, дѣйствительно, вѣрено охраненіе конституціи, законовъ и договоровъ сѣверо-американской федераціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ конституціи исчислены всѣ случаи несогласій, пререканій и споровъ между опредѣленными органами власти, между отдѣльными штатами и гражданами отдѣльныхъ штатовъ, которыя судъ этотъ имѣетъ право принимать къ своему разбирательству и рѣшенію. Такимъ образомъ сѣверо-американскій верховный судъ не есть непрерывный стражъ законности, который по собственной инициативѣ можетъ преслѣдовать нарушенія, а тѣмъ болѣе творить свое самостоятельное право (Recueil Daresté, T. I. Art. III, Sect. 2 § 1, 23). Затѣмъ верховный судъ не есть обособленное и независимое учрежденіе; высшая власть въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ принадлежитъ лишь конгрессу, который одинъ, при участіи президента, уполномоченъ устанавливать законы для всѣхъ государственныхъ учреждений, а въ томъ числѣ и для верховнаго суда (Art. 1, 38, §

18); наконецъ судьи верховнаго суда назначаются президентомъ (Art. 11, S. 2 § 2).

Мы разсмотрѣли важнѣйшіе вопросы, составляющіе содержаніе „Общей теоріи права“ г. Коркунова, и на этомъ могли бы закончить разборъ. Почитаемъ, однако, необходимымъ указать еще на изложеніе, которое въ этой книгѣ до такой степени неудовлетворительно, что крайне тяжело слѣдить за ходомъ мыслей автора; во многихъ же случаяхъ строеніе его рѣчи вызываетъ рѣшительное недоумѣніе. Вотъ образцы:

„Но, признавая (?) всю плодотворность результатовъ такого раздѣленія, нельзя (?), съ другой стороны, не быть пораженнымъ капитальными неудобствами, какія она (?) порождаетъ въ своемъ настоящемъ состояніи: чрезмѣрною частностью идей, занимающихъ cadaго отдѣльнаго изслѣдователя“ (стр. 28).

„Если другіе ученые будутъ руководиться общими принципами, такимъ образомъ устанавливаемыми, и вмѣстѣ съ устанавливающимъ ихъ изслѣдователями взаимно повѣрятъ свои результаты, то тогда раздѣленіе труда въ области научной дѣятельности можетъ быть развито до крайнихъ предѣловъ безъ того (?), чтобы наука потерялась въ частностяхъ, деталяхъ, безъ того (?), чтобы за деревьями мы перестали видѣть лѣсъ“ (стр. 24).

„Если даже никто того отъ меня не требуетъ, нравственный долгъ сохраняетъ всю свою силу“ (стр. 42).

„На языкѣ современной науки законъ не есть уже велѣніе явленіямъ совершаться такъ, а не иначе, но есть правило должнаго“ (стр. 44).

„Право не есть, помимо воли и сознанія людей, существующій порядокъ, людьми только намѣченный, какъ это имѣется въ отношеніи къ законамъ“ (стр. 47).

„Идеальное же ихъ соотношеніе было бы то (?), при которомъ при полной нейтральности права по отношенію ко всѣмъ допускающимъ различіе убѣжденій нравственнымъ вопросамъ право проводило (?) только стоящіе внѣ спора общепризнанные въ данномъ обществѣ и въ данное время нравственные принципы“ (стр. 53).

„Свести къ одной общей формулѣ разнородное содержаніе всѣхъ юридическихъ нормъ не возможно, и потому опредѣленія (?) права

выбирають (?) одинъ изъ разнообразныхъ юридическихъ принциповъ...“ (стр. 55).

„Но матеріальныхъ юридическихъ ученій, извѣщающихъ содержаніе однородное съ законами, развивающихъ (?) самое содержаніе юридическихъ нормъ было бы немислимо“ (стр. 62).

„Установленіе различія естественнаго и положительнаго права представляетъ поэтому полнѣйшую аналогію тому, какъ, наблюдая въ опытѣ нашемъ по необходимости только то, что есть, мы составляемъ, однако, понятіе небытія, наблюдая исключительно временно преходящія явленія, мы, посредствомъ простой антитезы, составляемъ понятіе вѣчнаго“ (стр. 90).

„Дозволенное дѣйствіе можетъ стать правомъ только, когда будетъ запрещено совершеніе всего мѣшающаго дозволеннымъ дѣйствіямъ“ (стр. 117).

„Въ организмахъ энергія ихъ жизнью непременно исчерпывается и чѣмъ дѣятельнѣе ихъ жизнь, тѣмъ скорѣе“ (стр. 186).

„Законъ или обычай ни (?) суть основанія обязательности, основанія силы нормъ, а только признакъ“ (стр. 264).

Подобный строй рѣчи мы встрѣчаемъ на многихъ страницахъ книги г. Коркунова.

И. Ренненманнъ.

Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. по вопросамъ о преподаваніи исторіи.—Путевыя замѣтки и воспоминанія.—Публицистика по Восточному вопросу.—Публицистика по внутреннимъ дѣламъ.—Послѣдній фазисъ Восточнаго вопроса. М. 1888.

Въ 1884 году Д. И. Иловайскій издалъ первый томъ своихъ сочиненій, въ который вошли „Исторія Рязанскаго княжества“, „Е. Р. Дашкова“ и „Графъ Я. Сиверсъ“. Въ настоящее время онъ готовитъ второй томъ, въ которомъ будутъ помѣщены другіе его историческіе труды (кромя, вѣроятно, учебниковъ и „Исторіи Россіи“). Сборникъ своихъ мелкихъ статей, появлявшихся въ журналахъ въ продолженіе тридцати лѣтъ, авторъ издалъ особо. Само собою разумѣется, что статьи, вошедшія въ составъ этого сборника, не всѣ равнаго достоинства; но всѣ онѣ интересны, какъ потому, что такой писатель, какъ Д. И. Иловайскій, не можетъ написать ничего лишеннаго интереса, такъ и потому, что онѣ передаютъ впечатлѣнія минуты, иногда уже отдѣленной отъ настоящаго значительнымъ періодомъ времени.

Первый отдѣлъ сборника заключаетъ въ себѣ рецензіи историческихъ учебниковъ 50-хъ годовъ, а также новыхъ—г. Гуревича, Бидермана и „Методики“ Крюгера. Сюда же вошли замѣтки автора о преподаваніи исторіи во Франціи, Пруссіи и Австріи и замѣчанія на учебную программу русскихъ гимназій. Эти послѣднія статьи въ особенности интересны. Не можемъ не согласиться съ мнѣніемъ автора о взаимномъ отношеніи былеваго и бытоваго элемента въ преподаваніи исторіи. Увлеченіе бытовымъ элементомъ въ гимназіи можетъ быть очень вредно: лица и событія для дѣтей и подростковъ гораздо интереснѣе политическихъ, экономическихъ и юридическихъ отношеній. Только въ живыхъ лицахъ научаются молодые люди любить исторію. Люди нашего поколѣнія навѣрное не забыли, съ какимъ трепетомъ и восторгомъ читали они когда-то Плутарха, вспоминая того наставника какого-то принца, который на просьбу своего питомца показать ему героя, вручилъ ему Плутарха. Читая Плутарха, мы жили одною жизнью съ Фабіями и Сципіонами, съ Аристидами иThemistocleми, какъ съ смѣлыми людьми. Херонейскій Вальтеръ Скоттъ былъ намъ такимъ же другомъ, какъ и абботсфордскій Плутархъ. Дѣйствительно, трудно найти двухъ писателей, которые на разстояніи многихъ вѣковъ быди бы такъ похожи другъ на друга. Молодость любитъ эти простодушные разказы, напоминающіе разказы дѣда у домашняго очага окружающимъ его внукамъ. Вспомнилась мнѣ и программа исторіи для гимназій Казанскаго учебнаго округа, составленная въ 40-хъ годахъ профессоромъ Ивановымъ. Эпизодическій курсъ по этой программѣ, съ сожалѣнію, ограничивавшійся тогда тремя классами, состоялъ изъ ряда біографій, умно и со знаніемъ дѣла выбранныхъ. Хорошо, еслибы теперь кто-нибудь, найдя эту программу, которая едва ли, впрочемъ, находима, составилъ по ней эпизодическій курсъ. Это было бы большою заслугой.

Второй отдѣлъ книги составляютъ путевыя замѣтки и воспоминанія автора о разныхъ лицахъ. Д. И. Иловайскій извѣдрилъ почти всю Европейскую Россію, почти всю западную Европу, былъ и въ Палестинѣ. Мы не можемъ не пожалѣть, что онъ такъ мало записалъ изъ своихъ поѣздокъ, да и въ записанномъ много записано не имъ самимъ, а съ его словъ. Изъ этого отдѣла мы особенно дорожимъ его „Прогулкой по берегу Оки“, совершенною въ то время, когда онъ готовилъ свою магистерскую диссертацию. Въ ней такъ много молодого, и виѣтъ съ тѣмъ серьезной наблюдательности, всегда отличавшей ав-
часть ослѣ, отд. 2.

тора. Своими поѣздами авторъ обязанъ живостью мѣстныхъ описаній въ его большомъ трудѣ, все еще, по моему мнѣнію, мало цѣнимомъ въ русскомъ обществѣ. Воспоминанія автора о лицахъ, очень живы, хотя къ сожалѣнію кратки; по задушевности изъ нихъ выдѣляется въ особенности воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ, безвременно погибшемъ юношѣ, подававшемъ столько надеждъ.

Книга заканчивается публицистическими статьями о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ. Въ этихъ замѣткахъ всегда слышится человѣкъ высокопатріотически настроенный, умный и образованный (въ настоящемъ смыслѣ этого слова). Можно поспорить съ нѣкоторыми его положеніями, но нельзя относиться къ его публицистической дѣятельности безъ уваженія; къ публицистикѣ не часто обращаются у насъ не записные журналисты, а это очень прискорбно: не всякому журнальному сотруднику есть время обдумать то, что онъ говорить, да не у всякаго есть на то нужная подготовка; а между тѣмъ ихъ мнѣнія дѣйствуютъ на публику и рѣдко встрѣчаютъ или отпоръ, или поддержку въ людяхъ знанія и мысли, которые часто пренебрегаютъ журналистикой. Вотъ почему примѣръ Д. И. Иловайскаго заслуживаетъ подражанія.

И. Вестушевъ-Рюминъ.

ROZSZET WODOW W WIELKIM KSIĘSTWIE LITWAŃSKIM W XV I XVI WIEKU. UŁOŻIL I WIDAL *Adam Boniecki* (Перечень родовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ въ XV и XVI вѣкахъ. Составилъ и издалъ *Адамъ Боньцкій*). Warszawa. 1887.

Трудъ г. Боньцкаго собственно есть книга перечневыхъ справокъ съ годами объ одиночныхъ должностныхъ лицахъ (1113) и обоого пола представителей 367 фамилій, составленная на основаніи документовъ тяжбныхъ, наследственныхъ, дарственныхъ, пожалованій и проч., за два вѣка, при чемъ лица указаны въ алфавитномъ порядкѣ. Поэтому заглавіе, данное г. Боньцкимъ своему труду, можетъ, по нашему мнѣнію, ввести читателя въ ошибку, ибо сулятъ не то, что книга даетъ въ дѣйствительности. Мы ожидали встрѣтить въ трудѣ г. Боньцкаго сочиненіе по генеалогіи литовскихъ фамилій, но надежды наши оправдались далеко не вполне. Признать трудъ г. Боньцкаго генеалогическимъ мѣшаетъ присутствіе въ немъ множества указаній о должностныхъ лицахъ, родъ которыхъ не

указанъ. Да и о родословныхъ представителяхъ справки даются частныя, не обнимающія ни семейнаго, ни служебнаго ихъ положенія, большею частью безъ датъ рожденія и смерти. Даты указаны только случайно, внѣ обязанности плана, требующаго полноты.

Въ концѣ книги, въ видѣ особаго приложенія, помѣщенъ (на 49 страницахъ римской нумераціи) „Spis dygnitarzy i urzędników duchownych i świeckich, objętych tą księgą“, — важнѣйшая, по нашему мнѣнію, часть труда г. Вонѣцкаго. Но и этотъ списокъ, расположенный по мѣстамъ, занимаемымъ лицами, и представляющій перечень преемства въ санѣ, судя по выставленнымъ годамъ, — съ пропусками. Саны расположены въ іерархической постепенности своего служебнаго значенія, но должности одного рода перечисляются не въ алфавитномъ порядкѣ географическихъ названій.

Въ духовенствѣ списокъ представляетъ прежде всего римское католичество, съ девятью Римскими архіепископами за три вѣка (1224—1522 гг.), архіепископами Рижскими (всего впрочемъ 9 лицъ) и епископами: Киевскими (6), Луцкими (8), Виленскими (18), Жмудскими и Минскими (6 лицъ за 1417—1626 гг.). По восточно-православному исповѣданію указаны архимандриты десяти монастырей (по одному, кромѣ Киево-Печерскихъ), митрополиты Киевскіе (1416—1571 гг. 10 лицъ), да епархіальные архіереи: Холмскіе и Вѣльскіе (1416—1552 гг.) 7, Луцкіе и Острожскіе (1416—1574 гг.) 9, Пинскіе и Туровскіе (1416—1556 гг.) 9, Полодскіе, Витебскіе и Мстиславскіе (1406—1595 гг.) 10, Смоленскихъ 5 (1416—1514 гг.), да 7 (1406—1548 гг.) Владимірскихъ и Брестскихъ. Но, какъ іерарховъ римско-католическихъ, такъ и православныхъ, за указанное время извѣстно гораздо большее число. Такъ что подборъ г. Вонѣцкаго заставляетъ невольно задуматься: почему и тутъ не хватило у автора рѣшимости добиться необходимой полноты, очень важной въ подобномъ трудѣ.

Что касается перечня свѣтскихъ сановъ въ Литвѣ, то систематическій подборъ ихъ въ концѣ книги имѣетъ гораздо большій интересъ—по самой новости перечня въ такомъ объемѣ. Въ него вошли очень любопытные литовскіе саны: бобровниковъ (Крулевскаго и Подляскаго), хорунжихъ (chorążowie)—земскихъ литовскихъ, дворныхъ, татарскихъ и разныхъ, расписаннымъ по мѣстностямъ¹⁾.

¹⁾ Татарскіе хорунжіе были: Гродненскій, Кревскій, Новогрудскій, Остринскій, Троковскій, Виленскій; мѣстные же хорунжіе въ Литвѣ (очевидно, по знаме-

Послѣ хорунжихъ поставлены по польскому алфавиту тивуны (ciwnowic), расписанные по 43 пунктамъ литовской территоріи¹⁾. За тивунами, въ алфавитномъ порядкѣ помѣнованы г. Вонѣцкимъ должности „ченсника литовскаго“, государственнаго контролера или министра финансовъ, четырехъ гаевничковъ: Бѣльскаго, Брестскаго, Каменецкаго и Мѣльницкаго (по округамъ, очевидно), двухъ гетмановъ: великаго литовскаго и надворнаго. Далѣе перечислены въ пятнадцать городахъ „городничіе“, канцлеры литовскій и великаго князя Швидригайлы; каштеляны тринадцать замковъ (Брацлавскаго, Брестскаго, Кіевскаго, Минскаго, Новогрудскаго, Подлясскаго, Полоцкаго, Смоленскаго, Троицкаго, Виленскаго, Витебскаго, Волынскаго и Жмудскаго); назначен: Бранскій и Смоленскій, десять ключниковъ (Брестскій, Гродненскій, Кіевскій, Ковенскій, Луцкій, Новогрудскій, Полоцкій, Троицкій, Виленскій и Витебскій), да восемь конюшихъ (Литовскій, Гродненскій, Мстиславскій, Новогрудскій, Смоленскій, Троицкій, Виленскій и Витебскій). Были еще должности двухъ кравчихъ, кухнистра, двухъ ловчихъ и восьми лѣсничихъ—по округамъ: Брестскому, Гродненскому, Каменецкому, Крыньскому, Кузьминскому, Нѣпокойскому, Одельевскому и Подлясскому. Маршалковъ указано шесть: великій, земскій, дворовый, королевскій (hosrodarsky), земли

нашъ или отрядамъ) были въ XVI в. слѣдующіе: Вязьскій, Брестскій, Дорсуницкій, Дрогичинскій, Эйшапскій, Гедройцинскій, Гродненскій, Каменецкій, Керновскій, Кобринскій, Ковалевскій, Кревскій, Курлявскій, Лѣпуньскій, Лидскій, Мейшагольскій, Мемешскій, Минскій, Мельницкій, Мстиславскій, Нѣмочянинскій, Новогрудскій, Оникштскій, Остринскій, Ошмянскій, Пеняинскій, Пинскій, Подлясовскій, Полоцкій, Пуцьскій, Радуньскій, Рудоминонскій, Слоныинскій, Сомилашевскій, Судеревскій, Заврекскій, Троицкій, Упицкій, Виленскій, Валькомірскій, Витебскій, Владимірсскій (на Волыни), Волынянскій, Волковышскій, Волыинскій, Высокодворскій и Жымморскій.

¹⁾ По г. Вонѣцкому, тивуны въ Литвѣ были: Баржанскій, Вяржининскій, Черинскій, Чечерскій, Черезяницкій, Довговскій, Дубицкій, Дирвянскій, Эйрагольскій, Гоядинскій, Ильговскій, Вѣденьескій, Юрборгскій, Каменецкій, Керновскій, Коянскій, Коршевскій, Красносельскій, Кревскій, Крошевскій, Минскій, Могилевскій, Новогрудскій, Ошмянскій, Ожскій, Поюрскій, Полоцкій, Пропоискій, Пржемайскій, Пржедомскій, Радуньскій, Ретовскій, Шовдовскій, Тельшевскій, Теньдагольскій, Трокскій, Тверскій, Усвятскій, Вѣшвинскій, Виленскій, Воложинскій, Высокодворскій, Жымморскій, Жмудскій и Жолудскій. Другими словами, въ собственной Литвѣ принято было тѣлесное управление, очевидно, изъ Руси, и оставлено въ кѣстахъ, издавна русскихъ, лянною отнятыхъ. Такимъ образомъ, составленный г. Вонѣцкимъ списокъ должностей полковъ для разнородныхъ историческихъ насѣдованій.

Волинской, в. кн. Свидригайлы (1437—1452 гг.) и татарской (1517—1547 гг.).

Еще въ XVI вѣкѣ показаны четыре мостовничихъ: Кременецкій, Луцкій, Пинскій и Полоцкій, „королевскій убрусный“ (obruśny) и „окольнічій Смоленскій“. Должность секретаря или писаря въ Литвѣ раздѣлялась на три степени: высшій санъ составлялъ государственный секретарь Литвы (pisarz litewski), затѣмъ было два писаря гродскихъ (pisarze grodzcy)—Дрогичскій и Виленскій, и шесть земскихъ (pisarze ziemscy): Вѣльскій, Дрогичскій, Мельницкій, Пинскій, Слонимскій и Жмудскій.

Должности помощниковъ или замѣстителей имѣлись у главныхъ сановъ въ Литвѣ: подчашій, подканцлеръ, два подключовыхъ (Троцкій и Виленскій), 13 подкоморевъ, подконюшій, подстолий, 8 подсудюковъ, два подскарбіа—великій литовскій и надворный; былъ свой подскарбій и у Свидригайлы (1450 г.). Указаны еще: 21 подстароста, 5 подвоеводцевъ, 6 гродскихъ судей и 11 земскихъ, скарбничій, 2 сокольничихъ, 74 старость (по городамъ), Литовскій стольникъ, 15 воеводъ, 10 войскныхъ и Смоленскій восковничій.

Войскіе были въ земляхъ собственно Литвы: Вѣльскій, Брестскій, Дрогичскій, Гродненскій, Каменецкій, Кобринскій, Кременецкій, Мельницкій, Пинскій и Слонимскій; воеводы же посажены были преимущественно въ бывшихъ русскихъ княжествахъ, доставшихся Литвѣ: Брагльскій, Брестскій, Кіевскій, Минскій, Могилевскій, Новогрудскій, Подольскій, Полоцкій, Смоленскій, Витебскій и Волинскій, въ двухъ главныхъ городахъ старой Литвы—Вильнѣ и Краковѣ, да въ сосѣдней съ Польшею Подляхін. Очевидно, что въ трехъ послѣднихъ областяхъ воеводы явились въ то время, когда глава государства оказывался живущимъ въ Польшѣ, не очень разчитывавшей на спокойствіе въ Литвѣ, для поддержанія порядка въ которой требовалась сила.

Элементъ гражданскаго управленія въ Литвѣ составляли старосты. Оттого и находимъ ихъ во всѣхъ населенныхъ пунктахъ, сколько-нибудь похожихъ на городъ. Этими только и объясняется итогъ 174 якобы городовъ въ Литвѣ, въ XVI вѣкѣ.

Еще разъ повторяемъ,—перечень сановъ великаго княжества Литовскаго, хотя и не съ полнымъ числомъ представителей ихъ, есть все же самое существенное, въ нашихъ глазахъ, въ книгѣ г. Бовѣцкаго.

Но едва ли и это достоинство труда г. Бовѣцкаго можетъ вполне выкупать недостатки существенной части книги, которая могла бы быть очень важною, еслибъ авторъ какъ слѣдуетъ отнесся къ своей

задачѣ, въ смыслѣ обработки статей съ генеалогическою цѣлью. Между тѣмъ неполнота справокъ о лицахъ 367 фамилій даетъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ вслѣдствіе несоблюденія условій, необходимыхъ въ генеалогіи. Для нихъ требуется если не полнота фамиліи, съ ясною преемственностью колѣнъ отъ родоначальника, то по крайней мѣрѣ, полнота представителей ихъ обоюго пола, по вѣтвямъ и съ годами жизни, если только встрѣчается время упоминанія случайныхъ обстоятельствъ. Но этого-то и нѣтъ въ книгѣ г. Бонѣцкаго, такъ что авторъ не гарантируетъ никакой полноты, предлагая довольствоваться отрывочными извѣстіями. Г. Бонѣцкій не обозначаетъ, хотя бы по однимъ именамъ, всѣхъ дѣтей отцовъ, указываемыхъ на таблицахъ. Сверхъ того, читатель не можетъ пользоваться приложенными къ тексту таблицами, ибо не знаетъ, къ какому колѣну рода относятся указанныя лица, безъ датъ рожденія и смерти.

Поэтому генеалогамъ не особенно удобно пользоваться книгою г. Бонѣцкаго, хотя бы внѣшняя форма приложений давала по наружности право считать этотъ трудъ генеалогическимъ матеріаломъ. Но для того требовалось бы гораздо больше указаній, чѣмъ мы находимъ въ текстѣ фамильныхъ перечней. Впрочемъ, авторъ не болѣе щедръ и при сообщеніи одиночныхъ справокъ, въ три раза, какъ мы замѣтили, превосходящихъ въ книгѣ итогъ фамильныхъ статей (1118 одиночныхъ справокъ и 367 фамильныхъ). Много ли, напримѣръ, можетъ говорить такое одиночное указаніе (стр. 3): „Баба, Кристофъ Михайловичъ, бояринъ королевскій въ 1550 г.“? Или (стр. 5): „Бердовскій Станиславъ, хорунжій Лидскій, 1560 г.“? Конечно, и подобныя справки могутъ имѣть значеніе для пополненія другихъ извѣстій, но сами по себѣ, помѣщенныя въ книгѣ отдѣльно, безъ иныхъ указаній, не могутъ принести существенной пользы для генеалогическихъ разысканій. И Баба, и Бердовскій, еще повтораемъ, взятые внѣ перечня представителей извѣстнаго сана, требуютъ нахожденія еще другихъ матеріаловъ—для того даже, чтобы занять по праву мѣсто въ своихъ фамиліяхъ. Статьи же о фамиліяхъ дадутъ, можетъ быть, нѣсколько больше указаній, но также страдаютъ неполнотою и отрывочностью, особенно въ годахъ.

Для ознакомленія читателей съ фамильными статьями въ книгѣ г. Бонѣцкаго, возьмемъ па выдержку, вмѣсто нѣсколькихъ, одинъ примѣръ, наглядно выставляющій характерную особенность книги.

На стр. 4 помѣщена статья о князьяхъ Бабичахъ. Въ ней указанъ князь Федоръ Федоровичъ Соколинскій, прозванный Ба-бичъ, безъ даты времени и безъ обозначенія того, какъ онъ приходится своему родоначальнику. Понменовывается г. Бонѣдкій это лицо только по поводу женитьбы его на Маріи, дочери Сеньки Ивановича, отъ кото-раго въ родъ Соколинскихъ перешли имѣнія Подонное, Череево и Тухачево. И характеристика отца невѣсты Бабича тоже, по нашему мнѣнію, мало даетъ для разгадки, что это за лицо: „Сенько Ивано-вичъ, отецъ Маріи, женатъ былъ на Авдотѣ, сестрѣ княгини Марьи, жены Андрея Владиміровича, и отъ князя Андрея взялъ Подонное“. Лаконизмъ автора могъ бы быть расширенъ хотя бы на столько, чтобы объяснить читателю, что Андрей Володиміровичъ былъ князь Ко-бринскій. Безъ того читатель, не заинтересованный этимъ лицомъ, не прочтетъ совсѣмъ или отложитъ чтеніе конца извѣстія о немъ, гдѣ говорится, что по смерти отца у Марьи Семеновны возникъ процессъ съ теткой изъ-за обладанія Полоцкимъ, и что король Казиміръ прису-дилъ Полонное племянницѣ, а не теткѣ.

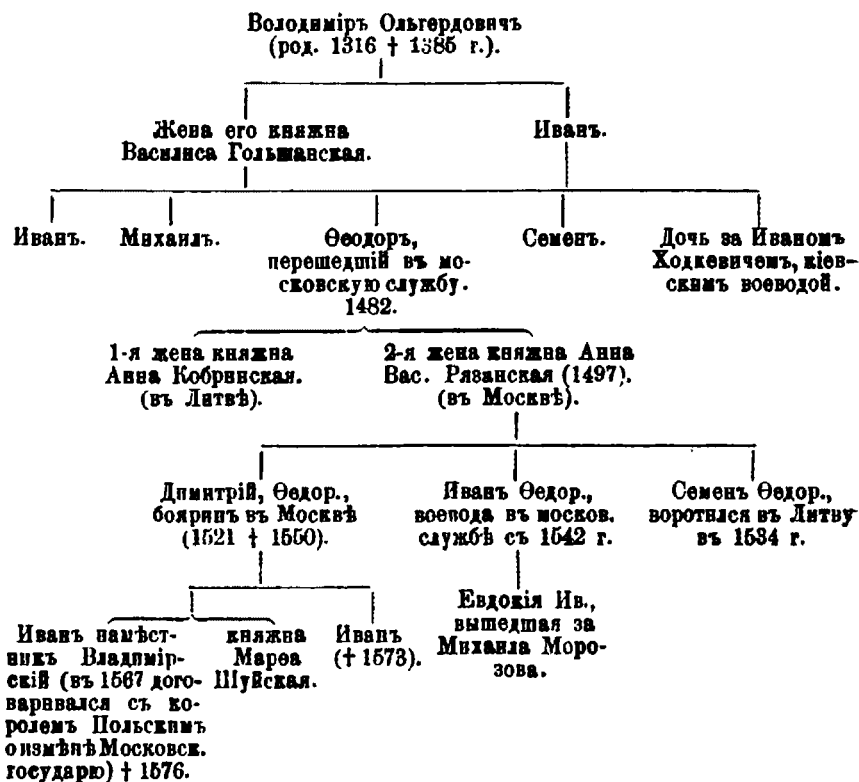
Позволяемъ себѣ еще обратить вниманіе читателей на личность Андрея Владиміровича и постараемся указать на пропускъ въ фамилии князей Вѣльскихъ, къ которымъ принадлежитъ и Семень (Сенько) Ивановичъ (Романовичъ), отецъ Маріи.

Г. Бонѣдкій, какъ мы выше замѣтили, не обращаетъ вниманія на про-исхожденіе фамилій и на таблицахъ своихъ не постарался выставить ни годовъ рожденія и смерти, ни количества колѣнъ въ родѣ, указывая лишь два-три поколѣнія въ фамиліи за разбираемое имъ время. Это неудобство отражается и для самого автора книги тѣмъ, что онъ дѣ-лаетъ промахи на таблицахъ, самъ того не замѣчая.

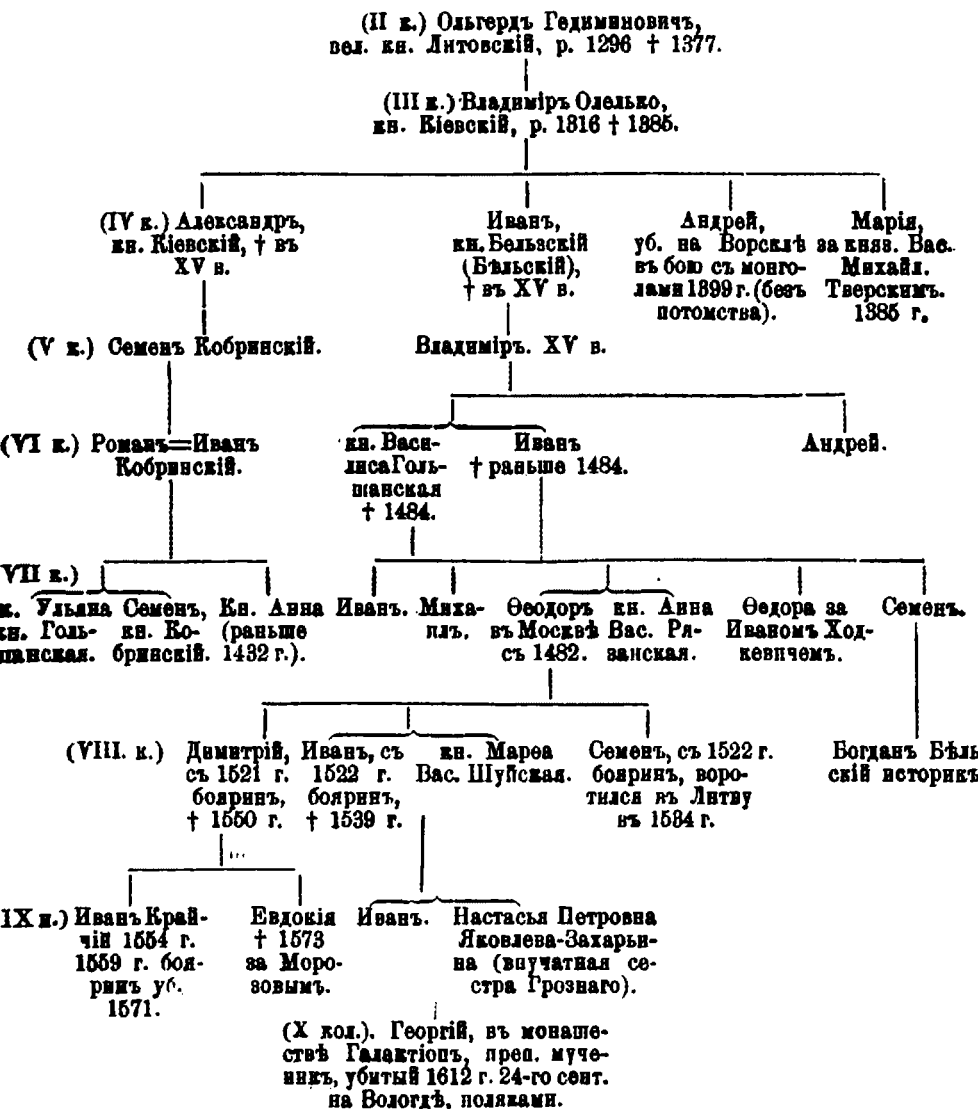
Родъ князей Вѣльскихъ, хорошо извѣстенъ былъ у насъ на Русь вслѣдствіе переселенія въ Москву, при Иванѣ III, двухъ братьевъ Вѣль-скихъ, упоминаемыхъ затѣмъ, какъ при Иванѣ III, такъ и при Василии, и при Грозномъ. Князья Вѣльскіе были потомки старшаго сына Ольгерда Олелька (Владимира Ольгердовича), который съ потомствомъ до вре-менъ Грознаго представленъ у г. Бонѣдкаго всего въ пяти колѣнахъ, между тѣмъ какъ мы должны принять, за этотъ періодъ времени семь колѣнъ.

.....

Таблица на стр. 8 книги г. Бонѣцаго:

По нашему мнѣнію, таблица эта представляетъ пропускъ двухъ колѣнъ непосредственно за родоначальникомъ, да кромѣ того, не показано потомство отъ кн. Ивана Теодоровича, имѣвшаго сына Ивана. Само собою разумѣется, что при первомъ же взглядѣ на время жизни Олелька и на молодость мнимаго внука его, князя Теодора Ивановича Бѣльскаго, — черезъ девяносто семь лѣтъ по смерти якобы дѣда его, обнаруживается невозможность этому вѣрить. Здоровая критика, сопоставляя точную хронологію фактовъ, оказывается поэтому единственною союзницею генеалогіи, выводящею ее на истинный путь. Поэтому хронологіи и должно предоставить первую роль въ опредѣленіи порядка колѣнъ въ родѣ. Положеніе потомства старшаго сына Ольгерда, Олелька, на основаніи показаній самого г. Бонѣцаго, — которыми онъ однако не воспользовался, — представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

Послѣ показанія г. Бонѣцаго на стр. 7, что у того князя Андрея Владиміровича, котораго князь Семень Ив. Кобринскій считалъ своимъ дѣдомъ, осталась внучка, намъ дѣлается яснымъ, что одноименныхъ князей Андреевъ Владиміровичей было два: первый—сынъ Олелька, павшій, безъ потомства, въ бою на Ворсклѣ 1399 г., и второй—жившій въ XV вѣкѣ и приходившійся первому двоюроднымъ внукомъ, имѣвшій сына, который умеръ раньше отца, но оставилъ дочь, внучку князю Ѳедору, въ коей перешло наследственное имѣніе дѣда, закрѣпленное королевскимъ указомъ (1484 г.) въ родѣ мужа ея, кн. Ивана Семеновича Кобринскаго. Если же доказана двойственность князей Андреевъ Владиміровичей Бѣльскихъ, то ясно, что и Ивановъ Владиміровичей было два: одинъ—сынъ, а другой—правнукъ Олелька. Но г. Бонѣцкій принимаетъ одного сына Олелька Ивана Владиміровича, не замѣчая, вслѣдствіе непроставки годовъ, во первыхъ, невозможной долготы жизни для одного лица, а во вторыхъ, еще большей невозможности: видѣть у лица, рожденнаго въ половинѣ XIV вѣка, сыновей молодыхъ въ концѣ XV вѣка. Иначе же, какъ молодымъ въ 1482 году, князя Ѳедора Ивановича Бѣльскаго мы признавать не можемъ, если примемъ въ соображеніе факты изъ жизни его самого и его первой жены, оставленной въ Литвѣ при уходѣ его въ Россію. Жена его, княжна Анна С. Кобринская, очевидно, обвѣччалась съ нимъ незадолго до переселенія его въ Россію и была, очевидно, молода, если нашла втораго себѣ мужа спустя двадцать лѣтъ послѣ исчезновенія перваго. А самъ князь Ѳедоръ Ивановичъ женился на княжнѣ Аннѣ Васильевнѣ Рязанской послѣ 15-лѣтняго пребыванія въ Москвѣ, въ 1496 г., и отъ нея имѣлъ сыновей, родившихся уже въ XVI вѣкѣ. Ясно, что князья Дмитрій, Иванъ и Семень Ѳеодоровичи Бѣльскіе могутъ приходиться Владиміру (Олелько) Ольгердовичу (1385 г.) никакъ не внучатами, а только праправнучатами.

Открытіе это есть прямой результатъ данныхъ, сообщенныхъ въ книгѣ г. Бонѣцаго, но получилось оно никакъ не по винѣ ея составителя, который отнесся безъ всякой критики къ своимъ генеалогическимъ матеріаламъ и пренебрегъ хронологіей въ родословномъ дѣлѣ.

И. Петровъ.

Книжные новости.

Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I (1688—1701). С.-Иб. 1887.—Спѣшнѣе заявить о выходѣ въ свѣтъ этого въ высшей степени важнаго изданія, предпринятаго съ Высочайшаго соизволенія въ Востъ почивающаго Государя Императора Александра Николаевича, по мысли бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго. Матеріалы для этого изданія были собраны особою комиссіей, въ которой, подъ предѣдательствомъ гр. Толстаго, принимали участіе профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. Е. Замысловскій, Н. А. Пономъ и С. М. Соловьевъ, академикъ А. Ф. Бычковъ, директоръ Московскаго архива министерства юстиціи Н. В. Балачовъ и хранитель рукописей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ А. Е. Викторовъ. Въ составъ изданія предположено было внести не только всѣ письма, указы и инструкціи Петра Великаго, но и его резолюціи на докладахъ и прошеніяхъ, трактаты и договоры съ иностранными державами, утвержденныя его подписью, учебныя его тетради и всіи другіе документы и бумаги, хотя бы писанныя и не самимъ государемъ, но содержащія въ себѣ поправки его рукою. Матеріалы для изданія были извлечены изъ правительственныхъ архивовъ русскихъ, а частью и иностранныхъ, и получены изъ частныхъ собраній. Документы изданы съ обширными прилѣчаніями, въ составъ которыхъ внесены и многія отѣтныя государю письма разныхъ лицъ. Редакція изданія принадлежитъ А. Ф. Бычкову. Вышедшій нынѣ первый томъ сборника содержитъ въ себѣ письма и бумаги Петра Великаго за время съ 1688 по 1701 годъ. Онъ украшенъ двумя портретами государя, относящимися къ этому времени, и снабженъ подробнымъ указателемъ. Ограничиваясь пока краткимъ извѣстіемъ объ этомъ драгоценномъ приобрѣтеніи отечественной науки, надѣемся вскорѣ дать о немъ на страницахъ журнала подробный отчетъ.

Творенія Иннокентія, митрополита Московскаго. Собраны *Иваномъ Барсуковымъ*. Книга 8-я. М. 1888. — Вышедшій нынѣ томъ этого прекраснаго изданія содержитъ въ себѣ извѣстный этнографическій трудъ покойнаго архипастыря; „Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла“. Изданный первоначально въ 1840 году, онъ нынѣ остается однимъ изъ важнѣйшихъ сочиненій о сѣверо-восточной окраинѣ Америки, въ подробности изображающимъ, какъ суровую природу этого края, такъ и полную картину быта его обитателей. Обновить этотъ почтенный трудъ въ памяти современныхъ русскихъ читателей составляетъ почетную заслугу И. П. Барсукова.

Е. Романова. Вязоускій Сборникъ. Томъ I. Губернія Могилевская. Выпускъ 3-й. Сказки. Витебскъ. 1887.—На страницахъ Журн. Ми. Нар. Пр. (1886 г. май) уже рассмотрѣны 1-й и 2-й выпуски I-го тома этого изданія; выпускъ 3-й содержитъ въ себѣ исключительно сказки, которыхъ помѣщено 151; изъ нихъ 27 отнесено собирателемъ къ животному эпосу, 95 сказокъ—къ числу мѣсячныхъ и 29—къ числу бытовыхъ, сатирическихъ и юмористическихъ; сверхъ того, въ особомъ отдѣлѣ помѣщены розказни (12), дохушныя басни

(10), присказки (4), юмористическіе діалоги (8) и писанныя произведе- нія (7). Содержаніе выпуска дополнено еще приложениями, куда вошли ука- затель къ мѣстнымъ сказкамъ, списокъ казанниковъ и лицъ записывавшихъ сказки (тѣхъ и другихъ было 84), списокъ сказокъ, записанныхъ лично собира- телемъ (число ихъ 100), и перечень мѣстностей, въ коихъ записаны сказки. Въ предисловіи г. Романовъ, перечисливъ весьма ничтожное количество бѣлорусскихъ сказокъ, появившихся до сихъ поръ въ печати, между прочимъ говоритъ: „Затѣмъ я не встрѣчалъ бѣлорусскихъ сказокъ въ другихъ издавіяхъ, и если ихъ дѣйстви- тельно не было, то на мою долю выпала высокая честь надатию настоящаго выпуска положить начало пополненію этого важнаго пробѣла въ русской этно- графической литературѣ“. Безъ сомнѣнія, пробѣлъ этотъ ощущался, и честь по- ложить начало его пополненію дѣйствительно принадлежитъ г. Романову, за чтó этнографическая наука будетъ признательна, какъ ему, такъ и Русскому Гео- графическому обществу, командировавшему г. Романова въ Могилевскую гу- бернію: по его собственнымъ словамъ, настоящій выпускъ, въ главной своей части, есть результатъ этой командировки. Своей побѣдѣ г. Романовъ посвящаетъ 48 дней, въ теченіе коихъ проѣхалъ 770 верстъ и посѣтилъ 28 пунктовъ въ уѣздахъ Могилевскомъ, Быховскомъ, Рогачевскомъ, Чериковскомъ и Климовиц- комъ. Матеріалы же изъ другихъ уѣздовъ были собраны имъ раньше. Собира- тель встрѣтилъ живое сочувствіе своему дѣлу въ сельскомъ населеніи: „89 лицъ, отъ коихъ записывались сказки и другіе матеріалы, были исключительно крестьяне, неграмотные, уроженцы той мѣстности, гдѣ дѣлалась запись, и по большей части не бывавшіе за предѣлами Могилевской губерніи. На этомъ осно- ваніи“, говоритъ г. Романовъ, — „нахожу возможнымъ утверждать, что находя- щіяся въ сборникѣ сказки—мѣстнаго происхожденія“. Разказавъ затѣмъ о пріемахъ, употребленныхъ при записываніи сказокъ, г. Романовъ переходитъ къ языку со- браннаго имъ матеріала: по его замѣчанію, языкъ этотъ „вмѣщаетъ въ себя не всѣ лексическія богатства бѣлорускаго нарѣчія... „Но“, продолжаетъ онъ, — „грамматическія формы и фонетическія особенности бѣлорускаго нарѣчія пе- реданы въ сказкахъ съ совершенною точностію, и въ этомъ отношеніи, редація ихъ, по моему мнѣнію, не оставляетъ пока желать ничего лучшаго“. Далѣе г. Романовъ сообщаетъ собранныя имъ свѣдѣнія о говорахъ Могилевской гу- берніи. Здѣсь обстоятельно рассмотрѣны три говора акающей вѣтви бѣло- русскаго нарѣчія: первый — южный, развивающійся на много подговоръ, изъ которыхъ указываются здѣсь три: переростовскій, озеранскій и друтскій, второй — восточный и, наконецъ, третій—чистый бѣлорусскій. Въ началѣ предисловія г. Романовъ счелъ нужнымъ дать отвѣтъ рецензентамъ первыхъ двухъ выпусковъ его Сборника. Принося благодарность за нѣкоторыя ихъ указанія, онъ въ то же время сѣдуетъ, что „нѣкоторые изъ нихъ, игнорируя предисловіе, ставятъ въ вину собирателю и такіе недостатки, на устраненіе ко- торыхъ онъ не имѣлъ возможности“. Въ числѣ такихъ недостатковъ были указаны, напримѣръ, соединеніе нѣсколькихъ стиховъ въ одну строку, отсутствіе системы въ расположеніи матеріаловъ и даже типографскіе недосмотры. Въ особенности собиратель останавливается „на обвиненіи въ отсутствіи системы при располо- женіи матеріаловъ, тѣмъ болѣе, что на немъ рецензентъ (Журн. Мин. Нар. Просв.) основываетъ предположеніе о допущенной будто бы поспѣшности изда-

ня. Въ опроверженіе этого взгляда г. Романовъ излагаетъ исторію печатанія первыхъ двухъ выпусковъ, которая дѣйствительно выясняетъ случайное распределеніе матеріала и устраняетъ предположеніе о поспѣшности, выдвигая вмѣсто нея „образъ дѣйствій, противоположный поспѣшности“. Но именно отсутствіе такого объясненія въ предисловіи къ первымъ выпускамъ и подало поюдь къ тѣмъ замѣчаніямъ, которыя были высказаны г. Романову о неудовлетворительномъ расположеніи его матеріала. Эту неудовлетворительность, по видимому, признаетъ теперь и самъ собиратель; а если такъ, то и спорить не о чемъ. Щепетильность г. Романова относительно своихъ рецензентовъ не мѣшаетъ намъ признать трудъ его прекраснымъ и въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ русскую этнографическую литературу, такъ какъ этотъ первый сборникъ бѣлорусскихъ сказокъ представляетъ собою богатый матеріалъ лингвистическій, заключаая въ себѣ особенности того или другаго говора, матеріалъ бытовой, широко открывая своеобразное міросозерцаніе бѣлорусскаго племени съ удѣльными остатками мифовъ, и наконецъ, матеріалъ чисто литературный, указывая на интересное развитіе фабулы, нерѣдко полной истинной поэзіи.

Календарь Вятской губерніи на 1888 годъ. Изданіе губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1887. — Кроме прямого своего назначенія — служить мѣстной справочною книгой, календарь этотъ имѣетъ и нѣкоторый общій интересъ благодаря преимуществу, данному въ немъ отдѣламъ статистическому и историческому (260 страницъ изъ общаго числа 390). Въ первомъ изъ этихъ отдѣловъ обращаетъ на себя вниманіе статья С. А. Нурминскаго: „Грамотность въ населеніи губерніи“, для которой матеріаломъ послужили обыскныя книги за 1880—1882 гг. Добытыя изъ нихъ данныя сопоставляются съ результатами подобной же работы автора надъ книгами 1870—1872 гг., произведенной имъ въ 1875 г. Въ отдѣлѣ историческомъ помѣщены двѣ статьи А. С. Верещагина: „Заселена ли была Вятка новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ?“ и „Откуда почерпнуты и на сколько достовѣрны вообще показанія вятскаго лѣтописца?“, въ которыхъ авторъ старается опредѣлить источники указанного лѣтописца и подвергаетъ критикѣ его извѣстіе о постройкѣ новгородцами города Хлынова въ 1174 г., вошедшее въ научный оборотъ безъ надлежащей провѣрки. Обѣ статьи указываютъ на близкое знакомство автора съ литературою предмета. Статья А. А. Спицына „Подати, сборы и повинности на Вятѣ въ XVII ст.“ служитъ продолженіемъ его статьи „Земли и люди на Вятѣ въ XVII ст.“, помѣщенной въ Вятскомъ календарѣ на 1887 г.; авторъ почерпнулъ матеріалъ изъ изданныхъ при книгѣ „Столѣтіе Вятской губерніи“ (Вятка. 1880—1881, три тома) актовъ, частію вновь собранныхъ, частію же перепечатанныхъ изъ другихъ изданій; статья отличается фактическимъ содержаніемъ. Не лишены интереса и остальные статьи: В. П. Юрьева — „Вятская гимназія въ первые свои восемь лѣтъ (1811—1819 гг.)“ и К. В. Лаврентьева — „Слободское городское училище за 100 лѣтъ своего существованія“. Изъ первой, между прочимъ, видно, что не въ далекомъ будущемъ долженъ выйти обстоятельный трудъ А. А. Спицына — историческій очеркъ упомянутой гимназіи за 75-лѣтнее ея существованіе, предпринятый имъ по порученію начальства. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что г. Спицынъ много поработалъ уже для мѣстной исторіи: его „Вятская Старина“, „Вотчины Вятскаго Успенскаго Трифонова монастыря“ „Исторія рода Рязанцевыхъ“ и другія статьи помѣщались въ мѣстныхъ изда-

ніяхъ. Опрятно изданный Вятскій календарь производитъ своимъ содержаніемъ приятное впечатлѣніе, какъ результатъ совокупныхъ работъ людей, искренно преданныхъ своему дѣлу.

Записки Ковнофонта Алексѣевича Полеваго. Съ двумя портретами. С.-Пб. Изданіе *А. С. Суворина*. 1888.—Записки Кс. Ал. Полеваго не составляютъ собственно ни его автобіографіи, ни мемуаровъ о его времени; авторъ задался мыслью написать разказъ о жизни своего брата, извѣстнаго писателя Николая Ал. Полеваго, и лишь по тѣсной связи собственной своей жизни съ его судьбой говорить о себѣ и о событіяхъ своего времени. Но такъ какъ Н. Ал. Полевой занималъ важное положеніе въ литературѣ 1820-хъ—1840-хъ годовъ и былъ въ сношеніяхъ съ раяными лицами, то автору записокъ пришлось коснуться многихъ обстоятельствъ этого періода нашего общественнаго и литературнаго развитія. Какъ и слѣдовало ожидать, Кс. Ал. Полевой является горячимъ апологетомъ своего брата и въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣваетъ снять съ него обвиненія, которыя заводились на него современниками. Иногда, однако, желаніе автора выгородить Н. Ал. Полеваго дѣлаетъ его несправедливымъ къ другимъ лицамъ: такъ, напримѣръ, едва ли безпристрастно изображены имъ отношенія Пушкина и князя Вяземскаго къ издателю Московскаго Телеграфа. Во всякомъ случаѣ записки Кс. Ал. Полеваго полны интереса, и нельзя не быть благодарнымъ *А. С. Суворину* за ихъ изданіе. Оно сдѣлано отчетливо и снабжено портретами обоихъ братьевъ Полевыхъ и указателемъ.

Записки Восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. III. вв. III и IV. Содержаніе: Пѣсня о Худояр-Ханѣ—*Н. Остроумова*. Посольство Спафаря (переводъ)—*А. Ивановскаго*. Запѣтка о курганахъ Туркестанскаго края—*Н. Веселовскаго*. Грузинскія надписи, найденныя въ Россіи—*А. Цигарели*. Буддійскія молитвы—*И. Минаева*. Списокъ персидскимъ, турецко-татарскимъ и арабскимъ рукописямъ библиотеки Имп. С.-Пб. университета—*К. Залемана*. Кромѣ того, мелкія замѣтки и извѣстія, критика и бібліографія, и протоколы Восточнаго отдѣленія.

— Упомянемъ еще нѣсколько любопытныхъ книгъ, о которыхъ надѣемся дать отзывъ въ ближайшихъ номерахъ журнала:

В. Мочульскій. Историко-литературный анализъ стиха о Голубиной книгѣ. Варшава. 1887.

Докторъ Францискъ Скорина, его переводы, печатныя изданія и языкъ. Исслѣдованіе *П. В. Владимірова*. С.-Пб. MDCCCXXXVIII (изданіе Императорскаго Общества любителей древней письменности).

Квѣтъянокія пѣсни, записанныя въ селѣ Никольскомъ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи *Е. Пальчиковымъ*. Изданіе *А. Е. Пальчикова*. С.-Пб. 1888.

КЪ ВОПРОСУ О ЖЕЛАТЕЛЬНОМЪ ЕДИНООБРАЗІИ ВЪ РУССКОЙ УЧЕВНОЙ ГРАММАТИКѢ.

Читателямъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, безъ сомнѣнія, извѣстно, съ какимъ живымъ интересомъ отнеслись преподаватели русскаго языка къ изданному академикомъ Я. К. Гротомъ „Русскому правописанію“, какія оживленныя бесѣды велись по этому предмету между преподавателями нашихъ учебныхъ заведеній. Привести русское правописаніе къ желательному единообразію, конечно, весьма полезно вообще, въ особенности же въ школахъ, и за это говорятъ очень много и нѣскія педагогическія соображенія. Весьма понятно, почему вопросъ этотъ давно уже занимаетъ педагоговъ. Изданная въ Пруссіи книжечка „Regeln und Wörterverzeichnis für die deutsche Rechtschreibung“ выдержала очень много изданій и сдѣлалась достояніемъ каждого учащагося юношества не только въ Германіи, но и у насъ въ Россіи—въ училищахъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ. Такой успѣхъ книжки, составленной послѣ многихъ преній педагоговъ и филологовъ, безспорно былъ гарантированъ и тѣмъ, что починокъ изданія ея исходилъ отъ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія; послѣднимъ она была и издана. „Русское правописаніе“ Я. К. Грота, въ составленіи котораго приняли участіе и другіе члены II-го отдѣленія нашей Академіи Наукъ, а въ распространеніи—министерство народнаго просвѣщенія, рекомендовавшее учебникъ, есть явленіе очень аналогичное вышеупомянутому нѣмецкому „Regeln“. Остается только пожелать, чтобы составленное почтеннымъ академикомъ руководство столь же широко распространялось у насъ, какъ нѣмецкое руководство въ Германіи.

Но если желательно въ школѣ единообразіе въ орфографіи, не менѣе желательно въ учебной грамматикѣ единообразіе и въ терминологіи и въ опредѣленіяхъ правильныхъ формъ въ измѣняющихся частяхъ рѣчи. Къ сожалѣнію, на этотъ счетъ у насъ господствуетъ такой произволъ, какого, пожалуй, не было и въ орфографіи до изданія „Русскаго правописанія“. Не говоримъ уже о маленькихъ грамматикахъ и грамматичкахъ,—даже въ грамматикахъ съ притязаніями на объемъ и серьезность не отличишь, какъ отъ словъ: чудовище, существо, благородіе винительный падежъ, сходенъ ли онъ съ родительнымъ или именительнымъ. А вѣдь каждая грамматика отечественнаго языка является для ученика весьма часто не столько учебникомъ, сколько справочною книгой въ вопросахъ болѣе или менѣе темныхъ. Вопросу о терминологіи и опредѣленіи правильныхъ грамматическихъ формъ въ нашей учебной грамматикѣ мы и позволимъ себѣ посвятить нѣсколько страницъ.

Никто, конечно, не станетъ утверждать, что терминологія вообще не должна подвергаться измѣненіямъ и обречена, такъ сказать, на окаменѣніе. Съ болѣе развитіемъ грамматиковѣдѣнія должна развиться и грамматическая терминологія, должны явиться и новыя термины, старыя же и неудобныя могутъ или измѣниться или уступить мѣсто новымъ, болѣе соответствующимъ тому, что они должны выражать. Поэтому появленіе совершенно новыхъ терминовъ въ ученыхъ изысканіяхъ нашихъ филологовъ также естественно, какъ и въ области всякой другой науки. Но изъ этого едва ли слѣдуетъ, чтобы школьная учебная грамматика также нуждалась въ новыхъ терминахъ, появляющихся только въ ученыхъ изысканіяхъ специалистовъ филологовъ; и конечно, школа должна быть крайне осмотрительна въ отношеніи къ новѣйшей терминологіи и не торопиться вводить то, что не есть еще достояніе всеобщее. И такъ уже наша грамматическая терминологія подна разнорѣчій, и безъ новыхъ терминовъ—она обильна; но, къ сожалѣнію, „порядка въ ней нѣтъ“! А между тѣмъ пора бы подумать о ней, разобраться въ ней и установить болѣе точное пониманіе ея. Вопросъ о школьной терминологіи бесспорно съ точки зрѣнія педагогической долженъ занимать видное мѣсто; и мы рѣшительно не можемъ согласиться съ высокоуважаемымъ И. К. Гротомъ, высказавшимъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе по поводу жалобъ на сбивчивость нашей грамматической терминологіи: „Что касается несовершенства нашей грамматической терминологіи, на которое многіе жалуется, то мы не придаемъ ему

особенной важности и находимъ, что всякій терминъ хорошъ, если только съ нимъ соединяется опредѣленное понятіе¹⁾. Это, пожалуй, вѣрно въ отношеніи къ одному ученику или къ нѣсколькимъ, если они всѣ называютъ одно и то же однимъ терминомъ, хотя бы и несовѣтъ удачнымъ. Но не такъ это вѣрно въ томъ случаѣ, когда приходится имѣть дѣло съ десятками учениковъ, которые одинъ и тотъ же предметъ называютъ каждый по своему. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ мальчика: его приготовляетъ сперва учитель дома, и онъ усваиваетъ себѣ терминологию одного учебника. Позже, этого мальчика отдають въ школу; здѣсь онъ частью долженъ забыть усвоенную терминологию и связать извѣстныя грамматическія понятія съ совершенно новыми для него названіями, частью остается при старой терминологіи. Но эту школу мальчикъ, по обстоятельствамъ, отъ него независающимъ, долженъ переимѣнить на другую. При равновобразіи нашей грамматической терминологіи, ему приходится продѣлать и здѣсь то же, что и въ первой школѣ, то-есть, забыть нѣкоторые термины, и частью вновь вспомнить забытые имъ въ первой школѣ и усвоить себѣ совершенно новыя. Спрашивается: не пропадетъ ли у мальчика просто охота усваивать себѣ для одного и того же предмета каждый разъ другое названіе на одномъ и томъ же языкѣ, да и не утратитъ ли онъ довѣрія къ наукѣ, въ которой не установилось даже точныхъ наименованій или—что одно и то же на языкѣ ученическомъ—, когда и учителя-то сами не знаютъ, какъ называются предметы, ими преподаваемые? Не говоримъ уже о томъ, что мальчикъ въ одномъ училищѣ могъ слышать со стороны учителя одобреніе того термина, который въ другомъ училищѣ другимъ учителемъ оуждался.

Представимъ себѣ и другую картину. Въ первый классъ гимназій поступили ученики, подготовлявшіеся дома по самымъ различнымъ учебникамъ: всѣ они привыкли къ извѣстной терминологіи въ области пройденнаго ими по русской грамматикѣ. Одинъ относительно прилагательнаго: „красѣн-ъ“ говорить, что оно съ усѣченнымъ окончаніемъ, а полное окончаніе — „красн-ый“; другой именуетъ данную форму краткою, а основную—полною, иной первую—спригаемую, а вторую—склоняемую, и т. д. Конечно, это должно невыгодно отозваться, какъ на пріемахъ преподаванія, такъ равно и на степени яснаго, отчетливаго усвоенія предмета учащимися.

¹⁾ Филологическія размынанія. Т. II.

Кто не согласится съ тѣмъ, что нигдѣ, пожалуй, не требуется болѣе точнаго и простаго способа опредѣленія, какъ въ школѣ, а излишнее разнообразіе терминологіи, при обстоятельствахъ, нами отмѣченныхъ, только сбиваетъ съ толку ученика; не говоримъ уже, что на усвоеніе этой разнообразной терминологіи ему приходится попусту затрачивать драгоцѣннѣйшее время, котораго у учениковъ нашихъ гимназій очень немного. Вотъ отчего къ разнообразію нашей грамматической терминологіи не приходится относиться съ тѣмъ хладнокровіемъ, съ какимъ относятся къ ней многіе, и едва ли тутъ можно успокоивать себя тѣмъ, чѣмъ нерѣдко утѣшаютъ другъ друга въ бесѣдахъ шуточныхъ: „назови хоть горшкомъ, да не ставь только въ печку“.

Въ желаніи указать на недостатки нашей грамматической терминологіи, мы позволимъ себѣ остановиться на нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ у насъ курсахъ грамматики, предназначенныхъ для среднихъ и начальныхъ школъ. Приведенныя мѣста изъ нихъ лучше всего уяснятъ, на сколько страдаетъ наша грамматика отъ „обилія“ терминологіи, при отсутствіи „порядка“.

Изъ фонетики:

Какимъ именемъ обозначается различіе между согласными: $\frac{б}{г}$, $\frac{р}{к}$, $\frac{л}{т}$, $\frac{ш}{н}$, $\frac{в}{с}$ и т. д.?

Въ грамматикѣ Колосова ¹⁾ верхніе звуки называются звучными, нижніе—отзвучными; Я. К. Гротъ ²⁾ называетъ первые—голосовыми, вторые безголосыми, Перевлѣскій ³⁾—рѣзкими и глухими, Поливановъ ⁴⁾—мгновенными и глухими; Вуславъ ⁵⁾ и Кириичниковъ ⁶⁾—средними и тонкими, Говоровъ ⁷⁾—ясными и глухими; есть для этихъ звуковъ также названія: мягкіе и

¹⁾ Старославянская грамматика. Варшава. 1882.

²⁾ Русское правописаніе. 4-е изд. С.-Пб. 1885.

³⁾ Практическая русская грамматика въ 3-хъ частяхъ. Шестое изданіе. 1869.

⁴⁾ Краткій учебникъ русской грамматики. Курсъ 3-хъ первыхъ классовъ среднеучебныхъ заведеній. Изд. 8-е. М. 1882. Русская и церковно-славянская этимологія для среднеучебныхъ заведеній. Изд. 6-е. 1879.

⁵⁾ Учебникъ русск. грамматики, сближенной съ церк.-славянскою. Изд. 5-е. 1878.

⁶⁾ Этимологія русск. языка для высшихъ классовъ гимназій. Изд. 20-е. 1885.

⁷⁾ Опытъ элементарнаго руководства при изученіи русск. языка. 15-е изданіе. 1882.

и твёрдые ¹⁾). Разберитесь-ка въ этой терминологіи! Въ ученіи о звукахъ заслуживаетъ вниманія также дѣленіе звуковъ по органамъ ихъ произношенія.

Изъ ученія о составѣ словъ:

Кромѣ корня, что еще входитъ въ составъ словъ? Что такое суффиксъ и флексія? Предложенные вопросы разрѣшаются нашими грамматиками различно, а нѣкоторыми изъ нихъ и сбивчиво.

Буслаевъ подъ суффиксами разумѣетъ „образующія или производственныя“ окончанія, а подъ флексіями — окончанія въ склоненіяхъ и спряженіяхъ. Такое же опредѣленіе дается и въ грамматикѣ Кирпичникова. Колосовъ сливаетъ флексіи съ суффиксами и не различаетъ ихъ: „Суффиксы служатъ для образованія отъ даннаго корня различныхъ частей рѣчи или для образованія въ данномъ словѣ различныхъ формъ склоненія и спряженія“. Говоровъ подраздѣляетъ окончанія на: „отличительное“ (родовое), „относительное“ и „производственное“. Перевлѣсскій довольно неопредѣленно различаетъ суффиксъ отъ флексіи. У Поливанова въ обѣихъ грамматикахъ по данному вопросу значительная неточность; у него суффиксъ какъ будто раздѣляется отъ родоваго окончанія и какъ будто сливается съ нимъ; терминъ „флексія“ не упоминается вовсе.

Очевидно, и въ данномъ случаѣ необходимо позаботиться объ установленіи болѣе точнаго, опредѣленнаго пониманія терминологіи.

Изъ ученія объ отдѣльных частяхъ рѣчи:

Уже выше мы упомянули о равнообразномъ наименованіи двойныхъ окончаній прилагательныхъ. Коснемся теперь обстоятельнѣе этого вопроса.

Колосовъ называетъ окончанія: ый, ая, ое и т. д. полными, ъ, а, о—короткими; такого наименованія придерживаются и Буслаевъ и Поливановъ. Перевлѣсскій первые окончанія называетъ опредѣленными, вторыя—неопредѣленными, Говоровъ, согласно съ Востоковымъ,—склоняемыми и спрягаемыми (въ степени сравнительной, впрочемъ, окончаніе „ѣйшій“ называется долгимъ, а „ѣе“—короткимъ), Кирпичниковъ—опредѣленными и неопредѣленными, Ивановъ ²⁾—полными и усѣченными. Не забудемъ, что есть названія для этихъ же окончаній—„членные“ и „безчленные“.

¹⁾ Напримѣръ, у *Серно-Соловьевича*: Практическая русск. грамм. для иѣмцевъ. 5-е изданіе. 1873.

²⁾ Русская грамматика. 16-е изданіе (145 тысяча).

При такомъ разнообразіи, однако, не легко сказать, которые изъ терминовъ отвѣчаютъ болѣе тому, что ими желательно выразить. Тѣмъ легче, намъ думается, нѣкоторые изъ названныхъ терминовъ вовсе удалить изъ учебныхъ грамматикъ и ради единообразія остановиться на чемъ-нибудь одномъ.

Позволимъ себѣ остановиться нѣсколько и на глаголѣ.

а) Большинство поименованныхъ нами учебниковъ по грамматикѣ предлагаетъ узнавать залогъ глагола по значенію, а не по составу. Да и дѣйствительно, не возможно опредѣленно указать на постоянныя примѣты, образующія залогъ, а равно и видъ въ глаголѣ; въ коренныхъ же глаголахъ ихъ и вовсе нѣтъ. Многія изъ грамматикъ и не касаются даже вопроса объ образованіи залоговъ, а прямо опредѣляютъ число ихъ и значеніе, насчитывая пять залоговъ въ русскомъ глаголѣ: дѣйствительный, средний, взаимный, возвратный и страдательный; нѣкоторыя же изъ нихъ (Буслаева, Иванова, Кирпичникова), опредѣляя залогомъ по значенію¹⁾, присоединяютъ къ названнымъ пяти залогамъ и общій, значить шестой залогъ, узнаваемый и по значенію, и по составу („ся“). Итакъ, сколько залоговъ въ русскомъ глаголѣ? спроситъ учитель ученика.—А по какой грамматикѣ прикажете считать ихъ? отвѣтитъ ученикъ, познакомившійся хоть съ двумя маленькими грамматиками Поливанова и Кирпичникова, по первой—пять, по второй—шесть. Не видимъ ничего хорошаго въ такомъ разногласіи; а вѣдь и его не трудно удалить изъ учебной грамматики.

б) Два вида именуется всегда одними и тѣми же наименованіями: это—однократный и многократный; остальные извѣстны подъ названіями совершеннаго и несовершеннаго, длительного и окончательнаго; встрѣчаются и глаголы „продолженные“; изъ грамматикъ Востокова внесенъ въ нѣкоторые учебники видъ начателъный.

Мы рѣшаемся ограничиться приведенными указаніями, достаточно подтверждающими—полагаемъ—наше мнѣніе о несовершенствѣ, въ нашей учебной грамматикѣ, терминологіи, только страдающей отъ излишняго изобилія названій и ничего не выигрывающей отъ своего кажущагося богатства. Въ отношеніи къ остальнымъ частямъ рѣчи, въ отношеніи къ синтаксическимъ наименованіямъ наши учебныя грам-

¹⁾ Въ грамматикѣ г. Буслаева, впрочемъ, довольно обстоятельно изложено происхожденіе залоговъ.

матери столь же разнорѣчивы; но указанія, болѣе обстоятельныя, слишкомъ увеличили бы объемъ нашей замѣтки, имѣющей цѣлью лишь вновь поднять старый вопросъ.

Укажемъ теперь на разнорѣчивыя данныя въ ученіи о правильныхъ формахъ частей рѣчи.

Прежде всего, число склоненій въ нашихъ грамматикахъ опредѣляется самыми различными цифрами. Считая такое несогласіе по отношенію къ учебникамъ болѣе крупнымъ для среднихъ классовъ явленіемъ неважнымъ, мы однако не думаемъ, чтобъ это разногласіе было допустимо въ учебникахъ для младшихъ классовъ, ученикамъ которыхъ зачастую суждено бываетъ мѣнять и школы, и учебники, и всякихъ—прошенныхъ и не прошенныхъ—учителей. А вотъ для примѣра дѣленія существительныхъ на склоненія въ нашихъ элементарныхъ руководствахъ.

Кирпичниковъ дѣлитъ существительныя на три склоненія: I: ъ, ѣ, ѝ, о, е; II: а, я; III: ь (ж. р.) и разносклоняемое: мя (также дитя). Въ грамматикѣ Говорова два склоненія: I: ъ, ѣ, ѣ, о, е; II: а, я, ѣ и „разносклоняемое“ — „мя“. Въ грамматикѣ Иванова три склоненія: I: ъ, ѣ, ѣ; II: а, я, ѣ; III: о, е, мя; слѣдовательно, въ основаніе дѣленія принято родовое различіе. Въ грамматикѣ Поливанова четыре склоненія и 5-е—„неравносложныхъ“: I: ъ, ѣ, ѣ; II: о, е; III: а, я; IV: ь (ж. р.). Черевлѣвскій въ I-й части своей грамматики (курсъ элементарный) раздѣляетъ существительныя на три склоненія, основывая такое дѣленіе на родовомъ различіи, при чемъ совершенно не упоминаетъ о словахъ на „мя“.

Мы вовсе не намѣрены рѣшать здѣсь вопросъ о томъ, что правильнѣе или удобнѣе имѣть въ виду при дѣленіи существительныхъ на склоненія: сходство ли падежныхъ окончаній, или родовое различіе; считаемъ, однако умѣстнымъ замѣтить, что едва ли возможно руководиться при дѣленіи обоими основаніями вмѣстѣ.

Мы понимаемъ первое склоненіе въ грамматикѣ Говорова (ъ, ѣ, ѣ о, е); въ основаніе его положено сходство большинства падежныхъ окончаній, но не понимаемъ II-го склоненія (а, я, ѣ). Или здѣсь родовое дѣленіе? Въ такомъ случаѣ, какъ примирить съ этимъ слѣдующее положеніе, высказанное предъ примѣрами склоненій: „Основаніемъ этому дѣленію склоненій именъ существительныхъ служатъ окончанія косвенныхъ падежей: родительнаго, дательнаго и творительнаго“ (стр. 36) Ученикъ, не заучивающій урока наизусть прямо по книгѣ,

а старящійся отчетливо понять изложенное, непременно на листѣхъ бумаги начертить слѣдующее:

Им. п. а, я, ь

Р. п. ы, и, я

Д. ѣ, и

Тв. ою, ею юю.

Какое богатое сходство нашелъ онъ въ окончаніяхъ, не пройдя еще измѣненія гласныхъ!

Еще разъ позволимъ себѣ замѣтить, что едва ли допустимы въ элементарныхъ руководствахъ такое разногласіе и сбивчивость. Но отъ маловажнаго вопроса о раздѣленіи именъ существительныхъ на склоненія перейдемъ къ болѣе важному, къ опредѣленію падежныхъ формъ въ склоненіяхъ.

Въ отношеніи къ данному вопросу, прежде всего поражаетъ то, какъ различно опредѣляется составителями учебныхъ грамматикъ степень потребности въ знаніяхъ учениками производства не совсѣмъ обычныхъ формъ—уклоненій отъ нормы—по различнымъ причинамъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя грамматики останавливаются на томъ, что существительныя на „мя“ съ предыдущею согласною и полугласною въ род. п. мн. ч. принимаютъ окончаніе не „ь“, а „ъ“; оставляя въ сторонѣ другія особенности въ склоненіяхъ словъ на „я“ въ томъ же падежѣ (змѣ—я, й, свинья—ей, желья, ій и т. д.). Вообще, приводимыя данныя объ уклоненіяхъ очень мало указываютъ, какъ намъ кажется, на тѣ соображенія, коими вызвано внесеніе ихъ въ учебникъ. Но замѣчаніе это, касающееся уже системы педагогическихъ воззрѣній, позволяемъ себѣ занести сюда лишь къ слову.

Перейдемъ къ правильнымъ формамъ склоненія.

На что оканчивается внимательный падежъ въ существительныхъ средняго рода, называющихъ одушевленный предметъ: сходенъ ли онъ съ именительнымъ или родительнымъ падежомъ?

Маленькія распространенныя грамматики разрѣшаютъ этотъ вопросъ такъ:

Говорить въ „примѣчаніяхъ“ за примѣрами склоненій (таблицъ съ окончаніями и тѣ) словъ муж. в средн. р. говорить: „Вим. п. въ именахъ существительныхъ средняго рода постоянно сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ муж. р. сходенъ съ нимъ только въ именахъ собирательныхъ и въ именахъ неодушевленныхъ; въ именахъ же одушевленныхъ предметовъ всегда сходенъ съ родитель-

нимъ". Для того, чтобы воспользоваться этимъ правиломъ, конечно, предстоитъ задача опредѣлить, что значитъ слово: „постоянно“.

Въ словарѣ Даля—ученикъ—допустимъ прочтетъ такое истолкованіе: „всегда, безперечь, неизвѣнно“. Такимъ образомъ послѣ нѣкоторыхъ хлопотъ ученикъ уяснитъ себѣ, что вин. падежъ въ именахъ средн. рода сходенъ всегда съ именит. падежомъ. Но насколько намъ думается, нарѣчіе „постоянно“, которое Даль называетъ „словомъ полурусскимъ“, можетъ быть понимаемо и въ нѣсколько иномъ значеніи: „по большей части“, „обыкновенно“. При такомъ пониманіи этого слова (такъ его, кажется, понимаетъ и авторъ учебника), конечно, правило, помѣщенное въ грамматикѣ Говорова, лишено всякаго значенія по своей неопредѣленности.

Въ грамматикѣ Кирпичникова также нѣтъ таблицъ съ обозначеніемъ окончаній; ученики усваиваютъ окончанія вмѣстѣ съ примѣромъ. Для обозначенія окончаній средняго рода склоняются слова: „слово“ и „поле“. Примѣры, такимъ образомъ, не объясняютъ ничего въ отношеніи къ именамъ одушевленныхъ предметовъ средняго рода. Но вотъ что находимъ мы у Кирпичникова о винительномъ падежѣ въ параграфѣ, изъясняющемъ „особенности“ I-го склоненія „Въ I-мъ склоненіи“ (то-есть въ словахъ на ъ, й, ь, о, е) „винительный падежъ именъ предметовъ одушевленныхъ сходенъ въ обоихъ числахъ съ родит. пад., а именъ предметовъ неодушевленныхъ—съ именительнымъ“. Если понимать слово „постоянно“ въ значеніи, како даетъ ему Даль, то правило, приведенное въ грамматикѣ Кирпичникова, совершенно противоположно правилу, помѣщенному въ грамматикѣ Говорова.

Въ грамматикѣ Иванова въ таблицѣ окончаній словъ на о и е въ графѣ винительнаго падежа обоихъ чиселъ читаемъ слѣдующее: „вин. пад. сходенъ съ именительнымъ“. Въ правилахъ же для склоненій въ объясненіяхъ о винительномъ падежѣ читаемъ слѣдующее: „Винительный падежъ единственнаго числа во всѣхъ именахъ средняго рода всегда сходенъ съ именительнымъ безъ различія предметовъ“. „Винительный падежъ множественнаго числа во всѣхъ родахъ въ именахъ предметовъ неодушевленныхъ сходенъ съ именительнымъ, а въ именахъ предметовъ одушевленныхъ съ родительнымъ“. Что же выходитъ? Правила для склоненій, помѣщенные въ § 39-мъ, уничтожаютъ таблицу склоненій, помѣщенную въ § 38-мъ!

Поливановъ, въ краткомъ своемъ учебникѣ, нигдѣ не указываетъ

опредѣленно на форму винительнаго падежа именъ предметовъ одушевленныхъ средняго рода; но на основаніи соображеній, вытекающихъ изъ примѣровъ склоненія словъ на *о* и *е*, и данныхъ о винительномъ падежѣ существительныхъ мужескаго рода ученикъ можетъ вывести то заключеніе, что винительный падежъ въ именахъ средняго рода всегда въ обоихъ числахъ сходенъ съ падежомъ именительнымъ. Только что сказанное о грамматикѣ Поливанова вполне приложимо и къ I-й части грамматики Перевлѣсскаго.

Итакъ, маленькія грамматики разрѣшаютъ поставленный нами вопросъ различно, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ даютъ противорѣчивыя правила, а нѣкоторыя и вовсе замалчиваютъ его.

Перейдемъ къ грамматикамъ „средняго курса“, съ притязаніями на полноту.

Поливановъ въ своей „Русской и церковно-славянской этимологіи“, взявъ для примѣровъ склоненія существительныхъ средняго рода имена неодушевленныхъ предметовъ, въ примѣчаніяхъ къ склоненіямъ словъ средняго рода не упоминаетъ вовсе о винительномъ падежѣ. Перевлѣсскій во II-й части своей грамматики въ сравнительной таблицѣ склоненій существительныхъ говоритъ о винительномъ падежѣ словъ средняго рода, какъ единственнаго, такъ и множественнаго числа, слѣдующее: „винит. пад. сходенъ съ именительнымъ“. Буславевъ въ своемъ учебникѣ¹⁾, можно сказать, вовсе не затрогиваетъ этого вопроса. Такъ, таблицъ склоненій у него нѣтъ, а въ примѣры существительныхъ средн. рода взяты названія неодушевленныхъ предметовъ. Въ заключеніе позволимъ себѣ привести о винительномъ падежѣ данныя изъ грамматики Востокова: „Винит. п. въ именахъ одушевленныхъ предметовъ мужскаго рода числа единственнаго и всѣхъ трехъ родовъ числа множественнаго сходенъ съ родительнымъ, въ именахъ же неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ — съ именительнымъ“. И въ примѣчаніи: „Правило о сходствѣ винит. падежа съ именительнымъ распространяется на предметы [одушевленные или духовные, когда имъ придается имя, служащее собственно къ означенію отвлеченнаго предмета. Таковы имена существительныя средняго рода, кончающіяся на *ство*, *аніе*, *еніе*, напримѣръ: божество, созданіе, существо, также лицо и отродіе, которыя во всякомъ случаѣ имѣютъ винит. п., подобный именительному“ (изд. 1856 г.). Можетъ быть,

¹⁾ „Исторической грамматики“ почтеннаго профессора мы не имѣемъ въ виду.

Востоковъ и не правъ; но право, такая опредѣленность и предусмотрительность заслуживаютъ полнаго вниманія, и за это честь и слава нашимъ старымъ, добрымъ учителямъ!

Отъ существительнаго перейдемъ къ прилагательному.

Имѣетъ ли русское прилагательное особенныя окончанія для производства степеней сравнительной и превосходной, и какія?

Въ разрѣшеніи предложеннаго вопроса цитуемая нами грамматика также расходится.

Большинство изъ нихъ окончанія $\frac{1}{2}$ -йшій и $\frac{2}{3}$ называютъ окончаніями сравнительной степени, при чемъ указываютъ, что сравнительная степень съ окончаніями $\frac{1}{2}$ -йшій употребляется также и въ значеніи превосходной степени. Превосходную же степень образуютъ эти грамматикѣ описательно при помощи приставокъ, мѣстоименій и нарѣчій, прилагаемыхъ къ сравнительной или положительной степени съ полнымъ окончаніемъ ($\frac{сн}{1}$, $\frac{мн}{1}$, $\frac{1}{2}$ -йшій) ой. Нѣкоторые изъ названныхъ выше учебниковъ окончанія $\frac{1}{2}$ -йшій называютъ окончаніями превосходной степени, а сравнительную степень надѣляютъ только окончаніями $\frac{2}{3}$. Такимъ образомъ маленькому ученику, при поверхностномъ его знакомствѣ хотя бы съ двумя маленькими учебниками, можетъ легко показаться, что даже и составители грамматикъ не знаютъ отчетливо производства степеней сравненія! Выводъ, конечно дѣтскій и смѣшной, — но зачѣмъ же давать поводы къ такого рода умозаключеніямъ?

Да не подумаетъ читатель, что мы выбрали все сполна, что можетъ подтвердить высказанное раньше замѣчаніе о путаницѣ, существующей въ нашей учебной грамматикѣ. Матеріалъ для выписокъ остался еще очень обильный. Но мы полагаемъ, что и выписаннаго достаточно для уясненія поднятаго нами вопроса, притомъ вопроса далеко не поваго. Имѣя въ виду живое участіе нашей Академіи Наукъ къ школьному дѣлу, сказавшееся за послѣднее время въ попыткахъ привести въ нашихъ школахъ правописаніе къ „желательному единобразію“, а равно ожидая многихъ добрыхъ результатовъ отъ собраній преподавателей русскаго языка, посвящаемыхъ обсужденію специально школьныхъ вопросовъ по преподаванію этого предмета, мы и позволили себѣ столь подробно напомнить о вопросѣ, давно уже назрѣвшемъ

Будемъ считать нашу замѣтку исполнѣ достигнувшей цѣли, если она обратитъ на поднятый вопросъ вниманіе лицъ, заинтересованныхъ судьбою русскаго языка въ русскихъ школахъ и способныхъ

возвысить авторитетный голосъ за желательное единообразіе въ русской учебной грамматикѣ. Позволимъ себѣ высказать увѣренность, что при болѣе или менѣе коллегіальномъ способѣ обсужденія поднятый нами вопросъ можетъ быть рѣшенъ безъ особыхъ затрудненій: установить единообразіе въ терминологіи и формулировкѣ основныхъ положеній школьной грамматики едва ли труднѣе, чѣмъ ввести „единообразное“ правописаніе.

В. Богдановъ.

1

1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

I.

Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ ¹⁾.

Нынѣшній годъ былъ годомъ великихъ утратъ для Академіи: 30-го мая скончался академикъ Стефани, а 17-го декабря послѣдовалъ за нимъ въ могилу академикъ Видеманъ. Такъ, на разстояніи съ небольшимъ полугодія, не стало среди насъ двухъ знаменитыхъ представителей науки. Оба они многочисленными и важными, совершенными въ теченіе долгой жизни, трудами заняли такое высокое положеніе въ ученomъ свѣтѣ, что смерть ихъ должна оставить между нами надолго пустоту. И когда разставаніе съ дорогими для насъ товарищами, внушавшими къ себѣ глубокое уваженіе, какъ люди чести и добра, наполняло насъ чувствами горькой скорби, то утѣшеніемъ намъ служило справедливое совнаніе, что они оставили намъ, послѣ себя, въ наслѣдіе свою добрую славу и блестящія въ наукѣ имена, которыя останутся навсегда украшеніемъ лѣтописей нашей Академіи.

Лудольфъ Эдуардовичъ Стефани родился 17-го (29-го) марта 1816 года, въ селеніи Бейха, близъ Лейпцига, и получилъ образованіе сперва въ гимназій въ Гриммѣ, а затѣмъ въ Лейпцигскомъ

¹⁾ Читатъ непремѣннымъ секретаремъ, академикомъ *К. С. Веселовскимъ*, въ торжественномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря 1887 г.

университетѣ. Избравъ, съ ранней молодости, своею спеціальностью—классическую археологію, онъ, къ своему счастью, столь же рано сознавалъ, что занятіе этою наукою, безъ основательнаго знанія языковъ и литературы Греціи и Рима, никогда не могутъ идти далѣе диллетантизма. Поэтому, первые годы своего пребыванія въ университетѣ онъ посвящалъ исключительно изученію классической филологіи. При своей даровитости и не всегда соединяющемся съ нею трудолюбіи, онъ, подъ руководствомъ и вліяніемъ такихъ наставниковъ, какъ знаменитый праэсертор Germaniae—Готфридъ Германъ—для греческой филологіи, Гауцъ—для латинской, Адольфъ Веккеръ—для древностей, такъ быстро развился въ зрѣлаго ученаго, что съ первой же работы, съ которою онъ явился въ свѣтъ („Борьба Фивея съ Минотавромъ“, 1842), обратилъ на себя общее вниманіе въ ученыхъ кругахъ. Совершенное имъ, вслѣдъ ватѣмъ, четырехлѣтнее путешествіе по странамъ, гдѣ процвѣтало въ древности искусство, по Италіи, Греціи и нѣкоторымъ частямъ Малой Азій, не только доставило ему обильную жатву наблюденій, надписей, рисунковъ и пр., но и подготовило, такъ-сказать, успѣхъ его послѣдующихъ работъ, развивъ въ немъ столь важное для археолога тонкое пониманіе той связи, какую проявленія искусства всегда имѣютъ съ окружающею ихъ природою. Изданные имъ тогда отчеты объ этомъ путешествіи и нѣкоторыя другія сочиненія успѣли создать ему весьма блестящую извѣстность. Въ то время, какъ онъ, вернувшись изъ своихъ странствованій (осенью 1845 г.), занялъ въ Лейпцигскомъ университетѣ мѣсто доцента, наша Академія, находившаяся тогда уже нѣсколько лѣтъ безъ археолога—за смертью въ 1838 г. Келера, искала для себя достойнаго представителя этой науки, и получивъ, чрезъ академика Дорна, извѣстіе о восторженныхъ отзывахъ Готфрида Германа о молодомъ ученомъ, стала помышлять о привлеченіи его въ свою среду. Между тѣмъ, извѣстность Стефани не ускользнула отъ вниманія и Дерптскаго университета, который, послѣ ухода изъ него знаменитаго Преллера, также помышлялъ о пріобрѣтеніи для себя достойнаго ему преемника. Представленіе университета о Стефани только нѣсколькими днями упредило собою ходатайство о немъ же Академіи. Такимъ образомъ случилось, что когда Стефани сообщалъ Академіи о готовности своей занять въ ней мѣсто предпочтительно передъ переселеніемъ въ Дерптъ, избраніе его на кафедру археологіи въ университетѣ уже было утверждено графомъ С. С. Уваровымъ, который, весьма естественно, призналъ неудобнымъ такъ скоро

отмѣнить данное имъ однажды разрѣшеніе, и предложилъ Академіи повременить переводомъ Стефани изъ Дерпта въ Петербургъ. Такимъ образомъ окончательное вступленіе его въ Академію стало только вопросомъ времени, и можно сказать, что уже съ той поры Академія считала его какъ бы принадлежащимъ къ ея составу, и возложивъ на него тогда же порученіе—разобрать и обработать къ печати массу оставшихся послѣ смерти Келера рукописныхъ трудовъ его, тѣмъ какъ бы признала его преемникомъ Келера и дѣятельнымъ своимъ сотрудникомъ. А масса оказавшихся въ посмертныхъ бумагахъ Келера, еще не напечатанныхъ трудовъ его по классической археологіи—была огромная; надать же въ свѣтъ чужіе посмертные труды, старательно приготовивъ для печати многое еще не приведенное въ порядокъ и не окончательно обработанное самимъ авторомъ,—значить принести не маловажную жертву наукъ. И такую жертву, съ полною добросовѣстностью и удивительнымъ самоотреченіемъ—принесъ Стефани, своимъ образцовымъ изданіемъ, съ 1850 по 1853 гг., шести большихъ томовъ сочиненій Келера по классической археологіи. Со вступленія Стефани, въ 1850 г., въ Академію и съ назначеніемъ его въ то же время директоромъ нашего археологическаго музея, а въ слѣдующемъ затѣмъ 1851 году—ученымъ хранилищемъ Греческихъ и Римскихъ древностей въ только что оконченномъ постройкою новомъ императорскомъ эрмитажѣ—начинается его изумительная по припе-сеннымъ ею плодамъ, неустанная дѣятельность по изслѣдованію древняго искусства и въ особенности—по изученію многочисленныхъ и въ высшей степени важныхъ памятниковъ его, открываемыхъ раскопками въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россіи. Изъ всего круга предметовъ, обнимаемыхъ археологіею, какъ наукою о вещественныхъ памятникахъ древности, избравъ исключительно спеціальностью своей экзегетики—произведенія пластическихъ искусствъ, Стефани являлъ собою счастливое и рѣдкое сочетаніе тѣхъ условій, при которыхъ труды по этой части только и могутъ быть плодотворны: тонкое эстетическое чувство, хорошее знакомство съ технической стороной этихъ искусствъ, изученіе собственными глазами тѣхъ странъ, гдѣ они въ древности процвѣтали; и наконецъ основательное знаніе обонихъ классическихъ языковъ и литературъ, такъ какъ самые памятники древности, при всей ихъ для насъ занимательности, безмолвствуютъ о своей исторіи, и объясненіе всего ихъ значенія въ связи съ бытомъ народнымъ возможно только путемъ внимательнаго изученія дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ. Совокупностью

такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ обеспечено за трудами Стефани прочное значеніе ихъ въ наукѣ. Какіе бы успѣхи ни сдѣлала археологія въ будущемъ,—работы нашего покойнаго сочлена навсегда останутся образцами остроумной и осмотрительной критики, ширины общихъ взглядовъ и выводовъ столько же, сколько изящества изложенія. Многочисленность и объемистость ихъ не удивятъ никого, кто зналъ, какъ Стефани любилъ работу съ исключительностью страсти, отказавшись навсегда отъ всякихъ развлеченій и даже отъ всякихъ знакомствъ, на которыя у иныхъ идетъ не мало времени. Для него жить—значило работать, по правилу *nulla dies sine linea*. Каждое изъ заглавій, въ длинномъ спискѣ его сочиненій, напоминаетъ собою столько же обширна по объему, сколько интересна по содержанію, изслѣдованія, существенно обогатившія науку о древностяхъ. Упомяну только о его „*Parerga archaeologica*“ объ „Аполлонѣ Воэдроміосѣ“, о „Нимбѣ и лучезарномъ вѣнцѣ въ произведеніяхъ древняго искусства“, объ „Отдыхающемъ Ираклѣ по рельефу *Villa Albani*“, о „Борѣ и Бореадахъ“, о „Кормленіи змѣй въ Орфическихъ таинствахъ“, о „Подложныхъ именахъ древне-классическихъ художниковъ на рѣзныхъ камняхъ“, о „Собраніи антиковъ Павловскаго Дворца“, о „Древностяхъ Босфора Кимерійскаго“, и въ особенности о 21 томѣ отчетовъ императорской археологической комиссіи, въ которыхъ перу Стефани принадлежатъ объясненіе всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ предметовъ классической древности, открытыхъ въ почвѣ Россіи раскопками послѣднихъ 30 или 40 лѣтъ. Какъ ни кратко время, отмѣренное мнѣ для настоящаго чтенія, не могу, однако, не сказать двухъ словъ о Стефани, какъ о человѣкѣ. Его мало знали даже и тѣ, которые съ нимъ часто встрѣчались. Немногіе могли вполне оцѣнить всѣ прекрасныя качества его души, все благородство его характера. Заклучивъ всю свою жизнь въ стѣнахъ кабинета, проводя все свое время съ современниками Праксителя, Фидіаса, Павзанія, онъ не чувствовалъ потребности въ общеніи съ живыми людьми. Въ сердцѣ его не было струнъ, которыя бы звучали отъ прикосновенія къ нимъ современности. Но это не было у него дѣломъ мизантропій; онъ никогда бы не могъ понять французскаго моралиста, сказавшаго, что тотъ не любилъ людей въ 20 лѣтъ, кто въ 40 лѣтъ не презираетъ ихъ немножко. Нѣтъ, Стефани любилъ человѣчество, но любилъ по-своему—на разстояніи, изъ того отдаленія, которое отдѣляетъ нашъ вѣкъ отъ временъ Перикла и Аспазіи. А отдавать всю свою жизнь служенію наукѣ, то-есть, вы-

работѣ истинѣ, которыя всецѣло обращаются на пользу человѣчества, не значитъ ли это также любить своихъ ближнихъ? Стефани вѣрилъ въ науку, вѣрилъ и въ себя, въ долговѣчность того ученаго дѣла, на совершеніе котораго онъ употребилъ свое существованіе на землѣ. О томъ, какъ онъ любилъ это дѣло, онъ самъ далъ намъ осязательное свидѣтельство: въ послѣдніе годы, когда разстроенное здоровье указало, что ученое поприще его кончено,—онъ старательно собралъ по экземпляру всѣхъ, когда-либо изданныхъ имъ сочиненій, любовно одѣлъ ихъ въ изящные переплеты, наполнилъ ими особый, не малой величины, красивый шкафъ, и въ предсмертномъ своемъ распоряженіи завѣщалъ его Академіи, съ тѣмъ, чтобы онъ сохранялся въ музеѣ классической археологіи. И Академія свято исполнить этотъ завѣтъ, вспоминая съ признательностью, что благодаря трудамъ Стефани она заняла не послѣднее мѣсто въ ряду учреждений, много способствовавшихъ въ наше время болѣе глубокому, чѣмъ было дотогѣ, пониманію античнаго міра.

Невознаграждаемою утратою для другой отрасли наукъ была кончина Видемана. Чтобы измѣрить громадность этой потери, стоитъ только вспомнить все то, что имъ было сдѣлано для филологіи, и какое, всѣми признанное и никѣмъ не оспариваемое значеніе имѣлъ его голосъ во всѣхъ вопросахъ той отрасли языковѣдѣнія, которой онъ себя посвятилъ. Сходя въ могилу уже отягченный годами, онъ—не смотря на свою, по истинѣ, необычайную скромность, могъ съ полнымъ правомъ сказать, что исполнилъ здѣсь долгъ человѣка и ученаго такъ, какъ не всякому удастся.

Фердинандъ Ивановичъ Видеманъ родился 18-го марта 1805 г. въ Гапсалѣ, изучалъ въ Дерптскомъ университетѣ юриспруденцію и древніе языки, и въ продолженіе 27-ми лѣтъ (1830—1857 гг.) занималъ должность учителя сперва въ Митавской, а потомъ въ Ревельской гимназіяхъ. Но, при рано пробудившейся въ немъ склонности къ самостоятельнымъ ученымъ изслѣдованіямъ, педагогическія занятія, какъ бы они ни были добросовѣстны, не могли одни удовлетворить всѣхъ потребностей его дѣятельнаго и пытливаго ума.—Основательнымъ знаніемъ греческаго и латинскаго языковъ хорошо приготовленный къ филологическимъ трудамъ, онъ тогда же избралъ предметомъ своихъ любимыхъ занятій изученіе еще недостаточно изслѣдованной ученымъ образомъ семьи финскихъ языковъ. Первый же опытъ, съ которымъ онъ, въ 1847 году, выступилъ на ученое поприще— „Опытъ грамматики зырянскаго языка“ — показалъ, что онъ вѣрно

угадалъ свое призваніе. Когда вслѣдъ затѣмъ, еще въ томъ же году, вышла его „Грамматика черемисскаго языка“, а четыре года спустя—его „Грамматика вотяцкаго языка“, то ясно стало, что Видеманъ былъ рожденъ—сдѣлаться лингвистомъ.—Эти труды, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, которые онъ издалъ въ то время, не могли не обратить на себя вниманіе Академіи, когда ей, послѣ смерти Шегрена, предстояло избрать достойнаго преемника ему и продолжателя трудовъ этого основателя у насъ финской діалектологіи. Какъ ни велики были надежды, возлагавшіяся на него Академіею, но Видеманъ, вступивъ въ нее въ 1857 году, еще превзошелъ ихъ — тою изумительною производительностью, въ какой выразилась его ученая дѣятельность съ тѣхъ поръ, какъ онъ получилъ возможность на ней одной сосредоточить свои занятія. Одинъ за другимъ, въ быстрой послѣдовательности, появлялись его труды, составившіе собою эпоху въ наукѣ: „Грамматика и словарь языка ливовъ“ (1861), „Опытъ о верро-эстскомъ нарѣчій“ (1864), „Грамматика эрво-мордовскаго языка“ (1865), „Эстско-нѣмецкій словарь“ (1869), „О народности и языкѣхъ вымершихъ въ Курляндіи кривиновъ“ (1871), „Грамматика эстскаго языка въ разныхъ его нарѣчійхъ“ (1875), и много другихъ. Работалъ всегда на основаніи богатыхъ, старательно собранныхъ и критически очищенныхъ матеріаловъ, и прилагая къ нимъ строгій философскій методъ современной лингвистики, онъ сумѣлъ придавать своимъ трудамъ ту законченность, которою обезпечивается за ними навсегда высокое значеніе въ наукѣ. И не одному сравнительному языковеденію оказалъ Видеманъ незабвенныя услуги; обогащена его трудами также и этнографія многочисленныхъ финскихъ племенъ, раскинувшихся на огромныхъ пространствахъ сѣвера и востока Россіи. Самое глубокое уваженіе внушалъ къ себѣ Видеманъ, какъ ученый, — повсемѣстно, вблизи и издалека; но еще большее, если можно, уваженіе питалъ къ нему всякій, кто имѣлъ счастье узнать его какъ человѣка. То, что могъ бы и теперь, въ бѣглыхъ словахъ и какъ бы только мимоходомъ, сказать объ этой сторонѣ его личности, было бы и блѣдно и недостойно ея. А тема эта могла бы быть благодарна, и тѣнь Видемана ожидаетъ, и конечно — дождется такого себѣ литературнаго памятника, который передалъ бы потомству, рядомъ съ должною оцѣнкою его ученыхъ заслугъ, и вѣрное изображеніе этой высоко нравственной и свѣтлой личности.

Скорбный списокъ нашихъ утратъ не кончается этими двумя академикомъ. Изъ числа вѣшнихъ членовъ Академіи, въ теченіе

года скончались: нашъ почетный членъ — генералъ-адъютантъ Сам. Алекс. Грейгъ и члены-корреспонденты: по разряду физическихъ наукъ—Кирхгофъ, обезсмертившій себя изобрѣтеніемъ спектральнаго анализа; по разряду биологическихъ наукъ профессоръ Левъ Семеновъ Ценковский и членъ французскаго института Вюльпианъ; по разряду историко-политическихъ наукъ — Томасъ въ Мюнхенѣ и Гутшмидтъ въ Тюбингенѣ; по классической филологіи Генденъ; по восточной словесности—Штенцлеръ въ Бреславлѣ, и по разряду лингвистики—Поттъ въ Галле.

Приступая къ обзору ученыхъ трудовъ за истекающій годъ, мы имѣемъ счастье заявить, съ чувствомъ благоговѣйной признательности о новомъ знакѣ Монаршаго покровительства наукъ и милостиваго благоволенія къ Академіи. Съ Высочайшаго соизволенія Его Императорскаго Величества, Государю Наслѣднику Цесаревичу благоудовно было назначить въ распоряженіе Академіи 25,000 руб.: на изданіе описанія путешествія Н. М. Пржевальскаго по Средней Азій. Такимъ образомъ, щедротамъ Его Высочества ученый міръ будетъ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ научныхъ результатовъ, достигнутыхъ четырехкратными экспедиціями знаменитаго русскаго путешественника. Устроенная нашимъ зоологическимъ музеемъ, въ началѣ нынѣшняго года, выставка вывезенныхъ г. Пржевальскимъ изъ Азій предметовъ естественной исторіи, поражавшая посѣтителей своею громадностью, была какъ бы нагляднымъ итогомъ огромнаго числа матеріаловъ, требующихъ теперь систематическаго разбора, внимательнаго изученія и наконецъ—надлежащаго изданія всего того, что, вслѣдствіе такой обработки, окажется чистою прибылью для современной науки. Чѣмъ драгоцѣннѣе являлись эти матеріалы, тѣмъ съ большимъ воодушевленіемъ начата въ Академіи ученая ихъ разработка цѣлою комиссіею специалистовъ, между которыми распределена эта работа соответственно разнородности самыхъ коллекцій.

Рядомъ съ тѣмъ, другимъ предметомъ заботъ Академіи была обработка наблюдений и коллекцій, привезенныхъ докторомъ А. Бунге и барономъ Толемъ изъ Пріанскаго края и съ Новосибирскихъ острововъ. Въ ожиданіи того времени, когда можно будетъ приступить къ изданію въ свѣтъ столь вѣтерпѣливо ожидаемыхъ результатовъ нашей полярной экспедиціи, напечатаны въ нынѣшнемъ году¹⁾—предварительные отчеты о ней путешественниковъ, исправленная

¹⁾ Въ сборникѣ: Beiträge zur Kenntniss des russ. Reichs.

ими карта Новосибирскихъ острововъ и сдѣланныя ими метеорологическія наблюденія.

Въ прошлогоднемъ отчетѣ нашемъ было сообщено объ обязанности, возложенной на Академію восмертною волею преосвященнаго Порфирія (Успенскаго) по изданію въ свѣтъ его сочиненій и біографіи. Интересующіеся этимъ дѣломъ узнаютъ съ удовольствіемъ, что, подъ руководствомъ академиковъ А. Θ. Бычкова и А. А. Куника, вся огромная масса полученныхъ нами по завѣщанію Порфирія бумагъ, рукописей, рисунковъ и проч. старательно разобрана, и помощникомъ бібліотекаря П. А. Сырку составлено обстоятельное ихъ описаніе, которое теперь печатается, для ознакомленія ученыхъ съ составомъ и значеніемъ этихъ важныхъ документовъ.

Перехожу къ обзору работъ, занимавшихъ въ теченіе года физико-математическое отдѣленіе Академіи.

Исслѣдованія нашихъ математиковъ доставили и въ нынѣшнемъ году нѣсколько новыхъ обогащеній науки.

Академикъ П. Л. Чебышевъ показалъ, какъ, при помощи теоремы относительно интеграловъ, доказанной имъ въ прошлогоднемъ его мемуарѣ, получается теорема относительно вѣроятностей, которая—въ приложеніи къ опредѣленію благонадежнѣйшихъ величинъ неизвѣстныхъ, на основаніи большого числа уравненій, заключающихъ случайныя, болѣе или менѣе значительныя погрѣшности, — приводитъ къ способу наименьшихъ квадратовъ.

Академикъ В. Г. Имшенецкій далъ простой и общій способъ нахождения раціональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ раціональными коэффициентами и тѣмъ рѣшилъ весьма важную, въ теоріи интеграловъ линейныхъ уравненій задачу, которую впервые, но безуспѣшно, пытался рѣшить почти за столѣтіе предъ симъ знаменитый Ліувиль, но которая, вѣроятно по трудности своей, оставалась и до сихъ поръ безъ надлежащаго рѣшенія.

Адъюнктъ А. А. Марковъ сообщилъ Академіи о ходѣ работы, предпринятой имъ еще въ 1885 году съ цѣлью составленія, для значеній интеграла $\int_x^\infty e^{-t} dt$, таблицу, которая будетъ отличаться отъ извѣстной таблицы Крампа не только большею точностью, но и тѣмъ, что разность между послѣдовательными значеніями x будетъ въ ней въ десять разъ меньше, чѣмъ въ таблицѣ Крампа.

Наконецъ, наши записки украсились новымъ интереснымъ исслѣ-

дованіемъ почтеннаго профессора Д. К. Вобылева о движеніи поверхности, прикасающейся къ другой, неподвижной.

По астрономіи, академикъ О. В. Струве напечаталъ извѣстіе о сдѣланномъ имъ, за 36 лѣтъ предъ симъ, наблюденіи одного туманнаго пятна въ созвѣздіи Оріона, а академикъ О. А. Баклундъ частью уже напечаталъ, а частью приготовилъ для дальнѣйшаго обнародованія свои изслѣдованія о каталогѣ звѣздъ, изданномъ въ 1886 году Пулковскою обсерваторіею. Здѣсь плодомъ многолѣтней и тщательной работы нашего астронома явилось рѣшеніе весьма важнаго для науки вопроса о томъ, какое отношеніе имѣютъ напечатанныя (въ VIII томѣ „Observations de Poulkova“) наблюденія меридіаннымъ кругомъ—къ каталогу Пулковскихъ фундаментальныхъ звѣздъ, а равно и къ другимъ извѣстнымъ звѣзднымъ каталогамъ. Въ числѣ результатовъ этого изслѣдованія особеннаго вниманія заслуживаетъ открытіе значительныхъ систематическихъ погрѣшностей въ опредѣленныхъ Пулковскимъ меридіаннымъ кругомъ склоненій, — погрѣшностей, доходящихъ до цѣлой секунды въ дугѣ и заключающихся не только въ наблюденіяхъ 1840—1869 годовъ, но и въ произведенныхъ г. Ромбергомъ въ 1874—1881 годахъ. Предстояло доискаться причинъ подобной аномалии въ показаніяхъ такого первокласснаго инструмента, какъ меридіанный кругъ, и г. Ваклунду удалось доказать, что такою причиною служило—съ одной стороны—недостаточная оцѣнка гнуптія, а съ другой —принатіе погрѣшности дѣлений круга — ошибочно съ противоположнымъ знакомъ,—и такимъ образомъ—указать средство для надлежащаго исправленія ошибочныхъ склоненій, напечатанныхъ въ VI и VII томахъ Пулковскихъ наблюденій.

Кромѣ этой работы, г. Ваклундъ напечаталъ, въ Парижскомъ *Bulletin astronomique*, первую часть своихъ изслѣдованій о теоріи спутниковъ Юпитера; а наблюдатель Дерптской обсерваторіи Л. О. Струве помѣстилъ, въ нашихъ мемуарахъ, свою диссертацию объ опредѣленіи постоянныхъ величинъ предваренія равноденствій и собственнаго движенія солнечной системы.

Предметомъ записки нашего многоуважаемаго члена-корреспондента І. И. Стебницкаго служатъ фигура земли. Представленное здѣсь изложеніе современныхъ результатовъ геодезическихъ измѣреній и ихъ несогласія съ астрономическими опредѣленіями долготъ и широтъ ведетъ къ заключенію о тѣхъ затрудненіяхъ, съ каковыми сопряжено опредѣленіе точной фигуры геоида. Посредствомъ своихъ извѣстныхъ наблюденій надъ маятникомъ въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, ва-

торъ—опровергая мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ — доказалъ необходимость—при опредѣленіи этой фигуры—принимать во вниманіе притяженіе материковъ, и въ заключеніе—указываетъ тѣ задачи, которыя предстоятъ разрѣшить при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ фигуры земли.

Академикъ Г. И. Вильдъ, поставивъ себѣ задачей придать абсолютнымъ опредѣленіемъ элементовъ земнаго магнетизма большую степень точности, предложилъ, въ устройствѣ магнитнаго однопитнаго теодолита, такія усовершенствованія, что построенный по его мысли новый инструментъ этого рода далъ возможность, въ произведенныхъ помощью его, лѣтомъ нынѣшняго года, наблюденіяхъ—достигнуть, относительно опредѣленія абсолютной горизонтальной напряженности земнаго магнетизма, результатовъ въ 4 раза болѣе точныхъ, чѣмъ было возможно доселѣ. Вслѣдствіе такого успѣха, превзошедшаго даже ожиданія самого изобрѣтателя, явилась надобность въ увеличеніи чувствительности и варіаціонныхъ аппаратовъ.

Въ то же время г. Вильдъ, продолжая свои фотометрическія изслѣдованія, устроилъ новый поляризаціонный фотометръ, примѣнимый для техническихъ цѣлей. Этотъ снарядъ, какъ оказалось изъ произведенныхъ имъ измѣреній свѣта отъ разныхъ источниковъ, представляетъ собою преимущества не только большей удобности при употребленіи его, и большей точности, но въ особенности—гораздо большей благонадежности при сравненіи между собою не вполне равноцѣпныхъ источниковъ свѣта, какъ, напримѣръ, свѣта одной свѣчи—съ газовой лампою, силою въ 200 свѣчей.

Дѣятельность главной физической обсерваторіи, становящейся все болѣе и болѣе центромъ ученыхъ работъ по метеорологіи въ нашемъ отечествѣ, продолжала развиваться съ неослабнымъ успѣхомъ, который по всей справедливости долженъ быть отнесенъ какъ къ счастливой постановкѣ всего дѣла со стороны дирекціи этого учрежденія, такъ и къ тому воодушевленію, съ какимъ всѣ служащіе при обсерваторіи относятся къ своимъ обязанностямъ, постоянно стремясь солидными трудами поддерживать почетную извѣстность обсерваторіи въ ученomъ свѣтѣ. Свидѣтельствомъ этому служатъ и въ нынѣшнемъ году рядъ работъ, составившихъ для метеорологіи и для климатологіи Россіи новыя приобрѣтенія.

Помощникъ директора А. М. Рыкачевъ изслѣдовалъ интересныя явленія, представляемыя—въ области Каспійскаго моря—суточнымъ и годичнымъ распредѣленіемъ вѣтровъ, и сдѣлалъ попытку къ объ-

ясненію этихъ явленій вычисленными имъ данными о давленіи воздуха въ томъ краѣ и построенными на ихъ основаніи новыми изобарами. Въ другой своей запискѣ, появившейся въ нашемъ Бюллетенѣ, г. Рыкачевъ воспользовался наблюденіями капитана 1-го ранга, флигель-адъютанта Макарова, для разъясненія вопроса объ измѣненіяхъ температуры воздуха около полудня на морѣ подъ тропиками.

Со времени обнаруженія, въ 1874 году, изслѣдованія г. Рыкачева о распредѣленіи средняго давленія воздуха на пространствѣ Европейской Россіи, достигнуто было, въ нашей метеорологической сѣти, существенное улучшеніе именно въ отношеніи барометрическихъ наблюденій; не только значительно умножено число станцій, снабженныхъ хорошими и сравненными между собою барометрами, но — помощью инспекціоннаго объѣзда станцій — были обезпечены болѣе правильное употребленіе инструментовъ и болѣе точное установленіе ихъ нулевой точки по отношенію къ геодезически опредѣленнымъ гипсометрическимъ пунктамъ. Такъ какъ вслѣдствіе этого, наши барометрическія наблюденія 1881—1884 годовъ представляютъ собою болѣе надежный матеріалъ, чѣмъ наблюденія прежнихъ лѣтъ, то физикъ нашей главной обсерваторіи В. И. Срезневскій употребилъ ихъ для вычисленія новыхъ годовыхъ изобаръ для Европейской Россіи. При основательности и старательности, съ какими выведены результаты этихъ вычисленій, они служатъ уже, для отдѣленія штормовыхъ предостереженій, важнымъ пособіемъ при производимыхъ въ немъ работахъ.

Инспекторомъ метеорологическихъ станцій А. М. Шеврокомъ напечатаны изслѣдованія о грозахъ въ Россіи въ 1885 году, и выводы изъ произведенныхъ имъ опытовъ повѣрки карманныхъ анемометровъ подъ воздушнымъ насосомъ. Полезнымъ приобрѣтеніемъ для анемометріи явились результаты, полученные старшимъ наблюдателемъ обсерваторіи В. Х. Дубинскимъ изъ произведеннаго имъ весьма точнаго сравнительнаго изслѣдованія анемометровъ Гамбургскаго (Нѣмецкой морской обсерваторіи) и Петербургскаго (главной физической обсерваторіи). Другой старшій наблюдатель обсерваторіи Р. Р. Бергманъ обработалъ метеорологическія наблюденія д-ра Бунге и барона Толя на Новосибирскихъ островахъ и въ Пріяскомъ краѣ; а младшимъ наблюдателемъ Павловской обсерваторіи В. И. Фридрихсомъ сообщены интересныя результаты его изслѣдованій надъ точностью показаній термографовъ парижскихъ механиковъ, братьевъ Ришаръ.

Изъ прочихъ трудовъ по метеорологіи упомянемъ о произведенномъ г. Броуновымъ, во время путешествія его по Европѣ, тщательномъ сравненіи между собою нормальныхъ барометровъ главныхъ метеорологическихкихъ учреждений Берлина, Гамбурга, Утрехта, Брюсселя, Парижа, Цюриха и Вѣны съ нормальнымъ барометромъ нашей главной физической обсерваторіи, который, по большой точности своихъ показаній, какъ оказалось изъ многостороннихъ испытаній, долженъ считаться нормальнымъ въ полномъ значеніи слова, и уже служилъ исходною точкою для цѣлаго ряда сравненій барометровъ различныхъ метеорологическихкихъ свѣтей въ Европѣ, въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ.

Г. Б. Керсновскій подвергъ провѣркѣ способы предугадыванія низшей температуры и предстоящей ночи по наблюденіямъ предшествующаго дня. Р. Н. Савельевъ напечаталъ въ нашихъ изданіяхъ свои изысканія по вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха, а г. Маркъ—интересные выводы о климатѣ Енисейска на основаніи 12-лѣтнихъ наблюденій (1871—1883).

Въ связи съ нашимъ прошлогоднимъ отчетомъ, мы должны упомянуть здѣсь объ успѣхѣ, достигнутомъ въ нынѣшнемъ году главною физическою обсерваторією по отношенію штормовыхъ предостереженій для портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Благодаря денежному пособію, назначенному на этотъ предметъ биржевымъ купечествомъ Ростова-на-Дону, Отдѣленіе морской метеорологіи могло организовать у себя непрерывную службу въ вечерніе часы и въ праздничные и воскресные дни, и на основаніи разбора получаемыхъ два раза въ день метеорологическихкихъ телеграммъ составляло синоптическія карты, при помощи которыхъ регулярно давала по телеграфу предостереженія о буряхъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, а—когда оказывалось возможнымъ—и портамъ Вѣлаго и Каспійскаго морей. При такомъ расширеніи службы, уже съ начала года были достигнуты значительно большіе, въ сравненіи съ прошлымъ временемъ, успѣхи въ предостереженіяхъ для Балтійскаго моря; что же касается Чернаго моря, то въ первую половину года бури наступали здѣсь иногда совершенно непредвидѣнно для обсерваторіи. При ближайшемъ изслѣдованіи этого явленія выяснилось, что въ этомъ морѣ наступленіе бурь обуславливается гораздо меньшимъ барометрическимъ градіентомъ, чѣмъ въ Балтійскомъ морѣ, такъ что со введеніемъ затѣмъ надлежащихъ поправокъ, въ зависимости отъ величины градіента, получилась возможность дѣлать, во вторую половину года

и для черноморскихъ портовъ предсказанія о буряхъ съ гораздо большею достовѣрностью. Такимъ образомъ, ростовское купечество своимъ пожертвованіемъ, не только совершило дѣло—полезное для интересовъ торговли и промышленности, но и заслужило полную благодарность со стороны науки, доставивъ ей средство для лучшаго изученія законовъ возникновенія и распространенія бурь на южныхъ окраинахъ нашего отечества.

Въ заключеніе обзора трудовъ по физикѣ мы должны еще указать на особенно важныя, появившіяся въ нашихъ мемуарахъ, экспериментальныя изслѣдованія, произведенныя съ большимъ стараніемъ и въ обширныхъ размѣрахъ г. Тамманомъ съ цѣлью ближайшаго разъясненія законовъ объ упругости паровъ водяныхъ растворовъ солей.

Въ отдѣлѣ химіи крупнымъ приобрѣтеніемъ для науки явилась записка, въ которой академикъ Н. Н. Бекетовъ представилъ выводы, полученныя имъ при дальнѣйшей разработкѣ уже прежде высказаннаго имъ положенія, что энергія химическаго взаимодействія противоположныхъ элементовъ зависитъ отъ относительной величины соединяющихся массъ, и что этому закону подчиняются элементы, въ своемъ распредѣленіи, въ большинствѣ соединеній природы. Съ цѣлью прослѣдить это положеніе по отношенію къ щелочнымъ металламъ, авторъ произвелъ рядъ термохимическихъ изслѣдованій энергій соединенія этихъ металловъ съ кислородомъ, которое, по трудности полученія безводныхъ соединеній, было неизвѣстно. Научный интересъ этихъ изслѣдованій, помимо изученія химическихъ свойствъ едва извѣстныхъ окисей, заключается въ томъ, что эквивалентъ кислорода, сравнительно съ другими электроотрицательными элементами, есть наименьшій, и слѣдовательно, эти соединенія, согласно вышеуказанному положенію, должны были представить, относительно энергій, обратный ходъ тому, какой является въ голоидныхъ соединеніяхъ. Опытъ вполне подтвердилъ это предположеніе. Первое изслѣдованіе г. Бекетова относилось къ окиси натрія, при чемъ было открыто свойство ея возстановляться водородомъ; но одинъ случай не рѣшалъ вопроса: необходимо было опредѣлить энергію образованія окиси металла съ большимъ и съ меньшимъ атомными вѣсами: съ этою цѣлю и сдѣлано г. Бекетовымъ изслѣдованіе окисей калия и литія, которое вполне подтвердило означенное положеніе. По отношенію къ кислороду литій оказался наиболѣе энергичнымъ, а калий на оборотъ сталъ ниже натрія, и окись его возстановлялась водородомъ еще легче. Въ настоящее время нашимъ химикомъ про-

должаются изслѣдованія надъ щелочными металлами—рубидіемъ и цезіемъ. Эти изслѣдованія не только вносятъ въ науку новыя интересныя факты, но, что очень важно, указываютъ на извѣстную законность выдѣленія энергіи при взаимодействіи элементовъ и проливаютъ новый свѣтъ на явленія такъ-называемаго избирательнаго сродства.

Другими работами по химіи въ нашихъ изданіяхъ были: записка гг. Горбова и Кесслера о дѣйствіи іодоформа и іода на натрій-нвобутилатъ, и продолженіе изслѣдованій нашего члена-корреспондента И. М. Съченова надъ поглощеніемъ углекислоты соляными растворами разной концентрации.

Геологія и палеонтологія не остались также безъ полезныхъ приобрѣтеній. Академикъ Э. В. Шмидтъ сообщилъ Академіи о новыхъ открытіяхъ въ области писшихъ кембрійскихъ образованій въ Эстляндіи. А. П. Карпинскій сдѣлалъ опыты разъясненія вопроса о правильности въ очертаніи материковъ. И. Д. Черскій, прибрѣвшій себѣ пзвѣстность своими геологическими развѣдками въ Восточной Сибири, произведя, по порученію Академіи, изслѣдованіе мѣстностей вдоль большаго Сибирскаго почтоваго тракта отъ Байкала до восточнаго склона Урала, окончилъ обработку собранныхъ имъ въ это путешествіе матеріаловъ и изложилъ въ представленномъ имъ отчетѣ, который не замедлитъ появиться въ нашихъ Запискахъ, много новаго и любопытнаго по геологіи того края. Наконецъ, нашему многозаслуженному члену-корреспонденту К. Г. Шмидту мы обязаны благодарностью за сообщеніе намъ продолженія его интересныхъ гидрологическихъ изслѣдованій о разныхъ водоемахъ въ Россіи.

Обращаясь къ ботаникѣ, мы съ особымъ удовольствіемъ можемъ отиѣтити, въ нашей лѣтописи, такой трудъ, какъ многолѣтнія и вполнѣ усилшныя изслѣдованія нашего члена-корреспондента М. С. Воронина о болѣзняхъ ягодъ *Vacciniferae*, причиняемой склероціями разныхъ видовъ грибка *Periza*. Новость и важность фактовъ, установленныхъ въ этой работѣ нашимъ знаменитымъ микологомъ, не замедлятъ обратять на себя общее вниманіе въ учебномъ свѣтѣ. Въ запискѣ г. Пуаро о развитіи тканей въ вегетативныхъ органахъ сосудистыхъ споровыхъ растений спеціалисты найдутъ любопытное дополненіе и провѣрку изслѣдованій нѣкоторыхъ извѣстныхъ европейскихъ ботаниковъ. Предварительное сообщеніе, напечатанное въ нашемъ Бюллетенѣ г. Храповицкимъ, указываетъ на главные результаты, имъ полученные путемъ опытовъ, относительно синтеза бѣлковыхъ тѣлъ

въ хлорофилосныхъ растеніяхъ. **Ө. П. Кеппенъ** приложилъ необыкновенную свою начитанность и неутомимое трудолюбіе въ составленію полного свода современныхъ нашихъ свѣдѣній о географическомъ распространеніи большаго числа древесныхъ растеній (до 450 видовъ) въ Европейской Россіи и на Кавказѣ.

По зоологіи, нашъ музей доставлялъ матеріалы для ряда трудовъ, принесшихъ болѣе или менѣе значительныя приращенія въ нашихъ познанійхъ о различныхъ классахъ животныхъ.

По ихтиологіи, ученый хранитель музея **С. М. Герценштейнъ** описалъ новые виды рыбъ, привезенные **Н. М. Пржевальскимъ** изъ бассейна Лобъ-Нора, а **Н. А. Варнаховскій** далъ обзоръ, въ одной своей статьѣ, новыхъ, водящихся въ Россіи голяновъ, а въ другой—видовъ рода *Hemiculter*, и установилъ одинъ совершенно новый родъ, названный имъ *Hemiculterella*.

По орнитологіи, кромѣ составленной **Н. А. Заруднымъ** полной монографіи чернатаго царства Оренбургскаго края, появился въ нашихъ изданіяхъ труды нашего почетнаго члена **Н. М. Пржевальскаго** о новыхъ видахъ птицъ, найденныхъ имъ во время его послѣдняго путешествія въ Центральной Азіи, и ученаго хранителя музея **Ө. Д. Плеске**—о нѣсколькихъ интересныхъ случаяхъ помѣсей у птицъ.

Наконецъ, по отдѣлу млекопитающихъ, ученый хранитель **Е. А. Вихнеръ** основательно разработалъ весьма спутанную доселѣ исторію двухъ видовъ тура, водящихся на Кавказѣ, а профессоръ **Вольджихъ**, занявшись разборомъ большой массы рукописныхъ замѣтокъ, оставшихся послѣ смерти академика **Ө. Ө. Брандта**, составилъ по нимъ обширный мемуаръ о дилеммальной Европейской и Сѣверо-Азіятской фаунѣ млекопитающихъ и объ отношеніяхъ ея къ человеку.

Замѣчаемый въ этомъ рядѣ пробѣлъ по энтомологіи восполняетъ собою записка, представленная намъ учителемъ Ревельскаго реальнаго училища **В. Петерсеномъ** о чешуекрылыхъ арктической полосы Европы. Авторъ ея, въ продолженіе многихъ лѣтъ, спеціально занимался изслѣдованіемъ этихъ насѣкомыхъ и съ этою цѣлью предпринималъ путешествія по Лапландіи, Кавказу, Персіи и Центральной Америкѣ. Въ означенной запискѣ онъ сообщилъ перечень всѣхъ видовъ *Macrolepidoptera*, до сихъ поръ найденныхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы, съ критическими, морфологическими и историко-географическими замѣчаніями о нихъ, и изъ внимательнаго сравненія фауны чешуекрылыхъ арктической Европы, Сибири и Сѣверной Аме-

рики вывелъ интересныя заключенія относительно географическаго распространенія этихъ животныхъ какъ въ настоящее время, такъ и въ непосредственно предшествовавшей геологической періодъ.

Наконецъ, по анатоміи и физиологіи, академикъ Ф. В. Овсянниковъ произвелъ рядъ изслѣдованій для разъясненія вопроса о третьемъ глазѣ у рѣчной миноги и у нѣкоторыхъ другихъ животныхъ; Е. В. Костеничъ прослѣдилъ развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя сѣтчатки человѣческаго зародыша, а докторъ Н. В. Усковъ подвергъ болѣе точному изученію кровеноснососудистыя зачатки и ихъ развитіе у куринаго зародыша.

Обзоръ занятій историко-филологическаго отдѣленія мы имѣемъ возможность на этотъ разъ начать съ новаго предпріятія особенной важности для отечественной исторіи. Извѣстно, что въ числѣ ученыхъ изданій, оставшихся безъ исполненія за смертью академика Н. В. Калачова, былъ между прочимъ задуманный имъ и одобренный Академіею въ проектѣ сборникъ актовъ, исходящихъ изъ Боярской Думы и другихъ центральныхъ и областныхъ органовъ государственнаго и земскаго управленія въ Московскомъ государствѣ за XVI и XVII столѣтія. Существующія изданія историческихъ источниковъ для этой эпохи, имѣя цѣлью выясненіе лишь общихъ вопросовъ исторіи и юридическаго быта, не касаются дѣятельности самихъ учреждений, отъ которыхъ сохранились публикуемые въ нихъ документы и поэтому, не смотря на всю массу уже обнародованныхъ документовъ, относящихся до какой-либо отрасли государственной дѣятельности того времени, еще нѣтъ возможности восстановить, съ помощью ихъ, полную картину этой дѣятельности и уяснить себѣ характеръ того учрежденія, которому была поручена эта отрасль, такъ что наличное число изданныхъ доселѣ актовъ еще не позволяло приступать къ обстоятельному изслѣдованію объ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Россіи въ эпоху Московскаго государства. Уясненіе характера и дѣятельности какого-либо учрежденія возможно лишь тогда, когда систематически рассмотрѣны всѣ, на сколько они сохранились, дѣла, производившіяся въ немъ: только тогда, сгруппировавъ эти дѣла по опредѣленнымъ рубрикамъ, смотря по роду документовъ, получимъ возможность съ болѣе или меньшею точностью — опредѣлить значеніе того или другаго учрежденія и положеніе его въ ряду другихъ органовъ государственной жизни нашего отечества. Нѣтъ сомнѣнія, что изданіе, предпринятое съ этою цѣлью, было бы съ радостью привѣтствуемо каждымъ, желающимъ уяснить себѣ тѣ основ-

ныя начала, на которыхъ въ то или другое время зиждилась система государственнаго управленія, и дать себѣ отчетъ о причинахъ постепенной смѣны однихъ учреждений, отживавшихъ, другими, болѣе соответствовавшими времени.

Монументальное изданіе „Полнаго Собранія Законовъ“ начинается, какъ извѣстно, съ Уложенія царя Алексѣя Михайловича; предшествовавшая же законодательная дѣятельность Московскихъ государей, слѣды которой сохранились въ дѣлахъ тогдашнихъ учреждений, вошла въ это изданіе лишь на столько, на сколько она сохранилась въ Уложеніи; но какимъ образомъ составилось Уложеніе, что вошло и чего не вошло изъ существовавшихъ до него законовъ въ составъ его—такіе вопросы понинѣ остаются безъ рѣшенія, по недостаточности наличнаго матеріала для точнаго по возможности выясненія ихъ, а такой матеріалъ можетъ быть добытъ только громадною работою—разысканія въ архивахъ и надлежащаго изданія тѣхъ указовъ, наказовъ и приговоровъ боярскихъ и приказныхъ, которые въ огромномъ числѣ разсѣяны въ дѣлахъ тогдашнихъ учреждений.

Чѣмъ яснѣе сознавалась важность и своевременность такого изданія для дальнѣйшихъ успѣховъ отечественной исторіографіи, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ приняла Академія изъявленную ей членомъ-корреспондентомъ Н. А. Поповымъ готовность посвятить свои труды осуществленію задуманнаго Калачовымъ ученаго предпріятія. Имя г. Попова, какъ преемника Калачова по завѣдыванію Московскимъ архивомъ министерства юстиціи, хранилищемъ главной массы дѣлъ, изъ которыхъ предстоитъ извлекать данныя для такого изданія, и какъ заслуженнаго ученаго, занявшаго своими многочисленными и серьезными трудами самое почетное мѣсто въ ряду русскихъ историковъ, — въ полной мѣрѣ оправдываетъ самыя основательныя надежды на то, что собраніе актовъ, которое будетъ выходить въ свѣтъ подъ его опытною редакціей, составитъ собою одно изъ важнѣйшихъ пособій для ближайшаго изученія государственнаго быта до-Петровской Россіи. Представленная г. Поповымъ программа этого изданія уже одобрена Академіей, и производство на ея основаніи работъ пошло въ теченіе года столь успѣшно, что уже приступлено къ печатанію перваго тома „Актовъ Московскаго государства“.

Другое, задуманное и начатое Калачовымъ, собраніе весьма важныхъ историческихъ документовъ — „Докладовъ и приговоровъ, состоявшихся въ правительствующемъ сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго“—издается теперь подъ редакціей нашего новаго сочлена

Н. Ѳ. Дубровина. Въ нынѣшнемъ году окончены печатаніемъ третій томъ, содержащій въ себѣ документы 1713 года. Рядомъ съ тѣмъ, г. Дубровинъ продолжалъ трудиться надъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи присоединенія Крыма къ Россіи и выпустилъ нынѣ въ свѣтъ третій томъ этихъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ весьма важныя, относящіяся до 1781 года, документы, которыми собственно подготовлено было включеніе того края въ составъ государственной территоріи нашей—при помощи однихъ лишь переговоровъ.

Академикъ В. П. Безобразовъ, получивъ отъ семейства покойнаго графа Ѳ. П. Литке массу бумагъ, оставшихся по смерти его, занялся при помощи ихъ составленіемъ біографіи бывшаго нашего президента и приготовилъ къ печати первый томъ этого труда.

Интереснымъ вкладомъ въ нашу церковную исторію послужить представленная академикомъ А. А. Куникомъ записка г. Гельцера, посвященная византійскимъ извѣстіямъ о Галичской и Литовской митрополіяхъ.

Историческое и филологическое изученіе литовскаго языка, важное не только для лингвистики — по родственной связи этого языка съ славянскимъ, — но даже и для исторіи западной Россіи, для освѣщенія литовскаго періода русской исторіи, нашло себѣ усерднаго дѣятеля и даровитаго представителя въ лицѣ Э. А. Вольтера. Употребивъ лѣто нынѣшняго года на этнографическія, историко-литературныя и лингвистическія изслѣдованія въ Литвѣ и Жмуди, онъ напечаталъ въ нашихъ Запискахъ отчетъ объ нихъ, который, по новизнѣ и важности сообщаемыхъ въ немъ наблюденій и фактовъ, конечно, не преминетъ обратить на себя вниманіе ученыхъ. Въ одномъ изъ приложеній къ этому отчету г. Вольтеръ останавливается на вопросѣ капитальномъ для ранней русской хронологіи, а именно — о походѣ Шведскаго короля Олафа въ 853 году противъ чудскихъ куровъ, о которомъ имѣются очень подробныя показанія одного современника. О немъ, года три назадъ, была напечатана академикомъ А. А. Куникомъ записка, въ которой мѣсто нахождения главнаго города куровъ опредѣлялось приблизительно на границѣ нынѣшней Ковенской губерніи. Г. Вольтеръ произвелъ на томъ мѣстѣ дальнѣйшія изысканія, которыми, какъ позволительно думать, вполне и навсегда рѣшилъ вопросъ о мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ городъ, и тѣмъ доставилъ историкамъ и этнографамъ возможность выводить отсюда дальнѣйшія послѣдствія.

Перехожу къ занятіямъ нашихъ ориенталистовъ.

Академикъ О. Н. Ветлингъ закончилъ, послѣднимъ, десятимъ выпускомъ предпринятое имъ новое изданіе грамматики Панини, которымъ успѣшно устранены трудности, встрѣчавшіяся еще въ пониманіи этого древняго памятника санскритской литературы. Въ то же время онъ печаталъ послѣднюю букву послѣдняго тома своего Сокращеннаго санскритскаго словаря и составилъ одинъ общій указатель ко всѣмъ дополненіямъ, помѣщеннымъ въ разныхъ томахъ этого Словаря, съ цѣлю облегчить присканіе словъ и ихъ значеній, внесенныхъ въ эти дополненія.

Академикъ В. П. Васильевъ помѣстилъ въ нашихъ Запискахъ двѣ замѣтки по буддизму—одну о собственномъ имени царя Аджаташатру, а другую—о новой эрѣ смерти Будды.

Академикъ В. В. Радловъ совершилъ поѣздку, въ концѣ прошлаго года, въ Крымъ для изученія на мѣстѣ разныхъ существующихъ тамъ татарскихъ нарѣчій, а лѣтомъ нынѣшняго года—въ Литву и Волынскую губернію съ цѣлю собиранія тамъ свѣдѣній о языкѣ каравмовъ, живущихъ въ Трокахъ и Луцкѣ,—и въ читанныхъ имъ отчетахъ указалъ на новые матеріалы, которые были плодомъ этихъ поѣздокъ для лучшаго познанія турецкихъ языковъ, частью черезъ непосредственное изученіе разныхъ говоровъ изъ устъ народа, частью же при помощи старинныхъ памятниковъ письменности, какіе г. Радлову удалось добыть у мѣстныхъ жителей. При огромности массы собранныхъ и уже изданныхъ г. Радловымъ образцовъ народной литературы живущихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи турецкихъ племенъ—все болѣе и болѣе чувствовалась потребность въ общемъ словарѣ ихъ языковъ. Въ сознаніи такой потребности, г. Радловъ рѣшился, не откладывая долѣе изданія многолѣтняго, обширнаго своего лексикографическаго труда, приступить нынѣ же къ печатанію его подъ скромнымъ заглавіемъ „Опыта“ словаря турецкихъ языковъ.

Полезнымъ добавленіемъ къ трудамъ г. Радлова по изслѣдованію турецкихъ языковъ явились обработанные, подъ его руководствомъ, природнымъ сагайцемъ г. Катановымъ матеріалы для изученія сагайскаго нарѣчія, а именно: списокъ сагайскихъ словъ, заимствованныхъ изъ русскаго языка, съ наблюденіями о характерѣ фонетическихъ измѣненій въ такихъ словахъ, и списокъ сагайскихъ названій рѣкъ, селеній, городовъ и проч. ¹⁾).

¹⁾ Кроме того, г. Катановъ составилъ, для изданія особою книгою, алфавитный указатель собственныхъ именъ, встрѣчающихся въ I-мъ томѣ изданныхъ г. Радловымъ образцовъ литературы турецкихъ племенъ.

Адъюнктъ К. Г. Залеманъ занимался изданіемъ, по рукописи нашего азіатскаго музея, части сочиненія Міаръ-и-Гамали, авторъ которой, Шамсъ-и-Фахри, жилъ въ половинѣ XIV вѣка, и которая, составляя второй по времени изъ дошедшихъ до насъ оригинальныхъ словарей персидскаго языка, служила источникомъ для всѣхъ повдѣйшихъ лексикографовъ. За изданнымъ нынѣ первымъ выпускомъ послѣдуютъ еще два, для обработки которыхъ авторъ ожидаетъ присылки сюда изъ Парижа и Берлина нужныхъ ему, для продолженія труда, рукописей; въ ожиданіи же ихъ онъ счелъ полезнымъ, черезъ нашъ Бюллетень, ознакомить ученый свѣтъ съ предпринятымъ имъ изданіемъ. Кроме того, онъ сообщилъ, въ Бюллетенѣ, описаніе двухъ замѣчательныхъ персидскихъ и трехъ сагатайскихъ рукописей, приобрѣтенныхъ въ недавнее время азіатскимъ музеемъ.

Группа различныхъ персидскихъ народныхъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ собственной Персіи, во внутреннихъ провинціяхъ этого государства, еще такъ мало изслѣдована въ ученой литературѣ, что поразительно богатые лингвистическіе матеріалы, собранные молодымъ русскимъ яранистомъ г. Жуковскимъ, во время трехлѣтняго пребыванія его въ томъ краѣ, не могли не обратить на себя самаго живаго вниманія Академіи, и вслѣдствіе доклада, сдѣланнаго о нихъ

Залеманомъ, она, по высокому значенію этихъ матеріаловъ, положила принять изданіе ихъ въ свѣтъ на свой счетъ. „Матеріалы для изученія персидскихъ нарѣчій“ г. Жуковского составятъ собою пять томовъ.

Другая группа малоизслѣдованныхъ народныхъ нарѣчій, именно мингрельская, была предметомъ весьма успѣшныхъ занятій г. Грена, на Кавказѣ. Составленный имъ „Сборникъ народныхъ мингрельскихъ произведеній, со словаремъ и опытомъ грамматики разныхъ діалектовъ мингрельскаго языка“ будетъ равномерно изданъ Академіей особою книгой.

Преміи имени нашего президента присуждаются ежегодно, по очереди, однимъ изъ отдѣленій Академіи. Въ нынѣшнемъ году очередь принадлежала физико-математическому отдѣленію, въ которое, къ назначенному сроку, было представлено, для соисканія ихъ, 15-ть сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ математическихъ, физическихъ и биологическихъ. По внимательномъ разсмотрѣніи ихъ и по обсужденіи ихъ достоинствъ, отдѣленіе признало, что труды двухъ изъ конкурентовъ въ равной мѣрѣ удовлетворяютъ требованіямъ § 6 правилъ и служатъ, по важности изложенныхъ въ нихъ самостоя-

тельныхъ изслѣдованій авторовъ, существеннымъ обогащеніемъ науки, такъ что они одинаково достойны первой почетной золотой медали. Но такъ какъ на каждое соисканіе премій графа Д. А. Толстаго положено лишь по одной медали каждому изъ трехъ различныхъ достоинствъ ихъ, то, баллотировкою, большинствомъ голосовъ, назначена 1-я почетная медаль Н. Е. Введенскому за его телефоническія изслѣдованія надъ электро-физиологическими явленіями въ мышцахъ и нервахъ ¹⁾, а 2-я медаль надворн. совѣтнику Эрн. Егор. Лейсту за его изслѣдованія о средствахъ для достиженія большей точности въ наблюденіяхъ надъ земнымъ магнетизмомъ ²⁾.

Означенныя изслѣдованія г. Введенскаго были, по порученію отдѣленія, рассмотрѣны академикомъ Ф. В. Овсянниковымъ, донесеніе котораго и послужило для отдѣленія основаніемъ для сужденія о значеніи этихъ изслѣдованій.

Одною изъ самыхъ сложныхъ задачъ физиологін является точное опредѣленіе соотношенія между нервами и мышцами какъ въ здоровомъ, такъ и въ больномъ организмѣ.

При опытахъ въ этомъ направленіи мышечныя сокращенія искусственно воспроизводятся электрогальванническимъ путемъ—а для изслѣдованія нервныхъ токовъ и мышечныхъ сокращеній употребляются разнообразныя снаряды, не вполне соответствующіе требованіямъ науки. Г. Введенскій примѣнилъ для электрофизиологическихъ изслѣдованій телефонъ, чувствительность котораго значительно превышаетъ такъ-называемый „физиологическій реоскопъ“, считавшійся самымъ чувствительнымъ изъ всѣхъ гальваноскоповъ.

Доктору Введенскому принадлежитъ честь вполне успешнаго примѣненія телефоническихъ снарядовъ къ физиологическимъ цѣлямъ, при чемъ многочисленными, произведенными имъ опытами вполне доказано, что новые, придуманные имъ снаряды, обладавъ необыкновенною чувствительностью къ колебаніямъ электрическаго тока, пе-

¹⁾ Телефонныя изслѣдованія надъ электрическими явленіями въ мышечныхъ и нервныхъ аппаратахъ. С.-Пб. 1884 (напечатано по распоряженію С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей). Die telephonischen Erscheinungen am Nerven bei Waqua-Reizung (въ *Mélanges biologiques, tirés du Bulletin de l'Académie*). О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетаузѣ. С.-Пб. 1886 (Изъ *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*, т. LIV).

²⁾ Fehler bei Bestimmung der Schwingungsdauer von Magneten und ihr Einfluss auf absolute Messungen der Horizontal-Intensität des Erdmagnetismus. С.-Пб. 1887. (Особый оттискъ изъ *Метеор. Сборника*). Untersuchung über Nadel-Inclinatoren. С.-Пб. 1887 (Особый оттискъ изъ *Метеорологич. Сборника*).

редаютъ колебанія эти въ формѣ вполне осязательной для нашего слуха; вмѣстѣ съ тѣмъ телефоническій аппаратъ оказывается настолько подвижнымъ, что даетъ возможность изучать быстрыя и измѣняющіяся, по направленію, колебанія токовъ, для чего прежде гальванометры были вовсе непригодны.

Примѣнивъ телефоническій методъ къ изученію мышцъ и нервовъ, г. Введенскій достигъ научныхъ выводовъ, идущихъ совершенно въ разрѣзъ съ прежними понятіями. По замѣчанію академика Овсянникова, рѣдко какое-либо изслѣдованіе распространялось въ ученномъ мірѣ съ такою быстротою и удостоивалось съ первыхъ же поръ такого довѣрія, какъ это случилось съ изслѣдованіями г. Введенскаго.

Не входя въ подробности всѣхъ добытыхъ имъ фактовъ, замѣтимъ, что онъ существенно пополнилъ и развилъ извѣстныя изслѣдованія Гельмгольца.

Гельмгольдъ опытнымъ путемъ установилъ тотъ фактъ, что раздражаемая мышца вибрируетъ числомъ колебаній, соответствующимъ раздраженію, издавая при этомъ соответствующіе тоны—изъ наблюденій же г. Введенскаго выясняется, что мышцы обладаютъ способностью вибрировать соответственнымъ раздраженію числомъ колебаній лишь до извѣстнаго предѣла, но далѣе онѣ производятъ только шумъ, схожій съ тономъ естественнаго сокращенія, тогда какъ на ряду съ этимъ самые нервы, даже и отъ продолжительнаго раздраженія, хотя бы въ теченіе многихъ часовъ, вовсе не утомляются. Этимъ послѣднимъ фактомъ авторъ воспользовался для своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о тетанусѣ. Здѣсь г. Введенскій подвергъ строгому анализу своеобразное подмѣченное имъ явленіе, что при извѣстныхъ условіяхъ ослабленіе тетаническаго раздраженія ведетъ къ появленію новыхъ сокращеній въ мышцѣ, по видимому совершенно утомленной и, на оборотъ, что усиленіе тетаническаго раздраженія имѣетъ послѣдствіемъ расслабленіе мышцы. Такъ какъ въ этихъ явленіяхъ нервъ, какъ аппаратъ не утомляющійся, участія не принимаетъ, то, по выводу г. Введенскаго, сами мышцы въ данномъ случаѣ впадаютъ въ особое состояніе, которое не есть ни покой, ни дѣятельность, но которое представляетъ аналогію съ состояніемъ сердца при раздраженіи блуждающаго нерва.

Эти и иные наблюденія г. Введенскаго надъ раздраженіями нервовъ и мышцъ при введеніи ядомъ кураре и стрихнина и т. д. описаны самымъ тщательнымъ образомъ, съ подробнымъ указаніемъ условій, при которыхъ они производились, что даетъ читателю воз-

возможность слѣдить за авторомъ, шагъ за шагомъ, и самому проверять добитые исследователемъ результаты.

При такой тщательности, съ какою произведены исследования г. Введенскаго, они, не смотря на сравнительно недавнее ихъ появленіе въ печати, получили уже широкую извѣстность въ ученomъ свѣтѣ; многіе изъ доказанныхъ г. Введенскимъ фактовъ признаны на столько устойчивыми, что нашли уже себѣ мѣсто въ учебникахъ по физиологіи.

Въ двухъ, относящихся до земнаго магнетизма, сочиненіяхъ г. Лейста, увѣнчанныхъ второю почетною золотою медалью имени графа Д. А. Толстаго, изложены произведенныя авторомъ исследования, послужившія къ значительному усовершенствованію способовъ наблюденія двухъ элементовъ этого магнетизма. Одно изъ нихъ касается опредѣленія наклоненія силы земнаго магнетизма помощью инclinатора съ иглою. Авторъ представилъ здѣсь гораздо болѣе полное и болѣе точное, чѣмъ доселѣ извѣстно было, исследование погрѣшностей этого инструмента и вліянія ихъ на величину опредѣляемаго, посредствомъ его наклоненія. Основываясь на этомъ изслѣдованіи, г. Лейстъ указалъ, при помощи большаго числа наблюденій со многими инclinаторами, какимъ образомъ можно, надлежащею оцѣнкою этихъ погрѣшностей, достигнуть болѣе надежныхъ результатовъ относительно наклоненія, и въ заключеніе—обращаетъ вниманіе на тѣ измѣненія въ устройствѣ инclinатора, которыми возможно было бы устранить, или по крайней мѣрѣ уменьшить эти погрѣшности.

Другое сочиненіе г. Лейста содержитъ въ себѣ изслѣдованія о вліяніи, какое измѣненіе въ земной магнитной силѣ оказываютъ на опредѣленіе времени качанія магнитовъ, имѣющее, при наблюденіи горизонтальной части магнитной силы, весьма важное значеніе. А именно, такъ какъ для точнаго опредѣленія продолжительности качанія магнита нужно времени иногда до получаса, и даже болѣе, то постоянныя, происходящія въ это время, колебанія силы земнаго магнетизма оказываютъ вредное вліяніе на результатъ, и такой результатъ доселѣ просто отбрасывали, какъ негодный, не смотря на потраченныя на него время и трудъ, всякій разъ, что одновременно съ нимъ наблюдаемые, такъ-называемые варіаціонныя аппараты показывали, за время продолжительности качанія магнитовъ, значительныя колебанія силы земнаго магнетизма. Г. Лейстъ, изъ внимательнаго разбора этихъ обстоятельствъ, вывелъ формулы, которыя позво-

длать, при помощи одновременныхъ показаній вариационнаго аппарата, въ каждомъ данномъ случаѣ освободить результатъ отъ возмущающаго вліянія измѣненія земной магнитной силы, и такимъ образомъ всегда, не смотря на эти измѣненія, получить точный результатъ. Найденный г. Лейстомъ способъ представляется особенно важнымъ при наблюденіяхъ въ полярныхъ странахъ, гдѣ лишь весьма рѣдко бываетъ такое спокойствіе въ земномъ магнетизмѣ, что и безъ употребленія этого способа можно получать надежныя величины для времени качанія магнитовъ, и слѣдовательно—для горизонтальной части силы земнаго магнетизма.

Премію имени нашего вице-президента, назначаемую за выдающіеся труды по математикѣ, Академія присудила въ нынѣшнемъ году профессору К. А. Поссе, за его сочиненіе¹⁾, посвященное изложенію главнѣйшихъ свойствъ функцій θ отъ двухъ аргументовъ и рѣшенію задачи Якоби объ обращеніи ультраэллиптическихъ интеграловъ перваго класса.

Это сочиненіе, составляющее собою весьма цѣнное обогащеніе нашей математической литературы, есть плодъ глубокаго изученія и самостоятельной обработки матеріала, заключающагося во множествѣ изслѣдованій, отчасти разбланныхъ въ различныхъ иностранныхъ журналахъ, отчасти изданныхъ отдѣльными мемуарами. Достоинство сочиненія увеличивается еще тѣмъ, что изложеніе автора, не смотря, на трудность предмета, отличается ясностью, точностью и систематичностью.

Число наградъ, раздаваемыхъ Академіею за ученые труды, значительно возросшее въ послѣднее время, увеличилось въ нынѣшнемъ году учрежденіемъ еще одной преміи. Приближающійся срокъ столѣтія со дня рожденія нашего почетнаго члена, генералъ-отъ-инфантеріи Федора Федоровича Шуберта, знаменитаго преобразователя геодезій Россіи, внушилъ дочери его Софьѣ Федоровнѣ Шубертъ благую мысль почтить память его учрежденіемъ, которое сохраняло бы въ ученомъ мирѣ на вѣчныя времена воспоминаніе о его трудахъ и заслугахъ. Съ этою цѣлью, она внесла въ Академію сумму въ 10,550 руб. съ тѣмъ, чтобы, черезъ каждые два года, начиная съ 12-го февраля 1889 года, проценты съ этого капитала, въ видѣ премій имени генерала Шуберта, присуждались Академіею за выдающіяся сочиненія по теоретической астрономіи и вспомогательнымъ

¹⁾ О функцияхъ θ отъ двухъ аргументовъ и о задачѣ Якоби. С.-Пб. 1882.

для нея отраслямъ математики, или же употреблялись, по усмотрѣнію Академіи, на пособіе при ученыхъ работахъ по тѣмъ же отраслямъ наукъ. Академія, сохраняя глубокое уваженіе къ памяти своего доблестнаго почетнаго члена, много потрудившагося на пользу науки и Россіи, съ полнымъ сочувствіемъ приняла предложеніе его дочери, и входила съ надлежащимъ о семъ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія, по всаподданнѣйшему докладу котораго Государь Императоръ, въ 29-й день іюля, Высочайше соизволилъ на принятіе Академіей означеннаго пожертвованія и на учрежденіе преміи имени Э. Э. Шуберта, раздаваемой на основаніи правилъ, подлежащихъ утвержденію министра. Составленныя, соотвѣтственно желаніямъ учредительницы, правила объ этой преміи, по утвержденіи г. министромъ 2-го сентября, обнародованы во всеобщее извѣстіе.

Въ заключеніе годичнаго перечня нашихъ ученыхъ трудовъ, долгъ мой—упомянуть о довершенномъ въ нынѣшнемъ году расширеніи той изъ нашихъ принадлежностей, отъ благоустройства которой много зависитъ успѣхъ этихъ трудовъ. Академическая бібліотека, постоянно и значительно возростая путемъ новыхъ пріобрѣтеній, достигла наконецъ такихъ размѣровъ, что помѣщеніе ея, остававшееся безъ соотвѣтственнаго съ тѣмъ расширенія болѣе полуустолѣтія, оказывалось, по тѣснотѣ своей, существеннымъ препятствіемъ къ сохраненію необходимаго порядка и благоустройства въ книжномъ нашемъ дѣлѣ. По неоднократномъ и всестороннемъ обсужденіи вопроса о способахъ къ устраненію возникавшихъ отъ этого важныхъ неудобствъ, единственнымъ къ тому средствомъ оказалось предоставленіе бібліотекѣ болѣе просторнаго помѣщенія, соотвѣтственно нынѣшнему ея составу. По предстательству нашего президента и благодаря просвѣщенному содѣйствію нашего почетнаго члена, генералъ-адъютанта М. П. фонъ-Кауфмана, представленіе о семъ Академіи было уважено, и Государю Императору благоугодно было явить новый знакъ Монаршаго благоволенія къ Академіи, пожалованіемъ ей нужной суммы—для возведенія вдоль переулка, прилегающаго къ зданію бібліотеки, особаго флигеля, оконченнаго постройкой и отдѣлкой въ нынѣшнемъ году. Эта постройка не только дала возможность обезпечить лучшій порядокъ въ бібліотекѣ еще, можетъ быть, дѣтъ на 50, но и позволяетъ озаботиться преобразованіемъ нашихъ этнографическихъ коллекцій въ музей, достойный этого названія и открытый для посѣщенія его публикою.

О такомъ расширеніи и улучшеніи средствъ для учебныхъ за-

нятіи Академія сохранитъ, въ своей исторіи, благодарное воспоминаніе, въ благоговѣйномъ сознаніи, что для нея, какъ и для всѣхъ ученыхъ учреждений въ нашемъ отечествѣ, все благодатное исходитъ съ высоты Престола.

О предстоящихъ въ 1888 году соисканіяхъ наградъ за ученые сочиненія, приюждаемыхъ Академіей Наукъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ.

Въ теченіе 1888 года Академіей Наукъ, по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ будутъ присуждены, по конкурсу, слѣдующія награды и преміи за ученые труды:

Ломоносовская премія, въ 1000 руб., за ученые изслѣдованія и открытія, сдѣланныя въ Россіи, въ области физики, химіи и минералогіи. На это соисканіе будутъ принимаемы, до 1-го іюня этого года, оригинальныя сочиненія на русскомъ языкѣ, изданныя въ Россіи въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, а также и рукописныя. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны и съ подписью имени автора.

Награды Бэра, состоящая: 1) изъ почетной золотой медали, цѣнностью въ 200 руб., назначаемой въ видѣ высшей награды такимъ ученымъ, которые цѣлымъ рядомъ многолѣтнихъ трудовъ существенно подвинули ту или другую изъ биологическихъ наукъ, ниже исчисленныхъ, и 2) изъ денежной преміи 1000 руб., для соисканія которой будутъ принимаемы, до 1-го мая этого года, печатныя сочиненія, вышедшія въ свѣтъ въ послѣднія 6 лѣтъ, на русскомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или англійскомъ языкахъ, содержащія въ себѣ изысканія въ области слѣдующихъ наукъ: анатоміи, гистологіи, эмбриологіи и физиологіи человѣка, животныхъ и растений, систематической зоологіи и ботаники, палеонтологіи съ биологической точки зрѣнія. Фауны и флоры принимаются въ конкурсъ только въ такомъ случаѣ, если онѣ обнимаютъ собою весьма обширныя или еще не изслѣдованныя и трудно доступныя странамъ Россійской имперіи.

Премія академика Г. П. Гельмерсена, въ 500 руб. Для соисканія ея, будутъ принимаемы въ Академіи, до 1-го марта этого года, печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 6 лѣтъ, содержащія въ себѣ самостоятельныя изысканія по геологіи, палеонтологіи съ геологической точки зрѣнія и по физической географіи Россіи и сопредѣльныхъ странъ Авіи.

Премія Ркляцкаго, суммою въ 540 руб., назначается за лучшее сочиненіе по части анатомико-микроскопическихъ изслѣдованій центральной нервной системы, съ примѣненіями физиологическими и практическими. На соисканіе этой преміи принимаются, до 1-го іюля нынѣшняго года, оригинальныя сочиненія, написанныя на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ языкахъ, изданныя какъ въ Россіи, такъ и за границею,

въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Рукописныя же сочиненія на одномъ изъ сихъ языковъ допускаются лишь въ томъ случаѣ, если авторы ихъ—русскіе подданные или, по крайней мѣрѣ, имѣютъ постоянное пребываніе въ Россіи. Присылаемыя рукописи должны быть четко писаны, съ подписью имени автора.

Преміи Таврическаго дворянства за сочиненія о Русскомъ дворянствѣ въ исторіи развитія Россійскаго государства, состоятъ изъ первой преміи въ 1000 руб. и второй—въ 500 руб.

Сочиненія, назначаемыя для конкурса на эти преміи, должны быть строго ученаго характера. Достойными той или другой преміи могутъ быть признаны лишь такія сочиненія, въ которыхъ исторія русскаго дворянства, въ связи съ постепеннымъ развитіемъ Россійскаго государства, будетъ изложена въ достаточной полнотѣ, на основаніи внимательнаго изученія первоначальныхъ источниковъ, и всѣ изложенныя въ сочиненіи факты и выводы будутъ подтверждены ссылками на подобные источники.

Къ соисканію этихъ премій будутъ принимаемы въ Академіи, до 21-го апрѣля сего 1888 года, оригинальныя, на русскомъ языкѣ, сочиненія, какъ рукописныя, такъ и печатныя, изданныя въ Россіи. Рукописныя сочиненія должны быть писаны четко. Какъ тѣ, такъ и другія, должны быть доставлены съ обозначеніемъ имени автора и мѣста его жителства.

Въ случаѣ, если, изъ числа поступившихъ на конкурсъ сочиненій, окажется заслуживающимъ награжденія только одно, и оно будетъ отличаться особыми достоинствами; то его автору могутъ быть присуждены обѣ вышеозначенныя преміи, то-есть, въ совокупности 1500 руб.

Сочиненія, которыя будутъ удостоены премій Таврическаго дворянства не лишаются права участвовать въ соисканіи другихъ премій, раздаваемыхъ Академіей Наукъ.

О результатахъ соисканій всѣхъ выше исчисленныхъ премій будетъ доведено до общаго свѣдѣнія въ торжественномъ публичномъ засѣданіи Академіи 29-го декабря нынѣшняго 1888 года.

Кромѣ того, въ теченіе года будутъ присуждены награды графа Уварова, въ публичномъ засѣданіи 25-го сентября, за сочиненія, поступившія въ соисканіе ихъ до 26-го сентября 1887 года.

Наконецъ, въ Академіи будутъ принимаемы:

1) до 19-го сентября 1888 года, для соисканія премій митрополита Макарія въ 1500 и 1000 руб., оригинальныя по всѣмъ отраслямъ наукъ сочиненія на русскомъ языкѣ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, а также рукописныя, чисто и четко писанныя, съ подписью ли имени автора, или же подъ девизомъ, при запечатанномъ конвертѣ. Отчетъ о присужденныхъ по этому конкурсу преміяхъ будетъ объявленъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 19-го сентября 1889 года.

2) До 15-го августа 1888 года, для соисканія преміи имени Ф. Ф. Шуберта (въ 1000 руб.) печатныя сочиненія, на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, англійскомъ или нѣмецкомъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ въ теченіе послѣднихъ 5 лѣтъ и относящіяся до теоретической астрономіи и до анализа безконечно малыхъ величинъ. Присужденіе же этой преміи будетъ произведено въ публичномъ засѣданіи Академіи 12-го февраля 1889 года.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

ОБЪ ИСПЫТАНІЯХЪ ЗРѢЛОСТИ ВЪ 1885 ГОДУ.

Въ 1885 году испытанія зрѣлости производились въ 164 учебныхъ заведеніяхъ, а именно: въ 154 правительственныхъ гимназіяхъ, въ 5-ти церковныхъ училищахъ, существующихъ на правахъ правительственныхъ гимназій, и въ 5-ти гимназіяхъ (въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Дерптѣ), содержащихся частными лицами. Заявили о своемъ желаніи подвергнуться испытаніямъ 3222 ученика правительственныхъ гимназій, 56 учениковъ церковныхъ училищъ, 77 учениковъ частныхъ гимназій и 450 постороннихъ лицъ. Всѣхъ явившихся къ испытанію было 3805 человекъ, на 119 человекъ или 3,2% больше, чѣмъ въ предшествующемъ 1884 году. Распределеніе ихъ по учебнымъ округамъ показано въ слѣдующей таблицѣ:

Учебные округи.	Число гимназій.	Гимназистовъ.	Постороннихъ.
С.-Петербургскій	27	430	45
Московскій	24	545	88
Казанскій	9	163	39
Оренбургскій	6	65	6
Харьковскій	14	279	55
Одесскій	15	289	70
Кіевскій	14	436	82
Виленскій	8	206	13
Варшавскій	18	411	35
Дерптскій	15	338	62
Кавказскій	7	131	3
Туркестанскій край	1	5	1
Западная Сибирь и Семиръ- ченская область.	4	35	—
Восточная Сибирь.	2	22	1
Всего	164	3355	450

Изъ числа этихъ молодыхъ людей не были допущены къ испытаніямъ: 129 учениковъ правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 13 учениковъ частныхъ гимназій по безуспѣшности въ ученіи за послѣднее время пребыванія ихъ въ гимназіяхъ, и 3 ученика правительственныхъ гимназій, совершившіе болѣе или менѣе важныя проступки, свидѣтельствующіе о ихъ нравственной незрѣлости; изъ числа постороннихъ лицъ 9, какъ обучавшіеся прежде въ какой-либо гимназіи или иномъ учебномъ заведеніи и приступившіе къ выпускному экзамену ранѣе своихъ сосоварищей по классу, и 11, какъ оказавшіе въ представленныхъ ими свидѣтельствахъ, прошеніяхъ или собственныхъ жизнеописаніяхъ явные признаки незрѣлости умственной или нравственной; 14-ти гимназистамъ и 5 постороннимъ лицамъ отсрочено испытаніе на годъ по болѣзни, а 7 гимназистамъ и 2 постороннимъ лицамъ—за попытки къ обману и нарушенію правилъ объ испытаніяхъ (§ 44 п. а, б, в и § 55 п. і означенныхъ правилъ). Всего устранено было въ 1885 г. отъ испытаній или добровольно отъ нихъ отказалось 194 человекъ, что составляетъ 5,1% въ отношеніи къ общему числу заявившихъ желаніе подвергнуться испытаніямъ. Въ 1883 году не были допущены къ испытаніямъ или отказались отъ нихъ 141 (4%), въ 1884 году 179 (4,5%). Наибольшее число устраненныхъ отъ испытаній по малоуспѣшности въ ученіи выпадаетъ на долю гимназій въ учебныхъ округахъ: С.-Петербургскомъ (33), Варшавскомъ (25), Московскомъ (23), Киевскомъ (13), Харьковскомъ и Дерптскомъ (по 16). За исключеніемъ изъ числа заявившихъ о желаніи подвергнуться испытанію вышеозначенныхъ 194 молодыхъ людей, въ дѣйствительности подвергались испытаніямъ:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	3070
„ церковныхъ училищъ	55
„ частныхъ гимназій	63
постороннихъ лицъ	423

Всего 3611

Удовлетворительно выдержали испытанія и затѣмъ удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости:

учениковъ правительственныхъ гимназій .	2738 (89,2%)
„ церковныхъ училищъ	54 (98,2%)
„ частныхъ гимназій.	59 (93,6%)
постороннихъ лицъ	197 (46,6%)

Всего 3048 (84,4%)

Не выдержали испытаній:

учениковъ правительственныхъ гимназій	332 (10,8%)
„ церковнаго училища	1 (1,8%)
„ частныхъ гимназій	4 (6,3%)
постороннихъ лицъ	. . . 226 (53,4%)
Всего	563 (15,6%)

Въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ, число подвергавшихся испытаніямъ въ 1885 году увеличилось на 104 человека или 2,9%, число удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости на 65 человекъ или 2,2%, въ общемъ итогѣ по всѣмъ категоріямъ экзаменующихся. Наибольшій процентъ учениковъ правительственныхъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, выпадаетъ въ 1885 г. на долю учебныхъ округовъ: Казанскаго (96,3%), Оренбургскаго (95,3%), С.-Петербургскаго (94,1%), Одесскаго (92,4%), Дерптскаго (91%) и Кіевскаго (90,9%); наименьшій приходится на Варшавскій учебный округъ (81,5%), при чемъ въ разчетъ не приняты гимназій Западно-Сибирскаго учебнаго округа и Восточной Сибири, по незначительному числу экзаменующихся въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ, и Ташкентская гимназія, единственная въ Туркестанскомъ краѣ, въ которой подвергались испытанію 5 учениковъ и всѣ выдержали экзамень удовлетворительно.

Въ сравненіи съ предыдущимъ годомъ успѣшность испытаній въ процентномъ отношеніи увеличилась въ учебныхъ округахъ: Оренбургскомъ на 5,8%, въ Дерптскомъ на 7,5%, въ Виленскомъ на 1%, и, напротивъ, нѣсколько понизилась въ учебныхъ округахъ; Московскомъ (на 6,6%), Харьковскомъ (на 2,1%), Одесскомъ на (3,1%), Кіевскомъ (на 1,7%) и Варшавскомъ (на 1,2%).

Изъ учениковъ четырехъ церковныхъ училищъ въ С.-Петербургѣ 97,9% выдержали испытанія удовлетворительно, ученики же училища св. апостоловъ Петра и Павла въ Москвѣ всѣ безъ исключенія удостоены аттестата зрѣлости. Въ частныхъ гимназіяхъ г. С.-Петербурга удовлетворительно выдержавшихъ испытанія оказалось 96% общаго числа подвергавшихся въ нихъ испытаніямъ; въ частныхъ же гимназіяхъ г. Москвы всѣ подвергавшіеся экзамену его выдержали безъ исключенія; въ частной гимназій Кольмана въ г. Дерптѣ успѣшно окончившихъ курсъ числилось 83,3%. Наиболѣе успѣшныя результаты испытаній зрѣлости для постороннихъ лицъ оказались въ учебныхъ округахъ: Виленскомъ (66,6%) Дерптскомъ (59,6%), Казанскомъ (57,9%), Кіевскомъ (50,6%) и Оренбургскомъ (50%).

Общее число окончившихъ гимназическій курсъ въ 1885 году, считая вмѣстѣ учениковъ гимназій, удостоенныхъ аттестата зрѣлости, и постороннихъ лицъ, подвергавшихся испытаніямъ въ тѣхъ же гимназіяхъ, въ среднемъ выводѣ на каждую гимназію опредѣляется цифрою—18,6. Въ Киевскомъ учебномъ округѣ этотъ средний выводъ вывышается до 30 учениковъ на каждую гимназію округа, въ Виленскомъ составляетъ 22, въ Дерптскомъ 21, въ Московскомъ и Казанскомъ по 19 или 20. Наименьшее число окончившихъ курсъ выпадаетъ на долю учебныхъ заведеній Сибири, Семирѣченской области и Туркестанскаго края, гдѣ minimum доходитъ до 6 учениковъ на учебное заведеніе.

Лучшіе ученики гимназій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, награждены были медалями золотыми и серебряными. Число рожденных въ 1885 году медалей простиралось до 286 (въ томъ числѣ 154 золотыхъ и 132 серебряныхъ), что составляетъ около 11,4% въ отношеніи къ общему числу удостоенныхъ аттестата зрѣлости учениковъ тѣхъ гимназій, въ коихъ установлена эта награда ¹⁾. Наиболѣе рождено медалей въ Киевскомъ учебномъ округѣ—47 (22 золотыхъ и 25 серебряныхъ), въ С.-Петербургскомъ округѣ—44 (29 золотыхъ и 15 серебряныхъ, въ томъ числѣ 2 золотыя и 1 серебряная въ гимназіяхъ гг. Мая и Гуревича) и въ Московскомъ 43 (23 золотыхъ и 20 серебряныхъ).

Оказавшихъ неудовлетворительные успѣхи на испытаніяхъ, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе затрудняли главные предметы гимназическаго курса: древніе языки, русскій языкъ и словесность и математика. Изъ 332 учениковъ правительственныхъ гимназій, не выдержавшихъ въ 1885 году испытаній зрѣлости, получили неудовлетворительныя отмѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.
По латинскому языку	187	86	273
„ греческому	169	77	246
„ русскому	122	—	122
„ математикѣ	127	67	194
„ прочимъ предметамъ курса	—	65	65
Всего	605	295	900

¹⁾ Въ гимназіяхъ Дерптскаго учебнаго округа съ вмѣстимъ преподавательскимъ языкомъ и въ коллегіи Павла Галагана награды золотыми и серебряными медалями не полагаются.

Изъ 226 постороннихъ лицъ получили такія же неудовлетворительныя отиѣтки:

На испытаніяхъ:	Письменныхъ.	Устныхъ.	Всего.	
По латинскому языку	158	69	227	
„ греческому	145	66	211	
„ русскому	107	47	154	
„ математикѣ	103	46	149	
Изъ исторіи	—	43	43	
„ географіи.	—	22	22	
По закону Вожію.	—	17	17	
„ новымъ иностран. языкамъ.	—	22	22	
Изъ физики.	—	33	33	
„ логики	—	8	8	
	Всего	513	373	886

Сравнивая приведенныя двѣ таблицы, слѣдуетъ вывести заключеніе, что изъ числа учениковъ гимназій, признанныхъ въ 1885 г. подготовленными къ аттестату зрѣлости, каждый оказалъ на экзаменѣ неудовлетворительныя познанія, среднимъ числомъ, по 2 или 3 предметамъ гимназическаго курса одновременно, а изъ постороннихъ лицъ, не выдержавшихъ испытаній, по 3 или 4 предметамъ одновременно.

Изъ 337 учениковъ гимназій, не выдержавшихъ испытаній (332 ученика правительственныхъ гимназій, 1 ученикъ церковнаго училища и 4 ученика частныхъ гимназій), 218 пожелали остаться на второй годъ въ VIII классѣ для повторенія курса, и 119 выбыли со свидѣтельствами, выданными на основаніи § 72 правилъ объ испытаніяхъ.

По возрастамъ, удостоенные аттестата или свидѣтельства, распределяются слѣдующимъ образомъ:

17-ти-лѣтнихъ числилось.	191 или	6,3%
18 „	587 „	19,2%
19 „	771 „	25,3%
20 „	659 „	21,6%
21 года и болѣе „	840 „	27,6%

Отдѣльно для учениковъ правительственныхъ гимназій указанныя процентныя отношенія располагаются въ слѣдующей постепен-

ности 6,2^o%, 19,9^o%, 26,4^o%, 22°% и 25,4^o%. Такимъ образомъ оказывается, что въ числѣ абитуриентовъ гимназій въ 1885 г. значительное большинство составляли учащіеся трехъ старшихъ возрастовъ, какъ въ общемъ итогѣ всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости, такъ и отдѣльно въ общемъ числѣ окончившихъ курсъ въ правительственныхъ гимназіяхъ. Въ церковныхъ училищахъ преобладали ученики 19-ти лѣтняго возраста, составляя болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ окончившихъ курсъ въ этихъ училищахъ по ихъ классическимъ отдѣленіямъ, именно 35,2^o%; въ частныхъ гимназіяхъ преобладали ученики 18-ти лѣтняго возраста, составляя 28,8^o%, а между посторонними лицами значительное число удостоенныхъ гимназическаго свидѣтельствами зрѣлости имѣли болѣе 21 года и составляли 62,9^o% общаго числа экзаменовавшихся этой категоріи.

Изъ общаго числа всѣхъ удостоенныхъ аттестата или свидѣтельства зрѣлости 2907, или 95,4^o%, заявили о своемъ желаніи поступить въ университеты и другія соотвѣтствующія имъ по курсу высшія учебныя заведенія; въ томъ числѣ 1059, или 34,7^o%, на медицинскій факультетъ, или въ военно-медицинскую академію, 708, или 23,2^o%, на физико-математическій факультетъ, 695, или 22,8^o%, на юридическій, 366, или 12°%, на историко-филологическій факультетъ университета и въ историко-филологическія институты, 40, или 1,3^o%, на факультетъ восточныхъ языковъ и 39, или 1,3^o%, на богословскій факультетъ Дерптскаго университета или въ духовныя академіи; въ нынѣ высшія спеціальныя учебныя заведенія направлены 115 молодыхъ людей, составляющихъ 3,8^o% общаго числа абитуриентовъ гимназій, въ томъ числѣ 49 поступили или намѣревались поступить въ технологическій институтъ, 30 въ земледѣльческую академію или лѣсной институтъ, 22 въ горный институтъ, 4 въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, 3 въ строительное училище, 5 въ академію художествъ и 2 въ военныя училища (Павловское военное училище и инженерное училище); 25 молодыхъ людей предполагали посвятить себя по окончаніи гимназическаго курса непосредственно практической дѣятельности (0,8^o%), въ томъ числѣ: 5 государственной службѣ гражданской и 8 военной, 2 частной дѣятельности—учебной, 5 сельско-хозяйственной и 5 коммерческой.

Въ сравненіи съ предыдущими годами не замѣчается значительной разницы въ распредѣленіи абитуриентовъ гимназій по занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали. Такъ, напримѣръ, предполагали поступить:

На факультетъ:	Въ 1883 г.	Въ 1884 г.	Въ 1885 г.
историко-филологическій	290	359	368
юридическій	569	648	695
физико-математическій	828	721	708
медицинскій	998	1025	1059
въ высшія спец. учеб. зав.	111	128	115
на поур. практ. дѣятельн.	22	12	25

Независимо отъ свѣдѣній о награжденіи лучшихъ учениковъ золотыми и серебряными медалями, гимназій ежегодно представляютъ списки тѣхъ молодыхъ людей, окончившихъ въ нихъ курсъ, отъ которыхъ ихъ начальство ожидало дальнѣйшихъ успѣховъ по различнымъ отраслямъ науки, на основаніи обнаруженныхъ ими способностей, примѣрнаго поведенія и приобретенныхъ познаній. Именные списки этихъ молодыхъ людей за 1885 г. напечатаны въ вѣдомости № 5, приложенной въ концѣ этой статьи. Изъ означенной вѣдомости усматривается, что подобныя списки представили 89 гимназій изъ числа 164, въ которыхъ въ 1885 г. производились испытанія зрѣлости. Въ представленные списки внесены имена 238 молодыхъ людей, наиболѣе выдающихся своими способностями и достоинствами, на которыхъ означенныя гимназій пожелали обратить особенное вниманіе учебной администраціи, что составляетъ, впрочемъ, не болѣе 2 или 3 въ среднемъ выводѣ на каждое учебное заведеніе изъ числа представившихъ списки и не болѣе 7,8% въ отношеніи къ общему числу всѣхъ призванныхъ зрѣлыми. Наибольшее число этихъ молодыхъ людей предполагало поступить на физико-математическій факультетъ, именно 77, или 32,3%, общаго ихъ числа, 61, или 25,6%, на историко-филологическій, 47, или 19,7%, на медицинскій и 38, или 16%, на юридическій факультетъ; остальные 6,3% на богословскій факультетъ Дерптскаго университета (7), на факультетъ восточныхъ языковъ (4) и въ технологическій институтъ или политехническое училище (4).

Въ 1885 году въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго учебнаго округа, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на испытаніяхъ по закону Божию присутствовали главный наблюдатель за преподаваніемъ этого предмета, преосв. Арсеній, епископъ Ладожскій, и помощникъ его протоіерей Лхонтопъ, а по другимъ предметамъ были приглашаемы профессора и доценты С.-Петербургскаго университета. По Московскому учебному округу, въ качествѣ депутатовъ отъ учебно-окружнаго управленія, присутствовали: въ гимназіи при Лазаревскомъ институтѣ во-

сточныхъ языковъ, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому и греческому языкамъ, ординарный профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ римской словесности **Ө. Е. Коршъ**; во второй Московской гимназій, на устныхъ испытаніяхъ по латинскому языку, ординарный профессоръ того же университета, по кафедрѣ римской словесности, **И. В. Цвѣтаевъ**; въ третьей и четвертой Московскихъ гимназійхъ, на испытаніяхъ по математикѣ, заслуженный ординарный профессоръ **Давыдовъ** и ординарный профессоръ **Слудцкій**; въ первой, пятой и шестой гимназійхъ на испытаніяхъ по исторіи—профессора: **Поповъ**, **Виноградовъ** и **Ключевскій**; въ частной гимназій Поливанова, въ качествѣ депутатовъ отъ окружнаго управленія, присутствовали: преподаватель Лазаревскаго института **Корелинъ** и окружный инспекторъ **Киндлеръ**; послѣдній присутствовалъ и въ частной гимназій Креймана на всѣхъ испытаніяхъ, какъ устныхъ, такъ и письменныхъ.

Въ Оренбургскомъ учебномъ округѣ присутствовали на испытаніяхъ зрѣлости: въ Оренбургской гимназій — попечитель округа и окружный инспекторъ **Великановъ**, а въ Екатеринбургской—окружный инспекторъ **Чеховичъ**. На испытаніяхъ зрѣлости въ Виленскомъ учебномъ округѣ, по закону Божію православнаго исповѣданія, въ гимназійхъ: Минской, Витебской и Могилевской, присутствовали мѣстные епископы, преосв. **Варлаамъ** и **Маркеллъ**, ректоръ Могилевской духовной семинаріи и Витебскій губернаторъ, а по закону Божію римско-католическаго исповѣданія, въ Ковенской гимназій, суфраганъ **Тельшевской** епархіи **Варановскій**; по греческому, латинскому языкамъ и исторіи, въ гимназійхъ: Виленской 1-й, Павельской, Слуцкой и Могилевской — окружный инспекторъ **Бѣлецкій**. Въ гимназій г. Варшавы командированы были, въ качествѣ депутатовъ по разнымъ предметамъ, профессора мѣстнаго университета: **Востоковъ**, **Вобчипскій**, **Зининъ**, **Трессъ**, **Мержинскій**, **Дьячанъ**, **Смирновъ** и лекторъ **Кулаковскій**, а въ Петроковскую гимназій того же учебнаго округа проф. **Сонинъ**. Въ Ташкентскую гимназій, въ качествѣ депутата отъ управленія учебными заведеніями Туркестанскаго края, командированъ былъ инспекторъ народныхъ училищъ Ферганской области **С. С. Прилежаевъ** ¹⁾, и, кромѣ того, испытанія посѣщали: мѣстный епископъ преосв. **Неофитъ** и главный инспекторъ училищъ Туркестанскаго края **А. И. Забѣлинъ**.

¹⁾ Окончившій курсъ въ С.-Пб. историко-этиолог. институтѣ.

Въ Кавказскомъ учебномъ округѣ испытанія зрѣлости въ двухъ гимназіяхъ г. Тифлиса происходили въ присутствіи попечителя округа или окружныхъ инспекторовъ Ильяшенко и Короваева.

Въ Вѣрненской гимназіи Западно-Сибирскаго учебнаго округа для письменныхъ испытаній предложены были особыя отъ остальныхъ гимназій Западной Сибири темы, такъ какъ, въ виду Высочайшаго повелѣнія 13 августа 1880 г. объ увеличеніи каникулярнаго времени въ учебныхъ заведеніяхъ Туркестанскаго края, испытанія въ этой гимназіи, принадлежавшей прежде къ учебнымъ заведеніямъ упомянутого края, начались ранѣе, чѣмъ въ прочихъ гимназіяхъ Западно-Сибирскаго округа.

Во Владимірской гимназіи Московскаго учебнаго округа произошло разногласіе между депутатомъ отъ окружнаго управленія и большинствомъ членовъ испытательной комиссіи относительно письменной работы одного изъ учениковъ гимназіи по русскому языку. Означенное сочиненіе было оцѣнено балломъ 2, депутатъ призналъ его удовлетворительнымъ и заслуживающимъ балла 3; попечительскій совѣтъ, на разсмотрѣніе коего восходило это дѣло, утвердилъ единогласно мнѣніе депутата и рѣшилъ встрѣтившееся сомнѣніе въ пользу ученика.

Подобное же разногласіе обнаружилось въ мнѣніяхъ директора гимназіи или депутата и прочихъ членовъ испытательныхъ комиссій въ гимназіяхъ Варшавской 3-й и Холмской, по поводу трехъ сочиненій по русскому языку; по ближайшемъ разсмотрѣніи означенныхъ сочиненій въ попечительскомъ совѣтѣ Варшавскаго учебнаго округа, со стороны содержанія и изложенія всѣ три ученическія работы признаны удовлетворительными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Темы и задачи, предложенныя для письменнаго рѣшенія на испытаніяхъ зрѣлости въ 1885 году (одинаковыя для гимназій одного и того же округа).

I. ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

„Чувство при разставаніи съ учебнымъ заведеніемъ“.

2. По латинскому языку.

Когда, во время междоусобной войны, въ сорокъ девятомъ году до Рождества Христова, легатъ Цезаря Куріонъ, тщетно цытавшійся овладѣть Утикою, гдѣ засѣлъ приверженецъ Помпея Варъ, которому помогали нумидійцы, услышалъ отъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, что царь Юба, *отмеченный* ⁽¹⁾ пограничною войною, остался въ вѣдѣлахъ своего царства, а что Сабурра, префектъ его, посланный съ незначительными силами, приближается къ Утикѣ, онъ перемѣнилъ свое намѣреніе [состоявшее въ томъ, чтобы] дожидаться прибытія остальныхъ войскъ изъ Сициліи и затянуть войну, и рѣшился вступить въ сраженіе. Въ началѣ ночи онъ послалъ всю конницу противъ непріятельскаго лагеря, надъ которымъ начальствовалъ Сабурра, не подозревая, что за Сабуррою слѣдуетъ самъ Юба, расположившійся отъ лагеря Сабурры на разстояніи шести миль. Всадники, посланные ночью, напали неожиданно на непріятелей, *погруженныхъ въ сонъ* ²; перебивъ большое число ихъ, они уже возвращались къ Куріону и вели къ нему плѣнныхъ, какъ въ исходѣ ночи выступилъ со всѣми войсками самъ Куріонъ, оставивъ на защиту лагеря пять когортъ. Пройдя не болѣе шести миль, онъ *встрѣтился* ³ съ возвращающимися всадниками и спросилъ у плѣнныхъ, кто начальствуетъ надъ лагеремъ. Когда тѣ отвѣтили, что Сабурра, онъ, обратившись къ своимъ, сказалъ: „развѣ вы не видите, воины, что слова плѣнныхъ сходятся со словами перебѣжчиковъ, а именно, что царь отсутствуетъ, что посланными имъ войска незначительны, такъ какъ они не могли *устоять* ⁴ противъ немногихъ только всадниковъ? Поэтому послѣдите къ добычѣ, къ славѣ, чтобы я уже теперь началъ думать о вашихъ наградахъ и о возданіи благодарности“. Между тѣмъ Юба, извѣщенный Сабуррою о ночномъ сраженіи, подослалъ Сабуррѣ двѣ тысячи всадниковъ, которыхъ онъ обыкновенно держалъ при себѣ для своей собственной охраны, и ту часть нѣхоты, которой онъ наиболѣе доверялъ; самъ же съ остальными войсками и шестьюдесятью слонами подступалъ нѣсколько медленнѣе. Такъ какъ Сабурра не сомнѣвался, что на него хочетъ сдѣлать нападеніе самъ Куріонъ, то онъ привелъ въ порядокъ свои войска и приказалъ имъ мало по малу подъ видомъ страха отступать, говоря, что когда будетъ надобность, онъ дастъ знакъ сраженія и прикажетъ, чего требуютъ обстоятельства. Едва Куріонъ свелъ свои войска съ возвы-

пешныхъ мѣстъ на равнину, какъ неожиданно былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелями и погибъ почти со всѣмъ своимъ войскомъ.

1. revocare. 2. opprimere somno. 3. convenire. 4. parat esse.

3. По греческому языку.

На шестнадцатомъ году Пелопоннесской войны прибыли въ Аены послы изъ Сициліи, везя съ собою шестьдесятъ талантовъ, и просили аенянъ помочь *местейцамъ* ¹ противъ *селинунтцевъ* ². Аеняне постановили отправить въ Сицилію Никія и Алквіада съ большимъ войскомъ и шестьюдесятью кораблями, надѣясь подчинить себѣ весь островъ. Между тѣмъ въ одну ночь у большей части гермовъ, которые стояли въ преддверіяхъ домовъ и храмовъ, *разбиты* ³ были лица, и никто не зналъ сдѣлавшихъ это. [Люди] *цѣлѣе недовольны* ⁴ Алквіадомъ, *мыслили* ⁵ имъ *правильно* ⁶ пародовать, *обвиняли* ⁷ его въ этомъ [преступленіи], полагая, что, если они изгонять его изъ отечества, они сами займутъ первенствующее мѣсто (будутъ первыми). Онъ же оправдывался и готовъ былъ *подвергнуться суду* ⁸ прежде чѣмъ отплыть и, если окажется, что онъ совершилъ что-либо такое, понести наказаніе. Враги же его, опасаясь, что онъ будетъ имѣть войско на своей сторонѣ (=благосклоннымъ), если *тогда* ⁹ будетъ *преданъ суду* ¹⁰, приказывали ему *выѣхать и не задерживать похода* ¹¹, потому что они надѣялись въ его отсутствіе легче собрать противъ него болѣе сильныя улки (=клевету), затѣмъ, чтобы потомъ вызвать его въ Аены къ суду. И такъ рѣшено было отплыть Алквіаду.

1. οἱ Ἐυσταῖοι. 2. οἱ Σελίνουοι. 3. περιόπτω. 4. ἀχθόμεναι с. dat. 5. ἐμποδίζω. 6. черезъ гл. προϊστήμι. 7. αἰτιάομαι. 8. χρίομαι. 9. ἤδη. 10. ἀγωνίζομαι. 11. κατέχω τὴν ἰσχυρίην.

II. ВЪ МОСКОВСКОМЪ ОБРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Державинъ, какъ пѣвецъ Екатерины II.

Замасная. Почему слѣдуетъ дорожить намятниками древности?

2. По латинскому языку.

Основная. Побѣдивъ боіевъ и принявъ отъ нихъ заложниковъ, консулъ П. Корнелій Циционъ, *въ твердой устремленности* ¹, что сенатъ удостоитъ его чести триумфа, распустилъ войско и приказалъ ему *лечься* ² ко ³ дню триумфа въ Римъ; самъ онъ на другой день послѣ своего *пробытія* ⁴ въ городъ созвалъ сенатъ и, *изложивъ* ⁵, какое поражение онъ *нанесъ* ⁶ боіямъ, просилъ *возволенія* ⁷ торжественно ⁸ *отказаться* ⁹ въ Римъ. Народный трибувъ Ошироній *Блезъ* ¹⁰ высказывалъ было мнѣніе, „что не слѣдуетъ *отказываться* ¹¹ Корнелію въ триумфъ, но что его нужно *отложить* ¹², [ибо], пока *лишурійцы* ¹³, постоянная *поддержка* ¹⁴ боіевъ въ прежнія войны, не будутъ *покорены* ¹⁵, то в боіи не *успокоятся* ¹⁶; если бы П. Циционъ перешелъ съ своимъ побѣдоноснымъ

*) Blaevius.

войскомъ въ область лигурійцевъ, съ которыми уже третій годъ Кв. Минуцій ведетъ войну съ сомнительнымъ успѣхомъ ¹⁶, то онъ окончилъ бы ¹⁷ всю войну и имѣлъ бы [основаніе] просить триумфа. На это Корнелій отвѣчалъ, „что онъ просить триумфа не для себя, а для войска. Если уже не признаютъ ¹⁸ того, что онъ сдѣлалъ ¹⁹ въ своей провинціи, и ему ставятъ въ упрекъ, что онъ не дѣлалъ того, о чемъ даже не просилъ его Минуцій, то почему же войны, не оставившіе въ провинціи ни одного врага, не считаются достойными участвовать ²⁰ въ триумфѣ своего полководца? Если же сенать желаетъ, чтобы они шли на ²¹ новыя опасности, то пусть онъ прикажетъ, прежде чѣмъ ихъ отправить, вылатить имъ олоза ²² вознагражденіе ²³ за прежніе труды“. Едва консулъ окончилъ свою рѣчь, какъ весь сенать не только самъ разрылся ²⁴ ему триумфъ, но и постановленіемъ ²⁵ своимъ побудилъ ²⁶ трибуна отказать отъ импашательства ²⁷.

1. nihil dubito. 2. adsum я на лицѣ. 3. ad. 4. глаголь. 5. expro. 6. officio. 7. licet. 8. triumpho. 9. invenior. 10. nego. 11. differo. 12. Ligures. 13. относительное предложеніе. 14. subigo. 15. quiesco. 16. dubius. 17. conficio. 18. aestimo. 19. gero. 20. particeps sum. 21. persolvo. 22. merces. 23. decerno. 24. auctoritas. 25. commoveo. 26. intercessionem remitto.

Запавная. Въ то время, когда это происходило въ Азіи, римляне послали пословъ къ Антиоху, которые бы, подъ видомъ ¹ посольства, разведали ², какія царь дѣлаетъ приготовленія ³, и либо склонили Ганнибала на сторону римлянъ, или же сдѣлали его самого подозрительнымъ ⁴ и ненавистнымъ ⁵ царю. Послы, прибывъ въ Эфесъ, передали Антиоху порученія сената, который требовалъ, чтобы царь довольствовался предѣлами Азіи. Пока они ждали отвѣта, они ежедневно бывали у Ганнибала, стараясь ⁶ убѣдить его, „что со стороны римлянъ ему не угрожаетъ никакая опасность; что онъ поступилъ малодушно ⁷, что удалился изъ отечества, такъ какъ римляне свято ⁸ хранятъ миръ, заключенный скорѣе съ нимъ, чѣмъ съ государствомъ; ибо, кому неизвѣстно, что онъ одинъ предпринялъ ⁹ эту войну, самую опасную, которую когда-либо кто велъ, не столько изъ неувѣрности къ римскому имени, сколько изъ любви къ отечеству, которому каждый ¹⁰ хорошій [гражданинъ] обязанъ жертвовать ¹¹ даже жизнью? Поэтому, пусть онъ не усомнится возвратиться въ Карфагенъ, гдѣ его сограждане теноръ гораздо болѣе оцѣнятъ его труды ¹², нежели они то сдѣлали два года тому назадъ“. Вслѣдъ затѣмъ они [обыкновенно начинали] хвалить его подвиги въ мирное и военное время. Ганнибалъ, довольный ¹³ этими похвалами [бывшихъ враговъ], разговаривалъ съ посланцами чаще и охотнѣе [чѣмъ бы то слѣдовало], не токмо ¹⁴, какую ненависть [со стороны] цзя онъ создастъ себѣ ¹⁵ знакомствомъ ¹⁶ съ римлянами. И дѣйствительно Антиохъ, какъ только узналъ объ этихъ частыхъ разговорахъ, опасаясь, что Ганнибалъ тайно примирился ¹⁷ съ римлянами и притворяется только, будто онъ непримиримъ ихъ врагъ ¹⁸, сталъ скрывать отъ него свои планы и ненавидѣть его, какъ врага и предателя.

1. species. 2. speculor. 1. 3. apparatus. 4. partes sequor. 5. suspectus. 6. invivus. 7. operam do. 8. timide. 9. съ величайшею вѣрностью (fides). 10. suscipio. 11. quisque. 12. debeo. 13. opera. 14. laetus. 15. ignarus. 16. cogo, concito. 17. familiaritas. 18. in gratiam redire. 19. превосходящая степень.

3. На греческому языку.

Основная. Нѣкто Гобрій ¹, мужъ уже преклонныхъ лѣтъ ², приидъ къ Кирю, сказалъ: „и родомъ ассиріецъ ³, владѣю (—имѣю) сильнѣмъ замкомъ ⁴ и управляю обширною стравою. Я пришелъ къ тебѣ, желая быть твоимъ рабомъ и союзникомъ, и прошу тебя отомстить за ⁵ меня. Былъ у меня единственный сынъ, который, любя и почитая меня, дѣлалъ ⁶ меня счастливѣйшимъ огдомъ; его убилъ теперешній царь еще при жизни своего отца. Ибо, когда прежній царь признавалъ моего сына, чтобы выдать за него свою дочь, я отпустилъ его, *юрдася* ⁷, что увижу сына сумрукомъ ⁸ царской дочерп. Сынъ мой, приглашенный ⁹ на охоту ¹⁰, охотился вмѣстѣ ¹¹ съ царскимъ сыномъ, какъ съ другомъ. Когда же появился ¹² левъ, тотъ, метнувъ камень ¹³, далъ промахъ ¹⁴, а сынъ мой поразилъ *) звѣря. Тогда-то злодѣй ¹⁵ этотъ, не держа ¹⁶ свего гавна, убилъ моего сына, какъ врага. Если бы прежній царь былъ живъ, я никогда не пришелъ бы къ тебѣ, ибо много добра я испыталъ отъ него и самъ ему оказалъ. Но такъ какъ теперь царствуетъ убійца моего сына, то ни я не могу ¹⁷ быть преданнымъ ¹⁸ ему, ни онъ не можетъ ¹⁹ считать меня другомъ, зная, какъ я отношусь къ нему ²⁰. „Скажи мнѣ“, сказалъ Кирь,—„если мы примемъ тебя и дозволимъ тебѣ имѣть страну и власть, которую ты прежде имѣлъ, что ты намъ за это дашь?“ Онъ же отвѣчалъ: „Дашь ²¹, которую я прежде платилъ ²² Ассирійскому царю, я буду платить тебѣ и, куда бы ты ни отпранился походить, я буду слѣдовать за тобою“. „На этомъ условіи“ ²³, сказалъ Кирь,—„даю тебѣ мою правую руку и беру твою, а боги да будутъ намъ свидѣтелями“.

1. Γωβρίας 1. 2. πρεσβύτερος. 3. Ἀσσύριος. 4. τείχος. 5. τιμωρως γίνομαι τι. 6. τίθημι. 7. μέγα φρονέω. 8. γαμίτης 1. 9. παρακαλέω. 10. θήρα 1. 11. συνθήραω. 12. παρατουχάω. 13. ἀκοντίζω. 14. ἀρπασαω. 15. ἀνόσιος. 16. κατέχω, 17. mod. potentialis. 18. εὐνοος. 19. ἔχω πρὸς τινα. 20. δασμός. 21. ἀποφέρω. 22. ἐπὶ τοῦτοις.

Занасная. Взявъ городъ воинявъ, Ксерксъ велѣлъ Мардонію ¹ созвать начальниковъ флота ² и посоветоваться съ ними, давать ли морское сраженіе ³. Между тѣмъ какъ всѣ другіе требовали ⁴, чтобы царь сразился съ греками на морѣ, Артемизія ⁵, царица Галикарнасская ⁶, которая съ пятью кораблями слѣдовала за царемъ въ его походы ⁷ на Грецію, посоветовала садяты корабли и, если греки не сами нападутъ ⁸ на нихъ, не подвергаться большой опасности, потому что греки на морѣ на столько же сильнѣе ⁹ персовъ, на сколько мужчпны (сильнѣе) женщпны. „Зачѣмъ вообще“ ¹⁰, говорила она,—„нужно царю дать морское сраженіе? Развѣ онъ не владѣетъ уже Аѳинами, ради которыхъ онъ выступилъ въ походъ? Если онъ будетъ ждать ¹¹, держа ¹² корабли у берега ¹³, а сухопутное войско ¹⁴ пошлетъ противъ Пелопоннеса, то греки разступятъ ¹⁵, чтобы подать помощь своимъ городамъ; если же онъ дастъ морское сраженіе, то я боюсь, какъ бы флотъ ¹⁶, потерпѣвъ поражение ¹⁷, не погубилъ и сухопутное войско“. Ксерксъ, хотя ¹⁸ и съ удовольствіемъ ¹⁹ вы-

*) καταβάλλω.

слушалъ должное ²⁰ ему мѣние Артемизин, однако послушался ²¹ большинства, потому что надѣялся множествомъ своихъ кораблей легко одолѣть ²² грековъ.

1. Μαρδόνιος. 2. ναύαρχος. 3. ναυμαχίω. 4. κελύω. 5. Ἀρτεμισία. 6. Γαλιναρ-
насцевъ Ἀλικαρνασσός. 7. глаголь. 8. ἐπιτίθημι M. 9. сравнит. степень отъ ἀγα-
θός. 10. πάντως. 11. μένω. 12. ἔχω. 13. γῆ. 14. τὸ περὶκόν, ἡ περὶκὴ δύναμις
15. ἀεθάνωμι. 16. τὸ ναυτικόν. 17. ἤτταομαι. 18. μέν. 19. ἤδομαι. 20. ἀπαγγέλλω.
21. κείθομαι. 22. περιτίγνομαι.

4. По математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Основная. Два купца внесли деньги для общаго торговаго предпріятія; одинъ вложилъ 10,000 руб. на 3 года, другой 6,000 р. на 5 лѣтъ. Послѣ раздѣла оказалась прибыль, изъ коей, уплатить въ пользу города 8%, на оставшіеся 3,958 руб. куплено ими три партіи чая по 122,(6) руб. за пудъ. Всѣхъ первой партіи относятся къ вѣсу второй, какъ $\frac{1}{3}$; 0,08(3); вѣсъ чая третьей партіи составляетъ $7\frac{1}{2}$ %, вѣса двухъ первыхъ партій вмѣстѣ. Узнать: 1) сколько получено было прибыли послѣ раздѣла, 2) сколько пудовъ въ каждой партіи чая и 3) сколько пудовъ приходится на каждого купца?

Запаяная. Куплено два сорта чая, перваго по 2,(6) руб. и втораго по 4,(8) р. за фунтъ. Изъ перваго сорта взято $\frac{4}{27}$ его количества, а изъ втораго $\frac{25}{54}$ количества, послѣ чего составилось 50 фунт. смѣся, которую, безъ прибыли и убытка, можно продавать по $8\frac{1}{3}$ рубля за фунтъ. Узнать, сколько денегъ было у купца, если на покупку обоихъ сортовъ чая имъ употреблено лишь 5%, всѣхъ его денегъ?

б) По алгебрѣ.

Основная. Въ геометрической прогрессіи сумма крайнихъ членовъ=21, сумма среднихъ = 19, а сумма квадратовъ всѣхъ четырехъ членовъ = 442. Найти пропорцію.

Запаяная. Два каменщика, изъ коихъ второй начинаетъ работать $1\frac{1}{2}$ днями позже перваго, могутъ выстроить стѣну въ 7 дней. Еслибы эта работа была поручена каждому отдѣльно, то первому для ея совершенія понадобилось бы тремя днями болѣе, чѣмъ второму. Во сколько дней каждый изъ нихъ отдѣльно выстроитъ стѣну?

в) По геометріи.

Основная. Полная поверхность усѣченнаго конуса = 616 кв. фут.; его высота=8 ф.; разность діаметровъ обоихъ основаній=12 ф. Вычислить радиусъ основаній (принимая $\Pi = \frac{22}{7}$ и ограничиваясь однимъ десятичнымъ знакомъ).

Запаяная. Высота правильной пирамиды=7,8 ф., а боковая ея поверхность болѣе площади ея квадратнаго основанія на 16,2 кв. фута. Найти объемъ этой пирамиды.

г) По тригонометріи.

Основная. Изъ точки окружности радиуса 25,5 д. проведены двѣ хорды, концы дѣла $a=29,8$ д., $b=48,4$ д. Опредѣлить уголъ между ними.

Запасная. Периметръ равнобедреннаго тр-ка $=22,4$ д.; основаніе $=4,2$ д. Опредѣлить углы и площадь треугольника.

III. ВЪ ОРЕНБУРГСКОМЪ ОКРУГѢ.

I. По русскому языку.

Основная. Значеніе Пушкина въ исторіи русской словесности.

Запасная. Значеніе Ломоносова въ исторіи русской литературы.

2. По латинскому языку.

Основная. Сатурнинъ, народный трибунъ, внесъ законъ, чтобы сенать въ народномъ собраніи поклонялся, что онъ будетъ одобрять все, что бы ни приказалъ народъ и что никогда не будетъ *противодѣйствовать*. Метеллъ, счтавшій этотъ законъ и недостойнымъ авторитета сената, и пагубнымъ для республики, *открыто* заявилъ, что онъ никогда не поклонится. Увлечись авторитетомъ столь важнаго въ государствѣ мужа, сенаторы разошлись съ форума по домамъ. Спустя немного дней, когда Сатурнинъ созвалъ отцевъ къ каедрѣ, угрозами сталъ побуждать ихъ къ тому, чтобы они *дали клятву*, то Маріи, бывшій въ шестой разъ консуломъ, поклонился первымъ, а народъ привѣтствовалъ его *криками одобренія* и рукоплесканіями. Затѣмъ сенаторы, каждый въ свою очередь, дали клятву, боясь народнаго гнѣва. Дошло дѣло и до Метелла. Онъ, не смотря на *мольбы* друзей дать клятву, чтобы не понести тягчайшихъ наказаній, *предложенныхъ* Сатурниномъ, удалился изъ собранія, рѣшившись скорѣе умереть, чѣмъ сдѣлать хоть что-нибудь постыдное. Другимъ провожавшимъ его домой, онъ сказалъ: поступать честно, когда вѣтъ никакой опасности, *дѣло не витрое*; между тѣмъ свойство *истинно-честнаго* мужа идти *прямымъ путемъ* даже въ виду личной опасности.

Запасная. Л. Мавлію освобождается отъ суда, благодаря (орегу) своему сыну (Cic. de officiis 8, 31).

Л. Мавлію, сложившему съ себя должности диктатора (abdicare se dictatura, или черезъ dictatorem esse), М. Помпоній, народный трибунъ, назначилъ день суда за то, что онъ на нѣсколько дней продлил свою диктатуру (что онъ нѣсколько дней прибавилъ къ отпращиванію должности диктатора). Объявлялъ онъ Мавлію также и въ томъ, что онъ сына Тита, который послѣ получилъ прозваніе Торквата, удалилъ отъ общества (relegare ab hominibus) и приказалъ ему жить въ деревнѣ. Разказываютъ, что когда узналъ объ этомъ юноша-сынъ, то тотчасъ же примчался (assurgere) въ Римъ и вѣстѣ съ разсвѣтомъ явился въ домъ Помпонія. Когда послѣднему дали знать объ этомъ, то онъ, полагая, что сынъ, разгнѣванный на отца, сообщитъ ему что-нибудь важное (aliquid) противъ своего отца, немедленно всталъ съ постели и, удаливши свидѣтелей, приказалъ юношѣ войти къ себѣ. А тотъ, какъ только вошелъ, тотчасъ обнажилъ мечъ и поклонялся, что онъ умертвить его, если Пом-

новій не покладется въ свою очередь, что освободить (*missum facere*) отца. Помпоній, подъ вліяніемъ (*coerere*) страха, далъ клятву, сообщилъ объ этомъ обстоятельстве (*rem defertre*) народу и объяснилъ, почему ему необходимо прекратить процессъ; Манлія же освободилъ. Такъ велико было въ тѣ времена значеніе клятвы!

3. По греческому языку.

Основная. Остракизмъ въ Аѳонахъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Отовсюду собирались въ городъ граждане. Каждый, взявъ *черепокъ* и написавъ, кого изъ гражданъ онъ хотѣлъ *изнать*, относилъ въ одно мѣсто *площади, огражденной перилами*. Архонты сначала считали все количество черепковъ, потому что, если писавшихъ было менѣе 6,000, то изгнаніе остракизмомъ было не *действительнымъ*. Потомъ, сложивъ отдѣльно каждое изъ именъ, *провозглашали* изгнаннымъ на 10 лѣтъ осужденнаго большинствомъ. *Посредствомъ остракизма* *исключены* были только могущественные въ государствѣ люди и знатнаго происхожденія.

Впослѣдствіи времени, когда стали подвергать изгнанію незначительныхъ и порочныхъ людей, то остракизмъ былъ уничтоженъ.

З а п а с н а я. Аѳоняне и прочіе эллины.

Когда всѣ прочіе эллины, *три нашествіи* Ксеркса, *упали дуломъ* и одинъ изъ нихъ, какъ египтяне, *подпали подъ власть* варваровъ и отправлялись съ ними въ походъ, а другіе, какъ пелопоннесцы, искали только своего спасенія, тогда лишь аѳоняне *рѣшились лучше умереть, чѣмъ* признать себя рабами варваровъ. Въ то время, когда приближалось 1200 триремъ и безчисленное сухопутное войско грозило вторгнуться въ Аттику; въ то время, когда такимъ образомъ нигдѣ не оставалось для аѳонянъ надежды на спасеніе, и они были *безъ союзниковъ* и видѣли себя обманутыми во всѣхъ своихъ надеждахъ, они *однакоже отказались* отъ всѣхъ *предложеній* царя, хотя могли бы не только избѣжать *грозилихъ опасностей*, но и воспользоваться великими почестями, которыя имъ царь предлагалъ, думая что, если склонить флотъ этого государства на свою сторону, онъ тотчасъ сдѣлается властителемъ Пелопоннеса. Аѳоняне *не имѣлись* даже на грековъ за то, что были *оставлены* ими, но вооружились одинъ, чтобы *взять на себя борьбу* за свободу всей Греціи.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Три купца составили для торговаго предпріятія капиталъ въ 43,600 р. Внесенные капиталы каждымъ изъ нихъ относились между собою какъ $\frac{2}{3} : \frac{1}{4} : \frac{1}{6}$. По истеченіи трехъ лѣтъ образовалась такая прибыль, какъ будто ежегодно получалось по 8% (простыхъ) съ оборотнаго капитала. Сколько прибыли получилъ каждый купецъ на свой капиталъ?

З а п а с н а я. Въ общемъ торговомъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6000 р., бывшимъ въ оборотѣ 2 мѣсяца, а другое лицо—капиталомъ, составлявшимъ 0,1666 . . . первого и находившимся въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Сколько получить каждый изъ общей прибыли, ностунившей въ видѣ векселя

на 1,200 р., при продажѣ котораго необходимо было сдѣлать учетъ за 8 мѣсяцевъ до срока, по 6% годовыхъ (учетъ коммерческой)?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Въ магазинѣ полученъ ящикъ съ серебряными часами на 1112 р. Часы были въ 45 и 52 р. Сколько было часовъ той и другой стоимости?

Запасная. Опекунъ оставшагося малолѣтняго продалъ имѣніе за 24,800 р. и внесъ эти деньги въ банкъ, для обращенія, по 5% сложныхъ. Какую сумму получить владѣлецъ по истеченіи 15 лѣтъ, по достиженіи совершеннолѣтія?

в) *По геометріи.*

Основная. Цилиндрическій сосудъ вышиною въ 24 дюйма съ внутреннимъ діаметромъ 12 дюйм. налить до половины водою. Определить высоту уровня воды въ этомъ сосудѣ, если погрузить въ него сплывающій желѣзный кусокъ, имѣющій форму шестиугольной правильной призмы, которой высота 12,56 дюйм., а сторона основанія 4 дюйма.

Запасная. На половинѣ діагонали прямоугольника, имѣющаго основаніе 12, а высоту 9 футовъ, построить квадратъ, діагональ котораго служитъ стороною правильнаго треугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Въ прямоугольномъ треугольникѣ А В С катетъ $b=25$ д., а прилежащій къ нему уголъ равенъ $25^\circ, 18' 46''$. Определить гипотенузу и площадь треугольника.

Запасная. Вычислить діагональ и площадь ромба, котораго стороны равны 37,52, а уголъ между ними заключенный $30^\circ, 20' 15''$.

IV. ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Любовь къ отечеству—источникъ великихъ дѣяній.

Запасная. Значеніе монастырей въ древней Руси.

2. По латинскому языку.

Основная. Т. Livii Lib. III, Cap. 15. Въ двѣсти девяносто четвертомъ году отъ основанія Рима изгнанники и рабы, числомъ до четырехъ тысячъ пятисотъ человекъ, подъ начальствомъ Луція Гердонія (Herdonius) ночью захватили Капитолій въ крѣпость. Немедленно были избиты въ крѣпости тѣ, которые не хотѣли принять участіе въ заговорѣ и вѣяться за оружіе. Нѣкоторые, впрочемъ, (узколызавши) во время тревоги, *пораженныя* (procaesere) ужасомъ, *поспѣшно приходять* (devolare) на форумъ. *Полереминно* (перемѣнный—alterius, а, um) стали раздаваться крики: „къ оружію“ и „неприятели въ городѣ“. Консулы, не зная, какого рода несчастіе столь неожиданно *постыло* (invadere) городъ, извѣсть оно или извнутри (внѣшнее или внутреннее), принять ли причину его неважности народа или вѣроломству

рабовъ, сначала боялись и вооружать народъ, и оставлять его безоружнымъ. Хотя они и собрали потомъ въ *ослкій случай* (отпис) достаточно надежный отрядъ, но оставаясь въ невѣдѣніи, кто именно непріятели и какъ велико ихъ число, остальную часть ночи провели въ томъ, что разставили караулы на удобныхъ мѣстахъ города. *Наступившій* день (лук) открылъ накопецъ и характеръ войны (войну) и ея вождя. Аппій Гердоній призывалъ изъ Капитолія рабовъ къ свободѣ, говоря, что онъ взялъ на себя (выполненіе) дѣла всѣхъ самыхъ несчастныхъ людей, съ дѣлюю возвратитъ въ отечество изгнанниковъ, которые несправедливо были изгнаны изъ него, и избавитъ рабовъ отъ тяжкаго ира; что онъ лучше желаетъ достигнуть этого съ согласія римскаго народа; если же на это нѣтъ надежды, то онъ подниметъ вольсковъ и эквовъ (Aequi) и рѣшится (tentare aliquid) на самыя крайнія средства (все крайнее).

Запамятая. Corn. Taciti Annal. Lib. II, Cap. 71. *Германикъ* (Germanicus), чувствуя, что силы покидаютъ его и наступаетъ конецъ, обратился къ стоявшимъ подлѣ друзьямъ со слѣдующими словами: „еслибы я *умиралъ* (concedere) *естественною смертію* (fatum), то и тогда жалоба моя была бы справедлива даже на боговъ, потому что они преждевременно, яъ *цѣлѣтѣ* (juventa) похитили бы меня у родителей, дѣтей, отечества; теперь же *сраженный* (intercipere) злодѣяніемъ *Пилона и Плацинны* (Piso, Plancina), я ввѣрю вашимъ сердцамъ мои послѣднія прощанья. Скажите отцу и брату, какими *жестокими обидами* (acerbitas) меня чертали, какими *вознами* я былъ окруженъ я какъ окончилъ несчастнѣйшую жизнь самою печальною смертію. Тѣ, кого *волновали* мои надежды, тѣ, кого *связывало* близкое родство (кровь), даже тѣ, кого *возбуждала* противъ меня при жизни зависть (возновать, связывать, возбуждать—*torere*), заплачутъ при вѣсти, что я, *окруженный* нѣкогда *блескомъ* (flogens), пережившій столько сраженій, нагъ отъ женскаго коварства. Вы будете имѣть поводъ жаловаться сенату, *обратиться* (invocare aliquid) къ законамъ. Не въ томъ заключается главная обязанность друзей, чтобы сопровождать покойника бесполезными сожалѣніями, но въ томъ, чтобы помнить о его волѣ и исполнить его порученія. Оплакивать Германника будутъ и незнакомые; мстить же за меня будете вы, если только вы любили болѣе меня, чѣмъ мое положеніе. Покажите римскому народу мою жену, *снучку* (peris) божественнаго Августа, сосчитайте шестерыхъ дѣтей, и состраданіе будетъ на *сторонѣ* (cum) обвинителей“.

Друзья Германника, держа правую руку умирающаго, поклялись, что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ откажутся отъ мести.

3. На греческому языку.

Основная. *Перстень* (δάκτυλος) *Гигеса* (Γύγης). Plato. de rep. II. 359. D. E. 360. А. В. С. Гигесъ былъ пастухъ, *служившій по найму* (ὑπηρεῶν) у тогдашняго правителя Лидіи (Λυδία). Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ пасъ стадо, отъ сильнаго дождя и землетрясенія *треснула* (ῥήγνυσι) нѣсколько земля и появилась *разсѣлина* (χάσμα). Увидѣвъ ее и подивившись, онъ спустился въ нее и тамъ, *кромя* другихъ чудесъ (θαύμα), нашелъ, говорятъ, *мѣднаго пустаго* (κοίλος) *коня* съ дверями, *закрывающа* (ἐκκροτῶ) въ которыя, онъ увидѣлъ въ конѣ мертваго человѣка. У мертвеца не было ничего, *кромя* золотого перстня на рукѣ.

Сплавъ (περίαιρώ) его, Гигесъ вышелъ и явился съ перстнемъ на *обыкновенномъ* (είσθώς) у пастуховъ *сподку* (ούλλογος). Сидя съ прочими пастухами, онъ случайно *повернулъ* (περίειρω) перстень *каменемъ* (σφραγίδονη) къ себѣ и тотчасъ сдѣлался *невидимымъ* (ἀφανής) для сдѣвшихъ съ нимъ, такъ что они стали говорить о немъ, какъ объ *упеднемъ*. Гигесъ удивился этому и, снова взявши перстень, повернулъ его *каменемъ наружу* (ἔξω) и сталъ *видимымъ* (φανερός). Замѣтивъ это, онъ продолжалъ испытывать камень, чтобы узнать, обладаетъ ли онъ такою же силою, и всегда оказывалось одно и то же. Появивъ это, онъ *добился* *тому* (διαπράττομαι), что сдѣлался однимъ изъ тѣхъ пастуховъ, которые ежемѣсячно посылались къ царю съ *докладами* (ἰσαγγέλλω) относительно *стада* (ποίμνιον). Дивившись къ царю, онъ вмѣстѣ съ царицею умертвилъ его и *захватилъ* (κατέχευε) его власть. И такъ, еслибы было два перстня, и одинъ *надѣвалъ бы* (περιτίθειμι) себѣ на руку человекъ *справедливый*, а другой *несправедливый*,—то, надо полагать, мало было бы столь твердыхъ (ἀδαμάντινος) людей, которые оставались бы вѣрны справедливости и рѣшились бы воздерживаться отъ чужаго и не прикасаться къ нему, когда представляется возможность, не брать на площади *безъ всякаго опасенія* (ἀδώς) все, что имъ угодно, не убивать и не освобождать отъ оковъ, кого вздумается, и не дѣлать всего прочаго, словно равные богамъ между людьми.

Запасая. Пирръ (Πύρρος) и Кинеасъ (Κινέας). Plut. vita Pyrrhi, Cap. XIV. Пирръ, царь Эпирскій (Ἰπκιρος—Эпиръ), высоко и *востойливо* (διατελέω) уважалъ Кинеаса и былъ *того мнѣнія* (ἡγήομαι), что Кинеасъ покорилъ больше городовъ слономъ, чѣмъ царь оружіемъ. Этотъ-то Кинеасъ, замѣтивъ, что Пирръ обратилъ все свое вниманіе на походы въ Италію, однажды, когда царь былъ *свободенъ отъ дѣлъ* (συχλάζω), вступилъ съ нимъ въ такой разговоръ: „Говорятъ, о Пиррѣ, что римляне воинственны и сдѣлались уже властителями многихъ военныхъ народонъ. Если же богъ дастъ намъ побѣду надъ ними, то какъ мы будемъ пользоваться ею?“—Ты, Кинеасъ, сказалъ Пирръ, спрашиваешь о дѣлѣ *очевидномъ* (φανερόμενος): послѣ побѣды надъ римлянами въ Италію не будетъ ни одного *равносильнаго* (ἰσόμενος) намъ города, ни варварскаго, ни греческаго, и мы тотчасъ овладѣемъ всею Италіею, могущество которой и богатство ты знаешь лучше всякаго.—Кинеасъ, немного *помолчавъ* (ἐπέχεω), сказалъ: „А взявъ, Италію, что будемъ дѣлать?“ Пирръ, *все еще не* (οὐκ) понимая его мысли, отвѣчалъ:—Сидяція близка къ намъ и протягиваетъ руки,—островъ благодатный, многолюдный и очень удобный для кокоренія; тутъ, Кинеасъ, все полно волнениямъ и безначаліемъ въ городахъ.—„Ты говоришь *правдоподобное*“ (εἰκώς), сказалъ Кинеасъ,—но *покорение* (λαμβάνω) Сидяція будетъ ли предѣломъ завоеваній (походовъ)?—Пусть только богъ даруетъ намъ побѣду и *успѣхъ* (κατορθώω): это будетъ для насъ началомъ великихъ дѣланій.—„А когда все будетъ подъ вашею властью, что будемъ дѣлать?“ Пирръ, засмѣявшись, сказалъ:—будемъ *наслаждаться* (ἄγω) полнымъ покоемъ; у насъ будетъ *ежедневный* (καθημερινός) пиръ я, сходясь, будемъ веселить себя бесѣдами.—„Что же мѣшаетъ намъ теперь“, возразилъ Кинеасъ,—„наслаждаться пирами и проводить безъ дѣла время другъ съ другомъ, если уже теперь мы можемъ пользоваться тѣмъ, чего думаемъ достигнуть кровью, великими трудами и опасностями“.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Золотыхъ дѣлъ мастеръ купилъ старыя золотыя вещи по 4 руб. за золотникъ чистаго золота, а именно: 6 цѣпочекъ, по $\frac{1}{2+1}$ фунта каждая,

92-й пробы, 10 солонокъ по 5 лотовъ и $\frac{3}{5}$ долей 72-я пробы, и 6 браслетовъ по 0,1041666... фунта 56-й пробы. Въ уплату за эти вещи онъ далъ вексель на 1,500 руб. 96 коп., обязуясь уплатить деньги черезъ годъ, но потомъ внесъ свой долгъ до срока и по учету 6%, уплатилъ только 1,440 руб. 92 коп. За сколько мѣсяцевъ до срока уплатилъ онъ по векселю?

Запасная. Вычисливъ выраженіе:

$$(0,7474... + 0,059332... + 0,233...): \frac{1}{60},$$

$$\left[\left(\frac{2}{8} + \frac{1}{8} - \frac{11}{12} \right) + \left(\frac{1}{8} - \frac{1}{6} + \frac{7}{24} \right) \right] \cdot 2,2044...$$

полученное число раздѣлить на такія 4 части, чтобы первая составляла 20%, второй, вторая равнялась бы $\frac{2}{3}$ третьей, а третья относилась бы къ четвертой какъ $\frac{1}{1+1}$ къ 0,857142....

б) По алгебрѣ.

Основная. 195 раздѣлить на такія три части, которыя составили бы геометрическую прогрессию, при чемъ разность между третьимъ членомъ прогрессіи и первымъ ея членомъ была бы равна 120.

Запасная. Два тѣла, двигаясь по прямой А В въ одну и ту же сторону, въ одинъ и тотъ же моментъ времени проходятъ черезъ точки А и В, отстоящія другъ отъ друга на разстояніи 75 метровъ. Первое тѣло проходитъ 1 метръ въ первую минуту, 3 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Второе тѣло проходитъ 3 метра въ первую минуту, 4 метра во вторую, 5 въ третью и т. д. Черезъ сколько минутъ отъ прохожденія тѣлъ черезъ точки А и В первое тѣло догонитъ второе.

в) По геометріи.

Основная. Определить радіусъ круга, зная, что разность между площадью правильнаго вписаннаго въ него восьмиугольника и площадью правильнаго вписаннаго шестиугольника равна 1 квадрат. метру.

Запасная. Около круга радіуса r описанъ правильнѣйшій шестиугольникъ; определить отношеніе между поверхностями и объемами тѣлъ, описанныхъ кругомъ и шестиугольникомъ при вращеніи ихъ вокругъ линіи, соединяющей точки касанія противоположныхъ сторонъ шестиугольника.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Дугу въ 45° раздѣлить на такія двѣ части, чтобы $\sin u$ первой части былъ въ два раза больше $\sin u'$ второй.

Запасная. Въ треугольникѣ ABC даны: $AC=117^m$, 285 ; $BC=89^m$, 214 ; уголъ $C=69^\circ 18' 20''$. Определить на AC точку M, изъ которой нужно опустить перпендикуляръ на AB, чтобы раздѣлить треугольникъ на двѣ равнотѣрныя части.

V. ВЪ ОДЕССКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Вліяніе классическаго образованія на умственное и нравственное развитіе человека.

2. По математикѣ.

а) *По ариметикѣ.*

Торговецъ купилъ 35 ф. сахару по 0,18 руб. за фунтъ и $1\frac{1}{2}$ пуд. другаго сорта сахару; продавши весь товаръ за 14 руб. 76 коп., торговецъ нажилъ $9\frac{1}{2}\%$. Почему онъ платилъ за фунтъ сахару втораго сорта?

б) *По алгебрѣ.*

Нѣкто внесъ въ банкъ 2345 руб. по 5 сложныхъ процентовъ на 4 года и затѣмъ въ продолженіи 3-хъ послѣднихъ лѣтъ ежегодно прибавлялъ по 500 руб. Какой у него составился капиталъ?

в) *По геометріи.*

Въ прямой конусъ, радіусъ основанія котораго $=7$ и высота $=6$, вписана пирамида съ квадратнымъ основаніемъ. Вычислить площадь боковой грани пирамиды.

3. *По тригонометріи.*

Большая изъ сторонъ прямоугольника $=4,8063$ арш., соединивъ средины стороны его, получимъ ромбъ, котораго острый уголъ $=32^\circ$. Найти меньшую сторону прямоугольника.

VI. ВЪ ВИЛЕНСКОМЪ ОКРУГѢ.

1. По русскому языку.

Основная. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Сравнительная характеристика.

Запасная. Причины неблагоприятнаго для кареагенія въ исхода второй Пунической войны.

2. Не латинскому языку.

Основная. Катиллина собралъ въ Фезулахъ около 12,000 солдатъ; однако онъ сомнѣвался въ возможности побѣдить противниковъ, такъ какъ только четвертая часть его войска имѣла надлежащее воинское вооруженіе. Онъ могъ бы присоединять къ своему войску рабовъ, которыхъ къ нему сбѣгалось много, и о которыхъ многіе думали, что они составятъ преданный отрядъ. Катиллина и самъ былъ убѣжденъ, что, сдѣлавъ это, онъ увеличитъ свои силы, но помня свое происхожденіе и древность своего рода, онъ не рѣшился соединиться съ рабами. Кроме того, онъ думалъ, что у него будутъ въ изобиліи средства и войска, если его соучастники въ Римѣ приведутъ въ исполненіе свои планы. И нѣтъ сомнѣній, что это случилось бы, если бы заговоръ не былъ открытъ. Но какъ скоро въ лагерь пришло извѣстіе, что Лентулъ и прочіе казнены, то весьма многіе солдаты разсѣялись, потому что они примкнули къ Катиллинѣ только изъ желанія добычи. Поэтому Катиллина порѣшилъ отвести свое войско въ Галлію. Но Кв. Метеллъ, узнавъ объ этомъ планѣ, скорѣе чѣмъ можно было ожидать, занялъ всѣ дороги и помѣшалъ Катиллинѣ сойти съ горъ. Такъ какъ съ другой стороны приближался съ войскомъ консулъ Автоній, то Катиллина не надѣялся убѣжать отъ враговъ и рѣшился возложить свою надежду на храбрость и оружіе. Но прежде, чѣмъ начать сраженіе, онъ собралъ войско и сказалъ ему рѣчь. Онъ напомнилъ воинамъ, что они со всѣхъ сторонъ окружены и что имъ ничего не остается, какъ побѣдить или умереть. Если они побѣдятъ, то для нихъ будутъ открыты всѣ муниципіи и колоніи; если же они будутъ побѣждены, то потеряютъ богатство, славу, свободу и отечество. Послѣдовавшее затѣмъ сраженіе кончилось пораженіемъ и смертью Катиллины.

Надлежащій воинскій *militaris*; составлять—будутъ; не рѣшатся—*dubitare* средство—*subsidium*; приводить въ исполненіе—*efficere*; сходить—*descendere*; будутъ открыты—будетъ открытъ доступъ.

Запасная. Когда римскія войска были заперты въ Кавдинскихъ ущельяхъ, Самнитяне не знали, на что имъ рѣшиться²; поэтому всѣ положили спросить письменно совѣта у отца ихъ полководца, Гереннія Понція. Удрученный³ годами Геренній уже давно отказался⁴ не только отъ военныхъ, но и отъ гражданскихъ должностей; однако же въ дряхломъ тѣлѣ пребывавъ⁵ сильный духъ и благоразуміе. Узнавъ отъ нарочнаго о случившемся, онъ высказалъ мнѣніе, что всѣхъ римлянъ должно, какъ можно скорѣе, отпустить вередимыми. Когда этотъ совѣтъ былъ отвергнутъ⁶ самнитянами и Геренній былъ спрошенъ вторично, онъ отвѣчалъ, что должно умертвить всѣхъ до одного. Исполнивъ первый совѣтъ, присовокупилъ онъ, самнитяне окажутъ великое благодѣаніе римлянамъ и добьются такимъ образомъ прочаго мира и дружбы съ могущественнѣйшимъ народомъ; исполненіе же втораго совѣта отсрочитъ войну на много лѣтъ, такъ какъ римское государство, живившись⁷ двумя арміями, не легко соберется съ силами; третьяго совѣта онъ дать не можетъ. Тѣмъ не менѣе самнитяне не приняли ни того ни другаго мнѣнія, и за то скоро попали подъ власть римлянъ.

1. *Furculae Caudinae*. 2. *Consilium mihi non suppetit*. 3. *compar.* отъ *gravis*. 4. *abscedere*. 5. *vis*. 6. *spernere*. 7. *vires. recipere*.

3. По греческому языку.

Основная. Тарштинцы ¹, ведя войну съ римлянами, призывали на помощь ². Пирра. Другъ Пирра. Киней ³, видя, что онъ готовъ отплыть въ Италію, сказалъ ему: Пирръ, говорятъ, что римляне народъ воинственный и владычествуютъ ⁴ надъ многими воинственными народами; однако, еслибы Богъ далъ одолѣть ихъ, какъ воспользоваться побѣдой? Если мы побѣдимъ ихъ, отвѣчалъ Пирръ, то ни одинъ тамошній городъ не будетъ въ силахъ сражаться съ нами, и мы тотчасъ овладѣемъ всей Италіей. Киней, немного помолчавъ ⁵, возразилъ: а если мы, царь, возьмемъ Италію, что потомъ будемъ дѣлать? Пирръ говоритъ: вблизи находится Сицилія, островъ большой и многолюдный, который можно легко завоевать ⁶. То, что ты говоришь, вѣроятно ⁷, возразилъ Киней, но это будетъ ли конецъ нашего похода? О, еслибы Богъ, отвѣчалъ Пирръ, только далъ намъ побѣду! А это мы будемъ считать ⁸ только началомъ великихъ дѣлъ. Ибо кто удержался бы отъ Ливіи и Каррагена, еслибы сдѣлался владѣтелемъ Сициліи? Киней, выслушавъ его, спросилъ: а если все это будетъ подвластно намъ, что потомъ сдѣлаемъ? Пирръ, засмѣявшись, отвѣчалъ: потомъ будемъ наслаждаться ⁹ досугомъ ¹⁰ и бесѣдуя доставлять другъ другу удовольствіе. Тутъ Киней, перебивъ его, сказалъ: что же намъ теперь мѣшаетъ проводить другъ съ другомъ свободное время, если мы имѣемъ безъ труда то, чего мы намѣреваемся достигнуть съ большими трудами, опасностями и пролитіемъ крови.

1. Ταραντινοί. 2. призывали П., чтобы онъ... 3. Κινέας. 4. ἀρχοῦ. 5. ἐπέμυε. 6. ἀλίσκομαι. 7. εἰκότα λέγεις. 8. χράομαι. 9. ἀψ. 10. εὐχολή. 11. εὐχολάζω.

Заданная. Киръ, взявъ Сарды, велѣлъ привести къ себѣ Креза и сказалъ: „Мои войны, испытавъ много трудовъ и много опасностей, увѣрены что въ ихъ рукахъ находится городъ самый богатый въ Азіи послѣ Вавилона. Видя это, я нахожу справедливымъ ¹, чтобы имъ досталась добыча ², ибо я понимаю, что я не въ состояніи держать ихъ долгое время въ повиновеніи ³, если они не получаютъ никакой награды за свои труды. Я не хочу однако, чтобы Сарды были разграблены, ибо думаю, что городъ при этомъ былъ бы разрушенъ и знаю повѣрное, что большая часть добычи досталась ⁴ бы самымъ дурнымъ людямъ“. Сказавъ это, Киръ просилъ Креза дать ему совѣтъ въ этомъ дѣлѣ. Крезъ далъ слѣдующій отвѣтъ: „Обидай только людей, что ты не дозволишь грабить, и они добровольно отдадутъ все. Увидѣвъ же то, что они принесутъ, ты будешь еще имѣть возможность ⁵ подумать о грабѣжѣ. Но прежде всего пошли за моими сокровищами. Киръ согласился ⁷, исполнить все это такъ, какъ сказалъ Крезъ, и на слѣдующій день получено столько сокровищъ, что ими наполнили много возовъ.

1. Πονέω, κλυδωνίζω. 2. ἔξισον. 3. ἀφραλόμαι. 4. выравнять глаголомъ. 5. Πλεονεκτήω. 6. ἔξεστι μοι. 7. συναίνεω.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Основная. Нѣкто продалъ вексель въ 6050 р. за 9 мѣсяцевъ до срока съ учетомъ (комм. по 8%, и вырученныя отъ продажи деньги раздѣлилъ

между тремя сыновьями такъ, что части ихъ по порядку, начиная отъ части старшаго, относились какъ $\frac{2}{3}$: 0,8: 0, (7). Определить, сколько денегъ получилъ каждый изъ сыновей?

Запасная. Одинъ сортъ чаю на $1\frac{1}{2}$ р. дороже другаго. Смѣшанные въ отношеніи 2: 3 они даютъ смѣсь въ 2 р. 70 к. за фунтъ. По сколько фунтовъ каждого сорта слѣдуетъ взять для составленія 24 ф. смѣси цѣною въ 3 руб. за фунтъ?

б) *По алгебрѣ.*

Основная. Двѣ артели рабочихъ заработали по одинаковому числу рублей. Въ первой артели рабочихъ было 5-ю меньше, чѣмъ во второй, вслѣдствіе чего каждому работнику второй артели досталось 4-мя рублями меньше, чѣмъ каждому работнику первой артели. Число рублей, заработанныхъ каждою артелью, на 95 больше числа рабочихъ въ обѣихъ артеляхъ.

Сколько было рабочихъ въ каждой артели?

Запасная. Кунецъ продалъ за 342 р. нѣсколько головъ сахару и, за тѣ же цѣну продалъ чаю 19 фунтами болѣе, нежели головъ сахару, и взялъ за каждый фунтъ 1 р. 50 коп. дешевле, нежели за голову сахару. Сколько продано головъ сахару и фунтовъ чаю, и что стоитъ голова сахару и фунтъ чаю?

в) *По геометріи.*

Основная. Въ шаръ вписанъ конусъ такъ, что высота конуса дѣлится въ центрѣ шара въ среднемъ и крайнемъ отношеніи.

Найти отношеніе объема шара къ объему конуса.

Запасная. Отъ правильной четырехугольной пирамиды, имѣющей апогею = L , плоскостью, параллельною основанію, отсѣчена пирамида, полная поверхность которой S , а боковая — S_1 . Определить объемъ всей данной пирамиды.

г) *По тригонометріи.*

Основная. Сторона параллелограмма = 48 д., діагональ 84 д., уголъ между діагоналями $46^\circ 18' 14''$.

Опредѣлять другую сторону и діагональ.

Запасная. Въ кругѣ проведена хорда $AB=140$ д., соответствующая дугѣ въ 160° . Точка C дуги соединена съ A и B и отношеніе хордъ AO и $BC = 3: 4$.

Опредѣлять величины этихъ хордъ.

VII. ВЪ ВАРШАВСКОМЪ ОБРУГѢ.

1. *По русскому языку.*

Характеристика поэтической дѣятельности Пушкина.

2. *По латинскому языку.*

Примѣръ истинной дружбы. Тиберія Гракха сочли справедливымъ врагомъ отечества за то, что онъ свое господство предпочелъ благу государства. Однакожъ, сколько непоколебимо вѣрнымъ другомъ оказался у Гракха, вопреки столь дур-

вому замыслу его, нѣкто Гай Блюзіи, уроженецъ Кампаніи, это стоить узнать. Не смотря на то, что Гракхъ былъ объявленъ врагомъ отечества, подвергнуть смертной казни, лишентъ чести погребенія, онъ все же не лишился расположенія друга своего Блюзія. Когда Римскій сенатъ поручилъ консуламъ наказывать, по обычаю предковъ, единомышленниковъ Гракха и когда Блюзіи пришелъ къ Лелію, къ которому консулы обращались главнымъ образомъ за совѣтомъ, просить прощенія, онъ, на вопросъ Лелія, исполнилъ ли бы онъ нѣтъ за дружбы, которою хвастается, волю Гракха, еслибы тотъ приказалъ поджечь храмъ Юпитера, отвѣчалъ, что Гракхъ никогда не отдалъ бы такого приказанія. Этотъ отвѣтъ былъ очень рѣзокъ, ибо Блюзіи осмѣлился защищать поведение мужа, единогласно осужденнаго всѣмъ сенатомъ; но слѣдующій отвѣтъ его гораздо смѣлѣе. Доведенный до крайности настойчивыми допросами Лелія, онъ остался непоколебимымъ и наконецъ отвѣтилъ, что исполнилъ бы и это приказаніе, еслибъ Гракхъ согласился. Кто счелъ бы Блюзія нечестивымъ, еслибъ онъ смолчалъ? Кто не призналъ бы его даже благоразумнымъ, еслибы онъ отвѣтилъ сообразно со своимъ критическимъ положеніемъ? Но Блюзіи не пожелалъ отстаивать свое спасеніе ни честнымъ молчаніемъ, ни благоразумною рѣчью, дабы не измѣнить въ какомъ-либо отношеніи памяти о злополучной дружбѣ.

3. Не греческому языку.

Когда Аннибалъ, выпущенный бѣжать изъ отечества, проживалъ спокойно въ Виеннѣ, у царя Прузіи, туда прибылъ въ качествѣ римскаго посла Титъ Фламиній. Увидѣвши Аннибала, котораго онъ считалъ самымъ заклятымъ врагомъ римскаго народа, онъ потребовалъ его выдачи и какъ ни умолялъ Прузіи позволить Аннибалу жить спокойно въ его царствѣ, какъ человѣку уже безвредному, вслѣдствіе своей старости и слабости, достигъ того, что Аннибалъ окончилъ свою жизнь. Когда объ этомъ возвыщено было сенату, многимъ казалось, что Титъ поступилъ слишкомъ рѣзко и жестоко, убивъ Аннибала, когда онъ не могъ уже вредить римскому народу. Они указывали при этомъ на кротость и великодушіе Сципіона Африканскаго, который, побѣдивъ Аннибала въ Ливіи, когда послѣдній казался еще непобѣдимымъ и страшнымъ, не изгналъ его оттуда и не требовалъ его выдачи, но какъ до битвы, вступая съ нимъ въ переговоры, привѣтствовалъ его, такъ и послѣ битвы, при заключеніи мира, не оскорблялъ его и не надѣвался надъ участіемъ этого мужа. Рассказываютъ, что она опять встрѣтился въ Эфесѣ и когда рѣчь зашла о полководцахъ и Аннибалъ высказалъ мнѣніе, что самымъ лучшимъ изъ полководцевъ былъ Александръ, потомъ Пирръ, а третій—онъ самъ, то Сципіонъ, спокойно улыбаясь, сказалъ: а что еслибы я не побѣдилъ тебя? Аннибалъ отвѣтилъ: тогда я считалъ бы себя не третьимъ, но первымъ изъ полководцевъ. Восхищаясь этими поступками Сципіона, большинство уверало Тита за то, что онъ наложилъ руку на человѣка, уже пораженнаго имъ.

4. Не математикѣ.

а) По арифметикѣ.

Торговецъ составилъ 90 фунтовъ изъ 2-хъ сортовъ кофе; фунтъ 1-го сорта стоитъ 84 к., а 2—60 к. Еслибы онъ продалъ 0, 4 (6) всей смѣси по цѣнѣ

1-го сорта и все остальное количество смѣси по цѣнѣ самой смѣси, то отъ этой продажи онъ получилъ бы 5 р. 88 к. прибыли. Сколько фунтовъ каждаго сорта было взято для составленія смѣси?

б) По алгебрѣ.

Требуется найти между 1 и 300 исъ числа кратныя 9, которыя при дѣленіи на 21-й членъ разностной прогрессіи даютъ въ остаткѣ 9 членъ той же прогрессіи, когда извѣстно, что въ этой прогрессіи 23 положительныя члена и произведеніе крайнихъ ея членовъ равно 60, а разность ея есть корень уравненія

$$\frac{1}{x} + 4 - \sqrt{16 + \sqrt{\frac{64}{x} \cdot 2 + \frac{9}{x^4}}} = 0.$$

в) По геометріи.

Периметръ треугольника = 54,4 сажени. Одинъ изъ угловъ содержитъ 34°2'51,9" и радіусъ круга, описаннаго около этого треугольника = 12,145383 саж. Определить остальные углы треугольника.

г) По тригонометріи.

На какомъ разстояніи отъ поверхности шара должна находиться свѣтящаяся точка, чтобы она могла освѣщать $\frac{1}{4}$ часть его поверхности, если радіусъ шара равенъ 2 футамъ?

VIII. ВЪ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

(Въ гимназіяхъ Тобольской, Томской и Омской).

1. По русскому языку.

Какъ согласить слова великихъ русскихъ писателей: „Гордитесь славой своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе“ (Пушкинъ); и „Оставьте предковъ вы въ покоѣ; имъ по дѣломъ была и честь, а вы, друзья, лишь годимъ на жаркое“ (Крыловъ).

2. По латинскому языку.

Послѣ пораженія римлянами Антиоха, Аннибалъ убѣжалъ къ царю Вивинскому Прузію. Узнавъ объ этомъ, римляне послали въ Прузію посла Калпурія Фламинія, бывшаго консула, чтобы онъ потребовалъ выдачи Ганнибала. Тотчасъ по первому разговору Прузіа съ Фламиніемъ посланы были воины стеречь домъ Аннибала. Сей, видя *непримиримую* къ себѣ ненависть римлянъ, нисколько не надѣясь на покровительство царя, уже давно предвидѣлъ подобный исходъ своей жизни. Чтобы имѣть нѣкоторый готовый путь къ бѣгству, онъ сдѣлалъ въ своемъ домѣ семь выходовъ, нѣкоторые изъ нихъ секретныя. Но шпіоны царя открыли тайные выходы и окружили стражами всю *окрестность*.

Тогда Аннибалъ потребовалъ ядъ, который гораздо ранѣе приготовилъ себѣ для такихъ случаевъ. Освободивъ, сказалъ онъ, отъ долгой заботы рим-

скій народъ, когда они считаютъ долгимъ дожидаться смерти старика. Не великую и недостопамитную одержить онъ побѣду надъ безоружнымъ, выданнымъ дровьями, человѣкомъ. Этою же день даже будетъ свидѣтельствовать о томъ, на сколько измѣнились нравы римскаго народа. Отцы ихъ царя Пирра, вооруженнаго врага, имѣвшаго войско въ Италиі, предупредомили, чтобы онъ опасался яду, эти посылають посла, бывшаго консула, чтобы былъ виновникомъ злодѣйскаго умерщвленія гостя. Послѣ того, *пославъ* проклятіе на голову и царство Прузія, призывая въ свидѣтели нарушеннаго имъ слова боговъ гостепріимства, онъ выпилъ ядъ. Таковъ былъ конецъ жизни Аннибала.

Подчеркнутыя слова были переведены.

3. Не греческому языку.

Периклъ. Когда лакедемоняне вторгнулись въ Атику и опустошили ее, сынъ Ксантиппа, владѣвшій большими помѣстьями, отправилъ аѳинскій флотъ для опустошенія *прибрежныхъ* странъ Лаконіи, чтобы лакедемонянамъ *пришлось* боги терпѣть самимъ, нежели нанести вредъ другимъ. Такъ какъ Архидамъ, царь Лакедемонскій, который предводительствовалъ ими, былъ старый другъ и гость его, то Периклъ, предвидя, что изъ уваженія къ ихъ дружбѣ онъ воздержится отъ опустошенія его земли, и не желая навлечь на себя подозрѣніе аѳинявъ, явился въ народное собраніе и подарилъ государству всю землю, которую *владѣлъ*. Но, окончаніи войны Периклъ занимался *внутреннимъ устройствомъ* государства, и, никогда въ Аѳинахъ не процвѣтали науки и искусства такъ, какъ это было во время управленія Аѳинскимъ государствомъ этимъ мудрымъ государственнымъ мужемъ, котораго современники сравнивали даже съ Зевсомъ, съ первымъ и могущественнѣйшимъ изъ своихъ боговъ.

4. Не математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Одинъ изъ двухъ братьевъ, раздѣливъ свой капиталъ на части, пропорціональныя числамъ 8, 6 и 10, отдалъ ихъ въ ростъ, отчего со второй изъ этихъ частей, отданной по 5%, получалъ ежегодно 225 руб. процентныхъ денегъ. Другой братъ купилъ по номинальной цѣнѣ нѣсколько сторублевыхъ акцій двухъ желѣзныхъ дорогъ: акцій одной на $\frac{1}{10}$ и акцій другой на $\frac{1}{5}$ своего капитала, остальные же деньги отдалъ подъ вексель въ 5,000 р. по 3%, срокомъ на 10 лѣтъ. Черезъ 6 лѣтъ 8 мѣсяцевъ послѣ этого онъ продалъ вексель съ учетомъ по 3%, а акціи: первая по 324 р., а вторая по 88 руб. за каждую. Найдти отношеніе между капиталомъ, полученнымъ отъ такой продажи, и первоначальнымъ капиталомъ перваго брата.

б) По алгебрѣ.

Помѣщикъ купилъ имѣніе. Въ первый годъ оно дало ему 1242 р. дохода; затѣмъ доходъ увеличивался ежегодно въ продолженіи четырехъ лѣтъ на 120 руб. Если доходъ съ имѣнія за пятый годъ отдать въ ростъ по 8%, сложныхъ, то во что обратится этотъ доходъ чрезъ 20 лѣтъ.

в) По геометріи.

Прямой конусъ, высота котораго h , а радіусъ основанія R , укрѣпленъ въ отвѣсномъ положеніи, вершиною внизъ. Налить въ конусъ воды до высоты a , бросаятъ въ воду шаръ радіуса r , совершенно погружающійся въ нее. На какой высотѣ будетъ тогда уровень воды?

г) По тригонометріи.

По берегу рѣки проведена прамая линія, длиной въ 41,2 метра; лѣвин же, проведенныя въ концѣ ея къ столбу на противоположномъ берегу, образуютъ съ ней углы въ $68^\circ 4' 13''$ и $71^\circ 15' 10''$. Определить ширину рѣки.

Темы для письменныхъ испытаній, предложенныя въ Вѣрненской гимназіи (Семирѣченской области).

1. По русскому языку.

Заслуги Н. М. Карамзина, какъ журналиста.

2. По латинскому языку.

Созвавъ солдатъ на сходку, Агаюкль успокоилъ ихъ слѣдующими словами: имъ слѣдуетъ требовать жалованья не отъ него, но искать его у врага: общая побѣда будетъ общою добычею. Пусть они употребить немного еще усилій, пока не окончится война, ибо они знаютъ, что взятіе Караагеца *удовлетворитъ* надежды всѣхъ. Прекративъ мятежъ, Агаюкль, по прошествіи нѣсколькихъ дней, ведетъ войско къ вражескому лагерю; но необдуманно *даетъ* тамъ битву, потерялъ большую часть войска. Итакъ, замѣчая, что на него обращена ненависть за неразумно начатую войну и боясь новаго оскорбленія за *не доплаченное* жалованье, онъ ночью убѣгаетъ изъ лагеря съ сномъ. Лишь только узнали это солдаты, они засуетились и стали кричать, что дважды покншуты среди враговъ царемъ. Желая его преслѣдовать, они, *перевѣсивъ* нумидами, возвращаются въ лагерь, захвативъ царскаго сына, который, долго пробродявъ изъ-за темноты ночной, попалъ имъ въ руки.

3. По греческому языку.

Леонтиадъ, пришедши въ собраніе выборныхъ, говорилъ слѣдующее: „Лакедемоняне! прежде чѣмъ начаться нынѣшнимъ (событіемъ), вы говорили не разъ, что египтяне враждебно къ вамъ настроены, ибо вы видѣли, что они въ дружбѣ съ вашими *врагами* и враждуютъ съ вашими *хрузьями*. Они не пожелали отправиться съ вами въ походъ противъ демоса, что (находится) въ Пирей; они пошли войной противъ фокейцевъ, ибо видѣли, что вы къ нимъ благоволите; зная, что вы объявляете войну олигочинамъ, они заключили съ ними союзъ. Въ ту пору вы постоянно обращали вниманіе, не услышите ли, что они принуждаютъ Беотію быть подъ ихъ властью; теперь, когда это уже произошло, вамъ не нужно бояться египтянъ“.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Въ общемъ предпріятіи одно лицо участвовало капиталомъ въ 6,000 руб., бывшемъ въ оборотѣ 2 мѣсяца; вкладъ другаго лица, составляющій 0,1 (6)

долю вклада перваго, былъ въ оборотѣ 6 мѣсяцевъ. Раздѣлить между этими лицами деньги, вырученныя отъ продажи векселя въ 1200 руб., подлежавшаго уплатѣ черезъ 8 мѣсяцевъ, если учетъ произведенъ по 6%.

б) *По алгебрѣ.*

Трапецію требуется раздѣлить на двѣ части прямою, параллельною ея сторонамъ такъ, чтобы отношеніе между частями трапеціи было равно отношенію между числителями 4-го и 5-го приближеній дроби $\frac{44}{81}$, обращенной въ непрерывную. Параллельныя стороны трапеціи содержать въ себѣ 30 ф. и 10 ф., разстояніе между ними равно числу членовъ въ кратной прогрессіи, которой знаменатель = 2, а отношеніе послѣдняго члена къ первому 32,762. Опредѣлить длину дѣлящей и ея разстояніе отъ параллельныхъ сторонъ трапеціи.

в) *По геометріи.*

Площадь перпендикулярнаго къ основанію сѣченія по оси прямого усѣченнаго конуса есть $d = 43$ кв. д. Производящая l , содержащая 4 дюйм., вдвое болѣе разности радіусовъ основаній конуса. Найти объемъ даннаго усѣченнаго конуса.

г) *По тригонометріи.*

Уголъ при вершинѣ прямого конуса $x = 68^{\circ}40'24''$, а радіусъ основанія $R = 49$. Вершинѣ конуса приняли за центръ шара и выбрали радіусъ послѣдняго такой длины, что поверхностью шара данный конусъ раздѣлится на двѣ равноугрныя части. Опредѣлить длину радіуса шара.

IX. ТУРКЕСТАНСКІИ КРАИ.

(Въ Ташкентской гимназіи).

1. По русскому языку.

Какія изобрѣтенія и открытія могутъ считаться великими и почему?

2. По латинскому языку.

Въ войнѣ, которую римляне вели съ Порсеной, Кай Муцій своею неувѣрною храбростію стяжалъ безсмертную славу. Чтобы устроить царя, онъ рѣшился сначала самовольно проникнуть въ лагерь враговъ, но потомъ открылъ сенату, что онъ намѣренъ предпринять, боясь, чтобы онъ, если пойдетъ безъ приказанія консуловъ, схваченный римскими стражами, не былъ обратно приведенъ, какъ перебѣжчикъ. Прибывши въ лагерь, онъ остановился въ толпѣ близъ царскаго трибунала. Такъ какъ тамъ случайно выдавалось жалованье солдатамъ и сидѣли два человека въ одинаковомъ почти одѣяніи, то онъ, боясь спросить, кто изъ нихъ Порсена, умертвилъ пшца вмѣсто царя. Схваченный царскими тѣлохранителями и поставленный (призванный) предъ царскимъ трибуналомъ, онъ сказалъ: „Я римскій гражданинъ; зовутъ меня Каемъ Муціемъ. Какъ врагъ, я хотѣлъ убить врага; но такъ какъ мнѣ это не удалось, то для смерти во мнѣ не менѣе мужества, чѣмъ для убійства.

Знай однако, что очень много есть такихъ, которые домогаются той же славы". Когда царь, воспламененный гнѣвомъ и испуганный опасностью, сказалъ, что онъ убьетъ его, если онъ не откроетъ ему всего, то Муцій, чтобы показать, какъ ничтожно тѣло для тѣхъ, которые стремятся къ великой славѣ, вложилъ правую руку въ огонь и жегъ ее. Потомъ онъ заявилъ, что триста римскихъ юношей поклонились въ томъ, что они будутъ преслѣдовать царя такимъ же образомъ. Порсена, услышавъ это, объять былъ такимъ страхомъ, что, отступивши Муція, заключилъ (сдѣлалъ) съ римлянами миръ.

3. По греческому языку.

Послѣ того какъ аѳиняне несправедливо осудили Сократа на смерть за то, будто онъ не вѣруетъ въ боговъ, въ которыхъ вѣруетъ государство, вводитъ другія новыя божества, и развращаетъ юношей, онъ долженъ былъ выпить ядъ въ темницѣ. Но между приговоромъ и его смертью прошло тридцать дней по слѣдующей причинѣ. Именно случилось, что на канунѣ приговора уѳинчана была корма корабля, на которомъ аѳиняне ежегодно отправляли въ Делось священное посольство. И (всякій разъ), когда аѳиняне начинали такой обрядъ, по ихъ закону, городъ въ это время соблюдался чистымъ и не бывало публичныхъ смертныхъ казней, пока корабль (не) приходилъ въ Делось и не возвращался обратно. Это (плаваніе) совершалось иногда долгое время, когда путешественниковъ случайно задерживали вѣтры, какъ это случилось и тогда.

4. По математикѣ.

а) По ариметикѣ.

Бассейнъ можетъ быть наполненъ водою посредствомъ трехъ трубъ: черезъ первую наполненіе продолжается $3\frac{1}{2}$ часа, черезъ вторую— $3\frac{3}{4}$ часа черезъ третью— $4\frac{1}{2}$ часа. Въ нѣкоторое время, въ продолженіе котораго были открыты всѣ три трубы, въ бассейнъ влилось 605 ведеръ воды.

Сколько ведеръ дала въ это время каждая изъ трехъ трубъ? Въ какое время, дѣйствуя вмѣстѣ, наполнили бы онѣ бассейнъ?

б) По алгебрѣ.

Какую сумму должно ежегодно платить въ банкъ, начиная со дня рожденія ребенка и считая сложные проценты по $4\frac{1}{2}\%$ съ 100, чтобы накопился капиталъ въ 48,000 руб., когда ему минетъ 21 годъ?

в) По геометріи.

Въ кругѣ, котораго діаметръ равенъ 13 дюймамъ, вписать равносторонній треугольникъ. Найти объемъ пирамиды, которой основаніе равно этому треугольнику, а высота равна 1 футу.

г) По тригонометріи.

Съ вершины башни въ 33,3 вышины видѣнъ рѣчной мостъ, направленіе котораго лежитъ въ одной вертикальной плоскости съ осью башни. Лучи зрѣнія, идущіе къ концамъ моста, составляютъ съ вертикалью углы въ $52^{\circ}7'$ и $41^{\circ}18'$. Опредѣлить длину моста.

№ 1. Вѣдомость о подвергавшихся испытанію

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи § 44 пунктъ.			Итого (в процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правльг.
				По малолѣтн. возрасту.	По нравственной неурядицѣ.	а.	б.	в.			
<i>С.-Петербургскій:</i>											
21 правительств. гимназій	348	45	393	24	—	—	—	—	24 (6,1)	1 (гимн.)	2 (гимн.)
4 церковныя училища	—	—	49	1	—	—	—	—	1 (2)	—	—
2 частныя гимназій	—	—	33	8	—	—	—	—	8 (24,2)	—	—
Во всѣхъ 27 учебн. завед.	348	45	475	33	—	—	—	—	33 (6,9)	1	2
<i>Московскій:</i>											
21 правительств. гимназій	518	38	556	28	—	—	—	2	25 (4,5)	3 (4 гимн.) 1 (пост.)	—
1 церковное училище	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—
2 частныя гимназій	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ 24 учебн. завед.	518	38	583	28	—	—	—	2	25 (4,3)	4	—
<i>Казанскій:</i>											
9 правительств. гимназій	163	39	202	1	—	—	—	—	1 (0,5)	1 (пост.)	—
<i>Оренбургскій:</i>											
6 правительств. гимназій	65	6	71	—	—	—	—	—	—	—	1 (гимн.)
<i>Харьковскій:</i>											
14 правительств. гимназій	279	55	334	16	—	—	—	—	16 (4,8)	1 (гимн.)	—
<i>Одесскій:</i>											
15 правительств. гимназій	289	70	359	10	—	4	—	4	18 (5)	2 (гимн.), 1 (пост.)	—
<i>Кіевскій:</i>											
14 правительств. гимназій	436	82	518	13	1	1	—	2	17 (3,3)	3 (гимн.)	—

и удостоенныхъ аттестата зрѣлости въ 1885 году.

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидѣтельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
321	45	366	302 (94,1%)	13 (28,9%)	315 (86,1%)	15	27	14	41 (13,5)
—	—	48	—	—	47 (97,9%)	11 ^{3/4}	—	—	—
—	—	25	—	—	24 (96%)	12	2	1	3 (12,5)
321	45	439	302	13	386 (87,9%)	14 ^{9/17}	29	15	44 (13,5)
492	85	527	421 (85,6%)	13 (37,1%)	434 (82,3%)	20 ^{14/21}	23	20	43 (10,2)
—	—	7	—	—	7 (100%)	7	—	—	—
—	—	20	—	—	20 (100%)	10	—	—	—
492	85	564	421	13	461 (83,2%)	19 ^{5/24}	23	20	43 (10,2)
162	88	200	166 (96,8%)	22 (57,9%)	178 (89%)	19 ^{7/8}	15	14	29 (18,6)
64	6	70	61 (96,3%)	3 (50%)	64 (91,4%)	10 ^{4/6}	3	5	8 (13,1)
262	56	317	225 (85,9%)	26 (47,3%)	251 (79,2%)	17 ^{12/14}	11	10	21 (9,3)
278	61	389	257 (92,4%)	26 (42,8%)	283 (83,5%)	18 ^{12/16}	19	12	31 (12)
419	79	498	381 (90,9%)	40 (50,6%)	421 (84,5%)	30 ^{1/14}	22	26	47 (12,9% изъ 364)

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Заявили желан. подвергнуться исп.			Не были допущены къ испытанію.						Отсрочено испытаніе.	
	Гимназисты.	Подспорвіе.	Всего.	Гимназисты.		Посторонніе на основаніи 44 пунктовъ.			Итого (въ процентное отношеніе къ заявившимъ желаніе).	По болѣзни на годъ.	На основаніи п. 1 § 55 правилъ.
				По малолѣтн. возрасту.	По нравственной неурядицѣ.	а.	б.	в.			
<i>Виленскій:</i> 8 правительствъ гимназій	206	13	219	8	—	2	—	1	6 (2,7)	1 (пост.)	1 (гимн.)
<i>Варшавскій:</i> 18 правительствъ гимназій	411	85	446	25	2	—	—	2	29 (6,5)	2 (гимн.)	2 (гимн.)
<i>Дерптскій:</i> 14 правительствъ гимназій	314	62	376	11	—	2	—	13	(3,4)	1 (гимн.) 1 (пост.)	1 (гимн.) 2 (пост.)
1 частная гимназія . . .	—	—	24	5	—	—	—	5	(20,8)	1 (гимн.)	—
Въ 15 учебн. заведеніяхъ	314	62	400	16	—	2	—	13	(4,5)	3	3
<i>Кавказскій:</i> 7 правительствъ гимназій	181	3	134	1	—	—	—	1	(0,7)	1 (гимн.)	—
<i>Туркестанскій край:</i> 1 правительствъ гимназія	5	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Западная Сибирь:</i> 4 правительствъ гимназій	35	—	35	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь:</i> 2 правительствъ гимназій	22	1	23	2	—	—	—	2	(8,7)	—	—
Итого:											
Въ 154 прав. гимназіяхъ	3222	450	3672	129	3	9	—	11	162 (4,1)	13 (гимн.) 5 (пост.)	7 (гимн.) 2 (пост.)
„ 5 церковн. училищахъ	—	—	56	1	—	—	—	—	1 (1,8)	—	—
5 частн. гимназіяхъ	—	—	77	13	—	—	—	13	(16,9)	1 (гимн.)	—
А всего											
Въ 164 учебн. заведеніяхъ	3222	450	3805	143	3	9	—	11	166 (4,3)	19	9

Подвергались испытанію.			Удостоены аттестата или свидетельства зрѣлости.				Удостоены медалей.		
Гимназисты.	Посторонніе.	Всего.	Гимназисты.	Посторонніе	Всего.	Среднее число на каждое учебное заведеніе.	Золотыхъ.	Серебряныхъ.	Итого (и процентное отношеніе къ числу удостоенныхъ аттестата).
202	9	211	177 (87,6%)	6 (66,6%)	183 (86,7%)	22 ^{2/3}	5	8	13 (7,3)
380	33	413	310 (81,5%)	11 (33,3%)	321 (77,7%)	17 ^{11/16}	13	12	25 (8)
301	57	358	274 (91%)	34 (59,6%)	308 (86%)	22	3	2	5 (14,3% изъ 35)
—	—	18	—	—	15 (83,3%)	15	—	—	—
301	57	376	274	34	323 (85,9%)	21 ^{9/16}	3	2	5
129	3	132	116 (89,9%)	1 (33,3%)	117 (88,6%)	16 ^{2/3}	4	6	10 (8,6)
5	1	6	5 (100%)	1 (100%)	6 (100%)	6	—	—	—
35	—	35	35 (100%)	—	35 (100%)	8 ^{2/3}	6	3	9 (25,7)
20	1	21	18 (90%)	1 (100%)	19 (90,4%)	9 ^{1/3}	1	—	1 (5,5)
3070	423	3493	2738 (89,2%)	197 (46,6%)	2935 (84%)	19,06	—	—	—
—	—	55	—	—	54 (98,2%)	10,8	—	—	—
—	—	63	—	—	59 (93,6%)	11,8	—	—	—
3070	423	3611	2738	197	3048 (84,4%)	18,6	154	132	286 (11,4% изъ 2506)

№ 2. ВѢДОМОСТЬ О НЕ ВЫДЕРЖАВШИХЪ

УЧЕБНЫЕ ОБРУГИ.

	Общее число подвергнувшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ.	Число не выдержавшихъ						
				Закову Божію.	Русск. яз. н словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>С.-Петербургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	321	19	5,9	—	2	—	12	8	10	9
> церковныхъ училищъ	48	1	2,1	—	—	—	—	—	—	1
> частныхъ гимназій	25	1	4	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	45	32	71,1	5	15	18	26	20	24	20
Всего	439	53	12,1	5	17	18	38	28	34	30
<i>Московскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	492	71	14,4	1	20	—	52	10	37	5
> церковнаго училища	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—
> частныхъ гимназій	20	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	35	22	62,9	1	9	—	19	2	13	—
Всего	554	93	16,8	2	29	—	71	12	50	5
<i>Казанскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	162	6	3,7	—	2	—	4	—	4	1
Постороннія лица	38	16	42,1	—	9	2	9	1	13	2
Всего	200	22	11	—	11	2	13	1	17	3
<i>Оренбургскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	64	8	4,7	—	3	—	3	—	2	—
Постороннія лица	6	3	50	—	1	—	3	—	3	—
Всего	70	6	8,6	—	4	—	6	—	5	—
<i>Харьковскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	262	37	14,1	—	8	—	22	8	24	6
Постороннія лица	55	29	52,7	—	19	—	26	2	23	1
Всего	317	66	20,8	—	27	—	48	10	47	7
<i>Одесскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	278	21	7,5	—	12	—	12	—	6	4
Постороннія лица	61	35	57,4	1	17	12	20	11	16	10
Всего	339	56	16,5	1	29	12	32	11	22	14
<i>Кіевскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	419	38	9,1	—	8	—	14	24	15	14
Постороннія лица	79	39	49,4	1	9	1	25	18	20	18
Всего	498	77	15,5	1	17	1	39	42	35	27

испытанія зрѣлости въ 1885 году.

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторія.	Географія.	Логикѣ.	Новымъ иностран-нымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отиѣтокъ по всѣмъ предметамъ.	Осталось на другой годъ въ классѣ.	Вышли со свѣдѣтельствомъ на основаніи § 72 правилъ.
Письмен-наго.	Устног.								
6	3	—	4	—	—	—	54 на 19 (284%)	16	3
1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
22	19	18	20	16	—	8	? на 1	—	1
29	22	18	24	16	—	8	226 на 32 (706%)	—	—
24	6	—	4	—	—	—	282 на 52 (542%)	16	5
—	—	—	—	—	—	—	159 на 71 (224%)	58	13
11	1	1	—	—	1	—	—	—	—
35	7	1	4	—	1	—	58 на 22 (268%)	—	—
—	1	—	—	—	—	—	217 на 93 (233%)	58	13
4	1	—	—	—	1	1	12 на 6 (200%)	4	2
4	2	—	—	—	1	1	43 на 16 (268%)	—	—
2	—	—	—	—	—	—	55 на 22 (250%)	4	2
1	1	—	—	—	—	—	10 на 3 (333%)	1	2
3	1	—	—	—	—	—	9 на 3 (300%)	—	—
11	7	—	5	—	—	—	19 на 6 (317%)	1	2
8	—	—	—	—	—	1	91 на 37 (246%)	19	18
19	7	—	5	—	—	1	80 на 29 (276%)	—	—
14	6	—	8	—	—	—	171 на 66 (259%)	19	18
12	6	11	8	6	4	3	57 на 21 (271%)	10	11
26	12	11	11	6	4	3	137 на 36 (391%)	—	—
9	10	—	3	—	—	—	194 на 56 (346%)	10	11
21	5	6	4	—	1	—	97 на 38 (255%)	28	10
30	15	6	7	—	1	—	124 на 39 (318%)	—	—
							221 на 77 (287%)	28	11

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.

	Общее число подвергавшихся испытанію.	Общее число не выдержавшихъ испытанія.	Процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ	Число не выдержавшихъ						
				Закону Божию.	Русск. яз. и словесн.		Латинск. языку.		Греческ. языку.	
					Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.	Письменнаго.	Устнаго.
<i>Виленскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	202	25	12,4	—	6	—	14	8	11	3
Постороннія лица	9	3	33,3	—	2	—	1	—	2	—
Всего	211	28	13,3	—	8	—	15	8	13	3
<i>Варшавскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	380	70	18,4	—	45	—	27	8	29	6
Постороннія лица	33	22	66,6	—	11	5	10	—	12	4
Всего	413	92	22,2	—	56	5	37	8	41	10
<i>Дерптскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	301	27	9	7	12	—	16	13	22	22
„ частной гимназій	18	3	16,7	1	—	—	2	2	—	—
Постороннія лица	57	23	40,4	9	14	9	17	15	17	16
Всего	376	53	14,1	17	26	9	35	30	39	38
<i>Кавказскій.</i>										
Ученики правительств. гимназій	129	18	10,1	—	4	—	9	7	7	7
Постороннія лица	8	2	66,6	—	1	—	2	—	2	—
Всего	132	15	11,3	—	5	—	11	7	9	7
<i>Туркестанскій край.</i>										
Ученики правительств. гимназій	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Западная Сибирь.</i>										
	35	—	—	—	—	—	—	—	—	—
<i>Восточная Сибирь.</i>										
Ученики правительств. гимназій	20	2	10	—	—	—	2	—	2	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	21	2	9,5	—	—	—	2	—	2	—
И Т О Г О :										
Ученики правительств. гимназій	8070	332	10,8	8	122	—	187	86	169	77
„ церковныхъ училищъ	55	1	1,8	—	—	—	—	—	—	1
„ частныхъ гимназій	63	4	6,3	1	—	—	2	2	—	—
Постороннія лица	423	226	53,4	17	107	47	158	69	145	66
В С Е Г О	8611	563	15,6	26	229	47	347	157	314	144

испытанія по слѣдующимъ предметамъ:

Математикѣ.		Физикѣ и математической географіи.	Исторія.	Географія.	Логикѣ.	Новымъ иностран-нымъ языкамъ.	Общее число неудовлетворительныхъ отбѣтокъ по всемъ предметамъ.	Остатокъ на другой годъ въ классѣ.	Выбылъ со свѣдѣтельствами на основаніи § 72 правилъ.
Письменнаго.	Устно.								
10	2	—	7	—	—	—	61 на 25 (244%)	14	11
2	—	—	—	—	—	—	7 на 3 (233%)	—	—
12	2	—	7	—	—	—	68 на 28 (248%)	14	11
27	10	—	4	—	—	—	166 на 70 (222%)	47	23
12	3	—	1	—	—	—	58 на 22 (263%)	—	—
39	13	—	5	—	—	—	214 на 92 (232%)	47	23
20	18	—	17	—	—	1	148 на 27 (548%)	9	18
2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	3	—
10	10	—	10	—	1	9	137 на 23 (595%)	—	—
32	30	—	30	—	1	10	297 на 53 (560%)	12	18
3	4	—	7	—	—	—	48 на 13 (369%)	10	3
—	—	2	—	—	—	—	7 на 2 (350%)	—	—
3	4	2	7	—	—	—	55 на 15 (366%)	10	3
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
1	—	—	1	1	—	—	7 на 2 (350%)	2	—
127	67	—	55	1	—	1	900 на 332 (271%)	218	114
1	—	—	—	—	—	—	2 на 1 (200%)	—	1
2	2	—	3	—	—	—	12 на 3 (400%)	—	4
103	46	83	48	22	8	22	896 на 226 (392%)	—	—
233	115	33	101	23	8	23	1800 на 562 (320%)	218	119

№ 3. Распределение признанныхъ зрѣлыми по возрастамъ.

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>С.-Петербургскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	302	82	—	69	—	85	—	61	—	55	—
церковн. училищъ.	47	5	—	8	—	17	—	8	—	9	—
частныхъ гимназій.	24	5	—	4	—	5	—	3	—	7	—
Постороннія лица .	13	—	—	2	—	1	—	—	—	10	—
Всего .	386	42	10,9	83	21,5	108	28	72	18,6	81	21
<i>Московскій.</i>											
Ученики правит. гимназій	421	28	—	84	—	122	—	86	—	101	—
церковн. училища.	7	—	—	2	—	2	—	3	—	—	—
частныхъ гимназій.	20	2	—	8	—	4	—	4	—	2	—
Постороннія лица .	13	—	—	1	—	2	—	5	—	5	—
Всего .	461	30	6,5	95	20,6	130	28,2	98	21,2	108	23,4
<i>Казанскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	166	17	—	38	—	45	—	36	—	20	—
Постороннія лица .	22	2	—	3	—	2	—	2	—	13	—
Всего .	178	19	10,7	41	23	47	26,4	38	21,3	33	18,5

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.		Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
			17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Орехбургскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	61	3	—	14	—	22	—	8	—	14	—	
Постороннія лица.	3	—	—	—	—	—	—	1	—	2	—	
Всего.	64	3	4,7	14	21,9	22	84,4	9	14	16	25	
<i>Харьковскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	225	13	—	53	—	65	—	44	—	50	—	
Постороннія лица.	26	—	—	2	—	4	—	7	—	13	—	
Всего.	251	13	5,2	55	21,9	69	27,5	51	20,3	63	25,1	
<i>Одесскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	257	12	—	57	—	60	—	63	—	65	—	
Постороннія лица.	26	—	—	4	—	—	—	6	—	16	—	
Всего.	283	12	4,2	61	21,6	60	21,2	69	24,4	81	28,6	
<i>Кіевскій.</i>												
Ученики правит. гимназій.	381	16	—	66	—	105	—	76	—	116	—	
Постороннія лица.	40	—	—	—	—	3	—	7	—	30	—	
Всего.	421	16	3,8	66	16,1	108	25,6	83	19,7	146	34,7	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Виленскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	177	8	—	36	—	41	—	42	—	50	—
Постороннія лица.	6	—	—	—	—	1	—	1	—	4	—
Всего .	183	8	4,4	36	19,7	42	22,9	43	23,5	54	29,5
<i>Варшавскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	810	18	—	43	—	74	—	84	—	91	—
Постороннія лица.	11	—	—	—	—	2	—	2	—	7	—
Всего .	821	18	5,6	43	13,4	76	23,7	86	26,8	98	30,5
<i>Дерптскій.</i>											
Ученики правит. гимназій.	274	22	—	62	—	68	—	64	—	58	—
частной гимназія.	15	3	—	5	—	2	—	3	—	2	—
Постороннія лица.	34	3	—	2	—	3	—	5	—	21	—
Всего .	323	28	8,6	69	21,3	73	22,6	72	22,3	81	25,1

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Общее число зрѣлыхъ.	Возрастъ съ показаніемъ процентнаго отно- шенія къ общему числу зрѣлыхъ.									
		17-ти лѣтъ.		18-ти лѣтъ.		19-ти лѣтъ.		20-ти лѣтъ.		21-го года и болѣе.	
<i>Кавказскій.</i>			%		%		%		%		%
Ученики правит. гимназій.	116	—	—	12	—	17	—	23	—	64	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . . .	117	—	—	12	10,8	17	14,5	23	19,7	65	55,5
<i>Туркестанск. край.</i>											
Ученики правит. гимназій.	5	—	—	—	—	1	—	2	—	2	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . . .	6	—	—	—	—	1	16,7	2	33,3	3	50
<i>Западная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	35	2	5,7	9	25,7	11	31,4	7	20	6	17,1
<i>Восточная Сибирь.</i>											
Ученики правит. гимназій.	18	—	—	1	—	7	—	6	—	4	—
Постороннія лица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
Всего . . .	19	—	—	1	5,3	7	36,8	6	31,6	5	26,3
ИТОГО:											
Ученики правит. гимназій	2738	171	6,2	546	19,9	723	26,4	602	22	696	25,4
церковн. училищъ.	54	5	9,2	10	18,5	19	35,2	11	20,4	9	16,6
частныхъ гимназій.	59	10	16,9	17	28,8	11	18,6	10	16,9	11	18,6
Постороннихъ	197	5	2,5	14	7,1	18	9,1	36	18,3	124	62,9
Всего . . .	3048	191	6,3	587	19,2	771	25,3	659	21,6	840	27,8

№ 4. Распределение признанныхъ зрѣлыхъ по

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							Всего.	Всѣхъ учащихся.
	Богословскій.	Историко-филологическій.	Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.		
<i>С.-Петербургскій.</i>									
21 правительств. гимназій	—	55	82	42	108	5	292	—	
4 церковныя училища	4	10	7	11	14	1	47	—	
2 частныя гимназій	—	1	3	8	12	—	24	—	
Изъ всѣхъ 27 учебн. заведеній	4	66	92	61	134	6	363	—	
<i>Московскій.</i>									
21 правительств. гимназій	—	53	96	108	158	4	419	—	
1 церковное училище	—	—	—	2	4	—	6	—	
2 частныя гимназій	—	8	3	5	4	—	20	—	
Изъ всѣхъ 24 учебн. заведеній	—	61	99	115	166	4	445	—	
<i>Казанскій.</i>									
9 правительств. гимназій	—	25	84	66	49	1	175	—	
<i>Оренбургскій.</i>									
6 правительств. гимназій	—	6	21	7	23	1	58	—	
<i>Харьковскій.</i>									
14 правительств. гимназій	—	34	52	41	111	2	240	—	
<i>Одесскій.</i>									
15 правительств. гимназій	—	22	70	76	97	4	269	1 ¹⁾	
<i>Кіевскій.</i>									
4 правительств. гимназій	2 ²⁾	51 ⁴⁾	107	102	145	4 ³⁾	411	—	
<i>Виленскій.</i>									
8 правительств. гимназій	—	15	71	26	63	1	176	—	

1) Въ Двѣнои институтъ.—2) Въ инженерное.—3) Въ Духовную академію.—4) Изъ Восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ.

занятіямъ, къ которымъ они себя предназначали.

студящіе въ высшія спеціальныя училища:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:								
Институтъ путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. акад.	Строительн. училище.	Академія художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				Всего.		
							Граждан. служ.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Бомбардирск.	Мануфакт. и легка. пром.		Всего.	
—	—	—	—	—	—	13	—	—	—	—	—	—	—	—	10
2	3	3	1	1	3	13	3	4	—	1	2	—	—	—	10
1	2	7	4	—	—	14	—	—	—	—	1	—	—	—	1
1	2	8	4	—	—	15	—	—	—	—	1	—	—	—	1
—	—	1	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	2	2	1	—	—	5	1	—	—	—	—	—	—	—	1
—	3	1	1 ¹⁾	1	1	7	1	1	1	1	—	—	—	—	4
—	3	7	2	—	1	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	3	3	4	—	—	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	4	2	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—

изъ 7 въ Нѣжинскій историко-этнологическій институтъ.—¹⁾ Изъ нихъ 1 въ Отдѣленіе

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Поступающіе на факультеты:							По Военныя училища.
	Вологов- скій.	Историко- филологиче- скій.	Физико-ма- тематиче- скій.	Юридиче- скій.	Медици- нскій.	Восточныхъ языковъ.	Всего.	
<i>Варшавскій.</i>								
18 правительств. гимназій *) . . .	1 ⁷⁾	21	69	83	121	5	300	—
<i>Дерптскій.</i>								
14 правительств. гимназій . . .	31	39	39	85	76	11	281	—
1 частная гимназія. . .	1	2	3	5	4	—	15	—
<hr/>								
Изъ всѣхъ 15 учебн. заведеній.	32	41	42	90	80	11	296	—
<i>Кавказскій.</i>								
7 правительств. гимназій . . .	—	18	35	18	44	1	116	—
<i>Туркестанскій край.</i>								
1 правительств. гимназія . . .	—	2	8	—	1	—	6	—
<i>Западная Сибирь.</i>								
4 правительств. гимназій . . .	—	3	7	9	14	—	33	1 ⁷⁾
<i>Восточная Сибирь.</i>								
2 правительств. гимназій . . .	—	1	6	1	11	—	19	—
<hr/>								
Всего въ 164 учебн. заведеніяхъ	39	366	708	695	1059	40	2907	2
Процентное отношеніе къ об- щему числу зрѣлыхъ (3048) . . .	1,3	12	23,2	22,8	84,7	1,3	95,4	0,06

*) Одинъ изъ абитуриентовъ ко времени составленія отчета еще не избралъ себя

*) Въ Павловское военное училище.

группации въ высшихъ специальныхъ училищахъ:							Поступающіе на поприще практической дѣятельности:							
Путей сообщенія.	Горный институтъ.	Технологическій.	Земледѣльч. академія.	Строительн. училище.	Академію художествъ.	Всего.	Въ гос. службу.		Частной дѣятельности.				Всего.	
							Гражданскую.	Военную.	Учебной.	Сельско-хозяйств.	Коммерческой.	Мануфактурн. и мелк. промысл.		Всего.
—	4	11	5 ^{*)}	—	—	20	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1	—	9	8	1	—	19	—	3	1	3	1	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4	22	49	30	3	5	115	5	8	2	5	5	—	—	25
0,13	0,72	1,61	0,98	0,10	0,16	3,8	0,16	0,28	0,06	0,16	0,16	—	—	0,8

спеціальности. — *) Въ Духовную академію. — *) Изъ нихъ 2 въ Лѣсной институтъ. —

№ 5. Списокъ гимназистовъ, удостоенныхъ въ 1885 году аттестата
 своихъ успѣховъ

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Московскій	Московская 1-я .	Савеловъ Сергій (?)
	» 2-я	Фортивскій Петръ (?)
	» 3-я	Виноградовъ Николай (?)
	» 4-я	Смирновъ Михаилъ (?)
	Тверская	Мясниковъ (?)
	Тульская	Щеговъ Николай (Лейпц. фил. вѣст.).
	Костромская	Солдатовъ Иванъ (С.-Пб. вѣст.- филолог. вѣст.).
	Смоленская .	Ярошевскій Викторъ (?)
	Вяземская	Воссе Артуръ, Григорьевъ Иванъ (?)
	Шульская .	—
Нижегородская .	—	
Елецкая	—	
Нижегородскій Александров- скій институтъ	—	
Частная гимназія Креймана.	Кожевниковъ Валентинъ (?)	
Гимназія при Петропавлов- скомъ училищѣ .	—	
Итого.	(15)	11
Казанскій	Имп. Казанская 1-я .	Свѣтчиковъ Сергій (Казанск. унив.).
	Казанская 2-я .	Кузьминъ Николай и Фроловъ Алексій (Казанск. унив.), Александровъ Павелъ и Ма- левскій Владиміръ (Нѣжинск. вѣст.-фил. вѣст.).
	3-я .	—
	Симбирская .	—
	Самарская	Аксеновъ Михаилъ, Пономаревъ Николай и Морозовъ Сергій (Казанск. унив.); и Пятуховъ Григорій (Нѣжинск. вѣст.-фил. вѣст.).
	Саратовская	—

зрѣлости, отъ которыхъ учебное ихъ начальство ожидало дальнѣй-
въ наукахъ.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
<p>Цебриковъ Владиміръ (?) — — Томинскій (?) Соловьевъ Григорій, Ал- феровъ Иванъ, Мясоѵ- довъ Петръ, Оушквинъ Петръ (?) — — Лыкошинъ Дмитрій (?) — Понперекъ Георгій (?) Агаповъ Александръ (?) Ищерековъ Петръ, Добро- правовъ Николай (?) — —</p>	<p>Милютинъ Павелъ (?) Астровъ Павелъ (?) — — — — Въльченко Николай (?) — — — — — — — —</p>	<p>— Гулевичъ Владиміръ (?) — — — — — — — Николюскій Василій (?) Алексѣевъ Сергій (?) — — — — Вильямъ Николай и Рейнъ Фридрихъ (?)</p>	
11	8	5	80
<p>Коржавинъ Николай и Крелленбергъ Евгеній (Казанск. унив.). Тронцкій Константинъ (Казанск. унив.). Патницкій Александръ (Казанск. унив.). — — —</p>	<p>Камковъ Александръ (Казанск. унив.). Поляковъ Андрей (Ка- занск. унив.). — — Колышкинъ Петръ (Ка- занск. унив.). Мельниковъ Сергій (С.-Пб. унив.).</p>	<p>Орловъ Николай (Ка- занск. унив.). — Березинъ Михаилъ (Ка- занск. унив.). Карпенъ Викторъ (Ка- занск. унив.). Полумордвинновъ Дми- трій и Лестребовъ Александръ (Казанск. унив.). —</p>	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназій, въ конхъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Базанскій.	Вятская .	Клепиковъ Александръ (Моск. унив.), Заболотскій Николай (С.-Пб. ист.-филолог. вѣст.).
	Царяцкая.	—
Итого .	(8)	11
Оренбургскій.	Троицкая.	Рыбаковъ Сергій (С.-Пб. унив.).
	Уфимская	Гудковъ Василій (Лейпц. фил. вѣст.).
	Пермская.	—
	Екатеринбургская	Бобровъ Евгеній (Московск. унив.).
Итого .	(4)	3
Харьковскій	Сумская	—
	Старобѣльская.	Панчишка Иванъ (Харьк. унив.).
	Корочанская	Арсеньевъ Михаилъ (С.-Пб. ист.-фил. вѣст.).
	Воронежская	Розалионъ - Сомальскій Константинъ и Федленскій Константинъ (Московск. унив.).
Итого .	(4)	4
Одесскій.	Ришельевская	—
	Одесская 2-я.	Буде Сергій (Новоросс. ун.).
	3-я.	—
	Ананьевская.	—
	Николаевская	Масловскій Константинъ (С.-Пб. унив., ф. восточн. яз.).

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
<p>Башмаковъ Илья (Казанск. унив.), Плюсневъ Алексѣй (С.-Пб. унив.). Красновъ Александръ (Казанск. унив.).</p>	<p>Колотинскій Николай (Казанск. унив.). —</p>	<p>Варавовъ Александръ (Казанск. унив.). —</p>	
<p>7 Ганъ Левъ (Дерпт. унив.). — Тихонравовъ Александръ (О.-Пб. унив.). Ландезенъ Георгій (Дерпт. унив.).</p>	<p>5 — — — Удинцевъ Всеволодъ (Моск. унив.).</p>	<p>6 — — — —</p>	<p>29</p>
<p>3 — — Плужниковъ Петръ (Харьк. унив.). Анциферовъ Алексѣй (Моск. унив.), Сергіевскій Дмитрій (О.-Пб. унив.).</p>	<p>1 — — — Сухоставъ Эммануилъ (Моск. унив.).</p>	<p>— — — Спановскій Даміанъ (Моск. унив.), Селиховскій Николай (Харьк. унив.). — Зубковъ Агаангелъ (Харьк. унив.). —</p>	<p>7</p>
<p>8 — Гинеткинъ Давидъ (Новоросс. унив.). Пфейферъ Эммануилъ (Новоросс. унив.). — —</p>	<p>1 Сабининъ Алексѣй (Новоросс. унив.). Шнейдеръ Самуилъ (Новоросс. унив.). — — —</p>	<p>3 — — — — Комаринскій Михаилъ (Моск. унив.). Комаровскій Мордко (Моск. унив.).</p>	<p>11</p>

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Одесскій	Кышинецкая 1-я	Горбенко Михаилъ (Московск. ун.), Козаченко Александръ (С.-Пб. унив.).
	Симферопольская	—
	Феодосійская.	—
	Екатеринославская	—
	Ростовская-на-Дону	—
Итого .	(10)	Фил. 8, ф. вост. яз. 1.
Кіевскій	Кіевская 1-я	—
	2-я	—
	3-я.	Якубовскій Владиславъ, Серебрянниковъ Павелъ (Кіевск. унив.) и Черногоровъ Гавріилъ (Истор.-фил. инст. кв. Безбородко).
	4-я	—
	Житомирская .	Янковскій Иванъ (Кіевск. унив.).
	Каменецъ-Подольская	—

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣмъ въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
<p>Денбскій Семенъ (С.-Пб. унив.), Русьянъ Цезарь (Новоросс. унив.), Турмаркинъ Лазарь и Ефрусси Борисъ (Московск. унив.).</p> <p>Зеленецкій Вячеславъ (С.-Пб. унив.), Пугачевъ Сергій (Кіевск. унив.), Стародубцевъ (Новоросс. унив.), Альтунджа (С.-Пб. техн. институтъ), Таргонскій (С.-Пб. унив.).</p> <p>Паскаловъ Василій и Крымъ Саломонъ (Новоросс. унив.).</p> <p>Клотте Богданъ (Кіевск. универс.).</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Боганъ Илья (Московск. унив.).</p>	<p>Дмитріевъ Дмитрій (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Вегнеръ Оскаръ (Дерпт. унив.).</p> <p>—</p>	
<p>13 матем. и 1 технол.</p> <p>Заремба Антонъ, Меркульевъ Павелъ и Петерсонъ Николай (Кіевск. унив.).</p> <p>Гогоцкій Игорь, Антоновичъ Владиміръ, Радкевичъ Николай и Ржедескій Антонъ (Кіевск. унив.).</p> <p>Гурда Николай и Тенляковъ Яковъ (Кіевск. унив.).</p> <p>Антоновъ Георгій и Кестельманъ Лейба (Кіевск. унив.).</p> <p>Барповичъ Іосифъ (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p>	<p>8</p> <p>—</p> <p>Ванштейнъ Давидъ (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>4</p> <p>Кравченко Павелъ (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>Кириченко Михаилъ (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>Васильковскій Леонъ (Варш. унив.), Лаговскій Станиславъ и Тробица Станиславъ (Кіевск. унив.).</p> <p>Гогоцкій Владиміръ, Литвахъ Мейеръ и Берманъ Іосифъ (Кіевск. унив.).</p>	<p>25</p>

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназін, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Кіевскій	Немировская	—
	Черниговская .	Марковъ Николай (Кіевск унив.).
	Новгородсѣверская	—
	Полтавская .	Ильенко Антоній (Лейпц. фил инст.), Варшавскій Авраамъ (С.-Пб. унив., фак. вост. яз.)
	Прилуцкая.	—
	Коллегія Павла Галагана . .	Николаевъ и Ферхнновскій (Кіевск. унив.).
Итого.	(12)	Ист.-фил. ф. 8 и вост. яз. 1.
Виленскій .	Виленская	Шяплю Эадлей (С.-Пб. унив.).
	Ковенская	—
	Слудская	—
	Витебская.	—
Итого.	(4)	1
Варшавскій .	Варшавская 1-я .	Шаховской Левъ (Варш. ун.).
	2-я .	—
	4-я .	—
	5-я .	—
	» 6-я	Бульмерингъ Александръ (бо- госл. фак. Дерптск. унив.).
	Петровская .	Гельвинхъ Николай (С.-Пб. ист.-фил. инст.).
	Калишская .	—

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
<p>—</p> <p>Лаппа Сергѣй (С.-Пб. техн. наст.).</p> <p>Казачекъ Борисъ (С.-Пб. унив.).</p> <p>Педошенко Степанъ (Моск. унив.) и Чуйковъ Николай (С.-Пб. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>Гордонъ Лейба (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>Айзенштейнъ Александръ (С.-Пб. унив.).</p> <p>—</p> <p>Тамара (Моск. унив.).</p>	<p>Ерузальскій Михаилъ (Кіевск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Дьяконенко Александръ (Кіевск. унив.).</p> <p>Волошинъ Андрей (Кіевск. унив.).</p> <p>Вяцословичъ (Кіевск. унив.).</p>	
<p>15 мат. и 1 техн.</p> <p>Дружининъ Борисъ, Руткевичъ Константинъ, Корсакъ Владиміръ (С.-Пб. унив.), Зеландъ Владиміръ (С.-Пб. техн. наст.).</p> <p>Островскій Вульфъ и Меръ Шахно (С.-Пб. унив.).</p> <p>Севрукъ Леонидъ (С.-Пб. унив.).</p> <p>—</p>	<p>4</p> <p>Кацъ Рафанлъ (С.-Пб. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>12</p> <p>Блохъ Григорій (Дерпт. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Петрожицкій Леонидъ (Кіевск. унив.).</p>	<p>41</p>
<p>6 мат. 1 техн.</p> <p>Худяевскій Алексѣй (Варш. унив.).</p> <p>—</p> <p>Вислоухъ Витольдъ (Варш. унив.).</p> <p>—</p> <p>Пашенный Николай (Варшавск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>1</p> <p>—</p> <p>Пржеворскій Ицкъ (С.-Пб. унив.).</p> <p>Койтевскій Адамъ (Варш. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Толмачевъ Сергѣй (С.-Пб. унив.).</p>	<p>2</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Скаржинскій Казиміръ и Шаяевскій Михаилъ (Варш. унив.).</p> <p>Станкевичъ Чеславъ (Варшавск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>11</p>

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназія, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Варшавскій	Радомская	—
	Кѣлецкая.	Новинскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).
	Люблинская.	Борндокъ Антопъ (Истор.- фил. инст. кн. Везбородко), Валковскій Игнатій (Варш. унив.).
	Холмска	Леонтьевъ Михаилъ (Варш. унив.) и Ярема Владиміръ (Ист.-фил. инст. кн. Везбо- родко).
	Сѣлецкая	Шавяньскій Иванъ (С.-Пб. ун., ф. вост. яз.).
	Сувальская.	—
	Маріампольская	—
	Ломжинская	—
Итого .	(15)	6 ист.-филолог. фак., 2 ф. вост. яз. и 1 богосл. ф.
Дерптскій .	Рижская губернская .	Шинлингъ Карлъ (богосл. фак. (Дерптск. унив.), Пуссалъ Артуръ, Якобсонъ Людвигъ и фонъ-Вихертъ Павелъ (Дерптск. унив.).
	Рижская городская	Глеие Эрихъ, Вольтеръ Ро- бертъ (Дерптск. унив.).
	Александровская	Юпатовъ Порфирій (С.-Пб. унив.).
	Ревельская губернская.	Вейсъ Эдгаръ (Дерптск. ун.) и Галлеръ Адольфъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).
	Эстляндское рыцарское дом- ское училище .	Броссе Рихардъ (Дерптск. унив.).
Дерптская	Янсенъ Эдуардъ, Лицъ Гер- манъ (Дерптск. унив.), Фрей- манъ Людвигъ, Гайке Аль- фредъ (богосл. фак. Дерптск. унив.).	

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего.
—	Подчаскій Осипъ и Вошинскій Здѣславъ (Варш. унив.).	Пржіалковскій Маріи (Варш. унив.).	
Рускевичъ Тома (С.-Пб. унив.).	—	—	
—	—	Гржибовскій Станиславъ (Варш. унив.) и Мохлинскій Іосифъ (Кіевск. унив.).	
—	—	—	
Цеглинскій Базиліръ (С.-Пб. унив.).	—	—	
Вожовскій Михаилъ (С.-Пб. унив.).	—	Лесніовскій Антонъ (Варш. унив.).	
Лазорайтисъ Матвѣи (Моск. унив.).	Мачисъ (Моск. унив.).	—	
—	Трейеровъ Дмитрій (Варш. унив.).	—	
7	7	7	30
—	Леберъ Августъ и Лезвицъ Вильгельмъ (Дерптск. унив.).	Якобсонъ Морисъ и Межакъ Эмиль (Дерпт. унив.).	
Саккитъ Баръ (Дерптск. унив.), Думне Августъ (въ Рижск. политехнич. учил.).	—	—	
Реймерсъ Николай (С.-Пб. унив.).	—	Стрисъ Петръ (Дерпт. унив.).	
Лавягинъ Владиміръ (С.-Пб. унив.).	—	Заре Евгений, Эггерсъ Александръ (Дерптск. унив.).	
—	—	—	
Таубе Иванъ и Палмонъ Оскаръ (Дерпт. унив.).	Баронъ Штапельбергъ Максимъ (Дерптск. унив.).	Каблицъ Вруно (Дерпт. унив.).	

УЧЕБНЫЕ ОКРУГИ.	Гимназіи, въ коихъ они обучались.	Имена гимназистовъ
		Историко-филологическій.
Дерптскій .	Митавская	—
	Лвбавская.	—
	Гольдингенская.	Фонъ Горлагеръ Освальдъ, Тальбергъ Николай (Дерпт. унив.), Вютнеръ Альфредъ и Фрейбергъ Эрнстъ (бог. фак. Дерптск. унив.).
	Феллинская	Каванагъ Эмилій (Дерптск. унив.).
	Императора Александра II въ Биркенрузъ Частная гим. Кольмана.	Пельнеръ Максъ (Дерптск. унив.).
Итого .	(12)	14 истор.-филолог. и 6 богосл. фак.
Кавказскій	Кубанская	—
	Елисаветпольская	—
	Эриванская	—
Итого.	(3)	—
Восточная Сибирь.	Иркутская	—
	Красноярская	—
ВСЕГО .	89 изъ 164.	Истор., филол. фак. 61, бого- словск. 7, восточн. яз. 4.

съ распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ, въ которые имѣли въ виду поступить.

Физико-математическій.	Юридическій.	Медицинскій.	Всего
<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Трампедахъ Александръ (Дерптск. унив.).</p> <p>Гернгардъ Евгений (Дерпт. унив.).</p>	<p>Зиллеръ Бернгардъ (Дерптск. унив.), Гаррайсъ Фридрихъ (С.-Пб. унив.), Герценбергъ Леонгардъ (Моск. ун.).</p> <p>Закъ Бернгардъ и Кохъ Эрнстъ (Моск. унив.).</p> <p>Конради Карлъ и Баронъ Фитягофъ Готгардъ (Дерптск. ун.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Баронъ Шаллингъ Александръ и фонъ Андрей Конрадъ (Дерпт. унив.).</p>	<p>Рафаэль Александръ (Дерптск. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>Зеземанъ Оттонъ (Дерпт. унив.).</p> <p>—</p> <p>—</p>	
<p>7 физ.-мат. и 1 технич.</p> <p>Меезовичъ Фроимъ (?)</p> <p>—</p> <p>Теръ - Овакимовъ Александръ и Теръ-Хачатуровъ Григорій (Моск. унив.).</p>	<p>12</p> <p>—</p> <p>Падевичъ Николай (Моск. унив.).</p> <p>—</p>	<p>8</p> <p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>48</p>
<p>3</p> <p>Шведовъ Николай (С.-Пб. унив.).</p> <p>Тютрюмовъ Порфирій (Кіевск. унив.).</p>	<p>1</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>—</p> <p>—</p> <p>—</p>	<p>4</p> <p>2</p>
<p>Физ.-матем. 77, технич. 4.</p>	<p>38</p>	<p>47</p>	<p>238</p>

Въ рукописяхъ и изданіяхъ встрѣчается исключительно форма *σαλπικτής*, отъ которой въ надписяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда; вмѣсто нея тамъ читается только *σαλπικτής* и позже *σαλπικτής*. Негв., р. 64 — 65 доказывается *σαλπικτής* лишь примѣрами изъ II вѣка, *Mem. Rev. IX*, р. 75, приводитъ изъ IV в. СІА. II, 814, в. 28 *σαλπικτεῖ*.

II склоненіе. *Meisterh.*, р. 51—54.

О дательномъ пад. мн. ч. сообщаетъ Мейстергансъ, что уже въ самыхъ древнихъ надписяхъ V вѣка встрѣчается окончаніе *-οις* рядомъ съ *-οισι*, которое является лишь иногда. Какъ послѣдній примѣръ окончанія *-οις* онъ приводитъ 'Αθηναίοισι СІА. I, 301, а, 7 (отъ 334 г. до Р. X.) въ формулѣ клятвы и *δοοισι* *ib.* II, 570, 34 (ок. 403 г. до Р. X.) въ постановленіи дема. Мейстергансъ долженъ бы былъ указать на то, что уже СІА. IV, 27, а, въ надписи 446—445 г., нѣтъся вездѣ окончаніе *-οις*, кромѣ строкъ 25, 26, гдѣ въ торжественной клятвѣ удержано уже устарѣлое тогда 'Αθηναίοισι. *Mem. Rev. IX*, р. 179. *Meyer. Gr.*¹, р. 309 и *Gr.*², р. 359.

Въ словахъ *νοῦς*, *πλοῦς*, *ἐκπλοῦς*, *παράπλοῦς*, *χοῦς*, *ἡμίχοῦν* и *κανοῦν* надписи имѣютъ лишь слитныя формы. СІА. II, 678, В, 29 читается *χοῦς*, а не *χῆχοῦς*, какъ утверждаетъ *Meisterh.*, р. 52. *ἡμίχοῦν* находится СІА. II, Add. 682, с, 11. *Thuc. VI*, 64, 2 читаетъ большинство рукописей невѣрно *ἐνόων*. *Stahl*, р. 56.

Слова *θεηχοῦς* и *χρσοχοῦς* образуютъ надежи слитно и неслитно.

Относительно словъ *ἡ θεά* и *ἡ θεός* сообщаетъ Кеск, р. 17 sq., наблюденіе, что, если у аттическихъ ораторовъ и въ надписяхъ рѣчь идетъ объ элевзинскихъ богиняхъ (*Κόρη* и *Δημήτηρ*), то по II вѣкѣ до Р. X. говорили только *τῷ θεῷ*, *τοῖν θεοῖν*. Впрочемъ какъ на исключеніе указываетъ *Mem. Rev. IX*, р. 68, на надпись V в. ('Εφ. ἀρχ. 1883, р. 167 sq. l. 26), гдѣ Кумануднсъ прочелъ *ταῖν θεῶν*. И въ прочихъ случаяхъ болѣе древнія надписи имѣютъ только *ἡ θεός*. Какъ приводитъ какъ единственное исключеніе СІА. II, Add. 57, b—Syll. 83, 9 *τοῖς δώδεκα θεοῖς καὶ ταῖς σμναῖς θεαῖς*, гдѣ отступленіе отъ обыкновеннаго объясняется противоположеніемъ; онъ упустилъ изъ виду, что уже *Mem. Rev. V*, 169, привелъ примѣръ (Syll. 13, 39, V вѣка *τῇ θεῇ καὶ τῇ θεῶ*), „доказывающій, что древняя аттическая проза въ случаѣ надобности могла употребить и *ἡ θεά*“.

Аттическое II склоненіе.

Винит. пад. ед. ч. образуетъ слова мужск. и женск. р. съ 363 г. до Р. X. и на *-ω*: *Κέω* Syll. 79, 30 (363 а. С.), *τὸν νεώ* СІА. II, 836, В, b, 14 (320—317 а. С.) *ib.* 332, 44 (271—265 а. С.) 'Ηγησίλω.

До 270 г. до Р. X. находится въ прозѣ только *veós*, вскорѣ послѣ этого времени лишь *vas*. *Riem. Rev.* IX, p. 179, приводитъ, правда, делосскую надпись аттического происхожденія второй половины IV в. (*Bull.* VIII, p. 324, l. 17), гдѣ имѣется *vasokoioi*, но прибавляетъ самъ, что надпись, можетъ быть, вырѣзана рабочими не аттического происхожденія.

Слово *Δεός* является въ прозѣ (кромѣ сложныхъ, какъ *Ἀριστόλαος* и др.) только какъ имя героя фяи Леонтиды и имѣетъ всегда спеціально аттическія формы. Въ сложныхъ собственныхъ именахъ встрѣчаются впрочемъ довольно равно діалектическія формы, какъ *Ἀρχέλαος*, *Ἀναξίλαος*, *Ἀρκεσίλαος*. *Riem. Rev.* V, p. 155, говоритъ, что такія формы наводятъ на мысль, что въ подобныхъ случаяхъ рѣчь идетъ о натурализованныхъ иностранцахъ или о лицахъ, имена которыхъ иностраннаго происхожденія.

Къ немногочисленнымъ словамъ атт. II склон. присоединяется изъ надписей: *ἡμίχτεον* средн. р. и *Φῶς* (дат. *Φῆ* *CIA.* II, 793, с, 36), имя корабля. Въ рукописяхъ является первое слово лишь въ формахъ *ἡμίχτεον* и *ἡμίχτων*. *Meisterh.*, p. 53. Вакернагель *Phil. Anz.* 1886, p. 74) производитъ *ἡμίχτεον* правдоподобно отъ *ἡμίχτηλον*, какъ вообще сложныя слова съ *ἡμι-* бываютъ средняго рода и принимаютъ суффиксъ *-ον*, ср. *ἡμιδάριχον* *ἡμιῶβολον*. Объясненія Meisterh. ганса нельзя принять.

Слово *κάλως* склоняется въ аттической прозѣ всегда по II склон. и лишь у позднѣйшихъ поэтовъ находятся формы III склон. *Riem. Rev.* IX, p. 80, указываетъ на слѣдующія надписи, въ которыхъ значится *κάλως* въ ном. pl. (какъ *ἦρωσ*—*ἦρωες*): *CIA.* II, 793, а, 62—65; *ib.* 794, b, 17—21; *ib.* Add. 834, с, 18 (начала III вѣка).

За исключеніемъ словъ *μέραρχαι* (финансовыя должностныя лица, *CIA.* II, 550, з, 7; 324 а. С.) и *βοιωτάρχαι* (*CIG.* 1738. *Liv.* XLII, 43, 7 *βοιωτάρχαι*), всѣ сложныя отъ *ἄρχω* оканчиваются на *-αρχος*, а не на *-άρχης*: *γυμνασίαρχος*, *δήμαρχος*, *ἐπιτήραρχος*, *ἑπαρχος*, *τόξαρχος*, *ταξίαρχος*, *πολέμαρχος* (*CIA.* II, 88, 6, гдѣ читается не *κίσαρχος*, какъ утверждаетъ Meisterh. гансъ), *τρίηραρχος* и др.; слѣдовательно, читается неврѣно *Thuc.* V, 66, 3 въ изданіи Классена *ἐνωτοτάρχαι*. *Meisterh.*, p. 53 sq. *Riem. Rev.* IX, p. 68. *Schanz Plat.* VII, p. VIII. *Stahl*, p. 54.

III склоненіе.

Πόλις. Въ надписяхъ, относящихся къ 410—335 гг. до Р. X., встрѣчается дат. ед. ч. *πόλη* *Syll.* 77, 3, *ἀκροπόλη* *ib.* 75, 17, *Νεά*

πόλῃ, и Meisterh., p. 54, приводитъ 8 случаевъ этого употребленія; 9-й находится еще Mitth. VIII, p. 314, l. 8 στήσαι [ἐμπό]λῃ. Мейстергансъ считаетъ это число слишкомъ великимъ, чтобы можно было думать о простой ошибкѣ и о смѣшеніи звука ε сь η, то-есть, приимкаетъ къ мнѣнію Римана, высказавшаго Rev. IV, p. 186, предположеніе, что въ формулѣ στήσαι ἐν τῇ πόλῃ (ἀκροπόλῃ) сохранилось древнее окончаніе, которое нужно считать за слияніе древне-іонійскаго πόλῃ. Противъ этого толкованія возражалъ Диттенбергеръ (Hermes 1882, p. 37), ссылаясь на другіе примѣры смѣшенія ε сь η, какъ δοχῆ (ind.) Syll. 74=CIA. II, Add. 52, c. 12, Ἀργῆος Syll. 421, 5, γραμματῆ Syll. 94 (ср. вообще Syll. index p. 791). Риманъ (Rev. IX, p. 54) присоединяется теперь къ этому мнѣнію и указываетъ на другія подобныя ошибки, какъ -x]ράτῃ (dat. sing.) CIA. II, 664, 6 (⁴⁰⁰/300, а. С.), Ἀριστήδης, Ἀπολλοφάνῃ. Meyer Gr.², p. 383, считаетъ πόλῃ за правильную форму. Нѣсколько примѣровъ обыкновенной формы πόλαι изъ надписей приводитъ Riem. Rev. IV, p. 186.

Πολέων, извѣстное изъ писателей (Isocr. IV, 73. 75), доказываетъ Meisterh., p. 55, примѣромъ изъ надписи: Mitth. II, 212=Syll. 52, 2 (394 г. до Р. X.).

ἄστο. Это слово имѣетъ въ род. пад. только ἄστοας, напримѣръ, CIA. II, 167, 76 (326 а. С.); 584, 7; 379, 15. Vamb. Jb. VIII, p. 200. Stahl, p. 55. За форму ἄστοας, говорятъ, кромѣ того, слѣдующія мѣста поэтовъ: Eur. El. 246. Bacch. 840. Or. 751. Phoen. 856. Schanz Plat. XII, p. X, сообщаетъ, что Plat. Leg. V, p. 746 A и XI, p. 936 C въ Paris. A читается ἄστοας, но „о in gasiga“. Невѣрное, слѣдовательно, сообщаетъ Krüger Gr. Spr. I, 18, 8, 2 съ Kühner Ausf. Gr. I, p. 344. Anm. 2. Невѣрно пишетъ ἄστοας, напримѣръ, Classen Thuc. VIII, 95, 7; II, 13, 7.

Род. мн. ч. πῆχων, требуемый уже древними грамматиками (Phryn., p. 245. Phot., p. 316. Moeris, p. 327. Thom. M., p. 272, 7), найденъ теперь и въ надписи CIA. II, Add. 834, c. 15. Xen. An. IV, 7, 16 читается въ изданіяхъ невѣрно πηχῶν. Eur. Cycl. 391, впрочемъ, πῆχων слѣдуетъ читать какъ двухсложное слово.

Снова на -ως.

Прежде предполагали, что ῆς, древнее окончаніе им. множ. ч. словъ на -ως, основывается на ῆς. Это предположеніе ошибочнымъ считаетъ Диттенбергеръ (Hermes XVII, p. 38 sqq.), указывая на древне-аттическое окончаніе εης и основываясь на томъ, что 1) во всѣхъ

падежахъ названныхъ словъ именно послѣдній слогъ удлинень (βασιλέως, βασιλέᾱ, βασιλέᾰς) и 2) на томъ, что существуетъ еще нѣсколько эпиграфическихкихъ примѣровъ этого окончанія. Самый безспорный примѣръ составляетъ Syll. 56, 1: Οἶδε ἰππέης ἀπέθανον ἐν Κορίνθῳ. Къ нему присоединяется еще ΧαλκιδΕΕΕ CIA. IV, 27, а, 57 (445 а. С.). Что послѣднее = Χαλκιδᾶης, видно по тому, что —εες является не раньше 356 г., — ηες же нигдѣ не встрѣчается. Meisterh., р., 55 приводитъ еще 3-й, по его мнѣнiю, несомнѣнный примѣръ, 'Αργολέης CIA. I, 338, 3 (408 г. до Р. X.); но Mem. Rev. IX, р. 75 sq., указаль на то, что нельзя знать, не существовала ли другая форма дема 'Αγρολή, а именно 'Αγρόλεια, отъ которой могло бы быть образовано δημοτικόν 'Αγρολειεύς или 'Αγρολαεύς, такъ что можно предполагать и nom. plur. 'Αγρολεῆς. Съ мнѣнiемъ Диттенбергера согласны Мейстергансъ и Римаъ. Другого мнѣнiя держится Вакернагель (Zeitschr. f. vergl. Sprachw. XXVII, р. 268), считая вышеприведенныя формы происшедшими вслѣдствіе диттографіи и съ нимъ соглашается Meyer Gr.², р. 344.

Кромѣ указаннаго окончанія -ης, встрѣчаются въ надписяхъ иногда не слитныя: εες ('Αλα]ιέες, Κολλυτέες, Ρηγαίεες рядомъ съ Βατῆς CIA. II, 870; 350 а. С.) и ε.ες = εјες, ср. выше стр. 84 (Διομέ(ι)ες 'Ερχιέες, 'Ικαριέ(ι)ες, Κολλυτέες рядомъ съ 'Αζηνιῆς, Πειραιεῖς. CIA. II, 943; 323 г. до Р. X.).

Обыкновенно имѣютъ слова на -εός въ мн. ч. слитныя окончанія и притомъ

а) -ῆς (преобладаетъ съ 350 г., встрѣчается иногда до 325 г. до Р. X.).

б) на -εῖς (первый примѣръ CIA. II, 17, Β, 24. 31; 375 г.; съ 350 г. это окончаніе встрѣчается часто, съ 324 г. до Р. X. исключительно). Meisterh., р. 56. Болѣе полный списокъ примѣровъ даетъ Mem. Rev. IX, р. 76 sq.

Въ древне-аттическомъ нарѣчiи слова на -εός съ предшествующимъ гласнымъ сливаютъ въ род. и вин. пад. ε съ окончаніями -ως, -ων, -α, -ας, какъ Αἰγυλιῶς, Πολιῶς, Κουαθηναῖᾱ, 'Αλαῖᾱς, Θεοπιᾶς. Первый не слитный примѣръ при предшествующей α составляетъ 'Οαεός CIA. I, 318, 8 (417 а. С.), съ предшествующею ι 'Ερστρίεων Mitth. II, р. 212, 5 (394 а. С.). Подробный хронологическій обзоръ слитныхъ и не слитныхъ формъ словъ на -εος даетъ Mem. IX, р. 77 sq.

Въ новоаттическомъ нарѣчiи слияніе становится рѣже въ особенности въ официальныхъ документахъ, тогда какъ въ документахъ, касающихся флота и представляющихъ болѣе народный языкъ, обы-

вновенно встрѣчаются слитныя формы. Съ 200 г. до Р. X. сляіііе уже болѣе не примѣняется, между тѣмъ какъ во время римскихъ императоровъ вмѣстѣ съ другими классическими формами, благодаря дѣятельности грамматиковъ, воскресаютъ опять и слитныя формы на - $\omega\varsigma$, - $\omega\nu$, - $\tilde{\alpha}$, - $\tilde{\alpha}\varsigma$. Meisterh., p. 57. Рукописи Θ укидида и въ этомъ отношеніи колеблются. Stahl, p. 55, считаетъ для Θ укидида отъ словъ на - $\epsilon\acute{\omicron}\varsigma$ единственно возможными слитныя формы, такъ какъ и сценическіе поэты вездѣ сливаютъ (Aesch. Pers. 486. 817. Soph. Phil. 4. Arist. Eq. 815. Av. 1040. Lys. 1169. Ran. 694.).

При предшествующемъ согласномъ - $\acute{\epsilon}\alpha$ вин. пад. ед. ч. и $\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ мн. ч. па аттическихъ надписяхъ никогда не сливается въ - $\tilde{\eta}$ и - $\tilde{\eta}\varsigma$; за то формы въ родѣ βασιλῆ, βασιλῆς въ другихъ нарѣчіяхъ многочисленны, но всѣ примѣры (см. Syll. index. p. 782) относятся къ времени послѣ 200 г. до Р. X. Мейстергансъ не приводитъ никакихъ примѣровъ правильнаго образованія; у Лаутензаха (въ его рецензій стр. 231) находятся слѣдующія изъ CIA I: $\iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha$ 1, A, 40 (до 450 а. С.), $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\acute{\epsilon}\alpha$ 20, 12 (до 444 г.), $\epsilon\lambda\gamma\alpha\gamma\omega\gamma\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ 37, b, 7 (425 г.), βασιλέας 61, 12 (409 г.), $\kappa\omega\pi\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$ 82, 6. Другіе примѣры см. Weckl., p. 19. Riem. Rev. V, p. 167.

Съ македонскаго времени проникаетъ слитная форма им. пад. на - $\omega\varsigma$ и въ вин. пад.: $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ βασιλεῖς CIA. II, 243, 8 (306—301 а. С.), $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ 539, 22 (ок. 300 г.), $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\iota\pi\kappa\epsilon\iota\varsigma$ 323, 12 (277 г. до Р. X.) и т. и.

Форму вин. пад. мн. ч. слитную порицаетъ Thom. Mag., p. 115, 2: $\acute{\epsilon}\rho\mu\eta\gamma\epsilon\alpha\varsigma$, βασιλέας, $\iota\epsilon\rho\acute{\epsilon}\alpha\varsigma$, καὶ $\delta\omicron\alpha$ τοιαῦτα, Ἄττιχοί: τὸ δὲ συνηρημένως ταῦτα λέγειν οὐκ ἔστιν ἐχαιώνων. Между тѣмъ какъ Херобоскъ у Herod. ed. L. II, p. 677 признаетъ лишь - $\omega\varsigma$, говоря: βασιλῆς (nom. pl.) Ἄττικῶς διὰ τοῦ η . Ἡ δὲ τούτων αἰτιατικὴ διὰ τῆς αἰ διφθόγγου μόνως λέγεται, οὐδέτι δὲ καὶ τοῦ η ; тѣмъ не менѣе приводятся вслѣдъ за тѣмъ формы на $\tilde{\eta}\varsigma$: Soph. Al. 390 $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ βασιλῆς и Xen. Cyrop. I, 1, 2 $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ νομῆς. Τὸς πελαργιδῆς читается въ нашихъ изданіяхъ Arist. Av. 1356. Другія слитныя формы, главнымъ образомъ вин. ед. ч. на - $\tilde{\eta}$, изъ поэтовъ приводитъ Nauck ad Soph. Al. 104.

Можно ли въ виду такихъ данныхъ удержатъ у аттическихъ писателей такія формы, какъ $\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\iota\pi\kappa\epsilon\iota\varsigma$ Andoc. I, 45. III, 5 и др., приведенныя у Кюнера Ausf. Gr.³ I, p. 350, A. 42?

Собственныя имена на - $\chi\lambda\tilde{\eta}\varsigma$. Meisterh., p. 57 sq.

Въ им. пад. ед. ч. представляютъ уже самыя древнія аттическія надписи слитную форму, хотя еще въ V и IV вѣкахъ встрѣчается иногда не слитная форма: Χαριλέης (464 г. до Р. X.), Θρασοκλέης,

Προκλέης (421 года), Πρωτοκλέης (398 г.), Μενοκλέης (ок. 340 г.). Рукописи Эукидида имѣютъ лишь слитную форму; Аристофанъ неслитную (Μεγακλέης, Περικλέης и т. п.), кромѣ 'Πρακλῆς (Ran. 282. 464. 581, Lys. 928 etc.) и Θεμιστοκλῆς (Eq. 884); трагики употребляютъ ту и другую. Stahl, p. 56.

Въ род. пад. встрѣчается съ 322 г. до Р. X. иногда окончаніе -κλέου: Σωφοκλέου CIA. II, Add. 963, 9 (ок. 322), Δημοκλέου, 'Αριστοκλέου¹⁾.

Нѣсколько примѣровъ неслитнаго дат. пад. приводитъ Riem. Rev. IX, p. 71, какъ Πασικλέει, Φοινικλ[έ]ει CIA. II, 814, b, 12. 13. (37^{1/3} а. С.) и Rev. V, p. 15С форму Διοκλῆ CIA. II, Add. 489, b, 19 (I в.).

Вин. пад. ед. ч. имѣлъ до 300 г. до Р. X. окончаніе -κλέα, послѣ этого -κλῆν: Μενοκλῆν (292 г.), 'Αμεινοκλῆν (281 г.); впрочемъ 'Επικλῆν CIA. II, 987, 12 (= SIG. 116) считаетъ Келлеръ относящимся къ IV в.—Окончаніе -κλῆ, въ другихъ нарѣчіяхъ часто встрѣчающееся (Syll. p. 782, но не раньше 228 г. до Р. X.), въ аттическихъ надписяхъ не употребляется.

Другія собственныя имена на -ης. Meisterh., p. 58—60.

Къ собств. именамъ съ основою на -σ причисляетъ Meisterгансъ имена, оканчивающіеся на: -ἀτης, -αισσης, -ανθης, -αλκης, -αρχης, -αρχης, -αρχης, -γενης, -ευχης, -ίκης, κηδης, -κρατης, -κρινης, -κυδης, -μελης, -μηδης, -ναπης, -οφελης, -πειθης, -περης, -σθενης, -τελης, τραφης, -φανης, -φειδης, -χαρης, -ψευδης и приводитъ каждому случаю самый древній примѣръ род. пад. на -ους. CIA. II, 283, 22 (424 г. до Р. X.) читается впрочемъ не 'Αλκισθένους, а 'Αψεύδους. На эти слова простирается ἐτερόκληως гораздо раньше, чѣмъ на имена на -κλῆς, а именно:

Раньше всѣхъ падежей постигаетъ ἐτερόκληως вин. пад.: Τισσαφρένην CIA. II, 64, b, 14 (410—405 а. С.), Κλεοφράδην SIG. I, 538 (ок. 380 г.), Δημοχάρην CIA. II, 791, 38 (377 г.), 'Αριστοπείθην CIA. II, Add. 52, с. 33 (368 г.), 'Αστοκράτην (а не 'Αριστοκράτην, какъ говорить Meisterh., p. 59) ib. 54, а, 20 (363 г.), 'Αριστοφάνην, ib. 573, 20 (ок. 350 г. до Р. X.). Недостаетъ у Meisterганса слѣдующихъ примѣровъ, указанныхъ Riem. Rev. V, p. 150 и IX, p. 72: Φιλο[κ]λή[δη] CIA. II, 582, 8, Θεογένην 962, 10 (ок. 323 г.), 'Αριστομήδην 794, d, 28 (356/5 а. С.), 'Αντισθένην 564, 15. Въ надписяхъ сохранилось

¹⁾ Meisterh., p. 58, приводитъ еще сомнительный примѣръ Μοιροκλέ(ι)ου 328 г. CIA. II, Add. 834, b, II, 74, но 'Εφ. ἀρχ. 1883, tab. 10 читается -κλείους. Кроме того, приводится невѣрно Λυσικλέου CIA. II, 329, 26, такъ какъ такъ читается Λυσικλέους.

всего два вин. пад. на η...χράτη СΙΑ. II, 2, 5 (вскорѣ послѣ 403 г. до Р. X.) и Ἀστωχράτη 54, b, 30 (363 а. С.).

Въ литературѣ имѣютъ изъ иностранныхъ именъ Τισσαφέρνης всегда -ην, Ἀρταφέρην читается Thus. IV, 50, Ἀστούης, Κοατάρης имѣютъ то -ην, то -η. Stahl, p. 55, въ виду того, что на подписяхъ до ОI. 100 вѣтъ формы на -ην (кромѣ Τισσαφέρην) и что у сценическихъ поэтовъ формы на -η „salvo metro“ могутъ и должны быть возстановлены (Weckl., p. 24), полагааетъ, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что Эукидиду были свойственны исключительно формы на -η, хотя рукописи въ этомъ отношеніи во многихъ мѣстахъ колеблются. Kaibel, Hermes XVII, p. 416, приводитъ изъ рукописнаго преданія Демосфена, Гиперида и Ликурга Εἰδοχράτη, Λεωχράτη, Ἀριστογένη, Δημοχάρη, Λεωχάρη, Λασθένη, Δημομέλη, Διοπείθη, Φιλοχράτη, Δημοσθένη. Vamb. Jb. XII, p. 25. Послѣдній по поводу Κλεοφράδην СIG. I, 538 (ок. 380 а. С.) указываетъ на Arist. Eccl. 129 Ἀρίφραδες и Vesp. 1280 Ἀριφράδην.

2) Съ 350 г. до Р. X. образуется ἑτεροκλίτως и род. пад.: Ἀριστοχράτου, Ἀντιφάνου, Ἐπιχράτου, Θεογένου... СΙΑ. II, 573, 11 (середины IV в.) и много другихъ примѣровъ. Δεινοχράτου, Εἰδοχράτου, Ξωσγένου находятся СΙΑ. II, 873, 21. 26. 18. 5. 16. (до 300 г.). Послѣ 300 г. до Р. X. формы на -γενου, -χράτου и т. п. вытѣснили совсѣмъ прежнія формы на -γενους, -χρατους (только въ пяти надписяхъ находятся еще послѣ этого времени формы съ окончаніемъ -оос и то на ряду съ формами на оо). Въ императорское время замѣчается реакція: въ официальныхъ документахъ, составленныхъ на литературномъ языкѣ, главнымъ образомъ принятыхъ въ СΙΑ. III vol. I, встрѣчаются почти только формы на -оос, а въ другихъ, представляющихъ народный языкъ и вошедшихъ въ СΙΑ. III vol. II, имѣются почти исключительно формы на -оо.

Изъ нарицательныхъ именъ на -ης лишь τριήρης, τετρήρης, и ἰστέλης имѣютъ изрѣдка формы, образованныя по I склоненію: τριήρην рядомъ съ τριήρη (съ 334 г. до Р. X. СΙΑ. II, 804, A, b, 32, τετρήρην при τετρήρη (съ 326 г. до Р. X. СΙΑ. II, 808, a, 49); ἰστέλοῦ (III в. Kaibel. Ep. 48, 1).

Слова на -оc. Meisterh., p. 61.

Мейстергансъ говорить: „Nom. и Acc. Dual. оканчиваются правильно на -αι: οχάει, ζεύει (398 г. до Р. X.)“. Это утверждение основывается только на двухъ надписяхъ, СΙΑ. II, 652 (=Syll. 366), гдѣ читается A, 24 ΣΚΕΛΕ δύο—B, 26 δύο ΖΕΥΓΕ; Βῆκ (СIG. 150)

читалъ эти слова *οκέλει* и *ζεύγει* ¹⁾ на томъ основаніи, что въ этой надписи и въ другихъ мѣстахъ $E = \epsilon$. Въ опроверженіе этого указалъ *Reim. Rev.* V, p. 165, на то, что въ той же надписи находится $AN\Theta\epsilon\theta\epsilon\kappa\epsilon\Nu = \acute{\alpha}\nu\epsilon\theta\eta\kappa\epsilon\nu$, и хотѣлъ поэтому читать въ указанныхъ мѣстахъ *ζεύγη*, *οκέλη*, — прибавляя впрочемъ, что нельзя рѣшать, множеств. ч. это или двойств. Теперь (см. *Rev.* IX, p. 73) онъ примыкаетъ къ мнѣнію Бека и Диттенбергера (*Hermes* XVII, p. 36 not. 1 и *Syll.* p. 504 not. 13).

Впрочемъ и слова на *-ας*, *-εως* имѣли, кажется, окончаніе *-ει* въ им., вин., зват. пад. двойств. ч. Какъ (p. 22) ссылается на два мѣста, имѣющія будто *πόλη*: *Isocr.* IV, 17 и VIII, 116. Однако по Мартэну (*A. Martin, Le ms. d'Isocrate Urbinas CXI etc.*, p. 26—28) значится IV, 17 въ *Urb.* не *πόλη*, а *πόλει*; VIII, 116 же стоитъ тамъ *πόλη* отъ второй руки, вмѣсто чего первая рука написала, вѣроятно, *πόλει*. Тотъ же Мартэнъ (стр. 27) указываетъ еще на *schol. ad Arist. Ran.* 1378: *τὸ πλάσιγγ' τὸ δὲ σχῆμα ἀττικὸν ὡς τὸ χεῖρε, τὸ πόλει καὶ νῆ τὸ σῶ*. Къ этому присоединяется еще свидѣтельство Херобоска у *Herodian. ed. L.* II, p. 322, 10—19. (= 696, 7—16): *Δεὶ δὲ γινώσκειν ὅτι ἐν μὲν τοῖς δούκοις τὰ δύο εε εἰς ἡ κίρνεται οἷον Δημοσθένεες Δημοσθένη, Διομήδεις Διομήδῃ· ἐν δὲ τοῖς πληθυντικοῖς εἰς τὴν εἰ δίφθογγον οἷον Δημοσθένεες Δημοσθένεις, Διομήδεις Διομήδεις, σπανίως δὲ καὶ ἐν τοῖς δούκοις, ἀλλ' εὐρίσκειται τὰ δύο εε εἰς τὴν εἰ δίφθογγον κιννάμενα οἷον ταρίχες ταρίχει. πόλεε πόλει, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τοῦτω τὸ πόλει“ (λέγει δὲ περὶ Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων), καὶ ἐν τοῖς πληθυντικοῖς εἰς ἡ οἷον ἰππέες ἰππῆς καὶ βασιλέες βασιλῆς. Ταῦτα δὲ Ἀττικά ἐστὶ καὶ ἐπὶ μόνων τῶν εἰς εὐς τοῦτο ποιοῦσιν οἱ Ἀττικοί, φημί δὲ τὸ κινῆν τὰ δύο εε εἰς ἡ ἐν τῇ εὐθείᾳ τῶν πληθυντικῶν. Херобоскъ, слѣдовательно, говоритъ ясно, что *εε* обыкновенно сливается въ *η*, иногда также въ *ει* и приводитъ въ примѣръ *ταρίχει* и *πόλει*, чѣмъ онъ, кажется, хочетъ сказать, что окончаніе *ει* въ им. вин. пад. двойств. ч. для *τάριχος* и *πόλις*, то-есть, для существительныхъ на *-ος* и *-ις*, обязательно; ср. *Herodian.* II, p. 323, 11—12=696, 35—36 *τάριχες тарίχει, πόλεε πόλει ταῦτα γὰρ διὰ τῆς εἰ δίφθογγου γράφεται*. Если же у того же Херобоска (*Herod. ed. L.* II, p. 756, 25—27) говорится: *ἀλλ' ἔστιν ὅτι συναρεῖται, οἷον βασιλεὺς βασιλέως βασιλέε βασιλῆ, πόλις πόλεε πόλη, ὡς παρ' Αἰσχίνῃ τῷ Σωκρατικῷ „τοῦτω τὸ πόλη“—λέγει δὲ περὶ Ἀθηναίων καὶ Λακεδαιμονίων, то рѣчь идетъ здѣсь о томъ, слѣдуетъ ли сливать или нѣтъ, и въ**

¹⁾ А не *οκέλει* и *ζεύγει*, какъ напрасно утверждаетъ Кюннеръ, *Ausf. Gr.* I, p. 337 A. 6.

цитатѣ изъ Эскина, по всему вѣроятію, нужно писать πόλει им. πόλη, какъ дѣйствительно и читается въ той же цитатѣ въ выше приведенномъ мѣстѣ. Риманъ (Rev. IX, p. 74) полагаетъ поэтому вопреки Кеку, что форму πόλει, даваемую рукописями Thuc. V, 53 и Isocr. XII, 156. 157, слѣдуетъ исправить, и указываетъ на то, что у переписчиковъ существовала склонность замѣнять слитную форму неслитною, что видно изъ того, что у Элія Аристида (II, p. 222, 6) мѣсто изъ Эскина, приведенное у Херобоска въ доказательство слиянія (πόλει или πόλη), читается съ формой πόλει. Съ другой стороны, утверждаетъ противное, по крайней мѣрѣ относительно словъ средн. р. на -ος, Ioann. Alex. (Herod. ed. L. I, 420, 11 sqq. ср. II, 323 not.): τὰ δύο εὖ εἰς τὴ συναρροῦσιν Ἀττικοί, указывая на Arist. Pac. 820 и 325, гдѣ будто читается τὸ σκέλη.

Относительно им., вин. пад. двойств. ч. существительныхъ и прилагательныхъ на -ης говорятъ въ пользу слиянія εὖ въ τὴ многія мѣста у Геродіана (ed. L. II, 322, 11. 324, 2—4. 695, 39. 696, 8. 711, 25. 715, 16. 756, 21). Mem. Rev. IX, p. 74 указываетъ на то, что Aristoph. Thesm. 282 форма περικαλλῆ опирается на свидѣтельство skoliasta, и Vamb. Jb. XII, p. 27 сообщаетъ, что такъ читается въ cod. Rav.

Странное правило даетъ еще Херобоскъ (Herod. ed. L. II, p. 711, 24—34), будто во всѣхъ словахъ III скл. εὖ двойств. ч. сливается въ η, если род. ед. ч. оканчивается на долгій слогъ, слѣдовательно Δημοσθένους — Δημοσθένῃ, βασιλέως — βασιλῆ, πόλεως — πόλη и исключаются поэтому прилаг. на -ός, -εία, -ύ; съ этимъ правиломъ согласно чтеніе отрывка Аристофана Ioann. Alex. 14, 15 καὶ πρὸς γε τοῦτοισ ἤκιστον κρίσθη δύο (fr. 495 Dind. 639 Kock); но самъ Херобоскъ говоритъ вслѣдъ за этимъ: δεῖ δὲ γινώσκειν ὅτι τὸ τραχὺς μόνον εὐρίσκαται συναρροῦμενον κατὰ τὴν εὐθείαν τῶν δοικῶν εἰς τὴν εἰ δίφθογγον παρὰ Ἴωνι τῆ τραχίφ οἶον τὸ τραχῆε τὸ τραχεῖ¹⁾. Herod. ed. L. II, p. 324, 12—14 напечатанъ этотъ отрывокъ еще разъ, но у Левца послѣднее слово напечатано τραχῆ, хотя передъ тѣмъ сказано, что εὖ сливается въ εἰ, почему можно заключить о склонности переписчиковъ сливать εὖ въ η. По всѣмъ этимъ противорѣчивымъ правиламъ можно видѣть, какъ мало можно положиться на свидѣтельства грамматиковъ. Не видно основанія, почему прилагательные на -ος должны бы были образовать двойственное число инымъ образомъ, чѣмъ другія подоб-

¹⁾ Meyer Gr.², p. 360, слѣдовательно, утверждаетъ совершенно напрасно, будто Ионъ, по свидѣтельству Геродіана, употреблялъ τραχῆ вместо траχῆε.

ныя же слова; кромѣ того, говорить въ пользу слиянія ее въ двойств. ч. то обстоятельство, что *οἰός*, склоняющееся какъ прилаг. на -οс род. *οἰέος*), имѣло слитную форму, что видно по *ΝΥΙΕ* на надписи времени Пелопоннесской войны (Mitth. VII, p. 320—равьше 418 г.); Meisterh., p. 63 и *Riem. Rev.* IX, p. 170, читаютъ это *οἰαί*.

Въ концѣ концовъ намъ кажется самымъ рациональнымъ предпо- лагать, что слова на -οс, -οс ¹⁾, -οс (существ. и прилаг.) имѣли въ им. и вин. пад. дв. ч. формы на -ει, такъ что рукописное преданіе и отчасти свидѣтельства грамматиковъ въ этомъ отношеніи не заслужи- ваютъ никакого довѣрія. Во всякомъ случаѣ общепринятое теперь βασιλέε и т. п. противорѣчитъ даже одногласному свидѣтельству грамматиковъ.

Въ род. пад. мн. ч. слова сред. р. на -οс на аттическихъ над- писяхъ никогда не имѣютъ неслитной формы: *ἐπῶν* CIA. I, 583, 20 (424—422 а. С.), *τεμενῶν* II, 814, а, А, 27 (374 а. С.) и т. д.; ср. *Thom. Mag.*, p. 263, *ὄρῶν*, *οὐκ ὄρέων*, но p. 1 *ἀνθέων*, *οὐκ ἀνθῶν*. *Herod. ed. Lob. (post Phryn.)* p. 454 *ἀνθέων* γράφε, ἀλλὰ μὴ ἀνθῶν, ἵνα μὴ συνεμπέσῃ τῷ ἀνθ' ὧν ἔγραφεα καὶ ἀνθ' ὧν ἔδωκα. *Suid. ed. Bernh.*, p. 443 *Ἀνθέων* τὴν γενικὴν ὁμοίως τοῖς Ἴωσιν οἱ Ἀττικοί κτλ. Согласіе грамматиковъ, другъ у друга списывающихъ, относительно аттиче- ского будто *ἀνθέων*, не болѣе важно, чѣмъ вѣроятнѣ выдуманный Геродіаномъ поводъ, почему аттики не говорили *ἀνθῶν*. Последнее читается *Xep. Syneg.* V, 5.

Основы на *v. Meisterh.*, p. 61.

Вин. пад. ед. ч. словъ *Ἀπόλλων* и *Ποσειδῶν* гласял въ класси- ческое время *Ἀπόλλω*, *Ποσειδῶ*: *ὀρνύσαι μὲν Δία καὶ Ἀπόλλω* CIA. I, 9, 15 (470—460 а. С.), II, Add. 49, b, 24 (375 а. С.); *Ποσειδῶ* *Syll.* 79, 67, CIA, II, Add. 66, b, 14 (356 а. С.). Кобетъ (*Var. Lect.* p. 262 и *Mnemos. N. S.* VIII, p. 122) утверждаетъ невѣрно, что ат- тики говорили всегда *τὸν Ἀπόλλωνα* и *Ποσειδῶνα*, за исключеніемъ влѣтвенныхъ формулъ *νῆ (μὰ) τὸν Ἀπόλλω (Ποσειδῶ)*. *Agist. Av.* 586 и *Nub.* 1234 защищается разнѣромъ *Ποσειδῶ*, *Ἀπόλλω* же *Aesch. Suppl.* 214. *Riem. Rev.* IX, p. 81 указываетъ еще на *Plat. Crat.* 402 D, 404 B, C, D, E, 405 D, гдѣ чередуются обѣ формы и обыкно- венно употребляется *Ἀπόλλω*, и только тамъ читается полная форма. гдѣ рѣчь идетъ объ этимологій; то же самое говоритъ и *Schanz Plat.* XII, p. XI, прибавляя: *Sine dubio formae pleniores antiquiores*

¹⁾ По Штаальбууму читается въ *Paris. A* отъ первой руки *Plat. Resp.* VIII, p. 547 B: *ἐκατέρω τῶ γενει*.

putandae sunt ac graviore formis detruncatis, quae in sermone quotidiano floruisse videntur. Inde perspicuum, cur Plato in Legibus antiquis formis refertis semper Ἀπόλλωνα dixerit.

Anomala. Meisterh., p. 62—64.

Ἄρης. „Libri penes quos auctoritas est Platonici unanimi testes sunt gentivi Ἄρεως, quem correctores fuitiles saepe in Ἄρεος permutabant. — Etiam in (Paris.) A prima manus semper dedit Ἄρεως cf. Rp. III, p. 390 C, Leg. II, p. 671 E, VIII, p. 833, B. Herodian. ed. Lentz II, p. 682, 13 (Choerobosc.) εὐρίσχεται δὲ καὶ Ἄρεως Ἀττικῶς διὰ τοῦ ω“. Schanz Plat. XII, p. IX.—Вин. пад. Ἄρη находится CIA. II, 833, 5 и Syll. 171, 60; ту же форму слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить и CIA. II, 66, 6, fr. c. 15 (—Syll. 89, 40), а не Ἄρην. Vamb. Jb. XII, p. 28. И у Платона имѣется Ἄρη; ср. Schanz l. c.

ἀρήν. Прежде предполагали, что Фринихъ у Bekk. Anecd. I, 7, выдумалъ им. пад. ἀρήν (ср. Kühner Ausf. Gr.¹ I, p. 401), и что аттики замѣняли его другими словами; что онъ дѣйствительно употреблялся, видно по CIA. I, 4, 22 (около 450 г. до Р. X.) Ἐρμ]ῆ ἀρήν χρτό[ς.

δωροίς. Во множ. ч. употреблялось въ прозѣ какъ δωροί CIA. II, 678, B, 48 (378—366 а. С.), такъ и δωρά CIA. II, 791, 31 (377, а. С.) δωρά χαλκίων; ср. Thom. Mag., p. 79, δωρά κάλλιον ἤ δωροί.

Κέραс. Это слово образуетъ въ классическое время формы отъ основы κέραт. Мейстергансъ приводитъ κέραте CIA. IV; 185, B, 47 (410 а. С.); Mem. Rev. IX, p. 80, указываетъ еще κέραта изъ CIA. II, 728, B, 4; 778, A, 2; 835—836, A, d, 2. Въ послѣдней надписи находится еще ENI. EPA.; что Риманъ, читая это ἐν κέρα, считаетъ за доказательство того, что краткая форма κέρα употреблялась не только въ смыслѣ „крыло арміи“. Vamb. Jb. XII, p. 30, позражаетъ справедливо, что если ΚΕΡΑ: и не слѣдуетъ принять за сокращеніе (ср. въ той же надписи A, d, 21 ΘΥΓΑΤ: = θυγάτηρ) вмѣсто κέραта, то все-таки надпись отъ 329 — 317 гг. до Р. X. не можетъ ничего доказать относительно языка классическаго времени.

Κρέας. Род. пад. κρέατος нашелся въ надписи 338 г. до Р. X. (Ἀθήν. VII, прилож. къ р. 87, l. 73); Mem. Rev. IX, p. 81 note 1 полагаеъ, что κρέατος, кажется, встрѣчается лишь у грамматиковъ и пошднихъ авторовъ; прочія надписи имѣютъ только κρέα, κρέων.

μάρτυс. Дат. мн. ч. μάρτυσι встрѣчается въ надписи 327 г. до Р. X. (CIA. II, 609, 21). Вин. ед. ч. (μάρτυρα, μάρτυν) въ надписяхъ еще не открыты.

πρεσβουτής. Множественное число этого слова гласить до 250 г. до Р. X. πρέσβεις, а съ этого времени πρεσβευταί.

Πυός образуетъ въ болѣе древнее время падежи съ перестановкою πονός CIA. I, 501, 2 (до 444 а. С.), позднѣе по аналогіи съ им. пад. (πύοχα). Steph. Byz. s. v. Eusth. ad II. V, 660 πύός... ὄκερ ἢ κοινῆ ἤρηος πονός κλίει. Въ лучшихъ рукописяхъ Аристофана (напримѣръ, Rav. и Ven. Equit. 1109) имѣютъ πονός, худшія πονός. Weckl., p. 25. Thuc. VIII, 97, 1 имѣеть только cod. Vat. πύοχα. Stahl, p. 56.

ρίс. Утвержденіе Thom. Mag, p. 323, ρίс 'Αττικοί, ρίν Ἕλληνες подтверждается надписью CIA. II, 835, с—I, 89 (320 а. С.).

σταθμόν. До сихъ поръ было извѣстно только множ. ч. σταθμά=вѣсы. Meisterh., p. 63, указываетъ шесть примѣровъ ед. ч. σταθμόν=вѣсъ; во всѣхъ говорятся послѣ названія двухъ предметовъ σταθμόν τούτοις (CIA. I, 141, 4 — 433 а. С.: φιάλα ἀργυρᾶ σταθμόν τούτοις); Mem. Rev. IX, p. 69 приводитъ еще четыре новыхъ (CIA. II, 701. I, 50. 54; 706, а, 17; 722, А, 4), [въ которыхъ каждый разъ сказано σταθμόν ἐπιγέγραπται.

Вм. φράτωρ аттическія надписи имѣютъ φράτηρ, φράτερα, φρατέρων, φράτεροι CIA. II, Add. 841, b (396 г. до Р. X. Steph. Byz. s. v φρατρία: ἐλέγετο δὲ φράτηρ καὶ φράτωρ, ἀλλὰ τὸ μὲν φράτηρ ἀρχαῖον, θάταρον δὲ νεώτερον.

φρήν. Дат. пад. мн. ч. φρηίν находятся CIA. IV¹, 477, h, 1 и Кирхгофъ считаетъ нужнымъ принять эту форму въ текстъ Эсхила; ср. его примѣчаніе ad Aesch. Sept. 25.

χεір. Нашелся род. пад. мн. ч. χ[ε]ι[ρ]οῖν CIA. II, 742, А, 14 (350—300 а. С.), что противорѣчитъ извѣстному правилу, по которому при долготѣ окончанія первый слогъ долженъ гласить χε-.

οίος. Мѣсто этой формы, сохранившейся въ древней поэтической надписи V в. (CIA. I, 398, 4 οός, безъ ι, о чемъ ср. выше стр. 89), заступило равно οίος съ вин. пад. οίόν, вслѣдствіе чего слово мало по малу переходило во II склоненіе; только до 350 г. преобладають формы III склоненія, послѣ этого времени встрѣчаются лишь формы II склоненія. Надписями удостовѣрены формы οέος (Mitth. V, p. 318; 400 — 350 а. С.); им. и вин. мн. ч. οίαις, им. вин. дв. ч. οίαι (ср. выше стр. 114). Размѣромъ защищается οίεων Arist. Nub. 1341 τὸν πατέρα τόπτεσθ' ἐστὶν ὑπὸ τῶν οίεων, и οίεσι Soph. Ant. 571 καχὰς ἐφ' ὑναίχας οίεσι στυγῶ. Vamb. Jb. XII, p. 31.

Вин. пад. мн. ч. οίαις не извѣстенъ ни изъ надписей, ни изъ ат-

тическихъ поговѣвъ, такъ что Thom. Mag., p. 367 не заслуживаетъ довѣрія, говоря: οἰεῖς, οἰέων, οἰέας καὶ οἰεῖς (λέγε). κρείττω γὰρ ταῦτα τοῦ οἰοί, καὶ οἰῶν καὶ οἰοῖς καὶ οἰοῦς. Вин. ед. ч. οἰέα порицается Phryn., p. 68 οὐ γὰρ, ἐκεί οἰέος καὶ οἰεῖ ἐστίν, εὐθὺς καὶ τὴν αἰτιατικὴν οἰέα εὗροι τις ἄν· ἀλλὰ τὴν αἰτιατὴν οἰόν λέγουσιν οἱ ἀρχαῖοι.

ἤρωσ. Объ этомъ словѣ, которое пропустилъ Мейстергансъ, подробно трактуютъ Riem. Rev. IX, p. 79 и Wash. Jb., p. 28—30, по материалу которыхъ мы даемъ нижеслѣдующій обзоръ.

Слѣдующія формы болѣе или менѣе хорошо удостовѣрены:

Sing.			
Gen.	ἤρωος		ἤρω
Dat.		ἤρωφ	
Acc.	ἤρωα	ἤρω	ἤρων
Plur.			
Nom.	ἤρωες	ἤρωες	
Gen.	ἤρώων		
Dat.	ἤρωσι		
Acc.	ἤρωας	ἤρωες	
Dual.			
N. A.	ἤρωε		
G. D.		ἤρωφν	

Формы, напечатанныя разрядкой, или удостовѣрены надписями: ἤρω CIA. II, 1058, 25=Syll. 440 („*actio... parte altera saeculi quarti vix recentior*“), ἤρωος ib. 778, A, 6 (второй половины IV в.), ἤρώων ib. 966 (191 а. С.), ἤρωφν на надписи у Hicks, The collection of ancient greek inscriptions in the british Museum t. I, No LXXIII, с, 6—7 (V вѣка), или зацѣплены разрядкомъ у аттическихъ поговѣвъ: ἤρωφ Arist. Av. 1490 εἰ γὰρ ἐντύχοι τις ἤρωφ; ἤρωσιν ib. 1485 ἐνθα τοῖς ἤρωσιν ἀνθρώ | ποι, вин. мн. ч. ἤρωες Aesch. Ag. 516 ἤρωες τε τοὺς πέμφαντας, εὐμενεῖς πάλιν.

Изъ этихъ формъ три засвидѣтельствованы и грамматиками: вин. пад. ед. и мн. ч. ἤρω и ἤρωες Thom. Mag., p. 169, ἤρω Ἀττικοί, οὐχ ἤρωα, καὶ ἤρωες ἐπὶ αἰτιατικῆς τῶν πληθυντικῶν καὶ οὐχ ἤρωας; дат. п. ἤρω Μοεγίς ἤρω χωρὶς τοῦ ἰ Ἀττικοί... ἤρωι μετὰ τοῦ ἰ Ἑλληνας. Им. мн. ч. ἤρωες отвергается Фринномъ, p. 158, οἱ ἤρωες οὐ λέγουσιν, ἀλλ' οἱ ἤρωες,

говорящій затѣмъ, что Аристофанъ, въ силу требованій размѣра, употребилъ разъ эту форму. Прѣмъ основывается только на Херобоскѣ у Herod. ed. L. II p. 715, 9. Формы по II склоненію вин. ед. ч. ἦρῶν и род. ед. ч. ἦρῶ основываются, первая на цитатѣ изъ Аристофана schol. ad Il. XIII, 428, вторая на Herodian. II, p. 714, 2—4. 30—31 и Cod. Σ Dem. XIX, 249. На одномъ рукописномъ преданіи основываются порицаемыя Thom. Mag. l. c. формы ἦρῶας, которое читается, на примѣръ, Plat. Cratyl. p. 397 D и 398 D (у Шанца безъ вариантовъ) и ἦρῶα, находящееся у Шанца Plat. Leg. V p. 738 D безъ вариантовъ, между тѣмъ, какъ Диписіусъ Dem. XVIII, 180 читаетъ ἦρῶ, хотя cod. Σ имѣетъ ἦρῶα.

Нарѣчія. Meisterh., p. 64 sq.

Нарѣчія на -ασι и -ησι, произведенныя отъ именъ демоновъ, не имѣютъ ι прооуграмμένον; Herw., p. 40, составилъ слѣдующій перечень такихъ открытыхъ на надписяхъ нарѣчій: 'Αγγελῆσι(ν), 'Αγκολῆσι(ν), 'Αγρολῆσι(ν), 'Αζηνιαῖσι(ν), Διζωνῆσι, 'Αλωπεκῆσι, 'Αμφιτροπῆσι, 'Ανακᾶσι (= 'Ανακαΐασι), 'Αντηνῆσι, 'Αχαρνῆσι, 'Οτρυνῆσι, Παλληνῆσι, Πεντελῆσι, Φλοῆσι, къ которымъ присоединяютъ Meisterh., p. 64, еще Κεφαλῆσι и 'Οῆσι, а Riem. Rev. IX, p. 83, 'Επικηρσιᾶσι. Сюда же относятся такія же образования: 'Αθήνησι, 'Ερυθραῖσι, Μουνηχίασι, 'Ολυμπίασι, 'Οροβίασι.

Рядомъ съ αἰεί является на надписяхъ по 361 г. до Р. X. въ прозѣ и αἰεί (ср. выше стр. 78).

'Αουλεί находится CIA. I, 41, 13 (V в.), написанное согласно съ правиломъ Θεогноста (p. 165, 6), что послѣ θ, ρ и λ нарѣчія оканчиваются на -εί, ср. Herodian. ed. Lenz. II, p. 464, 19—28.

Δεῦρε, до сихъ поръ неизвѣстная форма, нашлось нѣсколько разъ на пограничныхъ камняхъ V в. 'Αθήν. VIII, 292. 525.

'Ενταυθοί, считавшееся нерѣдко за неаттическую форму, открыто на надписи V в. 'Αθήν. VIII, 408, 13.

Нарѣчія на -θεν лишаются въ прозѣ съ IV вѣка изрѣдка своего конечнаго ν: Μουνηχίαθε CIA. II, 793, f, 11 (357 а. С.) ἐμπροσθε (ок. 350 г. до Р. X.), 'Αλωπεκῆθε II Add. 834, b, 38 (329 а. С.), δπωθε ib. 835, 62 (320—317 а. С.), νοτόθε ib. 781, 11 (Riem. Rev. IX, p. 60.) а въ поэзіи еще раньше: πρόσθε πολῶν CIA. I, 333, 3 (ок. 460 а. С.), πρόσθε Ποσειδαίας ib. 442, 10 (431 а. С.).—Herw., p. 41. Riem. Rev. V, p. 158 и IX, p. 83, Meisterh., p. 65 приводитъ слѣдующія нарѣчія на -θεν изъ надписей: 'Αγγελῆθεν, 'Αγκολῆθεν, 'Αγρολῆθεν, 'Αλωπεκῆθεν, 'Αμφιτροπῆθεν, 'Ανακαΐαθεν, Βατῆθεν, Βραυρωνόθεν, 'Εκαλῆθεν 'Ελευθα-

ραῖθεν, 'Ελευσινόθεν, 'Εστιάσιόθεν, Θριῶθε(ν) 'Εφ. ἀρχ. 1883, p. 119—20, 32, Κεφαλήθεν, Κολωνήθεν, Κονδυλῆθεν, Κριῶθεν, Εἰτέαθεν, Μαραθωνόθεν, Μουνηχίαθεν, 'Οαθεν, 'Οήθεν, Οἰόθεν, Πεντελῆθεν, Περιῶσσηθεν Σφενδα-
λῆθεν, Σφηκτῆ[θ]θεν CIA. II Add. 834, b, I, 52. Φλυῆθεν, 'Ωᾶθεν, 'Ωῆθεν.

Изъ нарѣчій на -οι нашлись на надписяхъ: 'Αθρονοῖ, Γαργηττοῖ, 'Ερρωτοῖ, Κολωνοῖ, Ποταμοῖ, Φαληροῖ, 'Αναρλοστοῖ, Θεοικοῖ. Herw., p. 40 sq. Riem. Rev. V, p. 157.

Прилагательныи. Meisterh., p. 65—68.

Положительная степень.

Εὔνοος склоняеться съ 302 г. до Р. X. им. под. мн. ч. по III склоненію: εὔνοος ὄντας CIA. II, 270, 10. Meyer. Gr.², p. 345.

Прилательныи на -ης съ предшествующимъ гласнымъ оканчиваются въ вин. п. ед. ч. на -α, а не на -η: Εὐφοᾶ (имя корабля) CIA. II, 794, d, 54 (356 а. С.), ἀκλαᾶ (поэзія ок. 300 г. до Р. X.) Kaib. Ep. 850, 4. Ошибочное μεγαλοφυῆ приводитъ Herw., p. 57, изъ CIA. III, 768 (времени императоровъ). — Ὑγιῆς оканчивается въ neutr. plur. съ 350 г. до Р. X. на -η. Ὑγιᾶ и ὕγιῃ находится еще въ одной в той же надписи CIA. II, 61, d, 52 и а, 45 (357—352 а. С.). Ὑγιῆ находится CIA. II, 720, A, II, 22; B, I, 3. 17. 18. 27. (320 а. С.); ib. 731, B, 20; 736, A, 5; Add. 682, с, 8; Add. 834, с, 42. Moeris p. 375: ὕγιᾶ 'Αττικῶς, ὕγιῃ 'Ελληνικῶς.

Прилагательныи на -ποος образуютъ вин. п. ед. ч. изъ V вѣкѣ еще на -ποδα: τρίποδα, τετράποδα, ἐκτάποδα; но уже въ IV в. встрѣчаются формы δίποον CIA. II, 1054, 24; τετράπουи ib. 14, δεκάπουи ib. 24 (347 а. С.); δίπουи ib. 1057, 23. По Krüg. Gr. Spr. I, § 17, 6, b существв. τρίποος имѣеть только τρίποδα. Riem. Rev. IX, p. 71 приводитъ существв. ἀμαξήποδα изъ CIA. II, Add. 834, с, 42 начала III в.

Meisterh., p. 66, говорить, что σῶος и σῶς одинаково хорошіи аттичскія формы, и доказываетъ σῶον примѣромъ, уже выше у насъ (стр. 89) приведеннымъ, а въ пользу σῶν указываетъ на CIA. I, 68, 6 (444—403 а. С.). Женскій родъ σᾶ находится CIA. II, 62, 8 (357 а. С.). = Syll. 88: ὅπως [ᾶ]ν 'Ανδ[ρος] εἶ[ι] ο[ᾶ] τῆι δ[ᾶ]μωι τᾶι 'Αθη[να]ίων, гдѣ въ вѣрности дополненія надписи сомнѣваться нельзя; σᾶ было до сихъ поръ извѣстно лишь изъ отрывка Аристофана (fr. 631 Kock.) ἡ μάζα γάρ σᾶ καὶ τὰ χρέα χῶ κάραρος. Въ пользу начертанія σῶος Мейстергансъ ничего не говоритъ. Встрѣчается ли оно вообще на надписяхъ? Ср. Herodian. ed. Lentz I, p. 112, 2: σῶος δὲ διὰ τοῦ εἰ γράφεσθαι φησι Λίδυμος, ἡ δὲ παράδοσις ἄνευ τοῦ εἰ οἶδα.

Прилагательныя на -ος могутъ, согласно выше (стр. 82) сказанному, въ женск. р. оканчиваться на -εια и -εα: ἡμίσειαν CIA. II, 600, 22 (300 а. С.), ἡμίσειαν ib. 1055, 16 (345 а. С.) и 1059 14. 19 (321 а. С.). Средній родъ мн. ч. оканчивается только на -εα (-εια) и не сливается никогда въ -η: καὶ πλατέα CIA. II, 818, 18 (354 а. С.), καὶ πλατέ(ι)α ib. 817, B. 22 (358 а. С.); τὰ ἡμίσεια CIA. II, 1055, 14 (345 а. С.). Последняя форма удостоверяется еще другими эпиграфическими примѣрами (CIA. II, 546, 29. 37; 803, b, 39. 47. 85. 100. 148. 172; c, 70; ср. Vamb. Jb. VIII, p. 202) и съ этими согласны свидѣтельства грамматиковъ: Thom. Mag. ed. Ritschl, p. 172 ἀμαρτάνουσιν οἱ τὰ ἡμίση λέγοντες καὶ οὐ τὰ ἡμίσεια. τὰ γὰρ τριγενῆ τῶν ὀνομάτων ἐπὶ τῶν οὐδετέρων διηρημένας ἔχουσι τὰς τοιαύτας πτώσεις, οἷον οἱ γλυκεῖς, αἱ γλυκεῖαι, τὰ γλυκέα... οὕτως ἄρα καὶ οἱ ἡμίσεις, αἱ ἡμίσειαι, τὰ ἡμίσεια и Rhgwich. у Bekk. Anecd. p. 41, 33 ἡμίσεια, ἀλλ'οὐχ ἡμίση. Бамбергъ (I. c.) сообщаетъ, что самое древнее свидѣтельство въ пользу ἡμίση находится въ папирусѣ, содержащемъ отрывки Гиперида (ed. Blass, p. 8), гдѣ яначится ἡ[μί]ση=ἡμίση, и что cod. Σ Демосоена имѣетъ το ἡμίση, то ἡμίσεια. На этомъ основаніи Бамбергъ склоненъ допустить ἡμίση у Гиперида и Демосоена, Римапъ же (Rev. IX, p. 83) полагаетъ, что мы обязаны этими формами въ рукописяхъ переписчикамъ.

Изъ прилагательныхъ двухъ окончаній на -ος приводитъ Мейстергансъ только одно πάτριος, о которомъ онъ сообщаетъ, что на надписяхъ оно всегда бываетъ прилаг. двухъ окончаній: τὰς πατρίους πολιτείας CIA. II, 332, 15 (271—265 а. С.), πατρίους θεοῖας ib. 628, 14 (I в. до Р. X.). Vamb. Jb. XII, p. 31—34, даетъ подробное извлеченіе изъ двухъ сочиненій, занимающихся специально этими словами (La Roche. Über die Adiectiva zweiter Endungen auf ος im Griech. Linz. 1883 и Godofr. Wirth, De motione adiectivorum, quae in ιος, σος, ειος, φος, terminantur. Leipzig. Studien. IV. 1881). Результаты обояхъ сочиненій вкратцѣ слѣдующіе:

πάτριος какъ commune находится у писателей 14 разъ (Thuc. III, 58, 5 θεοῖας τὰς πατρίους; VII, 21, 2; Xen. Cug. I, 1, 2; Hell. III, 4, 2. Isocr. VII, 29; IX, 32; Lys. II, 9; XXX, 19. 20. Din. I, 110. Aesch. I, 23; Lycurg. 97; Dem. XIX, 128, Arist. Ran. 368), πατρία—четыре раза (Andoc. III, 27; Plat. Leg. VI p. 759 B. Isocr. VII, 59; X, 63. Относительно мысли, которая легко можетъ прійти, а именно, что меньшинство мѣсть слѣдуетъ исправить по аналогіи большинства, Бамбергъ говоритъ, что можетъ быть не все равно, на-

ходится ли яленъ при существ. или нѣтъ; дѣйствительно, во всѣхъ четырехъ мѣстахъ, гдѣ вѣдѣются формы *πάτριαι* и *πατρίαι*, ялена при существ. нѣтъ.

ἀναρχαῖος есть у прозаиковъ V и IV. вв. прилаг. 3-хъ окончаній. Только у Платона встрѣчается оно иногда какъ сошпие; Thus. I, 21 τῆς καθ' ἡμέραν ἀναρχαίου τροφῆς, нужно ἀναρχαίου, вѣроятно, выбросить какъ глоссема, а Thus. VII, 60 ἐξ ἀναρχαίου понимается теперь въ смыслѣ нарѣчія.

βέβαιος употребляется только какъ сошпие у Фукидида, Платона, Андокида и Лисія; форма *βεβαία* находится у Исократы въ двухъ мѣстахъ; у Демосеена названное слово бываетъ 2-хъ и 3-хъ окончаній; у Ксенофонта оно только разъ (Hell. VII, 1, 44) имѣется какъ сошпие.

βίβλιος бываетъ у Фукидида и Платона только двухъ окончаній, у Андокида и Лисія оно не относится къ слову женск. р.; у Ксенофонта имѣется разъ: *βιβλία*.

μάταλος не встрѣчается, кажется, при словѣ женск. рода у Фукидида, Андокида, Исократы и Эскина; у Демосеена и Платона употребленіе этого слова колеблется.

Относительно прилагательныхъ на -φος соблюдается вообще то правило, что они бывають только двухъ окончаній. Кромѣ единичныхъ случаевъ (разъ *ἠνωρίμη* и *ναυπηγησίμη* у Платона), составляютъ исключеніе только *ῥηζίμος* и *χρηζίμος*: *ῥηζίμη* встрѣчается у Платона три раза, въ прочихъ случаяхъ находится *ῥηζίμος* = fem.; *χρηζίμος* = fem. употребляется у Фукидида и Демосеена по одному разу и разъ въ формѣ *χρηζίμη*; у Платона преобладаетъ *χρηζίμος* = fem., у Исократы — *χρηζίμη*.

ἐπιτήδειος есть прилаг. 3-хъ окончаній. Единственное исключеніе Thus. IV, 112: *ἰχθυήσας* Вирты (р. 27) измѣнить.

ἔρημος: 1) Въ судебномъ отношеніи (съ рядомъ стоящими или подразумеваемыми *γραφῆ*, *δίκη*, *δίαιτα*) находится форма *ἔρημη* у Фукидида (VI, 61, 7) и Платона (Apol. 18 C) по одному разу, у ораторовъ — десять разъ, *ἔρημος* = fem. семь разъ (всѣ примѣры изъ Демосеена). 2) По отношенію къ другимъ словамъ встрѣчается у Платона *ἔρημος* только какъ прилаг. 2-хъ окончаній; то же самое имѣетъ мѣсто у Фукидида въ десяти случаяхъ, въ трехъ же (II, 82, 15; IV, 26, 4; VI, 1) имѣется *ἔρημη*. Такое же колебаніе бываетъ у ораторовъ и Ксенофонта.

ἔτοιμος=commune читается Dem. VIII, 15. 46; ἔτοιμη—Soph. El. 1079. Antiph. II, α, 4. Plat. Leg. IV, p. 715. D.

λάλος встрѣчается по Ларошу только у Аристофана и Лукіана при словѣ женск. р. и только какъ commune.

Помѣстимъ здѣсь еще заключительныя замѣчанія § 17 у Вирта: I. Apud Ionicos scriptores poetasque lyricos rarus est usus formarum communium eorum adiectivorum quae in -ιος et -ειος terminantur, eorum autem quae in -αιος prope nullus; praeterea communes terminationes apud epicos haud raro metri aut euphoniae rationibus debentur. II. In prosa Attica numerus adiectivorum ambiguae motiōnis parvus est pro numero semper mobilium; rarissime adhibent communes formas oratores, saepius historici, audacissimus est Plato, qui proxime accedit ad III. Poetas tragicos, qui in plerisque adiectivis in -ιος et -ειος, rarius in eis quae in -αιος cadunt prout metrum aut euphonia postulabat aut sine ulla causa motionem per duo genera usurpant, cautius Sophocles, effusius Euripides.—Правило Вирта (§ 2): „Non componuntur formae communes cum substantivis femininis in -ος terminatis“ не безъ всякихъ исключеній (ἔρημος νῆος у Θουкидида).

παλαστιαῖος. CIA. II, Add. 834, b (329—8 а. С.) имѣеть II, 17 и 33 παλαστιαῖαι, и II, 21 παλαστιαῖοι=fem. Riem. Rev. IX, p. 84.

Сравнительная степень.

Meisterh., p. 67: „По 100 г. до Р. X. употребляются отъ сравн. степ. на -ων въ асс. sing. m. и f. и въ ном. асс. pl. m. f. и n. исключительно болѣе короткія формы на -ω и -ους ἐλάττω, μείζω CIA. II, 61, d, 45, ὀλεῖζω, πλείω, ἀμείνους, ἐλάττους, καλλίους, πλείους. Лишь со времени взятія Аеинъ Суллою встрѣчаются формы на -ονα, -ονας, -ονας“. Ср. Moeris, ed. Peters. p. 34: 'Ἀμείνω 'Αττικῶς, ἀμείνονα 'Ελληνικῶς.

Прежде были извѣстны только два примѣра, составляющіе исключеніе изъ этого правила, а именно двѣ метрическія надписи CIA. II, 555 (376—5 г. до Р. X.), гдѣ находится μείζονα и Kumanud. 3482, гдѣ встрѣчается ἡσσονα. Riem Rev. IX, p. 184, указываетъ теперь третій примѣръ (народное рѣшеніе V в., 'Εφ. ἀρχ. 1884 p. 161—62, l. 33. πλείονα (=πλείονα?), „qui prouve que, dans la déclinaison des comparatifs, les formes non contractes ne sont pas étrangères à la prose attique“. Кроме того, что въ выписанномъ у Θουкидида (V, 47) договорѣ между аргивянами и аеинянами § 6 читалось въ подлинникѣ ἦν δὲ πλείονα χρόνον βούλωνται χρῆσθαι, видно по отрывкамъ этого договора, помѣщеннымъ CIA. IV, 46, b, гдѣ число

недостающихъ буквѣ требуетъ дополненіе *πλείονα*. Что касается сценическихъ поэтовъ, то они употребляли болѣе длинныя формы часто тамъ, гдѣ размѣръ ихъ требовалъ (Aesch. Prom. 922 *κρείσσον'*, 1035 *ἀμείνον'*. Pers. 440 *μάσσονα*. 813 *ἐλάσσονα*. Suppl. 203 *ἤσσονας*. Choerh. 905 *κρείσσον'*. Soph. Al. 456 *κρείσσονα*. O. T. 1374 *κρείσσον'*. Ant. 313 *πλείονας*. 681 *ἤσσονας*. fr. 779, 5 *βελτίονα*. Eur. Cycl. 10 *μείζον'*. Alc. 433 *ἀμείνον'*. Suppl. 196 *χείρονα*. Troad. 1059 *ἐχθίονες*. El. 405 *μείζονας*. Arist. Ach. 1078 *πλείονες ἢ βελτίονες*. Nub. 118 *κρείττον'*... *ἤττονα*. 114 *ἤττονα*. Vesp. 807 *πλείονα* въ триметрѣ, и Arist. Nub. 432 *πλείονας*. Eq. 811 *πλείονα* и Plut. 558 *βελτίονας* въ анапестахъ), а въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ размѣръ допускалъ ту и другую форму, они употребляли только болѣе короткую форму; ср. Riemann, Bullet. IV, p. 146—150. Stahl, p. 56. По всему этому видно, что форма слитная была общепотребительною.

Два раза встрѣчается род. п. на *-ου*: *ἀπὸ τοῦ μείου* CIA. II, Add., 841, b, 5 (ок. 396 г. до Р. X.) и *ἐχ* (=ἐκ) *θάττου* Ib. 302, b, 9 (294—292 а. С.).

Ὀλίγος имѣетъ въ древнемъ аттическомъ языкѣ сравн. ст. *ὀλείζων*: *ὄλε(ι)ζον* CIA. I, 9, 10 (вр. Кимона); *ὀλείζοσι* Ib. 1, B, 33 (раньше 456 а. С.); *ὀλείζω* 'Aθ. VIII, 407, 8=CIA. IV², 27, b, 8 (439 а. С.); *ὄλεζον* CIA. I, 37, a, 17, (425 а. С.); *ὀλείζονα* Aθ. XII, 163, 1 (418 а. С.); но, кромѣ того, употребляется въ это же время и *ἐλάττων*: *μὴ ἔλαττον ἢ ἐχτέα* 'Aθ. VIII, 407, 6 (439 а. С.).

Относительно спорнаго вопроса, слѣдуетъ ли въ аттическомъ нарѣчїи допустить формы *πλέων* рядомъ съ *πλείων*, *πλείον* рядомъ съ *πλέον*, Meisterh., p. 68, составилъ слѣдующее правило на основанїи данныхъ на надписяхъ: а) передъ долгими гласными стоитъ постоянно *ε*: *πλείων*, *πλείω*, *πλείους*; б) передъ короткими гласными находится въ классическое время (до 300 г. до Р. X.) одно *ε*: *πλέονος*, *πλέονων*, *πλέοσιν*⁴.

Противъ перваго правила возразить не приходится, потому что на надписяхъ нѣтъ противорѣчащихъ этому правилу случаевъ и, кромѣ того, съ нимъ согласно употребленіе трагическихъ поэтовъ (Aesch. Ag. 868. 1068 слѣдуетъ съ Диндорфомъ читать *πλέων* вм. *πλέω*). У Эукидида читается въ четырехъ мѣстахъ въ рукописяхъ *πλέω* (I, 81, 5. 104, 1. II, 89, 5. IV, 19, 2), которое слѣдуетъ исправить въ *πλείω*, тѣмъ болѣе что во многихъ другихъ мѣстахъ сохранилась въ рукописяхъ вѣрная форма. Stahl, p. 58.

Что касается втораго правила Мейстерганса, то онъ 1) основ-

васть его на слишкомъ маломъ числѣ случаевъ (разъ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\nu$, разъ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$ и разъ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\alpha\varsigma$), 2) онъ оставилъ въ сторонѣ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$ CIA. II, 421, с, 4 и $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ Ib. 564, 11 (Riem Rev. V, p. 175) потому, вѣроятно, что время ихъ опредѣлить нельзя, но во всякомъ случаѣ эти надписи могутъ быть старше 300 г.; кромѣ того, приводитъ Riem. Rev. IX, p. 65, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ изъ CIA. II, 1113, 4, то-есть, изъ надписи, которая, безъ сомнѣнія, относится къ IV в., такъ какъ въ ней \omicron означаетъ еще $\omicron\omicron$, и наконецъ выше мы указали на CIA. IV, 46, 6, гдѣ нужно дополнить $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\alpha$. О правилѣ Мейстерганса говорить совершенно справедливо Riem. Rev. IX, p. 180: „Les textes épigraphiques doivent toujours être rapprochés des autres moyens que nous avons de nous renseigner sur le dialecte attique. Or, on voit, que chez les tragiques et chez Aristophane $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\nu$ sont plusieurs fois garantis par le mètre (Rev. V, p. 174, онъ приводитъ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ Eur. fr. 288, 12; $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\alpha$ Aesch. Ag. 760. Soph. OC. 36. 796. Phil. 576. Eur. Suppl. 451. Rhes. 778. Med. 609. Troad. 473. Iph. T. 1233, fr. 421. Arist. Nub. 822. 1290, 1292. Vesp. 806. 1439. Eccl. 179. Eq. 711. 811 Plut. 187; $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ Eur. Alc. 720. Arist. Ach. 1078; $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\alpha\varsigma$ Soph. Ant. 313. Ar. Nub. 432; $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$ Soph. O. R. 247. Eur. Suppl. 239. Ar. Eccl. 1073; $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\nu$ Soph. El. 1353. 1371. Eur. Iph. T. 279. Ar. Eccl. 409); d'après cela, je suis convaincu que ces formes sont au moins aussi attiques que $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\nu$... Tout ce qu'on peut conclure, c'est que les formes de $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omega\nu$ où la seconde syllabe est brève pouvaient, dès l'époque attique, s'écrire par ϵ au lieu de \omicron “. Съ этимъ мнѣніемъ въ общемъ согласенъ Stahl, p. 58, который относительно сценическихъ поэтовъ сообщаетъ слѣдующія наблюденія: Аристофанъ употребляетъ во всѣхъ формахъ, кромѣ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu$, дифтонгъ; трагики допускаютъ въ двухъ трехсложныхъ формахъ ϵ , а именно въ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\omicron\varsigma$ (Soph. OC. 1211. Phil. 1100, въ лирическихъ мѣстахъ) и въ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\iota$ (Eur. Phoen. 539), а въ прочихъ употребляютъ исключительно \omicron .

Средній р. ед. ч. встрѣчается въ надписяхъ IV и III вѣковъ, судя по Meisterh., p. 68, not. 596, лишь въ видѣ $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu$, наприимѣръ, CIA. II, 573, 17 (IV в.); 352, 12 (III в.) $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\nu$ η , чѣмъ опровергается утверженіе Кобета, будто аттики говорили только $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\iota$ η . $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\iota\omega\nu$ защищено развѣромъ Arist. Eccl. 1132. Aesch. Pers. 791. Eur. Hipp. 641. Troad. 644 (въ трехъ послѣднихъ мѣстахъ Диндорфъ безъ основанія старается $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\iota\omega\nu$ устранить) и Phoen. 603. Ср. Stahl, p. 57. Piets. ad Moerid., p. 294 $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\iota$ η $\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\iota$ Аττικοί, $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\omicron\upsilon\alpha\varsigma$ η $\mu\acute{\upsilon}\rho\iota\omicron\iota$ Ἑλληνας.

О сравн. степени прилаг. *κενός* и *στενός* говорить Херобоскъ, Bekk. An. III, p. 1286: *κωνών ἔστιν ὁ λέγων, ὅτι τὰ εἰς ος ποιῶντα συγκριτικά ἢ ὑπερβητικά, εἰάν μὲν βραχεῖα λήγωνται, τρέκουσι τὸ ο εἰς ω ἐν τοῖς συγκριτικοῖς καὶ ὑπερβητικοῖς, οἷον σοφώτερος σοφώτατος... χωρὶς τοῦ κενός, κενότερος καὶ στενός στενότητας. ταῦτα γὰρ βραχεῖα παραληγόμενα [οὐ] τρέκουσι τὸ ο εἰς ω. и Etym. Magn. 275, 50 ...πλήν τοῦ στενότητας καὶ κενότητας ἀπαρ φησὶν ἀπὸ τοῦ στείνος καὶ κείνος γέγονε. Вамбергъ (Zeitschr. f. d. Gymnasialw. 1874, p. 9 sq.) указалъ уже на то, что Kühner, Ausf. Gr.² p. 430 неосновательно предпочиталъ авторитетъ дурныхъ рукописей (въ особенности Ксенофонта, въ такихъ вопросахъ никакого значенія не имѣющихъ) свидѣтельству Херобоска, и говоритъ, что теорія грамматиковъ болѣе защищается тѣми мѣстами, гдѣ рукописи имѣютъ чтеніе, согласное съ нею, чѣмъ подрывается тѣми мѣстами, гдѣ чтеніе рукописей противорѣчитъ ей. Вамбергъ сообщаетъ, что Scyph. v. 710 размѣръ требуетъ *στενωτάτου*, между тѣмъ какъ въ код. С (Meineke) читается *στενωτάτου*, и что въ *Volumina Herculanensia Neap. Vol. IX, col. 12, 7* и *vol. VI, col. 6, 4* ясно написано *κενότητας*. На этомъ основаніи слѣдуетъ считать за аттическія формы *κενότερος*, *στενότερος*, какъ и пишетъ теперь Шандъ *Plat. Phaed. 111 D.* (*στενωτέρα* съ код. Bodle.) и *Symp. 175 D* (*κενότερος*, вопреки рукописямъ). *Στενωτέρων* находится и на надписи *Syll. 353, 10. Bantb. Jb. XII, p. 36.**

Мѣстоименія. Meisterh., p. 68—70.

Кобетъ (*Misc. crit.*, p. 258) утверждалъ, что въ им. и вин. пад. двойств. ч. личныхъ мѣстоименій I и II лицъ слѣдуетъ писать *υφ* и *οφφ*, а не *υώ* и *οφώ*, противорѣчащее аналогіи. Формы преданія защищаетъ теперь Шандъ (*Plat. VII, p. XI*), указывая на свидѣтельства грамматиковъ (*Apoll. Dysc. de pronom. 109 C p. 85 ed. Schneider* и *Herod. ed. Lentz II, p. 218*) и на то, что лучшія рукописи Платона, за исключеніемъ одного мѣста (*Leg. I, p. 646 B*, гдѣ въ *Paris*. А первою рукой было написано *οφφ*), вездѣ имѣютъ *υώ*, *οφώ*, и что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ удареніе другое.

Род. и дат. пад. того же мѣстоименія гласили въ аттическомъ нарѣчій *υφῶ* и *οφῶν*, такъ какъ одни они допускаются разиѣромъ сценическихъ поэтовъ (ср., напримѣръ, *Soph. El. 882. 918. 1088. O. C. 342, 497, 1111, 1411 etc.*) и, кромѣ того, они защищены свидѣтельствами грамматиковъ. Ср. *Herodian. ed. L. I, p. 475 αἰ... γενικαί*,

νῶϊν σφῶϊν προκριασπῶνται. ταύτας δὲ κατὰ συναίρεσιν Ἀττικοὶ προφέρονται μονοσυλλάβως, τοῦ ἰ γραφομένου μὴ συνεκφωνημένου; ὧν καὶ ἡ περιεπωμένη μένει κατὰ τὴν συναίρεσιν οἶον νῶν σφῶν. Рукописи Платона сохранили вѣрную форму σφῶν только въ одномъ мѣствѣ (Leg. X, p. 892 E). Schanz, Plat. XII, p. XII.

Отъ возвратнаго мѣстоименія употребляются въ надписяхъ болѣе длинныя формы (σφῶν αὐτῶν, σφέτερος αὐτῶν) почти исключительно, (единственное исключеніе CIA. I, 231 frg. 34 ὑπὲρ [ἐ]αυτῶν 448 а. С.) приблизительно по 400 г. до Р. X.; послѣдній примѣръ формы, начинающейся съ σφ, составляетъ σφίσιν αὐτοῖς Mitth. II, 212. 9 (395 г.).

Послѣ названнаго времени являются только формы ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν. Слитныя формы αὐτοῦ, αὐτῶν и т. д. встрѣчаются въ надписяхъ рѣдко (CIA. II, 807, b, 14 καθ' αὐτοῦς 330 а. С.) и съ 300 г. до Р. X. почти совсѣмъ исчезаютъ. Meisterh., p. 69. Schmolling, Über den Gebrauch einiger Pronomina auf att. Inschr. Progr. d. Marienstifts—Gymn. zu Stettin. 1882, p. 3, 5, 7. 1885, p. 19. Kühner Gr.³ I, p. 459 sq. Относительно отношенія формъ σεαυτοῦ, ἑαυτοῦ къ формамъ σεαυτοῦ, αὐτοῦ у писателей сообщаетъ Бр. Кейль (Analecta Isocratea. Leipzig. 1885, p. 106) результатъ своихъ наблюденій; а именно трагики употребляютъ трехсложныя формы рѣдко, комики чаще, хотя и у нихъ преобладаетъ болѣе короткая форма; Исократъ предпочитаетъ по образцу трагиковъ двухсложныя формы. Vamb. Jb. XII, p. 36. Со времени Августа встрѣчаются часто формы безъ υ: ἑατοῦ CIA. III, 575, 4 (27—12 а. С.); ἑατοῦς Ib. 645, 9 (ок. 30 г. до Р. X.). Съ 69 г. до Р. X. встрѣчается ἰδῖος вм. ἑαυτοῦ, ἑαυτῶν: CIA. II, 470, 71, 80 (οἱ ἄφρηβοὶ) κάλλιστον ὑπόδειγμα τῆς ἰδίας φιλαγαθίας τοῖς μὲθ' ἑαυτοῦς ἀπολείποντας.

Вмѣсто οὔτινος, ὅτινι, ἄτινα аттическія надписи употребляютъ всегда ὄτου, ὄτφ, ἄττα; формы род. и дат. пад. мн. ч. въ надписяхъ еще не открыты; въ женскомъ р. встрѣчаются только формы ἦστινος, ἦτινι. Meisterh., p. 70. Какъ у аттическихъ поэтовъ, такъ и у ораторовъ такимъ же образомъ οὔτινος и ὅτινι не встрѣчается; немногочисленныя исключенія слѣдуетъ считать за описки переписчиковъ: Soph. O. C. 1673 пишетъ Вадгамъ (Philol. X, p. 389) ὅτινε вм. ὅτινι. О Eurip. Hipp. 903 и Arist. Pac. 1279 ср. A. Nauck, Euripid. Studien II, p. 36 sq. Невѣрныя формы οὔτινος, ὅτινι читаются еще Andoc. II, 10; Lys. I, 37, 38, II, 21. Ср. A. Nauck, Mélanges Gréco-Romains V, p. 223, гдѣ, кромѣ того, сообщается, что Кобетъ (Var. Lect. p. 532) вслѣдствіе опрометчивой догадки считалъ возможнымъ ὄτου

принять и за форму женск. рода и что въ Lexic. Vindobon. p. 131, 3 говорится подъ влияніемъ невѣрнаго чтенія у Софокла (OR. 1107): *δρα καὶ ὄτου εἴρηται καὶ ἐπὶ θηλοκοῦ. Σοφοκλῆς. ὄτου νομφῶν Ἑλικωνιάδων. γράφει δὲ Σοφοκλῆς καὶ ὄτων ἐπὶ θηλοκοῦ.*

ὁ αὐτός. Въ среднемъ р. является въ надписяхъ изрѣдка, но уже рано τὸ αὐτόν вмѣсто τὸ αὐτό: μέγεθος τὸ αὐτόν CIA. I, 322, II, 29 (409 а. С.); ἀνάλωμα τὸ αὐτόν рядомъ съ ἀνάλωμα τὸ αὐτό CIA. I, 324, с, I, 25. 23 (408 а. С.). Schanz, Plat. XII, p. VI sq. сообщаетъ, что лучшія рукописи Платона, ВТА, имѣютъ около 366 разъ таυτόν (τὸ αὐτόν), а таυτό (τὸ αὐτό) только 22 раза, и считаетъ вѣроятнымъ, что Платонъ употреблялъ одно таυτόν (τὸ αὐτόν), тѣмъ болѣе, что таυτό передъ гласными не элидируется (всего 4 случая по рукописямъ: Euthyd. 278 A таυτό δνομα — cod. A, Leg. II, p. 669 D таυτό οὐκ, Politic. p. 263 D таυτό οὐδέν, Egast. p. 138 C таυτό ὡς). То же самое относится и къ τοιοῦτον, τοσοῦτον и τηλοκοῦτον, которыя Шанцъ по тѣмъ же причинамъ считаетъ свойственными Платону. Подробнѣе объ этомъ вопросѣ говорить Шанцъ въ Novae commentationes Platonicae. Würzb. 1871, p. 1—4.

Что касается трагиковъ, то Эльмслеѣ не признавалъ у нихъ формъ тоιοῦτο и τοσοῦτο, что оспаривается ¹⁾ Weckl., p. 29. Веклейнъ полагаетъ, что сказанное Эльмслеемъ слѣдуетъ отнести къ комикамъ, между прочимъ потому, что Аристофанъ передъ гласными очень часто говоритъ таυτόν, а нигдѣ не встрѣчается у него таῦτ' = τὸ αὐτό съ элизіей послѣдняго слога (Ran. 1161. Nub. 546. Ran. 1250 таῦτ' = τὰ αὐτά).

Etym. Magn. p. 758, б = Herod. ed. Lentz. II, p. 193 τὸ αὐτόν οὐ πλεονασμὸς ἀλλ' ἀναλογία· αἱ ἀντωνομίαι εἰς ο περατοῦνται κατὰ γένος οὐδέτερον, αὐτό, ἐκεῖνο, τοῦτο... Ἀθηναῖοι οὖν μετὰ τοῦ ἄρθρου λέγοντες μετὰ τοῦ ν λέγουσι ταυτόν ἀναλόγως.

Числительныя. Meisterh., p. 70—74.

ἴσο. Им. и вин. пад. являются въ аттическихъ надписяхъ только въ видѣ ἴσο, а не ἴσω, что имѣютъ иногда даже лучшія рукописи Платона (напримѣръ, Soph. p. 254 D τῷ γε ἴσω BT, Philob. p. 53 B τινε ἴσω BT, Politic. 209 E ἴσο B; ἴσω T; ср. Schanz, Plat. VII, p. X). Arist. Eq. 1360 читаютъ рукописи: καὶ νῆ Δία γ' εἰ ἴσω λεγοίτην ῥήτορα, что исправилъ Порсонъ καὶ νῆ Δι' εἰ γε ἴσο κтл.

¹⁾ Soph. Trach. 445 κλύειν γ' ἴφρακον· таυτό δ' οὐχὶ γίγνεται, гдѣ А. Паукъ, впрочемъ, пишетъ καῦτό, а Эльмслеѣ таῦτά. Утвержденію Эльмслеѣ противорѣчатъ во всякомъ случаѣ Aesch. Prom. 801 Dind. (799 Kirchh.):

τοιοῦτο μὲν σοι τοῦτο φροῦριον λέγω.

Два остальные надежа сохранились въ надписяхъ въ слѣдующихъ формахъ:

а) $\delta\omega\sigma\iota\nu$ (род. и дат.) приблизительно по 329 г. до Р. X.: CIA. I, 273 (дат., 420/416 а. С.); ib. 322 (не 312; род., 409 а. С.); ib. 324 (дат., 408 а. С.); CIA. II; Add. 834; b, I, 32 (дат., 329 а. С.).

б) $\delta\omega\sigma\iota\nu$ (род. и дат.) приблизительно отъ 334—229 а. С.: CIA. II, 167, 18 (род., 334—329 а. С.)—ib. 380, 27 (род., ок. 229 г. до Р. X.). Эта форма находится въ некоторыхъ мѣстахъ въ худшихъ рукописяхъ Фукидида (Stahl, p. 59) и въ лучшихъ рукописяхъ Платона (напримѣръ, Paris. A. Leg. I, p. 638 E, VI, p. 754 E; 774 D; Resp. VIII, p. 546 C codd. AD, ср. Schanz, Plat. VII, p. X), но не признается, конечно, новѣйшими издателями за аттическую форму (относительно ораторовъ ср. Кеку, стр. 40). $\Delta\omega\sigma\iota\nu$ читается въ рукописяхъ Aesch. Prom. 867.

с) $\delta\omega\sigma$ (род.), $\delta\omega\sigma\iota$ (дат.) съ римскаго времени: CIA. III, 1443 $\epsilon\tau\omega\nu \delta\omega\sigma$; ib. 1447 $\epsilon\tau\omega\nu \tau\rho\acute{\iota}\alpha\chi\omicron\nu\tau\alpha \delta\omega\sigma$ (sic); CIA. II, 467; 27 (=Syn. 347), $\delta\omega\sigma\iota \pi\lambda\omicron\iota\omicron\iota\varsigma$ (I в. до Р. X.); ib. 471, 48 $\epsilon\nu \sigma\tau\eta[\lambda\alpha\iota\varsigma] \lambda\iota\theta\iota\nu\alpha\iota\varsigma \delta\omega\sigma\iota\nu$ (I в. до Р. X.)¹⁾. Meisterh., p. 70 sq.

Сказанное подъ с) относительно $\delta\omega\sigma\iota$ невѣрно, такъ какъ Riem. Rev. IX, 84, указываетъ на то, что приведенный уже Веклейномъ (стр. 28) примѣръ Erb. A. 1950 (=CIA. II; 591) $\epsilon\nu \sigma\tau\eta[\lambda\alpha\iota\varsigma] \delta\omega\sigma\iota$ относится къ концу IV вѣка, такъ что $\delta\omega\sigma\iota$ употреблялось раньше „римскаго времени“. Что касается не склоняемаго $\delta\omega\sigma$, то нельзя не видѣть случайности въ томъ, что только одинъ примѣръ этого употребленія открылся въ надписи, и притомъ относящейся къ римскому времени: во первыхъ, число 2 верѣдко выражается въ надписяхъ знакомъ || (ср., напримѣръ, Meisterh., p. 50, not. 487), а не словомъ, такъ что не извѣстно, какъ сказали бы аттики при чтеніи надписи; во вторыхъ, встрѣчается у аттическихъ писателей такое большое число мѣстъ съ не склоняемымъ $\delta\omega\sigma$ (въ такомъ случаѣ всегда съ множеств. числ., а не двойств., какъ, напримѣръ, Dem. XII, 8 $\delta\omega\sigma\omega\nu \delta' \alpha\upsilon\tau\eta\varsigma \delta\omega\sigma \theta\upsilon\gamma\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$), что нельзя думать объ ошибочности преданія. По Кеку, (I с., p. 39 sq.) находится $\delta\omega\sigma$ въ косв. пад. у Демосеена 1 (2) разъ, у Платона 4 (2 сомнительныхъ), 7 разъ у Фукидида, 6 разъ у Ксенофонта—вездѣ съ род. множ. числ.; съ дат. мн. ч. имѣется $\delta\omega\sigma$ въ 6 примѣрахъ у Фукидида¹⁾ и въ одномъ у Ксенофонта.

¹⁾ Такъ какъ $\delta\omega\sigma\iota\nu$ у Фукидида всегда соединяется съ род. пад., то VIII, 79, 1 слѣдуетъ читать $\nu\alpha\sigma\iota \delta\omega\sigma$ съ codd. Cl. Ven., а не $\delta\omega\sigma\iota\nu$ съ прочими рукописями. Stahl, p. 59.

Извѣстія грамматиковъ о формахъ $\delta\acute{o}\sigma$, $\delta\acute{o}\omega$, $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$, $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$, $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}$ противорѣчатъ нерѣдко другъ другу и отчасти составляютъ смѣсь вѣрнаго съ невѣрнымъ, отчасти даже содержатъ ложное. Тѣмъ не менѣе мы приведемъ нѣсколько изъ этихъ свидѣтельствъ для того, чтобы однимъ поражающимъ примѣромъ доказать, какъ мало довѣрія иногда заслуживаютъ грамматикъ. Rhug. p. 210 $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}$ μὴ λέγε ἀλλὰ $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$: $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$ δ' ἔστι μὲν δόκιμον, τῷ δὲ ἀλλοκότως αὐτῷ χρῆσθαι ἐπιταράττεται· ἐπὶ γὰρ μόνῃς γενικῆς τίθεται, οὐχὶ δὲ δοτικῆς. Противъ этого говоритъ Thom. Mag. p. 90 B. $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$, οὐ $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$... καὶ ταῦτα μὲν Φρόντιχος ἀπαγορεύων καθάπαξ τὸ $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$, εἴρηται μέντοι καὶ τοῦτο παρὰ τοῖς ῥήτορι. Θεουκιδίδης (VIII, 101, 1, гдѣ наши рукописи дѣйствительно читаютъ такъ, какъ говоритъ Тома) ἐπισιτισάμενοι $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$ ἡμέραις (въ нашихъ изданіяхъ теперь исправлено: $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$ ἡμέραιν) καὶ Ἀριστείδης (II, 4)... κρείττον μέντοι τὸ $\delta\upsilon\sigma\acute{\iota}\nu$. Etym. Magn. 289, 30. κοινῶς μὲν γὰρ τοῦ ο μικροῦ, Ἀττικῶς δὲ διὰ τοῦ ω μαγάλου· καὶ τοῖόν· ἔστιν ἀναλογώτερον; τὸ διὰ τοῦ ω μαγάλου.

18. Διττοί, часто употребляемое трагиками вмѣсто $\delta\acute{o}\sigma$ и встрѣчающееся также иногда у Платона въ этомъ смыслѣ, находится такъ и въ надписяхъ: CIA. II, 836, B, c+k, 19, 62, 64, 107 ὀφθαλμοὶ διττοί. Vamb. Jb. XII, p. 38.

19. πέντε удерживаетъ въ классическое время въ сложныхъ словахъ свое конечное ε: πεντάπους, πεντέποδα, [πε]ντεπάλαστα, πεντεπάλαστα CIA. I, 382, a, 21, 26, 28, 51, 77 (409 a. C.); πεντεβάλανον Ib. 768, 27 (340—338 a. C.). πεντέδραχμον Mitth. VIII, 211 (330 a. C.). Meisterh., p. 71; пропустилъ πεντετηρίς (не πενταετηρίς, какъ, напримѣръ, Thuc. VIII, 104, 2 имѣютъ нѣкоторыя рукописи, Stahl, p. 47), находящееся CIA. II, 756, 15; 758 A, 19; 818, 12; 818, 14, и πεντεβάλανον CIA. II, 765, 27; Riem. Rev. IX, p. 67. Лишь въ послѣклассическое время ε переходитъ въ α: πεντάμυρον CIA. II, 476, 34 (II—I вв.). Rhug. p. 412 πεντάμυρον πεντάπηχον· μετάθεσις τὸ α εἰς τὸ ε, πεντέμυρον λέγων· καὶ πεντάπηχον.

20. ἔξ можетъ лишиться своего ε не только въ сложныхъ словахъ: μῆκος· ἐκ ποδῶν CIA. I, 322, a, 67 (409 a. C.), ἐκ χοίνικος (329 a. C.) ἐγδραχτῶν (329 a. C.). Въ сложныхъ словахъ не вставляется α: ἐκ-πους (не ἐτάπους) CIA. I, 822, a, 11. 54 (409 a. C.), ἐξδάκτυλος и ἐγδάκτυλος.

21. ὀκτώ не обращаетъ ω въ α: ὀκτώπους CIA. I, 822, a, 33, 37 (409 a. C.); ὀκτώδάκτυλος CIA. II, 807, a, 114 sqq. (330 a. C.).

22. Ἐννά α (πὶ ἐννακαίδεκα) имѣетъ два ω, прочія формы (ἐννεήκοντα,

ἐνάτος, ἐνακόσιοι) одно *v*: ἐννέα CIA. II, 163, 11; ἀνεπήχοντα Ib. I, 273, f, 40; ἐνάτης Ib. I, 188, 15; другія формы не встрѣчаются въ аттическихъ надписяхъ. Syll. 170, 252, 255.

δέκα, какъ и πέντε, лишается своего гласнаго передъ гласнымъ, слѣдовательно δεκάτης, πεντέτης, а не δεκαίτης, πενταίτης. *Viem. Rev.* IX, p. 67. Согласно съ этимъ требуетъ Stahl, p. 47, измѣненія рукописнаго чтенія Thus. V, 25, 1 δεκαετῆ въ δεκάτῃ и V, 26, 3 δεκάται. Риманъ приводитъ еще δεκάφο[λον CIA. II, 837, 23.

Числа 12, 13, 17, 18 обозначаются въ надписяхъ (кромя обыкновенныхъ формъ δωδέκα, ἑπτακαίδεκα, ὀκτωκαίδεκα) иногда такъ, что большее число предшествуетъ: δέκα δύο CIA. II, 476, 31 (II—I вѣка), δέκα τρεῖς CIA. I, 324, с, II, 16 (408 а. С.), δέκα ἑπτά CIA. II, Add. 834, b, II, 5 (329 а. С.), δέκα ὀκτώ CIA. II, 1054, 47 (347 а. С.).

Треῖς καὶ δέκα и τέτταρες καὶ δέκα встрѣчаются въ надписяхъ только какъ склоняемыя формы: CIA. I, 171, 11 τρεῖς καὶ δέκα (433 а. С.); ib. 322, 87 (409 а. С.) τριῶν καὶ δέκα ποδῶν; τρεῖς καὶ δέκα μῆσιν CIA. II. Add., 834, с, 7 (317—807 а. С.); ταῖς τέ[τ]ταροι καὶ δέκ[α] ν]αυσίον CIA. II, 794, с, 80 (356 а. С.). Такъ какъ, слѣдовательно, триакаίδεκα въ качествѣ indeclinable не существуетъ, то *Viem. Rev.* IX, p. 84 sq. совершенно вѣрно полагаетъ, что единственные мѣста аттическихъ авторовъ, цитруемыя съ триакаίδεκα какъ род. или дат., а именно Thus. VIII, 22, 1 триакаίδεκα ναυσίον и Isae. VIII, 35 триакаίδεκα μῶν, слѣдуетъ измѣнить, первое τρεῖς καὶ δέκα, второе τριῶν καὶ δέκα, тѣмъ болѣе, что Фукидидъ въ другихъ мѣстахъ говоритъ τριῶν καὶ δέκα II, 97; τρεῖς καὶ δέκα VIII, 108, и Исей самъ въсколькими строками выше (въ томъ же §) употребляетъ τριῶν καὶ δέκα. Съ Риманомъ согласенъ Stahl, p. 59. Такъ какъ въ им. и вин. пад. встрѣчается исключительно τρεῖς καὶ δέκα, и въ другихъ нарѣчιάхъ также соблюдается это правописание (ср. Syll. 353, 184; 137, 1; 367, 20 sq. 283, 61), то нельзя сомнѣваться въ томъ, что у аттическихъ авторовъ триакаίδεκα вездѣ слѣдуетъ устранивать: „la confusion de *τ* et de *α* dans les mss. est un fait bien connu“, говоритъ Риманъ (I. с.); такіа мѣста приводитъ Stahl, p. 59, изъ Фукидида: III, 69, 1; VIII, 88; III, 79, 2 τρεῖς δὲ καὶ δέκα вм. триакаίδεκα δὲ большинства рукописей. Такимъ же образомъ слѣдуетъ, вѣроятно, поступать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ читается τεσσαρακαίδεκα или τεσσερακαίδεκα какъ indecl. Напримѣръ, Xen. Mem. II, 7, 2 читается невѣрно τεσσαρακαίδεκα τοὺς ἀλευθέρους. Вѣрно преданіе: τρία καὶ δέκα Arist. Plut. 194. 846. Pac. 990. Andoc. III, 4; τριῶν καὶ δέκα Thus. II, 97. Isae. VIII, 35;

τρεῖς καὶ δέκα Thuc. VIII, 108. Dem. IX, 25. XXXIV, 25. Ср: Riem. Rev. IX, p. 84, note 3.

Число 29 является въ надписяхъ выраженнымъ: ἐνός δεόντες τριάχοντα, а не ἐνός δεόντος τριάχοντα (Krüger, Gr. Spr. I, § 24, 2. A. 9): CIA. I, 325, 10 (раньше 403 г. до Р. X.) ἀνδράσιμ ἐνός δεούσι τριάχοντα*.

„2¹/₂ дня значить не δύο καὶ ἡμίσημα ἡμέρα, а δύο καὶ ἡμισυ ἡμέρας: CIA. II, Add. 834, с, 73 (послѣ 329 г. до Р. X.) ἐν δύοῖν καὶ ἡμίσει ἡμέρας“. Ср. Herodian. ed. Lob. p. 465: μέσον ἡμέρας καὶ μεσημβρία, οὐχὶ μέση ἡμέρα. Meisterh. p. 73. Tom. Mag. p. 237, 7.

„При порядковыхъ числительныхъ отъ 13—19 отдѣлялись всегда въ до-римское время единицы и десятки: τρίτης καὶ δεκάτης. Лишь непосредственно передъ битвой при Акціи является сложная форма ἐπτακαδεκάτη CIA. II, 482, 23 (39/82 а. С.). Во избѣжаніе недоразумѣній примѣнялось часто для обозначенія чиселъ мѣсяца описаніе съ ἐπὶ δέκα: τετράδι ἐπὶ δέκα [Βοηδ]ρομίωνος CIA. I, 189, а, 22 (407 а. С.), πρὸ τῆς ἑκτῆς ἐπὶ δέκα (послѣ 350 а. С.), ἄχρι τῆς τρίτης ἐπὶ δέκα (329 а. С.) и т. д. „Двадцать первый“ означаетъ εἰς (не πρῶτος) καὶ εἰκοστός, прочія числа образуются правильно: δεύτερος καὶ εἰκοστός и т. д. Μ]ιάς καὶ εἰκοστῆς CIA. II, 660, 30*. Meisterh., p. 73. Къ этому прибавляетъ Vamb. Jb. XII, p. 38, что, по Syll., 337, 6 (320/19 а. С.) и CIA. II, 263, 5 (303/2 а. С.) видно, что говорили и μιᾶ καὶ τριακοστῆ, и что CIA. II, 978, 2 дополненіе μιᾶ καὶ τε[s]-сараκοστῆ не подлежитъ сомнѣнію.

Рядомъ съ οὐδαίς, οὐδέν, μηδαίς, μηδέν возникаютъ съ 378 г. до Р. X. формы οὐθαίς, οὐθέν, меθαίς, μηθέν (но никогда οὐθεμία, μηθεμία), которыя послѣ 330 г. становятся господствующими. Относительно объясненія формы οὐθαίς, μηθαίς:—οὐδὲ εἰς, μηδὲ εἰς Мейстергансъ (p. 37) согласенъ съ Вуттманомъ (Ausf. Sprachl. I, p. 281. Anm. 3) и Курціусомъ (Leipz. Stud. 1883, p. 189—192); для подтвержденія этого объясненія можно указать на CIA. II, 789, 24 (373/2 а. С.) σκαῖος ἔχει οὐδέν οὐδ' οἱ ὀφθαλμοὶ ἔνισιν, гдѣ ΟΓΘΟΙ можетъ быть только—οὐδ' οἱ. Meyer Gr.², p. 215, производитъ οὐθαίς отъ οὐте εἰς и предполагаетъ смѣшеніе словъ οὐте и οὐδέ. Подъ влияніемъ аттицистовъ эти формы опять вытѣсняются.

Спряженіе.

Глагольныя окончанія. Meisterh., p. 74—77.

а) Изъявительное наклоненіе. Труднаго вопроса объ окончаніи

II л. двойств. ч. историч. время съ помощью надписей рѣшить нельзя, такъ какъ эта форма тамъ не встрѣчается¹⁾. Эльмслей (ad Arist. Ach. 733 и Eur. Med. 1041) и согласно съ нимъ Робетъ (Mnemos. VIII, p. 408) и А. Нѣукъ (Euripid. Stud. II, p. 57 и Журн. Мин. Нар. Пр. 1876, ноябрь, стр. 40) предполагаютъ, что, такъ какъ у аттиковъ въ 9 мѣстахъ читается форма на -την (Plat. Euthyd. 273 E, ib. 294 E, Leg. VI, 753 A, Symp. 189 C, Eryx. 399 D; Athen. XV, p. 695, Soph. OR. 1511 — гдѣ чтеніе εἰχέτην обезпечено размѣромъ—Eur. Alc. 661 и, можетъ быть, Arist. Nub. 1056), то сообразно съ ними слѣдуетъ измѣнить другія мѣста, гдѣ рукописное преданіе говоритъ въ пользу формы на -του, тѣмъ болѣе, что у поэтовъ нѣтъ мѣста, гдѣ размѣръ защищалъ бы формы на -του (напримѣръ, Aesch. Ag. 1207. Soph. O. C. 1379. 1756. Eur. El. 1300). Зенодотъ хотѣлъ даже въ Илиадѣ (Θ 448, Κ 545, Λ 782) читать χαμέτην, λαβέτην, ἡθαλέτην. Ср. Curtius Verb. I, p. 77. Meyer Gr.², p. 416.

III лицо двойств. ч. истор. вр. встрѣчается въ прозаическихъ надписяхъ лишь съ окончаніями -την, -οθην: ἀνεθέτην CIA. I, 351 (VI в.); ib. 375. 396 (начала V в.); ἐποιήοτην ib. 375. 376 (V в.); εἰσηγγέοθην ib. 319, 19 (417 а. С.). Другіе примѣры даетъ Lautens., p. 2. Окончаніе -του въ той же формѣ, встрѣчающееся уже у Гомера (II. K 364 δῶχeton, N 346 ἐτεύχeton, Σ 583 λαφύοσeton), является въ надписяхъ только въ одномъ стихотворномъ примѣрѣ II вѣка до Р. X: Kaibel. Epigr. 1110, 3. 5 ἴτον. Шандъ читаетъ теперь въ своемъ изданіи Plat. Euthyd. 274 A ἐφάτην, вопреки чтенію рукописей. Thus. II, 86, 3 имѣется въ изданіи Шталя διέχeton, тогда какъ Классенъ удержалъ рукописное чтеніе διείχeton.

О I и III лицахъ единств. ч. plsqpf. act. трактуетъ Schanz. Plat. XII, p. XIII—XV и приходитъ къ тому заключенію, что окончаніе I лица -ειν рукописами Платона не достаточно удостовѣрено, тогда какъ въ пользу окончанія -η прямо говорятъ слѣдующія свидѣтельства: Eustath. ad Odys. ψ p. 1946, 22 παραδίδωσι Ἐρακλειδῆς, ὅτι Ἄττικοὶ τοὺς τοιοῦτους ὑπερσυντακτικούς ἐν τῷ ἡ μόνῃ περατοῦσιν, ἤδη λέγοντες καὶ ἐννοήκη καὶ ἐπεποιήκη· καὶ οὕτω φησὶ Παναίτιος εἶχειν τὰς γραφὰς παρὰ Πλάτωνι в Phot. ἐωράκη τὸ πρῶτον πρόσωπον, ὡς ἐπεπόνη καὶ ἐπεποιήκη καὶ ἤδη ἤδειν. Πλάτων τοῖς τοιοῦτοις χρῆται σχηματισμοῖς. Окончаніе III лица -ειν передъ гласнымъ сохранилось въ одномъ Paris. A (ср. Cobet. Mnemos., III, p. 196).

¹⁾ По Кесу (стр. 50), ея нѣтъ и у ораторовъ.

III л. множ. ч. того же времени оканчивается въ надписяхъ еще въ македонское время на -εσαν, а не на -αισαν: CIG. II, 811, с. 89 παραλήφε[σ]αν (323 а. С.), и окончаніе -εσαν защищено развѣромъ Arist. Eq. 651. 674. Plut. 744, и съ этимъ согласно свидѣтельство грамматика Rhyn., р. 149: Ἠκηκόεσαν, ἐγεγράφεσαν, ἐπεποιήεσαν, ἐνανοήεσαν ἐρεῖς· ἀλλ' οὐ σὺν τῷ ι, ἡκηκόεισαν. По Vamb. Jb. XII, р. 39, даетъ Резерфордъ (Rutherford) въ своемъ изданіи Фриниха, стр. 237, слѣдующій образецъ аттического давно-прошедшаго:

ἐλελύχη		ἐλελύχεμεν
ἐλελύχης	ἐλελύχετον	ἐλελύχετε
ἐλελύχει(ν)	ἐλελυκέτην	ἐλελύχεσαν

и ссылается относительно I и II лицъ мн. ч. на Eur. Bacch. 1345

·ὄψ' ἐμάθεθ' ἡμᾶς, ὅτε δ' ἐχρῆν, οὐκ ἤθετε

и Arist. Lys. 1098

ὦ Πολυχαρεΐδαν δαινά κα 'πεκόνθεμες.

Отъ II лица средн. зал. настоящ. и буд. вр. не встрѣчается въ надписяхъ ни одного примѣра ¹⁾. Что эта форма оканчивалась первоначально на τ, а не на -αι, слѣдуетъ заключить по происхожденію ея изъ -εαι; за это предположеніе говоритъ еще то обстоятельство, что II лицо гл. δέομαι, сливающагося вездѣ, гдѣ происходитъ слитный слогъ ει, имѣетъ всегда двусложную форму; Vamb. Jb. XII, р. 40, приводятъ Arist. Thesm. 264: σὸ τοῦτο γίγνωοκ' ἀλλ' ἔχεις γὰρ ὦν δέτ. Если тѣмъ не менѣе окончаніе -η замѣнено было окончаніемъ ει, то, по всей вѣроятности, въ этомъ нужно видѣть слѣдствіе возникшей въ IV вѣкѣ привычки вм. всякаго ΠΙ писать ΕΙ (ср. выше стр. 81 сл.), вытѣсненной вполнѣдствіи реакціей грамматиковъ, старавшихся посредствомъ правописанія отличить изъяв. наклон. отъ сослаг. ср. Blass., р. 41. Относительно трагиковъ имѣется прямое свидѣтельство грамматика въ пользу -η, а именно Херобоскъ у Bekk. Anecd. Gr. р. 1290, объяснивъ формы τόπται, ποιῆι, говорить: οἱ τραγικοὶ τοῦτο οὐ ποιοῦσιν, ἀλλ' ἀκολουθοῦσι τοῖς κοινοῖς и согласно съ нимъ окончаніе -η считаютъ свойственнымъ трагикамъ Bergk, Griech. Lit. III, р. 102 Anst., Riem. Rev. IX, р. 87 и Vamb. Jb. XII, р. 40.

¹⁾ φανῆσαι, что приводитъ Weckl., р. 32, изъ CIG. I, 956, 15 подлежитъ сильному сомнѣнію. Kaibel, Epigr. 153, читаетъ вм. этого: φάνη· σὸ δέ.

Съ другой стороны Диндорфъ полагаетъ (Poet. scen., p. IX), что Херобоскъ не могъ заимствовать своего утверждения у Геродіана и что онъ самъ сдѣлалъ упомянутое заключеніе, будучи введенъ въ заблужденіе рукописями его времени. Древнимъ аттикамъ приписываютъ окончаніе *αι* слѣдующія свидѣтельства грамматиковъ: Eustath ad Od. μ 295 p. 1723, 18 τὰ δεύτερα καθητικά πρόσωπα τῶν εἰς μαι ληγόντων ῥημάτων, ὅποιον τὸ τύπτομαι τύπτῃ καὶ τὰ λοιπὰ ὅλα κατὰ τὴν παλαιάν Ἀτθίδα διὰ τῆς εἰ διφθόγγου γραφόμενα, ὡς καὶ ἐν τοῖς τοῦ κομικοῦ πέφηνεν, οἱ ὕστερον Ἀττικοὶ γράφαντες διὰ τοῦ η οὖν τῆ ἰῶτα προσγεγραμμένῃ κτλ. Schol. ad Arist. Plut. 40 πρῶσαι· οἱ Ἀττικοὶ τὰ τῶν καθητικῶν χρόνων δεύτερα πρόσωπα αἰεὶ διὰ διφθόγγου γράφουσιν, ὡς καὶ ἐνταῦθα καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς εὐρήσεις· οὗτος γάρ, εἴπερ τις, τῇ Ἀττικῇ διαλέκτῃ χρῆται. ἡ δὲ κοινὴ διάλεκτος μόνου τοῦ βούλει, καὶ ὄφει καὶ οἶει τὰ ἐνεργητικά μὴ ἐν χρῆσει εὐρούσα τῇ Ἀττικῇ ἐπομένῃ συνηθείᾳ αἰεὶ διὰ διφθόγγου τὰ τρία ταῦτα ἐκφέρει. Cp. Scholl. ad Arist. Ran. 469. Nub. 490. Vesp. 943. Stahl, p. 62, приписываетъ Θукидиду окончаніе *-αι*, сохранившееся въ рукописяхъ, напримѣръ, VI, 14, 1 ἡγεῖ.

Основы, оканчивающіяся на согласный, образовывали, судя по надписямъ, III лицо множ. ч. *perf.* и *plsqpf.* Pass. на *-атаи* и *-ато* по 420 г. до Р. X.: ἀναγεγράφатаи CIA. I, 38, e, 3 (424—420 а. С.), γεγράφатаи ib. 40, 10 (424 а. С.), ἐτατάχато ib. 40, 9. 31 (424 а. С.). Послѣ этого времени встрѣчаются только описательныя формы съ причастіемъ: ἐστὶν ἐψηφισμ[έ]να CIA. I, 32, A, 5 (420—416 а. С.); εἰσὶ γε[γραμμένοι] CIA. IV, 61, a, 36 (409/8 а. С.); ἀγαγεγραμμένα ἦσαν Mitth. II, 142, 31 (363 а. С.). и др. Основы на гласный имѣютъ окончаніе *-ται*: κελώπηνται CIA. II, 791, 73 (377/6 а. С.). Около конца IV вѣка находится въ одной надписи (CIA. II, 167, 59. 70) два раза описательная форма даже отъ этихъ основъ: εἰσὶν οἰκδομη[μέν]οι и εἰσ[iv] κείμενα. Описаніе проникло, кажется, не только въ повелит. наклон. CIA. II, Add. 1, c, 22 (399/8 а. С.) [ἔστω ἐψ]ηφισμένα, но и въ III л. *plsqpf. med.* CIA. II, 380, 14 (ок. 229 г. до Р. X.), если та и другая надпись дополнена вѣрно. Lautens., p. 3.

б) Сослагательное наклоненіе. „Вслѣдствіе перехода звука *η* въ *αι* (ок. середины IV в.) 3 л. ед. ч. сослаг. накл. наст. дѣйств. зал. глаголовъ на *-ω* совпадаетъ съ соотвѣтствующею формою изъяв. накл.: εἰάν τις ἀδικεῖ CIA. II, 811, c, 154 (323 а. С.). Однако односложныя основы на *-έω* удерживаютъ не слитную форму: CIA. II, 809, b, 32 (325 а. С.) εἰάν δέ του προσδέει* Meisterh., p. 75. Впро-

чемъ встрѣчаются исключенія: Syll. 126, 8 (304—3 а. С.) εὐν δὲ δεῖ; ib. 337, 10—11 ὡς ἄν προδῶται = προδῆται = προδῆται; Syll. 353, 62. Обыкновенная форма δῆν читается CIA. II, 61, а, 22. Mem. Rev. IX, p. 88.

с) Желательное наклоненіе. Meisterh., p. 75, говоритъ, будто по стиху 'Εὐθροὶ στάσαιεν Ζητὶ τρίπαιον ἔδος (Kaibel, Epigr. 24, 2 „ante med. IV saec.) эпиграммы на павсаго на войнѣ афинянина видно, что поэты IV вѣка пользовались и безъ принужденія со стороны размѣра неаттическими формами желат. аориста. Vamb. Jb. XII, p. 41, возражаетъ справедливо, что изъ приведеннаго стиха уже по причинѣ формы Ζητὶ нельзя сдѣлать никакихъ заключеній объ аттическомъ нарѣчій.

Для рѣшенія спорнаго вопроса объ окончаніяхъ -ειας, -ειε(ν) -ειαυ и -αις, -αι, -αιεν въ орт. аор. I аст. аттического нарѣчія надписи не даютъ много матеріала: всѣ прозаическія надписи, открытыя до сихъ поръ, представляютъ во всякомъ случаѣ лишь такъ-называемыя золическія формы; CIA. IV, 116, а, 10 (450—400 а. С.) δῆξετε; CIA. II 167, 93 (вскорѣ послѣ 307/6 гг. до Р. X.) ὁποφορῆσ[ε]ι[ε]; 'Aθ. X, 541 22 προσταίειεν, ib. 23 ἄρξειεν (II в. по Р. X.). Lautens., p. 24. Рукописи и для этого вопроса мало надежны. На основаніи матеріала, собраннаго у Vamb. Jb. III, p. 11 sqq. XII, p. 40 sqq. и Stahl p. 63 мы даемъ здѣсь слѣдующее короткое обзорніе результатовъ, добытыхъ изслѣдованіями разныхъ ученыхъ.

Платонъ, кажется, предпочелъ во II лицѣ окончаніе -αις, избѣгаетъ -αι въ III л. ед. ч. почти совсѣмъ (Leg. II p. 667 E читаетъ Шанць ὀνομάσαι), а въ III л. множ. ч. употребляетъ одинаково часто формы на -αιεν и -ειαυ. Фукидидъ болѣе всѣхъ прозаиковъ придерживается золическихъ формъ по примѣру сценическихъ поэтовъ и Stahl p. 63, пишетъ поэтому III, 29, 3 φθάσαιεν вм. φθάσαιεν; V, 111, 1 νομίσειεν вм. νομίσειεν; II, 49, 3 στηρίξειεν вм. στηρίξειαι и II, 84, 2 ἐκλυέσειεν вм. ἐκλυέσειαι. На основаніи данныхъ, собранныхъ В. Редеромъ въ его статьѣ (Über den Gebrauch der nichtäolischen Optativformen bei den Attikern), приходитъ Vamb. Jb. XII, p. 41, къ тому заключенію, что въ нашихъ текстахъ слѣдуетъ вездѣ возстановить золическія формы тамъ, гдѣ рукописное преданіе не исключаетъ ихъ совершенно. Точное изслѣдованіе, въ которомъ были бы припяти въ разчетъ всѣ подходящія мѣста Платона, Фукидида, Ксенофонта и ораторовъ, до сихъ поръ еще не предпринято.

Что касается сценическихъ поэтовъ, то у Софокла ¹⁾: устранена теперь въ нашихъ текстахъ единственная форма на -αις (OR. 446). Такимъ же образомъ и у Еврипида исправлены всѣ мѣста, имѣвшіе прежде еще -αις: Med. 1109 пишутъ Диндорфъ и Принцъ χορῶται; ib. 325 исправилъ Шталь ἀνακείσας котѣ вм. ἀν κείσας котѣ рукописей; Iph. T. 1184 предлагаетъ Шталь σῶσας вм. σῶσας. Vasch. 747 читаетъ теперь Веклевъ по рукописямъ ζωνάσαι вм. ζωνάσαις. Относительно Аристофана Шталь говоритъ, что четыре мѣста не поддаются исправленію (два изъ нихъ, Vesp. 572 и 728 находятся въ анапестическихъ стихахъ и этимъ самымъ оправдываются, о двухъ остальныхъ—Plut. 1036. 1134 см. ниже). Изъ семи мѣстъ Аристофана съ окончаніемъ -αις, приведенныхъ Лярошемъ (La Roche) въ его стать: Grammatiche Untersuchungen (Zeitschr. f. oesterr. Gymn. 1874, p. 405 sqq.) ни одно, говоритъ Бамбергъ, не осталось безъ возраженій, отчасти не исключительно по поводу формы; вотъ эти мѣста: Vesp. 573. Nub. 776. Plut²⁾. 1036 ³⁾. 1134. Pax. 405. Vesp. 726. 819; къ нимъ надо прибавить еще Lys. 506. Въ III лицѣ ед. ч. окончаніе -αις совершенно теперь устранено изъ Эукидида: Шталь пишетъ Thuc. II, 49, 3 στήριξαις вм. στήριξαι; II, 84, 2 ἐκκλεύσασαις вм. ἐκκλεύσασαι; IV, 62, 2 онъ принимаетъ толкованіе Гервердена и пишетъ неопредѣленныя καῖσαι и ζουδιασῶσαι. У Аристофана имѣтъ формы на -αις; Еврипидъ употребляетъ разъ ἐλκίαις въ триметръ (Hec. 820) и нѣсколько разъ находится такая же форма у него въ хоревыхъ пѣсняхъ (Alc. 117. Suppl. 620. 830). При преобладающемъ числѣ формъ на -αις, у Эсхила желательныя оканчиваются иногда на -αις въ лирическихъ частяхъ (Suppl. 660. 662. Eum. 983); а въ другихъ мѣстахъ (Ag. 170. Suppl. 624. Eum. 608) чтеніе спорно.

Окончаніе -αις III л. множ. ч. устраняли изъ Еврипида Диндорфъ, исправивъ Hel. 75 и Herc. fur. 183, а изъ Эукидида Шталь, написавъ Thuc. III, 49, 3 φάσασαις и V, 111, 1 νομίσασαις.

Bamb. Jb. III p. 14 даетъ, на основаніи собранныхъ Лярошемъ мѣстъ, слѣдующую таблицу, заключающую въ себѣ тѣ окончанія желательнаго накл. слитныхъ глаголовъ, которыя слѣдуетъ считать употребительными въ аттическомъ нарѣчій:

¹⁾ Aesch. Suppl. 589 χορῶταις, находящееся въ лирическомъ мѣстѣ, не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

²⁾ Карреупе исправляетъ этотъ стихъ такъ:

διὰ βακτολίου μὲν οὖν με διακύσαςαις ἄν.

αω	εω	οω
ῥῆν (ῥμι)	οῖην (οῖμι)	οῖην
ῥῆς	οῖς (οῖς)	(οῖς)
ῥῆ	οῖη (οῖ) ²⁾	οῖη ⁴⁾ (οῖ)
ῥτον	οῖτον	
	οῖτην	
ῥμεν ¹⁾	οῖμεν ³⁾	οῖμεν
ῥτε	οῖτε	οῖτε
ῥεν	οῖεν	οῖεν

И относительно прочихъ желательныхъ (на -αῖην, -οῖην, -εῖην) всѣхъ временъ и залоговъ слѣдуетъ принять за правило, что они у аттиковъ въ двойств. и множ. ч. η не имѣютъ: слѣдовательно, нужно читать ζουφαῖμεν Eur. Ion 943 съ Диндорфомъ (рукоп. φαῖμεν). Soph. Ant. 926 форма ζυγυοῖμεν требуется разнѣромъ; ср. Arist. Thesm. 1230 ἀνταποδοῖην. Знаменательно, что I и II л. множ. ч. являются у сценическихъ поэтовъ лишь съ болѣе короткими окончаніями -εῖμεν, -εῖτε, тогда какъ въ текстахъ прозаиковъ, гдѣ переписчики не были стѣсняемы разнѣромъ, рукописи часто имѣютъ болѣе длинныя окончанія. Isocr. IV, 99 и 160 читаетъ Cod. Urbīn. отъ первой руки ἀξιωθαῖμεν и βουληθαῖμεν: въ обоихъ мѣстахъ позднѣйшая рука надписала η. Много матеріала о всѣхъ формахъ желат. накл. собрали O. Riemann, Qua rei criticae etc., p. 83—86, и Rutherford, The new Phrynichus, p. 436. 451, Послѣдній требуетъ окончаній -οῖην, -οῖς, οῖη и для opt. perf. act. по аналогіи слѣдующихъ мѣстъ: Soph. O. R. 840 ἐκπαφοῖην, Arist. Ach. 940 πεποθοῖη, Cratin. fr. 320 Κοσκ. ἀδηδοχοῖη, Xen. Cug. II, 4, 17 προαηλυθοῖς. Ср. Vamb. Jb. XII, p. 43 sq. Надписи, къ сожалѣнію, не даютъ намъ ничего для рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ; только CIA. II, 578, 12 ἐποροκ[ί]ην (послѣ 440 г. до Р. X.) подтверждаетъ то, что выше сказано о жел. накл. слитныхъ гл. на -εω.

¹⁾ Eur. Cysl. 132 принята теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Δεωσα ζουδρῥμεν вм. рукописнаго δρῥμεν.

²⁾ Въ рукописяхъ такъ часто читаются формы на -οῖ, что врядъ ли правъ Робертъ, предлагающій всегда писать οῖη. Ср. Θλια Dionneia у Фотія: εὐδοκίμοι καὶ εὐδοκίμοιη τὸ εὐκτιδὸν ῥῆμα καὶ ποιοῖ καὶ ποιοῖη καὶ τᾶλλα τὰ ἄμοια εὐν τῇ η καὶ δυο τοῦτου.

³⁾ Eur. Hel. 1010 читается теперь въ нашихъ изданіяхъ конъектура Πορωνα ἀδικοῖην вм. ἀδικοῖμεν рукописей.

⁴⁾ Soph. OR. 829 ὀρθοῖη. Arist. Pax 924 μεσοῖη. Форма ὑμεναοῖ Arist. Pax 1076 находится въ эпическомъ гексаметрѣ.

d) Повелительное наклоненіе. Meisterh., p. 76—77.

Поразительный примѣръ малонадежности рукописнаго преданія представляетъ 3 л. множ. ч. повел. накл. Оказывается по надписямъ, что окончаніе -ωσων стало употребляться лишь съ 300 г. до Р. X.; а именно на 112 примѣровъ съ окончаніемъ -ωτων или -οτων , открытыхъ въ надписяхъ (Lautens., p. 2), до названнаго времени не приходится ни одного съ окончаніемъ -τωσων или -οτωσων ; въ III, II и I вѣкахъ послѣднія окончанія становятся почти исключительно господствующими. Что окончаніе -ωσων не свойственно аттикамъ, подтверждаютъ и грамматикн: Moeris ed. Piers., p. 15, ἀγόντων, ᾄδόντων, Ἀττικῶς. ἀγέτωσων, ᾄδέτωσων, Ἑλληνικῶς. Etym. M. 6, 56 ἀγγελλόντων ἀντὶ τοῦ ἀγγελλέτωσων οἱ Ἀττικοὶ φασιν. Въ текстахъ сценическихъ поэтовъ классическаго времени имѣется только два раза форма на -ωσων Eur. Iph. T. 1480 ἴτωσων εἰς σὴν ζὺν θεᾶς ἀγάλατι, вм. чего предложено исправленіе εἰς σὴν ἰόντων, и Ion. 1131 κροῦσαι δαίτες ἔστωσων φίλοις, вм. чего Л. Диндорфъ написалъ δαίτας ἐστία φίλοις. Ср. Mem. Qua rei crit., p. 76. Vamb. Jb. VIII, p. 205.—Stahl, p. 63, исправляетъ Thuc. I, 34, 1 μαθόντων, III, 39, 6 κολασθέντων, III, 67, 2 ὀφελείσθων, IV, 92, 7 κτάσθων; VIII, 18, 3 онъ предлагаетъ ἔστων вм. рукописнаго ἔστωσων, а не ὄτων (встрѣчающихся исключительно въ надписяхъ), потому что считаетъ невѣроятнымъ происхожденіе чтенія ἔστωσων изъ ὄτων. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ мѣста, приведенныя у Кюнера (Ausf. Gr². I, p. 529, 537) и Маттію (Matthiae. Ausf. Gr². I, p. 442), не стѣсняясь преданіемъ, слѣдуетъ исправить, и что Эльмслей правъ, утверждая, что формы на -ωσων встрѣчаются лишь у Архестрата (во время Аристотеля); послѣ Эльмслей высказалъ то же мнѣніе Кобетъ (Var. Lect., p. 327).

Замѣчательна форма μωθωσάντωσων CIA. II, 600, 45, (300 а. С.), относящаяся къ переходному времени. Meisterh., p. 77.

Въ среднемъ залогѣ является въ надписяхъ форма, изъ литературы совершенно неизвѣстная, а именно повелительныя, оканчивающіяся на -όσθων , которая по 424 г. до Р. X. въ надписяхъ исключительно встрѣчается, а съ этого времени по 378 г. до Р. X. преобладаетъ надъ другою формой на -έσθων . Взаимное отношеніе обѣихъ формъ можно выразить такъ:

450—424 гг. до Р. X.	-όσθων	-έσθων	=5	0
424—378 гг. до Р. X.	-όσθων	-έσθων	=6	4

Мы даемъ тутъ всѣ примѣры, тѣмъ болѣе, что списокъ Мейстерганса не полонъ.

а) 450—424 гг. до Р. Х.: ἐπιμελόσθων CIA. IV, 22 а, с, 21; ἐπιμελ[ό]σθων [ib. frg e—d, 8 (450—446 а. С.); ἐπιμελόσθων ib. 27, а, 19 и 44. συνεπιμελόσθων ib. 68. εὐθυноόσθων CIA. IV¹, 27, b, 20—Syll. 13—'Ад. VIII, 408 (439 а. С.), εὐθυноόσθων CIA. IV², 34, а, 10 (раньше 440 до Р. Х.), вмѣсто чего Кирхгофъ читалъ въ I томѣ εὐθύноος—εὐθύνου.

б) 424—378 гг. до Р. Х.: συζσημαιноόσθων CIA. I, 32, А, 17 (420—416 а. С.); εἰρησκόσθων ib. IV, 71, 19 (420—413 а. С.); ἐπιμελόσθων ib. IV³, 35 b, с, 18 и ἐλόсθων ib. 29 (V вѣка); χρώсθω[ν CIA. I, 78, 5 (раньше 403 г. до Р. Х.); ἐπιμελόсθων ib. II, 92, 5 (378 а. С.);—εὐθυноόсθων CIA. I, 40, 38 (424 а. С.); ἐπ[α]ρᾶсθων ib. IV, 71, 25 (420—413 а. С.); ἐπιμελόсθων ib. I, 94, 7 (до 403 а. С.), δεχέсθων ib. IV, 116, с, 9 (до 403 а. С.).

Curtius, Verb. II, p. 65 приводитъ дорическую надпись съ формой ἀνελόсθω (множ. ч.). Ср. Meyer. Gr², p. 500.

в) Что неопредѣленное накл. не имѣеть ι проэгерраммѣнон, доказываютъ примѣры ὀρᾶν CIA. II, 1054, 91 (347—329 а. С.), τιμᾶν CIA. II, 467, 92, (I в.), κᾶν Mitth. X, 111 (IV в.). Meisterh., p. 77. Lautens., p. 25.

г) Причастіе женск. р. прошедш. соверш. дѣйств. зал. оканчивается въ V и IV вв. на -οια (οα), въ слѣдующихъ же трехъ вѣкахъ (III—I вв.) встрѣчается и дорическое окончаніе -αα: γαγοναα CIA. II, 398, 13 (III в.); 455, 16 (II в.), 467, 92 (I в.).

г) Глагольныя прилагательныя въ -τος въ надписяхъ не имѣють значенія возможности, а по смыслу равняются или страдательному причастію или прилагательному: τὴν πόλιν... ἀνάστατον CIA. IV, 27, а, 5 (ок. 445 до Р. Х.); ἀνυπόζωστος CIA. II, Add. 789, b 79. 83. (374 а. С.); τὰς ἐξαιρέτους ib. II, 794, а, 39 (356 а. С.); κλειс ἀνάπαιστος 'Еф. ἀρχ. 1883, 135, 22 (IV в.); σφραγίс σύνθετος CIA. II, 766, 28 (341—333 а. С.). Lautens., p. 26.

Приращеніе и удвоеніе. Meisterh., p. 77—79.

а) Слоговое приращеніе.

Слогового приращенія давнопрошедшаго вр. надписи ни разу не пропускають: ἐτετάχато CIA. I, 40, 9 (428 а. С.), ἐδεδήμηсото ib. IV, 61, а, 9 (409 а. С.); ἐ[πα]γέγρα[π]то II, 754, 5 (349—344 а. С.), ἀνεγέγραπτο II, 809, с, 222 (325 а. С.), ἐτετίμηто Mitth. IX. 291, 37 (200—150 а. С.). La Roche, Das Augment d. griech. Verbums. Linz 1882, p. 3 и 35 sq., высказалъ мнѣніе, что пропускъ прираще-

нія въ литературѣ встрѣчается въ особенности въ сложныхъ глаголахъ. Противъ этого, относительно Платона говоритъ Шандъ (Plat. XII р. XII), полагая, что онъ не могъ въ 4 мѣстахъ пропустить приращеніе, если 21 разъ онъ ставилъ его; поэтому Шандъ пишетъ, вопреки рукописямъ, Apol. р. 36 А ἀπαπεφεύγη, Symp. р. 173 В παρεγεγόνει, р. 217 С ἀνεχεχευρήκη. Leg. III, р. 699 Ε ζυναβεβήκει. Stahl, р. 59, того же мнѣнія относительно Фукидида: въ рукописяхъ читается Thuc. IV, 90, 2 καταπεπτώκει; V, 14, 3 γεγένητο; V, 35, 5 ἀποδεδώκεσαν; VIII, 15, 1 ἀνακχωρήκεσαν, мѣста, которыя, конечно, нужно исправить.

Глаголы βούλομαι, δύναμαι, μέλλω имѣютъ въ надписяхъ приращеніе η лишь съ 284 г. до Р. X. ἐδόναντο CIA. II, 89, 5 (356—352 а. С.), ἐμελλον ib. Add. 834, с, 28 (317—307 а. С.); ἠβούλοντο CIA. II, 314, 25 (284 а. С.). Ср. Thom. Mag. р. 130 ἐβουλόμην καὶ ἐβουλήθην πλειστάκις οἱ δοκιμώτατοι λέγουσιν, ἠβουλόμην δὲ καὶ ἠβουλήθην ἄπαξ. То же самое подтверждаютъ относительно δύναμαι, по Лярошу, (стр. 4 сл.) рукописи прозаиковъ, гдѣ, за исключеніемъ Демосеена, при δύναμαι ε преобладаетъ, а при μέλλω η никогда не бываетъ. Размѣромъ защищено, впрочемъ, ἠδυνήθην Aesch. Prom. 206, ἠδύων Philipp. Com. IV, р. 472, ἠμελλ' Arist. Ran. 1038, ἠμελλον Eccl. 597. Vamb. Jb. VIII, р. 204.

Глаголь ἄλίσκομαι имѣетъ въ аористѣ въ надписяхъ только форму ἄλων ἄλωσαν CIA. II, 38, 14 (раньше 380 г. до Р. X.); ср. Thom. Mag. р. 146 ἄλωσαν Ἀττικοί, οὐχ ἤλωκε καὶ ἄλω, οὐχ ἤλω. Ἐάλω защищено размѣромъ Arist. Vespr. 355. Въ рукописяхъ Платона первая форма относится ко второй, какъ 4 : 1, у Эсхина какъ 2 : 2, у Демосеена какъ 31 : 10, у Андокида, Лисія, Исея, Динарка и Ликурга какъ 12 : 0. Vamb. Jb. XII, р. 45.

Предлогъ πρό сливается съ ε приращенія до середины IV вѣка: προύπεμψε Kaib. Ep. 39 (IV в.), προυβούλωσαν CIA. II, Add. 57, b, 16 (362 а. С.). Послѣ 350 г. вразисъ всегда избѣгается: προε[βούλωσαν] CIA. II, 236, а, 7 (послѣ 336 а. С.), προέστη Ἐφ. ἀρχ. 1884, 137, B, 4 (337—286 а. С.), προετρέψαντο ib. II, 628, 21 (I в.), προενοήθη ib. строка 28, etc. Lautens, р. 6. Meisterh., р. 78. Ср. Moeris, р. 302: προύτραψαν, οὐ προέτραψαν. Riem. Rev. IX, р. 58, поэтому напрасно не соглашается съ Диндорфомъ и Кобетомъ, пишущими Xen. Hell. I 2, 18 προύδοσαν, вопреки рукописямъ.

Κέχτημαι. Schanz Plat. XII, р. XVII sq., приходитъ на основаніи рукописнаго преданія къ тому заключенію, что Платонъ писалъ

ἔχτημα послѣ согласныхъ, χέχτημα послѣ гласныхъ. Aesch. Prom. 795 δρμ' ἔχτημέναι защищено разиѣромъ; послѣдній требуетъ χέχτημα Arist. Vesp. 615. Av. 379. Ran. 1146. Escl. 601. Plut. 4. 755. Vamb. Jb. XII, p. 45. χ[ε]χτημένος читается CIA. II, 476, 2 (100—50 а. С.). У Фукидида никогда не встрѣчается ἔχτημα; поэтому исправляется вѣрно Thuc. II, 62, 3 чтение большинства рукописей τροσεκτιμένα въ проехκτιμένα. Ср. Stahl., p. 60.

б) Временное приращеніе. Лобекъ (Phryn. p. 140 и ad Soph. Ai. 120) возставалъ противъ Эльмслея и другихъ, пишущихъ напимѣрь, Eur. Iph. T. 777 ἡρόρημεθα. Neescl. 305 ἡδρομεν, то-есть, противъ тѣхъ, которые полагали, что глаголы, начинающіеся съ ευ-, должны имѣть приращеніе. Дѣйствительно, мнѣніе Лобека основывается на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ древнихъ грамматиковъ, напимѣрь, Pseudo-Herod. ap. Lob. Phryn. p. 456 ἡξάμην και εὐξάμην, ἡδόχοον και εὐδόχοον και δεα ἀπὸ τοῦ ευ ἄρχονται; id. ap. G. Neem. de emend. rat. gram. gr. p. 314 ἀμαρτάνουσιν οἱ λέγοντες ἡξάμην και ἡχόμην λόγῳ ταιούτῳ δεα ἀπὸ τῆς ευ διφθόγγου ἄρχεται, ταῦτα τηραῖ τὴν ευ δίφθογγον και ἐπὶ πάντων τῶν χρόνων. Однако этому утверженію противорѣчатъ другіе: ср. Etym. Magn. 400, 26 εὐχόμην και εὐφραινόμην· ἰστέον ὅτι παρ' ἡμῖν φυλάττεται, παρὰ δὲ Ἀθηναίοις τρέπεται· ὡς περ ἢ εἰ δίφθογγος ἔχουσα τὸ ε παρ' ἡμῖν μὲν οὐ τρέπεται κατὰ τὸν παρατακτικόν, οἷον εἶργω, εἶργον· οὕτω και ἢ ευ ὡς ἔχουσα τὸ ε οὐ τρέπεται· παρὰ δὲ Ἀττικοῖς πολλάκις τρέπεται τὸ ε τῆς εἰ διφθόγγου· οἷον εἰκάζω ἦκαζον. Тоῦτου χάριν και τὸ ε τῆς ευ διφθόγγου εἰς η τρέπεται· οἷον εὐχομαι ἡχόμην. Bekk. Anecd. II 804 εἰκάζω, εἰκαζον· οἱ δὲ Ἀττικοὶ διὰ τοῦ ι, οἷον ἦκαζον, και τὸ εὐφραῖ νομαι ἡφραινόμην. Moeris p. 175 ἡξάμην Ἀττικῶς, διὰ δὲ τοῦ ε Ἑλληνικῶς. Weckl., p. 34 sq. Одиѣ надписи могутъ рѣшить спорный вопросъ, и по нимъ оказывается, что въ IV вѣкѣ аттики писали въ прошедш. вр. такихъ глаголовъ исключительно ηυ : ἡυρ[εθ]η CIA. II, 813, B, 16 (раньше 400 г. до Р. X.), ἡυρέθη Ib. 652, B, 16 (398 а. С.); 747, 4 (ок. 350 а. С.); ἡυρέθηη 720, A, 24 (321 а. С.); ἡυρηται Kaib. Epigr. 85, 2 (ок. 350 г.); ἡυχθ[αι] CIA. II, Add. 57, b, 12 (362 а. С.). Лишь въ I вѣкѣ находится ἀναυρον CIA. II, 628, 25. Meisterh., p. 78. Lautens., p. 5. Рукописи Фукидида сохраняли иногда ηυ, напимѣрь, Thuc. I, 58, 1 ἡυρονто; II, 18, 3 ἡυτραπίζοντο; V, 42, 1 ἡυρον, Stahl, p. 60. Vamb. Jb. VIII, p. 204. Ж. М. Н. Пр. 1876 ноябрь, стр. 44. Глаголы, сложенные съ εὐ, на аттическихъ надписяхъ приращенія не

*) По *Rev. Rev.* IX, p. 180, въ CIA. напечатано вѣрно εὐχθ[αι].

имѣютъ: εὐεργετήκα[σι CIA. II, 283, 10 (ок. 300 а. С.), εὐε[ργ]ῆ[ν]ηκα[ν ib. 271, 4 (302 а. С.), провозглаголеван 'Αθ. VIII, 295, 16 (III в.). Lautens. p. 5. Относительно рукописей сообщаетъ Vamb. Jb. XII, p. 46, что Arist. Plut. 835 codd. RVU читаютъ εὐεργέτησα, Plat. Crit. p. 43 A—Paris. A εὐεργέτηται, Isocr. IV, 56—cod. Urb. εὐεργέτησεν.

Правило у Moeris (p. 182 ed. Piets. ἤκασα 'Αττικῶς, εἶκασα 'Ελληνικῶς, Etym. M. 400, 26 (см. выше) и Herodian. ed. Lentz II, p. 326, 5; 486, 12 подтверждается аттическою надписью классическаго времени 'Εφ. ἀρχ. 1885, p. 88, ἐτ[η]κάσατο. У Θукидида II, 54, 5 имѣеть одинъ cod. Laug. ἤκαζον, Thuc. V, 92, 5 лучшія рукописи имѣютъ ἤκαζον, другія — εἶκαζον. Stahl, p. 60. У Эсхила имѣеть cod. Med. (prima manus безъ ι) ἤκασεν Choerph. 633, προσήκασεν Sept. 431, ἐτ[η]κασμένον ib. 445. Weckl., p. 35.

Прош. соверш. гл. οἰκοδομαῖν иногда не имѣеть приращенія въ надписяхъ: ναῶσοικοι οἰκοδομημένοι CIA. II, 807, с, 28; 808, d, 95; 811, с, 6 (330—322 а. С.), однако ib. 809, е, 55 ναῶσοικοι ἠκοδομημένοι (325/4 а. С.); ἐτ[η]φκδόμησεν CIA. II, 240, b, 5 (307 а. С.); διφκημέν[ων CIA. II, 240, b, 22 (307/6 а. С.); ἠκονομημένων ib. 836, B, p, 7 (ок. 270 а. С.); ἠκονόμηκεν ib. 329, 16 (ок. 270 а. С.); 444, 20 (160—150 а. С.); 446, 17 (ок. 150 а. С.). Vamb. Jb. XII, p. 46. Lautens. p. 4.

Глаголъ ἀνάλω приниμαеть приращеніе всегда послѣ предлога; слѣдовательно, ἀνήλωσα, ἀνήλωκα, а не ἀνάλωσα или ἠνάλωσα etc. Ср. CIA. I, 181, 1 ἀνήλωσαν (415 а. С.); ib. 181, 1 (410 а. С.); ἀνηλωκῶς CIA. II, 444, 18 (начала II в.); ἀνηλώσαμεν ib. Add. 834, с, 24 (317—307 а. С.); ἀνηλώθη ib. строка 20; ἀνήλωκεν Mitth. IX, 289 (200—150 а. С.); ἀνηλώθη CIA. II, 814, A, а, 32 (374/3 а. С.); ἀνηλώθησαν ib. 766, 64 (341—333 а. С.); ἀνήλωται CIA. II, Add. 834, b; I, 41. II, 4 (329/8 а. С.). Эти формы не измѣняются, если присоединяется новый предлогъ: проοанήλωσεν CIA. II, 379, 3 (вскорѣ послѣ 229 а. С.), проοанήλωσεν ib. II, 613, 11 (298/7 а. С.) и 379, 7. Ср. Moeris ἀνηλωμένον 'Αττικῶς, ἀναλωμένον 'Ελληνικῶς. Невѣрно утверждаетъ Thom. Mag. p. 141, 16 ἀνάλωκα καὶ ἀνάλωσα 'Αττικῶί, τὸ δὲ μετὰ αὐτήσεως ταῦτα λέγειν οἶον ἀνήλωκα καὶ ἀνήλωσα κοινόν. Riem. Rev. IX, p. 86. Lautens, p. 5 sq. Meisterh., p. 78.

Аог. и imperf. гл. ἐργάζομαι встрѣчаются въ надписяхъ IV вѣка семь разъ съ начальнымъ звукомъ η, одинъ разъ съ ε: ἠργάζον[το CIA. II, 14, а, 17 (387/6 а. С.), ἐτ[η]ργάσατο ib. 834, 10, 23 (330—300 а. С.), ἐτ[η]ργάσα[το 240, b, 6 (307/6 а. С.), ἠργάσατο 780, 8 (ок. 300 а. С.),

782, 11 (ок. 300 а. С.), ἡργάσατο Bull. II, 547 (IV вѣка); однако катарγάσθησαν CIA. II, 809, b, 117 (325/4 а. С.). Отъ perf. имѣется въ надписяхъ того же времени пять ¹⁾ примѣровъ съ начальнымъ е: катарγασμένα CIA. II, 767, 27 (335/4 а. С.), кат[ε]ργασ[μ]ένα ib. строка 3; катарγ[ασ]μένα CIA. II, 762, 4 (IV в.), кат[ε]ργα[σ]μένα ib. 758, B, 40 (послѣ 334 а. С.), катарγασμένα ib. 751, B, b, 14 (350—314 а. С.). Lautens, p. 4.—Weckl., p. 36, и Herw., p. 79, считали правописание черезъ η ошибочнымъ, хотя оно упоминается уже у древняго грамматика Херобоска Gram. anecsd. Ox. IV, p. 412, 22 ἐργάζομαι, εἰργάζομαι ὅπερ καὶ διφορεῖται, τινὲς μὲν γὰρ διὰ τῆς εἰ διφθόγγου γράφουσιν αὐτό, τινὲς δὲ διὰ τοῦ η. Riem. Rev. V, p. 145, принималъ формы, начинающіяся съ η, за народныя, въ литературномъ языкѣ не употребительныя. Очень вѣроятно мнѣніе Вакарнагея (Philol. Anzeig. XVI, p. 80), предполагающаго, что е свойственно удвоенію, η же приращенію: подтверждается эта разница формами ἑώρων, ἑάλων ²⁾ съ одной, и ἑώρακα, ἑάλωκα ³⁾ съ другой стороны. Методичнѣе будетъ во всякомъ случаѣ ЕРА CIA. IV^a, 321, I, 39 читать ἡργάζετο. чѣмъ εἰργάζετο, какъ читаетъ Кирхгофъ въ транскрипціи; такимъ же образомъ мы читаемъ поэтому ib. II, 26 ἡ[ρ]γάζετο и II, 30 ἡργάζετο. Кроме того, встрѣчается еще отъ того же корня, отъ котораго происходятъ ἐργάζομαι, форма συνήρ[γ]ησεν CIA. II, 313, 11 (286/5 а. С.) и въ другихъ нарѣчіи дорическое ἐτηργάετο CIA. I, 423, 5 (раньше 480 а. С.); ἡργά[σ]ετο Kaib. Epigr. 778 (Kalymna), συνήρησαν Mitth. I, 240, 15 (Andros). Lautens., p. 4. Въ папирусѣ Hyperid. IV, col. 44 читается также ἡργάζετο. Meyer. Gr. ², p. 425.

Глаголь εἰλωε имѣеть въ классическое время приращеніе е: κα]θεἰλωσεν CIA. II, 791, 23 (377/6 а. С.), εἰλωσε ib. Add. 834, b, I, 23. 56 (329/8 а. С.), Add. 834, c, 53 (317—307 а. С.); но въ I вѣкѣ η: καθήλων CIA. II, 470, 20 (69—62 а. С.). Lautens., p. 4.

Форма ἐτέτασεν CIA. II, 835, a—b, 16, говорить Riem. Rev. IX, p. 86, основывается или на ошибочномъ чтеніи со стороны издателя, или на ошибкѣ рѣзчика; вѣрно читается ἐτητάσθη CIA. II, 716, 13.

Лористъ εἰκαῖν считаютъ теперь обыкновенно происшедшимъ изъ

¹⁾ Другъ надписей не слѣдуетъ принимать въ расчетъ, такъ какъ онъ относится къ I вѣку до Р. X.: Mitth. VIII, 59, 12 (начала I вѣка) τῶν ἡργασμένων (Meisterh., p. 80, пишетъ ошибочно ἡργασμένων) и 'Еф. ἀρχ. 1884, 170, 21 ἐκαίρ-γασατο.

²⁾ Ср. Arist. Vesp. 355.

³⁾ Ср. Aesch. Ag 30.

φεφελαίν. Meisterh., p. 79, видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что еще до Евклида писали постоянно ЕПЕ, а не ЕПЕ, доказательство того, что ι принадлежитъ въ корню. Lautens., p. 14, справедливо возражаетъ, что и другія слова встрѣчаются до Евклида часто съ дифтонгомъ $\epsilon\iota$, хотя и въ нихъ ι не коренная. Такъ, напримѣръ, находится часто уже въ V вѣкѣ $\epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$ рядомъ съ $\epsilon\upsilon\alpha\iota$, какъ CIA. I, 1, B, 4, 25. 36. 36, 13. 57, а, 36; $\epsilon\iota\mu\iota$ съ $\epsilon\iota$ въ VI вѣкѣ CIA. I, 475, 484, 492, 7; $\epsilon\iota\chi\epsilon$ CIA. I, 324, с, II, 18 (408/7 а. С.). Если же пишется постоянно $\epsilon\iota\pi\epsilon$, то это, можетъ быть, объясняется тѣмъ, что оно употребляется постоянно въ извѣстныхъ формулахъ, такъ что такое правописаніе вошло въ привычку. Lautens., p. 14.

Perf. act. гл. $\acute{\omicron}\rho\acute{\alpha}\omega$ въ надписяхъ не встрѣчается. У трагиковъ находится только $\acute{\omicron}\rho\omega\pi\alpha$, такъ что остаются одни только комеди, у которыхъ форма $\acute{\epsilon}\omicron\rho\alpha\chi\alpha$ часто защищена развѣромъ; ср. Arist. Nub. 767. Plut. 98. 1045, Thesm. 33. 35. Av. 1573. Ту же форму упоминаетъ Herodian. ed. Lentz II, p. 170 not. $\tau\acute{o}$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\acute{\epsilon}\omega\theta\omicron\upsilon\omicron\nu$ $\acute{\omega}\sigma\pi\epsilon\rho$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\acute{o}$ $\acute{\epsilon}\omega\rho\omega\nu$ $\pi\lambda\epsilon\upsilon\sigma\alpha\sigma\mu\acute{o}\nu$ $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota$ $\tau\omicron\upsilon$ ϵ $\acute{\omega}\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\acute{o}$ $\acute{\epsilon}\omega\rho\alpha\chi\alpha$, $\acute{\omicron}\pi\epsilon\rho$ $\kappa\alpha\iota$ $\delta\iota\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon$ \omicron $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\tau\alpha\iota$ „ $\mu\omicron\lambda\lambda\omicron\upsilon$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma$ $\omicron\upsilon\chi$ $\acute{\epsilon}\omicron\rho\alpha\chi\acute{\alpha}$ $\kappa\omega$ $\chi\rho\acute{o}\nu\omicron\upsilon$ “ Aristophάνης ἐν Πλούτῳ (v. 98), гдѣ впрочемъ называется и другая форма $\acute{\epsilon}\omega\rho\alpha\chi\alpha$ (ср. и Herod. II, 788, 25). Последняя форма основывается, кромѣ приведенныхъ мѣстъ изъ грамматика, только на рукописномъ преданіи, никакой доказательной силы не имѣющемъ. Такъ какъ форма $\acute{\epsilon}\omicron\rho\alpha\chi\alpha$ сохранилась нѣсколько разъ въ cod. Parisin. Σ Демосфена, то методичная критика должна признать за единственно аттическую форму $\acute{\epsilon}\omicron\rho\alpha\chi\alpha$. Того же мнѣнія держатся А. Нанкъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1878, июнь, стр. 245, Stahl, p. 59, Диндорфъ и др.; за $\acute{\epsilon}\omega\rho\alpha\chi\alpha$ стоитъ Вамбергъ Zeitschr. f. d. G. 1874, p. 21 sq.

На основаніи Herod. ed. L. II, p. 790 $\mu\epsilon\tau$, $\theta\acute{\iota}\nu\omicron\tau\alpha\iota$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\mu\omicron\lambda\lambda\acute{\alpha}\chi\iota\varsigma$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\tau\tau\iota\kappa\omicron\iota\varsigma$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\beta\rho\alpha\chi\epsilon\iota\alpha\varsigma$ $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\iota\varsigma$, $\acute{\omicron}\mu\omega\mu\omicron\chi\alpha$ $\acute{\omega}\mu\omega\mu\acute{o}\chi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\alpha}\gamma\eta\theta\alpha$ $\acute{\eta}\gamma\theta\acute{o}\chi\epsilon\iota\nu$ и lb. 268, 18 sq. $\tau\acute{\alpha}$ $\acute{\alpha}\tau\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$ $\pi\alpha\rho\alpha\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\alpha$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\tau\acute{\omega}$ $\acute{\omicron}\pi\epsilon\rho\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\omicron\upsilon$ $\chi\rho\nu\iota\kappa\omega\varsigma$ $\mu\epsilon\gamma\epsilon\theta\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon\tau\alpha\iota$ $\omicron\iota\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\lambda\eta\lambda\iota\phi\alpha$ $\acute{\eta}\lambda\eta\lambda\acute{\iota}\phi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\omicron}\mu\omega\mu\omicron\chi\alpha$ $\acute{\omega}\mu\omega\mu\acute{o}\chi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\alpha}\gamma\eta\theta\alpha$ $\acute{\eta}\gamma\theta\acute{o}\chi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\epsilon}\nu\eta\theta\alpha$ $\acute{\eta}\nu\eta\theta\acute{o}\chi\epsilon\iota\nu$, $\acute{\omicron}\pi\omega\pi\alpha$ $\acute{\omega}\pi\acute{\omega}\pi\epsilon\iota\nu$, $\delta\lambda\omega\lambda\alpha$ $\acute{\omega}\lambda\acute{\omega}\lambda\epsilon\iota\nu$, $\delta\rho\omega\rho\alpha$ $\acute{\omega}\rho\acute{\omega}\rho\epsilon\iota\nu$, $\delta\delta\omega\delta\alpha$ $\acute{\omega}\delta\acute{\omega}\delta\epsilon\iota\nu$, $\pi\lambda\acute{\eta}\nu$ $\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\epsilon}\lambda\eta\lambda\upsilon\theta\alpha$, $\acute{\epsilon}\lambda\eta\lambda\acute{\upsilon}\theta\epsilon\iota\nu$ $\gamma\acute{\alpha}\rho$ $\acute{\omicron}$ $\acute{\omicron}\pi\epsilon\rho\sigma\upsilon\nu\tau\acute{\epsilon}\lambda\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma$ (ср. Anecd. Ox. IV, 416 fol. 108 b; Etym. M. p. 330, 4) и рукописнаго преданія даетъ Вамбергъ Zeitschr. f. d. Gw. 1874, p. 19—21, слѣдующее правило о plsqrfl. глаголовъ, имѣющихъ аттическое удвоеніе:

1) глаголы, начинающіеся съ \omicron , имѣютъ „приращеніе: $\acute{\alpha}\pi\omega\lambda\acute{\omega}\lambda\epsilon\iota\nu$; $\acute{\omega}\rho\omega\rho\acute{\upsilon}\gamma\mu\eta\nu$, $\acute{\omega}\rho\acute{\omega}\rho\epsilon\iota\nu$ (Aesch. Ag. 653. Soph. OC. 1622; $\acute{\omicron}\rho\acute{\omega}\rho\epsilon\iota$ въ эпи-

чексомъ гексаметръ Arist. Pax 1287) ὠρωρόθειν. Формы ὠρώκειν и ὠδώθειν не защищены рукописнымъ преданіемъ.

2) Глаголы, начинающіеся съ ε, имѣютъ приращеніе: ἤκηόθειν (Arist. Vesp. 800, Pax. 616); относительно другихъ (ἤγηόθειν, ἤληλίφθειν) рукописи не даютъ никакой опоры.

3) Глаголы, начинающіеся съ ε: рукописи и свидѣтельства грамматиковъ достаточно доказываютъ отсутствіе приращенія въ ἐληλόθειν. Въ пользу приращенія другихъ говорятъ вообще свидѣтельства грамматиковъ, ἤνηνόθειν даже прямо называется. Рукописное преданіе говоритъ противъ приращенія при ἐληλέμην, ἐνηνόθειν, ἐρηγήόθειν (Arist. Eccl. 32. Plut. 744). По Фотію, Мевандръ употреблялъ ἐρηγήόθειν и ἤρηγήόθειν.

Что касается мѣста приращенія въ сложныхъ глаголахъ, то рукописное преданіе въ общемъ подтверждается сохранившимися на надписяхъ глагольными формами; ср. Lautens., p. 6. Глаголь ἀνορθοῦν имѣетъ двойное приращеніе: ἐπληνωρθώθη Syll. 373, 4 (съ остр. Микона). Глаголы, произведенные отъ сложныхъ именъ, принимаютъ, какъ извѣстно (Kühner. Ausf. Gr.² I, p. 517), приращеніе послѣ предлога, какъ видно по примѣрамъ изъ надписей: ἐπεστάτα (отъ ἐπιστάτης) CIA. I, 8, 3 (500—450 а. С.); 40, 4. 34 (424/3 а. С.); παρεσπονηκότος (отъ παρόσπονδος) CIA. II, 332, 32 (271—265 а. С.), συνήρ[γης]ε (συνεργός) ib. 313, 11 (286/5 а. С.). Глаголь ἐναντιοῦσθαι въ надписяхъ, кажется, не встрѣчается; по аналогіи другихъ глаголовъ слѣдовало бы ожидать формы ἐνηντιοῦσθην ἐνηντίωμα. Рукописи однако даютъ вездѣ только формы съ ἤνανт- начинающіяся; однако Arist. Av. 865 нельзя удержать рукописное чтеніе: ἄλλα μὴν οὐδ' ἄλλο σοὶ κω πρᾶγμ' ἤναντιώμεθα, и уже Вентли исправилъ по указанію размѣра ἐνηντιώμεθα. Кобетъ (Mnemos. III, p. 297) предлагаетъ такъ читать и Thuc. II, 40, 4 и видитъ подтвержденіе своего мнѣнія въ испорченномъ мѣстѣ Гезихія: ἤντησεν' ἀπῆντησεν, ἰκέτευσεν. Θεουκιδίδης δὲ τὸ ἤντιώμεθα ἐπὶ τῷ ἐναντιώμεθα. „Duae glossae in unam coalescunt. Quid scripserit grammaticus apertum esse arbitror, quibus verbis scripserit non apparet. Habebat ἡ παλαιὰ Ἀττικὴ formam ἐνηντιώμαι, pro qua recentiores constanter ἤναντιώμαι dicere solebant“.

с) Неуправильное употребленіе приращенія.

Приращеніе проникало иногда изъ историческихъ временъ въ изъяв. накл., причаст. и даже существительныя. Meisterh., p. 79 приводитъ εἰσθηκότα CIA. I, 324 с, 19 (408/7 а. С.), что имѣетъ свою аналогію въ многочисленныхъ примѣрахъ съ формами εἰσθηκα, εἰσθημαι,

приведенныхъ у Meyer Gr.², p. 124, изъ неаттическихъ надписей; ἀνήλωρα CIA. II, 595, 12 и 624, 5 (II в.), ἀνηλώσας CIA. II, 594, 16 (127 а. С.) ср. 595, 4; εἰσάμενος Bull. V, 262 (I в.). Εἰλικτήρας CIA. II, 698, II, 23 (353 а. С.) не произошло впрочемъ изъ приращенія, а слѣдуетъ признать здѣсь ионизмъ. Ср. Wackernagel, Phil. Anz. 1886, p. 80.

Производство временъ. Meisterh., p. 80—81.

а) Будущее время.

Отъ многосложныхъ глаголовъ на -ιζω буд. вр. образуется въ аттическихъ надписяхъ до II вѣка всегда безъ σ: ἐπιφημιῶ CIA. IV, 27, а, 10 (415 а. С.), λογιεῖσθαι CIA. II, 578, 13 (послѣ 340 а. С.), κοινοῦνται Ib. 387, 13. Къ примѣрамъ Meisterганса прибавляетъ Lautens., p. 17, σονφρονεῖσθαι 'Αθ. VIII, 295, 18; Ib. 21 κοινοῦνται (III в.). Лишь въ одномъ сомнительномъ случаѣ имѣется въ прозѣ окончаніе -ίσιω: περιεκεντρίσει CIA. II, 167, 62 рядомъ съ χαλοκτερίει строка 71 и μαριεῖται строка 110 (послѣ 307 а. С.). Негр., p. 69.

Глаголь σκευάζω образуетъ по II в. до Р. X. буд. вр. правильно: ἐπισκευάσει CIA. II, 167, 46 (334—326 а. С.), κατασκευάσοοισιν (III в.). Лишь во II половинѣ II в. встрѣчается отъ этого глагола fut. attic.: κατασκευῶσι[ν CIA. II, 405, 5; μετακατ]ασκευῶσιν Ib. 404, 14, но строка 32 μετακατασκευάσοοντες.

Будущія καλῶ и τελέω встрѣчаются въ надписяхъ по одному разу: ὑποτελέω CIA. IV, 27, а, 26 (ок. 445 а. С.), παρακαλοῦσι CIA. II, 311, 47 (266 а. С.). παρακαλέ[σ]οοισιν CIA. II, 598, b, 20 относится лишь къ II вѣку.

Страдат. зал. буд. вр. на -ήσομαι имѣется въ надписяхъ лишь въ формѣ ἐγ[λ]αγήσομαι 'Αθ. VIII, 408, 16—CIA. IV², 27, b, 16 (раньше 429 а. С.) рядомъ съ ἐγλεχθῆ. Формы на -θήσομαι см. Lautens., p. 17.

б) Аористъ.

Глаголы на -αίνω и -ραίνω въ надписяхъ также имѣютъ аор. только на -ᾶναι: λείαναι CIA. I, 282, 8 (415 а. С.), ἐντετρά[ν]αναι CIA. II, Add. 834, b, II, 40 (329 а. С.). Arist. Thesm., 18 διετετρήνατο сказано, по мнѣнію Резерфорда (Vamb. Jb. XII, p. 48), для осмѣянія Еврипида.

„Окончанія I аориста проникаютъ мало по малу и во II-й аористъ“, говоритъ Meisterгансъ, стр. 81, не только относительно глаголовъ ἔχω и εὐρίσκω, отъ которыхъ со временъ императоровъ находятя формы ἔσχα (CIA. III, 1363, 5), εὐράμενον (CIA. III, 900, 6 времени Адриана), εὐράτο (Kaib. Epigr. 873, 6; III в. по Р. X.), но

и относительно формъ εἶπας и εἶπάτω, которыя встрѣчаются въ надписяхъ будто бы лишь съ 300 г. до Р. X. Последнее во всякомъ случаѣ не точно, такъ какъ 'Еф. ἄρχ. 1884, 71, 19, приводится надпись V вѣка съ формой ἀνεἰπάτω, тогда какъ Мейстергансу извѣстенъ только примѣръ CIA. II, 614, 17 (ἀνεἰπάτω ок. 281 а. С.) и CIA. II, 681, 8 (IV — III в.) εἶπας = εἶπών. Совершенно вѣрно возражаетъ *Mem. Rev.* IX, p. 180, противъ поспѣшнаго вывода Мейстерганса изъ слишкомъ скуднаго матеріала, обнаружившагося въ надписяхъ. „Съ одной стороны“, говоритъ онъ, — „извѣстныя формы I-го аориста, кажется, исключительно употреблялись въ аттическомъ нарѣчій: такъ какъ надписи представляютъ столь же мало εἶπας, какъ εἶπας, столь же мало ἦνευχας, какъ ἦνευχας и т. д., то нѣтъ основаній не продолжать пока предполагать, что аттическія формы гласили εἶπας, ἦνευχας, а не εἶπας, ἦνευχας. Съ другой стороны, изъ того, что существуетъ два эпиграфическихкія примѣра въ пользу ἐνευχάτω, и нѣтъ ни одного въ пользу ἐνευγάτω, мы не имѣемъ никакого права заключить, что ἐνευγάτω не аттическая форма; все, что можно сказать, это то, что ἐνευχάτω, очевидно, хорошая аттическая форма“.

Лишь во время римскихъ императоровъ проникаютъ формы I-го аориста и въ *imperf.*: ἤλιπα (*Kaib. Epigr.* 167, 5), ἦφερα (*ib.* 168, 2—CIA. III, 1379; III в. по Р. X.). Въ другихъ, неаттическихъ надписяхъ проникаютъ окончанія аориста даже въ *perf.*; ср. *καρέλλησαν* (*Syll.* 171; 246 — 226 а. С. изъ Смирны), *διατάλεσαν*, *ἀντάτωσαν*, *εἰσῆχσαν*, *πεκοίησαν* (*Syll.* 255. I в. до Р. X. изъ Лаконики). Аттическія надписи представляютъ только обыкновенныя формы, ср. *διατάλεσαν* (*Syll.* 471, 41; I в. до Р. X.), *καίλαστήσαν* (CIA. II, 478, с. 3; 68—48 а. С.).

Прошедшее совершенное и аористъ страдательнаго залога:

О *perf.* и аог. *pass.* Мейстергансъ умалчиваетъ. Мы дадимъ здѣсь, на основаніи замѣтокъ у *Weckl.*, p. 60—62, *Mem. Rev.* V, 176, IX, p. 89, *Vamb. Jb.* XII, p. 48 и *Lautens.* p. 23, слѣдующій обзоръ новѣйшимъ разысканіямъ: По матеріалу, собранному у Веклейна (l. с.) видно, что у позднѣйшихъ грековъ существовала склонность прибавлять (а не выпускать, какъ говоритъ *Lobeck ad Soph. At. v.* 104) σ въ *perf.* и аог. *pass.*, какъ, напримѣръ, *Thuc.* III, 61 читается въ рукописяхъ даже *ἦτισσόμενον*, III, 54 *δεδρασσόμενον*. Веклейнъ полагаетъ, что трагикамъ, Аристофану, Эукидиду, Ксенофону и даже Платону свойственны одиѣ болѣе древнія формы: $\sigma\epsilon$ -

οαμαι, κέχλημαι, νένημαι ¹⁾, κέχλαομαι, κέχρομαι, πέκρημαι, ἐκολούθη, ἐκαύθη, ἄλουτος, ἐγκαυτός. Тамъ, гдѣ существуютъ двѣ формы, можно заключить, что форма безъ σ есть болѣе древняя. *Reim. Rev.* V, p. 176, прибавляетъ, что при этомъ впрочемъ надо имѣть въ виду, что извѣстное число глаголовъ не имѣетъ σ въ *perf. pass.* и передъ суффиксомъ, начинающимся съ μ, а имѣетъ σ въ *aor. pass.* и передъ суффиксомъ, начинающимся съ τ, и приводитъ примѣры: ἐμνήσθη, μέννημαι, ἐβρώσθη, ἐβρωμαι, ἐνεπρήσθη (πρηστήρ) πέπρημαι, ἐχρίσθη (χριστός), κέχρημαι (χρῖμα), ἐδράσθη (δραστικός, δραστήριος), δέδραμαι (δράμα), ἐκλήσθη или ἐκλείσθη, κέκλειμαι, ἐζωμαι (ὑποζώματα *CIA.* II, 728, B, 12. 20) ἐζώσθη (судя по формѣ *Zωστήριος CIA.* I, 273, f, 24). Въ надписяхъ встрѣчается *προσχεχρωμένοι CIA.* II, 720, B, 14. 20, поэтому Риманъ считаетъ оправданнымъ у *Arist. Ach.* 459 чтение ἀποχεχρωμένον (рукописи ἀποχεχρουμενόν), заключение, къ которому ужъ раньше пришелъ Диндорфъ, на основаніи чтенія *codd. A* и *B* у *Athen.* XI, p. 479 *B* и грамматика *Bekk. Anecd.* I, p. 429, 9 ἀποχεχρωμένον οἶον ἤρωτισμένον καὶ κακολοβωμένον καλίσιχιον κтл. οὕτως Ἀριστοφάνης Ἀχαρνεῦσιν ²⁾. По формѣ χώμα *Syll.* 112=*CIA.* II, 809, b, 16 (325 а. С.) можно заключить, что *perf. pass.* глагола χεῶν было κέχωμα. Что каіω образовывало глагольн. прилагательное καυτός ³⁾, можно заключить по ἐγκαυταῖς *CIA.* I, 324, а, 42. 49; с, II, 12. 27. (408 а. С.). *Стρωτήρας CIA.* II, 167, 60 (вскорѣ послѣ 307 а. С.) позволяетъ предполагать ἐστρώθη; за *perf. pass.* τέταομαι говорить ἀπ[ότ]μα *CIA.* II, 1068, 26 (350 — 300 а. С.), за κέχλαομαι—существительное κλάσματα *CIA.* II, 678, B, 33 (378—366 а. С.); за ἐξωμαι—ἐσωμάτων *CIA.* II, Add. 834, с, 36 (317 — 307 а. С.). Ср. еще ἀνοπ[όζωσ]ος *CIA.* II, 789, b, 79 и ἀνοπόζ[ωσ]ο; строка 83 (374 а. С.; дополнение на основаніи числа недостающихъ буквъ несомнѣнно). Что γ-γνώσχω въ древнее время въ *aor. pass.* не имѣло σ, можно заключить на основаніи формъ: γνωτός (поэт. *Kaib. Ep.* 91; IV в.), ἀγνωτος, εὔγνωτος, πολύγνωτος, но σ, должно быть, была рано принята, уды по *CIA.* I, 9, 30 *κατα]γνώσθη (время Кямона); ср. καταγνώσ-

¹⁾ *Dindorf ad Arist. Eccl.* 839 ἐπινενημένα: „Correxī ex Phrygīcho in *Bekk. Anecd.* p. 13, 24 ἀγαθῶν πάντων ἐπινένηται ἢ τράπεζα: ἀντὶ τοῦ οὐσώρεται, μεμέστωται, ut *Nub.* 1203 νενημένοι: pro νενημένοι vel νενασμένοι: scribendum erat“.

²⁾ κέχρομαι: читается у *Херобоска Herodian.* ed. L. II, p. 811 (подъ текстомъ) въ перечнѣ прошедш. соверш. безъ σ, гдѣ Риманъ считаетъ нужнымъ исправить κέχρομαι.

³⁾ *Plat. Tim.* 85 С читается въ рукописяхъ περὶκαυτα. *Vamb. Jb.* XII, p. 49.

θέτος Mitth. II, 143, 30 (364 — 362 а. С.), Γνωστή CIA. II, 812, b, 57 (323 а. С.). Part. perf. pass. νῆνημένη (отъ νᾶω, νῶ пряду ¹⁾)=poet. νῆθω) имѣется CIA. II, 757, 23 (335 а. С.). Lautens., p. 22.

Въ σ обращается ν передъ μ въ ὄφαίνω: ἐνοφασμένα CIA. II, 754, 9 (349—344 а. С.); 755, 3 (349—344 а. С.); но ὄφάρματα Ib. 678, B, 67 (378—366 а. С.); σημαίνω: σεσημασμένος CIA. II, 661, d, 29 (ок. 390 а. С.); 672, 41 (376 а. С.); 676, 13 (400—350 а. С.); 690, 10 (ок. 350 а. С.). Lautens., p. 20. III л. ед. ч. σοσῆμαν[τ]αι CIA. II, 666, 6 (ок. 385 а. С.). II л. ед. ч. такихъ глаголовъ не засвидѣтельствовано ни надписями, ни въ литературѣ; очень сомнительно поэтому, имѣемъ ли мы право образовать формы въ родѣ κέφανσαι, σοσῆμανσαι, ᾤξονσο.

Глаголы на -μι. Meisterh., p. 81—83.

1. τίθημι, ἴημι, δίδωμι, ἴστημι.

II л. ед. ч. наст. вр. глаголовъ τίθημι и ἴημι гласило, судя по нашимъ грамматикамъ, τίθης и ἴης, и такимъ образомъ пишутъ въ своихъ изданіяхъ Диндорфъ и Найдъ (ср. Soph. Phil. 992. Ant. 403. El. 596. OC. 425. Eur. Cycl. 545), хотя во многихъ мѣстахъ лучшія рукописи имѣютъ форму τίθεις или τιθείς. Размѣръ въ этомъ случаѣ бесполезенъ, а въ надписяхъ названная форма не встрѣчается, такъ что почти только на основаніи рукописей можно сдѣлать заключеніе о языкѣ древнихъ аттиковъ. Самое вѣское доказательство въ пользу формы ἴεις представляетъ стихъ Касторіона у Athen. X, p. 455 A, гдѣ, какъ самъ Аенней говоритъ, каждая диподія состоитъ изъ 11 буквъ и слѣдовательно писать нужно:

μισσοκόλα θήρ, χρόχουτον δς μείλιγμ' ἴεις.

Рукописи имѣютъ ἴεις, ἴεις и ἴης. На необходимость писать ἴεις указывалъ еще до Кобета (Var. Lect. p. 221) Порсонъ. Кобетъ (Mnemos. IX, p. 373) указывалъ на то, что Plat. Soph. 238 E и 249 B. cod. Bodlei. вѣрно сохранилъ ξυνιεις, а Шавецъ (Nov. Comment. Platon. Wirseburgi 1871, p. 50) прибавляетъ, что въ указанныхъ мѣстахъ такъ читаютъ и другія рукописи. Вамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 28) сообщаетъ, что Arist. Eq. 717, Lys. 895 и Plut. 45 рукописи имѣютъ формы ἐντιθεις, διατιθεις, ξυνιεις. На необходимости писать τιθεις,

¹⁾ Не νᾶω; ср. Etym. M. 344, 1=Herodian. ed. L. II, p. 302, 14: ἐννη: ἔστε νῶ, σημαίνει τὸ νῆθω· ὁ παρατατικός και ἐπὶ πρώτης συζυγίας και ἐπὶ δευτέρας. εἰ γὰρ ἔστι νῶμενος ὡς κλάμενος, δηλονότι ἔστι δευτέρας· τοῦ νῶ παρατατικός ἐνων, ἐνης, ἐνη κτλ.

іαις вновь наставляеть Наберъ (Memos. N. S. IX, p. 238). Кюверъ (A. Gr.² I, p. 644 Anm. 4) во всякомъ случаѣ не правъ, защищая удареніе τῖθαις и іαις и считая эти формы свойственными однимъ поэтамъ.—Meuser. Gr.², p. 85.

Въ III л. множ. ч. надписи имѣють только формы на -αι δαδῶσαι CIA. IV, 51, e, 11 (410 а. С.), δαδῶσαν 'Αθ. VIII, 153, 20 (347 а. С.), ἀποτιθέσαι Ib. строка 34.

Ед. ч. несоверш. прош. имѣеть формы, образованныя по аналогіи слитныхъ глаголовъ: ἀκεδίδοο CIA. II, 811, c, 110 (323 а. С.); ἀφίαι Ib. 306, 15 (ок. 287 а. С.) Lautens, p. 8.

По Vamb. Jb. XII, p. 49, считаетъ Rutherford, p. 463, за одинаково хорошія аттическія формы: ἀνίστασο и ἀνίστω, ἐπίστασο и ἐπίτω, ἤκιστασο и ἤκιστω. Ср. Kühner, Ausf. Gr.² I, p. 540. Anm. 1 и p. 817. Софокль употребляетъ ἐπίτω и ἐπίστασο часто. Аристофанъ пишетъ въ триметрѣ ἴστω Escl. 737, εἴξιστω Ach. 617, ἐπανίστω въ анапестяхъ, ἀνίστασο въ лирическомъ мѣстѣ Vesp. 286, κρίω говоритъ Ach. 35 аеипянинъ, κρίασο—акаряннинъ. На этомъ основаніи можно, кажется, заключить, что аеипяне употребляли въ разговорномъ языкѣ слитныя формы и что правъ Moeris, p. 19: ἀνίστω 'Αττικῶς, ἀνίστασο 'Ελληνικῶς. Ср. Thom. Mag. p. 12, 9: ἀνίστω 'Αττικοί, οὐκ ἀνίστασο. Suid. p. 441 Βερηη. ἀνίστω ἀντί τοῦ ἀνίστασο.

Свѣдѣнія объ аористѣ у Lautens., p. 12, полиѣе, чѣмъ у Meisterh., p. 81. Первый говоритъ: Въ двойств. и множ. ч. употребляются въ VI и V вѣкахъ до Р. X. однѣ формы безъ κ ἀνατίθην CIA. I, 351 (VI в.). παρέ]δωκεν, Ib. 294, 40 (452—444 а. С.). Эти формы преобладають въ IV в. до Р. X. на столько, что съ 385—300 гг. на 133 формы безъ κ приходится лишь 10 съ κ. У Meisterergанса недостаетъ примѣровъ ἐδῶκ]αμεν CIA. II, Add. 737, B, 28 (306—304 а. С.) и ἐδῶκ]αν 'Εφ. ἀρυ. 1883, 121, β, 29 (329 а. С.); I л. мн. ч. съ κ встрѣчается въ первый разъ въ 329 г. до Р. X. παρ-δῶκ]αμεν CIA. II, 808, d, 47 рядомъ съ 19 формами безъ κ: παρέ]δωκεν, ἐπέδωσαν. Съ 300—30 гг. до Р. X. встрѣчаются только формы на -κιν (26 примѣровъ). Со времени императоровъ являютъ опять формы на -σιν, такъ что 5 формъ съ этимъ окончаніемъ приходится на 12 съ -κιν. О драматическихъ поэтахъ сообщаетъ Vamb. Jb. VIII, p. 206, что находится въ триметрѣ ἴθηκιν Eur. Or. 1166. 1641. Phoen. 30. Пегс. f. 590, fr. 455; въ лирическихъ частяхъ встрѣчается ἴθηκιν Bacch. 129; ἐδῶκ]αμεν, ἐδῶκ]ιν и сложныя формы находятъ Med. 629. Cycl.

296. *Негаcl.* 463, fr. 488 и въ апаестич. стихѣ *παρέδωκαν* *Nub.* 969. Это всё мѣста, гдѣ встрѣчаются у сценическихъ поэтовъ формы съ *х*.

Прошедшее совершенное *вр*.

Надписи представляютъ исключительно *perf.* τέθηκα: τ]εθη[χ]ήτας *CIA.* II, 1053, 7 (400—350 а. С.), ἀνατέθηκεν *ib.* 835, A, d, 45 (320—317 а. С.), ἀνατεθηκότων *Ἐφ. ἀρχ.* 1884, 137, 44 (307—286 а. С.) и *CIA.* II, 408, 38 (конца III в.). Лишь въ I в. до Р. X. встрѣчается форма τέθεικα, известная изъ нашихъ грамматикъ: ἀνατεθεικάσιν *CIA.* II, 470, 71. 80 (69—62 а. С.). Кирхгофъ не имѣетъ права читать: *CIA.* I, 19, 2: ΟΕΚΟΕ τε]θεικώς, а слѣдовало бы транскрибировать τε]θηκώς. Херобоску (870, 5 = *Herodian.* ed. L. II, p. 836, 40) известна форма τέθηκα, но онъ говоритъ, что τέθεικα имѣло перевѣсъ надъ τέθηκα: ἔστιν οὖν θήσω ὁ μέλλων καὶ τέθηκα ὁ παρακείμενος διὰ τοῦ η ᾠσπερ ποιήσω παποιήκα καὶ κατὰ τροπήν Βοιωτικὴν τοῦ η εἰς τὴν αι διφθόγγου γέγονε τέθεικα διὰ τῆς αι διφθόγγου ᾠσπερ ἤρωας, εἶρωας: οὕτως δὲ καὶ ἐπακράτησεν γράφεσθαι. Слѣдуетъ ли полагать, что вездѣ, гдѣ τέθεικα встрѣчается въ нашихъ текстахъ, оно искажено позднѣйшими переписчиками? *Riem. Rev.* IX, p. 181, того мнѣнія, что такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ и что, еслибъ τέθηκα было единственною аттическою формою, то грамматикѣ должны бы были знать это. Во всякомъ случаѣ нужно ждать новыхъ открытій; но очевидно, что τέθειка образовалось по аналогіи формы εἶκα (*ἀφαῖκα* *CIA.* II, 811, с, 119). Ср. *Meuser Gr.*², p. 86 и 490.

Судя по *CIA.* I, 324, с, 19 *πρ]ο[οσετ]ήτα* и рядомъ съ этимъ ε(ι)στηκότα (408 а. С.) и ἔστ[η]εν *CIA.* IV, 477 в (V в.), формы прош. сов. гл. ἔσταμαι, произведенныя отъ основы ἔστα-, не менѣе свойственны аттическому языку классическаго времени, чѣмъ болѣе длинныя отъ основы ἔστη-.

Надписи IV в., впрочемъ, представляютъ одни послѣднія образованія: ἐφεστήκασιν *CIA.* II, 564, 9 (350—300 а. С.), ἐστήκῃσι *ib.* 758, B, II, 32 (ок. 334 а. С.), καθ᾽εστηκότας *ib.* 809, а, 184 (325 а. С.), καθεστημένοι *ib.* 812, а, 149 (323 а. С.) и др. *Riem. Rev.* IX, p. 90, *not.* 2, говоритъ о взаимномъ отношеніи обоихъ образованій въ литературѣ: онъ сообщаетъ наблюденіе Гервердена (*Studia Thucydidea*, p. 113 sqq.), что у Фукидида встрѣчаются только формы отъ основы ἔστα- за исключеніемъ род. пад. женск. р. (*ἀφεστηκυίας*), и даетъ затѣмъ длинный списокъ формъ обоихъ родовъ изъ трагиковъ и Аристофана; изъ его списка видно, что формы съ *х* сравнительно рѣдки у этихъ поэтовъ: встрѣчаются только ἔστήκασι (*Eug. Cycl.* 681, *Fragm.* 994),

ἐκασοτήκη (Ag. Av. 554), καθεοτήκη (-η? Soph. Al. 1074), ἐστῆκος (Eur. Hel. 438).

Среди р. причастія ἐσῶς въ надписяхъ не встрѣчается, такъ что съ нихъ помощью спорный вопросъ о начертаніи этой формы рѣшить нельзя. Древній грамматикъ Θεογονος (Gram. Anecd. Oxon. II, p. 119, 31; ср. Herod. ed. L. I, p. 351, 11) говорить: κολλάκις αἱ εἰς ἄς μετοχαὶ ἀπὸ κεκολλημένων κατὰ κάθος γενόμεναι καὶ φολάττοισι τὸ ὠ ἐκὶ τῆς γενικῆς τοῦ ἄρσενικοῦ, ἔχουσι τὸ οὐδέτερον, εἰς ἄς ἔχει τὸ βεβῶς, βεβῶτος, καὶ τὸ βεβῶς ὁ γεγῶς, τοῦ γεγῶτος, καὶ τὸ γεγῶς ὁ ἐσῶς, τοῦ ἐσῶτος, τὸ ἐσῶς ὁ τεθῶς, τοῦ τεθῶτος, καὶ τὸ τεθῶς η (p. 152, 15): αἱ εἰς ἄς κεκολληταὶ μετοχαὶ τὸ οὐδέτερον ἔχουσι διὰ τοῦ ὠ μεγάλοιο γραφόμενον, οἷον τὸ ἐσῶς, τὸ βεβῶς, τὸ γεγῶς (Etym. M. p. 224, 7). Риманъ (Bull. III, p. 440 sqq.) высказывается на основаніи род. п. ἐσῶτος (а не ἐσῶτος) и образованія формы (изъ ἐσταός) за ἐсῶς, которое имѣетъ противъ себя лишь авторитетъ нѣкоторыхъ рукописей, между ними, впрочемъ, Paris. А Платона (напримѣръ, Resp. VIII, 564 D, Tim. 46 B, 56 B, Crit. 113 C; вездѣ въ этихъ мѣстахъ вторая рука исправила ἐсῶς, какъ Soph. OT. 633 ἐсῶς измѣнено въ ἐсῶς). Другого мнѣнія Шанцъ (Plat. II, 2, p. XII), который въ виду лучшихъ рукописей считаетъ невѣроятнымъ, что форма ἐсῶς выдумка переписчиковъ. За первоначальную форму слѣдуетъ во всякомъ случаѣ считать ἐсῶς, чтѣ въ неизвѣстное время было замѣнено формою ἐсῶς. Meuser Gr.², p. 486, признаетъ одно ἐсῶς.

Имѣсто καθεοτήκη является въ надписяхъ съ начала I вѣка до Р. X. καθεοταραι: καθεοταμένου CIA. II, 471, 24, 80 (нач. I в.), καθεοταμένου Ib. 476, 38, 61 (ок. 100 а. С.). Herw., p. 55.

За εἰστήκη говорить авторитетъ лучшихъ рукописей; Paris. А Платона нигдѣ не имѣетъ εἰστήκη. Ср. Schanz. Plat. VII, p. XIII. Herodian ed. L. II, p. 269, 12 ἐγένετο εἰστήκειν διὰ τῆς αἰ διφθόγγου. 2. εἰμί, εἶμι, φημί, οἶδα.

Имѣсто ἐνωσι встрѣчаются въ отчетахъ 398 и 320 — 317 гг. до Р. X. (CIA. II, 652 и 835) часто ἐν.

Повелит. накл. гл. εἶμί является въ надписяхъ только въ формѣ ὄντων (не ἐσῶν): CIA. IV, 22, а, frg. с, 11 (450—447 а. С.); Ib. 29, 6 (445—441 гг.); Ib. 40, 46 (424 а. С.); ἐσῶσαν встрѣчается лишь съ 200 до Р. X.: CIA. II, 624, 12. 15 (II в.); III, 23, 36 (вр. имп.).

Прошедш. несоверш. гл. εἶμι: въ ед. ч. удостоверенн формы ἦν, ἦσθαι, ἦει (ἦεν) лучшими рукописями Платона; см. Schanz. Plat. VII, p. XIII, sq.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1-го МАРТА вышла и разслана подписчикамъ III-я книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе; I. Разказы Прасковьи Егоровны Аммонковой, рожденной Гельбъ.— II. Въ странахъ средней Азии. Путенныя впечатлѣнія Генриха Мозера, 1882—1883 гг. Извлеч. и перев. В. В. Тимошукъ.— III. Иванъ Терентьевичъ Осининъ. Очеркъ его жизни и дѣятельности.— IV. Россія и Филлиды. Историческій очеркъ, 1721—1809—1885 гг. (Окончаніе).— V. Воспоминанія князя Павла Арсеньевича Путятина.— VI. Принцъ Карлъ-Эрнстъ Курляндскій въ Бастии съ 8-го января по 24-е апрѣля 1768 г. Сообщ. кн. А. Б. Л.-Р.— VII. Императрица Екатерина II. Житіе пренесеннаго Сергія въ редакціи императрицы.— VIII. Николай Васильевичъ Гоголь: Не изданная его статья „1834 годъ“ и письма его къ гр. С. С. Уварову и П. Н. Демидову. Сообщ. А. А. Гаттукъ.— Къ біографіи П. В. Гоголя. Сообщ. Н. В. Вмковъ.— IX. Петръ Мономахъ Меншковъ, р. 1814, † 1875 г. Эпизодъ изъ его жизни, 1848 г.— X. Историческіе документы, замѣтки и стихотворенія: Кн. В. В. Голицынъ, 1677 г.— Петръ I и А. Д. Меншиковъ.— Сергій Пушкинъ и Жуковъ.— Бар. Гейкинъ.— Моисей Гумилевскій.— Сутерландъ и Рылѣвъ.— Маскардъ 1799 г.— Университетскій пансіонъ.— Александръ и Ник. Тургеневы, 1830.— А. И. Герценъ въ 1820—41 гг.— А. Рубинштейнъ.— А. Ф. Гильфердингъ.— К. Д. Хрущовъ.— Вал. кн. Елена Павловна.— Замѣтки ко дню XXVII годовщины 19-го февраля. Сообщ. Н. П. Семеновъ и Ред.— Стихотв. К. Р.— Поправки.— XI. Библиографическій листокъ.

Приложенія: I. Портретъ Ивана Александровича Аммонкова, гравюра И. И. Матушина съ портрета, писаннаго Кипренскимъ (1823 г.).— II. Портреты бухарскаго эмира Мозафаръ-Эдина и Кушъ-Беги, гравированы въ Парижѣ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться на 1888-й годъ въ книжномъ магазинѣ г. ЦИЦЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъяческая, д. № 7.

Изд.-ред. Мих. Ив. Семеновскій.

НОВАЯ КНИГА:
„УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“.

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Сост. А. РАДОНЕНСКІЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Въ первомъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальнаго училища; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕНСКІЙ.

ИЗДАНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособия, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи,—рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕНСКІЙ. Изданіе третье 1888 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. И. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Олавианская азбука и первая книга для чтенія въ Церковно-Олавианскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

Въ складѣ Д. Д. Полубояринова (С.-Петербургъ, Николаевская
№ 18) находится:

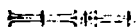
ИЗДАНІЯ Н. БЕЛЛЯРИНОВА:

Руководство къ Древней исторіи. Изданіе третье, исправ-
ленное, значительно сокращенное, съ картами и рисунками. Цѣ-
на 70 коп. Между учебниками того же наименованія оно един-
ственное, удостоенное ученымъ комитетомъ высшей степени
одобренія.

Руководство къ Средней исторіи. Изданіе четвертое, *заново
составленное*, съ картами и рисунками. Цѣна 70 коп. Соб-
ственно учебный матеріалъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ,
занимающимъ около 155 страницъ. Мелкій шрифтъ, занимающій
вмѣстѣ съ прибавленіемъ и картами нѣсколько менѣе 100 стра-
ницъ, для заучиванія не предназначается.

Руководство къ Русской исторіи съ дополненіями изъ Все-
общей. Изданіе седьмое, пересмотрѣнное, съ рисунками въ
текстѣ и съ картою. Цѣна 50 коп.

Элементарный курсъ Всеобщей и Русской исторіи. Изданіе
семнадцатое, съ рисунками въ текстѣ и съ картами. Цѣна 90 коп.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій отдѣлы педагогій и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородныя также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ приобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССLVI.

1888.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія	27
В. П. Модестовъ. Литература при Калигулѣ, Клавдіи и Неронѣ.	287
А. Н. Веселовскій. Новыя свѣдѣнія о Каффѣ и Крымскихъ Татарахъ изъ начала XV вѣка	332
И. О. Бобровскій. Еще замѣтка о Супрасльской рушчинѣ	339
И. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы (<i>продолженіе</i>)	348
С. О. Платоновъ. Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ (<i>окончаніе</i>)	380
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.	
В. П. Бузескулъ. Новый взглядъ на государственную дѣятельность Перикла	449
К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Николая Барсукова</i> . I. С.-Пб. 1888	495
И. О. Анненскій. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружины Русн. <i>Е. Барсова</i> . Два тома. М. 1888.	501
О. М. Истоминъ. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевкѣ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи <i>Н. Пальчиковымъ</i> . Изданіе А. Е. Пальчикова. С.-Пб. 1888	512
И. Д. Драгановъ. Новый трудъ по этнографіи Македонскихъ Славянъ.	528
— Книжныя новости	532
— Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	13
СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	
— Императорская Академія Наукъ въ 1887 году. II	87
— Наши учебныя заведенія: Университетъ св. Владимира въ 1886 году.	105
Л. Л-ръ. Письмо изъ Парижа	115
Некрологъ:	
В. К. Ериштедтъ. В. Я. Лягубиль	128
А. И. Воейковъ. М. Н. Богдановъ	139
— В. П. Гаевскій	144
— Е. В. Чешинскій	146
ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.	
Э. А. Вертъ. Атичское нарѣчіе по надписямъ и рукописному предавію (<i>окончаніе</i>)	154
В. П. Слатковскій. Парадоксъ Зенона о летящей стрѣлѣ	203

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛѸ.

1888.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева. Наб. Екатерининскаго кан., № 78.
1888.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

6. (15-го января 1888 года). Объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ.

Комитетъ министровъ, по выслушаніи записки министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ, полагае:

Предоставить министру народнаго просвѣщенія учреждать при приходскихъ училищахъ, въ конхъ обучаются или однѣ дѣвочки, или дѣти обоего пола, званіе почетныхъ блюстительницъ, на основаніяхъ, установленныхъ для почетныхъ блюстителей сихъ училищъ, какъ въ порядкѣ учрежденія должности послѣднихъ, выбора лицъ и утвержденія ихъ въ должности, такъ и въ опредѣленія обязанностей и правъ сихъ лицъ по отношенію къ училищамъ.

Государь Императоръ, въ 15-й день января 1888 года, положеніе комитета Высочайше утвердить соизволилъ.

II. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

10. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Виссаріона Григорьевича Вѣлинскаго при Московской 1-й гимназій.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ тысячу пятьсотъ руб., пожертвованнаго вдовою дворяниною Маріею Васильевною Вѣлинскою,

за удержаніемъ изъ нихъ суммы, подлежащей, согласно закону 20-го мая 1885 г. о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, поступленію въ казну, учреждается при Московской 1-й гимназій одна стипендія имени Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ билетахъ восточнаго займа, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Московской 1-й гимназій и считается неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ процентныхъ денегъ, получаемыхъ ежегодно съ означеннаго капитала, за вычетомъ помянутаго купоннаго налога, подлежащая сумма идетъ на уплату гимназій за обученіе стипендіата, а остальные деньги выдаются ему на руки.

§ 4. Въ стипендіаты назначаются педагогическимъ совѣтомъ гимназій ученики православнаго вѣроисповѣданія, уроженцы великороссійскихъ губерній, безъ различія сословій, бѣднаго состоянія, хорошаго поведенія, при чемъ преимущество отдается ученикамъ старшихъ классовъ, начиная съ V-го.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Сергѣевича Аксакова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ триста пятьдесятъ рублей, пожертвованнаго Московскою городскою думою, учреждается при историко-филологическомъ факультетѣ Московскаго университета стипендія въ 300 руб. сер. имени Ивана Сергѣевича Аксакова.

§ 2. Стипендіальный капиталъ заключается въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ и хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ, составляя на вѣчныя времена неприкосновенную собственность университета.

§ 3. Стипендіатъ избирается изъ числа православныхъ славянъ слушающихъ лекціи въ Московскомъ университетѣ, при чемъ при избраніи стипендіата дается преимущество тому, кто посвящаетъ себя изученію славянскихъ нарѣчій.

§ 4. Избраніе стипендіата предоставляется городскому головѣ съ

его товарищемъ и членами управы по соглашенію съ правленіемъ университета.

§ 5. При послѣдовательномъ незначеніи двухъ полугодій безъ особо уважительной причины стипендіатъ имени И. С. Аксакова лишается стипендіи.

§ 6. Остаткамъ, образовавшимся отъ временнаго незамѣщенія стипендіи, ведется особый счетъ, и они выдаются по назначенію городской управы съ согласія правленія университета какъ пособіе оканчивающему курсъ стипендіату.

§ 7. Правленіе университета увѣдомляетъ городскую управу о ходѣ занятій стипендіата и объ освобожденіи стипендіи.

12. (19-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи при Рыбинской Маріинской женской гимназій въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 11-го февраля 1888 года, на проценты съ капитала въ тысячу рублей, пожертвованнаго купцомъ А. Ф. Фроловымъ, учреждается одна стипендія въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ наименованіемъ стипендіи „Маріинскою“.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, составляя неотъемлемую собственность гимназій, хранится въ Рыбинскомъ увѣдомомъ казначействѣ, оставаясь на вѣчныя времена неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ сего капитала, за исключеніемъ государственнаго сбора, по закону 20-го мая 1885 года, употребляются на плату за ученіе стипендіатки, а могущій образоваться отъ незамѣщенія стипендіи, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, остатокъ, присоединяется къ основному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

§ 4. Стипендіатка избирается изъ бѣдныхъ ученицъ гимназій, отличающихся успѣхами и поведеніемъ, преимущественно изъ жителей г. Рыбинска.

§ 5. Право назначенія стипендіатки принадлежитъ учредителю стипендіи, на время его жизни, а по смерти—попечительному совѣту, по соглашенію съ педагогическимъ совѣтомъ.

§ 6. Стипендіатка можетъ быть лишена стипендіи только за без-

успѣшность или неодобрительное поведеніе, засвидѣтельствованныя педагогическимъ совѣтомъ гимназій.

§ 7. Пользованіе стипендією не налагаетъ на стипендіатку никакихъ обязательствъ.

13. (13-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени барона Федора Александровича Менда при Выборгскомъ русскомъ реальномъ училищѣ.

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ шестьсотъ руб., пожертвованнаго баронессою Е. П. Мендъ, учреждается при Выборгскомъ реальномъ училищѣ одна стипендія имени барона Ф. А. Менда.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ $4\frac{1}{2}\%$ вкладныхъ листахъ Общества взаимнаго поземельнаго кредита, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ специальныхъ средствъ Выборгскаго реального училища, составляя неотъемлимую собственность заведенія и оставался навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Назначеніе стипендіата, преимущественно изъ учениковъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 4. Избранный стипендіатъ пользуется стипендією во все время ученія въ Выборгскомъ реальномъ училищѣ, но, въ случаѣ малосупѣшности и неодобрительнаго поведенія, можетъ быть лишень стипендіи, по постановленію педагогическаго совѣта.

§ 5. Остатокъ отъ процентовъ съ означеннаго капитала употребляется на учебныя пособія и другія нужды стипендіата.

§ 6. Въ случаѣ временнаго незамѣщенія стипендіи: остатки эти употребляются, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, на выдачу пособія недостаточнымъ ученикамъ училища.

§ 7. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

III. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Руководство къ изученію теорій словесности по луч-

шмиъ образцамъ. Составилъ П. Случевскій. Изданіе шестое, вновь обработанное и значительно дополненное. Въ 8-ку стр. 224. Ставрополь. 1888. Цѣна 1 рубль" — одобрить какъ учебное пособіе при преподаваніи словесности.

— Книгу: „Сочиненія Корнелія Тацита, пер. В. И. Модестова. Т. П. С.-Пб. 1887" — одобрить для пріобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки гимназій мужскихъ и женскихъ и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О. Д. Хвольсона: Объ абсолютныхъ единицахъ, въ особенности магнитныхъ и электрическихъ. С.-Пб. 1887" — рекомендовать для бібліотекъ, фундаментальныхъ и ученическихъ, гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „О. Д. Хвольсона: Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики. С.-Пб. 1887. Цѣна 60 к." — рекомендовать для бібліотекъ гимназій и реальныхъ училищъ.

— Книгу: „Дмитрій Кайгородовъ. Изъ зеленого царства, популярныя очерки изъ міра растений (со многими рисунками). С.-Пб. 1888. Стр. 286. Цѣна 2 р. 50 к." — рекомендовать для ученическихъ бібліотекъ, при чемъ желательно, чтобы авторъ понизилъ цѣну для учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, В. Рихтера. Съ политипажами и спектральной таблицей, шестое, исправленное и дополненное изданіе. С.-Пб. 1887" — рекомендовать въ качествѣ учебнаго пособія при преподаваніи химіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „А. Матвѣева. Русская грамматика въ диктовкахъ. Курсъ приготовительный. С.-Пб. 1888" — одобрить какъ учебное пособіе для класснаго употребленія въ приготовительныхъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ и въ начальныхъ городскихъ и сельскихъ училищахъ при первоначальномъ обученіи дѣтей русскому правописанію.

— Книгу: „Сатиры Д. Юнія Ювенала. Стихотворный переводъ и объясненія Андрея Адольфа, учителя Московской 3-й гимназій. Съ прибавленіемъ латинскаго текста. Москва. Ц. 8 р. Стр. XX+504" — рекомендовать для фундаментальныхъ бібліотекъ гимназій и прогимназій министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Методически обработанный сборникъ алгебраическихъ задачъ съ текстомъ общихъ сьясненій и разнообразными правти

чекскими указаніями. Часть I, для классовъ третьяго и четвертаго. Составили Н. А. Шапошниковъ, доцентъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, и Н. К. Вальцовъ, преподаватель Коломенской гимназіи. Москва. 1887. Стр. VII+221. Цѣна 80 коп.—рекомендовать какъ весьма полезное пособіе при преподаваніи алгебры въ 3 и 4 классахъ гимназій и реальныхъ училищъ и соотвѣствующихъ классахъ другихъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Солнце. Составилъ по Секки и другимъ источникамъ Н. А. Конопацкій, преподаватель Каменецъ-Подольской гимназіи. Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Оп. физики и эл. математики за 1886—1887 уч. годъ. Съ чертежами и рисунками въ текстѣ. Цѣна 40 к. Киевъ. 1887. Стр. 46“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Лягушки. Комедія Аристофана. Съ греческаго перевелъ, съ присоединеніемъ необходимыхъ примѣчаній, К. Нейлясовъ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 129“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій, прогимназій и реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Le Misanthrope, comédie en cinq actes et en vers, par Molière, со словаремъ и примѣчаніями грамматическими и литературными, составилъ Александръ Алексѣевъ. С.-Пб. 1887. Въ 8-ку стр. 110. Ц. 60 к.“—одобрить для чтенія въ старшихъ классахъ мужскихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Уроки. Руководство для классныхъ и виѣклассныхъ занятій по русскому языку, съ упражненіями въ чтеніи церковно-славянскомъ. Въ четырехъ отдѣлахъ. Начальный курсъ. Составилъ Ѳ. Барсовъ. Вильна. 1887. Въ 8-ку 474 стр.“—допустить въ учебныя библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу: „Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школь. Германа Вагнера. Переводъ Валеріана Висковатова. Книжка 3-я. Изд. 2-е. С.-Пб. 1888. Въ 8-ку 128 стр., съ рисунками. Цѣна 1 руб.“—одобрить для учебныхъ библіотекъ народныхъ училищъ и младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: „Краткіе очерки исторіи Россіи. Составилъ А. Мостовскій. Изд. 2-е. Рига. 1887. Въ 12 д. л. 50 стр. (съ удареніями надъ словами). Цѣна въ папкѣ 36 коп.“—допустить къ употребленію, въ качествѣ руководства, въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, въ коихъ проходитъ краткій курсъ Русской исторіи.

— Книгу: „Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. А. Бѣляевскаго. Приложение къ „Курсу воспитанія и обученія д-ра Линдпера“. Глуховъ. 1887. Въ 8-ку 102 стр. Цѣна 50 коп.“—допустить въ учительскія библіотеки учительскихъ семинарій.

ОФИЦІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

— Г. министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ: 1) увеличить размѣръ платы за ученіе въ Иваново-Вознесенскомъ реальномъ училищѣ до тридцати руб. въ годъ съ cadaго ученика, съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года; 2) установить размѣръ платы за ученіе въ 1-й Тифлисской гимназій, съ начала 1888—1889 учебнаго года по пятидесяти руб. (50 руб.) въ годъ съ cadaго ученика; и увеличить плату за ученіе въ Полтавской мужской гимназій съ 40 до пятидесяти руб. въ годъ съ cadaго ученика съ начала будущаго 1888—1889 учебнаго года.

ЛИТЕРАТУРА ПРИ КАЛИГУЛѢ, КЛАВДІѢ И НЕРОНѢ.

(Изъ лекцій по исторіи римской литературы).

Луканій, Персій, Петроній, Камиллъ Мурціи и др.

Между писателями, которые вышли изъ литературной школы Сенеки, наиболее видное мѣсто занимаетъ племянникъ его, Луканъ, сынъ младшаго брата философа, М. Аннея Мелы, главный поэтъ времени Нерона и важнѣйшій представитель римской эпической поэзіи послѣ Вергилія.

М. Анней Луканъ родился въ Кордубѣ (Кордовѣ), въ городѣ, откуда происходилъ и наиболее знаменитый представитель рода Аннеевъ, философъ Сенека, 3-го ноября 39 года по Р. Х. (792 отъ основанія Рима), какъ сообщаетъ намъ одинъ изъ его древнихъ біографовъ (Вакка). Но еще въ младенчествѣ (по словамъ названнаго біографа, на восьмомъ мѣсяцѣ отъ рожденія) онъ былъ привезенъ въ Римъ, гдѣ впоследствии получилъ самое тщательное образованіе подъ руководствомъ своего знаменитаго дяди. Учителями его были грамматикъ Ремій Палемонъ, риторъ Вергиній Флавъ и философъ Корнутъ, тѣ *praeceptores eminentissimi*, которыхъ имѣетъ въ виду его біографъ и которые перечисляются въ древней біографіи Персія, упоминающей о знакомствѣ Лукана съ Персіемъ при посредствѣ Корнута. Послѣ достиженія блестящихъ успѣховъ въ греческой и латинской декламациі, Луканъ для довершенія образованія отправился въ Аѳины, откуда былъ вызванъ Нерономъ, который, находясь съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, сдѣлалъ его квесторомъ раньше достиженія имъ законнаго для этой должности возраста (25-го года) и затѣмъ доставилъ ему почетную духовную должность. Но дружба

часть ССЛVI, отд. 2. 1

хежду нихъ и Пероновъ не была продолжительна. Литературные успѣхи Лукана и всеобщее одобреніе, вызванное нихъ на состязаніи 65 г. по Р. X. (818 г.), были невярнаты ревнивому къ литературной и артистической славѣ другакъ императору, который волтому и запретишь своему сопернику выступать передъ публикой съ декламацией своихъ поэтическихъ произведеній. Оскорбленный (*genus irritabile vatum!*) поэтъ, не долго думалъ, вступилъ въ заговоръ, организованный противъ жизни императора Пизоновъ, что и послужило причиною его преждевременной и насильственной смерти. Луканъ умеръ на двадцать шестомъ году отъ рожденія 30-го апрѣля 65 г. по Р. X. (818 г.), испросивши себя право избрать родъ смерти по своему усмотрѣнію. Послѣднія минуты жизни молодого поэта посвящены были поэзии и исправленію своихъ произведеній. Умеръ онъ такъ, какъ верѣдко умирали тогда свободные люди, открывши на рукахъ артерій, и, какъ это было привычно поэту, декламируя подходящія къ случаю стихи изъ своихъ произведеній¹⁾; но во время слѣдствія о заговорщикахъ онъ обнаружилъ такое малодушіе, что, желая спасти себя, оклеветалъ свою невинную мать „въ надеждѣ“, по злобному замѣчанію биографа, „что это нечестіе принесеть ему пользу въ глазахъ матерубици государя“. Этому позору, которымъ занятиалъ себя Луканъ на ряду съ нѣкоторыми другими участниками Пизонова заговора, предавшими лучшихъ своихъ друзей, *amicorum praecipuos*, не скрылъ отъ потомства и Тацитъ, передавая ходъ слѣдствія по этому дѣлу²⁾. Послѣ него остались молодая жена, извѣстная Полла Аргентарія, прославленная поэтичею слѣдующаго поколѣнія Марціаломъ и Стаціемъ и названная у послѣдняго (*Praef. ad. lib. II Silv.*) *clarissima uxorum*.

До насъ дошли двѣ древнихъ біографіи Лукана, изъ которыхъ одна принадлежитъ, какъ слѣдуетъ думать, Светонію и дошла до насъ не вполне; другая же написана однимъ изъ позднѣйшихъ комментаторовъ Лукана, вѣроятно, грамматикомъ Ваккой. Та и другая отпечатаны въ наилучшемъ видѣ въ извѣстномъ изданіи отрывковъ Светонія, сдѣланномъ Рейффершейдомъ: *C. Suetonii Tranquilli praeter Caesarum libros reliquiae* (Lipsiae 1860). Кромѣ этихъ біографій Лукана, есть еще нѣсколько другихъ, очевидно, позднѣйшаго проис-

¹⁾ Tac. Ann. XV, 70: Recordatus carmen a se compositum, quo vulneratam militem par ejusmodi mortis imaginem obisse tradiderat, versus ipsos retulit, eaque illi suprema vox fuit.

²⁾ Ann. XV, 56.

хожденія: онѣ напечатаны Веберомъ въ его *Vitarum M. Annaei Lucani collectarum part. III.* (Murb. 1858). Изъ новыхъ сочиненій, разсматривающихъ жизнь Лукана, можно указать на *Études sur les poètes latins de la décadence* Нивара (Paris, 1834, т. II), на трудъ Вебера, который въ particula II исследовалъ жизнь этого поэта по годамъ, какъ то съ давнихъ поръ дѣлается относительно наиболее замѣчательныхъ древнихъ писателей, и на сочиненіе Генте (Genthe): *De M. Annaei Lucani vita et scriptis* (Berl. 1859). Въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. была напечатана въ 1873 г. (Отд. класс. фил. стр. 128 слд.) статья о Луканѣ, гдѣ сдѣланы указанія на нѣмецкую ученую литературу, касающуюся біографіи этого поэта.

Луканъ принадлежалъ къ плодовитымъ писателямъ въ римской литературѣ. Его литературная дѣятельность началась съ самой ранней юности, *tenens in annis*, какъ выражается Стацій въ стихотвореніи на день рожденія Лукана, посвященномъ молодой вдовѣ покойнаго поэта (*Silv.*, II, 7, 54). Начало всему было положено поэмой о Троийской войнѣ, *Iliason* (*libri*), какъ она называется у Вакки, вслѣдъ за которою тѣмъ же біографомъ приводится цѣлый рядъ другихъ произведеній, какъ-то: *Saturnalia*, *Catachthonion* (*libri*), 10 книгъ *Silvagus*, трагедія Медея, оставленная, по замѣчанію біографа, не оконченною, *Salticae fabulae* въ 14 книгахъ и, наконецъ, Эпиграммы, если только вѣрно прочтенъ текстъ дошедшей до насъ біографіи. Это произведенія, писанныя стихами. Но Луканъ также рано упражнялся и въ прозѣ. Изъ этого рода сочиненій были известны его рѣчи въ защиту и противъ Октавія Сагитты, разумѣется, не дѣйствительныя рѣчи, а декламации, въ видахъ упражненія на пикантную современную тему, гдѣ дѣло шло объ убійствѣ народнымъ трибуномъ страстно любимой, но холодной къ нему, женщины¹⁾; кромѣ того, сочиненіе объ известномъ римскомъ пожарѣ 64 года по Р. X.—*de incendio urbis*, и какія-то письма изъ Кампаніи. Но отъ всѣхъ этихъ произведеній какъ стихотворныхъ, такъ и прозаическихъ не осталось до нашего времени почти ровно никакого слѣда. Нѣкоторое поясненіе къ указаніямъ Вакки о потерянныхъ для насъ сочиненіяхъ Лукана можетъ дать упомянутое стихотвореніе Стація, гдѣ рѣчь идетъ о литературной дѣятельности нашего поэта, но вообще вопросъ о потерянныхъ сочиненіяхъ Лукана принадлежитъ къ самымъ неблагоприятнымъ въ наукѣ, такъ какъ, при отсутствіи положительныхъ данныхъ,

¹⁾ Исторія этого убійства разсказана Тацитомъ въ *Летописи* (XIII, 44).

мы не только лишены возможности восстановить ихъ содержаніе, но даже едва можемъ стоять за тѣ заглавія, какія я привелъ вамъ изъ біографіи Вакки по изданію Рейффершейда. Желającychъ ближе ознакомиться съ положеніемъ вопроса я отсылаю къ упомянутой статьѣ Журн. Мин. Нар. Просв.

Всѣ вышепоименованныя и не дошедшія до насъ сочиненія рано умершаго поэта принадлежали ко второстепеннымъ его произведеніямъ и служили, по словамъ біографа, лишь прибавкою къ его главному сочиненію, которое дошло до насъ вполнѣ, на сколько оно было обработано поэтомъ и на которомъ основывается вся его слава. Это эпическая поэма въ 10 книгахъ, имѣющихъ своимъ содержаніемъ междоусобную войну Кесаря съ Помпеемъ, исходъ которой былъ рѣшенъ знаменитой битвой при Фарсаль, въ Фессаліи, въ 706 г. отъ основанія Рима (48 г. до Р. Х.), окончившейся полнымъ пораженіемъ Помпея. Обыкновенное названіе, какое носитъ въ изданіяхъ поэма Лукана, есть Фарсалия (Pharsalia), какъ, впрочемъ, поэтъ и самъ называетъ ее въ одномъ мѣстѣ (IX, 985), но въ рукописяхъ она озаглаживается Междоусобная война (Bellum civile), — заглавіе, которое и употребляется нѣкоторыми новыми учеными. Поэту не пришлось окончить свое произведеніе, о которомъ онъ думалъ и въ послѣднія минуты жизни. Будучи обнародовано послѣ его смерти, оно было встрѣчено римской публикой съ энтузіазмомъ, какъ это засвидѣтельствовано важнѣйшими представителями поэтической литературы слѣдующаго поколѣнія, Стаціемъ (Silv. II, 7) и Марціаломъ (Epigr. VII 20, 21 и 22). Огромное распространеніе этого сочиненія въ древнемъ мірѣ говоритъ въ пользу того, что успѣхъ его не былъ мимолетный. И дѣйствительно, при всѣхъ своихъ недостаткахъ Фарсалия есть крупное произведеніе римской литературы, и во всякомъ случаѣ самое блестящее, какое римская эпическая поэзія произвела послѣ Виргилія.

Но, собственно говоря, поэма Лукана есть не что иное, какъ написанная стихами исторія борьбы Кесаря съ Помпеемъ. Разказана борьба эта въ томъ же хронологическомъ порядкѣ, какъ она разказывается и въ историческомъ повѣствованіи, и даже съ соблюденіемъ исторической вѣрности въ передачѣ событій, украшаемыхъ тутъ лишь рѣчами, описаніями и нравственными размышленіями. Поэтому нѣтъ нужды и разсматривать содержаніе поэмы, такъ какъ это просто значило бы разказать съ разными отступленіями извѣстныя событія римской исторіи съ того момента, какъ Кесарь, не желая уступить

Помпею и олигархической партіи, перешелъ Рубиконъ, чѣмъ была начата междоусобная война, до того, когда онъ, осажденный въ Александріи, подвергся крайней опасности въ борьбѣ съ вспыхнувшимъ противъ него возстаніемъ египтянъ. Сущность поэмы обнаруживается не въ содержаніи, которое у нея обще съ исторіей, а въ способѣ изложенія этого содержанія, въ тѣхъ многочисленныхъ и патетическихъ рѣчахъ, которыя онъ влагаетъ въ уста дѣйствующимъ лицамъ, въ описаніяхъ, нравственныхъ размышленіяхъ и вообще въ приложеніи къ обработкѣ историческаго сюжета приемовъ риторской декламации, которая была въ такой модѣ у современнаго ему поколѣвія литераторовъ. Эпической поэмы въ собственномъ смыслѣ Фарсалия не представляетъ. Тутъ нѣтъ ни эпическаго сюжета, нуждающагося въ извѣстномъ просторѣ фантазіи, какой допускали сюжеты изъ временъ героическихъ, ни эпическаго единства, ни эпическихъ характеровъ, свойственныхъ героямъ полумифическаго времени. Между гражданскою войною Кесаря съ Помпеемъ и временемъ автора протекла всего кака-нибудь сотня лѣтъ, въ теченіе которой еще не успѣли совсѣмъ стереться живыя воспоминанія о людяхъ, бывшихъ въ этой войнѣ дѣятелями: какое же тутъ могло быть мѣсто для эпоса, которая требуетъ и отдаленнаго времени и, какъ мы сказали, свободнаго поприща для эпической фантазіи! Но за то трудно было бы Лукану найти въ римской исторіи болѣе благодарную почву для приложенія въ дѣлу своего декламаторскаго дарованія, какъ именно эта междоусобная война, въ которой рѣшался вопросъ о существованіи республики. Необыкновенная важность историческаго момента, выступающаго въ произведеніи Лукана, позволяла поэту принять высокій тонъ и не щадить риторическихъ средствъ, чтобы поддержать его, особенно размышленіями, которыя, съ своей стороны, доставляли для декламации богатую матерію; цѣлый рядъ крупныхъ историческихъ личностей, какъ Кесарь, Помпей, Катонъ, Брутъ, Секстъ Помпей, давалъ возможность ввести въ разказъ множество сильныхъ рѣчей; участвовавшія въ событіяхъ женщины, какъ Марція, жена Катона, Корнелія, жена Помпея, давали особый поводъ къ патетическимъ мѣстамъ, которыя играютъ столь важную роль въ приемахъ риторской декламации; военныя дѣйствія, происходившія на разныхъ театрахъ войны—въ Италіи, въ Испаніи, въ Галліи, въ Эпирѣ, въ Фессаліи, въ Ливіи, въ Египтѣ, открывали широкій просторъ для описаній, въ духѣ Александрійскаго эпоса, наконецъ политическій характеръ сюжета, очень близкаго современному обществу, открывалъ множество

случаевъ для проявленія гражданской доблести, для выраженія негодованія противъ тиранніи, для восхваленія свободы, для прославленія подвиговъ мужества и самоотверженія.

Но было бы напрасно думать, что, избирая такой именно сюжетъ, Луканъ руководился, съ самаго начала политическою тенденціей, что онъ на изображеніи борьбы Кесаря съ Помпеемъ думалъ развить идею борьбы за свободу съ тиранніей. Все заставляетъ предполагать, что первоначальная цѣль сочиненія была чисто литературная. Въ біографіи поэта, написанной Светоніемъ, ярко выступаетъ фактъ его благородной ревности къ Вергилію, который въ своемъ Коментарѣ, въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній, представилъ столько поэтическаго дарованія, что Луканъ, сравнивая съ Комаромъ свои первые опыты, *intitia sua*, со скорбію говорилъ: „Сколько мнѣ еще остается до Комара!“ *Et quantum mihi restat ad Culecem!* Несомнѣнно, что Луканъ прежде всего хотѣлъ большою поэмой на чисто римскій сюжетъ создать себѣ памятникъ литературной славы, который до нѣкоторой степени приближался бы къ тому, какой создалъ себѣ Вергилій своею Энеидой. Нѣтъ, разумѣется, основанія думать, что Луканъ былъ человѣкъ безъ политическаго направленія, что политическая свобода была для него дѣло равнодушное; но мы видимъ, что въ первыхъ трехъ книгахъ, которыя были заданы самимъ поэтомъ, нѣтъ ничего похожаго на ту страстную любовь къ свободѣ, которая одушевляетъ его въ послѣднихъ четырехъ книгахъ. Въ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скупится на похвалы и даже на лесть Нерону. Лесть эта доходитъ до того, что онъ, выражая свой ужасъ передъ междоусобными войнами, готовъ примириться съ ними, если эти страшныя схватки гигантовъ нужны были для того, чтобы со временемъ осуществилось высокое назначеніе Нерона. „Тогда, о боги“,—говоритъ онъ,—„мы нисколько не ропщемъ; за такую дѣлу намъ нравятся самыя злодѣянія и нечестіе“¹⁾. Онъ не останавливается и передъ выраженіемъ ожиданія, что Неронъ послѣ смерти войдетъ въ сонмъ безсмертныхъ. Мѣста эти нисколько не говорятъ о

¹⁾ Phars. I, 38:

Quodsi non aliam venturo fata Neroni
Invenere viam, magnoque aeterna parantur
Regna deis, caelumque suo servire tonanti
Non nisi saevorum potuit post bella Gigantum,
Iam nihil, o superi, querimus: scelera ipsa nefasque
Nos mercede placent.

томъ, что поэтъ, приступая къ поэмѣ, имѣлъ цѣль политическую и притомъ въ смыслѣ оживленія въ публикѣ воспоминаній о республиканской свободѣ, утраченной въ битвѣ при Фарсалахъ. Его любовь къ этой свободѣ начинается ясно сказываться лишь съ шестой книги, гдѣ Помпей является у него уже борцомъ за „права міра“ (VI, 139), въ особенности съ седьмой, гдѣ онъ видитъ въ Кесарѣ прямо гонителя свободы, которая „ушла за Рейнъ и Тигръ“ съ тѣмъ, чтобы уже никогда не возвращаться въ Римъ (ст. 432 слд.). Этими языкомъ поэтъ заговорилъ уже тогда, когда испыталъ на себѣ цесарическія замашки Нерона и когда пылалъ жаждой мести къ своему оскорбителю. Теперь дѣло Кесаря казалось ему столь ужаснымъ, что онъ готовъ завидовать участи народовъ, никогда не знавшихъ свободы. „Счастливы“, говоритъ онъ (VII, 442),—„арабы, мидяне и восточная земля, которую судьбы всегда держали подъ игомъ тиранновъ!“ Участъ же римлянъ хуже всѣхъ потому, что они не могутъ безъ стыда переносить рабство.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что уже и въ первыхъ трехъ книгахъ авторъ Фарсалии не обнаруживаетъ расположенія къ Кесарю и что онъ стоитъ своимъ сочувствіемъ на сторонѣ Помпея, Катона и Брута, будущаго убійцы Кесаря. Рисуя въ первой книгѣ (ст. 143 и слѣд.) портретъ этого послѣдняго, онъ заявляетъ, что у него не было ни такого громкаго имени, ни такой славы полководца, какъ у Помпея, но за то это былъ человѣкъ, который ни передъ чѣмъ не останавливался въ своихъ стремленіяхъ и у котораго былъ одинъ стыдъ: не остаться на войнѣ побѣдителемъ, *solusque pudor non vincere bello*. Кесарь рисуется далѣе человѣкомъ, который рвался къ цѣли на-проломъ, настойчиво требуя у боговъ себѣ споспѣшествованія, опрокидывая все, что стояло ему на дорогѣ въ достиженіи высшей власти, и весело прокладывая себѣ путь къ ней разрушеніемъ. Во второй книгѣ (ст. 439 и слѣд.) Луканъ еще рѣзче высказывается о страсти Кесаря къ войнѣ, увѣряя, что ему пріятно ходить только тамъ, гдѣ имъ пролита кровь, что ему пріятнѣе взломать ворота, чѣмъ входить въ открытыя, что ему не такъ нравится истоптать нивы, къ чему поселянинъ относится терпѣливо, какъ опустошить ихъ огнемъ и мечемъ: ему, будто-бы, стыдно идти дозволеннымъ путемъ и казаться гражданиномъ. Въ то же время, уже въ этихъ первыхъ трехъ книгахъ Луканъ не скрываетъ своего расположенія къ Помпею, называетъ его постоянно не иначе, какъ Великимъ, и, сопоставляя его съ Кесаремъ, прямо говоритъ (II, 453),

что симпатіи народа были больше на сторонѣ Помпея (*propitius in Magnum populis*). Не скрываетъ также авторъ въ первыхъ книгахъ своей поэмы и своего благоговѣнія передъ Катономъ, который не колебался стать на сторону побѣжденнаго, хотя на сторону побѣдителя стали боги (I, 128):

Victrix causa deis placuit, sed victa Catoni.

Даже и Брутъ, похвала которому такъ дорого обошлась Кремутию Корду при Тибериѣ, является у Лукана уже въ первыхъ книгахъ лицомъ, импонирующимъ своимъ нравственнымъ характеромъ, «великодушнымъ» Брутомъ, который готовъ, вмѣстѣ съ Катонемъ, умереть въ послѣдней борьбѣ за свободу.

Первыя три книги, какъ мы сказали, были изданы самимъ поэтомъ и написаны были имъ еще въ то время, когда онъ былъ близокъ къ Нерону. Объ этомъ намъ свидѣтельствуетъ биографъ Вакка, который, согласно съ Тацитомъ (Ann. XV, 49), послѣдовавшій затѣмъ разрывъ поэта съ императоромъ прямо приписываетъ литературному успѣху, достигнутому, безъ сомнѣнія, всего болѣе этими книгами эпической поэмы. Слѣдующія семь книгъ этой послѣдней были написаны поэтомъ уже въ другомъ настроеніи, и это настроеніе въ 7-й книгѣ, въ которой разказывается о битвѣ при Фарсалахъ, переходитъ въ явную рѣзкость приговоровъ о родовачальникѣ дома Кесарей и внушаетъ автору самыя пламенныя рѣчи въ защиту свободы. Тутъ Кесарь, воодушевляющій своихъ воиновъ, называется *gabies populis stimulusque furoribus* (ст. 557), а побѣда его возвѣщается какъ неисцѣлимая рана, нанесенная въ сердце народа, отъ которой этотъ послѣдній никогда не поправится до скончанія вѣка (VII, 640):

in totum mundi prosternimur aevum.

Теперь поэтъ уже не боится прямо восхвалять Брута, «послѣднюю надежду сената», какъ лицо, отъ руки котораго палъ протомъ побѣдитель при Фарсалахъ (VII, 588 и слѣд.), гдѣ «погибла вся краса отечества» (VII, 597). Въ восьмой книгѣ (ст. 609 — 610) онъ даже съ негодованіемъ говоритъ о тѣхъ, которые подвигъ Брута назвали злодѣяніемъ (*nefas*). Въ десятой книгѣ (341 и слѣд.) онъ проситъ судьбу не допустить Кесаря пасть отъ руки александрійскаго убійцы, чтобы голова римскаго тирана не была отрублена въ отсутствіе Брута и чтобы такимъ образомъ не пропалъ примѣръ для потомства. Наконецъ, онъ заявляетъ, что до тѣхъ поръ, пока мечи сенаторовъ не будутъ вонзены во внутренности Кесаря, Помпей останется не отомщеннымъ (X, 528 —

529). Рядомъ съ этимъ идутъ въ шести послѣднихъ книгахъ рѣшительныя заявленія сочувствія Помпею, который, по приведеннымъ раньше словамъ поэта, стоялъ за «права міра» (VI, 13). Пораженіе Помпея при Фарсаль для поэта—столь тягостное, столь горькое событіе, что онъ не хочетъ о немъ и разказывать (556):

Quidquid in hac acie gessisti, Roma, tacebo.

Горячія фразы о свободѣ начинаются уже съ четвертой книги. Онъ говоритъ (807): „Римъ былъ бы, конечно, счастливъ и имѣлъ бы довольныхъ гражданъ, еслибы богамъ такъ была пріятна забота о свободѣ, какъ о мщеніи“. Нападая на похитителей свободы, онъ не оставляетъ въ покоѣ ни „мощнаго Суллы“, ни „жестокаго Марія“, ни „кровожаднаго Цинны“, ни цѣлаго „ряда членовъ дома Кесарей“ (IV, 821 и слѣд.). Въ первой книгѣ (385—386) онъ, съ ѣдкою ироніей говоритъ о лжи раболѣпныхъ названій, какія римляне, со времени диктатуры Кесаря, придаютъ своимъ властителямъ. Онъ груститъ о томъ, что свобода, ушедши изъ Рима и сдѣлавшись достояніемъ германца и скива, уже не оборачиваетъ болѣе своего взора на Авзонію (VII, 435). Воодушевляясь все болѣе и болѣе идеей свободы, онъ позволяетъ себѣ, наконецъ, сдѣлать рѣзкую выходку противъ самого Нерона, запрещая ему налагать изъ зависти руку на священную славу поэта, и тутъ же говоритъ, что поэма его будетъ жить, и слава его никогда не затмится (IX, 485):

Pharsalia nostra

Vivet, et a nullo tenebris damnabimur aevo.

Даже изъ тѣхъ немногихъ мѣстъ, какія я привелъ вамъ, нельзя не видѣть, что поэма Лукана написана съ блескомъ, живостью и даже страстностью, что спокойнаго тона эпоса тутъ нѣтъ. Это первый ея недостатокъ, хотя и такой, который правился его современникамъ. Далѣе мы видимъ, что въ поэмѣ этой нѣтъ единства дѣйствія, нѣтъ даже главнаго героя. Читатель не можетъ уловить идеи, которая проникла бы все произведеніе, и не знаетъ, кого онъ долженъ счесть за первенствующее въ ней лицо: автору видимо хочется сдѣлать главнымъ лицомъ поэмы Помпея, но на самомъ дѣлѣ такимъ лицомъ выходитъ Кесарь, который всюду является главною пружиной дѣйствія въ избранномъ поэтѣ сюжетѣ, даетъ тонъ движенію, тогда какъ Помпей, не смотря на всѣ приписываемыя ему добродѣтели, блѣдеетъ и не можетъ оправдать своего постоянного эпитета *Magnus*. Слабая сторона поэмы открывается также въ описаніяхъ характеровъ. При-

страстное недоброжелательство къ Кесарю и не мотивированное фактами восклицаніе Помпеємъ бросаются въ глаза и производятъ на читателя непріятное впечатлѣніе, во всякомъ случаѣ совсѣмъ не то, какое имѣлъ въ виду авторъ поэмы. Да и другія дѣйствующія лица не могутъ похвалиться живо и рельефно очерченными характерами. Волѣе удачному ихъ изображенію, безспорно, мѣшало то обиліе риторическихъ красокъ, которое придаетъ поэмі известныи внѣшній блескъ, но никакъ не уживается съ художественною правдой и естественностью. Общее впечатлѣніе поэмы таково, что читатель видитъ передъ собою руку автора, не достаточно зрѣлаго, но несомнѣнно даровитаго и перѣдко блестящаго. Незрѣлость автора ясно видна не только въ слабости его политическаго міросозерцанія, но и въ неумѣнн придать ходу разказываемыхъ событій больше внутренней связи и причинности. Талантъ его высказывается въ блестящихъ описаніяхъ, въ живости изложенія, въ бойкости, съ какою онъ пользуется риторическими средствами для того, чтобы придать разказу больше движенія, или чтобы произвести въ данномъ случаѣ на читателя болѣе сильное впечатлѣніе. Но при этомъ ему недостаетъ ни надлежащей гибкости и ясности языка, затѣмняемаго еще стремленіемъ блистать ученостью на манеръ александрійскихъ поэтовъ, ни плавности стихосложенія, какой можно бы было ожидать отъ римскаго эпическаго поэта послѣ Virgilіа. Быть можетъ, еслибъ поэма Лукана дошла до насъ въ оконченномъ и отдѣланномъ видѣ, впечатлѣніе ея на насъ было бы болѣе благопріятно. Поэтому судить ее съ большою строгостью мы не имѣемъ полнаго права. Во всякомъ случаѣ мы не должны забывать, что въ древности она пользовалась большимъ вниманіемъ публики и читалась съ удовольствіемъ.

Но и древніе критики не относятся къ Лукану съ безусловною похвалою. Сужденіе Квинтиліана о немъ мѣтко и интересно. „Луканъ“, говоритъ онъ (X, I, 90), — „пылокъ, полонъ возбужденія и замѣчательнъ по мыслямъ, но, чтобы свазать то, что я думаю, онъ болѣе долженъ служить предметомъ подражанія для ораторовъ, чѣмъ для поэтовъ“. Петроній (Sat. 118) находитъ, что онъ напрасно взялся за поэтическое изложеніе историческихъ дѣяній, такъ какъ эту работу гораздо лучше выполняютъ историки, *quod longe melius historici faciunt*. То же мнѣніе высказываетъ и схолиастъ Лукана, приступая къ объясненію его. Значить, мнѣніе это было ходячимъ между писателями. Его мы встрѣчаемъ и у Virgilіева комментатора Сервія, который даже прямо говоритъ (ad Aen. I, 382), что Луканъ не стоитъ

того, чтобы его считали поэтомъ, такъ какъ онъ пишетъ „исторію, а не поэму“. Тотъ же взглядъ мы встрѣчаемъ у самихъ позднихъ писателей, какъ-то: Исидора (Orig. VIII, 7, 10) и Иорванда (De reb. Get. 5).

Текстъ Фарсалии дошелъ до насъ въ многочисленныхъ спискахъ, между которыми нужно отмѣтить прежде всего дошедшіе до насъ, какъ думаютъ, отъ IV вѣка листы палимпсеста, находящіеся частію въ Римѣ, частію въ Неаполѣ и частію въ Вѣнѣ. Объ этомъ палимпсестѣ по вѣнскимъ его листамъ писалъ въ 1860 г. В. Штейнгартъ: *De Lucani schedis rescriptis Vindobonensibus*, а римскіе и неаполитанскіе листы, вмѣстѣ съ вѣнскими осматривалъ Детлефсенъ, который и написалъ по этому поводу три статьи въ *Philologus* 1858, 1859 и 1867 гг. Важнѣйшимъ и основнымъ кодексомъ для новѣйшихъ изданій Лукана служитъ рукопись XI столѣтія, находящаяся въ Монпелье (cod. Montepessulanus), обозначаемая въ изданіяхъ буквою M, и рядомъ съ нею два лейденскихъ списка (A и B) X столѣтія, но хуже сохранившіе текстъ поэта. Редакція текста, съ котораго списаны всѣ три рукописи, принадлежитъ Павлу Константинопольцу, какъ показываетъ приписка къ кодексу въ Монпелье. Разъясненіемъ этихъ вопросовъ мы обязаны изслѣдованіямъ Штейнгарта: *De emendatione Lucani* (Боннае, 1854) и *De Lucani codice Montepessulano* въ *Symbola philologorum Bonnensium in honorem Frid. Ritchelli collecta* (Lipsiae, 1864). Подробнѣе объ этихъ трудахъ говорится въ статьѣ филологическаго отдѣла Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., о которой было говорено раньше. Послѣ указанныхъ рукописей хорошей редакціи мало заслуживаетъ вниманія множество другихъ рукописей, испорченныхъ позднѣйшими вставками.

Сохранились древнія схоліи (комментаріи) къ Лукану, лучшее изданіе которыхъ принадлежитъ Узенеру. Онѣ изданы подъ заглавіемъ: *M. Annaei Lucani commenta Bernensia* (Lipsiae, 1869). Изданы, кромѣ того, схоліи изъ кодекса, находящагося въ Монпелье, Герм. Генте: *Scholiam vetera in Lucanum e codice Montepessulano* (Berol. 1868).

Изданій Лукана было не мало. Первое вышло въ Римѣ въ 1469 г. Изъ старинныхъ изданій болѣе другихъ обращаютъ на себя вниманіе голландскія изданія: Пульмана (Антверпенъ, 1564), Г. Грота (Антверпенъ, 1614 и Лейдевь, 1626), Корте (Лейдевь, 1826), Удендорна (Лейдевь, 1728) съ древними схоліями, Бурмана (Лейдевь, 1740). Англійское изданіе съ примѣчаніями Бентли къ тремъ первымъ кни-

гамъ вышло въ 1760 г., потомъ въ 1816 г. въ Глазгоу. Изданія нашего столѣтія: Вебера со схоліями (Лейпцигъ, 1821—1831), Лемэра (Парижъ, 1836), Вейзе (Кведлинбургъ, 1835).

Въ послѣднее время относительно поэмы Лукана вышли слѣдующія изслѣдованія Трампе: *De Lucani arte metrica* (Berol. 1884), Обермейера, *Der Sprachgebrauch des Lucanus* (München, 1886); Souciau, *Du merveilleux de l'histoire dans Lucain* въ *Revue de l'histoire des religions*, XIV; Perrin, *Lucan as a historical source for Appian* въ *American Journal of Philology* 1884 (№ 19).

Рядомъ съ Луканомъ стоитъ передъ нами другой поэтъ Нероновскаго времени, сверстникъ его и школьный товарищъ, умершій, какъ и пѣвецъ Фарсалия, также въ очень молодыхъ лѣтахъ, но болѣе его симпатичный и чистый, А. Персіей Флаккъ. Онъ, по указанію его древней біографіи, принадлежащей Валерію Пробу¹⁾, родился 4-го декабря 34 года по Р. Х. (787 Рима), въ этрусскомъ городѣ Волатеррахъ, происходилъ изъ всадническаго сословія и находился въ родственныхъ связяхъ съ людьми сенаторскаго сословія. Отецъ его умеръ очень рано, оставивъ сына почти шестилѣтнимъ ребенкомъ. Мать его, Фульвія Сивеннія, вышедшая другой разъ замужъ за римскаго всадника Фузія и вскорѣ похоронившая и его, дѣятельно принялась за воспитаніе сына. До двѣнадцатаго года онъ учился въ Волатеррахъ, а затѣмъ отвезенъ былъ матерью въ Римъ, гдѣ въ школѣ Реммія Цалемона получилъ грамматическое образованіе, а въ школѣ Вергинія Флава риторическое. Достигши шестнадцатилѣтняго возраста, онъ подружился съ философомъ стоической секты Аннеемъ Корнуптомъ, который сдѣлался его руководителемъ и посвятилъ его въ начала стоической философіи. Такимъ образомъ, онъ прошелъ у хорошихъ учителей весь курсъ образованія, какой требовался для того, чтобы считаться по тому времени человѣкомъ вполне образованнымъ. Въ ранней юности—я продолжаю пользоваться краткими свѣдѣніями, сообщенными древнимъ біографомъ,—друзьями поэта были (лирическій) поэтъ Цезій Бассъ, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ въ свое время, и Кальпурній Статура, который умеръ юношей, еще при жизни Персія. Извѣстнаго историка и оратора (см. *Tac. Ann.* XIV, 19), Сервилія Новіана, который умеръ тремя годами раньше Персія, поэтъ почиталъ, по словамъ біографа, какъ отца. Черезъ Кор-

¹⁾ Она обыкновенно печатается въ изданіяхъ поэта. См. ее въ изданіяхъ *Отто Яна* и у *Рейсфелшеида* въ его изданіи отрывковъ Светонія.

пута онъ познакомился съ Луканомъ, который, какъ было раньше упомянуто, былъ также слушателемъ этого стоического философа. Луканъ, замѣчаетъ біографъ, до такой степени восхищался сочиненіями Персія, что, сравнивая ихъ со своими, называлъ ихъ истинными поэтическими произведеніями, *vera poemata*, свои же стихотворенія считалъ бездѣлушками, *ludos*. Впослѣдствіи, быть можетъ, при посредствѣ Лукана, Персій познакомился и съ Сенекой, дядей послѣдняго, но „не для того“,—замѣчаетъ біографъ, „чтобы плѣняться его талантомъ“. Встрѣчался у Корнута съ его друзьями, греческими учеными и стоическими философами суроваго закала — съ лакедемоняномъ Клавдіемъ Агаемеромъ, врачомъ по профессіи, и съ Петроніемъ Аристократомъ изъ Магнезіи, питалъ къ нимъ, хотя они были ему ровесники, чувство большого уваженія и старался соревновать имъ въ слѣдованіи правиламъ стоической философіи. Наконецъ, біографъ указываетъ на его близкую связь съ знаменитымъ строгостью своей нравственной и политической жизни Фразеемъ Петомъ, который его очень любилъ, бралъ иногда съ собой въ путешествіе и которому онъ приходился съ родни по женѣ его Арріи, женщиной также, какъ была и мать ея, высокаго характера (Тас. Апп. XVI, 34).

Таково было общество, въ которомъ выросъ и воспитался Персій. Это было общество избранныхъ людей того времени, и не мудрено, что образовавшійся въ такомъ кругу поэтъ, вышелъ юношей съ самыми возвышенными мыслями и стремленіями, каковыми онъ является въ своихъ произведеніяхъ. Этими высокими мыслями и стремленіями соответствовала его и жизнь. Біографъ сообщаетъ: „Онъ былъ человѣкъ кротчайшихъ нравовъ, дѣвичьей стыдливости, былъ красивъ собою и питалъ къ матери, сестрѣ и теткѣ любовь, которая могла служить примѣромъ; былъ воздерженъ и цѣломудренъ“. Умеръ Персій отъ желудочнаго разстройства въ 62 г. по Р. Х., не достигнувъ даже полныхъ двадцати восьми лѣтъ отъ роду (біографъ ошибочно говоритъ: на тридцатомъ году). Онъ оставилъ около двухъ милліоновъ сестерціевъ (около ста тысячъ рублей на звонкую монету) матери и сестрѣ, прося мать въ завѣщаніи дать сто тысячъ сестерціевъ (а по другимъ — прибавляетъ біографъ, еще двадцать фунтовъ серебра въ подѣлъ) въ подарокъ Корнуту, которому завѣщалъ и свою значительную бібліотеку. Отъ денегъ Корнута отказался въ пользу сестеръ покойнаго, а бібліотеку своего друга, гдѣ было семьсотъ книгъ столба стоической школы, Хризиппа, принялъ. У него осталась книга сатиръ въ не оконченномъ видѣ. Поэтому издатели изыали изъ послѣдней

сатиры нѣсколько стиховъ, чтобы придать ей окончанный видъ. Корнута слегка пересмотрѣлъ эти сатиры и отдалъ ихъ Цезію Вассу, который самъ просилъ объ этомъ, для изданія ихъ. Другія же стихотворенія поэта, представлявшія собою его раннія литературныя упражненія (*scripsit in pueritia*) Корнута передалъ матери покойнаго для уничтоженія, *ut aboleret*. То были: какая-то трагедія на римскій сюжетъ (претекста), какое-то описаніе путешествій, да нѣсколько стиховъ на смерть тещи Фразен Пета, *Arria*, которая прославилась (*Plin. Ep. III, 10; Mart. I, 14*) тѣмъ, что показала своему мужу, *Цецинѣ Пету*, примѣръ, какъ надобно умирать и, подавая вынутый изъ своей груди кинжалъ, произнесла знаменитыя слова: „*Paete, non dolet* (Петъ, не больно)“! Вотъ тѣ фактическія свѣдѣнія, которыя сообщаетъ намъ о *Персіѣ*, древняя біографія поэта, извлеченная изъ комментарія къ его сатирамъ, написаннаго грамматикомъ *Валеріемъ Пробомъ*.

Небольшое литературное наслѣдство, оставленное намъ *Персіемъ*, всего шесть сатиръ, представляетъ любопытнѣйшее явленіе въ литературной исторіи. Мы только-что познакомились съ біографіей поэта, изъ которой увидѣли, какой пѣжпой духовной организаціи, какой нравственной чистоты и невинности былъ этотъ молодой поэтъ, выступившій съ сатирическимъ бичомъ противъ современниковъ. Мы видѣли, какими людьми, и строгими въ принципахъ, и серьезными въ жизни, онъ былъ окруженъ съ самаго дѣтства, людьми, въ средѣ которыхъ онъ могъ видѣть развѣ только невѣзбѣжныя для всякаго смертнаго существа челоуѣческія слабости, но никакъ не встрѣчалъ ни грубыхъ нравовъ, возбуждающихъ негодованіе сатирика, ни преступныхъ дѣйствій, требующихъ кары закона; онъ видѣлъ передъ собою, напротивъ, людей, въ которыхъ проявлялись лучшія стороны челоуѣческой природы. И между тѣмъ онъ выступаетъ въ литературѣ не съ одой, не съ эпическою поэмой, не съ трагедіей, а съ сатирой, и съ сатирой полною воодушевленія, выступаетъ съ страстною проповѣдью противъ порока, говоря объ его чудовищномъ безобразіи и съ энтузіазмомъ противопоставляя ему красоту образа добродѣтели. Схолиастъ объясняетъ намъ, что стремленіе писать сатиры породило у *Персіа* прочтеніе имъ десятой книги сатиръ *Луцилія*. Конечно, и чтеніе сатиръ *Луцилія* и *Горація* не осталось безъ вліянія на идею взяться за этотъ родъ литературы, и на это даже прямо указывается *Персіемъ* въ первой его сатирѣ; но главный мотивъ къ этому былъ другой. Сатиры *Персіа*, какъ мы сейчасъ увидимъ, были въ сущности не что иное, какъ проповѣдь началъ стоической философіи. Увлеченіе стоическою муд-

ростью, которая, внушая своимъ adeptамъ убѣжденіе, что разумная жизнь и сохраненіе человѣческаго достоинства возможны только на ловѣ философія, представляла жизнь не посвященныхъ въ нее людей исполненною всякаго безобразія и скверны и глубоко жалкою,—увлеченіе, говорю я, этою философіей, которая въ тотъ страшный вѣкъ деспотизма и разврата, была почти единственнымъ убѣжителемъ возвышенныхъ умовъ и сильныхъ характеровъ, и породило въ молодомъ, незнакомомъ еще съ дѣйствительною жизнью, поэту, страстное желаніе выступить съ сатирой, какъ средствомъ провозглашенія высокихъ нравственныхъ истинъ забытому всякіе идеалы обществу. Персій сдѣлался сатирикомъ не потому, что былъ подвигнутъ на борьбу со зломъ горькимъ опытомъ жизни, близкимъ знакомствомъ со всюю мерзостью страстей и пороковъ павшаго общества, какъ это было послѣдствіемъ съ Ювеналомъ, выступившимъ съ своимъ сатирическимъ негодованіемъ уже по достиженіи сорокалѣтняго возраста, не потому, чтобы онъ, подобно Луцилію, стоялъ въ очагѣ страстной борьбы политическихъ партій или, подобно Горацію, рѣзко столкнулся съ печальною дѣйствительностью на зарѣ своей жизни и вступилъ съ нею борьбу ради личнаго самосохраненія, а потому, что развращенность міра была догматомъ его философіи, и борьба съ этою развращенностью, какъ она характеризовалась философіей, была дѣломъ служенія философской истинѣ. Перешедшій въ самомъ концѣ республики на римскую почву греческій стоицизмъ, принявъ адъсь въ первый вѣкъ имперіи рѣзко практическій характеръ, сдѣлавшись орудіемъ борьбы, не только нравственной, но и политической. Эразелъ, въ обществѣ котораго Персій прожилъ десять лѣтъ и съ которымъ даже предпринималъ путешествія, лучше, чѣмъ всякій другой, доказывалъ юности своею жизнью, что исповѣданіе догматовъ философіи Зенона и Хризиппа для него не было дѣломъ празднословія, даже по отношенію къ политической жизни; да и между самими греками стоицизмъ этого времени имѣлъ не мало представителей дѣятельной борьбы съ общественными нравами, каковы были и тѣ два молодыхъ грека, съ которыми Персій познакомился у Корнута, и которыхъ біографъ Персія называетъ не только людьми большой учености и большой нравственной чистоты (*doctissimi et sanctissimi*), но и горячими исповѣдниками доктрины стоиковъ (*acriter philosophantes*). Персій, воспитанный въ школѣ Корнута и Эразеля, не хотѣлъ отставать отъ другихъ въ исповѣдничествѣ усвоеннаго имъ ученія и избралъ для того форму сатиры, наиболѣе національнаго вида римской литературы. Нельзя, однако, сказать, что онъ,

избирая эту форму, совсѣмъ былъ лишенъ сатирическаго таланта. Онъ несомнѣнно обладалъ извѣстною долею того, что теперь называютъ юморомъ, который ясно сказывается въ первой сатирѣ и даже въ прологѣ, которымъ открывається состоящая изъ шести сатиръ книжка Персія.

Предшествующій сатирамъ Персія прологъ состоитъ всего изъ 14 стиховъ холіамбическаго размѣра (versus Hipponacteus). Сколько можно понять изъ темнаго языка этихъ стиховъ, Персій хочетъ оправдать въ нихъ свою смѣлость въ стихотворствѣ, хотя онъ и не посвященъ въ таинства музъ, не пивши изъ ихъ источника, я не засыпалъ на Парнассѣ. По мнѣнію Пассова, прологъ этотъ написанъ лишь къ одной первой сатирѣ; по мнѣнію Гейриха, онъ написанъ не самимъ Персіемъ, а издателемъ его сатиръ Цезіемъ Бассомъ. Первостепенный филологъ семнадцатаго столѣтія Казобонъ, капитальному труду котораго Персій больше всего обязанъ своимъ распространеніемъ въ новой Европѣ, перевелъ этотъ прологъ на греческій языкъ, хорошими стихами и тѣмъ же размѣромъ. Есть и еще два перевода на греческій языкъ пролога, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ знаменитому Іосифу Скалигеру.

Въ первой сатирѣ, которая одна только и походитъ на сатиру въ обычномъ смыслѣ, поэтъ, указывая на страсть къ стихотворству, обуявшую бездарныхъ поэтовъ въ Нероново время, заявляетъ, что онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, Луцилія и Горация, хочетъ говорить обществу правду и просить вниманія къ себѣ у тѣхъ, кто имѣетъ вкусъ къ этому роду произведеній и любитъ сатиру такую же смѣлую, какъ была смѣла древняя аттическая комедія. Но онъ не желаетъ имѣть читателями людей, которые любятъ смѣяться надъ пустяками въ родѣ греческой обуви, которые могутъ назвать кривого кривымъ и любятъ острить надъ арифметикой и геометрией. Написана сатира въ формѣ діалога между авторомъ и его противникомъ, то-есть, возражателемъ, — форма, далеко не новая въ исторіи римской сатиры.

Уже во второй сатирѣ поэтъ не оправдываетъ своего обѣщанія писать въ смѣломъ сатирическомъ родѣ, какой можетъ понравиться людямъ, знакомымъ съ Эвполидомъ, Кратиномъ и Аристофаномъ. Въ ней поэтъ разсуждаетъ о молитвѣ, слегка подсмѣиваясь надъ людьми за то, что они обыкновенно возсылаютъ къ богамъ молитвы недостойныя божествъ и даже безправственныя. Такъ, одинъ, имѣя на устахъ хорошія слова молитва, внутренно проситъ о томъ, чтобъ ему найдти кладъ, другой, чтобъ поскорѣе умеръ его богатый дядя,

третій, какъ бы скорѣе отдѣлаться отъ находящагося у него подъ опекой питомца и воспользоваться его состояніемъ, четвертый завикуетъ сосѣду, который скоронилъ уже третью жену, и т. п. Высказывая въ глубинѣ души своей такіа пожеланія, люди думаютъ, что для этого боговъ можно подкупить внутренностями животныхъ. Равнымъ образомъ поэтъ приписываетъ глупости людской то, что римляне мѣдныя и глиняныя сосуды временъ Нумы замѣнили въ храмахъ золотыми. Видя, какъ люди вносятъ свои правы въ храмы боговъ и считаютъ для боговъ пріятнымъ то, что отвѣчаетъ ихъ собственнымъ похотямъ, онъ восклицаетъ (стр. 61): „О души, наклоненныя къ землѣ и не заключающія въ себѣ ничего небеснаго!“

O curvae in terris animae et caelestium inanes!

Было бы гораздо лучше, заключаетъ онъ, еслибы мы приносили богамъ въ даръ справедливость и соблюденіе долга, чистоту сокровенныхъ мыслей и сердце, исполненное благородства и чести.— Написана эта сатира къ Макрину, одному изъ близкихъ друзей,— о которомъ, впрочемъ, не упоминается въ біографіи поэта,—въ день его рожденія.

Въ третьей сатирѣ, направленной противъ превратнаго воспитанія, содержится горячая проповѣдь стоическаго ученія. Поэтъ поднимаетъ вопросъ о томъ, что такое люди и для чего они рождаются; онъ приглашаетъ познать мѣру денегъ и всего суетнаго. Добродѣтель имѣетъ такую красоту, что онъ не знаетъ для тиранновъ большаго наказанія, какъ то, чтобы Юпитеръ заставилъ ихъ смотрѣть на нее и чахнуть отъ того, что они ее покинули (стр. 38):

Virtutem videant intabescantque relicta.

Четвертую сатиру Персіи посвятилъ проповѣди самопознанія, порицая обычнйи людямъ порокъ думать о себѣ много, не видѣть своихъ недостатковъ, за то очень усердно замѣчать ихъ въ другихъ людяхъ и заботиться больше объ исправленіи другихъ, чѣмъ себя. Поэтъ начинается рѣчь словами Сократа къ Алкивиаду по Платонову діалогу, носящему названіе Алкивиадъ (*Alcibiades prior*), и излагаетъ сущность разговора между тѣмъ и другимъ, какъ Сократъ обуздываетъ самолюбіе или самоиѣніе Алкивиада.

Пятую сатиру поэтъ обращаетъ къ своему учителю Корниту, развивая извѣстное стоическое положеніе, что только одинъ мудрецъ, то-есть, философъ, свободенъ. Всего замѣчательнѣе въ этой сатирѣ тѣ мѣста, гдѣ поэтъ въ трогательныхъ выраженіяхъ высказываетъ чувства любви и благодарности къ своему наставнику, которому онъ

считаетъ себя обязаннымъ тѣмъ, что не пошелъ по дурному пути, когда предъ нимъ, неопытнымъ юношей, открылись двѣ дороги, а предался изученію спасительной мудрости. Сатира эта причисляется къ лучшимъ произведеніямъ Персія не только потому, что въ ней въ такомъ превосходномъ свѣтѣ высказывается душа поэта, нѣжная и любящая, но и по болѣе искусному и ясному изложенію предмета.

Шестая сатира обращена къ другому другу поэта, Цезію Бассу, и трактуетъ о важномъ вопросѣ практической жизни, о пользованіи своимъ богатствомъ, о вопросѣ, который не разъ поднимался въ стоической философіи и разрѣшеніе котораго было для нея, по видимому, не такъ просто, какъ это кажется съ перваго раза. Къ нему, какъ мы видѣли, часто возвращался Сенека въ своихъ сочиненіяхъ. Авторъ сатиры высказывается противъ всякой расточительности, но и не считаетъ нужнымъ отказываться отъ пользованія своимъ состояніемъ и понапрасну терпѣть лишенія.

Таково, въ краткихъ чертахъ, содержаніе сатиръ Персія. Въ нихъ много благородныхъ и возвышенныхъ мыслей, въ нихъ ясно сказывается чистая, прекрасная натура автора, въ нихъ нѣтъ недостатка и въ литературномъ дарованіи, но, читая ихъ, вслѣдъ безъ труда увидить, что онѣ не классическія произведенія. Для этого имъ недостаетъ ни надлежащаго сатирическаго содержанія, ни сообразной съ этимъ содержаніемъ обработки, ни мастерства литературной формы, какъ это мы находимъ у Горация. Для сатиры требуется живая жизнь извѣстнаго общества съ ея реальными уклоненіями отъ нормальной линіи человѣческаго существованія, а сатира Персія имѣетъ дѣло не столько съ тѣмъ паденіемъ общественныхъ нравовъ, какое должно было бросаться въ глаза каждому наблюдателю нравовъ Нероновской эпохи, сколько съ уродливыми явленіями человѣческой жизни вообще, какъ они представлялись съ точки зрѣнія стоической философіи. Въ обработкѣ своихъ темъ Персій далеко не обнаруживаетъ той складности и естественности хода мыслей, какъ это мы опять-таки видимъ почти въ каждой сатирѣ Горация, а всего чаще излагаетъ дѣло въ отрывистыхъ сценахъ, внутренняя связь которыхъ не легко отыскивается. Если прибавить къ этому несомнѣнную темноту языка, какую-то умышленную искусственность выраженій, являющихся подъ-часъ какъ бы загадками, которыя требуютъ напряженія, чтобы ихъ отгадывать, то мы легко поймемъ, какъ далеки сатиры Персія отъ классической законченности сатиръ

Горація. Сравненіе мѣстъ, гдѣ Персій подражаетъ Горацію, съ соотвѣтствующими имъ мѣстами сатирика Августа въѣка всею яснѣе показываетъ, какъ велико паденіе литературной формы, совершившееся въ періодъ времени отъ Августа до Нерона. Сравненіе это, сдѣланное еще Казобономъ въ концѣ его изданія этого поэта, вы можете найти также у Нивара въ его „Études sur les poètes latins de la décadence“ (I, p. 250 слд.).

Не смотря на эти слабыя стороны произведенія Персія, мы понимаемъ, что появленіе ихъ въ свѣтъ, по словамъ древняго біографа, было встрѣчено съ восхищеніемъ, и что книга читалась съ жадностью: *editum librum continuo mirari et diripere homines coerege*. Она произвела такое впечатлѣніе потому, что отвѣчала своимъ содержаніемъ нравственнымъ требованіямъ лучшихъ людей эпохи, искавшихъ всюду слова ободренія и нравственнаго подкрѣпленія. И современники не жаловались на темноту языка, которая въ настоящее время вертится на языкѣ у всякаго, кто только говоритъ о сатирахъ Персія. Мы знаемъ, что Луканъ приходилъ въ восторгъ отъ поэтическихъ произведеній Персія и называлъ ихъ *vera roemata*: вѣроятно, при этомъ молодой другъ нашего поэта имѣлъ въ виду, какъ другія его произведенія, такъ и нѣкоторыя его сатиры. Но мы знаемъ, какъ поэтъ слѣдующаго поколѣнія Марціалъ отзывался именно о сатирахъ Персія. Главный представитель римской эпиграммы, сравнивая Персія съ извѣстнымъ эпиграмматистомъ, написавшимъ также и эпическую поэму, Домитіемъ Марсомъ, прямо говоритъ (*Epigr. IV, 29, 7—8*), что одна книга Персія цѣнится больше, чѣмъ вся Амазонка Марса¹⁾. Такъ говорятъ поэтъ, но вотъ и отзывъ главнаго критика въ римской литературѣ, Квинтиліана (I, 1, 94): „Много и притомъ истинной славы заслужилъ Персій, хотя и одною книгой“. Въ послѣдующее время мы видимъ ссылки на Персія и похвалы ему у разныхъ писателей: грамматиковъ, поэтовъ и отцовъ церкви, именно у Лактанція, Августина и особенно у Иеронима. Причиной такого вниманія къ рано умершему и такъ мало оставившему литературныхъ произведеній поэту, была, понятно, рѣдкая чистота его души, возвышенность его нравственныхъ помысловъ. Подъ покровительствомъ этого уваженія, оказаннаго Персію въ твореніяхъ свв. отцовъ, онъ вступилъ, какъ одинъ

¹⁾ Вотъ собственно, какъ Марціалъ выражается:

*Saepius in libro numeratur Persius uno,
Quam levis in tota Marsus Amazonide.*

изъ наиболѣе любимыхъ писателей въ средніе вѣка, и этой любви къ чтенію его средневѣковыми людьми мы обязаны тѣмъ, что сатиры его дошли до насъ въ безчисленномъ множествѣ списковъ. Не поколебалось уваженіе къ нему и въ эпоху Возрожденія, хотя во второй половинѣ XVI столѣтія и возстали противъ чрезмѣрности этого поклоненія отецъ и сынъ Скалигеры, Юлій Кесарь и Юсіфъ, авторитетъ которыхъ, особенно послѣдняго, былъ чрезвычайно великъ. Юсіфъ Скалигеръ называлъ Персіа бѣднымъ поэтомъ, и *raucge poëte*, даже *miserrimus auctor*, но все-таки говорить: *c'est un raucge poëte le quel pourtant nous entendons tous*. Въ лицѣ Казобона, посвятившаго Персію одинъ изъ лучшихъ трудовъ своей поэзіи, и *raucge poëte* Скалигера встрѣтилъ сильнаго защитника и хотя по поводу замѣчательнаго изданія, сдѣланнаго Казобономъ, Юсіфъ Скалигеръ и высказалъ часто приводимую учеными фразу: *au Perse de Casaubon la saulce vaut mieux que le poisson*, но симпатіи ученаго міра остались на сторонѣ Персіа. Крупные филологи прежняго и новаго времени, какъ Питу и Тюрнебъ во Франціи, Пассовъ и Веберъ въ Германіи, поддерживали къ нему вниманіе, какъ къ поэту, достойному изученія, вплоть до нашего времени, такъ что рѣзко высказанное Юліемъ Кесаремъ Скалигеромъ (*Post. VI, 6; III, 97*) осужденіе темноты языка Персіа вовсе не удерживаетъ любителей классической литературы отъ прилежнаго его изученія. Превосходное, дышащее жизнью, любовью и убѣжденіемъ, изслѣдованіе о Персіѣ, написанное сорбонскимъ профессоромъ Мартѣ и включенное имъ въ книгу: „*Les moralistes sous l'Empire Romain*“ (Paris, 1866, 2-е изд.), показываетъ, какія умныя и краснорѣчивыя страницы могутъ иногда посвящать Персію люди, умѣющіе изучать древнихъ писателей. У насъ Персіемъ занимались профессоръ Благовѣщенскій, издавшій его переводъ съ текстомъ, прииѣчаниями и введеніемъ (Сатиры Персіа, С.-Пб. 1873) и кievскій ученый г. Бехъ, издавшій „Этюды по Персію“ (Кіевъ, 1877) и „Наблюденія и замѣчанія по поводу языка Персіа“ (Кіевъ, 1879). Работы г. Бека, хотя тогда еще очень молодаго ученаго, исполнены съ любовью и тщательностью. Онъ не хочетъ соглашаться съ мнѣніями Скалигеровъ о темнотѣ языка поэта, хотя заключительное его заявленіе, что „темнота его рѣчи считаетъ своими виновниками не его, а новаго читателя“, и что „люди, хорошо владѣвшіе оружіемъ, необходимымъ при чтеніи сатиры, не упрекали Персіа за его темноту“, и страдаетъ нѣкоторою рѣзкостью, особенно, когда представилъ себѣ, что въ числѣ лицъ, находившихъ Персіа темнымъ, были Скалигеры.

Текстъ сатиръ Персія, какъ мы сказали уже мимоходомъ, дошелъ до насъ во множествѣ списковъ. Значительное количество ихъ обзрѣно въ Prolegomena къ большому изданію Отто Яна. Во главѣ этихъ списковъ стоитъ знаменитый кодексъ IX столѣтія, хранящійся въ Монпелье, *Monteressulanus*, обозначаемый теперь буквою *C* и содержащій въ себѣ также Нонія. Текстъ его принадлежитъ редакціи пѣвкога Флавія Сабина, сдѣланной въ Барселонѣ въ 402 г. по Р. X. Изъ этого же источника произошли кодексы ватиканскій (*B*) и другой *Monteressulanus* (*A*), X столѣтія. За ними слѣдуютъ также пергаментные списки: вѣнскій, X столѣтія, четыре или пять бернскихъ, X—XI столѣтій, мюнхенскіе, парижскіе, одинъ берлинскій, цюрихскій, вольфенбюттельскій, копенгагенскіе, кентѣрберійскій, сангаленскіе, пражскій и множество бумажныхъ. Выѣсты съ текстомъ дошли и древнія схолія, подъ именемъ *Commentum Cornuti*. Этотъ Корнутъ, не имѣющій ничего общаго съ философомъ и намъ неизвѣстный грамматикъ времени Каролинговъ (по Отто Яну), не самъ составилъ примѣчанія къ поэту, а воспользовался лишь трудами предшественниковъ, зачастую очень неумѣло, и даже не свободенъ отъ явныхъ нецѣлостей. Изданы эти схолія въ критическомъ видѣ Отто Яномъ въ концѣ его большого изданія (1843 г.).

Первое печатное изданіе Персія вышло въ Римѣ, безъ обозначенія года (ок. 1470 г.). Изъ болѣе важныхъ старинныхъ изданій слѣдуетъ указать на изданіе Питу, съ древними комментаріями (Парижъ, 1585, послѣднее изданіе 1613) и въ особенности Казобона какъ на важнѣйшее критическое и ученое изданіе (Парижъ, 1605, затѣмъ, 1615; Лондонъ, 1647 и Лейпцигъ, 1833, съ добавленіями Дюбнера). Въ числѣ новыхъ изданій первое мѣсто занимаетъ изданіе Отто Яна, какъ главное критическое изданіе нашего времени (Лейпцигъ, 1843), снабженное при этомъ обширнымъ введеніемъ (*Prolegomena*), примѣчаніями и древними схоліями. Интересно оно также по своему краткому предисловію, обращенному къ Карлу Лахману, и исполненному чувства самой глубокой любви и признательности къ учителю. Послѣ того Отто Яномъ было выпущено въ 1868 г. въ Берлинѣ изданіе одного текста Персія и вариантовъ къ нему вмѣстѣ съ текстомъ Ювенала, которое въ 1886 г. вышло вновь, подъ редакціей Вухелера, съ присовокупленіемъ къ тексту того и другаго сатирика древнихъ схолій. Между другими изданіями нашего столѣтія пользуются извѣстностью изданія: Пассова, съ переводомъ и примѣчаніями къ 1-й сатирѣ (Лейпцигъ, 1809), Ашентра (Парижъ,

1812), Вебера (Лейпцигъ, 1826), Гейнриха (Лейпцигъ, 1844), К. Фр. Германа (критическое), изданіе одного текста вмѣстѣ съ Ювеналомъ (Лейпцигъ, 1854). Менѣе извѣстны у насъ, но имѣютъ свои достоинства, англійскія изданія: Арт. Дж. Маклеана (вмѣстѣ съ Ювеналомъ), съ примѣчаніями (Лондонъ, 1867, 2-е изд.), А. Претора (Лондонъ, 1869), Дж. Куннингтона, съ переводомъ и примѣчаніями (2-е изд., изданное Ниттльшипомъ, Оксфордъ, 1874).

Между послѣдними трудами разнаго характера и значенія, относящимися къ Персію въ европейской литературѣ, отмѣчу: Zingerle, Zu den Persius-Scholten в Sitzungsberichte der Akademie zu Wien (1881); Рапа, Lo stoicismo in Persio (Туринъ, 1882); Werther, De Persio Horatii imitatore (Галле, 1883); E. Rousse, Les satires de Perse. Études et traduction française (Парижъ, 1884); Schlüter, De satirae Persianae natura (Андернахъ, 1886).

Между другими поэтами Неронова времени, число которыхъ было не мало, мы не находимъ ни одного имени съ значеніемъ Лукана или Персіа. Наиболе виднымъ лирикомъ этого времени считался извѣстный уже намъ другъ и издатель Персіа Цезій Бассъ, погибшій потомъ во время изверженія Везувія въ 79 г. по Р. Х. Квинтиліанъ, признающій изъ римскихъ лириковъ одного Горациа заслуживающимъ чтенія, замѣчаетъ (X, 1, 96): „Если ты хочешь кого-нибудь прибавить, то такимъ будетъ Цезій Бассъ, котораго мы недавно видѣли (живымъ)*. Отзывъ этотъ, конечно, былъ бы очень лестенъ для друга Персіа, еслибы знаменитый римскій критикъ тотчасъ же не прибавилъ: „но его далеко превосходятъ таланты еще живущихъ (поэтовъ)*. Квинтиліанъ разумѣетъ подъ этими послѣдними Стація и Марціала. Персію въ началѣ шестой сатиры (ст. 2), которую онъ обращаетъ къ Бассу, называетъ своего друга „чуднымъ художникомъ“ (*mirus orifex*). Нельзя не принять къ свѣдѣнію и этой дружеской похвалы, но, въ виду отзыва Квинтиліана, она имѣетъ уже немного значенія. Мы рѣшительно не знаемъ, что писалъ Цезій Бассъ, ибо изъ всей его поэтической дѣятельности, результатомъ которой были по меньшей мѣрѣ двѣ книги лирическихъ произведеній, до насъ дошелъ только одинъ стихъ, сохраненный Присціаномъ изъ второй книги ¹⁾. Но у грамматиковъ Диомеда, Теренціана Мавра,

¹⁾ Вотъ этотъ стихъ (Prisc. I, 527 ed. H.):

Calliope | ginecra sapientі psallerat ore.

Марія Викторина цитуется Цезій Бассъ, какъ авторъ сочиненія о стихотворныхъ размѣрахъ, *De metris*. Въ тожествѣ друга Персія и метрика есть основаніе сомнѣваться. Все, что приписывается Бассу лирику и метрику, собрано у Вѣренса въ *Fragmenta poetarum Latinorum* (р. 363—365).

Не много также имѣеть въ исторіи римской литературы значенія дошедшая до насъ дидактическая поэма Этна (*Aetna*), принадлежащая, по всей вѣроятности, извѣстному другу Сенеки, Луцилію Юпіору. Поэма эта, состоящая изъ 645 стиховъ гекзаметрическаго размѣра, есть не что иное, какъ описаніе изверженія Сицилійской огнедышащей горы Этны, которое сдѣлано было, по видимому, по внушенію Сенеки, какъ это можно видѣть изъ 79-го письма послѣдняго къ Луцилію. Въ письмѣ этомъ Сенека прежде всего заявляетъ, что онъ ожидаетъ отъ Луцилія (который былъ прокураторомъ въ Сициліи) писемъ съ сообщеніемъ всего того, что Луцилій при своемъ объѣздѣ Сициліи найдетъ новаго, даже того, что узнаеть болѣе вѣрнаго о Харибдѣ, прибавляя, что относительно Скиллы (по обыкновенному русскому правописанію: Сциллы) онъ очень хорошо знаетъ, что это скала. Далѣе Сенека проситъ его подняться въ честь его (*in honorem meum*) на Этну и сообщить ему интересныя для него, Сенеки, свѣдѣнія, при чемъ прямо говоритъ объ описаніи Луциліемъ Этны въ стихотвореніи, какъ предмета, любимаго поэтами (*donec Aetnam describas in tuo carmine et hunc solemnem omnibus poetis locum attingas*). И дѣйствительно, Этна воспѣвалась, какъ замѣчаетъ Сенека, *Виргиліемъ, Овидіемъ и Корнеліемъ Северомъ, другомъ Овидія, собственно эпическимъ поэтомъ.*

Авторъ сохранившейся до насъ, хотя и не въ полномъ видѣ, поэмы начинается свое произведеніе опредѣленіемъ ея содержанія, говоря, что предметомъ его стихотворенія будетъ гора Этна, ея изверженія, причины ихъ производящія, сила при этомъ дѣйствующая:

*Aetna mihi, ruptisque cavis fornacibus ignes,
Et quae tam fortes volvant incendia causae,
Quod framat imperium, quid raucos torqueat aestus,
Carmen erit.*

Затѣмъ слѣдуетъ обычное поэтамъ воззваніе къ Аполлону и къ музамъ. Вслѣдъ за вступленіемъ поэтъ обращаетъ вниманіе читатели на то, что не слѣдуетъ думать, что эта огнедышащая гора есть сѣдалище Вулкана, извергающаго пламя. Богамъ, по эллиурейскому воззрѣнію автора, нѣтъ дѣла до такихъ пустяковъ, для нихъ не

пристойно спускаться до такихъ низкихъ занятій, они царствуютъ въ высотахъ неба (ст. 32 слѣд.):

non est tam sordida divis
Cura neque extremas jus est demittere in artes
Sidera: subducto regnant sublimia caelo.

Онъ не согласенъ съ прежними поэтами въ томъ, что огнедышащія горы служили мастерскими для циклоповъ и вообще онъ не почитатель разныхъ сказокъ о подвигахъ боговъ и не вѣритъ тому, что Юпитеръ взвалилъ Этну на гиганта Экелада, который будто бы и бушуетъ тамъ и извергаетъ огонь:

Haec est mendosae vulgata licentia famae (ст. 72).

Онъ, вопреки другимъ поэтамъ, не станетъ разказывать небылицы, рисуемая воображеніемъ, а будетъ разказывать одну истину (ст. 89—90):

Debita carminibus libertas ista, sed omnis
In voto mihi coga.

Слѣдуетъ изложеніе ученія о вулканическихъ изверженіяхъ въ томъ смыслѣ, какъ оно изложено Селекой въ его *Quaestiones Naturales*.

Авторъ поэмы, какъ вы видите отчасти и изъ приведенныхъ мною мѣстъ, эпикуреецъ и хочетъ повторить своимъ сочиненіемъ Лукреція. Въ письмахъ Селеки къ Луцілію очень часто опровергается эпикурейское міросозерцаніе его друга.

Вообще говоря, дидактическая поэма Луцілія не безъ достоинствъ. Есть по мѣстамъ живость въ изложеніи, какъ, напримѣръ, въ описаніи изверженія Этны (ст. 608 слд.). Языкъ чистъ, стихъ правиленъ. Въ языкѣ авторъ видимо стремится подражать Виргилію, въ стихѣ, какъ говорятъ знатоки, есть родство съ Овидіемъ.

Сочиненіе Луцілія прежде печаталось въ изданіяхъ Виргилія, которому оно приписывалось еще въ древности (Сервій). Въ новое время приписывали его сначала разнымъ авторамъ: Клавдіану (Ю. В. Скалигеръ), Манилію (Бартъ), а чаще всего Корнелію Северу (Иосифъ Скалигеръ и его послѣдователи). Наконецъ мнѣніе Вернсдорфа (см. предисловіе къ IV тому изданія *Poetae latini minores*) о принадлежности поэмы Луцілію Юніору нашло себѣ общее признаніе, тѣмъ болѣе, что всѣ обстоятельства, какъ-то: свидѣтельство Селеки о дидактической поэмѣ Луцілія, имѣющей содержаніемъ Сицилію и Этну, эпикурейское направленіе автора, знакомое намъ по письмамъ

Сенеки, нѣкоторыя выраженія и обороты, напоминающіе *Quaestiones Naturales*, языкъ и стиль перваго нѣка имперіи, рѣшительно говорятъ въ пользу Луциліи.

На основаніи мнѣнія о принадлежности этой поэмы *Virgiliu*, она дошла до насъ въ нѣкоторыхъ спискахъ сочиненій *Virgiliu* вмѣстѣ съ его *Catalecta*. Важнѣйшій изъ списковъ, въ который она вошла, есть кембриджскій, X столѣтія, и затѣмъ неполный бруссельскій, XI столѣтія. Вплоть до XVIII столѣтія *Aetna* печаталась исключительно въ изданіяхъ *Virgiliu*. Отдѣльно же она была издана въ первый разъ въ Амстердамѣ въ 1703 году съ примѣчаніями Т. Горалла (псевдонимъ Жана Леклерка), съ присовокупленіемъ также примѣчаній Іосифа Скалигера, Линденбруха и со статьей Бембо, и послѣ того издавалась нѣсколько разъ и въ прошломъ и въ нынѣшнемъ столѣтіи, равно какъ и въ изданіяхъ *Poetae lat. minores* (Версдорфа, Бэренса). Лучшее критическое изданіе принадлежитъ англійскому филологу Мѣнро (Кембриджъ, 1867). Раньше его было сдѣлано критическое изданіе съ примѣчаніями старинныхъ ученыхъ Якобомъ (Лейпцигъ, 1862). Критикой текста занимались также Гауцъ и въ особенности Мэли (Mähly) въ своихъ *Beiträge Zur Kritik des Lehrgedichts Aetna* (Basel, 1862), равно какъ и Бэренсъ. Изъ новѣйшихъ работъ можно указать на Вагнера: *De Aetna poemate* (Berlin. 1884).

Изъ поэзиі этой же эпохи до насъ дошелъ въ эпической формѣ панегирикъ Пизону, извѣстному организатору заговора противъ Нерона, вслѣдствіе котораго погибли Сенека, Луканъ и множество другихъ лицъ, о чемъ съ такою подробностью говорится въ XV-й книгѣ (гл. 48—73) *Лѣтописи Тацита*. Сочиненіе это состоитъ изъ 261 стиха и надписывается то *Panegyricus ad Calpurnium Pisonem*, то *Carmen panegyricum ad Pisonem*, то *ad Calpurnium Pisonem poemation*. Содержитъ въ себѣ восхваленіе благородства, краснорѣчія и щедрости Пизона. Кто авторъ этого панегирика, рѣшительно нельзя сказать, хотя произведеніе это печатается обыкновенно въ изданіяхъ Лукана. Самъ авторъ называетъ себя молодымъ человѣкомъ, не достигшимъ еще и двадцатаго года (ст. 249). Цѣль его, очевидно, попользоваться отъ щедрой руки Пизона, который былъ въ нѣкоторой степени Меценатомъ своего времени (*exercebat*, по словамъ Тацита, *Ann. XV, 48, largitionem adversum amicos*), хотя авторъ и старается скрыть эту цѣль, говоря, что его заставила написать эти стихи не жажда золота, не страсть своекорыстія, а любовь къ похвалѣ (ст. 207 сл.):

Nec enim me divitis auri
Imperiosa fames et habendi saeva libido
Impulerit, sed laudis amor.

За то въ другихъ стихахъ онъ прямо взываетъ къ Пизону, какъ къ новому Меценату, называя его покровомъ поэтовъ, или, какъ онъ собственно выражается (ст. 232), „піерійскаго хора“, и заявляя, что онъ въ состояніи доставить Пизону вѣчную славу, если только мольбы автора будутъ услышаны. Онъ высказываетъ это въ такихъ выраженіяхъ (ст. 234):

Quodsi quis nostris precibus locus et mea vota
Si mentem subiere tuam, memorabilis olim
Tu mihi Maecenas tereti cantabere versu.
Possumus aeternae nomen committere faetae.

Въ ученой литературѣ есть много предположеній относительно автора этого стихотворенія, но всѣ они построены на шаткихъ основаніяхъ. Одни считаютъ авторомъ его Лукана (Юс. Скалигеръ, Питу, Фоссъ), другіе Салей Басса (Верисдорфъ), третьи Стація (Бартъ, Бекъ), а нѣкоторые (Веберъ) совсѣмъ отвергаютъ его принадлежность древности. Это послѣднее предположеніе сдѣлалось возможнымъ потому, что обѣ рукописи, на основаніи которыхъ панегирикъ былъ изданъ, потерялись, и лишь одинъ отрывокъ его былъ не такъ давно найденъ въ одной рукописи XIII столѣтія. Но ни языкъ, ни стихъ не позволяютъ думать, чтобъ этотъ панегирикъ былъ произведеніемъ эпохи Возрожденія, а существованіе отрывка его въ рукописи XIII столѣтія дѣлаетъ и всякій вопросъ объ этомъ излишнимъ.

Изданъ былъ панегирикъ въ первый разъ въ Базелѣ въ 1527 г. Зихардомъ между сочиненіями Овидія. По другой рукописи было сдѣлано въ Базелѣ же Юніемъ изданіе въ 1556 г., какъ сочиненія Лукана. Съ тѣхъ поръ вплоть до нашего столѣтія панегирикъ обыкновенно печатался въ изданіяхъ Лукана, съ именемъ котораго онъ япляется и въ бипонтинскомъ изданіи 1807 г. Въ 1831 г. его напечаталъ въ Бреславлѣ Гельдъ отдѣльно, какъ произведеніе невѣстнаго автора, *inserti auctoris*. Съ такимъ же заглавіемъ вышелъ онъ и въ 1859 г. въ Марбургѣ въ изданіи Вебера. Изданіе Бека (Beck) съ именемъ Стація не нашло почитателей. Во всякомъ случаѣ нельзя признать Лукана авторомъ столь унижительнаго по своему тону произведенія.

Никакъ не бѣльшую цѣну имѣютъ одиннадцать экло гъ, при

писываемыхъ въкоему Т. Кальпурнію Сицилійцу (Т. Calpurnius Siculus), о личности котораго мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Эклоги эти написаны въ подражаніе Теоокриту и Виргилію. Въ началѣ второй половины нашего столѣтія Гауптъ старался подтвердить мнѣніе Уголета, что Кальпурнію, поэту Неронова времени, принадлежатъ только 7 эклогъ, а остальные 4, стоящія въ стихотворномъ отношеніи гораздо ниже первыхъ, принадлежатъ поэту позднѣйшаго времени Немезіану, имя котораго стоитъ въ рукописяхъ на равнѣ съ именемъ Кальпурнія. Трудъ Гаупта, заключенію котораго слѣдуютъ и другіе, носятъ заглавіе: *De carminibus bucolicis Calpurnii et Nemesiani* (Berol. 1854). Первые семь эклогъ, дѣйствительно, обличаютъ Нероново время: авторъ ихъ ищетъ милостей у молодого императора, признаки котораго могутъ идти только къ Нерону. За подробностями прошу васъ обратиться къ сочиненію Гаупта.

Рукописи, въ которыхъ дошли эклоги, принадлежатъ позднему времени. Лучшая изъ нихъ, неаполитанская, принадлежитъ XV в. Впрочемъ одна парижская относится къ XIII в. Въ первый разъ напечатаны были эклоги въ Римѣ въ 1471 г. вмѣстѣ съ сочиненіемъ Сидіа Италика; затѣмъ Уголетомъ въ Пармѣ между 1490 и 1493 гг. Въ нашемъ столѣтіи издавались онѣ (независимо отъ сборниковъ *poetarum minorum*) Векомъ (Лейпц., 1803) и Глазеромъ (Гёттингенъ, 1842). Только-что вышло новое изданіе эклогъ въ Англии, сдѣланное Кинне (Лондонъ, 1887).

Наконецъ, къ Неронову же времени, вѣроятно, принадлежитъ и стихотворная передача въ сокращенномъ видѣ содержанія Иліады, подъ именемъ *Nonnus latinus* въ 1076 стихахъ. По мѣстамъ тутъ есть отступленія отъ Иліады въ сравненіяхъ и описаніяхъ. Стихъ правиленъ, хотя и тяжелъ. Авторъ много заимствуетъ изъ Виргилія и Овидія (изъ *Метаморфозъ*). Въ средіе вѣка сочиненіе это было въ большомъ ходу, что доказывается и множествомъ рукописей, хотя болѣею частью сильно попорченныхъ. Лучшіе списки: два лейденскихъ, эрфуртскій, флорентійскій. Первое изданіе вышло въ Пармѣ въ 1492. Въ нашемъ столѣтіи главное изданіе — голландскаго ученаго Вейтинга (*Wettyngh*) 1809 г. (Лейденъ и Амстердамъ).

Теперь намъ приходится говорить о сочиненіи, которое является въ своемъ родѣ единственнымъ въ римской литературѣ. Оно также дошло до насъ, — правда, лишь въ отрывкахъ, — отъ времени Нерона, но представляетъ рѣзкій контрастъ съ господствовавшимъ тогда на-

правленіемъ Сенеки, не имѣеть съ этимъ направленіемъ никакой духовной связи, да и по литературной манерѣ стоитъ независимо отъ моднаго направленія Нероповскаго времени и даже осмѣиваетъ его. По содержанію своему это сочиненіе есть сатирическій романъ, написанный въ формѣ Менипповой сатиры, родоначальникомъ которой въ Римѣ былъ М. Теренцій Варонъ Реатинскій ¹⁾, и образчикъ которой мы видѣли въ сатирѣ Сенеки на смерть Клавдія ²⁾. Это—Сатириконъ (то-есть, *Satiricon libri*) или Сатиры Петронія Арбитра, гдѣ прозой въ перемежку со стихами, живо и талантливо разказываются забавныя и зачастую въ самомъ обнаженномъ видѣ необыкновенно грязныя исторіи, характеризующія мерзость нравовъ тогдашняго времени, но разказываются не для того, чтобъ ихъ выставить на позоръ, какъ этого требуетъ сатира и Мениппова, и всякая другая, а просто для того, чтобы доставить читателю развлеченіе, какое, напримѣръ, имѣють въ виду доставить намъ современные романисты шикантнаго направленія.

Въ томъ видѣ, какъ это произведеніе дошло до насъ, оно составляетъ лишь малую часть цѣлаго сочиненія, которое, какъ все составляетъ думать, имѣло значительный объемъ. То, что удѣлѣно, представляетъ собою лишь отрывки изъ 15-й и 16-й книгъ сочиненія. Если взять во вниманіе, что отрывки эти въ новѣйшемъ ихъ изданіи, въ изданіи Бюхелера, напечатаны (правда, съ вариантами текста внизу) на 229 страницахъ въ 8-ку, то легко себѣ представить, какъ великъ былъ этотъ романъ въ цѣломъ видѣ, если даже онъ состоялъ только изъ 16-ти, или, что вѣроятнѣе, изъ 20-ти книгъ. Итакъ, это былъ большой романъ. Въ чемъ заключалось его главное содержаніе, чтобы не сказать, какая была его идея,—такъ какъ древніе романы не были похожи на наши и не были такъ цѣльны, какъ это требуется отъ нынѣшнихъ,—мы не знаемъ; но то, что дошло до насъ, представляетъ собою рядъ разнообразныхъ сценъ, слабо между собою связанныхъ, часто безъ начала и безъ конца, сценъ разнаго объема очень пестраго содержанія. Связаны онѣ разказомъ о походе въ разныхъ городахъ компаніи шелопаевъ-вольнотпущенниковъ, состоящей изъ Энколпія, Аскилта и мальчика Гитона.

Дѣйствіе открывается выходкой Энколпія, представляющагося главнымъ лицомъ романа, противъ декламаторовъ, обучавшихъ мо-

¹⁾ Лекціи по исторіи римской литературы I, стр. 426 слд. (2-го изд.).

²⁾ См. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1878 г., т. СС, стр. 162.

лодежъ искусству краснорѣчія, говоря и заставляя говорить слушателей рѣчи на неправдоподобныя темы, какъ мы объ этомъ говорили въ свое время. Нападеніе дѣлается бойко, со ссылками на то, что ни одинъ истинный ораторъ не учился такимъ нелѣпнымъ методомъ краснорѣчію, и что распространившіеся теперь декламации губить литературу, какъ прозу, такъ и поэзію. За этимъ слѣдуетъ рядъ сценъ, то забавныхъ, то грубыхъ, то циничныхъ, между товарищами, называющими одинъ другаго, въ часто происходящихъ между ними ссорахъ, убійцей, почнымъ разбойникомъ, подлымъ гладіаторомъ или такими срамными названіями, какихъ у насъ громко произносить или печатать не позволяется, и рядъ ихъ грязныхъ и мошенническихъ похожденій въ качествѣ странствующихъ ученыхъ и литераторовъ, не брезгающихъ воровствомъ, а при случаѣ и грабежомъ, и занимающихся всякими плутнями. Все это разказывается съ живѣйшимъ юморомъ, съ неприужденностью тона и съ поразительною реальностью, при чемъ каждое изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ языкомъ, ему свойственнымъ и вѣрнымъ дѣйствительности, хотя и не всегда грамматикѣ. Прежде всего идетъ сцена въ изданіи Вюхелера съ Квартиллой, жрицей Пріапа, затѣмъ обѣдъ у богатаго вольноотпущенника Тримальхіона, составляющій главный эпизодъ романа въ сохранившихся отрывкахъ, пребываніе у помѣщика Ликурга и исторія съ Трифеной, возлюбленной Лики (Lucas), хозяина корабля, также землевладѣльца, въ этой приморской мѣстности, гдѣ происходитъ главное дѣйствіе романа, то-есть, въ окрестностяхъ Неаполя; далѣе воровство на кораблѣ Изиды, грабежъ въ домѣ Ликурга и сцена съ плащемъ, въ который были зашиты краденныя деньги, на неаполитанскомъ толкучемъ рынкѣ. Въ то время какъ герой романа разсматривалъ въ неаполитанской картинной галереѣ (никакогдѣ) картины Зевксиды, Протогена и Апеллеса, онъ тамъ встрѣчаетъ поэта Эмолпа, который умѣетъ пародировать Лукана, но въ котораго мальчишки, слышавъ его декламацию, бросаютъ камнями. Поэтъ присоединяется къ компаніи, съ которою онъ, въ сохранившихся отрывкахъ, уже не разстается. Компанія, за исключеніемъ Аскилта, садится по предложенію Эмолпа на корабль, и отправляется въ путешествіе. Встрѣтившись на палубѣ корабля съ старыми знакомыми, съ Ликой и Трифеной, Эмолпъ и Гитойъ напрасно стараются скрыться отъ нихъ. На кораблѣ происходитъ ссора и драка. Эмолпу удается возстановить примиреніе интереснымъ разговоромъ объ эфесской дамѣ, которая пять дней оплакивала своего погребеннаго мужа въ

сказатъ и, жаль увидѣть, не хотѣла принимать нища, но вдругъ почувствовала склонность къ сказавшему ей нѣсколько словъ утѣшенія солдату, который стоялъ на караулѣ у тѣхъ раслатыхъ неподалеку отъ этого мѣста разбойниковъ. Солдатъ говорилъ шуткою принять видку и до того расположилъ ее къ себѣ, что она тутъ же вступила съ нимъ въ любовную связь и согласилась отдать солдату тѣло своего мужа для захѣна на крестѣ украденнаго у него трупа разбойника, чтобы ему не подвергнуться за недосмотръ такой отвѣтственности. Корабль, на которомъ ѣхали эти забавные путешественники, потерпѣлъ крушеніе, но они не погибли, а были выброшены на берегъ. Узнавши, что по близости находятся городъ Кротонъ, гдѣ люди до крайности любятъ гоняться за наслѣдствами, они направляются туда. Дорогой Эвиоль декламируетъ нѣтъ стихи, изображающіе междоусобную войну Бесаря съ Поннеемъ и народирующіе новину Лукава. Выдавъ себя за человѣка, обладающаго несмѣтными богатствами въ Африкѣ, Эвиоль заставляетъ этия ухаживать за собою массу кротонцевъ, въ то время какъ спутникъ его Эпиолій предается любовнымъ наслажденіямъ. Но такъ какъ корабль съ деньгами и рабами, котораго будто бы ожидалъ Эвиоль, не приходилъ, то вниманіе къ нему искателей наслѣдствъ стало уменьшаться, что заставляло компанію призадумываться. Эвиоль, чтобы не подвергнуться неприятностямъ, ожидающимъ обманщиковъ, ставитъ искателей у него наслѣдствъ условіе, что по его завѣщанію могутъ получить легаты только тѣ, которые послѣ его смерти разрѣжутъ его тѣло на части и съѣдятъ свои куски въ присутствіи народа. Кротонцанъ не поправилось это, но Эвиоль старается убѣдить слушателей историческими примѣрами, какъ люди въ крайности ѣли человѣческое плесо. Чѣмъ окончилась для него эта шутка съ кротонцами, мы не знаемъ, такъ какъ сохранившіеся части романа на этомъ прерываются.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе Сатирикона, то-есть, сохранившейся части этого замѣчательнаго произведенія въ римской литературѣ. Оно замѣчательно и по необыкновенной живости разказа, и по массѣ картинъ народной жизни, нарисованныхъ если не прямо съ натуры, то представляющихъ вполне вѣрныи дѣйствительности, и по литературному таланту автора, обнаруживающаго не только тонкую наблюдательность, но и умѣнье воспроизводить наблюдаемое легко, свободно и просто, съ какою-то беззаботностью и съ постоянно веселымъ настроеніемъ. Миръ, въ которомъ движется описываемое дѣйствіе, развратный, безпутный и падшій, его не смущаетъ, не

вызываетъ у него ни протеста, ни ужаса, ни печали, ни декламаторскаго негодованія. Онъ относится къ нему единственно съ точки зрѣнія наблюдателя и беретъ совершающіеся передъ его глазами явленія лишь какъ интересный матеріалъ для изображенія, чтобы доставить читателю болѣе или менѣе пикантное развлеченіе.

Я указывалъ уже на то, что главный эпизодъ романа есть пиръ у Трималхіона. Ему посвящена, по существующему въ изданіяхъ дѣленію, 51 глава изъ 141, изъ которыхъ состоитъ весь текстъ сохранившихся отрывковъ. Трудно себѣ представить, какое разнообразіе чертъ современныхъ нравовъ раскрывается передъ читателемъ съ того момента, какъ знакомая намъ компанія вольноотпущенниковъ подходитъ къ дому Трималхіона, игравшаго въ мячъ съ молодыми рабами, до того, какъ причудливый, богатый самодуръ, не зная какую кичливую глупость придумать, заставляетъ играть надъ собою похоронную музыку. Прежде всего предъ нами раскрывается сцена въ Трималхіоновой банѣ куда отправилась компанія передъ обѣдомъ, описывается мытье въ банѣ и торжественный выходъ оттуда самого Трималхіона въ носилкахъ, роскошь его дворца съ курьезною надписью на воротахъ, съ картинами на стѣнахъ зданія и другими особенностями роскоши обѣденной обстановки, входъ въ столовую Трималхіона подъ музыку. Затѣмъ уже начинается описаніе обѣда, сопровождающагося всевозможными причудами богатаго самодура - вольноотпущенника. Тутъ и цѣлыя жаренныя свиньи, тутъ и докладъ о томъ, что произошло въ данный день въ огромныхъ владѣніяхъ богатаго высочки, тутъ и канатные плясуны, тутъ и стихотворные экспромты, и глупѣйшіе вопросы, задаваемые хозяиномъ своимъ ученымъ собесѣдникамъ, тутъ и причудливые подарки гостямъ, тутъ всевозможныя глупости и пошлости. За столомъ сидитъ жена его Фортуната, по словамъ одного изъ гостей командующая своимъ мужемъ, который, однако, ее купилъ когда-то на рынкѣ. Она вся въ золотѣ и драгоценностяхъ, но скупа и бережлива до скарденности. Она не можетъ сдержатъ себя при видѣ того, какъ ея мужъ поцѣловалъ красиваго мальчика, и осыпаетъ его всякими ругательствами: Трималхіонъ бросаетъ ей въ лицо чашу. Поднимается крикъ и вой женщины. Трималхіонъ съ своей стороны кричитъ, обзывая жену площадными словами и напоминая ей, изъ какой грязи онъ ее вытащилъ. Его едва успокаиваютъ. Тогда онъ разказываетъ свою исторію, какъ онъ изъ рабовъ достигъ такого колоссальнаго состоянія, и надѣется еще присоеди- нить къ своимъ владѣніямъ Апулію. Онъ увѣренъ, что чѣмъ больше

имѣешь богатства, тѣмъ тебя больше уважають. Онъ прежде былъ „лягушкой“, а теперь сталъ „царемъ“. Нужно все это читать, чтобы видѣть, сколько этотъ романъ могъ доставить развлеченія римскому читателю и какъ много онъ представляетъ захватывающаго интереса для читателя нашего времени.

Теперь вопросъ: кто же авторъ столь интереснаго и столь исключительнаго по литературной манерѣ произведенія? Кто тотъ Петроній Арбитръ, имя котораго носятъ рукописи отрывковъ, и когда онъ жилъ? Въ самомъ началѣ лекціи уже было замѣчено, что Сатириконтъ есть произведеніе Нероновскаго времени, и если я теперь поднимаю вопросъ объ эпохѣ, къ которой относится авторъ его, то лишь потому, что еще не такъ давно вопросъ этотъ казался очень спорнымъ. Одни (Бурманъ) относятъ автора Сатириконтъ ко времени Августа, другіе (неаполитанскій ученый Игнацца и голландскій Рункеній) ко времени Коммода, третьи (Нибуръ) ко времени Александра Севера, а нѣкоторые (Шьеръ Пети, подъ псевдонимомъ *Marinus Stallius*) отодвигаютъ его даже ко времени Константина Великаго. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что мнѣнія эти и въ свое время являлись исключительными, такъ какъ мнѣніе огромнаго большинства филологовъ, начиная съ XVII столѣтія, представляемое, между прочимъ, такими свѣтилами, какъ Питу, Ляпсію, Казобовъ, не допускало считать авторомъ Сатириконтъ никого другаго, какъ извѣстнаго намъ по Тациту законодателя вкуса (*elegantiae arbiter*) при Нероновомъ дворѣ, Т. Петронія. Въ наше время, за исключеніемъ, впрочемъ, уже давно покойнаго Бернгарди, я не знаю ни одного виднаго филолога, который бы если не положительно, то хотя бы предположительно не стоялъ за это мнѣніе. Бернгарди, прежде принимавшій совсѣмъ несостоятельное мнѣніе Нибура о принадлежности Сатириконтъ къ III столѣтію по Р. Х., потомъ сталъ признавать несомнѣнность его принадлежности къ I столѣтію, но почему-то не желаетъ видѣть авторомъ его извѣстное историческое лицо Неронова времени. Къ Бернгарди можно, пожалуй, еще присоединить америкайскаго ученаго Века, который много занимался списками дошедшихъ до насъ отрывковъ романа Петронія и издалъ также монографію о времени Петронія (*The age of Petronius Arbiter* Кембриджъ (въ Америкѣ), 1856, оттискъ изъ *Mémoires of the American Academy. New Ser. Vol. VII*): онъ находить наиболѣе естественнымъ отнести Сатириконтъ къ концу правленія Августа или къ правленію Тиберія. Но вообще, какъ мы сказали, теперь уже нѣтъ

сомнѣніи въ принадлежности этого сочиненія времени Нерона, и всѣ согласны съ его новѣйшимъ издателемъ Бухелеромъ, что „какъ люди, обстоятельства, нравы, литературныя занятія и вообще весь складъ человѣческой и гражданской жизни, какой тутъ описывается, такъ и языкъ и техника размѣровъ не совпадаютъ ни съ какимъ временемъ, кромѣ Нероновскаго“ (Praef. p. V). Особенно защищалъ принадлежность романа къ Неронову времени Штудеръ въ Rhein. Museum II, p. 50 слѣд.

Что же касается личности Петронія Арбитра, признаваемого авторомъ романа и писателями (Теренціаномъ Мавромъ, Диомедомъ, Мар. Викторіаномъ, Макробіемъ), и списками отрывковъ романа, то мы читаемъ у Тацита (Ann. XVI, 18—19) слѣдующее:

„О Петроніѣ слѣдуетъ сказать еще нѣсколько словъ. Онъ проводилъ день во снѣ, а ночь посвящалъ обязанностямъ и утѣхамъ жизни. Какъ другимъ доставила славу дѣятельность, такъ ему безопасность, но онъ не считался гулякой или мотомъ, какъ многіе изъ расточающихъ свое состояніе, а человѣкомъ умѣренныхъ удовольствій. Слова и дѣла его, чѣмъ больше они были непринужденны и обнаруживали какую-то беззаботность о себѣ, тѣмъ охотнѣе принимались за вѣчно простодушное. Впрочемъ, будучи проконсуломъ Виенни и затѣмъ консуломъ, онъ показалъ себя человѣкомъ съ энергіей и способнымъ управляться съ дѣлами. Возвратился ли онъ потомъ къ порочной жизни, или то было лишь подражаніе порокамъ, но онъ былъ принятъ Нерономъ въ число самыхъ нѣжныхъ приближенныхъ, въ качествѣ судьи въ дѣлѣ изящнаго вкуса, такъ что Неронъ не считалъ ничего пріятнымъ и доставляющимъ вѣгу своимъ изобиліемъ, если раньше не одобрилъ того Петроніѣ. Это породило въ Тиггелинѣ зависть къ нему, какъ къ сопернику и какъ къ человѣку болѣе сильному въ наукѣ удовольствій. И Тиггелинъ прибѣгаетъ къ жестокости государя, которой уступали дорогу всѣ другія страсти послѣдняго, и обвиняетъ Петронія въ дружбѣ съ Сцевиномъ, подкупивъ къ доносу раба и лишивъ Петронія возможности защищаться, послѣ того какъ засадилъ въ тюрьму большую часть его рабовъ.

„Случилось такъ, что въ эти дни Кесарь отправился въ Кампанію, и Петроніѣ, достигнувъ уже Кумъ, былъ тамъ остановленъ. Тогда онъ не хотѣлъ больше оставаться между страхомъ и надеждой. Однако онъ и не слишкомъ поспѣшно лишилъ себя жизни, а порѣзавъ себя жилы, онъ, смотря по желанію, то перевязывалъ ихъ, то снова открывалъ и разговаривалъ съ друзьями, но не о серьезныхъ вещахъ или

часть сслVI, отд. 2.

такихъ, которыми онъ искалъ бы славы твердаго духомъ человѣка. И отъ друзей онъ не слышалъ ничего о безсмертіи души и мнѣніяхъ философовъ, а слушалъ маловажнаго содержанія поэтическія произведенія и легкіе стихи. Однихъ рабовъ онъ награждалъ, нѣкоторыхъ наказалъ розгами. Онъ пообѣдалъ и легъ спать, чтобы смерть его хотя и принужденная, походила на естественную. Даже и въ своемъ дополненіи къ завѣщанію онъ не высказалъ лести ни къ Нерону, ни къ кому другому изъ вліятельныхъ лицъ, какъ поступали многіе изъ умирающихъ, а изобразилъ гнусности государя съ приведеніемъ именъ раздѣлявшихъ его развратъ мужчинъ и женщинъ, описалъ все, что въ его сладострастныхъ сношеніяхъ было новаго и, запечатавъ, послалъ къ Нерону. Но онъ сломалъ печатку, чтобы ею не могли воспользоваться съ цѣлю погубить кого-нибудь другаго*.

Вотъ каковъ былъ человѣкъ, который признается авторомъ романа, о которомъ мы ведемъ рѣчь. Въ прежнее время думали, что романъ этотъ и есть то описаніе разврата Нерона, которое Петроній написалъ въ послѣдніе минуты жизни, запечаталъ и отослалъ къ своему Кесарю. Но мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Романъ, о которомъ мы говоримъ, былъ сочиненіемъ объемистымъ, такъ что одни сохранившіеся изъ пятнадцатой и шестнадцатой книгъ отрывки его могутъ составить цѣлую, хотя и небольшую, книгу; тѣ же *codicilli*, въ которыхъ Петроній изобразилъ гнусности Нерона, были написаны имъ въ короткое время, передъ самою смертью. Слѣдовательно о тождествѣ того и другаго сочиненія не должно быть и рѣчи. Но сообщаемый Тацитомъ фактъ о характерѣ предсмертныхъ записокъ Петронія важенъ въ томъ отношеніи, что служитъ для насъ подтвержденіемъ того, что авторомъ Сатирикона могъ быть скорѣе всего этотъ Петроній, а не другой какой-либо. Мы видимъ изъ словъ Тацита, что Петроній дѣйствительно занимался изображеніемъ гнуснаго разврата и что, слѣдовательно, нѣтъ повода искать для подобнаго же изображенія нравовъ автора въ лицѣ какого-либо другаго Петронія. Гастонъ Буассье, написавшій о Петроніѣ очень хорошій этюдъ, который вошелъ въ его книгу „*L'opposition sous les Césars*“ (Paris, 1875), очень основательно рассуждаетъ, когда говоритъ, что Сатириконтъ долженъ быть сочиненіемъ, которое было написано Петроніемъ совсѣмъ не съ оппозиціонною цѣлю, а прямо для развлечения Нерона и его двора, и что въ немъ даже можно усмотрѣть слѣды желанія поправиться Нерону. Такія вещи, какъ осмѣяніе богатыхъ вольноотпущенниковъ, которые играли такую большую роль

при дворѣ Клавдія и были, какъ на примѣръ, Паллантъ, запосланны до послѣдней степени, пародія на поэму Лукана, съ которымъ у Нерона было литературное соперничество, дѣйствительно не могли не быть пріятны Нерону. Да и весь романъ съ его изысканною грязью, изображенною однако свѣтскимъ человѣкомъ, могъ доставить только развлеченіе при дворѣ, гдѣ такъ много гонались за тѣмъ, чтобы придавать больше оживленія удовольствіямъ государя, *luxus principis intendere*, какъ выражается Тацитъ, говоря о роли вольноотпущенника Париды (Апп. XIII, 20). Онъ былъ написанъ, по мнѣнію Гастона Буассье, именно для того, чтобы быть читаннымъ при дворѣ, въ кругу тонкихъ развратниковъ, которые окружали Нерона и Поппею (р. 280).

Такимъ образомъ, все заставляетъ думать, что авторомъ романа былъ именно Петроній, къ которому относится приведенное мѣсто Тацита, хотя, строго говоря, вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ, что этотъ Петроній могъ всего скорѣе быть его авторомъ, а не такъ, что романъ написанъ несомнѣнно этимъ Петроніемъ. Интересно то, что о немъ, какъ о писателѣ, не упоминаютъ ни Тацитъ въ своей характеристикѣ, ни Квинтилианъ, который не долженъ былъ бы пропускать такого крупнаго литературнаго явленія. Или грязность содержанія романа была причиною, что серьезные люди и вѣка по Р. X. молчали о немъ? Можетъ быть и то, что они и не знали такого сочиненія, обращавшагося, главнымъ образомъ, среди любителей пикантной литературы. Тэйфель считаетъ возможнымъ предположеніе, что сочиненіе вышло въ свѣтъ безъ имени автора и даже внѣ Рима, на примѣръ, въ Массилии, и затѣмъ уже было приписано имени Тацитовскаго Петронія. Предположеніе смѣлое, но не лишнее остроумія. Мы считаемъ себя вправѣ думать, что Сатириконъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ Т. Петронію, кончина котораго изображена Тацитомъ; что же касается прозвища *Arbiter*, которое дается автору романа и позднѣйшими писателями иногда употребляется одно, безъ обозначенія родового имени *Petronius*, то легко можетъ быть, что оно присоединено было къ имени Петронія литераторами впоследствии подъ влияніемъ Тацитовскаго о немъ выраженія: *elegantiae arbiter*.

Какъ бы то ни было, романъ Петронія былъ очень распространенъ не только въ древности, но и въ средніе вѣка, когда изъ него стали дѣлать извлеченія, въ которыхъ онъ и дошелъ до насъ. Составители этихъ извлеченій, средневѣковые монахи, какъ видно, особенно выби-

рали мѣста, дѣйствующія на воображеніе картинами сладострастій. Съ эпохи Возрожденія Петроній также насчитывается не мало поклонниковъ и среди духовныхъ, которые являются ревностными его переводчиками во Франціи, какъ, напримѣръ, аббатъ де-Маролль, и среди свѣтскихъ людей, каковъ, напримѣръ, Сентъ-Эвремонъ, и даже между учеными, каковъ, напримѣръ, Юстъ Лянсіи, который объявляетъ Петронія писателемъ, умѣвшимъ самымъ чистымъ образомъ говорить о грязныхъ вещахъ (*auctor purissimae impuritatis*). Въ наше время его любятъ и почитаютъ не только въ виду того интереса, какой онъ имѣетъ для знакомства съ нравами эпохи, но и для языка, который намъ представляетъ превосходные образцы простонароднаго говора, того *sermo plebejus* и *vulgaris*, знакомство съ которымъ такъ важно вообще для исторіи латинской рѣчи ¹⁾.

Отрывки романа Петронія, за исключеніемъ той части ихъ, которая относится къ обѣду Трималхіона, *сена Trimalchionis*, дошли до насъ въ немаломъ количествѣ списковъ, которые всѣ сходятся къ одному источнику, къ той рукописи, которая заключала въ себѣ уже не цѣльное сочиненіе, а лишь извлеченія. Важнѣйшіе изъ нихъ: бернскій X или XI столѣтія, два парижскихъ XI—XII столѣтія, XII—XIV и мессинскій XII столѣтія. Къ нимъ же принадлежатъ *codex Tragugiens*, найденный около 1650 года въ Далмаціи, въ городѣ Трогирѣ (по италіански и по нѣмецки Трау). Онъ принадлежитъ къ XV столѣтію и полнѣе другихъ, такъ какъ въ немъ находится и *сена Trimalchionis*. См. о рукописяхъ предисловіе къ изданію Бюхелера и изслѣдованіе Бека: *The manuscripts of the Satiricon of Petronius Arbiter described and collated* (Кембриджъ, въ Соед. Штатахъ, 1863 года).

Первое изданіе Петронія вышло, какъ полагаетъ Бюхелеръ, въ Миланѣ или въ 1476, или въ 1482 г. Это былъ небольшой отрывокъ, изданный Пучеоланомъ, вмѣстѣ съ панегириками Плинія и другихъ и съ Агриколой Тацита. Но обыкновенно первымъ изданіемъ считается вышедшее въ Венеціи въ 1499 г. и заключавшее въ себѣ также незначительный отрывокъ. Въ 1500 г. вышелъ въ Лейпцигѣ *сармен де bello civili* по мюнхенскому списку, какъ думаетъ Бюхелеръ. Затѣмъ изъ болѣе извѣстныхъ слѣдовали: парижское изданіе 1520 г., лионское 1575 г., которое было перепечатано въ томъ же году въ Парижѣ

¹⁾ См. диссертациі *Лудова*: *De Petronii sermone plebejo*. Lipsiae, 1870, и *Герике* *De linguae vulgaris reliquiis apud Petronium etc.* Gumbinae, 1875.

Пьеромъ Питу, лейденское изданіе Дузы 1585 г., парижское 1587 г., вышедшее у Матисона и повторенное съ примѣчаніями Вовера и другихъ въ Лейденѣ въ 1596 г., франкфуртское (Гольдаста) 1610 и 1621 гг., также франкфуртское (Гонзалеса де Саласа) 1629 г., еще франкфуртское (Лотихія), также 1629 г. Въ 1664 г. появилась въ свѣтъ Сена Trimalchionis въ Падуѣ и тогда же была перепечатана Пьеромъ Пети въ Парижѣ, въ 1665 г. Шефферомъ въ Упсалѣ, въ 1566 г. со схолиями Рейпезія въ Лейцигѣ, въ 1667 г. Христ. Арнольдъ въ Нюрнбергѣ. Въ 1693 г. вышло въ Парижѣ съ поддѣльнымъ дополненіемъ будто бы по найденному въ Вѣлградѣ списку изданіе Подо. Изъ полныхъ изданій сохранившихся отрывковъ наиболѣе замѣчательны: Бурмана (Утрехтъ, 1709 и Амстердамъ, 1743), Аптона (Лейпц., 1781); Вибонтинское 1790 г., изданіе съ французскимъ переводомъ Ганьена де Герта (Hegnin de Guerte), вышедшее въ Парижѣ 1860 г. Критическое изданіе Бюхелера вышло въ Берлинѣ въ 1862 г. (его же изданіе одного текста 1862 и 1871 гг.) и есть главное изданіе Петронія.

Въ нашей литературѣ есть неполный переводъ собранныхъ отрывковъ Петронія, сдѣланный Вл. Чуйко (С.-Пб. 1882).

Время трехъ послѣднихъ императоровъ Юліева-Клавдіева дома, какъ вы могли замѣтить, было богато поэтами. Мы видѣли между ними эпика, сатирика, лирика-дидактика, наконецъ романиста, писавшаго въ формѣ Менипповой сатиры. Хотя ни одинъ изъ этихъ поэтовъ не играетъ первоклассной роли въ римской литературѣ вообще и даже въ литературѣ перваго вѣка имперіи, но несомнѣнно, что вмѣстѣ взятые они указываютъ на оживленное литературное движеніе, которое все-таки представляетъ свѣтлую сторону этого тяжелаго времени. Проваическая литература не только не отставала отъ поэтической, но видимо была сильнѣе ея. Уже одинъ такой представитель ея, каковъ былъ Сенека, первостепенный прованкъ времени имперіи, достаточно говорить о томъ, что главное значеніе въ римской литературѣ пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ перваго столѣтія нашей эры принадлежало не поэзіи, а прозѣ. Сенека, какъ ораторъ и философъ, обнаруживалъ столь огромное вліяніе на литературу своего времени, что поэзія этого времени отражала его и въ стилѣ, и въ идеяхъ. И вліяніе это продолжалось вплоть до Квинтиліана, которому удалось направить умы молодежи къ изученію литературы классическаго періода.

Послѣ Сенеки, о которомъ достаточно было говорено раньше ¹⁾, наиболѣе виднымъ прозаикомъ этого времени является Кв. Курцій (правильнѣе: Куртій) Руфъ, очень хорошо намъ извѣстный авторъ Исторіи Александра Великаго (*Historiarum Alexandri Magni Macedonis libri*). Сочиненіе это состояло изъ десяти книгъ, но до насъ дошли только восемь, да и то съ пропусками, какъ, напримѣръ, въ концѣ 5-й, въ началѣ 6-й и въ нѣсколькихъ мѣстахъ 10-й. Въ наукѣ было много споровъ относительно личности и времени жизни автора, такъ какъ ни самъ онъ не даетъ о себѣ никакого опредѣленнаго указанія, ни древніе писатели не сообщаютъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Время жизни его относимо было къ столь разнымъ историческимъ періодамъ, что взятые вмѣстѣ они составляютъ общій періодъ въ 400 лѣтъ. Одни (Путу, Бонгарсъ, а въ новѣйшее время Цумптъ, Клоцъ) относили его ко времени Августа, другіе (Попма, Перизоній)—ко времени Тиберія, третьи (Юстъ Лиусій, Бриссонъ, Теллье, Тирабоски) — ко времени Клавдія, многіе (Фрейнсгеймъ, Фоссъ изъ старинныхъ и большая часть новѣйшихъ филологовъ)—ко времени Веспасіана, нѣкоторые (Понтанъ) — ко времени Траяна, иные (Шибуръ)—ко времени Александра Севера; были и такіе, которые относили Кв. Курція ко времени Гордіана (Гиббонъ), Константина Великаго (Баболо ²⁾, даже Θεодосія Великаго (Бартъ), то-есть, къ концу IV стол. по Р. Х. Наконецъ, нѣкоторые (Бодэнъ и Леклеркъ по Франціи, Моллеръ въ Германіи) считали сочиненіе Курція объ Александрѣ Великомъ произведеніемъ среднихъ вѣковъ и относили его къ XIII столѣтію, хотя въ XII столѣтіи о немъ уже говорятъ епископъ Іоаннъ Салисбурійскій и Пьерръ де-Блуа ³⁾. Все, чтò намъ даетъ въ этомъ отношеніи самъ писатель, это два мѣста, изъ которыхъ одно (IV, 4, въ концѣ), по поводу разказа о разрушеніи Тира Александромъ, говоритъ о благоденствіи этого города подъ правленіемъ Рима и процвѣтаніи, благодаря продолжительному миру ⁴⁾, а другое (X, 9, 3), разсуждая о распадѣ Македонской монархіи, послѣдовавшемъ за смертію Александра, указываетъ на то, что рим-

¹⁾ См. Ж. М. Н. Ир. СС (1878), стр. 130—172.

²⁾ Въ спеціальномъ изслѣдованіи: Della gente Curzia e dell'età di Q. Curzio l'istorico ragionamento. Bologna, 1741.

³⁾ См. подробности у Фабриція въ Bibliotheca latina, II, p. 341 слд., изданія Эрнести (Lips. 1773).

⁴⁾ Multis ergo casibus defuncta et post excidium renata (Tyros) nunc tandem longa pace cuncta refovente sub tutela Romanae mensuetudinis adquiescit.

скій народъ обязанъ своимъ спасеніемъ государю, который засіялъ въ мірѣ въ самую страшную почъ, какъ нова я звѣзда ¹⁾). Мѣста эти, какъ вы видите, такъ неопредѣленны, что нѣтъ ничего удивительнаго, если ученые, на основаніи ихъ, приписывали сочиненіе объ Александрѣ Македонскомъ то времени Августа, то Клавдія, то Веспасіана, то Александра Севера и т. д. Очевидно, что на этихъ мѣстахъ нельзя построить никакого прочнаго опредѣленія времени жизни автора. Болѣе важности имѣеть, съ одной стороны, указаніе у Светонія, въ его перечнѣ риторовъ (см. изданіе отрывковъ Светонія Рейффершейда, р. 99 и 128) на ритора Кв. Курція Руфа, вслѣдъ за М. Порціемъ Латрономъ, риторомъ времени Августа, но раньше риторовъ Л. Валерія Примана и Вергинія Флава, бывшаго учителемъ сатирика Персія, а съ другой—упоминаніе Тацита (Ann. XI, 20) о Курціѣ Руфѣ, сынѣ гладиатора, достигшемъ высшихъ должностей и бывшемъ при Клавдіѣ проконсуломъ провинціи Африки. Мы, конечно, никакъ не можемъ утверждать, что вышеозначенныя свидѣтельства относятся къ автору Исторіи объ Александрѣ Великомъ, но они волучаютъ большое значеніе, если внутреннія свойства сочиненія совпадаютъ съ временемъ, къ которому относятся риторъ Светонія и проконсулъ Тацита. А свойства эти именно таковы, что авторъ этого сочиненія можетъ быть отнесенъ къ половинѣ перваго столѣтія имперіи. Во-первыхъ, языкъ сочиненія, по мнѣнію знатоковъ (Липсія, Фосса, Цумпта, Мютцеля), еще не обнаруживаетъ никакихъ существенныхъ отступленій отъ языка классическаго, а риторическій колоритъ стили какъ разъ совпадаетъ съ характеромъ литературы первыхъ временъ имперіи, тотъ колоритъ, который нашелъ себѣ лучшее выраженіе въ сочиненіяхъ Сенеки. Поэтому мнѣніе о принадлежности „Исторіи Александра Великаго“ времени императора Клавдія, высказанное еще старшимъ ученымъ перваго ранга — Липсіемъ и Бриссономъ и развитое въ началѣ сороковыхъ годовъ нашего столѣтія Мютцелемъ, въ настоящее время получаетъ силу и можетъ рассчитывать на господство въ наукѣ, которое, однако, еще не принадлежитъ ему. Но съ утвержденіемъ этого мнѣнія въ томъ, что касается времени происхожденія сочиненія, едва ли когда-либо утвердится и мнѣніе о тождествѣ историка съ раньше упомянутымъ проконсуломъ. Фактъ, что Тацитъ, разказывая подробности о Курціѣ Руфѣ, не дѣлаетъ

¹⁾ Proinde jure meritoque populus Romanus salutem se principi suo debere profitetur, qui noctis, quam paene supremam habuimus, novum sidus inlucit etc.

никакого намека на его литературную дѣятельность, очень важны. Скорѣе можетъ идти рѣчь о тождествѣ историка съ риторомъ, личное имя (praenomen) котораго, именно Квинтъ (Q.), также распространяется къ заключенію, что историкъ и риторъ были одно лицо: основаній же принять того и другаго за одно лицо съ проконсуломъ Африки, кромѣ совпаденія по времени, нѣтъ никакихъ. Можно скорѣе допустить, что историкъ былъ синомъ этого послѣдняго, какъ нѣкоторые (Буттманъ) и думаютъ, отвѣся, впрочемъ, его произведеніе во времени Велласіана.

Сочиненіе Курція имѣетъ въ виду прославить подвиги Александра Македонскаго, исторію котораго онъ составилъ по Клитарху, Тимегену и Птолемию, на которыхъ онъ самъ указываетъ, какъ на свои источники (IX, 5, 21; 8, 15). Но оно не есть исторія въ строгомъ смыслѣ, какъ ее понимали въ то время римляне: это скорѣе романъ, написанный съ назидательною цѣлью. И въ самомъ дѣлѣ, Курцій не такой историкъ, который имѣетъ въ виду изложеніе историческихъ событій, какъ они происходили въ дѣйствительности: онъ не считаетъ нужнымъ относиться съ критикою къ своимъ источникамъ, и ему мало горя, разказываютъ ли они истину, или вымыселъ. Онъ прямо признается въ этомъ и притомъ преназываетъ образомъ (IX, 1, 34): „Я, конечно, привожу больше событій, чѣмъ сколько нѣбу, ибо я какъ не осмѣливаюсь утверждать того, въ чемъ сомнѣваюсь, такъ и не хочу скрывать того, что я узналъ“¹⁾. Изложеніе его носитъ вполне риторическій характеръ и переполнено рѣчами, описаніями, сентенціями и т. п. Обиліе рѣчей, обиліе быснословнаго и противорѣчающаго, масса географическихъ негѣностей, тактическія несообразности, ошибки въ хронологіи—все это бросается въ глаза въ сочиненіи Курція. Мало-историческій характеръ сочиненія подалъ даже поводъ къ названію его романомъ (См. Chassang, Histoire du roman dans l'antiquité, Par. 1862, p. 313 слд.). Но при всемъ томъ авторъ обладаетъ безспорнымъ талантомъ. Изложеніе его живо и носитъ перѣдко возвышенный характеръ. Этотъ послѣдній, въ соединеніи съ изящнымъ языкомъ, дѣлаетъ книгу полезною для чтенія въ школахъ, въ которыхъ она съ давнихъ поръ и на самомъ дѣлѣ нашла себѣ самый благожелательный приемъ. Мы знаемъ, положи-

¹⁾ Equidem plura transcribo, quam credo; nam nec affirmare sustineo, de quibus dubito, nec subducere, quae accepi. Ср. VII, 8, 11: Utcumque sunt tradita, incorrupta perferemus.

тельно, что она читалась въ школахъ еще въ XII столѣтіи и вообще была въ средніе вѣка въ полномъ ходу: это доказывается не только существованіемъ огромнаго числа списковъ ея, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что она является для средневѣковыхъ поэтовъ—вастильскихъ, провансальскихъ, французскихъ, а черезъ нихъ и нѣмецкихъ—источникомъ, откуда они почерпали сказанія объ Александрѣ Македонскомъ.

Древнѣйшія рукописи исторіи Александра Великаго восходятъ къ IX или X столѣтію. Важнѣйшимъ кодексомъ представляется парижскій IX вѣка. См. по вопросу о спискахъ Курція предисловія Цумпта и Мютцеля къ ихъ изданіямъ этого автора, а также специальное изслѣдованіе Гедике: *De codicum Curtii fide atque auctoritate* (Bernburg, 1870) и предисловіе къ его изданію. Еще Цумптъ раздѣлялъ рукописи, въ которыхъ дошелъ до насъ Курцій, на два класса: на болѣе древнія (IX—XI вв.) и новѣйшія. Послѣднія, XIV—XV столѣтій, представляютъ массу поправокъ и вставокъ и въ виду очень большого количества старѣйшихъ рукописей лишены значенія.

Первое изданіе Курція вышло въ Венеціи въ 1470 г. Затѣмъ слѣдуютъ отбѣтиты изданія: Эразма (Страсбургъ, 1518), Фрейсгейма (Страсбургъ, 1648) съ дополненіями для всѣхъ утраченныхъ мѣстъ. Послѣ этого мы можемъ сразу перейти къ изданіямъ настоящаго столѣтія: Лемэра (Парижъ, 1822) по парижскимъ спискамъ, Цумпта (Берл., 1822, послѣднее 1864), съ комментаріями и критикою текста, Мютцеля (Берл., 1840), также съ критикою текста и примѣчаніями. Изданія одного текста: Фосса (Лейпц., 1851 и 1859), Гедике (Берл., 1867), Фогеля (Лейпц., 1882), Круазе (Парижъ, 1886).

Словарь къ Курцію изданъ Эйхертомъ (Ганноверъ, 1870).

Масса статей въ филологическихъ журналахъ относительно критики текста; множество изслѣдованій по грамматикѣ автора. Новѣйшее сочиненіе о Курціи: Доссонъ, *Étude sur Quinte-Curce, sa vie et son oeuvre*. Paris, 1887.

Сверхъ Сенеки и Курція до насъ дошли еще два прованка разсматриваемаго времени: Л. Ювій Модератъ Колумелла и Помпоній Мела, изъ которыхъ каждый служитъ представителемъ особаго вида прованческой литературы. Оба были родомъ изъ Испаніи, которая дала Риму въ первый вѣкъ нашей эры цѣлый рядъ видныхъ писателей: обоехъ Сенекъ, Лукана, Квинтиліана и Марціала.

Колумелла, родился, по собственнымъ его словамъ (X, 185; ср. VII, 2, 4), въ Кадиксѣ (Gades). Значительное время жизни своей

онъ провелъ на Востока, гдѣ служилъ въ VI легионѣ, называвшемся Ferrata, въ которомъ онъ былъ трибуномъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется и надпись найденная Муратори въ Тарентѣ и воспроизведенная Моммзеномъ въ его изданіи надписей бывшаго Неаполитанскаго королевства и Генценомъ въ добавленіи къ сборнику надписей Орелли (№ 5598), хотя подлинность этой надписи подвержена сомнѣнію. Впрочемъ онъ и самъ свидѣтельствуется о своемъ личномъ знакомствѣ съ Сиріей и Киликіей (*ipse vidi*, II, 10, 18). Но затѣмъ онъ жилъ въ Италіи, гдѣ у него въ округѣ латинскаго города Арден было имѣніе (III, 9, 2), котораго онъ уже не былъ хозяиномъ, когда писалъ свою книгу о сельскомъ хозяйствѣ (*ante possedimus*). Было у него также имѣніе и въ Испаніи въ Церетанской области (*in nostris Ceretanis* III, 3, 3). Въ Испаніи же жилъ его дядя М. Колумелла, человекъ ученый и усердно занимавшійся сельскимъ хозяйствомъ (*doctissimus et diligentissimus agricola*, II, 16, 4; ср. также V, 5, 51; VII, 24; XII, 21, 4; 40, 2). Изъ сочиненій его мы также видимъ, что онъ былъ современникъ медвея Цельса (I, 1, 14; III, 3, 3; IV, 8) и философа Сенеки, котораго онъ называетъ *vir excellentis ingenii atque doctrinae* (III, 3, 3).

Колумелла написалъ трактатъ въ 12 книгахъ О сельскомъ хозяйствѣ (*de re rustica*), которымъ онъ хотѣлъ возбудить любовь къ земледѣлію, сильно унавшему въ Италіи. Мысли свои о причинахъ этого упадка онъ развилъ въ предисловіи, обращенномъ къ Публию Сильвию, лицу, впрочемъ, намъ неизвѣстному, но, по видимому, его земляку, какъ на это указываютъ выраженія: *in nostris Ceretanis* (III, 3, 3; ср. *in Ceretano tuo* III, 9, 6).

Умно, толково и съ полнымъ знаніемъ дѣла въ книгѣ Колумеллы говорится о томъ, какихъ правилъ вообще долженъ держаться сельскій хозяинъ, на что онъ долженъ смотрѣть при покупкѣ земли, какъ надобно удобрять, обсмѣнять и пахать землю, какъ собирать жатву. Рядомъ съ этимъ мы находимъ у него подробное наставленіе относительно воздѣлыванія винограда. Далѣе рѣчь идетъ о садоводствѣ и о сбереженіи плодовъ, о скотоводствѣ, гдѣ рѣчь идетъ не только о рогатомъ скотѣ, о распложеніи его, уходѣ за нимъ и лѣченіи его болѣзней и т. п., но и о лошадахъ, мулахъ, ослахъ, овцахъ, козахъ, свиньяхъ, собакахъ, о домашней птицѣ (курахъ, голубяхъ, горлицахъ, дроздахъ, павлинахъ, гусяхъ, уткахъ), о рыбныхъ прудахъ, затѣмъ о пчелахъ и выдѣлкѣ меда и воска, объ управляющемъ, объ экономикѣ, въ обязанностяхъ, съ наставленіями обо всемъ, что нужно

умѣть дѣлать въ сельскомъ хозяйствѣ. Книга эта не есть только произведеніе хозяина-практика, но и трудъ человѣка, который познакомился со всѣмъ, что для него представляла по этому предмету греческая и римская литература, не исключая Георгикъ Виргилія. Онъ даже вздумалъ дополнить эти послѣднія, написавъ стихами (гекзаметромъ) свою десятую книгу, о садоводствѣ (*de cultu hortorum*), на томъ основаніи, что Виргилій эту часть предоставилъ (*Georg IV, 148*) разработать своимъ преемникамъ.

Независимо отъ этого большого сочиненія о сельскомъ хозяйствѣ, отъ Колумеллы дошла еще книга: о деревьяхъ (*De arboribus*), которая обыкновенно въ изданіяхъ прилагается къ большому сочиненію. Она рассматривается какъ остатокъ перваго изданія *De re rustica*, состоявшаго будто бы изъ четырехъ книгъ. Этимъ думаютъ объяснить заявленіе Кассіодора о 16 книгахъ Колумеллы (*Div. lect. 28*).

Всѣ согласны въ томъ, что книга О сельскомъ хозяйствѣ написана языкомъ чистымъ и правильнымъ, хотя и не лишеннымъ риторическихъ украшеній. Вслѣдствіе спеціальнаго предмета, которымъ занимается эта книга, она рѣдко цитруется писателями, да и то лишь такими, какъ Плиній Старшій, который писалъ обо всемъ на свѣтѣ, или какъ Гаргилій Марціалъ, писавшій въ III ст. по Р. Х. также о сельскомъ хозяйствѣ. Упоминаетъ о ней также Сервій въ своихъ примѣчаніяхъ къ *Энеидѣ* Виргилія (*III, 540*).

Списковъ, въ которыхъ дошелъ Колумелла, не мало. Лучшими считаются сенжерменскій, московскій, сличенный Маттэя, два флорентинскихъ и лейпцигскій. См. о нихъ въ предисловіяхъ къ изданіямъ Колумеллы Геснера и Шнейдера, а также у Фабриція въ *Bibl. Lat. II, p. 73* изд. Эрнести.

Печатается книга Колумеллы обыкновенно въ сборникахъ *Scriptores rei rusticae*. Первое изданіе ея было сдѣлано въ Венеціи въ 1472 г. вмѣстѣ съ такими же сочиненіями Катона, Варрона и Палладія. Съ примѣчаніями Викторіи вышло въ 1541 г. изданіе въ Лионѣ, а въ 1548 г. въ Парижѣ (у Роб. Этьеня). Въ 1735 г. вышло съ примѣчаніями разныхъ ученыхъ въ Лейпцигѣ изданіе Геснера, повторявшееся нѣсколько разъ до 1787 г. (бибонтинское изданіе), а въ 1794 г. изданіе Шнейдера съ примѣчаніями, занимающими цѣлую половину II тома *Script. rer. rust.*, въ которомъ и напечатаны *De re rustica* и *De arboribus* Колумеллы. Десятая книга *De re rustica*, какъ изложенная стихами, шла также въ сборникъ *Poetae lat. minores* Верндорфа (т. VI). Отдѣльно изданъ Колумелла Рессомъ въ 1795 г. (Фленсбургъ).

Въ небольшой книгѣ Помпонія Мелы *De chorographia* мы имѣемъ единственное цѣльное руководство въ римской литературѣ по географіи, хотя о географіи писалось не мало послѣ Мелы. Онъ былъ родомъ изъ испанскаго мѣстечка Тингентера (въ провинціи Бэтигѣ), о чемъ онъ самъ заявляетъ въ 6 гл. II кн. § 96 своего сочиненія (*atque unde nos sumus Tingentera*). Кромѣ этого свѣдѣнія, мы другихъ о Мелѣ не имѣемъ. Можно только изъ одного мѣста (III, 6, 49) заключить, что онъ писалъ свою книгу около 44 года по Р. X. (747 Рима), такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о предстоящемъ триумфѣ императора, открывающаго Британію. Подъ императоромъ же этимъ всего естественнѣе разумѣть Клавдія, который дѣйствительно праздновалъ триумфъ по возвращеніи изъ Британіи въ этомъ году.

Сочиненіе Помпонія Мелы въ старинныхъ изданіяхъ обыкновенно носятъ названіе *De situ orbis*, согласно его началу: *Orbis situm discere aggredior*, а въ новое время его стали называть *De chorographia*, согласно заглавію древнѣйшей (ватиканской) рукописи. Оно состоитъ изъ трехъ книгъ и дошло до насъ вполнѣ.

Послѣ краткаго предисловія и затѣмъ разсужденія о трехъ частяхъ свѣта, Мела начинаетъ съ краткаго описанія Африки, дѣлаетъ затѣмъ краткій же очеркъ Азии и Европы, послѣ этого переходитъ къ подробному описанію Африки, Азии и (во 2-й книгѣ) странъ европейскихъ, которое начинается съ Европейской Скиѣи, то-есть, нынѣшней южной Россіи, при чемъ называетъ Дибиръ пріятнѣйшею рѣчкой Скиѣи (*Bozystenes inter omnes Scythiae amoenissimus*), далѣе переходитъ (въ 3-й книгѣ) изъ Германіи въ Сарматію и Азиатскую Скиѣю, говоритъ о Каспійскомъ морѣ и народахъ, къ нему примыкающихъ, обращается къ вѣшнимъ берегамъ Испаніи и островамъ сѣвернѣе ея лежащаго океана, переходитъ къ Восточному океану, и Индіи, говоритъ о Черномъ морѣ, Персидскомъ и Аравійскомъ заливахъ, Эѳіопіи и заканчиваетъ все Атлантическимъ океаномъ и прилегающею къ нему частію Эѳіопіи и Мавританіи.

Изъ писателей, которыми онъ пользовался, Мела приводитъ Гиппарха, (III, 7, § 70), кароагеняннина Ганиона (III, 9, §§ 90 и 94) и Корнелія Пецота, считалъ его, какъ болѣе новаго, и болѣе достойнымъ (III, 5, §§ 45 и 90); но, конечно, это не единственные его источники. Къ источникамъ онъ старается относиться критически, хотя это ему и не всегда удается, такъ что въ его книгѣ есть все-таки не мало и сказочнаго. Въ предисловіи къ своему труду онъ

заявляетъ, что со временемъ онъ намѣренъ изложить географическія свѣдѣнія съ большею полнотою и точностью (*plura et exactius*) а теперь онъ хочетъ представить лишь ясное, по краткое обзорніе (*clarissima et strictim*) географіи. Изложеніе его дѣйствительно идетъ ясно и отчетливо, даже довольно живо, не безъ примѣси, конечно, риторическаго элемента, свойственнаго тому времени. Что онъ имѣлъ передъ глазами географическую карту, это представляется ясно при чтеніи его книги. Предположеніе объ этомъ высказалъ еще Партей въ предисловіи къ изданію Мелы.

Плиній Старшій часто ссылается на Мелу (въ книгахъ 3, 4, 5, 6, 8, 12, 13, 21 и 22). Есть ссылки на него у Сервія, комментатора Виргилія (*ad. Aen. XI, 31*) и у Ювеналова схолиаста (II, 160), а также у Юрнанда (см. предисловіе къ изданію Чукке). Множество списковъ доказываетъ вниманіе, которымъ пользовался Мела въ средніе вѣка. Древнѣйшій изъ этихъ списковъ есть ватиканскій IX или начала X столѣтія. Остальные не превышаютъ XIV столѣтія. См. предисловія къ изданіямъ Чукке и Партей.

О старинныхъ изданіяхъ Мелы см. Фабриція *Bibliotheca Latina*, II, p. 76 слд. (изд. Ernesti). Первое изданіе вышло въ Миланѣ въ 1471 г. Въ 1632 г. вышло въ Антверпенѣ изданіе Шотта съ примѣчаніями, въ 1658 г.—въ Гагѣ важное изданіе Фосса (повторено во Франкфуртѣ, 1700), въ 1685 г. въ Лейденѣ изданіе съ примѣчаніями Як. Гроновія. Въ нашемъ столѣтіи обращаетъ на себя наибольшее вниманіе изданіе Чукке (Лейпц., 1807) съ обширными примѣчаніями и новѣйшее критическое изданіе Партей (Берлинъ, 1867).

Чтобы покончить съ прозаиками времени Сенеки, скажемъ, что къ тому же времени относится Асконій Педіанъ, извѣстный комментаторъ Цицероновыхъ рѣчей, изъ котораго до насъ дошли комментарія къ пяти рѣчамъ знаменитаго оратора ¹⁾, а также историки Сервилій Ноніанъ и знаменитый полководецъ Гн. Домитій Корбулонъ, занимавшіеся исторіей своего времени. Но отъ этихъ послѣднихъ намъ не сохранилось ровно ничего, какъ и отъ военныхъ мемуаровъ другаго славнаго полководца этого времени, Светонія Павлина. Мы знаемъ о литературной дѣятельности этихъ лицъ лишь по ссылкамъ на нихъ писателей, главнымъ образомъ, Плинія Старшаго.

В. Модестовъ.

¹⁾ (См. мон *Lectiones de historiae romanae litteraturae*. Куръ I, стр. 284 2-го изд. (303 1-го изд.).

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О КАФФѢ И КРЫМСКИХЪ ТАТАРАХЪ ИЗЪ НАЧАЛА XV ВѢКА.

Альберто Альфіери, родомъ изъ Албано (въ шести миляхъ отъ Vergelli), генуэзскій гражданинъ, учитель латинскаго языка (*grammaticae professor*) въ Каффѣ, написалъ около 1421 года небольшой „діалогъ въ царствѣ мертвыхъ“, раздѣленный на восемь сцѣнъ или главъ (откуда его названіе: *Ogdoas*) и лишь недавно изданный Черрути по рукописи XV вѣка, находящейся въ Амбровіанѣ¹⁾. Разговоры происходятъ въ какой-то фантастической области, не въ преисподней, но и не въ царствѣ блаженныхъ; дѣйствующія лица принадлежатъ по большей части къ семьѣ Висконти, политикѣ которыхъ нашъ авторъ, очевидно, сочувствовалъ: Gian Galeazzo († 1402), его жена Caterina († 1404) и ея отецъ Bernabò Visconti; сынъ Gian Galeazzo's, Gabriele Maria († 1408) и мать послѣдняго, Agnese Mantegazza († 1405); къ нимъ присоединяется еще Antoniotto Adorno († 1398), бывшій четыре раза дожемъ Генуи; другому члену той же семьи, племяннику предыдущаго, Якову Адорно, бывшему въ 1418 году консуломъ Каффы, посвящена и сама *Ogdoas*. Содержаніе разговоровъ нравственно-политическое; вагробные собесѣдники разказываютъ другъ другу о недавнемъ прошломъ Генуи и сѣверной Италіи, ими пережитомъ, иногда и пророчать о ближайшемъ будущемъ, что удалось по столько, по сколько для автора это будущее было прошедшимъ: *vaticinium post eventum*. Иногда, впрочемъ, въ эти предвѣщанія о совершившихся фактахъ вторгался элементъ легенды и фантазіи.

¹⁾ *L'Ogdoas di Alberto Alfieri. Episodii di storia genovese nei primordii del secolo XV, pubbl. dal dott. Antonio Cerruti. Genova. 1886 (оттискъ изъ Atti della società ligure di storia patria, Ser. II, v. XVII).*

Antoniotto бесѣдуетъ съ Gabriele, пророчествуя о грядущемъ: на сценѣ Tommaso Fregoso, зять Антониотто и дожъ Генуя; говорится о событіяхъ 1416 года, послѣ чего идетъ слѣдующій отрывокъ, значеніе котораго невѣрно оцѣнено издателемъ, усмотрѣвшимъ въ немъ указаніе на извѣстнаго „пресвитера Іоанна“, тогда какъ дѣло идетъ объ одной, доселѣ неизвѣстной, редакціи сказанія о Вѣчномъ Жидѣ.

„Tunc temporis vir quidam apparebit nomine Johannes dictus servus Dei, qui multa futura canet. Cum Christus, qui dicitur Jesus Salvator orbis, a Judaeis impiis duceretur ad mortem, hic Dominum impulsu magno vulgi turba maxima consequente commovit. Ait illi mundi Redemptor: „Et tu de me testimoniorum agas; gradere atque vive quamdiu mundialis machina perdurabit“. Se quoque in varias formas saepe permutat; nunc juvenis, nunc senex canus efficitur, nunc ambulat invisibilis, omnium nationum idiomata imitatur, omnia loca atque oppida regionum habitabilium ipse novit. Qui ipsum hodie alloquitur, die crastino non cognoscit. De principibus ac pontificibus populi christiani plura loquetur. Qui sanctum, qui Dominum, qui daemonem appellabunt; attamen Judaeus fuit, et tempore aeterni iudicii, a quo gratiam est adeptus. Quid dicam quod Januae nunc est, nunc Parisiis, nunc Venetiis, nunc in Scythia, nunc in Aegypto? Velocior est animo a corpore et vinculo qui migravit. Honestissimum induit habitum; felix est eloquio et sanctitate. Est quoque verissimum testimonium fidei christianae. Non sic Protheus in fabulis agitatur, ne Thetis quondam dea aequorea, ut vir iste ore probissimo hominum referetur“. Обращаясь затѣмъ къ событіямъ прошлаго, точно онъ еще предусматриваетъ ихъ въ будущемъ, Antoniotto апострофируетъ Tommaso Fregoso: Anno tertio imperii tui plurima parabantur. Heu immane scelus! Plebs tua, quae in eois partibus commoratur, bubonibus et antracibus igneis admodum prosterneretur. Vacuabuntur ephelis urbes duae, constantissima pectora regni tui. Caffa morbo, fame atque Marte torquebitur, Palladis virtutibus indigebit. Praeterea tercenti scythici hostes perfidissimi, omnibus armis instructi, caffensem urbem inibunt, qui maxima populi industria ac optimorum civium expellentur. Nunc te, clarissime nepos, caffensis civitas exoptabit, omnes tuum flebunt decessum ¹⁾). Quot fletus in urbe

¹⁾ Далѣе идетъ о Яковѣ Адорно, консулѣ Каффы въ 1418 году. См. далѣе стр. 64: adventabit magnificus nepos noster Jacobus Adurnus, magna calliditate refertus, qui urbem illam tunc expugnatam totis viribus restaurare conabitur; gloriofus erit et omnibus metuendus.

audies! Quot matronae suis liberis privabuntur! Prodigiose homines morientur; multi futura canent. Tu quoque, gener illustris (=Томмазо Фрегозо), si hunc urbi pestiferum tumultum evaseris, regnum tuum video stabili in sede repostum. Non expavescas; audacem te fore necesse est. Iterum reminiscere amicitias Adurnorum. Praeterea video videre canes Aminum captos et ab agmine Eumenidum agitari. Caffa hoc praesagium mali habitura est; Gothia quoque pariter et provincia tomitana" (стр. 56—57). „Вѣщать далѣе запрещаютъ парки“, говоритъ Антониотто; тѣмъ не менѣе вѣщаніе продолжается и далѣе, принимая нѣсколько фантастическій характеръ, повѣствуя о будущемъ объединеніи Лація, объ имѣющемъ явиться героѣ, объединителѣ восточнаго и западнаго христіанства; Генуѣ суждена не послѣдняя роль въ этомъ періодѣ общаго обновленія: ея слово проникнетъ до Каспія, и генуэзцы будутъ ставить татарамъ ихъ влaстителей „Consolare genus humanum; qui tantopere entuntur, sanum antistitem procreabunt, qui an sede apostolica bis septem lunales annos explebit. Postquam ad deos optimos migraverit, Saturnia tellus pristina eriget colla; Latium fiet unum et gens bona dominabitur oris. Renascetur enim vir robustus, qui totam Graeciam ad fidem italicam restaurabit; Teucrorum principem trucidabit; Asiam maritimam ad usque paludes Aegypti suo imperio subjugabit; maximis olim Judaeorum urbibus imperabit; ubi sacratissimum Jesu sepulcrum est, qui Christus dicitur, cujus atrium aditurus sum, fabricari ingentia moenia cernes. Judaei de malis fient boni et suum recognoscent Salvatorem. Parthi admodum trepidabunt, justitia diligetur, extimabitur cana fides, vitia deprimentur. O felices quibus licuerit haec beatissima saecula intueri! Quantis, o Janua, honoribus habundabis magni causa boni! Quot tibi naves rostratae dabuntur! Quotiens de hostibus triumphabis! Erit praeterea tempus, quo Scythiae Imperatores a Januensium ducibus creabuntur; fama ad usque regna caspia metuetur“ (стр. 58).

Скионы (=татары) и парсы, Лета и Ахеронтъ, Церберъ и Эвмениды, цѣлый рядъ классическихъ воспоминаній и самыя качества латинскаго стиля отводятъ нашему автору извѣстное, хотя и скромное, мѣсто въ исторіи италіанскаго возрожденія переходной поры. Являясь его представителемъ въ далекой {Кафѣ}, онъ полонъ самосознанія: estne parum apud Scythas barbaros obversari et tam illustrissimos Italos introducere colloquentes"? (стр. 16), спрашиваетъ онъ, такъ опредѣляя назначеніе и цѣли своего труда: Editor vero praesentis operis gente lombardus, patria Vircellensis, in oppido natus

cui nomen est Albanum, vocatus Albertus, nunc civis illius imperiosae Januae civitatis, in Scythia moram faciens, ubi opulentissima urbs est, quae Caffa vocatur, a colonis condita januensibus, cupiens inertiae dare terga, patriae bona tradere documenta, gloriam vero et delectationem nec non et fructam consulibus magnificis ceterisque incolis, qui coguntur latinos, graecos et armenios, nabateos (далѣе: nabathaci—не варяны ли?) plurimasque barbaricas nationes sub tanto imperio gubernare, hanc litterarum seriem ordinavit, ut Platonis ac Ciceronis virorum tam illustrium sermones beatissimos ignorantes coram noscere valeant, quantam apud Deum beatitudinem immortales animae mereantur in hoc saeculo iustitiam ministrantes, quantaque supplicia eandem iustitiam negligentes“ и т. д. (стр. 15).

Среди италіанскихъ воспоминаній, наполняющихъ Ogdoas, первое мѣсто занимаетъ, какъ то и слѣдовало ожидать, Каффа и ея мѣстныя отношенія. По вызову Gabriele, Antoniotto такъ принимается разсказывать о татарахъ=скивахъ: „Scytharum gens vetustissima est, cultu aspera et modico contenta paratu. Primus enim rex Thanais fuit; homines inter sese nullos fines habent. Agros minime colunt, domibus carent; eorum divitiae sunt armenta per varias solitudines errantia. Coniuges ac filios, quocumque eunt, secum in plaustris ducunt coriis coopertis. Iustitiam ingenium facit, non leges. Nihil apud Scythas gravius quam furto vivere. Acetoso quidem lacte vescuntur sibi optimo nutrimento. Rarus est panis usus apud illos. Solemne convivium est proceres equinum lac saepe potare; quas aeris intemperies necat, pecudes edunt. Plurimum equorum, qui in Marte perimuntur, carnibus vescuntur; eorum potus est aqua; quandoque equorum sanguine sitim extinguunt, gladio tactis salientibus venis; quandoque melle fruuntur. Maximis uruntur membra frigoribus; pellibus ovinis hyemem praetereunt, pauci enim sunt qui veste lanæ sua membra tegant. Tot habent uxores, quot habere possunt. Liberos precio vendunt; nullos colunt deos, excepto naturæ principio. Ter dominium Asiae sunt adepti; ipsi ab aliena potentia aut intacti aut invicti fuere“ (стр. 59—60). Антониотто приводитъ примѣры изъ исторіи, начиная съ Дарія, принужденнаго бѣжать изъ Сквѣи, но Gabriele проситъ его перейти отъ прошлаго къ настоящему, что тотъ и дѣлаетъ, съ оговоркой, что характеръ народа нисколько не измѣнился со временемъ: „Sed ut certior sis, iterum tibi antiqua enarrabo, quae praeter miseram gratia brevitatis. Discordiae plus quam civiles scytharum regum pene genus illud gloriosissimum quondam radicitus deleverunt; nunc

ad nihilum devenerunt... Imperatores, qui quingentis milibus hominum equitare solebant, nunc gloriantur si duo milia equitum se et sua tentoria comitantur (нан. imitantur); saepe boves equitant cum imperator hostes fudit (multi enim sunt juvenes imperiales); raptas conjuges connubio suo jungit; more quidem ferarum cubant. Mortuo fratre, secundus ab illo fraternas uxores colendo matrimonio sibi admittit. In terris pedibus sub ano positis ferino ritu epulas edunt. Nulla pietas est apud Scythas cum bella fremunt, capita enim hostilia in acutis lanceis fixa, cruenta cervice recisa, clamore gestant haec praemia consequentes. Agros pauci colere didicerunt, non qui regios juvenes imitantur (comitantur?), sed qui apud populos nostros suas posuere sedes; Scythae tamen nobiles (non Scythas appello qui arant, qui ligonizant, qui fodiunt, qui aedificant) genus veterrimum consequuntur. Quotiens Ruthenos opulentissima patria ortos, sed foemineos et enerves invadunt! Quotiens Histrios turbant! Quid Geticos referam infelices, quorum numerus potentior in Aegypto, quam in solo natali?"¹⁾ Самъ Тимуръ не въ силахъ былъ совладать съ ними: „Nunc propter ingentes discordias majorum principum conquassata est respublica Scythicorum, et fecerunt nostro domino maximum augmentum.—Sacerdotes quippe, qui in Scythia sunt, sua membra frigore indurantes nudi ambulant, ferreis cathenis brachia, nares, ramicem, pectora ac aures vincti consistunt; ridentes, jocantes velociter et currentes potius mansuetudinis causa (?) pecoribus abutuntur, quam sexu foemineo; sic mos est illis; pauperiem tamen colunt; viri nempe a Scythis vitae optimaе appellatur, veteri tamen instituto quatuor uxores praeterire non debent. Lex ista minime observatur. Cum extremum diem adveniunt, sollemnia convivia celebrant. Reges earum gentium super feltro laneo a primatibus creantur. Equos suos in bello non calcaribus sed scuticis exagitant magnis clamoribus incitados. Amictus quidam fluxos habent; fatigatos itinere equos, cum vesper advenit, laxis habenis pascere se demittunt. Cum ad consules senatumque adeunt, brevi oratione potiuntur. Cum acies nostras invadunt, si resistimus, retrocedunt, si fugimus, nos sequuntur, magnis clamoribus ortis" (стр. 61 — 62). Къ этимъ свѣдѣніямъ присоединяется дагдѣ еще одно, касающееся

¹⁾ Geticos я не умю объяснить; можетъ быть, Gothicos, вмѣсто Gothos, если natale solum—Крымъ. Упомянутое Елима отвесетъ насъ въ такомъ случаѣ къ поражению готовъ въ 268 году при императорѣ Клавдіи (Gothicus), чему содѣйствовалъ съ александрійскимъ епитомъ проектъ Елима Проба.

погребальныхъ обрядовъ: „cum Scytharum delata cadavera sunt sepulta, collem ingentem ad instar turris maximae terra et lapidibus simulatis superimponunt; pauci nostras pyramides imitantur“ (стр. 65).

Разказъ Альфьери о бытѣ татаръ интересно сравнить съ болѣе поздними сообщеніями Барбаро, шестнадцать лѣтъ (1436—1452 гг.) прожившаго въ Тавѣ или Азовѣ. Свѣдѣнія послѣдняго о татарахъ-земледѣльцахъ ¹⁾ подтверждаются и нашимъ авторомъ, отличающимъ татарь-кочевниковъ (Scythae... nobiles... genus veterrimum consequuntur) отъ осѣдлыхъ и пахотниковъ, поселившихся въ области Каффы (qui apud populos nostros suas rosuere sedes), которыхъ онъ даже отказывается назвать татарами.

Альфьери перечисляетъ, отъ лица Антониотто, консуловъ Каффы (съ 1409 по 1420 годъ) и именитыя генуэзскія семьи, избравшія ее своимъ мѣстопробываніемъ: „Adsunt Aurike, Flisci, spectabiles Spinulae, Lercarii, Salvatici, Gentiles, Romel, genus vetustissimum et in urbe nostra egregium et famosum; adest praeterea Goarchorum progenies magnanimatorum, aderunt et Adurni. Quid referam Cimbalum scopulosum, Gotthiae maximam maritimae partem? Ejusdem urbis cultores Matricam fundaverunt pariter et Mapale. Usque ad ripam Thanais januensis respublica dominatur, ubi olim arcem consurgere videbis a Petro Vivalda de stirpe fundandam, cujus imperio consulari Scythae, qui apud Thanaim fluvium habitant, in judiciis se subjicient reverenter, et defensorem facient in urbe caffensi“ (стр. 63).

Къ восхваленію Каффы авторъ обращается дважды: „Urbs vero quam Caffam appellamus, juxta egregium portum in arido solo posita, opulentissima est, hiberno tempore lutulenta, solis aestivi fervore pulverulenta, Christiani populi maximum tutamen, utilis civibus nostris, reboante borea frigidissima, arthon aspiciens, diversarum gentium linguis culta. Hanc Graeci incolunt, Armeni, Judaei, Nabathaei, omnium gentium genus reperitur in urbe. Taceo cives nostros qui eam custodiunt, incolunt pariter et defendunt; illic juvenes vitam ducere stabili sede, viros complurimos nobiles et populares, qui continuo matrimonii vinculo se loci illius incolas addiderunt. Hi genus illud rudissimum die noctuque bonis moribus ornant et apud deos optimos gratiam promerentur“ (стр. 62). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 65) говорится: „Caffa

¹⁾ Вибл. иностран. писателей о Россіи *Семенова*. Путешествіе Барбаро въ Таву, стр. 36—37.

vero, quae a Nabathaeis terra infidelium appellatur, eo quod Latinos, Graecos, Armenios ac omnes nationes Christum principem nostrum colentes vocitant infideles..., omnibus est tutum refugium. Cum imperatores in acie expugnantur, illac celeriter adveniunt, admittuntur, sponte recedunt, persaepe a victoribus ducibus repetuntur, minime consignantur. Quotiens qui bello pulsati sunt, urbem ingressi inde abeunt imperialem apicem assumpturi! Qui Caffam laesit, quis cumque sit, sive Scythicus, sive Latinus, a diis immortalibus gravioribus aculeis cruciatur, aut in pugna terrestri, aut in freto, optimo malorum magistratum iudice atque digno. Quot Scytharum proceres, qui coffensem rempublicam iniquo praelio turbaverunt, scimus fuisse peremptos, divino auxilio suffragante, laceratos que more et fererum, laqueis strangulatos, labentes in fluviosque demissos!*

Авторъ не скрываетъ и обратной стороны дѣла, говоря о неправедныхъ правителяхъ города, купцахъ и „navium rectores, qui injustis mercibus adhaeserunt“, — ихъ постигло наказаніе; но благоприятная характеристика преобладаетъ (*Felix es Caffa, et ad sidera aurea meatura*, стр. 64), сознание культурнаго значенія италянскои колоніи, заброшенной на Черное море и простирающей свои планы отъ Дуная до Каспія, планы, которымъ, дѣтъ тридцать спустя, положило конецъ взятіе Константинаполя и разгромъ генуэзскихъ колоній въ Крыму.

Александръ Веселомскій.

ЕЩЕ ЗАМѢТКА О СУПРАСЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

Академикъ В. И. Ягичъ, согласно обѣщанію, напечаталъ въ издаваемомъ имъ Архивѣ Славянской Филологіи (Archiv für Slavische Philologie, X Band) два письма М. К. Бобровскаго, переданныя ему профессоромъ Миклошичемъ, о которыхъ нами упомянуто въ статьѣ „Судьба Супрасльскаго рукописи“¹⁾. Оба письма М. Бобровскаго писаны по латыни, одно—къ профессору Эйхвальду, отъ 10-го августа 1837 года, изъ Шерешова, другое—къ Копитару, отъ 18-го іюля 1838 года, изъ Вильны.

Профессоръ Ягичъ, по поводу этихъ писемъ между прочимъ, замѣчаетъ слѣдующее: „Поводомъ къ ихъ изданію послужило желаніе племянника (то-есть, мое) узнать о позднѣйшей судьбѣ Супрасльскаго рукописи, нѣкогда открытой дядей его, извѣстнымъ славянскимъ филологомъ Михаиломъ Бобровскимъ. Изъ переписки видно, что профессору Эйхвальду былъ посредникомъ между Копитаромъ и Бобровскимъ, и что, зная важность Супрасльскаго рукописи, Бобровскій дѣйствовалъ предусмотрительно: сначала онъ послалъ только списки съ нея (одно поученіе Іоанна Златоуста „отъ чудесъ“ и часть другаго); затѣмъ (по настоянію Эйхвальда) отправилъ съ Эйхвальдомъ же вторую половину оригинала и только послѣ возвращенія ея профессоромъ Эйхвальдомъ (что случилось въ 1839 г.) отослалъ въ Вѣну первую половину. Эта первая половина (въ изданіи Миклошича отъ начала до пробѣла на стр. 172) находилась въ рукахъ Копитара въ 1840 году. На собственноручной копіи Копитара, хранящейся нынѣ въ библиотекѣ Люблянскаго лицея, на первой страницѣ находимъ такую по-

¹⁾ Въ *Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.*, 1887 г., прим. 47. Въ особыхъ оттискахъ, при которыхъ приложены facsimile, на стр. 34 и 35.

мѣтку: „Coepi describere 19 Febr. 1840“, а на концѣ 16-й тетради: „Absolvi quaterniones die 20 apr. 1840“. Слѣдовательно, Копитаръ переписалъ уже рукопись 20-го апрѣля 1840 года, и такъ какъ онъ умеръ въ 1844 году, то мы лишены возможности судить о томъ удивительномъ обстоятельстве¹⁾, почему онъ держалъ у себя эту рукопись (то-есть, первую половину) четыре года²⁾.

Вотъ письма М. К. Бобровскаго въ буквальный переводъ съ латинскаго языка:

I.

Промеморія профессору Эйхвальду.

Рукописный Супрасльскій кодексъ, писанный по славянски, на пергаментѣ, кирилловскими унциальными (uncialibus) буквами, описаніе котораго сдѣлалъ ученый Востоковъ въ № 14 Библиографическихъ Листовъ Кеппена, хранится въ Супрасльскомъ базилианскомъ монастырѣ, находящемся въ разстояніи около трехъ пѣмцевыхъ миль отъ Вѣлостока. Съ нѣкотораго времени этотъ кодексъ находится въ моихъ рукахъ, такъ какъ я думаю выдать оный въ свѣтъ.

Изъ характерныхъ особенностей этого кодекса: древняго славянскаго языка, словъ, вышедшихъ изъ употребленія, арханческихъ (pervetusta) формъ и флексій глаголовъ и именъ существительныхъ, а также по характеру письма, приближающемуся къ глаголическому или, лучше сказать, къ письму славянъ, обитавшихъ въ древней Иллириіи, можно предположить, что мѣстомъ происхожденія кодекса слѣдуетъ считать Далмацію или же Аеонскую гору³⁾. Сродство, если можно такъ выразиться, нашего кодекса съ глаголическими таково, что, еслибы мнѣ случилось увидѣть глаголическій кодексъ болѣе старій (antiquiorum), чѣмъ нашъ кирилловскій, то я не задумался бы сказать, что этотъ послѣдній происходитъ отъ него. Будучи шесть лѣтъ тому назадъ въ Вильнѣ, я имѣлъ въ рукахъ изданнаго Монфокономъ творенія святаго Златоуста; слыявъ нѣсколько поученій Супрасльскаго кодекса съ греческимъ текстомъ, я замѣтилъ, что

¹⁾ „So entzieht sich unserer Beurtheilung der auffallende Umstand“.

²⁾ Нужно сказать это мѣсто письма М. Бобровскаго къ Эйхвальду съ письмомъ его къ Кеппену отъ 15-го мая 1826 г., въ которомъ онъ выразилъ желаніе, чтобы въ программу путешествія по славянскимъ землямъ было включено путешествіе черезъ страны Македоніи вплоть до Аеонской горы. См. примѣчаніе 23-е къ нашей статьѣ „Судьба Супрасльской рукописи“.

нашъ кодексъ сходится съ древнѣйшими, лучшаго происхожденія, греческими кодексами Іоанна Златоуста, такъ что при критическомъ обзорѣ текста это обстоятельство не должно быть оставляемо безъ вниманія.

Согласно справедливому желанію славнаго мужа Копитара, я съ большою охотою посылаю одно слово святаго Златоуста цѣликомъ и часть другаго, остальное же, что потребуется, оставляю для переписки in хайровъ.

При перепискѣ я тщательно наблюдалъ, чтобы, согласно желанію ученѣйшаго мужа, страница соотвѣтствовала страницѣ, стихъ — стиху, слово—слову; равнымъ образомъ сохранялъ словосокращенія, стихометрическія соединенія и форму буквъ и знаки препинанія, и ореографическія замѣтки, такъ что не позволилъ себѣ въ своей копіи измѣнить ни одной іоты Супрасльскаго кодекса; равнымъ образомъ я не преминулъ вторично прочесть ее и исправить ошибки.

Сверхъ того, нужно добавить, что листы Супрасльскаго кодекса не нумерованы, и слово святаго Златоуста, которое начинается словами: „Отъ чудесъ“, занимаетъ почти средину кодекса, а слово святаго Епифанія написано затѣмъ, такъ что до конца кодекса, который не половъ, находится еще восемь тетрадей (sextegniones, то-есть, 48 листовъ).

Шерешовъ. 10-го августа 1837 года. Протопресвитеръ греко-уніатской Жировницкой катедры, заслуженный профессоръ Михайлъ Бобровскій *).

II.

Вареолаею Копитару, ученѣйшему и знаменитѣйшему мужу,
Михайлъ Бобровскій.

Справедливому желанію твоему, clarissime vir, и просьбамъ друзей, а въ особенности настояніямъ ученаго (doctissimi) профессора Эйхвальда о посылкѣ въ Вѣну славянскаго Супрасльскаго кодекса для того, чтобы ты могъ собственными руками осязать оный и окинуть его критическимъ взоромъ, я не могъ не удовлетворить. Ниѣшь, поэтому, послѣднюю часть кодекса, содержащую въ себѣ, главнымъ образомъ, бесѣды (sermōnes) св. отецъ и состоящую изъ 21 четверки (quaternione). У послѣдней четверки, то-есть, 37-й (такъ какъ я сдѣ-

*) „Szeraszovii. Die 10 Augusti anno 1837. Cathedrae graeco-unitae Zyrovicensis protopresbyter Professor emeritus Michael Bobrowski“.

лалъ нумерацію красною краскою), нѣтъ предпоследняго листа. Первую же часть (у которой равнымъ образомъ нѣтъ начала и также въ дальнѣйшемъ концѣ), изъ 16 четверокъ, содержащую въ себѣ преимущественно житія или же, если предпочитаешь, сказанія о жизни святыхъ, которыхъ память празднуется въ греческой церкви въ мартѣ мѣсяцѣ, я намѣренно удержалъ; такъ какъ боюсь, чтобы столь дорогой для насъ кодексъ, если будетъ посланъ цѣликомъ, не погибъ весь случайно въ дорогѣ, и тогда несчастье было бы совершенно неисправимо. Если же случится какое-либо несчастье съ одною частью, другая же сохранится, то горе наше будетъ все-таки меньшимъ, и у меня будетъ по крайней мѣрѣ хотя нѣчто для возвращенія въ библиотеку Супрасльскаго монастыря, въ которой сохраняется это *κεφάλαιον*. Но да отвратитъ отъ насъ Господь такое несчастье! Когда же я получу обратно всю вторую часть, я пошлю и первую тѣмъ охотнѣе, что нашъ *clarissimus* профессоръ Эйхвальдъ принялъ на себя обязанность отсылки и полученія кодекса обратно. Но довольно объ этомъ. Въ болѣе удобное время сообщу то, что мною замѣчено въ этомъ кодексѣ. Съ большимъ удовольствіемъ читаю твою „Клоціеву глаголяту“, которою ты меня почтилъ, но тщетно ищу въ этомъ экземплярѣ двухъ гравированныхъ на мѣди таблицъ, которыя показаны въ оглавленіи, и къ которымъ читатель очень часто отсылается въ критическихъ замѣчаніяхъ ⁵⁾.

Всего лучшаго и не забывай насъ. Цисалъ въ Вильнѣ іюня 18-го дня 1838 года ⁶⁾.

Профессоръ Лгичъ, доставивъ намъ обязательно отдѣльный оттискъ этихъ нисемъ своего изданія, въ письмѣ отъ 5-го января сего 1838 года сообщаетъ: „Прибавлю, что недавно отыскалъ еще одно письмо вашего дяди къ Копитару отъ 8-го ноября 1839 года, въ которомъ онъ (вашъ дядя) сообщаетъ Копитару о томъ, что вторая часть известной рукописи возвращена въ Вильну и оттуда имъ же (Бобровскимъ) свезена домой (къ себѣ ли, или въ Супрасль, не видно), и что онъ (вашъ дядя) теперь, то-есть, 8-го ноября, посылаетъ Копитару первую часть (16 тетрадей). Дальше идутъ разсужденія вашего дяди о важности этой рукописи, о ея родинѣ и о томъ, какъ она могла попасть въ Супрасль. Любопытное это письмо будетъ мною напечатано въ свое время въ

⁵⁾ Эта глаголическая рукопись, найденная въ библиотекѣ вѣстнаго австрійскаго мецената, барона Клоца, издана Копитаромъ въ 1836 году.

⁶⁾ „Vale quam optime et nobis fave. Scribendam Vilnae die 18 Junio anno 1838“.

журналѣ такимъ же образомъ, какъ оба прежнія, и я не замедлю доставить вамъ отдѣльный оттискъ“.

Такимъ образомъ вторая половина рукописи (21 тетрадь) переписана была Копитаромъ въ промежутокъ времени отъ 18-го іюня 1838 года, а первая отъ 19-го февраля до 20-го апрѣля 1840 года. Изъ письма же къ профессору Эйхвальду видно, что М. К. Бобровскийъ предполагалъ самъ издать Супрасльскую рукопись, точно также, какъ онъ думалъ издать и другіе цѣнные матеріалы по славистикѣ (напримѣръ, Славянскую библиографію).

Нужно замѣтить еще, что ранѣе предполагалось профессору Бобровскому поручить устройство Полоцкой духовной академіи⁷⁾, сдѣлать его въ ней ректоромъ, и эту мысль долгое время лелѣли епископы Іосифъ Сѣвашко и Антоній Зубко; отъ академіи пришлось отказаться лишь тогда, когда ассигнованная на устройство ея сумма была обращена на усиленіе способовъ для приобрѣтенія церковныхъ книгъ московской печати и разнаго рода церковной утвари, а равно на устройство иконостасовъ въ Литовской и Вѣлорусской епархіяхъ. М. К. Бобровскийъ, однако, продолжалъ по временамъ навѣщать Вильну и послѣ воссоединенія униатовъ съ православіемъ.

Отысканное г. Ягичемъ второе письмо Бобровскаго къ Копитару, отъ 8-го ноября 1839 года, относится именно къ тому времени, когда нашъ ученый профессоръ былъ призванъ въ Вильну для завершения, такъ сказать, дѣла воссоединенія. Изъ письма епископа Іосифа Сѣвашки къ графу Протасову (конфиденціально) отъ 4-го сентября

⁷⁾ Морозкинъ. Воссоединеніе униат. *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 4, стр. 639. Съ прекращеніемъ отправленія униатскихъ клириковъ въ римско-католическую семинарію при Виленскомъ университетѣ предполагалось учредить въ Полоцкѣ для униатовъ высшія кафедры богословскихъ наукъ и церковной словесности, обративъ Полоцкую семинарію въ греко-униатскую духовную академію. Во вполнѣннѣйшемъ докладѣ, представленномъ императору Николаю Павловичу министромъ Шишковымъ въ апрѣлѣ 1828 года, было сказано слѣдующее: „Въ дѣлѣ семъ можно употребить съ пользою, между прочимъ, профессора Виленскаго университета богословскихъ наукъ, униатскаго священника (sic) Бобровскаго, отлично одобреннаго митрополитомъ (Вулгакомъ) и действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ. Нужно его вызвать сюда для составленія плана образованія сей академіи и Жировицкой семинаріи. Находясь постоянно при университетѣ и главной семинаріи, онъ, вѣроятно, знаетъ, способнѣйшихъ изъ священниковъ, тамъ обучавшихся, коихъ можно употребить профессорамъ академіи и семинаріи“ и т. д. См. Высочайше утвержденный докладъ греко-униатск. департамента и дѣло о Полоцк. дух. академіи въ синод. архивѣ по 2-му департаменту, № 61.

1839 г., видно, что 1-го сентября 1839 г. прибыли въ Вильну для совершения торжественнаго богослуженія пресвященный Исидоръ (нынѣшній митрополитъ С.-Петербургскій), Іосифъ Сѣвиашко, епископъ Литовскій, и Антоній Зубко, епископъ Минскій, вмѣстѣ съ главнѣйшими представителями отъ духовенства обѣихъ епархій, въ числѣ которыхъ находимъ старшаго соборнаго протоіерея Михаила Бобровскаго. Въ воскресенье, 3-го сентября, въ Свято-Троицкомъ, бывшемъ базилианскомъ, монастырѣ всѣ три архіерея совершили соборно торжественное богослуженіе при необыкновенно большомъ стеченіи народа. „Священниковъ къ богослуженію употреблено было съ обѣихъ сторонъ 12: со стороны моей—Тупальскій, ректоръ Гомоничкій ⁸⁾ и Бобровскій, очень кстати здѣсь бывший по извѣстности его въ Вильнѣ, и четыре іеромонаха; со стороны Исидора—два архимандрита, одинъ протоіерей, одинъ священникъ и одинъ іеромонахъ“ (Записки митрополита Іосифа, т. II, № 37).

Можетъ быть, при своихъ неоднократныхъ посѣщеніяхъ Вильны, Михаилъ Кирилловичъ готовилъ способнъ къ изданію Супрасльскаго рукописи. Во всякомъ случаѣ должно казаться страннымъ оставленіе Копитаромъ части рукописи въ Вѣнѣ въ такое именно время, когда Бобровскій подготавливалъ матеріалы для ея изданія.

Приведенныя письма Михаила Кирилловича къ Копитару въ соединеніи съ фактами изъ нашихъ изслѣдованій о Супрасльскогъ рукописи побуждаютъ насъ обратить вниманіе еще на слѣдующія объясненія Срезневскаго къ изданной имъ „Черенискѣ А. Х. Востокова“: „Востокову самому не удалось видѣть всей Супрасльскогъ рукописи, и все-таки его статья въ Вибл. Листахъ долгое время оставалась единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпали о ней свѣдѣнія. По его же старанію этотъ памятникъ доставленъ былъ позже Копитару, а тотъ всю рукопись переписалъ, а часть ея удержалъ у себя до смерти, такъ что послѣ смерти она вмѣстѣ съ другими его рукописями перешла въ Люблианскую бібліотеку“ ⁹⁾.

⁸⁾ Протопресвитеръ Антоній Тупальскій, председатель Брестской, а съ 1828 года Литовской консисторіи, болѣе двадцати лѣтъ фактически управлялъ епархіей и образовалъ вмѣстѣ съ Антоніемъ Зубкомъ и М. Вобровскимъ Жировницкую семинарію; Ипполитъ Гомоничкій, воспитанникъ главной духовной семинаріи (1824—1827 гг.), былъ назначенъ послѣ Антонія Зубка ректоромъ Жировницкаго семинаріи.

⁹⁾ Сборн. II-ю отд. Импер. Акад. Наукъ, т. V, вып. 2, № 130, стр. 443.

Въ 1837 году Михаилъ Кирилловичъ еще не терялъ надежды издать этотъ знаменитый кодексъ славянской древности, который Шафарикъ и другіе считали древнѣе даже Остромирова Евангелія. Но къ ея изданію обстоятельства не благопріятствовали Бобровскому по прежнему. Между тѣмъ Востоковъ, послѣ изданія своей Россійской грамматики, приготавливалъ матеріалы для изданія въ свѣтъ Остромирова Евангелія (изд. въ 1841 г.). Считая Супрасльскую рукопись предметомъ письменности западныхъ славянъ (вѣроятно, Моравин), онъ присоединился къ числу тѣхъ друзей, которые вмѣстѣ съ профессоромъ Эйхвальдомъ упрасивали М. К. Бобровскаго весной 1838 года склониться на желаніе Копитара „собственными руками осязатъ“ этотъ древнѣйшій кодексъ, написанный кириллицей. Востоковъ, надо думать, желалъ знать мнѣніе о ней отъ Копитара, который родиною старославянскаго языка считалъ Паннонію. Но иначе смотрѣли на этотъ вопросъ другіе ученые. Подобно Бобровскому, Шафарикъ, напримѣръ, относилъ Супрасльскую рукопись къ письменности южныхъ славянъ XI столѣтія.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о переходѣ Супрасльской рукописи въ руки Копитара обставленъ такими фактами, на основаніи которыхъ никакъ нельзя утверждать, какъ дѣлаютъ нѣкоторые изъ нашихъ и польскихъ ученыхъ, что Бобровскій подарилъ ее Копитару. Сообразивъ письма о ней къ Востокову Шафарика 1836—1838 гг. (№№ 248, 249, 254, 258, 259¹⁰), который считаетъ эту драгоценность принадлежностью южно-славянской письменности начала

¹⁰) № 248, 21-го февр. 1836 г. Шафарикъ проситъ Востокова, доставить ему копія тѣхъ выписокъ о Супрасльской рукописи, о которыхъ сказано на стр. 533 *Выбл. Лист.*; Шафарикъ находитъ, что гипотеза Копитара о старшинствѣ глаголицы передъ кириллицею лишена здраваго смысла и противорѣчитъ исторіи. — № 249, 23-го іюля 1836 г. Шафарикъ повторяетъ просьбу о присылкѣ ему выписокъ изъ Супрас. рукописи. — № 254, 2-го апрѣля 1837 г. Шафарикъ благодаритъ Востокова за драгоценный подарокъ названной выписки: „рукопись эта стара, очень стара“, ее слѣдуетъ отнести къ началу XI в., но для удостовѣренія, необходимо имѣть facsimile, которыя доставлены Бобровскимъ въ Петербургъ. — № 258, 6-го января 1838 г. Не получая болѣе восьми мѣсяцевъ даже отвѣта, Шафарикъ повторяетъ просьбу о доставленіи ему facsimile этой въ высшей степени замѣчательной рукописи. — № 259, 4-го апрѣля 1838 г. Шафарикъ спрашиваетъ: „могу ли я надѣяться получить снимокъ?“ (Переплетка Востокова — *Сб. II отд. Имп. Акад. Наукъ*, т. V, вып. 2-й). Отвѣта со стороны Востокова не последовало, а между тѣмъ весной 1838 г. начинается ухаживаніе за Бобровскимъ, чтобы онъ послалъ всю рукопись къ Копитару для переноски и критической оцѣнки!

XI столѣтія, письмо Копитара къ Востокову же въ 1841 г. (№ 271) гдѣ онъ упоминаетъ о Прейсѣ¹¹⁾, гдѣ спрашиваетъ Востокова: „живъ ли еще Бобровскій“, далѣе имѣя въ виду доставленные два письма Бобровскаго къ Эйхвальду и Копитару 1837 и 1838 гг., вышеприведенное объясненіе И. И. Срезневскаго о стараніи Востокова, чтобы рукопись попала къ Копитару, и наконецъ, письма Ганки къ Востокову и Норову,—мы приходимъ къ такому выводу, что въ дѣлѣ передачи рукописи въ руки Копитара дѣйствовали какія-то тайныя силы, къ которымъ не былъ, да и не могъ быть причастенъ просвѣщенный служитель алтаря, наставникъ „архипастырей“.

Къ изслѣдованіямъ нашимъ о судьбѣ Супрасльскаго рукописи считаемъ пужнымъ сдѣлать еще нѣсколько дополненій на основаніи недавно открытыхъ и доставленныхъ намъ весьма цѣнныхъ матеріаловъ для біографіи М. К. Бобровскаго. Это собственноручно веденный покойнымъ профессоромъ журналъ съ отпусками важнѣйшихъ писемъ его за 17 лѣтъ, съ начала 1830 года по 22-е февраля 1847¹²⁾. Всѣхъ писемъ болѣе ста. Корреспонденція эта касается: 1) вопросовъ, относящихся къ исторіи греко-унитской церкви въ важнѣйшихъ ея фазисахъ, отъ смерти митрополита Лисовскаго въ 1809 году до подписки, данной унитскими епископами о согласіи ихъ на воссоединеніе съ православіемъ (письмо 21-го января 1835 г.); 2) исторіи славянскаго литера-

¹¹⁾ Петръ Ивановичъ Прейсъ до 1838 г. былъ учителемъ русскаго языка въ Дерптской гимназіи, затѣмъ около года пробылъ въ Петербургѣ, изучая древнія рукописи подъ наблюденіемъ Востокова, далѣе съ 1839 по 1842 г. путешествовалъ по славянскимъ землямъ и, наконецъ, съ 1843 по 1845 г. былъ преподавателемъ исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій съ С.-Петербургскомъ университетѣ. Срезневскій былъ друженъ съ Прейсомъ. Обоимъ несомнѣнно была известна вся процедура передачи Супрасльскаго рукописи Копитару.

¹²⁾ Считаемъ долгомъ выразить глубокую признательность священнику Малечской церкви Владиміру Андреевичу Кургановичу за сохраненіе и передачу намъ упомянутыхъ собственноручныхъ писемъ протоіерея М. К. Бобровскаго, равно какъ протоіерею Николаю Жуковичу, охотно принявшему на себя заботы по пересылкѣ ихъ изъ г. Пружанъ, при письмѣ отъ 11-го февраля сего года. „Священникъ, къ которому вы заѣхали въ Городечнѣ, вѣдучи изъ г. Кобринъ въ г. Пружанъ“ (въ апрѣлѣ 1861 г.), пишетъ мнѣ протоіерей Жуковичъ,—„назывался Андрей Кургановичъ; онъ уже умеръ и былъ въ близкихъ и личныхъ отношеніяхъ съ вашимъ дядею, о которомъ говорилъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, какъ о человѣкѣ весьма ученомъ. Послѣ него остался одинъ только сынъ Владиміръ, состоящій священникомъ въ м. Мальчѣ, въ 16 верстахъ отъ г. Пружанъ“. Св. Журн. Мин. Нар. Пр. 1887 г., октябрь, стр. 305.

туры, между прочимъ: а) проекта графа Сперанскаго о составленіи сравнительнаго словаря нарѣчій славянскихъ, къ каковому труду съ Высочайшаго соизволенія предполагалось привлечь Михаила Кирилловича; послѣдній въ письмѣ отъ 16-го февраля 1833 г. разсматриваетъ критически состояніе словарей и грамматикъ у всѣхъ славянъ и признаетъ составленіе всеславянскаго словаря предпріятіемъ очень важнымъ, могущимъ составить эпоху въ славянской литературѣ, но еще преждевременнымъ; б) свѣдѣній о Супрасльской рукописи, „можетъ быть, единственной въ славянской литературѣ“; по здѣсь мы не нашли ничего новаго: черновыми отпусками Михаила Кирилловича подтверждается все то, что уже нами сказано въ нашемъ изслѣдованіи; эти черновые отпуски вполне согласны съ подлинниками; въ письмѣ къ Эйхвальду, отъ 28-го апрѣля 1838 г., еще не опубликованному нами, выражено известное уже опасеніе за цѣлость рукописи, принадлежащей монастырю, и просьба о выдачѣ росписки посланному въ ея полученіи; в) открытія М. К. Бобровскимъ (1823 г.) въ грудѣ всякаго монастырскаго хлама Лѣтописца Литовско-Русскаго, переданнаго Супрасльскимъ монастыремъ, по его просьбѣ, профессору Даниловичу для изданія (изданъ въ 1827 г.). Оказывается, что Бобровскийъ помогъ Даниловичу разбирать эту лѣтопись, о чемъ впрочемъ и упоминаетъ издатель въ своемъ предисловіи. Здѣсь же въ грудѣ бумагъ попало М. К. Бобровскому слово св. Ефрема, напечатанное въ Супрасльской типографіи старообрядцами, при прусскомъ правительствѣ, по старинной славянской рукописи, хранившейся въ монастырѣ (письмо отъ 10-го декабря 1839 г.). На этомъ пока остановимся, въ надеждѣ со временемъ сообщить еще нѣкоторые новые факты, относящіеся и къ исторіи воссоединенія униатовъ съ православіемъ, и къ исторіи славянской литературы.

И. Бобровскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ДРАМЫ.

V¹⁾.

Указывая на книгу „Іудиоѣ“, какъ на матеріалъ для драматическаго представленія, Лютеръ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилъ вниманіе и на другую библейскую повѣсть, которая казалась ему также очень похожею на драму, именно—на исторію Товіи. „Можно предполагать“, говоритъ онъ въ предисловіи къ переводу „Товіи“,—„что у евреевъ было много подобныхъ прекрасныхъ поэмъ и дѣйствъ, которыя ими разыгрывались на праздникахъ и шабашахъ и служили поученіемъ для юношества. „Іудиоѣ“ представляетъ собою серьезную и доблестную трагедію, „Товія“—изыщную, пріятную и благочестивую комедію“²⁾.

Нѣмецкіе драматурги XVI и XVII столѣтій воспользовались этимъ указаніемъ, и комедія о Товіи сдѣлалась, наравнѣ съ Эсепрью и Іудиою, однимъ изъ самыхъ любимыхъ сюжетовъ для швольныхъ представленій: начиная съ Гауса Сакса (1583 г.) и Визрама (1551 г.), обработкой этого сюжета въ нѣмецкихъ и латинскихъ дѣйствахъ занимались, въ указанную эпоху, многіе писатели, такъ что количество дошедшихъ до насъ комедій о Товіи превышаетъ десять. Очень можетъ быть, что которая-нибудь изъ этихъ обработокъ библейскаго разказа послужила образцомъ для пьесы Грегори, представленной 2-го ноября 1673 г. Текстъ этой пьесы, къ сожалѣнію, не сохранился.

¹⁾ См. мартовскую книжку *Журн. Мин. Нар. Пр.* за 1868 годъ.

²⁾ *Gödecke*, II², 330 b.

Въ тому же разряду библейскихъ пьесъ относится и „Малая прокладная комедія о превзрадной добродѣтели и сердечной чистотѣ въ дѣйствіи объ Іосифѣ“¹⁾, представленная, по всей вѣроятности, позже „Товиѣ“. Исторія прекраснаго Іосифа (Бытія 37—44) изъ всѣхъ библейскихъ разказовъ съ давнихъ поръ пользовалась повсюду въ Европѣ наибольшою популярностію; средневѣковая литература представляетъ множество различныхъ пересказовъ этой исторіи, въ прозѣ и стихахъ; въ очень давнее время появилась она и на сценѣ, въ видѣ мистеріи, и затѣмъ, какъ мы уже видѣли, обрабатывалась школьными драматургами XVI—XVIII вѣковъ въ разныхъ формахъ, исторически и аллегорически²⁾. Въ нѣмецкой литературѣ XVI и XVII вв. насчитывается болѣе двадцати комедій объ Іосифѣ; въ польскихъ школахъ эта тема была едва ли не самою обычною, при чемъ іезуиты придавали ей, болѣею частью, аллегорически-нравоучительную форму и совершенно исключали соблазнительную сцену съ женою Пентефріа, указывая въ самомъ заглавіи пьесы на отсутствіе женщины въ числѣ дѣйствующихъ лицъ (*komedia bez persony niewieściej*). Педагоги Іисусова ордена строго предписывали при сочиненіи драмы воздерживаться отъ изображенія какой бы то ни было любви, даже самой чистой, и вообще устранивъ женщинъ изъ числа дѣйствующихъ лицъ (*ne persona ulla muliebris vel habitus introducatur*). „Не возможно безъ опасности прикасаться къ огню, даже скрытому подъ пеломъ“, говорили они, — „и угли, даже потухшіе, пачкаютъ руки“³⁾. Съ другой стороны, писатели, болѣе или менѣе независимые отъ іезуитскихъ учебниковъ и писавшіе, по видимому, не для школы, не только не исключали „*persony niewieściej*“, но даже иногда придавали сценѣ съ Пентефріевою женою особенное развитіе и реальный характеръ. Такою, напримѣръ, является эта сцена въ пьесѣ Николая Рея: „*Żywot Josefa*“, 1645 г.⁴⁾ Въ репертуарѣ „англійскихъ“ комедіантовъ также находилась комедія объ Іосифѣ, до насъ, однако, не дошедшая⁵⁾.

¹⁾ Русск. драм. прова., I, 270—295.

²⁾ Исслѣдованію подобныхъ переработокъ въ литературѣ XVI вѣка посвящена недавно вышедшая специальная работа: *Weilen. Der ägyptische Joseph im Drama des XVI Jahrhunderts. Ein Beitrag zur vergl. Literaturgeschichte*. Wien. 1887

³⁾ *Boysse. Le théâtre des jésuites*, p. 27.

⁴⁾ Напечатана у Войцижкаго, *Teatr starożytny*, I, 131—157.

⁵⁾ *Gödecke*, II², 530, № 54.

Въ русской литературѣ исторія Іосифа, какъ и повсюду, была хорошо извѣстна съ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Со множествомъ апокрифическихъ подробностей и амплификацій, по старымъ восточнымъ сказаніямъ, излагалась она въ Псалмахъ („Завѣты двѣнадцати патріарховъ“) и Прологахъ, откуда перешла въ народные легенды и духовные стихи ¹⁾. Пьеса Грегори замѣчательна особенно тѣмъ, что авторъ ея пользовался, между прочимъ, и этими апокрифическими сказаніями объ Іосифѣ:—непосредственно, или заимствуя свою комедію изъ готовой уже пьесы нѣмецкой, обработанной на основаніи апокрифовъ,—это вопросъ, который, кажется, слѣдуетъ рѣшить въ смыслѣ близкой зависимости отъ нѣмецкаго оригинала: языкъ русской комедіи объ Іосифѣ представляетъ не мало характерныхъ германизмовъ ²⁾.

Пьеса, названная въ прологѣ „малую прохладною комедію“ (kurzweilige, lustige Comödie—обычный эпитетъ „англійскаго“ репертуара), дошла до насъ не вполнѣ: рукопись обрывается на 7-й сѣни втораго дѣйства. Прологъ или „предисловіе“, послѣ обычнаго обращенія къ царю, говоритъ о злонравіи и добродѣтели и заключается словами: „Повеже паки малую прохладную о презрѣдной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствѣ объ Іосифѣ въ пречестныя очи предпоставити умыслили есмы, тѣмъ же не отчаемъ, яко превысокая вашего царскаго величества обьеламъ милость во всемирномъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводити оное благоволить“. Очевидно, комедія была представлена „робятами“, учениками школы Грегори, и притомъ не одинъ разъ: слово паки указываетъ на второе представленіе той же комедіи въ присутствіи царя, награждавшаго актеровъ своею уже обыкшою въ то время милостью.

¹⁾ *Порфирьевъ*, Апокр. сказанія о ветхозав. лицахъ и событіяхъ, 52—55, 256—280, 288; Апокр. сказанія и пр. по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, 149—194; *Безсоновъ*, Калита, I, 155—205.

²⁾ Напримѣръ: *живи благо* (278); *никое милосердіе!* (Keine Erbarmung, 277); *отче мой Израиле! когда бъ ты возможно было возлюбленнаго сына твоего Іосифа ниня увидѣти!* (o mein Vater Israel! wenn's dir möglich wäre deinen geliebten Sohn Ioseph nun zu sehen, 281); *пойди только, пойди* (geh'doch, geh' 281); *безестественная помышленія* (unnatürliche Gedanken, 287); *никому иному, кроме мнѣ* (keinem anderen als mir, 287) и др. Переводъ сдѣланъ, вѣроятно, въ посолецкомъ приватѣ; переводчикомъ былъ москвитчъ, потому что въ пьесѣ не видно слѣдовъ южно-русскаго нарѣчія, и напротивъ, попадаются выраженія чисто великорусскія (напримѣръ, *будь вамъ поволно*, 284; *здѣ по рукамъ быють*, то-есть, *заключаютъ сдѣлку* 280, и др.).

Число дѣствующихъ лицъ въ сохранившихся двухъ первыхъ актахъ комедіи превышаетъ 20; во всей комедіи ихъ было, конечно, еще больше. Въ первомъ актѣ, раздѣленномъ на пять сѣней, представлено постепенное развитіе ненависти братьевъ къ Іосифу и продажа его въ рабство израильтянамъ; дѣйствіе идетъ очень быстро, въ короткихъ діалогахъ, и отличается сценичностью. Во второмъ актѣ Іосифъ уже въ домѣ Пентефірія; здѣсь съ особенною подробностью представлены его отношенія къ жевѣ Пентефірія, которая названа Вильгой (Віѣга, имя рабыни, которую Рахиль дала въ наложницы Іакову, Быт. 30, 3; въ славянской Библіи она называется Валлоу: еще указаніе на нѣмецкій оригиналъ комедіи). Источникомъ для сценъ Іосифа съ Вильгой служили апокрифическіе „Завѣты двѣнадцати патріарховъ“, гдѣ весьма обстоятельно и въ романическомъ стилѣ налагается развитіе страсти въ египтянкѣ и трудная борьба съ нею Іосифа. Сначала жена Пентефірія только ласкаетъ Іосифа и говоритъ, что хочетъ имѣть его вмѣсто сына, потому что у нея нѣтъ дѣтей; затѣмъ уже прямо открываетъ ему свою любовь и уговариваетъ раздѣлить ее. Іосифъ, съ своей стороны, увѣщаетъ ее отказаться отъ преступныхъ мыслей; она же начинаетъ хвалить Іосифа передъ мужемъ и потомъ говоритъ Іосифу, что еслибы даже кто-нибудь и донесъ на него мужу, то онъ не повѣритъ. Видя, что всѣ ея старанія безуспѣшны, египтянка объявляетъ Іосифу, что ради любви къ нему она готова отступить отъ идоловъ и можетъ склонить къ этому и мужа; но Іосифъ отвѣчаетъ, что Богу не угодны люди, живущіе въ нечистотѣ. Затѣмъ Вильга признается ему, что она готова извести мужа, и тогда можетъ сдѣлаться законною женою Іосифа. Іосифъ заклинаетъ ее удержаться отъ этого преступленія. Вильга пытается привлечь его подарками („здѣ ему поминки даетъ“): но, видя, что и это средство не дѣйствуетъ, рѣшается его отравить и посылаетъ ему „врядную пищу“ съ ядомъ; но Богъ открылъ ему злое намѣреніе египтянки, и Іосифъ, желая показать, что Богъ защищаетъ надѣющихся на него, беретъ кушанье и начинаетъ ѣсть въ ея присутствіи; она раскаявается и проситъ у него прощенія; но вслѣдъ затѣмъ снова начинаетъ настаивать, чтобъ онъ „сотворилъ ея желаніе“.

Іосифъ. О, окаянная! чего ради ослѣбла еси въ грѣху и такъ въ великой печали и предаешься подъ владѣніе нечистаго духа? Отстави отъ сего грѣха и стыдися.

Вильма. Узри, Іосифе: аще нмѣ волю мою не исполниши, и азъ въ еолодезѣ или съ высоки горы умерщвляюся.

Іосифъ. Азъ прочь иду.

Вильма. А я задержу тя.

Іосифъ. О! пусть мнѣ!

Вильма. Стой и остановися еще!

Іосифъ. Что, насилствомъ?

(Здѣ прибѣгутъ слуги *Пентефрія*).

Что за насилство? что за насилство?

Вильма. Увы! Горе! Домовое насилство, и уже погибну абіе...

На этомъ рукопись ¹⁾ обрывается. Всѣ подробности сценъ Іосифа съ Вильмою вполне соотвѣтствуютъ разказу „Завѣтовъ“, которые и на западѣ были извѣстны не меньше, чѣмъ на востокѣ ²⁾, и могли послужить матеріаломъ для нѣмецкаго автора, у котораго Грегори заимствовалъ свою пьесу.

Такимъ образомъ, первыя комедіи, представленныя наскоро собранною труппою пастора Грегори въ перномъ московскомъ театрѣ, были написаны на ходячія темы, уже давно усвоенныя нѣмецкою драматическою литературой, и притомъ очень популярныя среди русскихъ грамотныхъ людей. Такой выборъ придавалъ новой нѣмецкой потѣхѣ благочестивую окраску (хотя бы только внѣшнюю) и долженъ былъ служить для нея, до извѣстной степени, оправданіемъ въ глазахъ людей, смущенныхъ новизною: нѣмцы и ихъ русскіе ученики „дѣйствовали изъ Библии“. Только уже тогда, когда эта новая потѣха была достаточно упрочена вниманіемъ государя, когда царская милость къ комедіантамъ сдѣлалась уже обыклою и ближайшее будущее театра перестало вызывать сомнѣнія и опасенія, — Грегори позволилъ себѣ выйдти изъ области библейскаго ренертуара и представить предъ царскія очи пьесу уже совершенно свѣтскаго содер-

¹⁾ Имп. П. Б.-ли, Ф. XIV. 6. Эта рукопись представляетъ копию, описанную въ началѣ нынѣшняго столѣтія для бібліотеки гр. Сухтелена писцомъ, очень плохо разбиравшимъ старинную скоропись, и оттого заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, не всегда поправимыхъ.

²⁾ „Завѣты“, по общему мнѣнію, были первоначально написаны на еврейскомъ языкѣ, съ котораго очень рано переведены на греческій; съ греческаго на латинскій они были переведены въ XIII в. Робертомъ, епископомъ Линкольскимъ. Латинскій текстъ напечатанъ у *Фабриція*, *Cod. pseudepigr. Vet. Test.*, I, 519—748; французскій — у *Миля*, *Dict. des apocryphes*, I, 854—918; русскій — у *Тихонравова*, *Пам. отреч. лят.*, I, 96—232 (два редакціи, XIV и XV вв.).

жанія,—Темиръ-Аксаково дѣйство или „малую комедію“ о Баязетѣ и Тамерланѣ ¹⁾).

Наша пьеса о Тамерланѣ является отдаленнымъ отголоскомъ знаменитой трагедіи Марло: „Тамерланъ Великій“ (Tamburlaine the Great, 1586), которою этотъ сюжетъ впервые былъ введенъ въ европейскую драматическую литературу. Задавшись цѣлью проложить новые пути драматическому искусству, Марло считалъ необходимымъ поставить въ центрѣ дѣйствія трагическаго героя, одну могучую личность, одну преобладающую страсть, съ которою такъ или иначе были бы связаны всѣ подробности пьесы. Такимъ образомъ, прежняя эпическая монотонность и безсвязность дѣйствія съ безличностью персонажей смѣнились въ трагедіяхъ Марло яркою характеристикой героев и органическою сосредоточенностью дѣйствія, чертами вполне драматическими. Не гоняясь за дешевыми эффектами кровавыхъ и шутовскихъ сценъ, быстро смѣняющихся одна другою, Марло чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы увлечь публику за собою, внести своихъ слушателей въ кругъ интересовъ болѣе широкаго объема, заставить ихъ быть свидѣтелями всемірно-историческихъ событій, паденія царствъ и народовъ. „Трудно подыскать сюжетъ, который въ такой степени удовлетворялъ бы вкусамъ народной аудиторіи XVI вѣка и въ то же время давалъ столько простора фантазіи поэта, какъ жизнь Тамерлана. Бродить съ великимъ завоевателемъ по зыбучимъ пескамъ Персіи и Египта, присутствовать при кровопролитныхъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ, быть свидѣтелями приема посольствъ и депутацій, одѣтыхъ въ роскошные костюмы востока, наконецъ—воочию видѣть загадочнаго и грознаго челоука, о которомъ въ средневѣковой Европѣ ходило столько фантастическихъ разказовъ,—какое утѣшеніе для глазъ, какой правдикъ для воображенія!“ ²⁾ Понятно, почему эта трагедія Марло вызвала въ европейской литературѣ XVII столѣтія многочисленныя передѣлки и подражанія. Бродячія труппы „англійскихъ комедіантовъ“ разнесли ее по всей Германіи и, конечно, старались приспособить представленіе къ вкусамъ своей публики, выпуская мало-эффектныя сцены (напримѣръ, любовныя объясненія Тамерлана съ дочерью египетскаго султана Зенократой)

¹⁾ Русск. драм. прозв. I, 204—242, по рукописи Моск. гл. архива министерства иностр. дѣлъ.

²⁾ Н. Н. Стороженико. Предшественники Шекспира. С.-Пб. 1872, стр. 219.

и замѣняя ихъ новыми, составленными по обычному „англійскому“ рецепту: побольше крови и грубыхъ буффонадъ Пикельгеринга. Переходя, такимъ образомъ, изъ рукъ въ руки, трагедія Марло утрачивала свой первоначальный смыслъ и обращалась иногда въ сильно сокращенный и довольно безсвязный пересказъ Марловскаго сюжета, изъ котораго оставалось въ памяти только одно главное событіе—побѣда Тамерлана надъ Баязетомъ, да кое-какіе отрывки изъ характеристики героя пьесы. Одна изъ такихъ нѣмецкихъ передѣлокъ попала, надо полагать, въ руки Грегори, который, вмѣстѣ съ своими помощниками, наскоро перевелъ ее на русскій языкъ, при чемъ дѣло, по всей вѣроятности, не обошлось безъ сокращеній ¹⁾.

Наше Темиръ-Аксаково дѣйство лишь очень немногими общими чертами напоминаетъ свой далекій англійскій первообразъ. Оно состоитъ изъ пролога, эпилога и трехъ дѣйствъ, раздѣленныхъ на 13 сѣней. Число дѣйствующихъ лицъ доходитъ до тридцати. Въ прологѣ, начало котораго, къ сожалѣнію, утрачено, заключаются общія разсужденія о комедіи, вѣроятно, не понятія и оттого перепутанныя переписчикомъ, такъ что ихъ смыслъ еще болѣе затемнился: „а что во (селенной) творится, кромѣ радости и печали? Едица персопа радостно играетъ, а другая печально играетъ, и скоро благосчастіе превратится. Во многихъ энлосоескихъ книгахъ чтуть и въ письмахъ ихъ обрящуть, что можетъ вмѣсто комедіи почитать. Въ землѣ таеельской всѣ города и села не огорожены, а однако жъ ихъ честное житіе по тому не узнать (?). А во всей вселенной обрящуть, что старые люди временемъ недогадлвы, такъ что и молодые“... Прологъ заключается обычною просьбой о милостивомъ вниманіи; „выговора“ эту просьбу, „всѣ падуть на землю и поклонятца его царскому величеству“.

Начало перваго дѣйствія также не сохранилось. На сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ обрывкамъ и по соображенію съ дальнѣйшими словами Тамерлана, комедія начиналась эффектною фантастическою картиною: Тамерланъ спитъ въ своей опочивальнѣ и видитъ во снѣ, что къ нему приходятъ многіе „честные храбрые люди“, прося помощи противъ варваровъ, а за ними прибѣгаетъ „мужъ сильный во всемъ оружіи, и очи ево что свѣщи горять, а въ рукахъ у него большая свѣща“,—и нападаетъ на Тамерлана. При этомъ на сценѣ

¹⁾ Въ эпилогѣ пьеса называется малою и скоръ сотворенною комедіей (243).

дѣйствуетъ пушечный нарядъ: „градъ и стрѣланіе, гранаты и ракеты (ракеты) огненные, молніи“ и пр. Изъ сохранившихся безсвязныхъ отрывковъ первой сѣни можно понять, что „сильный мужъ“ нападаетъ на Тамерлана за то, что онъ не хочетъ признавать его вѣры („...моей молитися не хочетъ“); этотъ непріятель обращается за помощью къ языческимъ богамъ („позвольте огонь съ неба на землю спустить... свѣщѣ паки свое блисканіе восприняти и укрѣпити ее, чтобъ вновь кроворазлитіе, пожаръ и разбой во всѣхъ улицахъ слышать“)... Далѣе мы увидимъ, что Баязетъ изображается въ комедіи явчникомъ, а Тамерланъ—христіаниномъ.

Тамерланъ просыпается и „вопить“, что его хотятъ убить. На крикъ прибѣгаютъ стремянный полкъ и „комнатная сторожа“, которые успокаиваютъ его. Онъ посылаетъ за своими думными и комнатными боярами и рассказываетъ имъ только-что видѣнный сонъ. Въ это время „придетъ почта съ листами“: греческій цесарь Палеологъ проситъ своего „брата и союзника“ Темиръ-Аксака помочь ему противъ сильнаго варварскаго врага Байцета (Баязета), который „безъ всякіе дани причины“ началъ воевать греческое государство. Тамерланъ тотчасъ же посылаетъ къ Баязету своего думнаго боярина съ приказаніемъ оставить греческаго императора въ покоѣ и съ угрозами за неповиновеніе.

Между тѣмъ, Баязетъ съ своими приближенными нашими похваляется своею силой и славой, говоря, что скоро онъ сдѣлается владыкой всего свѣта и заставитъ все человѣчество признать его земнымъ богомъ. Приходятъ послы съ грамотою Тамерлана; взбѣшенный Баязетъ приказываетъ тотчасъ же готовиться къ походу. Съ своей стороны, и Тамерланъ собираетъ войско. Второе дѣйствіе происходитъ попеременно то въ лагерь Тамерлана, то въ лагерь Баязета. Войска обоихъ султановъ стоятъ другъ противъ друга, близъ Константинополя, и между ними происходятъ частыя стычки; Баязетъ терпитъ неудачи, но при извѣстіи о нихъ все еще по-прежнему похваляется. Въ одномъ сраженіи воины Тамерлана захватили въ плѣнъ анатолійскаго пашу, брата Баязетова; Тамерланъ приказываетъ привести его къ себѣ и совѣтуетъ ему убѣдить Баязета покориться; но паша на всѣ его вопросы и совѣты отвѣчаетъ дерзко и оскорбительно. Не смотря на это, Тамерланъ великодушно отпускаетъ его на свободу, и еще велитъ дать ему добраго коня. Себя самого Тамерланъ считаетъ избранникомъ провидѣнія (точно также, какъ и въ трагедіи Марло): „Я посланъ небомъ“, говоритъ онъ,—„для того

чтобы усмирить дерзость Баязета и показать ему, что Господь Богъ казнить гордыхъ и возвышаетъ смиренныхъ". Такимъ образомъ, Тамерланъ обрисованъ въ нашей пьесѣ чертами христіанскаго рыцаря: онъ скромнень, великодушнень, уповаешь на милость Божию; передъ рѣшительною битвой онъ приказываетъ своимъ воеводамъ: „да всякъ человѣкъ въ таборахъ нашихъ о полунощи, когда въ трубы затрубитъ, на колѣна припадетъ и Господа Бога о помощи просить надъ испрители нашими (побѣду) получить“, и самъ горячо молится: „О Боже, отецъ нашихъ Богъ! даждь намъ милость свою и укрѣпи мышцы наши и научи руцѣ наши ратовать, дабы убогое христіанство отъ шатостныхъ мучителей стѣсненны и посмѣяны не были“. Въ противоположность ему, Баязеть представляеть чисто-посточнымъ тираномъ, жестокимъ кровопійцей; онъ—изычникъ, и также призываетъ своихъ боговъ, но не для молитвы, а только для проклятій, и не особенно имъ довѣряеть: „аще божи пособствовать не хотять, тогда вы, храбрые мѣди и янычаря (мидійцы и янычары), помозите“, говоритъ онъ. Онъ грозитъ потонить греческую столицу въ кропи; по его повелѣнію, „войску подобаетъ грабить, убивать, тако же и младенца во чревѣ матери его жива да не оставитъ, зане азъ непотребну челядь греческую вѣщу извѣсть, да и песь во всей греческой землѣ не останется“. При всякомъ извѣстїи объ усиѣхахъ Тамерлана онъ приходитъ въ вступленіе, называетъ своего противника „хромымъ псомъ“ и произноситъ страшныя угрозы. Эта противоположность двухъ характеровъ, нѣсколько напоминающая замыселъ Марло, выдержана во всей пьесѣ довольно послѣдовательно.

Въ третьемъ дѣйствїи наступаетъ катастрофа. На сценѣ „сполохъ“ и сраженіе, во время котораго слышны крики побѣдителей и мольбы побѣжденныхъ: „На нихъ! На нихъ! На нихъ! На нихъ! На тѣхъ псовъ! Сполохъ! Сполохъ! На нихъ!—Пощадите, господа! Пощадите!—На нихъ! На тѣхъ псовъ! На нихъ!—Пощади! Пощади! Даруй ми животъ!—Имайте тѣхъ псовъ въ полонъ! Сбейте весело! Весело! На нихъ! На нихъ!“.. Къ Тамерлану приводятъ плѣннаго Баязета, который, не смотря на пораженіе, все-таки, остается непреклоннымъ и осыпаетъ своего побѣдителя бранью. Тамерланъ приказываетъ посадить его въ желѣзную клѣтку и затѣмъ велитъ привести его жену, „да получить нѣчто отъ радости нашей“. Въ присутствїи жены Баязета, Тамерланъ и его вельможи издѣваются надъ нимъ; Баязеть не въ силахъ вынести этого позора и разбиваетъ себѣ го-

лову о желѣзныя прутья клѣтки („голову всю сокрушилъ, и мозги видѣть“). Тамерланъ благодаритъ Бога за побѣду.

Такимъ образомъ, основная идея пьесы—та же самая, что и во всѣхъ предыдущихъ, именно—что „гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“. Раньше Грегори иллюстрировалъ эту идею библейскими примѣрами, теперь же обратился къ исторіи и представителемъ христіанскаго смиренія выбралъ Тамерлана, нисколько не смущаясь странностью подобнаго выбора.

По внѣшнему своему построенію Темиръ-Аксаково дѣйство представляетъ много сходства съ „Иуднею“, съ тою только разницею, что здѣсь нѣтъ того обильнаго многословія, какимъ отличается послѣдняя пьеса: дѣйствіе идетъ очень быстро, такъ что автора можно упрекнуть, пожалуй, даже въ излишней краткости. Здѣсь также, какъ въ „Иуднею“, есть солдатскія сцены, и притомъ по содержанию своему почти одинаковыя съ подобными же сценами „Иуднею“: солдаты радуются походу, который сулитъ имъ богатую добычу; они готовы идти „хотя къ бѣсу, гдѣ бы только больше казны и корысти добыти“; у нихъ уже заготовлено, въ счетъ будущихъ благъ, много вина, пива и табаку; они устраиваютъ веселую пирушку и поютъ пѣсню, очень похожую на приведенныя выше пѣсни Орива и Селума въ 5-мъ дѣйствіи „Иуднею“:

Братья! да возвеселимся,
Симъ виномъ да утвердимся,
Богъ убо вѣсть, сколь намъ жити.
Нынѣ идемъ купно въ поле:
Убитымъ быть или въ здравѣ,
Съ кормостью быть, а не убиты?
Тѣмъ же да будемъ въ началѣ!
Веселись радостью нынѣ,
Богъ убо вѣсть, кто да живеть
Въ годъ иснати того вина!
Сá, сá, сá, сá, сá, сá, сá, сá.

Комическими персонами являются здѣсь, однако, не солдаты въ родѣ Сусакима, а профессиональные шуты—Пивельгерингъ и Тепель (Töipel, простофиля,—одно изъ прозвищъ Гансворста); ихъ буффонскія выходки очень незамысловаты и не отличаются особеннымъ комизмомъ: все дѣло сводится просто къ потасовкѣ. Въ послѣдней сценѣ перваго дѣйства, представляющей какъ бы интермедію, двое Тамерлановыхъ солдатъ, Леонардъ и Валеріо, останавливаютъ му-

жива, идущаго въ Царьградъ, и обыскиваютъ его. При немъ оказывается большая сумма денегъ, вино, „жаренки“ (Bratwurst) и воровское письмо, изъ котораго видно, что онъ—лазутчикъ, подосланный отъ Баязета. Они тутъ же отрубаютъ ему голову и хотятъ подѣлнить между собою добычу; но пока они разговариваютъ, Пикельгерингъ воруетъ деньги, выпиваетъ вино и сѣдаетъ жаренки. Солдаты въ страхѣ думаютъ, что убитый ими мужикъ былъ „волхвунъ“; они замѣчаютъ убѣгающаго Пикельгеринга и бросаются его догонять, но сталкиваются другъ съ другомъ, „падутъ на землю обон, бьютъ и вопятъ“. Такимъ же боемъ и волею оканчивается и другая сцена, въ которой дѣйствуетъ Tölpel. Онъ приходитъ въ лагерь къ цинрующимъ солдатамъ и спрашиваетъ, нельзя ли и ему также быть въ служивыхъ людяхъ?

Манесъ. Се, брате, ниѣ пакн добудемъ новаго товарища. Слушай, Телпелъ: можешь ли гораздо кляннуться (браниться)?

Телпелъ. О кровь! Ей, гораздо!

Манесъ. О то бы добро было! Но умѣешь ли доброе ясти и пити?

Телпелъ. Ей, умѣю, когда что имѣю.

Манесъ. И то добро. Но имѣеши ли сердце въ тѣлѣ своемъ?

Телпелъ. Того не вѣдаю, завесе никогда видѣти есмь, дабы кто утробу свою велѣлъ разрѣзати и даъ бы сердце свое осмотрѣти.

Манесъ. Безумнице! Азъ дерзость быти разумѣю.

Телпелъ. То азъ не разумѣю, что то есть.

Манесъ. Ты глупче! То есть, когда тебе кто ударитъ, да безъ спуску борвишия отъ него.

Телпелъ. Ни, таковъ глупъ не есмь. Лучше его упрошу, да меня не бьетъ.

Манесъ. Но когда ты кто ударитъ безвѣстно, что тебѣ зубы отъ земли збрати?

Телпелъ. То недостойно и безчинно чинилъ бы.

Манесъ. Но когда азъ ты по уху ударю?

Телпелъ (здѣ ударитъ Манеса). Возьми ты бѣсъ за то! Азъ припомъ есмь испити, а не побойща воспріяти.

Манесъ. Стой! азъ токмо издѣваюсь, и т. д.

(Здѣ бьются обон).

Солдатъ Сусакикъ въ „Луднон“, какъ фигура комическая, стоитъ несравненно выше этихъ шутовъ, являющихся на сцену только для драки и не имѣющихъ къ ходу пьесы никакого отношенія. Роль Телпеля выписана нами дѣлкомъ; Пикельгерингъ—лицо безъ рѣчей; очевидно, составитель комедіи, работая торопливо, не имѣлъ времени придумать для этихъ дурацкихъ персонъ чего-нибудь болѣе занимательнаго въ рѣчахъ и положеніи и въ то же время не счи-

талъ возможнымъ вовсе ихъ исключить. Вѣроятно, въ нѣмецкомъ оригиналѣ Темиръ Аксакова дѣйства роль Пикельгеринга не была написана, а существовало лишь известное въ „англійскихъ“ комедіяхъ указаніе: „hier agiret Pickelhering“, предоставлявшее полный просторъ импровизаторской находчивости исполнителя. Русскіе актеры, въ эпилогѣ пьесы сами себя называющіе „еще неискусными и несмышленными отрочатами“, не могли, конечно, справиться съ такою задачей; оттого введенныя въ комедію потѣшныя сцены и ограничились только дракой. Сцены кровавыя вышли разнообразіе: зритель видѣлъ передъ собою сраженіе, казнь лазутчика, самоубійство Баязета. Не смотря на краткость комедіи, ея постановка требовала значительной опытности и искусства; это была пьеса à grand spectacle, обильно усащенная всякими эффектами: тутъ нужны были и молнія, и выстрѣлы, огненные гранаты и ракеты, трубы и барабаны; Тамерланъ выѣзжаетъ на конѣ; Баязета возять въ клятвѣ. Словомъ, составитель дѣйства постарался придать ему возможно больше внѣшней привлекательности и заинтересовать зрителей чисто-свѣтскимъ представленіемъ. Эти старанія имѣли успѣхъ: есть извѣстіе, что комедія о Тамерланѣ и Баязетѣ разыгрывалась въ Москвѣ даже во времена Штелина, въ 1742 году ⁴⁾.

Что касается до языка этой пьесы, то онъ представляетъ большое сходство съ языкомъ „Иудинъ“, такъ что переводчикомъ обѣихъ пьесъ можно предположить, одно и то же лицо. Здѣсь встрѣчаемъ обычные германизмы: благо да живетъ, прочитайте скоро, двинитесь тогда и т. п.; союзъ если употребляется въ смыслѣ нѣмецкаго ob (напримѣръ: посмотри, есть ли не самъ Палеологусъ пріѣхалъ, 210; не вѣдаю, есть ли и вы такъ будете за мною наступати, 213); Баязетъ называетъ себя мастеромъ (Meister) всего свѣта (209); авангардъ и аррьергардъ названы переднею и заднею стражею (220); Грузія—Георговскою землею (228), Китай—Хинѣйскимъ государствомъ (220) и т. д. южно-русскія слова и выраженія—тѣ же, что и въ „Иудинъ“: не маю (206), бунчукъ (220), господиня (223), шмать хлѣба (215); изъ военныхъ чиновъ упоминаются: гетманы, маеоръ, капитанъ, рейтары; даѣе встрѣчаются названія полковъ: стреминной, дворовый; обводный караулъ; вѣдныя люди; генеральной смотръ; бояре думные, комнатные и ближніе. Изъ характерныхъ выраженій можно отмѣтить: бевъ всякіе дани при-

⁴⁾ Песарскій, 1, 407; Wesselofsky, 60.

чины (208); выложеніе снового грязенія (объясненіе сновидѣнія, 208); богъ землею (209); дуванить съ добычи (242). Грамота Тамерлана къ Баязету начинается словами: „мы, Темиръ-Аксакъ великой, Божіею милостью и прочее“; его знамя—зеленый бунчукъ („знамя пророка?“), а войско его дѣлится, какъ и турецкое на таборы.

Есть основаніе думать, что нѣмецкая пьеса, послужившая оригиналомъ для нашего дѣйства, имѣла въ Германіи большую извѣстность и продолжительный успѣхъ и вызывала подражанія. Въ двадцатыхъ годахъ XVIII вѣка странствующій актеръ Вецель сочинилъ дѣйство о Тамерланѣ и Баязетѣ, долго считавшееся одною изъ знаменитѣйшихъ Haupt- und Staatsactionen. Дѣйство это до насъ не дошло, сохранилось только подробное его заглавіе ¹⁾ и краткое изложеніе содержанія, изъ котораго видно, что эта прославленная въ свое время пьеса въ литературномъ отношеніи была нисколько не лучше, пожалуй—даже и хуже нашей комедіи. Сначала Баязетъ и Тамерланъ обмѣливались оскорбительными рѣчами черезъ пословъ (какъ и въ нашей пьесѣ); затѣмъ оба являлись на сцену и лично принимали участіе въ сраженіи: они схватывались между собою, нещадно тузили другъ друга кулаками, валялись по землѣ и т. д.; наконецъ, Тамерланъ побѣждалъ своего соперника и заиралъ его въ клетку. Въ пьесѣ дѣйствовала, между прочимъ, женщина-арлекинъ: это была неврѣста Баязета, которая переодѣвалась арлекиномъ, чтобы имѣть возможность сопровождать своего жениха въ походѣ. Имя ея передается различно: Moescha, Mancha, Mincha; замѣчательно, что и въ нашемъ дѣйствѣ жена Баязета, являющаяся на сцену лишь въ самомъ концѣ пьесы съ двумя-тремя незначительными словами, называется Милкой. Можетъ быть, оригиналъ нашей пьесы послужилъ также источникомъ и для обработки Вецеля.

Какъ видно изъ эпилога „Темиръ-Аксакова дѣйства“, оно было представлено вскорѣ послѣ комедіи объ Иосифѣ: „Яко древле тамо всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Иосепа кланяхуса“—говорится въ

¹⁾ Der auf eine seltsame Art triumphirende *Tamerlan*, oder die spielende *Fortuna* bei der Person des von dem Gipfel des Glücks in den Abgrund der Verzweiflung gestürzten *Bajazeth*, vorher sehr stolzen, endlich aber gedemüthigten türkischen Kaisers, oder der weibliche *Arlequin*. *Schütz*, Hamburgische Theatergeschichte, 60 fg.; *Devrient*, Gesch. d. deutschen Schauspielkunst, I, 301, 346—348; *Putz*, Vorlesungen, 210, 211.

этомъ эпилогѣ— „такъ и мы, оставивъ Тамерлановъ престолъ купно съ Баязетовымъ венцомъ, кланяемся должно и падъ ницъ усмиряемся передъ вашимъ царскимъ величествомъ“ (242). Затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда „потѣшныхъ, радостныхъ“ комедій, Грегорі нашелъ нужнымъ „примѣшать“ къ нимъ и „едину малую жалобную комедію—о человѣческомъ началѣ, также о паденіи и конечной погибели его, то-есть, о Адамѣ и Еввѣ“.

Исторія грѣхопаденія и искупленія человѣческаго рода была однимъ изъ древнѣйшихъ сюжетовъ христіанской драмы. Обыкновенно входя, какъ составная часть, въ рождественскія дѣйства, она повсюду въ Европѣ служила предметомъ многочисленныхъ мистерій и *moralités* и обрабатывалась во множествѣ *Fastnachtspiele* и духовно-народныхъ представлений, разыгрываемыхъ до сихъ поръ въ южно-нѣмецкихъ и швейцарскихъ деревняхъ (*Adam- und Eva- Sptele, Paracisspiele*). Въ XVI столѣтіи этимъ сюжетомъ овладѣла школьная драма, трактовавшая его по правиламъ схоластической логикѣ, преимущественно въ аллегорическомъ тонѣ; говоря о польскихъ и южно-русскихъ школьныхъ дѣйствахъ XVII вѣка, мы изложили содержаніе дошедшихъ до насъ отъ этой эпохи нравоучительныхъ пьесъ, такъ или иначе соприкасающихся съ исторіей грѣхопаденія. Въ нѣмецкой литературѣ этой темѣ особенно посчастливилось; здѣсь она прошла черезъ всѣ формы драматической поэзіи; ей была посвящена первая опера, представленная въ Гамбургѣ 2-го января 1678 года ¹⁾; затѣмъ, въ концѣ XVI и первой четверти XVIII столѣтія, она является въ видѣ *Haupt- und Staatsaction*, а въ 1736 году—даже въ видѣ „музыкальной оперетты“ ²⁾.

„Жалостная комедія“ Грегорі ³⁾, какъ мы уже говорили раньше,

¹⁾ *Adam und Eva, oder Singspiel von der Erschaffung oder der geschaffene gefallne und wieder aufgerichtete Mensch, v. Chr. Richter. См. Allg. Mus. Zeitung 1877, S. 371 fg.*

²⁾ *Pruiss., 207. Schütze*, книга котораго *Hamb. Theatergeschichte* вышла въ 1794 году, разсказываетъ (стр. 34, 59), что онъ самъ видѣлъ въ Гамбургѣ подобное представленіе, но уже на школьномъ театрѣ, при чемъ одна изъ важнѣйшихъ ролей въ пьесѣ была отведена Гинсвурету.

³⁾ Находится въ упомянутой уже рукописи Имп. Пуб. В—ки изъ собранія гр. Сухтелена, F. XIV н. Издава О. Тихонриховымъ въ *Литонислѣзѣ русск. лит.*, III, и затѣмъ, въ болѣе исправномъ видѣ, въ *Русск. драм. произв.*, I, 243—269. Въ первомъ изданіи тексту комедіи предпосланъ превосходный комментарий, который мы и пользуемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

отличается отъ разобранныхъ нами школьныхъ дѣйствъ особымъ характеромъ. Она носитъ на себѣ печать гораздо болѣе стараго типа духовной драмы и представляетъ соединеніе элементовъ мистеріи и *moralité* въ ихъ древнемъ, строго-выдержанномъ стилѣ. Пьеса открывается небольшимъ правоучительнымъ предисловіемъ, въ которомъ объяснена цѣль представленія и причина выбора именно этого сюжета: „человѣческое житіе, еже по Божѣ подъ милостивымъ защищеніемъ вашего царскаго величества имѣемъ и въ немъ содержаны бываемъ,— во ономъ также всѣ прохладеніе и радость взыскуемъ; но обрѣтаемъ скорбь и бѣду. Ей, взыскуемъ въ немъ миру, но что же обрѣтаемъ? не смиреніе, а брань; взыскуемъ посиѣшеніе, но обрѣтаемъ плачь и рыданіе; взыскуемъ въ немъ здравіе, но обрѣтаемъ скорбь и недугъ“... Причина этого злополучія заключается въ томъ, что „мы носимъ предателя неизвѣстно въ нѣдрахъ нашихъ, а именно—древняго Адама, то-есть, истую плоть и кровь нашу“. Чтобы напомнить объ этомъ зрителямъ „потѣшныхъ“ и „радостныхъ“ комедій, чтобы показать что въ жизни не все потѣшно и радостно, и сочинена предлагаемая „жалобная“ комедія. Вводя ее въ свой репертуаръ, Грегори, помимо этой прямо заявляемой благочестивой цѣли, могъ имѣть въ виду еще и другія соображенія: быть можетъ, слишкомъ свѣтскій характеръ комидійной потѣхи вызывалъ нареканія со стороны ревнителей благочестія,—и вотъ, чтобы дать имъ отпоръ, чтобы загладить невыгодное впечатлѣніе, производимое на нихъ пьесами въ родѣ Темиръ-Аксикова дѣйства, и была выбрана, въ видѣ противовѣса, строго-правоучительная духовная драма, представляющая собою какъ бы лицевую великопостную проповѣдь.

Комедія объ Адамѣ и Евѣ дошла до насъ не вполне (въ рукописи недостаетъ конца). Она дѣлится на двѣ части: первая (первыя два дѣйства) изображаетъ грѣхопаденіе и имѣетъ совершенно мистериальный характеръ; вторая представляетъ аллегорически судъ надъ Адамомъ и Евой, нарушившими Божію заповѣдь, и отличается всѣми особенностями старыхъ *moralités*. Первое дѣйство состоитъ изъ трехъ сѣней. Сначала Адамъ въ небольшомъ монологѣ описываетъ свое блаженное состояніе въ раю и благодаритъ Создателя; затѣмъ является ангелъ Уриилъ и, напоминая Адаму заповѣдь—не вкушать запрещеннаго плода, предостерегаетъ его отъ злыхъ ангеловъ Веліала и Луцифера, которые за свою гордость низвержены съ неба и теперь замышляютъ погубить Адама. По уходѣ Уриила, является Ева; Адамъ сообщаетъ ей слышанное отъ ангела, и оба они даютъ обѣщаніе не

подаваться дѣвольскимъ кознямъ. Дѣйство заключается хоромъ ангеловъ: „Бога ты мы хвалимъ“ (Te Deum laudamus, гимнъ, который очень часто пѣлся въ западныхъ мистеріяхъ) и „Святъ есть Господь Богъ Саваоѣ“. Второе дѣйство раздѣлено на двѣ сѣны. Оно начинается разговоромъ Евы съ искушающимъ ее змѣемъ; разговоръ этотъ ведется довольно искусно: сначала змѣй поэтически описываетъ рай и его прелести, затѣмъ говоритъ о прекрасныхъ плодахъ, растущихъ на райскихъ деревьяхъ, и наконецъ, переходитъ очень осторожно къ восхваленію плода запрещеннаго. Ева рѣшительно отказывается прикоснуться къ опасному плоду; тогда змѣй пускаетъ въ ходъ всевозможныя софизмы и мало по малу успѣваетъ разсвѣять ея опасеніи. „Змѣй тихо отходитъ“, а Ева любитъ прекраснымъ плодомъ и наконецъ рѣшается его попробовать, призываетъ Адама и убѣждаетъ его сдѣлать то же. Адамъ нисколько не колеблется, и тотчасъ же съѣдаетъ плодъ; но вслѣдъ за тѣмъ чувствуетъ угрызеніе совѣсти и тоску. Вторая сѣнь (или картина) представляетъ Адама стоящимъ на козлахъ, уже во многомъ одѣяннѣ: прежде онъ былъ, вѣроятно, одѣтъ въ бѣлую ризу—символь чистоты и невинности; теперь же на немъ должно быть черное одѣяніе, въ знакъ его грѣховности: въ такомъ видѣ является грѣшная душа въ цитированной нами въ своемъ мѣстѣ польской школьной пьесѣ на тему Вожыяго суда и искупленія¹⁾. Онъ горько плачется на свое паденіе и погибель: „Авъ бѣхъ свить и безъ порока, но нынѣ есмь головни пресподней геенны; пресвѣтлыне драгоцѣнныя каменія, аспидъ и лхонтъ, сіянію палаты моея уступали, нынѣ же и то отъ меня отъиде, еже прежде того примѣчати не возмогъ: нынѣ бо обрѣтаюся быть нагимъ. Ко Господу Богу баше упованіе мое, не бояхся никого же; но нынѣ трепещу и страшуся, выщетная земля, и предъ листвіемъ деревовымъ; прежде обидоша окрестъ безчисленныхъ полковъ, но нынѣ вся отъ меня отступиста; звѣріе такожде ко мнѣ во множествѣ числѣ совокупистася, но нынѣ вся отъ меня убѣгають; солнце, луна и звѣзды воззирають на мя вѣло печальными образы, и земля не хоцетъ мя вѣщше посити; ничто же, того ради, оставаеть, точію во отчаяніе ми принти“... Дѣйствіе заключается, также, какъ и первое, хоромъ: „Черезъ Адамово паденіе вси роды погублены“, и пр.

Эта первая часть „жалостной комедіи“, сохраняя тонъ и харак-

¹⁾ Vestis nigra oblonga, parca, in manu crucea aliquot ligneaе. Рус. Имп. Пуб. В—въ, польск. Q. XIV. 19, л. 57.

теръ средневѣковой мистеріи, очень близко подходит къ современнымъ нѣмецкимъ „райскимъ дѣйствамъ“ (Paradeisspiele) и, какъ это было указано уже Н. С. Тихонравовымъ, иногда почти буквально повторяетъ нѣкоторыя подробности этихъ дѣйствъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что оригиналомъ для нашей комедіи служила именно такая народно-духовная нѣмецкая пьеса; но составитель не переводилъ ея, а или воспроизвелъ по памяти или, что еще вѣроятнѣе, воспользовался только приемомъ обработки общезвѣстнаго сюжета. При одинаковости сюжета, весьма несложнаго, и при заимствованіи общаго скелета драмы, частныя совпаденія весьма возможны и легко объяснимы.

Вторая часть комедіи представляетъ судъ надъ Адамомъ и Евой. Въ третьемъ актѣ ангелы Гавріиль, Уріиль и Рафаиль устрояютъ мѣсто для суда и бесѣдуютъ между собою о плачевномъ паденіи бѣдныхъ созданій: „Всѣ небесныя силы соболѣзнуютъ о семъ, и никакой радости ужь больше нѣсть, также и вся тварь во всей вселеннѣй стонетъ, скорбящи зѣло о томъ: никакая бо птица больша не поетъ, никій звѣрь больша не ищетъ про себя пищи, никій цвѣтокъ не обрѣтается въ прежней бывшей красотѣ, древесна низъ срываютъ отъ печали листы свои и трава увядаетъ“... Этотъ покаянный плачь Адама и съ нимъ всей природы является въ нашей комедіи отголоскомъ апокрифическихъ сказаній, церковныхъ пѣснопѣній и народныхъ духовныхъ стиховъ, въ которыхъ поэтически изображается скорбь и раскаяніе падшаго человѣка ²⁾. Н. С. Тихонравовъ видитъ въ этомъ плачѣ един-

¹⁾ Профессоръ Тихонравовъ указываетъ на Paradeisspiel, изданную Weinhold'омъ въ Weihnachtsspiele und Lieder, 294—328, и на нинне-нѣмецкую мистерію Sündenfall Арнольда Имессена, изд. Schönemann'омъ (Der Sündenfall und Marienklage, Hannover, 1855); къ этому можно прибавить подобныя же пьесы, изданныя Hartman'омъ (Volkschauspiele etc.), въ особенности такъ-называемую Adam und Evaspiel. Отрывокъ подобной же народной пьесы, разыгрывавшейся еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія у словинцевъ, сообщенъ Пличемъ въ Narodni slavonski običaji, 1846, p. III—114 (цитировано у А. Н. Веселовскаго, Стар. театр., 255). Ср. еще Devrient, Gesch. der d. Schauspielkunst, I, 344.

²⁾ „Солнце лучи скры, луна со звѣздами въ кровь преложися, горы ушасошася, холми вострепеташа, егда рай заключися. Исходи Адамъ рунами блъ въ лице, глаголаше: милостиве, помилуй мя падшаго“.— „Мене рыдайте, ангельстѣи чинове, рай доброты и садовъ тамошнее благолѣпіе, прельстившагося злополучнѣи Бога отвергнагося“.— „Дуже блаженный, садове богосажденнїи, рай красота, нынѣ о мнѣ слезы проливайте отъ лютость, якоже отъ очю“... „Споболи, раю, тжмателю обнищавшему и шумомъ твоихъ листовъ умоли содѣтеля, да не затворитъ тя“, и т. д. Порфирьевъ, Апокр. сказ., 104—105; Тихонравовъ,

ственный въ нашей драматической литературѣ слѣдъ апокрифическихъ христіанскихъ разказовъ, которые принимали такое сильное участіе въ развитіи средневѣковой европейской драмы и обогащали ее прекрасными поэтическими мотивами. Выше мы указывали на отраженіе апокрифовъ въ комедіи объ Іосифѣ.

Ангелы печалятся о паденіи Адама, а змѣя торжествуетъ и похваляется, что вслѣдствіе нарушенія Божьяго завѣта родъ человѣческой принадлежитъ теперь ей, и нието уже не вырветъ его изъ власти дьявола. На помощь ей являются другія змѣи (бѣсы), повторяющія то же самое; но архангелъ Михаилъ удерживаетъ ихъ, говоря, что до произнесенія приговора Всевышнимъ Судією, дьяволъ не имѣетъ права на грѣшниковъ ¹⁾. Гавріилъ призываетъ обвиняемыхъ и приказываетъ имъ готовиться къ суду, не теряя надежды на милосердіе Божіе.

Архангелъ Михаилъ, съ мечемъ въ рукѣ, возвѣщаетъ всѣмъ небеснымъ силамъ, что вѣчная Премудрость въ совѣтѣ святыхъ Троицы рѣшила поставить Адама и Еву предъ страшный судъ ²⁾. Въ роли обвинителя является змѣя, имѣя „полную мочь отъ первоначальника своего Луципера“. вмѣстѣ съ своими товарищами она приводитъ къ суду Адама и Еву связанными и при этомъ издѣвается надъ ними: „Приходите, послушливыя чада мои, нынѣ васъ на лучшее мѣсто поведу; здѣ дрожите знатно отъ стужи, но тамо учнете отъ тоски потѣти“. Въ этихъ словахъ слышится слабый отголосокъ той комической роли, которую обыкновенно игралъ дьяволъ въ средневѣ-

Пам. отреч. лит., I, 1—15; II, 298—304; *Пылицы*, Пам. стар. рус. лит., III, 1—7; *Διήγησις καὶ πολιτεία Ἀδὰμ καὶ Ἐβᾶς*, у *Тимондорфа*, *Apocalypses apocr.*, Lips. 1866, p. 1—23. *Vita Adae et Evae*, herausg. und erläutert v. *W. Meyer*, *Münchener Abhandl.* 1878, XIV, 185—250. *Васноновъ*, *Калики*, VI, 236—314. Ср. загадку: „Когда весь міръ плакалъ?—когда Адамъ согрѣшилъ“. *Этногр. Сборн.*, VI, 65.

¹⁾ Н. С. Тихомировъ высказываетъ предположеніе, что виѣя являлась на нашей сценѣ точно также, какъ и въ Германіи,—въ видѣ дѣвицы съ длинною косой (*Weinhold* о. с., 311). Средневѣковая сцена руководствовалась въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ постановкѣ пьесъ, церковною живописью: на древнѣйшахъ иконахъ змѣя писалась въ видѣ женщины; на миниатюрахъ древнихъ Библии она изображается съ женскою головою.

²⁾ Въ рукописи (и въ печатныхъ изданіяхъ) комедіи здѣсь перепутанъ счетъ явленій: послѣ 1-й и 2-й сценъ третьяго дѣйствія снова слѣдуютъ сѣны 1-я и 2-я. Можетъ быть, (употребляя вымышленую терминологию), третье дѣйствіе комедіи дѣлилось на двѣ самостоятельныя „картины“, между которыми полагался антрактъ съ перемѣною декораціи.

ковой мистеріи. За исключеніемъ этой насмѣшливой фразы, да еще одного замѣчанія, что „бѣдный бѣсъ“ не виноватъ въ свободной волѣ человѣка, змѣя сохраняетъ тонъ суроваго обличителя и во имя правосудія требуетъ казни для нарушителей Божьей заповѣди. Обвиняемые признаютъ свою вину, и архангелъ, выслушавъ обѣ стороны, повелѣваетъ истцу и отвѣтчику отступить въ ожиданіи приговора великаго Судіи.

Слѣдующія затѣмы сцены изображаютъ такъ-называемое „райское преніе“ (procès de paradis),—сюжетъ весьма распространенный въ западно-европейской средневѣковой литературѣ, обработанный во многихъ мистеріяхъ, діалогѣхъ, школьныхъ дѣйствахъ и служащій также иногда составною частью Paradespiele. Правда „зѣло болѣзнуетъ о бѣдномъ паденіи человѣческомъ“ передъ Богомъ-Отцомъ, который и созываетъ для постановленія приговора небесный совѣтъ. На совѣтъ являються: Богъ Сынъ, Правда, Истина, Милосердіе и Миръ. Правда, держа въ рукѣ жезлъ, обращается къ Богу Отцу съ прошеніемъ, чтобъ онъ предалъ Адама такой же казни, каковой подверглись гордые ангелы, дерзнушіе возстать противъ Бога и за то свергнутые въ геенну огненную: „Почто нечистому духу больше нежели тебѣ слушали? и почто свободную волю свою къ тварямъ, а не къ Богу, къ злобнымъ, а не къ благимъ наклонили?“ Правда подаетъ Богу Отцу свой жезлъ, чтобъ Онъ сокрушилъ его надъ головами грѣшниковъ; Богъ Отецъ готовъ это исполнить; но Сынъ Божій проситъ Его потерпѣть въ праведномъ гнѣвѣ, пока сами люди дадутъ отвѣтъ предъ Его престоломъ. Истина настаиваетъ на строгой карѣ и на исполненіи страшнаго слова Божія; но Сынъ Божій снова проситъ внять голосу Милосердія, которое умоляетъ о прощеніи виновныхъ. Правда и Истина возражаютъ ему, что Богъ не можетъ нарушить своего правосуднаго слова, „аще и весь свѣтъ преставится“. Миръ, желая, „дабы на жестокомъ судѣ единая часть другую не ослабѣла“, проситъ позволенія привести своихъ „любимыхъ сестеръ“ къ доброму согласію, чтобы приговоръ могъ быть постановленъ по общему рѣшенію. Богъ Отецъ и Богъ Сынъ удаляются, а Миръ и Милосердіе дѣлають попытку склонить Правду и Истину на свою сторону. Но „любимыя сестры“ не могутъ измѣнить себѣ и не видать выхода изъ этого положенія. Тогда, по совѣту Мира, всѣ обращаются къ Сыну Божію и просятъ у Него совѣта, какъ избавить родъ человѣческій отъ вѣчной смерти, чтобы при этомъ никому изъ нихъ не было нанесено никакого ущерба.

Сынъ Божій совѣтуетъ отыскать такого мужа, который своею смертью воздастъ бы долгъ за прегрѣшеніе Адама и Евы: „Такимъ-бо образомъ“, говоритъ Онъ,—„и вы безвредни пребудете, и бѣднѣйшій человѣкъ освободится“.

На этомъ прерывается дошедшій до насъ списокъ „жалостной комедіи“. Она оканчивалась, безъ сомнѣнія, какъ и другія подобныя пьесы, разобранныя нами въ предыдущей главѣ этихъ очерковъ, заявленіемъ Сына Божія, что Онъ принимаетъ на себя грѣхи міра, что и служило связующимъ звеномъ между „райскою игрою“ и рождественскимъ дѣйствомъ. *Procès de paradis* въ средневѣковой литературѣ издавна служилъ именно прологомъ въ рождественской мистеріи, наглядно объясняя основной догматъ христіанства—искупленіе человечества отъ первороднаго грѣха рожденіемъ и смертью Спасителя. По указанію Н. С. Тихонравова, Бернардъ Клервоскій († 1153 г.) первый, въ проповѣди на Благовѣщеніе, развилъ въ формѣ живой и длинной параболы стихъ 81-й псалма: „Милость и истина срътостася, правда и миръ облобизаастася“¹⁾. Этому примиренію „небесныхъ сестеръ“, конечно, предшествовало (говорить проповѣдникъ) какое-нибудь разногласіе, и это разногласіе возникло именно по вопросу о судьбѣ человѣческаго рода послѣ грѣхопаденія; примиреніе было достигнуто только тѣмъ, что Сынъ Божій добровольно изъяснилъ желаніе принести Себя въ жертву божественной Истинѣ и Правдѣ. Эта притча св. Бернарда во множествѣ вариаций обошла всю католическую Европу и была, между прочимъ, развита Яковомъ Отрамо въ особомъ трактатѣ: *Belial* или *Consolatio peccatorum* (1378—1389 гг.), гдѣ *Belial* является обвинителемъ человѣческаго рода и требуетъ вѣчнаго его осужденія; на защиту людей выступаетъ Моисей; его поддерживаютъ Миръ и Милосердіе; Истина и Правда настаиваютъ на осужденіи. Тогда Сынъ Божій объявляетъ (какъ и въ нашей комедіи), что добровольная смерть праведнаго человѣка можетъ примирить разнорѣчивыя требованія небесныхъ сестеръ. Истина по всему міру ищетъ безгрѣшнаго человѣка и не находитъ; наконецъ, Сынъ Божій самъ заявляетъ готовность умереть за родъ человѣческій.

Въ XV столѣтіи небесный процессъ былъ включенъ въ составъ

¹⁾ Это указаніе проф. Тихонравова заимствовано имъ изъ статьи *Линера*: *Der Rathschluss der Menschenwerdung und Erlösung*, въ его *Evangelischer Kalendar* 1859, S. 17—42. *Литюписи русск. лит.* III, отд. 2, стр. 41.

огромной французской сводной „Мистеріи Ветхаго Завета“¹⁾; въ нѣмецкой литературѣ проповѣдь св. Бернарда въ первый разъ получила драматическую обработку во второй половинѣ XVI столѣтія²⁾; развитіе этого сюжета въ польской и южно-русской школьной драмѣ было уже нами отмѣчено. Трактатъ Якова Өерамо, въ свою очередь, получилъ дальнѣйшее распространеніе и развитіе въ католической церковной литературѣ и послужилъ образцомъ для польскаго произведенія въ томъ же родѣ, которое было переведено на русскій языкъ въ 1674 году, то-есть, именно около того времени, къ которому относится представленіе нашей „жалостной комедіи“. Переводъ въ рукописи, принадлежащей Н. С. Тихонравову, носить заглавіе „Противъ чловѣка, всечестнаго Божія созданія, завистное сужденіе и злое поведеніе проклятаго демона, съ польска языка преведено“: Здѣсь въ діалогической формѣ излагается содержаніе губительныхъ демонскихъ совѣщаній подъ предсѣдательствомъ Лудипера, исторія грѣхонаденія и небесный процессъ. „Исторія грѣхонаденія и небеснаго процесса“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ, — „составляетъ цѣлую и полную мистерію; всѣ условія драмы соблюдены въ точности, и невольно приходишь къ предположенію, что дѣйствительно отдѣльная пьеса вполетена въ сборникъ апокрифическо-догматическихъ статей. Споръ небесныхъ сестеръ по содержанію очень близокъ къ Велиа Өерамо: нѣсто Моисея занимаетъ здѣсь (какъ и въ „Жалостной Комедіи“) архангелъ Михаилъ, который ходатайствуетъ за чловѣчскій родъ передъ престоломъ Божиимъ. Сначала Велиаръ проситъ, чтобы родъ чловѣчскій навсегда былъ присужденъ демонамъ. Архангелъ Михаилъ заступається за людей, но Велиаръ прерываетъ его рѣчь упрекомъ въ несоблюденіи юридическихъ формальностей. Тогда небесные ассессоры „приводятъ опасателей—дабы объ страны не глаголали по гнѣву, но учтиво и благочестно“. Въ сознаніи своей сираведливости, Велиаръ проситъ, чтобы сама святая Правда, которая никогда не отлучается отъ престола Божія, приняла на себя

¹⁾ Petit de Julleville, o. c. II, 359.

²⁾ Ein schöne und neue Comedien von der wunderbarlichen vereynigung göttlicher gerechtigkeit und barmhertzigkeit, wie dieselben in der seligkeit und erlösung des Menschen zusammenkomen... aus S. Bernhardo genomen... durch *Lucas Maier*, aufgeführt im Schloß zu Schleusingen, 11 und 13 Febr. 1561. Wittonb. 1562 (*Gödecke*, II, 363, № 162; *Wilken*, *Gesch. der geistl. Spiele in Deutschl.*, S. 496). У *Gödecke* указаны и поддѣйствія пьесы на ту же тему, — № 171, 297, 331, 367.

какой-нибудь образъ и усмирила между ними сварь и распри. Правда принимаетъ на себя образъ „дѣвицы негнѣннаго тѣла“. Она становится передъ престоломъ Господа сердцевѣдца, „имѣя въ рукѣ скипетръ долгій и пресвѣтлый“, который во время суда ставитъ предъ собою, и начинаетъ говорить, „не ожесточевая рода демонскаго“. Но ея слова не въ пользу рода человѣческаго. Архангелъ Михаилъ призываетъ Клеменцію, и съ краскою стыда, „воспламенившись червленостію“, начинаетъ она „тихую“ рѣчь свою передъ престоломъ Божиимъ. Замѣтивъ, что Господь склоняется къ ея рѣчамъ, демонъ „разъярися на ню и сказалъ гласомъ гнуснымъ, подобнымъ встеклому: Женескъ родъ мѣста не имать при судѣ говорити или за кого ходатайствовати; но имуть молчаніе хранити, яко и въ церква; точію сіе единымъ мужемъ належитъ“. Послѣ длиннаго ряда юридическихъ доводовъ и опроверженій со стороны Велиара и архангела Михаила, на небѣ „настаетъ велие молчаніе“ въ ожиданіи божественнаго суда, и затѣмъ является „указъ по дѣлу“, который повелѣвается прочесть предъ всѣми небесными чинами и предъ всѣми ангельскими полками и записать въ книгу живота архангелу Рафаилу. Содержаніе его—обѣтъ Бога Сына ¹⁾).

Въ русской литературѣ ранѣе XVII столѣтія, сколько намъ извѣстно, исторія небснаго процесса не встрѣчается. Такимъ образомъ, „Жалостная комедія“ Грегори, представляющая варіантъ „райскаго дѣйства“, съ одной стороны, изображала въ драматической формѣ всѣмъ извѣстное сказаніе о грѣхопаденіи, а съ другой стороны, вмѣстѣ съ польскимъ „Сужденіемъ“, вводила въ нашу литературу новый аллегорическій мотивъ. Арханическая мистеріальная форма нашей комедіи объясняется, по нашему мнѣнію, именно тѣмъ, что первообразомъ для нея служила нѣмецкая *Paradelspiel*: народно-духовныя драмы въ Германіи и до сихъ поръ строго сохраняютъ отличительныя черты древней мистеріи и нерѣдко даже арханическія особенности языка ²⁾).

Отличаясь отъ всѣхъ другихъ, извѣстныхъ намъ, пьесъ репертуара Грегори своимъ духовно-нравоучительнымъ содержаніемъ, „жалостная комедія“ столь же рѣзко отличается отъ нихъ и языкомъ:

¹⁾ *Литоп. русск. лит.* 1. с., 44—45.

²⁾ Такъ, напримѣръ, текстъ „райскаго дѣйства“, изданный *Schröder*'омъ въ *Deutsche Weihnachtsspiele aus Ungarn*, 123—141, по тону и языку чрезвычайно близко подходитъ къ пьесамъ XVI столѣтія.

полное отсутствіе обычныхъ германизмовъ заставляетъ предполагать, что эта пьеса, можетъ быть, не переведена, а прямо написана по русски, кѣмъ-нибудь изъ русскихъ учениковъ пастора (или, можетъ быть, его помощникомъ по школѣ, учителемъ Юріемъ Михайловичемъ), по составленному имъ плану и подъ его руководствомъ. Языкъ ея— великорусскій ¹⁾, очень близкій къ церковно-славянскому.

Кромѣ разобранныхъ нами нѣсць перваго русскаго репертуара, случайно сохранившихся до настоящаго времени, существовали, вѣроятно, еще и другія, но о нихъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Выше упомянуто о балетѣ, представленномъ, по свидѣтельству Рейтенфельса ²⁾, въ субботу на масляницѣ (die bacchanalium ludorum repulitio); обыкновенно это представленіе приурочиваютъ къ 1676 году; по нашимъ соображеніямъ, его вѣрнѣе слѣдовало бы отнести къ 1673 году ³⁾. Передъ началомъ спектакля на сцену вышелъ актеръ, изображавшій Орфея, и пропѣлъ нѣмецкіе куплеты, которые тотчасъ же были переведены царю толмачами:

Ist nun der gewünschte tag
Dermahl eins erschienen,
Das man dir zur fröude mag
Grosser Zare dienen? и т. д.

Въ изысканныхъ и льстивыхъ выраженіяхъ превозносились въ этомъ привѣтствіи прекрасныя свойства души Алексѣя Михайловича, прославлялись его добродѣтели и мудрость и высказывалось пожеланіе ему многолѣтней, благополучной и славной жизни. По обѣ стороны Орфея стояли двѣ пирамиды, украшенныя транспарантами и освѣщенныя разноцвѣтными огнями; окончивъ свое пѣніе, Орфей обратился къ этимъ пирамидамъ съ приглашеніемъ танцовать:

Drumb wohlın meyn seytenwerck,
Las dich lieblich zwingen,
Und du pyramidenberg—
Hüpfe nach dem singen.

¹⁾ Исключеніе составляетъ одно только слово: *зкусъ* (252), на-ряду съ *кортмиъ*, однако, много разъ повторяются: *вкусити*, *вкушеніе* и т. п. На стр. 2482-й г. Тихомировъ читаетъ: *я змѣй естамъ*; но въ рукописи эти слова были скопированы переносчикомъ безсознательно: *я жмѣстесъ*, и намется, что вѣрнѣе можно прочесть: *я змѣй еста*, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующей же стрѣлкѣ сказано: (я) не обрѣлъ естѣ.

²⁾ De reb. Moschovit., 106.

³⁾ Рейтенфельсъ въ 1673 году уѣхалъ изъ Москвы.

По окончаніи танца пирамидъ (?), начался балетъ. А. Н. Веселовскій предполагаетъ, что, быть можетъ, это было подражаніе балету „Орфей и Эвридика“, сочиненному вяттепбергскимъ профессоромъ злоквенціи Августомъ Бухнеромъ по случаю бракосочетанія курфюрста Иоанна-Георга II, въ 1638 году ¹⁾. Весьма вѣроятно, что подобныя чисто-свѣтскія представленія устраивались фанъ-Стаденомъ, возвратившимся изъ заграничнаго путешествія: въ Дворцовыхъ Разрядахъ есть извѣстіе, что его призывали во дворецъ одновременно съ игроцами Тимошеемъ Гасенкрухомъ и Симономъ органистомъ.

Изъ одной челобитной, недавно напечатанной Е. В. Барсовымъ ²⁾, видно, что въ послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича во главѣ руководителей комидійнаго дѣла въ Москвѣ стоялъ Степанъ Чижинскій, „Львовскаго повѣту шляхетской сынъ, благочестивыя вѣры греческаго закону“. Первоначально, какъ онъ самъ разказываетъ, онъ служилъ въ полку у гетмана Потоцкаго; послѣ неудачи, понесенной этимъ полкомъ подъ Фастовымъ, Чижинскій ушелъ въ Кіевскій Братскій монастырь и здѣсь въ продолженіе двухъ лѣтъ былъ учителемъ латинскаго языка; затѣмъ, вмѣстѣ съ своими учениками, „смоленскою шляхтою“, пріѣхалъ въ Смоленскъ, явился къ мѣстному воеводѣ князю Михаилу Андреевичу Голицыну, и снова въ продолженіе двухъ лѣтъ училъ шляхетскихъ дѣтей по латини. Въ 1675 (1683) году пріѣхалъ въ Москву и явился къ боярину Матвѣеву, который спрашивалъ его „о комидійныхъ наукахъ“; Чижинскій отвѣчалъ, что „съ комидійное дѣло его станеть“, и по приказу боярина „дѣлалъ комедію О Давидѣ съ Голиаеомъ и нныя комедіи, и училъ комидійному дѣлу восемьдесятъ человекъ всякаго чина людей, и былъ у того дѣла восемь мѣсяцевъ... и какъ комедіи минули, онъ, Степанъ, съ того времени жилъ у Гавскаго митрополита (Пансія Лигарда) по отпускѣ его съ Москвы, а потомъ—на Симоновскомъ подворьѣ“.

Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Чижинскій, по всей вѣроятности,

¹⁾ Deutsche Einflüsse, 21. Балетъ Бухнера напечатанъ въ *Weimar. Jahrb.* II, 13—39; по мнѣнію *Коберштейна*, *Grundriss*, II*, 271, онъ представляетъ передѣлку „Эвридики“ Ринуччини.

²⁾ *Чтенія* 1882, III: Новыя Размыканія о первомъ періодѣ русск. театра, стр. 4. Г. Барсовъ, печатаая этотъ документъ, говоритъ, что онъ находится въ „одной дошедшей до насъ рукописи 1677 года“; но гдѣ эта рукопись, какъ она называется и почему относится къ 1677 году—объ этомъ издатель не сообщаетъ, да и самый документъ приводитъ лишь въ отрывкѣ.

былъ рекомендованъ Матвѣеву княземъ Голицынымъ и вызванъ въ Москву для того, чтобы замѣнить Грегори, скончавшагося въ началѣ іюня 1675 года. У комидійнаго дѣла, завѣдуя театромъ и театральною школою, онъ пробылъ восемь мѣсяцевъ, то-есть, съ іюня 1675 по январь 1676 года включительно, до кончины царя Алексѣя Михайловича, съ которою „комедіи минули“. Школа, въ которой въ первое время было 60 учениковъ, теперь расширилась; учениковъ стало больше, и сумма, отпускаемая на ихъ содержаніе, увеличилась: при Грегори, какъ мы знаемъ, отпускалось по 4 деньги на человѣка въ день,—теперь стали давать „поденнаго корму“ по цѣлому алтыну: очевидно, о театрѣ заботились не менѣе, если не болѣе прежняго, и желали поддержать и упрочить въ Москвѣ это новое учрежденіе. Комедія Чижинскаго о Давидѣ съ Голиаѳомъ въ рукописяхъ неизвѣстна; въ собраніи Е. В. Барсова имѣется только отрывокъ изъ его перевода какого-то латинскаго сочиненія о лунѣ. Заглавіе пьесы показываетъ, что преемникъ Грегори въ выборѣ сюжетовъ для своихъ комедій, подобно свосму предшественнику, держался Библіи; но, какъ человѣкъ, получившій латино-польское образованіе и какъ преподаватель кіево-братской школы, въ обработкѣ библейскихъ сюжетовъ онъ руководствовался, по всей вѣроятности, уже не свѣтскими традиціями Грегори и не ренертуаромъ „англійскихъ комедіантовъ“, а правилами школьной пѣтики. Если такъ, то слѣдуетъ признать, что подъ управленіемъ Чижинскаго нашъ театръ не сдѣлалъ дальнѣйшихъ шаговъ по пути самостоятельнаго развитія, а только повторялъ старыя школьныя зада; такимъ образомъ, послѣдній годъ царствованія Алексѣя Михайловича едва ли можно считать благоприятнымъ для нашей драматической литературы.

Вскорѣ послѣ кончины царя, по желанію и подъ покровительствомъ котораго было положено начало русскому театру, бояринъ Матвѣевъ подвергся спачала опалѣ, а потомъ ссылки въ Пустоверскъ; люди его частью были разсланы по деревнямъ, частью поступили къ повымъ помѣщикамъ; при дворѣ восторжествовала новая партія, и „комедіи минули“. 15-го декабря 1676 года послѣдовалъ царскій указъ: „надъ аптекарскимъ привазомъ палаты, которыя заняты были на комедію, очистить, и что въ тѣхъ палатахъ было, органы и прекспективы (sic) и всякіе комидійные припасы — все свезть на дворъ, что бывалъ Никиты Ивановича Ромацова“¹⁾. Театральная школа также

¹⁾ *Е. Е. Замысловскій*. Царствованіе Феодора Алексѣевича. С.-Пб., 1871, приложеніе, стр. IV.

должна была закрыться. Если справедлива догадка И. Е. Забѣлина, что Аманъ въ „Эсеири“ могъ напоминать зрителямъ о Богданѣ Хитрово, а Мардохей — о Матвѣевѣ, то весьма вѣроятно, что именно Хитрово побудилъ новаго царя уничтожить заведенный стараниями Матвѣева театр: въ числѣ лицъ, сказывавшихъ царской указъ о закрытіи театра и очищеніи дворцовыхъ палатъ отъ комидійныхъ припасовъ, мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ кн. Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, дворецкого и оружейникаго Богдана Матвѣевича Хитрово ¹⁾.

Такъ кончился первый періодъ исторіи нашего театра. Подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, комедія, только-что возникшая, упразднилась сама собою. Но, по справедливому замѣчанію И. Е. Забѣлина ²⁾, зрѣлища, въ теченіе четырехъ лѣтъ занимавшія государя в дворѣ, не могли пройти безслѣдно для народа, по крайней мѣрѣ, для московскаго общества, въ неизменныхъ его слояхъ, откуда, по большей части, выбирались актеры и статисты для царскихъ комедій. Зрѣлища прекратились, но осталась мысль, что они позволительны, что въ нихъ нѣтъ особеннаго грѣха, какъ учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и самъ великій государь, со всѣмъ своимъ государевымъ домоу, со всею боярскою палатой и даже со всякаго чина людьми свободно потѣшались комедіями, интермедіями и всякими подобными играми и своимъ присутствіемъ на этихъ играхъ какъ бы освящали ихъ право существовать въ ряду всѣхъ другихъ неотреченныхъ народныхъ увеселеній; оставалась, однимъ словомъ, мысль, что такіа зрѣлища можно продолжать.

Молодой царь Феодоръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Симеона Полоцкаго, зналъ польскій языкъ и читалъ польскія книги; известно, что его первая жена, изъ фамиліи Грушецкихъ, была полька. Конечно, онъ не былъ противникомъ нововведеній, но къ театральному дѣлу, по видимому, относился совершенно равнодушно, в этого было достаточно для того, чтобы театр, лишенный вниманія и поддержки, совершенно заглохъ. Къ тому же, бурныя обстоятельства конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ—внѣшнія войны и внутренніе междоусобія, борьбы съ „церковными мятежниками“, дворскіе происки, народныя и стрѣлецкія возмущенія,—не могли благоприятствовать развитію комидійной потѣхи, даже еслибы возбужденный ею интересъ и не осла-

¹⁾ Замѣчаніа г. В. Карлова, въ ст. „Русскій театръ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ“, въ журн. *Искусство*, 1883, № 25, стр. 286.

²⁾ Вътъ русск. царицъ, 481—482.

бывала въ царской семьѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что охота къ театральнымъ зрѣлищамъ существовала и въ это время; но для какого-нибудь самостоятельнаго почина въ этомъ направленіи не настала еще пора. Можетъ быть, комедіи Симеона Полоцкаго разыгрывались учениками Свасской школы; но учрежденная по мысли Симеона, и уже послѣ его смерти, Академія на первыхъ же порахъ попала въ руки греческихъ учителей, принципиально враждебныхъ всему, что такъ или иначе напоминало западную школу, а слѣдовательно, не допускавшихъ и мысли о какихъ-нибудь школьныхъ представленіяхъ. Словомъ, въ послѣдней четверти XVII столѣтія въ Москвѣ не было почвы для комидійнаго дѣйства: не на подмосткахъ потѣшной хоромины, а на всероссійской исторической сценѣ разыгрывалась въ эту пору великая, живая трагедія, обильная кровавыми событіями и глубоко захватывавшая насущные интересы общества и народа. Бурный потокъ этихъ событій своею мутною волною размывалъ старые устои русской жизни и пробивалъ для нея новое русло; когда это волненіе перекипѣло и затихло, когда новый порядокъ могъ считаться сравнительно уже упроченнымъ, — только тогда, но не раньше, могла явиться и мысль о возрожденіи забытаго за недосугомъ театра. Но это случилось уже въ началѣ XVIII столѣтія.

Такимъ образомъ, отсутствіе свѣдѣній о театральныхъ представленіяхъ въ послѣдней четверти XVII вѣка является вполне естественнымъ: ничего подобнаго въ Москвѣ въ то время не было. Правда, съ легкой руки Штелина, которому принадлежитъ первый по времени очеркъ исторіи нашего театра, въ нашей исторической литературѣ уже очень давно распространилось и утвердилось какъ фактъ мнѣніе, что „въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софьи Алексѣевны представлялись не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и собственныя ея сочиненія и переводы; что она сама въ представленіи участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами“. „Мнѣ извѣстно по семейнымъ преданіямъ“, писалъ князь А. А. Шаховской¹⁾, — „что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софій Алексѣевны, представляла лицо Екатерины мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моею бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну „Екатериной мученицей, большіе

¹⁾ Репертуаръ 1840 г., кн. I.

глаза". Къ этому авторъ прибавляетъ, что представленія въ теремахъ завелись въ 1690 году, и что, по мнѣнію И. А. Дмитревскаго, „Докторъ принужденный“ Мольера, если и не переведенъ самою царицею Софьею, то вѣрно игралъ въ ея теремахъ¹⁾). Но еще И. Е. Забѣлинъ²⁾ совершенно справедливо указалъ, что „знающему читателю очень замѣтны разказанныя здѣсь несообразности“. Князь Шаховской, а раньше его и другіе наши писатели, говоря о старомъ русскомъ театрѣ, слишкомъ довѣрились краткому указанію Штелина, который въ своемъ „Извѣстіи о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“³⁾ сообщилъ, между прочимъ, что „царевна Софія съ благородными дѣвцами и мужчинами играла также въ комедіяхъ“. Эта замѣтка была повторена А. Ф. Малиновскимъ въ его „Запискахъ, принадлежащихъ къ исторіи російскаго театра“⁴⁾, съ добавкою, что „ея (Софьи) творенія есть одна трагедія“. Карамзинъ въ „Паптеонѣ російскихъ авторовъ“ (1801 г.) придалъ этому извѣстію еще болѣе категорическую форму и надолго закрѣпилъ его своимъ авторитетомъ. „Софія“, говоритъ онъ, — „занималась и литературою: писала трагедіи (стало быть; уже не одну?) и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея драмъ, и думаемъ, что царевна могла бы сравняться съ лучшими писательницами всѣхъ временъ, еслибы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“. Какъ называлась пьеса, заслужившая эту весьма двусмысленную похвалу, Карамзинъ не отмѣтилъ; надо думать, что повѣривъ на слово Штелину (писателю, какъ извѣстно, далеко не

¹⁾ Вытъ русск. царицъ, 493.

²⁾ Веселовскій, Стар. театръ, 360.

³⁾ Zur Geschichte des Theaters in Russland въ *Haigold's* (A. L. Schlözer) *Beilagen zu „Neuverändertes Russland“*, 1769, I, 387—431. Переведено въ *С.-Иб. Вѣстникъ* 1779, IV, 83, 163, 243.

⁴⁾ Напечатана въ видѣ предисловія ко II-й части изданнаго Малиновскимъ „Собранія нѣкоторыхъ театральныхъ сочиненій, съ успѣхомъ представленныхъ на Московскомъ публичномъ театрѣ“, М. 1790 (черновая рукопись этого сборника находится въ Импер. Публ. Библиотекѣ, Q. XIV, 17), и 32 года спустя перепечатано, съ незначительными измѣненіями, въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1822, IV, 179, подъ заглавіемъ: „Историческое извѣстіе о російскомъ театрѣ“. Малиновскій почти дословно списывалъ у Штелина; у Малиновскаго же списалъ (сокращенно) Заюскинъ свою статью, напечатанную въ *Чтеніяхъ о общ. люб. росск. слов.* 1822, II, 135—148. Митрополитъ *Евгеній* въ *Словарѣ русскихъ святскихъ писателей* (статья о Волковѣ) повторилъ всѣ ошибки вѣтъ своихъ предшественниковъ.

во всемъ достовѣрному), онъ принялъ за сочиненіе Софьи какую-нибудь комедію начала XVIII столѣтія, случайно ему попавшуюся. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ то время, когда составлялись біографіи, помѣщенныя въ „Пантеонѣ“, Карамзинъ едва начиналъ свои занятія по русской исторіи и далеко не имѣлъ той критической опытности, какую приобрѣлъ впоследствии, работая надъ историческими источникамп.

Слова Карамзина объ авторствѣ царевны Софьи были повторены въ небольшой статейкѣ Драматическаго Вѣстника 1808 года ¹⁾ и затѣмъ много разъ, съ измѣненіями и произвольными добавками, повторялись въ нашей литературѣ вплоть до князя Шаховскаго. Къ этому присоединилось еще новое недоразумѣніе: замѣткѣ Щетлина о томъ, что царевна Софья играла въ комедіяхъ, непосредственно предшествуетъ указаніе, что „во время малолѣтства Петра Великаго часто въ Заиконоспаскомъ монастырѣ играны бывали комедіи духовныя, а иногда и свѣтскія, съ французскаго на словенскій языкъ переведенныя, яко-то „Врачъ противъ воли“ и другія“. Это извѣстіе точно также безъ всякой критики повторялось позднѣйшими писателями и наконецъ, въ связи съ первымъ, обратилось въ догадку, что мольеровскій *Médecin malgré lui* есть именно одна изъ тѣхъ комедій, которыя разыгрывались въ теремахъ царевны Софьи „благородными дѣвцами и мужчинами“. Догадка, по обычаю историковъ нашего стариннаго театра, не замедлила обратиться въ фактъ: О. А. Копи, въ своей статьѣ: „Русскій театръ, его судьбы и его исторіи“ ²⁾, среди множества другихъ недѣльностей, впервые опубликовалъ афишу перваго представленія мольеровской пьесы, 17-го сентября 1678 года (!), съ именами участвовавшихъ въ этомъ представленіи „благородныхъ дѣвицъ и мужчинъ“. Эта „историческая“

¹⁾ Часть I, стр. 50: „Царевна Софія Алексѣевна сочиняла сама трагедіи и представляла ихъ въ теремахъ съ своими придворными“. Къ этимъ словамъ въ экземплярѣ, находящемся въ библиотекѣ Академіи Наукъ, рукою *А. Н. Оленина* приписано: „Я видѣлъ у покойнаго графа А. И. Мусина-Пушкина печатную церковными литерами афишу подобнаго зрѣлища. Уповательно она сгорѣла въ Москвѣ при вшествіи Наполеона!“. Сколько извѣстно, театральнаго афишъ въ XVII и первой четверти XVIII столѣтія не существовало, но печатались программы пикольныхъ дѣйствъ и тезисы богословскихъ диспутовъ славяно-греко-латинской академіи (экземпляръ такихъ тезисовъ имѣется въ Импер. Публ. Библиотекѣ). Быть можетъ, А. Н. Оленинъ видѣлъ именно что-нибудь въ этомъ родѣ.

²⁾ *Русск. сцена* 1864 г., № 2, 3, 6 и 8.

точность ввела въ заблужденіе даже такого добросовѣстнаго и осторожнаго изслѣдователя, какъ Алексѣй Ник. Веселовскій, который, сомнѣваясь въ подлинности документа, все-таки замѣтилъ, что „сочиненіе“ цѣлой афиши съ именами и лицами того времени было бы почти немислимо ¹⁾. Какъ теперь оказывается, эта афиша была переписана Кони, съ разными прикрасами, изъ „Хроники“ Носова ²⁾. Уже одно это обстоятельство уничтожаетъ всякую подлинность документа; наивное сочинительство составителя „Хроники“ ставится еще очевиднѣе, если присмотрѣться ближе къ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ раздаетъ роли въ мольеровской комедіи. Роль Сганареля, напримѣръ, играетъ 76-лѣтній старецъ, знаменитый бояринъ князь Юрій Алексѣевичъ Долгорукій, намѣстникъ Новгородскій, Тверской и Суздальскій, начальникъ приказовъ стрѣлцаго, пушкарскаго, сыскныхъ дѣлъ, Смоленскаго и хлѣбнаго, отличившійся въ походѣ противъ Стеньки Разина и въ войнѣ съ Польшей и погибшій во время стрѣлцаго бунта, 15-го мая 1682 года ³⁾; Валера — тоже почтенный старикъ, окольничій князь Дмитрій Нефедовичъ Щербатовъ; Луки — извѣстный стрѣлцкій полковникъ Сем. Фед. Грибоѣдовъ; Перрена — бояринъ кн. Гр. Аѳ. Козловскій, прославившійся своимъ упорствомъ въ дѣлахъ иѣстничества, — все люди уже очень пожилые и притомъ люди совершенно стараго закала, которымъ, разумѣется, даже и во снѣ не могло присниться шутовское лицедѣйство, да еще въ такомъ фарсѣ, какъ „Врачъ противъ воли“! Самой царевнѣ авторъ афиши не назначилъ никакой роли, но, конечно, не могъ обойти самаго близкаго къ ней лица, князя В. В. Голицына: ему поручена роль Робера, сосѣда Сганареля. Князь Василій, дѣйствительно, былъ однимъ изъ немногихъ въ то время любителей театра, и мы имѣемъ извѣстіе, что въ его богатой библіотекѣ находились, между прочимъ, „четыре письменныя книги о строеніи комедій“ ⁴⁾. Но все-таки, и его участіе въ спектаклѣ, по понятіямъ даже самыхъ передовыхъ русскихъ людей XVII вѣка, было бы рѣшительно невозможностию.

Такимъ образомъ, три строки легковѣрнаго Штелина, переходя изъ рукъ въ руки не менѣе легковѣрныхъ историковъ, разрослись въ

¹⁾ Стар. театръ, 360.

²⁾ Хроника русск. театра, стр. 23.

³⁾ Русск. родосл. книга, изд. ив. П. Долгоруковымъ, I, 88, 105.

⁴⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XIV, 99.

цѣлое фантастическое сказаніе, съ которыми теперь приходится серьезно считаться. А между тѣмъ, недоразумѣніе объясняется просто оболочкою, и въ сущности, въ томъ, что касается любви царевны къ комедійному дѣлу вообще, показаніе Штелина совершенно справедливо, только съ двумя оговорками: во-первыхъ, оно относится къ позднѣйшему времени, къ началу XVIII столѣтія, и во-вторыхъ, въ этомъ извѣстіи вмѣсто „царевна Софья“ слѣдуетъ читать: „царевна Наталья Алексѣевна“; объ этой сестрѣ Петра Великаго во времена Штелина успѣли уже забыть, и помнили только одну Софью, которая оставила по себѣ историческую память, и которой поэтому, и присвоивали все, чѣмъ замѣчательна была какая-либо царевна. Наталья Алексѣевна († 1716) дѣйствительно была большая любительница театра и, можетъ быть, сама сочиняла разска дѣйства; по крайней мѣрѣ, Бассевичъ прямо свидѣтельствуетъ объ этомъ въ своемъ дневникѣ: „Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра императора, говорятъ, сочиняла, незадолго до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и съ подробностями, не лишеными красоты; но недостатокъ въ актерахъ помѣшалъ поставить ихъ на сцену“¹⁾. Другой иностранецъ, мекленбургскій посланникъ Веберъ, сообщаетъ, что Наталья Алексѣевна заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть волею былъ всякій²⁾. На этихъ представленіяхъ бывалъ и царь, въ Походномъ журналѣ котораго занисано, что 26-го февраля 1715 года, по прибытіи въ Петербургъ въ третьемъ часу по полудни, въ 6 часовъ онъ изволилъ пойти къ царевнѣ Натальѣ въ комедію. Для театра, по разказу Вебера, былъ выбранъ огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. „Десять актеровъ и актрисъ были природные русскіе, не выдавшіе ничего, кромѣ Россіи. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ Библии или изъ обыкновенныхъ всеневныхъ приключеній“. Въ спискѣ комедіантскихъ книгъ, по которымъ дѣйствовали въ этомъ театрѣ, упоминается и „шутовская“ комедія „О докторѣ битомъ“³⁾, или, по другому заглавію, — „Докторъ принужденный“: это, безъ сомнѣнія, мольтеровскій *Médecin malgré lui*. Что касается до личнаго участія

¹⁾ Пекарскій, I, 431.

²⁾ Тамъ же, 441—442.

³⁾ Пекарскій, I, 429, перво называлъ ее комедію о докторѣ *Битоме*.

царевны въ театральныхъ представленіяхъ, то эту часть показанія Штелина слѣдуетъ отвергнуть: не смотря на всю свободу нравовъ во времена Петра Великаго, все-таки, не имѣя вполнѣ точныхъ и несомнѣнныхъ документальныхъ свидѣтельствъ, не возможно допустить, чтобы царевна рѣшилась сама выйти на сцену. Еслибы это въ самомъ дѣлѣ случилось, то непременно обратило бы на себя особенное вниманіе современниковъ и было бы ими отмѣчено; между тѣмъ, въ ихъ разказахъ нигдѣ не говорится объ этомъ ни слова.

И. Мерзевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДРЕВНЕ-РУССКІЯ ПОВѢСТИ И СКАЗАНІЯ О СМУТНОМЪ ВРЕМЕНИ XVII ВѢКА, КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

V.

Произведенія, разсмотрѣнныя въ предыдущихъ главахъ нашего труда, представляютъ собою наиболѣе цѣнный историческій и литературный матеріалъ сравнительно съ прочими сказаніями о смутѣ, завѣщанными намъ XVII вѣкомъ. По времени составленія всѣ они болѣе или менѣе близки къ смутной эпохѣ. Одни изъ нихъ тѣмъ и драгоцѣнны, что были составлены въ самую смуту; другія отличаются или богатствомъ содержанія, или оригинальными взглядами на эпоху, значеніе которыхъ заключается въ томъ, что они были высказаны современниками смуты; третьи, наконецъ, возбуждаютъ интересъ личностью автора. Въ массѣ другихъ сказаній о смутѣ, извѣстныхъ намъ, мы уже не найдемъ такихъ цѣнныхъ памятниковъ, которые могли бы по своему значенію стать рядомъ съ разобранными нами выше. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы встрѣтимся или съ произведениями довольно ранними, но имѣющими лишь второстепенный интересъ, или же съ памятниками позднѣйшими, не восходящими ранѣе половины XVII вѣка. Одни изъ нихъ, сохраняя литературную самостоятельность, изображаютъ или отдѣльный фактъ, или отдѣльное лицо смутной эпохи; если же рассказываютъ о смутѣ вообще, то вводятъ въ повѣствованіе легендарный элементъ. Другіе же пользуются текстами болѣе ранними и механически соединяютъ отрывки разнохарактерныхъ произведеній въ компилятивные рассказы. Иногда, впрочемъ, повѣствованіе какого-нибудь ранняго писателя подвер-

¹⁾ Окончаніе. См. мартовскую книжку *Ж. Мин. Нар. Пр.* за текущій годъ.

гается литературной переработкѣ и дополняется вставками позднѣйшаго книжника.

Длинный рядъ этихъ второстепенныхъ и позднѣйшихъ произведений мы пройдемъ краткими характеристиками. Обиліе текстовъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, и отсутствіе точныхъ указаній на время появленія многихъ изъ нихъ, заставляютъ насъ замѣнить хронологическій порядокъ въ размѣщеніи памятниковъ нѣкоторой ихъ систематизаціей. Прежде всего мы разсмотримъ памятники литературно-самостоятельные; не рискуя впасть въ большую неточность, можно сказать, что всѣ они имѣютъ характеръ біографическій, посвящены изображенію жизни и дѣятельности отдѣльныхъ лицъ смутнаго времени. Затѣмъ обратимся къ обзору компилятивныхъ произведеній, основанныхъ на извѣстныхъ уже намъ трудахъ о смутѣ. И наконецъ, представимъ краткія замѣчанія о мѣстныхъ сказаніяхъ, касающихся смуты.

I. Перечень памятниковъ біографическаго характера мы начнемъ такимъ произведеніемъ, которое по своему заглавію посвящено не лицу, а факту. Это пространное Сказаніе о поставленіи на патріаршество Филарета Никитича ¹⁾. Состоитъ оно изъ двухъ неравныхъ по объему частей: въ первой, меньшей, рассказывается о постепенномъ утвержденіи благочестія на Руси, о дѣятельности первыхъ русскихъ патріарховъ и о судьбѣ Филарета до возведенія его на патріаршество ²⁾. Во второй, болѣе части описывается возведеніе Филарета въ патріархи и приводится цѣликомъ „грамота благословенная“ освященнаго собора объ избраніи Филарета и чинъ нареченія и поставленія его на патріаршескій престолъ ³⁾. Все произведеніе носитъ характеръ официального панегирика патріарху Филарету, и первая часть его, въ которой изложена исторія патріаршества въ Россіи, служитъ только введеніемъ въ этотъ панегирикъ. Вотъ почему мы причислили разбираемый памятникъ къ разряду тѣхъ произведеній, которыми посвящены лицамъ смутнаго времени.

Къ исторіи смуты нѣкоторое отношеніе можетъ имѣть только вступительная часть Сказанія. Въ ней находимъ прежде всего во-

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист., II, № 76.—Повѣствованіе это напечатано по рил. Моск. Синодальной Библіотеки, писанной въ листъ, окоронисью конца XVII в., со многими украшеніями, на 117 лл. Не приводимъ полнаго заглавія памятника: оно очень обширно.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 185—200.

³⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 200—221.

сторженный отзывъ о царѣ Ѳеодорѣ, благосклонную характеристику патріарха Іова и полное осужденіе Бориса. Авторъ, давая характеристику Годунова, упоминаетъ только о двухъ его дѣяніяхъ: убійствѣ цар. Димитрія и гоненіи на Романовыхъ ¹⁾. Обходя время самозванца („аже о воцареніи того нѣмъ оставляю“,—говоритъ авторъ,—„повеже Лѣтописная книга пространно сія написа“), сказатель обращается къ В. Шуйскому, которому сочувствуетъ за то, что онъ „устроаетъ“ Филарета Ростовскимъ митрополитомъ ²⁾, и за то, что онъ будто бы самъ понялъ необходимость удалиться отъ царства во избѣжаніе кровопролитія ³⁾. Въ обзорѣ дальнѣйшихъ событій вниманіе автора вполне занято судьбою Филарета. Авторъ витіевато повѣствуетъ о его посольствѣ къ Сигизмунду и о девятилѣтнихъ страданіяхъ въ польскомъ плѣну. Краткія замѣчанія объ общемъ ходѣ смуты вводятся въ рассказъ для того только, чтобы лучше освѣтить патріотическую дѣятельность Филарета картиною общей шатости и разоренія Руси. При такомъ служебномъ значеніи общен историческихъ показаній понятнымъ становится отсутствіе всякой въ нихъ послѣдовательности. Авторъ упоминаетъ, на примѣръ, о страданіяхъ и смерти Гермогена раньше, чѣмъ о сожженіи Москвы; дѣятельность Жолдѣвскаго и Гонсѣвскаго въ Москвѣ онъ представляетъ одновременною. Рассказъ автора о смутѣ не даетъ ничего исторически цѣннаго, и для біографіи Филарета нѣтъ въ немъ ни одной такой подробности, которой бы не было въ Новомъ Лѣтописцѣ. Такимъ образомъ историческаго значенія разбираемое произведеніе не имѣетъ.

Происхожденіе Сказанія намъ не извѣстно. Общій характеръ его повѣствованія указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ официальнымъ, которое всего скорѣе могло быть написано при патріаршемъ дворѣ. Нѣкоторый намекъ на время его составленія за-

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 194—195.—Любопытно показаніе автора о томъ, что Борисъ къ Романовымъ „вперва любовно присоединялся и клятву страши тѣмъ сотвори, яко братію и царствію поможетеа имѣти“. Объ этомъ показаніи мы уже упоминали при разборѣ Повѣсти Катырева.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196.—Мы уже видѣли, что Филаретъ сталъ Ростовскимъ митрополитомъ при самозванцѣ, а не при Шуйскомъ (ср. Ивборникъ А. Н. Полова, стр. 194, и Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110).

³⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 196: Царь Василій „уразумъ себя повинн быти таковому... и сего ради оставляетъ царствіе и во иноческаа облачител, лутче судявъ стяжати лебесное богатство,... нежели имѣти прывременное царство“... Нѣтъ нужды опровергать такое представленіе о Шуйскомъ.

ключается въ смыслѣ автора на „Лѣтописную книгу“, содержащую въ себѣ „пространный“ разсказъ о воцареніи самозванца. Если подъ этою „книгою“ разумѣть Новый Лѣтописецъ (а это всего вѣроятнѣе), то нужно отнести составленіе Сказанія ко времени послѣ 1630 года. Есть даже поводъ думать, что Сказаніе было написано послѣ смерти царя Михаила: о царѣ Михаилѣ въ Сказаніи нигдѣ не говорится, какъ о человѣкѣ еще живущемъ; напротивъ, въ его характеристикѣ находятся такіа выраженія: „бѣ же Михаилъ добръ, образомъ красенъ и очима свѣтель... и правомъ зѣло преудобенъ, милостивъ же и кротокъ и тихъ“¹⁾. Такая форма отношенія къ личности государя могла явиться скорѣе по смерти его, чѣмъ при его жизни.

Рядомъ съ произведеніемъ о Филаретѣ можно поставить произведеніе о М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ, извѣстное подъ названіемъ: О роженіи князя Михаила Васильевича²⁾. Оно уже подверглось пѣкоторой оцѣнкѣ со стороны изслѣдователей. А. Н. Поповъ считаетъ его „въ высшей степени интереснымъ“ памятникомъ: по словамъ Попова, „не смотря на бѣдность сообщаемыхъ въ немъ фактовъ, оно интересно по своей литературной формѣ, по совмѣщенію книжныхъ приемовъ съ народною думою о смерти Скопина-Шуйскаго“. В. С. Иконниковъ также указывалъ на двойственность литературныхъ приемовъ въ этомъ произведеніи, а Л. Н. Майковъ изслѣдовалъ ту часть произведенія, которую онъ призналъ отрывкомъ изъ народной былины,—именно разсказъ объ отравленіи князя Михаила³⁾. Но ни одинъ изслѣдователь не опредѣлялъ точно времени и обстоятельствъ происхожденія всего памятника; и самый текстъ его не заключаетъ къ себѣ ни хронологической даты, ни указаній на автора.

Изученіе памятника позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о его составѣ. Первые страницы произведенія, новѣстующія весьма кратко о роженіи, дѣтствѣ и подвигахъ Скопина до Калязинской битвы съ тушинцами, представляютъ собою,

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. II, № 76, стр. 199.

²⁾ Издаю въ Изборникѣ А. Н. Попова, стр. 379—388 (Отрывокъ въ „Памятникахъ старинной русск. литературы“ подъ редакціей Н. И. Костомарова, II, стр. 410—411).

³⁾ А. Н. Попова Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 257.—В. С. Иконникова „Кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій“ въ *Чтеніяхъ въ Ист. Обществомъ Нестора Лѣтописца*, I, стр. 159—160.—Л. Н. Майкова „О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ и былинъ“ въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.

на сколько мы можемъ судить, самостоятельный рассказъ благочестиваго книжника, обильный ссылками на Св. Писаніе ¹⁾). Пространное описаніе Калызинской битвы, слѣдующее за нимъ, дословно взято изъ Сказанія Авраамія Палицына ²⁾). Рассказъ объ отравленіи и смерти Скопина сохранилъ намъ, какъ это указано Л. Н. Майковымъ, отрывокъ старинной быliny съ соблюденіемъ даже ея стихотворнаго склада ³⁾. Повѣствованіе о погребеніи Скопина, составляющее центръ всего Сказанія, носитъ на себѣ черты книжнаго эпического творчества ⁴⁾ и было, вѣроятно, написано современникомъ событія, какъ можно догадываться по нѣкоторымъ частностямъ: авторъ знаетъ имена дѣйствующихъ лицъ и сообщаетъ много мелочныхъ подробностей событія ⁵⁾.

¹⁾ Изборникъ, стр. 379—381.—Эта часть повѣствованія очень бѣдна содержаніемъ, и В. С. Изюниковъ въ своей монографіи о Скопинѣ могъ взять изъ нея весьма немногія данныя.

²⁾ Сравни. Изборникъ, стр. 382, и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 190—193 (до словъ: „подъ Колязинъ монастырь со многою корыстію“). Авторъ Сказанія о Скопинѣ не сумѣлъ даже сдѣлать толковаго перехода отъ словъ Палицына къ дальнѣйшему повѣствованію. Обращаясь прямо къ исторіи отравленія Скопина и пропуская всѣ подробности его пріѣзда въ Москву, авторъ помѣщаетъ только слѣдующую, лишнюю яснаго смысла, фразу: „Егда той воинъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Шуйскій послушавъ царя и пріѣхавъ въ царствующій градъ Москву изъ слободы Александровы (рѣчь о слободѣ не говорится) и напрасно грѣхъ ради нашихъ и родинаемъ боярину ки. И. М. Воротынскому сынъ князевичъ Алексѣй, и не дошедъ дву мѣсяць по чetyредесятъ роженію бысть князь Михайло крестинимъ кумомъ“.... (Изборникъ, стр. 382—383).

³⁾ Изборникъ, стр. 883.—Памятникъ старинной русск. литературы, II, стр. 410—411.—*Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1880 г., ноябрь, стр. 209—211.—Сравни. Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя *Кириемъ Даниловымъ*, изд. 3-е, М. 1878, стр. 191—193.

⁴⁾ Изборникъ, стр. 383—387. Эпическій складъ произведенія ярче всего обнаруживается въ обычай автора впадать длинными рѣчи въ уста дѣйствующихъ лицъ. Въ условныхъ, повѣстическихъ формахъ представляетъ авторъ многія частности, напримѣръ, горе царя Шуйскаго, который „егда отъ погребанія возвратился и пришедъ въ полату свою, и на златъ столъ свой царскій ницъ падъ и плачяся, захлѣпился горко, смоча слезами столъ, слезы на полъ со стола каплюще“ (Изборникъ, стр. 387). Тѣ же формы повѣстическаго представленія находимъ и немногимъ ниже: „И тѣ же княгини, мати его (Скопина) и жена, пришедше въ домъ свой и падше на столъ свой ницъ, плакахуся горце и захлепающе, стонуще и слезами своими столъ уливалъ“ и т. д.

⁵⁾ Онъ знаетъ, какъ звали жену и мать Скопина (сравни. Изборникъ, стр. 383 и 387, и *Чтенія въ Ист. Общ. Нестора*, I, стр. 105—106 и 160); вполне удовлетворительно объясняетъ, почему тѣло Скопина не отвезли въ Суздаль (Изборникъ, стр. 385); сообщаетъ даже такія подробности о днѣ погребенія князя:

Наконецъ, краткая замѣтка о Клушинской битвѣ и взятіи Новгорода, заключающая собою Сказаніе, рѣзко отличается отъ прочихъ частей произведенія простотою языка и представляется намъ лѣтописною замѣткою, взятою въ Сказаніе со стороны ¹⁾.

Такимъ образомъ становится ясно, что разбираемый памятникъ не есть цѣльное произведеніе. Его смѣло можно назвать сборникомъ самыхъ разнообразныхъ отрывковъ, и если нѣкоторые его части могутъ считаться рассказами очевидца, то внесенный въ него отрывокъ Сказанія Палицына ясно свидѣтельствуетъ, что въ полномъ своемъ составѣ произведеніе возникло не ранѣе 1620 года. Историческими данными разбираемый памятникъ очень бѣденъ, какъ уже замѣтилъ А. Н. Поповъ; съ литературной же стороны мы назвали бы его компіляціей, еслибы могли доказать, что авторъ сборника не самъ составилъ его главную часть—повѣствованіе о погребеніи князя Скопина.

Къ біографіямъ причисляемъ мы и Исторію о первомъ Іовѣ, патріархѣ московскомъ, хотя авторъ и придалъ ей характеръ житія „иже во святыхъ отца нашего святѣйшаго Іова, патріарха Московскаго и всея Россіи чудотворца“ ²⁾. Литературная форма этого житія отстываетъ, по признанію В. О. Ключевского, „отъ стараго стиля житій“ ³⁾, а содержаніе памятника, лишенное агиографическаго колорита, почти все исчерпывается характеристикой Іова, какъ человѣка и дѣятеля. Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе очень короткимъ перечнемъ внѣшнихъ данныхъ для біографіи патріарха, сообщая, когда и какія церковныя должности проходилъ Іовъ ⁴⁾. За этимъ въ Исторіи слѣдуетъ очень любопытная оцѣнка добродѣтелей патріарха, и авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается

„второму часу наставшу и пакы стекается всезародное множество со всего Московскаго царства, понеже во вчерашній день не весть въ слухи видоша и невѣдомо, гдѣ погребенъ будетъ“ (Изборникъ, стр. 385—386).

¹⁾ Изборникъ, стр. 387—388.

²⁾ Лучшій изъ известныхъ намъ списковъ въ рукописи Саввина-Сторожевскаго монастыря № 5, въ 4 д., полууставомъ, 67 л., лл. 40—67 об. (Строевъ зналъ рукопись подъ старымъ № 196: Библиол. Словарь, стр. 333; митр. Маѳдрій—подъ № 84: Ист. Р. церкви, X, стр. 55. Копія съ этого списка руки Строева въ Румянц. Музей, по описанію Востокова № 39).—Другіе списки: 1) рип. Румянц. Музей, по описанію Востокова № 156, въ 4-ю д., полууставомъ, 7214 (1706) года, безъ конца, и 2) рип. В. М. Ундольскаго № 1110 (см. „Слав.-русскія рукописи Ундольскаго“, стр. 22; этого списка мы не видали).

³⁾ Древнерусскія житія святыхъ, стр. 465.

⁴⁾ Рип. Саввина мон., лл. 40—43 об.

на ней на томъ основаніи, что, по его словамъ: „видѣ бо о немъ (Іовѣ) нигдѣ не писано“. Іовъ владѣлъ рѣдкимъ знаніемъ Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ, служилъ всегда навзустъ и съ замѣчательнымъ чувствомъ; велъ воздержную жизнь и строго постился; отличался полнымъ смиреніемъ и кротостью; „во дни же убо его не обрѣтется чловѣкъ подобенъ ему ни образомъ, ни нравомъ, ни гласомъ, ни похожденіемъ, ни вопросомъ, ни отвѣтомъ“. Патріаршій санъ не измѣнилъ натуры Іова, и онъ остался тѣмъ же кроткимъ чловѣкомъ: „лѣнливыхъ никакоже никогда царю не оглашая и никого никогда же не оскорбляя, ни стужая никому, но всѣхъ милуя и превзашно питая“¹⁾. Смиреніемъ патріарха думаетъ авторъ объяснить и всѣ особенности его политической дѣятельности. Когда Борисъ Годуновъ воцарился „многимъ кознодѣйствомъ“, его темныя дѣла стали извѣстны народу и соблазнили его. Многіе люди упрекали Іова въ томъ, что онъ „молчитъ“ передъ Борисомъ; но Іовъ только плакалъ и не могъ стать „обличникомъ“ Бориса²⁾. Не сталъ онъ прямо противъ Годунова и тогда, когда

¹⁾ Ркп. Саввина мон., лл. 43 об.—47.

²⁾ Приводимъ цѣлкомъ это любопытное мѣсто Исторіи: „По смерти же царя Феодора Іованновича хотя или не хотя воцарился правитель Борисъ Феодоровичъ многимъ кознодѣйствомъ. Патріарху же Іову та вся новотворимая царемъ Борисомъ видѣ, а иная дѣла явна бываемая, вся уразумѣваемая представляхуся. Мнози бо людіе стужаху ему, глаголюще: что, отче святыи, новотворимое сіе видѣши, а молчиши? И совѣсть сердца его яко стрѣлами устрѣлено бываше и не могій что сотворити, еже сѣмена лукавствіа сѣеши видѣи, винограда Христова дѣлатель смѣи, изнеможе, токмо къ Господу Богу одному взирал, живу ту недобрую слезами обливаше. Быстръ (можетъ быть: бысть) убо и строптивъ сей царь Борисъ и не хотя видѣти обличивка себя: тѣмъ же непороченъ единъ путь ходити оставивъ и во два пути хождише“ (Ркп. Саввина мон., л. 47—47 об.). Очевидно, что здѣсь подъ словами „та вся новотворимая царемъ Борисомъ“ нельзя разумѣть культурныхъ новшествъ Бориса (о которыхъ авторъ выше не говорилъ ни слова), а слѣдуетъ понимать событіе политическое—увурпацію Борисомъ престола путемъ преступленій. Вотъ почему мы не можемъ согласиться съ тѣмъ толкованіемъ, какое далъ приведенному мѣсту памятникъ С. М. Соловьевъ въ заключительныхъ строгахъ первой главы VIII т. Исторіи Россіи (по изд. 1873 г. стр. 57.—Ср. *Макарія* Ист. Р. церкви, X, стр. 69). Мы лично думаемъ, что весь приведенный нами рассказъ составляетъ позднѣйшее проявляемое распространеніе словъ самого Іова въ его духовномъ завѣщаніи: „въ мнози скорби и въ печали вподохъ о преставленіи.... царя.... Феодора Іованновича.... и всяко вещь сопротивное нападе на мя оялобленіе, я клеветы, укоризны, рыданіяжъ и слезы, сія убо мене смиреннаго достигнуша“ (Собр. Гос. Гр. в Д. II, № 82, стр. 161).

развились доносы и погибало много невинныхъ людей: патриархъ только молился и просилъ народъ „дабы престаи отъ всякаго зла дѣла, паче же отъ доводовъ и отъ ябедничества; и бѣ ему непрестанныя слезы и плачъ непостижный“¹⁾. Мужественно ополчился Іовъ только противъ самозванца, котораго авторъ Исторіи называетъ еретикомъ и волхвомъ. Патриархъ „съ горкими слезами глаголаше народомъ“, что онъ зналъ Отрепьева давно, — „какъ въ Чудовѣ монастырѣ былъ и какъ въ келии у него жилъ“ этотъ еретикъ. Ничто однако не помогло Іову: клеветы самозванца свергли его съ престола, чернь разграбила его дворъ, и патриархъ едва „умолилъ, дабы разстрига его отпустилъ на обѣщаніе свое въ городъ Старицу во Успенской монастырь“²⁾. Въ Старицѣ Іовъ былъ встрѣченъ извѣстнымъ архимандритомъ Діонисіемъ, который, „невѣдый, что сотворити великому пастырю“, спрашивалъ Іова, „что укажетъ еже о себѣ творити“. Прежнее смиреніе не покинуло патриарха и въ ссылкѣ; въ молитвахъ окончилъ онъ свою жизнь въ Старицкомъ монастырѣ, окруженный заботами Діонисія³⁾.

Такъ кончаетъ авторъ главную часть своего труда — жизнеописаніе патриарха. Вслѣдъ за разговоромъ о погребеніи Іова начинается отрывочное повѣствованіе о чудесахъ его, между которыми особенно

¹⁾ Риз. Саввина мон., л. 49—49 об. — Предъ этимъ заявленіемъ авторъ въ обширной вставкѣ рассказываетъ объ убійствѣ цар. Димитрія, о московскомъ пожарѣ 1591 г. и о развитіи доносовъ при Борисѣ. Онъ самъ указываетъ источникъ своего разсказа: „о сихъ всѣхъ злыхъ бѣдахъ писано пространно во Исторіи въ монастырѣ Сергія чудотворца“ (сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 3—6, 8—9, и Риз. Саввина мон., лл. 48—49). Авторъ не строго держался своего источника: онъ, на примѣръ, обвиняетъ Бориса въ поджогѣ Москвы, чего не дѣлаетъ Палицынъ; но въ общемъ его разсказъ близокъ къ тексту Палицына.

²⁾ Разсказъ автора о походе самозванца не представляетъ ничего любопытнаго и повторять по большей части данныя Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 54—56). За то любопытны нѣкоторыя подробности сверженія Іова съ престола (Риз. Саввина мон., лл. 52—54 об.). Этими подробностями уже воспользовался митроп. Макарійъ въ своей Исторіи Р. церкви (т. X, стр. 92—93), и потому мы не приводимъ здѣсь выписокъ. Случай повѣствованія Исторіи Іова съ „прощальномъ грамотою“ Іова 1607 г. (Акт. Арх. Эксп. II, № 67, стр. 153—154), неволью приходимъ къ догадкѣ, что извѣстія о насиліяхъ надъ патриархомъ и о разграбленіи его двора взяты авторомъ Исторіи изъ патриаршей грамоты и литературно переработаны.

³⁾ Данныя разбираемаго памятника объ отношеніи Діонисія къ Іову приведены и оцѣнены митроп. Макаріемъ (Ист. Р. церкви, X, стр. 95—96).

достойны вниманія явленіе патріарха арх. Діонисію и исцѣленіе жителя Старицы Іоанна Іоанновича Тулунова. Іовъ явился Діонисію съ такою рѣчью: „поставили вы надъ гробомъ моимъ палатку не по моему приказу: мнѣ же палатка строить не тѣмъ переводомъ“¹⁾. Чудо исцѣленія, совершившееся надъ Тулуновымъ, произошло во время разоренія Старицы тушинцами въ 1609 году; нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ Иванъ Тулуновъ одно лицо съ извѣстнымъ монахомъ Германомъ Тулуновымъ, написавшимъ Миссию Четвъ и происходившимъ такъ же изъ Старицы²⁾. За чудесами въ Исторіи Іова слѣдуетъ разсказъ о перенесеніи тѣла патріарха въ Москву въ 1652 году и, наконецъ, Исторія заключается повѣствованіемъ о тѣхъ чудесахъ, какія произошли отъ гроба святителя при перенесеніи его мощей³⁾.

Таково содержаніе разбираемаго памятника. Время его появленія точно опредѣлить нельзя; но нѣтъ сомнѣнія, что всѣ части Исторіи составлены были не раньше 1652 г., когда состоялось перенесеніе мощей патріарха⁴⁾. Быть можетъ, именно это перенесеніе и послужило поводомъ къ составленію жизнеописанія Іова⁵⁾. Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ сочиненіемъ довольно позднимъ. Авторъ его иногда самъ обнаруживаетъ свои источники, ссылаясь на Сказаніе Палицына, упоминая Житіе преп. Діонисія. Это обстоятельство, свидѣтельствуя о начитанности автора, въ то же время говоритъ намъ, что въ его произведеніи мы не найдемъ непосредственныхъ впечатлѣній очевидца и современника смуты. При такихъ условіяхъ нельзя придавать большаго историческаго значенія показаніямъ Исторіи, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не встрѣчаются ни въ какихъ другихъ памятникахъ⁶⁾.

¹⁾ Ргп. Саввина мон., л. 57—57 об.

²⁾ Ргп. Саввина мон., лл. 57 об.—60 об.—*Ключескаю Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 297—298.—Можно думать, что исцѣленный Тулуновъ былъ живъ, когда составлялась Исторія Іова, и былъ близокъ къ автору ея: авторъ иногда зоветъ его дружески однимъ отчествомъ „Іоанновичъ“.

³⁾ Ргп. Саввина мон., л. 61 об.—67 об.

⁴⁾ Въ біографіи Іова авторъ дѣлаетъ ясное указаніе на Житіе пр. Діонисія въ такихъ словахъ: „о архимандритѣ Діонисіи видѣ писано“ (Ргп. Саввина мон., л. 56). Житіе архимандрита Діонисія составлено было, какъ увидимъ ниже въ 1648—1654 годахъ. Стало быть, и біографія Іова появилась не ранѣе.

⁵⁾ *Ключескаю Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 465.

⁶⁾ Всѣ сколько-нибудь цѣнные данныя памятника касаются личной жизни Іова и, какъ мы показали выше, уже явлечены митроп. *Макаріемъ*.

Едва ли мы впадемъ въ грубую ошибку, если предположимъ, что автора Исторіи слѣдуетъ искать среди братіи Троице-Сергіева монастыря. Онъ знаетъ объ архимандритѣ Діонисіи такія частности, какъ видѣніе ему патріарха Іова. Онъ знаетъ тѣ литературныя произведенія, которыя создавались въ Лаврѣ. Очень обстоятельно рассказываетъ онъ объ „Іоанновичѣ“ Тулуповѣ, а монахъ Тулуповъ по порученію Діонисія составлялъ свои Мисив-Четы для Троицкаго монастыря и жилъ въ ту же эпоху, когда писалась Исторія о патріархѣ Іовѣ. Какъ ни мелочны всѣ эти черты, онѣ однако производятъ на читателя извѣстное впечатлѣніе: нѣсколько разъ въ Исторіи мелькаютъ имена, связанныя съ жизнью Троицкаго монастыря, тогда какъ о другихъ видныхъ лицахъ современнаго автору общества нѣтъ такихъ отзвонковъ, которые способны бы были привлечь наше вниманіе.

Отъ произведеній, носящихъ характеръ біографій, переходимъ къ житіямъ. Между ними для насъ главное значеніе имѣютъ Житія царевича Дмитрія. Самое раннее изъ нихъ составлено было, какъ мы видѣли, въ 1607 году и представляло изъ себя дословный отрывокъ Повѣсти 1606 года, присоединенный къ обстоятельному повѣствованію о перенесеніи мощей царевича въ Москву ¹⁾. Второе житіе Дмитрія составилъ кп. С. И. Шаховской, при чемъ далъ ему характеръ поучительнаго трактата, а фактическую его сторону заимствовалъ изъ Повѣсти Катырева ²⁾. Къ половинѣ XVII вѣка появилась и третья редакція этого житія, въ литературномъ отношеніи мало зависящая отъ двухъ первыхъ. Она была внесена въ Минеи свящ. Іоанна Милютина (1646—1654 гг.) ³⁾ и олучила чрезвычайно широкое распространеніе въ спискахъ ⁴⁾. Въ отличіе отъ прочихъ

¹⁾ См. въ первой главѣ нашего труда „Житіе цар. Дмитрія, внесенное въ Минеи Г. Тулупова“.

²⁾ См. въ четвертой главѣ нашего труда разборъ Повѣстей кп. Шаховскаго.

³⁾ Рип. Моск. Синод. Библи. № 805 (по указателю арх. *Саввы*), XVII в., въ 4-ю д., скоронисью, 1489 лл., лл. 1026—1046. Нач.: „Сей благоутранный царевичъ... О Минехъ Милютина см. *Ключевскаго Древнерусскіи житія святыхъ*, стр. 297—298.

⁴⁾ Укажемъ списки, намъ извѣстные: 1) Имп. Публ. Библи. Погодинск. № 1558, въ листъ, XVII вѣка, 252 лл., лл. 206 об.—213 об.;—2) Имп. Публ. Библи. Погодинск. № 1612, въ 4 д., XVII в., 215 лл., лл. 189—204;—3) Имп. Публ. Библи. Q. XVII. 22 (изъ собр. гр. Толстова, отд. П, № 140), XVII и XVIII вв., въ 4-ку, 971 лл., лл. 100—115;—4) Имп. Публ. Библи. Q. I. 762, XVIII в., въ 4 д., 206 лл., лл. 36—52;—5) Библи. С.-Пб. Дух. Академіи Свѣтск. № 1459 (*Строевъ зналъ вгось списковъ подь № 431 изъ Кирилловскихъ*: Библиол. Словарь, стр. 328), XVII в.,

редакцій мы будемъ звать ее Милютинскою редакціей житія, хотя и не рѣшаемся приписать ея составленіе самому Милютину ¹⁾. Въ полномъ своемъ видѣ это Житіе состоитъ изъ трехъ статей: первая рассказываетъ объ убіеніи царевича, вторая—о явленіи его старцу Тихопу и о важнѣйшихъ событіяхъ въ Москвѣ до сверженія самозванца, третья же описываетъ перенесеніе мощей святаго.

Что касается до первой, главной части Житія, ²⁾ то она составлена, какъ можно догадываться, по двумъ источникамъ, хотя съ литературной стороны написана самостоятельно. Въ бѣльшей степени

въ 4-ку, 365 лл., лл. 114—135;—6) Библ. С.-Пб. Дух. Авед. Соѳійск. № 1493, XVII в., въ 4-ку, 629 лл., л. 535—558;—7) Моск. Публ. Музея № 260, XVII в., въ 8-ку, 96 лл., лл. 1—36;—8) Моск. Публ. Музея № 925, XVII в., въ 4-ку, 215 лл., лл. 115 об.—149;—9) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 303, конца XVII в., въ 4-ку, 20 лл.;—10) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 609, XVII в., въ 4-ку, 447 лл., лл. 168—169;—11) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 623, XVII в., въ 4-ку 87 лл., лл. 9—31 об.;—12) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 660, XVIII в., въ 4-ку, 227 лл., лл. 210—227;—13) Моск. Публ. Музея, Ундольск. № 1306, XVII в., въ 4-ку, 183 лл., лл. 106—117;—14) Моск. Публ. Музея, Вязов. № 1515, XVII—XVIII в., въ листъ, лл. 84—92.—Не всѣ изъ указанныхъ списковъ одинаково полны и исправны: лучшими намъ представляются тѣ, которые помѣщены въ нашемъ перечнѣ подъ цифрами 1, 5 и 6.—О другихъ спискахъ см. Барсукова Источники русск. агиографіи, ст. 154, § 3.—Любопытную попытку дополнить это Житіе данными Новаго Лѣтоисца (Ник. Лѣт. VIII, 19—20) находимъ въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4-ку, XVII—XVIII в., 71 лл., лл. 44—44 об. (изъ этой рукописи сѣянаны отрывки Милютинскаго житія царевича съ тою его редакціею, которая вошла въ Минеи Четьи св. Дмитрія Ростовскаго).

¹⁾ П. О. Ключевскій удостовѣряетъ, что І. Милютинъ „старался сокращать и даже иногда передѣлывать памятники“ (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 298). Можно было бы поэтому предположить, что самъ Милютинъ составилъ Житіе царевича: это Житіе, какъ увидимъ ниже, есть переработка многихъ источниковъ; оно является впервые въ сборникѣ житій Милютина и не попало еще въ Минеи Тулунова (написавшаго майскую Минею въ 1630 году). Но подобному предположенію мѣшаетъ то обстоятельство, что списокъ Житія въ подлинникѣ Минеи Милютина не такъ исправенъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, и ничѣмъ не напоминаетъ авторскаго экземпляра. Во всякомъ случаѣ въ Милютинскомъ житіи мы видимъ дѣло съ памятникомъ довольно позднимъ. Авторъ его косвенно даетъ понять, что писалъ уже послѣ патріаршества Филарета; онъ говоритъ, что за мощами царевича Дмитрія „послалъ бысть Филаретъ митрополитъ,.... нже послѣди.... и самъ патріархъ бысть во всей велицей Россіи“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.).

²⁾ Въ спискахъ она носитъ заглавіе: „Мѣсяца мая въ 15 день. Убіеніе благоговѣрнаго царевича князя Дмитрія Ивановича Углицкаго и вса Русіи новаго чюдотворца“.

авторъ зависѣлъ отъ того сказанія о смерти царевича, которое мы видѣли въ Новомъ Лѣтописцѣ, а въ меньшей степени—отъ Повѣсти 1606 года (или, вѣрнѣе, отъ основаннаго на ней Житія 1607 года). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь сравнить показанія Житія съ названными памятниками. Начинается оно именно тѣми извѣстіями, какія Житіе 1607 года заимствовало изъ Повѣсти 1606 года. Кратко сказавъ о смерти Грознаго, воцареніи Феодора и объ удаленіи Димитрія въ Угличъ по Житію 1607 года,—авторъ описываетъ затѣмъ властолюбіе Годунова уже по тому образцу, какой нашель въ Новомъ Лѣтописцѣ. Не заимствуя изъ Лѣтописца фразъ цѣликомъ, онъ считаетъ позволительнымъ брать оттуда отдѣльныя обороты рѣчи ¹⁾. За немногочисленными отступленіями и весь строй его изложенія соотвѣтствуетъ той послѣдовательности, какую находимъ въ Лѣтописцѣ. Стремленіе къ краткости заставляетъ автора опустить извѣстія Лѣтописца о томъ, какъ Борись тщетно искалъ убійцу, пока Клешнинъ не нашель ему Витяговскаго ²⁾. Авторъ прямо переходитъ къ описанію смерти царевича. Сообщенія своихъ источниковъ о попыткахъ отравить Димитрія, онъ передаетъ такъ, какъ будто бы эти попытки дѣлали Витяговскій и его сообщники, не рѣшавшіеся дѣйствовать открыто. При этомъ авторъ уже не видитъ прямого чуда въ томъ, что царевичъ уцѣлѣлъ отъ отравы; онъ замѣчаетъ только, что ради „рождшія и ближнихъ его (царевича) пріятелей и доброхотовъ облюденіи, паче же Божію ради храненія не возможно (убійцы) тѣмъ своимъ коварствомъ таковой смерти пре-

¹⁾ Замыселъ Годунова погребить царскій корень авторъ Житія приписываетъ наущенію дьявола, какъ и авторъ Нового Лѣтописца, и притомъ въ очень сходныхъ выраженіяхъ: „искони бо неавидѣй добра роду человѣческому древній змій сатана... вложи убо во умъ тому Борису... и влагааетъ ему въ сердце злую и нечеловѣческую мысль“... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 206 об.—207.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1027—1027 об.—Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 15).

²⁾ Этотъ пропускъ ведетъ автора къ извѣстной оплошности. Впоследствии, упоминая о поведеніи Клешнина на слѣдствіи въ Угличѣ, авторъ заявляетъ, что Клешнинъ „вкупѣ бо съ нимъ (Борисомъ) бысть и убійца“ (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 209.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1035). Для читателя Житія это замѣчаніе лишено смысла, такъ какъ въ Житіи раньше нѣтъ ни слова о соучастіи Клешнина въ преступленіи. Для насъ же эти слова есть ясный признакъ зависимости Житія отъ Нового Лѣтописца: злодѣйство Клешнина подробно описано въ одномъ только Новомъ Лѣтописцѣ. Отъ показаній этого послѣдняго авторъ Житія отстываетъ только въ томъ, что зоветъ Волохову не Марьюю, какъ Новый Лѣтописецъ, а Василисою, какъ Слѣдственное дѣло.

дати его¹. Открытое покушеніе на царевича авторъ Житія описываетъ очень кратко, ближе подходя къ Повѣсти 1606 года, чѣмъ къ Новому Лѣтописцу¹). Дальнѣйшія обстоятельства—погибель убійцы и пристрастное слѣдствіе Клешина и Шуйскаго—изложены въ Житіи очень близко къ Новому Лѣтописцу. Но въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія авторъ Житія дѣлаетъ легендарную вставку, которая ясно свидѣтельствуетъ о его историческомъ невѣжествѣ. Онъ говоритъ, что самъ царь Θεодоръ, находившійся по случаю праздника Пятидесятницы въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, пожелалъ ѣхать въ Угличъ на погребеніе брата. Узнавъ это, Борисъ будто бы велѣлъ зажечь Москву и убѣдилъ Θεодора, что его присутствіе въ столицѣ необходимо. Тогда царь Θεодоръ возвратился въ Москву, а въ Угличъ послалъ Шуйскаго, къ которому Борисъ присоединилъ Клешина „и много отъ священническаго чина“. Въ 1591 году праздникъ Пятидесятницы былъ 23-го мая, московскій пожаръ—22-го мая, а слѣдственная коммиссія пріѣхала въ Угличъ—19-го мая²). Сопоставленіе этихъ датъ убѣждаетъ въ несправедливости всего разсказа автора. Первое же отступленіе его отъ текста тѣхъ источниковъ на которыхъ онъ построилъ свое повѣствованіе, оказывается неудачнымъ и ведетъ къ заключенію, что авторъ мало зналъ обстоятельства смерти царевича.

Собственно Житіе царевича оканчивается извѣстіемъ о его погребеніи. Въ первой изъ добавочныхъ статей Житія—о явленіи царевича старцу Тихону³)—авторъ продолжаетъ держаться прежнихъ

¹) „Часть присѣвъше, повелѣша (убійцы) той прещдереченней Василию, да повелѣтъ кормилцѣ его, сирѣчь мамѣ, свести изъ дому изъ хоромъ его: вѣдуще бо окаянии, яко обычай ему есть ходить на играніе дѣтское. И сотвориша та окаянная такоже, якоже речеся... Они же зли кроволыцы готовы на пролітіе неповинныя той крови и наскочиша на нѣ, аки волцы немилостивіи, и сотвориша то прелютное дѣло средѣ двора его. Единъ отъ нихъ емъ его за выю и прерѣза ему гортыя. Мати же его благочестивая царица Марія во внутреннихъ околѣхъ храмыхъ сѣдючи, ничто же того свѣдуща, токмо внезапно услыша и узрѣ то сотовренное злое дѣло, борзостно стече долу“.... (Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск № 1558, л. 207—207 об.—Ркп. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1029—1029 об).—Далѣе разсказъ близокъ къ Новому Лѣтописцу.

²) *Горбачевскаго* Археограф. календарь, табл. 14.—Сказаніе Авр. Палицина, изд. 2-е, стр. 4.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60, стр. 103.

³) Полное заглавіе статьи таково: „О явленіи благовѣрнаго царевича князя Дмитрія Ивановича Углицкаго и Московскаго старцу Тихону и отщепеніи крови его“.

источниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ знакомство и съ Повѣстью 1607 года о перенесеніи мощей царевича въ Москву. Послѣ весьма близкаго къ Новому Лѣтописцу разсказа о томъ, какъ были наказаны Борисомъ угличане и всѣ Нагіе за расправу съ убійцами Дмитрія,—авторъ сообщаетъ о смерти цари Θεодора почти буквально словами Повѣсти 1607 года ¹⁾. Свидѣтельствуя затѣмъ, что при Борисѣ отъ царевича Дмитрія „начаша знаменія и чудеса бивати“, авторъ совершенно самостоятельно описываетъ одно изъ такихъ знаменій. Въ „первоенадесять лѣто по убіеніи своемъ“, т.е. въ 1601—1602 годахъ, царевичъ явился „нѣкоему отъ калугеръ тамо живущихъ во градѣ Угличѣ, ямянемъ Тихону“. Онъ предсказалъ Тихону появленіе и гибель многихъ самозванцевъ, что скоро и сбылось. Для того, чтобы выяснитъ справедливость предсказанія, авторъ Житія даетъ краткую исторію перваго самозванца. Въ ней онъ не выходитъ изъ круга фактовъ, извѣстныхъ изъ Повѣсти 1606 года и Новаго Лѣтописца; вступительныя же фразы заимствуетъ онъ опять изъ Повѣсти о перенесеніи мощей ²⁾.

Нѣкот орое вліаніе этой Повѣсти можно замѣтить и въ послѣдней довольно краткой статьѣ Житія—о перенесеніи мощей царевича ³⁾. Но здѣсь встрѣчаемъ и существенныя отступленія: по разсказу Повѣсти 1607 года, перенесеніе мощей происходило до поставленія Гермогена въ патріархи; авторъ же Милютинскаго житія дѣлаетъ Гер-

¹⁾ „Во осное жъ лѣто по убіеніи благовѣрнаго царевича князя Дмитрія Ивановича случися Божиими судбами, или же самъ вѣсть“ и т. д. (Рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 210.—Рип. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1037).—Сравни. начало Повѣсти 1607 года въ рип. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474.

²⁾ „Бысть же оице грѣхъ ради нашихъ и всикихъ неправдъ, же къ Богу. Свхъ ради насъ наказуя, да быхомъ творили заповѣди Его и отвратилися отъ всѣхъ злобъ своихъ, и понусти на насъ за наше беззаконіе лии новаго Іуліана“ (Рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 21 Обб.—Рип. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1039). Въ Повѣсти 1607 года соотвѣтствующее мѣсто читается такъ: „Многихъ ради грѣхъ нашихъ и неправдъ, еже ко Господу и ко своей братіи, сихъ ради Богу насъ наказующу, да быхомъ познали заповѣди Его и отвратилися бы отъ всѣхъ волъ своихъ, пустившу на насъ, грѣхъ ради нашихъ, за наше беззаконіе богомерзкаго безбожнаго досадителя“.... (Рип. С.-Петербургск. Дух. Академіи № 1357, л. 474 об.),

³⁾ Заглавіе этой добавочной статьи таково: „О примесеніи мощей благовѣрнаго царевича князя Дмитрія отъ града Углича въ царствующій градъ Москву“.—Близость этой статьи къ Повѣсти 1607 года особенно замѣтна въ подборѣ подробностей самого обрѣтенія мощей.

могена однимъ изъ главныхъ участниковъ этого церковнаго торжества. Здѣсь онъ впадаетъ въ ошибку, но нѣтъ основанія считать ошибкими нѣкоторыя иныя мелочи его изложевія, не находящіяся въ Повѣсти 1607 года и въ другихъ извѣстныхъ намъ текстахъ ¹⁾). Правда, оригинальныя сообщенія автора, какъ въ этой части Житія, такъ и въ предыдущихъ, слишкомъ мелки для того, чтобы придать его повѣствованію историческій интересъ; но они выдѣляютъ его Житіе изъ ряда многочисленныхъ компиляцій, также какъ и самостоятельныя литературныя приемы, свидѣтельствующіе о привычкѣ автора къ литературному труду ²⁾).

Большую оригинальностью отличается очень любопытная Повѣсть

¹⁾ Такъ, напримѣръ, заслуживаетъ вниманія извѣстіе, что мощи царевича остались нетлѣными, „только мала часть ввѣта отъ руку перста его“ (Ркн. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 212 об.—Ркн. Моск. Синод. Библ. № 805, л. 1045). Этого извѣстія мы не нашли въ другихъ извѣстныхъ намъ повѣствованіяхъ о перенесеніи мощей.

²⁾ Милютинское житіе оказывало вліяніе на послѣдующіе литературныя труды, касающіеся изображеніямъ въ немъ событій. Впервыя, въ значительномъ мѣрѣ повліяло оно на ту редакцію Житія царевича, которую читаемъ въ Минеяхъ св. Дмитрія Ростовскаго подъ 3 іюня (Нач.: „По преставленіи благовѣрнаго ц. и в. кн. Юлія Васильевича“... См. *Барсукова* Источники русской агіографіи, ст. 154—155, § 6). Кроме печатныхъ изданій, эта послѣдняя редакція часто встрѣчается въ копіяхъ XVIII вѣка; съ двухъ лицевыхъ списковъ она издана Обществомъ Любителей Древней Письменности (въ 1879 г. подъ № XXXVI: „Житіе св. Дмитрія царевича“). Самъ Дмитрій Ростовскій такъ объясняетъ происхожденіе составленнаго имъ Житія: „азъ... собравъ съ изкоего хронографа и съ Угличской книжици, написалъ исторію о святомъ Дмитріи царевичѣ“ (*Каширова* Памятники новой русск. исторіи, т. II, отд. II, стр. 1). Подъ „Угличской книжицей“ трудно разумѣть что-нибудь иное, кроме Милютинской редакціи житія: на столько близки къ этой редакціи многія частности повѣствованія св. Дмитрія Ростовскаго. Что же касается до хронографа, о которомъ упоминаетъ св. Дмитрій, то онъ, очевидно, былъ очень полонъ: въ немъ Дмитрій Ростовскій нашелъ и сказаніе Нового Лѣтописца о смерти царевича, и части Хронографа 2-й редакціи, и отдѣльное „Сказаніе о царствѣ государя и в. кн. Феодора Ивановича“ (о немъ будетъ рѣчь ниже). Сравненіе Житія, составленнаго Дмитріемъ Ростовскимъ, съ этими памятниками открываетъ не только евангелическую, но, если можно такъ сказать, и стилистическую зависимость отъ нихъ трудъ св. Дмитрія. — Восторжъ, Милютинское житіе было, очевидно, извѣстно, знаменитому Котошихину, который въ своей книгѣ (О Россіи и т. д., изд. 3-е, стр. 2—3) разсказалъ о злодѣяствахъ Годунова и погибели царевича Дмитрія азъ тѣ недостоверныя подробности, какія впервые появились въ редакціи Милютинской. Наконецъ, вліяніе этой Милютинской редакціи житія увидимъ и на нѣкоторыхъ иныхъ памятникахъ, о которыхъ еще будемъ говорить.

о убіеніи царевича Дмитрія, изданная съ единственнаго пока известнаго списка А. Θ. Бычковымъ ¹⁾. Содержаніе ея общезвѣстно, и намъ вѣтъ нужды пересказывать его. Издатель Повѣсти полагаетъ, что „она составлена современникомъ, бывшимъ близкимъ ко двору царевича или имѣвшимъ знакомство съ лицами, къ нему принадлежавшими“. Основаніемъ для такой догадки служитъ чрезвычайная подробность и видимое правдоподобіе показаній памятника: „въ цѣлой Повѣсти не встрѣчается ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ея достовѣрность“, замѣчаетъ г. Бычковъ.

Дѣйствительно, такое именно впечатлѣніе производить первое знакомство съ текстомъ Повѣсти. Изслѣдованіе ея затрудняется отсутствіемъ всякихъ указаній на автора, время и обстоятельства ея составленія. Изученіе единственнаго списка Повѣсти не приводитъ ни въ какому результату: списокъ этотъ составляетъ лишь малую часть пестраго по составу сборника, сплетеннаго П. М. Строевымъ изъ многихъ рукописей, и Строевъ не оставилъ ни одной замѣтки о томъ, откуда досталась ему Повѣсть. Можно только удивляться тому, что такой любопытный историческій памятникъ сохранился до насъ всего въ одномъ, и притомъ несомнѣнно позднемъ экземплярѣ. Это—признакъ, не свидѣтельствующій въ пользу древняго происхожденія Повѣсти. Чѣмъ объяснить, что разбираемая Повѣсть, если она была записью современника убіенія царевича, не распространилась въ XVII вѣкѣ и не была внесена ни въ одно изъ многочисленныхъ компилятивныхъ повѣствованій о смутѣ? Неужели люди XVII вѣка, вообще интересуясь смутой и охотно переписывая мало содержательныя житія царевича, не довѣряли наиболѣе обстоятельному разсказу о смерти Дмитрія?

Нѣкоторая загадочность происхожденія Повѣсти заставляеть съ большою осторожностью отнестись къ ея показаніямъ. Изъ этихъ показаній прежде всего обнаруживается, что и краткое вступленіе въ Повѣсть, и самая Повѣсть были написаны уже послѣ 1605 года: во вступленіи авторъ говоритъ о гибели Бориса Годунова: „не во вѣки надарствовавъ, яко прахъ во мгновеніи оаа исчезе“; въ концѣ же Повѣсти авторъ замѣчаетъ о Марѣѣ Нагой, что она послѣ смерти

¹⁾ *Чтенія Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1864 г., IV, Смѣсь, стр. 1—4. Списокъ находимъ въ Имп. Публ. Библіотекѣ Погодина. № 1563, лл. 87—89, въ 4-ю, XVIII в. (См. А. Θ. Бычкова. Описание ц.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библіотеки, I, стр. 95 и 103—104).

сына „въ заточеніи была 14 лѣтъ“. Оба эти замѣчанія могли явиться не раньше царствованія Шуйскаго (при самозванцѣ сами Нагиге официально не считали царевича мертвымъ, и врядъ ли кто нибудь могъ составить такую Повѣсть, какъ разбираемая нами). Такія данныя о времени написанія Повѣсти ведутъ къ тому любопытному соображенію, что изучаемый памятникъ былъ составленъ не раньше извѣстной намъ Повѣсти 1606 года. Косвенно подобное соображеніе подтверждается еще и содержащемъ этой послѣдней Повѣсти. Ея авторъ — официальный публицистъ, имѣвшій въ своихъ рукахъ много документовъ, — долженъ былъ придавать важное значеніе всякой подробности о смерти царевича ¹⁾. Если бы разбираемое произведеніе возникло раньше его труда и въ официальномъ кругу Нагихъ (къ которому относитъ его А. Ѳ. Вычковъ), то авторъ Повѣсти 1606 г. легко могъ бы его знать при своемъ хорошемъ знакомствѣ съ официальными документами. Но онъ не воспользовался показаніями изучаемой Повѣсти, конечно, потому, что не зналъ ихъ.

Такимъ образомъ итъгъ основанія считать разбираемую нами Повѣсть древнѣйшимъ литературнымъ изображеніемъ смерти царевича: Повѣсть 1606 года написана или одновременно съ нею, или раньше ея. Итъгъ основанія и для того, чтобы въ нашей Повѣсти видѣть произведеніе, вышедшее непременно изъ среды Нагихъ. Этого не позволяетъ текстъ Повѣсти: въ немъ не видимъ никакихъ прямыхъ слѣдовъ близости автора къ Нагимъ. Въ немъ, напротивъ, читаемъ, что царица Марія надъ тѣломъ царевича Димитрія „плачлася, убиваяся, говорила всему вароду, чтобы тѣ окаяннѣи злодѣи душегубцы царскому кореню живы не были“. Можно думать, что лицо близкое къ Нагимъ никогда не позволило бы себѣ изобразить въ такихъ чертахъ поведеніе Маріи Нагой и возложило бы вину угличскихъ убійствъ не на царицу, а на другихъ лицъ. Съ другой стороны, одна любопытная приписка къ компилятивному Житію царевича, какъ и самый составъ этого Житія, показываетъ намъ, что въ семьяхъ, родственныхъ Нагимъ, переписывали въ XVII—XVIII вв. не разбираемую Повѣсть, а Милютинское житіе Димитрія и сказаніе о его убіеніи Новаго Лѣтописца ²⁾. Наконецъ, мало основаній видѣть въ

¹⁾ Вспомнимъ, что главною целью автора Повѣсти 1606 года было — доказать самозванство убитаго Димитрія. Однимъ изъ действительнѣйшихъ средствъ для этого служили доказательства смерти настоящаго царевича (см. первую главу этого труда).

²⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I. 877, въ 4 л., 71 лл., лл. 44—45, — заклю-

авторѣ и угличанина-современника событія. Нельзя допустить, чтобы человекъ, знакомый съ топографіей Углича, стоящаго на правомъ берегу Волги, употребилъ такой оборотъ рѣчи, говоря о слѣдственной комиссіи по дѣлу царевича: „пріѣхавъ, досматривали тѣло государя царевича князя Дмитрія Ивановича, а осмотра, и отѣхали прочь за Волгу“.

Изложенныя замѣчанія представляются намъ достаточными для того, чтобы не признавать въ изучаемой Повѣсти памятника, современнаго событію и написаннаго компетентнымъ лицомъ. Откуда же явился въ Повѣсти рядъ мелкихъ подробностей о послѣднемъ днѣ царевича? Не возможно дать категорической отвѣтъ на этотъ вопросъ, за то возможно построить простую догадку. Еслибы въ Повѣсти не было упоминанія о старцахъ Кириллова монастыря, отъ которыхъ царевичъ „образы принял“, и еслибы не было подробностей объ обѣдѣ царевича, мы рѣшились бы утверждать, что Повѣсть основана на показаніяхъ, записанныхъ въ извѣстномъ слѣдственномъ дѣлѣ, и представляетъ собою попытку кратко изложить данныя дѣла о смерти царевича,—только не въ оправданіе, а въ обвиненіе Бориса ¹⁾. Присутствіе же въ Повѣсти такихъ извѣстій, какихъ нѣтъ въ официальномъ дѣлѣ, заставляеть подозрѣвать у автора и другіе источники,—быть можетъ, простое преданіе съ примѣсю благочестивой легенды. Отпечатокъ именно такой легенды

часть въ себя отрывки житія, составленнаго по Милютинской редакціи и Новому Летописцу. Въ концѣ приписка: „Списано сіе страданіе благовѣрнаго царевича... Дмитрія... въ... градѣ Москвѣ, князь Петра Эльмурапча Чернаского у жены его вдовы княгини Анны Васильевны, сродницы его, благовѣрнаго царевича Дмитрія, по матери его царицы Маріи Іоанновны (ошибочно вмѣсто Θεодоровны), во инокиняхъ иноки Маремъ. Помещъ мати благовѣрнаго царевича Дмитрія Маріи Іоанновны и княгини Анна Васильевна одного роду бляше, прозваніемъ Нагихъ“. Эта приписка сдѣлана не ранѣе 1692 года (см. Отчетъ Имп. Публ. Вибліотеки за 1862 г., стр. 45—47).

¹⁾ Возстановляя вышнюю обстановку смерти царевича, авторъ ни въ чемъ не противорѣчитъ даннымъ слѣдственнаго дѣла, только даетъ имъ то освѣщеніе, какое далъ на слѣдствіи Михайло Нагой (Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 60). Мы вовсе не находимъ въ Повѣсти такихъ показаній о смерти и слѣдствіи, которыхъ нельзя было бы вывести изъ слѣдственнаго дѣла. Авторъ дополняетъ свой разсказъ другаго рода показаніями,—такими, которыхъ по существу своему не должны быть заключать въ себя слѣдственный документъ: такъ онъ, напримеръ, сообщаетъ день погребенія царевича—22-го мая, день и годъ его рожденія—9-го октября 7091 (1582) года (слѣдуетъ читать 19-го октября: *Карамзина Ист. Гос. Росс., IX, прим. 741*) и т. п.

агиографическаго стиля носятъ на себѣ всѣ подробности о благо-
честіи и воздержаніи царевича, который „кушалъ... по единожды
днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по всядни
причащался хлѣбу Богородичицу“. Въ другихъ документахъ и повѣ-
стяхъ о царевичѣ не видимъ такихъ чисто житійныхъ чертъ; напро-
тивъ, и въ грамотѣ Василя Шуйскаго ¹⁾, и во всѣхъ сказаніяхъ о
перенесеніи мощей Дмитрія находимъ противорѣчащее по своему
духу показаніе о томъ, что мальчикъ въ послѣдніе часы „тѣшился“
орѣхами ²⁾.

Сознаемъ, что мы не идемъ далѣе шаткихъ догадокъ о составѣ
и происхожденіи Повѣсти, но думаемъ, что болѣе точныя заключенія
возможны станутъ лишь тогда, когда явятся новыя данныя по внѣш-
ней исторіи этого памятника, заключающаго собой рядъ произве-
деній о царевичѣ Дмитріи. Не входя въ разборъ ничтожныхъ по
значенію и весьма краткихъ литературныхъ варіацій, построенныхъ
на извѣстныхъ уже намъ редакціяхъ житій царевича ³⁾, переходимъ
къ другимъ житіямъ, касающимся смуты. Они пользуются нѣкоторою
извѣстностью въ нашей литературѣ.

¹⁾ Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 111.

²⁾ Память царевича окружалась легендами: противъ легендарныхъ чертъ въ разбрасной Повѣсти, мы видѣли легенду о явленіи царевича старцу Тихову въ Милютинскомъ житіи. Еще одно преданіе—о чудѣ, бывшемъ во время переносенія мощей царевича въ Москву,—включается въ ркн. Моск. Синод. Библиотеки № 858 (по указателю арх. Саввы), въ 4-ку, 1704 года, 230 лл., л. 212 об.—213 об. (изъ рукописей св. Дмитрія Ростовскаго, съ его пожитями). Чудо заключалось въ томъ, что могила, которую неkopала для тела царевича въ Архангельскомъ соборѣ, „сама о себѣ засыпашеся“, а гробы, не разъ изготовляемые для мощей, не могли прійтись въ пору. Въ этихъ явленіяхъ царь Василій и патріархъ Гермогенъ (легенда изображаетъ Гермогена уже патріархомъ во время перенесенія мощей) увидѣли чудесное замѣненіе и рѣшили поэтому не скрывать мощей царевича подъ землею. Текстъ легенды по уважанію списку и нѣкоторымъ соображеніямъ о ея происхожденіи приведены нами въ журналѣ *Библиографъ* за 1888 г. (№ 1, стр. 18—19). Испорченный пересказъ этой легенды можно найти въ *Ярославскихъ Епарх. Видомостяхъ* за 1867 г. (№ 15, стр. 117—118). Св. Дмитрій Ростовскій, собравшій въ своей редакціи *Житія царевича* полный сводъ его чудесъ, отвергъ эту легенду.

³⁾ Укажемъ извѣстныя намъ замѣтки о смерти царевича: 1) во многихъ спискахъ къ Милютинскому житію приписано его сокращеніе съ пожитію: „а се по Проложиному“ (Ркн. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1558, л. 218.—Ркн. С.-Петербургск. Дух. Акад. Совѣйск. № 1493, л. 556.—Ркн. С.-Петербургск. Дух. Акад. Совѣйск. № 1459, л. 133 об.); 2) Въ ркн. Имп. Публ. Библ. Погодинск.

Прежде всего остановимся на Житіи ростовскаго затворника Ириварха, написанномъ его ученикомъ Александромъ ¹⁾). Житіе дошло до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ, къ сожалѣнію, довольно позднихъ ²⁾). Оно было издано арх. Амфилохіемъ въ полномъ видѣ, но съ исправленіями слога ³⁾; нѣкоторые же его отрывки, касающіеся смутнаго времени, были напечатаны В. М. Ундольскимъ и заимствованы у него гр. М. В. Толстымъ ⁴⁾). Житіе Ириварха—памятникъ очень любопытный и по литературнымъ приемамъ, и по содержанію. Простотою своего разсказа оно приближается къ безыскусственному біографическому очерку и содержитъ въ себѣ много цѣнныхъ историческихъ чертъ. Мы не разъ замѣчали, что современники смуты, писавшіе о ней, были скупы на автобіографическія подробности и очень

№ 1616, XVШ в., л. 76, находится краткая запись о смерти царевича; 3) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Т. IV. 215 (изъ собранія гр. Толстова, отд. I, № 157), XVII в., л. 293, читается небольшой разсказъ житійнаго стиля; 4) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. О. IV. 17, XVII в., л. 283, записано очень краткое житіе въ родѣ Проложнаго; 5) Въ ркп. Библ. Троице-Сергіев. Лавры № 325 (858), л. 747, XVII в., находится краткая запись о убіеніи царевича и принесеніи мощей; 6) Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 48 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 401), XVII в., лл. 1—19, находимъ попытку измѣнить со стороны слога редакцію Житія, составленную Димитріемъ Ростовскимъ. Всѣ эти повѣствованія не представляютъ ни историческаго, ни литературнаго интереса.

¹⁾ „Мѣсяца генваря въ 13 день. Житіе и подвизи отца нашего воздержателя, столпа крѣпка, страдальца и наставника и учителя и затворника Борисоглѣбскаго монастыря на Устьѣ, старца праведна мужа Ириварха. Списано бысть тоя же обители ученикомъ его старцомъ Александромъ, иже бысть съ нимъ тридцать лѣтъ при животѣ его. Прочитати благослови, отче,“—такое заглавіе Житія въ одномъ изъ старѣйшихъ списковъ, принадлежащемъ Имп. Публ. Библиотека (Погодинск. № 724). Борисоглѣбскій на Устьѣ монастырь находится въ 15 верстахъ отъ Ростова.

²⁾ Мы пользовались двумя списками: 1) Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724 (изъ собранія Строева № 141, въ 4 д., XVII в., 63 л.; листовъ 49—52, къ сожалѣнію, не достаетъ) и 2) Погодинск. № 725 (изъ собранія Строева № 121, въ 4 д., XVIII в., 88 л.). Остальные извѣстные указаны у Барсукова Источники русск. агиографіи, ст. 224—225. Большинство списковъ—XVIII вѣка.

³⁾ „Жизнь преп. Ириварха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ рѣкъ“. М. 1863.—Содержаніе Житія пересказано и И. Е. Забѣлинымъ въ статьѣ: „Вѣзвѣстный герой смутнаго времени“ (Мининъ и Пожарскій). М. 1883, стр. 271—284.—Общая историческая оцѣнка памятника дана В. О. Ключевскимъ (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 323).

⁴⁾ Ундольскую „Библіографическія разсказанія“ (въ Москвитинѣхъ за 1846 г., кн. XI—XII, стр. 187—193).—Гр. Толстому Древній святити Ростова Великаго (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. за 1847 (третій) годъ, II, стр. 63—67).

рѣдко спускались до простой передачи своихъ личныхъ воспоминаній и впечатлѣній. Они писали не мемуары, а историческія или публицистическія произведенія. Авторъ Житія Иринарха составляетъ въ этомъ отношеніи пріятное исключеніе ¹⁾. Онъ былъ близокъ къ Иринарху и въ простыхъ выраженіяхъ передаетъ намъ все то, что удержала его память о любимомъ учителѣ. При этомъ онъ и самъ не скрывается отъ взглядовъ читателя: по написанному имъ Житію можно возстановить его личность и нѣкоторые факты его монастырской жизни.

Автора въ мірѣ звали Алексѣемъ. Онъ пришелъ въ Борисоглѣбскій монастырь около 1586 года, когда Иринархъ только что обрекъ себя на затворничество. Видя подвижничество Иринарха, онъ увлекся, „повзвидѣ житію его“ и просилъ затворника принять его къ себѣ. Иринархъ согласился, Алексѣй былъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Александра и „бысть у него (Иринарха) первый ученикъ“. Старецъ Александръ не разставался съ своимъ наставникомъ въ теченіе 30 лѣтъ, до самой кончины Иринарха въ 1616 году. Въ 1608 году вмѣстѣ съ учителемъ ѣздилъ онъ въ Москву къ царю Василию и былъ свидѣтелемъ бесѣды Шуйскаго съ затворникомъ, предсказавшимъ царю плѣненіе Московскаго государства отъ Литвы. Во время перваго прихода шаекъ Сапѣга подъ монастырь послѣ Калазинской битвы въ 1610 году, Иринархъ съ учениками Александромъ и Корнилиемъ остался въ монастырѣ въ своей кельѣ. Тамъ пришелъ ихъ какой-то польскій панъ и донесъ Сапѣгѣ: „азъ нашелъ въ монастырѣ у Бориса и Глѣба трехъ старцовъ скованныхъ“ (стало быть и ученики Иринарха подвизались, какъ онъ самъ, въ веригахъ). Сапѣга видѣлся съ Иринархомъ и его учениками, удивлялся подвижнику и, не тронувъ его, ушелъ въ Переяславль. Послѣ того, какъ Скопинъ-Шуйскій, получившій отъ Иринарха вмѣстѣ съ благословеніемъ его крестъ, вступилъ въ Москву,—Александръ былъ посланъ отъ учителя ко князю Михаилу и привезъ отъ него крестъ обратно. Въ томъ же 1610 г. ²⁾ онъ не только былъ свидѣтелемъ притѣсненій, какія перенесъ Иринархъ отъ новаго ягумна Симеона, но и самъ

¹⁾ Только известныя Симонъ Азарыинъ и Иванъ Насѣдка иногда могутъ сравниться съ нимъ въ простотѣ литературныхъ пріемовъ. Объ этихъ лицахъ будемъ еще говорить.

²⁾ Имп. Публ. Библіотеки Погодинск. ркп. № 724, л. 35 об.: „во 112 году“; ркп. № 725, л. 21: „во сто осмомъ на десять году“. См. *Строева* Списки Іерарховъ, ст. 341.

потерпѣлъ: онъ былъ разлученъ на время со своимъ наставникомъ. Послѣ взятія Москвы въ концѣ 1612 или началѣ 1613 года (когда „король литовской побѣжалъ во свою землю изъ Вязьмы“), Александръ снова ѣздилъ въ Москву отъ имени Иринарха, на этотъ разъ ко князю Дм. М. Пожарскому, по дѣламъ своего монастыря. Въ 1616 году Александръ погребалъ своего учителя и, вѣроятно, вскорѣ послѣ кончины Иринарха и по его завѣту составилъ Житіе своего любимаго наставника ¹⁾).

Свѣдѣнія объ авторѣ Житія позволяютъ намъ съ увѣренностью сказать, что онъ былъ очевидцемъ всѣхъ тѣхъ событій смутнаго времени, о которыхъ упоминалъ въ своемъ трудѣ. Всѣ подробности его разсказа, допускающія провѣрку, свидѣлствуютъ о правдивости его показаній ²⁾. Простота литературной формы придаетъ еще болѣ-

¹⁾ Автобіографическія показанія Александра приведены нами по рип. Имп. Публ. Вибл. Погодинск. № 724, л. 16 об.—17, 26—28, 31—32, 34 об.—35, 36—38, 44—44 об., 51 об.—Въ этомъ спискѣ не достаетъ тѣхъ листовъ, на которыхъ должно было помѣщаться свѣдѣніе, что самъ Иринархъ завѣщалъ написать свое житіе; въ рип. Имп. Публ. Вибл. Погодинск. № 725, л. 31, смыслъ этого завѣщанія совершенно неясенъ, а въ печатномъ изданіи арх. Амфилохія (Живнъ преп. Иринарха, стр. 26) о немъ вѣтъ ни слова. Мы въ данномъ случаѣ опираемся на слова В. О. Ключевскаго, видѣвшаго болѣе исправныя списки (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 382).

²⁾ Сопоставляя извѣстія Житія о событіяхъ смуты съ другими источниками, не находимъ въ Житіи никакихъ неточностей. Такъ походъ Скопина подъ Москву авторъ Житія излагаетъ подробно, чѣмъ какой-либо другой фактъ смуты, и его разсказъ совершенно согласенъ съ показаніями Арх. Палицына (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 196—199, 202—204) и Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт., VIII, 122—123, 129—130). Тотъ, кто знакомъ только съ отрывками, напечатанными Ундольскимъ, и съ текстомъ арх. Амфилохія, можетъ видѣть ошибку въ словахъ Житія о смерти Яна Сапѣги: „Сапѣга побѣжалъ въ Переславль, въ Калугу, и самого его убили“ (Вибліограе. развѣщанія, стр. 190.—Жизнь преп. Иринарха, стр. 19.—Сапѣга умеръ отъ болѣзни подъ Москвой въ 1611 году: Русск. Ист. Вибліотека, I, ст. 254).—Но необходимо замѣтить, что въ рип. Имп. Публ. Вибл. Погодинск. № 724, л. 34 об., это мѣсто читается такъ: „И Сапѣга побѣжалъ подъ Іосефовъ монастырь, а всѣ Тушина побѣжалъ прелестникъ (то-есть самозванецъ) въ Колугу, и тамо его убили“.—Также точенъ, хотя и кратокъ, разсказъ Житія о походѣ нижегородскаго ополченія къ Москвѣ. Наконецъ, и повѣствованіе о походѣ Лыкова на казаковъ, если сравнить его съ другими извѣстіями (Ник. Лѣт. VIII, 214—216.—Книги Разрядныя, I, 3 и дальс.—Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 22), не обнаруживаетъ крупныхъ неточностей: можно только замѣтить, что слова автора, будто государь далъ Лыкову „разъ семь городонъ“, не соотвѣтствуютъ показаніямъ разрядныхъ книгъ, насчитывающихъ болѣе десятка городскихъ отрядовъ у Лыкова (Рип. Имп. Публ. Вибл. Погодинск. № 724, л. 45—45 об.—Книги Разрядныя, I, 3—4).

шую цѣну этимъ показаніямъ въ глазахъ историка. Предъ читателемъ проходятъ въ Житіи рядъ картинъ, въ которыхъ дѣйствуютъ извѣстныя историческія лица смутной эпохи: Василий Шуйскій съ почетомъ принимаетъ затворника въ Москвѣ; М. В. Скопинъ, кн. Пожарскій и Мининъ дорожатъ благословеніемъ Иринарха и заходятъ къ нему на своемъ пути въ Москву; Янъ Сапѣга бесѣдуетъ со старцемъ и говорятъ о немъ: „я такого батька нигдѣ здѣсь, ни во иныхъ земляхъ крѣпка и безобоязна отъ нашего меча не наѣхалъ“¹⁾; кн. Б. М. Лыковъ во время похода 1614 года на казаконъ присылаетъ къ Иринарху „по благословенію“ и самъ заходитъ къ нему. Историческую дѣятельность всѣхъ этихъ лицъ старецъ Александръ описываетъ кратко, а то и совсѣмъ не описываетъ; частныя же отношенія ихъ къ Иринарху изображаетъ очень живо. Рядомъ съ этимъ просто и живо рисуетъ опъ и жизнь своего монастыря съ ея бѣдами и печалями, и даже съ темными ея сторонами. Такой характеръ повѣствованія, безыскусственного и правдиваго, придаетъ Житію Иринарха большой интересъ. Для общей исторіи смуты оно даетъ, конечно, немного фактовъ, но въ немъ историкъ можетъ найдти рѣдкій по откровенности образецъ частныхъ записокъ смутнаго времени, въ которыхъ удачно переплелись бытовныя черты съ чертами, имѣющими и былевое значеніе. Остается только пожалѣть, что Житіе Иринарха до сихъ поръ не издано удовлетворительно: въ изложеніи арх. Амфилохія исчезла прелесть первоначальной формы Житія, а въ отрывкахъ Ундольскаго, далеко не исчерпывающихъ историческаго содержанія памятника, замѣтны пропуски и искаженія.

Не будемъ останавливаться на Житіи Θεодосія, архіепископа Астраханскаго²⁾. Въѣнпяя исторія этого памятника восстановлена В. О. Ключевскимъ, а все то, чѣмъ Житіе можетъ быть интересно историкъ смуты, уже пересказано Н. И. Костомаровымъ³⁾. Послѣдній склоненъ относиться довѣрчиво ко всѣмъ подробностямъ разсказа Житія о томъ, что Θεодосій упорно не желалъ признавать Разстригу истиннымъ Димитріемъ и обличалъ его самозванство въ бесѣдѣ съ нами самими. Справедливѣе однако будетъ думать, что разговоръ

¹⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 724, л. 33.

²⁾ Мы пользовались спискомъ Имп. Публ. Библиотека Q. XVII. 28 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 287). Другіе списки, вообще довольно рѣдкіе, указаны у Барсукова *Источники русск. агіографіи*, ст. 402.

³⁾ *Ключевская Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 333.—*Костомарова Смутное время* (въ *Вѣстн. Европы* за 1866 г., II, стр. 14).

Θеодосія съ Лжедимитріемъ дошелъ къ намъ уже въ легендарной формѣ. Повѣствованіе Житія о пребываніи Астраханскаго архіепископа въ Москвѣ мало похоже на правду и заключаетъ въ себѣ между прочимъ грубый анахронизмъ. Изъ него узнаемъ, что смѣлое обличеніе самозванца не навлекло на Θеодосія никакого гоненія; мало того, Θеодосій при жизни Лжедимитрія оставался въ Москвѣ и на свободѣ: „и живяше сей... Θеодосій... на Москвѣ, — рассказываетъ Житіе, — у святѣйшаго Ермогена патріарха на дворѣ и тамо питается“. Когда же самозванецъ былъ убитъ, Ермогенъ отпривилъ Θеодосіа за мощами цар. Димитрія ¹⁾. Не нужно доказывать, сколько ошибокъ заключается въ этихъ сообщеніяхъ Житія. Авторъ его, очевидно, не имѣлъ твердыхъ свѣдѣній о событіяхъ смутной эпохи, и это обстоятельство заставляетъ считать Житіе Θеодосія памятникомъ позднимъ: современникъ смуты не могъ не знать, что при самозванцѣ былъ патріархомъ Игнатій, а Ермогенъ занялъ патріаршій престолъ уже послѣ посланки въ Угличъ за мощами царевича.

Переходимъ къ общеизвѣстному Житію преп. Діонисія, архимандрита Троице-Сергіева монастыря ²⁾. Надъ нимъ въ 1648—1654 годахъ трудились два замѣчательныхъ человѣка XVII столѣтія: написалъ Житіе троицкій келарь Симонъ Азарьинъ, а ключарь Московскаго Успенскаго собора Иванъ Насѣдка дополнилъ его своими воспоминаніями о дѣятельности Діонисія. Мы не можемъ ничего прибавить къ тому, что уже извѣстно о жизни и дѣятельности составителей Житія ³⁾ и о вѣднней исторіи разбираемаго произведе-

¹⁾ Рип. Имп. Публ. Выбл. Q. XVII. 28, л. 360 об.—361.

²⁾ Издано подъ названіемъ: „Канонъ преп. отцу нашему Діонисію архимандриту Сергіевы Лавры, Радонежскому чудотворцу, съ присовокупленіемъ Житія его“. М. Въ синодальной типографіи. 1824 (были и другія изданія).—Списки Житія указаны у Барсукова Источники русск. агиографіи, ст. 169. Уцѣлалъ автографъ С. Азарьина въ рип. Моск. Синод. Вибліотеки № 416 (см. *Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 353).

³⁾ Біографическія данныя о С. Азарьинѣ приведены *Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 350), іеромонахомъ *Арсеніемъ* (*Литотпись зачатій Археографич. Коммиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 83—84 и 97) и *Горскимъ* (*Историч. Описаніе Св.-Троицкія Сергіевы Лавры*. М. 1879, I, стр. 128—129). Нѣкоторыя подробности о себѣ сообщаетъ и самъ С. Азарьинъ въ своихъ трудахъ (см. рип. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 142 об.—143 и др.). Изъ „Описи келейной казны патр. Филарета“ (Русск. Ист. Вибліотека, III, № 6) узнаемъ, что Симонъ былъ патріаршимъ назначенъ съ августа 1630 г. по апрѣль 1631 г.—О священникѣ Іоаннѣ Насѣдкѣ много свѣдѣній собрано у митр. *Макарія* Ист. Русск.

ніа ¹⁾). Поэтому обратимся прямо къ содержанію памятки, на сколько оно касается смутной эпохи.

Симонъ Азарьинъ при изображеніи подвиговъ архимандрита Діонисія не разъ обращается къ лицамъ и событіямъ смуты. Въ первый разъ упоминаніе о смутѣ является у него въ разсказѣ о близости архимандрита къ патриарху Гермогену. Діонисій страдалъ вмѣстѣ съ Гермогеномъ отъ противниковъ законнаго царя Василя. Чтобы объяснить читателю, какъ могло это случиться, Симонъ даетъ общій очеркъ междоусобій, бывшихъ въ Москвѣ при Шуйскомъ, когда „у многихъ отецъ въ Москвѣ, а сынъ въ Тушинѣ“ ²⁾. Этотъ очеркъ не заключаетъ въ себѣ цѣнныхъ фактическихъ подробностей, но любопытенъ по тѣмъ намекамъ, какіе сдѣланы въ немъ на заговоръ противъ Шуйскаго князя Гагарина, Сумбулова и Грязнаго ³⁾. Далѣе въ Житіи находимъ не лишенный интереса, но не поддающійся повѣркѣ разсказъ о томъ, какъ въ 1610 году Діонисій узналъ о своемъ назначеніи въ Троицкій монастырь на дорогѣ изъ Ярославля къ Москвѣ. Чтобы избѣжать на пути притѣсненій и грабежа, архимандритъ и его спутники выдавали себя за братію Троицкаго монастыря и говорили о Діонисіи, что это—„Сергіева монастыря старецъ изъ сель ѣдетъ“. Дѣлали они такъ потому, что троицкая братія „Сергіевымъ именемъ“ безопасно ѣздила по всѣмъ путямъ, занятымъ разбойничьими шайками ⁴⁾. Къ характеристикѣ дѣятельности Діонисія и всей Троицкой братіи въ смуту относятся и то краткое предисловіе, которымъ Симонъ Азарьинъ снабдилъ статью о Діонисіи, писаннаго Иваномъ Насѣдкою и внесеннаго въ Симоново Житіе ⁵⁾. Далѣе, интересно сообщеніе Азарьина о чудѣ, какимъ сопровождалось выступленіе нижегородскаго ополченія изъ-подъ Троицы къ Москвѣ: послѣ молитвъ и благословенія, даннаго войску преп. Діонисіемъ, вѣтеръ, дувшій до тѣхъ поръ въ лицо воинамъ, „потянулъ въ тылъ“. Объ этомъ чудѣ Палицынъ, бывшій очевидцемъ выступле-

церкви, X и XI, и у г. *Цеттава* Литературная борьба съ протестантствомъ въ Московскомъ государствѣ, М. 1887.

¹⁾ Исторія составленія Житія Діонисія очень обстоятельно изложена В. О. *Ключевскимъ* (Древнерусскія житія святыхъ, стр. 351—353).

²⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 10—11.—*Ник. Лѣт.* VIII, 111—112.—*Лѣт. о мн. вѣт.*, изд. 2-е, 150—151.—*Нов. Лѣт.* 101—102.—*Изборникъ А. Н. Попова*, стр. 198—199.

³⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 11—13.

⁴⁾ Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 40—42.

нія войска, не говоритъ ничего; Симонъ же свидѣтельствуеъ, что „сія писанія пріяхомъ отъ самого князя Димитрія (Пожарскаго)“¹⁾. Если мы упомянемъ еще объ одной мелочи повѣствованія Симона— о представленіи патріарху Теофану троицкихъ иноковъ-героевъ монастырской осады²⁾,—то исчерпаемъ весь матеріалъ, данный для исторіи смуты въ Симоновомъ Житіи. Нельзя не замѣтить, что матеріалъ этотъ незначителенъ по объему и интересенъ болѣе со стороны бытовой. Собственно историческія сообщенія Азарыина совпадаютъ съ показаніями другихъ источниковъ, уступая имъ въ подробности.

Большое значеніе для исторіи смуты имѣютъ дополнителныя къ Житію статьи Ивана Насѣдки. Въ первой изъ нихъ³⁾ Насѣдка даетъ прекрасную характеристику троицкаго старца Дороея, самоотверженно ходившаго за больными и ранеными жертвами смуты. Во второй статьѣ⁴⁾ мастерскимъ перомъ обрисованы ужасы московскаго разоренія съ 1610 года и раскрыта во всей ея полнотѣ патріотическая и благотворительная дѣятельность Троицкаго монастыря, руководимаго высокою доблестью Діонисія. Провѣрить сообщенія Насѣдки нечѣмъ: у насъ нѣтъ другихъ настолько же подробныхъ извѣстій о тѣхъ фактахъ, которыхъ касается повѣствованіе Насѣдки⁵⁾. Усумниться въ этомъ повѣствованіи нѣтъ повода. Простая, искренняя рѣчь попа Ивана, точность показаній, постоянныя ссылки на то или другое лицо, знающее излагаемыя подробности, и вмѣстѣ съ тѣмъ откровенное недовѣріе къ своимъ знаніямъ и памяти⁶⁾,—все это

1) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 54—56. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 267—268. — Въ Новомъ Лѣтописцѣ (Ник. Лѣт. VIII, 189—190) это чудо рассказано столь же подробно, но приписано чудотворенію преп. Сергія. Это и понятно: Новый Лѣтописецъ писанъ былъ еще при жизни Діонисія, скончавшагося въ 1633 году.

2) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 80—81.

3) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 34—38.

4) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 43—54.

5) Содержаніе послѣднихъ частей Сказанія Палицына (съ 71 главы) не совпадаетъ съ показаніями Насѣдки; Новый Лѣтописецъ не даетъ общихъ характеристикъ положенія Руси, а слѣдитъ за отдѣльными внѣшними фактами; въ прочихъ же сказаніяхъ, какъ и въ грамотахъ смутнаго времени, нѣтъ ничего подходящаго къ показаніямъ Насѣдки ни по содержанію, ни по обстоятельству изложенія.

6) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 50: „и о такихъ грамотахъ тебѣ, господину, допросити Алексія Тихонова, который больше вѣдаетъ“. Въ этомъ

служить для насъ ручательствомъ авторской добросовѣстности Насѣдки и даетъ его разсказу большую историческую цѣнность. Только шестая глава Авр. Палицына можетъ поспорить съ этимъ разсказомъ какъ въ богатствѣ содержанія, такъ и въ энергій, даже красотѣ языка, свободнаго отъ условныхъ риторическихъ путъ.

Благодаря тому, что Симонъ Азарьинъ жилъ въ Троицкомъ монастырѣ среди людей, не только видѣвшихъ смутную эпоху, но и вліявшихъ во время московскаго разоренія на общественное мнѣніе страны, его разсказы о смутѣ получаютъ большое значеніе, хотя они и были записаны уже въ половинѣ XVII вѣка. Еще болѣе можно это сказать о Насѣдкѣ, который самъ помнилъ смутное время, послѣ разоренія московскаго вскорѣ прибѣлѣ къ дому Пресвятыя Троицы⁴ и участвовалъ въ тѣхъ трудахъ троицкой братіи, которые такъ удачно описалъ⁵).

Житіемъ Діонисія не ограничились агиографическіе труды Симона Азарьина. Еще раньше, чѣмъ онъ принялся за это Житіе, онъ сталъ работать надъ описаніемъ новоявленныхъ чудесъ преп. чудотворца Сергія. Но собранные имъ разсказы о чудесахъ не всѣ были включены въ печатное Житіе преп. Сергія 1646 года⁶): лица, вѣдавшія печатное дѣло, „вмѣнаху въ случай, а не въ чудеса“ многое изъ того, что имъ представилъ Азарьинъ. Возмущенный этимъ, Симонъ еще съ большимъ стараніемъ продолжалъ собирать и заносить извѣстія о чудотвореніяхъ святаго и только въ 1654 году закончилъ свою Книгу о чудесахъ преп. Сергія⁷). Изъ 76 описанныхъ Симономъ чудесъ пѣкоторые имѣютъ отношеніе къ исторіи смутнаго времени. Такъ, чудо 2-е, описывая чудесное умноженіе муки въ мо-

случай попъ Иванъ не надѣется на точность собственныхъ показаній; напротивъ, если онъ вѣритъ въ свою память, онъ говоритъ: „и нѣтъ то въ памяти есть гораздо“ (стр. 46).

¹) Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 35, 41—42.

²) По выходу книги видно, что Житіе печаталось съ 31-го августа 7154 (1646) по 27-е ноября 7155 (1646) года.

³) Единственный списокъ, принадлежавшій автору, находится въ ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, въ 4-гу, XVII в., 384 л., лл. 1—163. — „Книга о чудесахъ преп. Сергія“ въ полномъ видѣ напечатана Имп. Общ. Любителей Древн. Письменности въ „Памятникахъ древней письменности и искусства“ (С.-Пб. 1838). Предисловіе къ ней съ замѣчаніями г. Смирнова было помѣщено во *Временникѣ Моск. Общ. Ист. и Др.*, X, смѣсь, стр. 1—13, и въ *Историч. Описанія Св.-Троицкія Сергіевы Лавры*. М. 1879, II, стр. 60—74. — Извѣстія о происхожденіи Книги заключаются въ ней самой.

настырской хлѣбнѣ во время московскаго разоренія, даетъ нѣсколько свѣдѣній о благотворительности Троицкаго монастыря въ смутные годы ¹⁾. Чудо 8-е повѣствуетъ о ссылкѣ при Борисѣ Ив. Н. Романова, который молитвами преп. Сергія получилъ облегченіе отъ узъ и в послѣдствіи разсказалъ объ этомъ арх. Діонисію и прочей братіи ²⁾. Чудо 10-е сообщаетъ намъ любопытныя подробности о томъ, какъ пришедшій съ царемъ Михаиломъ въ Троицкій монастырь какой-то рында остался недоволенъ монастырскимъ угощеніемъ и сталъ бранить братію. Между прочимъ онъ называлъ келаря (очевидно, Авраамія Палицына) „королемъ“, намекая на его изиѣну и на службу королю Сигизмунду ³⁾. Чудо 13-е содержитъ въ себѣ легенду о смерти извѣстнаго Лисовскаго, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ и ея источникъ— царскую грамоту въ монастырь о гибели этого опаснаго врага Москвы ⁴⁾. Наконецъ, чудо 9-е представляетъ собою цѣлое сказаніе о началѣ нижегородскаго ополченія ⁵⁾.

¹⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 20—23.—Ркп. Моск. Дух. Академіи № 203, лл. 28 об.—32. — Это чудо записано Симономъ со словъ Ивана Насѣдки („Повѣда намъ соборный ключарь Иванъ, зовомый Насѣдникъ“, — говоритъ Азаринъ). И самъ ключарь Иванъ въ своей статьѣ о смутѣ намекаетъ на это чудо (Житіе Діонисія, изд. 1824 г., стр. 53). Повѣствованіе о дѣятельности монастыря, находящееся въ описаніи 2-го чуда, основано Симономъ, очевидно, на статьѣ о смутѣ того же Насѣдки: Симонъ поминаетъ ее, называя Понѣстью.— Наконецъ, въ слѣдующемъ, 3-мъ чудѣ, является передъ нами тотъ же ключарь Иванъ съ любопытными размышленіями о смутѣ. Грустныя мысли приходили ему въ голову во время московскаго разоренія; онъ даже отчаялся въ спасеніи Руси и православія. Но невѣдомый голосъ устыдилъ его и успокоилъ, возвѣстивъ, что „будетъ православіе на Руси попрежнему“.

²⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 28—29. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 39—40.

³⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 39—40. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 52 об.—58 об.—Этотъ случай произошелъ вскоре послѣ смуты: Симонъ, пришедшій въ Троицкій монастырь въ 1624 году (*Летопись замятій Археологич. Комиссіи*, IV, Матеріалы, стр. 83) самъ не помнитъ случая съ рындой и говоритъ: „обратохъ же азъ о семъ въ писаніи прежнихъ изиикъ“. При такомъ условіи ясно, что брань рынды относилась именно къ Палицыну. Такъ думаетъ и г. Кедровъ (Авр. Палицынъ. М. 1880, стр. 63—64).

⁴⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 43—46. — Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 57—61. — Грамота о смерти Лисовскаго именно съ этого списка напечатана была А. В. Горскимъ (Историч. Описаніе Св.-Троицкія Лавры. М. 1879, I, стр. 116—117).

⁵⁾ Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 30—39.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, лл. 40 об.—52.

Это сказаніе начинается пространнѣмъ введеніемъ, въ которомъ нѣтъ ничего цѣннаго: словами, очень близкими къ выраженіямъ Житія Діонисія, описываются во введенія бѣдствія Руси въ 1610—1611 годахъ и дѣятельность Діонисія, неустанно посылавшаго по городамъ свои „грамоты поучительныя“. Подъ вліяніемъ этихъ грамотъ составилось первое подмосковное ополченіе, но оно „непотребно бысть“ и потому распалось. Неудача не ослабила патріотическаго рвенія Діонисія и его помощника Авр. Паляцына; они продолжали посылать свои воззванія по всей землѣ и имѣли новыи успѣхъ: „начаша мнози во умиленіе приходить, паче же въ Нижнемъ Новѣгородѣ за се крѣпко взявшимися“. Разсказъ о томъ, какъ ввалились нижегородцы за дѣло, и составляетъ главное содержаніе чуда. Благочестивому мужу нижегородскому Козьмѣ Минину три раза являлся преподобный Сергій, „повелѣвая ему казну собирать и воинскихъ людей надѣлать и идти на очищеніе Московскаго государства“. Не сразу повѣрилъ Мининъ велѣнію святаго и за то былъ наказанъ, „болѣзную чревомъ“. Повѣривъ же, онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло. Но въ то время его выбрали въ земскіе старосты, и онъ позналъ въ этомъ „начало Божія промысла“ „Въ земской избѣ, и идѣже аще обрѣтагашеся“, началъ онъ говорить народу о необходимости идти на освобожденіе Москвы. Не всѣ сразу откликнулись на его призывъ. Св. Сергій предсказалъ Минину, что „юнии преже имутся за дѣло“. Такъ и случилось: юноши первые стали побуждать своихъ отцовъ къ подвигу и достигли цѣли. Нижегородцы „приговоръ всего града за руками устроиша, иже во всемъ Козмы слушати“,—и Мининъ собою подалъ примѣръ самоотверженія, „положивъ предъ всѣми на строевіе ратныхъ людей“ почти все свое имущество. За нимъ добровольно послѣдовали и другіе; скупыхъ же и „лѣнивыхъ“—Мининъ заставлялъ жертвовать и „съ нужею“, потому что онъ „уже волю возьмъ надъ ними по ихъ приговору“. Собравъ казну, Мининъ позвалъ въ Нижній смоленскихъ дворянъ, блуждавшихъ безъ крова „въ Арзамасскихъ мѣстѣхъ“, а затѣмъ нижегородцы избрали своимъ вождемъ Пожарскаго и пошли въ походъ. Самаго похода Симонъ не описываетъ. Онъ только упоминаетъ о чудесной перемѣнѣ вѣтра въ ту минуту, когда ополченіе двинулось отъ Троицы къ Москвѣ (мы уже видѣли, что это чудо было имъ описано въ Житіи преп. Діонисія); а затѣмъ въ краткомъ очеркѣ Симонъ рисуетъ несогласія воеводъ и воинства подъ Москвою, примирительную роль троицкихъ властей и

чудесное явленіе преп. Сергія Арсенію Галасунскому наканунѣ взятія Москвы ¹⁾). Этимъ и кончается сказаніе.

Ново и цѣнно въ немъ только свидѣтельство о началѣ народнаго движенія въ Нижнемъ. Оно значительно дополняетъ тотъ скудный запасъ данныхъ, какой заключается въ памятникахъ болѣе раннихъ ²⁾). Сопоставленіе разсказа Симона съ этими болѣе ранними источниками не можетъ его опровергнуть и свести на степень недостоверной легенды. Истинный характеръ повѣствованія Симона уясняется не критикою его частныхъ, для которой мало данныхъ, а обстоятельствами его происхожденія. Симонъ свидѣтельствуешь, что о явленіи преподобнаго Сергія самъ Мининъ сообщилъ архимандриту Діоннію еще въ 1612 году, когда ополченіе стояло у Троицы на пути къ Москвѣ. Діонсій держалъ втайнѣ разсказъ Минина, пока не освободилась Москва, впоследствии же передалъ его въ личной бесѣдѣ Симону Азарьину, какъ передавалъ, должно быть, и другимъ лицамъ. Симонъ слышалъ этотъ разсказъ не только отъ своего учителя, но и отъ иныхъ „достоверныхъ“ людей ³⁾). Очевидно, что благочестивое преданіе стало довольно извѣстнымъ въ той средѣ, гдѣ вращался Азарьинъ. Но можно думать, что до Симона оно никѣмъ не было записано: Симонъ, по своему обычаю, указалъ бы намъ, что пользовался письменными документами, еслибы онъ имѣлъ въ рукахъ какую нибудь записку о чудѣ. Но онъ не только не дѣлаетъ этого, но прямо намекаетъ на устный характеръ своихъ источниковъ. Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что въ повѣствованіи Симона Азарьина имѣемъ дѣло съ преданіемъ, почти

¹⁾ Въ этой послѣдней части разсказа Азарьинъ не выходитъ изъ круга фактовъ, изложенныхъ Палицынымъ (Сказаніе, изд. 2-е, стр. 266—283), но выдвигаетъ на первый планъ Діонсію вопреки самолюбивымъ показаніямъ Палицына: архимандритъ подъ Москвою дѣйствуетъ не менѣе келаря для примиренія враждующихъ вождей и войска.

²⁾ Ср. Справ. Новый Летоиседецъ (Ник. Лѣт. VIII, 168, 175—176) и Столяровъ хронографъ (Изборникъ А. Н. Попова, стр. 352—354). Повѣствованіе Симона въ некоторыхъ частностяхъ расходится съ извѣстіями этихъ памятниковъ.

³⁾ Симонъ Азарьинъ пишетъ: „Козма же повѣдавъ архимандриту Діоннію, како ему явился Сергій... Слышавъ же сія, архимаритъ... до времени сего никому не повѣдавъ, дождеде исполнися благодать Божія“. О себѣ Симонъ замѣчаетъ, что о явленіи Сергія „отъ самого архимарита Діоннія отъ устъ его слышахъ, нази же и отъ прочихъ достоверныхъ увѣрився“ (Книга о чудесахъ преп. Сергія, стр. 33 и 36.—Ркп. Моск. Дух. Акад. № 203, л. 44 об. и л. 48 об.—49).

повѣвка жившимъ въ устной передачѣ. Понятно, что при такомъ условіи нельзя требовать отъ повѣствованія строгой фактической точности: въ немъ неизбежны пробѣлы и ошибки, въ немъ могутъ быть легендарныя наслоенія. Но вибѣстѣ съ тѣмъ преданіе не теряетъ исторической цѣнны: мы знаемъ лицъ, передававшихъ его, и можемъ сказать, что оно дошло до насъ всего изъ третьихъ устъ ¹⁾).

И. Е. Забѣлинъ ²⁾ считаетъ разбираемое сказаніе Симона источникомъ той легенды о Мининѣ, которую нашелъ П. И. Мельниковъ въ такъ называемомъ Ельнинскомъ хронографѣ ³⁾. Легендарный рассказъ Ельнинскаго хронографа есть не что иное, какъ обширная вставка въ текстъ одной изъ главъ Новаго Лѣтописца ⁴⁾. Эта вставка повѣствуетъ прежде всего о приходѣ въ Нижній тронцкой грамоты и о совѣтѣ, который составили по поводу ея нижегородцы: „*Теодосій, архимандритъ Печерскаго монастыря, Савва, спасскій протопопъ съ братією, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и головы и старосты, отъ нихъ же и Кузьма Ми-*

¹⁾ Въ трудѣ *И. Е. Забѣлина*, „*Мининъ и Пожарскій*“ (М. 1883, стр. 20—27) находимъ остроумную попытку воссоздать исторію легенды о явленіи Минину преп. Сергія. Но почтенный историкъ склоненъ слишкомъ скептически относиться къ рассказу С. Азарына, чтѣ, конечно, обуславливается излишнимъ довѣріемъ къ легендѣ его литературнаго противника *Н. И. Космогорова*.

²⁾ *Мининъ и Пожарскій*. М. 1883, стр. 815—316, прим. 10.

³⁾ *П. И. Мельникова*, „*Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время*“ въ *Отечественныхъ Запискахъ* за 1848 г., т. XXIX, отд. II, стр. 31. — Хронографъ названъ Ельнинскимъ по имени стариннаго владѣльца, крестьянина Ельнина. Составъ его *Мельниковымъ* не описанъ, потому что *Мельниковъ* интересовался не столько хронографомъ, сколько приложенною къ нему отдѣльною рукописью (XVIII в., въ листъ, 21 л.). Въ ней, какъ говоритъ Мельниковъ, „*завлючаются выписки изъ VIII тома Никоноваго Лѣтописца (то-есть, Новаго Лѣтописца) о разореніи Московскаго государства и вшествіи на престолъ Михаила... Есть и прибавленія, заимствованныя изъ хронографовъ*“. Изъ этихъ прибавленій одно содержитъ въ себѣ легенду о началѣ нижегородскаго ополченія и напечатано Мельниковымъ сполна (частью на стр. 31-й, частью же на стр. 28).

⁴⁾ Глава 283-я: „*О присылкѣ изъ Нижняго Новгорода ко князю Дмитрею Михайловичу*“ и т. д. (Ник. Лѣт. VIII, 174.—Лѣт. о на. лѣт., изд. 2-е, 234). Въ Новомъ Лѣтописцѣ кн. Оболенскаго (стр. 144) эта глава уже подверглась переработкѣ, но здѣсь риторическое усердіе не дошло до созданія новыхъ легендъ. Напротивъ, въ Ельнинской рукописи текстъ 283-й главы не переработанъ литературно, а переданъ очень небрежно и просто разорванъ легендарною вставкой между словами: „*како бы помочь Московскому государству*“... „*Косма Мининъ, рекомый Сухорукъ, вопи*“....

нинъ¹⁾. На этомъ совѣтѣ Мининъ кратко объявилъ о своемъ видѣніи; онъ сказалъ только: „Св. Сергій явился мнѣ и повелѣ возбудити спящихъ, прочтите же грамоту властей Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря въ соборѣ, а что Богъ велитъ“. Биркинъ „сумнишеся“, но въ чемъ,—легенда не объясняетъ точно. Мининъ угрозилъ Биркину: „исповѣдаю ты православнымъ“, — и опять не объясняется, въ чемъ можно было обличить Биркина передъ народомъ. Наконецъ, читатель не узнаетъ и того, чѣмъ кончился совѣтъ нижегородцевъ. Авторъ легенды забываетъ о немъ и переходитъ къ описанію слѣдующаго дня, когда читали троицкую грамоту въ соборѣ и протопопъ Савва говорилъ рѣчь. Эта рѣчь очень риторична, какъ риторичны и возгласы народа, слушавшаго Савву. Народъ кричалъ: „увы намъ, увy намъ! погибаетъ царствующій градъ Москва, погибаетъ и государство Московское!“²⁾. Но сейчасъ же стали служить молебенъ,—да подастъ Господь Богъ побѣду христіанамъ,—прежде, чѣмъ христіане собрались на бой противъ враговъ.

Такими неловкостями и недомолвками чисто легендарными наполнено повѣствованіе Ельнинскаго хронографа. Зная его содержаніе, нельзя и думать, что оно стоитъ въ какой-нибудь литературной зависимости отъ сказанія Аварьяна. Общаго между ними нѣтъ ничего; только одинъ фактъ явленія Минину преи. Сергію упоминается и тамъ, и здѣсь, но и то съ совершенно различными чертами. Независимо повѣствованіе Ельнинскаго хронографа и отъ всѣхъ другимъ нѣвѣстныхъ намъ разказовъ о нижегородскомъ ополченіи. Но литературная самостоятельность этого повѣствованія не можетъ, конечно, свидѣтельствовать о его достовѣрности. Тотъ фактъ, что оно явилось, какъ дополненіе къ Новому Лѣтописцу, показываетъ, что возникло оно послѣ 1630 года. Если же обратить вниманіе на слогъ повѣствованія, отличающійся болѣею правильностью сyntaxиса, сравнительно съ памятниками XVII в. (особенно

¹⁾ Уничтоживъ слова Новаго Лѣтописца о Мининѣ: „Единъ же отъ нихъ нижегородецъ виѣяше торговлю мясную“ (Ник. Лѣт. VIII, 174), легенда вовсе не объясняетъ, кто былъ Мининъ, голова или староста, выборный ли человекъ, или простой нижегородецъ.

²⁾ Этотъ народный плачъ обличаетъ въ его авторѣ человека XVIII столѣтія, когда уже позабыли, что „Москва“ и „Московское государство“ въ XVII вѣкѣ были синонимами.

первой его половины), то придется отнести разбираемое произведение въ той формѣ, какъ оно дошло до насъ,—или къ XVIII вѣку, къ которому принадлежитъ его списокъ, или же къ концу XVII вѣка. Такимъ образомъ никакъ нельзя считать повѣствованіе Ельнинскаго хронографа памятникомъ раннимъ, современнымъ тѣмъ событіямъ, какія въ немъ описаны. Съ другой стороны, общій колоритъ повѣствованія, какъ замѣчали уже изслѣдователи ¹⁾, легендаренъ. Дѣйствительно, указанная нами сбивчивость изложенія, витиеватыя рѣчи дѣйствующихъ лицъ, не совсѣмъ понятныя ихъ діалоги, — все это свидѣтельствуетъ намъ, что авторъ произведенія не имѣлъ яснаго представленія о томъ, о чемъ писалъ, и вносилъ въ изображение факта свою творческую фантазію. Можно было бы при такихъ условіяхъ считать Ельнинскій хронографъ поздней выдумкою какого нибудь грамотѣя, недовольнаго краткимъ и непритязательнымъ разсказомъ Новаго Лѣтописца. Но отъ подобнаго приговора удерживаетъ одна черта разбираемой легенды: авторъ ся называетъ такого дѣятеля нижегородскаго движенія, котораго не знаютъ другія повѣсти и сказанія о смутѣ, но который дѣйствительно былъ въ Нижнемъ въ 1612 году: таковъ протопицъ Савва ²⁾. Очевидно, что если самъ авторъ и не былъ современникомъ описанныхъ имъ событий, то имѣлъ о нихъ какія-то данныя. Объяснить сочетаніе точныхъ данныхъ съ легендарными чертами всего разсказа возможно только тѣмъ предположеніемъ, что дошедшая до насъ легенда Ельнинскаго хронографа представляетъ собою позднее изложеніе и развитіе какого-то ранняго, намъ неизвѣстнаго преданія о подвигѣ Минина. Съ этой только точки зрѣнія она и можетъ имѣть нѣкоторое историческое значеніе.

Отъ легенды, посвященной болѣе всего прославленію Минина, мы можемъ перейти къ легендѣ, посвященной личности и походе-ніямъ перваго самозванца. Ею и закончимъ мы длинный рядъ сказаній о лицахъ смутнаго времени.

¹⁾ *Забѣлика* Мининъ и Пожарскій, стр. 20 и д.—*Кедрова* Авр. Палицынъ, стр. 100. — *Одинъ Костомаровъ* съ нѣкоторыми, впрочемъ, колебаніемъ признаетъ извѣстія разбираемаго повѣствованія за раннія и правдоподобныя (*Вѣстн. Европы* за 1871 г., июнь, стр. 512; за 1872 г., сентябрь, стр. 20).

²⁾ Авторъ, кромѣ Минина, называетъ арх. Феодосія, Савву, Виркина и Юдяна. Арх. Феодосій и Виркинъ встрѣчаются въ Новомъ Лѣтописцѣ. Савва—лицо извѣстное по актамъ, но не по сказаніямъ (*Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 203, стр. 643.* — *Дворцовые Разряды, I, 1085 — 1086.*) Юдянъ же намъ неизвѣстенъ.

Полный текст легендарнаго сказанія о Лжедмитріи давно уже извѣстенъ въ русской исторіографіи и былъ напечатанъ еще въ 1847 году подъ названіемъ: Сказаніе и повѣсть, еже содѣяся въ царствующемъ градѣ Москвѣ и о разстригѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и о походе его ¹⁾. Сокращенная же редакція этого Сказанія, отбросившая многія его легендарныя черты, остается до сихъ поръ въ рукописяхъ и не пользуется извѣстностью ²⁾. Прежде

¹⁾ *Чтенія съ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1846—1847 г., IX, и отдѣльно: М. 1847. — *Карамзинъ*, зная это Сказаніе по рукописи, текстъ которой былъ сходенъ съ напечатаннымъ позднѣе (Ист. Гос. Росс., X, прим. 247; XI, прим. 194, 198, 199, 202, 207, 216, 405 и др.), называлъ его баснословнымъ. *Костомаровъ*, разбирая данныя Сказанія о походахъ Отрепьева въ Литву, далъ о памятникѣ такой отзывъ: „это Сказаніе отъ начала до конца оказывается невѣроятнымъ.... все это составлялось человекомъ, жившимъ вдалекѣ отъ описываемаго театра событій“ (Кто былъ первый Лжедмитрій? С.-Пб. 1864, стр. 27—29).—Мы не видали хорошаго списка этого памятника. Извѣстные намъ или не полны, или небрежны (Ркп. Моск. Рум. Музея, № 390, въ 4-ку, XVIII в., 79 л., л. 1—43.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Ундольскаго) № 790, XVIII в. въ 4-ку, 28 л.—Ркп. Моск. Публ. и Рум. Музеевъ (изъ собр. Вязлева) № 1510, XVII в., въ 4-ку, западно-русск. скорописью, 211 л., л. 147—211; послѣдній списокъ очень любопытенъ, но не полный).

²⁾ 1) Ркп. Имп. Публ. Библи. Q. XVII. 33 (изъ собранія гр. Толстова, отд. II, № 70), въ 4-ку, 7157 (1849) года, 157 л., л. 116—157. На послѣднемъ листѣ приписка: „сія тетрадь Івашка Андрѣева сына поселку Сычева Соли Камской посадкого че(ло)вѣка; а писалъ ихъ свое(й) рукою лѣта 7157 году марта въ 15 день“ (см. *Стржева* Библиол. Словарь, стр. 431—432); 2) Ркп. Имп. Публ. Библи. С. XVII. 114, въ 4-ку, XVII в., 319 л., л. 293—311. Въ этихъ двухъ спискахъ выпущены всѣ подробности о походахъ Отрепьева (по печатному изданію стр. 2, отъ словъ: „поставленъ бысть царемъ въ лѣто 7106 году, мѣсяца сентября въ 1 день“, до стр. 12: „слышавше латынскаго языка папа Римскій“....). Взамѣнъ выпущеннаго поставлено буквально слѣдующее: „И въ пятое лѣто царства Борисова, во 111 году изыде изъ Російскаго государства въ Литовскую землю чернецъ именовъ Гриша Отрепьевъ. И шедъ въ Литовскую землю и сверше съ собою вическій образъ и облечеся въ мирскія одежды и бысть блудецъ. И дьявольскимъ навоженіемъ и еретическимъ умышленіемъ и бѣсовскими козлыми нача себя называти царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ Московскимъ. И своими вращіями прелестными словесы и лукавыми умыслами и лживыми глаголы въ Литвѣ нача говорити: Не уби мене Борисъ Годуновъ холщъ, а убіенъ де бысть во мое мѣсто иной юноша, приличенъ моему враку; оу же Божиею милостію избѣгохъ и соблюдохся отъ ярости его отъ измѣнныя руни, сохранихся и до сего дни и часа. (И многожды сіи лукавыя словеса) нанесе, и пріяша его въ Литвѣ Вышневецкіе князи, князь Адамъ да князь Костицкыи и приведоша его въ Польшу къ королю Жигимонту Августусу, Свигидія земли родомъ, Ягановъ (сынъ). И повѣдаша ему, яко царевичъ Російскаго

чѣмъ опредѣлить, какую редакцію считать болѣе древнею, — пространную или краткую, — остановимся на составѣ первой изъ нихъ. О происхожденіи памятника мы не имѣемъ никакихъ данныхъ и всѣ свои заключенія должны строить на основаніи простыхъ наблюденій надъ текстомъ Сказанія. Въ началѣ пространной редакціи Сказанія мы видимъ рядъ расположенныхъ по годамъ довольно отрывочныхъ извѣстій, повѣстующихъ о началѣ царствованія Θεодора Иоанновича, о возвышеніи, злодѣйствахъ и воцареніи Бориса Годунова. Извѣстія эти, при всемъ ихъ нерасположеніи къ Годунову, кажутся правдоподобными; съ литературной стороны они вполне оригинальны и заключаютъ въ себѣ новыя черты даже сравнительно съ такими памятниками, какъ Новый Лѣтописецъ и ранняя Повѣсть 1606 года. Въ доказательство укажемъ на точныя хронологическія показанія о смерти нѣкоторыхъ Шуйскихъ: ихъ нѣтъ ни въ каенхъ иныхъ литературныхъ памятникахъ. Языкъ первыхъ извѣстій Сказанія не отличается отъ языка прочихъ русскихъ сказаній и повѣстей ¹⁾. Совершенно иной характеръ имѣетъ дальнѣйшій рассказъ — о появленіи самозванца и его приключеніяхъ въ Польшѣ ²⁾. Послѣ замѣчаній о немъ Карамзина и Костомарова нѣтъ нужды доказывать, что это — самая неумѣренная легенда, показанія которой не имѣютъ исторической цѣны. Она любопытна только съ точки зрѣнія литературной, и прежде всего — по своему языку. Въ немъ попадаются сплошь и рядомъ не русскія реченія: „картечка“, „каморы“, „мяля“, „рыцарстповать“ и т. д. Если сопоставить эти реченія, очевидно взятія

государства къ нимъ придетъ. Онъ же погавый король и не смысленъ въ разумѣ, и пріемлетъ его съ честію великою и радуется своимъ безуміемъ о приходѣ его треклятого. И посылаетъ вѣсть во всю Польскую землю и повелеваетъ всемъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ быти на раду и посылаетъ къ папѣ латынскому въ Римъ извѣсть достоуверенъ, что придетъ къ нему изъ Російского государства царевичъ Дмитрей Ивановичъ. А сей убо не царевичъ Дмитрей, но злый еретикъ и отступившій въры христіанскія и поругатель иноческому обшчанію, Гришка Отрепьевъ, родомъ галечавинъ, и мати его и братія въ Галечи живуть. И слышавъ се латынскаго закона папа Римскій“.... (Далѣе, какъ въ печатномъ. Мы привели текстъ по рип. Q. XVII, 33, лл. 120—121 об., съ исправленіями по менѣе полному тексту — рип. Q. XVII. 114, лл. 295—296). Кроме этого главнаго различія въ текстахъ пространной и краткой редакціи Сказанія, есть и другія: въ краткой редакціи иногда переищмавъ порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ извѣстія, иногда выпускаются отдѣльныя показанія, иногда замѣненъ слогъ.

¹⁾ Сказаніе, еще содѣяся, стр. 1—2.

²⁾ Сказаніе, стр. 3—13.

изъ польскаго языка, съ нѣкоторыми бытовыми чертами легенды, то становится ясно, что легенда возникла подъ сильнымъ польскимъ вліяніемъ. Авторъ ея описываетъ нѣкоторые западно-русскіе обычаи ¹⁾, одежду польскихъ монаховъ ²⁾. Авторъ знаетъ о религиозной розни въ Литвѣ: его герои ведутъ пренія о вѣрѣ ³⁾. Авторъ самъ бывалъ близько къ литовскимъ людямъ и говорилъ съ ними ⁴⁾; онъ зналъ даже такихъ литовскихъ пановъ, которые не принимали участія въ походѣ Лжедмитрія на Русь и не играли въ Литвѣ выдающейся роли ⁵⁾. Словомъ, авторъ знакомъ съ польско-литовскимъ бытомъ больше, чѣмъ какой-нибудь иной писатель о смутѣ. Но отсюда нельзя еще заключать, что онъ самъ былъ изъ Литвы. Онъ, очевидно, противопоставляетъ литовцевъ и поляковъ себѣ и русскимъ людямъ, когда говоритъ: „повѣдаша ихъ же Литва, что придоша тринадцать тысячъ Запорожанъ къ самозванцу“ ⁶⁾. И языкъ автора, не смотря на частые полонизмы, не можетъ быть названъ западно-русскимъ, если сравнить его хотя бы съ памятниками западно-русской полемической литературы XVI — XVII вв. Это — испорченная московская рѣчь.

Вслѣдъ за легендой о началѣ самозванства Отрепьева въ Сказаніи слѣдуетъ болѣе правдоподобная исторія его похода на Москву, воцаренія и гибели ⁷⁾. Въ этой исторіи можно подиѣлать слѣды источниковъ, какими пользовался авторъ. Такъ, его рассказъ о прелестныхъ грамотахъ самозванца обнаруживаетъ знакомство съ подлинною грамотой Лжедмитрія, внесенною въ Повѣсть 1606 года ⁸⁾. Повліяли на Сказаніе и грамоты В. Шуйскаго: по нимъ авторъ рассказываетъ о посольствѣ отъ папы къ самозванцу; изъ такъ-называемыхъ рѣчей Бучинскихъ беретъ онъ данныя о жестокостяхъ Раз-

¹⁾ Напримеръ, обычай вѣтанія (Сказаніе, стр. 8—9).

²⁾ Сказаніе, стр. 7—8.

³⁾ Сказаніе, стр. 6. По словамъ автора, литовцы даже полагали, что Гришки пришелъ въ Литву „о духовныхъ бесѣдовати“.

⁴⁾ Сказаніе, стр. 13: „слышахомъ отъ нихъ, литовскихъ людей“.

⁵⁾ Николай и Янъ Воловичи (Сказаніе, стр. 5—6). О нихъ мы не нашли извѣстій. Въ концѣ XVI в. въ Литвѣ замѣтенъ Евстафій Воловичъ (Сказаніе кн. Курбскаго, изд. 3-е, стр. 250—251.—Русск. Ист. Библіотека, IV, стр. 950, 1324, 1441). Какой-то панъ Воловичъ упоминается и въ смутное время, но позже перваго самозванца (Акт. Ист. II, № 146, стр. 172; № 174, стр. 200).

⁶⁾ Сказаніе, стр. 14.

⁷⁾ Сказаніе, стр. 13—26.

⁸⁾ Сказаніе, стр. 13.—Иное Сказаніе, стр. 15—16.

стриги и безобразіяхъ поляковъ въ Москвѣ; изъ сообщеній Шуйскаго о перепискѣ самозванца онъ заимствуетъ черты для исторіи женитьбы Лжедмитрія (но отъ себя прибавляетъ имя Ае. Власьева и рассказъ о Гермогенѣ и коломенскомъ епископѣ Іосифѣ); наконецъ, на рѣчкахъ Бучинскихъ основываетъ онъ свои показанія о замислѣ Лжедмитрія перебить бояръ ¹⁾. Далѣе, случая разбираемое произведеніе съ Новымъ Лѣтописцемъ, Сказаніемъ Авр. Палицына и Повѣстью 1606 года, находимъ у нашего автора нѣсколько мѣстъ, очень сходныхъ съ рассказами названныхъ памятниковъ ²⁾. Однако эти сходныя мѣста самостоятельны по языку и оригинальны по нѣкоторымъ деталямъ изложенія. При этомъ условіи нельзя, конечно, утверждать, что авторъ изучаемаго Сказанія прямо заимствовалъ изъ другихъ литературныхъ произведеній. Но можно догадываться, что онъ былъ съ ними знакомъ, и для такой догадки найдутся основанія.

Нѣкоторыя мѣста рассказа о царствованіи Лжедмитрія производятъ съ перваго взгляда такое впечатлѣніе, какъ будто они написаны современникомъ и даже очевидцемъ событій. Такъ, изображая въѣздъ Марини Мнишекъ въ Москву, авторъ сообщаетъ такія подробности: „И ѣхалъ Сендомирской съ панною съ Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры... игра была многая... до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль городъ; а на Флоровскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки“. При описаніи свадьбы самозванца авторъ говоритъ, что для музыки поставлены были „съ трубы (слѣдуетъ читать: срубы) отъ соборныя церкви и до Архангела, противъ самыхъ церковныхъ дверей и образа Пречистыя Богородицы, что въ кіотѣ надъ дверьми“ ³⁾. Въмѣстѣ съ такими подробностями въ Сказаніи находится нѣсколько точныхъ хронологическихъ датъ: авторъ любитъ указывать числа и дни событій. Однако не слѣдуетъ довѣряться этой

¹⁾ Сказаніе, стр. 18—19; 19; 19—20; 22—23.—Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 114; 108—109; 114—115; 108.

²⁾ Такъ, къ дѣяніямъ Новаго Лѣтописца приближаются рассказы автора о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ самозванца на Руси и о въѣздѣ самозванца въ Москву (Сказаніе, стр. 13—14, 17.—Ник. Лѣт. VIII, 60—61, 70—71). Къ показаніямъ Авр. Палицына авторъ близокъ въ рассказѣ о дьякѣ Тимоѣѣ Осиновѣ (Сказаніе, стр. 25.—Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 29). Наконецъ, съ Повѣстью 1606 года разбираемое Сказаніе сходится въ повѣствованіи объ опалѣ Шуйскихъ при самозванцѣ (Сказаніе, стр. 17—18.—Иное Сказаніе, стр. 30—31). Сказаніе какъ будто усвоило себѣ и общую точку зрѣнія Повѣсти 1606 года на Шуйскихъ, весьма благосклонную.

³⁾ Сказаніе, стр. 21—22.

мелочности и точности показаній. Рядомъ съ показаніемъ очевидца, на видъ правдивымъ, найдемъ и легендарную ложь: авторъ, напримѣръ, утверждаетъ, что въ маѣ 1606 года въ Москвѣ литовскіе люди „хождаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалами, и стрѣляху въ христіанъ, и грабляху, и бѣяху, и жены и дщери сильно у мужей отнимаху“¹⁾. До такой степени не обострились, какъ извѣстно, отношенія русскихъ и поляковъ до смерти самозванца. И точныя хронологическія указанія автора оказываются иногда совершенно невѣрными²⁾. Все это свидѣтельствуетъ намъ, что если въ разбираемомъ Сказаніи мѣстами видны впечатлѣнія очевидца, то эти впечатлѣнія не принадлежатъ самому автору Сказанія, а стали ему извѣстны случайно, изъ какихъ-нибудь другихъ сказаній. Въ такой догадкѣ утвердимся окончательно, если обратимъ вниманіе на слѣдующую подробность: авторъ Сказанія два раза опредѣляетъ время пріѣзда въ Москву Юрья Мнишка, и опредѣляетъ совершенно различно. Сначала онъ прямо называетъ число: „маія во 2 день въ Московское государство пришедеъ изъ Литвы и съ Польши Свѣдомирской воевода... и дочь свою, панну Маринку, съ собою привезеъ“³⁾. Немного ниже онъ повторяетъ извѣстіе о пріѣздѣ Мнишка съ дочерью и говоритъ между прочимъ о Мнишкѣ: „прииде подъ царствующій градъ Москву на Свѣтлой недѣля въ четвергъ“, то-есть, 24-го апрѣля⁴⁾. Ясно, что самъ авторъ точно не зналъ дня пріѣзда Мнишка и не попилъ показаній тѣхъ источниковъ, которыми пользовался. Извѣстно, что Мнишекъ опередилъ свою дочь на пути въ Москву и пріѣхалъ туда дѣйствительно 24-го апрѣля; торжественный же въѣздъ Марины въ столицу былъ 2-го мая⁵⁾. Еслибы ав-

¹⁾ Сказаніе, стр. 23.

²⁾ Невѣрно показано число битвы подъ Новгородомъ - Озерскимъ 10-е декабря (вмѣсто 21-го) 1604 г. (Сказаніе, стр. 14.—Изборникъ А. Н. Попова, стр. 326.—Собр. Гос. Гр. и Д. II, № 80, стр. 171). Неточно означенъ день смерти дара Федора Борисовича: въ 1605 году 19-го іюня было не въ четвергъ, а въ среду (Сказаніе, стр. 16.—Горбачевскаго Археограе. календарь, табл. 10); весьма сомнительно и самое число 19-го іюня: Вуссовъ пишетъ 10-го іюня, и справедливо, потому что смерть Борисова сына не могла быть накануне пріѣзда Дмитрія въ Москву (Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 46).

³⁾ Сказаніе, стр. 20.

⁴⁾ Сказаніе, стр. 21.—Горбачевскаго Археограе. календарь, табл. 30.

⁵⁾ На эти числа 24-го апрѣля и 2-го мая (или, по новому стилю, 4-го и 12-го мая) есть нѣсколько указаній: Сказанія современниковъ о Дмитріи самозванцѣ, изд. 3-е, I, стр. 54, 302; II, стр. 141, 147.—Сказанія Массы и Германа, стр. 181, 183.

торъ Сказанія самъ видѣлъ изображенія нѣхъ событій, или еслибы онъ о нихъ слышалъ отъ очевидцевъ, то онъ не спуталъ бы такихъ фактовъ, которые видѣла вся Москва. Но авторъ имѣлъ въ рукахъ вполне точныя даты и не могъ съ ними справиться,—ясный знакъ, что онъ былъ далекъ отъ описанной эпохи и возстановлялъ ее уже по источникамъ, не всегда даже умѣя ихъ понимать. Если же авторъ писалъ по источникамъ, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что онъ зналъ такіе крупныя памятники, какъ Повѣсть 1606 года, Сказаніе Авр. Палицына и Новый Лѣтоисецъ. Тѣ же немногія извѣстія нашего автора, которыхъ нельзя отыскать въ названныхъ памятникахъ, могли явиться у него изъ устныхъ преданій или изъ какихъ нибудь произведеній о смутѣ, до насъ не дошедшихъ (слѣды такихъ произведеній увидимъ ниже). По крайней мѣрѣ нѣтъ основаній думать, что все новое и цѣнное въ послѣдней части Сказанія непременно составляетъ плодъ личныхъ наблюденій автора. Чтобы окончить рѣчь объ этой послѣдней части Сказанія, нужно замѣтить, что языкъ ея такъ же отмѣченъ полонизмами, какъ и языкъ разсказа о жизни самозванца въ Литвѣ. Нерѣдко встрѣчаются здѣсь выраженія, заимствованныя, очевидно съ польскаго: „клеяноты“, „магирка“, „каплагъ (Kapelan)“. Но и здѣсь общій складъ рѣчи не даетъ права считать ее не московскою.

Итакъ, начало разбираемаго Сказанія представляетъ собою наборъ отдѣльныхъ извѣстій; вторая его часть является легендарнымъ преданіемъ, сложившимся подъ литературнымъ вліяніемъ польскимъ; повѣствованіе же о воцареніи и гибели самозванца не такъ легендарно, какъ разсказъ о первыхъ его походахъ, и представляется до извѣстной степени простою переработкою грамотъ и иныхъ источниковъ. Рѣзкое различіе литературныхъ приѣмовъ въ различныхъ частяхъ Сказанія даетъ намъ право не считать его произведеніемъ литературно-цѣльнымъ: авторъ довольно механически соединялъ простыя замѣтки лѣтописнаго типа съ легендою, художественно-стройною, и съ переработанными показаніями официальныхъ грамотъ.

Въ какомъ же отношеніи находится краткая редакція Сказанія къ пространной? Главное ихъ различіе заключается въ томъ, что въ краткомъ Сказаніи выпущена почти вся легендарная повѣсть о первоначальныхъ походахъ самозванца и сдѣланы нѣкоторыя сокращенія въ разсказѣ о царствованіи Лжедмитрія. Но въ ней остался конецъ легендарной повѣсти, съ извѣстіемъ о баснословномъ Ла-

шевскомъ сеймѣ ¹⁾), остались и характерныя не московскія выраженія пространной редакціи. Мало того, нѣкоторыя показанія той вставки, которою замѣнена въ краткомъ Сказаніи выпущенная легенда,—прямо согласованы съ окончаніемъ этой легенды. Для того, чтобы пояснить происхожденіе Лашевскаго сейма, составитель вставки нашелъ нужнымъ сказать о Сигизмундѣ, что онъ „повелѣваетъ всѣмъ своимъ паномъ и гетманомъ и воеводамъ быти на раду“. Для того, чтобы сдѣлать понятнѣе вмѣшательство папы въ дѣло самозванца онъ обстоятельнѣе, чѣмъ въ пространной редакціи, поясняетъ, будто король послалъ „къ папѣ латинскому въ Римъ извѣсть достовѣрнѣе, что приде къ нему изъ Російскаго государства царевичъ Дмитрей Ивановичъ“. Но эту пояснительную фразу составитель вставки взялъ изъ пространной же редакціи ²⁾). Такимъ образомъ краткая редакція вмѣстѣ съ языкомъ пространнаго Сказанія заключаетъ въ себѣ и часть его легендарнаго содержанія. Это не позволяетъ думать, чтобы краткая редакція была составлена раньше полной и послужила для нея какъ бы канвой, на которой возникла впоследствии легенда. Гораздо вѣроятнѣе, что разсказъ пространный написанъ былъ раньше; обиліе въ немъ бытовыхъ чертъ западно-русской жизни, мало понятныхъ для московскихъ людей, могло вызвать желаніе упростить его,—и вотъ, главнѣйшее сокращеніе произведено было именно въ легендѣ о польскихъ приключеніяхъ Отрепьева.

Если наше соображеніе вѣрно, мы можемъ воспользоваться имъ, чтобы опредѣлить хотя до нѣкоторой степени время составленія Сказанія. На одномъ изъ списковъ краткой редакціи есть замѣтка о томъ, что онъ писанъ въ 1649 году ³⁾). Стало бытъ, краткое Сказаніе появилось не позднѣе этого года. Если оно есть переработка пространнаго, то и послѣднее слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ XVII вѣка ⁴⁾). Кто былъ авторомъ разбираемаго произведенія, опре-

¹⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Q. XVII. 33, л. 121 об. и далѣе; ркп. Q. XVII. 114, л. 296 и далѣе.—Сказаніе, стр. 12—13.

²⁾ Сравни. Сказаніе, стр. 12, и выписку изъ краткой редакціи Сказанія, приведенную выше.

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 33, л. 157. Приписка приведена нами выше.

⁴⁾ Одинъ изъ списковъ пространнаго Сказанія западно-русскаго письма г. *Викторова* относилъ даже къ началу XVII вѣка (*Викторова* Рукописи И. Д. Баллева. М. 1881, стр. 4, № 1510). Мы имѣли случай видѣть этотъ списокъ; въ немъ рядомъ съ частями разбираемаго Сказанія списаны тѣмъ же почеркомъ

дѣлать нельзя. Изъ того, что было сказано о самомъ произведеніи, можно только вывести догадку, что авторъ его былъ московскій чело-вѣкъ, знакомый съ польскою рѣчью и западно-русскимъ бытомъ.

II. Обращаемся къ произведеніямъ о смутѣ компилятивнаго харак-тера. Среди нихъ можно замѣтить два различныхъ типа повѣствованій. Одни компиляторы, явно пользуясь извѣстіями болѣе раннихъ текстовъ, стремятся на основаніи ихъ создать свой самостоятельный рассказъ о смутѣ и достигаютъ этого иногда съ большимъ литератур-нымъ искусствомъ. Другіе же просто соединяютъ части различныхъ произведеній и ограничиваютъ свой личный трудъ только тѣмъ, что вносятъ въ рассказъ двѣ-три соединительныя фразы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ необходимо поддержать чисто-внѣшнюю, грамматическую связь между заимствованными текстами. Въ первомъ случаѣ читатель имѣеть дѣло съ очень стройнымъ литературнымъ произведеніемъ, во второмъ онъ видитъ предъ собою хрестоматію, составленную изъ плохо согласо-ванныхъ отрывковъ.

Познакомимся сперва съ компилятивными произведеніями о смутѣ, имѣющими литературную цѣльность. Однимъ изъ болѣе раннихъ подобныхъ произведеній было повѣствованіе, внесенное въ Погодин-скій хронографъ № 1465 ¹⁾. Оно представляетъ собой весьма краткій очеркъ смуты, лишенный цѣнныхъ историческихъ чертъ. Авторъ не скрываетъ того, что пользуется письменными памятни-ками, и, приводя извѣстіе о постриженіи Годунова съ именемъ Бого-

отрывки Сказанія Палицына (срвн., напримѣръ, л. 145, главу „О Борисъ царь Годуновъ“, и Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 20: „Оскверни же царь Борисъ неправеднымъ прибыткомъ“ и т. д.). Стало быть, списокъ не могъ явиться раньше 1620 года.—Болѣе надежнымъ свидѣтельствомъ ранняго происхожденія пространной редакціи является слѣдующій фактъ: въ одномъ изъ хронографовъ, составленіе котораго *А. Н. Поповъ* относитъ къ первымъ годамъ царствованія царя Алексѣя (Обзоръ хронографовъ р. редакція, II, стр. 264), мы находимъ извѣстія именно пространнаго Сказанія, выпущенныя въ краткомъ (Срвн. Избор-никъ *А. Н. Попова*, стр. 416, и Сказаніе, стр. 19, 22: о посольствѣ Ае. Василь-ева и о свадьбѣ самозванца).

¹⁾ Издаю: цѣликомъ въ Изборникъ *А. Н. Попова*, стр. 413—429; частью у гр. *Расстригина* Четыре сказанія о Дие Дмитрѣ, стр. 5—20.—Описаніе списка (рпк. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1465) въ Обзоръ хронографовъ р. редакція, II, стр. 264—270 (*А. Н. Поповъ* относитъ составленіе этого хронографа къ началу царствованія Алексѣя Михайловича).—Есть и другой списокъ того же повѣствованія о смутѣ—въ рпк. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, XVIII вѣкъ, въ 4 д., 385 лл., лл. 98—113 (*А. Ѡ. Бмчкова* Описаніе церк.-слав. и русск. рукописныхъ сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 470, § 6).

лѣна, замѣчаетъ, что такъ „нѣщизы же написана“. Самъ же авторъ плохо зналъ событія и дѣлалъ крупныя промахи. Такъ, онъ думалъ, что мать царевича Дмитрія послѣ его смерти оставалась въ Угличѣ и что самозванецъ ее „взялъ съ Углича къ себѣ къ Москвѣ“. Подмошковаго Лапуновскаго ополченія онъ вовсе не зналъ и писалъ, что Дм. Т. Трубецкой, Пожарскій и Мининъ вмѣстѣ собрали воинство и пришли подъ Москву ¹⁾. Краткость изложенія автора не дозволяетъ указать его источники вездѣ съ одинаковою точностью. По тѣмъ же мѣстамъ Хронографа, гдѣ авторъ выражается пространнѣе, можно заключить, что ему были извѣстны „Сказаніе, еже содѣяся“, и грамоты, вошедшія въ Повѣсть 1606 года. Изъ Сказанія заимствовалъ онъ цѣлыя фразы въ свой рассказъ о царствованіи Лжедмитрія и не отбросилъ даже польскихъ выраженій, находящихся въ Сказаніи ²⁾. А по грамотамъ В. Шуйскаго описалъ онъ открытіе мощей царевича Дмитрія и всенародное покаяніе иноки Марѣы, матери царевича ³⁾. Иногда извѣстія своихъ источниковъ авторъ сопровождаетъ благочестивыми замѣчаніями и текстами Св. Писанія, а къ повѣсти о дьякѣ Тимоѣѣ Осиповѣ, взятой изъ „Сказанія, еже содѣяся“, онъ присочинилъ цѣлую рѣчь Тимоѣея самозванцу и прибавилъ новую фактическую черту, что „зауши его (то-есть, самозванца) Тимоѣей каменемъ въ лице“. Эта редакція рассказа о подвигѣ дьяка составляетъ самую любопытную часть разбираемаго памятника. Въ дальнѣйшихъ же его статьяхъ, относящихся уже ко времени Михаила Феодоровича, нельзя не отмѣтить отрывковъ какого-то намъ неизвѣстнаго муромскаго лѣтописца, повѣствующаго приказнымъ слогомъ о приходѣ Лисовскаго подъ Муромъ въ 1616 году ⁴⁾.

Гораздо большею содержательностью и значеніемъ отличается Повѣсть о разореніи Московскаго государства и всея Россійскія земли, изданная А. Н. Поповымъ въ 1861 году ⁵⁾. Въ прекрасномъ предисловіи издателя находится точная характеристика

¹⁾ Изборникъ, стр. 415, 421.

²⁾ Сравни Изборникъ, стр. 416—417, и Сказаніе, стр. 19, 22, 25.

³⁾ Сравни Изборникъ, стр. 418—419, и Иное Сказаніе, стр. 47—50 (Акт. Арх. Эксп. II, № 48, стр. 110—112).

⁴⁾ Изборникъ, стр. 422—423. Въ ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1616, л. 109 об.,—этого нѣтъ.—Сравни Ник. Лѣт. VIII, 219.—Книжки Разрядныя, I, 183.

⁵⁾ *Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.* за 1861 годъ, II, „Библиографическіе матеріалы“, собранные А. Поповымъ, стр. 1—51.—Повѣсть издана по двумъ спискамъ (изъ рукописей Моск. Дух. Академіи № 203 и № 201); третій списокъ былъ извѣстенъ *Карамзину* (Ист. Гос. Росс., X, прим. 248 и др.).

памятникъ и рядъ замѣчаній о времени его появленія и о личности автора. Повѣсть о разореніи Московскаго государства—очень любопытное произведеніе. Она написана въ 1654 году, въ то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился объявить войну Польшѣ за Малороссію и самъ отправился въ походъ, „подвижеса со всѣмъ своимъ христіюлюбивымъ воинствомъ“¹⁾. Цѣль Повѣсти—оправдать предпринятую войну, показать ея политическую необходимость и объяснить, что для войны выбрано надлежащее время. Повѣсть—это „проповѣдь безпощадной кровавой полѣтики возмездія“, говоритъ А. Н. Поповъ. Въ войнѣ съ Польшей авторъ видитъ прекрасный случай отплатить полякамъ за все зло, какое они нанесли Москвѣ полѣвка передъ тѣмъ: „день отмщенія настощъ“ восклицаетъ онъ,—и время воздаянія належитъ нечестивымъ!“²⁾ Для того, чтобы показать, какія бѣды нанесли поляки Руси въ прошломъ, авторъ и вспоминаетъ весь ходъ смуты: торжество Разстриги, поддержаннаго Польшей, грабежи поляковъ при Шуйскомъ и польское господство послѣ Шуйскаго. Въ современной ему Польшѣ авторъ усматриваетъ такую же смуту, какъ была когда-то въ Московскомъ государствѣ: на престолѣ сидитъ разстрига³⁾, казачество возстало, и у Польши нѣтъ силъ съ нимъ справиться. При такихъ условіяхъ, слабость Польши очевидна, и Руси нельзя пропускать такой благопріятной минуты для отмщенія за свои обиды.

Итакъ, Повѣсть по своимъ цѣлямъ есть публицистическое произведеніе, въ которомъ исторія смуты играетъ только служебную роль. Исторической своей стороною разбираемый памятникъ, по словамъ Попова, „представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ легкій поверхностный очеркъ, пересказъ событій, гораздо обстоятельнѣе изложенныхъ въ другихъ лѣтописныхъ трудахъ“. Къ тому же этотъ пересказъ событій весь построенъ на источникахъ, намъ уже извѣстныхъ, и потому историческая его цѣнность была бы совершенно ничтож-

¹⁾ Повѣсть, стр. 48.

²⁾ Повѣсть, стр. 48.

³⁾ Авторъ, сравнивая короля польскаго Яна Казимира съ Отрепьевымъ, такъ выражается о немъ: „то ли христіанскаго закона чинъ сохраняють: остави иноческій образъ и духовный чинъ отъ себя отвергнувъ, и на королевство короноватися и братню жену за себя взявъ и дѣти прижити“ (Повѣсть, стр. 44). О Янѣ Казимирѣ у *Bobrzyńskiego Dzieje Polski w zagrybie*, t. II. Warszawa. 1881, p. 215: „r. 1643 wstąpił do Jezuitów, r. 1645 kardynałem, r. 1648 królem polskim obrany, panował do roku 1668“.

ной, еслибы не были любопытны нѣкоторые взгляды и отзывы умнаго и образованнаго автора Повѣсти.

Онъ самъ говоритъ намъ въ заглавіи своего произведенія, что оно „выписано отъ лѣтописныхъ книгъ и отъ иныхъ повѣстей“. И въ текстѣ Повѣсти онъ не разъ откровенно указываетъ на свои источники. Такъ, характеризуя царя Θεодора Іоанновича, онъ прямо ссылается на его Житіе, составленное Іовомъ ¹⁾. Говоря объ ослѣпленіи Симеона Бекбулатовича, онъ указываетъ, какъ на источникъ, на „Лѣтопись русскую“, подъ которою разумѣетъ, какъ кажется, Никонову лѣтопись ²⁾. Заимствуя почти дословно одну фразу Новаго Лѣтописца, онъ не скрываетъ, что приводитъ чужія слова ³⁾. Иногда, по поводу того или другаго своего заявленія, авторъ спѣшитъ прикрыть свое личное мнѣніе авторитетомъ лѣтописей ⁴⁾. Наконецъ, и въ послѣсловіи къ Повѣсти авторъ еще разъ заявляетъ, что не вымышлялъ своихъ извѣстій, а бралъ ихъ изъ прежнихъ повѣстей ⁵⁾. Такимъ образомъ, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ самостоятельнымъ. Сличеніе текста Повѣсти съ другими памятниками позволяетъ опредѣлить довольно точно и тотъ тѣсный кругъ „прежнихъ повѣстей“ о смутѣ, съ которыми былъ знакомъ авторъ Повѣсти. Кромѣ Новаго Лѣтописца и Житія царя Θεодора, онъ пользовался только Сказаніемъ Авр. Палицына.

Болѣе всего слѣдовалъ онъ Новому Лѣтописцу. Изъ него заимствовалъ онъ свой рассказъ о смерти царевича Димитрія и о наказаніи Нагихъ и угличанъ за расправу съ убійцами (но число наказанныхъ угличанъ—200—взято у Авр. Палицына) ⁶⁾. По Новому Лѣтописцу

¹⁾ Повѣсть, стр. 12: „писано въ Житіи его“.

²⁾ Повѣсть, стр. 13, прим. 3. — Извѣстіе это, очевидно, взято изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 30). Называя его „Лѣтописью русской“, авторъ этимъ обнаруживаетъ, что пользовался Новымъ Лѣтописцемъ уже въ лѣтописномъ сводѣ,—вѣроятно всею, въ Никоновскомъ.

³⁾ Повѣсть, стр. 20: „вѣстуютъ о немъ (Отрепѣвѣ)—такое ученіе дается ему не отъ Бога“. — Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 55: „грамота жъ ему дается не отъ Бога“.

⁴⁾ Повѣсть, стр. 22: „яко же лѣтописныя книги объявляютъ“; стр. 50: „по свидѣтельству лѣтописныхъ книгъ“.

⁵⁾ Повѣсть, стр. 51: „Не отъ своего же помышленія о сихъ бесѣдовавъ, но прежнимъ повѣстемъ послѣдовавъ“....

⁶⁾ Повѣсть, стр. 13—14. — Ник. Лѣт. VIII, 17—20. — Сказаніе Авр. Палицына, изд. 2-е, стр. 3—4.

изложено гоненіе Бориса на митр. Діонісія, нелюбовь его къ датскому королевичу, преслѣдованіе Шуйскихъ ¹⁾; далѣе, исторія перваго самозванца и послыка въ Литву Смирнаго-Отрепьева; усиленіе разбойничества при Борисѣ и смерть отъ разбойниковъ И. Ѳ. Басманова, строгія мѣры Бориса противъ казаковъ ²⁾. По Новому же Лѣтописцу излагается далѣе царствованіе и женитьба самозванца и всѣ дальнѣйшія событія смуты, за тѣми немногими исключеніями, когда авторъ беретъ данныя у Палицына ³⁾. Изъ Сказанія Палицына взяты между прочимъ слѣдующія подробности: описаніе московскаго пожара 1591 года, извѣстіе о невѣстѣ „изъ Хвалискъ“ для Борисова сына, извѣстіе о голодѣ 1601—1603 гг., разговоръ о вѣнчаніи Бориса на царство, разговоръ о замыслѣ самозванца избить бояръ, и нѣкоторыя другія частности ⁴⁾. Изъ Житія же царя Θεодора взята, какъ мы уже видѣли, характеристика благочестиваго государя.

Но среди громаднaго большинства данныхъ, очевидно, взятыхъ изъ „прежнихъ повѣстей“, въ Повѣсти есть и оригинальныя мѣста. Любопытны тѣ изъ нихъ, гдѣ авторъ высказываетъ собственные взгляды и наблюденія. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ о Борисѣ, что „поставленіе его на царство мнoземъ яко роженъ въ сердци бысть“. О Борисовомъ дворѣ въ Москвѣ сообщаетъ онъ любопытное повѣрье XVII вѣка, что „ни дворъ его Борисовъ, идѣже живаше, можаше царскіе сановники вмѣщати въ себѣ на много лѣтъ“. Сѣма смуть видитъ онъ въ преступной дѣятельности Бориса: „оттуда корень бѣдамъ и напастемъ начало изиде“. Погибель Ляпунова и неудачу его ополченія онъ приписываетъ тому обстоятельству, что въ полкахъ были „все уѣздные люди, а честныхъ дворянъ и дѣтей боарскихъ мало баше въ воинствѣ томъ“; „уѣздные люди“ и убили Ляпунова ⁵⁾. Этими примѣрами, конечно, не исчерпываются любопытныя для историка смуты частности разбираемаго труда. Благодаря обилію такихъ частныхъ, Повѣсть о разореніи Московскаго государства можетъ имѣть, помимо своего большаго историко-лите-

¹⁾ Повѣсть, стр. 16, 17, 19.—Ник. Лѣт. VIII, 9—10, 49—50, 36.

²⁾ Повѣсть, стр. 20, 21, 24, 25.—Ник. Лѣт. VIII, 55—56, 60, 53, 59.

³⁾ Повѣсть, стр. 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36.—Ник. Лѣт. VIII, 72 и 74; 77 и 80—81; 90; 100 и 116—117; 132 и 140; 144—145; 148; 149; 171—172.

⁴⁾ Повѣсть, стр. 15, 16, 22, 23, 26—27. — Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 4—5, 18, 11—13, 7—8, 30—31.

⁵⁾ Повѣсть, стр. 16, 19, 20, 37.

ратурнаго интереса, еще и нѣкоторое значеніе, какъ историческій документъ.

А. Н. Поповъ думаетъ, что авторомъ Повѣсти былъ Симонъ Азарыинъ: въ рукописяхъ Симона находится черновой списокъ Повѣсти ¹⁾. Нельзя отвергать возможности и правдоподобности такого заключенія. Но нельзя считать его и непреложнымъ. Въ Повѣсти на личность автора нѣтъ прямыхъ указаній; въ ней не разъ упоминается о Троицкомъ монастырѣ и о тѣхъ событіяхъ, въ которыхъ троицкія власти и братія принимали дѣятельное участіе. Но нигдѣ не видно особеннаго вниманія автора къ Троицкимъ чудотворцамъ и братіи. Такое спокойное, чтобы не сказать равнодушное, отношеніе къ монастырю совершенно не въ духѣ Азарыина, глубочайшаго почитателя своей обители.

Отъ произведеній половины XVII вѣка переходимъ къ произведеніямъ, составленнымъ въ послѣдніе его годы. Въ концѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича извѣстный бояринъ А. С. Матвѣевъ приступилъ въ Посольскомъ приказѣ къ составленію нѣсколькихъ официальныхъ повѣствованій историческаго и дипломатическаго характера ²⁾. Между прочимъ подъ его руководствомъ въ 1672—1673 годахъ написана была роскошная по своей внѣшности Книга объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича ³⁾. Главное содержаніе Книги составляетъ разсказъ объ избраніи на царство царя Михаила, а затѣмъ о нареченіи и поставленіи на патріаршество его отца Филарета. Разсказъ основанъ на официальныхъ документахъ ⁴⁾ и ведется официальнымъ языкомъ. вмѣсто же вступленія къ нему приписано краткое повѣствованіе о смутѣ вообще. Оно имѣетъ компилятивный характеръ и составлено съ большимъ литературнымъ умѣньемъ изъ отрывковъ Хронографа 2-й редакціи, Повѣсти 1606 года, Новаго Лѣтописца, Сказанія Палицына и Ми-

¹⁾ Повѣсть, стр. 1—3, 8.

²⁾ Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева. С.-Пб. 1776 г., стр. 84—35.—Доп. къ Амт. Ист., VI, № 43.—*Строева* Библиол. Словарь, стр. 209.—Митр. *Богосл. Словарь* русск. святскихъ писателей, II, 49—52.

³⁾ „Книга объ избраніи на царство великаго государя царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича. Издана Комиссіею печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ“ и т. д. М. 1856.

⁴⁾ Источниками его были: официальное описаніе избранія Михаила Ѳеодоровича, составленное при царѣ Михаилѣ (см. Книгу объ избраніи, Предисловіе, стр. XXXIV — XXXV, и Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 1 и № 16) и Чинъ поставленія въ патріархи Филарета Никитича (Доп. къ Амт. Ист. II, № 76).

лютинскаго житія цар. Димитрія ¹⁾). Хотя авторъ повѣствованія не слѣдовалъ буквально своимъ источникамъ, а передѣлывалъ ихъ изложеніе въ официально-риторическій разсказъ, тѣмъ не менѣе онъ не внесъ отъ себя ни одного новаго показанія, ни одной любопытной для историка мысли. Поэтому значеніе разбираемой Книги, какъ историческаго источника, вполне ничтожно. Документы, сохранившіе намъ исторію составленія этого памятника, называя лицъ, трудившихся надъ перепиской, рисунками и переплетомъ Книги, не называютъ того лица, которое написало ея текстъ. Нельзя думать, чтобы это былъ личный трудъ Матвѣева: онъ и самъ не считаетъ себя одного авторомъ, такъ какъ говоритъ, что „слѣлалъ книги съ товарищи свои, и съ приказными людьми, и съ переводчиками“.—Одновременно съ Книгою объ избраніи царя Михаила и тѣмъ же порядкомъ въ Посольскомъ приказѣ составлена была и другая книга—о титулахъ московскихъ государей и государей разныхъ земель ²⁾). Въ началѣ ея находится краткій очеркъ всей русской исторіи, показывающій, „откуда произыде корень великихъ государей... россійскихъ“. Въ этомъ очеркѣ есть и описаніе смуты, прямо заимствованное съ нѣкоторыми пропусками и измѣненіями изъ Книги объ избраніи царя Михаила ³⁾).

Оба эти официальные труда не даютъ намъ ничего исторически цѣннаго. Нельзя сказать этого о любопытномъ частномъ произведеніи, которое было составлено нѣтъ же приблизительно годы и въ литературѣ получило названіе Латухинской Степенной книги. Единственный извѣстный намъ списокъ этого труда сохранился въ рукописяхъ Н. М. Карамзина ⁴⁾ и былъ полученъ историографомъ

¹⁾ Считаю по страницамъ печатной Книги, заимствованія идутъ въ такомъ порядкѣ: стр. 2-я („Сей же царь“...) составлена по Хронографу 2-й редакціи и Милютинскому Житію; стр. 3 („Глаголютъ убо и преставленіе“...)—по Повѣсти 1606 года, затѣмъ по Новому Лѣтописцу (отъ словъ: „И по лукавомъ ихъ заословіи“...); стр. 4, 5, 6—по Новому Лѣтописцу; стр. 6 („Царь же Борисякъ, разумѣвъ, яко еиаль“...) — по Хронографу 2-й редакціи; стр. 7—10 заключаютъ въ себя очень краткія замѣтки, очевидно, по Новому Лѣтописцу и Сказанію Палицына; стр. 10—13—по Сказанію Палицына и официальнымъ актамъ. Далѣе, повѣствованіе идетъ исключительно по официальнымъ документамъ.

²⁾ Др. Росс. Вавл., изд. 2-е, XII, стр. 86—251.—*Строева* Библіол. Словарь, стр. 209.—*Строевъ* несвѣрно принимаетъ годъ составленія книги—1678; она была составлена раньше (Доп. къ Акт. Ист., VI, № 43, § XV).

³⁾ Др. Росс. Вавл., изд. 2-о, XVI, стр. 94—102.

⁴⁾ Нынѣ въ Имп. Публ. Библіотекѣ (ркп. F. IV. 587, въ листъ, полууста-
новомъ XVIII в.).

„отъ Волохнянскаго купца Латухина“¹⁾. Карамзинъ очень внимательно изучилъ показанія памятника и многіе его отрывки напечаталъ въ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи²⁾. Но онъ не указалъ ни времени, ни автора произведенія, не опредѣлялъ и его состава. Списокъ же Латухинской книги даетъ нѣсколько опредѣленныхъ указаній въ этомъ отношеніи.

Въ началѣ его находятся длинныя „Виршы“, служація предисловіемъ къ Степенной книгѣ³⁾. Слагая начальныя буквы важнаго стиха, получаемъ такую фразу, тоже стихотворную: „Тихонъ(ъ) монахъ(ъ) о Воле начахъ(ъ), книги сія нетрудно писахъ(ъ), доволноу же мвдоу за се взяхъ(ъ), в(ъ) Лавроу Желтоподскую отдахъ(ъ) в(ъ) лето седмъ(ъ) тысячъ(ъ) сто осмдесятъ(ъ) седмое, в(ъ) месеце поемврии“.

Тихонъ монахъ, котораго по виршамъ слѣдуетъ считать составителемъ Степенной книги, есть, очевидно, тотъ самый архимандритъ макарьевскій Тихонъ, который управлялъ Желтоподскимъ монастыремъ въ 1675—1677 годахъ, въ 1680 году былъ слѣланъ келаремъ Саввина-Сторожевскаго монастыря и получилъ извѣстность въ древнерусской письменности, какъ авторъ „Сказанія о потномъ гласобѣжаніи“⁴⁾. Оставивъ управленіе монастыремъ въ 1677 году, онъ, вѣ-

¹⁾ Ист. Гос. Росс., I, прим. 532.

²⁾ Длинный перечень смысловъ Карамзина на Латухинскую книгу и выписокъ изъ нея см. у *Стрובה* Ключъ къ Исторіи Гос. Росс., подъ словомъ: Латухинъ.

³⁾ Нач.: „Творецъ и создатель Богъ всему
и всей твари, служащей Ему.
Христосъ истинный всѣхъ спаситель,
отецъ явися и зиждитель,
Неизреченнымъ же совѣтомъ
многимъ смъ озаари насъ свѣтомъ“...

Много распространяясь о просвѣщеніи древней Руси истиннымъ свѣтомъ Христовой вѣры, вирши затѣмъ объясняютъ содержаніе слѣдующаго за ними труда такимъ образомъ:

„Сей лѣтописецъ возвѣщаетъ,
многій намъ разумъ просвѣщаетъ:
Древле бывшая вся времена,
единовѣрныхъ намъ племена,
Степени царскія и роды,
лже державства ихъ и годы,
Тѣхъ же времяе благодѣявіе,
отрашно же бысть и злодѣявіе“... и т. д.

⁴⁾ *Стрובה* Синодскіи Іерарховъ, ст. 613.—*Тымова* Троицкій Желтоводскій монастырь у Старога Макарья. М. 1867, стр. 27.—*Омирнова* Историч. описаніе

роятно, продолжалъ жить у Макарья и посвятилъ своей обители трудъ, законченный имъ въ исходѣ 1678 года ¹⁾).

Книга Тихона въ полномъ своемъ составѣ требуетъ особаго изученія, какъ одна изъ многихъ еще малоизвѣстныхъ поштокъ переработать Степенную книгу Макарія. Мы не можемъ, конечно, принять на себя подобнаго труда, не выходя далеко за предѣлы темы. Большой объемъ статей Латухинской книги, посвященныхъ смутѣ, лишаетъ насъ возможности представить и ихъ подробный анализъ, не распространявъ его въ обширную статью. Вотъ почему мы считаемъ себя въ правѣ привести о разбираемомъ памятникѣ только такія замѣчанія, которыя установятъ компилятивный характеръ прозведенія, а, стало быть, и второстепенное его значеніе въ ряду лѣтописныхъ источниковъ для исторіи смуты.

Самое поверхностное сравненіе разбираемой Книги съ Новымъ Лѣтописцемъ показываетъ уже, что послѣдній легъ въ основаніе той части труда Тихона, которая повѣствуетъ о смутномъ времени. Кое-гдѣ измѣненъ порядокъ главъ; часто сокращено изложеніе, переработанъ слогъ; иногда показанія Новаго Лѣтописца замѣнены или дополнены рассказами другихъ писателей; кое-гдѣ внесены извѣстія для насъ новыя,—такой характеръ имѣютъ всѣ передѣлки и отступленія Тихона въ отношеніи къ тексту его главнаго источника. Несмотря на то, что онъ стремился вообще сокращать повѣствованіе Новаго Лѣтописца и совсѣмъ ничего не рассказывалъ, напримѣръ, о перенесеніи мощей царевича Димитрія, о которомъ другіе писатели говорятъ съ особымъ вниманіемъ ²⁾),—не смотря на то онъ часто слѣдовалъ Новому Лѣтописцу даже въ изложеніи весьма мелкихъ событій давняпрошедшаго времени ³⁾).—Кромѣ главнаго своего источника, авторъ охотно черпалъ извѣстія изъ Сказанія Палицына. Изъ него заимствовалъ онъ, между прочимъ, описаніе голода 1601 года,

Саввина-Сторожовскаго монастыря. М. 1879, стр. 98 и прим. 172.—*Удольскаго Замѣчанія для исторіи церковнаго пѣнія въ Россіи (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др., годъ второй (1846—1847), № 3, стр. 14—16).*

¹⁾ Нужно замѣтить, что до насъ дошелъ не авторскій экземпляръ Книги Тихона, а уже дополненный извѣстіями до 1725 года (последнее извѣстіе—о смерти Петра Великаго).

²⁾ Въмѣсто главы о перенесеніи мощей написано лишь ея заглавіе и подъ нимъ слова: „Полное его слово въ Пролозѣ мѣсяца маіа въ 15 день“ (л. 473 об.).

³⁾ Какъ ни примѣръ, укажемъ на подробное описаніе одного изъ богомольныхъ походовъ царя Феодора, взятое прямо изъ Новаго Лѣтописца (Ораам. Ник. Лѣт. VIII, 24—25, и Латух. книгу, л. 428).

причемъ дополнилъ рассказъ Авраамія рассказомъ Хронографа 2-й редакціи ¹⁾). По Сказанію Палицына повѣствоваль о нѣмъ о разбойничествѣ при Борисѣ; а окончаніе третьей главы Палицына послужило ему основаніемъ для особой статьи: „О самохотѣнн царя Бориса укрѣпить свою державу“ ²⁾). Отъ Палицына же взялъ онъ извѣстіе объ оскудѣнн казны въ Троицкомъ монастырѣ и о явленіи преп. Сергія Арсенію Галасунскому ³⁾).—Не одинъ разъ видны заимствованія и изъ Хронографа 2-й редакціи: изъ него, наприимѣръ, взята замѣтка о постройкѣ стѣнъ Бѣлаго города въ Москвѣ; его же словами начинается Тихонъ повѣствованіе о царствованіи царя Михаила ⁴⁾).—Знакомы Тихону и извѣстія Повѣсти 1606 года: наприимѣръ, о лести и угрозахъ Годунова народу предъ избраніемъ его въ цари, о несостоявшейся вазни Шуйскаго при Лжедмитріи, о потѣшномъ адѣ, который устроенъ былъ самозванцемъ ⁵⁾). Можно, наконецъ, замѣтить вліаніе и „Сказанія, еже содѣяся“, — въ рассказѣ Тихона о польскихъ послахъ къ самозванцу и о пріѣздѣ въ Москву Марини Миншекъ ⁶⁾).

Такъ обширенъ былъ кругъ повѣстей о смутѣ, извѣстныхъ Тихону. Но не всѣ подробности Латухинской книги можно найти въ названныхъ нами выше памятникахъ: у Тихона были и такіе источники, опредѣлить которыхъ теперь нельзя, и о характерѣ которыхъ можно только догадываться. Такъ, подробный рассказъ о землетрясеніи въ Астрахани, бывшемъ въ 7116 (1608) году „апрѣлдіа въ 7 день, въ 11 часъ дне“, — даетъ поводъ думать, что у автора Латухинской книги было подъ рукою мѣстное сказаніе объ этомъ событіи ⁷⁾). Откуда-то, — очевидно, изъ письменныхъ документовъ — почер-

¹⁾ Латух. книга, лл. 442 об.—443.—Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 10—13.—Изборникъ Д. Н. Попова, стр. 190.—Уже и Карамзинъ замѣчаетъ, что Латух. книга „повторяетъ“ Сказаніе Палицына (Ист. Гос. Росс., XI, прим. 410).

²⁾ Латух. книга, лл. 446 об.—447, лл. 448—448 об.—Сказаніе Палицына, стр. 14—16, 18—21.

³⁾ Латух. книга, лл. 536, 537.—Сказаніе Палицына, стр. 224—225, 281—282.

⁴⁾ Латух. книга, л. 415 об., лл. 541 об.—542.—Изборникъ, стр. 187, 203.

⁵⁾ Латух. книга, л. 434—434 об., л. 464 об., л. 466—466 об.—Иное Сказаніе, стр. 7, 30, 32.—У Карамзина приведены также нѣкоторыя мѣста, заимствованныя изъ Повѣсти 1606 года и дополненій къ ней въ Иное Сказаніи (Ист. Гос. Росс., XI, примѣч. 574; XII, примѣч. 79, 84, 86 и др.—Слич. Иное Сказаніе, стр. 34, 58—59, 57—58, 60—61).

⁶⁾ Латух. книга, лл. 467—468.—Сказаніе, еже содѣяся, стр. 20—21.—Иск. Лѣт. VIII, 73.

⁷⁾ Латух. книга, лл. 481 об.—482.

паль онъ и точныя хронологическія даты различныхъ событій, какихъ нѣтъ въ его источникахъ, намъ извѣстныхъ. Но всего любопытнѣе цѣлый рядъ извѣстій о Годуновыхъ, оригинальныхъ и притомъ замѣтно благосклонныхъ и къ Борису, и ко всему его роду ¹⁾. Тихонъ не былъ самъ сторонникомъ Бориса и собиралъ о немъ одинаково и хорошіе и дурныя отзывы, не обходя въ этомъ случаѣ и враждебной Годунову Повѣсти 1606 года. Кромѣ того, съ необыкновенною подробностью и очень правдоподобно описывая смерть Ив. Ив. Годунова, онъ допустилъ при этомъ явный анахронизмъ, отнеся событие ко времени перваго, а не втораго самозванца ²⁾. Нѣтъ поэтому никакого основанія приписывать самому Тихону составленіе показаній о Годуновыхъ. Вѣрнѣе, что онъ имѣлъ дѣло съ какими-то документами о Годуновыхъ, или же съ повѣстью о нихъ, до насъ не дошедшею, и не всегда могъ справиться съ этимъ матеріаломъ, неудачно размѣщая его хронологически и сопоставляя пріязненные показанія друзей Бориса съ показаніями его враговъ. Наконецъ, среди разнообразныхъ источниковъ Латухинской книги нельзя не замѣтить и легендарныхъ преданій: рассказъ Тихона о томъ, что патріархъ Игнатій просилъ благословенія у патріарха Іова ³⁾, безъ сомнѣнія, баснословенъ.

Итакъ, Латухинская книга есть памятникъ поздній и компилятивный. Нужно замѣтить, что авторъ ея не высказываетъ никакихъ личныхъ взглядовъ на событія смутной эпохи, не имѣетъ личныхъ симпатій и антипатій по отношеніямъ къ дѣателямъ смуты; онъ только собираетъ факты и при этомъ обнаруживаетъ большую начитанность въ той литературѣ о смутѣ, какая успѣла образоваться къ его времени. При такихъ условіяхъ значеніе для насъ его труда опредѣляется суммою такихъ его показаній, источника которыхъ мы не можемъ опредѣлить. Выдѣлить и оцѣнить эти показанія—задача отдѣльнаго изслѣдованія; исполненіе ея недостижимо въ нашемъ общемъ обзорѣ.

Къ числу памятниковъ, въ которыхъ сочетались литературныя заимствованія съ самостоятельнымъ творчествомъ, слѣдуетъ отнести

¹⁾ Она собрана *Карамзинымъ* (Ист. Гос. Росс. IX, прим. 611, 618, 754; X, прим. 10, 30, 60, 147, 353, 365; XII, прим. 475).

²⁾ Латух. книга, л. 463 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс., XII, прим. 475 (здесь и критическія замѣчанія по поводу этого эпизода).

³⁾ Латух. книга, л. 465—465 об. — *Карамзина* Ист. Гос. Росс. XI, прим. 378. — Сравни. Ник. Лѣт., VIII, 71.

и нѣкоторыя явно легендарныя произведенія. Первое изъ нихъ сохранилось въ Хронографѣ князя М. А. Оболенскаго ¹⁾. Эта рукопись, подробно описанная И. Е. Забѣлинымъ ²⁾, заключаетъ въ себѣ первую редакцію Хронографа, дополненную, между прочимъ, предисловіемъ и статьями Хронографа 1617 года. Разсказъ о смутѣ Хронографа Оболенскаго ничѣмъ по существу не отличается отъ разобранныхъ нами выше статей второй редакціи Хронографа, но изложенъ въ сокращенномъ видѣ ³⁾. Значеніе для историка смуты списка князя Оболенскаго состоитъ не въ его основномъ текстѣ, а въ тѣхъ къ нему прибавленіяхъ, которыя сдѣланы на отдѣльныхъ лоскуткахъ бумаги и вклеены между большими листами рукописи. На нихъ находимъ портреты царя Ѳедора Ивановича, царя Михаила Ѳедоровича и польскаго короля Сигизмунда. Далѣе, на одномъ листѣ читаемъ грамоты самозванца ⁴⁾, а на трехъ другихъ—легендарныя разсказы о разныхъ эпизодахъ смутной эпохи ⁵⁾.

Первый разсказъ — о гибели самозванца и Марини Миншекъ — любопытенъ по своей конструкціи: авторъ для начала взялъ фразу Хронографа 2-й редакціи, видоизмѣнилъ ее ⁶⁾ и къ ней придѣлалъ невѣжественную легенду о поворномъ погребеніи Лжедмитрія и казни Марини въ Астрахани на рынокѣ.—Точно также поступилъ авторъ и съ разсказомъ о Скопинѣ: буквально списалъ первое предложеніе изъ того же Хронографа ⁷⁾, а затѣмъ разсказалъ о посоль-

¹⁾ Нимъ — ркн. Моск. Главн. Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ № 101—128 (въ листъ, скорописью XVII вѣка).

²⁾ И. Е. Забѣлина „Важный хронографъ особаго состава“ въ *Архивъ ист.-юридич. съдѣній Калачова*, I, отд. VI, по изд. 2-му стр. 31—38.

³⁾ Хронографъ Оболенскаго, лл. 533, 534, 537, 540, 543. — Изборникъ, стр. 186—204.—См. первую главу нашего труда.

⁴⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 536. — Ант. Арх. Эксп. II, № 26 и № 34.— Иное Сказаніе, стр. 15—16, 24—27.

⁵⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 535, — о гибели самозванца и о судьбѣ Марини Миншекъ (*Архивъ ист.-юрид. съдѣній*, I, стр. 33—34); л. 538 — о Скопинѣ-Шуйскомъ (не извѣдомо); л. 542 — объ освобожденіи Москвы отъ поляковъ и объ избраніи царя Михаила (начало въ *Архивъ ист.-юрид. съдѣній*, I, стр. 34—36, а конецъ у Забѣлина: Мининъ и Пожарскій. М. 1883, стр. 310—312).

⁶⁾ Изборникъ, стр. 193: „И внезапно бо убо возшумѣша многочисленнаго народа волны и вси великоши, князи и бояре, и державніи земли, разъярившеся на мерзость его“ и т. д.—Срвн. *Архивъ ист.-юрид. съдѣній*, I, стр. 33: „Разъярившеся православніи и возшумѣша яко волны“ и т. д.

⁷⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 538: „въ лето 117 царь Всемлій Юрьевичъ послалъ воеводу своего отъ еродства своего князя Михаила Скопина“ и т. д.

ствѣ Скопина къ самому шведскому королю. Король „преклоняется на милость“, даетъ Скопину 40 тысячъ войска и, послѣ совѣта съ „бурмистромъ“ Пунтусовымъ, требуетъ отъ Скопина городовъ „въ закладъ въ грошахъ и въ кормахъ и во всякихъ проторяхъ подъемныхъ“. Скопинъ уступаетъ „Великій Новгородъ, да Корелской городъ, да Кошорье, да Орѣшекъ, да Юрьи Ливонской, да Иванъ-городъ“, и съ шведскимъ войскомъ разбиваетъ своихъ враговъ „подъ Торжкомъ“ ¹⁾. Побѣда героя возвращаетъ автора къ тексту Хронографа 2-й редакціи: его словами характеризуетъ онъ побѣдителя ²⁾, а затѣмъ кратко описываетъ отравленіе Скопина чертами, близкими къ знакомому уже намъ Сказанію о роженіи князя Михаила ³⁾. Рассказъ заканчивается легендой о разореніи шведами Новгорода за то, что новгородцы „сильны учинилися“ и не заплатили Пунтусову его „гроши и подъемы и кормы и всякія изьяны“. Подробности этой легенды баснословны и нелѣпы: авторъ, напримѣръ, пишетъ, что Пунтусовъ „навѣхалъ“ въ Новгородъ въ 7087 (1579) году, а выѣхалъ въ 7125 (1617) году.

Болѣе независимо отъ Хронографа 2-й редакціи повѣствованіе о нижегородскомъ ополченіи, взятіи Москвы и избраніи царя Михаила, хотя и въ немъ мы видимъ фразу о Мининѣ, цѣликомъ взятую изъ Хронографа ⁴⁾. За то авторъ знаетъ Сказаніе Палицына, ибо упоминаетъ какъ о дѣятельности Авраамія, такъ и о его книгѣ ⁵⁾. Легендарно разбираемое повѣствованіе не менѣе двухъ первыхъ. Козьма Мининъ дѣйствовалъ не какъ земскій староста, а какъ частный че-

Сравни. Изборникъ, стр. 197, и Иное Сказаніе, стр. 66 (до словъ: „скоро исполни; шедъ“..)

¹⁾ Сравни. Ник. Лѣт. VIII, 119—120.

²⁾ „И бысть воевода храбръ и мужественъ, скоро аки молвія супостатыи полки обтече и врагомъ противникъ непобѣдимъ являшеся и тако воѣхъ отъ царствующаго града, яко буря зѣлная съ громомъ страшнымъ и молвіею, всѣхъ разгна, аще не бы темный гробъ такова храбраго Ектора или Ахиллеса погря“ (л. 538).—Слѣх. Изборникъ, стр. 198, и Иное Сказаніе, стр. 66.

³⁾ Изборникъ, стр. 383.—Новы у автора только слова, что „Скопинъ приемилетъ себя духовнаго отца и причащается святыхъ таинъ“ (л. 538).

⁴⁾ „Аще и неискусенъ стремленіемъ, но смѣлъ держнованіемъ“ (*Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35. — Изборникъ, стр. 202. — Иное Сказаніе, стр. 71).

⁵⁾ *Архивъ ист.-юрид. свѣдѣній*, I, стр. 35: „И свѣдалъ келарь Троицкой Авраміи Палицынъ“ и т. д.; немного ниже (стр. 36) читаетъ ссылку на книгу Палицына въ словахъ: „что Авраміи Палицына въ Троицкомъ свѣдѣніи“ (Сравни. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 281—283).

ловѣвъ; онъ успѣлъ собрать полторы тысячи „единомыслениковъ“ и 1700 рублей „третьей денги“,—и только тогда объявилъ о своемъ дѣлѣ земскимъ старостамъ. До прихода Минина подъ Москву Трубецкой „взялъ Бѣлгородъ и Китай“, а затѣмъ они вмѣстѣ снова „взяша градъ Китай“. Когда нижегородское ополченіе шло къ Москвѣ, Пр. Ляпуновъ былъ еще живъ и сталъ съ Трубецкимъ противъ нижегородцевъ. Напротивъ, князя Пожарскаго какъ будто и вовсе не было при освобожденіи Москвы; онъ является только на земскомъ совѣтѣ объ избраніи государя и притомъ въ роли главнаго руководителя. На его вопросъ: „Есть ли у насъ царское приращеніе?“ никто сразу не можетъ отвѣтить. Только на слѣдующій день, и то не духовные и не придворные люди, а простой галичскій дворянинъ и „славнаго Дону атаманъ“ объяснили собору, что Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ имѣетъ право на престолъ, какъ племянникъ царицы Анастасіи и сынъ того самаго человѣка, которому царь Ѳедоръ поручилъ свой скипетръ. Таковы легендарныя несообразности, придающія памятнику характеръ поэтической думы, изложенной въ прозѣ.

Итакъ, приписки къ Хронографу Оболенскаго—легенда, далеко ушедшая отъ исторіи. Возникла она однако на опредѣленномъ историческомъ матеріалѣ, пользовалась его литературною формою, сама приняла видъ историческаго повѣствованія съ хронологическими датами и числовыми показаніями. Когда же она создавалась и кто былъ ея авторомъ? Приписки къ различнымъ частямъ Хронографа Оболенскаго, писанныя одинаковымъ почеркомъ съ разобранными нами повѣствованіями, заключаютъ въ себѣ указанія на годы 1680, 1681 и 1686,—время, когда составлялись дополненія къ основному, болѣе раннему тексту рукописи ¹⁾. Въ повѣствованіи о Скопинѣ авторъ его говоритъ,—что шведы „до днесь“ владѣютъ тѣми городами, которые были ими взяты при Шуйскомъ ²⁾. Оба признака заставляютъ отнести возникновеніе легенды къ XVII в., и даже не къ послѣднимъ его годамъ. Далѣе, почеркъ приписокъ—бѣлорусскаго типа, а самыя приписки заключаютъ въ себѣ иногда польскія и латинскія фразы и обнаруживаютъ въ авторѣ человѣка, знакомаго съ латино-польскою схоластикой. Но еще вопросъ, самъ ли авторъ мелкихъ дополненій къ рукописи Оболенскаго составилъ легендарныя повѣсти о смутѣ

¹⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 263, л. 368 об., л. 522 об. (по современной пагинаціи, которою пользовались мы; у И. Е. Забѣлина другія цифры—по старинной нумераціи листовъ: *Архивъ ист.-юрид. свидѣній*, I, стр. 37).

²⁾ Хронографъ Оболенскаго, л. 538 об.

Думаемъ, что нѣтъ. Какъ можно убѣдиться изъ напечатанныхъ отрывковъ, языкъ этихъ повѣстей—великорусскій, а не бѣлорусскій. Литературные ихъ источники—Хронографъ 1617 года и Сказаніе Палицына—тоже великорусскіе. Очевидно, что еслибы эти повѣсти были составлены самимъ бѣлоруссомъ, дополнявшимъ Хронографъ, то онѣ носили бы на себѣ болѣе замѣтные слѣды его языка и образованія. Кромѣ того, можно указать и прямой признакъ, что авторъ съ чего-то переписывалъ свой разсказъ объ освобожденіи Москвы: онъ пропустилъ въ своемъ оригиналѣ то мѣсто, гдѣ разсказывалось о явленіи прен. Сергія архіепископу Арсенію, и такъ какъ нарушилъ этимъ послѣдовательность изложенія, то считалъ нужнымъ отмѣтить свой пропускъ словами: „Здѣ повѣствуется о Арсеніи Голасунскомъ и о явленіи прен. Сергія, что Аврамія Палицына въ Троицкомъ сѣдѣніи“¹⁾. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что легенды Хронографа Оболенскаго создались непрежѣнно въ Бѣлоруссіи²⁾.

Другое легендарное произведеніе о смутѣ, не уступающее въ произвольномъ творчествѣ Хронографу Оболенскаго,—заключается въ рукописномъ Сказаніи о царствѣ государя и великаго князя Θεодора Іоанновича³⁾. Сказаніе повѣствуетъ о царствованіяхъ Θεодора, Бориса и самозванца. Составъ его опредѣляется очень легко: въ первой половинѣ оно представляетъ пересказъ Милютинскаго

¹⁾ *Арх. ист.-юрид. свидѣній*, I, стр. 36.

²⁾ Чтобы закончить рѣчь о тѣхъ преданіяхъ, которыми окружена была память Мяннина и прославлялся подвигъ нижегородцевъ,—упомянемъ о легендѣ, недавно обнаруженной А. С. Глицкимъ (Нижегородскій Лѣтописецъ. Н.-Новгородъ. 1886, стр. 45—46). Литературная исторія этой легенды такъ мутна, а содержаніе ея такъ сызочно, что мы не рѣшаемся видѣть въ ней сколько-нибудь пригодный для историка документъ.

³⁾ Ркп. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, XVIII в., въ 4 д., 74 л., л. 1—30 (А. Ф. Лычкова Описание церк.-слав. и русск. рукописн. сборниковъ Имп. Публ. Библиотекн, I, стр. 408—410).—Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, XVIII в., въ 4-ку, 58 л. (списокъ неполный, но болѣе исправный; см. Отчетъ Имп. Публ. Библиотекн за 1868 г., стр. 237).—Въ первомъ изъ этихъ списковъ произведеніе озаглавлено: „Сказаніе о царствѣ государя и в. князя Θεодора Іоанновича всея Россіи, и о убіеніи брата его государя царевича Дмитрія Іоанновича Углицкаго и о царствѣ злопрелесника и святоубица Бориса Годунова и о прелести зломъ проклятаго еретика и богоотступника Гришки Отрепьева“. Съ подобнымъ же названіемъ есть списокъ (также XVIII вѣка), намъ неизвѣстный, въ рукописяхъ И. Н. Царскаго, нынѣ гр. Уварова (*Строева Рукописи славянскія и росейскія* И. Н. Царскаго, стр. 564, № 459).

житія цар. Дмитрія, дополненный легендарными вставками, а во второй половинѣ—пересказъ „Повѣсти, како восхити неправдою на Москвѣ царскій престолъ Борисъ Годуновъ“¹⁾ Изъ Житія авторъ заимствовалъ всю первую его часть, то-есть, исторію убіенія царевича и затѣмъ начало статьи о авленіи царевича старцу Тихону до разсказа Житія о самозванцѣ. Разсказъ же о самозванцѣ до его убіенія взялъ онъ изъ „Повѣсти, како восхити“ и пр. Наконецъ, смерть Лжедмитрія описалъ онъ самостоятельно въ краткомъ легендарномъ разсказѣ. Къ своимъ источникамъ авторъ относился очень свободно: то слѣдовалъ имъ дословно, то передѣлывалъ ихъ со стороны слога, то дополнялъ ихъ легендами, развивая простое показаніе въ цѣлую баснословную повѣсть²⁾. Такихъ баснословныхъ повѣстей въ Сказаніи довольно много. Укажемъ виднѣйшія изъ нихъ, опуская вымышленныя риторическія рѣчи, которыя авторъ постоянно влагаетъ въ уста героевъ. Дополненіемъ къ Милютинскому житію является разсказъ объ отправленіи въ Угличъ царевича Дмитрія³⁾; далѣе, разсказъ о волхвованіи Бориса⁴⁾ и повѣствованіе объ убіеніи царе-

¹⁾ Эта Повѣсть, какъ сказано въ первой главѣ, составляетъ сокращеніе Повѣсти 1606 года. Что авторъ разбираемаго Сказанія заимствовалъ не изъ самой Повѣсти 1606 года, а изъ ея передѣлки, доказывается тѣмъ, что онъ точно воспроизвелъ тѣ мѣста послѣдней о самозванцѣ, гдѣ она расходится съ Повѣстью 1606 года.

²⁾ Можно привести очень наглядный примѣръ того, какъ фактъ перерожденія въ легенду подъ перомъ безцеремоннаго сказателя. Въ „Повѣсти, како восхити“, есть такое мѣсто о самозванцѣ, заимствованное прямо изъ Повѣсти 1606 года: „А за щитомъ онъ богомерскій не взялъ ни единыя веси, не точию что мала нѣкоего грида. А знающа его не бѣ никого же въ тѣхъ странахъ“ (Иное Сказаніе, стр. 28). Авторъ Сказанія передѣлалъ эту фразу такъ: „А шелъ онъ океанной въ то время за щитомъ, нелая многорыми длѣями его вскорѣ узнать; вси бо поворихуся ему безъ крахи, чающе его природнымъ (его) государя своего. А знающихъ людей въ тѣхъ (градѣхъ) никого нѣтъ, ктобъ его проклятого въ бѣздахъ зналъ или въ черницѣхъ“ (Имп. Публ. Библ. рип. Погодинск. № 1617, лл. 20 об.—21; рип. Q. 1V. 234, лл. 36 об.—37).

³⁾ Рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 1—2.—*Бычкова* Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 408—409.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 9 (Карамзинъ зналъ разбираемое Сказаніе по Морозовскому Лѣтописцу, куда вошли многіе отрывки Сказанія: см. т. X, прим. 13, 155, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 368, 376, 385; т. XI, прим. 201, 305 (первая смылка), 348, 351, 403).

⁴⁾ Рип. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 2—3.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 221.

вича Дмитрія ¹⁾. Авторъ Сказанія сообщаетъ, будто бы убійцы царевича сознались, что дѣйствовали по приказу Годунова, и будто бы земля не принимала ихъ труповъ ²⁾. Царь Ѳеодоръ, по словамъ автора, узналъ отъ В. Шуйскаго истину о смерти брата, но по своему

¹⁾ Начало разсказа сходно съ Милютинскимъ житіемъ и убійцы названы тѣ же; но самое преступленіе разсказано оригинально: „Они окоянныя (убійцы) по ево Борисову ученію искаше времена на свою погибель и присвокоушша въ своей прелести кормилицу царевича Дмитрія Ивановича именемъ Дарію, по провозвоу Митякову, и прелестиша ея лукавыми своими словами лас(т)но, чтобы она царевича Дмитрія Ивановича вывела изъ царскихъ хоромъ на дворъ гулять. Она жъ окоянная жена по ихъ ласкательнымъ словамъ некоторы(и)и день, взявъ сво неповиннаго младенца за руку, и повела его за руку на дворъ гулять. И рече ему: поидежъ, государь, и погуляемъ на дворѣ! и дастъ на потѣшеніе орѣховъ. А мати его царица Марья Ѳеодоровна того она не вѣдала и была въ заднихъ хороматъ. Царевичъ же по словеси кормилицы своей поиде съ нею на дворъ гулять. Они же окоянныя и злыя провозишцы и святоуби(и)шцы въ то время скоуришишася на дворѣ подъ лѣсницу, на которой поиде царевичъ гулять, и они изостри исподобиме свои руки на убивство неповиннаго младенца государя царевича Дмитрія Ивановича, аки зѣбрис. И какъ царевичъ пошелъ по лѣсницѣ и будетъ посреде лѣсницы, и дѣлкъ Мишка Битяговскі(и)и скоро векочилъ, аки схиждной злой (то-есть, змѣй) и ухватилъ его, незлобиваго младенца, сквозъ лѣсницу за ножки, сынъ же его Давилка за час(т)ную его главу, аки злодѣи и душегубцы. Племянникъ же его Никита Качаловъ, вынявъ ножъ, и закололъ его, аки агнца непорочна и незлобиваго сущаго младенца. И напшишеса окояныя крови его, царевича Дмитрія Ивановича, и пресече царскую младость, и повергоша его на землю мертва, а сами окоянныя побѣжали кон куда и не увидѣли пути себѣ и дороги. И въ той часъ ослапи ихъ неповинная кровь непорочнаго агнца, не потеряла беззаконію ихъ. И ятъкан богонзбранная жена возвѣстала царяцъ Марья Ѳеодоровнѣ о такомъ недѣльномъ дѣлѣ. Она жъ государыня царица скоро изъ хоромъ побѣжала и увидѣла свое милое чадо на земли лежаща мертва“... (Ркн. Имп. Публ. Библ. Погодинск. № 1617, лл. 5 об.—6.—Ркн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 234, л. 3—3 об.—Далѣе разсказъ идетъ близко къ Милютинскому житію). По сравненію съ другими повѣствованіями объ убіеніи царевича Сказаніе рисуетъ совершенно новую картину убійства, и еслибъ эта картина находилась въ другомъ, менѣе легендарномъ памятникѣ, она получила бы значительный историческій интересъ. Въ баснословномъ же памятникѣ и она кажется баснословіемъ.

²⁾ „Наша виновность и наше дѣло (говорили убійцы): неповинная насъ кровь обличила. Послушали прелестника и богоотступника Бориса Годунова, его прелестными словами прелестилися на такое дѣло“. Авторъ Сказанія пользуется суевѣрнымъ разсказомъ Повѣсти 1606 г. о бѣсовскихъ играхъ надъ трупомъ самозванца и переноситъ его черты на убійцъ царевича (Имп. Публ. Библ. ркн. Погодинск. № 1617, лл. 6 об.—7; ркн. Q. IV. 234, лл. 6 об.—7 об.). Замѣтаетъ онъ, кажется, кое-какія подробности и изъ Новаго Лѣтописца (Ник. Лѣт. VIII, 18); но не рѣшается утверждать этого категорически.

беззлобію не наказалъ Бориса, провидя Божью казнь на него ¹⁾). Наконецъ, въ дополненіе къ краткимъ показаніямъ Милютинскаго житія о кончинѣ царя Феодора, въ Сказаніи находимъ пространную легенду объ отравленіи его Борисомъ ²⁾) и нѣсколько замѣчаній объ избраніи Бориса, основанныхъ на „Повѣсти, како восхити“ и пр. ³⁾). Измѣнивъ и распространивъ показаніе житія о старцѣ Тихонѣ ⁴⁾), авторъ Сказанія основываетъ свое дальнѣйшее изложеніе почти исключительно на „Повѣсти, како восхити“ и гораздо менѣе измышляетъ самъ. Къ тексту Повѣсти прибавляетъ онъ между прочимъ извѣстіе о всенародномъ поруганіи тѣла Бориса ⁵⁾), о возвращеніи самозванцемъ сосланныхъ при Борисѣ лицъ, о замыслѣ самозванца избить бояръ ⁶⁾), и наконецъ заключаетъ свой трудъ баснословнѣйшимъ разсказомъ о гибели Лжедмитрія ⁷⁾).

¹⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 12; ркп. Q. IV. 231, л. 19—19 об.

²⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 12 об.—14; ркп. Q. IV. 234, лл. 21 об.—23 об.—*Бычкова* Описание церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 409—410.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., X, прим. 366.—Въ данномъ случаѣ авторъ распространялъ извѣстіе Повѣсти 1606 года (Иное Сказаніе, стр. 29—30).

³⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 14—15 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 24—25, 27 (листы этой последней рукописи спутаны). Авторъ говоритъ, что по смерти мужа царица Ирина Феодоровна держала скипетръ „полтора года“; Борисъ же ей именемъ приказывалъ избрать себя на престолъ, хотя сестра и не благословила его на царство. „М цѣлой годъ онъ царемъ не сидѣлъ на царскомъ престолѣ, понеже сестра его не благословила и не дала царскаго посоха.“ Вотъ до какой степени доходитъ историческое невѣжество автора Сказанія.

⁴⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 16; ркп. Q. IV. 234, лл. 26, 28.—*Бычкова* Описание церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библ., I, стр. 410.

⁵⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, л. 22 об.—23 об.; ркп. Q. IV. 234, л. 41—42.—*Карамзина* Ист. Гос. Росс., XI, прим. 351.

⁶⁾ Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 23 об.—24, лл. 26 об.—27 об.; ркп. Q. IV. 234, лл. 42 об.—43 об., лл. 49—51.—Въ разсказѣ о возвращеніи ссыльныхъ авторъ воспользовался, кажется, Хронографомъ 1617 года (Изборникъ, стр. 198—194); только изъ этого Хронографа могъ онъ взять извѣстіе, что Филаретъ былъ назначенъ въ Ростовъ при самозванцѣ.—О избіеніи же бояръ говоритъ онъ, очевидно, на основаніи не разъ нами упомянутыхъ рѣчей Бузинекихъ.

⁷⁾ Объемъ этого разсказа не позволяетъ привести его цѣликомъ (Имп. Публ. Библ. ркп. Погодинск. № 1617, лл. 29—30; ркп. Q. IV. 234, л. 54—54 об.). Содержаніе его вкратцѣ таково: когда „всѣмъ омерзало“ поведеніе Разстриги, москвичи призвали въ Москву В. И. Шуйскаго и другихъ бояръ и „градскихъ

Историческаго значенія Сказаніе, конечно, имѣть не можетъ ¹⁾; значеніе же историко-литературное, безъ сомнѣнія, имѣеть. Исследователь не будетъ пользоваться показаніями этой сплошной легенды, не свѣривъ ихъ съ ея источниками. Но онъ съ интересомъ отнесется къ литературнымъ приемамъ баснословнаго повѣствованія: въ Сказаніи до мелочей можно прослѣдить отношеніе легенды къ ея фактическому матеріалу и можно такимъ образомъ возсоздать процессъ того творчества, какимъ исторія превращается въ сказку.

Обращаясь къ произведеніямъ, механически соединявшимъ отрывки разныхъ повѣстей и сказаній о смутѣ, мы ограничимся только перечнемъ ихъ и указаніемъ ихъ источниковъ. Перечень нашъ не можетъ быть полнымъ уже потому, что нѣтъ возможности собрать всѣ списки хронографовъ и позднихъ лѣтописцевъ, въ которыхъ находятся компилятивные рассказы о смутѣ. Нѣтъ возможности, кромѣ того, установить въ спискахъ намъ извѣстныхъ какіе-нибудь точные типы компиляцій: каждая рукопись имѣеть свои отличія, и даже повѣствованіе о смутѣ Хронографовъ 3-й редакціи распадается на большее число разрядовъ, чѣмъ тѣ три, какіе старался установить А. Н. Поповъ. Съ этихъ хронографовъ и начнемъ нашъ перечень.

1) Хронографы 3-й редакціи. „То, что мы называемъ третьею редакціею,—говоритъ А. Н. Поповъ,—характеризуется передѣлкою, по новымъ источникамъ, самой важной исторической части Хронографа,—въ русскихъ статьяхъ отъ царствованія Θεодора Ивановича до воцаренія Миханла Θεодоровича“ ²⁾. Русскія статьи въ третьей

людей“: всѣ они были разсланы въ заточеніе и ссылку самозванцемъ. Когда всѣ свѣхались, то москвичи взяли городомъ „пріидоша обличать его (самозванца) на царскій дворъ“. Услыша шумъ, Лжедмитрій тотчасъ приготовилася къ оборонѣ и послалъ по городу собирать своихъ приверженцевъ. Но вѣсть съ тѣмъ онъ „узнавъ свою погибель и нача непрестанно посылать къ царю полатъ и спрашивать: кой часъ и котораго часу четверть? И безпрестанно сидеть за своею еретическою книгою, и дождаецца своего смертнаго часу, и повелѣлъ запереть вси двери полатные накрѣпко“. Однако москвичи съ В. Шуйскимъ во главѣ „вырубиха дверь“, нашли самозванца и „каменіемъ его проклятого еретика побиха“. Ясно, съ какою прихотливою сказкою мы имѣемъ дѣло.

¹⁾ Помимо легендарности повѣствованія, Сказаніе не заслуживаетъ довѣрія и вниманія исследователя, какъ памятникъ поздній. Оно основано на Милютинскомъ житіи, которое само возникло довольно поздно. Всѣ его извѣстные списки относятся къ XVIII вѣку, а языкъ памятника уже не похожъ на языкъ раннихъ повѣстей о смутѣ. Съ большимъ вѣроятіемъ поэтому можно относить Сказаніе или къ концу XVII, или же къ XVIII вѣку.

²⁾ Обзоръ хронографовъ р. редакціи, II, стр. 147.

редакціи составлялись по тремъ источникамъ: Хронографу 1617 года, Сказанію Палицына и Иному Сказанію. Отрывки этихъ произведеній, взятые почти всегда дословно, присоединялись одинъ къ другому и составляли одно повѣствованіе, цѣль котораго заключалась въ возможно подробномъ описаніи событій. А. Н. Поповъ до послѣднихъ мелочей прослѣдилъ характеръ и порядокъ заимствованій Хронографовъ изъ этихъ источниковъ, и къ его труду мы съ своей стороны не можемъ прибавить ничего ¹⁾. Но нельзя не замѣтить, что самъ же Поповъ далъ основаніе заподозрить справедливость своего дѣленія 3-й редакціи на три только разряда. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ остановился на такъ-называемомъ Мухановскомъ хронографѣ и замѣтилъ, что онъ заключаетъ въ себѣ „важные варианты“ сравнительно съ третьимъ разрядомъ 3-й редакціи ²⁾. Дѣйствительно, Хронографъ Муханова отличается отъ всѣхъ разрядовъ, указанныхъ Поповымъ, хотя и составленъ по тѣмъ же тремъ источникамъ, какъ и прочіе разряды ³⁾. Мы могли бы поэтому назвать его четвертымъ разрядомъ 3-й редакціи Хронографа.

2) Хронографъ Императорской Публичной Библіотеки: F. IV. 165, возникшій не ранѣе половины XVII вѣка ⁴⁾, представляетъ собою попытку изложить исторію смуты по Хронографу 1617 года, Повѣсти Катырева-Ростовскаго и грамотѣ Шуйскаго о первомъ

¹⁾ Обзоръ хронографовъ, II, стр. 150—173, 173—198, 198—214.—Изборникъ, стр. 213—246, 257—281.—Очень рѣдкія дополненія къ источникамъ, отдѣльными въ первомъ разрядѣ 3-й редакціи, всѣ указаны Поповымъ (Обзоръ хронографовъ, II, стр. 152.—Изборникъ, стр. 215, 216—218, 239).—Отрывки Хронографа 3-й редакціи издали, кромѣ Попова: гр. *Располчинъ* (Четыре сказанія о Демидѣ, стр. 79—132.—См. Обзоръ хронографовъ, стр. 198—199, № 4 и № 5) и *И. Д. Бяляевъ* (Иное Сказаніе, стр. 81—146, — по рип. изъ собранія Ундольскаго № 725).

²⁾ Мухановскій хронографъ—въ рукописяхъ Археогрѣич. Коммиссіи, № 142 (XVIII в., въ листъ, 895 лл.). Отвѣтъ о немъ Попова — въ *Литописи записній Археогрѣич. Коммиссіи*, V, отд. IV, стр. 158—159.

³⁾ Въ Мухановскомъ хронографѣ глава о царствованіи Θεодора Ивановича начинается первыми словами Повѣсти 1606 года, тогда какъ третій разрядъ пропускаетъ эти слова. Послѣ статьи третьяго разряда „о чудесахъ бывшемъ во царство Василія царя“, вставлены 66, 67, 68 и 71-я главы Сказанія Палицына. Послѣ статьи „о Гермогенѣ патріархѣ“ вставлены 69 и 70-я главы Палицына (См. Обзоръ хронографовъ, II, стр. 207, 212, 213). Такимъ, между прочимъ, отступленіемъ Мухановскаго хронографа отъ третьяго разряда 3-й редакціи, съ которымъ думаетъ его облить А. Н. Поповъ.

⁴⁾ Обзоръ хронографовъ, II, стр. 258.—Изборникъ, стр. 404—412.

самозванцѣ. Его глава „о Ростригѣ“ есть собраніе отрывковъ изъ всѣхъ этихъ источниковъ. Глава „царство Ростриги“ начинается по Хронографу, продолжается изложеніемъ грамоты Шуйскаго и кончается опять отрывками Хронографа ¹⁾). Глава „царство царя Василя“ послѣ вступительной фразы изъ Хронографа излагаетъ ту же грамоту Шуйскаго; дальнѣйшее же повѣствованіе заимствовано уже исключительно изъ Хронографа 1617 года.

3) Погодинскій сборникъ № 1578 заключаетъ въ себѣ краткую лѣтопись, статьи которой о смутѣ сокращенно излагаютъ „Сказаніе, еже содѣяся“, дополняя его отдѣльными фразами Сказанія Палицына ²⁾).

4) Погодинскій сборникъ № 1616, кромѣ разобраннаго уже нами разсказа о событіяхъ смуты, одинаковаго съ Погодинскимъ хронографомъ № 1465, содержитъ въ себѣ еще одно повѣствованіе о смутѣ подъ не совсѣмъ точнымъ названіемъ „О убіеніи благовѣрнаго царевича великаго князя Димитрія“ ³⁾). Начало повѣствованія — по Сказанію Палицына; затѣмъ слѣдуютъ отрывки какого-то оригинальнаго произведенія, извѣстныя Карамзину, — о голодѣ при Борисѣ Годуновѣ ⁴⁾). Прочее же повѣствованіе составлено по краткой редакціи „Сказанія, еже содѣяся“. Отступленіе отъ нея только одно — въ оригинальномъ извѣстїи о ссылкѣ Годуновыхъ при самозванцѣ ⁵⁾).

5) Отрывокъ Соловецкаго хронографа о ссылкѣ Романовыхъ ⁶⁾ состоитъ въ первой половинѣ изъ пересказа словъ Авраамія

¹⁾ Изборникъ, стр. 406—410, стр. 192—194. — Ант. Арх. Эксп. II, № 48. — Иное Сказаніе, стр. 42 и слѣд.

²⁾ Рип. Имп. Публ. Библ., XVII в., въ 4-ку, 174 л., лл. 96—119. — Отрывки приведены А. Ѡ. Бычковымъ въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 155—157 (Фразы Палицына на стр. 156: „такъ жъ Рострига и по граду всегда со многимъ воинствомъ“... „И прѣжъ сирашенія браку“... Слич. Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 26, 28).

³⁾ Рип. Имп. Публ. Библ., XVIII в., въ 4-ву, 385 л., лл. 76—97. — Отрывки приведены А. Ѡ. Бычковымъ въ Описаніи церк.-слав. и русск. сборниковъ Имп. Публ. Библиотеки, I, стр. 468—470, § 4.

⁴⁾ Лл. 77 об.—78 об. (у Бычкова стр. 468). — Карамзинъ Ист. Гос. Росс., XI, прим. 164 и 168. — Карамзинъ бралъ эти показанія изъ незнакомой намъ „Новости о зломъ еретикѣ Грившѣ Отрепьевѣ“. Интересъ отрывковъ о голодѣ — въ томъ, что они писаны очевидцемъ: „то бо мы сами видѣхомъ своимъ очима“ (у Карамзина: „то бо есмь азъ видѣхъ своимъ очима“).

⁵⁾ Л. 86 (у Бычкова стр. 460).

⁶⁾ Изборникъ, стр. 437—438, в предисловіе (подобная же статья въ рип. гр. Ѡ. А. Толстова, отд. I, № 67).

Палицына, а во второй—повторяетъ извѣстія Новаго Лѣтописца, видоизмѣняя ихъ форму¹⁾. Оригинальны неизвѣстно откуда взятое показаніе о смерти Льва Романова и панегирикъ Филарету²⁾.

6) Сборникъ Императорской Публичной Библиотеки Q. XVII. 159 заключаетъ въ себѣ не имѣющій заглавія и замѣчательный по отсутствію системы рассказъ о смерти и погребеніи царя Θεодора, о появленіи самозванца и затѣмъ о слѣдствіи по поводу смерти царя Димитрія. Все изложеніе буквально слѣдуетъ Житію царя Θεодора и Новому Лѣтописцу. Нѣкоторому сокращенію подверглись только подробности погребенія царя Θεодора³⁾.

7) Исторія, како грѣхъ ради нашихъ попусти Господь Богъ праведное свое наказаніе отъ конецъ до конецъ всея Росіи, и т. д.⁴⁾. Это—описаніе всей смутной эпохи, составленное на основаніи Хронографа 2-й редакціи, Палицына и Иного Сказанія. Есть основаніе думать, что авторъ пользовался показаніями своихъ источниковъ уже въ передачѣ 3-й редакціи Хронографа, потому что приводитъ одно изъ тѣхъ рѣдкихъ извѣстій, которое составитель 3-й редакціи присоединилъ къ своимъ источникамъ⁵⁾. За рассказомъ о смутѣ въ Исторіи слѣдуютъ погодныя извѣстія о времени послѣдующемъ, до царствованія царя Алексѣя.

8) Морозовскій Лѣтописецъ⁶⁾, благодаря частымъ ссылкамъ

¹⁾ Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 8.—Ник. Лѣт. VIII, 44.

²⁾ Еще одинъ лѣтописный отрывокъ о томъ же времени Бориса Годунова былъ изданъ И. Д. Виллевымъ (*Архивъ ист.-юр. сѣвннй Калачова*, I, отд. VI, стр. 30—31). Виллевъ ошибочно думалъ, что издавалъ неизвѣстный текстъ: приведенныя имъ извѣстія почти дословно заключаются въ Сказаніи Палицына (изд. 2-е, стр. 8 и 20).

³⁾ Ркп. XVIII в., въ 4 д., 71 л., л. 58—69 об. Замѣтованія идутъ въ такомъ порядкѣ страницъ Никоновой лѣтописи: т. VII, 347, 350, 352—355, 355—357; т. VIII, 54—57, 17—20.

⁴⁾ Ркп. гр. Уварова (изъ собранія И. Н. Царскаго № 415), въ 4 долю, XVII вѣка (около 1661 г.), 124 л., л. 76—101. Нач.: „Благочестивому и храброму во царяхъ...“.

⁵⁾ Л. 76 об. (Изборникъ, стр. 215,—объ отравленіи Гр. В. Годунова).

⁶⁾ Списокъ, кажется, единственный находится въ Имп. Публ. Библ. F. IV. 328, въ листъ, 140 л.; рукопись принадлежала купцамъ Морозовымъ, а затѣмъ гр. Э. А. Толстому (отд. I, № 447), отъ котораго и имѣлъ его Карамзинъ (Ист. Гос. Росс., IX, прим. 328). Карамзинъ относилъ рукопись къ XVII вѣку; Строевъ же и Калайдовичъ относили къ XVIII (Второе прибавленіе къ Описанію рукописей гр. Толстова, стр. 17—18). Первая половина рукописи занята краткимъ лѣтописцемъ, вторая (л. 74 об.—140)—описаніемъ смуты.

на него Карамзина, получилъ значительную извѣстность и обратилъ на себя вниманіе и другихъ историковъ смуты ¹⁾). На самомъ же дѣлѣ значеніе этого памятника для исторіи смутной эпохи ничтожно: онъ представляетъ собою компиляцію, безхитростно соединившую отрывки Повѣсти Катyreва, „Сказанія, еже содѣяся“, „Сказанія о царствѣ гос. и в. кн. Θεодора Ивановича“ и Сказанія Палицына. Въ первой части разсказа о смутѣ, при описаніи царствованія Θεодора, Бориса и Лжедимитрія, авторъ пользовался всѣми этими источниками, причемъ поступалъ такъ: переписывая извѣстіе одного памятника дословно, на поляхъ страницы присоединялъ къ нему извѣстіе другого писателя также въ дословной передачѣ. Въ этомъ собраніи отрывковъ наибольшее мѣсто занимаютъ баснословныя сказанія, свидѣтельства же Катyreва и Палицына только дополняютъ ихъ разсказъ ²⁾). При описаніи же царствованія Шуйскаго и дальнѣйшей смуты (до освобожденія Москвы) составитель прямо списалъ Повѣсть Катyreва безъ всякихъ дополненій. Карамзинъ, не знавшій ни Повѣсти Катyreва, ни „Сказанія о царствѣ“ и пр., имѣлъ полное основаніе смотрѣть на Морозовскій Лѣтописецъ съ большимъ интересомъ; въ настоящее же время такого основанія нѣтъ.

9) Лѣтописецъ Имп. Публ. Библіотеки F. XVII. 17 ³⁾ представляетъ собою подобную Морозовскому Лѣтописцу попытку соединить повѣствованіе различныхъ источниковъ, сопоставляя иногда ихъ пока-

¹⁾ На Морозовскій Лѣтописецъ дѣлали указанія С. М. Соловьевъ (Ист. Россіи, VII, прим. 79, 82, 127) и Бутурлинъ (Исторія смутнаго времени, I, стр. 8, 78, 277).

²⁾ Дополненій, не заключающихся въ названныхъ нами источникахъ Лѣтописца, почти нѣтъ. Мы успѣли замѣтить только, что въ Лѣтописцѣ очень пространно простое повѣстіе Палицына о томъ, что Марѣя Нагая „прельстилась“ и назвала самозванца сыномъ (Сказаніе Палицына, изд. 2-е, стр. 24.— Мороз. Лѣт., л. 109 об.). Кроме того, составитель Лѣтописца внесъ ту самую обличительную рѣчь Гермогена по поводу женитьбы самозванца, которую прибавилъ Шаховской къ даннымъ Катyreва и которую мы привели цѣлкомъ при разборѣ Повѣстей Шаховскаго въ IV главѣ (Мороз. Лѣт., л. 116). Наконецъ, любопытна слѣдующая приписка составителя Лѣтописца: „Стерныя люди говорятъ, яко на Красной площади (въ Москвѣ) были десять церквей и наречены были Пятницы. И отъ простыхъ поселянскихъ женъ, приходяще къ Москвѣ изъ селъ, молящися имъ, и отъ того обывкоша говорити: осмая, и девятая, и десятая пятница“.

³⁾ Ркп. изъ собранія гр. Толстова (отд. I, № 198), XVII в., въ листѣ, 483 лл., Лѣтописецъ на лл. 267—483. Имъ пользовался Соловьевъ (Ист. Россіи, VIII, прим. 60).

занія рядомъ въ видѣ отдѣльныхъ разсказовъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Въ основаніе Лѣтописца положены статьи Хронографа 1617 года и дополнены извѣстіями Новаго Лѣтописца и Авр. Палицына. Между прочимъ составитель Лѣтописца сохранилъ намъ въ краткомъ пересказѣ неизвѣстное сказаніе о небесномъ знаменіи 1613 года ¹⁾; другихъ же дополненій къ источникамъ онъ, насколько можемъ судить, не дѣлалъ.

10) Рукопись Имп. Академіи Наукъ № 46 ²⁾ является очень интереснымъ памятникомъ, въ которомъ видно стремленіе собрать данныя для исторіи всего XVII вѣка. Начинается повѣствованіе описаніемъ московскаго разоренія, освобожденія Москвы и царствованія Михаила. Оно взято цѣлкомъ изъ позднѣйшаго извода Новаго Лѣтописца ³⁾. Затѣмъ, послѣ краткихъ замѣчаній о времени царей Алексѣя и Θεодора, помѣщены Записки Сильвестра Медвѣдева. Къ показаніямъ Новаго Лѣтописца нѣтъ рѣшительно никакихъ дополненій ⁴⁾.

Этими замѣчаніями мы и можемъ закончить нашу рѣчь о компилятивныхъ произведеніяхъ ⁵⁾. Переходимъ къ послѣдному виду памятниковъ, касающихся исторіи смуты,—къ сказаніямъ мѣстнымъ.

¹⁾ Л. 471: „Обратомъ же нѣгдѣ въ особимъ писаніихъ предивное сіе знаменіе 121 (1613) году, іюля въ“ „день, на исходѣ 17 часу дни“... Знаменіе состояло въ томъ, что на солнцѣ нѣмъли два звѣря „зракомъ яко звій великъ“ и „яко медвѣдь великій“. Они рвали солнцѣ на куски и уже едва не истребили его совѣтъ, но, наконецъ, исчезли, и солнцѣ засіяло по прежнему. Ясна аналогія солнца съ погибавшей и только что ожившей Москвой, но примаго толкованія знаменія въ Лѣтописцѣ нѣтъ.

²⁾ Ркп. XVIII вѣка (не позже 1761 года), въ листъ, 10+186 лл. (см. Соколова Каталогъ обстоятельный рукописей Имп. Академіи Наукъ, стр. 16).

³⁾ Новый Лѣтописецъ по списку кн. Оболенскаго. М. 1853, стр. 144—190 (съ главы 161-й и до конца).

⁴⁾ Любопытно, что и та рукопись, съ которой издалъ кн. Оболенскій свой Новый Лѣтописецъ, имѣла такой же приблизительно составъ, какъ и рукопись Академіи Наукъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ ней заключался весь текстъ Новаго Лѣтописца (Предисловіе къ Лѣтописцу Оболенскаго, III).

⁵⁾ Кругъ извѣстныхъ намъ сколько-нибудь любопытныхъ произведеній будетъ исчерпанъ, если мы укажемъ на двѣ рукописи, заслѣдовать которыя съ желаніемъ точностью намъ не пришлось. Обѣ онѣ принадлежатъ Имп. Публ. Библіотекѣ. Первая (Погодинск. № 1624) описана А. Ф. Бычковымъ (Описаніе церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 411—415, § 13) и повѣствуетъ о смутѣ на основаніи Житія цара Θεодора и Сказанія Палицына. Въ другой же (Q. IV. 139, или, по каталогу Ф. А. Толстова, отд. II, № 101)—находится краткій „Лѣтописецъ великія земли Россійскія“, доведенный до 1700 года: его повѣствованіе о смутѣ

III. О мѣстныхъ сказаніяхъ, повѣствующихъ о смутѣ, мы можемъ предложить лишь самыя краткія замѣтки. Намъ не удалось ознакомиться со всѣми ихъ списками, извѣстными по описаніямъ библіотекъ и древлехранилицъ. Поэтому подборъ текстовъ, бывшихъ въ нашемъ распоряженіи, довольно случаенъ, и нельзя ручаться, что намъ удалось исчерпать весь археографическій матеріалъ этого рода. Съ другой стороны изученіе многихъ изъ мѣстныхъ сказаній затрудняется самымъ свойствомъ ихъ содержанія: для надлежащаго уразумѣнія его необходимо знакомство съ мѣстной топографіей и исторіей, которое не всегда въ средствахъ изслѣдователя. Вотъ почему мы сознательно придавали лишь второстепенное значеніе въ нашемъ трудѣ тѣмъ извѣстіямъ о смутѣ, которыя или повѣствуютъ о событіяхъ, имѣвшихъ только мѣстный интересъ, или носятъ на себѣ отпечатокъ мѣстнаго творчества.

Обиліе извѣстій о смутѣ находимъ мы въ Новгородскихъ лѣтописяхъ. На ряду съ простыми лѣтописными замѣтками о фактахъ смутнаго времени ¹⁾, находятся здѣсь и отдѣльныя сказанія. Таково въ „Лѣтописцѣ новгородскомъ церквамъ Божіимъ“ сказаніе О взятіи великаго Новгорода отъ Нѣмецъ, отмѣченное печатью правды и, очевидно, раннее ²⁾. Къ нему приписана статья О взятіи Новгородскомъ и о послѣхъ, дословно заимствованная изъ Но-

довольно кратко и составлено по хронограммѣ и Сказанію Палыцына, на которое дѣлаются прямыя указанія (л. 316). Изъ этого Лѣтописца взять рассказъ протопопа Терентія о явленіи 1606 года, напечатанный въ *Лѣтописи землей Археографич. Комиссiи*, I, отд. II, стр. 52—56. — Кончая нашу рѣчь о второстепенныхъ трудахъ по исторіи смуты, не можемъ не упомянуть о трудѣ переводномъ. Въ концѣ XVII в. на русскій языкъ переведена была польская Хроника бискупа Павла Писецкаго (съ конца XVI вѣка по 1637 годъ), и переводъ ея сохранился въ ркп. Имп. Публ. Библ. Ф. IV. 163 (въ собраніи гр. Ф. А. Толстова, отд. I, № 17). Съ этого списка отрывки Хроники изданы Имп. Обществомъ Любителей Др. Письменности подъ редакціей арх. Леониды (Памятники древней письменности. Смутное время и московско-польская война. С.-Пб. 1887).

¹⁾ Такія замѣтки внесены въ „Краткій Лѣтописецъ новгородскихъ владыкъ“ (И. Собр. Р. Лѣт. III, 187. — Новгородскія Лѣтописи. С.-Пб. 1879, стр. 149—150) и въ „Лѣтописецъ новгородскій церквамъ Божіимъ“ (И. Собр. Р. Лѣт. III, 264 — Новг. Лѣт., 350—351). Не можемъ считать особенно пригоднымъ историческимъ источникомъ Дворищенскаго Лѣтописца, дѣлающаго ссылки на историческіе труды прошлаго вѣка (Новг. Лѣт., 449—456, и особенно 455; 470—475, и особенно 474).

²⁾ И. Собр. Р. Лѣт. III, 264—266. — Новг. Лѣт., 352—355.

ваго Лѣтописца ¹⁾. Въ томъ же Лѣтописцѣ церквамъ Божиимъ помѣщено и Сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря въ 1618 году, существующее въ отдѣльныхъ спискахъ въ болѣе пространномъ видѣ. Сличая текстъ краткаго Сказанія, занесеннаго въ Лѣтопись ²⁾, съ текстомъ пространнаго, существовавшаго отдѣльно ³⁾, легко замѣчаемъ, что они близки между собою. Краткое Сказаніе написано, по всѣмъ признакамъ, очевидцемъ Тихвинской осады, очень просто, хотя и литературнымъ языкомъ. Пространное же Сказаніе передѣлало рассказъ краткаго въ риторическую напыщенную Повѣсть, не внесло собственно въ исторію осады ничего фактически новаго, за то стерло многія цѣнныя подробности событій и къ изложенію осады прибавило вступленіе, заимствованное изъ Хронографа 1617 года и Новаго Лѣтописца ⁴⁾.

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 266—267.—Новг. Лѣт., 355—357.—Ник. Лѣт. VIII, 168—170.—Нѣтъ никакого основанія думать, чтобы эта статья была перенесена въ Новый Лѣтописецъ изъ Новгородскаго свода. Начало ея („В то же время...“) совершенно понятно въ первомъ памятникѣ и неопознано во второмъ, гдѣ уже были рассказаны событія болѣе позднія, чѣмъ приходъ шведовъ на Гутынь: вотъ почему составитель Новгородскаго свода и счелъ нужнымъ вставить отъ себя слово какъ („В то же время, какъ...“). Въ Новомъ Лѣтописцѣ статья о взятіи Новгорода в слогомъ и степени подробности гармонируетъ совершенно съ рядомъ другихъ извѣстій о новгородскихъ дѣлахъ. Собиравшій же Новгородскаго свода о штурмѣ Новгорода имѣлъ болѣе подробныя извѣстія въ мѣстномъ сказаніи, а къ Новому Лѣтописцу обратился за свѣдѣніями о капитуляціи новгородцевъ и о посольствѣ ихъ въ Швецію: этихъ свѣдѣній онъ, очевидно, не нашелъ на мѣстѣ. Переноса изъ Новаго Лѣтописца статью цѣликомъ, онъ оставилъ въ ней всѣ выраженія своего источника—и о жителяхъ Новгорода писалъ „ногородцы“ (такъ называлъ ихъ посторонній Новгороду авторъ Новаго Лѣтописца), а раньше онъ выражался о нихъ иначе: „людіе Великаго Новаграда“, „людіе христіанетин“.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 267—273.—Новг. Лѣт., 357—373.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт. III, 283—305 и 206.—Новг. Лѣт., 405—448 и XX—XXI (здесь текстъ полнѣе).—Списки въ Имп. Публ. Библіотекѣ: ркн. Погодинск. № 1601, XVII в., въ 4-ку, 147 л., лл. 88—120, и ркн. Погодинск. № 1619, XVII в., въ 12 д., 176 л., лл. 95—176 (А. Θ. Вычкова Описание церк.-слав. и русск. сборниковъ, I, стр. 238—239, 397.—*Москвитинимъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 137—138).—Это Сказаніе составлено въ 1658 году Иродіономъ Сергѣевымъ иконошникомъ, вѣроятно, Тихвинскаго монастыря (Новг. Лѣт., XXI.—Впрочемъ, существуетъ мнѣніе, что въ 1658 г. Сказаніе было только переписано съ болѣе ранней рукописи: Ист.-статистич. описаніе первокласснаго Тихвинскаго Богородицкаго монастыря. С.-Пб. 1859, стр. 16—31 и прим. 19).

⁴⁾ Сравни. Изборникъ, стр. 197 и 203, съ первой статьей Сказанія („Всякое слово побѣждается...“) и съ главой его „О пріятіи царств. града Москвы“ (П.

И въ Псковскихъ лѣтописяхъ находится много извѣстій о смутномъ времени. Къ такъ-называемой Первой Псковской лѣтописи приписанъ длинный рядъ замѣтокъ по годамъ, то краткихъ, то переходящихъ въ очень подробные рассказы о мѣстныхъ дѣлахъ ¹⁾. Въ нѣкоторыхъ же спискахъ этой лѣтописи взаимно рассказы по годамъ находимъ отдѣльныя сказанія о смутѣ. Первое изъ нихъ—О прежнемъ пришествіи нѣмецкомъ и о нынѣшнемъ на Новгородскую землю—заключаетъ въ себѣ рядъ очень бѣглыхъ замѣтокъ касательно смутнаго времени и интересный рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ подъ Псковомъ въ 1615 году ²⁾. Другое—О нашествіи Литвы на Нечерскій монастырь во Псковской области—представляетъ собою, вѣроятно, извлечение изъ полной Повѣсти о Псково-Нечерскомъ монастырѣ, съ составомъ которой намъ не удалось ознакомиться ³⁾. Далѣе, въ Первой Псковской лѣтописи слѣдуютъ два извѣстныхъ сказанія, достаточно характеризованныхъ С. М. Соловьевымъ ⁴⁾. Сказаніе О бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ, иже

Собр. Р. Лѣт. III, 283—284, 285. —Новг. Лѣт., 405—407, 408; главы 25 и 27).—Ср. Ник. Лѣт. VIII, 168—169, и главу Сказанія „О взятіи Великаго Новгорода“ (П. Собр. Р. Лѣт. III, 284—285.—Новг. Лѣт., 407—408; глава 26). Вся дополненія пространнаго Сказанія къ краткому носятъ характеръ риторическій или агіографическій. Только въ главахъ 28 и 29 (П. Собр. Р. Лѣт. III, 285—286.—Новг. Лѣт., 408—411) находимъ фактическія добавленія изъ источника, имя неизвѣстнаго (ср. Ник. Лѣт. VIII, 205, 208).

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 321—332.—Псковская Лѣтопись, изд. Погодинымъ М. 1837, стр. 213—235.—Можно думать, что первоначально этотъ изводъ Первой Псковской лѣтописи кончался извѣстіемъ о сожженіи Москвы въ 1611 году и словами „Царства царя Василія полчетверта лѣта“ (П. Собр. Р. Лѣт. IV, 322). Это видно изъ того, что послѣдующія извѣстія снова возвращаются къ царю Василію и говорятъ о немъ уже подробно. Въ другомъ изводѣ Первой Псковской лѣтописи (о немъ см. П. Собр. Р. Лѣт., IV, 171, 307, 342—345; V, 49—71) погодныя замѣтки замѣнены рядомъ отдѣльныхъ сказаній, о которыхъ рѣчь ниже.

²⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 51—54.

³⁾ Повѣсть о Псково-Нечерскомъ монастырѣ издава подъ названіемъ: „Повѣсть о началѣ и основаніи Нечерскаго монастыря, взятая изъ древнихъ Лѣтописцевъ, обращающихъ въ книгохранилищѣ онаго монастыря“ (изданіе 2-е. Псковъ. 1849). Но въ ней нѣтъ статей, касающихся смуты. О рукописныхъ текстахъ, составѣ и происхожденіи Повѣсти см. *Ключевскаго Древнерусскія житія святыхъ*, стр. 249—250 и 315—316; также *Строева Библиол. Словарь*, стр. 378—380, и *Москвитинимъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 139.

⁴⁾ Ист. Россіи, IX, по изд. 1875 г. стр. 428—431 и 431—436.

бнѣсть въ Велицѣй Росіи, ¹⁾—обнаруживаетъ въ своемъ авторѣ псковича низшихъ классовъ общества, писавшаго о московскихъ событіяхъ „по стоустой молвѣ народной“, какъ выражается Соловьевъ. Онъ внесъ въ свое повѣствованіе много басенъ, примѣромъ которыхъ можетъ служить его рассказъ о сверженіи Шуйскаго. Явная противобоярская тенденція и довольно позднее происхожденіе Сказанія, писаннаго далеко не въ самую смуту ²⁾ вмѣстѣ съ его баснословностью не позволяютъ придавать большую цѣну его показаніямъ. Сказаніе о смятеніи, междоусобіи и отступленіи Псковичъ отъ Московскаго государства ³⁾ болѣе предыдущаго занимается мѣстными дѣлами и въ своихъ сообщеніяхъ часто сближается съ текстомъ другаго извода Первой Псковской лѣтописи. Нельзя однако прослѣдить прямой литературной связи между обоими памятниками. Какъ уже выяснилъ С. М. Соловьевъ, они отличаются другъ отъ друга основною точкой зрѣнія. Въ то время, какъ авторъ погодныхъ замѣтокъ отличался безпристрастіемъ, авторъ „Сказанія о смятеніи“ и пр. былъ настроенъ противъ „смердовъ самовластія“, не разъ наступавшаго во Псковѣ, и держалъ сторону „нарочитыхъ мужей“ псковскихъ. И съ литературной стороны онъ былъ самостоятеленъ: хотя его Сказаніе знаетъ фактъ 144 (1636) года ⁴⁾ и, стало быть, поздно приняло окончательную редакцію, однако въ немъ можно найдти много впечатлѣній очевидца, записанныхъ совершенно независимо отъ погодныхъ замѣтокъ, названныхъ нами.

Въ такъ-называемой Повѣсти о явленіи чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы, иже нарицается Курская ⁵⁾, находимъ стремленіе составить исторію города Курска съ его основанія. Нѣсколько главъ этой исторіи посвящено и общерусскимъ событіямъ въ смуту. Изъ нихъ только двѣ главы („О взятіи сего образа изъ

¹⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 55—56.

²⁾ Последнее извѣстіе Сказанія, изложенное съ общей тенденціозной точки зрѣнія, касается смерти Маріи Долгорукой, жены царя Михаила. Она умерла въ 1626 году (Дворц. Разряды, I, 658.—Ник. Лѣт. VIII, 248); стало быть, ранѣе этого года не могло быть написано Сказаніе.

³⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 66—73.

⁴⁾ П. Собр. Р. Лѣт. V, 73

⁵⁾ *Москвитинимъ* за 1843 г., ч. V, № 9, стр. 188—139. Списокъ, принадлежавшаго Погодину, мы не знаемъ и пользовались списокомъ Имп. Публ. Вибл. Q. IV. 10 (изъ собранія гр. Ф. А. Толстова, отд. V, № 13, новаго письма, въ 4-ку, 112 л.). Другой списокъ въ библиотекѣ гр. Уварова (изъ собранія Царскаго № 548, въ 4-ку, 1744 г., 133 л.).

града Курска во градъ Путный⁴ и „О намѣствіи на сію страну гетмановъ“ и т. д.)¹⁾ даютъ нѣсколько новыхъ, хотя и скудныхъ чертъ для исторіи перваго самозванца и для московско-польской войны 1618 года. Остальныя же подробности о смутѣ заимствованы у Авр. Палицына²⁾, на котораго ссылается самъ авторъ, и изъ Хронографа 1617 года³⁾.

Если мы помянемъ еще Сказаніе о намѣствіи поляковъ на Устюжну Желѣзнопольскую⁴⁾, отрывки изъ Угличскаго Лѣтописца⁵⁾, Сказаніе о разореніи Пафнутьева монастыря⁶⁾ и Лѣтописцы Двинскій и Нижегородскій⁷⁾,—то исчерпаемъ всѣ тексты мѣстныхъ сказаній о смутѣ, какіе были въ нашихъ рукахъ. Еще разъ рѣшаемся повторить, что не смотримъ на нашъ перечень какъ на полный сводъ того мѣстнаго матеріала о смутѣ, которымъ въ настоящую минуту можетъ располагать наша историографія.

С. Платоновъ.

¹⁾ Ркн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, лл. 51—52, лл. 68 об.—80.

²⁾ Ркн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 60 об.: „въ книгѣ описано о семъ Троицкаго келара Аврамія Палицына“.

³⁾ Ркн. Имп. Публ. Библ. Q. IV. 10, л. 33: „А рки четверть кунши“... Иборникъ, стр. 190.

⁴⁾ Русск. Ист. Библиотека, II, № 187, ст. 793—814.

⁵⁾ Ярославскія Епархіальныя Видомости за 1867 годъ, № 9—№ 21, стр. 70—168 (Часть неофициальная). — Ркн. Имп. Публ. Библ. Q. XVII. 54, конда XVIII в., въ 4-ку, 48 лл., лл. 1—32.—Оба текста не даютъ точнаго понятія о настоящемъ составѣ и времени происхожденія Лѣтописца.

⁶⁾ Др. Росс. Визл., изд. 2-е, XI, стр. 419—422.—Составитель ошибочно отнесъ событіе къ 1606 году (вмѣсто 1610) и невѣжественно соединилъ два отрывка Новаго Лѣтописца о Тушинскомъ ворѣ и Лжепетрѣ (Ник. Лѣт. VIII, 136—137 и 87—88).

⁷⁾ Двинскій Лѣтописецъ въ Др. Росс. Визл., изд. 2-е, XVIII, стр. 1—71 статья о смутѣ на стр. 16—22).—Нижегородскій Лѣтописецъ, начаталинскій первоначально въ томъ же томѣ Др. Росс. Визл. (стр. 72—94), издавъ отдѣльно А. С. Гацискима („Нижегородскій Лѣтописецъ“. Н.-Новг. 1896. Извѣстія о смутѣ на стр. 36—50).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новый взглядъ на государственную дѣятельность Перикла.

Max. Duncker. Geschichte des Alterthums. Neue Folge. I—II Band. Leipzig. 1884—1886.

До сихъ поръ въ исторической наукѣ господствовала, можно сказать, исключительно та точка зрѣнія на Перикла, которую установилъ Фукидидъ. Характеристика, посвященная послѣднимъ своему знаменитому современнику, принималась безусловно такими историками какъ Гротъ, Курціусъ, Ранке (въ „Weltgeschichte“), не говоря уже о Герцбергѣ и Адольфѣ Шмидтѣ, авторѣ спеціальной монографіи о Периклѣ ¹⁾ и особенно преклоняющемся предъ своимъ героемъ. Такъ, приведя эту характеристику, Шмидтъ прямо заявляетъ, что она должна служить путеводною звѣздою нашего собственнаго сужденія, масштабомъ нынѣшняго изслѣдованія, и все, что находится въ явномъ противорѣчій съ нею, должно быть безусловно отвергнуто (р. 11). А Курціусъ, напримѣръ, характеризуя Перикла и касаясь нападокъ на него въ древности, говоритъ: „Тѣмъ болѣе признательны мы единственному историку, давшему намъ возможность узнать, не смотря на всѣ искаженія, первоначальныя черты образа Перикла; тѣмъ отраднѣе становится для насъ задача съ изумленіемъ изучать, опираясь на Фукидида, всѣ слѣды, которые великій духъ Перикла оставилъ въ исторіи своего народа“ („Ист. Греціи“, II, 342).

Но въ послѣднее время, судя по нѣкоторымъ признакамъ, въ нѣмецкой ученой литературѣ совершается поворотъ въ другую сторону:

¹⁾ Perikles und sein Zeitalter. Iena. 1877.

является попытка подвергнуть строгой критикѣ точку зрѣнія Фукидида на Перикла. Такъ, одинъ изъ извѣстныхъ изслѣдователей по средневѣковой исторіи, Pflugk-Harttung, въ своей книгѣ: „Perikles als Feldherr“, вышедшей въ 1884 г., находя свидѣтельство Фукидида пристрастнымъ, старается доказать несостоятельность Перикла, какъ полководца и даже какъ государственнаго дѣятеля¹⁾. Такого же взгляда держится и Максъ Дункеръ въ послѣднихъ двухъ томахъ своей столь извѣстной „Исторіи древняго міра“. Трудъ этотъ доставилъ славу Дункеру. Это главное произведеніе его жизни; надъ нимъ онъ работалъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, постоянно исправляя и дополняя его. „Geschichte des Alterthums“ впервые вышла еще въ 1852 г. и съ тѣхъ поръ выдержала нѣсколько изданій, изъ которыхъ послѣднія представляютъ, можно смѣло сказать, совершенно новый трудъ—такъ велики тутъ измѣненія и дополненія, сдѣланныя авторомъ: изложенію исторіи древняго Востока и Греціи до битвы при Платеѣ, вмѣсто прежнихъ 4 томовъ, посвящено здѣсь цѣлыхъ 7. Въ послѣдніе годы престарѣлый авторъ рѣшился продолжать свой трудъ; въ 1884 г. вышелъ 8-й томъ („Die Gründung der Macht Athens und der erste Krieg mit den Peloponnesiern“), а въ январѣ 1886 г.—9-й („Die Staatsleitung des Perikles“), составлявшіе начало „Новой серіи“, („Neue Folge“); но 9-го (21-го) іюля прошлаго года 75-лѣтняго историка постигла смерть, и такимъ образомъ его „Исторія древняго міра“ остается не оконченною; она доведена лишь до смерти Перикла.

Многихъ бесспорныхъ достоинствъ книги Дункера, на которыя указываетъ, между прочимъ, Гольмъ (Holm) въ своей рецензій²⁾, мы

¹⁾ Образцомъ тона автора могутъ служить слѣдующія ерамы (по поводу набранія Перикла вновь въ стратеги послѣ осужденія): по Pflugk-Harttung'у, „ging es den Athenern fast wie einem Mädchen, das sich in dem Geliebten zwar getäuscht sieht, aber nicht mehr recht ohne ihn leben kann.—Doch Ansehen und Vertrauen scheinen geknickt gewesen zu sein“. См. рецензію *Пельманна* въ *Hist. Zeitschr.*, 1886, 2-tes Heft.

²⁾ *Berliner philologische Wochenschrift*, 15 mai, 1886, № 20, p. 622—628. Вотъ, капризъ, заключительныя слова этой рецензій: „Die Menge der einzelnen Beiträge zur Geschichte der Zeit, welche der Band enthält, hier aufzuzählen ist unmöglich. Es kann hier vielfach im einzelnen Widerspruch erhoben werden; aber es ist immer anzuerkennen, dass die Ansichten Dunczers wohlervogen sind und stets mit dem Ganzen seiner Darstellung im trefflichsten Zusammenhang stehen. Wir stehen an nicht, den vorliegenden Band für die glänzendste Leistung zu erklären, die seit lange auf dem Gebiete der griechischen Geschichte

не будемъ здѣсь касаться, а въ виду извѣстности автора и несомнѣнной оригинальности его взгляда, остановимся подробнѣе на его характеристикѣ Перикла, которая такъ идетъ въ разрѣзъ съ общепринятою, и рассмотримъ, на сколько основательны тѣ доводы, которые приводятъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія.

Въ первый разъ Дункеръ характеризуетъ Перикла рядомъ съ Эфіальтомъ по поводу просьбы Спарты о помощи во время такъ-называемой „Третьей Мессенской войны“. Онъ указываетъ тутъ на богатые дарованія Перикла, на цѣлый рядъ славныхъ предковъ его, что, безъ сомнѣнія, открывало ему путь къ вліянію. Но вообще первое мѣсто Дункеръ отводитъ Эфіальту; Периклъ является у него пока на второмъ планѣ, и взглядъ автора еще не выступаетъ здѣсь со всею своею опредѣленностью. Тѣмъ не менѣе можно уже предугадать, съ какой точки зрѣнія будетъ смотрѣть Дункеръ на Перикла въ дальнѣйшемъ. Такъ, онъ приводитъ свидѣтельство Плутарха о томъ, что Периклъ, по натурѣ своей далеко не демократъ (гл. VII), сталъ на сторону демоса, надѣясь такимъ путемъ добиться вліянія и успѣха въ борьбѣ съ Кимономъ, и что, не будучи въ состояніи соперничать съ послѣднимъ въ богатствѣ и щедрости, онъ прибѣгнулъ къ другимъ средствамъ, чтобы подкупить въ свою пользу народъ ¹⁾. А по поводу извѣстнаго процесса Кимона Дункеръ отвергаетъ свидѣтельство того же Плутарха (Simon, 14), по которому Периклъ, сначала одинъ изъ рьяныхъ обвинителей Кимона, потомъ, во время самаго процесса, далеко не ревностно обвинялъ своего соперника, явступивъ съ рѣчью всего одинъ разъ, лишь бы только формально исполнить свою обязанность въ качествѣ назначеннаго народомъ обвинителя. „Тутъ противорѣчіе“, замѣчаетъ Дункеръ; — „да такой

erschienen ist. Es ist eine Arbeit aus einem Guss, in der Darstellung nach unserer Meinung dem vorigen Bande des Werkes überlegen; alles Einzelne von dem das Ganze durchdringenden Gedanken beherrscht; eine Arbeit, die von dem Standpunkt des Verf. aus, welcher die Entwicklung Athens von 449—429 eingehend zeichnen wollte, nicht besser gelingen konnte, als sie ihm gelingen ist“. *Cossmann* новой отзывъ даетъ *Nisse* въ своей рецензіи, помѣщенной въ *Göttingische gelehrte Anzeigen* (1886, № 19, p. 741—755): „Der Verf. gibt... eine originelle, von seinen Vorgängern oft abweichende Darstellung; jedoch haben wir in ihr einen Fortschritt in der wissenschaftlichen Behandlung der griechischen Geschichte nicht zu erkennen“.

¹⁾ Periol., 7, 9; ср. у Дункера, II, 496. О побужденіяхъ, которыми могли руководить въ данномъ случаѣ Перикломъ, см. *Schmidt*, p. 16; *Curtius*, 216; *Люберольскій*. Очеркъ государственной дѣятельности и частной жизни Перикла. (*Извѣстія Ист.-фила. института кн. Вязбородко*, I, 16).

образъ дѣйствій во всякомъ случаѣ не служить къ чести Перикла⁴ (р. 254—255); а въ концѣ втораго тома, давая общую характеристику Перикла и касаясь сказанныхъ имъ на смертномъ одрѣ словъ, что онъ никого не заставилъ носить трауръ, Дункеръ говоритъ: „однако Периклъ выступилъ противъ самого Кимона съ такимъ обвиненіемъ, послѣдствіемъ котораго могла быть казнь обвиняемаго, и не его заслуга, если гелиасты оправдали Кимона“ (II, 496). Напрасно только Дункеръ такъ рѣшительно отвергаетъ показаніе Плутарха: въ этомъ свидѣтельствѣ нѣтъ никакого противорѣчія. Дѣйствія Перикла, какъ передаетъ о нихъ Плутархъ, можно объяснить, не прибѣгая вовсе къ предположенію о великодушіи его и гуманнхъ чувствахъ: Периклъ могъ ближе узнать настроеніе афинянъ и убѣдиться, что на осужденіе Кимона нельзя разчитывать, поэтому и предпочелъ не играть таковой дѣятельной роли въ процессѣ, какъ этого можно было ожидать. Во всякомъ случаѣ Периклу нужна была не казнь Кимона: онъ вмѣстѣ съ Эфіальтомъ, котораго столь высоко во всѣхъ отношеніяхъ ставитъ Дункеръ, имѣлъ въ виду лишь пошатнуть положеніе соперника, лишить его преобладающаго вліянія, нанеся ему нравственный ударъ обвиненіемъ.

На реформѣ, касавшейся ареопага, и другихъ, связанныхъ съ нею, останавливаться я не буду, такъ какъ главнымъ дѣятелемъ тутъ у Дункера является Эфіальтъ, хотя строго говоря, за отсутствіемъ данныхъ, мы не можемъ сказать навѣрно, что въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Эфіальту и что—Периклу. Кому изъ нихъ, напримѣръ, принадлежитъ самая мысль реформы? Для оцѣнки послѣдующаго взгляда автора на внутреннюю политику Перикла нужно только замѣтить, что къ реформамъ Эфіальта отъ относится съ сочувствіемъ и указываетъ на ихъ умѣренность и благоразумную осторожность.

Какъ вообще скудны наши свѣдѣнія о той эпохѣ и какое широкое поле вслѣдствіе этого открывается для самыхъ разнообразныхъ догадокъ, видно, напримѣръ, изъ того, что виновникомъ экспедиціи въ Египетъ на помощь Инару считали прежде Кимона (см. между прочимъ А. Schmidt, р. 44), а недавно нѣмецкій историкъ Бузолтъ¹⁾ возложилъ на Перикла вину этого предпріятія, которое, по его мнѣнію, было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи Аѣнъ, началомъ упадка ихъ могущества, и по своимъ роковымъ послѣдствіямъ можетъ быть смѣло сравнено съ сицилійскою экспедиціей. Что касается Дункера,

¹⁾ „Das Ende der Perserkriege“ (въ *Hist. Zeitschr.*, 1882, 6-tes Heft).

то онъ считаетъ походъ въ Египетъ дѣломъ Эфіальта; только онъ не осуждаетъ послѣдняго за это предпріятіе, а напротивъ удивляется величію и смѣлости его замысловъ. Впрочемъ, и Дункеръ дальше замѣчаетъ, что политика Эфіальта была „смѣлою, быть можетъ, даже слишкомъ ужъ смѣлою“ (р. 272). Какъ бы то ни было, но катастрофа въ Египтѣ, по его словамъ, постигла аеинянъ уже тогда, когда Эфіальта не было въ живыхъ, когда во главѣ государства стоялъ одинъ Периклъ. Эфіальтъ же, по Дункеру, рѣшился оказать помощь Мегарѣ, тѣснимою Коринѳомъ, вполне понимая все значеніе этого шага и всѣ его послѣдствія (р. 275). Вообще Дункеръ высоко ставитъ Эфіальта: въ лицѣ послѣдняго, по его словамъ, казалось, нашелся человѣкъ, который могъ замѣнитьThemistocles, если не какъ полководецъ, то какъ государственный дѣятель; яркими красками описываетъ онъ могущество и успѣхи Аеинъ наканунѣ первой войны ихъ съ Спартой¹⁾. То, что аеинскій флотъ не былъ отозванъ отъ Эгивы подъ первымъ впечатлѣніемъ неудачной битвы при Танагрѣ, Дункеръ ставитъ въ великую заслугу именно Эфіальту, хотя вѣроятно даже неизвѣстно, живъ ли онъ былъ еще тогда, и есть полное основаніе думать, что онъ былъ убитъ еще до упомянутой битвы²⁾. Управленіе Эфіальта, говоритъ Дункеръ,—доставило аеинянамъ великіе успѣхи среди тяжелой войны; оно ознаменовалось важною реформой въ государственной жизни и рядомъ блестящихъ побѣдъ; при Эфіальтѣ со славой велась война и въ Элладѣ, и на берегахъ Сирин, и на Нилѣ (р. 338—337). Его смерть была невознаградивою и самою тяжелою утратой, какая могла только постигнуть Аеины (р. 336).

Такіе отзывы составляютъ полный контрастъ съ отношеніемъ Дункера къ Периклу. Отчасти это обнаруживается уже въ слѣдующихъ затѣмъ строкахъ, гдѣ идетъ рѣчь о томъ, что за смертью Эфіальта задача править государствомъ выпала на долю Перикла. Близость послѣдняго къ первому, говоритъ авторъ, служила ручательствомъ, что направленіе внутренней и внѣшней политики пока не измѣнится. Происхожденіе и социальное положеніе, выдающійся ораторскій талантъ,

¹⁾ Отмѣтивъ уже тутъ критическое отношеніе Дункера къ Фукидиду. Вопреки свидѣтельству послѣдняго, Дункеръ полагаетъ, что деньги не даромъ были употреблены персидскимъ посломъ Мегабазомъ, явившимся въ Спарту: онъ приводитъ въ связь съ этимъ вторженіе спартацевъ въ Среднюю Грецію. Такимъ образомъ нападеніе на Аттику, котораго добивался Мегабазъ, последовало, но только не прямо съ юга, а съ сѣвера (р. 321—324).

²⁾ Curtius, II, 174 (5-te Aufl); Busolt, Das Ende der Perserkriege (*Hist. Zeitschr.*, 1882, 6 Heft., p. 386—388).

облегчали Периклу разрѣшеніе его новой задачи; это были преимуществы, которыми не обладалъ Эфіальтъ. Но вопросъ былъ въ томъ, „сравнится ли онъ съ Эфіальтомъ по прозорливости, рѣшительности и энергій. Онъ былъ болѣе остороженъ, нежели смѣлъ, болѣе осмотрителенъ, нежели рѣшителенъ“ (р. 337). И все послѣдующее изложеніе представляетъ въ сущности строгую критику дѣйствій Перикла, при чемъ авторъ иногда самъ себя противорѣчитъ, прибѣгаетъ къ шаткимъ гипотезамъ и произвольнымъ комбинаціямъ, заходя далеко за предѣлы того, что могутъ дать намъ источники. Такъ, онъ не совсѣмъ одобряетъ планъ военныхъ дѣйствій Перикла, который во главѣ флота упрочилъ господство Аѳинъ на Коринскомъ заливѣ, произвелъ вторженіе въ Сикіонскую область, нанесъ непріятелю поражение въ битвѣ, присоединилъ къ Аѳинскому союзу ахайскіе города и т. д. Но самъ же Дункеръ считаетъ по крайней мѣрѣ послѣднее дѣло значительнымъ успѣхомъ; самъ же онъ приводитъ слова Плутарха (Pericl., 19) и Діодора (XI, 85), свидѣтельствующія о значеніи этого похода и о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ; и онъ же самъ признаетъ, что Периклъ расширилъ владычество аѳинявъ въ Коринскомъ заливѣ, признаетъ, какъ сильно стѣсненъ былъ этимъ Коринѣи. Наконецъ, благодаря господству тутъ аѳинявъ, явилась возможность поселить въ Навпактѣ побѣжденныхъ спартапцами мессенцевъ, а всю важность этого для дальнѣйшаго хода борьбы между аѳинянами и Спартой отлично сознаетъ и Дункеръ (р. 344—358; ср. р. 368). Далѣе, на стр. 356—358, Дункеръ обвиняетъ Перикла въ излишней уступчивости за то, что тотъ предлагалъ призвать изъ изгнанія Кимона. Это означало, говоритъ авторъ, что Периклъ отказывается отъ политики Эфіальта, отказывается вести одновременно войну и съ Спартой, и съ Персіей; возвратитъ Кимона — это значило дать понять Спартѣ, что Аѳины нуждаются въ мирѣ. Но дальше, на стр. 368, Дункеръ самъ сознается, что положеніе дѣлъ было необыкновенно затруднительное для аѳинявъ, и что возвращенія Кимона едва ли можно было избѣжать, „быть можетъ даже, нельзя было откладывать“.

Оцѣнивая дѣятельность Перикла съ момента смерти Эфіальта и до возвращенія Кимона изъ изгнанія, онъ говоритъ, что, на сколько позволяютъ судить скудные извѣстія и лежащіе предъ нами факты, управленіе Перикла за это время нельзя назвать вполне счастливымъ: при болѣе предосторожности и прозорливости можно было бы избѣжать катастрофы, постигшей аѳинявъ въ Египтѣ, пу-

темъ своевременной послыки подкрѣпленій или своевременнаго отозванія аѳинскихъ силъ (р. 368),—предположеніе, которое, за отсутствіемъ данныхъ, представляется крайне гадательнымъ. Можно возразить, вопервыхъ, что отвѣтственность за катастрофу на островѣ Прозопитѣ падаетъ прежде всего на вождей аѳинскаго флота въ Египтѣ: имъ виднѣе были обстоятельства и настоящее положеніе дѣлъ на этомъ театрѣ войны; ихъ обязанность была подумать объ отступленіи, пока еще было время; не могъ же Периклъ изъ Аѳинъ руководить всѣми военными дѣйствіями и все предусматривать до мельчайшихъ подробностей. Вторыхъ, нужно имѣть въ виду, что аѳинянамъ приходилось обращать вниманіе въ разныя стороны, что одновременная борьба разомъ на нѣсколькихъ пунктахъ требовала страшнаго напряженія силъ, и что такимъ образомъ врядъ ли можно было обойтись безъ катастрофы или, по крайней мѣрѣ, неудачи на какомъ-либо пунктѣ. Слѣдуетъ еще удивляться необыкновенной энергіи аѳинянъ ¹⁾. И самъ Дункеръ раньше, на стр. 366—367, касаясь результатовъ первой войны Аѳинъ съ Спартой и перемирія, заключеннаго между ними на 5 лѣтъ, перечисляетъ важныя успѣхи, достигнутыя аѳинянами среди тяжелой 8-лѣтней борьбы, и характеризуетъ ихъ господствующее положеніе послѣ заключенія перемирія; по собственнымъ его словамъ, въ сравненіи съ этимъ результаты, достигнутыя Спартой, оказываются ничтожными: едва ли не главнымъ изъ нихъ является уничтоженіе союза между Аѳинянами и Аргосомъ и перемиріе послѣдняго съ Спартой.

Но еще съ большею опредѣленностью обнаруживается предъ нами взглядъ Дункера на государственную дѣятельность Перикла во 2-мъ томѣ.

Начинается этотъ томъ характеристикой Перикла и его противника, Фукидида Алопекскаго (сына Мелезія), бывшаго главою аристократической партіи по смерти Кимона. Тутъ Дункеръ указываетъ, между прочимъ, на многія выдающіяся качества Перикла, на его честность и безкорыстіе, на превосходство и широту его ума, жажду знанія, тонкій художественный вкусъ (р. 3, 6—7, 14, 15); онъ описываетъ его кружокъ, при чемъ, касаясь отношеній Перикла къ Анаксагору, основательно отвергаетъ преувеличенные разказы о вліяніи

¹⁾ Интересно, какъ отнесся бы Дункеръ къ Периклу, еслибы тотъ отозвался заранее, еще до рѣшительной катастрофы, аѳинскій флотъ изъ Египта? Вѣроятно, обвинялъ бы его въ слабости и въ излишней уступчивости?

последняго на перваго (р. 21—22). Но въ заключеніе всей этой характеристики онъ провозноситъ приговоръ неблагоприятный для Перикла, какъ государственнаго дѣятеля. Всѣ перечисленныя блестящія качества, которыми обладалъ Периклъ, еще не достаточны были для того, чтобы счастливо разрѣшить выпавшую на долю его задачу: „только неподкупный, далеко провидящій взоръ истиннаго государственнаго человѣка“ могъ найти путь, ведущій ко благу Аѳинъ и Эллады, и настоящія средства для этого. Поставленная Перикломъ цѣль — удержать Аѳины на той высотѣ могущества, на какой находились онѣ при Кимонѣ и обезпечить имъ внутреннюю силу и здоровье,—эта цѣль достижима была лишь при выдающемся практическомъ умѣ, непоколебимой волѣ, рѣшительности и энергій въ войнѣ и мирѣ. „Окажутся ли его философскія, его поэтическія и художественныя наклонности и стремленія содѣйствующими или же препятствующими элементами для его управленія государствомъ, — это должно было рѣшить будущее“ (р. 27).

Очень интересна у Дункера слѣдующая глава, посвященная переговорамъ съ Персіей и такъ-называемому Кимонову миру. Но прежде всего посмотримъ, какъ рѣшаетъ Дункеръ старый вопросъ объ этомъ мирѣ? Посольство Каллія въ Сузы, въ 449—448 гг., онъ ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія¹⁾; цѣль же посольства была—заключеніе съ Персіей не мира, а соглашенія, компромисса, на условіяхъ обоюднаго воздержанія отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Если же Геродотъ, говоря объ арносскомъ посольствѣ въ Сузы, о Каллія замѣчаетъ вскользь, что онъ былъ тамъ „по другому дѣлу“, то такое неопредѣленное выраженіе, по Дункеру, объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что Геродотъ не считалъ удобнымъ въ началѣ Пелопоннесской войны, когда пелопоннесцы стремились войти въ соглашеніе съ Персіей, говорить о переговорахъ Аѳинъ съ Персидскимъ царемъ и не желалъ упоминать о неудачѣ перикловой политики, такъ какъ аѳинское посольство не имѣло успѣха: по словамъ Дункера, не только не было заключено формальнаго мира, но даже не установилось и мира фактическаго. Что же касается до приводимаго (по словамъ Плутарха, Сімон, 13) Братеромъ постановленія аѳинскаго народнаго собранія, то это не текстъ мирнаго договора, а не что иное, какъ полномочіе, инструкціи, данныя посланцѣ и обнародованныя во всеобщее свѣдѣніе съ тою цѣлью, чтобы избавить союзниковъ отъ

¹⁾ Тутъ онъ ссылается на свое исследование въ *Sitzungsberichte Berl. Akad.*, 1884, р. 785 ff.

напрасныхъ тревогъ и опасеній. Это-то постановленіе, подъ вліяніемъ прекращенія наступательныхъ дѣйствій со стороны Аѳинъ, упадка энергій Персидскаго царства и наступившаго вслѣдствіе этого полу-мирнаго положенія, въ связи съ воспоминаніемъ о посольствѣ Калліа, повело къ созданію въ фантазіи ораторовъ IV в. представленія о славномъ мирѣ. А что до Фукидида, то онъ въ своемъ „суммаріумѣ“ не имѣлъ никакой надобности упоминать о бесполезной попыткѣ Аѳинъ заключить миръ съ Персіей (р. 45).

Спрашивается теперь, какое же участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ Периклъ, и какъ смотритъ Дункеръ на его политику въ данномъ случаѣ? Дункеръ утверждаетъ, что именно Периклъ потребовалъ отозванія аѳинскаго флота и отъ Кипра, и отъ устьевъ Нила, какъ перваго шага къ вступленію въ мирныя переговоры съ Персіей, хотя о формальномъ приказѣ отступить, данному флотамъ будто бы изъ Аѳинъ, и объ участіи тутъ Перикла въ источникахъ нѣтъ и помину, и свое утвержденіе Дункеръ основываетъ лишь на томъ, что безъ формальнаго повелѣнія аѳинскіе полководцы не рѣшились бы покинуть своихъ позицій, и что подобный приказъ могъ исходить только отъ противниковъ кимоновой партіи, то-есть, отъ Перикла. Это отозваніе флотовъ, этотъ добровольный отказъ отъ плодовъ побѣдъ, отъ достигнутыхъ уже успѣховъ на Кипрѣ и на Нилѣ (авторъ забываетъ, что именно въ Египтѣ аѳиняны постигла катастрофа), по Дункеру, безъ сомнѣній очень важная ошибка (р. 46). Самое вступленіе въ переговоры съ Персіей по предложенію того же Перикла (р. 37), въ глазахъ Дункера, тоже въ сущности ошибка: оно должно было повлечь за собою лишь дурныя послѣдствія для Аѳинъ, лишь поколебать ихъ могущество и обаяніе; оно противорѣчило положенію, которое заняли Аѳины по отношенію къ Персіи со временъ марафонской и саламинской побѣдъ (р. 38). Ихъ возвышеніе и могущество основывалось на борьбѣ съ Персіей: въ этомъ была ихъ національная задача. Съ прекращеніемъ борьбы или даже съ попыткой достигнуть соглашенія съ Персіей потрясая самый базисъ ихъ могущества—разрывалась нравственная связь между ними и союзниками. Еслибы Аѳины, во что бы то ни стало, твердо поддерживали борьбу съ національнымъ врагомъ, то и союзники обязаны были бы во что бы то ни стало защищать Аѳины противъ ихъ враговъ въ самой Элладѣ (р. 503).

Съ послѣднимъ замѣчаніемъ Дункера, конечно, нельзя не согласиться. Только несправедливо во всемъ обвинять Перикла: это зна-

читать отдѣльную личность дѣлать отвѣтственной за то, что является результатомъ самаго хода событій, результатомъ известнаго историческаго процесса. Борьба съ Персіей сама собою должна была утратить прежній свой характеръ; она не могла уже вестись съ прежнимъ одушевленіемъ и напряженіемъ. Это не была уже борьба за существованіе Греціи; опасность со стороны Персіи для грековъ уменьшилась, если не совсѣмъ миновала; противоположность между міромъ греческимъ и міромъ персидскимъ стала нѣсколько сглаживаться; а все это, даже еслибы Периклъ и не пытался вступить въ соглашеніе съ Персіей, должно было неизбежно отразиться на положеніи Аѳинъ и на отношеніяхъ къ нимъ союзниковъ. Вообще для опроверженія взгляда Дункера на политику Перикла въ данномъ случаѣ достаточно сослаться на его же собственныя слова и приводимыя имъ соображенія: авторъ самъ отлично выясняетъ всю затруднительность положенія Аѳинъ въ тотъ моментъ и всю трудность и въ то же время бесполезность дальнѣйшей борьбы ихъ съ Персіей. Истекалъ срокъ 5-тилѣтняго перемирія съ Спартой (нужно замѣтить, что Дункеръ относитъ посольство Каміа къ 449—448 г.); слѣдовало ожидать возобновленія войны и въ Греціи, такъ какъ Спарта навѣрно не преминула бы воспользоваться благоприятнымъ для нея моментомъ, то-есть, тѣмъ, что силы аѳинянъ отлачены были бы борьбой съ Персіей, и взялась бы за оружіе вмѣстѣ съ своими союзниками противъ Аѳинъ. А что значитъ бороться въ одно и то же время и съ Персіей, и съ Пелопоннесомъ, — это аѳиняне уже испытали. Возобновленіе „Эллинской войны“ рядомъ съ персидскою угрожало Аѳинамъ еще большею опасностью, нежели прежде. Тогда возстаніе мессенцевъ, союзъ Аѳинъ съ Аргосомъ позволяли Спартѣ употребить противъ нихъ только часть силъ своихъ и союзническихъ. Теперь Иѳома пала, Аргосъ заключилъ миръ со Спартой; въ случаѣ войны Спарта могла двинуть противъ Аѳинъ всѣ силы свои и пелопоннесцевъ. А тутъ и на сѣверѣ, въ Фессаліи, отношенія измѣнились не въ пользу аѳинянъ (р. 28). Словомъ, вѣдшая политика Аѳинъ сопряжена была съ неимоверными трудностями: приходилось поддерживать аѳинское господство противъ вражды Спарты, зависти Коринфа, ненависти Фивъ и въ то же время бороться съ Персіей. „Даже самый прозорливый умъ“ могъ, по словамъ же Дункера, „не справиться съ такою задачей“. Послѣ опатовъ первой войны съ Пелопоннесомъ, послѣ пораженій при Танагрѣ и Прозитѣ, силы Аттическаго государства казались Периклу недо-

статочными для одновременной борьбы и съ Персіей и съ Пелопоннесомъ. Поэтому онъ могъ стремиться къ миру съ Персіей, чтобы сосредоточить аѳинскія силы всецѣло противъ Спарты (р. 503). Съ другой стороны, послѣ 15-ти лѣтъ (со времени сраженія при Евримедотѣ), полныхъ войнъ и битвъ, аѳиняне нуждались въ мирѣ; имъ необходимо было собраться съ силами. Еслибы они воспользовались прекращеніемъ войны съ Персіей для того, чтобы отдохнуть и вооружиться, подготовиться къ дальнѣйшей борьбѣ въ Греціи, то можно было надѣяться, что и Спарта окажется болѣе склонною къ миру и согласится окончательно признать за ними обладаніе Мегарой, Трезеною, Эгиной, Ахаіей (р. 30). Наконецъ, Периклъ могъ желать мира для осуществленія своей великой программы — сдѣлать Аѳины умственнымъ и художественнымъ центромъ Греціи. Если же мы посольство Каллія отнесемъ не къ 449—448 г., какъ дѣлаетъ это Дункеръ, а къ 445 г., какъ дѣлаетъ это, напримѣръ, Курціусъ, то тогда образъ дѣйствій Перикла для насъ сдѣлается еще болѣе понятнымъ: окажется, что въ переговоры съ Персіей Аѳины вступили въ то время, когда ихъ силы были уже истощены борьбой съ сосѣдями въ самой Элладѣ. Да и къ чему могла привести дальнѣйшая борьба съ Персіей? Развѣ не была достигнута главная цѣль, спрашиваетъ самъ Дункеръ, развѣ острова и мало-азіатскіе греки не были фактически свободны отъ персидскаго ига? Нанести рѣшительный ударъ персидской монархіи, окончательно сокрушить ее, нечего было и думать. Неужели же Аѳины должны были тратить свои силы и подвергать себя серьезнымъ опасностямъ ради того, чтобы освободить одинъ-два города на сѣверѣ Малой Азіи или на Кипрѣ? Притомъ, необходимо было обратить вниманіе и на положеніе союзниковъ: если вѣрно, что война съ Персіей поддерживала и укрѣпляла нравственную связь союзниковъ съ Аѳинами, то съ другой стороны—не менѣе вѣрно также и то, что съ уменьшеніемъ опасности со стороны Персіи союзники должны были тяготиться этою, уже бесполезною въ ихъ глазахъ, борьбою и тѣми жертвами, которыхъ она отъ нихъ требовала; слѣдовало уменьшить лежавшія на нихъ тягости, а для этого необходимо было прекратить наступательную войну противъ Персіи.

Неудача переговоровъ, говоритъ Дункеръ, была чувствительнымъ ударомъ для Перикла. Если даже и такъ, если предположенія Дункера о цѣли посольства Каллія и ходѣ переговоровъ вѣрны, то все-таки обвинять Перикла въ этой неудачѣ врядъ ли можно; это зна-

чло бы судить о дѣятельности государственнаго человѣка только съ точки зрѣнія результата, успѣха; самъ Дункеръ указываетъ на всѣ трудности соглашенія съ Персидскимъ царемъ (р. 34—35, 43—44). Уже Плутархъ вполне одѣнилъ политику Перикла по отношенію къ Персіи: „Что Периклъ поступалъ правильно, удерживая аѳонскія силы въ Греціи“, говоритъ онъ (Regisl., 22),—это доказали послѣдовавшія затѣмъ событія“, именно отпаденіе Евбеи, измѣна Мегары, вторженіе спартанцевъ.—Къ этимъ-то событіямъ мы теперь и обращаемся.

По поводу похода спартанцевъ на помощь Дельфамъ противъ фокидцевъ Дункеръ указываетъ на то, что аѳоняне оставались спокойными зрителями пораженія своего союзника, такъ что спартанское войско безпрепятственно могло возвратиться домой. По его собственному сознанию, объ этомъ походѣ имѣются самыя скудныя извѣстія, и о томъ, что побуждало Перикла смотрѣть, по видимому, спокойно и безучастно на пораженіе фокидцевъ, то-есть, на такой ударъ, который долженъ былъ потрясти все вѣданіе аѳонскаго владычества въ Средней Греціи, можно только догадываться (р. 55): походъ спартанцевъ, по мнѣнію Дункера, могъ служить блестящимъ свидѣтельствомъ мудрости и прозорливости Перикла, сосредоточившаго силы государства противъ Лакедемона, не говоря уже о томъ, что этотъ походъ избавлялъ его отъ настояннй противной партіи начать снова войну съ Персіей, „Но эти выгоды Перикла“, замѣчаетъ далѣе Дункеръ,—„не были въ то же время выгодами Аѳонъ“. Черемшріе, безъ сомнѣнія, тоже не могло удержать аѳонянъ отъ внимательства. Но и Дункеръ указываетъ на то, что въ Веотіи не произошло въ тотъ моментъ никакого движенія въ пользу Спарты, а это было очень важно. Можетъ быть, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, Периклъ на первый разъ удовольствовался тѣмъ, что занялъ такое положеніе, которое помѣшало Фивамъ применить къ спартанцамъ (р. 56); быть можетъ—(добавимъ отъ себя)—Периклъ вмѣсто того, чтобы вступать съ спартанцами въ открытую битву, исходъ которой являлся во всякомъ случаѣ крайне сомнительнымъ, предпочиталъ уничтожить плоды спартанскаго похода инымъ путемъ, безъ риска, безъ особыхъ жертвъ и потерь. И дѣйствительно, послѣ ухода лакедемонянъ, по свидѣтельству Фукидида и Плутарха, аѳоняне выступили въ походъ и возвратили фокидцамъ обладаніе Дельфами. Такимъ образомъ результаты спартанскаго похода оказа-

лись непрочными; все, по видимому, возвратилось къ прежнему положенію (р. 57).

„Но“, говоритъ Дункеръ,— „такъ только казалось; афиняне обнаружили мало энергіи; они не осмѣлились выступить противъ спартанцевъ, и это принесло горькіе для нихъ плоды“ (р. 57), и авторъ описываетъ послѣдовавшее затѣмъ движеніе въ Беотіи и битву при Короней. Тутъ онъ указываетъ на цѣлый рядъ ошибокъ со стороны афинянъ, то-есть, другими словами, Перикла. Поведеніе афинянъ въ виду возстанія ихъ протавниковъ въ Беотіи, говоритъ онъ, еще непонятнѣе, еще загадочное, чѣмъ ихъ пассивность во время похода спартанцевъ за годъ до того. Источники и здѣсь хранятъ молчаніе; а въ словахъ Плутарха, будто Периклъ предостерегалъ Толмида объ опасности вторженія въ Беотію съ недостаточными силами и въ ненадлежащее время, проглядываетъ лишь попытка снять съ Перикла всякую отвѣтственность за послѣдовавшія затѣмъ событія. Выступленіе въ походъ никоимъ образомъ нельзя было назвать слишкомъ послѣднимъ: дѣло шло о скорѣйшемъ вмѣшательствѣ афинянъ; всякое промедленіе возвышало мужество враговъ, давало Фивамъ время вооружиться: всякій пропущенный день увеличивалъ опасность въ Беотіи. „Подождать!“ да это былъ самый несчастный совѣтъ, какой только могъ быть данъ въ тогдашнемъ положеніи, если только дѣйствительно былъ онъ данъ! Къ сожалѣнію, въ Афинахъ на самомъ дѣлѣ слишкомъ долго медлили. На сколько мы можемъ судить, ничто не мѣшало тотчасъ же съ сильнымъ отрядомъ голпатовъ выступить въ Беотію. Случилось противоположное. . (р. 60—61). Еще непонятнѣе дальнѣйшее поведеніе афинянъ. Нельзя было сомнѣваться, что Фивы всѣми силами будутъ оказывать поддержку начавшемуся движенію; а между тѣмъ мы не слышимъ, чтобы въ виду этого въ Афинахъ приняты были мѣры и чтобы держалась на-готовѣ другая еще армія; для предотвращенія катастрофы при Короней достаточно было своевременно выступить второму аттическому войску. Тутъ тяжкая отвѣтственность всецѣло падаетъ на тѣхъ, кому надлежало поспѣшить на помощь выступившему впередъ войску (р. 61).

Таковы соображенія и замѣчанія Дункера по поводу Коронейской битвы. Мы привели ихъ отчасти для того, чтобы представить образчикъ самыхъ приемовъ автора, съ помощью которыхъ онъ обыкновенно доказываетъ несостоятельность Перикла, какъ государствен-

наго дѣятеля. На сколько основательны подобныя соображенія въ данномъ случаѣ, при нашихъ источникахъ сказать едва ли возможно; обстоятельства и условія, среди которыхъ Периклу приходилось дѣйствовать, неизвѣстны намъ во всѣхъ подробностяхъ; тутъ открывается обширное поле для болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ: быть можетъ, не было времени на то, чтобы снарядить вторую армію и явиться на выручку Толмиду; быть можетъ, нельзя было направить всѣ силы въ Беотию въ виду опасности съ другой стороны, напримѣръ, со стороны Евбеи, гдѣ вслѣдъ затѣмъ также произошло движеніе противъ аѳинскаго господства. Правда, Дункеръ отвергаетъ существованіе подобной опасности въ тотъ моментъ, но одно молчаніе нашихъ источниковъ въ данномъ случаѣ еще не даетъ намъ право отвергать это такъ рѣшительно: источники умалчиваютъ о многомъ, и нельзя же всякое умалчиваніе ихъ и наше сомнѣніе объяснять непременно не въ пользу Перикла, какъ дѣлаетъ это Дункеръ.

Авторъ называетъ веденіе войны, приведшей къ коронейскому пораженію, непредусмотрительнымъ и безразсуднымъ („unserge und thörichte Kriegführung“). Онъ сравниваетъ дѣйствія Аѳинъ послѣ этого пораженія съ ихъ поведеніемъ послѣ битвы при Танагрѣ и находитъ громадную разницу: потери при Танагрѣ, говоритъ онъ, были тяжелѣе, большая половина гражданъ, способныхъ носить оружіе, находилась тогда частью у Эгинны, частью у Мемфиса, и все-таки аѳиняне успѣли возвратить себѣ Беотию! Теперь же не было и рѣчи хотя бы о попыткѣ подобнаго рода! Но, вопреки увѣренію Дункера относительно громадности потерь при Танагрѣ, едва ли даже можно сравнивать полное пораженіе аѳинянъ при Короней съ неудачной битвой ихъ при Танагрѣ¹⁾; восторныхъ, долготѣнная борьба могла истощить силы Аѳинъ; наконецъ, самъ Дункеръ указываетъ на опасенія аѳинянъ за участь плѣнныхъ, опасенія, которыя могли побудить ихъ какъ можно скорѣе заключить миръ съ Фивами. Какъ бы то ни было, но источники, повторяемъ, не позволяютъ намъ судить, на сколько правъ Дункеръ, обвиняя аѳинянъ въ недостаткѣ энергіи во время похода спартанцевъ и въ слабости, обнаруженной послѣ битвы при Короней, и во всякомъ случаѣ странно, что эту битву онъ называетъ „не особенно значительнымъ ударомъ“ (р. 64). Приводя слова Діодора (XII), что пораженіе при Короней унизило Аѳины, онъ замѣчаетъ, что слова эти могутъ быть

¹⁾ См., напримѣръ, *Curtius*, Gr. Gesch., II, 175.

примѣнены—только не касательно безупречнаго поведенія аттическихъ голлитовъ во время сраженія, а касательно той политики, которой послѣ этого слѣдовали Аѣины.—Совсѣмъ иначе, едва ли не вѣрнѣе, смотреть на дѣйствія Перикла въ данномъ случаѣ, напри- мѣръ, Курціусъ. „Однимъ ударомъ“, говоритъ онъ,—„уничтожено было Аѣинское господство въ Беотіи, потому что оно нигдѣ здѣсь не пустило корня, потому что оно стояло въ противорѣчій и съ исторіей страны, и съ аттической политикой; ибо аѣиняне вступили-было въ союзъ съ аристократическою партіей, которая и измѣнила при первомъ же удобномъ случаѣ. Аѣиняне должны были заключить миръ, чтобы освободить своихъ плѣнныхъ. Они не могли думать о мѣсти, такъ какъ движеніе охватило съ ужасающею быстро- той и сосѣднія страны, подвластными“ (II, p. 184—185).

Относительно образа дѣйствій Перикла въ виду вторженія спартацевъ Дункеръ говоритъ: „Периклъ меллилъ. Онъ былъ въ высшей степени осторожный, даже болѣе, чѣмъ осторожный, полководецъ. Однако мы такъ мало знаемъ тогдашнее положеніе дѣлъ, что не можемъ быть сужденія о томъ, кто былъ правъ, онъ или голлиты, на- ставившіе на битвѣ. Послѣдующія событія оправдали Перикла“ (p. 71). Дункеръ находитъ непонятнымъ образъ дѣйствій спартацевъ, но еще непонятнѣе для него то, что аѣиняне послѣ счастливаго оборота войны, послѣ совершеннаго покоренія Евбен, не употребили всѣхъ усилій, чтобы снова овладѣть Мегаридой. „Въ рѣзкой противоположности съ стойкостью, обнаруженною ими въ первую войну съ пелопоннесцами, мы видимъ, какъ теперь аѣиняне ищутъ мира со Спартой именно послѣ того, какъ представились болѣе благопріятные виды, и прежде даже, чѣмъ испробована была серьезная борьба“. Но, спрашивается, въ чемъ же заключались эти „болѣе благопріятные виды“? въ подавленіи евбейскаго возстанія? Но, вѣдь, этого было еще мало для того, чтобы аѣиняне могли разчитывать на успѣхъ и въ борьбѣ съ остальными многочисленными врагами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ, въ томъ числѣ и со Спартой. Осудивъ, хотя и косвеннымъ образомъ, дѣйствія аѣинячъ, Дункеръ далѣе самъ же заявляетъ, что мы не можемъ судить ни о дѣйствіяхъ Плейстоанакса, ни о поведеніи Перикла, за немѣн- ніемъ данныхъ! (p. 72).

Въ слѣдующей (4-й) главѣ авторъ ярко изображаетъ все значеніе уступокъ со стороны Аѣинъ по 30-лѣтнему миру 445 г. (p. 77—78, 81—82). Спарта, говоритъ онъ, имѣла полное основаніе ликовать:

афиняне понесли страшныя утраты. Заключая подобный миръ, они заранѣе признавали себя побѣжденными, не будучи даже разбиты. Это было тяжелое нравственное пораженіе, неминуемымъ слѣдствіемъ котораго былъ упадокъ ихъ славы и авторитета. Это былъ „несчастный“ договоръ. Слава Атики померкла. Подобное униженіе государства должно было глубоко и долго чувствоваться (р. 86). Словомъ, по договору съ Фивами и со Спартой Афини возвращались почти къ тому положенію, въ какомъ находились онѣ послѣ изгнанія Певистратидовъ, до своего возвышенія (р. 87). Для Дункера непонятны мотивы, заставившіе афинянъ согласиться на подобный миръ! По его словамъ, отвѣтственность тутъ падаетъ прежде всего на Перикла (р. 83—84), и оппозиція, прежняя партія Кимона, могла съ полнымъ правомъ указать на контрастъ между перемиріемъ, заключеннымъ при Кимонѣ, котораго Периклъ обвинялъ въ „лаконизмѣ“, и миромъ, заключеннымъ самимъ Перикломъ (р. 84)¹⁾. Вообще управленіе послѣдняго со смерти Кимона, продолжаетъ авторъ, едва ли ознаменовалось хотя бы однимъ успѣхомъ. Тѣмъ значительнѣе были неудачи: переговоры съ Персіей ни къ чему не привели, а такого невыгоднаго договора, какъ съ Фивами и со Спартой, Афини никогда еще не заключали; тутъ Периклъ отказался отъ всего, что умѣлъ сохранить Кимонъ (р. 101—102).

Такимъ образомъ Дункеръ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ господствовавшимъ до сихъ поръ взглядомъ на дѣятельность Перикла въ тотъ моментъ: въ Периклѣ видѣли спасителя Афинъ; своею мудрою политикою онъ спасъ, что можно было спасти²⁾; путемъ благоразумныхъ уступокъ онъ избавилъ государство отъ страшной опасности, грозившей ему отовсюду. И дѣйствительно, въ оправданіе Перикла достаточно вспомнить то, что говоритъ самъ Дункеръ, на стр. 28 и 30, о затруднительномъ положеніи Афинъ, о необходимости для нихъ мира; а какъ нуждались онѣ тогда въ мирѣ, это подтверждаетъ и Фукидидъ (IV, 21, въ концѣ). И въ самомъ дѣлѣ, положеніе ихъ въ тотъ моментъ было критическое. Почти одновременно со всѣхъ сторонъ грозила имъ опасность, движеніе противъ афинскаго господства распространялось съ ужасающею быстротою (Curtius, II, 184—185): за

¹⁾ Дункеръ полагаетъ, что именно за заключеніе этого постыднаго мира, а вовсе не за переговоры съ Персіей, Каллій подвергнуть былъ отвѣтственности и штрафу: этимъ оппозиція думала нанести хотя косвенный ударъ Периклу и его политикѣ (р. 87, 47).

²⁾ Curtius, II, 184.

Беотией возстает Евбея, отлагается Мегара, вторгается спартанское войско. Можно ли было выйти безъ потерь изъ такого кризиса? Да въ дѣйствительности уступки Аѳинъ по миру 445 года вовсе не были такъ значительны, какъ это можетъ казаться на первый взглядъ: аѳиняне отказались отъ того, что уже фактически было утрачено ¹⁾, отказались отъ тѣхъ областей, гдѣ ихъ владычество не имѣло почвы, гдѣ оно было явленіемъ эфемернымъ и, такъ сказать, случайнымъ, и Ранке, напримѣръ, придаетъ большое значеніе этому договору 445 года въ томъ отношеніи, что онъ отвѣчалъ, по его мнѣнію, обоюднымъ интересамъ: если аѳиняне и отказались отъ нѣкоторыхъ владѣній, то за то Спарта признала аѳинскій союзъ; Периклъ вполне сознавалъ, чѣмъ жертвовалъ и что приобрѣталъ ²⁾. Да и самъ Дункеръ мастерски изображаетъ мотивы, руководившіе Перикломъ при заключеніи, по видимому, столь невыгоднаго мира. Можно было сказать, что мира требовали интересы Аѳинъ; этимъ интересамъ заключенныя условія скорѣе удовлетворяли, нежели вредили. Безъ крайняго напряженія своихъ силъ аѳиняне не могли удерживать за собою Мегару и Истмъ, Трезену, Ахайю, гдѣмъ болѣе, что Беотія была утрачена: нужно было охранять границу и съ этой стороны и въ то же время зорко слѣдить за только-что вновь покоренною Евбеей. Поэтому необходимо было ограничить пространство, требовавшее прикрытія. Подчиненіе снова Мегары во что бы то ни стало, противъ воли ея населенія, защита отдаленныхъ Трезены и Ахайи противъ сосѣдей, повели бы къ неизбежнымъ замѣшательствамъ и обязательствамъ, выполнить которыя возможно было только на счетъ морского могущества Аѳинъ; этимъ можно было убить „самый нервъ аѳинскихъ силъ“ — военный флотъ. Периклъ предпочиталъ, очевидно, сконцентрировать силы, сосредоточить ихъ на морѣ, подготовить средства для новаго, неминуемаго въ будущемъ столкновенія (р. 85—86). Кажется, что лучшаго оправданія для Перикла нельзя и представить. Непомѣрному расширенію аѳинскаго владычества оказывались не соответствующими силы небольшой Аттики. Прибавимъ къ этому, что Периклъ нуждался въ мирѣ для осуществленія своего великаго плана—сдѣлать Аѳины средоточіемъ умственной и художественной жизни тогдашней Греціи, украсить ихъ бессмертными памятниками искусства. И тѣмъ не менѣе Дункеръ ули-

¹⁾ Ср. *A. Schmidt*, p. 82—83.

²⁾ *Weltgeschichte*, I, 1, 285—286.

часть Перикла въ слабости, излишней уступчивости, недостаткѣ энергіи. Съ такимъ взглядомъ можно согласиться лишь тогда, если признать, что для государственнаго дѣятеля нѣтъ высшей и лучшей задачи, какъ стремиться къ завоеваніямъ или удерживать разѣ сдѣланныя завоеванія во что бы то ни стало, какихъ бы жертвъ это ни стоило, какъ бы ни истощались и ни тратились напрасно народныя силы. Периклъ имѣлъ въ виду болѣе благородную и возвышенную задачу—предоставить возможность развиться вполне умственному и художественному генію Греціи и вмѣстѣ съ тѣмъ поднять народное благосостояніе, а его дѣятельность на самомъ дѣлѣ лучше увѣковѣчила славу Аѳинъ и его собственную, чѣмъ могли это сдѣлать самыя блестящія побѣды надъ Спартой и самыя обширныя территоріальныя пріобрѣтенія (ср. замѣчанія самого Дункера на стр. 498 и 500). А что у Перикла не было недостатка въ энергіи, что онъ умѣлъ дѣйствовать быстро и рѣшительно тамъ, гдѣ считалъ усилъхъ возможнымъ и гдѣ, по его мнѣнію, были затронуты насущные интересы Аѳинъ,—это онъ доказалъ своими дѣйствіями при подавленіи возстанія въ Эвбеѣ въ тотъ критическій моментъ, когда аѳинянамъ со всѣхъ сторонъ угрожали враги; тутъ онъ, несомнѣнно, обнаружилъ энергію, быстроту, рѣшительность.

Идемъ далѣе. По словамъ Дункера, Амиртей искалъ помощи у аѳинянъ и съ этою цѣлью отправилъ имъ въ даръ 30,000 медимновъ хлѣба ¹⁾ (р. 98—99). Но оказаніе помощи Амиртею влекло за собою возобновленіе открытой и рѣшительной войны съ Персіей, а это противорѣчило программѣ Перикла, его стремленію расширить сферу аѳинскаго вліянія и торговыхъ сношеній (р. 102 — 103). Съ другой стороны, нельзя же было и отвергнуть Амиртеевъ даръ: это возбуждало бы народное неудовольствіе. Поэтому, утверждаетъ Дункеръ, самымъ удобнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился Периклъ, представлялся походъ къ Понтійскимъ берегамъ: онъ являлся благовиднымъ предлогомъ, чтобы не оказати открытой помощи Амиртею, а, съ другой стороны, можно было даже сдѣлаться на то, что такой походъ будетъ косвенною помощью египетскому возстанію, такъ какъ до нѣкоторой степени долженъ отвлечь отъ Египта силы и вниманіе Персидскаго царя. Это было предпріятіе, какъ разѣ отвѣчавшее свойствамъ Перикла, какъ полководца, не

¹⁾ Такъ по Филохору, а по Плутарху—40,000 медимновъ (Petici., 37, а не 27, какъ ошибочно напечатано у Дункера).

охотно пускавшася въ смѣллыя предпріятія. Такимъ образомъ, просьбы о помощи, съ которыми, по словамъ Дункера, понтійскіе греки обратились будто бы въ Аѳины, были какъ нельзя болѣе кстати для Перикла. Такъ представляетъ дѣло Дункеръ. Но не говоря уже о томъ, что обращеніе какъ Амиртея, такъ и Понтійскихъ городовъ за помощью въ Аѳины—фактъ не доказанный, а только болѣе или менѣе правдоподобное предположеніе, не говоря уже о томъ, что Дункеръ извращаетъ слова Плутарха, приписывая ему здѣсь то, чего у того вовсе не сказано ¹⁾,—приведеніе въ связь этихъ двухъ событій—просьбы Амиртея и понтійскаго похода Перикла—является ничѣмъ инымъ, какъ чистѣйшею гипотезой, не имѣющею ни малѣйшаго подтвержденія въ источникахъ ²⁾, и для установленія такой связи, какую предполагаетъ авторъ между упомянутыми фактами, недостаточно еще доказать ихъ одновременность: вѣдь помощь греческимъ городамъ могла быть оказана не для избѣжанія похода въ Египетъ, а просто потому, что просьбѣ грековъ о защитѣ слѣдовало отдать предпочтеніе предъ просьбой египтянина (см. замѣчаніи самого Дункера, р. 106). Какъ бы то ни было, но и Дункеръ не отвергаетъ важнаго значенія экспедиціи Перикла къ берегамъ Понта, особенно въ торговомъ и финансовомъ отношеніи (р. 118, 497). Этимъ, по его словамъ, хотя на время, заглажено было впечатлѣніе цѣлаго ряда предшествовавшихъ неудачъ (р. 132). И дѣйствительно, Периклъ доказалъ, что онъ понимаетъ выгоды Аѳинъ и умѣетъ блюсти ихъ торговые интересы.

Не останавливаясь на панедлинскихъ планахъ Перикла, на не-

¹⁾ Дункеръ говоритъ, будто Плутархъ передаетъ, что въ Аѳины пришли просьбы со стороны Понтійскихъ городовъ; но у Плутарха этого прямо не сказано, а упоминается лишь о томъ, что Периклъ отправился въ Понтъ съ большимъ и блестящимъ войскомъ и исполнилъ желанія тамошнихъ грековъ (*ὡς ἵκεοντο διακράζατο, Pericel., 20*).

²⁾ Что просьба греческихъ Понтійскихъ городовъ относится къ 444 г., Дункеръ доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что именно въ этомъ году Амиртей прислалъ свой даръ аѳинянамъ: такимъ образомъ основаніемъ для доказательства служитъ то, что само еще нуждается въ доказательствѣ. По поводу вообще этой комбинаціи *Niese* (въ *Gött. gel. Anz.*, 1886, № 19) замѣчаетъ: „Ein besonders auffallendes Beispiel einer kühnen aber nicht genügend begründeten Kombination ist die IX, 95 ff. gegebene Darstellung der Fahrt des Pericles in den Pontus“. Ср. *Ламышевска Исследованіе о государственномъ строѣ города Ольвіи* (*Ж. М. Нар. Просв.*, 1887, январь, 46—47).

удачѣ задуманнаго имъ конгресса ¹⁾, на значеніи помощи изгнаннымъ сибаритамъ и проч., мы перейдемъ къ внутренней дѣятельности Перикла и къ его реформамъ, при чемъ, не говоря о частностяхъ, на примѣръ, о возраженіяхъ противъ придуманнаго Перикломъ плана укрѣпленія Пирея (р. 137—138), коснемся лишь самаго существеннаго.

Всѣ Перикловы реформы (какъ введеніе жалованья войску, платы за участіе въ судѣ, думѣ и народномъ собраніи, введеніе *θεοφρόν'α*, такъ и перемѣны въ организаціи союза и самые проекты построекъ) Дункеръ считаетъ одновременными, тѣсно связанными одна съ другою (р. 163) и введеніе ихъ относитъ къ 442—440 гг. Несомнѣнно, логически онѣ между собою связаны: онѣ представляютъ цѣлую стройную систему; но были ли онѣ связаны и фактически, хронологически, это другой вопросъ. Тутъ, за отсутствіемъ данныхъ въ источникахъ, остается лишь смутно догадываться, когда и въ какомъ порядкѣ вводились реформы въ дѣйствительности. Соображенія же Дункера основываются на очень шаткихъ и малоубѣдительныхъ хронологическихъ опредѣленіяхъ и не свободны отъ противорѣчій, на что указываетъ и Гольмъ въ своей рецензіи, въ которой отзывается вообще съ большою похвалою о книгѣ Дункера и одобряетъ его точку зрѣнія на Перикла, находя его порицанія вполне справедливыми ²⁾. Такъ, на примѣръ, на стр. 165 Дункеръ говоритъ: изгнаніе *Θυκιδίδα* (Алопекскаго) посредствомъ остракизма, послѣдовавшее, какъ ниже будетъ выяснено, въ 442 году, доказываетъ, что главная борьба изъ-за реформъ происходила въ 443 году, и что реформы стали вводиться въ 442 году, по удаленіи *Θυκιδίδα*; а на стр. 188 говорится, что онѣ могли осуществиться вполне лишь по изгнаніи *Θυκιδίδα*, и что, слѣдовательно, это изгнаніе раньше 442 года не могло произойти. Настоящій *circulus vitiosus*.

Какъ извѣстно, въ настоящее время уже не находятъ возможнымъ приписывать Периклу введеніе *μισθὸς ἐκκλησιαστικὸς* ³⁾. Но Дункеръ чисто апіорнымъ путемъ доказываетъ, что и эта плата введена

¹⁾ Въ числѣ причинъ этой неудачи Дункеръ указываетъ на предшествовавшія пораженія аеяннѣ; недостатокъ энергіи, говоритъ онъ, не повышаетъ авторитета и вѣса государства, пораженія не приносятъ лавровъ (р. 121).

²⁾ „Trotz des gerechten Tadels“ (Berlin, philol. Wochenschr. 1886, № 20).

³⁾ Würz, „De mercede ecclesiastica Athen.“ (1878). См. у *Gilbert*, Handbuch der griech. Staatsalterthümer, I, 152, 273, 326—328 (1881); *Curtius*, Gr. Gesch., 5-te Aufl., II, 237—238, 842—843.

была при Периклѣ, такъ какъ, по его мнѣнію, введенію *θεωρίων*'а непременно должно предшествовать введеніе вознагражденія за посѣщеніе народнаго собранія ¹⁾ (р. 151—152). Далѣе, онъ видимо сочувствуетъ возраженіямъ, которыя могли быть представлены съ финансовой, политической и нравственной точки противъ Перикловыхъ реформъ, 'этой „цѣлой системы подкуповъ“, еще не виданной въ Греціи (р. 175—183). Фукидиду Алопекскому, всей аристократической и консервативной партіи, приходилось напречь всѣ силы, чтобы воспрепятствовать этому перевороту, этому вступленію на гибельный путь (р. 177). Въ виду тѣхъ мѣткихъ, уничтожающихъ возраженій, которыя могли быть сдѣланы оппозиціей, доводы Перикловой партіи едва ли могли оказаться вѣсными ²⁾ (р. 182). Но сила Перикловыхъ проектовъ заключалась не въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, а въ тѣхъ заманчивыхъ выгодахъ, которыя они сулили въ будущемъ всѣмъ менѣе состоятельнымъ. Въ такихъ нововведеніяхъ Дункеръ склоненъ видѣть со стороны Перикла средство, чтобы подкупить въ свою пользу народъ (ср. Плутарха, *Pericl.*, 9, 11); а къ своимъ проектамъ, касавшимся перемѣнъ въ организаціи союза, Периклъ, по замѣчанію Дункера, не преминулъ присоединить, какъ приманку, свободное распоряженіе союзною казною для построекъ, чтó могло дать значительный заработокъ населенію Аттики (р. 168).

Такова точка зрѣнія Дункера. Въ оправданіе Перикла нужно сказать, что его реформы вызваны были серьезною необходимостью: онѣ были неизбежны, если только Периклъ желалъ, чтобы въ Афинахъ демократія существовала въ дѣйствительности, а не номинально, чтобы въ судѣ и управленіи участвовали не одни лишь богатые,

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Дункера: „*Der Einführung des *θεωρίων*, welche dem Perikles notorisch angehört (Plut. Pericl. 9), muss die Einführung der Schadloshaltung für die Mühen der Volksversammlung nothwendig vorausgegangen sein. Zunächst war doch der Bürger für den öffentlichen Dienst zu entschädigen; die Entschädigung für die Festfreude konnte dieser erst folgen. Ueberdies liegt zu Tage, dass dem Perikles in erster Linie daran gelegen sein musste, seine Partei vollzählig in der Versammlung zu haben. Das war dringendes Gebot für ihn, das *θεωρίων* eine amuthige Zugabe“.*

²⁾ По поводу необходимости доставить и менѣе состоятельнымъ средства нравственнаго образованія Дункеръ замѣчаетъ: „Die Replik lag freilich nahe genug, dass für die Menge der sittliche Erfolg des Anhörens schwer verständlicher Chöre oder nur zu verständlichen Schmutzes nicht erheblich, am wenigsten erheblich genug sein könne, der Prämirung des Müsigganges, der täglichen Richtererei, dem Hohheitsdünkel und Hohheitschwindel das Gegengewicht zu halten“.

наконецъ, чтобы не было просто недостатка въ необходимомъ числѣ гелиастовъ. Такія мѣры, какъ жалованье флоту и вознагражденіе гелиастамъ и членамъ думы, являлись вполне справедливыми, первая—въ виду продолжительныхъ ежегодныхъ маневровъ, заведенныхъ Перикломъ, вторая—въ виду большаго обремененія думы и гелиевъ дѣлами¹⁾. Что же касается до платы за посѣщеніе народнаго собранія, то, какъ было замѣчено, введеніе ея при Периклѣ не доказано. Впрочемъ, мы не будемъ останавливаться на мотивахъ Перикловыхъ реформъ, такъ какъ на это столько разъ уже указывалось (см. замѣчанія у самого Дункера на стр. 141, 147—149, 155). Реформы эти—естественное и вполне логическое слѣдствіе предыдущаго хода развитія афинскаго государственнаго строя. Въ сущности Периклъ является тутъ лишь продолжателемъ дѣла цѣлыхъ предшествовавшихъ поколѣній, лишь завершителемъ того, первые зародыши чему положены были при Солонѣ и что получило дальнѣйшее развитіе, благодаря Клисѣну,Themistocle, Аристиду и, можетъ быть, Эфиальту, къ реформѣ котораго съ такимъ сочувствіемъ относится Дункеръ, а Периклъ шелъ по пути Эфиальта, дѣйствовалъ въ его духѣ и направленіи; да на самомъ дѣлѣ, какъ было упомянуто, нельзя даже съ точностью сказать, что здѣсь сдѣлано Эфиальтомъ и что—Перикломъ. Странно также, отчего Дункеръ не порицаетъ, напримѣръ, Themistocle и его дѣла, значеніе котораго для всего строя Афинской жизни онъ самъ такъ ярко освѣтилъ въ 7 томѣ своего труда (р. 172—178, 192²⁾.

Со взглядомъ автора на перемены въ организаціи союза Афинскаго при Периклѣ можно согласиться, но съ большими оговорками, такъ какъ и тутъ въ его замѣчаніяхъ не мало сомнительнаго, и тутъ онъ, быть можетъ, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе личности Перикла. Такъ, онъ говоритъ, что Периклъ одержалъ верхъ въ борьбѣ съ оппозиціей, и вотъ началось рабство союзниковъ: прежняя организація союза, союзный совѣтъ, уничтожены, вся власть сосредоточена въ Афинахъ (р. 192). Кимонъ, по словамъ Дункера, умѣлъ лучше обращаться съ союзниками, чѣмъ Периклъ: онъ никогда не устана-

¹⁾ Ср. *Curtius*, II, 225 ff.

²⁾ Между тѣмъ какъ *A. Шмидтъ* предложеніе о запрещеніи личныхъ нападковъ на сценѣ принимаетъ жреческой, ортодоксальной партіи (р. 109—113), Дункеръ приписываетъ это Перикловой партіи. По замѣчанію его въ другомъ мѣстѣ, этой мѣры въ тотъ моментъ безусловно требовало благо государства (р. 499).

вливалъ тираннiи Аѳинъ надъ ними, никогда не понималъ союзнаго устройства (р. 218). „Съ реформой аттическаго государственнаго строя Периклъ провелъ также и реформу союза... По выраженiю, вводимому Фукидидомъ (II, 63) въ уста самого же Перикла, союзъ превратился въ тираннiю, въ насильственное господство Аѳинъ надъ союзниками, и этимъ самъ Периклъ произносить суровый приговоръ надъ своимъ управленiемъ: вѣдь, никто иной, какъ онъ, превратилъ аѳинскую гегемонiю въ тираннiю“ (р. 417). Еще былъ вопросъ, подобнаго рода владычество Аѳинъ надъ союзниками, это пассивное повиновенiе послѣднихъ выдержать ли испытанiе въ критическiй моментъ, когда поднимется сильный вѣншнiй врагъ (р. 246). Нѣтъ сомнѣнiя, Аѳинскiй союзъ не былъ особенно проченъ; но нельзя упускать изъ виду того, что переѣмны въ его организацiи, въ отношенiяхъ между аѳинянами и союзниками, начались еще задолго до Перикла, и онѣ не были слѣдствiемъ какого-нибудь формальнаго, законодательнаго акта со стороны Аѳинъ, а возникли постепенно и совершенно естественно; самый ходъ дѣлъ велъ къ тому, чтобъ аѳинская гегемонiя превратилась въ „ἀρχή“, и было бы несправедливо во всемъ этомъ обвинять одного только Перикла: недовольство союзниковъ аѳинскою гегемонiею, превращенiе ихъ изъ равноправныхъ членовъ союза въ подданныхъ Аѳинъ, относится еще ко времени именно того Кимона, который, по Дункеру, такъ умѣлъ обращаться съ ними; вспомнимъ, напримѣръ, о возстанiи Наксоса и Эазоса (см. замѣчанiя самого Дункера на стр. 218).

Что касается до употребленiя союзной казны на украшенiе Аѳинъ, то тутъ была, конечно, своего рода эксплуатацiя. Но къ подобнымъ отношенiямъ нельзя прилагать чисто идеальной мѣрки; союзники были въ зависимости отъ аѳинявъ, обязаны были имъ покровительствомъ и защитой отъ вѣншнаго врага; при такомъ положенiи известная доля эксплуатацiи слабой стороны сильною была неизбѣжна, и если даже не согласиться съ тѣмъ, что приводилъ Периклъ въ свое оправданiе (Плутархъ, Регил., 12), то и тогда нельзя не признать, что союзныя деньги употреблялись, по крайней мѣрѣ, на дѣло благородное, и что другiе на мѣстѣ аѳинявъ поступали бы, вѣроятно, хуже (ср. слова аѳинскихъ пословъ у Фукид., I, 76—77).

Переходимъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчанiямъ Дункера по поводу возстанiя Самоса, замѣчанiямъ, показывающимъ, между прочимъ, какъ произвольно обращается онъ съ источниками. Онъ находитъ поразительною ту пассивность, съ которою аѳиняне смотрѣли,

какъ два члена союза, Милеть и Самось, боролись между собою съ цѣлью лишить самостоятельности третій членъ, Приену (р. 184). Далѣе Дункеръ признаетъ за фактъ, что Самось въ моментъ вмѣшательства Аѣннъ вовсе не находился въ открытомъ возстаніи противъ нихъ; остается подъ сомнѣніемъ даже, дѣйствительно ли правящая на Самосѣ аристократія задумывала отложиться. Вѣрно только то, утверждаетъ авторъ, что вмѣшательство со стороны аѣннннъ послѣдовало подъ вліяніемъ мысли о возможности лишь подобнаго возстанія, а такое опасеніе вызвано было собственнымъ или сознаніемъ, что сами они, съ своей стороны, нарушили право (р. 196, также р. 198). Самосская аристократія подняла возстаніе въ негодованіи за насильственныя дѣйствія ихъ (р. 198). Такимъ образомъ своимъ вмѣшательствомъ аѣнннне вызвали именно то, что хотѣли предотвратить (р. 201). Наконецъ, исходъ морской битвы между Перикломъ и самосцами, вопреки свидѣтельству Фукидида (I, 117) и Плутарха (Pericl., 26), Дункеръ считаетъ сомнительнымъ; онъ прямо говоритъ, что здѣсь онъ раздѣляетъ взглядъ Rflugk-Hartung'a (р. 203).

На стр. 220—223 Дункеръ упоминаетъ о потеряхъ, постигшихъ аѣннское владычество въ Ликии и Каріи, гдѣ персамъ удалось овладѣть нѣкоторыми городами, и, опираясь лишь на Аристофана предпологаетъ, что послѣ подавленія самосскаго возстанія въ Персію дѣйствительно было вторичное посольство, возвратившееся, подобно первому, ни съ чѣмъ (р. 221—222). По словамъ Дункера же, послѣ самосскаго возстанія Периклъ, наученный опытомъ, настаиваетъ подъ благовиднымъ предлогомъ на томъ, чтобы были скрыты стѣны Іонійскихъ городовъ (р. 241—243). Основаніемъ для такого утвержденія автору служатъ весьма неопредѣленныя указанія Фукидида (III, 33) и комика Телеклида (у Плутарха, Pericl., 16).

Главу, посвященную строительной дѣятельности Перикла, Дункеръ начинаетъ извѣстною характеристикой послѣдняго у Фукидида и Плутарха. Но онъ не безусловно соглашается съ этою характеристикой: если Фукидидъ, а за нимъ и Плутархъ, утверждаютъ, что при Периклѣ Аѣнны достигли высшаго могущества, то это, по его словамъ, можетъ относиться къ величинѣ города, къ экономической жизни, къ благосостоянію Аттики и къ далекимъ торговымъ связямъ ея, но никакъ не къ политическому и военному могуществу Аѣннъ; при управленіи Кямона Аѣнны, безъ сомнѣнія, были сильнѣе, нежели при Периклѣ. Но Дункеръ волюгъ признаетъ, что Периклу

удалось „осуществить мысль — сдѣлать Аѳины средоточіемъ экономической жизни грековъ, средоточіемъ еллинскаго искусства и еллинской духовной жизни, возвысить ихъ на степенъ умственной и художественной столицы Греціи“ (р. 243 — 248). Такимъ образомъ относительно этой стороны дѣятельности Перикла не можетъ быть спора; поэтому мы не будемъ останавливаться на ней. Кстати только замѣтимъ, что самая строительная дѣятельность Перикла не мало способствовала поднятію благосостоянія низшихъ классовъ: масса рабочихъ, ремесленниковъ, находила заработокъ. Бывали времена, когда украшеніе городовъ, созданіе великихъ памятниковъ искусства, увлеченіе послѣднимъ, покупалось дорогою цѣною, когда ради этого народной массѣ приходилось стонать подъ гнетомъ непоимѣрныхъ платежей. Не такъ было при Периклѣ: на украшеніе Аѳинъ шель избытокъ средствъ; для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ народу не нужно было напрягать своихъ платежныхъ силъ. Матеріальное благосостояніе разливалось тогда болѣе или менѣе равномерно между различными классами общества.

Внѣшнюю политику Перикла Дункеръ далеко не одобряетъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то, что Эурипъ, эта „образцовая“ пацеллинская колонія, основанная „съ большимъ шумомъ и надеждами“, не оправдала ожиданій (р. 269, 270): Периклъ открылъ двери этой колоніи всѣмъ грекамъ, и це-аѳинянамъ удалось отторгнуть Эурипъ отъ аѳинянъ (р. 301); всѣ труды и траты послѣднихъ пропали даромъ (р. 302). Аѳины дожили до того, что основанный ими же городъ сражался противъ нихъ на сторонѣ спартацевъ (р. 304). Дункеръ сомнѣвается также, благоразумно ли поступилъ Периклъ, принявъ сторону враговъ Пердикки (р. 299—300); а по поводу союза Аѳинъ съ Акартаніей, несомнѣнно расширявшаго сферу аѳинскаго вліянія, онъ прямо обвиняетъ Перикла въ черной неблагодарности. Коринѣи оказали незадолго передъ тѣмъ услугу аѳинянамъ; вслѣдствіе его противодѣйствія Спарта не помогла возставшему противъ нихъ Самосу. Но „Периклъ не отступилъ ни предъ возможностью столкновения съ Коринѣомъ, ни предъ упрекомъ въ неблагодарности: аѳиняне рѣшили помочь акартанцамъ противъ Амбракин и двухъ другихъ коринѣскихъ колоній“ (р. 276). Это было первымъ актомъ возобновленной вражды Аѳинъ къ Коринѣу (р. 307).

Но еще яснѣе обнаруживается взглядъ Дункера тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о началѣ Полопоннесской войны.

Перемѣны, происшедшія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ во внѣш-

нихъ отношеніяхъ Аѳинъ, не были благопріятны для послѣднихъ, говоритъ авторъ. На продолжительный миръ со Спартой нельзя было разчитывать; рѣшительная борьба съ Пелопоннесомъ являлась неизбежною. Сильный союзъ и врагъ Аѳинъ, Эвны, находились въ тѣсномъ союзѣ съ Коринѳомъ и Спартой; правда, аѳиняне могли опереться на дружбу съ Фессаліей, но за то эта дружба стоила имъ союза съ фокидцами. На сѣверѣ собирались тучи: тамъ могли явиться опасными врагами Одрискій царь, Ситалкъ, все расширявшій границы своего царства, и вѣроломный, энергическій Пердикка, царь Македонскій. Еще болѣе угрожающіе признаки проявлялись на западѣ: вспыхнула распря между Коринѳомъ и Керкирой; аѳиняне, казалось, тѣмъ менѣе могли оставаться чуждыми этой распрѣ, что они недавно ступили ногой въ Акарнаніи; въ случаѣ рѣшительной побѣды Коринѳа, имъ врядъ ли удалось бы удержаться здѣсь (р. 287—290). Дункеръ ярко изображаетъ всю затруднительность положенія аѳинянъ въ виду возникшей борьбы между Керкирой и Коринѳомъ и всѣ роковыя слѣдствія вмѣшательства ихъ въ пользу первой. Говоря о рѣчахъ послѣдовъ обѣихъ враждующихъ сторонъ предъ аѳинскимъ собраніемъ, онъ замѣчаетъ, что у коринѳянъ не было недостатка въ вѣрныхъ доводахъ, чтобы опровергнуть доводы противниковъ (р. 310). Нѣтъ сомнѣнія, по его словамъ, что Периклъ стоялъ за союзъ съ Керкирой, хотя Фукидидъ объ этомъ и не упоминаетъ (I, 44). Но тутъ противъ него должна была выступить праждебная ему партія и всѣ друзья мира: они должны были употребить всѣ усилія, чтобы помѣшать ему вовлечь Аѳины въ безконечныя вмѣшательства и самую тяжкую войну (р. 313—314). И Дункеръ съ особенною яркостью и выразительностью представляетъ всѣ тѣ соображенія, которыя, по его мнѣнію, могли быть приведены оппозиціей противъ союза съ Керкирой (р. 315). Периклъ же, по его словамъ, успѣлъ устранить первое рѣшеніе народнаго собранія и добиться во второмъ собраніи того, что съ Керкирой заключенъ былъ, по крайней мѣрѣ, строго-оборонительный союзъ, хотя и тутъ Фукидидъ не упоминаетъ имени Перикла (I, 44). „Со стороны Аѳинянъ это былъ рискованный шагъ, который также могъ повести къ опаснымъ столкновеніямъ“ (р. 317). За то и Дункеръ отвергаетъ разказъ Плутарха (Pericl., 29), будто Периклъ изъ вражды къ Кимону потомству предоставилъ въ распоряженіе Лакедемонія (сына Кимона) всего лишь 10 тріеръ, какъ бы въ насмѣшку, съ цѣлью не дать ему возможности совершить что-либо важное и навлечь на

него подозрѣніе въ „лаконизмъ“: по Дункеру, это не что иное, какъ сплетни. Тутъ же, ссылаясь на изслѣдованіе Pflugk-Harttung'a, Дункеръ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, что Периклъ скорѣе избѣжалъ бы открытаго столкновенія съ Коринѳомъ, еслибы послалъ на помощь Керкиръ, вмѣсто 10 триеръ, 100, такъ какъ въ такомъ случаѣ коринѳяне врядъ ли бы рѣшились предпринять нападеніе (р. 318¹).

Винновниками Пелопоннесской войны Дункеръ считаетъ афинянь, а ихъ въ эту войну вовлекъ Периклъ. Именно афиняне, говоритъ авторъ, нарушили миръ съ Коринѳомъ (р. 323), принявъ участіе въ битвѣ при Сиботахъ. Они же сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи, заключивъ союзъ съ Закинѳомъ, а затѣмъ съ Регіумомъ и съ Леонтинами (р. 324—325): во всемъ этомъ коринѳяне могли усмотрѣть новое посягательство со стороны афинянь. Вообще къ союзу съ Регіумомъ и съ Леонтинами Дункеръ относится съ порицаніемъ: отъ такихъ далекихъ и непрочныхъ связей польза была сомнительная; онѣ требовали со стороны афинянь лишь излишняго напряженія силъ, налагали на нихъ извѣстныя обязательства, грозили новыми безконечными столкновеніями и замѣшательствами (324—325, 331, 414, 504); еще вопросъ, усиленію или же ослабленію Афинъ способствовало подобное расширеніе сферы вліянія (363). По Дункеру, виновникъ этихъ союзовъ—Периклъ; правда, Фукидидъ не называетъ его и даже прямо ничего не говоритъ о заключеніи упомянутыхъ союзовъ—мы узнаемъ о нихъ лишь изъ позднѣйшихъ намековъ и ссылокъ Леонтинскихъ союзниковъ (у Фукидида же) и изъ отрывковъ надписей; но такъ онъ дѣлаетъ для того, чтобы не выставлять Перикла виновникомъ замѣшательствъ, вносльдствіи приведенныхъ афинянь къ Сицилійской экспедиціи, и чтобы за эту экспедицію бросить упрекъ аттическому народу (р. 316, 508). Но предположимъ даже, что Дункеръ правъ, приписывая Периклу заключеніе союза съ Регіумомъ и съ Леонтинами (по надписямъ, предложеніе исходило отъ Калліа): развѣ заключеніе простаго союза и отправленіе отборнаго

¹) Но это, можетъ быть, не лишн Порикла: не слѣдуетъ забывать, что здѣсь онъ имѣлъ дѣло съ сильною оппозиціей, и, конечно, не всѣ предлагаемыя имъ мѣры осуществлялись въ томъ именно видѣ, какъ онъ желалъ: вѣроятно, ему часто приходилось идти на компромиссъ. Очень можетъ быть, наприимѣръ, что въ данномъ случаѣ противники Перикла и „друзья мира“ (употребляя выраженіе Дункера) настояли на томъ, чтобы въ помощь Керкиръ посланъ былъ именно такой незначительный отрядъ.

флота, снаряженнаго съ колоссальными издержками, съ напряженіемъ силъ, для завоеванія цѣлаго острова—одно и то же? Неужели справедливо сваливать на Перикла отвѣтственность даже и за алополучную Сицилійскую экспедицію?

Далѣе, какъ выражается Дункеръ, послѣдовалъ новый вызовъ Коринѳу (р. 328). Это—тѣ требованія, съ которыми обратились аѳиняне къ Потидеѣ. По автору, тутъ аѳиняне оказываются кругомъ неправыми и дѣлаютъ одну ошибку за другою. Требованія предъявлены были ими, не смотря на то, что на Потидею никонмъ образомъ нельзя было пожаловаться. Сдѣлано это было съ тою цѣлью, чтобы предотвратить возможность отпаденія (р. 327; ср. поведеніе аѳинянъ по отношенію къ Самосу, у Дункера же); а между тѣмъ требованія эти могли вызвать именно то, что имѣлось въ виду предупредить ими (р. 328). Не смотря на всѣ свои старанія и просьбы, потидейцы не могли добиться ихъ отиѣны; тогда-то они тайно посылаютъ въ Спарту за помощію. Въ такомъ свѣтѣ представляетъ это дѣло Дункеръ. Но впервыхъ, интрига Пердикки и то обстоятельство, что Потидея была колоніей коринѳскою, давали аѳинянамъ основательный поводъ къ опасенію за ея вѣрность (Фукид., I, 57). Во вторыхъ, изъ Фукидыда видно, что потидейцы вошли въ сношенія со Спартой не послѣ того уже, какъ увидѣли всю безплодность своихъ переговоровъ съ аѳинянами (какъ утверждаетъ это Дункеръ), а въ то же время, какъ отправилъ пословъ въ Аѳины; словомъ оказывается, что оба посольства были событіями одновременными ¹⁾.

Затѣмъ продолжаетъ Дункеръ, было ясно, что аѳиняне сдѣлали большую ошибку, представивъ Потидеѣ очень суровыя требованія и не выславъ въ то же время такой вооруженной силы, которая могла бы тотчасъ заставить ее исполнить эти требованія. Мало того. Когда возсталъ Потидея, сдѣлана была новая ошибка: въ Аѳинахъ опять замедлили съ отправкой подкрѣпленія. Дункеръ рѣшается назвать это ошибкой, вѣроятно, потому, что тутъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, источники наши не даютъ рѣшительно никакихъ указаній на причины подобнаго замедленія, и этого молчанія достаточно для Дункера, чтобы обвинить аѳинянъ въ цѣломъ рядѣ ошибокъ: всякія сомнѣнія и недоразумѣнія, возникающія вслѣдствіе недостаточности нашихъ свѣдѣній, онъ разрѣшаетъ не въ пользу Перикла (ср. выше). Но въ данномъ случаѣ нужно помнить, что аѳи-

¹⁾ Фукид., I, 58.

нянамъ приходилось имѣть дѣло со многими врагами разомъ, что и ихъ силы имѣли же извѣстный предѣлъ и нельзя же было моментально собрать ихъ! Такимъ образомъ, тутъ Дункеръ обвиняетъ аеянъ въ медленности и непредупредительности, а раньше ставилъ имъ въ вину то, что они заподозрѣли „безъ всякаго основанія“ Потидею въ измѣнѣ и обратились къ ней съ слишкомъ суровыми требованіями! Интересно знать, какъ назвалъ бы Дункеръ поведеніе аеянъ, еслибы они не приняли никакихъ мѣръ на случай измѣны Потидея и еслибы Потидея все-таки измѣнила? Тогда бы, вѣроятно, въ его же глазахъ Периклъ и вмѣстѣ съ нимъ аеянне оказались виновными въ недалновидности и слабости.

Какъ будто мало еще было горячаго матеріала, говоритъ Дункеръ,—аеянне именно теперь вступаютъ въ распрю еще и съ Мегарой (р. 328). По его мнѣнію, постановленія аеинскаго народнаго собранія противъ Мегары находились въ прямомъ противорѣчій съ мирнымъ договоромъ 445 года, нарушали его (р. 329, 349—350, 379)¹⁾. А что касается обвиненія мегарцевъ въ убіеніи аеинскаго герольда, то, по словамъ Дункера, въ Мегарѣ совершенно основательно отвергали всякое участіе въ этомъ дѣлѣ (р. 350).

Такимъ образомъ, изъ всего изложенія автора выходитъ, что вина за послѣдовавшія затѣмъ событія всецѣло падаетъ на аеянъ. Не такъ смотрѣлъ на дѣло Фукидидъ: уже онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что событія въ Эпидамнѣ и Потидеѣ, жалобы Мегары и Эгинны, все это были лишь поводы, предлоги къ войнѣ, истинная же причина, о которой однако менѣе всего говорилось, коренилась въ возвышеніи аеинскаго могущества, возбуждавшаго въ лакедемонянахъ страхъ и зависть (I, 23; II, 8).

Нельзя не упомянуть также о томъ, какъ отзывается Дункеръ о дѣйствіяхъ оппозиціи противъ Перикла. Тутъ оказывается, будто противники послѣдняго тщетно пытались предотвратить грозящую

¹⁾ На томъ основаніи, что по 30-лѣтнему миру между обѣими сторонами сношенія должны были производиться безпрепятственно (Фукидидъ, I, 67; Плутархъ, Pericl., 29). Въ противоположность общепринятому мнѣнію, Дункеръ предполагаетъ, что противъ Мегары въ аеинскомъ народномъ собраніи состоялось не одно, а два постановленія: одно—осенью 433 г. и состояло въ запрещеніи ввоза и пограничныхъ сношеній, другое—весною 432 г.—усиливало строгость первого и состояло въ запрещеніи всякой торговли съ Мегарой и въ изгнаніи мегарцевъ изъ предѣловъ Аттики (р. 329—330, 350). Основываетъ онъ свое мнѣніе на словахъ Плутарха и на намекахъ Аристотеля.

опасность, тщетно старались удержать Аонины отъ вступленія на гибельный путь рискованныхъ предиріятій и приключеній (р. 331). Но наваденія на виѣшнюю политику Перикла ни въ чему не вели, хотя онъ и впутывалъ государство все въ большія и большія замѣшательства и въ то же время постройками еще болѣе расточалъ казну, лишь бы обезпечить городской толпѣ хорошей заработокъ и этимъ склонить ее въ пользу своихъ безумно-смѣлыхъ виѣшнихъ плановъ. И вотъ, чтобы хотя косвеннымъ образомъ нанести ударъ Периклу и виѣстѣ съ тѣмъ положить конецъ постройкамъ и сохранить для государственной казны, по крайней мѣрѣ, часть суммъ, предназначенныхъ на эти постройки, оппозиція нападаетъ на Фидіа (р. 331, 334, 335). Словомъ, изложеніе Дункера производить такое впечатлѣніе, какъ будто авторъ не только вѣритъ патріотизму и искренности намѣреній оппозиціи, но и сочувствуетъ ей въ данномъ случаѣ, и какъ будто самыя обвиненія противъ Фидіа не были простою интригою, а вызваны были, между прочимъ, заботой о сохраненіи государственной казны; обвинители Фидіа оказываются блюстителями государственныхъ интересовъ.

Совсѣмъ иначе относится Дункеръ къ Спартѣ: онъ выставляетъ на видъ ея миролюбіе, ея желаніе, по возможности, избѣжать войны.

По Фукидиду, спартанцы отправили посольство въ Аонины уже послѣ того, какъ имя рѣшена была война (I, 125—126); ихъ требованія вызваны были желаніемъ найдти, въ случаѣ отказа, тѣмъ большій предлогъ къ войнѣ ¹⁾; притомъ и приготовленія ихъ еще не были окончены. Какъ же смотритъ Дункеръ на поведеніе Спарты въ виду такихъ ясныхъ свидѣтельствъ источниковъ? Во всѣхъ ея требованіяхъ, предъявленныхъ ею аонинянамъ, онъ видитъ вовсе не простой предлогъ для оправданія или временной отсрочки войны. Такъ, по его мнѣнію, требун изгнанія святотатцевъ изъ Аоніи, партія мира въ Спартѣ разчитывала на то, что съ удаленіемъ Перикла аоняне согласятся на умѣренные уступки, и такимъ образомъ миръ будетъ обезпеченъ (р. 389). Спарта ясно давала понять, что она не пачнетъ войны, лишь бы только отмѣнено было постановленіе аонискаго собранія относительно Мегары. Отъ другихъ требованій она готова была отказаться, но на этой отмѣнѣ она особенно настаивала; къ такому требованію побуждало ее чувство благодарности къ Мегарѣ, такъ какъ отпадснію послѣдней отъ Аонискаго союза она обя-

¹⁾ I, 126: *επας σφισιν ότι μαγίστη πρόφασις εἴη τοῦ πολέμου, ἤμῃς ἐσακούσασιν.*

вана была своимъ успѣхомъ во вторую войну съ Аѳиннами (р. 390). Спарта не могла допустить, чтобы на ея глазахъ морили голодомъ ея союзника (р. 391). Наконецъ, въ виду союзниковъ и для удовлетворенія спартанскаго самолюбія, нужно же было добиться уступки хотя бы по одному пункту. Вообще Спарта открывала аѳинянамъ достаточно путей для мира (р. 418). Доказательствомъ ея миролюбія служить и то, что она рѣшилась отправить въ третій разъ посольство въ Аѳины. И тутъ она не скрываетъ, что для предотвращения войны и сохраненія мира аѳинянамъ достаточно отмѣнить постановленіе противъ Мегары ¹⁾. Что же касается остальныхъ требованій Спарты, то требованія касательно Потидеи и Эгины, по Дункеру предъявлены были лишь для виду, а новое—относительно свободы аѳинскихъ союзниковъ—должно было служить какъ бы поводомъ къ продолженію переговоровъ и вмѣстѣ серьезною угрозой того, въ какомъ смыслѣ Спарта будетъ вести войну, если дѣло дойдетъ до этого (р. 391—392).

Такимъ образомъ Дункеръ придаетъ рѣшающее значеніе отказу аѳинянъ отмѣнить постановленія противъ Мегары. Со стороны Спарты это не былъ лишь пустой предлогъ; за уступкой аѳинянъ по этому пункту вовсе не послѣдовали бы какія-нибудь новыя требованія, какъ увѣрялъ Периклъ. Аѳинянамъ слѣдовало избѣгать войны въ тотъ моментъ, слѣдовало выждать, по крайней мѣрѣ, время, пока падетъ Потидея, пока покорены будутъ города Халкидики. И войны можно было избѣгать; относительно этого не оставляютъ никакихъ сомнѣній многократныя посольства Спарты, поведеніе Архидамы, увѣренія спартанскихъ пословъ; стоило только отмѣнить постановленія касательно Мегары (р. 397—398). Тогда бы и ѳиванцы не осмѣлились напасть на Платею (р. 418). Да и что значила отмѣна этого постановленія въ сравненіи съ выгодами, которыя представляла для аѳинянъ отсрочка войны? Утвержденіе Перикла у Фукидида, будто подобная отмѣна—начало рабства Аѳинъ, есть не болѣе, какъ риторическій оборотъ безъ всякаго значенія и притомъ (если только Периклъ дѣйствительно его употребилъ) въ его устахъ болѣе легкомысленный, нежели въ устахъ всякаго другаго оратора: вѣдь, и не

¹⁾ Правда, Фукидидъ говоритъ, что на этотъ разъ спартапцы, не упоминавъ вовсе о прежнихъ требованіяхъ, поставили условіемъ сохраненія мира—свободу аѳинскихъ союзниковъ; но дальше (утверждаетъ Дункеръ) онъ самъ себя противорѣчить, сообщая, что аѳиняне рѣшили отвѣчать разомъ на все требованія Спарты.

такія еще унижительныя условія онъ самъ заставилъ афинянъ принять по 30-лѣтнему миру, и однако афиняне не сдѣлались же рабами Лакедемона. И если Периклъ ставилъ на видъ, что, за исполненіемъ ими первыхъ требованій, со стороны Спарты послѣдуютъ скоро другія, то это ничего не значило: ихъ можно было подождать: въ тогдашнемъ положеніи афинянъ прежде всего нужно было выиграть время (р. 398). Словомъ, во власти Перикла было отсрочить войну (р. 465); но онъ вступилъ въ нее афинянъ, потому что желалъ ея (р. 397). Война не была неизбѣжною; неизбѣжною ее сдѣлало лишь отклоненіе спартанскихъ требованій („der Krieg war nicht unvermeidlich, erst die Abweisung der Forderungen der Spartaner machte ihn unvermeidlich“, р. 398).

Итакъ, Дункеръ, въ другихъ случаяхъ упрекающій Перикла въ слабости, недостаткѣ энергій и т. п., на этотъ разъ ставитъ ему въ вину твердость. Стараясь доказать во что бы то ни стало, что Спарта стремилась къ миру, Дункеръ впадаетъ въ явное противорѣчіе съ Фукидидомъ, по категорическому свидѣтельству котораго въ Спартѣ взяла верхъ партія войны и война тамъ рѣшена была заранѣе. Дункеръ полагаетъ, что своимъ постановленіемъ относительно Мегары афиняне нарушили условія 30-лѣтняго мира; спартацевъ же—за то, что они отказались отъ предложеннаго афинянами рѣшенія дѣла мирнымъ, третейскимъ судомъ, какъ того требовалъ договоръ 445 года на случай распри и недоразумѣній,—онъ не обвиняетъ въ нарушеніи условій мира. Напротивъ, Спарта, по его мнѣнію, и не могла иначе поступить,—не могла согласиться на подобное предложеніе (р. 391). Съ другой стороны, по поводу отказа афинянъ исполнить требованія спартацевъ относительно Мегары можно замѣтить, что исполненіе нѣкоторыхъ требованій противника бываетъ иногда унижительнѣе всякихъ территоріальныхъ уступокъ и хуже всякаго открытаго пораженія. Такъ и въ данномъ случаѣ: постановленіе афинскаго собранія, касавшееся Мегары и закиравшее для нея афинскіе ренки и гавани, было дѣло, такъ сказать, внутреннее; тутъ вмѣшательство Спарты должно было показаться афинянамъ особенно оскорбительнымъ. Быть можетъ, потому-то Спарта и настаивала особенно на этомъ требованіи, что афиняне безъ крайняго униженія не могли его выполнить, что на него они менѣе всего могли согласиться. Дѣло Перикла было поддержать честь и достоинство Афинскаго государства. Въ виду все новыхъ и новыхъ требованій противника необходимо было обнаружить твердость. А толкованіе, къ которому

прибѣгаетъ Дункеръ по поводу послѣдняго требованія Спарты (относительно освобожденія афинскихъ союзниковъ) есть натажка: оно слишкомъ ужь искусственно и ни на чемъ не основано. Да и странный былъ бы это способъ со стороны спартацевъ выражать свое миролюбіе—при возобновеніи переговоровъ не уменьшать, а все увеличивать свои требованія.

Авторъ называетъ политику Перикла оригинальною и не легко понятою (р. 398). Съ точки зрѣнія Дункера поведеніе Перикла дѣйствительно непонятно; дѣло въ томъ, что, съ одной стороны, онъ приписываетъ ему желаніе непременно поднять войну, а съ другой—уличаетъ его въ недостаткѣ твердости и отсутствіи энергіи. Въ изложеніи же Фукидида образъ дѣйствій Перикла представляется вполне яснымъ и понятнымъ, тутъ нѣтъ ничего загадочнаго: въ дѣлѣ отклоненія спартанскихъ требованій политика Перикла, какъ и рѣчь его, сказанная по этому поводу, носитъ на себѣ отпечатокъ твердости и вѣстѣ съ тѣмъ чужда всякаго вызывающаго характера. Притомъ, коль скоро рѣшительная борьба со Спартой была неизбежна въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ — а этого не отрицаетъ и Дункеръ (р. 123 и т. д.), — то Периклъ могъ предпочесть начать эту борьбу теперь же, когда Афины были въ полномъ развитіи своихъ внутреннихъ силъ и когда, по свидѣтельству Фукидида, онѣ были подготовлены къ войнѣ такъ, какъ никогда прежде ¹⁾, не говоря уже о тѣхъ личныхъ побужденіяхъ, которыя могли здѣсь руководить Перикломъ ²⁾.

Разъ афиняне сдѣлали войну неизбежною, говорить далѣе Дункеръ,—слѣдовало не предоставлять инициативы непріятелю, а предупредить его, воспользовавшись болѣею сосредоточенностью своихъ силъ. Рѣшительнаго отвѣта на предъявленныя требованія еще недостаточно было, чтобы сломить энергію врага; для этого нужно было, чтобы за рѣшительнымъ отказомъ послѣдовали тотчасъ же и рѣшительныя дѣйствія. И Дункеръ, какъ контрастъ пассивности афинянъ, представляетъ дѣйствія эванцевъ, напавшихъ на Платею (р. 398—399). Онъ порицаетъ поведеніе Афинъ вслѣдъ за нападеніемъ эванцевъ на Платею. Этимъ нападеніемъ Эфины сами разорвали мирный договоръ. Афиняне имѣли полное право тотчасъ же напасть на нихъ и

¹⁾ II, 20: „τοὺς γὰρ Ἀθηναίους ἤλικτον, ἀκμάζοντας τε νεότητι πολλῇ καὶ παρασκευασμένους ἐς πόλεμον ὡς οὐκω πρότερον, и т. д.

²⁾ Ср. *Banke*, *Weltgeschichte*, I, 1, 297.

поразить такимъ образомъ ближайшаго и самаго опаснаго своего врага, прежде чѣмъ подоспѣли бы пелопоннесцы.

Такого удобнаго случая нельзя было пропускать уже въ виду того, что иначе Платея могла подвергнуться новому нападенію (р. 402—403). Но произошло невѣроятное (р. 424): Периклъ удовольствовался тѣмъ что снабдилъ провіантомъ Платею, помѣстилъ тамъ гарнизонъ и перевелъ въ Аѳины неспособныхъ владѣть оружіемъ платейцевъ, женъ и дѣтей. Но самъ же Дункеръ не отрицаетъ, что въ виду такихъ мѣръ аѳянцы не осмѣлились одни выступить опять противъ Платеи. Периклъ, продолжаетъ Дункеръ, по прежнему давалъ Спартѣ время собрать войска и приготовиться какъ слѣдуетъ (р. 402—403). Аѳянцы упорно держались принятой ими системы полной пассивности, между тѣмъ какъ Спарта, послѣ событій въ Платеѣ, обнаруживала рѣшительность и предусмотрительность. Назначеніе спартапцами дня, къ которому должны были собраться на Истмѣ союзные контингенты, было яснымъ призывомъ для аѳянцевъ раньше этого дня быть на Истмѣ и занять Геранею. Въ Аѳинахъ оставили безъ вниманія и этотъ намекъ (р. 405)!

Говоря о силахъ обѣихъ сторонъ, готовившихся вступить въ рѣшительную борьбу, Дункеръ утверждаетъ, что тактика и дисциплина аѳинскихъ голитовъ при Периклѣ была въ болшемъ пренебреженіи, чѣмъ бы слѣдовало. На чемъ основывается Дункеръ, утверждая это, неизвѣстно. Вѣроятно, онъ говоритъ тутъ просто а priori въ виду особаго вниманія, которое обращалъ Периклъ на флотъ. Но крайней мѣрѣ, съ такимъ утвержденіемъ не совсѣмъ гармонируютъ приводимыя имъ же самими слова Фукидида о многочисленности аѳинской молодежи и подготовленности Аѳинъ къ войнѣ, какъ никогда раньше; да и изъ изложенія Дункера на стр. 409—412 видно, какъ велики были въ то время силы Аѳинъ и въ какомъ превосходномъ состояніи онѣ находились.

Не военныя силы имѣютъ рѣшающее значеніе въ борьбѣ, говоритъ Дункеръ, а способъ ихъ употребленія. Съ этой стороны образъ дѣйствій Перикла давалъ аѳинянамъ мало надежды на побѣду. И Дункеръ подвергаетъ строгому суду Перикловъ планъ войны ¹⁾.

Этотъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы оставить на произволъ Атикеу, отступить за стѣны города и гавани. Правда, назадъ тому почти 50 лѣтъ аѳиняне два раза покидали не только Атикеу, но и

¹⁾ Привожу слова Дункера въ сокращеніи.

свой городъ, но тогда это дѣлалось для того, чтобы собрать всецѣло силы, быть сильнѣе на одномъ рѣшающемъ пунктѣ. Теперь же страну очищали для того, чтобы уйти отъ рѣшенія. Периклъ самъ былъ того мнѣнія, что война будетъ длиться долго, и на это продолжительное время страна должна была оставаться покинутою или же покидаться каждый разъ при вторженіи пелопоннесцевъ. Изъ года въ годъ граждане, землевладѣльцы и крестьяне должны были смотреть со стѣнъ города, съ полною пассивностью, какъ непріятель наводитъ и безпрепятственно опустошаетъ страну. Странный способъ веденія войны, который чрезвычайныя мѣры превращалъ въ постоянныя, который заранѣе предавалъ въ руки врага то, что государству надлежало защищать! Правда, за эти опустошенія Атики предполагалось мстить непріятелю тѣмъ же—предполагалось дѣлать высадки въ Пелопоннесъ и здѣсь также производить опустошенія. Но Пелопоннесъ былъ великъ, гораздо больше Атики, да и что значили эти кратковременныя опустошенія въ сравненіи съ опустошеніемъ до-гла всей Атики! Этимъ путемъ можно было ждать окончанія войны только отъ утомленія непріятеля или своего собственнаго. Но кто прежде утомился бы? Только одинъ результатъ подобнаго плана войны былъ яснѣе заранѣе: съ перваго же раза все сельское населеніе Атики дѣлалось врагомъ войны; многократныя очищенія страны раззоряли не только крупныхъ земельныхъ собственниковъ, но и все крестьянское сословіе Атики, то-есть, самую крѣпкую и здоровую часть ея населенія. Какой подъемъ духа, какую преданность отечеству могло пробудить въ крестьянахъ это ежегодное зрѣлище опустошаемой страны! Если реформы Перикла устранили вліяніе крестьянскаго сословія на государственную жизнь Аены, то теперь, казалось, онъ хотѣлъ уничтожить его и въ экономическомъ отношеніи. Или не помогали ли ужъ Периклъ крестьянамъ тѣмъ, что совѣтовалъ имъ не дожидать опустошеній со стороны непріятеля, а самимъ опустошить страну, или тѣмъ, что отдавалъ въ собственность государству свои имѣнія въ случаѣ пощадъ ихъ спартапцами?

• Такимъ способомъ, этою часто пассивною обороною, Периклъ никакъ не могъ привести Аены къ цѣли—къ преобладанію ихъ надъ Спартой. А не имѣть въ виду такой цѣли или надежды ея достигнуть и въ то же время вовлекать Аены въ войну, которой можно было избѣжать,—этого ужъ никакъ нельзя оправдать! Но если даже вести войну и оборонительно, то все-таки аэнианцамъ не слѣ-

довало унижаться до обороны подобнаго рода. Не надо было терять ни минуты; нужно было предупредить неприятеля и напасть на Мегару; времени впереди было достаточно. Быстрымъ движеніемъ слѣдовало запереть мегарянъ въ городѣ, а гавань запереть тріерами; тотчасъ же надо было занять Геранею и загородить ея проходы укрѣпленіями. Обезпечивъ такимъ образомъ фронтъ на югѣ, афиняне должны были съ другой стороны запереть Кнееронъ и Парнесъ противъ беотійцевъ" и т. д. „Своимъ вѣроломнымъ нападеніемъ на вѣрнаго афинскаго союзника Эивы нарушили миръ. Поэтому афиняне могли предпочесть прямо отвѣтить на такой дерзкій шагъ, немедленно отмстить за это нападеніе и за Коронейское поражение. Быть можетъ, такъ было бы даже лучше, чѣмъ занимать Геранею. Со всѣми силами, какія были подъ рукою, слѣдовало наводнить Беотію, провозгласить свободу беотійскихъ городовъ, побудить союзныхъ эссалийцевъ вторгнуться съ Сѣвера... Въ рукахъ афинянъ былъ случай однимъ быстрымъ ударомъ расторгнуть Беотійскій, то-есть, Эиванскій союзъ.

„Только уничтоженіе Беотійскаго союза и ударъ въ сердце Спарты могли рѣшить войну въ пользу Афинъ. Главное, къ чему должны были стремиться послѣдніе, это снова поднять мессенцевъ противъ Спарты. Если Спарта провозглашала освобожденіе еллиновъ отъ афинской тираниіи, то афиняне должны были начертать на своемъ знамени освобожденіе лаконскихъ рабовъ еллинской крови, дорическаго и алейскаго происхожденія,—освобожденіе Мессеніи... Начальнымъ нападеніемъ или энергическимъ штурмомъ слѣдовало занять на Мессенскомъ берегу хорошую гавань; слѣдовало сюда перевести мессенянъ изъ Навпакта.... Здѣсь было слабое мѣсто Спарты; здѣсь можно было нанести ей смертельный ударъ („Hier war die Stelle, an welcher Sparta sterblich war"). Высадка афинянъ въ Мессеніи удержала бы въ Целопоннесѣ спартанское войско или же навѣрное вызвала бы его обратно изъ Аттики, въ случаѣ, если вторженіе уже послѣдовало. Это былъ контрударъ (Gegenstosz), который нанесъ бы Эмистоклъ. Въ этомъ смыслѣ нужно было понимать совѣтъ послѣдняго, что если афиняне будутъ снова тѣснимы съ суши, то имъ слѣдуетъ держаться города и гавани, сѣсть на корабли, но не для того, чтобы совершать грабежи, а чтобы наносить неприятелю рѣшительные удары... Высадка въ Мессеніи должна была скоро привести къ цѣли. Только имѣя въ виду такую высадку, могли

аэниане оставить безъ вниманія Геранею и Беотию, ждаты вторженія пелопоннесцевъ, чтобы тѣмъ тверже стать ногой въ Мессению“.

Дункеръ указываетъ затѣмъ на деморализирующее вліяніе такихъ набѣговъ, какіе задумывалъ Периклъ: „Они дѣйствовали вредно, такъ какъ вслѣдствіе ихъ аэнискіе гоплиты отвыкали отъ серьезной войны и битвъ, уходя на корабли, какъ только непріятель соберется въ нѣкоторомъ числѣ; они должны были лишиться всякой энергіи какъ вождей, такъ и воиновъ. Если ни на какое дѣло не отваживались, никакой серьезной задачи не ставилось, если не наступало напряженнаго ожиданія великихъ рѣшеній, если ничего не было, кромѣ прогулокъ флота и сожженія селъ и деревень, въ то время какъ Аттика пылала въ пламени въ виду Аэниъ, то какъ могли граждане и прежде всего согнанные въ городъ („die in die Stadt zusammengeferchtet“), голодающіе крестьяне сохранить мужество и воинскій пылъ? Подобному веденію войны слѣдовало предпочесть даже открытыя пораженія въ битвѣ съ вдвое или втрое сильнѣйшимъ непріателемъ. Да развѣ такъ ужъ было несомнѣнно, что аэниане будутъ разбиты? вѣдь, аттичскіе гоплиты изъ крестьянъ сражались бы за свою землю, за домашній очагъ и свое достоинствіе навѣрное не хуже, чѣмъ ихъ отцы при Марафонѣ. Если теперь не было у аэнианъThemistokles, Miltiades и Kimon, которые умѣли побуждать и съ меньшинствомъ, то противъ беотійцевъ, локрянъ и фокидцевъ аэниане могли выступить съ равными силами. Чѣмъ болѣе обнаружилъ бы они энергіи, тѣмъ менѣе можно было опасаться отпаденія союзниковъ. Пелопоннесцевъ скорѣе могли заставить прекратить войну тѣ утраты, которыя они понесли бы даже въ случаѣ своей побѣды предъ стѣнами Аэниъ, чѣмъ та жалкая боязливость, на которую хотѣлъ обречь аэнианъ Периклъ.

„Деморализирующія слѣдствія подобнаго способа веденія войны не могли и не должны были ускользнуть отъ предусмотрительнаго государственнаго человѣка. Они тѣмъ губительнѣе дѣйствовали, что тутъ жертвой были крестьяне. Притомъ, если Перикловы реформы сдѣлали городскую массу и матросовъ самыми пылкими приверженцами существующаго строя, то въ той же мѣрѣ онѣ отвратили отъ него сердца состоятельныхъ“¹⁾... Война, исключительно морская, была

¹⁾ Дункеръ не разъ съ удареніемъ говоритъ о томъ, что плата за службу во олотѣ располагала народную массу въ пользу Перикла (напримѣръ, стр. 437).

выгодна для 4-го класса, но она налагала большія тягости на состоятельныхъ" (тріерархін). Мыслимо ли было, чтобы послѣдніе приносили охотно все большія и большія жертвы для безконечной войны, о которой они могли сказать, что она затягивается на ихъ счетъ въ интересахъ массы? Съ негодованіемъ крестьянъ, съ неудовольствіемъ состоятельныхъ посѣяны были сѣмена раздора, которыя могли принести аэнианамъ лишь горькіе плоды".

Дункеръ описываетъ вслѣдъ за тѣмъ чувства, которыя, по его мнѣнію, должны были овладѣть аэнианами при первомъ извѣстіи о дерзкомъ нападеніи эвванцевъ на Платею. „Едва ли" говоритъ онъ, — „бывали минуты, когда все аэниское войско, отъ юношей до старцевъ, выступило бы съ большимъ воодушевленіемъ противъ эвванцевъ, чѣмъ въ тотъ моментъ. Но зова вождя, предсѣдательствующаго стратега, не послѣдовало". По плану Перикла, „Аэины должны были держаться строго оборонительной системы, и плоды столь неэнергическаго веденія войны не замедлили обнаружиться" (р. 417—425). Вообще отвѣтственность за планъ войны всецѣло падаетъ на Перикла (р. 430).

Съ нѣкоторыми замѣчаніями Дункера тутъ, по видимому, нельзя не согласиться. Но нужно имѣть въ виду слѣдующее. Тогдашнія условія и обстоятельства намъ неизвѣстны во всѣхъ подробностяхъ (на что уже было указано); мы знакомы съ событіями лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ; здѣсь возникаетъ не мало вопросовъ, недомыслий, и наши источники не даютъ на нихъ отвѣта. Конечно, тутъ можно пускаться въ болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, строить предположенія и т. д.; не трудно поставить вопросъ, отчего не было сдѣлано того-то? Зачѣмъ поступлено было такъ, а не иначе? Почему не былъ посланъ отрядъ туда-то, не была занята такая-то позиція? Но врядъ ли подобный приемъ будетъ научнымъ, врядъ ли онъ достоинъ серьезнаго историка. Тутъ легко предаться фантазіи. Не зная въ точности всѣхъ тогдашнихъ условій, мы не всегда можемъ быть увѣрены, что то или другое дѣйствіе, которое, по нашему, казалось бы наиболѣе цѣлесообразнымъ, было и осуществимо. Дункеръ говоритъ, что аэнианамъ слѣдовало занять Геранею и т. п., но развѣ, помимо ужъ всего другаго, не могло это повести къ тому, что главный центръ тяжести войны палъ бы на сушу, и что такимъ образомъ рѣшеніе войны послѣдовало бы именно тамъ, гдѣ аэниане были несравненно слабѣе. Вѣдъ самъ Дункеръ, на стр. 416, говоритъ о громадности сухопутныхъ силъ Спарты и ея союзниковъ. Что ка-

сается высадки въ Мессеніи, то она была предпринята (Метона) и не удалась, благодаря героизму Бразида. Объ открытомъ сраженіи съ войскомъ Архидамъ нечего было и думать: это войско, составлявшее всего лишь $\frac{2}{3}$ пелопоннесскихъ силъ (Фукид., II, 10), доходило до 60,000 тяжеловооруженныхъ (по Плутарху, *Pericl.*, 33; а по мнѣнію Дункера—до 40,000). Къ этому нужно прибавить славу непобѣдимости спартанцевъ на сушѣ¹⁾, опытъ аѳинянъ, вынесенный ими изъ предшествовавшихъ столкновеній съ спартанскимъ войскомъ²⁾. При такихъ условіяхъ вступать въ открытый бой съ пелопоннессцами значило обрекать аѳинское войско на вѣрное пораженіе, если не гибель (ср. Фукид., I, 143). Не даромъ же Архидамъ такъ желалъ завлечь аѳинянъ въ битву (Фукид. II, 20). Да и вторженія спартанцевъ, по признанію же Дункера (р. 72), сами по себѣ не могли привести къ важному результату: они не шли далѣе опустошеній. Странно даже, какъ рѣшается Дункеръ называть предвзятою мыслью мнѣніе Перикла, что лишь флотъ можетъ рѣшить войну въ пользу Аѳинъ (р. 505).

Вообще Дункеръ смотритъ слишкомъ пессимистически на Перикловъ планъ, а между тѣмъ, пока былъ живъ Периклъ, война, не смотря даже на чуму, для аѳинянъ вовсе не была такъ безнадежна и не принимала особенно печальнаго оборота для нихъ; побѣда еще долго колебалась, и тогда трудно было сказать, кто наконецъ возьметъ верхъ въ этой борьбѣ? Не съ точки ли зрѣнія намъ извѣстнаго исхода этой борьбы судить Дункеръ о тогдашнихъ событіяхъ и о планѣ Перикла?³⁾ Тутъ невольно вспоминается наша отечественная война. Еслибъ исходъ ея былъ печаленъ для насъ, то, навѣрное, нашлось бы не мало охотниковъ обвинять во всемъ дѣйствіи Барклай-де-Толли: вѣдь и о его же планѣ можно сказать то, что говорить Дункеръ по поводу Периклова плана, то-есть, что онъ дол-

¹⁾ Ср. рецензію *Адольфа Гауэра* въ *Histor. Zeitschr.*, 1887, 2-tes Heft, P. 242—245.

²⁾ Ср. *Busolt*, *Das Ende der Perserkrieger* (*Histor. Zeitschr.*, 1882, 6-tes Heft, p. 386).

³⁾ Ср. рецензію *Niese* въ *Gött. gel. Anz.*, 1886, № 19. Эту рецензію мнѣ удалось прочесть уже послѣ того, какъ написана была настоящая статья; въ ней я встрѣтилъ полное подтвержденіе высказываемому мною здѣсь взгляду на недостатки тѣхъ пріемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ Дункеръ въ своихъ доказательствахъ. Мнѣ кажется только, что *Niese* слишкомъ ужъ строгъ къ Дункеру и, по видимому, не признаетъ никакихъ достоинствъ за послѣдними томами его труда.

женъ былъ дѣйствовать деморализующимъ образомъ на войско, что онъ заранѣе отдавалъ въ руки врага то, что государству надлежитъ защищать и т. д. Пелопоннесская война кончилась неудачно для афинянъ, и вотъ Дункеръ осуждаетъ Перикла за то, что онъ не постарался избѣгнуть ея; образъ же дѣйствій Спарты, также рѣшившейся на эту войну, онъ одобряетъ, между тѣмъ какъ при безпристрастной оцѣнкѣ и если не принимать въ соображеніе послѣдующихъ событій, шансы обѣихъ сторонъ на побѣду были, по меньшей мѣрѣ, равны; во всякомъ случаѣ и афиняне имѣли нѣкоторое основаніе надѣяться на успѣхъ.

Не такъ, какъ Дункеръ, судить о дѣйствіяхъ Перикла во время пелопоннесской войны знаменитый Ранке въ своей „*Weltgeschichte*“, столь отличающейся оригинальностью взгляда. По словамъ Ранке, планъ Перикла—это идея, приписываемая Фемистоклу, въ полномъ ея развитіи (р. 301)¹⁾. Периклъ зналъ, что на сушѣ не можетъ устоять противъ силъ Пелопоннеса, но чтобы не быть подавленнымъ ими при первомъ же вторженіи, онъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ, которая, сама по себѣ величественная („*grossartig in sich selbst*“), должна была оказаться роковою для него самого и для Аѳинъ“. Ранке находитъ ее возможною, вполнѣ осуществимою. „То была трагическая судьба, что этотъ планъ разрушенъ былъ вмѣшательствомъ непредвидѣнныхъ естественныхъ силъ“—эпидеміей (р. 305). Конечно, по Дункеру, противники Перикла и тутъ могли свалить на него всю отвѣтственность; они могли сказать, что болѣзнь вызвала его способъ веденія войны, „скопленіе населенія и тѣснота между „Длинными стѣнами“, возведенными не по Кимонову плану, при которомъ было бы больше пространства и воздуха“ (р. 507).

Осудивъ такимъ образомъ общій планъ войны, задуманный Перикломъ, Дункеръ и въ послѣдующемъ изложеніи дѣлаетъ не мало частныхъ замѣчаній въ томъ же родѣ. На всѣхъ этихъ замѣчаніяхъ я останавливаться не буду (см., напримѣръ, стр. 425, 428, 431, 433), а укажу лишь на главнѣйшія. На стр. 436, по поводу опустошенія Перикломъ Мегариды, авторъ находитъ непонятнымъ, какъ могъ Периклъ удовольствоваться этимъ опустошеніемъ, „стоя во главѣ военныхъ силъ, какихъ афиняне никогда еще не высылали въ походъ—во главѣ 13,000 гоплитовъ и 100 отлично снаряженныхъ триеръ, онъ имѣлъ полную возможность загладить осенью то, что упушено

¹⁾ Ср. *Curtius*, II, 422—423.

было имъ весною,—занять и укрѣпить Геранею, запретъ Мегару съ суши и съ моря,—и ограничился военною прогулкой!" А извѣстныя мѣры Перикла на случай крайней опасности (отложеніе 1,000 талантовъ и отдѣленіе 100 триеръ для защиты города), какъ ни предумотрительны онѣ были, съ несомнѣнною ясностью указываютъ на то, что онъ не думалъ о рѣшительныхъ ударахъ, а имѣлъ въ виду долго дѣющуюся войну (р. 438). Тамъ же Дункеръ замѣчаетъ, что нападки Клеона на способъ веденія войны продолжались, «да и кто могъ бы найдти ихъ несправедливыми?» Описывая ужасное положеніе афинянъ, когда у воротъ города стоялъ непріятель, а внутри свирѣпствовала смертность, авторъ говоритъ: „Было бы совсѣмъ иное, еслибѣ прошлою осенью Периклъ, вмѣсто опустошенія Мегариды, нанесъ рѣшительный ударъ Эвнамъ (р. 450). Безъ беотійской копницы, по словамъ самого Периклова племянника, недопонесши не отважились бы вторгнуться. Периклъ избавилъ бы этимъ свою страну отъ вторженія непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ скорлеи населенія въ городѣ, что такъ увеличивало силу болѣзни. Уже если афинянамъ суждено было умереть, то лучше было пасть въ бою, чѣмъ жалкимъ образомъ погибать отъ чумы. Первое, что требовалось,—это дать побольше воздуха городу, вывести противъ непріятеля все аѳинское населеніе, способное носить оружіе..., великою освободительною задачей способствовать подъему духа. Бездѣятельному, терпѣливому перенесенію бѣдствія слѣдовало предпочесть даже величайшій рискъ. Если, не смотря на все это, Периклъ все-таки не желалъ отважиться на битву, то нужно было хотя бы раздвинуть линію укрѣпленій. А еслибы онъ продолжалъ стоять на томъ, чтобы не вступать ни въ прямое, ни въ косвенное столкновеніе съ Архидамомъ, то слѣдовало все аѳинское войско съ метѣками и ветами посадить на корабли, чтобы удалить изъ города какъ можно больше людей и затѣмъ нанести непріятелю рѣшительный ударъ въ Мессенію“ (р. 450). Но, во первыхъ, и на самомъ дѣлѣ предпринять былъ походъ съ многочисленнымъ флотомъ; вовторыхъ, это нисколько не могло помочь бѣдствію, такъ какъ болѣзнь проникла и сюда, во флотъ, чего не можетъ отвергать и Дункеръ (р. 452); втретьихъ, развѣ легко предпринимать и приводить въ исполненіе энергическія мѣры противъ вѣшняго врага, когда внутри свирѣпствуетъ ужасное бѣдствіе, чума? Нужно и то удивляться, какъ афиняне сохранили на столько энергіи, что могли предпринять хотя что-нибудь и не опустили тотчасъ ружь въ борьбѣ съ такими бѣдствіями.

Далѣ Дункеръ порицаетъ дѣйствія Перикла во главѣ флота: такъ, нападеніе на Епидавръ не могло нанести чувствительнаго удара непріятелю; это нападеніе было бы успѣшнѣе, еслибы Периклъ; вмѣсто предварительнаго опустошенія окрестностей, воспользовался первымъ же мгновеніемъ, чтобы захватить городъ въ расплохъ. О результатѣ всего похода авторъ отзывается такъ: 151 тріера и около 40,000 человекъ были двинуты—чтобы обратить въ развалины Правіи! „Это было ужъ слишкомъ. Столь жалкая неудача великой армады должна была еще сильнѣе растравить глубокія раны государства!“ (р. 453).

Но и Дункеръ признаетъ, что Периклъ сослужилъ своему родному городу великую службу въ тотъ критическій моментъ, когда аѳиняне въ отчаяніи вступили—было въ переговоры со Спартою. „Не только его рѣчь, — его собственный примѣръ показывалъ аѳинянамъ, что частное горе нужно преодолѣть ради спасенія государства. Онъ достигъ того, что переговоры съ лакедемонянами были прерваны“ (р. 459—460). Но по поводу нападокъ противниковъ на Перикла Дункеръ опять повторяетъ, что и на самомъ дѣлѣ отвѣтственность за возникновеніе войны и за способъ ея веденія лежала, безспорно, на Периклѣ ¹⁾, и если въ послѣдней своей рѣчи онъ доказывалъ, что успѣхъ въ войнѣ зависитъ отъ превосходства благоразумія и предусмотрительности, то веденіе войны аѳинянами пока не обнаруживало этого превосходства (р. 460). Периклу предстояла участь, которую нѣкогда его отецъ уготовилъ Мильтіаду, которую онъ самъ думалъ уготовить Мильтіадову сыну, когда обвинялъ его въ подкупности (р. 461—462). Затѣмъ, однако, касаясь осужденія Перикла, Дункеръ сознается, что онъ правилъ государствомъ съ большимъ достоинствомъ, и вдругъ это государство, для котораго онъ неустанно трудился съ 35-лѣтняго возраста своего, которымъ онъ правилъ съ рѣшающимъ авторитетомъ, по своему усмотрѣнію, въ теченіе двухъ десятилѣтій, подвергло его суду за расхищеніе государственнаго достоянія,—его, который съ полнымъ правомъ могъ хвалиться „своими незапятнанными руками“, своею честностью и безкорыстіемъ!... И не только ради себя самого ему приходилось оплакивать свое паденіе: кто, вмѣсто него, былъ въ состояніи обдуманно и послѣдовательно

¹⁾ Ср. замѣчаніе Ранке: „Вождетвіе опустошенія страны и чумы“, говорятъ онъ по тому же самому поводу, — „Периклъ потерялъ расположеніе народа, который во всякомъ несчастіи обыкновенно винитъ вождя“ (р. 304).

править Афинянами? Кто могъ, среди высоко вздымающихся волнъ того мрачнаго кризиса, руководить этою массой, которой онъ самъ далъ въ руки кормило? (р. 464 — 465). Въ призваніи Перикла снова къ управленію, Дункеръ видитъ полное и блестящее удовлетвореніе для него, восстановленіе его чести; это было открытое признаніе, что нѣтъ человѣка въ Афинахъ, который могъ бы заступитъ мѣсто Перикла (р. 479).

Но уже на стр. 494 авторъ опять выступаетъ съ порицаніями Перикла, на этотъ разъ за то, что не было оказано помощи осажденной Платей: слѣдовало выручить городъ, который, положившись на обѣщаніе Афинъ, отказался отъ всякаго соглашенія съ непріателемъ.

Сказавъ о смерти Перикла, Дункеръ бросаетъ общій взглядъ на всю его дѣятельность. Тутъ онъ останавливается сначала на его заслугахъ и успѣхахъ и посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ (р. 497—500, 505—506) блестящей сторонѣ его дѣятельности. Дункеръ признаетъ вполнѣ, что всѣ стороны аттической жизни, благодаря Периклу, достигли полнаго развитія и богатаго разцвѣта, хотя, касаясь колонизаціи, онъ и оговаривается потомъ, что, быть можетъ, эту колонизацію Периклъ распространилъ ужь слишкомъ далеко на востокъ и на западъ (р. 504). Вся богато расцвѣтшая духовная жизнь Атики нашла себѣ всестороннее пониманіе въ тонко организованной натурѣ Перикла (р. 498). Принявъ живое, покровительственное участіе во всѣхъ стремленіяхъ въ области технической, экономической, художественной, поэтической и филофской жизни Афинъ, Периклъ вписалъ яркими чертами свое имя не только въ исторіи своей страны, но и въ исторіи всеобщаго культурнаго развитія (р. 500).

Но затѣмъ Дункеръ обращается къ другой сторонѣ дѣятельности Перикла. Онъ ставитъ вопросъ, удалось ли Периклу разрѣшить великія проблемы государственнаго управленія? Удалось ли ему соединить народную свободу и народныя права съ силою и могуществомъ государства, укрѣпить и возвысить „нравственное здоровье“ („die moralische Gesundheit“) аттическаго народа? Удалось ли ему справиться съ еще болѣе трудною задачей—дать афинскому владычеству надъ союзниками не одну только внѣшнюю опору, обезпечить за Афинянами побѣду въ рѣшительной борьбѣ, которую онъ оставлялъ въ наслѣдіе послѣ себя? И на всѣ эти вопросы Дункеръ даетъ отрицательный отвѣтъ: Периклъ былъ слишкомъ многосторонне органи-

зованная натура, одаренъ былъ слишкомъ живымъ чувствомъ ума (Geist) и красоты, слишкомъ сынъ своего вѣка, жаднаго къ знанію и стремившагося къ образованію, слишкомъ великій ораторъ,—чтобы быть государственнымъ дѣвателемъ съ неумолимо реалистическимъ взглядомъ и съ безпощадною энергіей (р. 503). Периклъ былъ храбрый солдатъ, но онъ не былъ полководецъ и государственный человѣкъ въ одно и то же время, подобноThemistocle и Кимону.

Общій итогъ, подводимый авторомъ въ концѣ обзора дѣятельности Перикла, все-таки оказывается какъ-бы въ пользу послѣдняго (р. 507). Но на этомъ Дункеръ не останавливается: въ послѣдней, заключительной главѣ, приводя слова Фукидида, что „будь живъ Периклъ и слѣдуй аѳиняне его совѣту, они бы безъ труда побѣдили“, онъ замѣчаетъ, что едва ли самъ Периклъ былъ такого мнѣнія въ послѣдніе дни своей жизни, и въ доказательство этого описываетъ печальное положеніе Аѳинъ въ тотъ моментъ. Совѣтъ Перикла (продолжаетъ Дункеръ) во время войны не пускаться въ рискованныя предпріятія и не пытаться расширять свое владычество—былъ, конечно, благоразуменъ, если только дѣйствительно онъ былъ данъ Перикломъ, а не выведенъ самимъ Фукидидомъ изъ повидѣнныхъ событій; но кто же, какъ не Периклъ, заключилъ договоръ съ Регіумомъ и съ Леонтинами,—договоръ, налагавшій на аѳинянъ обязательства на западѣ въ тотъ самый моментъ, какъ готова была всыхнуть война въ Елладѣ? (р. 507—508). Намъ кажется, что тутъ самъ Дункеръ судитъ о Периклѣ съ точки зрѣнія послѣдующихъ событій; во всякомъ случаѣ (какъ было ужъ замѣчено), едва ли возможно заключеніе союза съ двумя сицилійскими городами сравнивать съ роковою сицилійскою эксцедицею.

Какъ бы то ни было, но и Дункеръ считаетъ великимъ несчастіемъ для аѳинянъ смерть Перикла среди войны (р. 515). Чѣмъ болѣе расширилъ Периклъ права и значеніе низшихъ классовъ, тѣмъ необходимѣе былъ противовѣсъ монархическаго элемента, энергическаго правленія. Для разрѣшенія тяжелаго кризиса, для побѣдоноснаго окончанія войны, для будущаго Аѳинъ, въ которомъ заключалось и будущее Греціи, нуженъ былъ на мѣсто Перикла государственный человѣкъ неуклонной энергіи, все равно, вышелъ ли онъ изъ рядовъ старыхъ аристократическихъ родовъ, или просто состоятельныхъ, или изъ народа,—государственный человѣкъ, который былъ бы въ то же время и полководецъ. Могли ли Аѳины надѣяться, что послѣ цѣлаго ряда великихъ мужей, руководившихъ ими въ теченіе полу-

тораста лѣтъ, послѣ Солона, Пизистрата, Клисеена, Мильтиада,Themistocles, Аристиды, Кимона, Эфиальта, Фукидида и Перикла, у нихъ явится личность, которая немногимъ уступала бы самому мощному изъ названныхъ, Themistocles, — вотъ вопросъ, отъ того или другаго рѣшенія котораго зависѣла участь Аѳинъ, участь всей Эллады“ (р. 525). Такими словами заканчиваетъ авторъ свой трудъ.

Таковъ взглядъ Дункера на государственную дѣятельность Перикла. Не такъ смотрятъ на эту дѣятельность не только Адольфъ Шмидтъ, но и Гротъ, Курциусъ и даже Ранке, о чемъ было упомянуто въ самомъ началѣ статьи. Курциусъ прямо говоритъ, что „политика Перикла была единственнымъ путемъ, на которомъ можно было достигнуть успѣшнаго развитія національныхъ интересовъ“ (русск. перев., II, 705). Можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что Периклъ не былъ гений; онъ не былъ великимъ реформаторомъ, онъ не обладалъ тою смѣлостью, тѣмъ творчествомъ мысли, какими отличались нѣкоторые изъ великихъ мужей Аѳинъ, его предшественниковъ. Но видѣть въ его дѣятельности безконечный рядъ ошибокъ едва ли будетъ справедливо. Взглядъ Дункера оказывается въ сущности несостоятельнымъ; онъ не выдерживаетъ критики.

И въ самомъ дѣлѣ, резюмируемъ вкратцѣ тѣ возраженія, которыя вызываетъ изложеніе Дункера.

Прежде всего, съ самими приѣмами автора нельзя никакимъ образомъ согласиться: они не научны и едва ли могутъ быть допускаемы въ строго историческомъ трудѣ. Съ помощью подобныхъ приѣмовъ можно, пожалуй, доказать все, что угодно. Дункеръ какъ бы забываетъ, что наши источники въ данномъ случаѣ далеко не богаты; не мало возникающихъ вопросовъ и недоумѣній остается безъ отвѣта; нерѣдко намъ приходится тутъ или просто сознаваться въ невѣдѣніи, въ недостаточности нашихъ свѣдѣній, или же пускаться во всевозможныя догадки и соображенія, а для нихъ, при скудости источниковъ, конечно, открывается обширное поле. Дункеръ даетъ волю своей фантазіи¹⁾: онъ строитъ гипотезы и комбинаціи, часто малоубѣдительныя и очень шаткія; онъ иногда основываетъ свои соображенія на такихъ хронологическихъ опредѣленіяхъ, которыя сами являются, по меньшей мѣрѣ, гадательными и еще нуждаются въ подтвержденіи и доказательствѣ. Дункеръ крайне произвольно обращается съ источниками, произвольно отвергаетъ тѣ показанія,

¹⁾ Ср. рац. *Niese* въ *Gött. gel. Anz.*

ихъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ его взглядомъ, извращаетъ смыслъ ихъ словъ, дѣлаетъ натяжки, не всегда обращаетъ вниманіе на равнцу въ достовѣрности извѣстій, отдавая подчасъ предпочтеніе источнику позднѣйшему и ненадежному ¹⁾. С. Рейнахъ указываетъ ²⁾ на объективность, какъ на одну изъ выдающихся особенностей Дункера. Но именно этой-то объективности, мнѣ кажется, и недостаетъ въ данномъ случаѣ автору: не находя въ источникахъ отвѣта на возникающіе вопросы, онъ обыкновенно всѣ сомнѣнія разрѣшаетъ не въ пользу Перикла. Вообще получается впечатлѣніе, какъ будто авторъ писалъ съ предвзятою мыслью, стараясь во что бы то ни стало отыскать побольше ошибокъ въ дѣйствіяхъ Перикла. Это проглядываетъ даже въ самомъ тонѣ и выраженіяхъ его (колонія Θурин основана „съ большимъ шумомъ“ или, напимѣръ, ироническія замѣчанія на стр. 419). Изложеніе Дункера отличается въ значительной степени парадоксальностью, тутъ не мало противорѣчій: авторъ, напимѣръ, самъ прекрасно выяснивъ мотивы того или другаго Периклова дѣйствія, показавъ всю неизбежность его, потомъ порицаетъ Перикла за это же дѣйствіе. Дункеръ придаетъ слишкомъ большое значеніе влиянію личности: онъ часто ставитъ въ вину Периклу то, чтó въ сущности является естественнымъ и логическимъ слѣдствіемъ цѣлаго предшествовавшаго историческаго процесса, чтó вытекало изъ самаго хода событій, создавалось самою силою вещей; нельзя же все объяснять ошибками и промахами отдѣльныхъ лицъ: вѣдь, есть, кромѣ того, и общія причины явленій. Читая Дункера, рѣшительно нельзя понять, какимъ образомъ Периклъ могъ такъ долго руководить афинянами, какъ послѣдніе могли терпѣть его владычество? Если его дѣятельность представляетъ безконечный рядъ ошибокъ, то чѣмъ же объяснить его влияніе? Вообще Дункеръ, какъ видно, судитъ о Периклѣ съ точки зрѣнія конечныхъ результатовъ, подъ влияніемъ намъ уже извѣстныхъ послѣдующихъ событій, чтó опять-таки не можетъ быть допущено въ строго историческомъ трудѣ. Наконецъ, изложеніе Дункера находится часто въ прямомъ противорѣчій съ свидѣтельствомъ источниковъ, и самый взглядъ его на Перикла идетъ совершенно въ разрѣзъ съ свидѣтельствомъ главнаго нашего источника—съ характеристикой Перикла у Θукидида, которою мы и закончимъ нашу статью:

¹⁾ Ibid.

²⁾ Въ некрологѣ Дункера, помѣщенномъ въ *Revue historique*, 1886, XXXII:

„Перикль“, говоритъ Фукидидъ,— „былъ первый изъ афинянъ того времени, сильный словомъ и дѣломъ. „Стоя во главѣ государства въ мирное время, онъ правилъ умѣренно и охранялъ его безопасность. Афины достигли при немъ высшаго могущества. Когда же настала война, то оказалось, что и тутъ онъ зналъ заранее силы государства. А когда онъ умеръ, то еще больше обнаружилась его прозорливость (πρόνοια) относительно этой войны. Ибо онъ утверждалъ, что афиняне побѣдятъ, если будутъ дѣйствовать спокойно, если будутъ заботиться о флотѣ, не будутъ стремиться къ расширенію своего владычества во время самой войны и не будутъ подвергать государство риску. Афины же поступили совершенно на оборотъ... Перикль, будучи силенъ нравственнымъ достоинствомъ и умомъ и извѣстенъ своею высокою честностью, свободно правилъ массою; не онъ подчинялся демосу, а демосъ—ему, потому что онъ приобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ, и не имѣлъ вслѣдствіе этого нужды льстить толпѣ, но, пользуясь уваженіемъ, рѣзко протипорѣчилъ ей. Такъ, когда онъ видѣлъ, что афиняне не вовремя смѣли, онъ своими рѣчами пробуждалъ въ нихъ страхъ, и на оборотъ, видя ихъ падающими духомъ безъ основанія, онъ возбуждалъ въ нихъ смѣлость. По имени это была демократія, на дѣлѣ же правленіе лучшаго мужа“.

В. Бузескуль.

Жизнь и труды М. П. Погодина. *Николай Барсукова*. Кв. I. С.-Пб. 1888.

„Мы лѣнны и нелюбопытны“, говорилъ когда-то Пушкинъ. Слова эти долго были полною правдою, да и теперь еще они не совсѣмъ потеряли свое значеніе, хотя правда и то, что въ послѣдніе тридцать лѣтъ дѣло значительно измѣнилось къ лучшему: историческіе журналы имѣютъ у насъ большой успѣхъ, благодаря, конечно, отчасти ихъ анекдотическому и отрывочному содержанію; появляются и большія сочиненія, посвященныя памяти видныхъ дѣятелей и въ общественной, и въ литературной сферѣ; но сколько замѣчательныхъ людей мы или совсѣмъ не знаемъ, или знаемъ очень мало! Вотъ почему появленіе каждаго серьезнаго жизнеописанія необыкновенно радуется людямъ, любящихъ Россію. Къ числу такихъ книгъ принадлежитъ неоспоримо та, начало которой мы видимъ передъ собою. Личность Погодина одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и въ исторіи умственнаго движенія въ Россіи XIX вѣка, и вообще въ исторіи общественной жизни, какъ

по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по связямъ его съ замѣчательнѣйшими людьми Русской земли за цѣлые полвѣка. При мысли о Погодинѣ невольно вспоминаются стихи его стараго друга Ѳ. И. Тютчева, присланные къ его юбилею:

Врагъ отрицательности узкой,
 Всегда онъ въ уровнѣ шелъ съ вѣкомъ:
 Онъ въ челоуѣчествѣ былъ русскій,
 Онъ былъ въ наукѣ челоуѣкомъ.

Неизгладимое впечатлѣніе оставилъ, я полагаю, въ большинствѣ присутствовавшихъ на юбилеѣ Погодина этотъ юбилей, на которомъ такъ широко и разносторонне указывалось въ рѣчахъ, письмахъ, телеграммахъ, стихахъ многосторонность дѣятельности Погодина. Конечно, и тогда не всѣ смотрѣли на Погодина, какъ мы на него смотримъ: мы даже читали въ одной журнальной статьѣ, что Погодинъ представляетъ собою типъ средняго челоуѣка, то-есть, зауряднаго. Какъ счастливо было бы то общество, въ которомъ Погодины являлись бы заурядными! Нѣтъ, Погодинъ дѣйствительно типичный русскій челоуѣкъ, по далеко не заурядный. Кто зналъ Погодина, кто слѣдилъ за его литературною дѣятельностью, тотъ знаетъ, какъ онъ умѣлъ всегда по-своему, всегда оригинально отнестись къ злобѣ дня, какъ онъ умѣлъ найти способъ сдѣлать свою мысль доступною и понятною въ разныхъ сферахъ общества, какъ умѣлъ ставить вопросы и будить сознаніе. Были люди, которые не любили его, но и они вступали съ нимъ въ полемику, старались часто представить его смѣннымъ. Такія старанія иногда увѣнчивались успѣхомъ, особенно потому, что Погодинъ поражалъ всегда „лица не общимъ выраженіемъ“, употребляя слова Пушкина. Прибавимъ къ тому, что Погодинъ никогда не принадлежалъ ни къ какой партіи: для иныхъ это большое достоинство, для многихъ большой недостатокъ: нѣтъ ярлыка—не знаешь, куда и отнести такого челоуѣка. Такъ относилась къ Погодину такъ-называемая интеллигенція, а простые грамотные люди смотрѣли на него иначе. Мнѣ случилось на дальнемъ востокѣ, въ Екатеринбургѣ, слышать восторженные отзывы о его публицистическихъ статьяхъ: русскій инстинктъ Погодина подсказалъ ему то, до чего люди не всегда доходятъ и размышленіемъ. Погодинъ былъ русскій съ головы до ногъ; мысль о Россіи была его господствующею мыслью: Россію онъ зналъ не умомъ, не доходилъ до ея пониманія долгимъ процессомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ, которые могли бы взять себѣ девизомъ стихи Тютчева:

Умомъ Россіи не мнѣть,
 Аршиномъ общимъ не измѣрять;
 У ней особенная статья—
 Въ Россію можно только вѣрять.

Эта вѣра въ Россію, въ „русскую печку, которая все переваритъ“, по его же образному выраженію, далась Погодину легко безъ всякой борьбы: она была ему прирожденною. Въ Погодинѣ не было ничего систематическаго, всякая система была противна его природѣ: онъ глубоко сознавалъ, что жизни можно только помогать, а передѣлывать жизнь—значить исказить ее. Какъ онъ относился къ настоящему, такъ относился и къ прошедшему: онъ былъ постояннымъ врагомъ логическихъ системъ, сознавая, что ни одна изъ нихъ не охватываетъ жизни вполне. Онъ былъ чутокъ ко всякому пониженію русской народности, хотя бы наше легкомысленное общественное мнѣніе, готовое гнаться за всякою новизной, и стояло за какой-либо домыселъ, въ которомъ вѣчно чутому Погодину представлялось умаленіе событий и людей прошлаго, покушеніе на цѣлость русскихъ началъ. Отсюда вся его полемика; мы, конечно, не станемъ утверждать, что всегда онъ былъ чуждъ личнымъ впечатлѣніямъ: до такой высоты человѣку не суждено доходить; мы только утверждаемъ, что въ полемикѣ Погодина всегда въ основѣ лежитъ русское чувство, русскій инстинктъ или то, что онъ считалъ научною истиною. Только за Русскую землю и за русскую науку вставалъ и ополчался Погодинъ. Мнѣ могутъ напомнить его скандинавоманію, но я здѣсь скажу, что его плѣняла мысль о призваніи, какъ характеристическая черта русскаго народа. Варяговъ онъ считалъ скандинавами—по завѣту Шлецера, да и до сихъ поръ въ ихъ нескандинавскомъ происхожденіи серьезно убѣждены весьма немногіе.

Русскій инстинктъ рано привелъ Погодина къ пониманію славянства въ его отношеніяхъ къ Россіи: еще въ 30-хъ годахъ въ своей университетской рѣчи онъ говорилъ о славянствѣ. Поѣхавъ за границу онъ завелъ живыя сношенія. Идеѣ славянства онъ усердно служилъ всю свою жизнь и статьями, и личными письмами, и записками, и въ послѣдніе годы участіемъ въ славянскомъ комитетѣ. Кто былъ на юбилей, тотъ помнитъ письмо М. Ѳ. Раевского, который, вспоминая старое время, говоритъ: „Вы меня поучали живымъ словомъ во время вашихъ заграничныхъ путешествій, а теперь доучиваете печатными словами. Спасибо вамъ, достопочтенный учитель, за добрую науку! Спасибо не отъ меня одного, но отъ всѣхъ вашихъ учени-

вовъ—имъ же имя легионъ^{*)}. Свою любовь къ Россіи, свое уваженіе къ наукѣ Погодинъ стремился передать своимъ ученикамъ, пока онъ былъ профессоромъ, и всей публикѣ, когда онъ являлся журналистомъ. Какъ онъ умѣлъ учить—это разкажутъ его ученики, которые еще живы, и въ сжатыхъ чертахъ изобразилъ И. Д. Вѣляевъ въ рѣчи на юбилей; другую сторону его преподавательской дѣятельности, пробужденіе любви къ славаству, сознание его единства съ Русью, передалъ съ своимъ неподражаемымъ мастерствомъ рѣчи на томъ же юбилей кн. В. А. Черкасскій. Какова была публицистическая дѣятельность Погодина можно отчасти узнать, хотя изъ указателей къ его журналамъ Московскому Вѣстнику и Москвитяину¹⁾). Желающіе поближе изучить переберутъ и самые журналы, какъ имъ издаваемые, такъ и тѣ, гдѣ онъ помѣщалъ свои статьи. Такое изученіе не останется безплоднымъ. Будемъ надѣяться, что біографъ Погодина представитъ характеристику его публицистической дѣятельности. Пора намъ отречься отъ предубѣждений, оставленныхъ полемикою старыхъ годовъ, пора безпристрастно отнестись къ той и другой изъ борющихся сторонъ. Погодинъ при такомъ безпристрастномъ отношеніи можетъ только выиграть, а ужь никакъ не проиграть. Я былъ бы глубоко радъ, еслибъ оказалось, что все сказанное мною есть бесполезное повтореніе всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго. Едва ли впрочемъ можно надѣяться на это: мы болѣе склонны къ осужденію нашихъ дѣятелей, чѣмъ къ безпристрастному, но любовному отношенію къ нимъ.

Н. П. Барсуковъ предпринялъ подробно познать русское общество съ жизнью замѣчательнаго человѣка, свойства котораго мы пробовали обозначить общими чертами въ предшествующемъ изложеніи. Авторъ нашелъ для своей цѣли обширный матеріалъ въ бумагахъ Погодина, между которыми оказался дневникъ, начатый имъ въ 1820 г. и продолжавшійся до его смерти. Пособіемъ для автора послужили и печатныя сочиненія Погодина, какъ въ формѣ воспоминаній, такъ и въ формѣ отступленій, не рѣдкихъ въ его сочиненіяхъ. Разказы живыхъ современниковъ Погодина, письма къ нему или о немъ, печатныя и частью рукописныя, дополнили пробѣлы и многое уяснили. За работу принялся авторъ въ 1872 г. и работалъ ревностно и добросовѣстно; эти качества его работъ давно уже извѣстны тѣмъ, кто читалъ его

¹⁾ Статьи въ Русскомъ можно узнать по бібліографическимъ трудамъ В. И. Мажова.

біографію П. М. Строева и знаетъ его „Агіографію“. Достоинство книги г. Барсукова составляетъ его теплое, любовное отношеніе и къ лицу, жизнь котораго онъ изображаетъ, и къ той средѣ, въ которой онъ жилъ. Любовь—качество, незамѣнимое въ трудахъ подобнаго рода; никакой талантъ не производитъ того впечатлѣнія, какое оставляетъ на читателѣ теплое отношеніе автора къ предмету.

Появившійся томъ оканчивается 1826 годомъ, и слѣдовательно, сочиненіе обѣщаетъ быть многотомнымъ. Мы не можемъ не порадоваться этому обстоятельству: чѣмъ подробнѣе изложеніе, тѣмъ болѣе вводитъ оно читателя въ изображаемый предметъ, тѣмъ живѣе отпечатлѣваются и лица, и событія. Въ появившемся томѣ проходитъ передъ нами прежде всего грамотная мѣщанская семья, въ которой выросъ Погодинъ: отецъ его былъ вольноотпущенный; обстоятельство это очень важно для Погодина: отсюда его близость съ народомъ и его чисто-русскій складъ ума и характера, не испорченный никакимъ иноземнымъ вліяніемъ. Если для насъ важно замѣтить вліяніе няньки Пушкина и дядьки Тютчева на развитіе ихъ питомцевъ, то еще ярче сказывается вліяніе народной среды на сына вольноотпущеннаго. Семья была грамотная, и Погодинъ началъ читать рано. Авторъ указываетъ вліяніе на него, съ одной стороны, романовъ, усилившихъ въ Погодинѣ мечтательность, ярко сказывающуюся во многихъ страницахъ его дневника¹⁾, съ другой — патриотическихъ сочиненій въ родѣ Русскаго Вѣстника Глинки, который способствовалъ развитію патриотическаго чувства. Изъ дому Погодинъ поступилъ въ гимназію, которая сообщила ему кое-какія свѣдѣнія, главнымъ образомъ познакомила съ языками латинскимъ и нѣмецкимъ и, что всего важнѣе, развила въ немъ вкусъ къ словесности и уваженіе къ наукѣ. Университету, въ который Погодинъ вступилъ въ 1818 году, авторъ посвящаетъ много страницъ, из-

¹⁾ Напримѣръ, его мечтанія о томъ, за кого выдать замужъ княжонъ Трубецкихъ, или фантазія о томъ, что онъ сдѣлалъ бы, еслибы занималъ видный постъ. Замѣчательно, что у Погодина и въ позднѣйшіе года встрѣчаются разные планы и предположенія, не легко осуществимые. Эта способность строить воздушные замки умивалась въ немъ съ положительнымъ методомъ его изслѣдованій и съ большимъ практическимъ смысломъ. Противорѣчія не удивляютъ насъ въ Погодинѣ, ибо мы знаемъ, что по природѣ своей онъ—врагъ прямолинейности. Онъ не боялся такимъ противорѣчіямъ, что и высказалъ даже ему самому въ юбилейной рѣчи, и на что онъ склонилъ голову, какъ бы въ знакъ согласія.

ображая профессоровъ, частію по разказамъ Погодина, частію по разказамъ другихъ лицъ. Университетъ далъ Погодину много, хотя, разумѣется, методическаго начала тогда не было, да это, можетъ быть, и лучше. Студенты читали, работали, благоговѣли передъ наукою. Прелестенъ разказъ о томъ, какъ Погодинъ ходилъ за разъясненіями къ Тимковскому, какъ товарищи крестили его, какъ онъ, получивъ разъясненіе, до того былъ сконфуженъ, что только на другой день успѣлъ передать товарищамъ, въ чемъ дѣло. Здѣсь Погодинъ прочелъ Исторію Карамзина и вмѣстѣ съ товарищемъ и другомъ своимъ А. М. Кубаревымъ приступилъ къ изученію Шлецера, который остался главнымъ руководителемъ въ его ученыхъ занятіяхъ. Это изученіе Шлецера отразилось на тѣхъ требованіяхъ, которыя въ раннихъ страницахъ своего дневника Погодинъ прилагаетъ къ развитію исторической науки: онъ полагалъ, что прежде чѣмъ приступать къ дѣлу, историкъ долженъ имѣть въ рукахъ до 200 томовъ разныхъ предварительныхъ трудовъ. Трудъ Карамзина казался ему тогда не исторіей, а „многими превосходными, драгоценными историческими отрывками“ (стр. 80—81). Эта мысль о предуготовительныхъ работахъ осуществилась впоследствии въ шести томахъ „Исслѣдованій, лекцій и замѣчаній“. Еще студентомъ поступилъ Погодинъ учителемъ въ домъ кн. Трубецкаго, гдѣ былъ поставленъ очень хорошо. Здѣсь онъ привыкъ къ житейскимъ отношеніямъ и сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ. Нѣсколько знакомствъ (между прочимъ съ Ѳ. И. Тютчевымъ) сдѣлано имъ между своими товарищами. По окончаніи курса онъ былъ преподавателемъ въ Благородномъ пансіонѣ, съ характеромъ котораго интересующіеся русскою исторіей достаточно ознакомлены изъ книги г. Загарина о Жуковскомъ. Тютчевъ ввелъ Погодина въ литературный кругъ С. Е. Рача. Въ этомъ кружкѣ Погодинъ сблизился съ С. П. Шевыревымъ, познакомился съ В. П. Титовымъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Н. М. Рожалинымъ и другими; тогда же начинается знакомство съ Д. В. Веневитиновымъ. Тогда же Погодинъ знакомится съ Шеллинговою философіей, о которой такъ много толковали въ кружкѣ; но въ метафизику онъ вдается мало. Религіозныя воззрѣнія его укрѣпляются еще во время университетскаго при помощи его товарища Загрязскаго. Члены рачевскаго кружка впоследствии образовали кружокъ Московскаго Вѣстника. Магистерскій экзаменъ Погодина, изданіе „Уранія“, знакомство съ канцлеромъ гр. Н. П. Румянцевымъ, изданіе перевода сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, поѣздка его въ Петербургъ и знакомство

съ Карамзиннымъ заканчиваютъ томъ. Мы только бѣгло обозначили содержаніе любопытной книги Н. П. Барсукова, пропустивъ массу важныхъ подробностей, изъ которыхъ въ особенности любопытна жизнь Погодина въ должности наставника у Трубецкихъ и разговоры его съ разными лицами; но мы надѣемся, что читатели повознакомятъ съ нею сами. Пожелаемъ лишь въ заключеніе, чтобы дневникъ Погодина, который, судя по сообщеннымъ отрывкамъ, такъ ярко рисуетъ развитіе Погодина и его отношенія къ разнымъ лицамъ, былъ изданъ вполне, когда то позволятъ обстоятельства; по всему видно, что въ немъ исторія приобрѣтетъ одинъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для изученія общественнаго развитія за пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ. Сдѣлать полную оцѣнку и дѣятельности Погодина, и достоинствъ книги можно будетъ только послѣ ея окончанія; но нельзя и теперь не сказать, что книга составляетъ весьма отрадное явленіе.

И. Бестужевъ-Рюминъ.

Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружины Русь. *Б. Барсова*. Два тома. М. 1887.

Почтенный авторъ этого труда давно извѣстенъ какъ знатокъ, издатель и изслѣдователь памятниковъ нашей старины и народной словесности. Двѣ статьи его объ историческомъ и художественномъ значеніи Слова о Полку Игоревѣ, напечатанныя еще въ 1878 году въ Вѣстникѣ Европы, были въ свое время по достоинству оцѣнены, какъ плодъ тщательнаго и любовнаго изученія предмета. Оригинальные приемы изслѣдованія, большой подборъ новыхъ данныхъ, ясность основнаго положенія, все пріятно выдѣляло ихъ изъ массы работъ о „Словѣ“. Объемистыя книги настоящаго изслѣдованія должны заинтересовать еще болѣе. Здѣсь, не стѣсненный рамками журнальныхъ статей, авторъ могъ съ полнотой и обстоятельностью развитъ свой взглядъ на памятникъ; не малую приманку послужили и „новыя неизвѣстныя приложенія“, которыя посулилъ авторъ (см. введеніе къ 1-му тому и третій заглавный листъ 2-го тома). Признаться, основываясь на заглавіи, мы полагали найти въ его трудѣ и подробный художественный анализъ нашего драгоцѣннаго памятника. Произведенія нашей древней литературы и народной словесности мало разбирались съ этой точки зрѣнія. Но, прочитавъ внимательно оба тома, мы нашли въ нихъ лишь установку основной точки зрѣнія на

„Слово“, какъ на литературный, художественный памятникъ дружинной Руси, и эта цѣль заслонила для автора изученіе драгоценныхъ поэтическихъ штриховъ произведенія.

Впрочемъ, не предъявляя собственныхъ желаній къ чужой работѣ, лучше посмотримъ, что новаго въ критическомъ и тереотическомъ отношеніи даетъ г. Барсовъ. Начинается сочиненіе библиографическимъ погоднымъ спискомъ по литературѣ „Слова“, дѣлающимъ честь автору со стороны внимательнаго изученія предмета. Основаніе для библиографіи положено самимъ же авторомъ настоящаго изслѣдованія еще въ 1875 году. Позже подобная же работа производилась профессорами Смирновымъ и Ждановымъ. Въ настоящемъ трудѣ библиографія значительно дополнена. Затѣмъ слѣдуетъ критическій очеркъ литературы „Слова“ (I, 31—212). Эта обширная глава подраздѣляется на пять частей. Въ первой разсматриваются открытіе и изданіе „Слова“ и палеографическіе вопросы, связанные съ погибшею рукописью. Эта часть главы очень интересна, благодаря черновымъ бумагамъ Малиновскаго, перваго редактора „Слова“, которыя были въ рукахъ у нашего автора. Первые шаги въ изученіи памятника переданы Е. В. Барсовымъ очень живо. Основной вопросъ, разсматриваемый въ этой главѣ, есть вопросъ о вѣкѣ Пушкинской рукописи. Онъ освѣщается авторомъ съ двухъ сторонъ—исторической и палеографической (послѣдній терминъ употребленъ авторомъ, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ точно). Самыми важными свидѣтелями при историческомъ обсужденіи вопроса надо, конечно, считать Малиновскаго и Карамзина. По мнѣнію г. Барсова, оба они склонялись скорѣе къ XVI, чѣмъ къ XIV вѣку. Карамзинъ говоритъ, что рукопись написана развѣ въ концѣ XV вѣка (то-есть, по видимому, никакъ не раньше, а скорѣе позже). Малиновскій стоялъ ближе всѣхъ къ рукописи и былъ опытенъ въ разборѣ и хронологическомъ распредѣленіи памятниковъ письма, но объ его мнѣніи нельзя сказать ничего достовѣрнаго. По свидѣтельству Дубенскаго, Малиновскій передъ смертью просилъ выставить на изданіи памятника XIV вѣкъ. Между тѣмъ нашъ авторъ цитируетъ письмо Малиновскаго къ графу Румянцову, гдѣ рукопись опредѣленно относится къ XVI вѣку. Вообще отношенія Малиновскаго къ Мусину-Пушкину, безусловно вѣрившему въ древность своего списка, не давали ему возможности высказаться въ печати о вѣкѣ рукописи вполнѣ открыто. Убѣжденіе Калайдовича въ принадлежности рукописи XVI вѣку тоже имѣетъ значеніе, хотя меньшее, потому что самой рукописи онъ не видалъ.

Четвертый сторонникъ дати XVI вѣка, митрополитъ Евгеній, въ данномъ случаѣ не могъ быть компетентенъ, такъ какъ не занимался специально ни палеографіей, ни самымъ „Словомъ“. Но безусловно важнѣе „палеографическое“ изученіе вопроса по тѣмъ скуднымъ даннымъ, которыя мы имѣемъ. Г. Барсовъ исходитъ изъ того положенія, что рукопись написана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. Это утвержденіе, переданное со словъ Малиновскаго Калайдовичемъ, вполне оправдывается, кажется, сличеніемъ обоихъ печатныхъ изданій—Московского и Петербургскаго—съ черновою копіей, найденною въ бумагахъ Малиновскаго. Характеръ равнорѣчій на основаніи анализа, произведеннаго нашимъ изслѣдователемъ, выставляетъ на видъ слѣдующія палеографическія свойства рукописи: присутствіе множества скорописныхъ буквъ, преобладаніе конечныхъ сокращеній, рѣзкое смѣшеніе строчнаго письма съ надстрочнымъ. Важно также сопоставленіе ореографіи списковъ съ ореографіей памятниковъ XVI вѣка, гдѣ обнаруживается много интересныхъ параллелей (смѣшеніе *a* и *o*, *ъ* вм. *e* въ зват. пад.; чередованіе *ъ* и *e* въ концѣ словъ).

Вторая часть второй главы посвящена обзорнѣю прозаическихъ переводовъ и объясненій памятника. Эти страницы грѣшатъ нѣкоторымъ многословіемъ и горячностью, при чемъ утрачивается объективное и серьезное отношеніе къ предмету: онѣ много уступаютъ соотвѣтствующей работѣ г. Жданова. Фанатическое отношеніе къ „Слову“, какъ къ памятнику неизмѣримой художественной высоты и глубины, и чересчуръ оптимистическое отношеніе къ тексту (въ смыслѣ его цѣльности и неспорченности) вызываютъ у автора сужденія и осужденія безповоротныя. Особенно возмущаетъ его скептицизмъ сравнительной школы. На стр. 103 онъ рѣшаетъ: „Новѣйшій скептицизмъ также мало имѣетъ для себя основаній, какъ и скептицизмъ старій, и потому мы въ правѣ смотрѣть на него, какъ на преходящее явленіе въ разработкѣ „Слова“. Такой приговоръ, равно какъ и замѣчанія на стр. 102, 149, 334, 354, 358 I-го тома, къ сожалѣнію, не обосновываются достаточнымъ количествомъ данныхъ. Не возставая въ принципѣ противъ сравнительнаго метода въ исторіи литературы, авторъ однако не доволенъ его примѣненіями, дѣлаетъ ему упреки и ставитъ большія ограниченія. Самый ходячій и легкій упрекъ, конечно, въ произвольности сравненій. Впрочемъ, если г. Барсовъ вспомнить исторію самаго метода, то навѣрно согласится, что онъ возникъ въ силу реакціи противъ произвола и противорѣчивости сближеній въ школѣ міеологовъ. Всѣ

усилія серьезныхъ изслѣдователей школы сравнительной, начиная отъ ея основателя, Бенфея, направлялись и направляются именно къ тому, чтобы опредѣлить мѣсто возникновенія, область и пути постепеннаго распространенія мотивовъ и обусловить ихъ модификаціи. Вниманіе изслѣдователя здѣсь приковывается то къ Тибету, то къ Персіи въ эпоху Сассанидовъ, то къ Визавтіи, то къ арабамъ, то къ славянскому Дубровнику, смотря по тому, въ какомъ пунктѣ стараго свѣта является въ данную эпоху почва для заимствованія, обмѣна, литературнаго вліянія. Завоеванія сравнительнаго метода съ каждымъ шагомъ становятся неоспоримѣе и прочтѣе: и въ нашей народной поэзіи множество чертъ, получавшихъ прежде совершенно неудовлетворительное или же неполное объясненіе съ точки зрѣнія національной и бытовой, относится теперь въ область внѣшняго вліянія; всѣ эти Соловьи Разбойники, мечи-кладенцы, Василисы Микулишны, являясь лишь русскими модификаціями общихъ мотивовъ, выдѣляются и даютъ мѣсто чертамъ чисто русскимъ, такимъ образомъ оттѣняя ихъ и выдвигая на первый планъ. Отсюда нельзя согласиться и съ тѣми ограниченіями, которыя валагаетъ нашъ авторъ на сравнительный методъ. По его мнѣнію (I, 148), сравнительному изученію могутъ подлежать лишь тѣ явленія и мотивы, которые отразились въ разныхъ литературахъ съ болѣе или менѣе одинаковою содержательностью, опредѣленностью и, если можно такъ выразиться, имѣютъ свою характерную фізіономію. Мы рѣшительно не видимъ основанія, почему разказъ изъ Gesta Romanorum не можетъ быть сравненъ съ новеллой Бокаччіо или драмой Шекспира, не смотря на совсѣмъ не одинаковую содержательность.

Желая оградить „Слово“ отъ сравнительнаго анализа, авторъ нашъ впадаетъ, кажется, въ нѣкоторую логическую ошибку. А именно, онъ хочетъ, чтобы раньше оно было волюпѣ обследовано въ связи съ историческими и бытовыми условіями; но вѣдь можетъ быть, при тщательномъ сравнительномъ анализѣ уничтожилась бы самая необходимость такого изученія, или радикально бы измѣнилась его форма. Затѣмъ, едва ли, съ точки зрѣнія автора, художественная обработка „Слова“ можетъ помѣшать его сравненію съ какимъ бы то ни было поэтическимъ памятникомъ. Или можетъ быть, оно слишкомъ высоко, цѣнно въ художественномъ смыслѣ, чтобы идти въ параллель съ другими произведеніями?

Отношеніе г. Барсова къ проф. Потебнѣ, какъ изслѣдователю „Слова“, въ этой главѣ очень неопредѣленно: онъ ставитъ ему, во-

первыхъ, въ упрекъ введеніе однообразнаго правописанія XII вѣка, указывая, что это правописаніе нигдѣ съ такою строгостью не выдерживалось. Приемъ г. Потебни, конечно, искусственный, — но вѣдь какаѣ-нибудь центральная орфографія была же и для того вѣка. Странно также, что другому изслѣдователю „Слова“, г. Тихонову, авторъ ставитъ упрекъ противоположный (стр. 140). Второе возраженіе противъ г. Потебни заключаетъ въ себѣ, очевидно, какое-то недоразумѣніе. Г. Барсовъ находитъ, будто „его синтаксическія замѣчанія построены на законахъ языка современнаго“ (стр. 153). На сколько мы понимаемъ исходную точку почтеннаго профессора, онъ убѣждается въ крайней испорченности дошедшаго до насъ текста на основаніи отсутствія не синтаксической, а логической, смысловой связи между отдѣльными мѣстами ея. Но критическій ножъ вообще не по душѣ г. Барсову; онъ вездѣ тщательно вооружается противъ допущенія глоссъ, перестановокъ и какихъ бы то ни было существенныхъ искаженій на одной изъ тѣхъ ступеней, по которымъ дошла до насъ пѣснь объ Игорѣ. Онъ приписываетъ г. Потебнѣ даже вину въ дальнѣйшемъ появленіи болѣе смѣлыхъ чтеній глоссъ и исправителей текста, въ родѣ г. Андріевского; но вѣдь въ такомъ случаѣ г. Барсову, который первый провелъ параллель между повѣстью Іосифа Флавія и „Словомъ“, пожалуй, придется быть отвѣтственнымъ за подрывающую критику „Слова“ въ трудѣ проф. В. Э. Миллера или за теорію проф. Малышевскаго. Станнымъ кажется намъ и упрекъ проф. Потебнѣ, будто его трудъ даетъ „глубокое изученіе частныхъ „Слова“, отдѣльныхъ образовъ и картинъ, словъ и предложеній, въ ущербъ живому пониманію памятника въ его цѣломъ, въ планѣ и идеѣ, въ оригинальныхъ и свободныхъ приемахъ творчества, подобнаго Волянову“ (I, 153—154). Такое требованіе можно было бы предъявить къ изученію сатиры Горация или поэмъ Байрона, но если человѣку не ясна логическая цѣльность и стройность произведенія, откуда же возьметъ онъ свою отправную точку? Да профессору Потебнѣ и вовсе нельзя сдѣлать этотъ упрекъ, потому что его частности не суть мелочи, не связанные между собою, — передъ нимъ всегда широкая область народной поэзіи, и онъ стремится бросить живыя зерна народнаго творчества опять въ ту почву, изъ которой она была взята для испорченнаго книжнаго „Слова“. Между тѣмъ, едва ли не одно изученіе деталей и постоянная критическая провѣрка частныхъ могутъ гарантировать изслѣдователя отъ упрековъ, которые дѣлаетъ хотя бы самъ авторъ г. Андріевскому

за его приемы въ критикѣ „Слова“: „это выраженіе неудѣство“, „это подозрительно“ и т. п.

Въ третьей части очерка идетъ обзоръ поэтическихъ переложеній „Слова“. Этотъ обзоръ очень интересенъ подборомъ фактовъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ почтеннаго автора о достоинствѣ малорусскаго Максимовичевскаго перевода „Слова“, гдѣ сказывается родство той и другой художественной рѣчи. Но намъ кажется, что въ строгомъ смыслѣ при настоящей неразъясненности „Слова“, всякій его переводъ является болѣе или менѣе удачною поэтическою фантазіей на тему Игоревой пѣсни. Весьма примѣчательны тѣ вѣхи, которыя ставитъ г. Барсовъ для разрѣшенія вопроса объ отношеніи „Слова“ въ первоначальномъ его видѣ къ мѣрной рѣчи, и указанія на разнообразіе размѣровъ въ связи съ народно-поэтическими, на аллитерацію нѣсколькихъ видовъ.

Четвертая часть очерка посвящена изданіямъ педагогическимъ и популярнымъ. Этому, можетъ быть, и любопытному, но ужь никакъ не въ научномъ смыслѣ, матеріалу авторъ удѣляетъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ много мѣста. Въ пятой части для библиографической полноты приводятся свѣдѣнія о переводахъ иностранныхъ, и подъ конецъ нѣсколько страницъ посвящено замѣчательному труду галицкаго ученаго, г. Огоновскаго. Странно, что авторъ, ставшій въ упрекъ г. Огоновскому и проф. В. Миллеру неполноту ихъ библиографическихъ свѣдѣній о „Словѣ“, самъ говоритъ о трудѣ г. Огоновскаго со словъ проф. Жданова и критической статьи о немъ г. Житцеаго.

Слѣдующая глава есть центральная и самая важная во всемъ слѣдованіи. Она посвящена „Слову“, какъ выраженію шлолы кievской дружинной Руси. Очень интересны и часто даже замѣчательны параллели между Несторовою лѣтописью, текстомъ и славянскимъ переводомъ повѣсти .Іосифа Флавія. Жаль только, что греческій текстъ напечатанъ очень небрежно. На стр. 218 находимъ *σχηνοκοιῶσαι, γαζοφραχία, χαπετασμάτα*. Русскій переводъ мѣстами неточенъ и даже невѣренъ.

Вотъ примѣры:

ὁ μὲν ζῶν ἄρξει τῶν νῦν ὁμοίων

Кто лишится жизни изъ таковыхъ (222).

ὀπὸ τῆς περὶ τὴν ἔξοδον ἐπίλειως—съ поспѣшностью въ дорогъ (228).

ὀπὸ τὰς πρώτας αὐγὰς—предъ первой зарей (232).

Καὶ βάλῃ μὲν ἦν ἀμφότεροις ἄχρηστα — стрѣлы и коня стали обонимъ ненужны (236).

Δεξιάς... προσηγάγεται — подавъ руку, привлекъ на свою сторону (237).

Κατεάγησαν... τὴν ἰσχύον — не теряли силу (244).

Τοσοῦτον ὀργῆς ἀκὶ ζῶντος, ὅσον εὐδίας ἐπὶ τεθάναι δοχοῦντες πρότερον ἀνελάμβανον — узнавъ, что онъ живъ, отнеслись къ нему съ такимъ негодованіемъ, съ какимъ относились до того, думая, что онъ умеръ (245).

При сравненіи языка „Слова“ съ языкомъ перевода, сравненія, имѣющимъ въ виду доказать существованіе въ дружинной Руси особой литературной школы, г. Барсовъ мѣстами входитъ въ утрировку. Напримѣръ, чтò доказываютъ такія сопоставленія?

Люди напряжены

тули отворени

Два солнца померкоста

ХРАМИ РАЗГРАБЛЕНИ

РОДИ ПСЪЧЕШИ

СНЛЮНЪ СЪ ІШАНОМЪ

ОБНАЖИСТА Δ Π ΚΡΟΪΗ ΝΧΪ

ΠΣΝНВАНШСТА

Въ главѣ о „Словѣ“, какъ повѣсти исторической, есть очень интересный подборъ параллелей между слогомъ лѣтописи и „Слова“. Дальше идетъ глава: „Слово какъ пѣснь подобная Боянновой“. Нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ вообще далъ ей мѣсто въ своемъ трудѣ. Она въ значительной мѣрѣ основывается на фикціяхъ; чтò значитъ, напримѣръ, такая фраза: „Нельзя не пожалѣть, что пѣвецъ „Слова“ мало внесъ Бояновыхъ словесъ въ свое произведеніе. Быть можетъ, нашъ Боянъ былъ, дѣйствительно, настоящій славянской Гомеръ“ (I, 307—308). Неудачною кажется намъ и теоретическая часть этой главы, и полемика съ Вс. О. Миллеромъ, и этимологическіе экскурсы. На стр. 329 находимъ такое положеніе: „Мнѣмъ прежде всего отражаютъ нравственный смыслъ, и кто обладалъ необыкновеннымъ даромъ поэтическаго творчества, тотъ не могъ иначе представляться въ эпическихъ времена, какъ внукомъ божества, первоисточника лиры и музы“. Жалко, что такіа напыщенныя и ничего въ сущности не выражающія фразы г. Барсовъ имѣетъ порой стремленіе выдавать за доказательства. Рѣчь въ данномъ случаѣ идетъ о „Дажь-божьихъ внукахъ“ и Велесовомъ внукѣ“, и авторъ, по видимому, нисколько не думаетъ уходить въ мифологию. Нравственный же смыслъ, который долженъ отражаться въ мифахъ, — вещь, и помимо этого, весьма спорная: мифъ не

выясненъ еще далеко ни по существу, ни по происхожденію; школа фетишизма, соларная система, „болѣзнь языка“ выводятъ мнѣ изъ различныхъ пунктовъ и проводятъ его по разнымъ путямъ. Мы выписали это мѣсто только какъ образецъ легкости, съ которою авторъ разрубаетъ разные гордіевы узлы науки. Полемика г. Барсова съ Вс. О. Миллеромъ, какъ намъ кажется, приняла нѣсколько неправильный характеръ. Существенною стороною теоретическихъ положеній извѣстнаго скептика является именно отрицательный ихъ элементъ. Съ этой стороны получаютъ они, по видимому, значеніе и въ глазахъ такихъ компетентныхъ ученыхъ, какъ акад. Веселовскій и профессора Ор. Миллеръ и Ждановъ. Существенно, напримѣръ, неупоминаніе Перуна, неясность въ обрисовкѣ Бояна, несоотвѣтствіе между миеологіей „Слова“ и миеологическою стороною „Плача Ярославны“. Въ разборѣ этихъ неудомѣвль, въ отвѣтѣ на поставленные вопросы долженъ былъ бы, кажется намъ, лежать центръ тяжести данной главы у г. Барсова; между тѣмъ онъ относитъ замѣчанія свои по этому поводу въ примѣчанія, а въ текстѣ нападаетъ на болѣе слабую и безусловно-второстепенную сторону труда пр. Вс. Миллера, на допущеніе византийска-болгарскаго прототипа, тогда какъ въ этомъ отношеніи онъ даже не можетъ и быть вполне самостоятельнымъ, имѣя такого могучаго союзника, какъ акад. Веселовскій.

Отсутствіе Перуна въ Словѣ г. Барсовъ объясняетъ отсутствіемъ торжествующаго элемента въ разказѣ. А первая побѣда въ пятницу утромъ? А Игорь въ предѣлахъ Руси на возвратномъ пути? Лингвистическіе доводы автора часто весьма сомнительны; онъ забываетъ, по видимому, что звуковое подобіе не есть гарантія этимологическаго родства, что для его констатированія необходимо установить коренное фонетическое единство и генетическое соотношеніе. Для автора есть слово видѣць (sic! — 357 видѣть — видѣць); велесъ и велець суть параллельныя формы, и рядомъ съ ними являются вавилонское *Belesus* и Велисъ аммонитянъ (362). Хорсъ все равно что Хоросъ (а отсюда и хорошъ), а въ производныя слова попадаютъ даже Хорославинскіе (?) (363). Дажь-богъ сопоставляется съ Богдаево, Божедаевка (367). Можно отмѣтить также ошибки и совершенно произвольное толкованіе въ греческихъ словахъ: ὄβη (sic! bis I, 361) „не значить просто пѣснь, а пѣснь волную человѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго ваятія“ (361—362), ἠοτόρια (sic. 274) (въ смыслѣ повѣсти).

Въ 6-й главѣ г. Барсовъ разсматриваетъ отношеніе „Слова“ къ

былинамъ. Глава эта, какъ намъ кажется, могла бы быть пообстоятельнѣе теперь, послѣ того какъ создалась цѣлая литература, разработавшая южно-русскую былинну. Для автора въ отношеніи былинъ есть только двѣ точки зрѣнія: историко-бытовая и мнѣшеская. Первая разработана въ трудѣ Л. Н. Майкова, къ сожалѣнію, вышедшемъ до богатаго накопленія былинныхъ вариантовъ. Вторая имѣетъ, по словамъ г. Барсова, двухъ представителей—автора почтеннаго труда объ Ильѣ и Киевскомъ богатырствѣ, О. Э. Миллера, и академика Буслаева (не совсѣмъ точно называть его представителемъ мнѣшеской теоріи). Какъ реакція противъ мнѣологической школы, указывается еще трудъ В. В. Стасова; но мы не находимъ ни слова упоминанія о трудахъ академика Веселовскаго, академика Ягича, профессора Жданова, гг. Халанскаго, Сазоновича и др. Тутъ дѣло не въ библиографической неполнотѣ, а въ томъ, что совершенно игнорируется особый родъ пониманія и оцѣнки всего рода данныхъ произведеній. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ совершенно опредѣлилъ для себя и сущность, и происхожденіе былинны. Въ самомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, былина основывается на историческомъ фактѣ богатырства и слагается, какъ послѣ складывались житія нѣкоторыхъ святыхъ, гдѣ, за немнѣніемъ въ преданіи опредѣленныхъ біографическихъ чертъ, оно обставлялось условными эпически-біографическими чертами (I, 415). Еще одинъ нашъ гордіевъ узелъ, такимъ образомъ, разрубленъ, и является полный просторъ для сравненія деталей. Соловей - Разбойникъ, Поганое идолице, Лютая змѣя (?) разныхъ видовъ въ былинѣ означаютъ для автора поганую степь и, стало быть, какъ рѣшаетъ онъ, „вполнѣ отвѣчаютъ Диву и Тмутараканскому болвану“ (I, 423). Лѣтопись, „Слово“ и былина, по мнѣнію г. Барсова, описываютъ одну и ту же Русь, но оказывается, что въ лѣтописи сказывается точка зрѣнія монаха, въ „Словѣ“—боярина, а въ былинѣ—дружинную Русь воспѣлъ мужикъ (I, 426). Последнее утвержденіе требуетъ, кажется, еще очень много доказательствъ. Въ цитатахъ этой главы нашъ авторъ часто небреженъ: не смотря на всю извѣстную опытность въ собираніи памятниковъ народной словесности и на обширныя познанія его въ этой области, цитовать былины по памяти въ ученомъ изслѣдованіи довольно опасно. И въ самомъ дѣлѣ, онъ цитуетъ, напримѣръ, наизусть (безъ ссылокъ, по крайней мѣрѣ) классическую былинну о Микулѣ Селянининовичѣ, по видимому, на основаніи Рыбниковскаго варианта (Рыбн. I, 17 — 22, подъ заглавіемъ: Вольга

Святославичъ) и дѣлаетъ пропускъ стиха, нарушая этимъ цѣльность и точность эпического изображенія:

Да во скирди складу
Во скирди складу—домой выволочу

За симъ пропущено:

Домой выволочу—дома выколочу
Длани надеру (вм. Драни надеру)....

По памяти цитуются также на стр. 413:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ,
Однѣмъ казакъ на Святой Руси
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.

Цитую пѣсню „Вдоль по травкѣ“ (410), авторъ забываетъ указать источникъ, откуда ее ваялъ. Если не измѣняетъ намъ память, первый привелъ ее Костомаровъ.

Предпоследняя глава разбираетъ отношенія „Слова“ къ позднѣйшимъ повѣстямъ. Последняя есть привѣсокъ, для закругленности говораций о художественныхъ произведеніяхъ, вдохновенныхъ „Словомъ“. Второй томъ изслѣдованія г. Барсова посвященъ разбору самаго „Слова“ въ цѣломъ и частяхъ. Къ сожалѣнію, здѣсь остаются непонятными пока ссылки на лексикологію, къ которой почтенный авторъ отсылаетъ за самыми интересными и насущными разъясненіями. Въ продажѣ такого сочиненія не появлялось, и въ предисловіи оно только еще обѣщано. Мы не находимъ въ комментаріи къ „Слову“ у г. Барсова никакого художественно-филологическаго разбора; нѣтъ здѣсь разъясненія поэтическихъ оборотовъ, выраженій, освѣщенія, такъ-сказать, эстетической обстановки поэта; нѣтъ даже простаго списка метафоръ, сравненій, эпитетовъ. Въ замѣнъ всего этого, 1-я глава даетъ намъ переводъ „Слова“ (мѣстами прекрасный), сопровождаемый одушевленнымъ комментаріемъ. Исходная точка автора въ переводѣ и комментаріи слѣдующая: гдѣ въ словѣ недостатокъ пониманія, тамъ недостаетъ лишь достаточнаго влеченія (II, 1—2).

Нѣкоторыя части комментарія замѣчательно интересны: напримеръ, Карну и Жлю авторъ передѣлалъ въ Карнну и Желю, поэтическіе образы воплениць-вѣстницъ. Фигуры народной причеты, въ самомъ дѣлѣ, очень напоминаютъ Карну и Жлю, и нельзя не признать, рядомъ съ этимъ объясненіемъ, патянутою догадку г. Потехина, который видитъ здѣсь торжествующихъ Кончака и Гзу.

Нѣкоторые выраженія въ переводѣ г. Барсова кажутся намъ непонятными по отношенію къ тексту. Напримѣръ:

Заря свѣтъ заронила.

Или:

Рано безиривѣтной кукушкой кукуеть она.

Но разбирать правильность и вообще достоинство этого перевода трудно до знакомства съ его словаремъ.

Слѣдующая глава посвящена новѣйшему скептицизму въ отношеніи къ тексту „Слова“. Глава начинается упреками г. Потебнѣ за его предположенія относительно испорченности текста; при этомъ авторъ повторяетъ свой упрекъ, будто критикъ мѣрится на „аршинъ современной грамматики“ и имѣетъ въ виду лишь „существующій застѣкъ древне-русской лексикологии, исчерпываемый словарями Миклошича и Востокова“ (II, 83). Смѣемъ думать, что г. Барсовъ упустилъ, говоря это, изъ виду филологическія работы почтеннаго профессора, каковы: „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, „Объясненіе поэтическихъ мотивовъ колядокъ и щедривокъ“ (для лексики). Напрасно также г. Барсовъ приписываетъ г. Потебнѣ примѣненіе къ критикѣ „Слова“ грамматическихъ правилъ. На сколько намъ извѣстно, г. Потебня занимался только научною грамматикою, гдѣ нѣтъ правилъ, какъ въ практической, а есть лишь обобщенія и законы.

Конецъ главы посвященъ г. Андриѣвскому. Библиографическая щедрость заставляетъ авторъ выписать на цѣлыхъ 8 страницахъ чуть ли не весь текстъ, восстановленный этимъ изслѣдователемъ. Не лишнее ли это, когда авторъ намѣревался ограничить свой разборъ шестью строками упрека (II, 119)? Для читателей, конечно, было бы удобнѣе, еслибъ имъ дано было нѣсколько характерныхъ мѣстъ текста, съ указаніемъ на ихъ коренной недостатокъ.

Третья глава занята палеографическою критикою текста. Это подробнѣйшій, въ высшей степени добросовѣстный и полезный сборъ комментаріевъ и переводовъ „Слова“ въ порядкѣ отдѣльныхъ выраженій. Сводная критика текста предшествуется собственнымъ восстановленіемъ текста съ переводомъ и объясненіемъ cadaго отдѣльнаго выраженія. Здѣсь встрѣчается мѣстами повтореніе данныхъ изъ 1-й главы (въ переводѣ) и нѣкотораго рода балластъ въ мнѣніяхъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ комментаторовъ „Слова“, но все же трудъ данъ замѣчательный: онъ освѣщаетъ исторію работы

русской мысли надъ „Словомъ“ и значительно облегчаетъ для будущихъ изслѣдователей критическую работу въ данной области. Очень хороши нѣкоторыя палеографическія восстановленія автора; напримѣръ, „свистъ звѣривъ въ стазби“ легко могло получиться изъ въстазби. Загадочныя слова какъ бусови, болонь, сань, воззни, трикусь (II, 221—253) для полного своего уясненія ждутъ еще лексикологія автора.

Въ концѣ втораго тома приложены дополненія къ библиографіи „Слова“ академика А. Θ. Вычкова; здѣсь приведены краткія, но характерныя выписки изъ неизвѣстныхъ автору книгъ. Особенно интересны выписки изъ книги г. Партыцкаго; это безпримѣрный курьезъ въ сферѣ критики текста, чуть не сатира на этого рода литературную работу.

Кончая наши бѣглыя замѣчанія на трудъ г. Барсова, мы должны оговориться: недостатки, которые казались намъ болѣе или менѣе существенными, и на которые мы здѣсь указали, не уменьшаютъ въ нашихъ глазахъ и на десятую долю капитальныхъ заслугъ работъ: окончанія этого труда нельзя не ожидать съ большимъ любопытствомъ; это совершенно естественно при томъ запасѣ свѣдѣній, той талантливости и той любви къ дѣлу, которыми обладаетъ Е. В. Барсовъ.

И. Анненскій.

Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Николаевѣ, Мензелинскаго уѣзда, Уфимской губерніи Н. Пальчикова. Изданіе А. Е. Пальчикова. С.-Пб. 1888.

Время идетъ, и русская старинная народная пѣсня понемногу исчезаетъ, ея коренныя напѣвы портятся посторонними вставками, а часто пѣсня и совсѣмъ выходитъ изъ обращенія, вымираетъ, забывается, — и новыя поколѣнія поютъ уже новыя пѣсни. Поэтому собрать и записать уцѣлѣвшіе образцы старинной коренной русской пѣсни, — вотъ и цѣль, и оправданіе настоящаго сборника*. Такъ говорить, между прочимъ, издатель въ своемъ предисловіи къ названному труду (стр. IV). Слова эти, къ сожалѣнію, — истинная правда, а потому и предположенная цѣль настоящаго изданія можетъ только заслуживать похвалы и признательности.

Сборникъ г. Пальчикова включаетъ въ себѣ 125 музыкальныхъ записей и немного больше соотвѣствующихъ имъ текстовъ. 125 характерныхъ пѣсенъ, записанныхъ въ одномъ селѣ, — это уже явленіе

въ наше время далеко не заурядное; оно говоритъ уже само за себя, свидѣтельствуя о томъ, что судьба натолкнула собирателя на одинъ изъ тѣхъ уголковъ Россіи, въ которомъ „преданья старины глубокой“ не успѣли еще развѣяться въ пухъ и прахъ отъ соприкосновенія съ новою жизнью, вносящею безповоротное забвеніе всего добраго стараго и, подчасъ, не дающею въ замѣтъ его, столь же хорошаго новаго. Это одно, уже заранѣе, даетъ поводъ предполагать, что николаевцы дѣйствительно дадутъ намъ образцы старинной коренной русской пѣсни. Вотъ что, между прочимъ, разказываетъ собиратель объ историческомъ, такъ сказать, происхожденіи этихъ образцовъ: „Со времени переселенія крестьянъ, составляющихъ въ настоящее время с. Николаевку, изъ Пензенской и другихъ губерній, то-есть, приблизительно съ начала нынѣшняго столѣтія и до 60-хъ годовъ, каждую весну, все наличное взрослое населеніе собиралось въ одинъ хороводъ и пѣло пѣсни, если и не вполне стройно, то относительно складно, имѣя такимъ образомъ возможность выработать извѣстный способъ исполненія пѣсенъ, для всѣхъ исполнителей однообразный. Затѣмъ съ 60-хъ годовъ хороводъ разбился на двѣ части, по улицамъ, составляющимъ с. Николаевку, и по веснамъ собирается теперь уже два хоровода. Исполненіе пѣсенъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ хороводахъ, потеряло свое однообразіе, а съ теченіемъ времени и съ наплывомъ стороннихъ лицъ изъ сосѣднихъ деревень, на столько измѣнилось, что „пѣтъ одной улицѣ съ другою стало неловко... Такимъ образомъ старыя, настоящія, истинныя и правильныя напѣвы Николаевскихъ пѣсенъ слѣдовало искать у стариковъ и старухъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ хороводахъ до 1860 года и имѣвшихъ въ то время репутацію хорошихъ пѣсельниковъ и пѣсельницъ. Такихъ лицъ, еще оставшихся въ живыхъ, указали мнѣ человекъ 10 или 12. Я позвалъ ихъ къ себѣ, и съ ихъ голосовъ записалъ почти всѣ пѣсни“ (предисл., стр. VI).

Почти тридцать лѣтъ живетъ г. Пальчиковъ въ с. Николаевкѣ, полюбилъ мѣстныя пѣсни и неоднократно пытался воспроизвести ихъ по возможности точно; долго это ему не удавалось, пока, наконецъ, не началъ онъ на правильный путь во время разговоровъ при записываніи со словъ упомянутыхъ старыхъ пѣвцовъ; при этомъ ему „выяснилась еще та особенность взгляда николаевскихъ пѣвцовъ на пѣсни, что они не дѣлаютъ никакого различія между пѣсней одногласною и хоровою. Они прямо говорили: „мы этого не разбираемъ“, „всѣ пѣсни сообща поемъ“, „каждую пѣсню можно пѣтъ

мѣстѣ". „Всѣ эти „сообща“, „мѣстѣ“ указываютъ“, говоритъ собиратель,—на то, что полнымъ выразителемъ исполненія пѣсни въ Николаевкѣ можно признать только хоръ, а отдѣльные пѣвцы поютъ только какъ бы элементы или части пѣсни, напѣвы, изъ которыхъ въ хорѣ вполне складывается вся пѣсня... Каждый голосъ воспроизводитъ по-своему напѣвъ, и сумма этихъ-то напѣвовъ составляетъ то, что слѣдовало бы назвать „пѣсней“, такъ какъ она воспроизводится вся, со всѣми оттѣнками, исключительно только въ крестьянскомъ хорѣ, а не при единоличномъ исполненіи... Всякая пѣсня представлена, поэтому, въ моемъ сборникѣ, въ нѣсколькихъ вариантахъ (отъ 6-ти до 10-ти и болѣе), и если всѣ эти варианты спѣть разомъ... то получится почти полное представленіе о томъ хоровомъ исполненіи, которое придаетъ пѣснѣ самъ народъ, и о той манерѣ, съ какою одинъ и тотъ же напѣвъ разрабатывается народомъ“ (стр. VI и VII). Итакъ, сущность приѣма, которымъ воспользовался собиратель при записываніи мѣстныхъ мелодій, заключается въ признаніи его за крестьянскую пѣсню только пѣсни хоровой, а не одногласной.

Не считаемъ себя въ правѣ вдаваться въ специальное обсужденіе этой музыкальной стороны сборника; укажемъ только на оговорку, которую дѣлаетъ г. Пальчиковъ по поводу вышеназложенныхъ разсужденій: „Къ этому считаю необходимымъ добавить, что всѣ мои разсужденія и положенія, изложенныя выше, имѣютъ только мѣстное значеніе; они касаются лишь николаевскихъ пѣсней и николаевскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ. Какъ поютъ, и какъ поются пѣсни въ другихъ мѣстахъ Россіи, я не знаю, и потому никакъ обобщеній не дѣлаю“ (стр. VII).

Перейдемъ къ обзорѣннѣю текстовъ. Собиратель подраздѣлялъ пѣсни по отдѣламъ, „какъ ихъ дѣлитъ народъ“. I. Вешнія (весенія) (№№ 1—36), въ составъ которыхъ входятъ: А. Хороводныя (№№ 1—33): а) съ игрою (№№ 1—25), б) безъ игры (№№ 26—30), в) ходовыя (№№ 31—33); Б. Троицкія и Семицкія (№№ 34—36). „Вешнихъ пѣсней“, говоритъ г. Пальчиковъ,—въ Николаевкѣ немного и онѣ почти всѣ вошли въ сборникъ; единственное отличіе ихъ отъ другихъ заключается во времени исполненія,—онѣ поются исключительно весной“. II. Проголосныя (протяжныя) (№№ 37—78). III. Свадебныя (№№ 79—94). IV. Величальныя (95—104). V. Частныя (скорныя) (№№ 105—119), „въ число которыхъ входятъ

шуточныя, игровыя на посидѣнкахъ и плясовыя⁴. VI. Святочныя (№№ 120—125).

Это перечисленіе отдѣловъ заслуживаетъ уже вниманія и прежде всего потому, что подраздѣленіе пѣсенъ сдѣлано не по усмотрѣнію собирателя, а „какъ ихъ дѣлать народъ“; весьма важно для этнографической науки увеличивать кадръ пѣсенъ, самимъ народомъ отнесенныхъ къ тому или другому разряду, опять-таки самимъ же народомъ названному; настоящій сборникъ, какъ видимъ, можетъ служить солиднымъ обогащеніемъ такого кадра. Съ другой стороны, не менѣе важнымъ является и то обстоятельство, что у Николаевцевъ по сіе время существуетъ еще такое сознательное, по видимому, распредѣленіе пѣсенъ по названіямъ; это указываетъ, опять-таки на то что, собиратель попалъ на хорошій источникъ, ибо рѣдко гдѣ на Руси можно найти теперь такое сознательное отношеніе народа къ пѣсенному дѣлу. И въ этомъ нельзя не усмотрѣть новаго повода къ тому, чтобы пѣсни, вошедшія въ сборникъ, признать, дѣйствительно, за образцы старинной, коренной русской пѣсни.

Разсмотримъ эти образцы.

Хотя собиратель и говоритъ, что вѣшнихъ пѣсенъ въ Николаевкѣ немного, тѣмъ не менѣе представленныхъ имъ 36 пѣсенъ являются такимъ солиднымъ вкладомъ, какой едва ли былъ сдѣланъ кѣмъ-либо послѣ Сахарова и Терещенка. Особеннаго вниманія заслуживаютъ пѣсни хороводныя. Нерѣдко ихъ можно встрѣтить въ сборникахъ, но далеко не сгруппированными въ такой полнотѣ, какъ здѣсь, и притомъ собранными изъ различныхъ мѣстностей, между тѣмъ какъ здѣсь мы видимъ воспроизведеніе одного мѣстнаго хоровода во всемъ его объемѣ, начиная съ первой пѣсни, имѣющей особый призывный характеръ и кончая послѣднею.

25 пѣсенъ хороводныхъ представлены „съ игрой“, при чемъ точнымъ образомъ описана и самая игра; одна изъ этихъ игръ, именно основа (№ 9), даже изображена графически. Большая часть этихъ пѣсенъ и хороводовъ являются прекрасными вариантами уже извѣстныхъ изъ другихъ сборниковъ, но есть между ними очень рѣдко встрѣчающіяся и даже совсѣмъ новыя. Къ числу такихъ нужно отнести: „Груша“ (№ 4), „То-то горе-то мое“ (№ 6) „Отколь добрый молодецъ“ (№ 18), „Еще какъ ты утепа“ (№ 24) и „Селезень мой“ (№ 23), нигдѣ еще не записанный; этотъ послѣдній мы и приведемъ здѣсь:

Селезень мой, (2) селезень мой связъ косистый, (2)

Связъ косистый, (2) связъ косистый, голосистый, (2)

Подь поглавай, (2) подь поглавай но Дунаю, (2)
 (Въ хороводъ выходитъ дѣвушка).
 Подпльви ты, (2) подпльви ты къ винограду, (2)
 Стань подь грушу, (2) стань подь грушу, стань—послушай, (2)
 Какъ старушки, (2) какъ старушки скачуть, пляшуть, (2)
 Онъ эдакъ, (2) онъ эдакъ, все вотъ эдакъ: (2)
 Стулнмшись, (2) стулнмшись, сугорбмшись. (2)
 (Дѣвушка представляетъ пляску старухъ)
 Селевень мой... и т. д.
 . . . стань послушай, (2)
 Какъ дѣвнцы, (2) какъ дѣвнцы скачуть, пляшуть. (2)
 Онъ эдакъ, (2) онъ эдакъ, все вотъ эдакъ: (2)
 Пободрѣмшись (2) пободрѣмшись, веселѣмшись, (2)
 Пободрѣмшись и въ ладоши. (2)
 (Дѣвушка въ хороводѣ пляшетъ).

По справкамъ, наведеннымъ издателемъ, этотъ хороводъ нигдѣ еще не записанъ; что касается до русскаго хоровода, то соответствующаго приведенному не можемъ указать и мы, но въ малорусскомъ и галицкомъ хороводѣ встрѣчаемъ очень близко къ нему подходящій—только роль русскаго селевни тамъ играетъ козелъ; такъ у Чубинскаго (въ Трудахъ этн.-ст. экск. въ зап.-русск. кр. т. III, стр. 89) находимъ:

Вийди, кунзликку, вийди (2) рано,
 Вийди, (2) рано, вийди погуляймо.
 Да скажи намъ, кунзликку, якъ дѣвочки скачуть,
 Ой такъ хорошонько, ой такъ приязненько;
 и т. д.

У Головацкаго (Народн. пѣсни Галицкой и Угорской Руси, т. II, стр. 181, №, 5) находимъ:

Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!
 Та повѣдай, кѣде, правду!
 „Що жь ти маемъ повѣдати,
 Коль нѣчого й не чувати?“—
 Ой якъ паняночки скачуть? (2)
 Ой то въ гору, то въ долину,
 То въ роженьку, то въ кашину“.

Также и съ „парубочками“.

. . . Та якъ старі бабы скачуть?
 Ой то въ гору, то въ долину,
 То въ бодлаки, то въ крапиву.

Также и „старі дѣды“.

Есть соответствующий вариант и в белорусском хороводѣ (помѣщенъ въ печатающемся нынѣ подѣ нашею редакціей сборникѣ белорусскихъ пѣсней г-жи Радченко)—въ нѣсколько грубой формѣ:

Якъ возьму я козла да за рожечки,
 Да поведу козла за моротечки,
 Да привяжу козла къ дубовому тмву,
 Да накажу козлу—сужинному сыну:
 Скажи, скажи, козлю, якъ дѣвки скачуть?
 Отъ такъ, такъ дѣвки скачуть,
 Отъ такъ по малѣсеньку,
 Отъ такъ потихѣсеньку,

Также и „бабы“:

Якъ возьму козла бити, ругати,
 Да стану я у козла правды нитати:
 Скажи, скажи, козлю, якъ хлопцы скачуть?
 Отъ такъ, такъ и т. д.

Также и „дѣды“.

До сихъ поръ можно было предполагать, что нѣсколько странный хороводъ этотъ стоитъ совершенно особнякомъ—у малоруссовъ и белоруссовъ; опубликованный г. Пальчиковымъ вариантъ даетъ болѣе широкое распространеніе этой идеи, указывая на развитіе ея въ великорусскомъ хороводѣ, и притомъ въ формѣ, которая, безъ сомнѣнія, представляется въ болѣе привлекательномъ видѣ, нежели остальные варианты. Галицкій припѣвъ „Ой Дѣдъ, Дѣдъ та й Ладо!“ и упоминаніе „Дуная“ въ русскомъ вариантѣ указываютъ на древнее происхожденіе этого хоровода.

Далѣе въ сборникѣ г. Пальчикова слѣдуютъ пять хороводныхъ пѣсень „безъ игры“, то-есть, по объясненію собирателя, когда „дѣвушки и парни водятъ просто хороводъ; никакой игрой эти пѣсни не сопровождаются“, и въ числѣ этихъ пѣсней есть одна, до сихъ поръ не записанная (№ 26):

Охъ да созывалъ король во таюкъ дѣвокъ,
 Ой Диди Ладушка, во таюкъ дѣвокъ и т. д.

тоже безъ сомнѣнія, старинная, на что указываетъ уже припѣвъ. По поводу неигровой пѣсни „Какъ на рѣченькѣ“ (№ 28) нужно замѣтить, что она является почти повтореніемъ первой игровой (№ 1); равнища въ 5 первыхъ стихахъ; игровая начинается такъ:

Выходите красныя дѣвушки
 Изъ воротъ играть на улицу.

Вьносите соловья на рукахъ.
 Какъ соловьюшко защекотывагь,
 Красны дѣвушки заигрывали,
 А молодушки заплакали.
 Понграйте-ка вы дѣвушки и т. д.;

Начало неигровой такое:

Какъ на рѣченькѣ, рѣченькѣ,
 На ракитовомъ кустичкѣ,
 Соловюшка пѣсенки поетъ,
 Онъ молодушкамъ вазолушку даетъ,
 Краснымъ дѣвушкамъ вѣсть подаетъ:
 Понграйте-ка вы дѣвушки и т. д.

Дальнѣйшіе 22 стиха въ обѣихъ пѣсняхъ являются дословнымъ повтореніемъ другъ друга, при чемъ игровая на томъ и обрывается, а неигровая даетъ еще 13 стиховъ любопытнаго продолженія. Тѣмъ не менѣе обѣ эти пѣсни поются на различные голоса,—явленіе любопытное, такъ какъ при вынѣшнемъ оскудѣнніи пѣсенности чаще можно встрѣтить обратное явленіе, то-есть, пѣсколько пѣсенъ поются на одинъ мотивъ. Страннымъ только покажется, съ перваго взгляда, какъ это сами пѣвцы неигровую пѣсню сдѣлали игровою, когда это обусловливается вѣдь и содержаніемъ самой пѣсни. Но странность эта только кажущаяся; она устраняется, если обратить вниманіе на примѣчаніе собирателя къ первой (№ 1) пѣснѣ игровой: „Пѣсней этою начинаются хороводы. Дѣвушки поютъ ее „толпой“ и не устанавливаются въ хороводъ, дожидая подходящихъ подружекъ“. Значить, по существу эта пѣсня все-таки остается неигровою и пѣвцовъ въ противорѣчій упрекнуть нельзя. Очевидно, главную роль въ этой пѣснѣ играетъ призывъ къ хороводу, что и выражается въ ея первыхъ стихахъ; остальную часть составляетъ болѣе подходящая изъ неигровыхъ, такъ какъ хороводъ еще собственно не начался¹⁾.

Три послѣднія пѣсни изъ хороводныхъ названы ходовыми и поются, по объясненію собирателя, „когда хороводъ „стѣной“ идетъ по улицѣ. Передъ хороводомъ лицомъ къ нему, идутъ двѣ дѣвушки“ (№ 31). Здѣсь приведена, между прочимъ, мало извѣстная пѣсня „репей“, записанная до сихъ поръ только Терещенкомъ:

Вдоль по улицѣ репей, вдоль по широкой репей.
 Ой Дяди, мой репей, о Ладо, молодо.

¹⁾ Любопытно бы узнать, не носятъ ли эта призывная пѣсня какого-нибудь особаго названія.

Репей стелется, разстилается.
 Да не быть репью со тындою равну,
 Да не быть свекру супроть батюшки,
 А мой батюшка—дума вѣрная,
 Слово тайное, невыносное.

Разсмотрѣнный отдѣлъ хороходныхъ пѣсенъ составляетъ едва ли не самую цѣнную часть сборника. Помимо прекрасныхъ старинныхъ пѣсенъ, сообщенныхъ въ такомъ значительномъ количествѣ, тутъ сдѣланы важныя указанія и относительно техники дѣла: приведенное дѣленіе хороходныхъ пѣсенъ на игровыя, неигровыя и ходовыя можетъ уже считаться весьма выдающеюся заслугою сборника г. Пальчикова, а такія опредѣленія, какъ: поють „толпой“, хороходъ „стѣнной“ идетъ по улицѣ—обогащаютъ новыми данными еще такъ мало извѣстную у насъ русскую народную терминологию пѣсеннаго дѣла¹⁾.

Вторымъ отдѣломъ вѣпнихъ пѣсенъ приведены троицкія и семицкія. Вообще говоря, этихъ пѣсенъ записано очень мало; немного ихъ и въ этомъ сборникѣ, всего пять, при чемъ три изъ нихъ поются на одинъ голосъ; всѣ онѣ, по замѣчанію собирателя, „поются исключительно въ семикъ и въ Троицу, когда дѣвушки ходятъ завивать вѣнки“ (№ 34). Пѣсня „Еще кто траву билъ“ (№ 35) сопровождается особымъ троицкимъ хороходомъ: „Дѣвушки, заплетя вѣнки и побросавъ ихъ въ воду или повѣсивъ на деревья, становятся въ хороходъ и пляшутъ“. По справкѣ издателя, эта пѣсня оказалась незаписанною¹⁾ еще нигдѣ; мы, съ своей стороны, можемъ указать близкій къ ней вариантъ, помѣщенный у Терещенка въ числѣ хороходныхъ (ч. IV, стр. 160), гдѣ роль „Ивана судара“ играютъ дѣвица, вдовица и молодница; такъ у г. Пальчикова:

Еще кто траву билъ.
 Кто мураву толочилъ.
 Да притоптана травушка.
 Притолочена муравушка²⁾.
 А Иванъ сударь билъ,
 А Иванчъ толочилъ.
 На конѣ винтовагъ,
 Къ терему подѣзжалъ.
 Къ терему подѣзжалъ,

¹⁾ Срав. нашъ Предварит. отчетъ о результатахъ экспед. для собранія русск. народн. пѣсенъ съ названіями въ *Извѣстіяхъ Имп. Р. Геогр. Общ.* 1867 г. вын. 1, стр. 11, 12.

²⁾ Припѣвъ этотъ повторяется послѣ каждыя двухъ стиховъ.

Да Ульяну выхвалять.
Ты Ульянушка выдь,
Свѣтъ Степановна выдь.

У Терещенка (хороводъ: лугъ, лужечекъ).

Лугъ ты мой, лугъ зеленой!
Зеленъ лугъ, лужечекъ.
Кто тебя топталъ?
Да кто толочилъ?
Топтала дѣвица,
Другая вдовица,
Третья молодца, и т. д.

Весьма близкій по содержанію вариантъ, находимъ у Сахарова (по изд. 1841 г. т. I, кн. 3, стр. 30, № 12) въ числѣ хороводныхъ пѣсенъ, при чемъ хороводъ (по изд. 1837 года) названъ „Женихъ“:

Какъ подъ лѣсомъ подъ темнымъ
Выростала трава шелковая;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Заѣзжій гость;
Онъ во лудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Певѣсту себѣ.
Выходила красна дѣвица,
Тонка, высока,
Тонешенька, бѣлешенька,
Собой хороша и т. д.

Въ бѣлорусскомъ хороводѣ можно указать соотвѣтствующій (въ печатающемся сборникѣ г-жи Радченко):

Въ бору травка потолочена,
Охъ и ой леле потолочена.
Кто тую травку потолочивъ?
Потолочила черная куна,
Черная куна съ кувенятками: и т. д.

Пѣсня: „По нѣмецкой по улицѣ“ (№ 36) является заключительною: „Завивши пѣнки и возвращаясь домой, дѣвушки поютъ эту пѣсню. Ею замыкается кругъ весеннихъ пѣсенъ“.

Затѣмъ слѣдуютъ 45 пѣсенъ проголосныхъ (протяжныхъ). Первые пять являются прекрасными вариантами былинъ: про Добрыню (№ 37,₁), про Алешу (№ 37,₂), про Темрюка Темрюковича—отрывокъ (№ 38), про вятіе Казани—отрывокъ (№ 39) и про пожаръ Московскій (№ 40); изъ нихъ вторая, налагающая бой Алеша со Скимою - вѣрнее, очень рѣдка; она записана лишь Гр. Н. Потанинымъ (Этногр. сбѣрн. вып. VI).

То обстоятельство, что эти несомнѣнныя былины, исполняемыя, какъ извѣстно, однимъ голосомъ, обратились въ с. Николаевкѣ въ пѣсни хоровыя проголосныя, указываетъ на особое предрасположеніе мѣстныхъ пѣвцовъ къ хоровому исполненію пѣсенъ; быть можетъ, условія мѣстнаго быта извѣстнымъ образомъ сказались въ этой особенноти.

Послѣ былинь слѣдуютъ пять пѣсенъ волжскихъ разбойничьихъ, съ необходимыми Стенькой Разинимъ во главѣ; далѣе находимъ около 30 пѣсенъ бытовыхъ и лирическихъ, которыя по строю и характеру необходимо отнести къ пѣснямъ досельнымъ, стариннымъ; сверхъ того, помѣщена пѣсня рекрутская, съ чисто мѣстнымъ характеромъ, двѣ пѣсни солдатскія, съ упоминаніемъ объ императорѣ Николаѣ и объ „Аршавѣ“; въ заключеніе отдѣла приводится образецъ пѣсни закоперской, при вбиваніи свай. Многія изъ этихъ пѣсенъ записаны въ первый разъ, нѣкоторыя являются исключительно мѣстными; есть между ними и юмористическія. Пѣсня: „Ахъ усыньки, усы“ (№ 43), по замѣчанію собирателя, „записана въ первый разъ въ 1864 году отъ 60-лѣтнаго старика, пѣвшаго всегда, какъ продолженіе пѣсни, нижеслѣдующую характеристику окрестныхъ съ Николаевкой селеній. Кѣмъ и когда сложена эта характеристика, узнать не удалось“:

Вотъ и стары старики, Старомазинскіе.
 Неразводны животы—Темергански мужики.
 Вотъ и трубошники—Юшадинскіе,
 Вотъ зелены-то дуги, то Останковы слуги,
 А хорошенъки лошади—Ташліарскіе.
 А и бѣлые кафтаны, то Тугашевски татары,
 Сурончакъ на горѣ, по двѣ курвы на дворѣ,
 А какъ съ обыскомъ пойти—по пяти можно пайтя ¹⁾.
 А Шурански животы—слабогузи мужики,
 А большіе то коты—Новомазинскіе.
 Огурешникъ на голо,—то Каранское село.
 А широки кушаки, то Тамбовски мужики.
 Вотъ подрагаться, побороться—Николаевскіе.
 А скупые животы—Матвѣевски мужики,
 А богаты мужики, то-то Аристовски,
 А вотъ воръ на голо—то Можаровско село.
 Косники и мясники—Ахматовски мужики.

¹⁾ Въ „Бѣлорусскомъ сборникѣ“ Романова есть подобная пѣсенка (стр. 187, № 7), гдѣ между прочимъ говорится:

А Гомель на горѣ—по три шляхи на дворѣ, а съ обыскомъ
 пойдѣмъ, по пяти въ дворѣ найдѣмъ.

Вотъ кривые-то носы, то-то Карявски. (Морозомъ погнуло).
 А дѣбные мужики—Маткаушскіе.
 Вотъ сухіе то лещи, то Игимски мужики.
 Вотъ гнилые караси—то-то Юртовскіе. (Сами чуть живы).
 А и свиія заплаты—Мензелинскіе солдаты.

Любопытна также пѣсня (на тотъ же голосъ), въ которой выведены всевозможныя рыбы:

Рыболовъ рыбу ловилъ, почевать къ Дунѣ ходилъ,
 Въ воротахъ ставилъ газана, при калиткѣ судака,
 Среди мого двора заунывнаго сома,
 Среди новыхъ сѣней красноперыхъ окуней

и т. д.

Въ отдѣлѣ свадебныхъ пѣсень приведены два краткія причитанія невѣсты и до 20 пѣсень, весьма характерныхъ, съ обозначеніемъ, когда и кому онѣ поются. Изъ числа 11 величальныхъ, большая часть также относится къ свадебному ритуалу.

Въ числѣ 15 пѣсень частіхъ (скорыхъ) приведены нѣсколько шуточныхъ, игровыхъ на посидѣнкахъ и плясовыхъ; всѣ онѣ очень характерны по своему складу и, въ противоположность такимъ же частымъ пѣснямъ новѣйшаго изобрѣтенія, такъ-называемымъ „повертушкамъ“ или „крутовороткамъ“ являются вполнѣ осмысленнымъ и не лишены подчасъ интереснаго содержанія. Въ одной изъ шуточныхъ можно усмотрѣть, между прочимъ, насмѣшливое отношеніе русскаго населенія къ нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ населенія татарскаго (№ 106):

Какъ у нашего сосѣда завелася пиръ бесѣда,
 У вашего кабака была яма глубока,
 Была яма глубока, соломою покрывъ.
 Какъ во этою во ямѣ завелася крысы, мыши.
 А крысипый (а и крысинъ) господинъ по канату выходитъ,
 По канату выходитъ, съ стариками говоритъ:
 Ахъ вы стари старики, мироѣды (пожилые) мужики,
 Мироѣды, мужики, воры лѣбднвкы,
 У васъ бороды сѣдыя, глаза сѣрые, большіе,
 Глаза сѣрые, большіе, брови черныя, густыя.
 Вы не хлопайте глазами, не трясите бородами.
 Еще Трошка, Митрошка посадилъ крысу въ рогожку,
 Еще Сидоръ да Назаръ свезли крысу на базаръ,
 Да никто крысу не купитъ, никто даромъ не беретъ,
 Лишь татаряпъ сторговаль, дорогую цѣну даваль.
 Русакъ издали глядитъ, все татарина бравитъ:
 Ты татаринъ ли, татаринъ, ты татарскій лобъ,

Да на что-же тебѣ крыса: али сына женить,
Али сына женить, али дочь отдавать?
Миѣ не сына женить, миѣ не дочь отдавать,
Миѣ не дочь отдавать, отда-мать поминать.

Въ заключеніе этого отдѣла приводится пѣсня лакейская, по содержанію своему представляющая наибольшую противоположность остальнымъ пѣснямъ, и съ явными признаками такъ-называемой лакейской, городской цивилизаціи.

Последній отдѣлъ составляютъ 8 пѣсень святочныхъ; изъ нихъ первая носитъ прививной характеръ на игрища (№ 120):

Ужъ вы святки, святѣчки, вы святые вечера
О, о, хо, хо, о, охти миѣ.
Какъ за горницею, за повалушею
То не гусли ли рокочуть (не гусли ли гогочуть), не
свирѣль ли говорвтъ,
А то чибушекъ, воробушекъ по улицѣ скавалъ,
Онъ и дѣвушекъ молодушекъ на игрище сбликалъ:

и т. д.

Шесть пѣсень охарактеризованы припѣвомъ: Таусень. Сверхъ этихъ 8 пѣсень, въ томъ же отдѣлѣ помѣщена и заключительная пѣсня сборника: „Бичокъ“ (№ 125), по содержанію, конечно, скорѣе шуточная, нежели святочная; при ней приложенъ и строй бала-лайки, неизмѣнной спутницы этой пѣсни.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ содержаніе сборника г. Пальчикова; значительное по количеству, оно представляется прекраснымъ и по качеству; во всѣхъ пѣсняхъ сказывается несомнѣнная старина ¹⁾, и мы охотно признали бы, что сборникъ дѣйствительно даетъ намъ уцѣлѣвшіе образцы старинной коренной русской пѣсни.

Кромѣ внутренняго достоинства, матеріалъ сборника отличается и достоинствомъ внѣшнимъ: способъ записыванія пѣсеннаго текста является таковымъ, какой, по нашему мнѣнію, представляется въ настоящее время единственно желательнымъ. Несомнѣнно, что собиратель точно воспроизводилъ текстъ каждой пѣсни во время ея голосоведенія, соблюдая при этомъ всѣ особенности и всѣ оттѣнки пѣсенной рѣчи, являющіеся отпечаткомъ ея мелодіи; таковы, напримѣръ, пѣсни (№ 45):

¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ, несомнѣнно старыхъ пѣсень являются вариантами записанныхъ нами лично въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи, нѣкоторыя приходилось встрѣчать въ старыхъ пѣсенныхъ сборникахъ печатныхъ и даже рукописныхъ конца прошлаго столѣтія.

Внизъ по Волгѣ по рѣкѣ, да, эхъ да, лугово—луговою сторонѣ,
Луговою же сторонкѣ, эхъ да. легка ло—легка лодотка шлыветь.

и т. д. Или № 48:

Охъ да не хотѣлося да, миѣ дѣвченокѣ,
охъ, да за разбойника замужъ идти.
Вотъ идти, да. Какъ со вечера да воръ разбойникъ,
охъ, думу думаетъ одинъ.
Ахъ, да воръ одинъ. Со полуночи воръ разбойникъ
ахъ, да собирався на разбой.

и т. д.

Не говоря уже о постановкѣ необычныхъ удареній, что также строго соблюдено г. Пальчиковымъ, такое записываніе текста придаетъ полный и настоящій характеръ пѣснѣ.

Богатая русская пѣсня, по нашему глубокому убѣжденію, прекрасная не только въ хоровомъ, но и въ единоличномъ исполненіи, при такой записи, дающей отпечатокъ ея музыкальнаго строя, даже и при чтеніи производитъ впечатлѣніе картинности и красоты.

Издатель сборника, А. Е. Пальчиковъ, не пожалѣлъ, ни труда, ни средствъ, чтобы придать ему надлежащую цѣнность; помимо прекрасной вѣвшей стороны изданія, издатель снабдилъ его весьма полезными приложениями; такъ мы находимъ здѣсь списокъ а) 33 сборниковъ пѣсенъ безъ напѣвовъ и отдѣльныхъ изслѣдованій и б) 24 сборниковъ пѣсенъ съ напѣвами, просмотрѣнныхъ въ видахъ сличенія помѣщенныхъ въ настоящемъ сборникѣ пѣсенъ съ другими. Трудъ положенъ не малый, и всякій занимающійся народною русскою пѣсней скажетъ г. Пальчикову большое спасибо за этотъ списокъ. Въ видахъ пополненія этого списка по части изслѣдованій о народной русской пѣснѣ мы указали бы на нашу статью по поводу изслѣдованія г. Голохвастова: „Законы стиха русскаго народнаго и нашего литературнаго“ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1885 г. мартъ и апрѣль), гдѣ нами представленъ на стр. 135 сводъ такого рода изслѣдованій, не вошедшихъ въ списокъ г. Пальчикова. Что касается до сборниковъ русскихъ пѣсенъ безъ напѣвовъ, то для большей полноты списка мы указали бы, между прочимъ, еще на прекрасное собраніе свадебныхъ пѣсенъ А. Жарова, помѣщенное въ Москвитанинѣ (1853 г. кн. 4): „Сельскія свадьбы Архангельской губерціи“, гдѣ можно найти варіанты пѣсенъ г. Пальчикова: № 85—на стр. 94 и № 88—на стр. 18.; а также на статью кн. Л. Ухтомскаго: „Сюзьма. Этнографическій очеркъ“, напечатанную въ Древней и Новой Россіи (1876 г. кн. 2), гдѣ приведено не мало

старинныхъ мѣстныхъ свадебныхъ пѣсень, изъ которыхъ можно указать варианты: для № 85—на стр. 16 (отд. оттиска) и № 86—на стр. 18. Сверхъ того, можно бы указать еще на статью Н. Г...а: „Свадебные обряды и пѣсни крестьянъ Тульской губерніи“, помѣщенную въ упомянутой книгѣ Москвитянина на (1853 г. кн. 4). Списокъ сборниковъ пѣсень съ напѣвами можно бы пополнить недавно вышедшимъ трудомъ О. Х. Агреновой-Славянской: „Описание русской крестьянской свадьбы съ текстомъ и пѣснями...“ въ 3-хъ частяхъ. Ч. 1. 2. Москва—Тверь. 1887.

Бромъ этого чрезвычайно полезнаго списка, приведенъ: „Библиографическій указатель вошедшихъ въ сборникъ пѣсень“, какъ результатъ сличенія пѣсень: въ немъ, противъ каждаго номера пѣсень г. Пальчикова указаны сборники, съ обозначеніемъ страницъ, въ которыхъ встрѣчаются къ нимъ варианты; пѣтъ сомнѣнія, что и это приложение является весьма цѣннымъ; изъ него, между прочимъ, видно, „что въ пастоящій сборникъ вошло болѣе 30 пѣсень, текстъ которыхъ не помѣщенъ ни въ одномъ изъ перечисленныхъ изданій и около 80 совершенно неизвѣстныхъ пѣсенныхъ напѣвовъ“. Затѣмъ приложенъ, необходимый при подобнаго рода изданіяхъ, алфавитный указатель пѣсень и списокъ мѣстныхъ словъ, встрѣчающихся въ пѣсняхъ сборника,—хотя мало новаго прибавляющій къ словарю Даля, тѣмъ не менѣе, не бесполезный для читателей. Интересное выраженіе—девятерѣвы ворота, съ котораго начинается свадебная пѣсня (№ 80), составитель словаря объясняетъ „искаженнымъ—деветерѣвы. Деветерь или дефтеръ—ханскій ярлыкъ, облагавшій податью плотничью работу во время монгольскаго ига, въ XIII—XIV вв“. Толкованіе, по видимому, удачное, особенно въ связи со слѣдующимъ за этимъ выраженіемъ стихомъ:

Девятерѣвы ворота
Десятерѣвы плотнички.

Въ заключеніе остается только быть признательнымъ николаевскимъ пѣвцамъ, удержавшимъ старую русскую пѣсню, Н. Е. Пальчикову, прекрасно ихъ записавшему, и А. Е. Пальчикову, который тщательно надалъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожелать возможнаго распространенія этого сборника въ средѣ интересующихся русскою народною пѣсней.

Ф. Истоминъ.

Новый трудъ по этнографіи македонскихъ славянъ.

A. Ofeikoff. LA MACEDOINE AU POINT DE VUE ETHNOGRAPHIQUE, HISTORIQUE ET PHILOLOGIQUE. Philippopol. 1887.

Почти единственнымъ источникомъ свѣдѣній для этнографическаго и діалектологическаго изученія славянской части несомнѣнно разноплеменной, разноязычной и разнокультурной Македоніи служитъ сборникъ братьевъ Д. и К. Миладиновыхъ, который впрочемъ давно ужъ сдѣлался библиографическою рѣдкостью. Но и въ книгу братьевъ Миладиновыхъ вошли драгоцѣнные и безукоризненно записанные образцы (хотя и напечатанные съ первоначальной греческой транскрипціи) лишь изъ слѣдующихъ мѣстностей: Струги, Дебри, Охриды, Велеса (Кѣпрюлю), Битоля (Монастыря), Прилепа, Костура (Касторин) и Кукуша (Кылкыча) — число слишкомъ незначительное, если взять въ разчетъ, что въ современной Македоніи, по вычисленію болгарина А. Офейкова (псевдонимъ), существуетъ 3289 населенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ на долю болгарскихъ приходится 1986. Что же касается незначительнаго сборника В. И. Верковича (Народни песме Македонскихъ Бугара), то въ немъ находимъ новыя образцы лишь изъ Крушева (Мравацкаго), Раалога и особенно изъ Сереса. Въ 1885 году появилось начало широко задуманнаго сборника, принадлежащаго уроженцу Охриды К. Шапкареву, куда вошли отлично записанные образцы малонизвѣстной болгарско-македонской прозы, но для изученія македонскихъ діалектовъ и эти образцы не представляютъ важнаго интереса, ибо происходятъ изъ извѣстныхъ уже мѣстностей Охриды, Прилепа, Кукуша съ придачей къ нимъ Гевгелин. Свѣдѣнія по дебрскому подрѣчию существенно обогатилъ И. С. Ястребовъ изданіемъ своего замѣчательнаго сборника пѣсенъ и обычаевъ сербовъ Косовскаго вилѣята. Раньше г. Ястребова издалъ два-три образца по тому же подрѣчию М. С. Дриновъ (въ Браилловскомъ Пер. Списаніи), но и это еще не все, чтò слѣдовало бы знать при окончательномъ рѣшеніи вопроса, къ какой вѣтви отнести это подрѣчіе—къ сербской или къ болгарской, или вѣтъ нужды относить его ни къ тому, ни къ другому. О дурно наданныхъ или дурно записанныхъ образцахъ тенденціозныхъ сборниковъ М. Милоевича (Песме и обичая укупног народа Српског) и С. Верковича (Славянскія веди) не можетъ быть и рѣчи, какъ объ источникахъ надежныхъ. Не лучше ихъ и сборникъ А. Дозона, хотя этому собирателю, какъ иностранцу, простибельно было путать. Къстати сказать, весьма

рѣзкій, но справедливый отзывъ объ этихъ македонскихъ фальсификаторахъ—болгароманахъ и сербоманахъ (Верковичъ, Дозонъ, Ветковичъ, Милоевичъ и др.)—далъ покойный болгарскій критикъ и балетристъ Любенъ Каравеловъ въ своемъ изданіи Знаніе (1876 г.). Очень можетъ быть, что въ многочисленныхъ болгарскихъ періодическихъ изданіяхъ, выходившихъ въ разное время въ различныхъ городахъ европейскаго юго-востока и даже на Левантъ, разбросано не мало полезныхъ этнографическихъ замѣтокъ и образцовъ народной поэзіи по такъ-называемому македонскому нарѣчію, но и трети этого количества газетъ нельзя найти даже въ софійской и филиппопольской народныхъ бібліотекахъ; тѣмъ менѣе могли ими пользоваться какой-нибудь славистъ за границей въ своемъ кабинетѣ; такому изслѣдователю приходится слишкомъ долго разыскивать этотъ газетный хламъ для того, чтобъ извлечь оттуда двѣ-три крупицы интересующихъ его слѣдствій. Не смотря на всѣ наши тщательные поиски, мы успѣли найти весьма незначительные и притомъ не всегда удовлетворительно изданные образцы лишь по слѣдующимъ говорамъ: солунскому въ константинопольской газетѣ Совѣтникъ за 1866 г. (перепечатано М. Гатталой въ Книжевникъ В. Ягича); веденскому—всего одна пѣсня, случайно попавшая въ сборникъ Миладиновыхъ; другая, по тому же говору, худо издана М. Милоевичемъ; кратовскому, о которомъ существуетъ очень хорошая монографія въ Браиловскомъ Пер. Списаніи; джуманскому—въ западно-болгарскомъ (Шопскомъ) сборникѣ В. Качановскаго; меленицкому—одна пѣсня тамъ же; штибскому—двѣ пѣсни, худо изданныя въ пловдивской Наукѣ; тетовскому—именно Лазарицы, у И. С. Ястребова; есть онѣ и у М. Милоевича, но худо изданныя или худо записанныя; неврокопскому и ахачелебійскому—пѣсни, не фонетически изданныя въ сборникѣ В. Чолакова; по южно-поманскому нарѣчію—Хр. Константиновымъ въ болгарской Иллюстраціи за 1882 г., Н. Шишковымъ въ его сборникѣ за 1886 г. (Филиппополь), П. Славейковымъ въ Наукѣ за 1882—1883 гг., русскимъ этнографомъ А. А. Башмаковымъ тамъ же и чешскимъ болгаровѣдомъ К. Пречкомъ въ VIII книгѣ Пер. Списанія.

Такимъ образомъ мы располагаемъ матеріалами лишь изъ той части западной Македоніи, которая примыкаетъ къ Албаніи, имѣемъ кое-какіе случайно и притомъ не всегда хорошо обнародованные образцы по нѣкоторымъ говорамъ съ лѣвой стороны Вардара и не имѣемъ никакихъ образцовъ изъ юго-западной, юго-восточной

и особенно изъ сѣверной Македоніи, составляющей настоящее ядро раздора между сербскими и болгарскими патриотами и нѣкоторыми даже филологами, то-есть, нѣтъ ни одной строки специально обнародованнаго діалектическаго и этнографическаго матеріала изъ округовъ Солунскаго, Енидже-Вардарскаго (Пельскаго), Воденскаго (Эдесскаго), Могленскаго, Дойранскаго (Поляницкаго), Кичевскаго, Рѣсенскаго, Леринскаго (Флоринскаго), Петричскаго, Драмскаго и особенно Скопскаго, Кумановскаго, Криво-Паланскаго, Кочанскаго и Гостиворскаго. И если кто не желаетъ вѣрить на слово ни болгарамъ, ни сербамъ, постоянно утверждающимъ, что все славянское населеніе современной Македоніи говоритъ на самомъ чистомъ, единомъ и нераздѣльномъ литературномъ сербскомъ или литературномъ болгарскомъ языкахъ, то онъ долженъ сказать, что неизвѣстное по прежнему остается неизвѣстнымъ, и что его еще нужно отыскать.

Македонскій сборникъ (Collection Macédonienne), хотя и издается Болгарскимъ экзархатомъ подъ редакціей г. Офейкова съ цѣлью чисто патриотическою, то-есть, съ цѣлью обороны великой болгарской идеи въ Македоніи отъ притязаній таковой же идеи сербской, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, по видимому, принесетъ цѣнный вкладъ и въ сокровищницу македоновѣдѣнія, ибо въ этотъ сборникъ, судя по предпосланному ему введенію, войдетъ 1500 образцовъ со всѣхъ концовъ македонско-славянскаго провинціи, записанныхъ самими македонцами и присланныхъ въ Болгарскій экзархатъ его дѣятелями и учителями въ Македонію. Очень удачно выбрано и заглавіе этого сборника: онъ названъ не болгарскимъ, а нейтральнымъ именемъ македонско-славянскаго (Macédoine Slave). Въ этомъ видна вѣра издателей сборника въ безпристрастіе будущаго рѣшенія филологической критики, которая разъ навсегда рассудитъ, чьи это образцы—сербскіе или болгарскіе, и принадлежатъ ли они претендентамъ отчасти, или же вполне, и нѣтъ ли между ними такихъ, которые придется присудить не сербу и не болгарину, а лишь собственно македонцу. Жаль только, что желанный сборникъ этотъ (тексты) еще не вышелъ въ свѣтъ, а вышла лишь первая его часть, именно вышеуказанная статья, принадлежавшая болгарскому ученому г. Офейкову, составляющая profession de foi великой болгарской идеи, и статья П. А. Сырку о македонской фонологіи. Далѣе появятся историческія статьи профессора М. С. Дринова и В. В. Качановскаго. Въ этотъ же сборникъ должны были войти

также статьи известнаго историка Болгаріи К. Иречка и еще двухъ славистовъ, но они потомъ отказались принять участіе въ немъ.

Всѣ эти статьи, написанныя частью по болгарски, частью по русски, понадобилось перевести на французскій языкъ, ибо онѣ специально доводятся до просвѣщеннаго свѣдѣнія западно-европейскаго общественнаго мнѣнія, преимущественно политическихъ и дипломатическихъ сферъ, которыя, какъ надѣются издатели, пожелаютъ сообразоваться съ идеею сборника при практическомъ рѣшеніи македонскаго вопроса. Къ слову замѣтимъ, что дипломаты, привыкшіе къ уточненному французскому языку и къ точности и аккуратности, прійдутъ, вѣроятно, въ ужасъ отъ того французскаго языка, на который переведены эти статьи, и множества опечатокъ и ошибокъ, встрѣчающихся во французскомъ введеніи къ сборнику, преимущественно же въ статьѣ г. Офейкова.

Оказывается, что пространное введеніе г. Офейкова есть обработка его статей, которыя въ прошломъ году помѣщались въ органѣ будущаго „европейскаго Афганистана“ и будущей тѣсной „конфедерации“ всѣхъ народностей Балканскаго полуострова подъ верховенствомъ Австріи, газетѣ *Revue de l'Orient*, издаваемой въ Вуда-Пештѣ евреемъ В. Вельтнеромъ, полякомъ де-Пульскимъ и венгерцемъ Аттилой Семерой. Для этой цѣли у этой газеты имѣются постоянные сотрудники и корреспонденты болгарскіе, сербскіе, волошскіе, македонскіе, греческіе и даже турецкіе, которымъ предложено вести свободно научную полемику на македонскую тему. Статьи эти не что иное, какъ распространенная полемика съ известнымъ сербскимъ писателемъ Матіасомъ Ваномъ, который и до сихъ поръ еще продолжаетъ спорить съ своимъ болгарскимъ противникомъ на тему о томъ, болгарскою ли, или сербскою была Охридская епархія (прежняя *Prima Justiniana*), имѣвшая свое мѣсто-пребываніе въ Скопль и въ Кюстендилѣ. Ссылаясь на Убичини, I. Мюллера, Гривбаха, Кольба, Барта, Гильфердинга, Н. Н. Обручева, Мекензи, Эрби и другихъ авторовъ, которые будто бы уже давно порѣшили научно македонскій языковій вопросъ въ благопріятномъ болгарскимъ патриотамъ смыслѣ, г. Офейковъ прямо утверждалъ, что *tous ces auteurs bien connus, ethnographes et voyageurs, certifient dans leurs oeuvres que la Macédoine n'est habitée que des Bulgares* (см. *Revue de l'Orient*, 1887, № 27). То же самое заявляетъ г. Офейковъ въ своемъ новомъ трудѣ съ тою лишь разницей, что

голословныхъ утверженій здѣсь еще больше. Такъ онъ перечисляетъ слѣдующихъ авторовъ: Ю. Венедина, П. I. Шафарика, д-ра I. Миллера, В. И. Григоровича, Ами Буэ, Круза, Гривбала, Петтермана, А. Ф. Гильфердинга, Лежана, Дюмона, Дозона, Штейна, Кольба, Релю, Буша, А. С. Будиловича, Н. Н. Обручева и А. Ф. Риттиха, В. С. Теплова, В. В. Качановскаго, Мэкензи, Эрби, Е. Лавеле, и такихъ историковъ, какъ Паясій Самоковскій (авторъ „Царственика“) и Л. Добровъ (авторъ книги „Турки и Славяне“), и дѣлаетъ выводъ: *Tous ces savants ont voyagé dans la Turquie d'Europe non pour inventer des Bulgares. Tous ces voyageurs et ethnographes déclarent, que la Macédoine est habitée par des Slaves Bulgares* (р. 7). Но такое догматическое рѣшеніе македонскаго вопроса совершенно не соотвѣтствуетъ той чрезвычайной и многосторонней трудности, которую представляетъ онъ въ научномъ смыслѣ.

Что же касается статьи П. А. Сырку о македонской фонологіи, то хотя она растянута и несистематична, но все же представляетъ полный сводъ всего того, что извѣстно было до сихъ поръ по скуднымъ печатнымъ образцамъ касательно македонской діалектологіи. Новаго здѣсь лишь то, что авторъ представляетъ свою классификацію діалектовъ болгарскаго языка, которыхъ онъ насчиталъ уже четыре: еракійско-мисійскій, шопскій, родопскій или рупаланскій и македонскій, а равно и то, что онъ довольно подробно говоритъ о родопскомъ діалектѣ отчасти на основаніи непосредственныхъ наблюденій, отчасти на основаніи матеріаловъ, обнародованныхъ В. Чолаковымъ, П. Славейковымъ, Н. Шишковымъ, а также и на основаніи Веди С. Верковича. Далѣе онъ говоритъ о нарѣчій дрянъ, полемизируя противъ извѣстныхъ мнѣній о немъ И. С. Ястребова, и исчерпываетъ всю наличную литературу о назализмѣ ж и љ въ современныхъ македонско-славянскихъ говорахъ въ связи съ восточно-болгарскими, не зная однако, что назализмъ или ринезмъ есть также въ воденскомъ, молгенскомъ, рѣсенскомъ и демиръ-хисарскомъ говорахъ, и о тройномъ постпозитивномъ членѣ въ Македоніи, не зная, что этотъ членъ свойственъ не однимъ родопскимъ номакамъ, тывишанамъ и добрянамъ, но и всѣмъ барвакамъ пригѣпскимъ, велескимъ, битольскимъ и т. д.

Понятно, что, исходя лишь изъ извѣстной печатной литературы македонскаго нарѣчія, г. Сырку гораздо болѣе распространился о родопскомъ діалектѣ, чѣмъ о македонскомъ. Между тѣмъ западно-родопскіе говоры, пограничные между Фракіей и Македоніей, далеко

не имѣютъ такого важнаго значенія въ научномъ рѣшеніи сербско-болгарскаго языковаго спора, какъ говоры юго-западной и особенно сѣверной Македоніи, которые остались г. Сырку совершенно неизвѣстными, такъ что вышеупомянутое неизвѣстное по прежнему пребываетъ неизвѣстнымъ; заставлять же другихъ вѣрить тому, чего не знаютъ и сами болгаровѣды, довольно мудрено.

Вотъ почему мы съ нетерпѣніемъ ждемъ скорѣйшаго выхода болгарско-эксархійскаго македонскаго сборника съ его 1500 образцовъ *chansons populaires recueillis chez les paysans de toute la Macédoine Slave*. Не дурно было бы, еслибъ и Сербская академія наукъ (бывшее Српско научно друштво) съ своей стороны позаботилась составить и издать свой македонскій сборникъ, но, конечно, не такой, какъ сборники М. Милоевича или Вука Караджича, а составленный *sine studio et sine ira*. У сербовъ, встаети, теперь есть свои консульства въ Македоніи, которыми начальствуютъ г. Ст. Новаковичъ, нынѣшній сербскій посланникъ въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошій филологъ, не мало потрудившійся и для исторіи болгарской литературы. Если, сверхъ того, и мнѣ удастся издать составленный мною македонскій сборникъ, содержащій въ себѣ 1000 нумеровъ текстовъ, добытыхъ въ Македоніи изъ 105 населенныхъ пунктовъ, то можно сказать, что всѣми этими матеріалами уничтожатся крупныя пробѣлы по македонской діалектологіи.

Располагая всѣми этимъ, наука славянской филологіи будетъ въ состояніи разъ навсегда рѣшить языковій македонскій споръ и разсудить безпристрастно, чтѣ въ этихъ трехъ македонско-славянскихъ сборникахъ принадлежитъ болгарскому нарѣчію, чтѣ—сербскому нарѣчію, и чтѣ наконецъ не относится ни къ сербскому, ни къ болгарскому, а составляетъ, быть можетъ, принадлежность одного лишь собственно македонскаго нарѣчія.

И. Драгановъ.

БЛИЖНЯЯ НОВОСТИ.

Н. Я. Данилевскій. Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ Германо-Романскому. Изданіе третье съ портретомъ и посмертными примѣчаніями (изданіе Н. Страхова). С.-Пб. 1888.—Сочиненіе покойнаго Данилевскаго—одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ, когда-либо появившихся на русскомъ языкѣ,—едва ли много извѣстно въ русской публикѣ, хотя и было обнародовано три раза (въ первый разъ въ малочитавшейся За рѣ 1869 г.). Авторъ поражаетъ строгою логичностью своихъ выводовъ, необыкновеннымъ глубокомысліемъ, широтою взгляда и многосторонностью своихъ познаній. Недавно появившійся посмертный трудъ его „Дарвинизмъ“, возбуждшій уже полемику, служитъ новымъ доказательствомъ и глубины ума его, и обширности знаній. „Россія и Европа“ тоже не разъ обращала на себя вниманіе критики; но говорившіе о ней отнеслись болѣе или менѣе неблагоклонно къ ея выводамъ, какъ неблагоклонно относились и къ трудамъ славянофиловъ, ученію которыхъ Данилевскій придавалъ стройный видъ цѣлостной системы. Цѣль книги—поставить на твердомъ основаніи мыслъ, издавна высказывавшуюся славянофилами, о необходимости и неизбежности новой цивилизаціи славянской. Естественныиатель по своимъ излюбленнымъ занятіямъ, Данилевскій ввелъ въ постановку вопросовъ общественныхъ строгій методъ естественныхъ наукъ. Н. Н. Страховъ совершенно правъ, когда говоритъ, что Данилевскій ввелъ науку общественныя въ періодъ естественной системы, то-есть, сдѣлалъ для нихъ то, что Коперникъ сдѣлалъ для астрономіи, Жюлье — для ботаники и т. д. Для этой цѣли авторъ доказалъ, что Россія чужда Европѣ, и что Европа постоянно смотритъ на нее враждебно; на мѣсто ученія о постоянномъ прогрессѣ и мнимой неразрушимости европейской (то-есть, германо-романской) цивилизаціи Данилевскій ставитъ ученіе о сдѣляющихся культурныхъ типахъ, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ извѣстной группѣ народовъ одного племени, каждый имѣетъ свои достоинства и свои недостатки, каждый совершаетъ свой кругъ: возростаетъ, старится и умираетъ. Его характеристики этихъ типовъ, преимущественно типа господствующей въ наше время цивилизаціи романо-германской, стоить вполне вдумчиваго изученія. Не отвергая того, что типы эти не совсѣмъ изолированы, ибо результатъ жизни одного изъ нихъ не остается безъ вліянія на развитіе другаго, Данилевскій доказываетъ однако, что главныя условія этого развитія заключаются въ психологія народовъ, ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и историческихъ условіяхъ (историческое воспитаніе, какъ онъ выражается). Такимъ образомъ прогрессъ состоитъ не въ прямолинейномъ движеніи, а въ томъ, что разныя племена, проявляя свои особенности, раскрываютъ этимъ путемъ все содержаніе человѣческаго духа подобно тому, какъ въ каждомъ обществѣ духъ проявляется изъ отдѣльныхъ людей и характеръ общества сказывается тѣмъ разностороннѣе, чѣмъ болѣе въ немъ оригинальныхъ лицъ. Самостоятельныя цивилизаціи появляются однако у народовъ вполне самостоятельныхъ, и притомъ у нѣсколькихъ народовъ одного племени, потому что и адѣсь прилагается законъ разнообразія въ единствѣ. Это обстоятельство побуждаетъ Данилевскаго перенестись въ далекое будущее, когда племена славянскія образуютъ союзъ подѣ

верховнымъ водительствою Россіи. Только въ этомъ союзѣ, по мнѣнію его, можетъ созрѣть плодъ цивилизаціи вполнѣ оригинальной. Задатки этому онъ видитъ и въ томъ, что многія славянскія племена сберегли православіе, которое несомнѣнно глубже другихъ христіанскихъ исповѣданій сохраняетъ ученіе о церкви, далекое и отъ сосредоточенія церкви въ одномъ неогрѣшимомъ лицѣ, и отъ предоставленія рѣшенія религіозныхъ вопросовъ личному произволу; видитъ и въ общемъ вѣснѣ славянскимъ народамъ (кромя тѣхъ, которые уже черезъ-чуръ поддались вліянію Европы) духъ общественности, и въ томъ, что въ русскомъ народѣ государственность создается не на насиліи и не на договорѣ, наконецъ— въ русскомъ и общеславянскомъ (кажется, можно употребить это выраженіе) понятіи о землевладѣніи, при которомъ у насъ еще жива давно уже утраченная Западомъ форма его, и то, что тамъ составляетъ предметъ желаній, достижимыхъ только новымъ насиліемъ, у насъ— историческое право. Быть можетъ, пройдетъ еще не одно поколѣніе, пока идеалы Данилевскаго стануть существованностью; но прежде, чѣмъ идеалъ воплотится въ жизни, онъ долженъ быть воспринятъ сознаниемъ и изъ темнаго неяснаго чувства, борящагося въ однихъ съ предвзятыми идеями, почивающаго у другихъ въ бессознательной глубинѣ души, обратится въ ясную сознательную мысль, которая въ свою очередь побудитъ къ дѣйствию и осуществится въ жизни. Изученіе книги Данилевскаго должно много способствовать этому процессу. Знакомство съ нею должно отвратить молодые умы отъ бесплодныхъ, по большей части отживающихъ или отжившихъ свой вѣкъ мыслей, а отчасти никуда непримолжимыхъ, вздорныхъ и вредныхъ мечтаній и направить ихъ на единственный путь, на которомъ возможна плодотворная дѣятельность, на изученіе своего, на сознательное обобщеніе его и укрѣпленіе сознанія народности сначала въ себѣ самихъ, а потомъ и въ тѣхъ, въ комъ оно живетъ какъ инстинктъ. Вотъ почему надобно желать широкаго распространенія книги Данилевскаго, надобно желать, чтобы она стала настольною книгою каждаго мыслящаго человѣка въ Россіи, и чтобы знакомство съ нею считалось обязательнымъ для каждаго образованнаго человѣка. Издатель предпосылаетъ тексту краткій біографическій очеркъ, заканчивающійся чрезвычайно мѣткою характеристикою мыслей, развиваемыхъ авторомъ.

Материалы для исторіи русскаго флота. Ч. XII. С.-Пб.—Описаніе дѣлъ архива морскаго министерства за время съ половины XVII до начала XIX столѣтія. Т. V. С.-Пб.—Дѣятельность особой комиссіи при морскомъ министерствѣ, на которую возложено описаніе его архива и собраніе матеріаловъ для исторіи русскаго флота, заслуживаетъ наибольшаго уваженія. Просвѣщенное руководство отличнаго знатока нашей морской исторіи, Ѳ. Ѳ. Веселаго, предсѣдательствующаго въ означенной комиссіи, уже само по себѣ обезпечиваетъ успѣхъ этого важнаго дѣла; но кромѣ того, почтенный г. Веселаго нашелъ себѣ дѣятельныхъ и усердныхъ помощниковъ, и такимъ образомъ совокупными усиліями всѣхъ членовъ комиссіи возложенное на нее порученіе исполняется такъ удачно, какъ немногіе у насъ труды подобнаго рода. Вышедшіе нынѣ томы обихъ серій одинаково любопытны. Въ XII томѣ „Матеріаловъ“ помѣщены свѣдѣнія, относящіяся ко второму десятилѣтію царствованія императрицы Екатерины II (1772—1782 гг.), при чемъ по каждому году сообщены, во первыхъ, разные документы административнаго характера, затѣмъ извлеченія изъ шханечныхъ журналовъ о плаваніи

судовъ и выписки изъ журналовъ адмиралтействъ - коллегіи; томъ заканчивается превосходно составленными указателями: систематическимъ, предметнымъ и алфавитнымъ личныхъ именъ. Пятый томъ „Описанія архива“ содержитъ въ себѣ описаніе 720 дѣлъ, распределенныхъ по слѣдующимъ семи отдѣламъ архива: дѣла волнской морской комиссіи 1731—1753 гг.; дѣла комиссіи россійскихъ флотовъ и адмиралтейскаго правленія 1757—1762 гг.; дѣла комиссіи образованія флота 1802—1806 гг.; дѣла адмирала гр. Н. Ѳ. Головина 1733—1757 гг.; бумаги, переданныя изъ кабинета императрицы Екатерины, 1776—1796 гг.; дѣла адмирала С. Ив. Мордвинова 1762—1784 гг.; дѣла гр. Чернышева 1762—1796 гг.; къ книгѣ приложены три указателя: 1) предметовъ, названій географическихъ и именъ судовъ; 2) именъ личныхъ; 3) годовъ по визамъ документовъ. Изъ предисловія въ обѣихъ томахъ видно, что какъ собраніе матеріаловъ для исторіи русскаго флота, такъ и описаніе морскаго архива, дѣятельно продолжается.

Охранный каталогъ рукописей *А. А. Титова*. Выпускъ 3-й. М. 1868.—Рукописное собраніе г. Титова находится въ Ростовѣ, Ярославской губерніи, и содержитъ въ себѣ болѣе 3000 манускриптовъ. Собратель съчелъ полезнымъ издать имъ краткій перечень и въ то же время предпринялъ подробное ихъ описаніе, которое вскорѣ поступитъ въ печать. Въ этой обширной коллекціи есть, конечно, немало рукописей незначительнаго интереса или дѣйности, но есть довольно и такихъ, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія любителей нашей письменности. Собрателю удалось приобрести нѣсколько рукописей, относящихся къ исторіи роднаго ему Ростовскаго края, бумаги нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, какъ напримѣръ, О. М. Бодянскаго и П. И. Мельникова, много старинныхъ переводовъ повѣстей и сочиненій мистическаго содержанія и т. п. Въ 3-мъ выпускѣ Охраннаго каталога описано 1027 рукописей, и между ними особенно замѣчательнымъ Триодъ цвѣтная на пергаментѣ, XIV в., дневники и сочиненія архимандрита Сергія Назаретскаго, а также письма къ нему разныхъ лицъ, и богатое собраніе рукописей по расколу, составленное знатокомъ его П. И. Мельниковымъ. Дѣятельность г. Титова по собранію нашихъ письменныхъ памятниковъ заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія всѣхъ друзей русскаго просвѣщенія.

Два реферата, читанныхъ въ засѣданіи VII археологическаго съезда въ Ярославлѣ 17-го августа 1887 года д. членомъ Вятскаго статистическаго комитета *А. В. Вильма*. Вятка. 1887.—Рефераты эти, принадлежащіе г. Верещагину, суть слѣдующіе: I. Заселена ли была Вятка Новгородскими выходцами въ XII вѣкѣ? II. Откуда почерпнуты и насколько достоверны вообще показанія „Вятскаго лѣтописца“ („Повѣсти о странѣ Вятской“). Авторъ высказываетъ въ нихъ основательныя сомнѣнія относительно показаній такъ-называемаго Вятскаго лѣтописца.

Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года *Э. А. Вольтера*. С.-Пб. 1887. Въ составъ книжки вошли слѣдующія главы: А. Общій отчетъ объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди, совершенной лѣтомъ 1887 года. В. Литовскія древности: I. О мѣстонахожденіи главнаго града чукскихъ Куровъ (Корси), покореннаго шведами въ 853 году. II. Развалины Трокскаго замка. С. Къ исторіи литовской письменности (литературные очерки): 1. Постыля Н. Даукши 1599. Изъ постыльи 1596 года. 2. Библія Минвида: а) Изъ Пятикнижія Моисеева. б) Изъ книги Эсфирь. с) Книга Руевъ. d) Псаломъ 40-й,

ст. 1—5. 3. Жмудскій переводъ житія Иисуса Христа, изданный въ XVIII вѣкѣ: *Raduka and werkama ryu Graba Jezusa Pausa*. 4. Симонъ Довконтъ и Матвѣй Волончевскій. Приложения: 1) Изъ Жмудской исторіи С. Довконта. 2) Изъ 2-го тома рукописи С. Довконта „*Ravakajimas arėj wejkotas Letuwiū tautos senowe*“ (Фототипія). Послѣсловіе. Указатели (къ изданію литовскаго катехизиса П. Даукши (1886 г.) и къ отчету о путешествіи по Литвѣ и Жмуди 1887 года: I) Списокъ городовъ, волостей, селъ и имѣній, изслѣдованныхъ Э. А. Вольтеромъ въ 1884—1887 годахъ. II) Указатель именъ. IIIа) Литовскія слова. IIIб) Славянскія слова. Опечатки и дополненія. Какъ видно изъ перечня, статьи этого сборника сообщаютъ много новыхъ и любопытныхъ данныхъ касательно исторіи древностей и письменности мало еще изслѣдованной литовско-жмудской народности; но къ сожалѣнію, при изданіи настоящаго труда г. Вольгера, весьма плохо пишущаго по русски, онъ не былъ должнымъ образомъ проредактированъ со стороны изложенія и языка, вслѣдствіе чего книга является подчасъ неудобочитаемою. Таковы, напримѣръ, слѣдующія мѣста: „Когда они, тайнымъ образомъ, слишкомъ тревожились различными обстоятельствами и не знали, что дѣлать, то порѣшили испросить черезъ жребій, намѣрены ли ихъ боги имъ помочь такъ, чтобы они или одержали побѣду или ушли бы оттуда въ живыхъ... въ лагерѣ поднялись неописанные вояки и стоны и вся мужественность въ нихъ упала. „Что“, говорили они, — „мы несчастные будемъ дѣлать? Боги отъ насъ отклонились, и никто изъ нихъ намъ не помогаетъ. Куда мы побѣгнемъ? (sic) Вотъ наши корабли далеки отъ насъ и когда мы пустимся въ побѣгъ...“ и т. под.

Записка романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ. Выпускъ I. С.-Пб. 1888. — Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ начало этого изданія, въ которомъ предполагается сосредоточить труды нашихъ ученыхъ романистовъ и германистовъ. Содержаніе I-го выпуска слѣдующее: Легенды о дикомъ охотникѣ, омытъ генетическаго объясненія—акад. А. Н. Веселовскаго; Киевъ.—градъ Днѣпра—его же; Романъ о Фовелѣ, изслѣдованіе гр. А. А. Бобринскаго; Лицевая исторія Фауе, не изданный памятникъ французской литературы XIV вѣка, текстъ (по рукописи Императорской Публичной Библиотекы) съ введеніемъ и словаремъ гр. А. А. Бобринскаго и Ѳ. Д. Батюшкова; кромѣ того, правила и составъ романо-германскаго отдѣленія Филологическаго общества и свѣдѣнія о его дѣятельности за 1885—1887 года.

Указатель къ научнымъ трудамъ Александра Николаевича Веселовскаго. 1859—1886. С.-Пб.—Профессоръ и академикъ Ал. Н. Веселовскій своими трудами по сравнительному наученію литературы стяжалъ себѣ европейскую извѣстность; но онъ можетъ быть названъ не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ изслѣдователей въ этой области по качеству своихъ трудовъ, — онъ является и однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ, о чемъ свидѣлствуетъ ихъ обиліе и разнообразіе. Съ 1859 по 1885 г. имъ напечатано болѣе 130 ученыхъ статей, замѣтокъ и цѣлыхъ сочиненій, многія очень объемистыхъ. Поэтому составленіе толковаго указателя къ многочисленнымъ трудамъ академика Веселовскаго есть дѣло весьма полезное и необходимое. Такой указатель, усердно обработанный,

и содержится въ настоящей книжкѣ, изданіемъ которой бывшіе слушатели г. Веселовскаго желали почтить исполнившееся три года тому навадѣ двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности своего почтеннаго наставника.

Объ источникахъ Г. Светонія Трапѣвизла въ биографіяхъ XII Цезарей. Историко-литературное изслѣдованіе *Серіа Вѣхова*. Часть I (общая). Варшава. 1888. — Небольшое по объему изслѣдованіе г. Вѣхова представляетъ плодъ долгой и добросовѣстной работы. Хотя тема, которую онъ выбралъ для своего труда, и не нова въ наукѣ, однако вопросъ объ источникахъ Светонія въ биографіяхъ Цезарей, не смотря на довольно многочисленныя монографіи западныхъ ученыхъ, и до сихъ поръ далеко не можетъ считаться рѣшеннымъ; поэтому всякій тщательный и талантливый трудъ, посвященный его разработкѣ, заслуживаетъ вниманія. О томъ, что трудъ г. Вѣхова тщателенъ, свидѣтельствуетъ его обстоятельное изученіе, какъ самого Светонія, такъ и относящейся къ нему новой и новѣйшей литературы, а о талантливости автора говорить тотъ интересъ, съ которымъ читается его изслѣдованіе. Въ немъ, послѣ общихъ замѣчаній о трудѣ Светонія—о времени изданія сборника биографій, объ отношеніи между отдѣльными биографіями и др., авторъ занимается разсказаніемъ основнаго принципа Светонія въ пользованіи источниками, и послѣ тщательныхъ и детальныхъ изслѣдованій приходитъ къ выводу, что этотъ авторъ не слѣдовалъ какому-нибудь одному писателю, а собиралъ матеріалъ для своего труда изъ многихъ, и притомъ разнообразныхъ, источниковъ. Выводъ этотъ, подкрѣпленный разумно подобранными и искусно сгруппированными доказательствами, весьма вѣренъ и ставитъ трудъ Светонія въ рядъ сравнительно немногихъ произведеній древней учености и, въ частности, историографіи, относительно которыхъ столь изысканная въ настоящее время теорія одного главнаго источника не имѣетъ мѣста. Въ заключительной главѣ авторъ разсматриваетъ отношеніе въ биографіяхъ Светонія позднѣйшихъ сочиненій въ греческой и римской литературѣ, соприкасающихся съ ними по содержанію. Эта глава также очень интересна, какъ по эрудиціи автора, такъ и по многимъ любопытнымъ даннымъ относительно позднѣйшихъ судебъ сочиненія Светонія. Нельзя не пожелать, чтобы авторъ поскорѣе довернулъ свой трудъ изданіемъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ биографіяхъ историка Римскихъ цезарей.

Дачная обстановка и образъ дачной жизни знатнаго и богатаго римлянина въ первомъ столѣтіи по Р. Х. Четыре письма Плинія Младшаго въ русскомъ переводѣ *Ш. Гвоздева*. Казань 1888.—Г. Гвозденъ, знакомый читателямъ Журнала Мн. Нар. Пр. по статьѣ своей: „Образованность и литературные нравы въ римскомъ обществѣ времени Плинія Младшаго“, помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ 1873 г., имѣетъ въ виду въ настоящей брошюрѣ представить, до какой степени доходила роскошь и блескъ домашней обстановки богатыхъ римлянъ времени имперіи, и пользуется для этого письмами Плинія Младшаго, въ которыхъ послѣдній описываетъ свою знаменитую Лаврентскую виллу. Противъ выбора этихъ писемъ и желанія ознакомить съ ними русскую читающую публику сказать нельзя ничего: письма эти на столько характерны, что, дѣйствительно, даютъ понятіе о загородной жизни любившаго житейскій комфортъ Плинія. Но можно замѣтить г. Гвоздеву, что содержаніе его брошюры не соответствуетъ за-

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА ¹⁾

ARRIANI ANABASIS. Для учениковъ третьяго класса гимназій и прогимназій по эвристическому методу обработалъ Вячеславъ Ракушанъ, учитель первой Тифлисской гимназій. Часть первая. Тифлисъ. 1887. Въ 8-ку 177 стр. Цѣна 65 коп.

Книга г. Ракушана, согласно означенному на заглавномъ листѣ методу, состоитъ изъ трехъ отдѣловъ; изъ сборника фразъ, изъ словаря и изъ этимологической части грамматики древне-греческаго языка. Фразы (стр. 5—67) дѣлятся на двадцать группъ, а каждая группа заключаетъ въ себѣ греческія предложенія, за которыми помѣщаются русскія. Первые заимствуютъ изъ введенія и первой книги Исторіи Александра Великаго, составленной Арріаномъ ('Αρρίανου Ἀνάβασις Ἀλεξάνδρου), греческій текстъ, но онъ синтаксически передѣланъ г. Ракушаномъ на самыя простыя предложенія, которыя постепенно усложняются въ слѣдующихъ группахъ. Русскія же фразы, количество которыхъ значительно превышаетъ число греческихъ, составлены изъ понятій и грамматическихъ формъ, встрѣчающихся въ предыдущемъ греческомъ текстѣ, и представляютъ ихъ во всѣхъ возможныхъ видоизмѣненіяхъ. Принимая въ соображеніе избранный г. Ракушаномъ методъ, слѣдуетъ сказать, что фразы составлены не дурно. Словарь (стр. 67—68), расположенный по группамъ фразъ, сообщаетъ русское значеніе греческихъ словъ, при чемъ уже въ группѣ, соотвѣтствующей первому уроку, за исключеніемъ нѣкоторыхъ формъ, греческія слова склоненія приводятся въ им. падежѣ ед. числа, а спрягаемыя въ 1-мъ лицѣ ед. ч. настоящаго времени, не смотря на то, что изъ первой статейки ученики успѣли

¹⁾ Помѣщенныя здѣсь рецензій и мнѣнія въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

повнакомиться съ одною лишь формою 3-го лица аориста и съ формами $\eta\upsilon$, $\eta\sigma\alpha\nu$. Этимологія греческаго языка изложена систематически и, захватывая курсы IV-го и даже V-го классовъ, далеко выходитъ изъ предѣловъ программы III-го класса по греческому языку.

Весь матеріалъ, вмѣщающійся въ этихъ трехъ отдѣлахъ, г. Ракушанъ предполагаетъ сообщить ученикамъ III-го класса путемъ такъ называемаго эвристическаго метода, полвившагося въ дѣлѣ преподаванія реакціей безжизненному схематизму, который, въ первую половину текущаго столѣтія, захватилъ было изученіе классическихъ языковъ. Но и эвристическій методъ подпалъ подъ общій законъ каждой реакціи, не огражденной ни безпристрастіемъ, ни осмотрительностью; возставъ противъ недостатковъ предшествовавшаго крайняго грамматизма, сторонники новаго метода упустили изъ виду, что нѣтъ ни одного предмета преподаванія, которому былъ бы присущъ исключительно одинъ только способъ обученія. Въ дидактикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, употребляются пять такихъ способовъ: диктическій, акроаматическій, мнемоническій, эвристическій и катехетическій. Въ совершенно плодотворномъ преподаваніи какого бы ни было предмета долженъ быть примѣняемъ каждый изъ этихъ способовъ, смотря по свойству сообщаемаго и по характеру обучаемаго. Въ математикѣ, напримѣръ, которая по умозрительности предмета, особенно дается эвристическому способу преподаванія, нельзя обойдтись безъ мнемоники при запоминаніи теоремъ и формулъ, а исторія, которая преимущественно подлежитъ акроаматическому способу, не можетъ не прибѣгать къ катехетическому или даже къ эвристическому приему, если дѣло идетъ о выводѣ общей характеристики изъ отдѣльныхъ фактическихъ данныхъ, не говоря уже о мнемоникѣ при заучиваніи хронологіи. Поэтому попытка изучать древніе языки посредствомъ одного лишь эвристическаго метода никакъ не можетъ быть вполне успѣшна. И самъ г. Ракушанъ, какъ видно изъ сообщенныхъ въ предисловіи примѣрныхъ уроковъ, руководствуется то диктическимъ, то мнемоническимъ, то акроаматическимъ способами. Если онъ (см. предисл. стр. 10) говоритъ, что учитель прибавляетъ $\upsilon\alpha\iota$, $\sigma\beta\alpha\iota$ и т. д., то въ этихъ прибавленіяхъ нельзя не усмотрѣть примѣненія метода акроаматическаго, въ указаніяхъ на различіе между ϵ η , ω — метода диктическаго, а въ влучиваніи греческаго текста — мнемоническаго приема преподаванія. Изъ этого слѣдуетъ, что громкое заявленіе г. Ракушана на заглавномъ листѣ: „по эвристическому методу“ не имѣетъ прочнаго основанія; въ сущности, предлагаемый составите-

лемъ книги методъ отличается отъ обыкновенныхъ учебниковъ Кюнера, Григорьевскаго, Черваго, Коха, Нидерле и др. лишь тѣмъ, что при общепринятой системѣ преподаванія, соединяющей въ себѣ, какъ слѣдуетъ, всѣ вышеупомянутые способы, ученикъ проходитъ сперва теорію, какъ главное, имѣя готовые образцы склоненій и спряженій, послѣ чего онъ тотчасъ можетъ ориентироваться въ специально подобранныхъ фразахъ; а у г. Ракушана отъ отдѣльнаго слова переходить къ общему правилу, отъ общаго же правила опять возвращаются къ частному случаю, то-есть, предлагается двойная работа и вслѣдствіе того требуется двойное количество времени. Затѣмъ, по методу г. Ракушана, при подыскываніи подходящаго падежнаго и глагольнаго окончанія къ данному слову, самодѣтельность ученика нисколько не болѣе возбуждается, чѣмъ при передачѣ понятной русской фразы греческими словами на основаніи пройденныхъ правилъ. Наконецъ, ученикъ, запоминая отдѣльныя, не связанныя ничѣмъ между собою этимологическія крошки, не можетъ имѣть отчетливыхъ свѣдѣній по грамматикѣ, каковыхъ требуютъ учебные планы 1871 года, постановляя двоякую цѣль преподаванія древнихъ языковъ, съ одной стороны — изученіе содержанія авторовъ, и съ другой — изученіе самаго языка, его формъ, его логики. Отъ послѣдней цѣли такъ-называемые эвристи, очевидно, совсѣмъ уклоняются, стремясь какъ къ единственной цѣли, къ ознакомленію съ литературою, на что указываетъ и самъ г. Ракушанъ (см. предисл. стр. 2).

Сравнивая разсматриваемый трудъ съ другими находящимися въ употребленіи учебниками, мы находимъ слѣдующее: 1) Количество матеріала, который долженъ усвоить ученикъ III-го класса на память, не только не меньше, чѣмъ то, что наши ученики того же класса проходятъ по обыкновеннымъ грамматикамъ, но даже значительно болѣе, какъ, напримѣръ, *verba muta*, *liquida* и глаголы неправильные и т. д. 2) Первые фразы „Арриана“ въ передѣлѣхъ г. Ракушана не много отличаются отъ первыхъ фразъ Кюнера и другихъ греческихъ сборниковъ статей для практическихъ упражненій; только послѣднія начинаются съ 1-го склоненія, а г. Ракушанъ счелъ нужнымъ сперва знакомить ученика со 2-мъ склоненіемъ. 3) Г. Ракушанъ вводитъ ученика въ спряженіе посредствомъ формы перваго аориста, и къ ней потомъ по закону случайности прибавляются и глагольныя формы всѣхъ разрядовъ, составляющія пеструю хаотическую массу единичныхъ этимологическихъ частицъ, которыя ученикъ едва ли въ состояніи долго сохранять въ памяти. 4) Разнообразіе

сразу даваемого матеріала должно поразить ученика еще болѣе, чѣмъ если ему прямо дать выучить первое и второе склоненія. 5) Составитель (см. предисл. стр. 11) говорить: „Здѣсь важно то, что ученикъ, зная, какъ ему легко дается переводъ, не станетъ прибѣгать къ посторонней помощи“. Не понимаемъ, почему тотъ ученикъ, который пойметъ спряженіе греческаго глагола по методу г. Ракушана изъ отрывочныхъ объясненій, долженъ и будетъ нуждаться въ посторонней помощи при изученіи глаголовъ по Кюннеру или Григоревскому, или слушая какого-нибудь другаго преподавателя, даже, пожалуй, самого г. Ракушана въ ту эпоху, когда онъ еще не былъ увлеченъ прекрасными результатами г. Дрбоглава. 6) Безконечное повтореніе одной и той же фразы (четыре метафразы, при чемъ каждая повторяется по пяти разъ) ничуть не болѣе интересно для ученика, чѣмъ самое скучное склоненіе, какъ велико ни было бы воодушевленіе учениковъ III-го класса, вызываемое на первомъ урокѣ блестящею рѣчью преподавателя о пользѣ изученія языковъ вообще, и греческаго въ особенности, и о значеніи древнихъ грековъ въ политической и культурной исторіи. Каждый опытный педагогъ знаетъ, какъ неохотно ученикъ повторяетъ хотя бы три раза одну и ту же фразу, не говоря уже о жеваніи первой статейки г. Ракушана въ теченіе семи уроковъ, какъ онъ самъ это совѣтуетъ (см. стр. 10).

Вообще и независимо отъ опыта, предлагаемыя г. Ракушаномъ приемы не внушаютъ полнаго довѣрія къ успѣху, не смотря на то, что составитель на столько увѣренъ въ непогрѣшимости своего дидактическаго принципа, что говоритъ одними лишь категорическими положеніями, какъ на примѣръ: Стр. 5: „Каждый ученикъ по аналогіи самъ выведетъ правила“. Стр. 6: „Также (ученикъ) легко отыщетъ и знакъ основы о и выведетъ правило“. Стр. 6: „Изъ этой фразы извлечено все, что можно было извлечь, и ученикъ оставляетъ ее съ мыслью, что греческій языкъ не представляетъ для него какой-то невѣдомой страны, а на оборотъ, на первыхъ шагахъ въ изученіи греческаго языка онъ нашелъ давнымъ давно извѣстное ему (?); отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что и дальше такъ благополучно пойдетъ дѣло“ и т. д. Словомъ, по мнѣнію составителя, изобрѣтенный имъ эвристическій методъ дѣйствуетъ какъ будто бы какою-то магическою силою. Впрочемъ, хотя на основаніи сказаннаго мы и не въ состояніи раздѣлять энтузіазмъ г. Ракушана относительно его способа, однако не намѣрены безусловно отрицать возможности кое-какого успѣха и отъ его книги, особенно если даровитый и во-

одушевленный этой идеей преподаватель со всею энергией примется за дѣло; но разумѣется, такой способный преподаватель достигнетъ несравненно лучшихъ результатовъ другимъ путемъ. Приложенная къ книгѣ грамматика, безъ первыхъ двухъ отдѣловъ, могла бы послужить пригоднымъ руководствомъ, еслибъ она была подвергнута пересмотру относительно количества матеріала.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НѢМЕЦКАЯ ГРАММАТИКА для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и т. д. Составилъ Л. Миллеръ, учитель нѣмецкаго языка. Часть 1-я. Варшава. 1888. Въ 8-ю стр. II+155. Ц. 45 к.

Разсматриваемая книга назначается служить учебникомъ нѣмецкаго языка для II-го и III-го классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и содержать въ себѣ систематическій курсъ этимологіи нѣмецкаго языка, примѣры для практическаго упражненія въ переводахъ съ нѣмецкаго языка на русскій и обратно и небольшой сборникъ прозаическихъ статей и мелкихъ стихотвореній для чтенія и заучиванія наизусть. Къ сожалѣнію, книга оказывается весьма плохо прокорректированной и до такой степени наполненной очень важными опечатками, что одно уже это обстоятельство дѣлаетъ невозможнымъ употребленіе ея въ классѣ. Самъ авторъ на стр. 155 отмѣтилъ и исправилъ 50 замѣченныхъ имъ опечатокъ, но число не замѣченныхъ имъ оказывается еще больше, и что особенно непозволительно—многія опечатки встрѣчаются въ самихъ парадигмахъ. Укажемъ для примѣра на слѣдующіе опечатки и промахи въ правописаніи словъ, не ругаясь за полноту представляемаго нами списка: стр. 4 существительныя; *ibid.* männlichen; стр. 7 Wölfen; стр. 8 dea вм. den; *ibid.* Stachal; *ibid.* о вм. u; стр. 9 der Ahn—передокъ; *ibid.* медведь; стр. 10 окончаніе; стр. 11 den Herzen вм. dem Herzen; стр. 15 въ парадигмѣ переставлены формы дат. и вин. надежей, одна на мѣсто другой; стр. 19 Viertel вм. Viertel; стр. 25 вретя вм. время; *ibid.* Futurum aхactum (та же ошибка встрѣчается еще на стр. 28, 29, 30 и два раза на стр. 32); на стр. 29 Praesns вм. Praesens и Futurm вм. Futurum; на стр. 32 Imprativ вм. Imperativ; на стр. 36 Indicattiv; на стр. 39 Conditidnalis praesens (кстати замѣчу, что авторъ въ латинскихъ названіяхъ временъ не соблюдаетъ никакого принципа; то онъ ихъ употребляетъ безъ флексій, то съ флексією: рядомъ съ Indicativ praesens, participium praesens онъ пишетъ participium perfecti); на стр. 40 ie вм. ei; стр. 43 имѣють; стр. 50 wūr вм. wir; стр. 51 können вм. können; стр. 60 des Kinders; стр. 62 gesärlich вм. gefährlich; *ibid.* die вм. die; стр. 68

находатся; стр. 71 Wörme; стр. 72 ist theur вм. ist theuer; стр. 73 цвѣтующія; стр. 75 dem mächtige; стр. 78 покрывать; *ibid.* послѣд-
 стіе; *ibid.* ist вм. ist; стр. 80 die Ausdauen; стр. 83 anders=wo hin
 pflanzen вм. anderswohin pflanzen; стр. 84 путешественникъ; стр. 87
 Schwalden вм. Schwalben; стр. 88 позволять, помогать; стр. 92 Cnglän-
 der вм. Engländer; стр. 96 die Fossillen Sammlung (два раза) вм. die
 Fossillensammlung; *ibid.* Geburts Stadt, Naturalien Kabinet; стр. 101
 вкусать и т. д.

Столь необыкновенная несправность изданія сама по себѣ
 освобождаетъ референта отъ обязанности входить въ подробный
 разборъ содержанія книги. Да и результатъ такого разбора былъ
 бы не въ пользу ея. Главные отдѣлы этимологія, склоненіе и
 спряженіе, особенно такъ-называемое „сильное“, изложены неудо-
 влетворительно. Авторъ вмѣсто того, чтобы держаться признан-
 наго всѣми въ нѣмецкой грамматикѣ различія между двумя
 способами спряженія существительныхъ—сильнымъ и слабымъ (или
 какъ ихъ называютъ нѣкоторые, древнимъ и новымъ), распре-
 дѣлять существительныя по родамъ на четыре склоненія, вслѣд-
 ствіе чего у него въ каждомъ склоненіи являются самыя разно-
 образныя формы множественнаго числа. Глаголы сильнаго спряженія
 распределены по десяти разрядамъ, при чемъ большею частью не обо-
 значено, въ чемъ состоитъ характеристическая примѣта каждого
 разряда; десятый разрядъ (стр. 47), § 84, по словамъ автора, содер-
 житъ въ себѣ „глаголы, которые различнымъ образомъ перемѣняютъ ко-
 ренную гласную неопредѣленнаго наклоненія и не подходятъ подъ
 другіе разряды“; въ § 86 упоминаются еще неправильные глаголы:
 brennen, kennen, nennen, rennen, senden, wenden, bringen, denken и
 wissen, а одинаковые по образованію съ послѣднимъ глаголомъ гла-
 голы dürfen, können, mögen, müssen, sollen, wollen, къ которымъ
 прибавленъ и не относящійся сюда глаголъ lassen, являются еще
 какъ одинъ особый родъ глаголовъ, какъ бы extra-неправильныхъ.
 Если отсутствіе строгой научной системы не позволило автору сра-
 виться съ грамматическимъ матеріаломъ и было причиною сопостав-
 ленія равнородныхъ явленій или же разединенія однородныхъ, то
 подобный недостатокъ строгаго логическаго мышленія проявляется и
 въ самомъ изложеніи правилъ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами:
 § 40 (стр. 16): „Иногда въ поэзіи прилагательное ставится послѣ
 существительнаго, тогда оно остается въ усѣченномъ окончаніи“.
 Правило само по себѣ неточно и выражено неудобно. § 42. „Пре-

восходящая степень не выражаетъ качества въ самой высокой степени, а только качество въ высшей степени относительно другихъ предметовъ, съ которыми сравнивается данный предметъ". Правило ненужное и запутанное. § 56: „Irgend употребляется только въ соединеніи съ другимъ мѣстоименіемъ въ болѣе неопредѣленномъ значеніи“. Частью не вѣрно, частью совершенно непонятно. § 69: „Глаголы сложные съ предлогами (такими-то) раздѣляется (sic!), если предлоги имѣютъ полное значеніе“. Непонятно. § 74: „Кромѣ выше-сказанной формы спряженія (считаемъ нужнымъ замѣтить, что непосредственно предшествуетъ §, въ которомъ говорится о сложныхъ глаголахъ, и что самъ § 74 находится подъ общимъ заглавіемъ „Сложные глаголы“), въ которой несложныя времена обозначаются переменною окончанія, есть другая форма, въ которой замѣняется коренная гласная съ неопредѣленного наклоненія (sic!) на другую гласную, именно въ *imperfectum* и причастія прошедшаго времени. Эти глаголы отличаются также тѣмъ, что въ *imperfectum* отбрасываютъ окончаніе неопредѣленного наклоненія *en*, а въ *participium* вмѣсто окончанія *et* и *t* оканчиваются на *en*. Такая переменна бываетъ только въ несложныхъ формахъ, главнымъ образомъ въ *imperfectum* и *participium*, иногда также во второмъ и третьемъ лицѣ *praesens*. Дѣепричастіе (sic!) настоящаго времени и сослагательное наклоненіе всегда образуются безъ перемены гласной. Относительно перемены гласныхъ глаголы тѣ (sic!) можно раздѣлить на слѣдующіе разряды“. Трудно болѣе запутать опредѣленіе сильнаго спряженія! § 75: „*Conditionals praesens* во всѣхъ глаголахъ, отбрасывающихъ въ *imperfectum indicativ* (sic!) окончаніе *en* и переменяющихся гласною (sic!), образуется прибавленіемъ *e* до (sic) *imperf. indic.*“ § 87: „Есть еще одинъ родъ глаголовъ, которые не выражаютъ сама собою дѣйствіе, а только возможность или желаніе, и поэтому требуютъ другаго дополнительнаго глагола для выраженія полной мысли, хотя этотъ дополнительный глаголъ часто только подразумевается“. § 94: „Глаголы указанные употребляются съ другими глаголами; когда этотъ дополнительный глаголъ подразумевается, то *perfectum* и *plusquamperfectum* образуются: *ich habe gekonnt*, *ich hatte gedurft*; но когда дополнительный глаголъ выражается, то причастіе въ сложныхъ формахъ переходитъ въ неопредѣленное наклоненіе, напримѣръ, *perf. ich habe lesen können*, *Plusqmpf. ich hatte lesen können*; *Fut. ich werde lesen können*“. Значитъ, по мнѣнію автора, и въ формѣ будущаго времени *infinitivus* замѣняетъ причастіе! § 99: „Для выраженія въ превосходной

степенн качества, которое не сравнивается съ другимъ дѣйствіемъ или предметомъ, употребляется передъ нарѣчіемъ *auf's* и на концѣ *ste*". Какъ можно сравнивать качество съ дѣйствіемъ или предметомъ?

Александръ Емв. Нѣмецкій синтаксисъ. Москва. 1886. Въ 8-ку стр. XIII+128.
Цѣна 60 в.

Книга эта состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Первый изъ нихъ содержитъ въ себѣ обзоръ членовъ предложенія, при чемъ то, что сходно съ русскимъ, отмѣчено въ краткихъ словахъ, а болѣе подробно разбираются лишь особенности нѣмецкаго языка въ выраженіи безличныхъ предложеній, въ согласованіи и выраженіи сложнаго сказуемаго. Затѣмъ слѣдуетъ глава о порядкѣ словъ и разборъ формъ предложенія вопросительной и отрицательной. Второй отдѣлъ, значительно превышающій по объему первый, посвященъ разбору особенностей употребленія частей рѣчи и ихъ формъ въ предложеніи, въ слѣдующемъ порядкѣ: ученіе о падежахъ, предлоги, ученіе о членѣ, глаголь, союзы. Какъ видно, составитель держится порядка, принятаго при изложеніи синтаксиса древнихъ языковъ. „При такомъ распредѣленіи матеріала все, что требовалось сказать, очень легко находить себѣ должное мѣсто“, заявляетъ авторъ въ предисловіи. Для учениковъ мужскихъ гимназій этотъ способъ изложенія имѣетъ то большое преимущество, что нѣмецкій синтаксисъ имъ представляется съ той же точки зрѣнія, съ которой ихъ пріучили смотрѣть на синтаксисъ латинскаго и греческаго языковъ; они не встрѣчаютъ новыхъ категорій и легче могутъ ориентироваться въ новомъ для нихъ предметѣ при помощи уже знакомой имъ системы. Встрѣчающіяся въ видѣ краткихъ примѣчаній подъ текстомъ указанія на сходныя съ нѣмецкими явленія въ древнихъ языкахъ способствуютъ, какъ нельзя лучше, уясненію нѣкоторыхъ особенностей нѣмецкаго синтаксиса, которыя безъ такого сопоставленія потребовали бы обстоятельныхъ объясненій. Но авторъ примѣняетъ этотъ приемъ въ мѣру и только тамъ, гдѣ отъ него справедливо можно ожидать пользы для учащихся. Вообще, выражаясь кратко, ясно и опредѣленно, онъ избѣгаетъ лишннихъ разсужденій, критическихъ замѣтокъ и цитатъ, каковыми безъ нужды и въ ущербъ дѣлу часто испещряются школьные учебники авторами, желающими придать своему труду видъ учености. Все, что, по его мнѣнію, нуждалось въ научномъ объясненіи, и что нужно было сказать въ оправданіе изложеннаго въ учебникѣ взгляда на раз-

личныя явленія нѣмецкаго синтаксиса, авторъ выдѣлялъ изъ учебника и помѣстилъ въ пространномъ предисловіи, которое свидѣтельствуешь, какъ о начитанности, такъ и о здоровомъ взглядѣ автора на свою задачу. Воспользовавшись для своего труда всѣми выдающимися сочиненіями иностранныхъ ученыхъ по избранному предмету, составитель не отвлекся отъ своей прямой цѣли, но имѣлъ постоянно въ виду, что опъ пишетъ учебникъ нѣмецкаго языка для учениковъ, и именно, русскихъ. Желан довести ученика кратчайшимъ путемъ до полнаго пониманія разсматриваемаго синтаксическаго явленія, авторъ часто замѣняетъ толкованіе переводомъ на русскій языкъ, если способъ выраженія въ данномъ случаѣ, хотя и не свойственны русскому языку, но понятны всякому русскому. Каждое правило сопровождается хорошо подобранными примѣрами, назначенными для заучиванія наизусть; кромѣ того, сообщаются еще и другіе примѣры для большаго уясненія правила и для упражненія въ его примѣненіи. Эти вторые примѣры напечатаны мелкимъ шрифтомъ; такимъ же шрифтомъ напечатаны и примѣчанія, содержація въ себѣ подробности, которыя, при недостаткѣ времени, можно опустить безъ нарушенія систематическаго хода преподаванія. Кромѣ полноты собраннаго авторомъ синтаксическаго матеріала и хорошаго его распредѣленія, слѣдуетъ поставить въ заслугу автору чистоту и правильность русскаго языка, какъ въ изложеніи правилъ, такъ и въ переводахъ примѣровъ; послѣдніе часто весьма удачны. Въ концѣ книги прилагается указатель-словарь, который облегчаетъ ученикамъ отыскиваніе извѣстнаго правила и переводъ помѣщенныхъ въ книгѣ нѣмецкихъ примѣровъ.

Die Helden Homers nebst kurzer Darstellung anderer Sagen des Alterthums. Герои Гомера съ краткими очерками изъ другихъ сказаній древняго міра. Пособіе для класснаго чтенія въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ и снабдилъ словарями С. Чекала, инспекторъ Александровскаго коммерческаго училища. Москва. 1888. Въ 8-ку XVIII + 180 стр. Цѣна 80 коп.

„Предлагаемое учебное пособіе“, говоритъ авторъ въ предисловіи, — „предназначается къ употребленію на третій годъ преподаванія въ учебномъ заведеніи, въ двухъ низшихъ классахъ котораго на нѣмецкій языкъ удѣлено 6 и 5 уроковъ въ недѣлю“. Содержаніе книги составляютъ краткіе разказы сказаній о Геркулесѣ, Тесеѣ, Аргонавтахъ, Эдипѣ, Персеѣ, Тавталидахъ, Троанской войнѣ, приключеніяхъ Одиссея, основаніи Рима и Кирѣ. Соображенія, побудившія

автора избрать такой именно матеріалъ для чтенія, обстоятельно изложены въ предисловіи (стр. XII слл.). Исходя изъ того положенія, что „книга, служащая пособіемъ для класснаго чтенія, должна состоять изъ статей дѣльнаго характера, которыя имѣли бы цѣну не только сами по себѣ, но и соотвѣтствовали бы общей цѣли ученія въ данномъ учебномъ заведеніи“, авторъ при выборѣ матеріала для чтенія остановился на сказаніяхъ древняго міра потому, что ознакомленіе съ этими сказаніями служитъ лучшимъ приготовленіемъ и дополненіемъ къ изученію исторіи, а также и потому, что знакомство съ греческими мифами необходимо для образованнаго человѣка, такъ какъ „воздѣйствіе этихъ мифовъ на жизнь замѣчается и въ наше время на каждомъ шагѣ, не только въ произведеніяхъ искусствъ и литературы, но и въ тишескихъ оборотахъ рѣчи, въ намекахъ и выраженіяхъ обыкновеннаго разговора въ образованномъ обществѣ“. При выборѣ и обработкѣ матеріала, взятаго главнымъ образомъ изъ Гомера, авторъ поступилъ совершенно педагогично, исключивъ всѣ сказанія, неудобныя для чтенія дѣтей, и пропустивъ, а иногда и измѣнивъ немного нѣкоторыя детали, несогласныя съ требованіями нравственности и приличія.

Сообщаемыя сказанія изложены кратко; разказъ ведется простымъ и правильнымъ языкомъ, не представляющимъ никакихъ затрудненій въ синтаксическомъ отношеніи, такъ что главное вниманіе читающихъ обращается на этимологию и лексику нѣмецкаго языка. По отношенію къ послѣдней учащіяся знакомятъ, конечно, не столько съ разговорною рѣчью, сколько съ болѣе возвышенными выраженіями и оборотами литературнаго языка, а потому тотъ, кто для чисто практическихъ цѣлей желаетъ въ короткое время научиться говорить по нѣмецки, не найдетъ въ этой книгѣ подходящаго пособія. Но она и составлена не для такихъ читателей, а для учениковъ, обучающихся нѣмецкому языку въ теченіе шести-семи лѣтъ и имѣющихъ цѣлью приобрѣсти не только навыкъ въ разговорѣ, но и способность понимать произведенія ученой и изящной нѣмецкой литературы. Впрочемъ, авторъ не пренебрегаетъ и практическою стороною преподаванія; напротивъ, онъ придаетъ большое значеніе употребленію изучаемаго языка самими учениками и самъ въ предисловіи (стр. XIV) указываетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ пользоваться его книгою для достиженія этой цѣли. Онъ совѣтуетъ не переводить помѣщенныхъ статей на русскій языкъ, но довольствоваться точнымъ пониманіемъ текста, которое дало бы ученикамъ возможность пересказать про-

читанное по вѣмецки своими словами. Согласно съ таковымъ употребленіемъ книги составленъ и постатейный словарь; въ немъ при отдѣльныхъ словахъ сообщается точное ихъ значеніе, но не указывается то именно выраженіе, которое, по особенностямъ русской фразеологіи, было бы наиболѣе подходящимъ для передачи разказа въ связной русской рѣчи.

Кромѣ постатейнаго словаря, въ концѣ книги помѣщенъ еще списокъ словъ, которыя считаются извѣстными ученикамъ. Этотъ списокъ, не имѣющій прямого отношенія къ тексту статей, такъ какъ въ немъ помѣщено много словъ, не встрѣчающихся въ книгѣ, составленъ въ алфавитномъ порядкѣ, однако такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ слова расположены въ ихъ этимологической принадлежности, на примѣръ, подъ словомъ bitten помѣщены слова: die Bitte, beten, das Gebet, betteln, der Bettler. Онъ назначенъ для повторенія словъ, раньше заученныхъ учениками, а такое повтореніе оказывается тѣмъ болѣе необходимымъ, что многія самыя обыкновенныя слова, выражающія предметы и понятія современной жизни, по существу дѣла не могли найдти себѣ мѣста въ разказахъ, относящихся къ древнему міру. Считаая нужнымъ прибавить такой списокъ, не имѣющій связи съ текстомъ, авторъ косвеннымъ образомъ признаетъ, что предлагаемый имъ для чтенія матеріалъ, при всѣхъ преимуществахъ, страдаетъ нѣкоторою односторонностью и не вполне удовлетворяетъ требованіямъ преподаванія.

Книга издана хорошо, даже изящно; нѣмецкій текстъ напечатанъ весьма красивымъ и четкимъ готическимъ шрифтомъ. Опечатокъ мало; мы замѣтили лишь слѣдующія: на стр. 26 Mikenä вм. Muckenä на стр. 142 Даной вм. Данай, *ibid.* Киферы вм. Кноера, и на стр. 143 Меланфій вм. Меланой.

Сборникъ образцовыхъ произведеній нѣмецкихъ классиковъ съ биографическимъ обзоромъ и словаремъ. Составили Р. Гретманъ и А. фонъ Либеритейсъ. Москва. 1887. Въ 8-ку X+320+120 стр. Цѣна 1 р. 50 коп.

Означенный сборникъ, по заявленію составителей, „имѣетъ цѣлью познакомить воспитанниковъ старшихъ классовъ съ образцовыми писателями нѣмецкой литературы и устранить тѣ неудобства, съ которыми сопряжено въ учебномъ заведеніи чтеніе отдѣльныхъ произведеній“. Однимъ изъ этихъ неудобствъ, по мнѣнію составителей, является отсутствіе словаря; другое неудобство состоитъ въ томъ, что эти произведенія слишкомъ обширны, чтобы цѣликомъ читаться въ классѣ, а

также содержать къ себѣ много мѣстъ неудобныхъ для класснаго чтенія. Поэтому составители прибавили къ сборнику нѣмецко-русскій словарь и сократили предлагаемыя произведенія, выпустивъ все то, что имѣеть второстепенное значеніе или неудобно по педагогическимъ соображеніямъ. Словарь составленъ вообще удовлетворительно; слѣдовало бы, однако, по нашему мнѣнію, исключить изъ него слишкомъ обширныя синтаксическія указанія, такъ какъ ими никогда не будетъ пользоваться ученикъ, желающій приготовить переводъ заданнаго ему отрывка. Въмѣсто помощи, эти указанія, содержащія въ себѣ часто цѣлыя отдѣлы синтаксиса, могутъ оказать учащемуся только затрудненіе, отвлекая его отъ прямой его работы, состоящей въ присканіи подходящаго къ мѣсту русскаго значенія слова, а не въ повтореніи или изученіи вновь синтаксическихъ правилъ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сдѣланнаго нами замѣчанія, стоитъ взглянуть на такія статьи, какія помѣщены въ словарѣ подъ словами: *mögen, lassen, müssen, sein, sollen* (3 столбца), *ich, wol, wollen, zu* и т. д. Сокращеніе помѣщенныхъ произведеній сдѣлано умѣло, такъ что этими пропусками нисколько не нарушается цѣльность произведенія; они замѣтны только для того, кто близко знакомъ съ подлинникомъ.

Сборникъ раздѣляется на пять отдѣловъ, изъ которыхъ каждый посвященъ одному изъ нѣмецкихъ классиковъ, а именно: Виланду, Лессингу, Гердеру, Гете и Шиллеру. Кюлоштокъ, котораго справедливо можно было бы ожидать найдти въ числѣ этихъ авторовъ, опущенъ составителями сборника, можетъ быть, потому, что они признали его языкъ уже слишкомъ устарѣлымъ. Но если они, какъ слѣдуетъ предполагать по составу книги, желали дать ученикамъ возможность познакомиться съ развитіемъ нѣмецкой литературы въ классической ея періодъ, то опущеніе Кюлоштока должно признать немаловажнымъ недостаткомъ. Каждый изъ вышеупомянутыхъ пяти отдѣловъ содержитъ въ себѣ: извѣстія о жизни автора и оцѣнку литературнаго его значенія, изложеніе содержанія главнѣйшихъ его произведеній и затѣмъ одно или нѣсколько произведеній автора. Соглашаясь вполне съ составителями въ необходимости дать ученикамъ понятіе объ авторѣ прежде, чѣмъ приступать съ ними къ чтенію извѣстнаго произведенія, мы не можемъ признать цѣлесообразнымъ тотъ пріемъ, который примѣняется въ разсматриваемомъ сборникѣ. Чтеніе самого произведенія составляетъ главную задачу занятій по языку, и чѣмъ скорѣе можно приступить къ чтенію, тѣмъ лучше. Поэтому введеніе должно быть по возможности кратко и не представлять никакихъ затрудненій

для пониманія; лучше всего такое введеніе дается на родномъ языкѣ; въ рѣдкихъ случаяхъ можно допустить и введеніе на нѣмецкомъ языкѣ, но оно должно быть и по содержанію, и по формѣ изложенія привноровлено къ пониманію учениковъ. Составители поступили иначе: не только очерки жизни авторовъ, но и разборъ ихъ сочиненій заимствованы, какъ говорятъ составители, „изъ первоклассныхъ историковъ литературы и представляютъ въ своемъ родѣ образцы классическихкихъ писателей“, въ числѣ которыхъ являются Гете, Гейне, Гервицъ, Курцъ, Карриеръ, Дюнцеръ, Льюсъ, Р. Кенигъ, Шереръ, Геттнеръ и т. п. Познакомиться со взглядами и сужденіями такихъ выдающихся знатоковъ литературы весьма интересно для того, кто самъ нѣсколько знакомъ съ нѣмецкою литературой, и для такихъ-то читателей и написаны эти очерки; для учениковъ же русскихъ учебныхъ заведеній эти очерки бесполезны, потому что они для нихъ непонятны, даже при самомъ основательномъ разборѣ ихъ въ классѣ. Желая достичь двухъ цѣлей—и сообщить свѣдѣнія изъ литературы, и дать новый матеріалъ для чтенія, составители не достигли ни той, ни другой.

Выборъ помѣщенныхъ произведеній не всегда удаченъ. „Ифигенія въ Тавридѣ“ Гете и „Марія Стюартъ“ Шиллера—произведенія, подходящія для чтенія въ классѣ; но нельзя того же самого сказать про весьма значительный отрывокъ изъ „Исторіи Абдеритовъ“ *der Prozess im des Esels Schatten*, единственное произведеніе Виланда, помѣщенное въ сборникѣ; тонкая сатира на бытъ провинціального нѣмецкаго города въ прошломъ столѣтіи непонятна и мало интересна для учениковъ. Изъ сочиненій Лессинга, кромѣ его драмы „Наоавъ Мудрый“, помѣщенъ небольшой отрывокъ изъ „Гамбургской Драматургіи“, рецензія неизвѣстной ученикамъ трагедіи Вольтера „Семирамида“. Не вполне пригоденъ будетъ для учениковъ и очеркъ древнихъ Вавилоніи, Ассиріи и Халдеи, заимствованный изъ книги „*Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit*“ Гердера, а баллада его о Іоаннѣ Грей, имѣющая только научный интересъ, совершенно непонятна, тѣмъ болѣе, что она, какъ и всѣ остальные произведенія, помѣщенные въ сборникѣ, не снабжена никакими примѣчаніями, хотя для пониманія баллады требуется знакомство съ относящимися сюда фактами англійской исторіи. Мелкія стихотворенія Гете и Шиллера, вошедшія въ составъ сборника, также выбраны неудачно.

Вообще однако должно сказать, что книга гг. Гретмана и Биберштейна составлена весьма старательно и съ знаніемъ нѣмецкой лите-

ратуры; вмѣстѣ съ тѣмъ она содержитъ въ себѣ нѣсколько литературныхъ произведеній въ удобной для школы редакціи и словарь, а потому можетъ до известной степени замѣнить отдѣльные изданія произведеній классической нѣмецкой словесности.

CONSIDÉRATIONS SUR LES CAUSES DE LA GRANDEUR DES ROMAINS ET DE LEUR DÉCADENCE, par *Montesquieu*. Съ примѣчаніями. Составилъ *В. Кутузовъ*. С.-Пб. 1887. Изданіе второе. 183 стр. въ 8-ку.

Трактатъ Монтескье до сихъ поръ занимаетъ почетное мѣсто въ числѣ книгъ, посвященныхъ изученію древняго Рима. Для лицъ, занимающихся спеціальнымъ изученіемъ древней исторіи, ближайшее знакомство съ этимъ сочиненіемъ признается необходимымъ. Но и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ оно можетъ быть читано съ большою пользою въ старшихъ классахъ, какъ прекрасный образецъ повѣствовательной прозы. Во время появленія перваго изданія этого сочиненія въ обработкѣ г. Кутузова для школьнаго употребленія, то-есть, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ преподаваніи иностранныхъ языковъ отдавалось предпочтеніе сборникамъ мелкихъ отрывковъ изъ писателей передъ цѣльными сочиненіями на томъ основаніи, что нужно учениковъ знакомить съ языкомъ и слогомъ различныхъ авторовъ. Такое мнѣніе, конечно, справедливо, но только въ томъ случаѣ, когда учащіеся вполне владѣютъ языкомъ, чувствуютъ его красоту, могутъ сознавать различіе въ слогѣ и оцѣнивать художественную сторону способа выраженія мыслей, однимъ словомъ—когда чтеніе ведется съ цѣлю историко-литературной критики. Но когда всѣ заботы преподаванія должны быть направлены исключительно почти къ тому, чтобы довести учащихся до пониманія читаемаго иностраннаго текста, то высказанный выше мотивъ въ значительной степени теряетъ свою силу. Въ послѣднее время все болѣе и болѣе стало распространяться мнѣніе о преимуществахъ чтенія, въ старшихъ классахъ, цѣльныхъ иностранныхъ сочиненій передъ чтеніемъ отрывковъ, и въ нѣмецкой литературѣ появилось уже много разныхъ изданій французскихъ и нѣмецкихъ классическихъ произведеній въ обработкѣ для школьнаго употребленія. Даже у насъ известны уже изданные для этой цѣли г. П. Н. два крупные эпизода, заимствованные изъ сочиненій Альфреда де-Виньи и графа Сегюра и изданная г. Алексѣевымъ комедія Мольера „*Le Misanthrope*“. По отношенію къ нашей учебной литературѣ, однако, начинъ въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ

признать за г. Кутузовымъ, такъ какъ „*Considérations*“ Монтескье и комедию Мольера „*Les femmes savantes*“ онъ издалъ еще въ 1872 году.

Комментаріи въ разсматриваемомъ изданіи сдѣланы г. Кутузовымъ по нѣмецкому изданію В. Вендлера; они очень обильны и касаются объясненія, какъ лексической, такъ и исторической стороны сочиненія Монтескье. Въ особенности комментаріи, относящіеся до бытовой и политической жизни Рима, подробны и наполнены цитатами изъ латинскихъ и греческихъ писателей. Въ предисловіи издатель заявляетъ, что онъ не нашелъ возможнымъ удовлетворить желанія нѣкоторыхъ преподавателей французскаго языка видѣть въ его изданіи болѣе пространныя примѣчанія, по части римскихъ древностей. Для специалистовъ комментаріи этой категоріи могли бы имѣть цѣну, но для гимназистовъ они излишни, такъ какъ для пониманія содержанія текста все нужное должно быть имъ уже извѣстно изъ объясненій преподавателей древнихъ языковъ и древней исторіи. Поэтому мы находимъ, что г. Кутузовъ сдѣлалъ хорошо, не поснѣвши удовлетворить желанія, которое потребовало бы ненужнаго увеличенія объема и цѣны книги безъ всякой пользы для учащихся, такъ какъ у нихъ навѣрное нѣтъ времени прочитывать всѣ существующія объясненія въ книгѣ г. Кутузова и проникать въ смыслъ длинныхъ латинскихъ и греческихъ цитатъ. Въ виду того, что сочиненіе Монтескье назначается только для изученія самой лексики французскаго языка и для образованія навыка въ чтеніи серьезной повѣствовательной прозы, мы полагаемъ даже, что добрую половину излишнихъ для гимназистовъ объясненій г. Кутузова было бы гораздо полезнѣе замѣнить алфавитнымъ француско-русскимъ словаремъ, который предохранилъ бы многихъ немущихъ учащихся отъ лишняго расхода. Для того, чтобы научить гимназистовъ понимать написанныя на французскомъ языкѣ сочиненія и извлекать изъ нихъ пользу для своего образованія, едва ли слѣдуетъ заводить ихъ въ область глубокихъ лингвистическихъ тонкостей и тратить время на отысканіе арабскихъ, персидскихъ, готскихъ и даже санскритскихъ корней для французскихъ словъ. Г. Кутузовъ слишкомъ широко, и потому ошибочно, понимаетъ преподаваніе иностранныхъ языковъ въ нашихъ школахъ: вооружившись, какъ онъ, такими словарями, какъ словари Лянтре, Браше и сочиненіемъ Шевалле, а также нѣмецкими комментированными изданіями, можно выказать очень обшир-

ную филологическую начитанность и ученость; но для гимназистовъ изъ всего этого моря учености нужна только та капля, которая можетъ помочь имъ уразумѣть смыслъ читаемаго текста и усвоить лексическій матеріалъ языка для чисто практическихъ видовъ.

Начальная алгебра. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *Е. Тихомировъ*, преподаватель Орловской гимназіи. Москва. 1887. 400 стр. въ 8-ку. Цѣна 1 р. 25 к.

Названная книга заслуживаетъ быть причисленною къ разряду тщательно составленныхъ учебниковъ; ее можно даже предпочесть нѣкоторымъ учебникамъ алгебры, принятымъ въ руководство въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изложеніе всѣхъ отдѣловъ систематическое, правильное и удобопонятное. Хотя авторъ въ предисловіи и говоритъ о своей книгѣ, что „по изложенію, исключительно догматическому (?), она должна быть изучаема подъ непремѣннымъ руководствомъ учителя“, но съ этимъ едва ли можно согласиться. Изученіе алгебры, безъ пособія учителя, вообще весьма трудно и даже недоступно малоспособному ученику, но обладающій достаточными способностями и подготовкою будетъ въ состояніи изучить этотъ предметъ по книгѣ г. Тихомирова не съ большою трудностью, чѣмъ и по всякой другой толково составленной алгебрѣ.

Растянутостей и излишнихъ подробностей въ книгѣ не много, и притомъ всѣ онѣ такого рода, что безъ труда могутъ быть исключены по указанію преподавателя. Напримѣръ, глава о неравенствахъ занимаетъ 12 страницъ; достаточно было бы ограничиться двумя или тремя страницами текста, а все остальное содержаніе главы, какъ вполнѣ доступное для самостоятельной работы учениковъ, включить въ число примѣровъ для упражненій. (Въ текстъ учебника должны входить, для обязательнаго запоминанія всѣми учениками, только теоремы первостепенной важности, служащія основой для алгебраическихъ дѣйствій и для доказательствъ теоремъ второстепенныхъ; чѣмъ менѣе этихъ послѣднихъ включено въ текстъ, и чѣмъ большее число ихъ предоставлено выводамъ или доказательствамъ самихъ учениковъ, при содѣйствіи лишь крайне необходимыхъ указаній или намековъ, тѣмъ основательнѣе будетъ знаніе существенныхъ частей алгебры и тѣмъ прочтѣе вообще результатъ ученія). Рѣшеніе уравненій высшихъ степеней, сводящихся на квадратныя, занимаетъ 40 страницъ. Хотя знаніе этого отдѣла алгебры весьма полезно и желательно, но такой объемъ слишкомъ великъ и не со-

отвѣтственность программамъ для гимназій и реальныхъ училищъ; значительная часть того, что содержится въ послѣднихъ трехъ главахъ IV-го отдѣла, могла бы быть напечатана мелкимъ шрифтомъ, какъ необходимая для усвоенія ея всѣми учениками. Первая глава IV-го отдѣла, имѣющая своимъ предметомъ уравненія второй степени съ однимъ неизвѣстнымъ числомъ, также могла бы быть нѣсколько сокращена и въ то же время значительно выиграла бы въ изяществѣ и научной строгости метода, а именно: слѣдовало начать непосредственно съ разложенія трехчлена второй степени на линейныхъ множителей; тогда рѣшеніе квадратнаго уравненія, свойства его корней и т. п. были бы уже очевидными слѣдствіями и, такъ-сказать, включались бы въ этотъ разложеніи.

Пробѣловъ и не досказаннаго авторомъ также не много, и хотя нѣкоторые изъ пробѣловъ не маловажны, но они легко поправимы, и для преподавателей не будетъ затруднительно дополнить недостающее. Важнѣе всѣхъ остальныхъ пробѣловъ, недомолвка относительно ирраціональныхъ чиселъ. А именно, на стр. 147 сказано: „...извлеченіе корней приводитъ насъ къ такимъ числамъ, которыя не могутъ выражаться ни цѣлымъ числомъ единицъ, ни какими-нибудь частями единицы. Подобныя числа называются несоизмѣримыми съ единицею. Числа эти могутъ быть выражены только съ большимъ или меньшимъ приближеніемъ къ ихъ истинной величинѣ“. Вонервыхъ, подобныя числа не „называются“ несоизмѣримыми съ единицами, а „суть“ таковыя. Но главное дѣло въ томъ, что необходимо было договорить и формулировать съ надлежащею полнотою, что такими числами, то-есть, квадратными корнями изъ неполныхъ квадратовъ и т. под., называются предѣлы вышеупомянутыхъ приближеній. Включеніе этого понятія объ ирраціональныхъ числахъ не потребовало бы расширенія объема курса, такъ какъ вовсе не необходимо для такой цѣли излагать основныя теоремы о предѣлахъ или вообще углубляться въ теоретическія подробности. При отсутствіи упомянутаго опредѣленія ученики не могутъ имѣть яснаго понятія о томъ, напримѣръ, что $\sqrt{2}$ есть вполнѣ опредѣленное и точное число, и не будутъ знать, что именно подразумѣвается подъ словами: сложеніе ирраціональныхъ чиселъ, ихъ умноженіе и т. п. Вслѣдствіе той же причины, доказательство теоремы $\sqrt[n]{abc\dots} = \sqrt[n]{a} \cdot \sqrt[n]{b} \cdot \sqrt[n]{c\dots}$, приведенное на стр. 139 имѣетъ мѣсто лишь для случая $a, b, c\dots$ полныхъ n -ныхъ степеней, а между тѣмъ на стр. 146 сдѣлана ссылка на эту теорему, какъ уже на доказанную для $a, b, c\dots$

неполныхъ n -ныхъ степеней. Потребовалось бы не много строкъ, чтобы дать понятіе о произведеніи радикаловъ, какъ о предѣлѣ произведенія ихъ приближеній, и на основаніи этого, доказать равенство $\sqrt[n]{a} \cdot \sqrt[n]{b} = \sqrt[n]{b} \cdot \sqrt[n]{a}$, а слѣдовательно, и теорему стр. 139 со всѣми ея слѣдствіями. Отсутствие этихъ недомолвокъ значительно возвысило бы достоинство книги, еслибы при этомъ была сохранена краткость текста. На стр. 182 сказано, что „на минимы количества вида $a+bi$ условились распространять тѣ правила дѣйствій, которыя были выведены для дѣйствительныхъ количествъ“; слѣдовало бы дополнить это условіемъ не производить дѣйствій надъ i по общимъ правиламъ дѣйствій надъ радикалами, то-есть, для избѣжанія ошибокъ, не надо замѣнять буквы i радикаломъ $\sqrt{-1}$, а руководствоваться лишь равенствомъ $i^2 = -1$. На стр. 173 изложено съ надлежащею краткостью и ясностью доказательство, что, „умножая послѣдовательно члены дроби на соответствующихъ множителей, мы можемъ всегда исключить въ знаменателѣ радикалы второй степени“, и приведены примѣры, въ числѣ которыхъ есть дроби содержащія въ знаменателѣ радикалы высшихъ степеней. Для полноты изложенія полезно было бы упомянуть, хотя бы безъ доказательства, что не только квадратные, но и всякіе радикалы могутъ быть исключены изъ знаменателя введеніемъ соответствующихъ множителей. Притомъ, самое доказательство этой возможности, весьма краткое по существу, доставило бы удобный случай къ ознакомленію учениковъ со способомъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ, о которомъ авторъ не упоминаетъ, хотя и пользуется имъ при рѣшеніи системы уравненій по способу Безу. Доказательство это могло бы быть включено въ „Дополненія“, составляющія VII-й отдѣлъ книги. Подобное же замѣчаніе можно сдѣлать по поводу сказаннаго на стр. 225, а именно: изложивъ на предыдущихъ страницахъ рѣшеніе нѣкоторыхъ двучленныхъ уравненій (сводящихся на квадратныя), авторъ говоритъ: „Для cadaго изъ взятыхъ выше двучленныхъ уравненій число рѣшеній равняется числу единицъ въ степени уравненія. слѣдовательно, переходя къ извлеченію корней, мы можемъ сдѣлать такое заключеніе: всякое число имѣетъ столько корней какой-либо степени, сколько единицъ въ показателѣ корня“. Распространяя, безъ доказательства, на корни n -ой степени то, что было доказано лишь для нѣкоторыхъ значеній n , слѣдовало бы вести обобщеніе далѣе и сказать о разложимости всякой цѣлой функціи одного переменнаго числа на

столькихъ линейныхъ множителей, сколько единицъ въ показателѣ степени этой функціи. Знаніе этой истины уже потому важнѣе знанія числа корней изъ чиселъ, что послѣднее заключается въ первомъ.

Вообще содержаніе книги согласовано съ программами гимназій и реальныхъ училищъ. Нѣкоторыя уклоненія въ распредѣленіи статей не нарушаютъ этого согласія и вполне оправдываются желаніемъ автора сохранить систематичность изложенія; непонятно только, какую цѣль онъ имѣлъ въ виду, соединивъ нѣкоторыя статьи въ особый отдѣлъ (VII-й), помѣщенный въ концѣ книги, подъ заглавіемъ „дополненія“. Отдѣлъ этотъ содержитъ въ себѣ: 1) соединенія и биномъ Ньютона, 2) непрерывныя дроби, 3) опредѣленіе наибольшихъ и наименьшихъ значеній нѣкоторыхъ алгебраическихъ выраженій. Слѣдовательно, если разсматривать его какъ предназначенный для гимназическаго курса, то только 3-я глава и часть 1-ой могутъ быть названы „дополненіями“, а вся 2-я глава и значительная часть 1-ой не соответствуютъ этому названію, ибо онѣ обязательны для всѣхъ учениковъ VII-го класса. Для дополнительнаго класса реальныхъ училищъ упомянутый отдѣлъ, и вообще вся Алгебра г. Тихомирова, руководствомъ служить не можетъ, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ весьма многого, обязательнаго для учениковъ этого класса, а именно въ ней нѣтъ слѣдующихъ статей: 1) способъ неопредѣленныхъ коэффициентовъ, 2) о рядахъ и разложеніи степенныхъ количествъ въ строки, 3) логарифмическія и тригонометрическія строки и приложеніе ихъ къ составленію таблицъ и 4) способъ предѣловъ.

Въ числу главныхъ достоинствъ книги, составляющихъ ея общій характеръ, слѣдуетъ отнести между прочимъ то, что авторъ нигдѣ не прибѣгаетъ къ такимъ доказательствамъ, которыя можно назвать „формальными“ (въ узкомъ смыслѣ этого слова), весьма часто встрѣчающимся въ разныхъ учебникахъ; онъ всегда разъясняетъ сущность вопроса, и его разъясненія и доказательства кратки, точны и ясны (о немногихъ исключеніяхъ, вызванныхъ, по всей вѣроятности, опасеніемъ усложнить предметъ, было упомянуто выше).

Въ текстѣ книги помѣщено вполне достаточное количество задачъ или примѣровъ для упражненій. Но, кромѣ этихъ задачъ, подробно изложенныхъ, въ концѣ каждой главы предлагается для самостоятельной работы учениковъ весьма много задачъ, такъ что общее число этихъ послѣднихъ превышаетъ 500. Какъ по обилію, такъ и по хорошему выбору, эти примѣры для упражненій представляютъ цѣнный матеріалъ, увеличивающій достоинства учебника.

Въ изложеніи не встрѣчается такихъ недостатковъ, которые можно было бы назвать присущими автору, то-есть, которые повторялись бы многократно; встрѣчаются лишь нѣкоторыя случайныя неудачныя выраженія, незначительныя упущенія и тому подобныя мелкіе недосмотры, легко поправимые въ слѣдующихъ изданіяхъ и почти не вредящіе достоинству учебника. Примерами ихъ могутъ служить слѣдующіе:

1) Нельзя назвать удачными первыя строки книги: „Алгебра имѣетъ цѣлю рѣшить различные вопросы въ общемъ видѣ, предложенные относительно чиселъ“. Хотя подобнаго рода опредѣленіе алгебры можно встрѣтить въ нѣкоторыхъ образцовыхъ трактатахъ, тѣмъ не менѣе оно не выдерживаетъ критики: во-первыхъ, оно не полно, во-вторыхъ, недостаточно опредѣлительно: оно не проводитъ границы между алгеброй и теоріей чиселъ, а также между алгеброй и нѣкоторыми областями трансцендентнаго анализа.

2) На стр. 7 сказано: „Если въ выраженіе не входитъ ни $+$ ни $-$, то оно называется одвочленомъ“. Но развѣ $\sqrt{a+b}$ или $\frac{a}{b+c}$ и тому подобныя формулы можно назвать многочленами?

3) На стр. 8: „Скобки. Если надъ многочленомъ нужно произвести какое-нибудь дѣйствіе, то его заключаютъ въ скобки“. Но если изъ многочлена надо извлечь, на примѣръ, квадратный корень или раздѣлить этотъ многочленъ на какой-либо другой, то развѣ необходимо заключить его въ скобки? Притомъ, развѣ скобки не употребляются и въ другихъ случаяхъ, и развѣ не бывасть иногда необходимо заключать одвочлены въ скобки? Очевидно, что о назначеніи скобокъ слѣдовало бы выразиться не такъ, какъ сказано авторомъ.

4) Объ умноженіи многочленовъ, имѣющихъ многочисленные коэффициенты, не упомянуто вовсе.

5) На стр. 33—35 напечатаны мелкимъ шрифтомъ теоремы, относящіяся до признаковъ дѣлимости многочлена M , цѣлаго относительно x , на $x-a$ или на $x+a$. Мелкій шрифтъ указываетъ, слѣдовательно, что знаніе этихъ основныхъ теоремъ не обязательно для учениковъ; но съ этимъ мнѣніемъ автора нельзя согласиться.

6) Стр. 44—45: „Опредѣленіе. Если частное отъ дѣленія двухъ алгебраическимъ выраженій A и B мы представимъ въ видѣ $\frac{A}{B}$, то въ такомъ случаѣ оно называется алгебраическою дробью. Весьма неудачное опредѣленіе. Развѣ та же формула, изображенная въ видѣ $A : B$, уже не будетъ алгебраическою дробью?

Стр. 39: „Извѣстно, какъ опредѣляются двучленные дѣлители

какого-нибудь многочлена.... Чтобы разложить многочлен P по этому способу, располагают его по степенямъ, напримѣръ, x и опредѣляютъ его двучленныхъ дѣлителей, напримѣръ, $x-a$ и $x-b$; тогда $P=(x-a)(x-b)Q$. Этотъ способъ вообще довольно продолжительный и потому мало употребляется¹⁾. Замѣчаніе невѣрное, такъ какъ разложеніе многочленовъ по этому способу или, что то же самое, „рѣшеніе уравненій“ составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ алгебры; а по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетныхъ ученыхъ, въ разложеніи многочленовъ по этому способу заключается даже вся цѣль собственно алгебры.

8) Стр. 184. При рѣшеніи уравненія $5 - \sqrt{x^2 + x + 7} = 9 - x$ не упомянуто, что оно имѣетъ корень $x = \infty$.

9) Стр. 190: „Если въ уравненіи послѣ уничтоженія въ цѣль радикаловъ и знаменателей неизвѣстное входитъ во второй степени, то оно называется уравненіемъ второй степени или квадратнымъ.“ Выражено неловко.

10) На стр. 34 три опечатки: „ $x + b$ не есть дѣлитель“; вторично „ $x + b$ не есть дѣлитель“, а также „ $x + c$ не есть дѣлитель“. Въмѣсто этого, слѣдовало напечатать: 1) „ $x - b$ не есть дѣлитель“; 2) „ $x + b$ есть дѣлитель“; 3) „ $x + c$ есть дѣлитель“. Къ книгѣ не приложено списка опечатокъ, а между тѣмъ, хотя ихъ и не много, ихъ все-таки надо было указать.

Учебникъ всеобщей географіи (Азія, Африка, Америка и Австралія). Составилъ Будимовъ. Москва. 1888. 74 стр. въ 8-ку. Цѣна 30 коп.

Географическихъ названій въ учебникѣ, судя по приложенному указателю,—960; эти названія ученикамъ нужно затвердить, большую часть изъ нихъ изобразить на чертежѣ и все это въ какихъ-нибудь 56 или 60 уроковъ¹⁾. Но по отношенію къ матеріалу другаго рода въ книгѣ наблюдается умѣренность. Такъ этнографическіе очерки почти отсутствуютъ; изъ топографіи сообщаются только самыя характерныя данши; физическая часть наиболѣе обширная, но въ ней нигдѣ не дается излишнихъ, утомительныхъ для памяти, подробностей. Вообще, за исключеніемъ обилія въ разныхъ мелочныхъ названіяхъ, книжка составлена довольно толково, изложена

¹⁾ Если г. Будимовъ въ дальнѣйшихъ частяхъ курса не будетъ держаться надлежащей умѣренности, то можетъ случиться, что въ его учебникѣ будетъ не менѣ названій, чѣмъ въ учебникѣ Ободовскаго (3600), а этотъ послѣдній, какъ извѣстно, сильно удручалъ память учениковъ.

правильнымъ языкомъ и, что всего важнѣе, сжато; исключеніе изъ послѣдняго составляютъ разсѣянные мѣстами нарѣчія и прилагательныя, которыя ничего не даютъ и отвлекаютъ только вниманіе учащихся; напримѣръ: „страшный деспотъ“, „мощный потухшій волканъ“, „знаменитое вино“, „пѣвчія птицы-канарейки“, „необыкновенно вредный“, „необыкновенно здоровый“, „совершенный упадокъ“, „крайне сырой“, „очень здоровый“ и т. д.

Разныхъ мелкихъ недосмотровъ въ книгѣ достаточно. Для примѣра отмѣтимъ слѣдующіе:

Стр. 5. „Гипдукушь—Парапанизъ (древнее названіе)“. У древнихъ географовъ не Парапанизъ, а Паропамизъ.

Стр. 8. Туравъ причисленъ вмѣсто Средней Азіи къ Сѣверной.

Стр. 10. „Кипръ въ древности славился мѣдью и виномъ“. Но чѣмъ замѣчательнъ онъ нынѣ не сказано.

Стр. 12. „На Ливанѣ сохранилась еще дюжина старыхъ кедровъ, которымъ насчитываютъ по 3000 лѣтъ“... По свидѣтельству профессора Фрасса, исполянскихъ деревьевъ въ 10 и болѣе метровъ въ объемѣ въ 1875 г. было только 5.

Стр. 13. „Красивевскій городокъ—Назаретъ“. Едва ли удобна въ учебникѣ такая характеристика.

Стр. 17. Въ Белуджистанѣ указано неизвѣстное въ исторіи племѣ брагуевъ, что въ общемъ образовательномъ курсѣ менѣе важно, чѣмъ зависимость Келата отъ Англіи, а это опущено.

На стр. 19 говорится, что арійское племѣ приняло въ Индостанѣ „черезъ Кабульскій проходъ“. Это извѣстно по тому только, что со стороны Ирана Кабульскій проходъ былъ до послѣдняго времени единственный извѣстный.

Стр. 33. „Львы и гіены исчезли изъ Европы въ сравнительно недавнее время“... 100—200 лѣтъ назадъ, по понятіямъ мальчишечьимъ, составляютъ уже давнее время, а названные виды животныхъ исчезли еще рапѣе.

Стр. 33. „Сѣверную Африку издревле населяютъ берберы и египтяне“, а ниже говорится: „кочы составляютъ часть египтянъ“. Такимъ образомъ оказывается, что населеніе Египта съ древнихъ поръ не измѣнилось.

На стр. 34 въ примѣчаніи сказано: „Значительную часть населенія южной Абиссиніи составляетъ народъ галла неизвѣстнаго происхожденія“. Объ этомъ племени можно было бы и не говорить, а если говорить, то необходимо было бы отмѣтить симпатичныя сто-

роны въ ихъ характерѣ, и сверхъ того, едва ли не было бы ближе къ истинѣ сказать, что народъ галла причисляется къ хамитамъ.

На стр. 35 утверждается, что древніе каналы и водохранилища въ Египтѣ сохраняются до настоящаго времени.

Стр. 38. „Сахара занимаетъ значительную часть Африки, растянувшись отъ Атлантическаго океана до долины Нила“. Слово „растянувшись“ не идетъ къ данному случаю.

Въ учебникѣ два нововведенія. Первое состоитъ въ томъ, что многія географическія названія переданы новою транскрипціей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сходною съ таковою же въ атласѣ Линберга, по почти всюду различающеюся отъ распространенныхъ учебниковъ и атласа Ильина. Такимъ образомъ мы читаемъ вмѣсто общепринятыхъ гебры — „гвебры“, „Косцюшко“, вмѣсто Костюшко, „Пуэрто-Рико“ вмѣсто Порто-Рико и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ новыя названія помѣщаются въ скобкахъ, напримѣръ: Ферро (герро), Венецуэла (Венесвэла), Цинцинати (Синсиняети) и т. д. Такое нововведеніе породить путаницу и новыя затрудненія для учащихся тѣмъ болѣе, что при учебникѣ нѣтъ картъ. Къ тому же замѣчается непослѣдовательность. Такъ, въ одномъ мѣстѣ читаемъ: остр. Принца Уэльскаго, а въ другомъ — Велин-тонъ; въ текстѣ Монть-Гукеръ, а въ таблицѣ Моунтъ-Гукеръ и т. д.

Другое нововведеніе состоитъ въ томъ, что въ географическихъ именахъ гласныя, на которыя падаетъ удареніе, отмѣчены особымъ шрифтомъ; это нововведеніе похвально и заслуживаетъ подражаніи, но съ произношеніемъ нѣкоторыхъ словъ у г. Будинава согласиться нельзя, какъ напримѣръ: Тибетъ, А'тласъ, Таитя; на нѣкоторыхъ словахъ, какъ напримѣръ, Пампасы, Льяносъ, Мичиганъ, два ударенія, что уже совершенно безцѣльно.

Опечатки встрѣчаются; напримѣръ: Индѣйскій океанъ вмѣсто Индійскій, Силимановы горы вмѣсто Солимановы, Ефратъ вмѣсто Елфратъ, Авганистанъ вмѣсто Афганистанъ и т. д.

Систематическій курсъ ботаники, составленный для реальныхъ училищъ
Н. Рагоскимъ, 5-е исправленное изданіе съ 203 рисунками. С.-Пб. 1887.

Достоинства учебника этого давно извѣстны и признаны; не смотря на большую конкуренцію, онъ выходитъ уже пятымъ изданіемъ, и притомъ вполне заслуживаетъ такого успѣха. Каждое изданіе исправляется авторомъ очень старательно; четвертое было значительно измѣнено; нынѣшнее пятое также подверглось пересмотру и допол-

пенію, при чемъ дополненіе, главнымъ образомъ, состоитъ въ прибавкѣ 42 новыхъ рисунковъ къ прежнимъ 161. Прибавленные рисунки очень хорошо исполнены и очень поучительны. Упрекъ изданію можно сдѣлать только въ нѣкоторой неисправности печати. Есть опечатки и недосмотры, которые указываютъ, что корректоръ не былъ свѣдущъ въ предметѣ. Напримѣръ, рисунокъ 181-й (на 140 стр.) поставленъ вверхъ ногами. Конечно, это объясняется отсутствіемъ автора, находящагося въ далекой Сибири, но желалательно, чтобъ издатель впредь выбралъ болѣе свѣдущее лицо для наблюденія за печатаніемъ.

Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ, *С. А. Давыдовой*, съ приложеніемъ пяти рисунковъ. С.-Пб. 1887. 80 страницъ. Цѣна 60 коп.

„Руководство для преподаванія рукодѣлія въ школахъ“, составленное *С. А. Давыдовой*, — весьма полезный вкладъ въ нашу педагогическую литературу. Оно можетъ пособить начинающимъ учительницамъ въ раздѣленіи общихъ женскихъ рукодѣльныхъ работъ на элементы и въ приведеніи этихъ элементовъ въ послѣдовательную систему, объясняющую переходъ отъ простыхъ работъ къ сложнымъ, отъ легкихъ къ болѣе труднымъ. Кромѣ того, въ руководствѣ есть нѣсколько указаній относительно содержанія классныхъ работъ въ должной чистотѣ, оцѣнки ихъ баллами и нѣсколько словъ о классной дисциплинѣ во время рукодѣльныхъ уроковъ; весьма обстоятельно объяснены приемы вязанья на спицахъ, вязанья крючкомъ, шитья, вышиванья, штопанія и починки бѣлья и платья. Указаны простые приемы кройки бѣлья и платья, очень удобные для преподаванія въ двухклассныхъ школахъ съ четырехъ годичнымъ курсомъ. Также не забытъ перечень матеріаловъ, употребительныхъ для рукодѣлій, съ указаніемъ ихъ свойствъ и приблизительныхъ цѣнъ.

Руководство изложено такъ просто, что его поймутъ учительницы рукодѣлій, не только окончившія курсъ въ гимназіяхъ, но даже и тѣ, которыя прошли курсъ городскихъ училищъ. Въ особенности это руководство полезно для тѣхъ учительницъ-мастерицъ, которыя, хотя сами очень основательно исполняютъ всѣ изложенныя въ немъ рукодѣлія, но незнакомы съ класснымъ обученіемъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1887 ГОДУ.

II.

Отчетъ отдѣленія русскаго языка и словесности ¹⁾).

I.

Въ дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности, согласно съ самымъ назначеніемъ его, на первомъ планѣ стоятъ занятія по отечественной и славянской филологіи и литературѣ; но въ кругъ дѣйствія отдѣленія, на основаніи его устава, входитъ и исторія. Съ трудовъ по этой части, какъ поглощавшихъ въ истекающемъ году значительную долю силъ нашего отдѣленія, я и начну настоящій отчетъ.

Академикъ А. Θ. Вычковъ въ истекшемъ году окончилъ печатаніемъ первый томъ „Писемъ и бумагъ императора Петра Великаго“. Въ этомъ объемистомъ (слишкомъ 60 печатныхъ листовъ) томѣ, составляющемъ начало обширнаго изданія, которое будетъ имѣть весьма важное значеніе для изучающихъ время Петра Великаго, помѣщено съ небольшимъ 400 писемъ и бумагъ преобразователя Россіи, относящихся къ періоду съ 1688 по 1701 годъ. Эти документы, изъ которыхъ иные не были еще доселѣ напечатаны, обставлены довольно подробными

¹⁾ Составленъ председательствующимъ въ отдѣленіи, ординарнымъ академикомъ Я. К. Громоу и читанъ имъ въ торжественномъ собраніи Академіи 29-го декабря 1887 года.

примѣчаніями. Значительное число писемъ Петра Великаго за указанный періодъ времени до насъ, къ сожалѣнію, не дошло; изъ писемъ же государя къ нѣкоторымъ лицамъ, напримѣръ: Льву Кирилловичу Нарышкину, Автоному Михайловичу Головину, Гавриилу Ивановичу Головкину, князю Борису Алексѣевичу Голицыну, Францу Яковлевичу Лефарту, Алексію Семеновичу Шейну, Прокофію Богдановичу Возницыну, датскому комиссару Бутенанту фонъ-Розенбушу не сохранилось ни одного. О содержаніи этихъ утраченныхъ писемъ до извѣстной степени можно составить себѣ понятіе по сохранившимся отвѣтнымъ на нихъ письмамъ къ Петру Великому, которымъ по этой причинѣ и дано мѣсто въ примѣчаніяхъ, къ тому. Число помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ отвѣтныхъ писемъ разныхъ лицъ къ Петру Великому тоже достигаетъ почтенной цифры (именно 362). Изъ нихъ значительная часть издается впервые, и многія изъ нихъ весьма любопытны по содержанію.

Въ этомъ же году А. Θ. Бычковъ приступилъ къ печатанію сборника такъ-называемыхъ „Литовскихъ лѣтописей“ на русскомъ языкѣ, очень разнообразныхъ по редакціи и сообщающихъ любопытныя и наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія о великомъ князествѣ Литовскомъ, занимавшемъ довольно видное мѣсто въ судьбахъ нашего отечества.

Исторія, какъ познаніе и разумѣніе прошлаго для руководства въ настоящемъ, нужна не только государствамъ и народамъ, но и отдѣльнымъ обществамъ и учрежденіямъ. Академія Наукъ весьма рано сознала эту потребность, и попытки къ удовлетворенію ея начались очень давно. Самымъ важнымъ и виднымъ въ этомъ отношеніи предпріятіемъ былъ трудъ покойнаго сочлена нашего П. П. Пекарскаго. Начавъ его въ 1863 году, этотъ неутомимый труженикъ съ рѣдкою любовью работалъ надъ выполненіемъ своей задачи, но успѣлъ довести исторію Академіи только до начала царствованія Екатерины II, и со смертію его въ 1872 году дѣло это совершенно остановилось.

Въ 1882 году графъ Д. А. Толстой, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность президента нашей Академіи, возымѣлъ мысль положить начало изданію, которое, хотя и не можетъ служить продолженіемъ труда Пекарскаго, но должно значительно облегчить такое продолженіе въ будущемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать средство къ повѣркѣ и пополненію свѣдѣній, сообщенныхъ Пекарскимъ. Изданіе это, озаглавленное „Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ“, содержитъ въ себѣ собраніе расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ документовъ изъ архивовъ канцеляріи и конференціи Академіи, начиная отъ са-

мага ея учрежденія. Подъ наблюдениемъ академика М. И. Сухомлинова оно подвигается безостановочно. О содержаніи первыхъ трехъ томовъ этого изданія было уже сообщено въ отчетахъ за прежніе годы. Въ истекающемъ году появился 4-й томъ, снабженный портретами президента фонъ-Бреверна и академика Рихмана, того самого, который, какъ извѣстно изъ знаменитаго письма Ломоносова, убитъ былъ громомъ при опытахъ надъ электрическою машиной. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ бумаги отъ 1739 по 1741 годъ. Къ этому времени относится вторая половина пребыванія Ломоносова и двухъ его товарищей, Рейзера и Виноградова, въ Германіи, куда они въ 1736 году отправлены были Академіей для изученія химіи и металлургіи.

Въ вышедшемъ томѣ помѣщена любопытная переписка Академіи объ этихъ трехъ студентахъ, ихъ занятіяхъ и поведеніи, сперва въ Марбургѣ, а потомъ во Фрейбергѣ. Поводъ къ жалобамъ подавалъ особенно Виноградовъ. Всѣ трое надѣлали долговъ, и это послужило главною причиною, почему найдено было нужнымъ ускорить ихъ отъѣздъ изъ Марбурга во Фрейбергъ. При этомъ Академія поручаетъ профессору Вольфу выдать имъ на дорогу каждому по 20 рублей и затѣмъ увѣдомить Академію объ ихъ отъѣздѣ и о точномъ размѣрѣ суммы, до которой дошли ихъ долги; когда же все это будетъ исполнено, то какъ по оказавшимся обстоятельствамъ, такъ и по причинѣ чрезмѣрныхъ долговъ этихъ студентовъ, а равно вслѣдствіе дурнаго поведенія Виноградова, войти съ докладомъ въ кабинетъ Ея Величества. Въ то же время положено написать бергъ-физіку Генкелю во Фрейбергъ о скоромъ прибытіи студентовъ и отправить туда 300 рублей на содержаніе ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще разъ рекомендовать ему имѣть пристальный надъ ними надзоръ, не давать имъ денегъ въ руки и вездѣ объявить, чтобы никто безъ его вѣдома не оказывалъ имъ кредита, потому что Академія за нихъ платить не будетъ. Тогда же послано наставленіе и самимъ студентамъ. Изъ предшествовавшей переписки видно, что на содержаніе этихъ молодыхъ людей во Фрейбергѣ опредѣлено было отпускать только по 150 руб. въ годъ вмѣсто 300 руб., которые прежде назначены были имъ на прожитокъ въ Марбургѣ, и притомъ выдавать эти деньги не имъ на руки, а бергъ-физіку Генкелю, на покрытие издержекъ на ихъ пропитаніе, квартиру, дрова, сѣнчи и прочія надобности.

Въ этомъ же томѣ мы находимъ множество цѣнныхъ свѣдѣній какъ объ общемъ состояніи Академіи, такъ и о членахъ ея. Видимъ между прочимъ, какія препятствія они встрѣчали въ своихъ занятіяхъ

вслѣдствіе тогдашнихъ порядковъ въ общественномъ устройствѣ. Однимъ изъ такихъ неблагопріятныхъ для науки обстоятельствъ были воинскіе постой въ частныхъ домахъ. Такъ, знаменитый математикъ Эйлеръ, жившій въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ въ 10-й линіи, „недалеко отъ большой прешпективной дороги“, въ октябрѣ 1739 года подалъ въ Академію такую просьбу на нѣмецкомъ языкѣ: „Вчера капитанъ фонъ-дери-Зиге явился ко мнѣ и отвелъ въ моемъ домѣ квартиру 10 солдатамъ Нижегородскаго полка. Такимъ постоемъ я приведенъ почти въ совершенную невозможность исполнять мои обязанности при Академіи, такъ какъ происходящіе отъ того великіе беспорядки и непріятности отнимаютъ у меня способность ко всякому размышленію. Поэтому покорнѣйше прошу Императорскую Академію Наукъ избавить меня, какимъ бы ни было способомъ, отъ этого невыносимаго затрудненія. Въ эту самую минуту ко мнѣ опять приходятъ изъ полиціи и дѣлаютъ во вчерашнемъ распоряженіи ту перемѣну, что теперь хотятъ навязать мнѣ на шею даже драгунъ съ лошадьми Ямбургскаго полка, а какъ это для меня совершенно не возможно, то я и прошу меня отъ этого обремененія благоволить наипоспѣшнѣйше освободить“. Изъ другой бумаги видно, что Эйлеръ въ то же время общалъ незванымъ гостямъ нанятъ для нихъ другое помѣщеніе, Академію же просилъ принять на свой счетъ плату за его квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, такъ какъ назначенныхъ ему на этотъ предметъ 60-ти рублей въ годъ недостаточно. Результатомъ было опредѣленіе Академіи просить императорскій кабинетъ освободить состоящихъ на службѣ ея лицъ отъ повинности постоя, а пока послѣдняя не отмѣнена, профессоръ Эйлеръ долженъ подчиняться существующему постановленію. Что оно по крайней мѣрѣ черезъ годъ еще не было отмѣнено, доказываетъ поданное Эйлеромъ въ декабрѣ 1740 года доношеніе, въ которомъ онъ снова проситъ освободить его отъ солдатскихъ постоевъ. Вслѣдствіе ходатайства о томъ президента Бревверча состоялась резолюція кабинетъ-министровъ: „Ежели у онаго профессора объявленный дворъ—наемный, то постой свести, а хозяину того двора для постоя солдатамъ иное мѣсто показать“. Но такъ какъ домъ принадлежалъ Эйлеру, то конечно, и постой у него остался, что доказывается и дальнѣйшими фактами.

Вскорѣ послѣ того, именно въ февралѣ 1741 года, во время регентства при малолѣтнемъ императорѣ Іоаннѣ Антоновичѣ, Эйлеръ проситъ уволить его отъ Академіи, объясняя, что онъ вынужденъ,

какъ ради слабаго здоровья, такъ и по другимъ обстоятельствамъ искать „пріятнѣйшаго климата“ и принять сдѣланное ему Прускимъ королемъ предложеніе.

Съ учеными, которые поступали на службу Академіи, въ то время заключаемъ былъ контрактъ на извѣстное число лѣтъ. Съ Эйлеромъ первоначальный контрактъ возобновленъ былъ въ январѣ 1740 года, но безъ опредѣленія срока его, при чемъ академику, за особенныя заслуги, увеличено жалованье до 1.200 руб., суммы, которую получалъ „предокъ его Бернуліи“. Академіи, принимая во вниманіе разстроенное здоровье Эйлера, особливо его ослабѣвшее зрѣніе, не рѣшилась отказать ему въ увольненіи, но выразила надежду, что онъ, „пришедши въ лучшее здоровье, изъ Нѣмецкой земли опять въ Россію возвратится и Академіи наукъ большую предъ нынѣшнимъ услугу и пользу принести можетъ“. Извѣстно, что эта надежда въ царствованіе императрицы Еватеріны II и осуществилась.

Согласно съ просьбой Эйлера, при переселеніи его въ Германію, принадлежавшій ему въ 10-й линіи домъ опредѣлено взять подъ Академію, уплативъ за него, на основаніи оцѣнки архитектора, 300 р.: а такъ какъ въ этомъ домѣ стоялъ въ то время постоемъ поручикъ Челищевъ, то положено потребовать, чтобы „полицеймейстерская канцелярія приказала этого поручика съ того двора свести и впредь на тотъ дворъ постоя не ставить, понеже оный дворъ—нынѣ казенный“. Эти многіи выписки могутъ служить образчикомъ тѣхъ обильныхъ свѣдѣній, которыя мы находимъ въ „Матеріалахъ для исторіи Академіи Наукъ“ относительно ея быта и дѣятельности въ давно прошедшее время.

II.

Посвящая часть своихъ трудовъ исторіи Академіи Наукъ, отдѣленіе русскаго языка и словесности не упускало изъ виду и разработку исторіи учрежденія, отъ котораго само оно ведетъ свое начало. До позднѣйшаго времени о дѣятельности Россійской Академіи имѣлись только весьма скудныя и отрывочныя свѣдѣнія. Въ началѣ 1870-хъ годовъ академикъ Сухомлиновъ предпринялъ обширный трудъ составленія подробной ея исторіи по архивнымъ документамъ. Въ 1874 году вышелъ первый томъ этой исторіи, и съ тѣхъ поръ Михаилъ Ивановичъ посвящалъ ей большую часть времени, оставшагося у него отъ занятій по кафедрѣ русской словесности въ здѣшнемъ университетѣ. Выпуски слѣдовали одинъ за другимъ, и въ ны-

нѣшнемъ году явился 8-й и послѣдній томъ этой важной для исторіи русскаго просвѣщенія книги.

Въ предыдущихъ томахъ авторъ налагалъ свой предметъ въ формѣ разсмотрѣнія жизни и дѣятельности членовъ Россійской Академіи, просуществовавшей около 60-ти лѣтъ, отъ 1783 по 1841 годъ. Изданный недавно выпускъ заключаетъ въ себѣ обзоръ главныхъ трудовъ этого учрежденія, и особенно обстоятельныя свѣдѣнія о ходѣ составленія академическаго словаря. Такъ какъ отдѣленіе наше въ настоящее время занято подобнымъ же трудомъ, то этотъ томъ представляетъ для насъ много поучительныхъ указаній, которыми мы и не преминемъ воспользоваться, но для большинства читателей особенно интересенъ общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ относительно значенія Россійской Академіи:

„Болѣе нежели полувѣковое существованіе Россійской Академіи“, говоритъ овъ,—„не прошло безслѣдно для русской литературы и науки. Къ такому заключенію приводитъ безпристрастное свидѣтельство данныхъ, которыми необходимо руководствоваться при оцѣнкѣ академической дѣятельности.

„Въ основнои дѣли Россійской Академіи, въ кругѣ академическихъ зачатіи и предпріятіи обнаруживается стремленіе къ самосознанію, которое такъ ярко выразилось въ нашей умственной жизни во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія. Мысль о всестороннемъ изученіи нашего отечества проявилась тогда съ особенною силою. Съ этою дѣлю предпринимались научныя путешествія по различнымъ краямъ Россіи, имѣющія такое важное значеніе въ области естественныхъ наукъ; этой же дѣли должно было служить и изученіе духовной стороны русскаго народа—его языка и его исторіи. Главнѣйшею задачею вполнѣ учреждаемой Академіи полагалось изученіе и разработка отечественнаго языка, а также и отечественной исторіи. Самое названіе: Россійская, данное академіи, какъ бы указывало на ея національное значеніе. Первый періодъ существованія Россійской Академіи ознаменованъ составленіемъ и изданіемъ словопроизводнаго словаря, котораго одного достаточно, чтобы сказать, что академія существовала не даромъ (стр. 366). Она добросовѣстно исполнила свою задачу и проложила дуть для дальнѣйшихъ работъ на открытому ею поприщѣ. Какъ велико было сочувствіе къ Россійской Академіи въ кругу ученыхъ и писателей, можно судить по дѣятельному участию въ трудахъ ея такихъ представителей литературы и науки, какъ Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ, Озерецковскій и др. Литературный органъ, получившій историческое значеніе — „Собесѣдникъ любителей русскаго слова“—издавался членами Россійской Академіи; на страницахъ его помѣщались статьи, представляемыя въ Россійскую Академію и читанныя въ ея засѣданіяхъ.

„Тяжелая пора настала для Академіи со смертью ея основательницы императрицы Екатерины II, принимавшей непосредственное участіе въ академическихъ трудахъ. Ссылка президента (кн. Дашковой) и явное нерасположеніе власти къ учено-литературному обществу, учрежденному Екатериною II,

служили какъ бы подтвержденіемъ тревожныхъ ожиданій. Съ воцареніемъ Императора Александра I судьба Россійской Академіи измѣнилась къ лучшему. Все, отнятое у Академіи, было ей возвращено. Но зданіе было уже расшатано, и для восстановления его требовалось много такихъ усилій, которыя были не по силамъ людямъ, желавшимъ призвать академію къ новой жизни. Многіе изъ дѣятелей Екатерининской эпохи сошли въ могилу; не было въ живыхъ ни Фонвизина, ни Лепехина, ни Болтина; княгиня Дашковой не могъ замѣнить Нартовъ, назначенный президентомъ. Преемникъ Нартова Шишковъ сдѣлался полнымъ властелиномъ Академіи; его воззрѣнія, его сочувствія, даже его литературные предразсудки находили вѣрный отголосокъ въ сужденіяхъ и приговорахъ Россійской Академіи. Вслѣдствіе этого Академія представлялась постороннему наблюдателю не столько учено-литературнымъ обществомъ, безпристрастно оцѣнивающимъ заслуги писателей, сколько литературною партіей, почтительно повторявшею мѣнія своего руководителя.

„Не смотря однакоже на всѣ неблагоприятныя обстоятельства, Россійская Академія продолжала приносить свою посильную пользу. Для вѣрнаго вывода въ этомъ отношеніи необходимо припомнить, что Россійская Академія принимала на себя обязанности, которыя вносилъ въ нихъ были раздѣлены между нѣсколькими учрежденіями. Работа надъ словаремъ, расположеннымъ по азбучному порядку, составившимъ славу Академіи во второй періодъ ея существованія; издавая, одны за другимъ, четыре учено-литературныхъ журнала, Академія занималась вмѣстѣ съ тѣмъ переводами съ иностранныхъ языковъ на русскій; издала на свои средства нѣсколько замѣчательныхъ произведеній русской литературы и науки; составляла и издавала учебныя книги; оказывала поддержку нуждающимся писателямъ, и т. д. На пособіе писателямъ и на снабженіе едва возникавшихъ тогда мѣстныхъ библиотекъ въ различныхъ краяхъ Россіи, Академія употребила около семидесяти тысячъ. Замѣтить, что въ тѣ времена нуждающіеся писатели находили единственную поддержку въ Россійской Академіи: она шла имъ на помощь, выдавая имъ значительныя денежныя суммы, подписываясь на нѣсколько сотъ экземпляровъ издаваемыхъ сочиненій, или же печатая на свой счетъ и предоставляя все изданіе въ пользу автора.

„Нельзя забыть также, что Россійской Академіи принадлежать починъ въ литературномъ сближеніи съ славянскимъ міромъ. Среди всеобщаго равнодушія къ славянству, Россійская Академія заговорила о необходимости изучать родственныя намъ славянскія нарѣчія, объ изданіи памятниковъ языка и словесности различныхъ славянскихъ народовъ, и т. п. Россійская Академія приглашала въ свою среду выдающихся славянскихъ ученыхъ и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ славянскими учено-литературными обществами и съ замѣчательнѣйшими изъ представителей науки и литературы славянъ, съ Добровскимъ, Коштаромъ, Колларомъ, Шафарикомъ, Палацкииъ, Ганкою, Караджичемъ, и др. Не мало научныхъ трудовъ на пользу славянства появилось въ свѣтъ, только благодаря щедрымъ пособіямъ со стороны Россійской Академіи; она же давала славянскимъ ученымъ и писателямъ весьма значительныя средства для собиранія и изданія памятниковъ устной и письменной словесности, для этнографическаго изученія славянскаго міра, и т. п.

„Но вмѣстѣ съ свѣтлыми сторонами въ академической дѣятельности были и темныя стороны. Главное ея несчастье заключалось въ томъ, что она не была предоставлена самой себѣ и не имѣла свободы выбора. Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наввно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствие талантовъ подрывало авторитетъ Академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а въ некоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бориса Федорова и князя Шихматова.

„Долго, чрезвычайно долго господствовало въ Академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было рано или поздно уступить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковского въ члены Россійской Академіи помирilo съ нею общественное мнѣніе и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красоту и славу отечественной литературы.

„Пушкинъ призываетъ, что Россійская Академія принесла истинную пользу нашему прекрасному языку, и можетъ, если захочетъ, ободрить и оживить нашу словесность. Краснорѣчивымъ приговоромъ надъ дѣятельностью Русской Академіи могутъ служить отзывы современниковъ, высказанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ закрытія Россійской Академіи, то-есть, преобразованія ея во второе отдѣленіе Академіи Наукъ“.

Объ этомъ обстоятельствѣ трудъ М. И. Сухомянинова въ первый разъ сообщаетъ точныя и полныя свѣдѣнія:

„Вліяніе Шишкова, господствовавшее въ академической жизни и дѣятельности, продолжалось до самой смерти Шишкова. Со смертью его прекратилось и существованіе Россійской Академіи. Докладывая государю, что президентъ Россійской Академіи Шишковъ скончался въ ночь съ 8-го на 10-е апрѣля 1841 года, министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ присовокупилъ, что впродъ до дальнѣйшаго повелѣнія онъ принялъ Россійскую Академію въ непосредственное свое управленіе. Императоръ Николай Павловичъ написалъ на этомъ докладѣ, 11-го апрѣля 1841 года: „Представьте Миѣ проектъ соединенія Россійской Академіи съ Академіею Наукъ“. Вслѣдствіе этого Уваровъ представилъ свой проектъ, по которому вмѣсто двухъ Академій предполагалось три подъ однимъ названіемъ: Императорскія соединенныя Академіи, а именно: 1) Академія наукъ, въ кругъ которой входятъ науки математическія и естественныя; 2) Академія русской словесности, или Славяно-русская академія, и 3) Академія исторій и филологій. Государь повелѣлъ, чтобы подъ общимъ названіемъ Императорской Академіи Наукъ состояло три отдѣленія. Для составленія устава Академіи Наукъ, съ которою соединялась Россійская Академія, учрежденъ былъ комитетъ, подъ предсѣдательствомъ вице-президента Академіи Наукъ князя Дондукова-Корсакова, изъ членовъ: со стороны Россійской Академіи—Востокова и Языкова, со стороны Академіи Наукъ—Френа и Фуса. Составленный этимъ комитетомъ проектъ академическаго устава представленъ въ министерство въ началѣ августа 1841 года; но до октября дѣлу не было дано дальнѣйшаго движенія. На докладѣ о медали, выбитой на пятидесятвлѣтіе Россійской Академіи, государь написалъ: „Пора

кончить съ дѣломъ Академіи: Я все жду“. Слова эти написаны 14-го октября 1841 года, а на другой день, 15-го октября того же года, Уваровъ представилъ государю докладъ о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ и объ утвержденіи академикомъ и адъюнктомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности. Причина замедленія заключалась, по словамъ Уварова, въ томъ, что дѣло Россійской Академіи, совсѣмъ оконченное, находилось въ числѣ дѣлъ, о которыхъ онъ надѣялся доложить лично, но болѣзнь воспрепятствовала. 19-го октября 1841 года государь утвердилъ положеніе объ этомъ отдѣленіи русскаго языка и словесности. Въ первомъ параграфѣ положенія говорится: „Императорская Россійская Академія присоединяется къ Императорской Академіи Наукъ въ видѣ особаго отдѣленія русскаго языка и словесности. Вслѣдствіе сего вся собственность первой, состоящая въ званіяхъ, денежныхъ суммахъ и другихъ принадлежностяхъ, обращается въ составъ имущества послѣдней“.

Изъ подробностей о ходѣ составленія Россійскою Академіей двухъ ея словарей могу привести здѣсь только самое существенное. Немедленно по учрежденіи своемъ, въ концѣ 1783 года, она приступила къ изготовленію словаря этимологическаго или слонопроизводнаго и успѣла окончить этотъ обширный трудъ, состоящій изъ 6-ти томовъ, въ теченіе 11-ти лѣтъ, именно въ 1794 году. Ея словарь, по словамъ М. И. Сухомлинова, является общимъ академическимъ трудомъ, не только по названію, но и въ дѣйствительности, и принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ, появившихся у насъ въ концѣ XVIII столѣтія. Особенно дѣятельное участіе въ его составленіи принимали Фонвизинъ, Болтинъ, Лепехинъ и еще нѣсколько ученыхъ и писателей того времени. Конечно, словопроизводный порядокъ словъ не есть въ практическомъ отношеніи самый удобный для словаря, но онъ значительно облегчаетъ первоначальный трудъ. Поэтому-то и Французская академія первоначально издала словарь этимологическій и, лишь сознавъ неудобство этой системы, предприняла переработку его въ азбучный. Покойный нашъ сочленъ И. П. Срезневскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей славянской филологін, рассматривая первый словарь Россійской Академіи и находя въ немъ много недостатковъ, говоритъ однакожь:

„Видѣте всѣхъ несовершенствъ его должно быть для насъ то, что въ немъ въ первый разъ собрана и приведена въ порядокъ громада 43.000 словъ уже не одного книжнаго русско-славянскаго языка, но русскаго общественнаго, простонароднаго, ученаго, техническаго. Сравнивая же этотъ словарь русскій со словарями западно-европейскихъ языковъ того времени, нельзя не согласиться, что очень немногіе составлены лучше, сообразнѣе съ потребностями общими.... Не тѣмъ бы, говорить, должна была начать Академія, чѣмъ начала: должна была бы позаботиться болѣе о собраніи и правильномъ и подробномъ объясненіи словъ, чѣмъ о систематизированіи ихъ по кор-

нятъ, предоставивъ хлопоты о словопроизводствѣ на будущее время; но едва ли она могла поступить иначе, сообразно со средствами, которыми могла располагать. Академія знала, что съ помощью однихъ словъ легко припоминать другія слова такого же корня, употребивъ словопроизводство въ помощь, и едва ли ошиблась въ выборѣ метода, едва ли могла бы сдѣлать свой первый словарь столь обильнымъ, еслибы держалась какихъ-нибудь другихъ правилъ. Что касается ея системы словопроизводства, то сколько ни помогла она смѣлостью знанію, она не выходила, при отлеченіи корней, изъ предѣловъ простой наглядности и, слѣдовательно, не могла себя затруднить рѣшеніями сложныхъ этимологическихъ вопросовъ. Приготовивши себѣ „Словаремъ словопроизводнымъ“ главную часть матеріала, Академія продолжала свои труды заботами объ умноженіи и объясненіи словъ и черезъ десять лѣтъ по изданіи послѣдней части перваго словаря приступила къ печатанію первой части втораго*.

Этотъ второй словарь былъ расположенъ въ азбучномъ порядкѣ. Задача состояла въ приведеніи этимологическаго словаря въ буквенный порядокъ. Въ обоихъ словаряхъ и опредѣленія словъ, и примѣры—одни и тѣ же, все отличіе заключается весьма часто въ самомъ легкомъ измѣненіи релакціи, сокращеніи числа примѣровъ и и т. под. Второй словарь, начатый въ 1801 году, сталъ появляться въ 1806: тогда вышла его первая часть, шестая же и послѣдняя издана въ 1822 году. Въ составъ его, по словамъ того же академика Срезневскаго, вошло до 52.000 словъ языка книжнаго, стараго и новаго, языка народнаго, равно и термины наукъ, художествъ, и т. д. При словахъ менѣе обыкновенныхъ есть свидѣтельства и ссылки на книги, при словахъ обыкновеннаго разговорнаго языка—выраженія поговорочныя. Словарь не полонъ ни по количеству словъ, ни по отлеченію смысловъ словъ; въ немъ не мало и странностей и ошибокъ, по мысль, руководившая составителей, выкупаетъ ошибки, а время составленія ихъ извиняетъ. Азбучный словарь Академіи останется навсегда однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свидѣтельствъ первыхъ успѣховъ русской науки и лучшимъ памятникомъ усилій Россійской Академіи.

III.

По примѣру Россійской Академіи, отдѣленіе русскаго языка и словесности первою заботою поставило себѣ изготовленіе новаго, болѣе полнаго и удовлетворительнаго словаря, и черезъ шесть лѣтъ, именно въ 1847 году, издало въ 4 томахъ „Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка“, въ который вошло 115.000 словъ. Уже искорѣ послѣ появленія этого труда, отдѣленіе, желая заранѣе употребить всѣ средства къ усовершенствованію его въ будущемъ, при-

ялось за приготовительныя къ тому работы; но мало по малу другія занятія отвлекли его вниманіе отъ этой задачи, и только въ минувшемъ году оно имѣло возможность возвратиться къ давно задуманному дѣлу. Въ прошлогоднемъ отчетѣ А. Θ. Бычковъ уже сообщилъ, что оно поручено академику Гроту, который съ тѣхъ поръ, при помощи двухъ молодыхъ магистрантовъ, гг. Смирнова и Пѣтухова, уже и успѣлъ вчернѣ обработать слова на 12 первыхъ буквъ. Другія лица приглашены имъ къ выпискѣ примѣровъ изъ лучшихъ писателей; особеннаго упоминанія заслуживаетъ значительное собраніе извлеченій, выписанныхъ г. Шейномъ изъ сочиненій Пушкина. Такимъ образомъ дѣло подвигается хотя и не быстро, но безостановочно, на сколько это позволяютъ другія, лежація на предсѣдательствующемъ обязанности по отдѣленію. Существенное отличіе будущаго изданія академическаго словаря отъ прежнихъ заключается въ томъ, что это будетъ словарь собственно русскаго языка. Въ эпоху составленія первоначальнаго словаря, да и при позднѣйшей переработкѣ его, вовсе еще не было особыхъ словарей церковно-славянскаго языка; самое понятіе объ отдѣльномъ отъ него существованіи русскаго языка не было вполне выяснено. Теперь же, когда мы имѣемъ словари Востокова и Миклошича, нѣтъ уже надобности мѣшать въ одномъ и томъ же лексиконѣ два разныхъ нарѣчій; само собою разумѣется, однако, что изъ русскаго словаря не могутъ быть исключаемы тѣ церковно-славянскія слова, которыя пріобрѣли право гражданства въ русскомъ или получили общую извѣстность изъ исторіи. Даже и старинныя русскія, но малоизвѣстныя слова предполагается исключить изъ словаря на томъ основаніи, что въ настоящее время отдѣленіе печатаетъ Древне-русскій словарь, составленный академикомъ И. И. Срезневскимъ. Приведенный въ порядокъ дочерью покойнаго, Ольгой Измайловною, онъ печатается, при ея участіи въ окончательной редакціи, подъ наблюденіемъ академика Бычкова.

Печатаніе Литовско-русскаго словаря, оставленнаго въ рукописи покойнымъ И. В. Юшковичемъ, продолжалось подъ надзоромъ профессора Московскаго университета Ф. Θ. Фортунатова.

Академикъ А. Н. Веселовскій, продолжая свои изслѣдованія по исторіи романа и повѣсти, напечаталъ въ академическомъ изданіи обширное приложеніе къ прежнему труду, подъ заглавіемъ: „Новыя данныя для исторіи романа объ Александрѣ“. Поводомъ къ этой работѣ послужила сообщенная ему румынскимъ ученымъ, д-ромъ Гастеромъ, любопытная еврейская Александрія XII вѣка, бросающая

новый свѣтъ на литературную исторію Псевдокаллистоена въ средне-вѣковой Европѣ и у славянъ. Главные результаты этой работы были изложены авторомъ въ *Giornale storico della letteratura italiana*, т. IX, по поводу отчета о книгѣ Paul Meyer'a: *Alexandre le Grand dans la littérature française du moyen âge* (Paris, 1886, 2 vol.). Второй томъ излѣдованій по исторіи романа и повѣсти посвященъ троянской притчѣ и бѣлорусскимъ повѣстямъ, найденнымъ въ одномъ познанскомъ сборникѣ XVI вѣка: въ нихъ числѣ единственный экземпляръ русскаго Тристана и древнѣйшая редакція сказки о Бовѣ. Текстъ познанскихъ повѣстей уже отпечатанъ, отрывки изслѣдованія о нихъ явились на страницахъ Журнала Мин. Народн. Просв. („Бѣлорусскія повѣсти о Тристанѣ и Бовѣ въ познанской рукописи XVI вѣка“). Общій выводъ, получаемый изъ сравнительнаго разбора текстовъ, позволяетъ выдѣлить въ исторіи специально-русскихъ повѣстей особую ихъ группу, посредствующую между древнею, слѣдовавшею византійскимъ образцамъ, и позднѣйшею, приходившею съ запада черезъ Польшу, тогда какъ тѣ же западныя, ближе—италіанскія вліянія, оказывается, достигали насъ и раньше при посредствѣ переводовъ съ сербскаго. Для исторіи литературнаго усвоенія западныхъ идей и рыцарскихъ понятій на почвѣ славянства тексты, объединенные авторомъ подъ названіемъ „Славяно-романскихъ повѣстей“, даютъ не безынтересный матеріалъ.

Къ той же литературной области относится и другая работа академика Веселовскаго, явившаяся недавно въ академическомъ изданіи подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи русской переводной повѣсти XVIII вѣка. M-me d'Aulnoy, Histoire d'Hypolite, и лубочныя сказки о принцѣ Адольфѣ“. Последняя оказывается неузнаннымъ сокращеніемъ перевода, сдѣланнаго въ половинѣ прошлаго столѣтія, одного эпизода изъ упомянутаго романа m-me d'Aulnoy.

Другія работы и отчеты академика Веселовскаго печатались въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Вѣстникѣ Европы и въ *Archiv für slavische Philologie*.

Академикъ И. В. Ягичъ, къ сожалѣнію, могъ только издали участвовать въ занятіяхъ отдѣленія, на сколько ему позволяло свободное время, которое въ первый годъ его дѣятельности при Вѣнскомъ университетѣ было по необходимости ограничено. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ начатые въ Россіи труды и въ дополненіе къ изданной имъ здѣсь перепискѣ Добровскаго съ Копитаромъ печаталъ корреспонденцію разныхъ западно-славянскихъ филологовъ—слави-

ство въ то между собою, то съ русскими современниками, какъ важный источникъ для будущей исторіи славянской науки. Кромѣ того онъ предпринялъ новый, цѣнный въ этомъ же смыслѣ трудъ, который долженъ будетъ представить въ одномъ цѣломъ все то, что въ теченіи прошлыхъ столѣтій высказывалось о церковно-славянскомъ языкѣ у южныхъ славянъ и у насъ, въ Россіи въ видѣ разсужденій о языкѣ, о правописаніи, о задачахъ переводовъ на славянской языкъ съ греческаго и т. п. Для изученія этого вопроса нашъ сочленъ пріѣхалъ лѣтомъ нынѣшняго года въ Петербургъ и въ Москву и затѣмъ представилъ въ отдѣленіе докладную о томъ записку, въ которой говоритъ между прочимъ:

„Церковно-славянской языкъ, какъ органъ духовной жизни громаднаго большинства славянскихъ народовъ, занималъ у нихъ въ продолженіе многихъ столѣтій такое же положеніе, какое выпало на долю латинскаго въ средніе вѣка западной Европы. Поэтому, надо полагать, онъ долженъ былъ быть усердно изучаемъ. Но это изученіе шло безгласно, преимущественно путемъ практическаго усвоенія словъ, выраженій и оборотовъ, попадающихся въ церковныхъ книгахъ. Изъ столѣтія въ столѣтіе передавался этотъ языкъ по книгамъ. Иногда, хотя вообще довольно рѣдко, слышатся также и теоретическіе отзвѣны о церковно-славянскомъ языкѣ: то разсуждается о значеніи его на ряду съ греческимъ и латинскимъ, при чемъ усердно отстаиваются права его, то выставляется трудность задачи переводить съ греческаго на славянской языкъ, наконецъ дѣлаются попытки пониманія этого языка посредствомъ различныхъ объясненій и словотолкованій, или же замѣтно стараніе обезначить исправное примѣненіе его въ письменности путемъ правилъ орфографическихъ и грамматическихъ. Мало, слишкомъ мало вниманія обращалось до сихъ поръ на эту сторону церковно-славянскаго языка: ее обходили молчаніемъ, какъ будто бы она не существовала или не имѣла для нашего времени никакого болѣе значенія. Но такой взглядъ былъ бы не совсѣмъ вѣренъ. То, что въ теченіе многихъ столѣтій продолжало быть предметомъ теоретическаго обсужденія, что служило руководствомъ для людей грамотныхъ при передачѣ „божественнаго“ писанія, не можетъ и не должно быть чуждо нашимъ научнымъ интересамъ. Мы должны познакомиться съ этими теоріями, потому что онѣ важны для оцѣнки возрѣвннй стараго времени, господствовавшихъ впрочемъ еще недавно (при обученіи грамотѣ нашихъ дьячковъ); онѣ дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію различныхъ тонкостей, довольно искусственныхъ по своему характеру, но строго соблюдаемыхъ въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ.“

Изучая этотъ предметъ по южно-славянскимъ и русскимъ рукописямъ, академикъ Ягичъ убѣдился, что подобрать весь этотъ матеріалъ въ одно цѣлое представило бы для исторіи церковно-славянскаго языка трудъ очень полезный. Вотъ почему онъ и взялся за это дѣло и успѣлъ уже приготовить часть его, именно ту, которая

составить первую половину сборника, задуманнаго имъ подъ заглавіемъ: „Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ“. Цѣлое изданіе по плану, указанному самимъ содержаніемъ, должно состоять изъ двухъ частей: грамматической и лексической.

Журнала *Archiv für slavische Philologie*, издаваемаго И. В. Ягичемъ въ Берлинѣ, вышелъ X томъ при участіи въ немъ, кромѣ нашего сочлена, какъ редактора, еще многихъ другихъ специалистовъ-филологовъ, въ числѣ которыхъ всегда есть и русскіе ученые.

IV.

Двумя изъ членовъ Отдѣленія собраны въ настоящемъ году нѣкоторыя изъ прежде изданныхъ ими статей.

Подъ заглавіемъ „Народная поэзія“ академикъ *Θ. И. Буслаевъ* напечаталъ томъ своихъ монографій, относящихся къ изслѣдованію древнихъ памятниковъ народнаго творчества въ стихотворной формѣ и остававшихся до сихъ поръ разбѣянными въ разныхъ журналахъ. Хотя большая часть этихъ статей въ первый разъ появилась около четверти вѣка тому назадъ, но всѣ онѣ составляютъ результатъ такого основательнаго изученія русской старины и народности, что и теперь еще не утратили своего достоинства и интереса. Въ краткомъ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что господствующая въ нихъ точка зрѣнія устарѣла, что ученіе о самобытности народныхъ основъ мифологіи, обычаевъ и сказаній, которое онъ проводилъ въ этихъ монографіяхъ, уступило мѣсто теоріи взаимнаго между народами общенія въ устныхъ и письменныхъ преданіяхъ. Нельзя однакожь не замѣтить, что и г. Буслаевъ въ своихъ изслѣдованіяхъ русской народности, благодаря обширному знакомству съ западно-европейскими произведеніями народной словесности, безпрестанно находитъ въ нихъ аналогіи съ памятниками русскаго эпоса и удачно пользуется сравнительнымъ методомъ для объясненія въ послѣднихъ того, что иначе оставалось бы непонятнымъ. Первое мѣсто и по обширности, и по значенію занимаетъ въ этомъ сборникѣ статья, озаглавленная „Русскій богатырскій эпосъ“. Какъ образчикъ изслѣдованій академика Буслаева приведу изъ этой статьи любопытное мѣсто относительно распространенности у славянъ почитанія рѣкъ.

„Мифическія представленія свѣта, солнца, огня, неба, вѣтровъ могутъ быть объяснены независимо отъ мѣстной обстановки тѣхъ племенъ, гдѣ эти представленія живутъ и развиваются. Иное дѣло съ рѣками и горами. Здѣсь общее представленіе о водѣ или возвышенности непременно приурочивается къ извѣстной мѣстности, а уже вмѣстѣ съ тѣмъ и къ индивидуальнымъ осо-

бенностямъ народнаго быта, состоящаго въ тѣсной связи съ условіями мѣстными. Народный эпосъ воспѣваетъ мнѳческія и героическія личности Дуная, Дона, Дѣбры и Дѣбры, или Нѣбры, Волхова, Смородины, не потому только, что въ эпоху образованія поэтическихъ мнѳовъ у славянъ господствовалъ культъ стихійныхъ божествъ вообще, но и въ частности потому, что рѣки, и именно извѣстныя рѣки, давали особенное направленіе и характеръ древнѣйшему быту славянъ. Дѣйствительно, въ раннюю эпоху своего мнѳологическаго броженія, славянскія племена, разнося съ собою общія начала индоевропейской мнѳологій и еще во всей свѣжести воссоздавая мнѳческія основы своего народнаго эпоса, разсѣлились по рѣкамъ. Рѣки были для нихъ не только путями переселенія и сообщенія, но и границами, гдѣ они основывали свои становища. Такимъ образомъ, въ непроходимыхъ лѣсахъ и дебряхъ рѣки предлагали дорогу для кочевниковъ, а свои берега для осѣдлыхъ настуховъ и земледѣльцевъ. Соображаясь съ бытомъ и представленіемъ славянскихъ племенъ, Несторъ описываетъ ихъ разселеніе по рѣкамъ... Разселился и сядись по рѣкамъ, славяне давали имъ названія древнѣйшія, можетъ быть, вынесенныя изъ первобытной родины съ отдаленнаго Востока и имѣвшія сначала нарицательное значеніе рѣки вообще и потомъ уже получившія индивидуальный характеръ собственныхъ именъ. Такъ, рѣки Сава, Драва, Одра или Одеръ, Ра, Уна, Донъ, Дунай, древнѣйшаго индоевропейскаго происхожденія, имѣютъ себѣ родственныя формы въ санскритѣ, въ смыслѣ воды или рѣки вообще; или же явственно происходятъ отъ древнѣйшихъ индоевропейскихъ корней, въ большей части сохранившихся въ санскритѣ. Племена, выселившіеся изъ общей арійской родины въ Европу, вынесли съ собою общее индоевропейское имя рѣки вообще дунн, и въ этомъ же нарицательномъ значеніи оставили его между горными племенами на Кавказѣ, гдѣ доселѣ у осетянъ формы дун и дон означаютъ рѣку или воду вообще. Но потомъ у славянъ Донъ получило смыслъ собственного имени, а форма дун, съ окончаніемъ авъ, именно Дунавъ, и потомъ Дунай имѣеть значеніе и собственное извѣстной рѣки, и нарицательное, рѣки вообще, какъ, напримѣръ, поется въ одной польской пѣснѣ: За рѣками... за Дунами. Согласно древнѣйшему быту славянскихъ племенъ, русскій эпосъ воспѣваетъ знаменитыя рѣки, олицетворяя ихъ въ видѣ богатырей. По мѣрѣ того, какъ нарицательныя имена Донъ, Дунай, Дѣбры, означавшія рѣку вообще, стали болѣе и болѣе опредѣлять свой собственный, индивидуальный характеръ, въ памяти и воображеніи славянскихъ племенъ все болѣе и болѣе оказывалась потребность оживить фантазіей эти отвлеченныя имена, придать имъ личную индивидуальность, то-есть, олицетворить въ опредѣленной формѣ человѣческаго образа“.

Такимъ образомъ г. Буслаевъ часто прибѣгаетъ къ пособію филологій для своихъ выводовъ относительно вѣрованій и преданій народныхъ. О самомъ словѣ богатырь, какъ названіи героя эпическихъ сказаній, мы находимъ въ рассматриваемой статьѣ слѣдующее объясненіе:

„Слово богатырь особенно распространено въ русской народной поэзіи. Кромѣ поляковъ, ни у кого изъ прочихъ славянскихъ племенъ его нѣтъ. Вмѣсто его употребляютъ то юнакъ, то грдина, то какое-нибудь другое ре-

ченіе. Въ древнерусской письменности до самыхъ татаръ слово богатырь не встрѣчается, и самая мысль о герояхъ, какъ кажется, не имѣла для себя въ языкѣ установившейся, одной, опредѣленной формы. Гдѣ бы слѣдовало сказать богатырь, мы читаемъ то кметъ (въ Словѣ о полку Игоревѣ), то витязь (въ Лѣтописи Переяславск.), то просто мужъ, воинъ, храбрый и др. Далѣе, въ позднѣйшихъ памятникахъ, рядомъ съ богатыремъ, какъ бы въ дополненіе мысли, употребляются удалецъ, рѣзвецъ (въ Рязанск. повѣсти объ Евпатіи Коловратѣ). Только со времянь татаръ и первоначально — сколько мнѣ извѣстно — только о татарскихъ воеводахъ стало у насъ употребляться слово богатырь, и что особенно важно, какъ варіантъ формы багатуръ (монгольск. baghatur). А именно въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи (XIV—XV в.), подъ 1240 г. между Батшевыми воеводами встрѣчаемъ: „Се бѣдлай (вар. Себедлай) богатуръ и бурундай богатуръ“. При этомъ реченіи варіанты: багатырь и богатырь. Далѣе, тамъ же, подъ 1243 г., читаемъ, какъ къ князю Даніилу въ Холмъ прибѣжалъ половчанинъ Актай и говорилъ: „Батий воротился есть изо Угоръ, и отрядилъ есть на тя два богатыря возыскати тебѣ, Монъ-мана и Балаа“. Ясно, что слово богатырь, по монгольскому обычаю, употреблялось въ нашихъ лѣтописяхъ въ видѣ титула при собственныхъ именахъ“.

Другое изданное Отдѣленіемъ собраніе статей академика Грота вызвано было чествованіемъ въ началѣ года памяти Пушкина по поводу исполнившагося тогда пятидесятилѣтія со дня его кончины. Книга носитъ названіе: „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, но заключаетъ въ себѣ и нѣсколько статей, относящихся къ позднѣйшимъ эпохамъ изъ жизни поэта. Этотъ небольшой сборникъ и начинается рѣчью, произнесенною составителемъ его въ Александровскомъ лицей 29-го января. Отдѣленіе не могло не откликнуться на выраженное во всѣхъ концахъ Россіи желаніе воспользоваться случаемъ, чтобы почтить память великаго поэта. Въ ознаменованіе этихъ поминковъ и былъ предпринятъ трудъ, посвященный дорогой отечеству славы.

Исполнившееся въ этомъ же году столѣтіе со дня рожденія другаго даровитаго и высоко-цѣнимаго потомствомъ писателя, Е. Н. Вятшкова, послужило поводомъ къ торжественному засѣданію отдѣленія, соединившему въ стѣнахъ Академіи многочисленную и блестящую публику. Произнесенныя въ этомъ собраніи академикомъ Гротомъ и корреспондентомъ нашимъ Л. Н. Майковымъ рѣчи уже напечатаны.

Въ нынѣшнемъ же году праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности члена-корреспондента Академіи Наукъ Я. П. Полонскаго. Отдѣленіе поставило себѣ въ особенное удовольствіе принять участіе въ этомъ единодушномъ чествованіи любимаго русскимъ обществомъ таланта и привѣтствовало Якова Петровича

адресомъ. Позднѣе отдѣленіе пригласило г. Полонскаго въ члены комиссіи по конкурсу на Пушкинскія преміи, и въ знакъ благодарности Академіи за оказанное ей въ этомъ случаѣ содѣйствіе присудило ему золотую Пушкинскую медаль.

V.

Изъ принадлежащихъ постороннимъ ученымъ трудовъ, изданіе которыхъ отдѣленіе приняло на себя и которые въ истекающемъ году печатались, слѣдуетъ упомянуть:

1. Издаваемый подъ наблюденіемъ академика Бычкова „Бѣлорусскій сборникъ“ П. В. Шейна, собраніе народныхъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-Западнаго края. Въ 1887 году появился первый обширный томъ этого собранія; продолженіе печатается.

2. „Описаніе Черногоріи“, составленное на мѣстахъ извѣстнымъ путешественникомъ П. А. Ровинскимъ. Географическій и этнографическій отдѣлы этого описанія уже окончены печатаніемъ; теперь идетъ часть историческая.

3. Біографія одного изъ дѣятелей Академіи Наукъ въ прошломъ столѣтіи, натуралиста Эрика Лаксмана, составленная на шведскомъ языкѣ профессоромъ Лагусомъ и издаваемая въ русскомъ переводѣ г. Паландера.

Два послѣдніе труда печатаются подъ наблюденіемъ академика Грота, а такъ какъ для вѣрной передачи подлинника біографіи Лаксмана необходимы, сверхъ знанія языковъ, спеціальныя свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ, то въ просмотрѣ печатаемаго перевода принимаютъ постоянное участіе члены физико-математическаго отдѣленія, гг. академики А. В. Гадолинъ и К. И. Максимовичъ.

Въ 1883 году, по просьбѣ вдовы профессора А. А. Котляревскаго и на пожертвованныя ею средства учреждена при Академіи Наукъ премія имени Котляревскаго за лучшія изслѣдованія по славянской филологіи и археологіи. Въ то же время отдѣленіе, цѣни заслуги покойнаго по разработкѣ русской и славянской старины, опредѣлило, согласно желанію г-жи Котляревской, напечатать собраніе трудовъ его, помѣщенныхъ большею частью въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Нынѣ эти труды, по просмотрѣ ихъ отдѣленіемъ, приведены въ хронологическій порядокъ, и въ наступающемъ году предполагается приступить къ печатанію ихъ.

Въ заключеніе мнѣ остается упомянуть еще объ одномъ предпріятіи отдѣленія. По окончаніи „Исторія Россійской Академіи“, М. И. Сухомлиновъ заявилъ о своей готовности заняться изданіемъ „Полнаго собранія сочиненій Ломоносова“, какъ трудомъ, давно признаваемымъ одною изъ задачъ Академіи. По представленной г. Сухомлиновымъ программѣ, предполагается напечатать всё безъ исключенія сочиненія и письма Ломоносова по подлиннымъ рукописямъ, если таковыя сохранились, въ хронологическомъ порядкѣ, и съ примѣчаніями, объясняющими, по какому поводу каждое сочиненіе было написано и гдѣ впервые напечатано; въ составъ изданія войдетъ и біографія Ломоносова. Отдѣленіе, выразивъ живѣйшее сочувствіе къ этому предпріятію, о которомъ оно давно уже помышляло, вполне одобрило изложенную программу. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно опредѣлило обратиться ко всѣмъ лицамъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться матеріалы этого рода, въ особенности же частныя письма Ломоносова, съ просьбою не отказать въ сообщеніи подобныхъ документовъ, какъ бы незначительны ни оказались они, на время въ Академію, адресуя: „Въ отдѣленіе русскаго языка и словесности“. Каждый такой документъ будетъ тщательно сбереженъ и по минованіи надобности возвращенъ владѣльцу въ полной сохранности. Отдѣленіе ласкаетъ себя надеждою, что предпріятіе это будетъ сочувственно встрѣчено всѣми просвѣщенными соотечественниками, и что русское общество охотно окажетъ Академіи содѣйствіе къ успѣшному его исполненію.

НАШИ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

УНИВЕРСИТЕТЪ СВ. ВЛАДИМИРА ВЪ 1886 ГОДУ.

Наличный составъ штатныхъ преподавателей въ университетѣ св. Владиміра къ 1-му января 1887 года былъ слѣдующій: на историко-филологическомъ факультетѣ—ординарныхъ профессоровъ 5, экстраординарныхъ 5, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, итого 13; на физико-математическомъ—ординарныхъ профессоровъ 12, экстраординарныхъ 2, астрономъ-наблюдатель 1, итого 15; на юридическомъ—ординарныхъ профессоровъ 4; экстраординарныхъ 2, итого 6; на медицинскомъ—ординарныхъ профессоровъ 14, экстраординарныхъ 5, прозекторовъ 4, итого 23. Всего штатныхъ преподавателей состояло: ординарныхъ профессоровъ 35, экстраординарныхъ 14, лекторовъ иностранныхъ языковъ 3, астрономъ-наблюдатель 1, прозекторовъ 4, итого 57. Сверхштатныхъ профессоровъ было 9, по кафедрамъ: богословія, оперативной хирургіи, чистой математики, теоріи и исторіи искусствъ, гражданского права, государственнаго права, финансоваго права, энциклопедіи права и исторіи философіи права, и терапевтической факультетской клиники. Приватъ-доцентовъ состояло 28, въ томъ числѣ: 4 по классической филологіи, 3 по хирургической патологіи, по 2 по терапевтической клиникѣ и по дѣтскимъ болѣзнямъ, и по одному—по русской словесности, русской исторіи, церковной исторіи, агрономіи, зоологіи, уголовному праву, церковному праву, политической экономіи и статистикѣ, оперативной хирургіи, общей хирургіи, акушерству и женскимъ болѣзнямъ, теоретической хирургіи, физиологіи, фармаціи и фармакогнозіи, судебной химіи, медицинской химіи и чистой математикѣ. Сравнительно съ 1885 годомъ, въ 1886 году было болѣе 3 ординарныхъ профессоровъ и 8 приватъ-

доцентовъ и менѣе однимъ экстраординарнымъ профессоромъ. До положеннаго по дѣйствующему уставу и штату числа лицъ недостаетъ: 5 ординарныхъ профессоровъ, 9 экстраординарныхъ, 1 лектора и двухъ прозекторовъ. Нѣкоторые изъ экстраординарныхъ профессоровъ, занимая катедры, не имѣли ученой степени доктора, такихъ профессоровъ состояло 6.

Изъ числа положенныхъ по дѣйствующему университетскому уставу катедръ о оставались незамѣщенными слѣдующія 11: по историко-филологическому факультету—церковной исторіи и географіи и этнографіи, по физико-математическому—агрономіи, по юридическому—церковнаго права, политической экономіи и статистики, торговаго права, энциклопедіи права, финансоваго права; по медицинскому—фармаціи и фармакогнозіи, частной патологіи и терапіи, хирургической патологіи съ десмургіей и ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, исторіи и энциклопедіи медицины. Изъ поименованныхъ 11 катедръ 6 поручены были преподавателямъ другихъ предметовъ, а по остальнымъ 5-ти, именно: географіи и этнографіи, финансоваго права, частной патологіи и терапіи, хирургической патологіи и исторіи и энциклопедіи медицины, преподаваніе вовсе не производилось.

Въ теченіе 1886 года факультеты имѣли засѣданій: историко-филологическій — 16, физико-математическій — 20, юридическій—23, медицинскій—16. Въ отношеніи расиредрѣленія предметовъ и порядка ихъ преподаванія, сравнительно съ 1885 годомъ, сдѣланы были измѣненія соотвѣтственно съ проектами учебныхъ плановъ и указаній министерства. Способы контроля за научными занятіями студентовъ заключались, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: а) производились бесѣды преподавателей по предметамъ ихъ чтеній, б) практическія занятія по основнымъ и главнымъ предметамъ, а также въ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, в) репетиціи по всѣмъ предметамъ, г) требовались обязательныя домашнія чтенія по указаніямъ преподавателей, д) обязательное участіе въ репетиціяхъ по всѣмъ выслушаннымъ предметамъ, е) обязательное исполненіе каждымъ студентомъ письменныхъ работъ. Сверхъ того, въ концѣ семестровъ, производились повѣрочныя испытанія студентовъ всѣхъ факультетовъ по предметамъ, прослушаннымъ въ теченіе семестра.

Для соисканія наградъ медалями въ 1886 году предложены были слѣдующія темы: отъ историко-филологическаго факультета—„Очеркъ исторіи Волынскаго княжества“, „Русская школьная драма XVII—XVIII вѣковъ“, „Гайдуки и гайдучество по юнацкимъ

пѣснямъ сербовъ и болгаръ“, „О поэтикѣ Аристотеля“, „Аграрный вопросъ при Гракхахъ“; отъ физико-математическаго— „Сдѣлать возможно большее число опредѣленій физическихъ свойствъ различныхъ изомеровъ или представителей какой-либо группы органическихъ соединений“, „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ“, „Изучить растенія мѣстной флоры въ отношеніи способа ихъ возобновленія и размноженія помощью луковицъ, клубней и корневыхъ шишекъ“, „Изложить теорію инвариантовъ, показать приложеніе и значеніе ихъ въ аналитикѣ и геометріи, изложить въ краткомъ очеркѣ исторію развитія теоріи инвариантовъ“, „Преобразование дифференціальныхъ уравненій къ новымъ переменнымъ“; отъ юрическаго— „Имущественныя отношенія между отцомъ и подвластнымъ сыномъ по римскому праву“, „О страхованіи имуществъ по русскому законодательству“, „Догматическое ученіе о контокоррентѣ“, „О подданствѣ и натурализаціи“; отъ медицинскаго— „Сосудодвигательная нервная система. Изложеніе современнаго ученія объ управленіи этой системы и экспериментально-критическая оцѣнка этого ученія“. За представленныя на эти темы сочиненія удостоены медалей: золотыхъ—3 студента (1 историко-филологическаго и 2 юридическаго факультетовъ), серебряныхъ—6 (3 историко-филологическаго и 3 медицинскаго факультетовъ). Съ тою же цѣлью назначены на 1887 годъ темы: историко-филологическимъ факультетомъ — „О рѣчи Плавта“, „De syntaxi congruentiae Tacitea“, „Характеристика церковно-политическихъ воззрѣній Григорія VII на основаніи его регистра“, „Эстетическія воззрѣнія Шиллера“ и „О раздражительномъ характерѣ и греческомъ элементѣ у Римлянъ-элегиковъ“; физико-математическимъ— „Сдѣлать возможно-большее число опредѣленій физическихъ свойствъ изомеровъ или представителей какой-либо группы органическихъ соединений“, „Анатомическое строеніе цвѣточныхъ органовъ“, „Преобразование дифференціальныхъ уравненій къ новымъ переменнымъ“ и „Изложить теорію инвариантовъ, показать приложеніе и значеніе ихъ въ аналитикѣ и геометріи; изложить въ краткомъ очеркѣ исторію развитія теоріи инвариантовъ“; юридическимъ— „Имущественныя отношенія между отцомъ и подвластнымъ сыномъ по римскому праву“, „Русскія земскія учрежденія сравнительно съ западно-европейскими“ и „Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства по сравненію ихъ съ уставными грамотами Московскаго государства“; медицинскимъ — „Исслѣдовать дѣйствіе уретона на центральную нервную систему и сердце“, „О

развитіи сѣменныхъ тѣлъ у позвоночныхъ животныхъ" и „Причины смерти у животныхъ при устраненіи перспираціи значительныхъ участковъ кожи посредствомъ лакированія“. Сверхъ медалей въ 1886 году присуждена одна денежная премія въ 100 руб. имени Н. И. Пирогова студенту 8-го семестра Андріашеву за сочиненіе, написанное на заданную историко-филологическимъ факультетомъ тему: „Очеркъ исторіи Волынской земли до конца XIV вѣка“, удостоенное и золотой медалію.

Преподаватели университета св. Владиміра, независимо отъ исполненія служебныхъ обязанностей, издали отдѣльными книгами или помѣстили въ періодическихъ изданіяхъ слѣдующіе учено-литературные труды: профессора—В. А. Караваевъ издалъ отдѣльнымъ выпускомъ и помѣстилъ въ Киевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Оперативную хирургию съ атласомъ“, В. С. Иконниковъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ „Новые матеріалы для исторіи царствованія Петра Великаго“ и „Сборникъ изслѣдованій и очерковъ“; Ѡ. Я. Фортинскій въ томъ же изданіи помѣстилъ статьи: „Новое изданіе произведеній Григорія Турскаго“ и „Научно-издательская дѣятельность Георга Вайца“; В. Б. Антоновичъ напечаталъ въ Трудахъ VI археологическаго съѣзда „Изслѣдованіе о скальныхъ пещерахъ на берегахъ Днѣпра“; И. В. Лучицкій помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ статью „Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV—XV в.“; Н. П. Дашкевичъ въ тѣхъ же Извѣстіяхъ напечаталъ статью; „Кіевъ по нѣкоторымъ произведеніямъ древне-сѣверской поэзіи“ и, по порученію Академіи Наукъ, составилъ рецензію на книгу профессора Петрова: „Очерки украинской литературы XIX вѣка“; Ю. А. Кулаковскій помѣстилъ статьи: въ Русскомъ Вѣстникѣ—„Современное состояніе англійскихъ университетовъ“ и въ Журналѣ Мин. Нар. Просв.—а) „Новыя книги по исторіи Римской имперіи“, „Ученныя пособія по классической филологіи“ и „Надписи Черноморскаго побережья“; П. П. Алексѣевъ приготовилъ къ печати „Анализъ газовъ“ и напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Матеріалы для исторіи химической лабораторіи университета св. Владиміра“ и „Обзоръ русской химической литературы за 1885 годъ“ и въ Вюллетеняхъ Парижскаго Химическаго Общества—„Sur la constitution des combinaisons nitriques de la série grasse“; О. В. Баранецкій помѣстилъ въ Запискахъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей статью „Утолщеніе стѣнокъ паренхимы“; О. О. Эйхельманъ въ Archiv für öffentlicher Recht статью „Das Kaiserl. russische Thron-

folge-und-Hausgesetz"; Л. Н. Казанцевъ началъ печатаніе „Избранныхъ мѣстъ изъ источниковъ римскаго гражданскаго права“, Д. Г. Тальбергъ помѣстилъ въ Юридическомъ Вѣстникѣ: „О поврежденіи имущества по проекту уголовнаго уложенія“ и „О похищеніи имущества по проекту уголовнаго уложенія“; Ѳ. Ѳ. Эргардтъ напечаталъ: въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Судебно-медицинская экспертиза объ убійствѣ Сарры Беккеръ“ и въ газетѣ Кіевлянинъ—„Наука и ея примѣненіе на судѣ“; В. А. Вецъ помѣстилъ: въ Дневникѣ съѣзда хирурговъ въ С.-Петербургѣ—„О взаимномъ соотношеніи различныхъ частей скелета“ и „Таблицу опредѣленія возраста въ различное время жизни“, въ Кіевлянинѣ—„О минеральныхъ водахъ“ и въ Университетскихъ Извѣстіяхъ—„Систематическій курсъ исторіи развитія скелета человѣка“; С. И. Чирьевъ напечаталъ въ Centralblatt für d. Medicin. Wissenschaft статью: „Zur Physiologie der Schilddrüse“; Г. Н. Минхъ продолжалъ печатаніе своихъ изслѣдованій: „Проказа на югѣ Россіи“, Г. Е. Рейнъ напечаталъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ рѣчь, читанную на торжественномъ актѣ университета въ 1886 году, и редактировалъ переводъ сочиненія Фрича: „Основы патологіи и терапіи послѣродоваго періода“; М. И. Стуковенковъ помѣстилъ въ газетѣ Земская медицина статью: „Къ терапіи сифилиса въ сельскомъ населеніи“; П. И. Морозовъ напечаталъ въ Дневникѣ 1-го съѣзда врачей Московско-Петербургскаго Медицинскаго Общества три статьи: „Современное состояніе вопроса о плавленіи пуль въ огнестрѣльныхъ ранахъ“, „О значеніи слѣдовъ ожога при выстрѣлахъ въ упоръ, съ судебно-медицинской точки зрѣнія“ и „Образованіе пулями воронокъ въ огнестрѣльныхъ ранахъ. Приватъ-доценты: С. И. Голубевъ издалъ первый выпускъ „Исторіи Кіевской духовной академіи“; В. И. Петръ напечаталъ „Этнографическій очеркъ древней Италіи“; В. К. Сованскій помѣстилъ въ Запискахъ Кіевского Общества естествоиспытателей сообщеніе о трехъ новыхъ видахъ р. Сусворъ; Я. Н. Барзиловскій напечаталъ въ томъ же изданіи статью „Вліяніе явленій изомернаго превращенія на теченіе реакцій окисленія ароматическихъ аминовъ“; С. М. Богдановъ помѣстилъ статью: въ Извѣстіяхъ Петровской академіи—„Минимумъ поглощенія воды проростающими сѣменами“, въ Запискахъ Кіевского Общества естествоиспытателей—„Результаты изслѣдованія продажнаго молока въ Кіевѣ“, въ журналѣ Земледѣліе—„О фосфорнокислыхъ удобреніяхъ“ и „Переводъ краткаго руководства къ изслѣдованію почвы, профессора Новицкаго“ и въ Запискахъ

Кіевскаго Отдѣленія Техническаго Общества— „Успѣхи культуры сахарной свекловицы“; А. К. Лашкаревъ напечаталъ въ Трудахъ Кіевской духовной академіи рядъ статей подъ заглавіемъ „Изъ чтеній по церковному праву“, выходящихъ отдѣльными выпускомъ подъ заглавіемъ „Право церковное въ его основахъ, формахъ и источникахъ“, и редактировалъ печатаемый въ томъ же журналѣ переводъ твореній Блаженнаго Августина; В. А. Добронравовъ помѣстилъ въ Университетскихъ Извѣстіяхъ отчетъ о своей лечебницѣ (акушерство и женскія болѣзни); И. В. Троицкій напечаталъ въ газетѣ Врачъ статью „Эпидемическій перипартитъ. Исторія одной школьной эпидеміи“; Н. А. Роговичъ помѣстилъ въ Centralblatt für d. Medic. Wissenschaften статью „Краткое изложеніе вопроса о значеніи щитовидной железы“. Кромѣ того, въ Университетскихъ Извѣстіяхъ помѣщены напечатанныя и отдѣльными оттисками труды слѣдующихъ профессоровъ: Н. Н. Шиллера—„Элементы ученія объ электричествѣ“, М. Ѳ. Хандрыкова—„Дифференціальное и интегральное исчисленіе съ приложеніями“ и „Описательная астрономія“, М. Ю. Ващенко-Захарченко—„Аналитическая геометрія“ и „Начала теоріи функций“; А. А. Козлова—журналъ „Философскій трехмѣсячникъ“, Н. В. Бобрецкаго—второй выпускъ „Основаній зоологіи“, И. Ѳ. Кнауера—„Das Gobhltlagrhyasutra. Einleitung, Uebersetzung und Erläuterungen“, И. Ѳ. Шмальгаузена—„Флора юго-западной Россіи“, М. Ф. Буданова—„Обзоръ исторіи русскаго права“, П. П. Цитовича—„Очерки основныхъ понятій торговаго права“ и „Вексельное право“, А. Я. Автоновича—„Курсъ политической экономіи“, А. В. Ходина—2-е изданіе „Руководства по глазнымъ болѣзнямъ“.

Въ 1886 году нѣкоторые изъ профессоровъ читали публичныя лекціи, а именно: Алексѣевъ — по химіи, Хронщевскій — о заразныхъ болѣзняхъ вообще и о холерѣ въ особенности, и Сикорскій—о такъ-называемомъ мысленномъ внушеніи и чтеніи мыслей. Первыя изъ этихъ лекцій читались бесплатно; сборъ за лекціи Хронщевского обращенъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, а за лекціи Сикорскаго—въ пользу недостаточныхъ студентовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ. Командированы были съ ученою цѣлью за границу: 10 профессоровъ, 1 прозекторъ и 1 ординаторъ, а профессоръ Шмальгаузенъ былъ командированъ, на дѣтнее вакаціонное время въ Волынскую губернію, для ботаническихъ экскурсій.

Совѣтъ университета св. Владиміра имѣлъ въ теченіе 1886 года 5 засѣданій. Въ числѣ предположеній совѣта заслуживаетъ вниманія

ходатайство его объ учрежденіи на медицинскомъ факультетѣ самостоятельной кафедры дѣтскихъ болѣзней съ клинкой, вмѣсто положенной на этомъ факультетѣ, но незамѣщенной, кафедры энциклопедіи и исторіи медицины. Учрежденіе новой кафедры признается необходимымъ, такъ какъ при современномъ состояніи медицины,— дѣтскія болѣзни составляютъ совершенно самостоятельную и обширную отрасль медицинской науки; но такая кафедра можетъ быть учреждена только вмѣстѣ съ учрежденіемъ особой дѣтской клиники; университетъ св. Владимира изъ собственного опыта убѣдился почти въ невозможности существованіи практическихъ медицинскихъ кафедръ безъ одновременнаго учрежденія клиническихъ заведеній; такъ въ теченіе двухъ лѣтъ устройство сколько-либо правильнаго преподаванія по кафедрамъ врачебной діагностики и психіатріи встрѣчало непреодолимые препятствія, и лишь въ концѣ 1886 года, послѣ постройки университетскаго барака въ больницѣ Цесаревича Александра, преподаваніе по этимъ практическимъ кафедрамъ сдѣлалось если не вполне обеспеченнымъ, то возможнымъ.

На основаніи дѣйствующихъ постановленій утверждены въ ученыхъ степеняхъ и званіяхъ: а) въ степени доктора: экстраординарный профессоръ Ярошъ — государственнаго права и стипендіатъ Подвысоцкій—медицины; б) въ степени магистра: доцентъ Зенгеръ—греческой словесности, студентъ Надеждинъ—физики, преподаватель Гольмстенъ — гражданскаго права, приватъ-доцентъ Назимовъ—государственнаго права; в) въ степени кандидата—70 (по историко-филологическому факультету 41, по физико-математическому 16, по юридическому 13); г) въ званіи дѣйствительнаго студента—124 (по историко-филологическому факультету 36, по физико-математическому 32, по юридическому 56). По медицинскому факультету удостоено ученыхъ степеней и званій: лѣкаря—89, акушера какъ члена врачебной управы—1, уѣднаго врача—4, провизора—12, аптекарскаго помощника—37, дантиста—4, повивальной бабки—3. Всего удостоено ученыхъ степеней и званій—289 лицъ, въ томъ числѣ по историко-филологическому факультету—78, физико-математическому—49, юридическому—72, медицинскому—90. Для приготовленія къ профессорскому званію оставлено при университетѣ 9 лицъ по слѣдующимъ предметамъ: греческой словесности, классической филологіи, русской исторіи, минералогіи и геологіи, астрономіи, чистой математики, государственнаго права, гражданскаго права, хирургіи. Изъ числа этихъ 9-ти лицъ три кандидата: Шеф-

феръ, Мерингъ и Ренненкампфъ командированы за границу на два года, для дальнѣйшаго усовершенствованія: первый—по греческой словесности, второй — по астрономіи, третій — по государственному праву.

Къ началу 1886 года въ университетѣ св. Владиміра находилось 1825 студентовъ; въ теченіе 1886 года вновь поступило 480 (изъ гимназій по аттестатамъ и свидѣтельствамъ зрѣлости 403, изъ духовной семинаріи 1, изъ прогимназій 1, изъ бывшихъ студентовъ университета св. Владиміра 26, бывшихъ студентовъ другихъ университетовъ 39, военно-медицинской академіи 1); въ 1886 году было 328 (до окончанія курса 103, по окончаніи курса 225); затѣмъ къ 1-му января 1887 года оставалось на лицо 1968. Постороннихъ слушателей было: въ первой половинѣ года 30, во второмъ полугодіи—56. Оставшіеся къ 1887 году на лицо 1968 студентовъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: а) по факультетамъ: на историко-филологическомъ факультетѣ—149, на физико-математическомъ—315 (по разряду естественныхъ наукъ—91, по разряду математическихъ наукъ 224), на юридическомъ—559, на медицинскомъ—945; б) по курсамъ: на I курсѣ—448, на II—546, на III—329, на IV—434, на V—211; в) по вѣроисповѣданіямъ: православныхъ—1301, римско-католиковъ—337, протестантовъ (лютеранъ) 37, магометанъ—4, евреевъ—276, армяно-григоріанъ—12, караймовъ 1; г) по сословіямъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ—979, почетныхъ гражданъ и купцовъ 1-й гильдіи—66, духовнаго званія—259, мѣщанъ, купцовъ 2-й гильдіи и ремесленниковъ—503, крестьянъ—81, казачьяго сословія—42, иностранцевъ—38; д) по предварительному образованію: гимназистовъ—1902, семинаристовъ—7, изъ другихъ учебныхъ заведеній—59; е) по учебнымъ округамъ, въ предѣлахъ которыхъ находятся учебныя заведенія предварительнаго образованія: С.-Петербургскаго учебнаго Округа—22, Московскаго—18, Казанскаго—32, Оренбургскаго—2, Восточной и Западной Сибири—14, Харьковскаго—74, Одесскаго—223, Кіевскаго—1366, Виленскаго—144, Варшавскаго—23, Дерптскаго—15, Кавказскаго—34, изъ заграничныхъ заведеній—1. Изъ общаго числа студентовъ стипендіями пользовались—145 лицъ, всего на сумму 34.137 руб. 32 коп., которые употреблены изъ слѣдующихъ источниковъ: 12.850 р.—изъ суммъ, ассигнованныхъ казною по финансовой смѣтѣ, 5.598 р. 97 к.—изъ спеціальныхъ средствъ университета, 4.275 р. изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ, 15.688 р. 35 к. — изъ постороннихъ

источниковъ. Изъ числа стипендій 34 обязательны, прочія не обязательны. Размѣръ стипендій—отъ 39 р. 73 к. до 600 р. включительно. Единновременныхъ пособій (за научныя занятія, по случаю несостоятельности, а также на лѣчение, похороны и по другимъ причинамъ) выдано было 126 лицамъ: изъ суммъ казны 8.170 р., на счетъ специальныхъ средствъ университета 654 руб. 42 коп. и изъ суммъ попечительства о недостаточныхъ студентахъ 4.275 р., а всего 13.099 р. 42 к., размѣръ пособій составлялъ отъ 10 до 80 р. Освобожденіемъ отъ платы за право слушанія лекцій воспользовались 279 студентовъ, именно: историко-филологическаго факультета 56, физико-математическаго—32, юридическаго—99, медицинскаго—92. Пользовавшихся вспомошествованіями всѣхъ категорій было 538 студентовъ, что составляетъ 27,3% общаго числа студентовъ.

Финансовыя средства университета св. Владимира находились въ слѣдующемъ положеніи: 1) Штатныя суммы: отъ 1885 года имѣлось въ остаткѣ 12.119 р. 12 к., по финансовой смѣтѣ ассигновано на содержаніе университета въ 1886 году 427.770 р. 62 к. (наличный составъ 278.225 р. 97 к., на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы 128.524 р. 65 к., на стипендіи и пособія студентовъ 21.020 р.), въ 1886 году израсходовано 405.318 р. 73 к., затѣмъ къ 1-му января 1887 года оставалось 34.581 р. 1 к. 2) Специальныя средства: а) разныхъ капиталовъ: къ 1886 году оставалось 718.064 р., въ теченіе года поступило 80.273 р. 26 к., за тотъ же срокъ израсходовано 69.889 р. 26 к., къ январю 1887 года имѣлось въ остаткѣ 739.448 р. 35 $\frac{1}{2}$ к.; б) сбора платы со студентовъ за право слушанія лекцій: остатка отъ 1885 года 7.921 р., въ 1886 году поступило 16.165 р., израсходовано 23.969 р. 70 к., оставалось къ 1887 году 116 р. 30 к.; в) пожертвованныхъ для разныхъ цѣлей: оставалось отъ 1885 года 233 р. 96 к., въ 1886 году израсходовано 18 р., къ 1887 г. остатка было 215 р. 96 к. Главнѣйшіе расходы изъ специальныхъ средствъ были слѣдующіе: на награды служащимъ 8.091 р., на строительныя надобности 8.008 р., на расходы по изданію Университетскихъ Извѣстій 6.844 р., на пособія и стипендіи студентамъ 6.452 р., на пособія служащимъ 4.215 р., на командировки профессоровъ и другихъ преподавателей 3.450 р., на печатаніе сочиненій 3.335 р., на добавочное жалованье, пенсіи и плату служащимъ 2.480 р., на бібліотеку и на студентскій отдѣлъ ея 3.393 руб.

Движеніе больныхъ въ клиникахъ университета св. Владимира за 1886 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ: а) въ факультет-

скихъ клиникахъ: терапевтической (25 кроватей)—въ теченіе года поступило 242, изъ нихъ выздоровѣло 222, умерло 20, приходившихъ за совѣтомъ больныхъ было 771; хирургической (25 кроватей)—оставалось отъ 1885 года 8 больныхъ, въ 1886 году вновь поступило 175, выздоровѣло 151, умерло 8, оставалось на излеченіи къ началу 1887 года 24, приходило за совѣтомъ 954, глазной (10 кроватей)—къ началу 1886 года находилось 10, въ теченіе года поступило 149, выздоровѣло 149, осталось къ 1887 году 10, приходившихъ за совѣтами было 1841; акушерской (25 кроватей)—въ 1886 г. поступило 105, выздоровѣло 104, умеръ 1, за совѣтомъ приходило 1800 больныхъ; б) въ госпитальныхъ клиникахъ, учрежденныхъ при Киевскомъ военномъ госпиталѣ: терапевтической (48 кроватей)—оставалось отъ 1885 года больныхъ 51, въ 1886 году поступило 450, въ теченіе года выздоровѣло 425, умерло 29, осталось на излеченіи 47, приходившихъ больныхъ было 126; хирургической (40 кроватей)—къ началу 1886 года оставалось 38 больныхъ, въ теченіе года пришло 363, выздоровѣло 345, умерло 12, осталось на излеченіи 44, приходило за совѣтомъ 40 больныхъ; дерматологической и сифилитической (100 кроватей)—отъ 1885 года оставалось 55, въ 1886 году поступило 477, выздоровѣло 461, умеръ 1, къ 1887 г. осталось 70, приходившихъ за совѣтомъ больныхъ было 758.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.

Мартъ 1888 г.

I.

Частыя перемѣны министерства не имѣютъ серьезнаго вліянія на судьбы нашего народнаго образованія; министры, пользуясь слишкомъ непродолжительною властію, не успѣваютъ оказывать личнаго вліянія, и въ сущности директора отдѣльныхъ частей вѣдомства народнаго просвѣщенія руководятъ, какъ высшимъ, такъ и среднимъ и низшимъ образованіемъ. Впрочемъ, ни одно важное преобразование не можетъ быть сдѣлано безъ согласія высшаго совѣта, собирающагося два раза въ годъ. Пока я однако не имѣю ничего особенно важнаго сообщить вамъ о нововведеніяхъ текущаго года. Высшее образованіе продолжаетъ расти и процвѣтать. Число студентовъ, записавшихся въ нынѣшнемъ году на словесный факультетъ въ Парижѣ, превосходитъ 1.000; между ними встрѣчаются представители очень разнообразныхъ національностей, напримѣръ: 2 японца, 1 армянинъ, 1 финляндецъ, греки, сербы, румыны и русскіе. Всѣ они дѣятельно занимаются, и профессора довольны ими. Общество студентовъ, замѣчательное по своему прекрасному направленію, насчитываетъ уже около 2.000 членовъ; студенты сходятся не для одного развлеченія, но и для совмѣстнаго труда; въ ихъ собраніяхъ читаются курсы англійскаго, нѣмецкаго и италіанскаго языковъ, дифференціального счисленія, политической экономіи, права, стенографіи, живописи, медицины и судопроизводства. Географическое отдѣленіе общества занимается устройствомъ поѣздокъ въ окрестности Парижа и путешествій за границу. Общество получаетъ болѣе 100 различныхъ журналовъ,

и въ его библіотекѣ имѣется болѣе 3.500 томовъ; оно успѣло за время своего существованія образовать запасный капиталъ въ 6.000 франковъ. Вотъ любопытная черта различія между французскою молодежью и сосѣдями ея, англичанами и нѣмцами: гимнастическій залъ и манежъ открыты для студентовъ за весьма доступную плату, но почти никто изъ нихъ не пользуется ими. Наша молодежь не заботится о развитіи физической силы. Но въ то же время ей чужды излишества въ употребленіи пива и грубость нравовъ, которыя такъ охотно предаются нѣмецкіе студенты.

Общій совѣтъ парижскихъ факультетовъ напечаталъ свой годовой отчетъ о дѣятельности факультетовъ въ 1886—1887 учебномъ году. Отчеты эти, помѣщаемые въ *Revue Internationale de l'enseignement supérieur*, представляютъ собою весьма цѣнные документы. Въ нихъ помѣщаются, вопервыхъ, некрологи профессоровъ, умершихъ въ теченіе года, и свѣдѣнія объ ихъ преeminикахъ, затѣмъ перечни свободныхъ лекцій, коихъ чтеніе открыто при факультетахъ; наконецъ, идетъ списокъ студентовъ, общее число которыхъ достигло въ минувшемъ году 10.229. Въ числѣ ихъ насчитываютъ болѣе 200 женщинъ: 1—на юридическомъ факультетѣ, 120—на медицинскомъ (въ томъ числѣ 108 русскихъ или русскихъ евреекъ). Впрочемъ, число студентовъ на медицинскомъ факультетѣ все уменьшается съ тѣхъ поръ, какъ при вступленіи требуется отъ нихъ аттестатъ зрѣлости. Такъ, въ 1886—1887 учебномъ году поступило всего 11 новыхъ студентовъ. На физико-математическомъ факультетѣ состоитъ 19 женщинъ, на словесномъ—86, подготовляющихся преимущественно къ преподаванію живыхъ языковъ; казенныхъ стипендіатовъ 150. Число экзаменовавшихся весьма значительно: на словесномъ факультетѣ экзаменовалось на степень бакалавра 5434 человѣка, и 45% всего числа выдержали экзаменъ. На медицинскомъ факультетѣ дано званіе доктора 357 лицамъ, на юридическомъ—68, на словесномъ—19, на физико-математическомъ—20. Надо помнить, что во Франціи получить званіе доктора словесности или естественнаго права значительно труднѣе, нежели въ Германіи.

Сообщу вамъ о двухъ нововведеніяхъ по учебной части въ Парижѣ. Муниципалитетъ, основавшій два года тому назадъ кафедру исторіи революціи въ Сорбоннѣ, ассигновалъ сумму въ 12000 франковъ для учрежденія кафедръ философіи біологіи на физико-математическомъ факультетѣ. Надо надѣяться, что примѣръ этотъ найдетъ себѣ подра-

жаніе въ большихъ провинціальныхъ центрахъ. Во Французской коллегіи кѣедрѣ естественнаго права, освободившаяся съ выходомъ Франка, закрыта. Она замѣнена кѣедрой опытной и сравнительной психологіи. Ее занялъ Рибо, извѣстный философъ и издатель *Revue philosophique*. Многія изъ его сочиненій переведены и на русскій языкъ. Во Французской коллегіи курсы наукъ не имѣютъ постоянного характера. Главная цѣль тамошняго преподаванія—двигать впередъ какую-либо новую отрасль науки, давать тому или другому изъ извѣстныхъ ученыхъ средства свободно продолжать научныя изысканія, не заботясь о производствѣ экзаменовъ. Профессоръ Французской коллегіи беретъ тему для своихъ лекцій по личному выбору и свободно разработываетъ ее, а правительство требуетъ отъ него только одного—прочтенія по крайней мѣрѣ 40 лекцій въ годъ. Рибо удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ такого рода преподаванія, и несомнѣнно, что онъ съ честью и блескомъ поддержитъ свою репутацію, читая лекціи во Французской коллегіи.

Приведу вамъ нѣсколько свѣдѣній объ успѣхахъ, въ нашихъ провинціальныхъ факультетахъ, того, что можно было бы назвать мѣстнымъ ученнымъ духомъ. Въ былое время всѣ они дѣйствовали по одному плану; теперь они изучаютъ, какъ мѣстную исторію, такъ и мѣстную филологію; на примѣръ, въ Бордо городское управленіе вознаграждаетъ профессора, читающаго курсъ исторіи южной Франціи; въ Реннѣ читается курсъ кельтскаго языка и литературы. Профессоръ излагаетъ исторію Арморикъ, грамматику галльскаго языка, сравнивая его съ бретонскимъ, и объясняетъ галльскіе тексты. Издается особый журналъ подъ названіемъ *Annales de Bretagne*; въ немъ помѣщаются статьи, относящіяся преимущественно къ исторіи Бретани. Профессоръ кельтскаго языка помѣстивъ въ этомъ журналѣ бретонскую хрестоматію и пѣсни. Это прекрасное нововведеніе. Въ Лионѣ профессора различныхъ факультетовъ основали ученый журналъ, выходящій въ свѣтъ каждые три мѣсяца, подъ названіемъ: *Bulletin des travaux de l'Université de Lyon*. Въ немъ печатаются самостоятельныя статьи, и кромѣ того, профессора помѣщаютъ отчеты объ издаваемыхъ ими книгахъ. Лионъ, по видимому, весьма серьезно смотритъ на свое значеніе, какъ втораго города Франціи; первый выпускъ Бюллетеня, издаваемого лионскими профессорами, очень любопытенъ; онъ былъ встрѣченъ вашимъ ученнымъ міромъ съ большимъ сочувствіемъ.

II.

Никогда еще Франція не интересовалась въ такой степени вопросами педагогика, какъ въ настоящее время. Доказательствомъ тому служить избраніе въ члены Французской академіи Греара, помощника попечителя Парижскаго учебнаго округа. Кромѣ книги о нравственныхъ идеяхъ Плутарха и „Женскихъ портретовъ“, написанныхъ впрочемъ преимущественно съ точки зрѣнія педагогической, Греаръ писалъ исключительно объ учебныхъ вопросахъ. Все написанное имъ по этому предмету онъ собралъ въ 4 тома подъ заглавіемъ: „Воспитаніе и образованіе“ (Education et Instruction. Paris. Hachette). Первый томъ посвященъ начальному обученію, два—среднему (или классическому) образованію, и одинъ—высшему. Нѣкоторыя изъ его статей написаны дѣтъ 20 тому назадъ, другія—весьма недавно. Но вездѣ въ нихъ видно стремленіе автора не къ одному только образованію ума, а и къ воспитанію души и сердца. Греаромъ затронуты почти всѣ педагогическія задачи нашего времени. Книга его о начальномъ обученіи начинается этюдомъ о дѣтскихъ садахъ системы Фребеля и заключается статьей о высшемъ начальномъ обученіи. Авторъ даетъ множество статистическихъ подробностей о начальныхъ парижскихъ школахъ, извѣстныхъ ему лучше, чѣмъ кому-либо другому. Въ двухъ книгахъ, посвященныхъ среднему образованію, онъ представляетъ полную картину его въ Парижѣ съ 1880 года, затѣмъ очерчиваетъ состояніе образованія реальнаго и средняго женскаго, при чемъ излагаетъ исторію послѣдняго съ XVII вѣка до нашихъ дней; кромѣ того, онъ изображаетъ развитіе учебнаго курса мужскихъ заведеній съ XVI вѣка до 1880 года и посвящаетъ особую статью духу дисциплины въ воспитаніи. Въ книгѣ о высшемъ образованіи помѣщенъ отчетъ о состояніи его въ Парижѣ въ 1881 году и подробный этюдъ по спорному вопросу о бакалаврствѣ. Этотъ томъ особенно любопытенъ; къ нему приложены планы большихъ учебныхъ учрежденій, построенныхъ или перестроенныхъ въ Парижѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, напримѣръ: фармацевтической школы, медицинскаго факультета и медицинской практической школы, Сорбонны, юридическаго факультета; эти драгоценныя матеріалы даютъ читателю, мало знающему Парижъ, понятіе объ успѣхахъ, сдѣланныхъ въ дѣлѣ образованія въ послѣднее время.

Собраніе важнѣйшихъ педагогическихъ сочиненій, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, издаваемое Гашеттомъ, обогатилось

двумя томами: сочиненіемъ Монтаня о воспитаніи дѣтей и второю книгою „Эмиля“ Руссо. Разсужденіе Монтаня извлечено изъ 1-й книги его знаменитыхъ „Essais“ (гл. XXV); оно сопровождается введеніемъ и примѣчаніями, написанными Компере, бывшимъ профессоромъ словеснаго факультета въ Тулузѣ и авторомъ весьма почтеннаго труда: „Критическая исторія педагогическихъ теорій во Франціи съ XVI вѣка“, (*Histoire critique des doctrines de l'éducation en France depuis le XVI siècle*), достигшаго 5-го изданія. Введеніе Компере составляетъ этюдъ о педагогическомъ движеніи въ XVI вѣкѣ и о взглядахъ Монтаня на этотъ предметъ. Хорошо составленныя примѣчанія объясняютъ устарѣлыя слова въ языкѣ Монтаня и безчисленныя ссылки его на разныхъ авторовъ. Изданіе второй книги „Эмиля“ ввѣрено было протестантскому пастору Жюлю Стевгу, состоящему, также какъ и Компере, членомъ палаты депутатовъ; къ книгѣ приложены небольшой этюдъ о Руссо и общая характеристика его идей о воспитаніи.

Значительные успѣхи лингвистическихъ изученій обнаружались во Франціи гдѣтъ двадцать-пять тому назадъ; они совпали съ переводомъ грамматики Воппа, сдѣланнымъ М. Вреалемъ, съ открытіемъ кафедръ сравнительнаго языкованія во Французской коллегіи и съ основаніемъ школы высшихъ знаній и Лингвистическаго общества. Но до сихъ поръ во Франціи не появилось ни одного полнаго руководства по сравнительной грамматикѣ. Наши лингвисты придерживались Воппа, а затѣмъ Шлейхера и, наконецъ, Бругмана. Лишь небольшое руководство по сравнительной грамматикѣ, составленное покойнымъ Эджеромъ, вышло въ 1875 году седьмымъ изданіемъ и съ тѣхъ поръ не перепечатывалось. Въ 1868 году серьезный ученый Фредерикъ Водри предпринялъ было изданіе сравнительной грамматики классическихъ языковъ; но вышелъ только первый томъ его — о фонетикѣ. Въ настоящее время пробѣлъ этотъ пополненъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ лингвистовъ Викторомъ Анри, профессоромъ классической филологіи въ Лилльскомъ словесномъ факультетѣ. Имъ уже написано весьма оригинальное сочиненіе объ аналогіи и аналогическихъ образованіяхъ въ греческомъ языкѣ (1883) и „Этюды по морфологіи“ (*Analogie et les formations analogiques de la langue grecque.—Esquisses morphologiques*). Анри въ продолженіе четырехъ гдѣтъ читалъ въ Лилльскомъ словесномъ факультетѣ лекціи сравнительной грамматики классическихъ языковъ, а теперь напечаталъ руководство по этому предмету. Въ общемъ оно вышло только

элементарнымъ, ибо авторъ избѣгалъ спорныхъ пунктовъ. По каждому вопросу сравнительной грамматики онъ даетъ отвѣтъ, по его мнѣнію, наиболее справедливый, безъ опроверженія или упоминанія другихъ его рѣшеній. Онъ не претендуетъ на сообщеніе новыхъ данныхъ, ревьюируя только теперешнее состояніе науки. Въ началѣ своей книги онъ помѣстилъ весьма полную библиографію языковѣдѣнія, съ указаніемъ лучшихъ сочиненій. Въ книгѣ говорится только о фонетикѣ, этимологій и морфологій; синтаксисъ оставленъ до слѣдующаго тома. Но эти три части разработаны очень обстоятельно. Книга оканчивается указателемъ латинскихъ или греческихъ словъ, изучаемыхъ авторомъ. Этотъ трудъ Анри принесетъ огромную пользу филологическимъ занятіямъ. Весьма вѣроятно, что онъ будетъ переведенъ и на иностранные языки.

Я уже писалъ вамъ, въ 1876 году, о вышедшей въ свѣтъ книгѣ Говелака о лингвистикѣ. Напечатанная въ извѣстной серіи, называемой „Библиотека современныхъ знаній“ (*Bibliothèque des sciences contemporaines*), она имѣла успѣхъ и вышла теперь четвертымъ изданіемъ. Книга эта была значительно передѣлана; изданіе 1876 года заключало въ себѣ 350 страницъ, изданіе 1888 года состоитъ изъ 450. Въ составъ ея вошли совершенно новыя части; таково все касающееся накопляющихъ языковъ и языковъ Америки; авторъ соображался также и со взглядами ново-грамматиковъ. Въ общемъ трудъ Говелака содѣйствовалъ популяризаціи лингвистики. Говелака—одинъ изъ издателей *Revue de linguistique*; кромѣ того, онъ написалъ грамматику зендскаго языка.

Еллинисты отнесутся съ особымъ интересомъ къ книгѣ покойнаго Густава Эйхтала: „Греческій языкъ“ (*La Langue grecque. Mémoires et notices*). Эйхталь былъ однимъ изъ основателей Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ и однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ филелленовъ. Тридцати лѣтъ, въ 1833 г., онъ посѣтилъ Грецію, только что освободившуюся отъ Турокъ послѣ войны за независимость, и увлекся ею со страстію поэта и художника. Нѣкоторое время онъ состоялъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ молодого Греческаго королевства. Изъ этого пребыванія онъ вынесъ глубокое знаніе новогреческаго языка, былъ настоящимъ основателемъ Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ и состоялъ первымъ казначеемъ его; онъ сталъ во главѣ тѣхъ ученыхъ, которые стремились ввести во Франціи современное греческое произношеніе въ примѣненіи къ древнему греческому языку. Посмертный томъ его сочи-

неній, изданный его семействомъ, заключаетъ въ себѣ нѣсколько весьма любопытныхъ статей; таковы замѣтки о практическомъ употребленіи греческаго языка для международныхъ сочиненій: конечно, это была мечта, но болѣе практичная, чѣмъ изобрѣтеніе воляюка; замѣтки о произношеніи и о будущности греческаго языка; любопытная статья о Вольтерѣ и о состояніи греческаго языка въ 1770 году во время войны Еватеринны II съ турками; замѣтка о среднемъ образованіи въ Россіи; наконецъ, историческія свѣдѣнія объ основаніи и развитіи Общества для поощренія занятій греческимъ языкомъ.

Это Общество, о которомъ я часто бесѣдовалъ съ вами, только что обогатило нашу литературу новымъ научнымъ періодическимъ изданіемъ. Оно ежегодно печатало томъ своихъ трудовъ. Отнынѣ вмѣсто него Общество будетъ печатать каждые три мѣсяца *Revue des études grecques*. Въ каждой книжкѣ будетъ отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ въ 8-ку. Въ программу этого журнала входитъ все касающееся древней, средневѣковой и новой Греціи, филологія, археологія, исторія, литература, состояніе экономическое и общественное. Каждый номеръ будетъ заключать въ себѣ большую статью, смѣсь и документы, критическій отдѣлъ и, наконецъ, хронику извѣстій по изученію греческаго міра. Эта послѣдняя часть совсѣмъ не входила въ составъ прежнихъ ежегодниковъ Общества. Редакція журнала поручена Теодору Рейнаху, бывшему ученику Афинской школы и брату извѣстнаго археолога Саломона Рейнаха.

По части изданій латинскихъ авторовъ я не имѣю сообщить вамъ ничего особенно важнаго. Укажу только на появленіе небольшой книжки: „Извлеченія изъ твореній римскихъ элегическихъ поэтовъ“, изданной профессоромъ словеснаго факультета въ Бордо Вальцомъ (*Extraits des élégiaques romains*). Римскіе элегики не всегда удобны для чтенія юношеству; Вальцъ сдѣлалъ добросовѣстный выборъ изъ твореній Катутла, Тибулла, Проперція и Овидія, исключивъ все не подходящее къ чтенію учащихся; къ книгѣ приложено введеніе объ элегической поэзіи въ Греціи и Римѣ. Римская элегія подала въ послѣднее время у насъ поводъ къ нѣсколькимъ ученымъ трудамъ; таковы: „*De carmine Ciris*“ Вальца (1881), „*De IV Tibulli libro*“ Ларуме, „*De Tibulli amoribus*“ Донсіе и, въ особенности прекрасное изслѣдованіе Плесси о Проперціи. Для составленія своего изящнаго сборника Вальцъ воспользовался всѣми этими сочиненіями; кромѣ того, онъ помѣстилъ въ немъ замѣтки о жизни каждаго изъ элегиковъ и объ ихъ метрикахъ.

Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ предложена была на конкурсѣ 1886 года задача на слѣдующую тему: „Философія языка: изложить и опредѣлить различныя системы, которыя отъ древнихъ временъ до нашихъ дней имѣли цѣлью объяснить философически происхождение и законы языка; собрать изъ важнѣйшихъ произведеній современной филологіи правила и факты, могущіе служить основой для философіи языка“. Премія присуждена была Полю Реньо, профессору санскритскаго языка и сравнительной грамматики въ Лионскомъ словесномъ факультетѣ. Реньо, бывшій ученикъ школы высшихъ знаній, слушалъ лекціи Бергена и Бреала. Но онъ не желаетъ *jugare in verba magistri*, и смѣлость его теорій не разъ вызвала возраженія со стороны его прежнихъ наставниковъ. Я уже писалъ вамъ о его „Санскритской риторикѣ“; кромѣ того, онъ нанечаталъ большую книгу: „Опыты по эволюціи языка; примѣненіе общаго метода къ изученію развитія европейскихъ языковъ“. Сочиненіе, нынѣ увѣнчанное Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ, появилось въ свѣтъ подъ слѣдующимъ названіемъ: „Происхождение и философія языка или принципы лингвистики индо-европейской (*Origine et philosophie du langage ou principes de linguistique indoeuropéenne. Paris. Librairie Fischbacher*). Оно дѣлится на двѣ части; въ первой авторъ излагаетъ прежнія теоріи — Платона, Лукреція, Дебросса, Куръ-де-Жебелена, Макса Мюллера, Уитнея; во второй части Реньо старается провести новую теорію, которую называетъ развитіемъ фонетики. Было бы слишкомъ долго излагать и обсуждать ее здѣсь; ограничусь замѣчаніемъ, что доводы Реньо не убѣдили парижскихъ лингвистовъ. Тѣмъ не менѣе книга его представляетъ собою весьма любопытный опытъ.

Въ прошедшемъ году я говорилъ вамъ о книгѣ Рамбо: „Исторія французской цивилизаціи“. Два первые тома этого труда имѣли большой успѣхъ. Авторъ дошелъ въ нихъ до 1789 года. Теперь вышелъ и третій томъ подъ заглавіемъ: „Исторія современной цивилизаціи во Франціи“ (*Histoire de la civilisation contemporaine en France*). Этотъ томъ написанъ независимо отъ двухъ предыдущихъ и заключаетъ въ себѣ плодъ долгихъ изысканій, представляя собою трудъ, единственный въ своемъ родѣ. Въ книгѣ этой, написанной живымъ и изящнымъ языкомъ, авторъ изложилъ, на 700 страницахъ, полную исторію политическихъ и правительственныхъ учреждений, судовъ, духовныхъ дѣлъ, войска и флота, колоній, народнаго просвѣщенія, успѣховъ литературы, искусства и науки, промышленности и тор-

говли, кредитныхъ учрежденій, нравовъ и обычаевъ во Франціи, начиная съ 1789 года. Книгъ Рамбо недостаетъ только рисунковъ. Въ политикѣ авторъ старается быть безпристрастнымъ относительно дѣйствій различныхъ правительствъ, смѣнявшихъ другъ друга, осѣщаетъ одинаково сочувственно „великодушныя и челоуѣколюбивыя идеи учредительнаго собранія, патриотическій духъ конвента, талантъ организаціи Наполеона, праводушіе парламента обѣихъ конституціонныхъ монархій при послѣднихъ Бурбонахъ и при Людовикѣ-Филиппѣ, пламенный духъ правды, одушевлявшій вторую республику, и великіе матеріальные успѣхи, совершенныя во время второй имперіи“. Авторъ желаетъ, чтобы книга его, написанная преимущественно для учащейся молодежи, заставила полюбить Францію всѣхъ эпохъ. Онъ доказываетъ въ своемъ введеніи, что исторія должна умиротворять духъ, а не возбуждать его. Тотъ, кто въ политикѣ, говоритъ онъ, — увлекается скорыми и рѣзкими заключеніями, доказываетъ только, что онъ не наблюдалъ и не принималъ въ соображеніе дѣятельности людей прошлаго, то-есть, пренебрегалъ уроками исторіи.

Появилось еще одно сочиненіе, составляющее полезное дополненіе къ исторіи цивилизаціи и литературы во Франціи: это—этудъ Шабріе о политическихъ ораторахъ Франціи, о традиціяхъ и характерѣ французской политики; книга эта содержитъ въ себѣ выборъ рѣчей, сказанныхъ во французскихъ пародныхъ собраніяхъ съ 1802 по 1830 годъ. Авторъ этой книги—одинъ изъ парижскихъ преподавателей. Книга его начинается рѣчью короля Филиппа Прекраснаго и оканчивается рѣчью Шатобріана, сказанною въ палатѣ пэровъ. Самые замѣчательные ораторы, отрывки изъ рѣчей которыхъ приведены въ книгѣ, суть слѣдующіе: Кальвинъ, Л'Опиталь, Жанъ Боденъ—XVI вѣка, Генрихъ IV и Лудовикъ XIV—XVII в.; къ слѣдующему столѣтію относятся ораторы временъ революціи — Мирабо, аббатъ Мори, Верньо, Дантонъ, Бонапартъ; къ XIX—де-Серръ, Роге Колларъ, Бенжаменъ Констанъ, Манюэль, Шатобріанъ. Авторъ въ выборѣ отрывковъ руководствовался чувствомъ литературнаго достоинства и чувствомъ патриотизма. Несомнѣнно, что политическое краснорѣчіе во Франціи не достигало той высоты, до которой оно доходило въ Греціи и Римѣ; несомнѣнно и то, что оно значительно уступаетъ нашему духовному краснорѣчію; тѣмъ не менѣе оно даетъ образцы высокаго достоинства и заслуживаетъ изученія, какъ часть исторіи. Шабріе позаботился помѣстить при каждомъ отрывкѣ историческія и литературныя примѣчанія. Этотъ трудъ можетъ быть весьма полезнымъ; желательно было

бы имѣть и второй томъ его, который заключалъ бы лучшія политическія рѣчи отъ 1830 года до нашихъ дней.

Измѣненный сборникъ „Les grands écrivains français“ обогатился еще томомъ о Тюрго, знаменитомъ экономистѣ и государственномъ дѣятелѣ XVIII вѣка. Этотъ томъ написанъ Леономъ Се, бывшимъ министромъ, нынѣ сенаторомъ и членомъ Французской академіи. О Тюрго была уже издана нѣсколько лѣтъ тому назадъ превосходная монографія Фонсена. Этюдъ Се далеко не отличается полнотой; но онъ достаточно обрисовываетъ талантливаго человѣка, который можетъ быть названъ творцемъ политической экономіи, какъ ее понимаютъ въ XIX вѣкѣ. Благодаря свободѣ труда, провозглашенной Тюрго, который уничтожилъ цехи, XIX вѣкъ сдѣлался вѣкомъ развитія промышленности и великихъ открытій. Таково содержаніе книжки Се, написанной съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ. Говорятъ о скоромъ появленіи въ томъ же собраніи этюда о Вольтерѣ, который готовится блестящимъ критикомъ *Revue des Deux Mondes* Брюнетьеромъ.

Сыновья Лабулэ, бывшего профессора Французской коллегіи, собрали въ одинъ томъ нѣкоторыя изъ его лекцій, читанныхъ имъ въ періодъ съ 1849 по 1882 годъ. Родольфъ Дарестъ, членъ кассационной палаты и института, написалъ къ этому сборнику введене. Лабулэ былъ однимъ изъ выдающихся ученыхъ и профессоровъ своего времени. Его курсы по сравнительному изученію права составляютъ въ рукописи болѣе 36 томовъ. Но къ сожалѣнію, имъ приведена въ порядокъ лишь очень небольшая часть этихъ лекцій. Книга, изданная сыновьями Лабулэ, включаетъ въ себѣ пять лекцій (изъ курса 1849 года) о философіи права, пять лекцій (1857 г.) объ исторіи французскаго права, пять лекцій (1859—1860 гг.) объ исторіи права и двѣ лекціи (1878—1879 гг.) о конституціонномъ правѣ; всѣ эти чтенія заставляютъ сожалѣть о томъ, что Лабулэ не удалось редактировать окончательно весь читанный имъ курсъ.

Политическія событія послѣднихъ лѣтъ заставили французскихъ ученыхъ обратить вниманіе на Германію. Лависсъ, профессоръ исторіи въ Парижскомъ словесномъ факультетѣ, издалъ книгу: „Опытъ о Германской имперіи“. Это рядъ блестящихъ этюдовъ о современныхъ событіяхъ. Разказавъ нѣсколько эпизодовъ изъ вторженія 1870 года, Лависсъ передаетъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ частыхъ поѣздокъ его въ Пруссію, говоритъ о германскомъ парламентѣ, о партіяхъ, о выборахъ, о нѣмецкой эмиграціи, объ экономическомъ

крывисѣ и о политическомъ состояніи нынѣшней Германіи. Всѣ эти этюды написаны съ большимъ талантомъ, но заставляютъ пожалѣть, что авторъ не рѣшился написать полной исторіи Германіи и Пруссіи; такая книга должна была бы появиться въ собраніи Дюрри, но отсутствуетъ въ немъ. Исторія Австріи, написанная Лежеромъ для этого же собранія, достигла уже втораго изданія и переводится теперь на англійскій языкъ.

О Россіи вышло у насъ много сочиненій, но рѣдкія изъ нихъ отличаются научнымъ духомъ. Переводятъ преимущественно романы; нѣкоторыя издательскія фирмы превратились въ настоящіе заводы переводовъ. Укажу, какъ на выходящую изъ ряда дюжинныхъ книгъ, на сочиненіе о русскихъ сектахъ (*Les Sectes en Russie*), написанную г. Цавни. Книга эта составлена общедоступно, но авторъ не указываетъ источниковъ, изъ которыхъ почерпалъ свои свѣдѣнія. Анатолю Леруа-Болье готовится къ печати сочиненіе о томъ же предметѣ, но съ болѣе серьезнымъ направленіемъ.

Л. Л—ръ.

НЕКРОЛОГЪ.

I.

31

К. Я. Люгебиля.

Χαλεπὸν τὸ ματρώς εἶπαίν.

Θυκιδίδς.

Въ лицѣ Карла Якимовича Люгебиля, скончавшагося скоропостижно 28-го декабря прошедшаго года, наука классической филологіи лишилась одного изъ наиболѣе достойныхъ и заслуженныхъ представителей своихъ въ Россіи. Профессорская дѣятельность покойнаго въ С.-Петербургскомъ университетѣ прекратилась всего за годъ до его смерти. Прослуживъ тридцать лѣтъ, Карлъ Якимовичъ вышелъ въ отставку, чтобы тѣмъ съ большимъ усердіемъ на досугѣ отдаться научнымъ работамъ, отчасти давно имъ задуманнымъ. Но едва успѣлъ онъ приступить къ печатанію первой изъ этихъ работъ, какъ настала для него роковой часъ. Нѣсколько дней спустя послѣ его смерти въ Петербургѣ была получена новая книжка журнала *Rheinisches Museum für Philologie* (томъ 43, кн. 1), въ которой помѣщена первая часть статьи его подъ заглавіемъ: „Zur Frage über die Accentuation der Wörter und Wortformen im Griechischen“. Кромѣ того, на его письменномъ столѣ оказалась почти готовою къ печати новая глава его этюдовъ по языку и критикѣ текста Гомера, отчасти напечатанныхъ, подъ заглавіемъ *Homericæ*, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Историко-филологическое отдѣленіе Академіи Наукъ предполагало въ ближайшемъ будущемъ почтить заслуги К. Я. Люгебиля избраніемъ его въ число членовъ Академіи на мѣсто покойнаго Сте-

фани. Безъ сомнѣнiя, К. Я. Люгебиль не сталъ бы относиться къ академической кафедрѣ какъ къ синекурѣ, связанной съ извѣстнымъ доходомъ; можно было опасаться, напротивъ того, что онъ черезчуръ серьезно отнесется къ новымъ обязанностямъ и тѣмъ въ скоромъ времени погубить свое здоровье. Поѣздка за границу, предпринятая имъ, по требованiю врача, вслѣдъ за оставленiемъ университетской кафедры, по видимому, укрѣпила его вообще слабое здоровье, однако новыя непосильныя занятiя, а также и нѣкоторыя другiя обстоятельства, уже успѣли отразиться на немъ неблагоприятно.

К. Я. Люгебиль родился въ С.-Петербургѣ 11-го ноября 1830 года. Рано лишившись отца, онъ былъ принятъ въ сиротское приготовительное училище лютеранскаго прихода св. Анны, а оттуда за отличные успѣхи переведенъ въ главное училище того же прихода. По окончанiи гимназическаго курса въ 1848 году, онъ поступилъ въ С.-Петербургскiй университетъ на историко-филологическiй факультетъ и въ установленный срокъ окончилъ курсъ по разряду общей словесности со степенью кандидата. Любимымъ его руководителемъ по избранной имъ специальности былъ извѣстный эллинистъ Фридрихъ Грефе, одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Готфрида Германа, вѣнатокъ въ особенности поэтовъ греческихъ и самъ „поэтъ въ дуплѣ“, какъ о немъ однажды выразился Карлъ Якимовичъ. На службу К. Я. Люгебиль поступилъ въ 1854 году (два года онъ занимался частными уроками) старшимъ учителемъ латинскаго языка въ Ларинской гимназiи. Въ теченiе 1858 и 1859 годовъ онъ преподавалъ латинскiй и нѣмецкiй языки въ частномъ училищѣ К. И. Мая. Въ 1858 г. онъ напечаталъ свою магистерскую диссертацию (*De Venere Colfate Genetyllide*), по защищенiю которой былъ въ слѣдующемъ году командированъ за границу на два года для приготовленiя къ профессорскому званiю. Эти два года (1860 и 1861) онъ провелъ въ Германiи, Италии и Греции. Изъ германскихъ научныхъ центровъ, посѣщенныхъ имъ въ эту поѣздку (Верлинь, Геттингенъ, Мюнхенъ), ему, по видимому, всего болѣе понравился Геттингенъ, гдѣ онъ сошелся съ Зауппе, Визелеромъ, Бенфеемъ и Эрнстомъ Курциусомъ. Въ Римѣ онъ сблизился съ Генценомъ и Врунномъ и былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ института *di corrispondenza archeologica*, въ Извѣстiяхъ (*Bulletino*) котораго за 1861 годъ и помѣстилъ записки о послѣднихъ раскопкахъ въ Помпеяхъ (*Scavi di Pompei*). Предметомъ его занятiй за границей были преимущественно древности и исторiя древняго искусства. Съ свойственною ему добросо-

вѣстностью онъ изучалъ музеи и вообще вещественные памятники древняго міра. Онъ стремился восполнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ, на который самъ указывалъ въ своей магистерской диссертациі (стр. 42: *archaeologia, qua in arte ego quum versatus non essem* и т. д.). Въ то же время, развивая два изъ приложенныхъ къ диссертациі тезисовъ ¹⁾, онъ написалъ разсужденіе „О сущности и историческомъ значеніи остракизма въ Аѣнахъ“ (*Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismos in Athen*, Лейпцигъ. 1861), составляющее серьезный вкладъ въ науку и замѣчательное по живости и сиѣжести изложенія. Удѣливъ около года на Германію и немного меньше времени на Италію, онъ весьма не долго могъ остаться въ Греціи, гдѣ успѣлъ ознакомиться только съ Аѣнами и ихъ окрестностями. Къ концу 1861 г. онъ возвратился въ Россію. Въ слѣдующемъ году онъ приступилъ къ чтенію лекцій въ С.-Петербургскомъ университетѣ по кафедрѣ греческой словесности, въ 1864 году былъ утвержденъ штатнымъ доцентомъ, въ 1868 году, по защитѣ докторской диссертациі (Историко-филологическія изслѣдованія: 1) Аѣнскій царь Кодръ и отмѣна царской власти въ Аѣнахъ. 2) Архонтство и стратигія въ Аѣнахъ во время Персидскихъ войнъ. С.-Пб. 1868) избранъ экстраординарнымъ, а четыре года спустя—ординарнымъ профессоромъ. Если прибавимъ къ сказанному, что Люгебиль, будучи еще доцентомъ, нѣкоторое время состоялъ преподавателемъ латинскаго языка въ училищѣ правовѣдѣнія и помощникомъ хравителя древностей въ Императорскомъ Эрмитажѣ, то кажется, послужной списокъ его будетъ въ сущности исчерпанъ. Этотъ списокъ, какъ вообще жизнь покойнаго, не отличается пестротой: К. Я. Люгебиль всю жизнь свою отдалъ наукѣ и Петербургскому университету, которому самъ обязанъ былъ своимъ научнымъ образованіемъ.

¹⁾ Тезисъ VI: *quae fuerit ostracismi qui dicitur ratio nondum exploratum est; quanquam ad veritatem proxime accessit Roscher (de Thucydide ejusque aequalibus p. 381), cujus sententia ab Aristot. de re publ. III, 13 Bekk. non tam infirmari videtur quam confirmari.*—Тезисъ VII: *Quod institutum non potest penitus perspicui nisi investigetur qua ratione ostracismus cum ceteris Clisthenis legibus et institutis connexus sit.* Эти тезисы, какъ и прочіе, не имѣютъ ничего общаго съ предметомъ диссертациі. Замѣтимъ вкратчѣ, что прекрасная поправка 2-го стиха „Дисностраты“ (Люгебиль избралъ это мѣсто исходнымъ пунктомъ для диссертациі), по видимому, осталась неизвѣстною издателямъ Аристоваана: ἡ 'ς Πανός ἢ 'πὶ Κωλιάδ' αἰς Γαυτολλίδος.

О глубоко́мъ и безусловномъ уваженіи, какимъ пользовался покойный въ средѣ сослуживцевъ по университету, свидѣтельствуе́тъ слѣдующій фактъ: когда онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ и, не смотря на просьбу факультета, не согласился продолжать свою профессорскую дѣятельность, факультетъ послѣшилъ представить совѣту университета объ избраніи Карла Якимовича въ почетные члены университета, и совѣтъ единогласно принялъ это предложеніе. С.-Петербургскій университетъ не щедръ на такіа почести.

Не отличаясь вовсе блестящею дикціей, Люгебилъ однако умѣлъ увлекать слушателей, сколько-нибудь интересующихся предметомъ, умѣлъ вызывать и развивать въ нихъ самодѣятельность мысли и серьезный, плодотворный скепсисъ. Онъ не любилъ, чтобы ему вѣрили на слово, а напротивъ съ явною радостью встрѣчалъ вопросы, сомнѣнія и возраженія. Никогда не уклонялся онъ отъ признанія, что того или другаго не знаетъ, въ томъ или другомъ ошибся. Лекціи у него обыкновенно обращались въ бесѣды. На кафедрѣ его, вѣроятно, никто изъ его слушателей не видалъ. Онъ имѣлъ обыкновеніе, войдя въ аудиторію и положивъ портфель на кафедру, становиться передъ первою скамьею и начинать лекцію, обращаясь попеременно то къ той, то къ другой группѣ студентовъ; затѣмъ, когда ему дѣлались возраженія или ставились вопросы, онъ, въ случаѣ надобности, подходилъ поближе къ автору ихъ, что впрочемъ обуславливалось отчасти, еще съ первой половины 70-хъ годовъ, нѣкоторою его глухотою, вполнѣдствіи усиливавшемою, такъ что ему наконецъ приходилось прибѣгать къ слуховому рожку. Въ диспутахъ со слушателями онъ вѣдшей побѣды не добивался во что бы то ни стало: случалось, что студентъ-упрямецъ не сдавался; это забавляло публику, но и профессора не огорчало. Послѣ оживленнаго спора Люгебилъ всегда съ сіюущею фizioноміей выходилъ изъ аудиторіи. Всѣмъ, кому пришлось слушать покойнаго профессора съ перваго же курса, безъ сомнѣнія, памятны тѣ оригинальныя лекціи, съ которыми онъ обращался къ студентамъ, вновь поступившимъ. Тутъ онъ мало и вовсе не говорилъ о предметѣ своей специальности; иной новичокъ, слушая такую лекцію, недоумѣвалъ, на филологическій ли попалъ онъ факультетъ. Карлъ Якимовичъ говорилъ объ избраніи специальности, о научномъ трудѣ, о значеніи національности въ наукѣ, о литературѣ, о государствѣ и обязанностяхъ нашихъ въ отношеніи къ государству, о служебной карьерѣ, словомъ—онъ излагалъ цѣлое, въ нѣкоторомъ смыслѣ, міровоззрѣніе. Лекціи эти не имѣли ничего общаго съ либеральнымъ или антилиберальнымъ краснорѣчивіемъ, съ игрою въ

громкія слова и общія мѣста; онѣ, безъ сомнѣній, стройностью и вышшею обработанностью не отличались (хотя Карлъ Якимовичъ въ такихъ случаяхъ читалъ по конспекту), но за то онѣ дышали такою честностью и убѣжденностью, такою свѣжестью и свѣтлостью возрѣній, что молодые слушатели сразу привязывались душою къ профессору и проникались сознательнымъ уваженіемъ къ тому духу, въ какомъ велось преподаваніе въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

К. Я. Люгубиль былъ прекраснымъ руководителемъ своихъ ближайшихъ учениковъ въ научной работѣ, а сблизиться съ нимъ было не трудно: въ университетѣ и на дому онъ бывалъ одинаково доступенъ студентамъ и не скупился на время. Онъ устроивалъ у себя на дому вечернія занятія, но приемныхъ и неприемныхъ часовъ у него, собственно, не было. Никогда онъ не обнаруживалъ досады, когда ему приходилось отрываться отъ работы, чтобы бесѣдовать съ посѣтителемъ—студентомъ или магистрантомъ, никогда не выражалъ нетерпѣнія, когда посѣтитель, по наивности, засиживался. Люгубиль былъ, конечно, въ этомъ, какъ почти во всемъ, непрактичный человекъ. Вопросы, разбираемые въ ученическихъ работахъ, разумѣется, по большей части находились въ связи болѣе или менѣе близкой съ занятіями у Карла Якимовича или съ бесѣдами у него на дому, но онъ не навязывалъ ученикамъ своимъ темъ изъ той именно области науки, которою самъ въ данный моментъ особенно интересовался, ни такихъ темъ, которыми самъ когда-то спеціально занимался, а приучалъ ихъ работать въ томъ направленіи, къ какому каждый обнаруживалъ склонность и способность, предостерегая ихъ впрочемъ отъ слишкомъ ранней спеціализаціи ¹⁾. Такого образа дѣйствія, разумѣется, не всякій профессоръ склоненъ будетъ держать; Люгубиль обладалъ должною многосторонностью и во всякомъ случаѣ не боялся учиться вмѣстѣ съ учащимися, а подчасъ и у учащихся. Онъ ободрялъ учениковъ своимъ ласковымъ вниманіемъ, не брезгавшимъ никакими частностями, направлялъ ихъ своимъ яснымъ и широкимъ пониманіемъ дѣла и видимо радовался всякому ихъ успѣху. Не зная ученаго чванства, онъ не злоупотреблялъ своимъ авторитетомъ, не задѣвалъ

¹⁾ Темъ далъ соисканія наградъ медалями Карлъ Якимовичъ принципиально не назначалъ, отчасти потому, что, по его мнѣнію, большей части университетскаго курса едва достаточно для того, чтобы хоть нѣсколько ориентироваться въ наукѣ, отчасти же потому, что признавалъ медали развивающими тщесловіе и самодовольство.

безъ нужды самолюбія молодыхъ изслѣдователей, но съ другой стороны, не церемонился высказывать и неодобреніе, въ особенности когда ученикъ преувеличивалъ значеніе своихъ открытій, свысока судилъ о достойныхъ предшественникахъ или, увлекшись одною какою-нибудь дисциплиною, обнаруживалъ недостаточное пониманіе другихъ родовъ изслѣдованія. Нельзя сказать, чтобы Карлъ Якимовичъ искалъ случая распространяться о принципиальныхъ вопросахъ науки; однако онъ далеко былъ отъ холодной или самолюбивой или лѣнливой сдержанности, и постоянно сказывалось, что принципы, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, имѣли въ его глазахъ первостепенное значеніе. Самъ онъ, по мѣрѣ возможности, строго и послѣдовательно проводилъ усвоенныя имъ принципиальныя воззрѣнія, не боясь прослыть чудакомъ или педантомъ, отъ учениковъ же требовалъ, по крайней мѣрѣ, осмысленнаго отношенія къ нимъ.

При непрочномъ здоровьи Карла Якимовича, его чрезвычайно, до самоотверженія, добросовѣстное отношеніе къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ не могло не отразиться невыгодно на его авторской производительности. Можно указать еще и другія причины, содѣйствовавшія тому, что онъ за тридцать слишкомъ лѣтъ, неустанно работая, напечаталъ сравнительно мало ученыхъ трудовъ; во всякомъ случаѣ, оцѣнить его по достоинству, какъ ученаго, на основаніи печатныхъ его трудовъ, какъ намъ кажется, не возможно даже людямъ, придающимъ значеніе не столько количеству и объему, сколько содержанію и качеству печатаемаго. К. Я. Любевилъ, правда, не поражалъ „эрудиціей“, обладая памятью среднею, которой, быть можетъ, едва хватало на громадную массу приобрѣтенныхъ имъ и постоянно приобрѣтаемыхъ познаній; за то навѣрное весьма немного найдется филологовъ, которые по широтѣ научнаго кругозора, по многообразію научныхъ интересовъ могли бы съ нимъ сравниться. Въ то же время никто меньше его не былъ склоненъ къ верхоглядству, къ апіорнымъ общимъ мудрствованіямъ безъ серьезной, фактической подкладки. Онъ до конца своей жизни продолжалъ скромно учиться и усердно пополнять пробѣлы въ своихъ познаніяхъ. *Exemplaria graeca* не сходили съ его рабочаго стола, они не покидали его даже во время лѣтнаго отдыха. У него были свои любимцы между древними—Гомеръ и Лисій, но и другіе, не спеціально изучаемые имъ авторы служили ему не только для справокъ, какъ, въ сожалѣнію, многимъ другимъ. Въ филологическихъ журналахъ его весьма многое интересовало, но онъ слѣдилъ за текущую ученою литературою не только по журнальнымъ

статейкамъ и библиографическимъ издаваніямъ, а находилъ нужнымъ и отчасти возможнымъ прочитывать даже такіе вовсе не имѣвшіе прямого отношенія къ его собственнымъ изслѣдованіямъ труды, какъ напримѣръ, *Römisches Staatsrecht* и *Münzwesen* Моммзена, не говоря уже о всемъ замѣчательномъ, что появлялось въ области греческой грамматики, древностей, эпиграфики, гомеровскихъ вопросовъ, сравнительной грамматики, общаго языкознанія. *Philologus erat, philologicus nil a se alienum putabat.*

Едва ли не самую замѣчательною чертою Карла Якимовича, какъ ученаго, была его удивительная отзывчивость на все свѣжее, живое и оригинальное въ наукѣ, удивительная тѣмъ, что онъ успѣлъ сохранить ее до сѣдыхъ волосъ, тогда какъ у большинства ученыхъ она или вовсе отсутствуетъ, или слишкомъ рано утрачивается, за недостаткомъ нравственной энергіи. Смѣло и послѣдовательно проведенная мысль, новая точка зрѣнія, новый методъ могли всегда рассчитывать на серьезное вниманіе Карла Якимовича, хотя бы ему стоило болѣе или менѣе значительнаго труда и времени свѣжнуться съ ними. У него такая черта не имѣла ничего общаго съ оригинальничаніемъ: онъ нисколько не пренебрегалъ рутинными приѣмами, когда находилъ, что они даютъ удовлетворительные результаты. Пусть онъ иногда понапрасну увлекался, на словахъ не рѣдко, отстаивая извѣстныя воззрѣнія, обнаруживалъ излишній задоръ и нѣкоторую склонность къ парадоксамъ, помянутая черта, въ сущности, безъ сомнѣнія, обуславливалась его необычайно серьезнымъ и честнымъ исканіемъ истины, то-есть, лучшимъ, что, въ нравственномъ отношеніи, можно сказать объ ученомъ.

Тяжкою болѣзною, постигнутою Карла Якимовича въ 1873 году и надолго, если не навсегда, потрясшей его организмъ, учено-литературная дѣятельность его раздѣляется на два періода, отличные между собою, въ извѣстной мѣрѣ, какъ по содержанію, такъ и по формѣ трудовъ. Къ первому періоду, который можно было бы назвать періодомъ диссертаций, относятся упомянутыя выше изслѣдованія: *De Venere Coloniae Genetyllide* (Petropoli 1858; см. рецензію Преллера *Jahrb. f. Philol.* 1859, стр. 551 сл.); *Ueber das Wesen und die historische Bedeutung des Ostrakismus in Athen* (*Jahrbücher f. cl. Phil. Suppl.* Bd. IV, и отдѣльно, Leipzig 1861); Историко-филологическія изслѣдованія (С.-Пб. 1868); затѣмъ нѣмецкая обработка того же сочиненія: *Zur Geschichte der Staatsverfassung von Athen, Untersuchungen von K. L. I König Kodros und die sogenannten lebenslänglichen Archonten.*

II Das Archontat und die Strategie zur Zeit der Perserkriege und die historische Bedeutung der Beamtenerloosung (Jahrb. f. cl. Phil. Suppl. Bd. V, и отдѣльно, Leipzig 1871; см. Revue crit. d'hist. et de lit. 1872, № 21; Lit. Centralbl. 1872, 26, а въ особенности обстоятельную и сердитую рецензію Шёманна въ Jahrb. f. cl. Phil. 1872, стр. 145—168); наконецъ три журнальныя статьи, изъ которыхъ одна (Zur Kritik und Erklärung von Pausanias I 20: Philologus XXXIII, 1871) представляетъ собою обработку реферата, читаннаго Карломъ Якимовичемъ на археологическомъ съѣздѣ въ Петербургѣ, а другія двѣ—рецензіи, на изданный А. К. Наумомъ Lexicon Vindobonense (Ж. М. Н. Пр. 1868 года, октябрь) и на Исслѣдованія по исторіи греческаго искусства А. В. Прахова (Ж. М. Н. Пр., 1871). Всѣ эти работы, за исключеніемъ замѣтки о Lexicon Vindobonense, явились плодами занятій автора греческою исторіей, древностями, мнѣологіей и археологіей искусства; впоследствии онъ только дважды, въ рецензіяхъ на диссертации, возвращался къ такого рода темамъ. Съ инѣйшей стороны, произведенія перваго періода отличаются изложеніемъ, хотя и нѣсколько обстоятельнымъ, но вообще стройнымъ и гармоничнымъ, а отчасти весьма живымъ и пріятнымъ. Авторъ, видимо, находится въ разцвѣтѣ силъ, идетъ въ гору. Въ эту пору уже Люгебиль сильно увлекался изученіемъ греческой грамматики, сравнительной грамматики и общимъ языковѣдѣніемъ, чѣмъ могли воспользоваться его любимыя ученики (Воеводскій, Аландскій, Вѣляевъ), и отъ чего вообще богатѣла и разнообразилась программа его лекцій, но осазательныхъ, печатныхъ плодовъ эти штудіи тогда еще не успѣли принести. Онъ спѣшилъ прежде всего приготовить къ печати свой переводъ, съ многочисленными и отчасти пространными примѣчаніями, извѣстнаго труда Г. Курціуса „Grundzüge der griechischen Etymologie“, но одновременно продолжалъ заниматься многимъ другимъ, въ особенности школьнымъ наданіемъ Корнелія Непота, которое онъ и успѣлъ довести до конца. Однако оказалось, что онъ своихъ силъ не рассчиталъ; слишкомъ напряженныя умственныя занятія привели къ нервному удару и вмѣстѣ съ тѣмъ къ продолжительному перерыву, какъ въ занятіяхъ его вообще, такъ въ особенности въ авторской дѣятельности. Къ чтенію лекцій онъ приступилъ сравнительно скоро (кажется, черезъ полтора года), но долго лекціи поглощали почти всю его рабочую силу. Въ промежуткѣ между 1871 и 1879 годами Люгебиль ничего не напечаталъ, кромѣ помянутаго изданія Корнелія Непота. Надо впрочемъ замѣтить, что онъ между 1873

и 1879 годами страдалъ не только отъ послѣдствій удара, подвергался операціи (рана на ногѣ) и разъ былъ даже при смерти отъ воспаления легкихъ. Удивительна въ самомъ дѣлѣ была бодрость духа, энергія, съ какою онъ всякій разъ, едва оправившись отъ тяжкаго недуга, снова принимался за любимое дѣло. Свойственный ему огонекъ не погасалъ, а какъ будто воскрешалъ слабую плоть. Однако, равновѣсіе организма было разъ нарушено, и никакое регулированіе занятій, никакая гигиена уже не могли возвратитъ ему, на остатокъ жизни, его нормальную силу и связанную съ физическимъ здоровьемъ и сознавіемъ силы ясность и гармонію духа. Это отразилось и на печатныхъ трудахъ втораго періода, что впрочемъ вовсе не лишаетъ ихъ серьезнаго научнаго значенія. Изъ нихъ первое и въсто, и по объему, и по полезности занимаетъ переводъ первой части „Grundzüge“ Курціуса, печатавшійся „очень долго, съ нѣкоторыми, отчасти весьма продолжительными перерывами“ (предисл. стр. I) и вынужденный наконецъ въ 1882 году, подъ заглавіемъ: Начала и главныя вопросы греческой этимологіи, переводъ съ нѣмецкаго первой книги „Начертанія греческой этимологіи“ Г. Курціуса, съ согласія автора перевелъ и прибавилъ свои примѣчанія К. Люгебилъ (XXVI + 316 стр.). Отъ обработки второй части Курціуса Люгебилъ по причинамъ, объясненнымъ въ предисловіи, отказался. Все остальное, напечатанное имъ въ послѣднее десятилѣтіе жизни — журнальныя статьи, отчасти довольно значительнаго объема. Въ Ж. М. Н. Пр. за 1880 г. была помѣщена имъ статья „О формахъ род. пад. ед. ч. т. н. 2-го греч. склоненія“, нѣмецкая обработка которой (Der Genetivus Sing. in d. sog. 2-ten altgriech. Declination) въ томъ же году появилась въ Jahrbücher f. class. Phil. Suppl. Bd. XII. Въ Архивѣ Ягича (Archiv f. slavische Phil. Bd. VIII, 1884 г.) напечатана Люгебилемъ статья подъ заглавіемъ: Zur Frage über zweitheilige und einheitliche Sätze (auf Veranlassung von Miklosichs Schrift: „Die subjectlosen Sätze“, 1883). Въ 1886 г. онъ началъ печатать въ Ж. М. Н. Пр. рядъ „этюдозъ въ области грамматики, метрики и критики текста Илиады и Одиссеи“ подъ общимъ заглавіемъ „Homérica“, изъ коихъ появились всего два (іюнь и августъ 1886 г.), одинъ—трактующій объ употребленіи у Гомера глаголовъ ἀμφίφορος и ἀπαμφίφορος, другой—„О древнѣйшей формѣ греческаго имени карійцевъ“. Краткій конспектъ втораго этюда сообщенъ авторомъ въ журналѣ Вецценбергера Beiträge zur Kunde der indog. Sprachen, т. X (1886), стр. 303 и слѣд. Вотъ важнѣйшіе изъ трудовъ К. Я. Люгебила, напеча-

танныхъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни. О статьѣ, появившейся послѣ смерти автора въ *Rheinisches Museum f. Phil.*, мы выше уже упомянули. Остается перечислить замѣтки по критикѣ текста разныхъ греческихъ авторовъ и рецензіи, относящіяся къ тому же періоду. Въ *Ж. М. Н. Пр.* за 1879 и 1881 годы помѣщены двѣ замѣтки: „Объясненіе одного мѣста въ первой рѣчи Исея (§ 38)“ и „Киклонъ Еврипида (ст. 558—565)“; первая впоследствии была обработана авторомъ для *Jahrbücher f. class. Philol.* (1884 г., стр. 161 сл.), въ которыхъ, кромѣ того, появились замѣтки „*Zu Aeschylus Septem*“ (1883 г.) и „*Zu Solon (fr. 36 Bgk.)*“ (1884 г., стр. 819 сл.). Рецензіи Люгебиля писалъ на сочиненія: Эрнштедта („Объ основахъ текста Андокида и т. д.“ и изданіе Антифонта: *Ж. М. Н. Пр.*, 1880 и 1881), Л. Воеводскаго („Каннибализмъ въ греческихъ мѣтахъ“ и „Введеніе въ міеологию Одиссея“, тамъ же 1882 г.), П. В. Никитина („Къ исторіи драматич. состязаній въ Аѣнахъ“: *Philol. Wochenschrift herausg. von W. Hirschfelder*, 3. Jahrg. 1883, № 31—32) и А. Добіаша („Синтаксисъ Аполлонія Дискола“: *Ж. М. Н. Пр.*, 1883). Наконецъ, отзывъ о трехъ сочиненіяхъ г. Воеводскаго помѣщенъ Люгебилемъ еще въ *Jahrb. f. class. Philol.* за 1882 годъ. Рецензіи эти характерны для автора ихъ не только тѣмъ, что позволяютъ судить о многосторонности его, онѣ составлены не съ плеча, какъ водится, въ особенности въ нѣмецкихъ журналахъ, а добросовѣстно и обстоятельно, безъ выдергиванія чужихъ случайныхъ промаховъ и безъ кичливаго выставленія собственнаго превосходства.

Мы перечислили ученые труды К. Я. Люгебиля, но его писательская дѣятельность не исчерпывается собственно учеными трудами. Какъ въ бытность свою преподавателемъ средне-учебныхъ заведеній, такъ и впоследствии, и даже до послѣднихъ дней своихъ онъ горячо принималъ къ сердцу школьное дѣло, въ особенности, разумѣется, хотя далеко не исключительно, дѣло преподаванія древнихъ языковъ, и по мѣрѣ силъ и времени старался способствовать его рациональной постановкѣ и развитію у насъ въ Россіи. Въ 1862 году онъ выхлопоталъ для жены своей, Софіи Андреевны, разрѣшеніе открыть дѣтскій садъ и въ устройствѣ этого перваго въ Россіи дѣтскаго сада самъ участвовалъ ¹⁾. Онъ былъ въ числѣ учредителей С.-Петербург-

¹⁾ Свидѣніями о дѣятельности К. Я. Люгебиля по школьному дѣлу составитель некролога обязанъ, главнымъ образомъ, І. Н. Паульсону, давнишнему другу покойнаго.

скихъ педагогическихъ собраній и съ 1859 по 1869 г. принималъ въ нихъ весьма дѣятельное участіе. Изъ читанныхъ имъ въ этихъ собраніяхъ рефератовъ въ протоколахъ, опубликованныхъ только отчасти, значатся слѣдующіе два: а) о принципѣ въ преобразованіи средне-учебныхъ заведеній (1862 г.) и б) о неумѣстности преподаванія исторіи литературы въ гимназіяхъ (1863 г.) Рефераты эти обсуждались въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, но напечатаны не были. Еще раньше своей первой поѣздки за границу К. Я. Люгебиль сотрудничалъ въ Журналѣ для воспитанія, издававшемся съ 1857 г. подъ редакціей А. А. Чумикова, и въ Русскомъ Словѣ. Въ Журналѣ для воспитанія за 1859 г. (№№ 2, 4 и 5) напечатана большая критическая статья его подъ заглавіемъ: „Наши латинскіе учебники“, въ которой разбираются: а) Элементарная грамматика латинскаго языка Кюнера, въ переводѣ Коссовича; б) изданный въ 1847 г. учебникъ латинскаго языка профессора Московскаго университета Гофманна Донать (на этотъ малозвѣстный и рано вышедшій изъ употребленія учебникъ Люгебиль указывалъ какъ на весьма хорошее въ методическомъ отношеніи руководство — съ цѣлью побудить къ новому его изданію); г) Пособія при первоначальномъ изученіи латинскаго языка, составленныя учителемъ Воронежской гимназіи Э. З.; д) Латинская хрестоматія Н. Вѣлюстина, и е) Латинская хрестоматія Н. Отто, учителя Новгородской гимназіи. Въ томъ же журналѣ (1859 г. № 5), въ отдѣлѣ „куріозовъ“, помѣщена написанная въ юмористическомъ духѣ замѣтка Люгебиля о „Полномъ самоучителѣ латинскаго языка, составленномъ по лучшимъ новѣйшимъ методамъ“ и т. д. (изд. 2-е, С.-Пб. 1858, два толстыхъ тома), произведенія Н. И. Греча. Въ Русскомъ Словѣ за 1860 г. появилась замѣтка „объ изданіи греческихъ и латинскихъ классиковъ съ нѣмецкими прииѣчаніями“. Далѣе, въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1862 г. Люгебиль помѣстилъ статью о „новыхъ латинскихъ словаряхъ“. Въ журналѣ Учитель за 1865 г. напечатана имъ статья „о преподаваніи латинскаго языка въ нашихъ филологическихъ гимназіяхъ и о новѣйшихъ пособіяхъ по этому предмету“, кончающаяся обѣщаніемъ представить краткій разборъ вышедшихъ у насъ въ послѣднее время, то-есть, съ 1859 по 1865 г., учебниковъ латинскаго языка. Такой разборъ однако, какъ кажется, на страницахъ Учителя, издававшегося до 1870 г. включительно, не появлялся. За то тамъ же помѣщены другіе разборы того же автора, въ 1867 году—„Элементарной грамматикѣ греческаго языка“ Кюнера, въ переводѣ К. Коссовича

(3-е изд. 1866 г.), и гимназическихъ программъ по латинскому и греческому языкамъ, въ 1869 году—разборъ „Латинско-русскаго словаря“ Г. Шульца (С.-Пб. 1865) ¹⁾. Къ вопросу „о преподаваніи древнихъ языковъ“ покойный возвратился еще разъ въ 1884 году, на страницахъ Журн. Мин. Нар. Пр. (ноябрь—декабрь) въ статьѣ „По поводу Отчета о занятіяхъ комиссіи для изысканія мѣръ къ улучшенію преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ Кавказскаго учебнаго округа (Тифлисъ 1884)“. Выставленные Любемилемъ по этому вопросу положенія послужили темою для весьма оживленныхъ преній, происходившихъ 30-го марта и 20-го апрѣля 1884 года въ засѣданіяхъ Филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, при участіи многихъ педагоговъ-практиковъ.

Кромѣ перечисленныхъ статей по дидактикѣ древнихъ языковъ, К. Я. Любемиль издалъ и руководства для употребленія въ гимназіяхъ: 1) „Различныя жизнеописанія Корнелія Непота, видоизмѣненныя, исправленныя и дополненныя по лучшимъ источникамъ по Фелькеру (Chr. Cong. Völker), съ прибавленіемъ латинско-русскаго словаря. Руководство для употребленія въ гимназіяхъ“. С.-Пб. 1874. См. статью автора „о руководствахъ: Жизнеописанія Корнелія Непота по Фелькеру“ въ Журн. Мин. Нар. Пр. за 1874 г. Въ 1881 г. Любемиль выпустилъ ту же книгу „вторымъ исправленнымъ изданіемъ“ подъ заглавіемъ: Избранныя жизнеописанія Корнелія Непота и т. д. 2) „Первая греческая книга для чтенія, для гимназій“. С.-Пб. 1885. Это хрестоматія состоящая „изъ двухъ отдѣловъ: а) изъ извлеченія изъ Аполлодоровой греческой мифологіи (библіотеки),“ дополненной немногими отрывками изъ Павсанія и Плутарха, и б) изъ двухъ первыхъ книгъ Ксенофонтова Похода Кира“. Въ концѣ „приложенъ словарь. Первый отдѣлъ хрестоматіи, по словамъ издателя, заимствованъ изъ книги для чтенія Латманна.

К. Я. Любемиль не былъ педагогомъ-практикомъ, уже потому, что самъ онъ слишкомъ недолгое время преподавалъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе этого педагогамъ не трудно находить уязвимую сторону въ его положеніяхъ, какъ обнаружилось, между прочимъ, въ засѣданіяхъ университетскаго Филологическаго общества

¹⁾ Говоря о сотрудничествѣ К. Я. Любемиля въ Учитель, слѣдуетъ упомянуть еще, хотя бы ради полноты, о помѣщенныхъ имъ въ этомъ журналѣ въ 1862 году статьяхъ подъ заглавіями „Гуманная начальница“ и „Наука и гениальныя люди“.

30-го марта и 20-го апрѣля 1884 года. Съ другой стороны, педагогамъ, конечно, весьма полезно узнавать многое, что не подсказывается непосредственно школьною практикою, хотя не лишено значенія въ дѣлѣ преподаванія. Со стороны многія обстоятельства, и притомъ не послѣдней важности, видѣе—человѣку со здравымъ смысломъ, внимательно и съ любовью слѣдящему за дѣломъ, не обремененному частностями школьной практики и не увлеченному ея рутинною. Здравомыслящіе педагоги будутъ признательны такому человѣку за его совѣты и указанія, хотя бы сразу невозможно было значительно приблизиться къ выставляемому имъ идеалу. Припомнимъ слова Люгеблия изъ послѣдней его дидактической статьи, въ которой онъ рекомендуетъ эвретическій приемъ обученія древнимъ языкамъ: „Если только высказанныя мною дидактическія убѣжденія не могутъ быть опровергнуты въ существенныхъ чертахъ, то пусть онѣ и останутся идеалами. Выставленіе ихъ все-таки имѣетъ свое значеніе, ибо идеалы помогаютъ намъ выпутаться изъ худшаго состоянія и добиться лучшаго, и если никогда нельзя достичь идеала, то все же слѣдуетъ всѣми силами стараться приблизиться къ нему“.

Въ послѣднихъ словахъ, какъ намъ кажется, заключается разгадка всей личности К. Я. Люгеблия, съ ея принципиальностью, ея прямодушіемъ, задоромъ, наивностью, непрактичностью и съ ея неотразимою для всякаго, знавшаго его, привлекательностью. Онъ былъ идеалистомъ въ настоящемъ смыслѣ слова: для него идеалы не были сами по себѣ, а дѣйствительность сама по себѣ. Онъ, по видимому, не допускалъ компромиссовъ, не зналъ малодушія, онъ боялся всякой фальши и не боялся комизма. Люди иногда находили, что въ немъ „какъ будто чего-то недоставало“; они не ошибались, въ немъ дѣйствительно недоставало чего-то такого, что мы привыкли считать нормальнымъ: онъ не былъ, что называется, себѣ на умѣ, или если въ немъ находилась эта необходимая ингрѣдиенція человѣка, то въ слишкомъ незначительномъ количествѣ. Ave, anima candida.

В. Ершгольдъ.

II.

М. Н. Богдановъ.

Модестъ Николаевичъ Богдановъ родился въ 1841 году въ селѣ Русской Векшанкѣ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, и первые годы провелъ тамъ же, въ имѣніи родителей. Въ немъ рано развилась наблюдательность и страсть къ охотѣ; жизнь на деревенскомъ просторѣ и разнообразная природа окружающей мѣстности давали въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ.

По окончаніи курса въ Симбирской гимназіи въ 1858 году, онъ поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ естественныхъ наукъ въ 1864 году. Еще во время университетскаго курса его призваніе окончательно опредѣлилось: онъ сдѣлался зоологомъ. Въ составѣ профессоровъ Казанскаго физико-математическаго факультета были тогда знаменитые ученые: достаточно назвать недавно умершихъ М. А. Ковальскаго и А. М. Бутлерова. Они, конечно, имѣли вліяніе на молодого Богданова, но онъ не избралъ ихъ специальности. Въ Кавани былъ въ то время профессоромъ ученый, нѣсколько забытый теперь, но много сдѣлавшій для изслѣдованія Казанской губерніи и Оренбургскаго края ¹⁾, Эверсманъ. Онъ всего болѣе повліялъ на Богданова, который остался при университетѣ и въ 1867 году былъ избранъ прозекторомъ зоологіи. Въ томъ же году онъ окончилъ свой первый трудъ „Зоогеографическій очеркъ жизни полевого тетерева“ и представилъ его на первый съѣздъ русскихъ естествоиспытателей, въ Трудахъ котораго онъ и напечатанъ.

Въ 1871 году, въ Трудахъ Казанскаго Общества естествоиспытателей, напечатана обширная работа Богданова: „Птицы и звѣри черноземной полосы Поволжья и долины средней и нижней Волги“. Этотъ трудъ былъ имъ представленъ въ С.-Петербургскій университетъ, на степень магистра зоологіи, которую онъ и получилъ послѣ блестящаго диспута. Этотъ годъ вообще имѣлъ большое, рѣшающее значеніе въ жизни Богданова; глѣтомъ онъ былъ посланъ Казанскимъ Обществомъ естествоиспытателей на Кавказъ. Онъ сдѣлалъ большое путешествіе, собралъ обширный матеріалъ и

¹⁾ Въ тогдашнемъ его обширномъ значеніи, то-есть, включая губерніи Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую и области Уральскую и Тургайскую.

вмѣстѣ съ тѣмъ заболѣлъ лихорадкой, послужившею первою причиною тяжкихъ болѣзней, отъ которыхъ онъ страдалъ впоследствии. Въ концѣ этого года онъ оставилъ Казанскій университетъ и перешелъ въ Петербургскій. Здѣсь его скоро оцѣнили по достоинству и избрали штатнымъ доцентомъ зоологіи. Профессоромъ зоологіи въ то время былъ К. Ѡ. Кесслеръ, о которомъ Богдановъ сохранилъ самое лучшее воспоминаніе. Академія Наукъ въ 1872 году избрала Богданова однимъ изъ хранителей своего зоологическаго музея. Въ этомъ богатомъ хранилищѣ Богдановъ проводилъ цѣлые дни, особенно въ вакаціонное время, приводя музейныя коллекціи въ порядокъ и собирая матеріалы для своихъ трудовъ. Несомнѣнно, что эта работа въ значительной степени разстроила его здоровье, ослабленное уже послѣдствіями кавказской лихорадки.

Въ 1873 году Богдановъ воспользовался случаемъ посѣтить пустыни Средней Азіи и Хивинскій оазисъ, въ то время еще почти неизвѣстные въ научномъ отношеніи; онъ принялъ участіе въ Хивинской экспедиціи, въ составѣ Казалинскаго отряда. Здѣсь ему пришлось не только въ полной мѣрѣ раздѣлить тягости экспедиціи, но и принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ.

По возвращеніи изъ экспедиціи, Богдановъ женился на О. Д. Шидловской. Въ послѣдующую зиму онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Оно исходатайствовало значительную сумму на ученую экспедицію въ Арало-Каспійскій край, подъ начальствомъ генерала Столѣтова, экспедицію, давшую столь богатые плоды. Богдановъ такъ заинтересовался природой этого края, что присоединился и къ новой экспедиціи. Теперь край былъ умиротворенъ, и ученые могли спокойно работать. Отчетъ отпечатанъ имъ въ VII томѣ Трудовъ С.-Петербургскаго Общества естествоиспытателей.

Результатомъ обонхъ путешествій Богданова въ Хиву и Арало-Каспійскія степи явилась книга: „Очерки природы Хивинскаго оазиса и пустыни Кызылъ-Кумъ“¹⁾. Эта книга составляетъ часть описанія Хивинскаго похода. Предисловіе помѣчено: „С.-Петербургъ, январь, 1875“, но книга вышла изъ печати лишь въ 1882 г., а въ Петербургѣ получена еще позже.

Возвратившись въ Петербургъ, Богдановъ опять принялся за ра-

¹⁾ Описаніе Хивинскаго похода 1873 года. Издано подъ редакціей генералъ-лейтенанта Троицкаго. Выпускъ XII. Ташкентъ. 1882.

боту: теперь его вниманіе все болѣе сосредоточивалось на птицахъ. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ былъ командированъ за границу министерствомъ народнаго просвѣщенія. Его поѣздка продолжалась болѣе года и была посвящена, главнымъ образомъ, фаунистическимъ изслѣдованіямъ. Особенно много онъ работалъ въ зоологическихъ музеяхъ Парижа, Берлина и Вѣны. Въ 1878 году онъ напечаталъ книгу о русскихъ сорокопутахъ—образцовое изслѣдованіе рода птицъ, распространеннаго на очень большомъ пространствѣ, и первое изслѣдованіе такого рода въ Россіи. За него онъ получилъ степень доктора зоологій отъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1879 году онъ издалъ обширное изслѣдованіе „Птицы Кавказа“, которое специалисты справедливо считаютъ „первымъ основнымъ камнемъ въ рациональной разработкѣ орнитологической фауны Кавказа“. Въ 1880 году Богдановъ отправился во главѣ экспедиціи, снаряженной С.-Петербургскимъ Обществомъ естествоиспытателей на Бѣлое море и Сѣверный океанъ. Результаты ея изложены имъ въ Трудахъ Общества. Въ 1885 году вышелъ первый выпускъ обширнаго, классическаго труда Богданова „Русская орнитологія“, который ему не суждено было докончить. Матеріалы для него онъ собиралъ въ теченіе слишкомъ 20 лѣтъ, наблюдая жизнь птицъ и изучая коллекціи въ зоологическихъ музеяхъ Европы.

По смерти профессора Кесслера, Богдановъ былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ, а позже назначенъ ординарнымъ. Съ годами здоровье Модеста Николаевича становилось все хуже и онъ принужденъ былъ отказаться отъ мѣста хранителя музея Академіи Наукъ. Въ концѣ 1885 года онъ долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Университетъ далъ ему командировку на Кавказъ; предполагалось, что въ тепломъ климатѣ онъ можетъ еще работать и поправить свое здоровье. Конецъ зимы 1885—1886 гг. онъ провелъ въ Тифлисѣ и Сухумъ-Кале, лѣто 1886 г.—у подошвы ледника, близъ Алагіра, зиму 1886—1887 гг.— въ Тифлисѣ и Ашуръ-Аде, откуда надѣялся сдѣлать обширныя изслѣдованія на персидскомъ берегу, но сырой климатъ такъ дурно повліялъ на его здодовье, что врачи совѣтовали ему скорѣе уѣхать. Онъ прожилъ съ марта по августъ 1887 г. въ родномъ Поволжьѣ, въ г. Сызрани, и замѣчательно поправился, такъ что пріѣхалъ въ Петербургъ такимъ бодрымъ, какимъ его давно не видали. Но уже въ концѣ сентября онъ вновь заболѣлъ, и черезъ два мѣсяца профессоръ С. П. Воткинъ уже не надѣялся, что Богдановъ можетъ прожить болѣе года. Болѣзанъ все ухудша-

лась, и 9-го марта его должны были свидѣтельствовать врачи вслѣдствіе прошенія объ отставкѣ по неизлѣчимой болѣзни. Но 4-го марта уже его не стало. Онъ оставилъ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей.

Труды Богданова были посвящены изслѣдованію жизни и географическаго распространенія позвоночныхъ животныхъ. Русскому ученому въ этой сферѣ представляется столь значительный кругозоръ, что очень важно, чтобы это научное направленіе было широко распространено, особенно въ университетахъ. Въ этомъ отношеніи Богдановъ сдѣлалъ очень много. Онъ былъ замѣчательно талантливымъ профессоръ, молодежь относилась къ нему очень сочувственно, и онъ оставилъ учениковъ, продолжающихъ работать въ данномъ направленіи.

Человѣкъ съ широкими взглядами, Богдановъ далеко не ограничивался описаніемъ животныхъ. Изучая ихъ жизнь, онъ изучалъ и природу страны, гдѣ жили данные животныя, и оставилъ намъ мастерскія описанія природы; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его книги: „Птицы и звѣри черноземной полосы“ и „Очерки природы Хивинскаго оазиса“. Въ первой книгѣ онъ далъ замѣчательно вѣрное описаніе природы своего родного Приволжья, вліянія чернозема, песковъ, рѣкъ и т. д. на органическій міръ. Нужно еще замѣтить, что многія мѣста этого края отъ Палласа до Богданова не были посѣщаемы натуралистами. Они стремились далѣе, въ Сибирь, на Кавказъ, въ Среднюю Азію, изслѣдовать природу болѣе разнообразную, болѣе отличную отъ европейской. Богдановъ показывалъ, что и ближе къ намъ есть много новаго и любопытнаго, и, къ счастью, нашелъ послѣдователей. Хотя онъ не занимался спеціально изслѣдованіемъ чернозема, но и въ этомъ вопросѣ сдѣлалъ не мало. Вторая изъ упомянутыхъ книгъ, кромѣ живого описанія природы и органической жизни, замѣчательна еще тѣмъ, что авторъ обратилъ вниманіе на рыболовство и съ проницательностью человѣка, ясно повимающаго государственныя потребности, указалъ на то, что слѣдуетъ сдѣлать въ этомъ краѣ. Дѣло въ томъ, что генералу Кауфману совѣтовали поселить русскихъ колонистовъ на Аму-Дарьѣ, для занятія земледѣіемъ, и на первый случай воспользо-ваться ссыльными уральскими казаками; Богдановъ высказался противъ этого, такъ какъ мѣстные жители — хорошіе земледѣльцы, а русскимъ будетъ трудно примѣниться къ новымъ условіямъ. Съ другой стороны, рыбное богатство Аму-Дарьи очень велико, а туземцы

были очень плохіе рыболовы, не знали употребленія паруса и весла и не умѣли сохранять рыбы въ прокъ. Богдановъ считалъ однако поселеніе уральскихъ казаковъ очень полезнымъ—какъ отличныхъ рыболововъ. То же было имъ высказано лично генералу Кауфману, который такъ и сдѣлалъ, съ большою пользою для края.

Другой государственный вопросъ, котораго Богдановъ нерѣдко касался, но гдѣ его предположеніямъ не суждено было осуществиться,—вопросъ о скотоводствѣ въ Киргизской степи. Онъ не стоялъ за привлеченіе кочевниковъ къ осѣдлой жизни. Эта степь, по его мнѣнію, самую природою назначена для скотоводства: здѣсь и люди, и породы скота приспособились съ условіямъ мѣстности. Обширное степное скотоводство очень важно для Россіи, давая массу животныхъ продуктовъ въ обмѣнъ на произведенія промышленности и земледѣлія. По мнѣнію Богданова, нужно заботиться объ улучшеніи степныхъ породъ скота, объ огражденіи ихъ отъ бескормицы и падежа, но не ломать естественныхъ условій жизни. Особенное значеніе, по его мнѣнію, имѣеть для Россіи степное коневодство. Оно несомнѣнно должно падать въ мѣстностяхъ, удобныхъ для земледѣлія, гдѣ до сихъ поръ было развито, даже на Дону, такъ какъ уменьшается приволье для лошадей вслѣдствіе распашки земель. Киргизская степь даетъ такое приволье, но имъ нужно умѣть пользоваться.

Вообще Богдановъ очень интересовался домашними животными и много изучалъ ихъ. Особенно въ послѣдніе годы сказалось это направленіе и, проживи онъ еще нѣсколько лѣтъ, дало бы богатые практическіе результаты. Онъ былъ основателемъ и предсѣдателемъ Русскаго Общества птицеводства и передъ смертью былъ занятъ книгой о разведеніи куръ, для которой уже были заказаны рисунки. Онъ справедливо думалъ, что птицеводство имѣеть большое экономическое значеніе для Россіи, и что мы могли бы сбывать за границу на многіе милліоны продукты птицеводства.

Богдановъ въ послѣдніе годы не мало писалъ и для дѣтей, особенно въ журналѣ Родникъ, и издалъ книгу „Мирскіе захребетники“. Онъ умѣлъ и дѣтей заинтересовать животнымъ міромъ; его живое, талантливое изложеніе и любовь къ дѣлу нашли себѣ здѣсь богатое поприще.

А. Восйковъ.

III.

В. П. Гаевскій.

2-го марта скончался послѣ долгой и тяжелой болѣзни извѣстный литераторъ Викторъ Павловичъ Гаевскій.

Онъ родился 22-го января 1826 года въ Петербургѣ и воспитывался сперва въ Ларипской гимназій, а затѣмъ въ Александровскомъ лицѣѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1845 году. Въ томъ же году онъ поступилъ на службу въ комиссію прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, а затѣмъ служилъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гдѣ отецъ его былъ директоромъ департамента. Въ концѣ пятидесятихъ годовъ Викторъ Павловичъ вышелъ въ отставку и, по открытіи новыхъ судебныхъ учреждений, поступилъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ округа С.-Петербургской судебной палаты. Кромѣ того, онъ долгое время состоялъ предсѣдателемъ общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, былъ однимъ изъ директоровъ въ Русскомъ музыкальномъ обществѣ и дѣятельнымъ членомъ Общества поощренія художниковъ.

Въ литературѣ В. П. Гаевскій извѣстенъ какъ отличный знатокъ пушкинскаго періода, которому онъ посвятилъ рядъ замѣчательныхъ статей; таковы: „Пушкинъ въ Лицеѣ и его лицейскія стихотворенія“ (въ Современникѣ 1863 г.), разборъ изданія сочиненій Пушкина, сдѣланнаго П. В. Анненковымъ (въ Отечественныхъ Запискахъ 1855 г.), „Библиографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига“ (тамъ же 1853 г.), „Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ Пушкинское время“ (тамъ же 1861 г.), „Перстень Пушкина“ и „Библиографическія замѣтки о сочиненіяхъ Пушкина“ (въ Вѣстникѣ Европы 1888 г.), „О вліяніи лица на творчество Пушкина“ (въ изданной Имп. Александровскимъ лицеемъ брошюрѣ: Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина. С.-Пб. 1887), „Пушкинъ и Кривцовъ“ (въ Вѣстникѣ Европы 1887 г.), „Дельвигъ“ (въ Современникѣ 1853—1855 гг.), „Замѣтки для біографіи Гоголя“ (тамъ же 1853 г.)¹⁾. Имъ же главнымъ образомъ составленъ былъ каталогъ Пушкинской выставки, бывшей въ Петербургѣ въ 1882 году, и редакци-

¹⁾ Больше подробный перечень трудовъ Гаевского по пушкинскому періоду читателя найдутъ въ книгѣ В. И. Межова: *Pushkiniana*. С.-Пб. 1886.

рованъ отдѣлъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина въ изданіи литературнаго фонда 1887 г. При его же содѣйствіи издано А. С. Суворинимъ собраніе стихотвореній Дельвига. Кромѣ того, Гаевскому принадлежать нѣсколько статей по исторіи русской литературы XVIII в., а именно: о сочиненіяхъ Кострова (въ Современникѣ 1850 года) и разборъ книги Н. Н. Булича о Сумароковѣ (въ Журн. Мин. Н. Пр. 1854 г.). Вообще Гаевскій принималъ постоянное участіе въ критическомъ отдѣлѣ нашего журнала съ 1849 по 1859 г. и, кромѣ того, помѣщалъ въ немъ тогда же статьи о выставкахъ въ академіи художествъ. Болѣе мелкія сообщенія и рецензіи его появлялись въ Библиографическихъ Запискахъ 1861 г. и въ С.-Петербур. Вѣдомостяхъ шестидесятихъ годовъ. Наконецъ, есть указаніе, что покойнымъ предпринятъ былъ, въ 1854 г., еще одинъ историко-литературный трудъ, оставшійся, въ сожалѣнію, не оконченнымъ, именно—исторія Вольнаго общества любителей словесности, существовавшаго въ Петербургѣ въ первой четверти текущаго столѣтія; Гаевскій намѣревался обработать этотъ предметъ по матеріаламъ, сообщеннымъ ему вторымъ отдѣленіемъ нашей Академіи Наукъ. Большой библиофилъ, Гаевскій собралъ отличную бібліотеку, въ которой находится много рѣдкихъ книгъ, автографовъ и вообще рукописей изъ новаго періода нашей литературы. „Въ интимномъ литературномъ мірѣ“ — сказано въ одномъ изъ некрологовъ В. П. Гаевского — „это было одно изъ весьма извѣстныхъ и весьма симпатичныхъ именъ. Гдѣ надо было сдѣлать что-нибудь для литературы, для литератора покойникъ всегда находилъ и время, и много отзывчиваго сердца. Какъ предсѣдатель литературнаго фонда, онъ былъ человѣкомъ незамѣнимымъ. Свѣтски воспитанный, имѣвшій обширный кругъ знакомства, онъ жилъ собственно адвокатурою, литература же была для него любимымъ отдыхомъ. Связанный пріязнью со всѣми выдающимися литературными силами, воспитанникъ лицей онъ литературу и любилъ, и зналъ ее прекрасно“. Нельзя не пожелать, чтобы разсѣяныя по журналамъ статьи покойнаго, посвященныя Пушкину и его современникамъ, появились въ отдѣльномъ изданіи.

IV.

Е. В. Чешихинъ.

Скончавшійся 2-го марта редакторъ Рязскаго Вѣстника Евграфъ Васильевичъ Чешихинъ принадлежалъ къ числу полезнѣйшихъ дѣятелей нашей провинціальной печати. Покойный родился въ 1825 г. и по окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ поступилъ въ 1848 г. на службу по инженерному вѣдомству, а въ 1862 г. перешелъ на службу въ Ригу. Здѣсь онъ принялъ горячее участіе въ оживленіи мѣстнаго русскаго общества и положилъ основаніе первой русской газетѣ въ Прибалтійскомъ краѣ, которую и велъ постоянно въ истинно-національномъ направленіи, твердо служа насущнымъ интересамъ русской государственной жизни. Въ томъ же направленіи предприняты были и его историческіе труды, написанные съ цѣлью ближайшимъ образомъ ознакомить русское общество съ прошлыми судьбами Прибалтійскаго края и его равноплеменнаго населенія. Главный изъ этихъ трудовъ есть „Исторія Ливоніи“, къ сожалѣнію, оставшаяся не конченною (издано шесть выпусковъ); кромѣ того, имъ изданы четыре тома „Сборника матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края“ и помѣщено нѣсколько статей по тому же предмету въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, между прочимъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1884 г. статья о грамотности въ Ригѣ, составленная по даннымъ произведенной тамъ народной переписи.

За $\eta\epsilon\iota(\nu)$ рѣшающее значеніе имѣетъ Arist. Plut. 696; двойств. ч. ($\eta\tau\eta\nu$) встрѣчается только одинъ разъ во всей аттической литературѣ: Plat. Euthyd. 294 D. Ср. Cobet Nov. Lect., p. 334.—I л. множ. ч. $\eta\mu\epsilon\nu$ защищено рукописями Платона и размѣромъ Arist. Plut. 659. Eur. Androm. 1102. El. 775. (Schanz. Plat. VII, p. XIV). II л. множ. ч. $\eta\tau\epsilon$ имѣется Eur. Cycl. 40. III л. мн. ч. гласило у аттиковъ $\eta\sigma\alpha\nu$.

За нее говорить: 1) аналогія другихъ формъ, 2) размѣръ у поэтовъ (Arist. Eq. 605. fr. 161 Kock), 3) свидѣтельства грамматиковъ: Schol. ad Plat. de Rep. 449 A: $\eta\alpha$ διουλλάβως τὸ ἐπορευόμην. сὺν τῇ ἰῶτα γράφεται· οἱ γοῦν Ἴωνες ἦα λέγουσι καὶ $\eta\sigma\alpha\nu$ τὸ $\eta\sigma\alpha\nu$ καὶ παρὰ Θουκυδίδῃ οὕτως ἀναγνώστειον· ὅτι ἀκμαῖοντες $\eta\sigma\alpha\nu$ ἐς αὐτόν· οἱ δὲ Ἴωνες $\eta\sigma\alpha\nu$; ср. Etym. M. s. v. εἰσημᾶν, Suid. s. v. $\eta\alpha$. Stahl, p. 65, сообщаетъ, что Thuc. I, 1, 1 въ рукописяхъ читается $\eta\sigma\alpha\nu$, и что переписчики писали $\eta\sigma\alpha\nu$ даже вмѣсто $\eta\sigma\alpha\nu$ тамъ, гдѣ полагали, что эта форма происходитъ отъ $\iota\epsilon\nu\alpha\iota$, напримѣръ, Thuc. IV, 39, 2. 42, 3. Если, поэтому, Plat. Resp. I, 352 C и X, 600 E даже Parisin. A читаетъ $\eta\sigma\alpha\nu$, то не слѣдуетъ придавать этому обстоятельству никакого значенія.

$\phi\eta\mu\acute{\iota}$. O II л. ед. ч. прош. несов. говорить Phrup., p. 236: $\epsilon\phi\eta\varsigma$. $\epsilon\sigma\tau\iota$ μὲν παρὰ τοῖς ἀρχαίοις, ἀλλ' ὀλίγον. τὸ δὲ πλεῖστον $\epsilon\phi\eta\theta\alpha$, то-есть, онъ признаетъ, кромѣ $\epsilon\phi\eta\theta\alpha$, за древнеаттическую форму и $\epsilon\phi\eta\varsigma$ (между тѣмъ какъ онъ, p. 149, соотвѣтствующее $\eta\varsigma$ вмѣсто $\eta\theta\alpha$ называетъ $\sigma\acute{o}\lambda\alpha\iota\chi\omicron\nu$). Совершенно справедливо устранили новѣйшіе издатели эту неаттическую форму изъ текстовъ, хотя она засвидѣтельствована рукописями (Plat. Gorg. 466 E, 496 E, Ion 539 замѣнилъ Шанцъ $\epsilon\phi\eta\varsigma$ черезъ $\phi\eta\varsigma$, Euthyd. 293 C черезъ $\epsilon\phi\eta$; Aeschin. II, 86 читаютъ теперь $\epsilon\phi\eta\theta\theta'$ ἀρτίως вм. $\epsilon\phi\eta\varsigma$ ἀρτίως. Aesch. Ag. читаютъ Дяндорфъ, Веклейнъ и Кирхгофъ [v. 1584] τόνδε $\phi\eta\varsigma$ [$\phi\eta\varsigma$] вм. чтенія всѣхъ рукописей τόνδ' $\epsilon\phi\eta\varsigma$). Форма $\eta\varsigma$ имѣетъ еще менѣе за себя: 8 мѣстъ Софокла, 9—Аристофана и 1—Эскида требуютъ двухсложной формы; во всѣхъ остальныхъ она допускается размѣромъ. Eur. Iph. A. 339 имѣютъ рукописи $\eta\varsigma$ ἀπάσης, или даже $\eta\varsigma$ πάσης; издатели пишутъ теперь $\eta\theta\alpha$ πάσης. Vamb. Jb. XII, p. 51.

O разныхъ аттическихъ формахъ прош. несоверш. гл. $\omicron\acute{\iota}\delta\alpha$ мы заимствуемъ у Vamb. Jb. XII, ср. 52 sq., слѣдующія свидѣнія: I л. $\eta\delta\eta$ не исключается ни однимъ поэтическимъ мѣстомъ, требуется Ag. Av. 511 $\eta\delta\eta$ ἴγω. Исократъ, надо полагать въ виду XII, 127 προῦδειν ἐσομένον, употреблялъ $\eta\delta\epsilon\iota\nu$. Для III л. ед. ч. $\eta\delta\epsilon\iota(\nu)$ имѣютъ доказательную силу мѣста: Arist. Pax 1182. Vesp. 558. 635. Eur. Ion

1187. Трехсложная форма II л. ед. ч. требуется размѣромъ Eur. E1. 926. Cycl. 108. Ag. Escl. 551; размѣръ не исключаетъ ея нигдѣ. Шанцъ пишетъ въ своемъ изданіи то (1875) ἔθειθα (Euthyphr. 15 D), то (1880. 1881) ἔδηθα (Euthyd. 277 E, Men. 80 D). Последнее, кажется, было свойственно древнимъ аттикамъ, если можно вѣрить грамматку Etym. M. p. 420, 14 ἔθειθα· τὸ κοινότερον διὰ τοῦ ε, τὸ δὲ ἀττικότερον διὰ τοῦ η, ἤδηθα. Εὐπολις. За формы множ. ч. 1. ἤσαν, 2. ἦσθε, 3. ἦσαν говорятъ мѣста: 1) Eur. Hec. 1112. Arist. fr. 149. 4 Kock, 2) Soph. fr. 317. Aesch. Prom. 451. Eur.. Cycl. 231. Rhcs. 855.

3. Πίμπλημι, πίμπρημι.

Сложныя этихъ глаголовъ съ предл. ἐν должны по свидѣтельству нѣкоторыхъ позднѣйшихъ грамматиковъ лишиться своего μ: Lobbeck ad Phryg., p. 95, приводитъ Suid. πίμπλαται, ἐμπικλῆ δέ, Moschorul. πικλῶ μετὰ τοῦ μ, ἐμπικλῶ χωρὶς τοῦ μ διὰ τὸ κακάφωνον и др. и защищаетъ это ученіе грамматиковъ на основаніи большинства рукописей. Послѣ Г. Германиа (ad Eur. Ion 941 и Arist. Nub. 1488) высказался противъ этого Кобетъ (Nov. Lect. p. 141), главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что у драматическихъ поэтовъ размѣръ вездѣ допускаетъ формы съ μ, а иногда даже требуетъ (Arist. Nub. 1484. Lys. 311. Thesm. 749. Ach. 447—группы πλ и πρ не составляютъ положенія; ср. Christ, Metrik.², p. 14); кромѣ того (см. Schanz Plat. XII, p. XVI sq.), имѣетъ Paris. A Платона въ 13 мѣстахъ (напримѣръ, Tim. 52 E, Crit. 121 B, Leg. IV, 705 B, V, 725 C etc.) μ въ текстѣ, въ 5 мѣстахъ надписанное первою рукою. „Platon ubique ἐμπικλήμι, ἐμπικρημι restituendum est“, заключаетъ Шанцъ. И другіе критики приняли: теперь эти формы съ μ въ своихъ изданіяхъ. Ср. Vamb. Z. f. G. 1874, p. 35 sq. Martin. Le ms. d'Isocr. Urb. p. 31.

4. Глаголы на -ουμι.

Изъ надписей приводитъ Meisterh., p. 83, слѣдующіе примѣры: ὀρνόντων CIA. IV, 71, d, 24 (420—413 а. С.), ὀρνότω ib. 116, d, 5 (раньше 403 а. С.), ὀρνόναи CIA. II, 140, 9; 578, 13; Aθ. V, 424 (всѣ эти надписи относятся къ IV в.). Лишь во II вѣкѣ является въ неопр. накл. окончаніе -ουιν: στρωφονόσιν CIA. II, 624, 9 (II в.); ὀρνόσιν 'Еф. ἀρχ. 1884, 170, 26 (послѣ 48 а. С.), между тѣмъ какъ ὄρνωον относится уже къ IV в. (CIA II, 160, 13; 336 а. С.). Другіе примѣры даетъ Lautens., p. 8: ὀρνόναи CIA. I, 9, 15. 20 (вр. Кимона), ὄκοζω- νόνηи (sic) CIA I, 77, 9 (450—400 а. С.). Формы среднего залога имѣютъ только окончанія глаголовъ на -μι: ζευγυμένφ CIA. I, 329,

с, 9 (408 а. С.), *δείκνονται* СІА. II, 196, 18 (330—320 а. С.). У трагиковъ формы гл. на -ω не встрѣчаются, у комиковъ за то часто; *συμπαρამγνύων* Arist. Plut. 719 защищено размѣромъ. Thus. IV, 25, 5 ἀπολλούσαι и V, 19, 2. 24, 1 ὄμνοον считаетъ Stahl, p. 64, не подлежащими сомнѣнію.

Отдѣльные глаголы. Meisterh., p. 84—89.

1. ἀγγέλλω. Eur. Iph. T. 932 взмѣнилъ Эльмслей рукописное чтеніе: ταῦτ' ἄρ' ἐπ' ἀκταῖς κἀνθάδ' ἡγγέλης μανείας, считая аористъ ἡγγέλην за неаттическую форму; что это предположеніе ошибочно, доказываетъ Syll. 13, 19—СІА. IV², 27, b, 19 ἐπειδὴν ἐπαγγελή 439 а. С.

2. ἀναγορεύσαι. Кобетъ сдѣлалъ наблюденіе, что древніе аттики почти совсѣмъ не употребляли fut. aor. и perf. гл. ἀγορεύειν и его сложныхъ и что вм. нихъ встрѣчается εἶρεῖν, εἶπεῖν, εἰρηκέναι, εἰρησθαι. Въ надписяхъ встрѣчается только ἀναγορεύειν, но наблюденіе Кобета подтверждается и тутъ; до сихъ поръ нашлось въ періодъ времени отъ V—I вв. до Р. X. 35 примѣровъ аориста ἀνεῖπον (ἀνεῖπα), напримѣръ, ἀνεῖπε... СІА. II, 55, 5 (раньше 352 а. С.), ἀνεῖπειν ib. 61, 9 (358—352 а. С.), Bull. III, 121, 9 (350—300), ἀνεπάτω 'Εφ'. ἀρχ. 1884, 71, 19 (350—300 а. С.), ἀνεπέτω СІА. II, 603, 13 (300—250 а. С.), ἀνεῖπει (= -η) ib. 614, 22 (282—280 а. С.). 'Αναγορευοῦσα[τω] является лишь съ 325 г. до Р. X. СІА. II, 809, а, 196, ἀναγορευῶσαι ib. 251, 22 рядомъ съ ἀνεῖπειν строка 6 (307—300 а. С.), ἀναγορευοῦσαι ib. 543, 2 (ок. 300 а. С.), ib. 331, 75 (ок. 270 а. С.), ἀναγορεύωσαι ib. 617, 15 (ок. 250 а. С.), ἀναγορευοῦθῃ ib. 251, 22 (307—300 а. С.). Aor. pass. ἀναρθεάντες СІА. II, 719, 12 (321 а. С.). Herw., p. 43, Lautens., p. 14.

3. ἀναλῶ чередуется съ ἀναλίσκω въ древнеаттическомъ нарѣчии. ἀναλοῦν СІА. I, 55, с, 3 (415 а. С.), но ἀπαναλίσκηται ib. 32, A, 26 (420—416 а. С.). Въ IV в. встрѣчаются въ надписяхъ лишь формы отъ ἀναλίσκω: ἀναλίσκομένων СІА. II, 54, b, 29 (368 а. С.) etc. ἀναλίσκειν ib. 610, 10 (350—300 а. С.).

4. ἀνοίγω, употребляемое Θукидидомъ исключительно, и ἀνοίγνυμι слѣдуетъ считать за одинаково хорошія аттическія формы, но послѣднее встрѣчается въ надписяхъ въ формѣ ἀνοίγνυμένης СІА. II, 1054, 88 (347—329 а. С.) позже, чѣмъ первое: συνανοίγόντων СІА. I, 32, A, 16 (420—416 а. С.) и еще въ началѣ II в. до Р. X. ἀνοίγουσα СІА. II, 622, 14. Fut. pass. ἀνοίγεται читается Syll. 352, 25—СІА. II, 1054, 25 (347 а. С.). Относительно perf. act. высказалъ уже Вамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 18) мнѣніе, что ученіе обыкновенныхъ на-

шихъ грамматикъ, будто ἀνέφχα относится къ среднему залогу, ἀνέφχα же къ дѣйствительному, не вѣрно, и что только одно ἀνέφχα слѣдуетъ признать за аттическую форму. Еще Rhynsch., p. 157, говоритъ: ἀνέφχεν ἢ θύρα, σολοικισμός· χρῆ γὰρ λέγειν ἀνέφχται. Последнее подтверждается надписями: CIA. II, 720, B, 49 (320 а. С.) ἀ]ν[ε]φχμένον и ib. 1061, 8 ἀ]νεφχμένον (ἀνέφχα читается въ нашихъ текстахъ Pseudo-Dem. XLII, 30 и Men. fr. 217 Mein.). Vamb. Jb. XII, p. 54.

5. ἀποροῦμαι = ἀπορῶ встрѣчается уже въ срединѣ IV в. до Р. X.: CIA. II, Add. 115, b, 34 ἀπορῆται.

6. ἀρμόττω было исключительно употребительное у аттиковъ начертаніе, какъ видно изъ немалочисленныхъ примѣровъ надписей, напримѣръ. CIA. IV, 2, A, 16 ἀρμ]όττεσθαι (500—450 а. С.), CIA. II, 1054, 38, 61 (347 — 329 а. С.) ἀρμοττούσας, строка 58 ἀρμόττοντι, строка 64 συναρμόττους, строка 84 συναρμόττοντας. CIA. II, 167, 72 (вскорѣ послѣ 307 а. С.) etc. Ἀρμόζω нигдѣ не встрѣчается.

7. αὔξάνω въ аттическихъ надписяхъ не находится, а только αὔξω: αὔξει Ἐρ. ἀρχ. 1883, 21 (IV в.), συναύξων Ἀθ. VIII, 294, 7 (III в.), ἐπαύξων[τι CIA. II, 402, 18 (250—200 а. С.). Lautens., p. 9.

8. βίωω. Бамбергъ (Z. f. G. 1874, p. 39) и Кобетъ (Mnemos. VIII, p. 172) высказались въ пользу opt. aor. βιοίην и противъ βέφην. Последняя форма противорѣчитъ дѣйствиательно всякой аналогіи (ср. δοίην, αλοίην, γυοίην) и, кромѣ того, известна склонность повдвѣйшихъ грековъ говорить δέφην, διδέφην. Moeris p. 117 δοίημεν, δοίητε. Ἀττικῶς. δέφημεν, δέφητε, Ἑλληνικῶς. Rhynsch. p. 345 οὐδαίς τῶν Ἀττικῶν τὸ εὐκτικὸν εἶπε διὰ τοῦ ω, ἀλλὰ διὰ τῆς οἰ διφθόγγου. Спорить противъ этого Thom. Mag., p. 92 R., и называетъ формы какъ δέφη, ἀλέφη только менѣе употребительными. Шандъ пишетъ теперь Plat. Hipp. mai. 281 D ἀναβιοίη, Gorg. 512 E βιοίη, между тѣмъ какъ онъ еще въ 1875 г. сомнѣвался, не слѣдуетъ ли по указанію рукописей писать μεταδέφην Phaed. 63 C и 87 D.—Arist. Ran. 177 читаетъ Диндорфъ вопреки рукописямъ ἀναβιοίην. Vamb. Jb. XII, p. 54.

Относительно причастія того же аориста говоритъ Кобетъ Nov. Lect., p. 576: „diligenter notandum βιοός habere βιοῦντος, βιοῦντα, βιοῦντα. Mira res est, sed certissima res est“. Vamb. Z. f. G. 1874, p. 38, предполагаетъ βιόντος, βιόντα на основаніи Herodian. ed. Lentz II, p. 704, 34 αἱ δὲ εἰς οὐς μεταχαι διὰ τοῦ ντ κλίνεται, οἷον βιούς βιόντος, διδούς διδόντος, αλούς, αλόντος, Etym. M. p. 198, 46 и Thom. Mag. p. 92, 6 и, отвергая авторитетъ грамматика у Herm. de emendand. gal. gramm. gr. p. 457, говорящаго: ὁ βιοός, ὁ διδούς ὀξύνεται, τὰ

δὲ τούτων οὐδέτερα περισκῶνται, τὸ βιοῦν, τὸ διδοῦν(!), изъ-за послѣд-
няго слова, считаетъ нужнымъ образовать въ средн. р. βίων. Послѣд-
нюю форму находитъ Бамбергъ у Hesych. III, 108 καὶ ἐπεβίω δὲ καὶ
ἐπιβίους· καὶ τὸ παιδίον ἐπίβιον Ἰσαῖος εἶρηκεν и пишетъ ἐπιβίων вм. ἐπίβιον.

9. γίγνομαι. Правописание γίνομαι встрѣчается въ аттическихъ
надписяхъ лишь съ начала III в. : γίγνομαι CIA. I, 40, 16 (424 а. С.),
ib. 68, 11 (450—400 а. С.); послѣдній примѣръ правописанія γίγνο-
μαι (CIA. II, 302, b, 9) относится къ 294—292 гг. до Р. X. Съ
этого времени писали только γίνομαι, напримѣръ, CIA. II, 478, ab,
17; 'Εφ ἀρχ. 1884, 135, 30 (307—286 а. С.) и 137, 43 (307—286
а. С.). Во время римскихъ императоровъ встрѣчается опять γίγνομαι
при γίνομαι. Meisterh., p. 84. Lautens., p. 9.

10. γιγνώσκω. Начертанія имѣютъ γν по 325 г. до Р. X. Въ
императорское время встрѣчаются формы съ ν и γν. Къ примѣрамъ
Мейстерганса присоединяетъ Lautens., p. 10, еще Mitth. VII, 368
ἀνεγίγνωσκεν (346 а. С.); γεινώσκω находится CIA. III, 36, 4 (не 34)
и относится эта надпись къ 117—138 гг. по Р. X.

11. ἐδέδια. III л. p[is]qr[if]. гласить по Rhyn., p. 180, ἐδέδιασ; Фри-
nixъ говоритъ: 'Ἐδέδιασαν· καὶ τοῦτο τῆς Λολλιανοῦ μούσης. οὐ δὲ λέγε
тетρασυλλάβως ἀνευ τοῦ ε, ἐδέδιασαν, и такъ читаютъ рукописи Plat.
Lög. III, 685 С. Прицаемая Фринихомъ форма читается Thuc. IV,
55; V, 14; Lys. XIII, 27; Isocr. VII, 33. Vamb. Z. f. G. 1874, p. 37,
считаетъ, врядъ ли вѣрно, обѣ формы за аттическія, и то, что онъ
приводитъ въ пользу окончанія -ισσαν, признать основательнымъ нельзя.

12. διώκω. Атики говорили въ fut. только διώξομαι. Cohet. Nov.
Lect., p. 254. Xen. An. I, 4, 8 и Cyrop. VI, 3, 13 слѣдуетъ испра-
вить. Vamb. Z. f. G. 1874, p. 26.

13. ἐθέλω. Ученіе грамматика Thom. Mag., p. 172: ἡθέληκα
'Ἀτικοὶ λέγουσιν ἀπὸ τοῦ ἐθέλω, ἐθέλησω, ἡθέληκα· τὸ δὲ τεθέληκα
'Ἀλεξανδρευτικόν, ἀπὸ τοῦ θέλω κανονιζόμενον подтверждается прозаиче-
скими надписями: CIA. IV, 1, A, 40 ἐθέλη (раньше е 456 а. С.); ib. 51
e, f, 12 ἐθέλοντες (410 а. С.); CIA. I, 61, 16 (409 а. С.) ἐθέλωσι. Един-
ственное исключеніе Мейстерганса изъ классическаго времени (CIA.
I, 1, с, 16, гдѣ Кирхгофъ читаетъ θέλη) оказывается теперь по англий-
скому сборнику очень сомнительнымъ: несомнѣнное θέλω имѣется
только отъ второй половины III в.: θέλει (copi.) CIA. II, 402, 15.
Lautens., p. 9.

14. ἔλκω. Praes. и Imperf. производятся въ надписяхъ только отъ
основы ἔλκ, прочія времена только отъ основы ἔλκω: ἔλκει CIA. II, 280.

14 (послѣ 350 а. С.); κα]θειλοσεν ib. II, 791, 23 (377 а. С.), ειλκοσ II, Add. 834, b, I, 23. 56. (329 а. С.); Add. 834, c, 53 (317—307 а. С.); ειλκοσθεισαι ib. II, Add. 834, b, I, 55; ἀν[ειλ]χοσμένων CIA. II, 793, а, 4—5 (357 а. С.). Lautens., p. 8. 14. 23.

15. ἐπιμέλομαι встрѣчается только въ двухъ надписяхъ конца IV в. до Р. X. и на одной I в. (Mitth. VIII, 58); въ прочихъ надписяхъ находятся съ 369 г. только ἐπιμελοῦμαι: ἐπιμέλεται и ἐπιμελέσθαι, CIA. II, 186, 26. 31 (322 а. С.), ἐπι[μ]αλέσθω 'Εφ. ἀρχ. 1884, 71, 28 (ок. 300); за ἐπιμελείται, ἐπιμαλείσθαι, ἐπιμελοῦνται свидѣтельствуя 34 примѣра, при чемъ не приняты въ расчетъ 6 мѣстъ съ повелит. накл. ἐπιμελόσθων (ср. выше стр. 138), такъ какъ ихъ можно бы было читать ἐπιμελοῦσθων (Lautens. p. 9.). Вообще о болѣе древнихъ надписяхъ судить нельзя, потому что въ нихъ E=и и ei, O=о и oo, такъ что нельзя не назвать очень страннымъ, что Герверденъ, p. 52, на основаніи надписей I тома CIA. (времени до Евклида) приходитъ къ заключенію „Thucydidi et tragicis et antiquae comoediae auctoribus verbum contractum abiudicandum esse“. Stahl, p. 66, впрочемъ признаетъ за Фукидидомъ одно ἐπιμέλομαι и считаетъ нужнымъ исправить рукописное чтеніе въ слѣдующихъ мѣстахъ: Thuc. IV, 18, 3; VI, 91, 5; VII, 8, 3; VIII, 39, 2. Размѣръ допускаетъ Arist. Vesp. 154 ἐπιμέλου и Plut. 1117 ἐπιμέλεσθ'; не возможно измѣнить форму ἐπιμελοῦμεθα, не нарушая размѣра, Eug. Phoen. 556, но этотъ стихъ принадлежитъ къ отрывку, который считаетъ А. Наукъ подложнымъ. Хотя такимъ образомъ ни изъ надписей, ни изъ языка сценическихъ поэтовъ прямого вывода сдѣлать нельзя, однако форму ἐπιμέλομαι слѣдуетъ все-таки считать за болѣе древнюю, чѣмъ ἐπιμελοῦμαι. Fut. этого глагола гласитъ ἐπιμαλήσομαι: Syll. 101, 15 ἐπιμα[λ]ήσοσθαι.

16. ἐρχομαι. Мы повторимъ здѣсь то, что уже давно указано другими: у атиковъ употребляется отъ ἐρχομαι только praes. ind.; прочія наклоненія: ἴω, ἴοιμι, ἰέναι, ἰών, ἴθι, формы, которыя могутъ имѣть значеніе и будущаго; impregf. ἦα; ἦρχομην же относится къ ἀρχομαι, такъ что Thuc. VI, 120, 1 и 121, 1 ἐπήρχοντο и προσήρχοντο происходятъ отъ ἐπ-, προσάρχομαι; fut. ind. εἶμι; ἐλεύσομαι: не аттическая форма, которая въ прозѣ первый разъ встрѣчается Lys. XXII, 11 ἐλεύσοσθαι, и Эльсмслей (ad Eug. Hecasl. 210), кажется, справедливо полагаетъ, что этою формою мы обязаны переписчикамъ, а не Лисію. Вѣрно говорить Phryn. p. 87 ἐπέξειμι λέγεται, ἀλλ' οὐκ ἐπαλειόσομαι.

17. ἔχω. Fut. οχήσω въ надписяхъ вовсе не встрѣчается, а только ἔξω: ἔχ[ουσι] CIA. I, 40, 28 (424 а. С.), παρέ[ξομεν] IV, 71, d, 21

(420—413 а. С.), *παρέξει* II, 167, 48. 107 (вскорѣ послѣ 307 а. С.), *ιβ.* 312, 32 (286 а. С.), 318, 9 (282—280 а. С.), *μεθέξουσιν* Mitth. IX, 289 (200—150 а. С.), *μ]αθέξοντα* Mitth. XI, 291, 45 (200—150 а. С.), *ἔξουσιν* CIA. II, 482, 66 (39—32 а. С.). Lautens., p. 16.

По наблюдениямъ Э. Шульце (N. Jahrb. f. klass. Philol. 1883, p. 163—166) форма *αχῆσθ* устарѣла уже во время аттическихъ ораторовъ: употребленіе ея Исократомъ и Демосееномъ объясняется тѣмъ, что первый не произносилъ своихъ рѣчей и могъ поэтому отступить отъ обыкновеннаго языка, второй же потому, что считалъ необыкновенное слово болѣе годящимся для своего возвышеннаго слога.

17. *ζώνουμι* не имѣетъ *σ* въ *perf. pass.*: *ὀπέζωται* CIA. II, 802, b, 27, c, 7 (349 а. С.), *ιδιεζωμένοι, διέζωται* CIA. II, 736, B, 16. 19 (не раньше 307 а. С.); объ *ἀνοκόζωτος* см. выше стр. 148.

18. *θνήσχω* имѣетъ въ основѣ настоящ. вр. *ι* *προσγεγραμμένον*: *θ]νῆ[χον* Kaib. Epigr. 28, 2 (IV в.), *θνήσχω* 'Εφ ἀρχ. 1884, 65, 66. Ср. Etym. M. 482, 29: *θνήσχω, μμνήσχω. Δίδυμος χωρίς τοῦ ι.... ἡ μέντοι παράδοσις ἔχει τὸ ι.*

19. *καθαίρω* Что Кобетъ не правъ, утверждая *Mnemos. N. S. VIII, p. 291: Nemo ante Alexandri tempora dicebat ἐκάθαρα*, доказываетъ надпись CIA. II, 1054, 8 (347 а. С.) *ἀνακαθαράμενος*, тогда какъ *ἐκάθαρα* немного позже: *ἀνακαθήραντι* CIA. II, Add. 834, b, I, 49 (329 а. С.) и Kaib. Epigr. 104, a, 1 (вр. ип.) *καθήρα*. Во всякомъ случаѣ можно заключить, что форма *ἐκάθара* въ IV в. употреблялась такимъ же образомъ, какъ *ἐκάθαρα*, хотя древніе грамматикі признають только послѣднюю; ср. Thom. Mag. p. 121, 13 *ἐρρύπηνα καὶ ἐκάθαρα Ἀττικοί, οὐκ ἐρρύπανα οὐδ' ἐκάθαρα. Moeris p. 137 ἐρρύπηνα, ἐκάθαρα. Ἀττικῶς. ἐρρύπανα, ἐκάθαρα λέγουσιν Ἕλληνας. Etym. M. p. 485, 15: δεῖ γινώσκειν, ὅτι ἐκὶ τοῦ ἀορίστου τῶν ἀπὸ μελλόντων περισπωμένων τῶν διὰ τῆς αἰ διφθόγγου οἱ Ἴωνες τρέπουσι τὸ α εἰς η, καθαρῶ, ἐκάθαρα μινῶ, ἐμίηνα... χρῶνται δὲ αὐτῶ καὶ οἱ Ἀθηναῖοι. ср. p. 626, 29. Phryn. p. 24: σημᾶσαι, ἐσημᾶσαν καὶ θερμᾶσαι, ἐθήρμαναν καὶ καθᾶσαι, ἐκάθαραν καὶ ταῦτα παρὰ τὴν ἀρχαίαν χρῆσιν διὰ τοῦ α. Λέγομεν διὰ τοῦ η σμῆσαι, θερμῆσαι, καθῆσαι. По послѣднему мѣсту въ особенности видно, что въ позднѣйшія времена образовывали аористъ отъ всѣхъ подобныхъ глаголовъ на *-α*, вслѣдствіе чего ошибочныя формы вкралась въ рукописи и изданія древнихъ аттиковъ; примѣры см. у Buttman, Ausf. Gr. Spr³. I, p. 439 и Lob. ad Phryn., p. 25.*

20. *καίω*. Въ древнеаттическомъ нарѣчій аористъ гласитъ *ἔκαε*: *ἐχέαντι* (два раза) CIA. I, 324, I, 43; II, 13 (408 а. С.); позже

ἐκαοσα: ἐκαούσαντι CIA. II, Add. 834, b, II, 50 (329 а. С.). О формѣ ἐγκαυταῖς см. выше стр. 148. Ср. Moeris, p. 218: κατακαύθη, Ἀττικῶς, κατακαούθη, Ἑλληνικῶς.

21. Κλίνω. Cobet Nov. Lect. p. 340: ἐκλίνθη Homericum est, Athenienses non aliter quam κατακλίνην dicebant et sequiores forma κατακλίθην утунтур. Это утверждение Кобета подтверждается лучшими рукописями Платона: въ Paris. А читается Resp. II, 372 В κατακλινέντας; то же самое слѣдуетъ сказать объ Аристофанѣ. Scharz Plat. V, 2, p. X. Невѣрно слѣдовательно утверждаетъ Kühner Ausf. Gr.³ I, p. 849.

22. Λαγχάνω. Pergf. является въ надписяхъ только въ видѣ εἰληχα: εἰληχότων CIA. I, 54, 13 (416 а. С.), εἰληχῶς CIA. II, Add. 489, b, 9 (39—32 а. С.). Λέλογχα не встрѣчается.

23. Λέγω. CIA. IV², 227, b, 16=Syll. 13, 16 имѣется отъ гл. ἐκλέγω fut. pass. ἐκλεγθήσεσθαι рядомъ съ аог. pass. ἐγλεχθῆ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что ἐλέχθην (=выбирать) не менѣе правильно, чѣмъ ἐλέγην.

Διαλέγομαι имѣеть въ надписяхъ fut. med.: διαλεζομένην CIA. II, 323, 14 (277 а. С.), но аог. pass.: διελέχθη, διαλεχθεῖς CIA II, 314 (284 а. С.). Ср. Thom. Mag., p. 84: διελέχθη κάλλιον ἢ διελέξατο.

24. λιπάνω, параллельная форма гл. λείπω, известная изъ литературы (Thuc. VIII, 17, 1, Antirhan. 35 Коск), встрѣчается и въ надписи CIA. II, 610, 12 (350—300 а. С.); аог. находится въ надписяхъ только сильный: ἐνάλιπο[v CIA. II, 814, а, В, 2 (374 а. С.) etc.

25. μίγνομαι. Объ этомъ глаголѣ была рѣчь уже выше стр. 86. Praes. въ надписяхъ не встрѣчается; но что древніе писали μείγνομαι, можно заключить по другимъ временамъ (δείκνομαι: δείκω=μείγνομαι: μείω) и по собств. именамъ: Μειξίας, Μειξικλῆς, Μειξιάδης и др. Stahl, p. 39. Прочія времена: fut. μείω, аог. ἔμειξα и adl. verb. μεικτός: συμμειξίειν или συμμειξίας CIA. I, 492, 3 (VI в.); σύμμεικτος читается въ надписяхъ 16 разъ, напримѣръ, CIA. II, 652, В, 13. 22 (398 а. С.); 654, b, 3 (начала IV в.); вѣрно дополнено σύμ[μει]κτων CIA. I, 4 204, 8—9, (434—403 а. С.), потому что пробѣлъ требуетъ дополненія какъ разъ трехъ буквъ. Невѣрно дополняетъ Келлеръ CIA. II, 645, 12 и 656, 3 σύμμικτα.

26. ξέω сливаетъ свои формы такимъ же образомъ, какъ δέω (вяжу): καταξοῦντι (написано καταχ[σο]ντι; мѣсто только для двухъ буквъ) CIA. I, 324, с, 61 (408 а. С.); ἀναξῶν CIA. II, 167, 72 (334—326 а. С.), ἀποξοῦσα Ib. Add. 834, b, II, 42 (329 а. С.).

27. οἰκτίρω, οἰκτιρῶ φκтра, слѣдуетъ спрягать и писать. Это видно,

вопервыхъ, по надписямъ: οἰκτιρ' CIA IV, Add. 477, с (VI в. до Р. X.), οἰκτιρον CIA. IV², 477, h, 2 (VI в.), οἰκτίρας CIA I, 463, 2 (VI в.), повторыхъ, по формамъ οἰκτιρμός, οἰκτίρων, которыя должны бы были имѣть видъ οἰκτιρμός и οἰκτέρων, еслибы наст. вр. было οἰκτιρώ; вторыхъ, Choegobosc. у Gram. Anecd. Ox. II, p. 243: οἰκτίρω, οἰκτιρώ: καὶ διὰ τοῦ ι γράφεται καὶ διὰ τῆς ει διφθόγγου· ἔχουσι δὲ λόγον ἑκάτερα· τὸ γὰρ διὰ τοῦ ι γράφεται, διὰ τὸ οἰκτιρμός γράφεται ι· καὶ πάλιν οἱ Αἰολεῖς οἰκτίρῳ λέγουσι, καὶ οὐχὶ οἰκτέρῳ, доказыааетъ, что и греческимъ грамматикамъ было извѣстно вѣрное начертаніе. Если тѣмъ не менѣе предпочитали невѣрное начертаніе, то это происходило отъ того, что позднѣйшіе греки въ буд. вр. говорили οἰκτιρῶ и Херобоскъ дѣйствительно этимъ и мотивируетъ другое начертаніе: εἰ οὖν οἰκτιρῶ φαμέν τὸν μέλλοντα διὰ τοῦ ε, δηλονότι ὁ ἐνωστῶς διὰ τῆς ει διφθόγγου γράφεται. Въ рукописяхъ исчезъ всякій слѣдъ правильной орѳографіи; οἰκτίρω пишетъ теперь Кирхгофъ въ Эсхилѣ (папримѣръ, Ag. 1275=1321) и А. Наукъ въ Софоклѣ (папримѣръ, El. 1411 φκτιρεθ'. Trach. 464 φκτιρα, O. C. 109 οἰκτίρατ').

28. ὀράω. Suid. II, p. 441 Bernh. говоритъ: 'Ἐπιώψατο. κατέλεξεν, ἐξελέξατο. ἔστι δ' Ἀττικόν. Ὁ βροίλευς ἐπιώψατο ἀρρήφορους. οἶον, κατέλεξεν, ἐξελέξατο. Πλάτων ἐν Νόμοις ¹). Въ указанномъ Свидою смыслѣ (выбирать) встрѣчается эта форма въ надписяхъ CIA. II, 948, 1 τούσδε ἐπιώψ[ατ]ο ὁ ἱεροφάντης и 949, 2 τούς ἐπιόψ[έν]τας, въ какомъ смыслѣ это сложное встрѣчается уже у Гомера, но только въ буд. вр.: Od. II, 294 τάων (νεῶν) ἐγὼ ἐπιόψομαι ἧ τις ἀρίστη и II. IX, 167 τούς ἄν ἐγὼν ἐπιόψομαι. Plat. Leg. XII, 947 C придется написать съ начертаніемъ Свиды и надписей: οὓς ἄν οἱ προσήκοντες τοῦ τελεοτήσαντος ἐπιόψωνται, какъ видѣлъ еще Бутманъ (Ausf. Gr. Spr. II, p. 259). Mem. Rev. IX, p. 90. Vamb. Jb. XII, 56.

29. Παίθομαι. Аористъ ἐπιθόμην открытъ въ государственномъ постановленіи 376 г. до Р. X.: CIA. II, 38, 14 ἐπιθόντο.

30. σφζω. Многочисленные эпиграфическіе примѣры доказыааютъ, что аттики писали этотъ глаголь съ ι проэпиграммѣномъ до середины II вѣка до Р. X.; σφζε CIA. I, 397, 4 (раньше 444 а. С.); Σφζομένην (имя корабля) CIA. II, 793, h, 5 (357 а. С.); σφζονται ib. 564, 4 (ок. 300 а. С.); σφζουσιν ib. 332, 85 (271—265 а. С.); Ἄνα]σφζομέ[νοις ib. 975, IV, 3 (160 а. С.);—σφζομένους ib. 467, 89 (начала I в.). Прочія

¹) ἐν Νήσοις исправилъ Порсонъ ad Моег. p. 142, то-есть, отвнесъ приведенныя слова къ поэму Платону.

времена производятся отъ основы $\sigma\omega$ ($\sigma\omega\sigma$, $\epsilon\sigma\theta\eta\nu$, $\sigma\epsilon\sigma\mu\alpha\iota$), но встрѣчаются все-таки въ надписяхъ формы отъ основы $\sigma\phi\delta$: $\epsilon\sigma\phi\sigma\epsilon\nu$ CIA. II, 605, 6 (начала II в.). $\sigma\phi\sigma\omega\sigma\iota\nu$ Rang. 453 (не раньше 270 а. С.); то же самое бываетъ и въ неаттическихъ надписяхъ ($\delta\iota\epsilon\sigma\phi\sigma\omega$, $\sigma\upsilon\nu\delta\iota\alpha\sigma\phi\sigma\alpha\nu\tau\alpha\varsigma$, $\sigma\epsilon\sigma\phi\sigma\alpha\iota$ Syll. 330, 15; 316, 10; 193, 26). Въмѣсто $\delta\iota\alpha\sigma\phi\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma$ CIA. II, 225, 11 слѣдовало бы ожидать по крайней мѣрѣ $\delta\iota\alpha\sigma\phi\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ (послѣ 319 а. С.). *Mem. Rev.* V, p. 169 sq.

31. $\pi\epsilon\tau\omicron\mu\alpha\iota$. *Cobet, Var. Lect.* p. 305: „*Attici dicunt πέτομαι, πτήσομαι (semel et iterum πτήσομαι), τὴν ἐπτόμην, πτέσθαι, πτόμενος. Tragici ex Homero assumerunt ἔπτην, πταίην, πτάς et ἐκτάμην, πτάσθαι, πτάμενος, quorum nihil in quotidiano sermone in usu fuit extra iocum aut παραδίαν. Itaque in comoedia ἐκτόμην locum habet, ἐπτάμην ubi supra soccum oratio adsurgit*“. Рукописи Платона подтверждаютъ это правило; ср. *Schanz Plat.* XII, p. 18.

32. $\tau\epsilon\rho\nu\omega$. Въ аттическихъ надписяхъ встрѣчается лишь аористъ $\epsilon\tau\epsilon\rho\nu$: $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$ CIA. II, 1054, 7 (347—329 а. С.), $\epsilon\tau\epsilon\rho\nu$ *ib.* Add. 854, b, I, 49 (329 а. С.), $\tau\epsilon\rho\epsilon\iota\nu$ CIA. 834, 14 (330—300 а. С.), $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$ *ib.* Add. 834, c, 13 (317—307 а. С.), *ib.* строка 14 $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu\tau\iota$, $\kappa\alpha\tau\alpha\tau\epsilon\rho\omega\nu$ *ib.* 167, 65 (вскорѣ послѣ 307 а. С.), $\kappa\epsilon\rho\iota\tau\epsilon\rho\epsilon\iota\nu$ *ib.* 836, c, 5 (ок. 270 а. С.) *Lautens.* p. 13. Аористъ $\epsilon\tau\alpha\rho\nu$ встрѣчается только въ другихъ нарѣчiяхъ, напримѣръ, Syll. 491, 40 (изъ Галикарнасса, 460 а. С.). У Θ уклида (какъ и вообще въ аттической прозѣ) читается во всѣхъ мѣстахъ $\epsilon\tau\epsilon\rho\nu$, исключая I, 81, 6, гдѣ всѣ рукописи имѣютъ $\tau\alpha\rho\omega\rho\epsilon\nu$. Такъ какъ нельзя предполагать, чтобы такъ написалъ самъ Θ уклидъ, то *Stahl*, p. 66, справедливо замѣняетъ эту форму аттическою $\tau\epsilon\rho\omega\rho\epsilon\nu$, какъ и *Диндорфъ* устраняетъ *Eug. Hel.* 1224 (1240) $\epsilon\tau\alpha\rho\epsilon\varsigma$ вопреки рукописямъ изъ trimetra; *Aesch. Ag.* 1410 пишетъ *Диндорфъ* $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\epsilon\rho\epsilon\varsigma$, *Кирхгофъ* (v. 1364) $\acute{\alpha}\lambda\epsilon\tau\alpha\rho\epsilon\varsigma$.

33. $\tau\acute{\iota}\nu\omega$. Такъ какъ настоящее вр. этого глагола у трагиковъ и комиковъ имѣетъ короткую ι , то и на надписяхъ другого начертанiя ожидать нельзя; подтверждается это находками: $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\iota\nu\epsilon\tau\omega$ CIA. IV², 27, b, 58 (=Syll. 13, 58, ок. 429 а. С.), $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\iota[\nu\epsilon\iota\nu$ *Mith.* IX, 117 (VI в. до Р. X.), $\tau[\nu\epsilon\iota\nu$ CIA. II, 11, 18 (394—387 а. С.). Прочiя времена имѣютъ въ болѣе древнихъ надписяхъ всегда $\epsilon\upsilon$: fut. $\tau\acute{\iota}\nu\omicron\omega$: CIA. II, Add. 203, b, 5 (IV в. до Р. X.) $\epsilon\chi\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\iota$, *Kalb. Epigr.* 1132 $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\epsilon\iota\sigma\epsilon[\iota$; aor. $\epsilon\tau\epsilon\iota\sigma\alpha$: CIA. II, 14, a, 8 (387 а. С.) $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\epsilon\iota\sigma\omega\sigma\alpha\nu$, CIA. II 33,6 $\tau[\nu\epsilon\iota\sigma\mu\epsilon\nu\omicron\upsilon\varsigma$ (400—350 а. С.), $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\epsilon\iota\sigma\acute{\alpha}\tau\omega$ *ib.* 634, 10 (350—300 а. С.), $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau[\epsilon\tau\epsilon\iota\sigma\omega$ *ib.* 804, B, a, 70 (334 а. С.), $\acute{\alpha}\rho\epsilon\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\nu$ *ib.* 758, A, II, 22 (не раньше 334 а. С.) etc. $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\epsilon\iota\sigma\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ является только въ началѣ

II вѣка до Р. X. CIA. II, 605, 20. Aor. pass. ἀταίσθη: CIA. II, 795, f, 33 (358 а. С.); perf. act. не встрѣчается въ аттическихъ надписяхъ, но что у аттиковъ оно гласило τέτασσα, можно заключить по Дельфійской надписи Syll. 313, 6, гдѣ находится протέτασσα (II в. до Р. X.); въ пользу perf. pass. τέτασμαι говорить ἀπότασμαι; см. выше стр. 148 и 85. Lautens., p. 10. 14. 16. 23. Riem. Rev. IX, p. 92.

34. φέρω. Равно какъ относительно аориста εἶπον и εἶπα (ср. выше стр. 147), такъ и относительно того же времени глагола φέρω приходятъ Мейстергансъ, стр. 88, слишкомъ поспѣшно къ слѣдующему выводу, основывающемуся на недостаточно обильномъ матеріалѣ: „формы, образованныя на подобіе I аориста, чужды древне-аттическому нарѣчію“. Къ этому заключенію пришелъ Мейстергансъ на основаніи того, что существуетъ три примѣра изъ V вѣка: ἐνευχέτω 'Aθ. VIII, 409, 161 (=CIA. IV², 27, b, 61; 429 а. С.), ἐξαναγχεῖται CIA. I, 37, m, 22 (425 а. С.) и ἀπλήνευχο[ν CIA. II, 675, 2 (вскорѣ послѣ 403 а. С.), между тѣмъ какъ семь формъ, образованныхъ съ α, находятся въ надписяхъ отъ середины IV вѣка до первой половины I вѣка: εἰσήνευχαν CIA. II, Add. 57, b, 13 (362 а. С.), ἀπλήνευχαν 'Εφ. ἀρχ. 1886, 166, 35 (ок. 350 а. С.), εἰσεν[ε]γχεῖται CIA. II, 610, 21 (350—300 а. С.), ἐνευχαοῶν CIA. II, 162, a, 4 (334 а. С.), ἀπλήνευχαν 'Εφ. ἀρχ. 1883, 123, 60 (329 а. С.), CIA. II, 811, b, 108 (323 а. С.) и 470, 7 (69—62 а. С.). Lautens., p. 13. Inf. гласить и послѣ 400 г. до Р. X. только ἐνευχεῖν: CIA. II, 18, 18 ἐνευχεῖν (раньше 378 а. С.); μετανευχεῖν Ib. 601, 6 (300 а. С.), εἰσενευχεῖν Ib. 367, 3 (раньше 271 а. С.) и 413, 10 (200—197 а. С.) etc. Opt. и impreg. въ надписяхъ этого времени не встрѣчаются. Риманъ (Rev. XI, p. 180) правъ, говоря, что два раза найденное ἐνευχέτω V в. не исключаетъ возможности предполагать, что древніе аттики рядомъ съ этою формою употребляли и ἐνευχάτω, тѣмъ болѣе, что открыта теперь въ надписи V в. форма εἰπάτω. Формы perf. pass., открытыя въ надписяхъ, подтверждаютъ то, что было извѣстно изъ литературы: εἰσενευχέμενοι CIA. II, 811, c, 115, 117 (323 а. С.), ἀνανήνευχται CIA. I, 32, A, 4 (420—416 а. С.). Въ aor. act. и perf. pass. является въ надписяхъ отъ 373—335 гг. до Р. X. довольно часто ei передъ γχ: ἐπανανήνευχται CIA. II, 789, a, 7. 27. 63, συναναίγχη, συνήνευχαν CIA. II, Add. 57, b, 9. 13 (362 а. С.), хатенцаγх... CIA. II, 162. a, 2 (335 а. С.) и др. Meisterh., p. 89. Lautens., p. 13. 20.—Meuser Gr.², p. 460, считаетъ такія формы аориста за образованія, происшедшія отъ смѣшенія ἦντα съ ἦνευχα.

34. φράττω. Древнеаттическое нарѣчіе образовываетъ времена отъ основы φарκ- (ср. лат. farg-fo): CIA. IV³, 321, III, 31 διαφάρξαντι (409 а. С.), φάρξαι CIA. I, 319, 20 (ок. 420 а. С.). Лишь позже встрѣчаются формы, образованныя по аналогіи съ настоящ. вр.: διαφράξαι CIA. II, 1054, 63 (347 а. С.), ἀφράκτων Ib. 470, 19 (69—62 а. С.). Ср. Etym. M. p. 667, 22 παφαργμένος ἀντὶ τοῦ πεφαργμένος καὶ ἐφάρξαντο ἀντὶ τοῦ ἐφράξαντο καὶ τὸ φαρκτόν, ὡςτε ὑπέρθενος. Περί καθῶν. Hesych. ἐφάργυσαν· ἐφραξαν; φάρκτου· φολακὴν σκεύαζε. Phot. 290, 11 ναύφρακτον καὶ ναύφαρκτον τὴν ἀττικὴν (ναυτικὴν исправляетъ Диндорфъ) δόναμιν καλοῦσαν. Weckl., p. 43 sq. Въ рукописяхъ сохранились нѣкоторые слѣды древняго начертанія: Soph. Al. 910 въ хоровой пѣснѣ читаетъ Laug. A. ἀφαρκτος φίλων и Ant. 958 κατάφαρκτος, согласно съ чѣмъ Диндорфъ пишетъ Soph. Ant. 241 ἀποφάργυσαι, Eur. Iph. A. 1259 στρατεύομα ναύφαρκτον, Hippol. 657 ἀφαρκτος. Arist. Ach. 95 читается въ рукописяхъ ναύφρακτον βλέπειν; вѣрное чтеніе сохранилъ Phot. 290, 13 ναύφαρκτον βλέπειν· φησὶν ἐπὶ τοῦ περιθροῦντος καὶ σερνῶς ἰόντος· πρὸς τῶν θεῶν ἀνθρώπα ναύφαρκτον βλέπει. Кирхгофъ пишетъ теперь въ своемъ изданіи Эсхила, по примѣру Диндорфа, Ag. 1330 (=1376 Dind.) φάρξειν. Choeph. 178 (=186 Dind.) ἀφαρκτοι. Pers. 927 (=950 Dind.) ναύφαρκτος. Съ этимъ измѣненіемъ рукописнаго чтенія не согласенъ Веклейнъ (l. c.) въ виду того, что у Гезихія находятся, кромѣ glossы ἀφαρκτος· ἀφόλακτος, которая относится, будто, къ однимъ комизмамъ, еще другая: ἀφρακτος· ἀφόλακτος· Σοφοκλῆς Αἰαντι μαστιγοφόρφ, по которой Веклейнъ считаетъ нужнымъ заключить, что трагики въ нелирическихъ частяхъ говорили ἀφρακτος. Съ другой стороны—пишетъ Веклейнъ вопреки рукописямъ Arist. Av. 183 φάρξθηθ', Vesp. 352 πέφαρκαται, Eq. 567 ναυφάρκτω, Thesm. 581 ἀφάρκτος. Во всякомъ случаѣ не правъ Riem. Rev. IX, p. 61, дѣлая изъ вышеприведенной надписи 347 г. до Р. X. общій выводъ, «que la metathèse, dans ce mot, n'était point obligatoire».

35. χαίρω. Свойственное эллическому языку (κοινή) буд. вр. χαρήσομαι находится въ надписи II в.: συναχρήσονται CIA. II, 593, b, 18. Herw. p. 68.

36. Χράομαι образуетъ въ надписяхъ слитныя формы такъ, какъ это извѣстно изъ литературы: χρῆσθαι CIA. I, 32, A, 31. B, 14. 17 (420—416 а. С.); χρῆται (состав. вакл.) CIA. II, 476, 18, 67 (100—50 а. С.). Только разъ встрѣчается χρᾶσθαι Mitth. IX, 289 (200—150 а. С.). Lautens., p. 11.

IV. СИНТАКСИСЪ.

А. Членъ ¹).

1. Въ древнеаттическомъ нарѣчїи пропускается нарѣдко членъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ позднѣйшіе аттики поставили бы его: ὄρος Ἀρτέμιδος τεμένους Ἀμαρουσίας СІА. I, 526; δεῦρε Παιανίων τριττός τελευτᾶ Ἀθῆν. VIII, 291 sq.; ἵπποις αἴτος ἐδόθη (= τοῖς ἵπποις ὁ αἴτος ἐδόθη) СІА. I, 185 (410 а. С.); πόλεις αἶδε στρατιᾶ μισθὸν ἐτέλεσαν (= αἶδε αἱ πόλεις τῆ στρατιᾶ τὸν μισθὸν ἐτέλεσαν) СІА. I, 260, B, 1 (421 а. С.).

Тамъ, гдѣ замѣчается колебаніе, обороты безъ члена относятся къ болѣе древнему времени: Ἀρτέμιδι Βραυρωνία СІА. II, 652, 49 (398 а. С.), но τῆς Ἀρτέμιδος τῆς Βραυρωνίας СІА. II, Add. 162, 5 (334 а. С.). Riem Rev. IX, p. 176, указываетъ, впрочемъ, на примѣръ V. в. ὁ Ζεὺς ὁ Ὀλύμπιος СІА. IV, 27, а, 35. 61 (446 а. С.) Такое же повторенію члена имѣется въ надписяхъ обыкновенно въ формулѣ: ὁ γραμματὸς ὁ τῆς βουλῆς, какъ СІА. I, 13, 45 (вр. Кимона); ib. 45, 16 (раньше 421 а. С.); СІА. II, 11, 24 (394 — 387 а. С.); отступленія встрѣчаются только изрѣдка и лишь въ IV в.: ὁ γραμματὸς τῆς βουλῆς СІА. II, 50, 16 (372 а. С.); ib. 86, 13 (376—364 а. С.). Напротивъ того, не повторяется членъ въ прочихъ надежахъ: τῆ γραμματεῖ τῆς βουλῆς СІА. IV, 51, f, 21 (410 а. С.); СІА. II, 16, 16 (послѣ 383 а. С.); τὸν γραμματέα τῆς βουλῆς СІА. I, 20, 12; IV, 27, а, 59 etc.

2. Безъ члена ставятся обыкновенно:

а) имена лицъ: Ἀριστομάχη Ἀριστοκλέους СІА. II, 652, 88 (398 а. С.), исключая род. пад.: παρὰ Δημοστράτου τοῦ Ἀσπίτου. Большое число примѣровъ послѣднему правилу представляетъ СІА. II, 946: строка 7 ἀντὶ Πυθοδώρου τοῦ Θεμιστίου, 8 ἀντὶ Δεωπίθου τοῦ Διογα..., 9 ἀντὶ Δημοκράτου τοῦ Δημοκράτου, 10 ἀντὶ Βουληκλέους τοῦ Βουλαρχίδου и друг.

б) имена городовъ и странъ: εἰς Σικελίαν СІА. I, 182, 12 (418 а. С.), εἰς Ἐρετρίας СІА. II, 811, а, 195 (323 а. С.). При именахъ горъ замѣтно колебаніе: Διτῆς ἐκ τοῦ Ἄθω СІА. I, 256 (428 а. С.), Διτῆς ἐξ Ἄθω ib. 257 (427 а. С.).

в) имена народовъ, особенно въ приложенїи: Διόλλω Ἐρχιαῖ

¹) *Meisterh.*, p. 89—92.

СІА. I, 188, 6 (410 а. С.), Ἰεροκλῆς Φασηλίτης СІА. II, 652, 35 (398 а. С.) и во множ. ч.: Ἐρυθραίων βουλὴν СІА. I, 9, 8 (470—460 а. С.); Σάριοι ἀποδίδοντων ib. 56, 6 (412 а. С.). Исключенія встрѣчаются, хотя не часто, однако ужь въ очень раннее время: τοῖς Κολοφω[ν]ίοις СІА. I, 13, 6 (раньше 444 а. С.), τοῖς Νεοκολίταις СІА. IV, 51, а, 6 (410 а. С.).

д) нарицательныя, обозначающія мѣстности и обратившіяся въ существительныя: ε(ι)ς πόλιν, ἐν πόλει СІА. I, 32, 4 (485—420 а. С.), ἐν ἀκροπόλει СІА. II, 54, b, 26 (363 а. С.), εἰς βουλευτήριον ib. 803, d, 93 (342 а. С.), ἐν νεωρίοις ib. 808, b, 152 (326 а. С.). Исключенія встрѣчаются уже въ IV в.: ἐν τῇ ἀκροπόλει СІА. II, 49, 17 (355 а. С.), ἐν τοῖς νεωρίοις ib. 809, d, 62 (325 а. С.).

е) имена праздниковъ: μυστηρίοις СІА. IV², 27, b, 25 (439 а. С.); τοῖς μυστηρίοις СІА. II, 466, 7 (II в.).

ф) опредѣленія времени: ἀπὸ διχομησίας, μέχρι δεκάτης ἰσημερίου СІА. I, 1, B, 18. 22 (раньше 456 а. С.), ε(ι)ς τρίτην ἡμέραν ib. 37, ш, 23 (425 а. С.), τετράδι φθίνοντος ib. 189, а, 10 (407 а. С.). Отступленія и здѣсь встрѣчаются: τῇ δευτέρῃ ἰσημερίου СІА. II, 10, 17 (325 а. С.).

г) Имена должностныхъ лицъ: στρατηγοῖς εἰς Σικελίαν, Ἑλληνοταμίαις καὶ παρέδροις, Ἑλληνοταμίᾳ καὶ παρέδρῳ καὶ στρατηγῷ, ἱεροκοιοῖς καὶ συνάρχουσι СІА. I, 182 (418 а. С.), ἀθλοθέταις καὶ συνάρχουσι ib. 188, 6 (410 а. С.) Herw. p. 45. Riem. Rev. V, p. 161. Отступленія встрѣчаются рано: ὅπου ἂν δοκῇ τοῖς ἱεροκοιοῖς καὶ τῷ ἀρχιτέκτονι ἐκτιθήδαιον εἶναι СІА. IV², 27, b, 11 sq. (439 а. С.).

h) ὅδε, ἡδε, τόδε—„слѣдующій“, если затѣмъ слѣдуетъ перечены: πόλεισ αἶδα (sic) στρατ[ι]ᾶ; μισθὸν ἐτέλεσαν СІА. I, 260, B, 1 sqq. (421 а. С.), ср. ib. 258, 15, (408—406 а. С.); εἶχον σκευὴ τάδε СІА. II, 803, e, 35 (342 а. С.). Волѣе примѣровъ даетъ Riem. Rev. IX, p. 97, какъ τὰδ' ἐπράθη εἰδά[φ]η СІА. II, 779, 1; τάσδε τριήρεις. . . παραλάβομεν ib. 793, f, 9—11; τάδε εἰσεπράξαμεν χρήματα ib. 809, c, 1—2 и др. Риманъ приводитъ еще слѣдующее отступленіе: αἰ] δὲ δύο τριήρει[ς αἶδα] εἰ[πι] Διοτίμου [δι]δικάσθησαν СІА. II, 795, f, 37 sqq. Thus. II, 9, 1: πόλεισ δ' ἑκάτεροι τάσδ' ἔχοντες ξυμμάχους ἐς τὸν πόλεμον καθίσταντο соблюдену правило, примѣненное въ надписяхъ. Относительно оѣтос замѣчаетъ Риманъ далѣе, что пропускъ члена при немъ встрѣчается гораздо рѣже и приводитъ только одинъ примѣръ: τοκία τούτων τὰ ἡμίσηα τοπέων. СІА. II, 803, b. 38.

1) Когда рѣчь идетъ о храмѣ, принадлежащемъ извѣстному бо- жеству: Ἀπόλλωνος Δηλίου Φαληροῦ (а не ὁ Φαληροῦ) СІА. I, 210,

15—16, 'Αφροδίτης ἐπὶ Ἰππολύτῳ *ib.* 212, 1—2, 'Αθηναίας ἐν Παλληνίδι 222, 10—11, 'Ηρακλέους ἐν Κυνοσάργει *CIA.* I, 273, d, 8—9, 'Αθηναίας ἐπὶ Παλλαδίῳ *ib.* f, 5, 'Αφροδίτης ἐν κήποις *ib.* 12, Ποσειδῶνος ἐπὶ Σουνίου *ib.* 14. Отступление находится *CIA.* I, 164, 170 'Ηρακλέους τοῦ ἐν Ἐλαίῃ. *Riem. Rev.* V, p. 161. Последний указывает еще на *CIA.* I, 282, 10 ἐπὶ τὸν ὄνυχα (=ad unguem), между тѣмъ какъ словари приводятъ только выраженія εἰς ὄνυχα, ἐπ' ὄνυχος, δι' ὄνυχος безъ члена.

В. Единств. множеств. и двойств. ч. 1).

1) Единств. ч. употреблено необыкновеннымъ образомъ *CIA.* II, 1054, 59=Syll. 352, 59 (347 а. С.) κεραμῶσι Κορινθίῳ κεράμῳ ἀρμόττοντι πρὸς ἄλλῳλον и при двухъ подлежащихъ *CIA.* II, 754, 13, 14 (349—344 а. С.) Θυαίνῃ καὶ Μαλλιάκῃ ἀνέθηκεν. *Riem. Rev.* IX, p. 94 sq., приводитъ изъ надписей еще другіе примѣры, въ которыхъ за предшествующимъ глаголомъ единств. ч. слѣдуетъ нѣсколько подлежащихъ: ἔταμεν Δημήτριος, Ἐργασίων *etc.* *CIA.* II, Add. 834, b, I, 49; ἐμίσθωσεν ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ πάρεδροι Ἐφ. ἀρχ. 1883, 121, 30.

2) Множ. ч. глагола при подлежащемъ мн. ч. средн. р. встрѣчается въ надписяхъ лишь разъ: καθὼς ἐπέταττον αὐτοῖς τὰ ψήφισματα τῆς τε βουλῆς καὶ τοῦ δήμου *CIA.* II, 467, 23 (I в. до Р. X.). Значительное число примѣровъ, въ которыхъ соблюдено обыкновенное правило, собраны *Riem. Rev.* IX, p. 95.

3) При двухъ подлежащихъ надписи имѣютъ по 417 г. до Р. X. глаголъ всегда въ двойств. ч.: ἀναβέτην *CIA.* I, 351 (VI в. до Р. X.), *ib.* 396 (начала V в.), ἐποιεσάτην *ib.* 375 (начала V в.), εἰσηγέθην *ib.* 319 19 (417 а. С.). Послѣ названнаго года встрѣчается только множ. ч.: χάρται ἐωνήθησαν δύο *CIA.* I, 324, C, II, 31 (408 а. С.), ἰ δὲ δύο τριήραις δια]δικάσθησαν *CIA.* II, 795, f, 31 (353 а. С.).

4) По 409 г. до Р. X. имена существ. и прилаг., обозначающіи два предмета, имѣютъ въ аттическихъ надписяхъ всегда окончанія двойств. ч.: φιάλα, ληνίσκω, ἀσπίδα *etc.*—στήλαιν, θεοῖν *etc.* И при сложныхъ числахъ, имѣющихъ число два въ концѣ, стоятъ двойств. ч.: πεντακοσίαις εἴκοσι δυοῖν δραχμαῖν *CIA.* I, 273, f, 31 (426—422 а. С.).

5) Съ 409 по 378 г. до Р. X. вмѣсто двойств. ч. можетъ стоять и множеств. ч.: || (=δύο) γωναιῖα, μῆκος ἔκποδα *CIA.* I, 322, a, 53 (409 а. С.); ἦλω δύο, μῆλω δύο, ἐνφθίω χρυσῶ δύο... *CIA.* II, 652 (398

1) *Meisterh.*, p. 92—95. *Riem. Rev.* IX, p. 92—94.

а. С.), такъ что Кежъ (стр. 46) невѣрно утверждаетъ, будто послѣ 408 г. до Р. X. нѣтъ болѣе примѣра двойств. ч. имени. Окончанія -а и -αι въ этотъ періодъ времени становятся неупотребительными: послѣдній примѣръ съ окончаніемъ -а (СІА. II, 652 σφραγίδα βα[λίνα ποι]κίλα рядомъ съ περόναι δύο ἀμφιδέαι χρυσαί []) относится къ 398 г. до Р. X. Объ аттическихъ ораторахъ см. выше стр. 103 и 112.

б) Въ періодъ времени отъ 378—320 гг. до Р. X. встрѣчаются только еще окончанія двойств. ч. -ω, -ε, -ον, -αιν, напримѣръ, ὄρω СІА. II, 682, 11 (365—360 а. С.), столίδε δύο Ib. 677, I, 31 (367 а. С.), χειροῖν (см. выше стр. 116), τοῖν θεοῖν, ταμίαιν, δύοῖν ἡμέραιν СІА. II, Add. 834, b, I, 1; II, 42 (329 а. С.). Множественное ч., впрочемъ, въ указанное время значительно преобладаетъ и притомъ не только въ им. и вин. пад., но и въ род. и дат.: κοπῶν θρανίτων || (то-есть, δύοῖν); παραστατῶν || СІА. II, 791, 57. 70 (377 а. С.); εἴχοι καὶ δύοῖν ναοῖν Ib. 794, с, 64 (356 а. С.); ἑκατὸν πενήχοντα δύοῖν δραχμῶν СІА. II, 1055, 3. По первому примѣру видно, что West. Rev. V, p. 166 и IX, p. 93, невѣрно утверждаетъ, что δύοῖν съ множ. ч. встрѣчается въ надписяхъ не раньше середины IV вѣка. Риманъ упрекаетъ впрочемъ (Rev. IX, p. 176) Meisterhansъ въ томъ, что онъ не выдѣляетъ тѣхъ случаевъ, гдѣ существительное имѣетъ членъ при себѣ, отъ тѣхъ, гдѣ находится при немъ δύο, и говоритъ самъ Rev. IX, p. 94: Quand le substantif est accompagné de l'article, l' idée de dualité peut être exprimée en grec, soit par l'addition de δύο, soit simplement par l'emploi du ducl. Изъ СІА. II онъ приводитъ такіе примѣры: 721, B, II, 17 τούτων (τῶν κρανῶν) τὰ δύο χα[α]λκωμένα; 731, A, 4 τὰ δύο ΥΥ; 736, A, 13 τὰ δύο ΑΑ; 766, 86 οἱ [μ]ὲν δύο (т.-е. ὀφθαλμοὶ) [ἀ]ρ[γυ]ροῖ, οἱ δὲ δύο χρυσοῖ, а съ другой стороны—706, b, 18 τὼ ἐτέ[ρ]ω, и 742, A, 14 τοῖν [χ]ειροῖν. Эльмслей (ad Eur. Med. 798) утверждалъ, что аттики соединяли всегда δύοῖν съ двойств. числомъ, δύο же иногда и съ множ. ч., и исправляетъ согласно съ этимъ утверженіемъ Aesch. Eum. 600 δύοῖν γὰρ εἶχε προβόλας μαζμάτων (вм. μαζμάτων рукописей) и Ag. 1384 κὰν δύοῖν οἰώματων (рукописи οἰώματα; въ другихъ мѣстахъ Choerh. 304, 944, 1047 имѣется двойств. ч. при δύοῖν). Примѣру Эльмсдея послѣдовали Диндорфъ и Кирхгофъ. Веклейнъ (p. 16 sq.), не соглашаясь съ этимъ, предполагаетъ, что трагики только при лицахъ соединяютъ δύο съ двойств. ч., и считаетъ нужнымъ поэтому Soph. Trach. δύο οὔσαι замѣнить черезъ δύο οὔσαι или δύο' οὔσαι. Что касается Аристофана, то самъ Веклейнъ признаетъ за надателями право испра-

вить многочисленныя мѣста, въ которыхъ двойств. ч. устранено писцами, напримѣръ Escl. 265, Ach. 527, Rap. 565, Plut. 455, Lys. 229 sq. и др., мѣста, гдѣ отчасти даже лучшія рукописи сохранили вѣрное чтеніе. Weckl., p. 17 sq. По Кеку (стр. 47), ораторы соединяють *δοῦν* обыкновенно съ двойств. ч., между тѣмъ какъ множ. ч. встрѣчается у нихъ лишь съ 362 г. по Р. X.

7) Въ македонско-александрійское время (320—30 гг. до Р. X.) встрѣчается въ надписяхъ только множ. ч., за исключеніемъ одного случая: CIA. II, 605, 12 (начала II в. до Р. X.) τῶ θεῷ (sic!).

8) Во время Римскихъ императоровъ подъ вліяніемъ дѣятельности грамматиковъ двойств. ч. начинаетъ опять являться, и притомъ встрѣчаются не только формы, какъ *θεῷ*, *θεοῖν*, но даже формы на -α τῶ θεῷ CIA. III, 5, 22; τοῖν θεοῖν Ib. 5, 13; 6, 12; χρυσῶ οἰάν[θα Ib. Add. 238, α, 11.

С. Надежи ').

1) Имен. надежъ.

При *ὄνομα* ἐστὶν имя стоять въ им. пад.: ἡ ὄνομα Ταχεία CIA. II, 809, с, 103 (325 а. С.); въ этомъ самомъ столбцѣ (с) находится еще много другихъ примѣровъ. Въ эпиграфическихъ отчетахъ замѣчается вольное употребленіе им. пад. Мейстергансъ приводитъ слѣдующіе примѣры: ἀπελάβομεν ἀπὸ τῆς τριήρους Ἀκτίδος—Ἐπιγένοους ἔργον—CIA. II, 809, с, 170; οἱ ταμίαι... παρέδοσαν... πρῶτος ῥόμος... κεφαλῆ, στεφάνη... (см. ἐν τῷ πρώτῳ ῥομῷ κεφαλῆν) CIA. II, 652, 16 sqq. (398 а. С.); τοῦδα ἐπιψ[ατο] ὁ ἱεροφάντης... Κριτόδημον... Ἐπικράτην... Θράσυλλον... Ἀντιγένης... Πύρρος... Βούλαρχος CIA. II, 948, 1 (350—300 а. С.); κλιμακίδας, ἰστόν, κεραίας, χοντοῦς—ἀγχοῦραι Ib. 811, с, 22 sqq. Другіе примѣры приводитъ Riem. Rev. V, p. 172 sq.

Въ надписяхъ времени Римскихъ императоровъ находится перѣдко форма им. пад. вмѣсто вин. пад., какъ *χοίνικας*, *Μακεδόνας*, *δεκάδες*, CIA. III, 74; 915; 1362. Другіе примѣры, отчасти даже древніе изъ неаттическихъ надписей, указываютъ Meyer. Gr², p. 348, § 365 и Dittenberger. Syll., 888, not. 49.

2) Вин. надежъ.

Мейстергансъ приводитъ изъ надписей только два случая употребленія вин. пад. внутренняго дополненія: ἐπιμαλέηται τὴν ἐπιμαλείαν ἣν ἔδει αὐτὸν ἐπιμαλεθῆναι Syll. 427, 5 (301 а. С.) и τὸ ψήφισ-

1) Meisterh., p. 95—99.

μα... δ ἀπεκρίνατο ὁ δῆμος CIA. II, Add. 52, с, 20 (368 а. С.). *Riem. Rev.* IX, p. 95, указываетъ еще на ввн., вмѣсто котораго слѣдовало бы ожидать род. п.: отдается участокъ земли за 152 драхмы ἕκαστον τὸν ἐναυτὸν CIA. II, 1055, 4; ср. ib. 1058, 12 τοῦ ἐναυτοῦ ἕκαστου.

3) Род. надежъ.

Род. мѣста находится въ двухъ надписяхъ вв. ἐκ сь род.: δεξιᾶς εἰσιόντι, ἀριστερᾶς εἰσιόντι CIA. II, 835, 18. 83 (320—317 а. С.); δεξιᾶς εἰσιόντι ib. 733, А, II, 10. 22 (послѣ 306 а. С.). *Riem. Rev.* V, p. 163: „cet emploi du génitif n'est pas mentionné dans la grammaire de Krüger, et il a été contesté à tort par Casaubon: v. le Thesaurus, aux mots ἀριστερά, δεξιά“.

Род. времени на вопросъ „въ теченіе какого времени?“ встрѣчается особенно часто въ надписяхъ болѣе древняго времени: προσάξω δέκα ἡμερῶν, ὅταν προτανεύω CIA. IV, 27, а, 12—14 (445 а. С.); ἐκιδᾶν ἡκω[ι Ἀθήναζε, τριά]κοντα ἡμερῶν ἐν Βρέφ εἶναι CIA. I, 31, А, 27 (444—440 а. С.); ἐὰν δὲ μὴ παραδέξωνται πάντε ἡμερῶν... ἐκιδᾶν ἐπαγγελῆ CIA. IV², 27, b, 18 (439 а. С.); αἶδε τῶν πόλεων τοῦ τόκου... ἐνέλιπον καὶ οὐκ ἀπέδοσαν τῶν τεττάρων ἐτῶν CIA. II, 814, а, В, 2—4 (374 а. С.); уже рано встрѣчаются ἐντός и ἐν:ἐντός τριάκοντα ἡμερῶν CIA. I, 57, b, 2, 14 (411 а. С.); ἐν τρισὶν ἡμέραις CIA. II, Add. 834, с, 67 (послѣ 829 а. С.).

Въ зависимости отъ нарѣчія имѣется род. п. Ἀθῆν V, 518 (363 а. С.): ὅπου ἂν βούληται τῶν συμμαχίδων πόλεων.

Замѣчательные genit. oblect. представляютъ выраженія ἐξέπεσαν ἐπὶ τὴν φολακὴν τῶν λειστῶν CIA. II, 804, В, b, 35 (334 а. С.)=Syll. 351, 280; τὸ ψήφισμα τὸ τοῦ φόρου CIA. I, 38, f, 10 (442—418 а. С.). Негв., р. 46, считаетъ послѣдній примѣръ не лишненнымъ значенія въ виду того, что Кобетъ (*Memos.* VIII, p. 94) по поводу *Thuc.* I, 140 неосновательно высказалъ сомнѣнне относительно подобныхъ же мѣстъ писателей.

Gen. explicativus (не qualitativ. какъ говоритъ Мейстергансъ, стр. 97) слѣдуетъ признать въ выраженіи δυοὶ μέγας τραγάφοο κραιπίζοντος (=на которомъ изображень...) CIA. II, 652, В, 12 (398 а. С.).

Глаголы λείπειν и ἄλλείπειν встрѣчаются употребляемыми, какъ εἶν и ἔνδειν сь род. п.: λείποντες κωπῶν CIA. II, 795, d, 22 (353 а. С.), ἐνέλειπον κωпῶν ib. 793, а, 20 (357 а. С.). *Riem. Rev.* IX, p. 95, приводитъ еще: ἐκκαίδεκα μέδιμοι τρι[ῶ]ν χοινίκων ἀπολείποντας. Ср. *Polyb.* III, 22, 2 τριάκοντα ἔτσι λείπουσι δοῦν. *Weckl.*, p. 41.

Съ двумя род. п. встрѣчается гл. ἀτοχεῖν: εὐδενός ἀτοχέουσιν τοῦ δήμου τοῦ Ἀθηναίων. Ἀθήν. VI, 152 (347 а. С.).

Мейстергансъ не говоритъ ничего о gen. partitiv. въ выраженіи, часто встрѣчающемся въ надписяхъ, παίδων, ἀνδρῶν ἐνίκα. Weckl., p. 41.

4) Дат. надежь.

Dat. loci. Въ видѣ нарѣчій употребляются дательные: Ἐπικηφι- [α]ῖα CIA. II, 773, 27 (конца IV в.); Θρία CIA. I. 277, 2 (415 а. С.), Νεμέα¹⁾ ib. 8, 12; Ἰσθμῶ Καib. Epigr. (поэзія III в.); Ἰψῶ CIA. II, 314, 17 (284 а. С.); Βραυρῶν ib. 652, B, 23 (398 а. С.); Ἐλευσίνι CIA. IV²⁾, 27, b, 10, 29 (439 а. С.), CIA. II, Add. 834, b, I, 40 (329 а. С.); Μυρρίνουvт CIA. II, 600, 5 (300 а. С.). Herw., p. 40. Riem. Rev. V, p. 157. Meisterh., p. 97.

Dat. temporis: τοῖς μυστηρίοις CIA. II, 466, 7 (II в.), μυστηρίοις Bull. IV, 226, 25 (V в.); τετράδι φθίνοντος CIA. I, 189, a, 10 (407 а. С.); ἀγορᾶ κορία Ἀθ. VIII, 235 (265—262 а. С.); Διονυσίων τε τῶν ἐν ἄστει καινοῖς τραγῳδοῖς καὶ Παναθηναίων καὶ Ἐλευσινίων τοῖς γυμνικοῖς ἀγῶσιν CIA. II, 470, 26 etc. Herw., p. 47. Riem. Rev. V, p. 164.

Вмѣсто εἰς встрѣчается dat. finalis въ такихъ примѣрахъ: εἰς καὶ ἀνδρακς τῆ μολόβδῳ CIA. I, 319, 14 (позже 444 а. С.); ib. строка 12 μολοβδος τῆ ἀνθέρμφ καὶ τοῖς δεσμοῖς; съ чѣмъ можно сравнить разные примѣры, находящіеся въ надписи CIA. II, Add. 834, b: I, 68 ἦλοι ταῖς θύραις, 70 στάθμα... ταῖς θύραις, II, 9—10 στροφίνγων ζεύγος ταῖς θύραις... 37 ἐ[ὶ]λα εἰσ[τ]άμ[α] ταῖς θύροκλικίαις, 38 ὁδοὶ ταῖς θυρο[κ]λικίαις²⁾, 67 πλινθεῖα... τοῖς πόρτοις.

При perf. pass. употребляется въ надписяхъ вм. ὑπό с. gen. обыкновенно dat.: ἐφήφισται τῆ βουλῇ Bull. III, 474, 5 (369 а. С.) etc.

Въ одной и той же надписи (CIA. II, 965, b; 400—350 а. С.) находится строка 8 πένταθλον νικῶντι, а строка 23 πεντάθλῳ νικῶντι.

Изъ случаевъ употребленія дат. п. при глаголахъ нужно отмѣтить, что

а) ἐπαίνεῖν встрѣчается въ надписяхъ не только съ вин. п., но и (какъ у Гомера) съ дат.: τῆ δήμφ τῆ Σαμίον ἐπαίνεσαι CIA. I, 56, 2 (412 а. С.); ἐπ[α]ινέσαι τοῖς Νιοп[ολίταις] CIA. IV, 51, d, 6 (410 а. С.) и f, 28; ἐп[α]ινέσαι τοῖς Ἀλικαρνασσεῦσι CIA. II, 128, 4 (Келеръ предполагаетъ, что содержаніе надписи относится къ 410 а. С., но что

¹⁾ Впрочемъ предшествуетъ: Πυθοῖ ἢ Ἰσθμοῖ, такъ что Νεμέα сказано подъ влияніемъ предшествующихъ словъ.

²⁾ Въ строкахъ 36 и 37 находится еще третій видъ слова: θυροκλικλίδας.

самая надпись вырѣзана послѣ Ol. 106). Съ вин. п. соединены гл. ἐπαυνεῖν, напримѣръ, CIA. I, 45 (421 а. С.); ib. 59 (411 а. С.) etc.

б) ἐπιγράφειν встрѣчается въ V в. еще съ однимъ дат. п.: ἐπιγράφειν τοῖς ἀναθήμασι Bull. IV, 227, 43.

с) ἄρχειν=„быть архонтомъ“ находится съ дат. п. CIA. II, Add. 841, 10 (396 а. С.) ἐπὶ Φορμίωνα ἀρχοντος Ἀθηναίους.

5) АТТРАКЦІЯ относ. мѣстоименія гораздо чаще соблюдается въ надписяхъ, чѣмъ не соблюдается; примѣры той и другой конструкціи приводятъ Негв., р. 45 (соблюдается: CIA. II, 470, 25. 68. 481, 32. 482, 30. 471, 93. 582. 588 etc.; не соблюдается: ib. II, 477, 2. Add. 477, b. 592 etc.). Meisterh., р. 99, указываетъ слѣдующіе случаи:

а) слово, къ которому относится мѣстоименіе, предшествуетъ: τῶν παραδοθεισῶν, ὧν αὐτὸς εἰσήγαγεν CIA. II, 803, с, 136 (342 а. С.).

б) оно слѣдуетъ за мѣстоименіемъ: ὧν ἔλαβεν, — — τούτων τὰ ἡμίσηα οὗτος ἀπέδωκεν CIA. II, 803, b, 41 (342 а. С.); ср. ib. 807, b, 153 sq. (330 а. С.).

с) его недостаетъ:

α) вин. п. угодбляется родительному или дательному п.: προσάβωμεν πρὸς ᾧ (=πρὸς τούτῳ δ) πρότερον εἶχε CIA. I, 324, с, 17 (408 а. С.).

β) дат. угодбляется родительному п. или на оборотъ, конструкція, не встрѣчающаяся въ литературѣ (ср. Krüger I, 2, § 51, 10. Kühner* II, р. 914 А. 4): сὺν ᾗ (=сὺν ταύτῃ ἧς) παρ[ε]λάβομεν εἰσπεπραγμένον τὸ ἀργύριον CIA. II, 809, d, 65 (325 а. С.); сὺ[ν αἷ]; (=ταύταις ὧν) τὸ ἀργύριον κατε[βλή]θη ib. строка 70 sq.

д) угодбленіе переходитъ и на другое слово: ἀριθμὸς τριήρων ὧν ἐν τοῖς νεωσοίοις ἀνείχουμένων καταλάβομεν CIA. II, 793, а, 3 (357 а. С.). Впрочемъ возможно было второе слово не угодблять: τῶν σκευῶν, ὧν γράψαντες εἰς τὴν στήλην οὐ παρέδωσαν ὄντα ἐν τοῖς νεωσοίοις CIA. II, 809, с, 20 (325 а. С.); τριήρους, ἧς ὡμολόγησαν καινὴν ἀποδόσιν ib. строки 5—7 и 70.

D. Времена.

Meisterh., р. 99—100, говоритъ только объ употребленіи повелит. в неопред. накл. настоящ. вр. и аор. и утверждаетъ, что въ надписяхъ строго соблюдается разница между наклоненіями обонхъ временъ, какъ οἱ ταμίαι... ἀναγραφάντων... καὶ τὸ λοιπὸν ἀναγραφόντων οἱ αἰεὶ ταμίαι CIA. I, 32, 24 (435—420 а. С.) и στεφανῶσαι θαλλοῦ στεφάνφ... στεφανοῦν δὲ καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον ταῖς θυσίαις CIA. II, 622, 20 (II в. до Р. X.). Въ двухъ случаяхъ отступленія отъ общаго правила

Мейстергансъ видитъ недосмотръ со стороны рѣзчика: ὁ δὲ τ[αμίας ἀπ]οδότω Πεισιθείδει (=ϣ) κατὰ [τὴν πρῶτ]α[νε]ίαν ἐκάστην CIA. II, Add. 115, b, 45 (ок. 344 г. до Р. X.) и προσάγειν αὐτοὺς τοὺς πρῶτ[άνας] ἐς τὴν πρῶτην ἐκκλησίαν μετὰ τὰ ἱερ]ᾶ προσάγειν δὲ τοὺς ὄντες... CIA. II, Add. I, b, 36 (403 а. С.). Противъ предположеніи Мейстерганса, что въ обихихъ надписяхъ случайно пропущенъ одинъ слогъ, возражаетъ Риманъ Rev. IX, p. 176, указывая на CIA. I, 32, 9 ἀποδότων τὰ χρήματα οἱ πρῶταίνας μετὰ τῆς βουλῆς καὶ ἐξαλειφόντων (гдѣ слѣдовало бы ожидать ἀποδιδόντων) и CIA. VI, 27, а, 67 τὸ ἀργύριον... παρεχόντων гдѣ слѣдовало бы ожидать παρασχόντων. Риманъ того мнѣнія, что Мейстергансъ долженъ былъ бы собрать всѣ примѣры или по крайней мѣрѣ примѣры всѣхъ глаголовъ, которые находятся въ надписяхъ употребленными или въ imper. praes., или въ aor. „La question reste à étudier“, заключаетъ опъ.

Е. Наклоненіе.

Помѣстимъ здѣсь два случая употребленія неопредѣл. накл., указанные Риманомъ (Rev. IX, p. 97):

Надпись CIA. II, 1098 представляетъ интересный примѣръ неопредѣленнаго накл. приказанія: ἄρος χωρίου κοινῷ Εἰκαδείων· μὴ συνβάλλειν εἰς τοῦτο τὸ χωρίον μηθένα μηθέν. Риманъ замѣчаетъ, что этотъ примѣръ отличается отъ прочихъ, въ которыхъ неопред. накл. чередуется съ повелит., потому что въ послѣднихъ неопред. накл. можетъ быть понято какъ зависящее отъ предшествующаго ἔδοξεν.

Въ аттическихъ надписяхъ находится довольно большое число примѣровъ очень смѣлаго употребленія неопред. цѣли безъ ὡστε: κλίμακας ποιήσοι θυλίνας ἀναβαίνειν ἐπὶ τὰς μεσόμνας CIA. II, 1054, 84—85 (347—329 а. С.); πίττης δύο κ[α]ράμια, τὰ ξύλα τὰ περὶ τὸ τεῖχος ἀλεῖψαι Ib. Add. 834, b, I, 13 (329 а. С.); τὰδε ἀνήλωται τὸν βῶμὸν τοῦ Πλούτωνος περιλεῖψαι Ib. II, 4; τριπτήρες τέ(τ)ταρες τὰ ζεύγη ποτίζειν CIA. II, 834, с, 21 (начала III в. до Р. X.); χοῖροι δύο καθῆ[ραι τὸ ἱερ]όν 'Еф. ἀρχ. 1883, 119, 49.

Г. Предлоги¹⁾.

1. ἀντί=„наsupротивъ“ находится CIA. II, 835, 68 ἀ[π]ίθεος τρεῖς ἐν αἷς ἐνὶ ἰκπεδὸς καὶ ὀπλίτης κ[αὶ] Θεσεὺς ?] ἀντὶ τοῦ Μινωταύρου. Rev. IX, p. 176.

¹⁾ Meisterh., p. 100—108.

2. *ἀντοκρό*. Аттическія надписи не представляютъ ни одного примѣра въ начертаніи, извѣстномъ изъ литературы: *καταντικρό*, *ἀπαντικρό*. Въ пользу начертанія *ὕπαντοκρό* приводитъ Мейстергансъ СІА. II, Add. 834, b, I, 25 (329 а. С.), однако тамъ читается *ἀπαντροχὸ τοῦ δολίχου*; такимъ же образомъ находится СІА. II, 1054, 88 (347 а. С.) *τὸ καταντροχὸ χωρίον*. Простого *ἀντοκρό* не находится нигдѣ, такъ что этимъ подтверждается правило Thom. Mag., p. 1: *ἀπαντικρὸ τοῦ δεῖνος καὶ καταντικρὸ λογογράφου... ἀντικρὸ δὲ ποιηταί*.

3. *ἀπό* чередуется съ *ἐκ* въ выраженіяхъ: *Διῆς ἀπὸ τοῦ Ἄθω* СІА. I, 237, 35 (443 а. С.) и *Διῆς ἐκ τοῦ Ἄθω* СІА. I, 244, 53 (436 а. С.).

ἀπό встрѣчается въ надписяхъ въ значеніи „цѣною“: *χροσφ σταφάνφ ἀπὸ Χ δραχμῶν* СІА. II, Add. nov. 159, b, 7 (ок. 350 а. С.); *φιάλην ἀπὸ δραχμῶν ἑκατὸν lb.* 470, 71 (ок. 63 а. С.). Въ томъ же смыслѣ встрѣчается и *ἐκ*: *κεφάλαιον τιμῆς κριθῶν... κραθειῶν ἐκ τριῶν δραχμῶν τὸν μέδιμνον ἑκατὸν Ἐφ.* ἀρχ. 1883, 123, 69—70. *Mem. Rev.* IX, p. 95.

4. *ἄχρι* и *μέχρι* пишутся въ надписяхъ всегда (и передъ гласными) безъ *σ* согласно правилу Rhgun., p. 14: *μέχρις καὶ ἄχρισ οὐν τῷ σ ἀδόκιμα μέχρι δὲ καὶ ἄχρι λέγε*. Thom. Mag., p. 13: *ἄχρι καὶ μέχρι Θεοκοδόιδης ἀεὶ λέγει, οὐ μόνον ἀπαγομένου συμῶνου, ἀλλὰ καὶ φωνήεντος. οἱ δ' ἄλλοι, ἐκατομένου μόνον φωνήεντος, καὶ μετὰ τοῦ σ καὶ χωρὶς τοῦ σ γράφουσιν οἶον ἄχρισ οὐ καὶ ἄχρι οὐ. Moeris*, p. 35: *ἄχρι ἀνευ τοῦ σ Ἀττικῶς ἄχρισ Ἑλληνικῶς*. Изъ надписей приводитъ Мейстергансъ: *μέχρι ἡλίου δόνοντος* СІА. IV, 2, A, 4 (раньше 456 а. С.) и *ἄχρι ἄν Καlb. Epigr.* 48, 5 (поэзія, III в.). Три провансескія примѣра, относящіеся къ IV в., находятся еще СІА. II, Add. 834, b, I, 25, 34, 48: *ἄχρι τῆς πολίδος—ἄχρι τῆς τρίτης—ἄχρι τοῦ ἐδάφοος*. Еслибы въ подобныхъ вопросахъ можно было приписать какое-нибудь значеніе рукописямъ, то слѣдовало бы вѣрить словамъ Θомы, утверждающаго, что одинъ Θукидидъ говорилъ всегда *ἄχρι* передъ гласными. А именно рукописи многихъ писателей (не исключая и Θукидида) имѣютъ *ἄχρισ* и *μέχρισ* передъ гласными; ср. Lobesk ad Rhgun., p. 14 sq. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Веклейна (p. 52), что Θома или не принимаетъ во вниманіе различія во времени (не рѣдко онъ ссылается, напримѣръ, на текстъ Лузіана и даже Либанія), или составилъ себѣ мнѣніе на основаніи рукописей уже искаженныхъ.

5. Meisterh., p. 101, предполагаетъ существованіе предлога *διὰ μέσως* на основаніи чтенія надписи СІА. II, 1084, 13 (347 а. С.) *διὰ μέσως τῆς σκευοθήκης*. Справедливо сомнѣвается въ этомъ Лаутенвахъ

въ своей рецензій (стр. 236) и предполагаетъ, что вмѣсто этого слѣдуетъ, вѣроятно, читать *διά μέσης τ. οκ.*

6. *εις*. „По 380 г. до Р. X.“, говоритъ Мейстергансъ (стр. 101 сл.),— „обыкновенная форма была *εις*. Начертаніе *εις* является въ послѣдній разъ въ надписи 334 г. до Р. X. (*εις τὸ δικαστήριον* рядомъ съ *inf. ἀποδώσαν* CIA. II, 804, A, 13. 33). Переходъ начертанія *εις* въ *εις* совпадаетъ такимъ образомъ совершенно съ тѣмъ временемъ, когда *ε* стало замѣняться черезъ *αι* (та же надпись содержитъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый послѣдній случай употребленія *ε=αι*: *ἀποδώσειν*) и по этой причинѣ болѣе чѣмъ вѣроятно, что *εις* и *εις* отличаются другъ отъ друга лишь графически“. Въ употребленіи предлога *εις* пз видѣ краткаго слога у трагиковъ (напримѣръ, Soph. O. C. 1424 *ὄρας τὸ τοῦδ' οὐν ὤς εἰς ὀρθὸν ἐκφέρεις*. Trach. 1167 читается въ рукописяхъ съ метрическою опябкой: *Σελλῶν εἰσελθῶν ἄλλος εἰσεγρηψάμην!*), между тѣмъ какъ у Гомера, эпиковъ и Аристофана передъ гласными находится всегда долгота, видитъ Мейстергансъ результатъ ихъ склонности къ доризмамъ и, такъ какъ, по его мнѣнію, форма *εις* есть исключительно дорическое образованіе, понятное только съ точки зрѣнія этого нарѣчія въ виду отсутствія замѣнительнаго растяженія (*εἰς*: *εἰς* — *τόνς*: *τός*)¹⁾, то онъ считаетъ начертаніе *εις* у Фукидида и Геродота лишь не устраненнымъ александрійскими грамматиками остаткомъ древняго, до-Евклидоваго правописанія, который мы должны будто устранить въ своихъ изданіяхъ. Не соглашаются съ мнѣніемъ Мейстерганса Шталь (р. 43), возражающій, что въ текстѣ Фукидида нѣтъ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно бы было заключить, что Фукидидъ пользовался древнимъ правописаніемъ, и О. Римапъ (Rev. IX, p. 182). Послѣдній считаетъ невѣроятнымъ, чтобы характерная особенность языка Фукидида произошла отъ переписчиковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ не лишеннымъ нѣкотораго значенія приведенное уже прежде у Weskl., p. 58, мнѣсто Фотія, по которому аттики въ извѣстныхъ выраженіяхъ употребляли *εις*. Phot. biblioth. 535, . 6, 2 Bekk.: *οἱ Ἀττικοὶ κατὰ τὴν πατρίον ἔθος οὐ χρῶνται τῇ εἰ διφθόγγῳ ἐν τῷ λέγειν εἰς χόρακας ἢ εἰς μαχαρίαν, ἀλλ' ἄνευ τοῦ διχρόνου ἐκφωνοῦσι τὴν πρόθεσιν; ἐπὶ δὲ τῶν ἄλλων ἀπάντων καὶ μετὰ τοῦ διχρόνου καὶ χωρὶς τοῦ διχρόνου τὴν πρόθεσιν λέγουσιν*. Такъ какъ ни Шталь, ни Римапъ не обращаютъ вниманіе на то, на что опирается главнымъ образомъ Мейстергансъ, то-есть, на фонетику при образованіи предлога *εις* или *εις*, то не мѣшаетъ

¹⁾ Въ дорическихъ надписяхъ сохранилось *εις* по II в. до Р. X.

остановиться нѣсколько на этомъ вопросѣ. Греческій языкъ имѣлъ первоначально только одинъ предлогъ ἐν, который употреблялся съ дат. и вин. п. на вопросы гдѣ и куда. Древнее употребленіе ἐν съ вин. п. сохранилось въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ: бэотійскомъ ¹⁾ (ἐν παλτοφόρα^ς Collitz, Gr̄ech. Dialectinschr. Götting. 1884, 528, 9), Ѳессалійскомъ (ἐν χίονα Coll. 361, a, 11; ἐν τὸ ἱερὸν ib. 345, 22; ἐν τὸν ἀπαντα χρόνον Sauer, Delect.² 387, 6), этолійскомъ (ἐν τὸ ἔθνος, ἐν τὰν καλλίστων διαθέσιν Sauer² 236), локрійскомъ, эолійскомъ и аркадскомъ; въ другихъ нарѣчіяхъ развилась новая форма съ -ς. Ср. Meyer Gr.², p. 68. По звуковымъ законамъ аттического языка выпадаетъ ν передъ σ при слѣдующемъ согласномъ: συνστρέφειν=συστρέφειν, συσζευγόνει=συσζευγόναι, συσχευάζειν=συσχευάζειν; такимъ же образомъ ἐνς τοὺς и т. п. обращалось въ ἐς τοὺς. Если же за νσ находится гласный, то растягивается предшествующій гласный: τόνς=τούς, πάνς=πᾶς, λέγονσι (явь λέγοντι)=λέγουσι, слѣдовательно ἐνς ἄλλους=εἰς ἄλλους. Такимъ образомъ надо полагать, что ἐς говорилось первоначально только передъ согласными, εἰς передъ гласными и, что лишь впоследствии, когда болѣе не сознавали происхожденія обѣихъ формъ, онѣ употреблялись безъ различія. Такъ объясняетъ образованіе обѣихъ формъ Бругманъ въ Berichte d. sächs. Ges. d. Wissensch. 1883, p. 185 sqq.; ср. Meyer Gr.², p. 79. 286 sq. Мнѣніе Мейстерганса о томъ, что ἐς свойственно однимъ дорянамъ, мы считаемъ опровергнутымъ этимъ объясненіемъ. Въ IV в. форма ἐς въ аттическихъ надписяхъ встрѣчается рѣдко; примѣры въ пользу этого начертанія приводитъ Weckl., p. 58; ср. Mem. Rev. IX, p. 58. Мартэнъ (Le ms. d'Isocr. Urb., p. 30) предполагаетъ, что Isocr. IV, 61 cod. Urbîn. имѣлъ отъ первой руки вѣрное чтеніе ἐς τὴν πόλιν, и что здѣсь рукопись сохранила древнюю формулу, съ чѣмъ онъ сравниваетъ CIA. II, Add. 14, b, 5 ἐς τὴν πόλιν, а Риманъ—CIA. II, 814, A, b, 13 εἰσαχθεῖς ἐς τὸ δικαστήριον. Что касается εἰσω и ἔσω, то трагики употребляли обѣ формы по потребности размѣра ²⁾, у комиковъ находится только εἰσω.

Шанцъ пишетъ въ своемъ изданіи Платона на основаніи рукописей только εἰσω (Plat. VII, p. XII), Шталь у Ѳукидида только ἔσω. Въ надписяхъ находится εἰσω CIA. II, 1054, 24 и 1079, 4. Mem. Rev. IX, p. 58.

¹⁾ Такъ встрѣчается ἐν съ вин. п. и у Шндера, какъ Ryth. 2, 11; 5, 36 и др.

²⁾ Ср., напримѣръ, Eur. Hippol. 2 и 4.

7. *ἐν*. Соединеніе этого слова съ род. п. основывается на эллипсѣ и встрѣчается особенно часто съ именами жителей аттическихъ демоновъ: *ἐν Ἰφαιστιαδῶν*¹⁾ СІА. II, 772, В, 12 (IV—III в. а. С.), *ἐν Θυμα(ιταδῶν)* ib. 774, 11 (IV—III в. а. С.), *ἐγ Κουδαντιδῶν* ib. 785, 5 (послѣ 350 а. С.), *ἐν Κοθωκιδῶν* ib. 785, 9, *ἐν Σκαμβω(νιδῶν)* 773, 44 (IV—III в.), *ἐν Κεφριαδῶν* ib. 768, 21, *ἐλ Λακхιαδῶν* ib. Add. 834, b, I, 74.

Глаголы *θεῖναι*, *καταθεῖναι* соединяются съ *ἐν* и *εἰς*: *καταθεῖναι εἰς πόλιν* СІА. IV, 27, а, 60 (445 а. С.), *καταθεῖναι ἐν ἀκρόπολει* СІА. II, 115, 21 (343 а. С.), *θέλντων ἐν πόλει* СІА. I, 32, А, 30 (435—420 а. С.), *θεῖναι εἰς τὴν ἀκρόπολιν* СІА. II, 113, 5 (344 а. С.).

Во время позднѣйшихъ Римскихъ императоровъ встрѣчается *εἰς* вм. *ἐν*: *χεῖσθαι εἰς τόμβον* СІА. III, 1362, *ἀναπαύεσθαι εἰς τόπον* ib. 1379.

8. *ἔνεχα*. Въ надписяхъ встрѣчаются, кромѣ обыкновеннаго *ἔνεχα* (напримѣръ, СІА. I, 42, 5; 423 а. С.—СІА. II, Add. 1, b, 34. ib. 607, 2 и В, 10), еще въ V и IV вѣкахъ до Р. Х. *εἶνεκα* и *οὖνεκα*; первое находится, впрочемъ, только въ метрическихъ надписяхъ: СІА. IV, 477, е, 2 (ок. 450 а. С.); *Καῖβ. Epigr.* 35, b, 10 (circa med. saec. IV); ib. 52, 2 приводится Мейстергансомъ (стр. 104) по ошибкѣ, такъ какъ тамъ читается согласно размѣру *ἔνεκα*. Объ *ἔνεκεν* говоритъ Мейстергансъ, что оно встрѣчается приблизительно съ 300 г. до Р. Х. и притомъ въ первый разъ 'Аθ. VIII 296 (=Syll. 427). *Vamb. Jb.* XII, p. 59, возражаетъ противъ этого, что СІА. II, 987, А, гдѣ строка 2-я читается *φιλοτιμίας ἔνεκεν*, а строка 5-я—*ἀρετῆς ἔνεκα*, по Кёлеру, относится къ серединѣ IV в. Въ официальныхъ постановленіяхъ встрѣчается *ἔνεκεν*, по Мейстергансу, не раньше 282 г. до Р. Х. (СІА. II, 316, 21. 30; 282—280 а. С.) и употребляется во II в. втрое чаще, чѣмъ *ἔνεκα* (первое, напримѣръ, СІА. II, 414, 7. 15; 417, 18; 424, 6; 426, 5; 438, 15; 621, 19). *Οὖνεκα* употребляется въ древнихъ надписяхъ лишь какъ союзъ (=потому что): СІА. IV², 422, 4 (VI в.) *οὖνεκα τῶδε ἀ[λτῆρ']*; СІА. I, 487, 1 (V в. до Р. Х.) *οὖνεκα πιστὸς ἔφους*; *Καῖβ. Epigr.* 87, 4 (IV в.) *οὖνεκα βήτην*; СІА. III, Add. 759, а, 4 (вр. имп.) *οὖνεκα διασώσατο*. Какъ предлогъ встрѣчается *οὖνεκα* только одинъ разъ въ эпиграммѣ V вѣка (какъ предполагаетъ Кёлеръ на основаніи формъ буквъ, а не IV—II вв., какъ говоритъ Мейстергансъ), *Καῖβ. Epigr.* 73, 2 СІА. IV², 491, 8, 3:

¹⁾ Вульгарная форма вм. *Ἰφαιστιάδης*, по Римамъ во всякомъ случаѣ не правъ, утверждая *Rev.* V, p. 153, что *Ἰφαιστιάδης* встрѣчается лишь въ римское время.

Ἄνθεμιδος τότε σῆμα· κύκλῳ στεφανοῦσ(ι)ν ἑταῖροι
μνημείων ἀρετῆς οὐνεχα καὶ φιλίας ¹⁾).

Что касается литературы, то лучшія рукописи Эукидида читаютъ I, 68, 2 *ἐνεχα*; VI, 56, 3 *οὐνεχα*, а VIII, 69, 1 одинъ Vat. *εἶνεχα*. Шталь считаетъ вѣроятнымъ утверженіе грамматика Thom. Mag., p. 151, 1 *Θεοκοδίδης ἀεὶ ἐνεχα*, хотя *Θома* пользовался рукописью, которая была ни лучше, ни древнѣе, чѣмъ теперь существующія лучшія рукописи Эукидида. Ср. Stahl, p. 53. Шанцъ читаетъ въ Платонѣ вездѣ *ἐνεχα*, хотя, напримѣръ, Plat. Leg. 778 D даже Paris. А имѣютъ *εἶνεχα* и хотя Thom. Mag. l. c. говорятъ: *ἐνεχα καὶ εἶνεχα Πλάτων καὶ Δημοσθένης καὶ οἱ ἄλλοι*.

Относительно трагическихъ поэтовъ и Аристофана установилась съ временъ Дэвеса теорія, будто у нихъ форма *εἶνεχα* не позволительна и что вмѣсто нея слѣдуетъ вездѣ писать *οὐνεχα*; послѣднее приняли Мейнеке, Диндорфъ и другіе даже тамъ въ текстѣ, гдѣ лучшія рукописи даютъ *εἶνεχα*, напримѣръ, Aesch. Suppl. 188. Prom. 345. Ag. Nub. 526. Escl. 329. 659. Названная теорія возникла на томъ основаніи, что часто встрѣчается *οὐνεχα* безъ варианта, *εἶνεχα* — рѣдко. Подробнѣе разобралъ этотъ вопросъ Weskl., p. 36—39, и доказалъ, что въ большинствѣ мѣстъ рукописи Аристофана имѣютъ *εἶνεχα* и что у переписчиковъ существовала склонность замѣнять эту форму посредствомъ *οὐνεχα*, что иногда даже въ такихъ мѣстахъ вкралось въ текстъ, гдѣ размѣръ требуетъ *ἐνεχα*, напримѣръ, Ag. Nub. 1217, 1236; Веклейнъ совершенно справедливо отрицаетъ вообще существованіе предлога *οὐνεχα*: 1) на основаніи образованія (изъ *οὐ ἐνεχα*) и 2) потому что нѣкоторые грамматикѣ вовсе не знаютъ такого предлога. Ср. Etym. Magn. 641, 44 *οὐνεχα οὐνεσμος αἰτιολογικός, σχήματος ἀπλοῦ, ἔχει δὲ ἔννοιαν συνθέτου ἀντὶ τοῦ οὐτινος ἐνεχα* — — *τὸ δὲ τοῦνεχα οὐνεσμος ἀνταποδοτικός*. Ammon. p. 106 *οὐνεχα καὶ εἶνεχα διαφέρει· οὐνεχα σημαίνει τὸ δι, εἶνεχα δὲ χάριν*. Gram. Anecd. Ox. I, 131, 4 *ἐνεχα τοῦ οὐνεχα διαφέρει· τὸ μὲν οὐνεχα σημαίνει διότι, εἶνεχα пишуть теперь въ своихъ изданіяхъ: A. Hauck (ср. его прим. ad Soph. O. R. 383 Anh. и Eurip. ed. tert. vol. I, p. XLVII) въ Софоклѣ и Еврипидѣ, Кирхофъ въ Эсхилѣ и Блэдсъ въ Аристофанѣ. Ср. Wackernagel Zeitschr. f. vergl. Sprachf. XXVIII, p. 109 — 130. Съ другой стороны, защищаетъ предлогъ *οὐνεχα* Кобетъ въ Mnemos. N. S. VI, p. 166.*

¹⁾ Конструкция: не *στεφανοῦν τινά τιος*, какъ говоритъ Кайбаль, но *μνημείων зависать отъ οὐνεχα*: „ut memores se esse testificentur virtutis et amicitiae eius“, объясняетъ Кирхофъ.

Что касается формы *ἐνεκεν*, то она защищена разсѣромъ Arist. Plut. 989, и въ пользу ея говорить грамматикъ Phavor. p. 267 *ἐνεκα καὶ ἐνεκεν* Ἀττικῆοὶ γράφοσιν. Но по надписямъ нельзя во всякомъ случаѣ ничего заключить относительно ея употребленія у древнихъ атиковъ, какъ это дѣлаетъ Weckl., p. 36.

Формы *ἐνεке*, *εἴνεке*, *ὀνεке* нигдѣ не находятся въ аттическихъ надписяхъ; *εἴνεκεν* же и *ὀνεкеν* встрѣчаются со времени императоровъ: *εἴνεκεν* Kaib. Epigr. 152 (II в. по Р. X.); ib. 953, 1 (ар. имп.); *ὀνεкеν* CIA. III, 751, 14 = Kaib. Epigr. 144 (союзъ; вр. Авреліевъ); Meisterh., p. 104.

9. ἐπί. Mem. Rev. IX, p. 95 указавъ на ἐπὶ ἡμέρας=ежедневно CIA. II, Add. 834, b, II, 6.

10. μετὰ. Объ употребленіи этого предлога въ сравненіи съ οὖν написалъ особое изслѣдованіе: Tycho Mommsen, Entwicklung einiger Gesetze für d. Gebrauch d. gräech. Praepos. μετὰ und οὖν bei d. Epikern. Frankf. 1874. 1879. Данныя, обнаружившіяся въ надписяхъ, подтверждаютъ въ извѣстной мѣрѣ то, что, по изслѣдованію Моммзена, соблюдается въ литературѣ, а именно вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ о содѣйствіи, сопровожденіи или участіи лицъ, употребляется и въ надписяхъ не οὖν, а μετὰ: ὀρκῶσαι μετὰ τῶν ὀρκωτῶν CIA. IV, 27, a, 37. 65 (445 а. С.); τοὺς μετ' Ἀρόββου ἤκοντας CIA. II, 115, 29 (343 а. С.): такимъ же образомъ стоитъ μετὰ при им. собирательныхъ, обозначающихъ лица: δόντων μετὰ τῆς βουλῆς CIA. I, 32, A, 10 (420—416 а. С.); ἔθαντο τὰ δπλα μετὰ τῆς πόλεως CIA. II, 317, 12 (282—280 а. С.). Даже при глаголахъ, сложныхъ съ οὖν, μετὰ употребляется такъ: συνδιαπο[λέμησ]αν τὸν πόλεμον μετὰ Ἀθηναίω[ν] CIA. IV, 51, a—d, 7 (410 а. С.) etc. Лишь съ императорскихъ временъ смѣшивается μετὰ съ οὖν: Ἀρεο[καγέ]ται οὖν τοῖς γυμνασιαρχικοῖς οἶδε CIA. III, 1085, 19 (61, p. С.); οὖν Καπιτωλίου νεκῆσας τὸν ἀγῶνα ib. 120, 5 (138—161 p. С.). Meisterh., p. 104 sq.

11. περί. Одинъ разъ находится этотъ предлогъ въ надписи позади слова: τοῦ πολέμου περί καὶ τῶν τρ... CIA. I, 57, b, 13 (411 а. С.). Meisterh., p. 105, приводитъ пять примѣровъ съ περί с. dat. въ мѣстномъ значеніи: ἐπιθήσει ὀρθοστάτας περί μέσῃ τῇ εὐδοντηρίᾳ CIA. II, 1054, 19 (347 а. С.); ἀμπέχονον περί τῷ ἔδει ib. 754, 35 (349—344 а. С.); περί τῷ ἀρχαίῳ ib. 751, B, II, 4 (345 а. С.); χιτωνίσκος περί τῷ ἀγάλματι τῷ ὀρθῷ ib. строка 19; ἔνκοχλον περί τῷ ἀγάλματι ib. 758, B, 30 (ок. 334 а. С.).

12. $\sigma\acute{\upsilon}\nu$. По 410 г. до Р. X. преобладаетъ въ аттическихъ надписяхъ форма $\xi\acute{\upsilon}\nu$, а съ этого года — $\sigma\acute{\upsilon}\nu$, какъ видно по пропорціи:

отъ 460—410 г. до Р. X. $\xi\acute{\upsilon}\nu$ $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ = 71 19

отъ 410—403 г. до Р. X. $\xi\acute{\upsilon}\nu$ $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ = 9 : 50.

СИА. I, 188 (410 а. С.) имѣетъ разъ $\xi\acute{\upsilon}\nu$, 22 раза $\sigma\acute{\upsilon}\nu$; СИА. IV, 61, а (409 а. С.) $\xi\acute{\upsilon}\nu$ —4 раза, $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ —3 раза. Послѣ 403 г. встрѣчается $\xi\acute{\upsilon}\nu$ лишь изрѣдка въ юридическихъ выраженіяхъ: $\xi\upsilon\nu\alpha\rho\chi\acute{\omicron}\nu\tau\omega\nu$ СИА. II, 645, 7 (399 а. С.); $\xi\upsilon\nu\beta\acute{\omicron}\lambda\omega\nu$, $\xi\upsilon\nu\beta\acute{\omicron}\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ Ib. 11, 12. 13 (396—387 а. С.); $\xi\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\alpha}\varsigma$ СИА. I, 283, 19 (ок. 372 а. С.). Съ этого времени прекращается и это употребленіе, и $\xi\acute{\upsilon}\nu$ сохраняется (до I в.) только въ формулѣ $\gamma\acute{\nu}\omega\mu\eta\nu$ $\delta\acute{\epsilon}$ $\xi\upsilon\nu\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\tau\eta\varsigma$ $\beta\upsilon\lambda\lambda\eta\varsigma$ $\epsilon\iota\varsigma$ $\tau\acute{\omicron}\nu$ $\delta\eta\rho\omega\nu$ $\delta\tau\iota$ $\delta\omicron\kappa\epsilon\iota$ $\tau\eta$ $\beta\upsilon\lambda\lambda\eta$, напримѣръ, СИА. II, Add. nov. 477 (I в. до Р. X.); $\xi\upsilon\nu\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ находится такъ только разъ: СИА. II, 47, 7. Видъ названной формулы, $\xi\upsilon\nu\beta\acute{\alpha}\lambda\lambda\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ пишется съ σ , напримѣръ, СИА. II, 610, 20 etc. Weckl., p. 57. Meisterh., p. 106.

Что касается синтаксиса, то $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ находится только при словахъ, обозначающихъ неодушевленные предметы. По наблюденію Гейера (Geyer, *Observationes epigraph. de graecis. graec. forma et usu.* Leipz. 1880), не находится $\sigma\acute{\upsilon}\nu$ во всей первой части II тома СИА., заключающей въ себѣ официальные документы. Ср. *Riem. Rev.* IX, p. 96.

13. $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$. Въ надписи 369 г. до Р. X. (Mitth. II, 197, 25) читается: $\acute{\alpha}\rho\chi\omega\nu\tau\epsilon\varsigma$, $\acute{\omicron}\pi\acute{\omicron}\sigma\iota$ $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ $\tau\omicron\upsilon$ $\kappa\omicron\iota\nu\omicron\upsilon$ $\tau\omega\nu$ $\Theta\epsilon\tau\tau\alpha\lambda\omega\nu$ $\acute{\alpha}\rho\chi\omega\sigma\iota$ [iv].

Krüger, *Griech. Sprachl.* I, § 68, 28, 3, говоритъ, что $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ въ смыслѣ *пері* встрѣчается лишь у Демосфена и позднѣйшихъ; надписи подтверждаютъ это наблюденіе, такъ какъ лишь съ 300 г. до Р. X. въ нихъ говорится $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ *τινος* вмѣсто *περί* *τινος*. Meisterh., p. 107, приводятъ три примѣра, наглядно показывающіе мало по малу совершившійся переходъ:

а) 335—332 г. до Р. X.: $\kappa\epsilon\rho\iota$ $\acute{\omega}\nu$ $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ $\kappa\iota\tau\iota\sigma\iota\varsigma$ $\kappa\epsilon\rho\iota$ $\tau\eta\varsigma$ $\iota\delta\rho\omicron\upsilon\sigma\iota\alpha\varsigma$ СИА. II, 168, 8.

б) 290 г. до Р. X.: $\kappa\epsilon\rho\iota$ $\acute{\omega}\nu$ $\acute{\alpha}\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\iota$ $\acute{\omicron}$ $\acute{\alpha}\gamma\omega\nu\theta\acute{\epsilon}\tau\eta\varsigma$ $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ $\tau\omega\nu$ $\theta\upsilon\sigma\iota\omega\nu$. Ib. 307, 5.

в) раньше 200 г. до Р. X.: $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ $\acute{\omega}\nu$ $\acute{\alpha}\pi\alpha\gamma\gamma\acute{\epsilon}\lambda\lambda\omicron\upsilon\sigma\iota\nu$ $\acute{\upsilon}\pi\acute{\epsilon}\rho$ $\tau\omega\nu$ $\theta\upsilon\sigma\iota\omega\nu$ Ib. 390, 8.

14. $\acute{\omega}\varsigma$: въ видѣ предлога встрѣчается въ надписяхъ рѣдко, и нашлось всего 4 примѣра: $\kappa\omicron\rho\alpha\upsilon\theta\acute{\eta}\sigma\omicron\upsilon\nu\tau\alpha\iota$ $\sigma\iota$ $\pi\rho\acute{\epsilon}\zeta\beta\epsilon\iota\varsigma$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\acute{\epsilon}\alpha$ СИА. II, 86, 3 (376—364 а. С.); $\pi\acute{\epsilon}\rho\mu\eta$ $\tau\iota\nu\acute{\alpha}$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\alpha\upsilon\tau\acute{\omicron}\nu$ Ib. строка 24; $\tau\grave{\alpha}$ $\chi\rho\acute{\eta}\mu\alpha\tau\alpha$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\acute{\omicron}\rho$ [ó] $\nu\tau\eta\nu$ СИА. II, 108, b, 22 (349 а. С.); $\acute{\alpha}\phi\iota\nu$ [ó] [um] $\acute{\epsilon}\nu\omega\nu$ $\acute{\omega}\varsigma$ $\Phi\acute{\iota}\lambda\iota\pi\kappa\omicron\nu$.

Г. Союзы ¹⁾.

1. Мѣстные. Рядомъ съ οὐ, ἤ, ὅπου встрѣчается въ эпитафическихкихъ памятникахъ и ἵνα въ значеніи „гдѣ“, но всегда безъ глагола: ἵνα ἡ Νίκη, ἵνα τὰ κάμπουλα φύλλα, ἵνα ὁ Ζεὺς СΙΑ. II, 667, 12 sqq. (385 а. С.); ἵνα ὁ Ἀπόλλ[ω]ν, ἵνα τὰ ὀρθὰ πέταλα Ib. 668, 4 sqq. (385 а. С.);—οὐ ὁ σίδηρος κεῖται СΙΑ. II, 807, с, 46 (330 а. С.); οὐ τὰ ξύλα κεῖται Ib. Add. 834, с, 25 (послѣ 329 а. С.).

2. Временныя. Союзы ἕως и πρὶν употребляются въ надписяхъ съ сослагат. наклон. только тогда, когда они имѣютъ при себѣ ἄν; ср. СΙΑ. II, 117, b, 12 ἕως ἄν κομίσωντ[αι] (333 а. С.); Ib. 121, 24 ἕως ἄν κατέλθωσι[ν]; Ib. 578, 25 πρὶν ἄ[ν] δῆ; СΙΑ. I, 40, 55 ἕως ἄν δι[α]пр[α]χθῆ (423 а. С.); СΙΑ. II, Add. 115, b, 35 ἕως ἄν κατέλ[θ]η (343 а. С.); Ib. 121, 24 ἕως ἄν κατέλθωσι[ν] (337 а. С.). Безъ ἄν является ἕως съ сослаг. лишь съ середины II вѣка: СΙΑ. II, 624, 18 ἕως σ[όμ]π[α]σαι διέλθωσιν.

Вмѣсто ἐπειδάν является въ надписяхъ ἐπάν не раньше 265 г. до Р. X.: ἐπάν καταλάβωσι Ἀθ. VIII, 235, 19 (265—262 а. С.); ср. Thom. Mag. p. 114: καὶ ἐπάν καὶ ἐπειδάν εὐρηται δὲ ἐπὶ πλέον τὸ ἐπειδάν. Ἐπὴν въ аттическихъ надписяхъ вовсе не встрѣчается.

3. Причинныя. Вмѣсто ἐπειδή встрѣчается ἐπεὶ лишь съ 265 г. до Р. X.: ἐπεὶ τὰ τε ἄλλα πράττουσιν καλῶς Ἀθ. VIII, 235, 10 (265—262 а. С.). Herw., p. 77 приводитъ лишь примѣръ, относящійся ко времени Адриана: СΙΑ. III, 15 ἐπεὶ δὲ προσήκει τοῖς ἐφήβοις τὴν τοσαύτην ὁδοπορήσαι ὁδόν.

ὅτι = „потому что“, „за то что“ является въ надписяхъ особенно часто въ выраженіяхъ σταφανῶσαι ὅτι, ἐπαινεῖσαι ὅτι: послѣднее читается, напримѣръ, СΙΑ. I, 56, 3 (412 а. С.), первое СΙΑ. II, 609, 19 (324 а. С.). Meisterh., p. 108.

4. Пояснительныя. Взаимнѣ δτι = „что“ находится изрѣдка ὡς: εἰάν δὲ τις εἶπη ἢ ἐπισηφίση ἢ ἀρχων ἢ ἰδιώτης παρὰ τὸδε τὸ ψήφισμα, ὡς λόειν τι δεῖ СΙΑ. II, 17, 53 (378 а. С.). Herw., p. 77. Съ 300 г. до Р. X. встрѣчается такъ и διότι: ἐπειδὴ Ὀνασος ... ἐμφανίζει, διότι καὶ κοινῇ ὁ δῆμος ὁ Тро[ζηνίω]ν τὴν εὐνοίαν ἀποδ[έδειχται] καὶ ἰδίᾳ οἱ Τελαιοῦ πρόγονοι Ἀθ. V, 522, 6, 13 (начала III в. а. С.). Meisterh., p. 109.

5. Союзы слѣдствія. Мѣсто ὥστε = „съ тѣмъ условіемъ чтобы“

¹⁾ Meisterh., p. 108 sq. Herw., p. 72—78.

заступаетъ часто ἐφ' ᾧτε, даже въ одной и той же надписи: ᾧτε αὐτὸν ἑαυτῷ ξόλα παρέχειν и ἐφ' ᾧτε ξόλα αὐτὸς αὐτῷ παρέχειν CIA. II, Add. 834, b, II, 8. 51 (329 а. С.). Meisterh. p. 109.

6. Условные. Ἐάν остается въ древнее время всегда не слитнымъ. Единственный древнѣй примѣръ, который, по словамъ Мейстерганса, заключаетъ въ себѣ слитное ἄν (CIA. II, 11, 6; 394—387 а. С.), подлежитъ сильному сомнѣнiю, такъ какъ Келлеръ читаетъ тамъ: ὁ τι ἄμμε[ν] Ἀθ[η]νησι συμβόλιον γένηται [πρὸς Φ]ασηλι[τ]ῶν τινα, гдѣ ὁ τι ἄμμε[ν] = ὁ τι ἄν με[ν], то-есть, ἄν тамъ частица. Ἦν въ аттическихъ надписяхъ нигдѣ не встрѣчается.

7. Союзъ цѣля. Ἴνα = „чтобы“ употребляется до македонскаго времени рѣдко: CIA. I, 37, f—m, 30 Ἴνα μὴ αὐ[τ]... и строка 35 Ἴνα εἰ[....] (420 а. С.); чаще оно встрѣчается въ III—I вв. до Р. X., напримѣръ, CIA. II, 310, 8 ἐφιλοτιμήθησαν Ἴν' ὡς κάλλιστα... ρήσεται, начала III в.; ib. 404, 28 Ἴνα το[ύτων συν]τελοομένων εὐσεβῶς ἔχη κтл., II в.; 438, 21 Ἴνα δὲ καὶ ὁ πόμνημα ὑπάρχη; ib. 469, 63 Ἴνα οὖν ἡ βουλή καὶ [ὁ δῆμος φ]αίνονται etc. Всегда употребляется Ἴνα съ сослаг. накл.; желательнаго нѣтъ нигдѣ.

Ὡς finale встрѣчается въ надписяхъ еще рѣже, чѣмъ Ἴνα: безъ ἄν оно вовсе не встрѣчается; ὡς ἄν употребляется рѣдко съ желат. накл. и притомъ не раньше времени Адриана: CIA. III, 9, 12 δεδούχθαι—προστάται—ἀγειν—ὡς ἄν—ὑπάρχο[ι], ib. 27 ὡς ἄν—ἀγοίτο; ὡς ἄν с. conl. даже въ это позднее время не встрѣчается, такъ что CIA. III, 48, 31. 34 (Ineunte sec. IV p. C.) слѣдуетъ, вѣроятно, дополнить ὡς ἄ[ν]—μὴ μ[ε]ταδόξ[αι], а не μεταδόξ[αι].

Обыкновеннымъ финальнымъ союзомъ бываетъ въ надписяхъ ὅπως. Съ ind. fut. этотъ союзъ встрѣчается рѣдко: CIA. I, 32, B, 8 (ок. 420 а. С.) ὅπως ἀριστ[ά] τε καὶ κάλλιστα κοσμηθ[ή]σεται ἡ ἀρόπολις καὶ ἐπισκευασθ[ή]σεται; CIA. II, 86, 2 (376—354 а. С.) ἐπεμαλήθη ὅπως ὡς κάλλιστα πορευθ[ή]σονται οἱ πρέσβεις.

Въ классическое время соединяется ὅπως съ сослаг. наклонениемъ только тогда, когда при немъ находится ἄν. Въ IV вѣкѣ встрѣчается ὅπως с. conl. безъ ἄν въ первый разъ: CIA. II, 115, 40 ἐπιμελειῖσθαι δ]ὲ καὶ τοὺς στρατηγού[ς], οἱ ἄν στρατηγ[ῶ]σιν, ὅπως Ἀρ[ύββα]ς καὶ οἱ παῖδες αὐτοῦ [κομ]ίσωνται τὴν ἀρχήν τὴν [πατρ]ῶσαν, гдѣ строка 16 читается: ἐπιμελειῖσθαι ὅπως ἄν προσόδου τυγχάνη. Въ III и II вѣкахъ употребляется ὅπως съ conl. безъ ἄν гораздо чаще, чѣмъ съ ἄν. Ὅπως съ ἄν с. opt. очень сомнительно и основывается только на до-

подвѣніяхъ новѣйшихъ издателей СІА. II, 300 (294 а. С.) и СІА. III, 5. Негв. р. 72—76.

8. Союзы сравнительные. Рядомъ съ ὤσπερ, καθά, καθάπερ, καθότι является съ конца II вѣка до Р. Х. и καθώς въ смыслѣ „какъ“, напримѣръ, СІА. II, 466, 22 (II—I в.); ib. 467, 23 (ок. 100 а. С.). Въ неаттическихъ надписяхъ находится καθώς еще равнѣе Syll. 181, 15 (III в. до Р. Х.). Ср. Моeris, р. 212 καθότι, Ἀττικῶς. καθώς, Ἑλληνικῶς. Phryg., р. 425. Thom. M., р. 195 καθότι καὶ καθά τὸ δὲ καθώς παρὰ τοῖς δοκίμοις οὐκ ἔστιν. Meisterh. р. 109.

9. Отрицаніе. Krüger Gr. Sprachl. II, 2, § 69, 64, А. 2 говоритъ: „οὐ—οὐτε, μή—μήτε очень сомнительно. Soph. O. C. 496 читается въ рукописяхъ τῆ μή δύνασθαι μήθ' ὄρᾶν, вмѣсто чего пишеть Диндорфъ μήτε σφαλεῖν μήθ' ὄρᾶν. Rhein. Rev. IX, р. 97 указываетъ теперь на СІА. II, 853, 13 οὐκ ἐνταλές οὐθ' ὀφείας.

Риманъ (I. с.) приводитъ изъ надписей примѣръ употребленія οὐκ вм. μή: СІА. Add. 841, b, 35 (396 а. С-) ἐφορκωσάτω... συνηγορήσ(ι)ν τὰ δικαιοτάτα καὶ ο(ὐ)κ εἰσσε(ι)ν ο(ὐ)δένα μὴ ὄντα φρατέρα φρατρίζε(ι)ν.

Въ заключеніе мы сообщимъ здѣсь еще составленный Герверде-номъ (р. 67) списокъ надписей, сохранившихся и у писателей: СІА. I, 406 = Schol. Arist. Av. 1128; ib. 403 = Anthol. Pal. XIII, 13; ib. 381 = Anthol. VI, 138; ib. 334 = Herodot. V, 77; СІА. IV, 46 b = Thuc. V 47 (ср. Kirchhoff, Hermes XII, 368 sqq. Sitzungsber. d. Berl. Akad. 1883, 839—50); СІА. II, 240 = vit. X orat. р. 825 (Plut. Mor.); СІА. III, 171, 8 sqq. = Athen. XV, р. 702 A. Arch. Zeit. 1879, 301 = Anthol. Pal. XIII, 16.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стр. 66, строка 6 читай: Bild und Lied вм. Wort und Bild.

Стр. 68, строка 13 читай: Traiecti вм. Tracetli.

Къ стр. 74. Χαίρεας; читается еще СІА. IV,² 462, d, 13, Χαίριас же ib. строка 17 (V в.).

Стр. 76, строка 2 читай: Ἰκποθοοντίδος; вм. Ἰκποθοοντίδος.

Стр. 77, строка 12 читай: звука и вм. звука i.

Къ стр. 78. Звукъ о чередуется съ звукомъ о въ три раза встрѣчающемся проτανεία СІА. II, Add. 834, b, I, 6. 8. II, 6 (329 а. С.) и въ той же надписи I, 11 проτανείας.

Стр. 79, строка 2 читай: δαῖ в. ααί.

Стр. 80, строка 2 читай: ошибочно в. впрочемъ; тамъ же, строка 4 послѣ: (реи argès J. C.) вставь: тамъ читается γόνης' съ элиній окончанія -αι.

Къ стр. 80. Въ классическое время пишется всегда Ποσειδάτης, а не Ποσειδαίτης, напримѣръ, СІА. I, 240, 5, такъ что Кирхгофъ СІА. I, 236, 14 дополняетъ невѣрно Ποσειδαί[αται, гдѣ слѣдуетъ дополнить Ποσειδα[α.

Стр. 82, строка 28 читай: 'Нбѣх в. 'Нбѣα.

Стр. 84, строка 19 читай: ἀξιοχρα(ι)φ в. ἀξιοχρα(ι)φ.

Стр. 86, строка 7 снизу читай: Gogg., p. 446, в. Gogg., p. 766.

Стр. 89, строка 1 читай διερράγυα в. διερράγυα; тамъ же въ прим. читай: διερράγυα в. διερράγυα.

Стр. 89, строка 4 читай όόν в. όέόν.

Стр. 91, строка 12 читай: 262 — 229 в. 262 — 269; тамъ же, строка 29 читай: ἀργύριον в. ἀργόριον.

Къ стр. 92. Сліяніе. Въ отрывкѣ Драконова закона, приведенномъ въ постановленіи 409 г. до Р. X. (СІА. I, 61, 35), встрѣчается псалитная форма ἀέχων, тогда какъ въ надписи, относящейся къ первой половинѣ V в. (СІА. I, 1, В, 1) имѣется уже слитное ἀχοούα (sic). Meisterh., p. 33.

Стр. 92, строка 7 снизу читай: άνύται в. άνύτται.

Къ стр. 93. Придыханіе послѣ начальнаго согласнаго является СІА. IV,² 373, 208 въ словѣ μέγαλο, по поводу чего Кирхгофъ указываетъ на СІГ. 344 Μέξιος и 343 ρόφαϊα (съ остр. Корциры), ib. 360 λάβων (съ Эгипы). Сюда можно отнести также начертаніе θήχάτη (=τῆ Ἐχάτη) СІА. IV,² 422, 3. Переходъ придыханія на другой слогъ замѣчается еще въ два раза встрѣчающемся φαρθένε: СІА. IV,² 373, 192 и ib. 373, 211 1 (V в.).

Стр. 94, строка 10 читай: часть сложнаго слова в. часть втораго слова.

Стр. 95, строка 6 читай: Ἰλιός в. Ἰλιος.

Стр. 95, строка 12 снизу вставь: „какъ“ послѣ „такъ“.

Стр. 98, строка 18 снизу читай: Μυρρινούνη в. Μυρρινούτης.— Тамъ же строка 16 снизу читай: Μυρ]ρινούτης в. Μυρ]ρινούτης.

Стр. 99, строка 6 снизу читай: τριηροποιά в. τριηροία.

Къ стр. 101. Чередуется β съ μ въ словѣ βαρνάμενοι СІА. IV,² 446, а, 51 (V в.).

Къ стр. 104, Contracta I склоненія. Къ названнымъ тамъ разно-

вдностямъ имени богини 'Αθηνᾶ слѣдуетъ прибавить еще: 'Αθαναία CIA. IV,² 373, 105 (поэзія V в.) и 'Αθᾶνα ib. 373, 106 (поэзія V в.).

Стр. 108, строка 2 читай: βασιλέας вм. βασιλέας.

Стр. 108, строка 18 читай: Φηγαίεες вм. Ρηγαίεες.

Къ стр. 108. Къ неслитнымъ формамъ род. пад. словъ на -εος съ предшествующимъ гласнымъ нужно еще прибавить 'Αστοπαλαίεως CIA. IV,² 491, 18 (V в.) и Φλο]έως ib. 331, d, 4.

Къ стр. 109 (снизу). Неслитное 'Ιαφοκλέης читается CIA. IV,² 373, 10 (V в.).

Стр. 110, строка 7 читай: Σοκλέου вм. Σοφοκλέου.

Къ стр. 111 (внизу). Еще два раза читается ΣΚΕΛΕ = σκέλει CIA. IV,² 331, e, 12. 16.

Къ стр. 116. ούς. Форма ούς находится еще CIA. IV,² 373, 100 и ib. 373, 107; односложное ѳс, происшедшее изъ ούς, читается въ стихѣ CIA. IV,² 373, 94, 2.

Къ стр. 118 сл. Къ нарѣчіямъ на -θεν нужно прибавить: 'Αθρο- νόθεν CIA. IV,² 373, 121.

Стр. 119, строка 4. CIA. II. Add. 834, b, I 52 дополняетъ Келлеръ не Σφηττῆ[θεν, а Σφηττ[φ; известное изъ литературы нарѣчіе Σφηττόθεν находится и въ надписи CIA. IV,² 373, 198.

Стр. 131, строка 13 снизу читай μηθείς вм. μεθείς.

Стр. 132, строка 6 снизу читай: γραφάς вм. γραράς.

Стр. 133, строка 6 снизу читай: τραγχοί вм. τραγχο.

Стр. 135, строка 1 читай: εἰν вм. εἶν.

Стр. 135, строка 6 читай: στήσαιεν вм. στάσαιεν.

Стр. 137, строка 16 снизу читай: ἐκπεφυγοίην вм. ἐκπεφυοίην.

Стр. 141, строка 25 читай: 'Αττικοί διὰ τοῦ η καὶ τοῦ ι вм. 'Αττικοί διὰ τοῦ ι.

Стр. 145, строка 3 снизу читай: сослаг. вм. изъяв.

Стр. 146, строка 21 читай: μετακατ]ασχευῶσιν вм. μετακατ]ασχευῶν.

Стр. 148, строка 19 читай: χέχωμαι вм. χέχωμα.

Стр. 149, строка 4 снизу читай: ἔστι вм. ἔστα.

Стр. 151, строка 15 снизу читай: πρ]ο[αεστ]ῶτα CIA. I, 324, b, 3 (408 a. C.) вм. ἔστ[ηκ]εν CIA. IV, 477, e (V в.).

- ἀνδραία 86.
 Ἄνδρά(ι)ας 82.
 ἀνδρέ(ι)ος 82.
 ἀνδρῶν 171.
 ἀνεθέθη 93.
 ἀναικεῖν 155.
 ἀνέωγα, ἀνέωχα 156.
 ἀνήλωμα, ἀνηλώσας 146.
 ἀνθέων, ἀνθῶν 114.
 -ανθης 110.
 ἀνοίγνομι, ἀνοίγω 155.
 ἀνοχωγή 75.
 ἀνορθῶω 146.
 Ἄντηνῆσιν 118.
 ἀντί 173.
 ἀντικρύ, ἀντοκρύ 174.
 Ἄντιρητος 94.
 Ἄντιφάτης 104.
 ἀνυπόζωστος 148.
 ἀνώω, ἀνότω 92.
 ἀξιόχρεως 84.
 ἀπό 174.
 ἀποκτεινόντι 86.
 ἀπαντοκρύ 174.
 Ἄπόλλων 114.
 ἀπορ(ῶ)αῖνομαι 94.
 ἀπορ(ῶ)αντήριον 94.
 ἀποροῦμαι 156.
 ἀπότεισμα 85. 148. 163.
 ἀπωθεν 76.
 Ἄργῆος 107.
 Ἄρε(ι)ος πάγο; 82.
 Ἄρευπαγίτης 100.
 ἀρήν 115,
 Ἄρη; 115.
 ἀριστερᾶ; 170.
 Ἄριστήδης 81.
 Ἄριστοδαμέ(ι)α 82.
 Ἄριστόκλε(ι)α 82.
 Ἄριστοφάνη 110.
 ἀρχεθέωρος 93.
 ἀρμόττω 156.
 ἀρ(ῶ)αβδωτος 94.
 Ἄρρένηδης 81.
 ἀρρήν 95.
 Ἄρταξέρετης 75.
 ἀρτοπώλιον 87.
 ἀρχεθέωρος 74. 93.
 Ἄρχελα; 106.
 -αρχης, -αρχος 106.
 ἀρχω с. dat. 172.
 -ασι, -ασι съ dat. pl. 101; παρῆσιν съ
 -ασι 102. 118.
 Ἄσκληπεί(ι)α, τὰ 83.
 ἄστυ 107.
 Ἄστυκράτην 110.
 Ἄστυκαλαίως 185.
 ἄσουλει 118.
 -αται, -ατο 134.
 Ἄττιδες 61.
 ἄττα 61.
 ἄττικίζειν 62.
 ἀτυχέω съ 2-мя рож. 171.
 αὔξανω, αὔξω 156.
 αὐτόν, τό 127.
 αὐτοῦ 126.
 ἀφαρхτος 164.
 Ἄχα(ι)κός, Ἄχα(ι)ία 79.
 Ἄχαρνήσιν(ν) 118.
 Ἄχιλλέ(ι)α, ἡ 82.
 ἄχρι 174.
 βαρνάμενοι 184.
 βασιλείε 114.
 βασιλέη; τόν 84.
 βασιλεις (= -έας) 109.
 βασιλῆ ссc. sing. 109.
 Βατῆ; 108.
 βατραχε(ι)οῦ; 82.
 βέβαιος 121.
 βενδέ(ι)ον 83.
 βίαιος 121.
 βιβλίον 77.
 βιούς 156.
 βιώω 156.
 βιῶν, βιοίη 156.
 βοήδρομιῶν 88.
 Βοιωτάρχης 106.
 βορέα; βορῶθεν 95.
 βουλευτήριον ссcъ члена 166.
 βούλομαι, прпшачение 140.
 βούπρωρος 90.
 Βραурῶν 171.
 Βρισῆ; 81.

Βρυλε(ι)ανός 82.
 Βρύλλειον 86.
 βυβλίον 77.
 Βυζ(ζ)άντιος 94.
 Βυθεία 86.
 Βυρσίγη 96.

γ = ν 97; проглаголювање 100 сл.
 -γένης 110.
 Γερμανίχηα 85.
 γίγνομαι, γίνομαι 157.
 γιγνώσκω, γινώσκω 157; аог. pass. 148.
 γναφεῖον 96.
 γνωτός 148.
 γοργονέ(ι)ον 82.
 γράδιον 90.
 γραμματῆ 107.
 γραμματέ(ι)ον 82.
 γυμνασιάρχος 106.

δαρχμαί 96.
 Δασκύλειον 86.
 δέδια 157.
 δέη 133.
 δέηται, δέηονται 84.
 δεκαδύο 130.
 δεκαεπτά 130.
 δεκαστώ 130.
 δεκάπουν, (-ποδα) 119.
 Δεκελε(ι)εύς 83.
 δεκέτης 130.
 δεκώβολον 130.
 δεξιᾶς 170.
 Δερκύλος 95.
 δεσμά, δεσμοί 115.
 δεῦρε 118.
 δέχομα: 93.
 Δημάδης 104.
 δήμαρχος 106.
 διαλέγομαι 160.
 διαμέσως 174.
 διανεκῆς 74.
 διῶμαι 149.
 Διατρέφης 86.
 διεῤῥωγῦ(ι)α 89.
 Δικαιοπολίτης 75.
 Διομε(ι)εύς 82.

Διομήτες 108.
 διότι 181.
 Διοφείθης 93.
 δίπου(ν-ποδα) 119.
 διττός 129.
 διωβαλία 76.
 δοχῆ ind. 107.
 δορκάδε(ι)οι 82.
 δύναμαι, πρнрращение 140.
 δύο, δύω 127; съ двойств. в множ. ч. 168.
 δυοῖν съ множ. ч. 168.
 δώδεκα 130.
 δωρε(ι)ά 83.

ε = первоначальному εи 72 сл.; = перво-
 начальному εи передъ гласными 82;
 = η 72; = αι 79 сл. 100.

ε = εν 93.

-εα, -ετα 82, 84, 120; accus. sing. εσωνъ
 на -εύς 109; neutr. pl. πρнрлагат. на
 -ύς 120.

εάλων 140.

εάν 182.

εατοῦ 126.

εαυτοῦ 126.

εαυτῶν 126.

εβδομος και δέκατος; η επτακαιδέκατος 131.

εγ = εχ 97.

εγ = εξ 97, 129.

εγβιβάζων 97.

εγγονος = εχγονος 97.

εγδάκτυλος 97, 129.

εγεστα 80.

εγχαυτής 148.

εγλέγω 97.

εγλεχθῆ 146, 160.

εδοξεν τῷ δήμῳ 99.

εδώκαμεν η τ. д. 150.

-έας, -έης = -εῖς, -ῆς 107 сл.

εθάλω, θάλω 157.

εθήκαμεν η τ. д. 150.

εи первоначальному εи 72, 80; перво-
 начальному εи = ε 82, 84; = η
 85; = η 80 сл. 107, 138; = ι 60,
 63, 85.

-ει, -ειν III л. plsqpf. 133.

-ει nom. acc. dual. 111 сл.; 168.

-εια, -εα 82. 84. 120; =οια 139.
 -ει, -η II π. praes. π fut. med. 133.
 εἶάν 84.
 -εισαν, -αιεν 135.
 εἶαυτοῦ 84.
 εἰαζω, πρπραιενίε 142.
 εἰλικτῆρας 146.
 εἰμάτιον 86.
 εἰμί 152.
 εἶμι 152.
 εἶνεκα, εἶνεκα, εἶνεκεν 177—179.
 εἶπον, εἶπα 144. 147.
 εἶπει(ν) 99.
 εἶργειν 93.
 εἶρχτην 98.
 εἶρξις 93.
 -εἶς, -ῆς plur. σλοπὺ на -εуς 108.
 -εις = -εα; 109.
 εἶς 176.
 εἶς πμ. ἐν 177.
 εἶς καὶ εἰκοστός 131.
 εἰσάμενος 146.
 -εισαν, -εσαν πισρpf. 133.
 εἰσόδος 93.
 εἰστηκώς 145. 151.
 εἰσχηκα, εἰσχημαι 145.
 εἶσω, εἶσω 176.
 Εἰτέα, Εἰτεαῖος 86.
 εἶχ 96. 174.
 εἶχ = εἶξ 164.
 'Εκαλήθεν 118.
 'Εκατόνησοι 94.
 εἶχονος 97.
 εἶκα (καίω) 159.
 εἶκπεπλευκῶ(ι)α 89.
 εἶκτημαἶ 141.
 εἶλ = ἐν 97. 177.
 εἶλά(ι)α 78.
 'Ελα(ι)εῦς 79.
 'Ελαιῖται 100.
 εἶλάττων, δλαίζων 123.
 'Ελευθεράθεν 118.
 'Ελευσίη 171; -όθεν 119.
 εἶλεύσομαι 158.
 εἶλγλῶθειν 145.
 εἶλω πρπραιενίε 143. 157.
 'Ελπίνης 104.

εἶλις 92.
 εἶμειξα 85.
 εἶμπιμπλημι 154.
 εἶμπιμπρημι 154.
 εἶμπόριον 86.
 εἶμπροσθε 118.
 ἐν 175. 177; ἐν ο. gen. 177; с. acc. 175.
 ἐναίετιον 79.
 ἐνάξις 130.
 ἐνακόςιοι 130.
 ἐνατος 130.
 ἐνεκα, ἐνεκα, ἐνεκεν 177.
 ἐνενηκοντα 129.
 ἐνήνεγχεαι, ἐνήνειγχεαι 163.
 ἐνηγητωμαι 145.
 ἐνθαυθοῖ 93.
 εἶν = εἶνεστι 152.
 ἐνιδρύεσθαι 93.
 ἐννεά, ἐνεσεκαῖδεκα 129. 130.
 ἐνος 92.
 ἐνός δέοντες τριάκοντα 131.
 εο = εἶ 100; = εу 100.
 ἐνταυθοῖ 118.
 ἐνφаниζω 98.
 ἐνφῶδιον 90. 96.
 ἐνωμόταρχος 106.
 ἐόρακα 143. 144.
 ἐτώτιον 96.
 εἶξ ποροδρ ρ 97.
 εἶξ 129; = εἶγ 97; = εἶχ 129.
 εἶξδάκτυλος 129.
 ἐπαινώ с. dat. 171.
 ἐπάν, ἐπεί, ἐπειδάν, ἐπειδή 181.
 ἐπί 179.
 ἐπί вь σλοпннхъ глаг. 91.
 ἐπιγράφειν с. dat. 172.
 ἐπί δεκα 131.
 'Επικηφισαῖ 171.
 'Επικηφισᾶς 118.
 ἐπιμέλε(ι)α 82.
 ἐπιμέλομαι 158.
 ἐπιποφθεῖς 161.
 ἐπιτήδειος 121.
 ἐπιτηρήραρχος 106.
 ἐπιωψάμη 161.
 ἐπτακχιδέκατος 131.
 εἶρ = ἐν 97.

ἐργάζομαι, πρῆραση 142.
 Ἐρεσος 95.
 Ἐρετριέων 108.
 Ἐραχθῆς 81.
 ἔρημος 121.
 Ἐρίκεια 86.
 Ἐρίκεια(ι)εύς 88.
 ἐρίκη 86.
 Ἐρσης 81.
 Ἐρυθίλῳδα 90.
 Ἐρυθρῳδαί 118.
 Ἐρχίεας 108.
 Ἐρχιεύς 75.
 ἔρχομαι 158.
 Ἐρχομενός 75.
 ἐς = εἰς 175; = ἐν 97.
 -εσαν, -εισαν πρῆραφ. 133.
 -εσθων, -εσθων 138.
 ἔσταμαι 152.
 ἔστηκα 151. 185.
 Ἐστασιόθεν 119.
 ἔστων, ἔστωσαν 138.
 ἔστώς 151; neutr. 152.
 ἔσχα, ἔσχον 146.
 ἔσω, εἶσω 176.
 ἔταμον, ἔτεμον 162.
 ἔτεισα, ἔτείσθην 85. 162.
 ἔτοιμος 122.
 εὐ = εο 100; πρῆραση 111 εὐ- 141.
 Εὐγένεια(ι)α 82.
 εὐνοος 105. 119.
 εὐόρκος 93.
 εὐόρχεω 93.
 εὐρίσκω πρῆραση 141; αογ. εὐράμην 146.
 -ευς, σλωα να —, 107—109.
 εὐσέβηα 85.
 Εὐφυῶ (-ῆ) 119.
 εὐχόμαι, πρῆραση 141.
 ἐφ' ᾧτα 182.
 ἐχ = ἐκ 93. 123.
 ἐχω, ἔσχα 146; ἔξω, σχήσω 158.
 ἔχω 92.
 ἐψηφισμένων 92.
 ἔως ἄν 181.
 ζ = σ 101.

ζεύγει nom. aec. dual. 112.
 ζεβῳάριον 90.
 ζεβῳδιον 90.
 ζώνουμι, part. pass. 148. 159.
 ζῳον 90.
 ζῳωτός 90.

Η = „h“ 73; νανανιε 72; πρῆραση 111
 74; νακτῆ γλωσσῆ 74; = α 73; = αι
 74; = ε 74; = η 90; = ει 85; = ι 74.
 -η = -α νῶ σλωακῆ να -εος 108; η = ε
 74; πρῆραση 140; -η οκσινατιε

I-ro α. πρῆραφ. 132.

ἦ = ἦν III α. imptr. γα. εἶμι 61.

η 59. 89; = ει 81. 107. 133.

ἦα 152 αλ.

Ἠγγισίω(ν) 105.

Ἠβεί(ι)α 82.

ἦδειν 153.

-ηες 107.

ἦθμός 92.

ἦλιζα 147.

ἦμέδιμον 101.

ἦμελλον 139.

ἦμιέκτεων 106.

ἦμιωβέλιον 76.

ἦμίσει(ι)α, ἦ 82.

ἦμισυ ἦμέρας 131.

ἦμίχουν 105.

ἦμιώβολον 106.

ἦμουσος 77.

ἦν = εἶν 182.

ἦνεικα, ἦνεγκον 147. 163.

ἦνεγκαν 163.

Ἠρακλεί(ι)ον 83.

Ἠρακλε(ι)ώτης 83.

ἦργάζοντο, ἦργάσατο 142.

ἦρῳνη 81.

ἦρῳς 117.

-ης, nom. propr. να —, 110; appellativa
 να —, 111; πρῆραγ. να —, 119.

-ῆς, nom. pl. 167 αλ.

ἦσαν, πο ἦεσαν 153.

-ῆσι, ῆσι, dat. pl. 101; ναρῳτιε να —,
 102. 118.

ἦτέρα 91.

ἦυ- (=εὐ-), πρῆραση 141.

- Ἡφαιστιαδῶν 177.
 ἦφερα imperf. 147.
 Θαλί(ι)α 82.
 θαῤῥέω 96.
 θάττου (-ονος) 123.
 θεά 105.
 -θεν, -θε, нарψχια на —, 118.
 θεјός 84.
 Θεόδοτος н т. п. = Θεόδοτος 92.
 Θεόκλε(ι)α 82.
 θεός, ἦ 105.
 θεράπκη 85.
 θερμαστ(ρ)ίς 101.
 Θευγαίτων 100.
 Θευγένης = Θεογένης. 100.
 θήκату 184.
 Θήσε(ι)α, τά 83.
 Θησί(ι)ον 82.
 Θίβρων 101.
 θήσχω 159.
 θοᾶν 100.
 Θορα(ι)εός 79.
 Θορικοῦ 78.
 Θουδόσιος = Θεοδόσιος 92.
 Θρασυκλής 109.
 Θρίψ 171.
 Θριῶθεν 119.
 θυηχοῦς 105.
 Θυμαйтиαδῶν, ἐν 177.
 Θυρέαν 80.
 θυροκλιγίς, θυροκλιγίς 171.
 θω(ι)ά 89. 100.
 θωᾶν 100.
 ι = η 74; = ει 60. 63. 85; = η 74; = ιει
 85; = υ 77; ι euphonicism 84.
 ι προσγεγραμμένον 63. 89 сл.
 ἴδιος 92.
 Ἰασεύς 94.
 Ἰασος 94.
 Ἰατροκλής 185.
 ἰδρύσεјωс 84.
 ιει = ει, ι 85.
 ἰερε(ι)α, ἦ 82.
 ιρε(ι)ώω 83.
 ἰερε(ι)ώсуна 83.
 ἰέρηα, ἦ 85.
 ἱεροκοίος 87.
 -ιεύς, слова на —, 106.
 -ίζω, глаголы на —, 146.
 ἴημι 149.
 Ἰκαρίεјες 108.
 Ἰλισός 92. 95. 184.
 -ιμος, прилаг. на —, 121.
 ἴνα 181. 182.
 -ίνης, nom. progr. на —, 110.
 ἱπпарχος 106.
 ἱππής, ἱππής 108.
 Ἰπποθωνίς, Ἰπποθωνίς = Ἰπποθωνίς
 75 сл.
 -ις, слова на —, 112.
 Ἰσθμῶ 171.
 ἰστοτελοῦ(ς) 111.
 ἴσος 92.
 ἴστημι 149.
 Ἰφιστιάδης 85.
 Ἰψῶ 171.
 Καδμής 81.
 κάγώ 91.
 καθά 183.
 καθάιρω, аог. 159.
 καθάπερ 183; καθᾶπερ 93.
 καθέγω 92.
 καθότι 183.
 καθώς 183.
 Καισάρηα, τά 85.
 καιῶ 148. 159.
 κάκει 91.
 Καλαύρεια 86.
 καλέω, fut. 146.
 Καλλέας 74.
 Καλλένικος 74.
 Καλλιάδης 104.
 κάλχη 93.
 Καλχηδόνιος 93.
 καλώδιον 90.
 κάλωс 106.
 Κάμιρος 86.
 κανῶν 105.
 κάπίστατον 91.
 κάπότηс 91.
 Κάссανδρος 94.

κατάβορρος 95.
 καταίτιος 79.
 καταντροκό 96.
 καταπάλτης 100.
 κατατίθηναι εβ εν η εις 177.
 καταγαυ(ι)α 89.
 καταζαγώς 84.
 κάρτροπον 96.
 Κειριαδών, εν 177.
 κέκτημαι 140.
 κέχωνται (κείωνται?) 84.
 κενότερος 125.
 κέρα, κέρατα 115.
 Κέρκυρα 76.
 Κεφαλήσιν 118.
 Κεφαλήν 95.
 Κέω (acc.) 105.
 κηρυκαίον 86.
 Κήφισος 95.
 κιθών 93.
 κιθωνίσκιον 93.
 Κικοννός 94.
 Κινδύης 77.
 κιτών 93.
 Κλαζ(ζ)ομένιος 94.
 -κλής, -κλής nom. progr. να —, 109 εα.
 Κλειγένης 100.
 κλείς, κλείω 81 εα.
 Κλεισθένης 100.
 -κλέου = κλέους 110.
 Κλεοφράδην 110.
 -κλή, -κλήν = -κλέα 110.
 κλής 81 εα.
 κλίω 160.
 Κλυταιμήστρα 65.
 κναφεύς 96.
 Κοθωκιδών, εν 177.
 κοινή διάλεκτος, ή 62.
 Κολλυτές 108.
 Κόλλυτος 95.
 Κόπρε(ι)ος 82.
 Κορήσιοι 95.
 Κορησός 95.
 κούρε(ι)ον 83.
 κραδευταί 96.
 κρατευταί 96.
 -κράτη(ν), κράτου(ς) 110.

κρεάδιον 90.
 κρέατος, κρέως 115.
 κρήνημη 65.
 κρούω, perf. pass. 148.
 Κυδαθηνα(ι)εύς 79. 108.
 Κυδαντιδών, εν 177.
 Κυθάρριος 94.
 κυμβίον 86.
 Κονδυής 77.
 κυνή 104.
 κφδιον 90.
 κωλαγρέται 96.
 κωλή 104.
 Κφοι 90.

λ, перестановка 171; λ βι. ν υποδοβле-
 ное 97. 177.

λαγχάνω 160.
 λαγφδιον 90.
 Λάδας 91.
 Λακιδών, εν 177.
 λάλος 122.
 Λαμπώνεια 86.
 λανβάνω 98.
 -λαος, -λας 106.
 Λαρισσιός 94.
 Λαύρειον 86.
 λέγω 160.
 λειᾶναι 146.
 λείπω 160; с. gen. 170.
 Λειωντίς 84.
 Λεπτινής 104.
 Λευκοно(ι)εύς 88.
 Λεωντίς 76.
 -λεως, -λαος 106; -λεω (acc.) 105.
 ληδιον 90.
 ληγουργέω 81.
 λιβανωτ(ρ)ίς 101.
 λιμπάνω 160.
 Λυγζησται 74.
 λυπηρός 78.
 Λυσίας 74.
 λῶ(ι)ον 89.
 μ = ν 97.
 μά = μή 74.
 μακαδονίζειν 62.

μάρτυσι 115.
 Μαρωνίτης 86.
 Μασανάσσας 94.
 μάταιος 121.
 Μαύσσωλος 95.
 μεγαλοφυή 119.
 μεγάλου 184.
 μείγνομι, μίγνομι 160.
 μαικτός 86.
 Μειξιάδης 86.
 Μειξίας 86.
 Μειξιγένης 86.
 Μειξιδημος 86.
 Μειξικλῆς 86.
 Μειξικπος 86.
 μείξω 86.
 Μειξωνίδης 86.
 μείου (= -νος) 123.
 Μελησανδρος 74.
 μέλλω, πρπρασηνιε 140.
 Μενεκράτε(ι)α 82.
 Μενοκλέης 110.
 μεράρχης 106.
 μεσόγεια 100.
 Μεσόγε(ι)ος 82.
 μετά 179.
 Μεταγειττιών 86.
 μέχρι 174.
 μή **вн.** ού 183.
 μή — μήτε 183.
 μηδᾶ εἰς, μηδεῖς, μηθεῖς 131.
 μηθενί 93.
 μηθεῖς 131.
 -μι, глаголы на —, 149—155.
 μικ(ρ)ός 101.
 μιμησχω 90.
 Μινοῆται 100.
 μισθωσάντωσαν 138.
 Μιτυληναῖοι 77.
 μνᾶ 104.
 Μοιροκλέους 84.
 Μοῦνιχος, Μουνιχία, Μουνιχιών 77.
 Μουάνας 75.
 Μυήσσιοι 95.
 Μυννίακος 95.
 μυρίησι 102.
 Μυρβινοῦντη 98.

Μυρβινοῦντι 171.
 Μυραῖνη 96.
 μυστηρίοις 166.
 Μυτιληναῖοι 77.

ν, υποδοβληνιε 97; ν ἐφελευστικόν 98.
 ναοποιοί 106.
 ναός, νέως 106.
 νάω, νε νέω 149.
 Νέα πόλη 106.
 Νεάνδρε(ι)α 82.
 Νεάπολις 76.
 Νεαπολιτης, Νεαπολίτης 75.
 νεῖφω 86.
 Νεμέα 171.
 Νέμε(ι)α, τά 82.
 νένημαι (νάω) 144; (νέω) 148.
 νεώ (**внн.** п.) 105.
 Νηρῆς 81.
 νῆπος, сложныя съ —, 94.
 νικᾶν 171.
 Νικίας, Νικίας 74.
 νοτόθε 118.
 νοός 105.
 -νομι, глаголы на —, 154.
 νώ 125.
 νῶν 125.

ξ 73; = σ 101.
 ξεῖ = ξι 85.
 Ξενοκράτε(ι)α 82.
 ξέω, ξῶ 160; perf. pass. 148.
 ξύν, σύν 180.
 Ξουπεταιών 80.
 ξῶ, ξέω 160; perf. pass. 148.

Ο, названіе 72; до-Евклидово начертаніе 72; ο = α 75; = οἱ 87. 99 сл.; = ου 77; = ω 72. 76; = υ 183; основныя на -ο 105.
 'Οα(ι)εύς 79. 'Οαέω; 108.
 ὀβελεία 76. 86.
 ὀβελίσκος 76.
 ὀβολός 76.
 ὀγδόγη 88.
 ὀδα безъ члена 166.
 'Οῆσιν 118.

- οι = ο 87. 99 σλ.; = υ 88; = φ 100.
 -οι ναρβχια на —, 119.
 οἶδα 153.
 οἶει 88.
 Οἰῆθεν 88.
 οἶον 88.
 οἰκοδομαῖν, πρῶασηνιε 142.
 οἰκονομαῖν, πρῶασηνιε 142.
 οἰκτιρῶ 86. 160.
 οἰνογόη 88.
 Οἰνῆς 81.
 -οις, -οισι, δατ. πποη. τ. 105.
 ὀκτώ 129.
 ὀκτωκαίδεκα, δεκαοκτώ 130.
 ὀκτώπους 129.
 ὀλειζων 86. 123.
 ὀλίον = ὀλίγον 100.
 ὀλιωρεῖν 101.
 Ὀλυμπίασ: 118.
 ὀμηρεία 86.
 ὄμνομι 154.
 ὄνομά ἐστι 169.
 ὄντων, ἐστων 152.
 ὄνοχα, ἐπὶ τὸν —, 167.
 ὀπισθε 118.
 ὀπου 177.
 ὀπτάτιον 87.
 ὀπωπα 144.
 ὀρῶ 161.
 ὀργυ(ι)ά 89.
 Ὀρχιεύς 75.
 Ὀρχομενός 75.
 -ος, σλοβα III εκλον. на —, 111.
 -οστων, -οστων 138.
 ὄστρειον, ὄστρεον 84.
 ὄτι 181.
 ὄτου, ὄτω 126.
 Ὀτρυνῆσιν 118.
 ου κπερβοначальное 77.
 οὔ = ὀ μικρόν 72.
 οὔ = гдѣ 181.
 οὔθεις, οὔθε εἶς, οὔθεις 131.
 οὔνεκα, οὔνεκε, οὔνεκεν 177 σλ.
 οὔτινος 126.
 οὔτος κβετ̄ κлена 166.
 Ὀφρόνειον 86.
 π, κавванιε 72.
 παῖδων 171.
 παλαστή 110.
 παλαστιαῖος 122.
 Παλληνέων 80.
 Παλληνῆσιν 118.
 πανδοκεῖον 93.
 Πανόασσις 95.
 Παρατεῖς 79.
 παραρ(ρ)ύματα 94.
 κἀρέδρος 93.
 παρειληφῶ(ι)α 89.
 πᾶς 176.
 πάτριος, -ον 120.
 Πεδάριτος 80.
 πέζωργος 106.
 κπῖ, πῖ 72.
 κπῖθομαι 161.
 Πειρα(ι)εύς 79.
 Πειρεύς 80.
 Πελε(ι)άτης 82.
 πεντάμμον 129.
 πέντε 129.
 πεντεβάλανος 129.
 πεντέδραχμος 129.
 Πεντελειτκός 86.
 Πεντεληκός 81.
 Πεντελησιν 118.
 πεντέπους 129.
 πεντετηρίς 129.
 πεντέτης 130.
 πεντώβολον 76.
 πεντώρογος 76.
 πεντώροβος 76.
 περί 179.
 περικαλλῆ 113.
 Περικλέης 110.
 περιραντήριον 94.
 πέτομαι 162.
 πέφανσαι 149.
 πῆγος 107.
 Πισθέταιρος 87.
 Πλαταιαίγως 84.
 πλατέ(ι)α 83.
 κλαιν ῆ 124.
 κλαιων, κλειον 123.

-πλοῦς 105;
 Πλωθε(ι)ῶς 83.
 Πινόξ 116.
 πο(ι)εῖν 87.
 πόλει nom. dual. 112.
 πολέμαρχος 106.
 πολέοιν 107.
 πόλη 106.
 πόλις δεσз члена 166.
 Ποσειδῖον 87.
 Ποσειδῶν 114.
 Ποσειδειον 87.
 Ποσειδῶν 87.
 Ποτειδαία 86.
 Ποτειδαίτης 184.
 -πουν (-ποδα) 119.
 πρᾶος, πρᾶος 79. 90.
 πρᾶσβεις, πρᾶσβευταί 116.
 πριν ἄν 181.
 πρό, правнсь 92. 140.
 Προκλής 110.
 πρόσβορβρος 95.
 προσδεῖται, προσдег. 135.
 προσεζωνήθησαν 84.
 προσήκω 93.
 πρόσθε 118.
 προτανεία 183.
 προτέτεια 85.
 прутанέ(ι)α 82.
 прутанέ(ι)ον 82.
 Прῶννοι 95.
 πρῶρα 90.
 Πρωτοκλής 110.
 Πτελέζινος 84.
 Πυανοψίων 76.
 Πυράσιοι 78.
 ρ, перестановка 96; удвоение 94; ρ νᾶз
 ν 97; ρ послѣ ἔξ 97.
 ράjouca 84.
 ρίς 116.
 ρῥ 94. 95.
 ρσ 95.
 σ νᾶз ν 97.
 σ развннум 147 сл.

σᾶ, fem. οτᾶ σῶς 112.
 σάκ(χ)ος 84.
 σαλπικτήης, σαλπικτής, σαλπιστής 105.
 σζ = ζ 101.
 Σηλυμβριανοί 101.
 σημαίνω 149.
 σημαία, ή 100.
 Σθενελάδας 90.
 -σθῆνη(ν) 110.
 -σθην 132. 167.
 -σθων, -σθωσαν 136.
 Σίβιλλα 78.
 Σιληνός 87.
 σιρός 86.
 Σκαμβωνιδῶν, ἐν 177.
 σκέλει nom. acc. dual. 112. 185.
 Σκέλιος 95.
 σκευάζω, fut. 146.
 Σκηπίων, Σχιπίων 74.
 Σοφοκλέζους 84.
 Σπαραδόκου 75.
 σσ = ττ 61. 96.
 Στάγιρος 87.
 σταθμός, σταθμόν 116.
 στελε(ι)ός 82. 84.
 στενώτερος 125.
 στο(ι)ά 88.
 στρατεία, στρατιά 87.
 στρατηγός 166.
 στρωννύειν 154.
 συτυπέ(ι)ος 95.
 συβήνη, συβληη 74.
 συχῆ 104.
 σύλιτος 101.
 σύν, ξύν 180; въ сложныхъ словахъ 179.
 σουεργέτω, приращение 143.
 σφέτερος αὐτῶν 126.
 σφῶ 125.
 σφῶν αὐτῶν 126.
 σφῶν 125.
 σφῶζ, fut. 89; ι προσγεγρ. 161.
 σῶ(ι)ος, σῶς, σᾶ 119.
 σω(ι)ῶ fut. 89.
 τάγαθά 91 прим.
 τάγαλμα 91.

τάδελοφῶ 91.
 τάθηνᾶ, τάθηνᾶ, τάθηνᾶ 91.
 ταῖν, ταῖνδε 103 сл.
 τάκρωτήρια 91.
 τάλλα, τάλλα 91 грим.
 τάνалиσκόμενα 91.
 τάναντία 91.
 τάνδρός 91.
 ταξίарχος 106.
 τάπιτήδεια 91.
 τάπό 91.
 тарίχαι nom. dual. 112.
 тарихοπάλιον 87.
 ταρρός 95.
 τάσσω, τάττω 61.
 таύρε(ι)ος 83.
 таύταιν 103.
 τέθεικα, τέθηκα 151.
 Τειθρας, Τειθράσιος 86.
 Τεισαμένη 85.
 Τεισανδρος 85.
 Τεισάνωρ 85.
 Τειсарχος 85.
 Τεισίας 85.
 Τεισικλῆς 85.
 Τεισικράτεια 85.
 Τεισίλαος 85.
 Τεισίμαγος 85.
 Τεισίππος 85.
 τείσω 85.
 τέλε(ι)ος 82.
 τελέω, fut. 146.
 -τέλης 110.
 τέμνω 162.
 τετραίνω 146.
 τετράπου (ποδα) 119.
 τέτραχμον 101.
 τετρήρη(ν), τετρήρου(ς) 111.
 теттареσκαίδεκα 130.
 -την, -τον, οκονчаніе двоѣств. ч. 132.
 τιθημι 149; сѣ εις η εν 177.
 Τιμόθειος 84.
 τίνω 162.
 Τισσαφρένης 96. 110.
 τοιούτος 88. 127.
 τόξαρχος 106.
 τόλ = τόν 97.

-τον, την, οκονчаніе двоѣств. ч. 132.
 τοπά(ι)ον 82.
 -τος adi. verb. 139.
 τοσοῦτο(ν) 127.
 τοῦβλοῦ 91.
 τοῦνομα 91.
 τραχί nom. dual. 113.
 τρισκαίδεκα 86. 130.
 τρισκόντορος 76.
 τριήμιπόδιος 93.
 τριήραρχος 106.
 τριήρη(ν), τριήρου(ς) 111.
 τριηροπο(ι)τά 99.
 Τριμεμε(ι)εύς 83.
 τρίπους 119.
 τριτό(ι)α 88.
 τριώβλον 76.
 Τροζήνιος 100.
 τροχίλεια 86.
 ττ = σσ 61. 96.
 τουχάνω 98.
 -των, -τωνσ 138.

υ, названіе 72; υ = ι 77; = οι 88; = ο 183; = οι 88 сл.
 -υ, -υς, существ. на —, 107.
 -υα, -υια 88; = υια 139.
 ύγιᾶ, ύγιῆ 119.
 ύγία 85.
 υι 88 сл.
 υίει, двоѣств. ч. 114.
 υ(ι)ός 63. 89. 116. 185.
 ύπέρ, περί 180.
 'Υπερβόρε(ι)ος 83.
 -υς, гримлаг. на —, 113. 120.
 ύς 185.
 ύς 89. 185.
 ύφαίνω, perf. pass. 149.

φ, названіе 72.
 φαιδ(ρ)οντής 100.
 -φανης, собств. им. на —, 110.
 φαρθένα 164.
 φάρξαι 164.
 φει = φῖ 72.
 Φερκλειδη 104.
 φέρω 163.

Φερέφαττα 95.
 Φερσεφόνη 95.
 Φηγαίες 108.
 φημί 163.
 φθεισθήνωρ 86.
 Φιλᾶδης 81. 91.
 φιλόνομος, φιλονικία, φιλονικεῖν 87.
 Φλειοῦς, Φλειάσιος 65. 86.
 Φλοῦας 185.
 Φλυσιν 118.
 φρασίιν 116.
 φράττηρ, φράτωρ 116.
 φρατ(ρ)ῶν 100.
 φράττω 164.
 φρήν 116.
 φσ = ψ 73.
 Φώς 106.
 Φωκαϊκός 79. 99.
 Φωκαῖς 79. 99.
 χ, название 72; = x 93.
 Χαιρέας 74. 183.
 Χαιρελῆδης 81.
 χαίρω 164.
 χάλκη 93.
 Χαλκιδέης (-δέης) 108.
 χάλχη 93.
 Χαλχηδόνιος 93.
 -χάρης, советъ. нм. на —, 110.
 χαρήσομαι 164.
 Χαρικλής 109.
 χει = χί 72.
 χειροῖν 103. 116.
 χερνιβεῖον 86.
 Χερρόνησιος, Χερρόνησιτης, Χερρόνησος,
 χέρρος 95.

χιθών 93.
 χιθωνίσκιον 93.
 χιτών 93.
 Χλόη 88.
 χνοῦς 105.
 Χολλείδης 86.
 χοῦς 105.
 χράσθαι 164.
 χρέ(ι)α 82.
 Χρυσῆς 81.
 χρυσοχοῦς 105.
 χσ = ξ 73.

ψ, название 72; начертание до Евклида 73.
 ψηφίζεσθαι 62.

ω, начертание до Евклида 72; ω = ο
 76; = ου 77; = φ 89; -ω въ двойств.
 ч. словъ I склон. 102;—въ асс. вѣнг.
 II атт. склон. 105.

φ 59. 89.
 -φην, -φης и т. д. 137.
 ὠμωμόκειν 144.
 ων, окончание повелит. наклон. 138.
 ὠξυνο 149.
 ὠρε(θυ)α 89.
 ὠρώρειν 144.
 -ώς, предлогъ 180; союзъ 181. 182.
 -ωσαν, окончание повелит. наклон. 138
 ὡσπερ 183.
 ὡστε 181.
 ὦτε см. ἐφ' ὦτε
 ὦτινι 126.
 ὠφέλια, ὠφέλεια 87.
 ὠώδης 90.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе 57—71.

Ненадежность всякаго рукописнаго преданія. Текстъ Плавта, Саллюстія и Цицерона—57 сл. Причины, вызывающія искаженіе текстовъ. Примѣры изъ русскаго и греческаго языковъ—59 сл. Развитіе аттическаго нарѣчія и его измѣненія—60 сл. Возникновеніе такъ-называемой *χοινή*. Языкъ писателей эллинскаго періода и языкъ аттиковъ въ римское время—62 сл. Аттикисты и другіе грамматикѣ—63 сл. Недовѣріе новѣйшихъ ученыхъ къ вѣрному преданію: Флѣвіанос, *κρίνυμι*, Клотаріустра 64—66. Языкъ трагиковъ и комиковъ. Надписи—66 сл. Новѣйшіе изслѣдователи аттическаго нарѣчія—67 сл. Книга Мейстерганса—69 сл. Задача статьи—70. Методъ при рѣшеніи вопроса, что свойственно аттическому нарѣчію—71.

I. Алфавитъ.

Древнеаттическій алфавитъ—72; іоническій алфавитъ съ архонтства Евкльда—73. Знаки препинанія—73.

II. Фонетика.

Гласный а. Сохраненіе древней *α* послѣ *ε*, *ι*, *ρ*—73.

Гласный ε. 1. *Ερείλον*. Древнеатт. *ε* вм. *ι*.—74.

2. *Ετα*. Произношеніе какъ *α*. Смышеніе съ *η* и *ι*.—74.

Гласный ο. 1. *Ομήρον*.

Колебаніе между *ο* и *α*—75, *ο* и *ε*—75, *ο* и *ο*—76.

2. *Ομεγα*. Колебаніе между *ο* и *ω*—76.

3. Непервоначальное *ου*; происхожденіе, начертаніе, произношеніе—77.

Гласный ο. Перечень словъ съ колебаніемъ между *ο* и *ι*.—77; слѣды втаказма Византійцевъ въ рукописяхъ—78.

Дифтонгъ αι. Исчезновеніе *ι* передъ гласными—79.

Смышеніе *αι* съ *η* и *ι*.—79.

Дифтонгъ ει. Произношеніе первонач. и первонач. *ει*.—80.

Переходъ *η* въ *ει* и въ *ι*.—80.

Колебаніе между *ηι* и *ει*.—82.

Исчезновеніе *ι* передъ гласными—82 сл.

Вставка *ι* послѣ *ε* передъ гласными—84.

Переходъ звука *ει* въ *η*.—85.

Переходъ звука *ει* въ *ι* п смышеніе ихъ—84.

Слова, которыя слѣдуетъ писать черезъ *ει*.—85.

Слова, которыя слѣдуетъ писать черезъ *ι*.—86 сл.

Дифтонгъ *oi*. Утрата *i* передъ гласными—87 сл.

Вставка *i* послѣ *o* передъ гласными—88.

Совпаденіе съ *o*—88.

Дифтонгъ *oi*. Опущеніе *i*—88.

Дифтонги *q*, *z*, *φ*. Выпущеніе *i* въ вѣкоторыхъ словахъ—89 сл.

Утрата *i* въ произношеніи и возникшія отсюда ошибки въ рукописяхъ—90.

Элизія—91.

Кразисъ—91.

Слияніе—92.

Придыханіе—92.

Придыханіе въ серединѣ словъ 93; слѣдованіе подъ рядъ двухъ придыхательныхъ слоговъ—93.

Удвоеніе согласныхъ—93.

Звуковая группа *pp*—95; звуковая группа *tt*—96.

Перестановка плавныхъ—97 сл.

Смягченіе согласныхъ—96.

Ассимиляція носовыхъ—97 сл.

Ну *ephekkustikon*—98 сл.

Дополненія къ фонетикѣ—99 сл.

Λ и *ο* обращаются въ *α* и *ο* передъ *ι*; чередованіе *α* съ *αι*, *ο* съ *οι*; чередованіе *οι* съ *φ*; смѣшеніе *αι* съ *αι*; смѣшеніе *ε* съ *α*; замѣна *εο* черезъ *αι* въ собств. именахъ; слияніе *εο* въ *εο*; пропускъ *γ*, *ρ*; колебаніе между *σ* и *ξ*; между *α*, *ζ* и *αζ*; сокращеніе сложныхъ словъ; вставка *ι* опущеніе *ρ*.

III. Этимологія.

А. Склоненія.

I склоненіе. Род. мн. ч.—101.

Дат. мн. ч. на *-αι*, *-ηαι*, *-ρηαι*, *-φαι*, (*-λαι*)—101.

Двойств. ч. существ., прилаг., причаст., мѣстоим. и члена—102 сл.

Сонтраста I склоненія—104.

Отдѣльныя особенности I склон. а) *ἀρχοινα*, б) слова на *-ινης*, в) *καλικτήρ*—104.

II склоненіе. Дат. мн. ч. на *-οισι* и *-οις*—105.

Слитное склоненіе: *θεός* и *θεά*—105.

Аттическое склоненіе—105.

Слова на *-αρχος* (*-αρχης*)—106.

III склоненіе. Основы на *ο* и *ι* (*πόλις*, *ἄστυ*, *πῆχυς*)—106 сл.

Слова на *-ος* (ном. pl. и слитныя формы)—107 сл.

Слова на *-αλῆς*—109.

Другія собств. имена на *-ης*—110.

Нарѣцательныи им. на -ης—111.

Двойств. ч. словъ на -ος, -ις, -ης, -ευς—111 сл.

Род. множ. словъ на -ος—114.

'Απόλλων, Ποσειδών (acc. sing.)—114 сл.

Ανεσπала—115 сл.

Нарѣчій (на -αι, -ησι; ἀει—αἰεῖ; ἀσολεῖ, θεῖρα, ἐνταυθοῖ, на -θεν и -οι)—118 сл.

Прилагательныи. А. Положительная степень (на -νους, -ης, -πους; αῖος, αῖς; на -υς)—119 сл.

Прилагат. двухъ окончаній на -ος—120 сл.

В. Сравнит. степень (acc. на -ωνα=ω, gen. на -ου, κλε(ι)ων, κατότερος, στανό-τερος)—112 сл.

Мѣстоименія. Двойств. ч. личн. мѣст. 1 и 2 л.—125 сл.

Возвратн. мѣстоим.—126.

ἔτου, ἔτη, ἄττα—126.

Средній родъ отъ ὁ αὐτός, τοιοῦτος, τοσοῦτος—127.

Числительныи. Количественныи—127.

Порядковыи—131.

οὐδαίς, μηδαίς, οὐθείς, μηθείς—131.

В. Спряжение.

Глагольи. окончанія. а) Изъявительное наклоненіе—131 сл.

2 л. дв. ч. истор. вр.; 3 л. дв. истор. вр.; 1 и 2 ед. двипр. дѣйств.; 3 мн. давнopr. д. в.; 2 л. ед. ср. в. наст. и буд.; 3 мн. пр. сов. и двипр. ср. зал. на -αται и -ατο.

б) Сослагательное наклоненіе—134.

в) Желательное наклоненіе—135.

Г. наз. золич. форм жел. накл. слитн. глаг.; выпаденіе η въ дв. и мн. ч.

д) Повелительное наклоненіе; 3 множ. д. и ср. зал.—138 сл.

е) Неопредѣленное наклоненіе; слитные глаголы на α—139.

ф) Причастіе пр. сов. дѣйств. зал. женск. род.—139.

г) Глагольныи прил. на .τός—139.

Приращеніе и удвоеніе а) Слоговое приращеніе—139 сл.

Въ давнпр.—139; η вм. ε—140; προи и προε—140; ἔκτμηαι и χέκτμηαι—140.

б) Временное приращеніе—141 сл.

Переходъ εο въ ηο—141; глаголы слож. съ εὔ—142; глаголы начинающіеся съ ει—142, съ οι—142; глаг. ἀναλόω—142, ἔλχω—143, ἐξετάω—143, εἰκον—143, пр. сов. отъ ὄραω—144, приращеніе въ давнopr. при аттическ. удвоеніи—145 сл.; приращеніе въ сложн. глаголахъ—145.

в) Неправильн. приращ. въ причастіяхъ существ.—145 сл.

Производство времени: Будущее—146.

Буд. глаг. на—ίω; σκευάζω, τελῶ, χαλῶ;—ήσονται въ страд. залогѣ.

Аористъ—146 сл.

Глаголы на -αίνω и -ραίνω—146; смѣшеніе 1 и 2 аориста—146 сл.; окончанія аориста въ прош. несов. и прош. соверш.—148.

Прошедш. сов. и аористъ стр. зал.—147.

Вставка σ—147 сл.; обращеніе ν въ σ передъ μ—149.

Глаголы на-μι. 1. τίθημι, ἵημι, δίδωμι, ἵστημι—149 сл.

Наст. вр. Втор. л. ед. ч. отъ τίθημι и ἵημι—149; 3 л. множ. ч.—150.

Ед. число прош. несов.—150; оконч. -εο во 2 л. ср. зал.—150.

Аористъ: формы на κ во множ. числѣ—150.

Прош. сов.: отъ τίθημι—151, отъ ἵστημι—съ κ и безъ него—151 сл.; средн. родъ прич. ἱστάς—152; пр. сов. стр. зал. отъ καθίστημι—152, давнопрош. εἰστήκη—152.

2. εἶμι, εἴμι, φημι, οἶδα—152 сл.

3. πίμπλημι, πίμπλημι—154.

Отдѣльные глаголы—155 сл.

IV. Синтаксисъ.

А. Членъ 1. Пропускъ его въ древнее время—165. 2. а) имена лицъ—165. б) имена городовъ и странъ—165. в) имена народовъ—165. г) имена обозначающія мѣстности. е) праздники. ф) опредѣленія времени. г) должностныя лица. б) ἕς и ὄλος. 1) обозначеніе храмовъ—166.

В. Единств., множ. и двойств. ч.—167.

1) ἄλλων. 2) множ. ч. при словахъ средн. рода. 3) Двойств. ч. глагола.

4) Двойств. ч. существ. и прилагательн. 5) Множ. ч. при рѣчи о двухъ предметахъ. Исчезновеніе двойств. ч. на -α и -αι. 6) Время отъ 378—320 гг. до Р. Х. δύο и δύοιν съ двойств. и множ. ч. 7) Исчезновеніе двойств. ч. 8) Его вторичное возникновеніе.

В. Падежи—169 сл.

1. Имен. пад. Ὀνομά ἐστιν. Вольное употребленіе им. пад.—169.

2. Вин. пад. внутренняго дополненія—169.

3. Род. пад. Δεξιάς, ἀριστεράς. Род. времени. Род. при нарѣчн. Gen obli, ἐπις. Λεῖπειν и ἐλλείπειν. Два род. при ἀτοχεῖν. Παίδων и ἀνδρῶν—170 сл.

4. Дат. пад. Dat. loci, temporis, finalis; дат. при perf. pass.; ἐπαίνειν, ἐπιγράφειν; ἀρχεῖν—171 сл.

5. Аттракція—172.

Д. Времена—172.

Inf. и impreg. ptes. и aor.

Е. Наклоненіе. Неопред. накл. приказанія и цѣли—173.

Ж. Предлоги—173 сл.

202 АТТИЧЕСКОЕ НАРѢЧІЕ ПО НАДПИСЯМЪ И РУКОПИСНОМУ ПРЯДАНІЮ.

Г. Союзы—178.

1) Мѣстные. 2) Временные: ἕως и πρὶν (ἄν); ἐπειδὴν, ἐπὶν, ἐκτὺν. 3) Причинные: ἐπειδὴ ἐπεὶ, ὅτι. 4) Подсчительные: ὅτι. 5) Союзы слѣдствія: ὅτε и ἐφ' ὅτι. 6) Условныя: εἰν, ἤν. 7) Союзы дѣян: ἵνα, ὥς (ἄν), ὅπως (ἄν) съ сослаг. и желат. накл. 8) Сравнительные.

9) Отрицанія; οὐ—οὐτε, μή—μήτε; οὐκ—οὐκ.

Надписи, сохранившіяся въ литературѣ—183.

Поправки и дополненія—183.

Указатель словъ—186 сл.

Э. Вертъ.

ПАРАДОКСЪ ЗЕНОНА О ЛЕТАЮЩЕЙ СТРЕЛѢ.

(Aristot. phys. VI, 9).

Доводы Зенона Элейскаго противъ возможности движенія, дошедшіе до насъ вмѣстѣ съ возраженіями Аристотеля въ 6-й книгѣ его *Физикъ*; ἀκρόβωσις, до сихъ поръ еще не нашли себѣ рѣшительной философской оцѣнки, не смотря на то, что этотъ вопросъ не былъ оставленъ вовсе безъ вниманія въ послѣднее время. Начиная съ Баля, новѣе философы, какъ Гегель, Гербартъ и др., рѣзко расходятся въ своихъ сужденіяхъ о цѣнности Зеноновыхъ аргументовъ, и въ сущности то же старое несогласіе или недоразумѣніе между Зенономъ и Аристотелемъ остается не распутаннымъ. Вопросъ не близится къ разрѣшенію по многимъ причинамъ и, главнымъ образомъ, несомнѣнно потому, что еще не нашелъ себѣ до сихъ поръ историка. Всѣ имъ занимавшіеся ограничивались развитіемъ лишь своихъ собственныхъ взглядовъ и мнѣній, мало заботясь о томъ, чтобы выискнуть въ исторію полемики прежнихъ лѣтъ и тѣмъ самымъ выяснить основанія несогласія. Между тѣмъ внимательный обзоръ развитія этого вопроса долженъ привести къ убѣжденію, что противники Зенона не согласны съ нимъ потому, что они, ни мало не колеблясь и сами того не замѣчая, исходятъ отъ признанія непреложности основъ феноменальнаго существованія, основъ на столько привычныхъ, что онѣ кажутся намъ весьма простыми, естественными, истинными. Другіе, не успокоивая себя такою кажущоюся простотой, углубляются въ изслѣдованіе взаимныхъ отношеній этихъ основъ и въ изумленія принуждены констатировать, что Зеноновы парадоксы возбуждаютъ серьезный вопросъ о несомѣстности самыхъ основныхъ понятій нашихъ. На это не хотятъ или не умѣютъ обратить вниманія Зеноновы против-

ники. Такъ, напримѣръ, Аристотель опровергаетъ Зеновы парадоксы, основываясь на понятіи о времени и пространствѣ какъ положительныхъ величинахъ, дающихъ при послѣдовательномъ дѣленіи всегда положительныя частицы, а не частицы безъ протяженія; но такимъ образомъ Аристотель принужденъ игнорировать самую сущность понятія безконечной дѣлимости, по скольку она предполагаетъ въ концѣ концовъ величину меньшую всякой данной величины, всякой другой величины, то-есть, нуль. И это приводитъ насъ къ условному компромиссу, который какъ будто устраняетъ противорѣчіе нашихъ понятій путемъ введенія гипотетическаго понятія объ атомѣ, какъ положительной величинѣ, меньшей всякой величины, слѣдовательно, меньшей себя самой.

Вопросы, выдвинутыя уже Ксенофаномъ и Парменидомъ, въ той обостренной формѣ, которую придала имъ діалектическая ихъ постановка у Зенона, могутъ при серьезномъ изученіи служить прекраснымъ исходнымъ пунктомъ къ весьма важнымъ метафизическимъ изысканіямъ въ связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между элементарными понятіями, лежащими въ основѣ нашего разума. Таковы вопросы о совмѣстности понятій существованія, несуществованія и посредствующаго между ними понятія измѣненія или движенія, и подобнымъ же образомъ понятій единства (или цѣлостности) и множественности, между которыми необходимо признать опять еще третье, нѣчто въ родѣ движенія или измѣненія, обусловливающаго явленіе разложенія всякаго органически цѣлостнаго единаго понятія или представленія на множество частныхъ.

Но прежде чѣмъ воснуться предмета, насъ интересующаго, необходимо преодолѣть одно немаловажное затрудненіе, представляющееся въ самомъ началѣ изслѣдованія. Затрудненіе это, разрѣшеніе котораго будетъ пока нашею ближайшею цѣлью, вызывается совершенно неудовлетворительнымъ состояніемъ Аристотелева текста, въ которомъ дошелъ наиболѣе цѣнный для насъ парадоксъ Зенона Дельскаго. Это извѣстный парадоксъ, гдѣ доказывается, что летающая стрѣла неподвижна. Безъ сомнѣнія, въ неудовлетворительномъ состояніи текста именно этого парадокса слѣдуетъ видѣть также одну изъ первыхъ причинъ того страннаго явленія, что до сихъ поръ не дано прочной постановки Зенонову вопросу. Прочіе парадоксы Зенона при скептическомъ отношеніи нашихъ временъ вообще къ діалектикѣ, очень легко могли казаться слишкомъ простыми, даже

ребяческими софизмами. Такъ именно и смотрѣли на Зеноновы доводы долгое время. Парадоксъ же о летящей стрѣлѣ, останавливавшій на себѣ особое вниманіе новѣйшихъ ученыхъ, явными, не смотря на порчу текста, признаками своей философской цѣнности, подвергался всегда самымъ свободнымъ и безцеремоннымъ парафразамъ, или же исправленіямъ текста весьма легкомысленнымъ, что нисколько впрочемъ не удивительно въ виду вообще печальнаго даже и въ наше время положенія критики текста памятниковъ древней философіи. Притомъ нашъ текстъ представляетъ такъ много очевидныхъ затрудненій въ томъ видѣ, какъ онъ обыкновенно читается, что всѣ толкующіе его какъ бы боятся создавать себѣ новыя препятствія строгимъ отношеніемъ къ смыслу Зенонова разсужденія.

Текстъ указаннаго парадокса Зенона въ началѣ 9-й главы 6-й книги *Φυσικῆς ἀκρόασιως* по изданію Берлинской Академіи читается слѣдующимъ образомъ:

Zήνων δὲ παραλογίζεται:

Положеніе первое:

I. εἰ γὰρ αἰεὶ, φησιν, ἡρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται, ὅταν ᾖ κατὰ τὸ ἴσον.

Положеніе второе:

II. ἔστι δ' αἰεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν.

Заключеніе:

III. ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι ὁιστόν.

Аристотелево опроверженіе:

IV. τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ οὐγκείται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαρέτων, ὡσπερ οὐδ' ἄλλο μέγεθος οὐδέν.

То-есть:

„Зенонъ же разсуждаетъ ошибочно:

I. Если, говоритъ онъ, всегда всякій предметъ или покоится или движется, когда занимаетъ равное себѣ [мѣсто],

II. и если всегда движущійся въ пространствѣ предметъ находится въ настоящемъ,

III. то летящая стрѣла неподвижна.

IV. „Такое разсужденіе ложно, ибо время не слагается изъ настоящихъ миговъ, которые недѣлимы; равнымъ образомъ какъ и всякая другая величина [не слагается изъ недѣлимыхъ]“.

Очевидно, что основоположенія I-е и II-е недостаточны для вывода изъ нихъ заключенія (III), что „летающая стрѣла неподвижна“¹⁾.

Мы предлагаемъ слѣдующее исправленіе текста, которое надѣемся поддержать ниже доводами болѣе вѣскими, чѣмъ простое указаніе на очевидную удовлетворительность смысла текста въ исправленномъ видѣ и на вѣроятность объясненія его порчи совершенно механическою перестановкой переписчикомъ одного выраженія строкою выше и механическимъ же опущеніемъ одного слова, вслѣдствіе тождественности его со словомъ слѣдующимъ:

I. εἰ γὰρ ἀεὶ, φησὶν, ἤραμεῖ κᾶν ἢ κινᾶται,

II. ἔστι δ'ἀεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν, (ὅταν ἤ κατὰ τὸ ἴσον,) ἀκίνητον,

III. ἀκίνητον τὴν φερόμενὴν εἶναι ὁιστόν.

etc.

Мы полагаемъ, что выраженіе ὅταν ἤ κατὰ τὸ ἴσον должно было первоначально находиться во второмъ положеніи (II) послѣ словъ ἐν τῷ νῦν, что оно по небрежности писца пошло строкою выше въ конецъ перваго положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ оставалось нѣкоторое время также и во второмъ (отъ этого времени остались и слѣды въ нѣкоторыхъ текстахъ); но, когда II-е положеніе при одной изъ слѣдующихъ переписокъ подверглось порчѣ отъ опущенія стоявшаго на концѣ его сказуемаго ἀκίνητον, тождественнаго съ слѣдующимъ ἀκίνητον, которое начинало собою заключеніе (III), тогда второе положеніе потеряло смыслъ для мало-мальски толковаго читателя. Тогда нашли болѣе умѣстнымъ выкинуть слова ὅταν ἤ κατὰ τὸ ἴσον, безъ которыхъ второе положеніе получало какъ будто бы удовлетворительный самостоятельный смыслъ. Къ тому же опущеніе этихъ словъ могло находить оправданіе въ томъ, что это выраженіе находилось вѣдь уже въ первомъ положеніи и могло, казалось, попасть во второе по ошибкѣ. Что касается значенія текста въ томъ видѣ, какъ мы его предлагаемъ, то оно вполне ясно:

¹⁾ Нехязность рукописнаго преданія признается всѣми, ср. *Zeller, Die Philosophie d. Griechen*. 4 Aufl. I 547, примѣчаніе: „der Text, welcher in seiner gegenwärtigen Gestalt grosse Schwierigkeit darbietet....“ *Ferd. Schneider* въ *Philologus* XXXV, 1876, въ статьѣ „Zeno aus Elea“ стр. 627: von den beiden Stellen des Aristoteles ist die eine zu kurz (239 b 30 sqq.: τρίτος δὲ (λόγος) ὁ νῦν ῥηθεῖς, ὅτι ἢ ὁιστός φερόμενὴ ἔστηκεν. συμβαίνει δὲ κατὰ τὸ λαμβάνειν τὸν χρόνον συγκαταθεῖται ἐκ τῶν νῦν μὴ διδομένου γὰρ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμός), die andere giebt keinen verständigen Sinn; sie lautet nämlich: εἰ γὰρ ἀεὶ etc.

I-е положеніе является въ видѣ дилеммы.—Мы признаемъ для всѣхъ вещей или покой, или движеніе (и ничего средняго между ними нѣтъ).

II-е положеніе. Разсматривая движущуюся вещь въ настоящемъ (времени), мы видимъ, что она всегда, непрерывно (*ἀεί*) находится въ неподвижности, будучи на равномъ себѣ мѣстѣ (=коль скоро мы согласны, что она въ этомъ настоящемъ находится лишь на равномъ себѣ самой мѣстѣ).

III-е. Слѣдствіе. Стрѣла движущаяся неподвижна (то-есть, она покоится, такъ какъ по первому положенію можетъ быть только покой или движеніе).

Иначе: въ настоящемъ не можетъ быть движенія, такъ какъ въ настоящемъ всякій предметъ представляется занимающимъ опредѣленное, равное себѣ мѣсто, а не перемѣняющимъ мѣсто, ибо для перемѣны нужно прошедшее и будущее; настоящее же непрерывно, всегда продолжается, потому-то и летящая стрѣла всегда, все время полета не движется, или покоится.

Чтобы выяснитъ наиболѣе убѣдительно законность предложеннаго исправленія текста и, слѣдовательно, прежде всего основанія, приводящія къ этой поправкѣ, обратимся къ разсмотрѣнію имѣющихся до сихъ поръ наиболѣе выдающихся толкованій этого мѣста. При этомъ необходимо будетъ затронуть нѣкоторые вопросы, коснувшись которыхъ, мы обнаружимъ особенности Зенонова мировоззрѣнія, что послужитъ къ надлежащему уразумѣнію и оцѣнкѣ значенія занимающаго насъ парадоксизма. Мы будемъ останавливаться на прежнихъ толкованіяхъ болѣе внимательно, чѣмъ это нужно было бы при нашемъ убѣжденіи въ умѣстности нашей поправки, но мы имѣемъ въ виду по возможности исчерпать вопросъ и показать вмѣстѣ съ тѣмъ, въ какой нерѣшительности относительно предпочтенія той или другой изъ существующихъ конъектуръ должны бы мы были остаться, еслибы нельзя было найдти совершенно новаго выхода изъ затрудненія. Кромѣ того, мимоходомъ намъ представляется случай выяснитъ рѣшительнѣе нѣкоторые неопредѣленные выраженія нашего парадокса, а именно значеніе словъ „*κατὰ τὸ ἴσον εἶναι*“ и, что особенно важно, смыслъ словъ „*ἀεί... ἐν τῷ ὄντι*“, до сихъ поръ совсѣмъ превратно понимаемыхъ. Точное опредѣленіе смысла этихъ выраженій послужитъ намъ также поддержкой въ защитѣ нашей конъектуры.

Попытки, которыя сдѣланы были до сихъ поръ для истолкованія нашего текста, однѣ—безъ всякой его перемѣны въ первомъ положеніи и съ колебаніями въ редакціи втораго, другія—съ нѣкоторыми

отступленіями отъ руководснаго чтевія въ обоихъ положеніяхъ. Мы начнемъ съ попытокъ перваго рода и замѣтимъ напередъ, что всѣ онѣ по болѣе внимательномъ разсмотрѣніи рушатся при изученіи перваго же Зенонова положенія.

К. Прантль въ своемъ изданіи Физики Аристотеля съ нѣмецкимъ переводомъ ¹⁾, передавъ по нѣмецки рукописный текстъ дословно и безъ всякой претензіи на выясненіе смысла, пытается опредѣлить его въ примѣчаніи къ этому мѣсту ²⁾. Онъ допускаетъ, что аргументація Зенона приведена Аристотелемъ не въ полномъ видѣ ³⁾, что его доказательство должно было гласить приблизительно слѣдующее:

А (I-ое пол.). Если какой-либо предметъ, какъ въ одномъ моментѣ, такъ и въ слѣдующемъ содержится въ одномъ и томъ же отношеніи (ко всему остальному), „sich gleichmässig verhält“, то онъ при такомъ условіи можетъ быть только или въ постоянномъ покоѣ, или въ равномерномъ движеніи.

В (II-ое пол.). Далѣе, тѣло разсматриваемое, когда оно находится въ движеніи, напримѣръ, выпущенная изъ лука стрѣла, находится постоянно въ одинаковомъ отношеніи потому именно, что всегда находится въ извѣстномъ настоящемъ мигѣ.

С. Но въ отдѣльномъ настоящемъ мигѣ, не имѣющемъ никакой продолжительности, нѣтъ вовсе времени для того, чтобъ стрѣла могла двигаться (это положеніе, говоритъ Прантль, пропущено Аристотелемъ, какъ легко подразумеваемое).

Д. а) а такъ какъ стрѣла относится ко всему равномерно въ каждый изъ отдѣльныхъ настоящихъ миговъ, то

б) если она не движется въ одномъ изъ нихъ, такъ и вовсе ни въ какомъ не движется,

с) слѣдовательно, она стоитъ неподвижно ⁴⁾.

¹⁾ Aristoteles' acht Bücher Physik. Griechisch und deutsch mit sacherklärenden Anmerkungen, herausgegeben von Carl Prantl. Leipzig. 1854.

²⁾ Стр. 515, прим. 18 къ стр. 323.

³⁾ Diese Beweisführung des Zeno scheint vollständiger folgende gewesen zu sein...

⁴⁾ Слова Прантля: Wenn Etwas von Augenblick zu Augenblick sich gleichmässig verhält, so kann es nur entweder in steter Ruhe, oder in steter Bewegung sein; nun aber verhält sich ein in Bewegung eben begriffener Körper, wie z. B. ein abgeschossener Pfeil, gewiss darin stets gleichmässig, dass er immer in einem Jetzt sei; während eines einzelnen Jetzt aber, welches keine Ausdehnung hat, ist keine Zeit dazu, dass der Pfeil sich bewege (diesen Untersatz übergeht Ari-

Это послѣднее разсужденіе (D), или по крайней мѣрѣ главная часть его (b) также не находится въ текстѣ. Итакъ, если вѣрить Прантлю, самое существенное, что было въ Зеноновомъ паралогизмѣ, вовсе не изложено Аристотелемъ, но только подразумѣвается; тогда какъ первая часть (A и B) Прантлева переложенія, исчерпывающая, по видимому, все, что даетъ нашъ текстъ, оказывается совершенно излишнею, такъ какъ мысль, которую, по мнѣнію Прантля, хотѣлъ выразить Аристотель, вполне передается въ словахъ (C и D), прибавляемыхъ самимъ Прантлемъ и яко бы подразумѣваемыхъ Аристотелемъ.

Кромѣ этой негѣпости, толкованіе Прантля включаетъ въ себѣ еще и другія странности. Во второмъ положеніи Зенону приписывается весьма неостроумная діалектическая хитрость, а именно, будто бы онъ утверждалъ, что движущееся тѣло *sich gleichmässig verhält* потому именно, что находится всегда въ извѣстномъ настоящемъ моментѣ: пребываніе всегда въ какомъ-нибудь моментѣ, очевидно, не даетъ вовсе основанія къ заключенію объ одинаковыхъ отношеніяхъ вещи къ чему бы то ни было. Странно также и то, что Прантль въ приведенной нами его парафразѣ во второмъ положеніи (B=II) принимаетъ, по видимому, добавленіе *κατά τὸ ἴσον* послѣ словъ „ἐν τῷ νῦν“ (какъ читается въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, заимствовавшихъ это добавленіе изъ Cod. Laurentianus 87,7 ¹⁾), между тѣмъ какъ ни въ текстѣ, который онъ даетъ, ни въ переводѣ его, этихъ словъ во второмъ положеніи не значится. Вѣроятно, эти слова повадобились ему, чтобы придать хотя какой-нибудь смыслъ паралогизму, что оказалось однако очень затруднительнымъ при неправильномъ пониманіи выраженія „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“. Несомнѣнно, что самымъ слабымъ пунктомъ въ толкованіи Прантля нужно признать именно неправильное пониманіе этого выраженія, которое, какъ мы сейчасъ увидимъ, необходимо толковать въ извѣстномъ значеніи, то-есть, въ смыслѣ: „когда предметъ пребы-

stoteles als selbstverständlich); gleichmässig verhält sich aber der Pfeil in allen einzelnen Jetzt, also, wenn er in Einem sich nicht bewegt, bewegt er sich in gar keinem, also steht er.

¹⁾ Въ кодексѣ F (Laurentianus 87,7) послѣ словъ ἐν τῷ νῦν читается появившаяся приписка τῷ κατὰ τὸ ἴσον. Въ принимающіе текстъ въ этомъ видѣ, воспользовались только словами κατὰ τὸ ἴσον, оставляя безъ вниманія словечко τῷ.

васть на равномъ себѣ мѣстѣ". Причиной же, побудившей Прантля искать другаго смысла словъ „κατὰ τὸ ἴσον“, было, безъ сомнѣнія, то, что при правильномъ ихъ пониманіи все первое положеніе (I) оказывается безсмыслицей ¹⁾).

Упомянемъ мимоходомъ о толкованіи Гегеля, который понимаетъ „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι“ въ смыслѣ „im Ununterscheidbaren sein“ и также прибавляетъ слова „κατὰ τὸ ἴσον“ во второмъ положеніи (II) послѣ словъ „ἐν τῷ οὖν“. Разбирать здѣсь подробно Гегелево толкованіе, какъ ни остроумно оно, нѣтъ нужды: Гегель слишкомъ легко отнесся къ тексту Аристотеля. Для насъ достаточно упомянуть о томъ лишь, что у него совершенно игнорируется первое положеніе Зенона (I) ²⁾.

¹⁾ На неудовлетворительность толкованія Прантля указывалъ уже Цаллеръ. I^o 547 прим. 1: dass der Text... auch durch Prantl z. d. St., wie mir scheint, keine durchaus befriedigende Erklärung gefunden hat. Неосновательно однако разбиваетъ Прантль Шнейдеръ (I. с. 627), заявивъ, что Прантлево изложеніе представляеть данными, ведущія къ странному заключенію, совсѣмъ нежелательному для Зенона. „Если“, говоритъ Шнейдеръ,—„предметъ, содержащійся въ одномъ и томъ же отношеніи, какъ въ одномъ, такъ и во второмъ слѣдующемъ моментѣ, можетъ быть только или въ постоянномъ покоѣ, или въ непрерывномъ движеніи, а движущійся предметъ находится постоянно въ одинаковомъ отношеніи, находясь всегда въ настоящемъ мигѣ, то мы должны заключить, что въ настоящемъ мигѣ летящая стрѣла можетъ или двигаться, или покоиться“. Тутъ Шнейдеръ, несомнѣнно, допускаетъ логическую ошибку. Если пребываніе въ одномъ и томъ же отношеніи вообще можетъ быть въ двухъ видахъ, или въ видѣ непрерывнаго движенія, или въ видѣ постояннаго покоя, то это не значитъ вовсе, что въ каждомъ конкретномъ случаѣ вещь, находящаяся въ известномъ одинаковомъ отношеніи, можетъ и двигаться, и покоиться независимо отъ частныхъ условій этого случая.

²⁾ *Hegel's Werke*, ed. *Michelet* B. XIII *Geschichte der Philosophie* S. 323: Die dritte Form (d. h. der dritte Beweis Zeno's) ist nun, dass er sagt, „der fliegende Pfeil ruht“, und zwar deswegen, weil „das sich Bewegende immer in dem“ sich gleichen Jetzt und dem sich gleichen Hier im „Ununterscheidbaren ist“ (ἐν τῷ οὖν, κατὰ τὸ ἴσον); er ist hier, und hier, und hier. So, sagen wir, er ist immer derselbe; das nennen wir aber nicht Bewegung, sondern Ruhe; das ruht, was immer im Hier und im Jetzt ist. (Самъ авторъ ставитъ въ кавычки тѣ выраженія, которыя взяты имъ изъ текста. Все остальное представляетъ поясненіе текста и принадлежитъ самому Гегелю). Далѣе Гегель развѣиваетъ свое толкованіе. Oder es ist eben vom Pfeile zu sagen: er ist immer in demselben Raume und in derselben Zeit; er kommt nicht über seinen Raum hinaus, er nimmt nicht einen anderen, d. h. grösseren oder kleineren Raum ein. Hier ist das Anderswerden

Бартелеми Сентъ-Илеръ въ своемъ переводѣ физики Аристотеля ¹⁾, держится того же пополненнаго текста, то-есть, тоже прибавляетъ во второмъ положеніи „κατὰ τὸ ἴσον“, но понимаетъ это выраженіе совершенно правильно въ смыслѣ „на равномъ себѣ пространствѣ“ ²⁾. Посмотримъ, какіе доводы говорятъ въ пользу этого толкованія, а Бартелеми Сентъ-Илера пока оставимъ.

Въ пользу такого пониманія словъ κατὰ τὸ ἴσον говорятъ не только парафразы Θεμιστία (f. 55 b: κατὰ τὸ ἴσον αὐτῆ διαστήμα, f. 56 a: τὸ ἴσον αὐτῆ κατέχει διάστημα) ³⁾, Симплиція (f. 236 b: κατὰ τὸ ἴσον

aufgehoben; das Begrenztsein ist überhaupt-gesetzt, aber das Begrenzen ist ebenso nur Moment. Im Hier, Jetzt als solchem liegt kein Unterschied. Im Raume ist eins so gut ein Hier, als das Andere, dies hier und dies hier und wieder ein anderes u. s. f.; und doch ist das Hier immer dasselbe Hier, sie sind gar nicht verschieden von einander. Die Kontinuität, Gleichheit der Hier ist so hier geltend gemacht gegen die Meinung der Verschiedenheit. Jeder Ort ist verschiedener Ort,-- also derselbe; die Verschiedenheit ist nur gemeint. Nicht in diesen sinnlichen Verhältnissen, sondern erst im Geistigen kommt wahrhafter objectiver Unterschied vor.

¹⁾ Physique d'Aristote trad. par *Barthélemy Saint-Hilaire*. Paris. 1862.

²⁾ Такое пониманіе было распространено уже ранѣе Сентъ-Илера. (Мы не имѣемъ въ виду налагать различныя толкованія Зенонова парадоксма во временной послѣдовательности ихъ появленія, но желаемъ отмѣтить только наиболее рельефныя и серьезно обдуманныя). Изъ французскихъ предшественниковъ Сентъ-Илера упоминаемъ здѣсь толкованія Бюля и Кузена; толкованія же Целлера и Брандиса будутъ подробно рассмотрѣны ниже.

Bayle (Tome IV, art. Zénon): „Si une flèche qui tend vers un certain lieu se mouvait, elle serait tout ensemble en repos et en mouvement. Or cela est contradictoire, donc elle ne se meut pas. La conséquence de la majeure se prouve de cette façon. La flèche à chaque moment est dans un espace qui lui est égal; elle y est en repos, car on n'est point dans l'espace d'où l'on sort; il n'y a donc point de moment où elle se meuve; et si elle se mouvait dans quelques moments, elle serait tout ensemble en repos et en mouvement“.

V. Cousin (Nouveaux fragments philosophiques. Paris. 1828, p. 121): Le mouvement est identique au non mouvement. En effet, tout mouvement a lieu dans un espace qui lui est égal, c'est à dire où il a lieu au moment, où il n'a lieu; donc (comme on est toujours là où l'on est) la flèche est toujours en repos, quand elle est en mouvement (car elle n'est jamais, où elle n'est point)⁴⁾. Это толкованіе отличается весьма страннымъ пониманіемъ слова „ἴσον“, какъ будто бы разумѣлось не ἴσον τῆ φερομένης, а ἴσον τῆ φοράς.

³⁾ Cf. f. 55 b. Λέγω δὲ τὸ κατὰ τι εἶναι τὸ καὶ αὐτὸ τὸ κινούμενον καὶ τῶν μερῶν ἕκαστον ἐν ταύτῃ εἶναι καὶ ἴσῃ διαστήματι. Выраженіе „κατὰ τι“ въ 8-й главѣ (VI-й книги), въ которой относится это мѣсто Θεμιστία, означаетъ несомнѣнно то же, что въ 9-ой главѣ „κατὰ τὸ ἴσον“.

ἔστω φ̄, ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ) ¹⁾ и схолиаста codicis Regii 1853 ²⁾ (ἐν τῷ ἴσῳ τοῦ τόκῳ), но, что всего важнѣе, слова самого Зенона, цитуемыя Диогеномъ Лаертскимъ (IX, 11, 72): τὸ κινούμενον οὔτε ἐν φ̄ ἔστι τόκῳ κινεῖται, οὔτε ἐν φ̄ μὴ ἔστιν. Ту же цитату находимъ и у Секста Эмпирика (Adv. Mathemat. p. 421): καὶ μὴν ὁ περὶ κινήσεως λόγος κοικίλας πορος δάδεικται, διὰ τὸ μῆτε ἐν φ̄ τί ἐστι τόκῳ δύνασθαι κινεῖσθαι μῆτε ἐν φ̄ μὴ ἔστιν ³⁾. Зенонъ доказывалъ такимъ образомъ немислимость движенія, ссылаясь на то, что тѣло не двигается, когда находится на своемъ мѣстѣ, такъ какъ для всякаго передвиженія, хотя бы и самаго малаго, очевидно, необходимо мѣсто нѣсколько больше того, какое занимаетъ само тѣло, то-есть, для движенія тѣла, кромѣ мѣста, занимаемаго тѣломъ, необходимо еще мѣсто, гдѣ его нѣтъ. Но не можетъ же тѣло двигаться тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Особенность Зенонова взгляда та, что онъ разсматриваетъ движеніе въ настоящемъ. Въ настоящемъ же тѣло содержится только на равномъ себѣ мѣстѣ. Мы же, чтобы представить себѣ передвиженіе предмета, должны представить, что въ его, такъ сказать, распоряженіи было мѣсто нѣсколько большее, чѣмъ онъ самъ; должны непремѣнно ввѣсть два момента, одинъ настоящій, другой будущій, или одинъ прошедшій, другой настоящій. Предметъ передвигается—значитъ онъ есть здѣсь и будетъ тамъ, или онъ былъ тамъ и есть здѣсь. Представить себѣ передвиженіе предмета не въ двухъ вре-

¹⁾ Ферд. Шнейдеръ (стр. 628) находитъ, что выраженіе Симплиція „κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ“ не ясно, но что Симплицій не могъ разумѣть подъ этими словами „sich gleichmässig verhalten“. Die Stelle des Simplicius ist unklar. Versteht er unter seinem κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ „sich gleichmässig verhalten“, so sind seine Worte „τὸ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ ὃν οὐ κινεῖται“ Unsinn, denn es ist gar nicht abzusehen, warum etwas, weil es sich in dem Jetzt gleichmässig verhält, sich nicht bewegt, es kann ja sehr wohl sich darin in dem Jetzt gleichmässig verhalten, dass es sich gleichmässig bewegt. Намъ кажется, незначѣнь сомнѣваться въ томъ, что Симплицій употребилъ слова „κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ“ въ мѣтномъ значеніи; нужно только имѣть въ виду, что тѣ же слова немного выше передается выраженіемъ „ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ“.

²⁾ Cod. E. Parisiensis Regius 1853, olim Medicus. Время написанія опредѣляется въ каталогѣ въ такихъ выраженіяхъ: „Is codex saeculo decimo incunte maximam partem exaratus videtur. Ad illam vero quae manum antiquam prae se fert accessere scholia antiqua et ipsa sed non aequae omnia, ad quosdam libros perpetua, ad alios rariora. Manu recentiore scripta sunt folia ultima 106, saec. XIV.“

³⁾ Ср. также Plat. Theaet. 180. E: Μέλισσοι τε καὶ Παρμενίδαι... διανοησονται, ὅς ἐν τε πάντα ἔστι καὶ ἔστλην αὐτὸ ἐν αὐτῷ, οὐκ ἔχον χώραν ἐν φ̄ κινεῖται.

менахъ, а въ одномъ лишь настоящемъ времени мы не можемъ. Представить „теперь“, „есть“ значитъ представить находженіе, пребываніе на мѣстѣ и ничего болѣе.

Зенонъ правъ съ своей точки зрѣнія. Онъ спрашиваетъ насъ, есть ли движеніе, существуетъ ли оно. Мы отвѣчаемъ утвердительно, потому что мы убѣждены, что есть же разница между настоящимъ предмета, которому приписывается движеніе, и его прошедшимъ или будущимъ. Но есть ли прошедшее и будущее, обуславливающія движеніе? Можно ли приписать имъ существованіе въ томъ же смыслѣ, какой мы приписываемъ существованію въ настоящемъ? Это уже метафизическій вопросъ, и элеаты вполне послѣдовательно приходятъ къ отрицательному отвѣту на него.

До сихъ поръ не было еще обращено должнаго вниманія на вышеприведенныя слова Зенона, цитуемыя Діогеномъ Лаертскимъ и Секстомъ Эмпирикомъ. Никто не оцѣнилъ ¹⁾ ихъ, какъ свидѣтельство о томъ, что у Зенона, кромѣ извѣстнаго, приводимаго Аристотелемъ, опроверженія движенія, былъ еще другой подобный λόγος противъ движенія, совершенно однако независимый отъ предыдущаго по характеру построенія. Между тѣмъ эти слова могутъ служить намъ подспорьемъ въ толкованіи Аристотелева текста, не только для правильнаго уразумѣнія выраженія „κατὰ τὸ ἴσον“ въ смыслѣ „ἐν ᾧ ἔστι τόπος“, но, какъ мы увидимъ дальше, еще и въ другомъ отношеніи.

Что касается вопроса, занимающаго насъ теперь, то-есть, толкованія перваго Зенонова положенія (I), въ которомъ мы опредѣлили значеніе „κατὰ τὸ ἴσον“, то, имѣя въ виду приводимое Діогеномъ Лаертскимъ и Секстомъ Эмпирикомъ Зеноновское опроверженіе движенія, гдѣ ясно говорится, что движущееся тѣло не движется на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находится, слѣдуетъ признать наше первое подожженіе совершенно бессмысленнымъ: Зенонъ никакъ не могъ сказать, что тѣло, когда оно занимаетъ равное себѣ мѣсто, или когда оно находится на своемъ мѣстѣ, можетъ или покониться, или двигаться. Движеніе при данномъ условіи немислимо ²⁾.

¹⁾ На слова Діогена Лаертскаго указываетъ правда Ферд. Шнейдеръ (еще раньше Фр. Кернъ въ Programm des Stadtgymnasiums zu Stettin. Ostern 1874), но видитъ въ нихъ не болѣе какъ свидѣтельство, подтверждающее, что κατὰ τὸ ἴσον слѣдуетъ толковать въ мѣстномъ значеніи.

²⁾ Ср. что говоритъ Шнейдеръ (627): Uebersetzt man den Satz mit ὅταν durch: „so lange es in einem ihm gleichen Raume ist“ so ist der Folgesatz unsinnig; denn, „so lange es in einem ihm gleichen Raume ist, ruht es und bewegt sich

Можетъ однако явиться сомнѣнiе, имѣетъ ли мы достаточное основанiе отождествлять значенiе выраженiй „ἐν ᾧ ἔστι τόπος εἶναι“ и „κατὰ τὸ ἴσον εἶναι“. Первое выраженiе несомнѣнно значить „быть тамъ, гдѣ находишься“, то-есть, на вполне опредѣленномъ мѣстѣ, но послѣднее выраженiе, быть можетъ, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что тѣло занимаетъ въ пространствѣ не опредѣленное мѣсто, но нѣкоторую часть пространства себѣ равную, то-есть, попросту, тѣло имѣетъ извѣстную величину. Весьма заманчивымъ можетъ казаться такое предположенiе потому, что оно, по видимому, избавляетъ I-е положенiе отъ обвиненiя въ бессмыслицѣ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не согласится всякiй, что движущееся тѣло точно также, какъ и покоящееся, занимаетъ всегда нѣкоторую равную себѣ часть пространства, или, что то же, имѣетъ нѣкоторую величину? Однако при такомъ пониманiи словъ „κατὰ τὸ ἴσον“ I-е положенiе все-таки неудовлетворительно, потому что оно, хотя и не лишено смысла само по себѣ, будучи взято въ отдѣльности, но въ контекстѣ совершенно бессмысленно, ибо не вяжется со II-мъ положенiемъ и ничѣмъ не служитъ для заключенiя (III). Будемъ же понимать „κατὰ τὸ ἴσον“ согласно съ схолиастами (ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῶν, ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ и пр.) и съ другимъ приведеннымъ только что Зеноновымъ опроверженiемъ движенiя, гдѣ наше „τὸ ἴσον“ точнѣе опредѣляется выраженiемъ „ἐν ᾧ ἔστι“ и противоположенiемъ ему „ἐν ᾧ μὴ ἔστι“. Въ нашей задачѣ „τὸ ἴσον“—мѣсто, занимаемое тѣломъ въ покоѣ, противопоставляется нѣсколько большему мѣсту, которое должно находиться въ распоряженiи тѣла, какъ условiе для нѣкотораго его передвиженiя, то-есть, мѣсту которое равно τὸ ἴσον, ἐν ᾧ ἔστι + еще нѣкоторое хотя бы малѣйшее мѣсто ἐν ᾧ (въ данный моментъ) μὴ ἔστι.

Вернемся теперь къ толкованiю нашего мѣста Бартеlemi-Сентъ-Илеромъ. Разъ рѣшившись перевести „κατὰ τὸ ἴσον“ по примѣру схолиастовъ словами „dans un espace égal à elle-même“ (то-есть, à la chose elle même), онъ долженъ былъ признать немислимость I-го положенiя въ томъ видѣ, въ какомъ оно является въ рукописномъ текстѣ. И дѣйствительно, хотя онъ и передаетъ нашъ текстъ дословно въ своемъ переводѣ¹⁾, однако въ парафразѣ, которую пред-

nicht“. Однако въ такомъ видѣ, безъ ссылки на цитату Диогена Лаэртскаго и Секста Эмпирика, это утвержденiе не убѣдительно.

¹⁾ Томъ II, стр. 396 и сл.: „Si toute chose, dit-il, doit toujours être soit en mouvement, soit en repos, quand elle est dans un espace égal à elle-même, et si

посылаетъ переводу физики, онъ находитъ нужнымъ разложить первое положеніе Зенона на два. Одно получило у него форму дилеммы: „всякій предметъ долженъ всегда быть или въ движеніи, или въ покоѣ“, а другое (отъ котораго находимъ въ текстѣ лишь слова „ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον“) должно было, по его мнѣнію, выражать мысль, что „всякій предметъ покоится, когда онъ въ равномъ себѣ пространствѣ“¹⁾. Смыслъ получается, по видимому, вполне удовлетворительный, однако это вовсе еще не научно обоснованная поправка текста, а только совершенно произвольная парафраза.

Принятое въ послѣднее время чтеніе нашего мѣста съ поправками, предложенными Целлеромъ²⁾, также вовсе не даетъ удовлетворительнаго разрѣшенія затрудненій, представляемыхъ рукописнымъ преданіемъ.

Конъектура Целлера лишена серьезныхъ основаній, исходя главнымъ образомъ изъ парафразы Оемистія.

У Оемистія мы читаемъ³⁾:

ὅταν καὶ ὁ Ζήνων παραλογίζεται·
 I. εἰ γὰρ ἤρεμαι, φησὶν, ἄπαντα,
 ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ διάστημα,
 II. ἔστι δὲ αἰ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ
 ἴσον αὐτῷ διάστημα,
 III. ἀκίνητον ἀνάγκη τὴν οἰστόν εἶναι
 τὴν φερομένην.

Целлеръ предлагаетъ такое чтеніе Аристотелева мѣста⁴⁾:

Ζήνων δὲ παραλογίζεται.
 I. εἰ γὰρ, φησιν, ἤρεμαι πάν, ὅταν ἢ
 κατὰ τὸ ἴσον,
 II. ἔστι δ' αἰ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν
 κατὰ τὸ ἴσον,
 III. ἀκίνητον etc. по рукописному
 тексту.

tout corps qui se déplace est toujours pendant chaque instant dans un espace égal, il s'ensuit que la flèche qui vole est immobile“.

¹⁾ Томъ I, стр. 285 и сл.: „Si toute chose, disait-il, doit toujours être ou en mouvement ou en repos, et si elle est en repos quand elle est dans un espace égal à elle-même, il s'ensuit que, tout corps qui se déplace, étant à chaque instant dans un espace égal à lui-même, la flèche qui nous semble voler est cependant immobile; car, à chaque instant de sa prétendue course, elle est dans un espace égal à elle-même.“

²⁾ Чтеніе Целлера принимаетъ К. Прайтль въ своемъ критическомъ изданіи описки 1879 г. (въ Bibliotheca Teubneriana) и другіе, см. у Шнейдера стр. 628.

Еще ранѣе Целлера попытка придать смыслъ первому положенію путемъ поправки текста была сдѣлана Герлингомъ (De Zenonis Eleatici paralogismis motum spectantibus, Ch. J. Gerling. Marburgi. 1825, стр. 16). Онъ предлагалъ читать въ первомъ положеніи „ἤρεμαι ἢ κινεῖται“.

³⁾ f. 56 b.

⁴⁾ I, 547 прим. 1.

IV. τοῦτο δὲ ψεῦδος· οὐ γὰρ αἰεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον διάστημα, μᾶλλον δὲ οὐδὲ ὅλως ἐν χρόνῳ ἐστίν, ἀλλ' ἐν τῷ νῦν μόνον, καθὰ προείρηται. οὐ σύγκριται δὲ ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν, οὔτε ἐντελεχείαι τὰ νῦν ὑπάρχει· οὐδὲ μῶριον ὅλως τοῦ χρόνου νῦν, ὡσπερ οὐδὲ ἄλλο τοῦ συγκροῦς, ἀμερές τε καὶ ἀδιαίρετον μῶριον.

Выраженіе „εἶναι κατὰ τὸ ἴσον“ Целлеръ переводилъ „быть на одномъ и томъ же равномъ себѣ мѣстѣ“, „seinen Ort nicht verändern“ ¹⁾ и прельстился парафразой Θεμισтія, очевидно, благодаря тому, что въ ней I-е положеніе, въ которомъ отсутствуютъ слова „ἢ κινεῖται“, получаетъ разумный смыслъ. Но имѣлъ ли право Целлеръ отнести къ этой парафразѣ, какъ къ цѣнному источнику для возобновленія Аристотелева текста? Что такого значенія изложеніе Θεμισтія не имѣеть, явствуетъ уже изъ того, что во II-мъ положеніи у него опущены весьма важныя слова „ἐν τῷ νῦν“.

Разсужденіе Зенона получаетъ у Θεμισтія такой смыслъ: „Если всегда движущееся тѣло занимаетъ равное себѣ мѣсто (II), а занимать равное себѣ мѣсто значить быть въ покоѣ (I), то необходимо, летающа стрѣла должна находиться въ покоѣ (III)“. Еслибы такъ гласилъ подлинный текстъ Зенонова парадокса у Аристотеля, то съ нимъ никакъ не вяжется Аристотелево опроверженіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно читается по нашему рукописному преданію (τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ σύγκριται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαίρετων, ὡσπερ οὐδ' ἄλλο μέγεθος οὐδέν). Аристотель никакъ не могъ опровергать Зенона, утверждая, что онъ складываетъ время изъ недѣлимыхъ нῦν и тѣмъ самымъ лишаетъ время непрерывности, свойственной всякой величинѣ, если въ разсужденіи Зенона не было даже и помину объ нῦν, а напротивъ говорилось, что движущееся непрерывно, „αἰεὶ“ покоится въ равномъ мѣстѣ. Чтобы признать Θεμισтіевъ текстъ Зенонова парадокса въ качествѣ подлиннаго Аристотелева текста, или добросовѣстной парафразы послѣдняго, намъ пришлось бы сдѣлать предположеніе, что нашъ текстъ Аристотелева опроверженія (IV) испорченъ выпаденіемъ цѣлаго ряда словъ, которыя мы должны были бы возстановить также по Θεμισтію, а именно читать приближенно-

¹⁾ I, 548 (въ концѣ прим. 1 къ стр. 547): Das εἶναι κατὰ τὸ ἴσον erkläre ich mit Themistius und Simplicius: „in dem gleichen Raum sein“, wie vorher „seinen Ort nicht verändern“.

тельно слѣдующее: τούτο δ' ἐστὶ ψεῦδος, οὐ γὰρ [ἀεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον ἐστίν, ἀλλ' ἐν τῷ νῦν μόνον, ἀλλ' οὐ] οὐχέεται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν etc.,—предположеніе слишкомъ рискованное, и потому тексту Θεμισтіа приходится отказать въ томъ значеніи, которое ему приписываетъ Целлеръ. Правда, Целлеръ считаетъ нужнымъ восстановить опущенныя Θεμισтіемъ слова „ἐν τῷ νῦν“; но отъ такой поправки чтеніе его получаетъ характеръ крайне насильственной конъектуры. Опустить въ I-мъ положеніи неудобное „ἢ κινεῖται“ и ни въ чемъ неповинное „ἀεὶ“ по примѣру Θεμισтіа, удержать во II-мъ положеніи „ἐν τῷ νῦν“ изъ нашего текста, и „κατὰ τὸ ἴσον“ опять изъ Θεμισтіа,—что можетъ быть произвольнѣе такого врачеванія испорченнаго мѣста? Не благоразумнѣе ли уже было бы, оставивъ вовсе надежду на исправленіе текста Аристотеля, отказать отъ пользованія имъ и держаться ближе Θεμισтіева изложенія задачи подобно Брандису, который, разбирая занимающій насъ вопросъ въ своей исторіи философіи ¹⁾, вовсе не цитуетъ испорченнаго Аристотелева текста ²⁾, очевидно, считая его безнадежнымъ.

Брандисъ передаетъ задачу Зенона въ такихъ выраженіяхъ ³⁾: „движущееся должно занимать мѣсто, гдѣ оно движется, то-есть, покоится въ немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ двигается, такъ что покой и движеніе совпадаютъ“. Нельзя сказать, чтобы въ такой передачѣ Зеноновскіе доводы противъ движенія были особенно ясны и убѣдительно; но, имѣя въ виду, что, по мнѣнію Брандиса, Зеноновъ аргументъ имѣетъ отношеніе къ понятію о непрерывности движенія (*Stetigkeit der Bewegung*), мы позволимъ себѣ толковать его изложеніе въ такомъ смыслѣ: движущееся тѣло занимаетъ при движеніи извѣстное мѣсто не въ отдѣльные, прерывно слѣдующіе моменты, потому что въ такомъ случаѣ самое движеніе было бы прерывно, но, такъ какъ мы признаемъ непрерывность движенія, то движущееся непрерывно занимаетъ извѣстное мѣсто, значить—покоится. Зенонъ, слѣ-

¹⁾ *Christian Aug. Brandis*. Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie. Berlin. 1836. I Th. 415.

²⁾ На первомъ мѣстѣ Брандисъ цитуетъ текстъ Θεμισтіа f. 55 b. и хотя даже помѣщаетъ и другія цитаты Θεμισтіа и Симплиція, гдѣ есть упоминаніе объ νῦν, однако, очевидно, не признаетъ за этимъ обстоятельствомъ особаго значенія.

³⁾ ...das dritte (Argument) sich auf den Begriff der Stetigkeit der Bewegung bezieht. Das Bewegte soll zugleich den Raum, worin sich's bewegt, einnehmen d. h. in ihm ruhen und sich bewegen; so dass Ruhe und Bewegung zusammenfallen.

довательно (по Брандису), высказывалъ мнѣніе прямо противоположное Аристотелю (тому, что въ опроверженіи IV). Онъ утверждалъ, что движущееся тѣло занимаетъ равное себѣ мѣсто всегда, непрерывно, то-есть, во времени, а Аристотель—что только въ отдѣльныхъ безвременныхъ мигахъ „*tà vūn*“. Это можетъ казаться правдоподобнымъ. Но все же толкованіе Брандиса страдаетъ однимъ недостаткомъ, общимъ всѣмъ существующимъ толкованіямъ нашего мѣста, къ чему мы скоро перейдемъ. Разсмотримъ раньше еще кое-какіе доводы за и противъ цѣнности Θεμισтіева изложенія.

Любопытно, что Симплицій въ одномъ мѣстѣ¹⁾ чрезвычайно близокъ къ Θεμισтію въ изложеніи Зенонова паралогизма (исключая лишь разницы въ передачѣ I-го положенія, что въ данномъ случаѣ для насъ не важно)²⁾. Это мѣсто Симплиція гласитъ слѣдующее: (I) εἴπερ ἀνάγκη πάν ἢ κινεῖσθαι ἢ ἡρμεῖν, (II) τὸ δὲ φερόμενον αἰεὶ κατὰ τὸ ἴσον αὐτοῦ ἐστὶ, τὸ δὲ αἰεὶ κατὰ τὸ ἴσον αὐτοῦ ὃν οὐ κινεῖται· (III) ἡρμεῖ ἀρα. (IV) ψεῦδος δὲ λαμβάνει ὁ λόγος οὗτος, ὅτι αἰεὶ κατὰ τὸ ἴσον αὐτοῦ ἐστὶ τὸ φερόμενον· δέδεικται γάρ ὅτι ἐν τῷ vūn μόνον κατὰ τὸ ἴσον αὐτοῦ ἐστὶν, καὶ τοῦτο μὲν συγχωρεῖ, οὐκ ἐννοεῖ δὲ ὅτι ἐν τῷ vūn οὐδὲν οὔτα ἡρμεῖ οὔτα κινεῖται. Здѣсь во второмъ положеніи, да и во всемъ изложеніи паралогизма, также, какъ и въ изложеніи Θεμισтія, нѣтъ ни слова о „*vūn*“; за то въ опроверженіи (IV) Симплицій, подобно Θεμισтію, принужденъ напомнить Зенону, что только въ „*vūn*“, а вовсе не всегда, движущійся предметъ занимаетъ равное себѣ мѣсто. Такое совпаденіе смысла этого текста у Симплиція съ пересказомъ Θεμισтія можетъ, пожалуй, показаться знаменательнымъ. Не можетъ ли оно служить доводомъ въ пользу предположенія, что слова Θεμισтія не есть лишь парафраза нашего текста, притомъ парафраза слишкомъ свободная и поверхностная, но, что въ основаніи ихъ лежитъ цѣнный текстъ? При Θεμισтіи и Симплиціи могли существовать двѣ редакціи нашего текста: одна Аристотелева со словами „*ἐν τῷ vūn*“ во II-мъ положеніи, другая безъ нихъ, принадлежащая самому Зенону. Θεμισтіій и Симплицій, какъ будто дѣйствительно воспользовались въ разныхъ мѣстахъ разными редакціями. А именно Θεμισтіій держался чтенія безъ „*vūn*“ (во II-мъ положеніи) въ приведенномъ уже мѣстѣ (f. 55 b.),

¹⁾ p. 237 b. во второмъ его изложеніи Зеноновой задачи, вѣроятно ниже ея перваго пересказа.

²⁾ Первое положеніе читается здѣсь иначе, чѣмъ у Симплиція, но за то Θεμισтіево 1-е положеніе является здѣсь во 2-й части II-го положенія, только съ добавлением „*αἰεὶ*“.

но ниже (f. 56 a.) держался чтенія съ „νῦν“: „ἀεὶ μὲν γὰρ ἕκαστον τῶν κινουμένων ἐν τῷ νῦν τὸ ἴσον ἑαυτῷ κατέχει διάστημα, ἀλλ’ οὐ σύγκριται ἐκ τῶν νῦν ὁ χρόνος etc.“. Симплицій читаетъ II-е положеніе божь νῦν въ упомянутомъ текстѣ „εἴπερ etc.“ и со словами „ἐν τῷ νῦν“ нѣсколько выше (f. 236 b): ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν ὅτι πᾶν ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἢ κινεῖται ἢ ἡραμεῖ καὶ ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, καὶ ὅτ τὸ φερόμενον ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστὶν καθ’ ἕκαστον νῦν, ἐφκει συλλογίζεσθαι οὕτως: τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἔστιν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ, τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὄν οὐ κινεῖται, ἡραμεῖ ἄρα, ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ ἄρα φερόμενον βέλος, ἕως φέρεται, ἡραμεῖ κατὰ πάντα τὸν τῆς φορᾶς χρόνον, οὗ τί ἂν εἴη παραδοξόταρον;... ὁ Ζήνωνος λόγος ὡς ἐκ τῶν νῦν συγκριμένου τοῦ χρόνου τὴν ἀπορίαν ἐκίνησεν ὡς εἶγε μὴ τοῦτο δοθεῖν αὐτῷ, οὐκ ἔστιν ἀληθὲς ὅτι ἔστιν ἀεὶ ἐν τῷ ἴσῳ τὸ φερόμενον.

Слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что Θεμισтіѣ и Симплиціѣ пользуются разными чтеніями не въ параллельныхъ мѣстахъ, что могло бы служить явнымъ признакомъ заимствованія Симплиціемъ изъ парафраза его предшественника въ толкованіи Аристотелевской физики Θεμισтіа; но, напротивъ, тамъ, гдѣ Θεμισтіѣ выпускаетъ выраженіе „ἐν τῷ νῦν“, Симплиціѣ удерживаетъ его, и, на оборотъ, ниже, гдѣ у Θεμισтіа есть „ἐν τῷ νῦν“, у Симплиція эти слова отсутствуютъ.

Итакъ, можно предположить, что въ изложеніи самого Зенона не было и помину о „νῦν“, и что это слово впервые стало играть роль въ текстѣ, благодаря Аристотелю. Вставка „ἐν τῷ νῦν“ могла быть вовсе не намѣреннымъ искаженіемъ мысли Зенона со стороны Аристотеля, а только поясненіемъ ея въ томъ смыслѣ, какъ понималъ мысль послѣдній. Такое предположеніе находитъ, какъ будто, себѣ подтвержденіе, если обратить вниманіе на то, въ какой связи съ предыдущимъ цитуетъ Аристотель Зеноновъ парадоксъ. Въ концѣ 8-й главы VI-й книги Φυσικῆς ἀκροάσεως говорится о томъ, что движущееся тѣло занимаетъ извѣстное мѣсто безъ движенія не въ теченіе нѣкотораго времени, но въ мигѣ „ἐν τῷ νῦν“, не имѣющемъ временной продолжительности. Нѣтъ, какъ будто, ничего невѣроятнаго въ томъ, что „νῦν“, о которомъ только-что шла рѣчь, введено также въ текстъ нашего II-го положенія для разъясненія слова „ἀεὶ“ въ желательномъ для Аристотеля смыслѣ, то-есть, въ значеніи „въ каждомъ мигѣ“.

Только-что приведенные довольно соблазнительные доводы въ

пользу того, что Аристотель могъ вставить „ $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ въ подлинный Зеноновъ текстъ, гдѣ этихъ словъ не было, говорятъ, однако, лишь о возможности этого предположенія. Нужно еще доказательство необходимости его, доказательство, которое основывалось бы на невозможности допустить „ $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ въ словахъ самого Зенона. Посмотримъ же, на сколько сочетание „ $\acute{\alpha}\iota\acute{\iota}... \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ въ духѣ элеатскаго ученія.

Существующее, $\tau\acute{\omicron}\ \delta\upsilon\nu$, не можетъ, говорятъ элеаты, произойти изъ не существующаго, или въ не существующее обратиться; оно существуетъ $\acute{\alpha}\iota\acute{\iota}$, всегда, оно вѣчно¹⁾, и по этой самой причинѣ есть только настоящее, $\tau\acute{\omicron}\ \nu\acute{\omicron}\nu$, прошедшее же и будущее не возможны, такъ какъ ихъ признаніе равно утвержденію, что нѣчто существующее перестало существовать и нѣчто не существующее получить существованіе²⁾.

Слова „ $\acute{\alpha}\iota\acute{\iota}... \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ не только возможны въ устахъ элеата вообще, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма умѣстны и въ занимающемъ насъ Зеноновомъ парадоксѣ. Дѣло лишь въ правильномъ разумѣніи ихъ, и тогда наше II-е положеніе будетъ имѣть большое преимущество передъ редакціей его безъ этихъ словъ. Мы увидимъ ниже, что Зеноновъ парадоксъ, какъ онъ читается въ приведенныхъ выше текстахъThemistia и Симплиція (въ тѣхъ текстахъ, гдѣ нѣтъ $\nu\acute{\omicron}\nu$ во II-мъ положеніи) и какъ его толковалъ Брандисъ, имѣетъ одно весьма слабое мѣсто. Напротивъ, при предложенной нами поправкѣ текста и съ удержаніемъ „ $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ во II-мъ положеніи, доводы Зенона окажутся неуязвимыми, если только мы не будемъ мудрствовать лукаво въ переводѣ очень яснаго выраженія „ $\acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “. Слѣдуетъ обратить вниманіе на обстоятельство, которое играло весьма важную роль въ исторіи интерпретаціи Зенонова парадокса со временъ Аристотеля до нашихъ дней. Слова „ $\acute{\alpha}\iota\acute{\iota}... \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{\omicron}\phi\ \nu\acute{\omicron}\nu$ “ по примѣру Аристотеля всѣ послѣдующіе понимали такъ, какъ будто въ текстѣ было сказано: $\acute{\alpha}\iota\acute{\iota}...$

¹⁾ См. объ ученіи Ксенофана v. 4: $\text{Αἰεὶ δ' ἐν ταύτῳ τε μένειν κινούμενον οὐδέν. Cic. Acad. II, 37, 118: Xenophanes... unum esse omnino neque id esse mutabile et id esse deum, neque natum unquam et sempiternum; Theod. cur. gr. aff. IV, 5, p. 57 Sylb.: ... ἐν εἶναι τὸ πᾶν ἄφρα... οὐ γεννητὸν ἀλλ' αἰδίον καὶ πάντων ἀκίνητον. Plutarch. ap. Euseb. pr. ev. I, 8, 4: ... εἶναι λέγει τὸ πᾶν αἰεὶ ὁμοίον. Hippolyt. Refut. I, 14: φησὶ δὲ καὶ τὸν θεὸν εἶναι αἰδίον. Объ ученіи по этому вопросу у Парменида см. Zeller¹ I, 515 сл., объ ученіи Зенона и Мелисса ibd. 588 въ примѣч.$

²⁾ См. Parmenides v. 61—87.

ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν. Всѣ полагали, что Зенонъ имѣеть въ виду τὰ νῦν, а не τὸ νῦν¹⁾. Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что множественность τῶν νῦν можетъ быть признаваема только въ системѣ, подобной Аристотелевой, гдѣ νῦν не есть временная величина, не часть²⁾, а только предѣлъ времени „πέρας τοῦ χρόνου“³⁾, не имѣющiй никакой величины. Такой пунктъ⁴⁾ времени мы можемъ сколько угодно разъ и гдѣ угодно намѣтить въ теченiи известной временной продолжительности⁵⁾. Но изъ такихъ пунктовъ, сколько бы ихъ ни брать, мы никогда не получимъ времени, какъ непрерывной величины⁶⁾. У элеатовъ нѣтъ множества τῶν νῦν, равно какъ нѣтъ времени въ смыслѣ величины, слагающейся изъ прошедшаго и будущаго. У нихъ мировое все (τὸ ὅν, τὸ πᾶν) существуетъ въ единомъ непрерывномъ νῦν, не утекаю-

¹⁾ У Симилиция въ перечисленiи доводовъ Зенона (f. 236 b.): „καὶ ὅτι τὸ φερόμενον αἰεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστὶν καθ' ἑκαστον νῦν“, и далѣе въ пересказѣ того же положенiя: „τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ ἐστὶν“. У него же, равно какъ и у Фемистина въ изложенiи Аристотелева опроверженiя, постоянно говорится о „τὰ νῦν“. У Схолиаста Codicis Regii a. l. во II-мъ положенiя: „τὸ τοίνυν φερόμενον βέλος ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν τοῦ χρόνου καθὸ κινεῖται etc.“

Bayle: „la flèche à chaque moment est dans un espace qui lui est égal etc.“. *Cousin* также, очевидно, имѣеть въ виду многиѣ νῦν (см. текстъ его, уже приведенный). *Barthélemy Saint-Hilaire*: „toujours pendant chaque instant“. *Prantl* въ переводѣ передаетъ дословно „immerfort in dem Jetzt“, но въ примѣчанiи къ этому мѣсту говорить о многихъ νῦν: „von Moment zu Moment, in allen einzelnen Jetzt“. *Zeller*: „in jedem Augenblick“. *Schneider*: „in jedem Moment“. Гегель говорить о стрѣлѣ: „er ist hier, und hier, und hier“, предполагая тѣмъ самыми различныя jetzt und jetzt und jetzt. *Herdart* (Metaph. II, 234): „das Bewegte ruhet in jedem Punkte seiner Bahn während des Augenblicks, da es in demselben ist“, следовательно, онъ также говорить о множества τῶν νῦν.

²⁾ ...οὐδὲ μόνιον τὸ νῦν τοῦ χρόνου (Фис. ἀкр. δ. 11, 220 а. 19).

³⁾ τὸ νῦν τελευτή και ἀρχή χρόνου... τοῦ μὲν παρήκοντος τελευτή, ἀρχή δὲ τοῦ μέλλοντος (Ф. ἀкр. δ. 13, 222, а. 38); τὸ νῦν πέρας (ibid. δ. 10, 218, а. 24); τὸ νῦν ἐστὶ συνέχεια χρόνου (δ. 13, 222, а. 10).

⁴⁾ τὸ νῦν ἀδιαίρετον (Ф. ἀкр. ζ, 3, 283, b, 34), τὸ νῦν τὸ άτομον οἶον στιγμή γραμμῆς ἐστὶν (περὶ οὐρ. γ. 1, 300, а. 14).

⁵⁾ Потому что τὸ νῦν τὸν χρόνον μετρεῖ, ἢ πρότερον και ὕστερον (Ф. ἀкр. δ. 11, 219, b, 12), а предшествующее и послѣдующее можно считать съ какой угодно точки.

⁶⁾ Чтобы составить непрерывную величину, τὰ νῦν должны соприкасаться, а это не возможно, такъ какъ между двумя νῦν всегда будетъ заключаться нѣкоторое, хотя бы минимальное, время, подобно тому, какъ между двумя точками всегда заключается линiя: στιγμήν τὸ μεταξύ γραμμῆς και τῶν νῦν χρόνος (Фис. ἀкр. ζ, 1, 231, b, 9).

щемъ въ небытіе и ниоткуда не приходящемъ. Это $\omega\upsilon\nu$ есть вѣчность, но не въ смыслѣ непрестанной безконечной смѣны феноменальнаго существованія, нѣтъ, это вѣчность косная, абсолютная. Если, подобно Аристотелю, разсматривать время какъ „число движенія въ отношеніи прошедшаго и будущаго“¹⁾, то элеатское $\omega\upsilon\nu$, элеатская вѣчность, исключаяющая возможность прошедшаго и будущаго, приравняется единому безвременному мигу. Элеатское „ $\omega\upsilon\nu$ “ такимъ образомъ не есть извѣстное время въ обыденномъ смыслѣ, это лишь нѣкоторое опредѣленіе существованія, вытекающее изъ утвержденія, что есть только настоящее, то-есть, что есть только то, что есть, въ противоположность общераспространенному мнѣнію о существованіи какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошедшемъ, и въ будущемъ. Итакъ, у Зенона никоимъ образомъ не можетъ быть рѣчи о многихъ моментахъ та $\omega\upsilon\nu$. Слова „ἀεί... ἀν τῷ $\omega\upsilon\nu$ “ значатъ лишь „всегда (или вѣчно)... въ настоящемъ“, при чемъ настоящее разумѣется какъ непрерывное.

Легко предусмотрѣть весьма естественное возраженіе, что Зенонъ въ своихъ парадоксахъ не говорилъ языкомъ элеата, но становился на общепринятую точку зрѣнія и выводилъ свою мысль изъ несообразностей, открываемыхъ имъ въ обыкновенныхъ представленіяхъ. Совершенно вѣрно; но тѣмъ важнѣе занимающій насъ парадоксъ о стрѣлѣ, что въ немъ Зенонъ имѣлъ полную возможность, нисколько не измѣнивъ своему образу мыслей, вполне согласоваться и съ представленіями свойственными всѣмъ и каждому. Въ самомъ дѣлѣ, по общему представленію, все будущее переходитъ въ прошедшее черезъ настоящее, а такъ какъ переходъ будущаго въ прошедшее непрерывенъ, то и настоящее постоянно, вѣчно существуетъ. Всякая переиѣна, всякое движеніе, самая жизнь наша совершаются черезъ настоящее, которое нераздѣльно, непрерывно длится. Наши представленія отличаются отъ Зеноновыхъ лишь тѣмъ, что мы признаемъ не только существованіе вѣчнаго настоящаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе постоянного теченія будущаго въ прошедшее, чего Зенонъ, какъ строгій мыслитель, признать не можетъ. Зеноновъ парадоксъ является доказательствомъ несомѣстности нашего представленія о существованіи какъ исключительномъ достоиніи настоящаго и представленія о дѣйствительности прошедшаго и будущаго. Всякій согласится

¹⁾ ὁ χρόνος ἀριθμὸς ἐστὶ κινήσεως κατὰ τὸ πρότερον καὶ ὕστερον (Фил. ἀкр 8, 11, 219, в, 1).

съ Зенономъ, что движущійся предметъ, коль скоро мы разсматриваемъ его въ настоящемъ; находится неподвижно на равномъ себѣ мѣстѣ, ибо разъ мы представимъ себѣ малѣйшее передвиженіе, настоящаго уже мало: требуется вѣкоторое перемѣщеніе будущаго въ прошедшее. Далѣе мы признаемъ, что настоящее непрерывно, едино, что оно всегда, слѣдовательно и движущійся предметъ всегда и непрерывно недвижимъ.

Такой выводъ, вполне подтверждающій правильность зеноновской постановки вопроса, можетъ быть, правда слишкомъ несимпатиченъ съ точки зрѣнія такъ называемаго здраваго смысла, сроднившагося съ представленіемъ о движеніи какъ существующемъ, и потому можетъ возбудить невольное недоувѣріе ко всему ходу нашихъ разсужденій. Мы не будемъ однако вдаваться здѣсь въ развитіе философской стороны вопроса. Но укажемъ на три несомнѣнныя и немаловажныя приобрѣтенія, къ которымъ приводитъ наше толкованіе словъ „ἀεί... ἐν τῷ νῦν“. Одно изъ этихъ приобрѣтеній имѣетъ прямое отношеніе къ разъясненію Аристотелева текста. Всѣ переводы и пересказы, передающіе „ἀεί... ἐν τῷ νῦν“ словами „всегда... въ каждомъ настоящемъ моментѣ“ обнаруживаютъ одинъ общій, и весьма серьезный недостатокъ текста, отмѣченный у Бартеlemi Сентъ-Илера ¹⁾, но почему-то проходимый молчаніемъ у всѣхъ другихъ, не смотря на то, что бессмыслица, казалась бы, должна кидаться въ глаза каждому ²⁾: заключеніе (III) не вытекаетъ непосредственно изъ предпо-

¹⁾ Т. II стр. 395 прим. къ словамъ: „il s'ensuit.“ Evidemment cette conclusion ne ressort pas des deux hypothèses qui viennent d'être posées, et il faut y ajouter cette autre hypothèse que l'espace égal soit toujours le même espace.

²⁾ Указанный недостатокъ текста очень ясно видѣть, напримѣръ, въ слѣдующихъ изложеніяхъ парадокса. *Zeller* (I 547): So lange etwas in einem und demselben Raume ist, ruht es. Nun ist aber der fliegende Pfeil in jedem Augenblick in demselben Raume. Er ruht also in jedem Augenblick seines Fluges, also auch während des ganzen Fluges, seine Bewegung ist nur scheinbar.—*Schneider* (627): Der fliegende Pfeil ruht. Denn ein sich bewegender Körper z. B. ein abgeschossener Pfeil, nimmt immer einen ihm (dem Körper) gleichen Raum ein, er ist also in jedem Moment in einem ihm gleichen Raume. Wenn er aber in einem ihm gleichen Raum ist, so ruht er; er ruht also in jedem Moment, folglich ruht er immer. *Horbart*, (Werke ed. Hartenstein VI 284): Das Bewegte, sagte Zeno, ruhet in jedem Punkte seiner Bahn, während des Augenblicks, da es in demselben ist, also ruht es immer. *E. Dühring* (Kritische Geschichte der Philosophie 2 Aufl. 1873 стр. 42): In jedem Punkte seiner Bahn hat der Pfeil eine bestimmte fixirbare Lage und verhält sich hiedurch sich selbst gleich. Insofern er diese Lage hat, erfährt er keine Veränderung; und man hat es daher mit einer Summe von unverän-

сланныхъ ему положеній (хотя бы мы держались какой угодно изъ существующихъ парафразъ или исправленныхъ чтеній); необходимо добавить, что пространство, занимаемое движущимся предметомъ въ каждый отдѣльный моментъ, не только всякій разъ равно этому предмету, но представляетъ собою одно и то же мѣсто. Немыслимо, чтобы такое утвержденіе, вовсе не похожее на аксіому, и едва ли поддающееся серьезному доказательству, стояло первоначально въ текстѣ и потомъ выпало вмѣстѣ со всѣми доказательствами. Еще негѣроятлѣе, чтобы оно подразумевалось, такъ какъ не можетъ быть сама собою понятна мысль, способная возбудить во всякомъ недумѣніе. И однако при обыкновенномъ толкованіи нашего текста необходимо всегда подразумевать это странное положеніе. Иначе значеніе разсужденія Зенона будетъ таково: такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ моментѣ движущійся предметъ неподвижно пребываетъ на равномъ себѣ мѣстѣ, то слѣдовательно, все передвиженіе можно разсматривать какъ рядъ послѣдовательныхъ пребываній предмета на равномъ ему мѣстѣ, но въ различныхъ, конечно, частяхъ пути, то-есть, движущееся тѣло, хотя и представляется намъ всякій разъ, какъ мы обратимъ на него вниманіе, занимающимъ извѣстное мѣсто, однако это мѣсто всякій разъ другое, и въ результатѣ получается передвиженіе.

Указанный недостатокъ нашего текста вполнѣ устраняется при предлагаемомъ пониманіи словъ „ἀεί... ἐν τῷ ὄντι“. Если „ὄντι“ одно нераздѣльное и нѣчно продолжающееся, то вовсе не требуется отождествлять равныя движущемуся тѣлу пространства, занимаемымъ имъ въ каждомъ изъ множества „ὄντι“. Пребываніе „κατὰ τὸ ἴσον“ все время (ἀεί) въ одномъ непрерывномъ „ὄντι“, гдѣ нѣтъ движенія, уже означаетъ нахожденіе тѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Изложеніе Зенонова парадокса у Брандиса страдаетъ недостаткомъ совершенно однороднымъ съ тѣмъ, который мы только-что устранили въ нашемъ текстѣ. „Тѣло двигается и одновременно занимаетъ мѣсто тамъ, гдѣ двигается“, говоритъ Брандисъ;— „движеніе непрерывно, слѣдовательно, и пребываніе на мѣстѣ непрерывно, зна-

derten Lagezuständen zu thun. Eine Summe von Zuständen der unveränderten Lage oder Ruhe kann keine Bewegung ergeben. Der dialectische Begriff, auf den es bei dieser Wendung vornehmlich ankommt, ist derjenige der Gleichheit mit sich selbst oder, um moderner zu reden der Identität des Zustandes. Но вѣдь изъ идентичности состоянія въ смыслѣ постоянного пребыванія на равномъ себѣ мѣстѣ, постоянно въ равныхъ пунктахъ пути получается движеніе, а не покой!

чить—тѣло покоится^а. Но послѣднее заключеніе вовсе вѣдь не обязательно. Движущееся тѣло можетъ непрерывно занимать мѣсто тамъ, гдѣ двигается, но это мѣсто не будетъ опредѣленною частью пути, оно будетъ безпрестанно все новое и новое, такъ что тѣло, непрерывно передвигаясь, пребываетъ на всемъ протяженіи своего пути, слѣдовательно покоя не будетъ. Мы убѣждаемся такимъ образомъ, что наше чтеніе съ „ἐν τῷ κῶν“, правильно объясненное, по силѣ аргументація имѣетъ неоспоримое преимущество надъ изложеніемъ Брандиса и тѣми парафразами Θεμιστία и Симплиція, гдѣ „ἐν τῷ κῶν“ отсутствуетъ. Итакъ, второе приобритеніе, къ которому приводитъ наше пониманіе „ἀεὶ... ἐν τῷ κῶν“, есть признаніе, что упомянутые тексты Θεμιστία и Симплиція (безъ словъ „ἐν τῷ κῶν“ во II-мъ положеніи), представляя доводы недостаточные для вывода желательнаго заключенія, не могутъ считаться основанными на подлинномъ текстѣ Зенона. Если только мы не хотимъ отказаться отъ критическаго отношенія къ Зенону, то подлинный текстъ долженъ былъ заключать слова „ἐν τῷ κῶν“, потому что только эти слова сообщаютъ разсужденію Зенона характеръ полного и неотразимаго доказательства. Совпаденіе изложенія Θεμιστία съ Симплиціемъ (въ парафразахъ безъ „ἐν τῷ κῶν“ во II положеніи) должно, слѣдовательно, объяснить вліяніемъ перваго на послѣдняго. Но кто не приметъ предлагаемаго толкованія „ἐν τῷ κῶν“, тотъ не имѣетъ права пренебречь толкованіемъ нашего парадокса у Брандиса и текстами, на которыхъ послѣдній основывался (такъ какъ эти тексты даютъ никакъ не меньше смысла, чѣмъ наше мѣсто Аристотеля при обыкновенномъ разумѣніи „ἀεὶ... ἐν τῷ κῶν“, хотя бы съ допущеніемъ какой угодно изъ предложенныхъ конъектуръ для поправки текста), и долженъ остаться въ сомнѣніи относительно цѣнности Аристотелевой редакціи парадокса¹⁾.

¹⁾ Кроме того, еслибы, подобно всѣмъ прочимъ исследователямъ, не обратитъ должнаго вниманія на указанное нами обстоятельство, что пребываніе „κατὰ τὸ ἴσον“ не означаетъ вовсе пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ, то можно было бы предложить для исправленія Аристотелева текста конъектуру весьма нехитрую и гораздо болѣе естественную, чѣмъ всѣ существующія. Удивительно, какъ возможность этой конъектуры ускользнула отъ вниманія Бартеlemi Сентъ-Илера, парафраза котораго (вышеприведенная) неволью наводитъ на нее. А именно, отдѣливъ первую часть I-го положенія въ качествѣ самостоятельной дилеммы „εἰ γὰρ ἀεὶ, φησὶν ἤρμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται“, можно было бы предположить, что далѣе читались первоначально слова „καὶ ἤρμεῖ“ или „ἤρμεῖ δέ“, которыя въ такомъ контекстѣ весьма легко могли выпасть. Принявъ за-

Третье приобрѣтеніе заключается въ томъ, что только наше пониманіе словъ „ἐν τῷ νῦν“ въ смыслѣ „въ настоящемъ“ (единомъ, непрерывномъ) даетъ ключъ къ точному разумѣнію вышеупомянутаго Зеноновскаго текста изъ Діогена Лаертскаго и Секста Емпирика. Покажи́сь „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“ въ нашемъ парадоксѣ понимали какъ „ἀεὶ... ἐν ἑκάστῳ τῷ νῦν“, пока не приходило на мысль, что Зенонъ разумѣлъ лишь единое настоящее, а никакъ не множество настоящихъ мгновъ, и что это именно представленіе о единомъ настоящемъ играетъ весьма важную роль въ опроверженіи движенія; не было возможности понять цитаты Діогена и Секста Емпирика въ смыслѣ особаго, вполне выдержаннаго доказательства противъ движенія и найти въ немъ тотъ смыслъ, который мы выяснили выше. Въ самомъ дѣлѣ, свѣшлись съ мыслью, что настоящее едино, непрерывно, постоянно, мы заключаемъ, что никакой предметъ не можетъ двигаться потому, что онъ, находясь въ настоящемъ, занимаетъ только свое мѣсто, между тѣмъ какъ для движенія ему нужно мѣсто нѣсколько большее, и онъ не можетъ располагать такимъ мѣстомъ нѣсколько большимъ, ибо это значило бы, что онъ въ одно и то же настоящее время пребываетъ и тамъ, гдѣ онъ есть, и тамъ, гдѣ его нѣтъ; иначе, въ одно и то же настоящее время онъ былъ въ одномъ мѣстѣ и есть въ другомъ, или есть въ одномъ и будетъ въ другомъ.

До сихъ поръ можно было толковать эту цитату лишь съ вѣкторною натяжкой и притомъ иначе, а именно предположивъ, что Зенонъ имѣлъ въ виду Парменидово положеніе „πάν... πλέον ἐστὶν ἐόντος“¹⁾. Еслибы это было такъ, то λόγος Зенона имѣлъ бы слѣдующій смыслъ: „движущееся не можетъ двигаться тамъ, гдѣ оно есть, но нуждается въ свободномъ мѣстѣ, куда бы оно могло передвигнуться, а такого порожняго мѣста нѣтъ, такъ какъ все заполнено существующимъ“. Неудобство такого толкованія то, что въ главномъ положеніи „все заполнено существующимъ“ Зенонъ оказался бы со-

гѣмъ, по примѣру многихъ другихъ, слова „κατὰ τὸ ἴσον“ также во II-мъ положеніи, мы получали бы такой текстъ:

I. α) εἰ γὰρ αἰεὶ, φησὶν, ἤραμεῖ πάν ἢ κινεῖται

β) (καὶ ἤραμεῖ), ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον,

II. ἐστὶ δ' αἰεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν (κατὰ τὸ ἴσον),

III. ἀκίνητον τῆν φερομένην εἶναι ὁριστόν.

Бѣда только въ томъ, что во II-мъ положеніи все же кое-чего не достаетъ, потому что „κατὰ τὸ ἴσον“ не значитъ непременно „на томъ же самомъ мѣстѣ“.

¹⁾ v. 80.

всѣмъ не солидаренъ съ общераспространеннымъ представленіемъ, допускающимъ, кромѣ реального существованія, еще и пустоту ¹⁾).

Не смотря на указанныя выгоды нашего пониманія „ἀεί... ἐν τῷ κῶν“, прежде чѣмъ окончательно признать несостоятельнымъ прежнее толкованіе, мы должны еще посмотреть, не имѣло ли оно достаточныхъ основаній, если не по смыслу всего разсужденія, какъ цѣлаго (ибо смыслъ вслѣдствіе порчи текста можетъ быть сочтенъ недостаточно опредѣленнымъ по догадкамъ), то хотя бы чисто формальныхъ: въ значеніи отдѣльно взятыхъ словъ. Есть ли возможность согласиться, что значеніе, обыкновенно приписываемое словамъ „ἀεί... ἐν τῷ κῶν“ можетъ представлять содержаніе этого выраженія самого по себѣ, помимо контекста и независимо отъ выгодъ или невыгодъ, которыя обнаружатся въ результатѣ такого пониманія для всего разсужденія? Очевидно слово ἀεί понимали въ смыслѣ всякій разъ; и дѣйствительно ἀεί довольно часто встрѣчается въ такомъ значеніи: какъ и наше всегда, ἀεί означаетъ не только непрерывную продолжительность дѣйствія или состоянія, но также и правильную повторяемость, всякій разъ какъ имѣются въ наличности извѣстныя условія. Наше II-ое положеніе „ἔστι δ' ἀεί τὸ φερόμενον ἐν τῷ κῶν κατὰ τὸ ἴσον“ (будемъ пользоваться наиболѣе употребительною до сихъ поръ редакціей), въ которомъ слово ἀεί мы переводимъ „всегда, постоянно“, можно, если угодно передать и такъ: „всякій разъ движущійся предметъ въ настоящемъ находится на равномъ себѣ мѣстѣ“, или, пожалуй, такимъ образомъ: „всякій разъ, какъ мы рассматриваемъ движущійся предметъ въ настоящемъ, онъ находится на равномъ себѣ мѣстѣ“. Но слова „всякій разъ, какъ рассматриваемъ въ настоящемъ“ не могутъ быть сами по себѣ растолкованы въ смыслѣ „во всякое (отдѣльное), рассматриваемое нами настоящее“, или „во всякій отдѣльный, намѣченный нами моментъ“. Толковать въ этомъ смыслѣ II-ое положеніе можно было только съ нѣкоторою натяжкой, а именно на основаніи Аристотелева опроверженія (IV), гдѣ онъ говоритъ о сложении множества τῶν κῶν, и такимъ образомъ Зеноновскому „κῶν“ навязываетъ значеніе отдѣльнаго момента, одного изъ многихъ такихъ же самостоятельныхъ моментовъ.

Однако, какимъ образомъ Аристотель впалъ въ эту роковую

¹⁾ Представленіе пустоты имѣетъ тѣсное отношеніе къ представленію движенія. Демокритъ и другіе атомисты доказывали необходимость существованія пустоты, исходя изъ факта движенія. См. *Целлера* 4 I, 770.

ошибку, которая повела по ложному пути всѣхъ позднѣйшихъ исследователей Зенонова парадоксизма? Напомнимъ, въ какой связи съ предыдущимъ изложеніемъ приводитъ Аристотель Зеноновъ парадоксизмъ, который мы читаемъ у него въ самомъ началѣ 9-ой главѣ VI-ой книги. Въ 8-ой главѣ Аристотель доказываетъ, что нѣтъ такой малѣйшей частицы времени, въ теченіи которой предметъ, кончающій движеніе, останавливается. Представимъ себѣ, говоритъ онъ, нѣкоторую временную продолжительность, въ теченіи которой движущееся тѣло останавливается ¹⁾. Оно должно остановиться необходимо въ нѣкоторой части этого времени, а въ нѣкоторой части той части и т. д. ²⁾.

Дѣло въ томъ, что время, какъ и всякая величина, какъ вообще все непрерывное, можетъ быть дѣлимо до безконечности ³⁾. Во всякой малѣйшей частицѣ времени можетъ быть отмѣчено по меньшей мѣрѣ два мига, два $\nu\upsilon\nu$ ⁴⁾. Одно отдѣльное $\nu\upsilon\nu$ недѣлимо, но за то не имѣетъ уже свойствъ времени: это лишь предѣлъ (πέρας), грань между двумя временными величинами ⁵⁾. Чтобы тѣло покоилось, то-есть, занимало одно и то же мѣсто, нужно дѣлимое время ⁶⁾, дабы можно было сказать, что тѣло на мѣстѣ въ томъ и другомъ изъ $\nu\upsilon\nu$ ⁷⁾. Во всякомъ же отдѣльномъ мигѣ можно находиться на нѣкоторомъ мѣстѣ, но никакъ не покоиться; ибо ни двигаться, ни покоиться въ $\nu\upsilon\nu$

¹⁾ ἔστω γὰρ ἐν ᾧ πρῶτῃ ἴσταται ἐφ' ᾧ τὸ ΑΒ. τοῦτο δὴ ἀμερὲς μὲν οὐκ ἐνδέχεται εἶναι· κίνησις γὰρ οὐκ ἔστιν ἐν τῷ ἀμερεῖ διὰ τὸ κελινῆσθαι τι αὐτοῦ, τὸ δ' ἰστάμενον δέδεικται κινούμενον. (239, а, 2—5).

²⁾ ἀλλὰ μὴν εἰ διαιρετόν (ἐν ᾧ πρῶτῃ ἴσταται) ἔστιν, ἐν ὅτῳ αὐτοῦ τῶν μερῶν ἴσταται· τοῦτο γὰρ δέδεικται· πρότερον, ὅτι ἐν ᾧ πρῶτῃ ἴσταται, ἐν ὅτῳ τῶν ἔκαστου ἴσταται. ἐπεὶ οὖν χρόνος ἔστιν ἐν ᾧ πρῶτῃ ἴσταται, καὶ οὐκ ἄτομον, ἅπας δὲ χρόνος εἰς ἄπειρα μεριστός, οὐκ ἔσται ἐν ᾧ πρῶτῃ ἴσταται (239, а, 6—10).

³⁾ χρόνος δ' οὐκ ἔστι πρῶτος οὐδέ μέγεθος οὐδ' ὅλως συνεχές· οὐδέν· ἅπαν γὰρ εἰς ἄπειρα μεριστόν (239 а, 21—22).

⁴⁾ εἶτι δὲ καὶ τότε λέγομεν ἡρεμεῖν ὅταν ὁμοίως ἔχη $\nu\upsilon\nu$ καὶ πρότερον, ὡς οὐχ ἐνὶ τινι κρίνοντες ἀλλὰ δυοῖν τοῖν ἐλάχιστοι (239 а, 14—16). А такъ какъ ἡремеῖν возможно только во времени (см. ниже прим. 6), то следовательно, во всякомъ времени можно отмѣтить по меньшей мѣрѣ два $\nu\upsilon\nu$.

⁵⁾ См. цитованные выше тексты: Фос. ἀкр. δ. 13. 222 а, 10 в 33; δ. 10, 218 а 24; π. οὐρ., γ, 1, 300 а 14.

⁶⁾ ἡремеῖ καὶ κινεῖται πᾶν ἐν χρόνῳ (239 а, 20) τὸ γὰρ ἡремеῖν ἔστι τὸ ἐν τῷ ᾧ εἶναι χρόνον τινά καὶ αὐτὸ καὶ τῶν μερῶν ἕκαστον (239 а, 26—27).

⁷⁾ οὕτω γὰρ λέγομεν ἡремеῖν, ὅταν ἐν ἄλλῳ καὶ ἄλλῳ τῶν $\nu\upsilon\nu$ ἀληθῆς ἢ εἰπεῖν ὅτι ἐν τῷ αὐτῷ καὶ αὐτὸ καὶ τὰ μέρη (239 а, 27—29).

нельзя, но, несомнѣнно, въ немъ можно не двигаться и занимать нѣкоторое мѣсто; во времени же нельзя движущемуся тѣлу занимать нѣкоторое мѣсто покоя, ибо движеніе обратилось бы въ покой¹⁾.

Далѣе слѣдуетъ начало 9-й главы:

Зенонъ разсуждаетъ ошибочно, такъ какъ, признавъ, что въ вѣн движущійся предметъ неподвижно занимаетъ свое мѣсто (съ чѣмъ Аристотель соглашается), складываетъ время движенія ἐκ τῶν вѣν, то-есть, изъ миговъ, которые недѣлимы и слѣдовательно не могутъ составить никакой положительной величины.

Мы видимъ, что въ концѣ 8-й главы Аристотель нѣсколько разъ употребляетъ слово вѣν во множественномъ числѣ, разумѣя подъ вѣν отдѣльный моментъ, не время, а предѣлъ времени; онъ употребляетъ такія выраженія какъ „ἐν ἄλλφ καὶ ἄλλφ τῶν вѣν“ или „ἐν ἐνὶ μόνφ τῶν вѣν“²⁾ и подъ самый почти конецъ главы читается у него фраза, поражающая своимъ сходствомъ съ нашимъ II-мъ положеніемъ, а именно: „ἐν δὲ τῷ вѣν ἔστι μὲν αἰὶ κατὰ τι μένον“; тутъ и „ἐν τῷ вѣν“, тутъ и „αἰὶ“, тутъ и „κατὰ τι“, равнозначущее нашему „κατὰ τὸ ἴσον“, тутъ и подлежащее подразумѣвается то же самое, то-есть, „τὸ κινούμενον“, или „τὸ μεταβάλλον“; и въ этой фразѣ слова „...ἐν τῷ вѣν... αἰὶ“ имѣютъ значеніе „во всякомъ моментѣ“, такъ какъ этотъ смыслъ сообщается имъ непосредственно предшествующимъ „ἀλλ' ἐν ἐνὶ μόνφ τῶν вѣν οὐκ ἔσται (τὸ μεταβάλλον) χρόνον οὐδένα κατὰ τι, ἀλλὰ κατὰ τὸ πέραс τοῦ χρόνου“. Такимъ образомъ весь конецъ 8-й главы является подготовленіемъ (конечно, вовсе не намѣреннымъ) къ пониманію Зеноновыхъ словъ въ томъ именно смыслѣ, какъ ихъ разумѣетъ Аристотель, то-есть, будто бы Зенонъ воображалъ, что τὰ вѣν представляютъ собою конечный результатъ безконечнаго дѣленія времени передвиженія, такъ что сложеніе τῶν вѣν даетъ въ суммѣ время полета и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто бы, и покой движущагося тѣла.

Разсмотрѣвъ главнѣйшія изъ предложенныхъ до сихъ поръ толкованій и поправокъ нашего мѣста и выяснивъ значеніе недостаточно опредѣленныхъ или неправильно толкуемыхъ выраженій, постараемся

¹⁾ ἐν δὲ τῷ вѣν ἔστι μὲν αἰὶ κατὰ τι μένον, οὐ μέντοι ἡρεμεῖ· οὐτε γὰρ κινεῖσθαι οὐτ' ἡρεμεῖν ἔστιν ἐν τῷ вѣν, ἀλλὰ μὴ κινεῖσθαι μὲν ἀληθές ἐν τῷ вѣν καὶ εἶναι κατὰ τι, ἐν χρόνφ δ' οὐκ ἐνδέχεται εἶναι κατὰ τι ἡρεμοῦν (въ рукописяхъ я изданіяхъ читается κατὰ τὸ ἡρεμοῦν). συμβαίνει γὰρ τὸ φερόμενον ἡρεμεῖν (239 а, 35, b 1—4).

²⁾ 239, а, 33.

теперь указать, какимъ образомъ предполагаемый нами первоначальный текстъ подвергся портѣ, и какія еще соображенія, помимо нелѣпости всѣхъ другихъ толкованій, наводятъ насъ на поправку. Начнемъ съ I-го положенія, неудовлетворительность котораго, какъ мы видѣли, не была устранена ни натянутыми толкованіями „κατὰ τὸ ἴσον“, ни поправкой Целлера. Всего еще удачнѣе, кажется, поступилъ съ I-мъ положеніемъ Бартеlemi Сентъ-Илеръ въ своей парафразѣ, выдѣливъ, какъ самостоятельное предложеніе, первую часть его „εἰ γὰρ αἰεὶ, φησὶν, ἡρεμαῖ πᾶν ἢ κινεῖται“ и трактуя совершенно отдѣльно слѣдующія ватѣмъ слова „ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον“. Мы полагаемъ также, что въ I-мъ не было первоначально словъ „ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον“, присутствіе которыхъ теперь лишаетъ его смысла У Симплиція въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ онъ излагаетъ Зеноновъ парадоксъ; мы находимъ положеніе, соотвѣтствующее нашему I-му въ формѣ дилеммы (какъ у Бартеlemi Сентъ-Илера). Такъ въ f. 237, b парадоксъ начинается положеніемъ „εἰ κερ ἀνάγκη πᾶν ἢ κινεῖσθαι, ἢ ἡρεμαῖν“. Въ f. 236 b. парадоксъ повторяется два раза подрядъ. А именно Симплиціей передается сначала своими словами отдѣльными положенія Зенонова парадокса, которыя онъ нашелъ въ текстѣ у Аристотеля и связь которыхъ онъ, повидимому, точно не понимаетъ ¹⁾: „ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν (I), ὅτι πᾶν ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἢ κινεῖται ἢ ἡρεμαῖ καὶ (II) ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, καὶ ὅτι τὸ φερόμενον αἰεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἐστὶν καθ' ἕκαστον νῦν...“. Здѣсь первое положеніе читается въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и въ нашемъ Аристотелевомъ текстѣ; очевидно, при Симплиціѣ порча уже существовала. По видимому, неудовлетворительность смысла именно перваго положенія и была причиной, почему Симплиціей нашелъ неудобопонятнымъ Зеноново изложеніе и счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ болѣе свободной парафразѣ, которая у него слѣдуетъ за вышеприведеннымъ текстомъ въ качествѣ попытки выяснитъ ходъ разсужденія: „...ἐφ' ἧς (ὁ Ζήνων) συλλογίζεσθαι οὕτως (II) τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἐστὶν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ. τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὄν οὐ κινεῖται, ἡρεμαῖ ἄρα, ἐκινεῖται“

¹⁾ Это ясно изъ сопоставленія вступительныхъ фразъ къ перечисленію отдѣльныхъ положеній и ватѣмъ къ парафразѣ парадокса: ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβὼν ὅτι... καὶ ὅτι... καὶ ὅτι... ἵκει συλλογίζεσθαι οὕτως etc. Ср. *Barthélemy Sainte-Hilaire* въ прим. къ стр. 395 II т. *Simplicius en est embarrassé (de l'exposition de la théorie de Zénon)* et il ne semble pas être sûr de la bien comprendre.

μηδὲν ἐν τῇ νόῳ κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινουόμενον ἤρεμαί (I), ἀπειρή πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἤρεμαί. Въ этой парафразѣ, начинающейся съ изложенія II-го положенія, заключительное положеніе соотвѣтствуетъ нашему I-му, только безъ выраженія „ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον“.

Конечно, намъ могутъ возразить, что такая форма I-го положенія въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ Симплиція могла быть лишь результатомъ его собственной остроумной догадки, а вовсе не почерпнута имъ изъ авторитетнаго текста. Но обратимъ вниманіе на то, что 8-ю главу VI-й книги φυσικῆς ἀκροάζεως Аристотель начинаетъ съ положенія почти тождественнаго съ дилеммой, которую мы предлагаемъ въ началѣ нашей 9-й главы въ видѣ I-го Зенонова положенія. Восьмая глава начинается словами „Ἐπεὶ δὲ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἤρεμαί“ etc., а мы видѣли, что посьмую главу Аристотель писалъ, имѣя уже въ виду Зеноновъ парадоксъ, подъ вліяніемъ его, такъ сказать, вентилируя тотъ же вопросъ и какъ бы припоравливая свое собственное изложеніе къ выраженіямъ Зенона.

Но, чтò всего болѣе говорить за предлагаемое чтеніе I-го положенія, помимо полнѣйшей невозможности признать его удовлетвори- тельность при другихъ толкованіяхъ, такъ это то, что упомянутая дилемма нужна въ интересахъ доказательства. Собственно въ настоящемъ времени, „ἐν τῇ νόῳ“, не можетъ быть покоя, а будетъ только отсутствіе движенія, такъ какъ, чтобы можно было сказать „тѣло поконтса“, надо взять теперь и раньше, то-есть, два времени. Итакъ, Зенонъ имѣлъ право лишь отрицать движеніе стрѣлы, а не приписывать ей покой. Но неподвижность, которая не есть ни покой, ни движеніе, это—понятіе изъ области отвлеченнаго мышленія, недоступное сферѣ обыденныхъ представленій, языкомъ которыхъ хотѣлъ говорить Зенонъ. Таковыя представленія противоположаютъ движенію покой и при этомъ всякое недвиженіе съ покоемъ отождествляютъ. Предложеніе „εἰ γὰρ ἀνί... ἤρεμαί πᾶν ἢ κινεῖται“, поставленное во главѣ разсужденія, представляетъ діалектическую уловку, которая способствуетъ уразумѣнію словъ „ἀκίνητον εἶναι“ (въ заключеніи III) въ смыслѣ общепонятнаго „ἤρεμαί“, то-есть, покоиться¹⁾.

¹⁾ Такой діалектическій приѣмъ требуется лишь популярнымъ изложеніемъ парадокса. Для строго философскаго изложенія I-е положеніе, конечно, не нужно. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, не интересовавшіеся непосредственно текстомъ, потому именно и игнорировали I-е положеніе, напримѣръ, какъ мы видѣли, Гегель.

Итакъ согласимся, что къ I-му положенію слова „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“ не принадлежать. Весьма вѣроятно, что „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“ попало въ I-е положеніе лишь случайно, тогда какъ настоящее мѣсто этихъ словъ было во II-мъ положеніи послѣ словъ „ἐν τῷ ὄν“, именно тамъ, гдѣ всѣ новѣйшіе исследователи вопроса, желающіе добиться какого-нибудь смысла для нашего текста, считаютъ необходимымъ добавлять „κατὰ τὸ ἴσον“. Какой-нибудь переписчикъ ошибся строкою и „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“ явилось раньше, чѣмъ слѣдуетъ. Во II-мъ же положеніи эти слова остались своимъ чередомъ. Съ такимъ текстомъ имѣлъ дѣло Θεμιστῆς, который, видя его бессмысленность, счелъ нужнымъ исключить сомнительное, по его мнѣнію, „ἦ κινεῖται“ въ I-мъ положеніи, оставивъ въ немъ „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“, а во II-мъ исключилъ „ὅταν ἦ“, потому ли, что счелъ эти слова просто лишними для своей парафразы, подобно словамъ „ἐν τῷ ὄν“, которыя онъ тоже легкомысленно выбрасываетъ; или же „ὅταν ἦ“ показалось ему подозрительнымъ во II-мъ положеніи въ виду того, что фраза съ „κατὰ τὸ ἴσον“ въ I-мъ положеніи начинается тѣми же словами. Впослѣдствіи, вѣроятно, именно такое соображеніе повело къ исключенію всего выраженія „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“ изъ II-го положенія, которое, могло вазаться, и безъ этихъ словъ имѣло само по себѣ удовлетворительный смыслъ; и такимъ образомъ получился нашъ рукописный текстъ I-го и II-го положеній.

У Симплиція мы находимъ слѣды пользованія двумя редакціями, испорченною и старою, правильною. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Симплицій имѣлъ въ виду и парафразу Θεμιστῆς, влияние которой выразилось въ опущеніи словъ „ὅταν ἦ“ повсюду, гдѣ онъ передаетъ II-е положеніе (въ 3-хъ мѣстахъ).

Испорченнаго текста Симплицій держится въ томъ мѣстѣ, гдѣ приводитъ по пунктамъ безсвязно найденныя имъ у Аристотеля Зеноновы положенія (въ I-мъ положеніи „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“, а въ положеніи, соотвѣтствующемъ нашему II-му („ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἴσῳ“), а въ слѣдующей затѣмъ парафразѣ и во второмъ изложеніи парадокса на f. 237 b. онъ, какъ будто, руководствовался текстомъ, гдѣ „ὅταν ἦ κατὰ τὸ ἴσον“ было лишь во II-мъ положеніи. Особенное вниманіе, которое Симплицій оказываетъ тексту, считаемому нами испорченнымъ, предпосылая своей парафразѣ передачу его несовсѣмъ аснаго и связнаго содержанія, можетъ быть объяснено тѣмъ, что, вѣроятно, только этотъ испорченный текстъ да Θεμιστῆςева парафраза были подъ рукой у Симплиція въ то время, когда онъ писалъ свой пере-

сказъ физики Аристотеля. Но когда-нибудь раньше Симплицій имѣлъ случай прочесть Зеноновъ парадоксъ въ другомъ не испорченномъ текстѣ и не могъ уже на столько забыть основные пункты доказательства, чтобъ не сумѣть воспроизвести ихъ вполне вѣрно, хотя бы своими словами въ парафразѣ, чтò онъ, по нашему мнѣнiю, и сдѣлалъ вполне удачно. Мы разумѣемъ парафразу на f. 236 b, изложенiе же парадокса на f. 237 b, какъ повторенiе уже сказаннаго и притомъ повторенiе не по иниціативѣ самого Симплиція, а лишь для того, чтобы воспроизвести такое же повторенiе у Аристотеля, не было столь важно, и потому сдѣлано было небрежиѣе. Тутъ мы видимъ во II-мъ положенiи и въ опроверженiи слѣды заимствованiя изъ парафразы Θεμιστiα.

Послѣ Симплиція мы не находимъ уже слѣдовъ отъ первоначальнаго чтенiя (то-есть, безъ перестановки „*εταυ etc.*“). Текстъ же, которымъ пользовался Θεμιστiη (то-есть, съ повторяющимся въ I-мъ и II-мъ положенiяхъ „*κατά τὸ ἴσον*“) читался еще схолиастомъ *codicis Regii*. У него I-ое и II-ое положенiя разъясняются такою парафразой: „(I) ἄκου, φησὶν, ἐν τῇ ἑαυτοῦ τόκῳ ὑπάρχον ἢ ἡρεμεῖ ἢ κινεῖται, ἀδύνατον δὲ ἐν τῇ ἑαυτοῦ κινεῖσθαι, ἡρεμεῖ ἄρα, (II) τὸ τοῖνον φερόμενον βέλος ἐν ἑκάστῳ τῇ νῦν τοῦ χρόνου, καθὼ κινεῖται ἐν τῇ ἑαυτοῦ τόκῳ ὑπάρχον ἡρεμῆσαι“. Послѣднiе слѣды того же чтенiя находимъ въ *cod. Laurent.* 87, 7 (14-го вѣка)¹⁾, гдѣ во II-мъ положенiи послѣ „*ἐν τῇ νῦν*“ приписаны другою рукою слова „*τῇ κατὰ τὸ ἴσον*“, и въ латинскомъ переводѣ XV вѣка, принадлежащемъ Иоанну Аргиропилу Византийскому²⁾, гдѣ мы читаемъ: „*Zeno vero grave ratiōtinatur, dicit enim, si semper omne quiescit, aut movetur, cum est in sibi aequali, id autem quod fertur est in sibi aequali spatio in ipso nunc semper. etc.*“)

¹⁾ См. у *Bandini*: *Codex Graecus papyraceus Ms. in 4 maiori, saeculi XIV Joannicli manu, ut videtur exaratus etc.*

²⁾ Иоаннъ Аргиропилъ прiѣхалъ въ Италию въ 1434 г. и жилъ сначала въ Падуѣ, потомъ съ 1456 г. во Флоренціи, а съ 1480 г. въ Римѣ.

³⁾ Впрочемъ, остается подъ сомнѣнiемъ, основывался ли переводъ Аргиропила и приписка упомянутаго кодекса на какомъ-нибудь древнемъ, не дошедшемъ до насъ кодексѣ, или же чтенiе съ „*κατὰ τὸ ἴσον*“ въ обоихъ положенiяхъ исчезло гораздо ранѣе, и о немъ свидѣтельствуютъ лишь рассмотрѣнныя нами древнiя парафразы. Намъ неизвѣстно также, къ какому времени относится приписка Лаврентiанскаго кодекса, и потому мы не можемъ рѣшить, были ли независимы другъ отъ друга исправленное чтенiе этого кодекса и переводъ Аргиропила, исходя изъ общаго, либо разныхъ древнихъ источниковъ; или же здѣсь

Что касается восстанавливаемого нами въ концѣ II-го положенія „ἀκίνητον“, то выпаденіе этого слова должно было случиться послѣ перестановки „ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον“, такъ какъ „ἀκίνητον“ было еще въ текстѣ, которымъ пользовался Симплицій, о чемъ свидѣлствуетъ то, что во всѣхъ трехъ мѣстахъ Симплиція, касающихся нашего II-го положенія, мы находимъ выраженія вполне однозначущія съ добавляемымъ нами. Важнѣе всего то мѣсто на f. 236 b, гдѣ приводятся по пунктамъ положенія Зенона. Нашему II-му положенію тутъ соотвѣтствуютъ двѣ фразы, изъ которыхъ первая „καὶ ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ κῶν κινεῖται“ отвѣчаетъ приблизительно одной части нашего положенія „ἔστι δ' αἰεὶ τὸ φερόμενον ἐν τῷ νῦν... ἀκίνητον“, а другая фраза „καὶ ὅτι τὸ φερόμενον αἰεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἔστι καθ' ἕκαστον νῦν“ передаетъ содержимое въ остальной части нашего II-го положенія, то-есть, указываетъ причину постоянного покоя въ настоящемъ времени. Расчлененіе II-го положенія на два и неправильное отнесеніе „αἰεὶ“ къ словамъ „ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἔστι“, а не къ „οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται“, объясняется ложнымъ пониманіемъ „ἐν τῷ νῦν“ и желаніемъ разъяснить эти слова въ смыслѣ „καθ' ἕκαστον νῦν“.

Тѣ же, но только болѣе распространенныя, два положенія, соотвѣтствующія нашему II-му, находимъ въ парафразѣ, которая непосредственно слѣдуетъ за только-что приведенными словами: „ἐφ' ἧς συλλογίζεσθαι οὕτως· τὸ φερόμενον βέλος ἐν παντὶ τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἔστιν, ὥστε καὶ ἐν παντὶ τῷ χρόνῳ (чему соотвѣтствуетъ выше „αἰεὶ ἐν τῷ ἴσῳ αὐτῷ ἔστιν καθ' ἕκαστον νῦν“), τὸ δὲ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ

одинъ отъ другаго, ибо возможно, что Аргиропилъ въ бытность свою во Флоренціи (1456—1480 гг.) пользовался упомянутымъ кодексомъ, и что въ то время въ немъ уже была приписка; или что приписка принадлежитъ самому Аргиропилу, почеркнувшему эту поправку изъ другаго источника; или же Аргиропилъ вовсе не имѣлъ въ рукахъ этого кодекса, и приписка принадлежитъ кому-нибудь другому, читавшему переводъ Аргиропила. Последнее предположеніе кажется намъ наиболѣе правдоподобнымъ. Еслибы приписка Лавренціанскаго кодекса основывалась непосредственно на указанныхъ схолияхъ, или на какомъ-нибудь не дошедшемъ до насъ текстѣ, сохранившемъ во II-мъ положеніи выраженіе со словами „κατὰ τὸ ἴσον“, то мы ожидали бы послѣ „ἐν τῷ νῦν“ восстановленіе именно этого выраженія (съ „ὅταν ἢ“ или безъ этихъ словъ); между тѣмъ въ Лавренціанскомъ кодексѣ читается „ἐν τῷ νῦν τῷ κατὰ τὸ ἴσον“. Появленіе „τῷ“, никакимъ текстомъ не оправдываемого, можетъ быть объяснено лишь предположеніемъ, что приписанныя слова были переводомъ латинскаго текста, а не прямымъ заимствованіемъ изъ греческаго.

ἴσον ἑαυτῷ ὃν οὐ κινεῖται ἤρεμεῖ ἄρα, ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἤρεμεῖ", (все это не что иное, какъ многословное развитіе мысли „ὅτι οὐδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται"). Далѣе слѣдуетъ заключительное положеніе, отвѣчающее, какъ мы видѣли, нашему I-му: „ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἤρεμεῖ“.

Мы замѣчаемъ, что приведенная парафраза Симплиція по ходу разсужденія весьма близка къ нашему толкованію Аристотелева мѣста; вредитъ ей только излишнее многословіе автора да неправильное пониманіе „ἀεὶ... ἐν τῷ νῦν“. Мы подставимъ эти слова вмѣсто ихъ парафразы „ἐν παντί τῷ νῦν“ и заключимъ въ скобки нѣкоторыя, совершенно излишнія для смысла, разъяснительныя повторенія, и тогда будетъ очевидно, что построеніе парадокса въ этой параграфѣ Симплиція покоится на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, которыя мы выяснили въ изслѣдованіи исторіи Аристотелева текста, и отличается отъ предложеннаго нами чтенія только размѣщеніемъ положеній.

- II. а) τὸ φερόμενον βέλος ἀεὶ ἐν τῷ νῦν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἔστιν, ὥστε καὶ ἐν παντί τῷ χρόνῳ.
 б) τὸ δὲ (ἐν τῷ νῦν) κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὃν οὐ κινεῖται, ἤρεμεῖ ἄρα (ἐπειδὴ μηδὲν ἐν τῷ νῦν κινεῖται, τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἤρεμεῖ),
 I. ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἤρεμεῖ,
 III. τὸ ἄρα φερόμενον βέλος ἕως φέρεται ἤρεμεῖ κατὰ πάντα τὸν τῆς φορᾶς χρόνον.

Въ третьемъ мѣстѣ Симплиція на р. 237 b, гдѣ вторая часть II-го положенія читается: „τὸ δὲ ἀεὶ κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ὃν οὐ κινεῖται ἤρεμεῖ ἄρα“, также находимъ въ послѣднихъ словахъ передачу нашего „ἔστι... ἀκίνητον“.

Наконецъ въ параграфѣ схолиаста codicis Regii II-е положеніе читается: „τὸ τοῖνον φερόμενον βέλος ἐν ἐκάστῳ τῷ νῦν τοῦ χρόνου, καθὼς κινεῖται ἐν τῷ ἑαυτοῦ τόπῳ ὑπάρχον ἤρεμῆσαι“. Нашему „ἔστι... ἀκίνητον“ здѣсь, очевидно, отвѣчаетъ „ἤρεμῆσαι“.

Въ заключеніе для удобства проверки правильности нашего пользованія источниками помѣщаемъ здѣсь слѣдующую снотитическую таблицу всѣхъ текстовъ, относящихся къ нашей задачѣ.

		I-ο ποσοσημείο.
239 h. 5 sqq.	Во всякъ рукописѣ. Ζήνων δὲ παραλογίζεται.	εἰ γὰρ αἰεὶ φησὶν, ἡρεμεῖ πᾶν ἢ κινεῖται, ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον,
	Въ cod F (Laur. 87.7), читая τῷ κατὰ τὸ ἴσον, принадлежало позднѣйшей рукѣ.	id.
	Zenon vero prave ratiocinatur,	dicit enim, si semper omne quiescit aut movetur cum est in sibi aequali,
239 h. 30 sqq.	τρίτος δὲ (λόγος περὶ κινήσεως) ὁ νῦν ῥηθείς, ὅτι	
Themistius f. 55 b.	οὕτω καὶ ὁ Ζήνων παραλογίζεται.	εἰ γὰρ ἡρεμεῖ, φησὶν, ἅπαντα, ὅταν ἢ κατὰ τὸ ἴσον αὐτῷ διάστημα,
Them. f. 56 a.		

II-ο ποζοζονεο.	Ζαμκλωσηο (III).	Οπρωεργηοε Αρκτο- ταη (IV).
αι δ' αει το φερόμενον εν ι νυν,	ἀκίνητον τὴν φερομένην εἶναι οἰστών·	τοῦτο δ' ἐστὶ ψεῦδος· οὐ γὰρ σύγ- κειται ὁ χρόνος ἐκ τῶν νῦν τῶν ἀδιαίρετων, ὡς περ οὐδ' ἄλλο μέγε- θος οὐδέν.
αι δ' αει το φερόμενον εν ι νυν τωι κατὰ το ἴσον	id.	id.
autem quod fertur est sibi aequali spatio, ipso nunc semper	immutabilem eam esse sa- gitam quae fertur etc.	id.
	ἡ οἰστός φερομένη ἔστηκεν·	συμβαίνει δὲ κατὰ τὸ λαμβίνειν τῶν χρόνον συγκείσθαι ἐκ τῶν νῦν, μὴ οἰδομένου δὲ τούτου οὐκ ἔσται ὁ συλλογισμός.
δε αει το φερόμενον ι το ἴσον εαυτωι δια- μα,	ἀκίνητον ἀνάγκη τὴν οἰστόν εἶναι τὴν φερομένην·	τοῦτο δὲ ψεῦδος· οὐ γὰρ αἰεὶ τὸ φερόμενον κατὰ τὸ ἴσον διάστημα, μᾶλλον δὲ οὐδὲ ὅλως ἐν χρόνῳ ἐστίν, ἀλλ' ἐν τῷ νῦν μόνον, καθά πρᾶξιρηται· οὐ σύγκεται δὲ ὁ χρό- νος ἐκ τῶν νῦν, οὔτε ἐντελεχίαι· τὰ νῦν ὑπάρχει, οὐδὲ μόνον ὅλως τοῦ χρόνου νῦν, ὡς περ οὐδὲ ἄλλο τοῦ συνεχοῦς ἀμερές τε καὶ ἀδιαί- ρετον μόνον.
αι εν γαρ εκαστον των μενων εν τωι νυν το εαυτωι κατεχει τημα,		ἀλλ' οὐ σύγκεται ἐκ τῶν νῦν ὁ χρόνος οὔτε εἰς τὰ νῦν διαίρεται, μὴ συγχωρουμένου δὲ τούτου οὐ πρόκειν ὁ συλλογισμός.

Simplicius f. 236 b.	ὁ δὲ Ζήνωνος λόγος προλαβών.	I-ε ποκοσημία.
	ἐπιχειρολογεῖται οὕτως·	ὅτι πᾶν, ὅταν ἦ κατὰ ἴσον ἑαυτῷ, ἢ κινεῖται ἡρεμῶν,
		τὸ δὲ μὴ κινούμενον ἡρε- μῶν ἐπειδὴ πᾶν ἢ κινεῖται ἢ ἡ- ρεμῶν.
Simpl. f. 237 b.		εἴπερ ἀνάγκη πᾶν ἢ κινε- σθαι ἢ ἡρεμῶν.
Schol. Cod. Reg. 1853 ad. l.	Ζήνων δὲ παραλογίζεται·	ἄπαν, φησὶν, ἐν τῷ ἐπι- τόκῳ οὐκ ἔχον ἢ ἡρεμῶν κινεῖται, ἀδύνατον δὲ ἐν ἑαυτοῦ κινεῖσθαι, ἡρεμῶν ἢ

Π-ε ποζομηνίε.

ι δτι ούδεν εν τωϊ νυν
νεϊται, και δτι τὸ φερό-
νον δει εν τωϊ ἴσωι
τωϊ ἔστιν καθ' ἕκαστον

φερόμενον βέλος εν παντι
ι νυν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυ-
τῷ ἔστιν, ὡστε και εν
ντι τωϊ χρόνωι, τὸ δε εν
ι νυν κατὰ τὸ ἴσον ἑαυ-
τῷ οὐ κινεϊται, ἡρε-
ι ἄρα, ἐπειδὴ μηδεν εν
ι νυν κινεϊται,

Βαμλποχηνίε (ΠΙ).

τὸ ἄρα φερόμενον βέλος ἕως
φέρεται ἡρεμῆι κατὰ πάντα
τὸν τῆς φορᾶς χρόνον.

Οπρὸψηρηνίε Αρκοτο-
τολη (ΙΥ).

οὐ τί ἄν εἶη παραδοξότερον;... ὁ
Ζήνωνος λόγος ὡς ἐκ τῶν νυν συγ-
κειμένου τοῦ χρόνου τὴν ἀπορίαν
ἐκίνησεν ὡς εἶγε μὴ τοῦτο δοθεῖη
αὐτῷ, οὐκ ἔστιν ἀληθές ὅτι ἔστιν
ἀει εν τωϊ ἴσωι τὸ φερόμενον.

δε φερόμενον ἀει κατὰ
ἴσον ἑαυτῷ ἔστι, τὸ
ἀει κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ
οὐ κινεϊται.

ἡρεμῆι ἄρα.

ψευδὸς δε λαμβάνει ὁ λόγος οὗτος
ὅτι ἀει κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ ἔστι
τὸ φερόμενον· δέδεικται γὰρ ὅτι εν
τωϊ νυν μόνωι κατὰ τὸ ἴσον ἑαυτῷ
ἔστιν, και τοῦτο μὲν συγχωρεῖ, οὐκ
ἐννοεῖ δε ὅτι εν τωϊ νυν οὐδεν οὔτε
ἡρεμῆι οὔτε κινεϊται.

τοίνυν φερόμενον βέλος
ἐκάστῳ τωϊ νυν τοῦ χρό-
ου, καθὸ κινεϊται, εν τωϊ
ου τοῦ τόπωι ὑπάρχον
εμήσει, εἰ δε εν πάσι
ου τοῦ χρόνου νυν ἀπει-
ου οὔσιν ἡρεμῆι, και εν
ου τῆι ἡρεμῆσει.

ἀλλ' ὑπόκειται κινούμενον.
τὸ βέλος ἄρα κινούμενον ἡρε-
μήσει.

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЬ-ШЕСТОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшія повелѣнія.

	ОТРАВ .
1. (25-го октября 1887 года). О принятіи капитала, завѣщаннаго Императорскому Московскому университету вдовою полковника Николевою .	3
2. (14-го ноября 1887 года). О порядкѣ производства ценсін профессорамъ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института, пріобрѣвшимъ право на оную до изданія новаго положенія о семъ институтѣ .	—
3. (1-го декабря 1887 года). О правахъ по воинской повинности лицъ, окончившихъ курсъ въ двухклассныхъ русско-киргизскихъ училищахъ Тургайской области .	4
4. (1-го декабря 1887 года). О порядкѣ увольненія и оставленія на службѣ преподавателей Императорскаго Варшавскаго университета, прослужившихъ двадцать-пять лѣтъ по учебной части .	—
5. (25-го декабря 1887 года). О введеніи въ Пермской губерніи въ число членовъ уѣзднаго училищнаго совѣта врача	5
6. (15-го января 1888 года). Объ учрежденіи званія почетныхъ блюстительницъ при приходскихъ училищахъ	27

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (20-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Императора Александра II при Елабужскомъ реальномъ училищѣ .	6
2. (23-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Александра Христофоровича Грекова при Императорскомъ университетѣ св. Владимира	—

3. (27-го января 1888 года). Положеніе о стипендіи имени умершаго мануфактуръ-совѣтника Герасима Хлудова при Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ 7
4. (2-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Екатерины Григорьевны Тепловой при Иркутской женской прогимназіи И. С. Хаминова 8
5. (7-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени статскаго совѣтника Ивана Александровича Ингеницкаго при Лебедянской прогимназіи 9
6. (12-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіяхъ имени Саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовскомъ Александро-Маріинскомъ реальномъ училищѣ 10
7. (12-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени саратовскаго мѣщанина Дмитрія Денисовича Грачева при Саратовской мужской гимназіи 11
8. (13-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйстви-тельнаго статскаго совѣтника Федора Логиновича Миллера при Александровскомъ Тюменскомъ реальномъ училищѣ 12
9. (16-го февраля 1888 года). Положеніе о капиталѣ имени проживающихъ въ Китаѣ сибиряковъ при Троицкосавской женской гимназіи 13
10. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Виссаріона Григорьевича Бѣлицкаго при Московской 1-й гимназіи 27
11. (17-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи имени Ивана Сергѣевича Аксакова при Императорскомъ Московскомъ университетѣ 28
12. (19-го февраля 1888 года). Положеніе о стипендіи при Рымбинской Маріинской женской гимназіи въ ознаменованіе дня рожденія Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны 29
13. (13-го марта 1888 года). Положеніе о стипендіи имени барона Федора Александровича Менда при Выборгскомъ русскомъ реальномъ училищѣ 30

ПРИКАЗЫ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(31-го января 1888 года) —

ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

- О книгѣ: „Исторія русской словесности. Составилъ А. Галаховъ“. 19
- О книгѣ: „Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка. Составилъ А. Камковъ“. —
- О книгѣ: „Начальная алгебра. Составилъ Е. Тихомировъ“. 20
- О книгѣ: „Систематическій курсъ ботаники. Составилъ Н. Раевскій“. —
- О книгѣ: „Руководство къ изученію православной христіанской вѣры. Составилъ Петръ Мазановъ“. —

О брошюрѣ: „Опостроеніи и черченіи картъ <i>Н. И. Раевского</i> “	20
О книгѣ: „Географія, какъ наука и учебный предметъ <i>Н. И. Раевского</i> “.	—
О книгѣ: „Славянскія повѣсти для юношества. <i>М. Дялиной</i> “	—
О брошюрѣ <i>А. Клязевъ</i> : „Методика преподаванія естественной исторіи въ основномъ отдѣленіи Днябургскаго реальнаго училища“	—
О брошюрахъ <i>Н. М. Любимова</i> : 1) „Чахотка, ея причины и предосторожности противъ нея“; 2) „Бактеріи и вліяніе ихъ на здоровье человѣка“	21
О книгѣ: „Аггіані Анабавіс. Обработалъ <i>Вячеславъ Ракушанъ</i> . Ч. I“.	—
О книгѣ: „Учебникъ всеобщей географіи. Составилъ <i>Будинцовъ</i> “	—
О книгѣ: „Анатомія и фізіологія человѣка. Составилъ <i>Д. К. Влажолуловъ</i> “	—
О книгѣ: „Учебная книга священнои исторіи, для еврейскаго юношества. Составили <i>М. Вольтеръ</i> и <i>В. Д. Каланъ</i> “	—
О книгѣ: „Руководство къ изученію теоріи словесности по лучшимъ образцамъ. Составилъ <i>П. Случевскій</i> “.	31
О книгѣ: „Сочиненія Корнелія Тацита. Переводъ <i>В. И. Модестова</i> . Т. II“	—
О книгѣ <i>О. Д. Хвольсона</i> : „Объ абсолютныхъ единицахъ, въ особенностяхъ магнитныхъ и электрическихъ“	—
О книгѣ <i>О. Д. Хвольсона</i> : „Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики“.	—
О книгѣ: „ <i>Дмитрій Кайгородовъ</i> . Изъ зеленого царства“	—
О книгѣ: „Учебникъ неорганической химіи по новѣйшимъ извѣдываніямъ. <i>В. Рихтера</i> “	—
О книгѣ <i>А. Матвѣева</i> : „Русская грамматика въ диктовкахъ“	—
О книгѣ: „Сатиры <i>Д. Юнія Ювенала</i> . Переводъ <i>Андрея Адольфа</i> “	—
О книгѣ: „Методически обработанный сборникъ алгебраическихъ задачъ. Ч. I. Составили <i>Н. А. Шапошниковъ</i> и <i>Н. К. Вильцовъ</i> “	—
О книгѣ: „Солнце. Составилъ <i>Н. А. Конопницкій</i> “	32
О книгѣ: „Дягушки. Комедія <i>Аристофана</i> . Перевелъ <i>К. Нейлисовъ</i> “.	—
О книгѣ: „Le Misanthrope <i>Мольера</i> . Издадеъ <i>Александръ Алексеевъ</i> “	—

ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

О книгахъ: „ <i>А. С. Пушкина</i> . Три выпуска. Изд. <i>Е. Н. Тихомировой</i> “	22
О книгѣ: „Люди труда и сильной воли. Составлена <i>Е. А. Сысоевой</i> “.	—
О книгѣ <i>Ө. Ө. Пуциковичъ</i> . „Русскія прописи“	—
О книгѣ: „Сказки <i>А. С. Пушкина</i> “.	—
О книгѣ: „Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ“.	—
О книгѣ: „Приключеніе Робинзона Крузе. Составлено <i>А. Н. Яхонтовымъ</i> “	—
О книгѣ: „Приключеніе Ивасека. <i>Ан. Лисничаго</i> “	—
О книгахъ, составленныхъ <i>Ө. И. Егоровымъ</i> : 1) „Арифметика и сборникъ арифметическихъ задачъ для начальныхъ училищъ“; 2) „Для учителей“.	—

О книгѣ: „Уроки по русскому языку. Составилъ <i>Θ. Барсовъ</i> “	82
О книгѣ: „Первые разказы изъ естественной исторіи для семьи. <i>Германа Вагнера</i> “	83
О книгѣ: „Краткіе очерки исторіи Россіи. Составилъ <i>А. Мостовскій</i> “	—
О книгѣ: „Историческій очеркъ развитія элементарной школы въ біографіяхъ замѣчательнѣйшихъ педагоговъ и по уставамъ правительствъ. <i>А. Бялевскаго</i> “	—
Офіціальныя извѣщенія	28 и 83
Открытіе училищъ	24

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

<i>Н. И. Карѣевъ. „Паденіе Польши“ въ исторической литературѣ (продолженіе)</i>	1
<i>П. О. Морозовъ. Очерки изъ исторіи русской драмы (продолженіе)</i>	72 и 848
<i>С. Θ. Платоновъ. Древне-русскія повѣсти и сказанія о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ (окончаніе)</i>	118 и 380
<i>Е. Е. Замысловскій. Сношенія Россіи съ Польшею въ царствованіе Осодора Алексѣевича (окончаніе)</i>	161
<i>В. И. Модестовъ. Литература при Калгулѣ, Клавдіи и Неронѣ.</i>	287
<i>А. Н. Веселовскій. Новыя свѣдѣнія о Каффѣ и Крымскихъ Татаряхъ изъ начала XV вѣка.</i>	332
<i>П. О. Бобровскій. Еще замѣтка о Супрасльской рукъ описи.</i>	339

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

<i>К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Родъ Шереметевыхъ Александра Барсукова. Книга V. С.-Пб. 1888.</i>	198
<i>И. П. Филевичъ. М Урскихъ. Очерки изъ психологіи Славянскаго племени. С.-Пб. 1888.</i>	201
<i>П. М. М—въ. Конституція Финляндіи. Л. Меселина. Переведено К. Ординымъ. С.-Пб. 1888.</i>	208
<i>А. Н. Веселовскій. M. Gaster. Ilchester lectures on gresoslavonic literature and its relation to the folk-lore of Europe during the middle ages. London. 1887.</i>	217
<i>Н. Б. Ренненкампфъ. Лекціи по общей теоріи права. Н. Боркунова. С.-Пб. 1887</i>	247
<i>Б. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Д. И. Иловайскій. Мелкія сочиненія, статьи и письма 1857—1887 гг. М. 1888</i>	270
<i>П. Н. Петровъ. Poszet rodow w wielkiem księstwie Litewakiem w XV i XVI wieku. Uložil Adam Boniecki. Warszawa. 1887</i>	274
<i>В. П. Бузескулъ. Новый взглядъ на государственную дѣятельность Первля.</i>	449

К. Н. Вестужевъ-Рюминъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. <i>Н. Барсукова</i> . I. С.-Пб. 1888	495
И. Ф. Анненскій. Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Киевской дружиной Руси, <i>Е. Барсова</i> . Два тома. М. 1887.	501
Ф. М. Истоминъ. Крестьянскія пѣсни, записанныя въ с. Ни- колаевкѣ Мензелинскаго уѣзда Уфимской губерніи <i>Н. Пальчиковымъ</i> . С.-Пб. 1888	512
П. Д. Драгановъ. Новый трудъ по этнографіи Македонскихъ Славянъ.	526
Книжныя новости	263 и 532

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГИИ.

В. Б. Богдановъ. Къ вопросу о желательномъ единообразіи въ русской учебной грамматикѣ	1
Наша учебная литература (разборъ 10 книгъ)	13

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Императорская Академія наукъ въ 1886 и 1887 годахъ	1 и 87
Наши учебныя заведенія: Объ испытаніяхъ зрѣлости въ 1886 году Университетъ св. Владиміра въ 1886 году	28 —
Л. Л — ръ. Письмо изъ Парижа.	115
Неврологъ:	
В. Б. Ериштедтъ. К. Я. Любемилъ	126
А. И. Воейковъ. М. Н. Богдановъ	139
— В. П. Гаевскій .	144
— Е. В. Чешинъ	146

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ.

Э. А. Вертъ. Аттическое варѣчіе по надписямъ и рукописному преданію (<i>окончаніе</i>).	105
В. П. Сватковскій. Парадоксъ Зенона о летящей стрѣлѣ	203

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1888 ГОДЪ.

Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россійской Имперіи:

за годъ 10 р. — к. за полгода 5 р. — к.

безъ доставки и пересылки:

за годъ 8 р. 5 к. за полгода 4 р. 25 к.

Отдѣльныя книжки продаются при редакціи по 1 р., первый томъ—3 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Кіевѣ: въ редакціи журнала на Театральной ул. № 4 и на Брацатикѣ въ магазинахъ: писчебумажномъ *Корчака-Новицкаго* и въ книжныхъ—*Оглобина, Розова, Гинтера* и *Малецкаго, Динтера, Корейво* и друг.

ФИЛОКТЕТЪ

ТРАГЕДІЯ СОФОКЛА,

съ русскими комментаріями проф. Л. Д. Вейсмана. 1888 г.

Цѣна 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА ПО ОБЩЕЙ ФИЗИКЪ“,

который будетъ выходить съ Апрѣля ежемѣсячно по 2 почтовыхъ листа.

Цѣль редакціи собрать весь матеріалъ по физикѣ, въ видѣ научныхъ выводовъ въ разработкѣ каждого отдѣла ея специалистами, такъ чтобы со временемъ это изданіе составило энциклопедію предмета, расположенную въ систематическомъ порядкѣ.

Въ дополненіе къ этому будетъ издаваться „Ежегодникъ“, въ который войдутъ: Списокъ профессоровъ физики въ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы. Хроника изобрѣтеній и изслѣдованій. Библиографія статей, помѣщенныхъ въ русскихъ и иностранныхъ журналахъ. Списокъ привилегій. Адресъ-календарь вѣдомыхъ въ Россіи и заграничѣ физико-механическихъ мастерскихъ.

Въ текущемъ году выйдутъ: Астрономическія данныя, въ примѣненіи ихъ къ физикѣ, *А. М. Жданова*, проф. С.-Петербургскаго университета; Гальваническіе элементы *С. Н. Степанова*, ред. журнала „Электричество“; Метрологія и сравнительныя таблицы ифр. *А. Д. Пуляны*, члена Учен. Ком. Мин. Нар. Просв.; Цѣтковыя явленія *В. Ю. Кольбе*; Фотографія *В. И. Срезневскаго*, секретаря Имп. Русск. Техн. Общ.; Воздухоплаваніе *А. М. Козанько*, дѣлопроизвод. Воздухоплават. парка.

Годовая цѣна изданія съ Ежегодникомъ 5 руб.

Съ доставкою 5 руб. 50 к.

Съ пересылкою 6 руб.

Подписка принимается въ конторѣ Редакціи (Английскій пр., № 29), въ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ: „Новое Время“, Цинзерлинга, Риккера, Панафидина, Карбасникова, Стасюлевича, Тяпкина, Мелье; въ Москвѣ: „Новое Время“; въ Варшавѣ—Карбасникова; въ Одессѣ—Распопова; въ Казани—Дубровина; въ Кіевѣ—Оглоблина; въ Вильнѣ—Сыркия; въ Харьковѣ—Полухтова.

Редакція „Справочной книжки по общей физикѣ“, поставивъ цѣлью включить въ своей „Ежегодникъ“ именной списокъ гг. профессоровъ и приват-доцентовъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній, а также наблюдателей физическихъ обсерваторій Европы, съ указаніемъ на читаемые ими курсы, имѣть честь обратиться съ покорнѣйшею просьбой доставить ей къ іюлю мѣсяцу сего года отвѣты на слѣдующіе вопросы:

Имя, отчество, фамилія, чинъ, ученая степень, занимаемое мѣсто (профессоръ, приват-доцентъ, лаборантъ или наблюдатель)?

Какую часть физики читаетъ; сколько означенное лицо имѣетъ отдѣльных лекцій и какого рода производитъ наблюденія?

Какія практическія работы были произведены и предприняты въ истекшемъ году, и кѣмъ именно, въ физическомъ кабинетѣ учрежденія?

Съ какого года существуетъ каедрa физики, или обсерваторія?

Кромѣ того, редакція покорнѣйше проситъ дать, если возможно, полный списокъ всѣхъ печатныхъ работъ по физикѣ отдѣльныхъ профессоровъ и приват-доцентовъ, а также списокъ всѣхъ докторскихъ диссертаций, признанныхъ учрежденіемъ за все время своего существованія.

Такъ какъ отъ полноты собраннаго матеріала будетъ зависѣть степень общаго интереса изданія, то редакція „Ежегодника“ льститъ себя надеждою на сочувственное содѣйствіе доставленной ею цѣли со стороны каждого отдѣльнаго учрежденія, преслѣдующаго развитіе физическихъ знаний.

Со своей стороны редакція можетъ обѣщать добросовѣстный трудъ по группировкѣ доставленныхъ ей данныхъ, а также и современный выпускъ „Ежегодника“ къ августу мѣсяцу сего 1888 года.

Редакторъ-издатель **А. ИЛЬИНЪ.**

НОВАЯ КНИГА: „УРОКИ ТЕОРИИ СЛОВЕСНОСТИ“

(Примѣнительно къ программѣ для духовныхъ семинарій).

Сост. А. РАДОНЕЖСКИЙ. Цѣна 75 к.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

Въ первомъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія съ качествомъ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ съ качествомъ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„РОДИНА“

СВОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ 60-ю рисунками.

СОСТАВИЛЪ

А. РАДОНЕЖСКИЙ.

ИЗДАНИЕ ОДННАДЦАТОЕ.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наполеону Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія съ низшихъ классовъ гимназій и прогимназій, съ городскихъ и народныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ впастьальныхъ женскихъ училищъ, съ качествомъ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется съ качествомъ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ гимназій.

„СОЛНЫШКО“

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ 87 картинками; составилъ А. РАДОНЕЖСКИЙ. Изданіе третье 1888 г. Одобрено Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и вѣкласснаго чтенія, Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ.

Цѣна 50 коп.

„Церковно-Славянская азбука и первая книга для чтенія въ Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ“. Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

1-го АПРѢЛЯ вышла и разослана подписчикамъ IV-я книга
историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

Содержаніе: I. Разказы Прасковьи Егоровны Амнатовой, рожденной Гобль.— II. А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Сообщ. В. И. Шенрокъ.— III. Иванъ Терентьевичъ Осмининъ. Очеркъ его дѣятельности. (Окончаніе).— IV. Императоръ Александръ Николаевичъ на зѣбрыныхъ охотахъ (съ 1849 по 1876 г.), очерки охотника-очевидца.— V. Дмитрій Максимовичъ Ниямевичъ, основатель и первый президентъ „Одесскаго“ общества исторіи и древностей.— VI. Графъ Николай Ивановичъ Еддиновъ, 1804—1873 гг.— VII. Николай Ивановичъ Костомаровъ.— VIII. Софья Марковна Манарова, 1834—1887. Очеркъ ея жизни.— IX. Вильгельмъ I, императоръ германскій, въ бытность его принцемъ прусскимъ въ 1821—1833 гг. Сообщ. П. К. Шильдеръ.— X. Леонидъ Львовичъ Леонидовъ: Воспоминанія его за полсотни лѣтъ назадъ, 1835—1844.— XI. Историческіе документы, матеріалы и стихотворенія: По поводу девятисотлѣтія крещенія Руси. Сообщ. Д. И. Иловайскій.— Имж. Марія Осодорова (+ 1828 г.).— Къ вопросу объ основаніи женскихъ гимназій въ Россіи.— Ф. Г. Солнцевъ.— 81-я годовщина основанія Дворянскаго полка.— Стихотв. П. А. Кускова.— XII. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Къ полуднѣвому юбилею его литературно-поэтической дѣятельности, 1838—1888 гг.— XIII. Библиографическія листки.

Приложенія: I. Портретъ артиста императорскихъ театровъ Леонида Львовича Леонидова, грав. художн. Матв.— II. Портретъ писательницы-педагога Софьи Марковны Манаровой, гравир. И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на «РУССКУЮ СТАРИНУ» изд. 1888 г.

Девятнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб. съ пересылкою.

Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ благоволятъ подписываться на 1888-й годъ въ книжномъ магазинѣ г. ЦИНЗЕРЛИНГА, на Невскомъ, д. № 46, противъ Гостиннаго двора. Въ Москвѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова.

Иногородные исключительно обращаются въ редакцію «РУССКОЙ СТАРИНЫ», въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, д. № 7.

Изд.-ред. Мих. Из. Семевскій.

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНИЯ ТИПОГРАФИИ В. С. БАЛАШЕВА.

(Слб. Екатерининскій каналъ, соб. домъ № 78).

I. Строительная памятная книжка. Составилъ В. Карловичъ. Изящное изданіе въ переплетѣ. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

II. Малорусскій театръ М. П. Старицкаго. В. А. Кендзерскаго. Слб. Цѣна 50 к.

III. Вѣнчаніе Русскихъ Самодержцевъ. Церковный обрядъ Коронованія и подробное описаніе трехъ коронацій вынѣшняго столѣтія. Н. Л. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.

IV. И. А. Чанцевъ. Скобелевъ какъ полководецъ. 1880 — 1881. Историческій очеркъ. Съ портретомъ, факсимиле, письмами и рѣчами Скобелева. Цѣна 2 руб. съ пересылкою.

V. Очеркъ Николаевскаго уѣзда (Самарской губерніи), въ статистическомъ и сельско-хозяйственномъ отношеніяхъ. Составилъ Иванъ Липинъ. Цѣна 1 р.

VI. Историческій очеркъ жизни и царствованія императора Александра—Освободителя. Составилъ А. П. Сафоновъ. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

VII. Сочиненія Николая Ивановича Павлицева:

Польская анархія при Янѣ Казимирѣ и война за Украйну. Исслѣдованіе. Въ 3 частяхъ. Цѣна за 3 тома 6 р. съ пересылкою.

Тт. I, II, III.

Седмицы польскаго мятежа 1861—1864. Историческая монографія. Въ 2-хъ частяхъ. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

Тт. IV и V.

VIII. П. А. Матвѣевъ. Болгарія послѣ Берлинскаго Конгресса. Историческій очеркъ. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

IX. С. Каратаевъ. Библиографія финансовъ, промышленности и торговли со времени Петра Великаго по настоящее время. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

X. Русскіе въ Берлинѣ. П. Я. Бугайскаго. Цѣна 20 к. съ пересылкою.

Для подписчиковъ на Журналъ Мин. Нар. Просв. дѣлается на каждое изъ десяти поименованныхъ изданій типографія В. С. Балашева скидка 50% (пятьдесятъ процент).

Съ требованіями обращаться въ контору редакціи Журнала Мин. Нар. Просв. — С.-Петербургъ, Троицкій пер. д. 13, каковая контора поименованныя требованія имѣетъ обращать въ типографію В. С. Балашева.

Календарь и справочная книжка для юристовъ на 1888 г. Цѣна 1 р.

ИЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ, ВЫШЕДШІЯ ВЪ СВѢТЪ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Записки Императорской Академіи Наукъ. Томъ пятьдесятъ второй, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1885 годъ, составленный Испреимъ-нымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ и читанный въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1885 года. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1885 годъ, составленный Академикомъ А. Н. Веселовскимъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1885 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ 1 января 1886 года. — Списокъ изданій Императорской Академіи Наукъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ 1-го января по 31-го декабря 1885 г. — Объ экспедиціи, снаряженной Императорской Академіей Наукъ на Новосибирскіе острова и въ Прианскій край. Рѣчь Академика Л. И. Шренка, 29-го декабря 1885 г. — Предложенная Академіею задача о русскихъ повременныхъ изданіяхъ первой половины нынѣшняго столѣтія. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи съ января по декабрь 1885 г. — *Приложенія*: № 1. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1883 и 1884 годы. Представленъ Физико-Математическому Отдѣленію Академіи Наукъ 9 апрѣля 1885 г. Директоромъ Г. Вильдомъ. — № 2. О нѣкоторыхъ приложеніяхъ общихъ функций Бернулли. В. Г. Имшенецкаго).

Цѣна книжекъ: 1 руб. 25 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... — » 60 »

№ 2... — » 15 »

— Томъ пятьдесятъ второй, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе*: Фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. О. Струве. — Объ одномъ видоизмѣненіи функціи $E(f(x))$ и о приложеніи измѣненнаго пріема къ изслѣдованію нѣкоторыхъ свойствъ квадратичныхъ и неквадратичныхъ вычетовъ простыхъ чиселъ вида $4k + 1$. Академика В. Я. Буняковского. — Объ окончаніяхъ Ремаковскихъ волоконъ въ мышцахъ лягушки. Людмилы Соллогубъ. Съ рисункомъ. — Археологическія изысканія и открытія д-ра Подркова близь Токмака. Статья Н. Ядринцева. — Положеніе о завѣдываніи Азіятскимъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ и о пользованіи имъ со стороны академиковъ и постороннихъ лицъ. — *Приложенія*: № 3. Очеркъ икhtiологической фауны Казанской губ. Н. Варнаховскаго, кандидата естественныхъ наукъ. Съ одной картой. — № 4. Мужской половой аппаратъ чешуекрылыхъ, сравнительно-анатомическое изслѣдованіе Н. Холодковскаго. Съ 5 таблицами рисунковъ. — № 5. Матеріалы къ познанію эмбриональнаго развитія *Agaveina* Владиміра Шнякевича. Съ двумя таблицами).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 3... — » 45 »
№ 4... — » 90 »
№ 5... — » 50 »

— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе*: Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка человѣка. Д-ра А. Фортунатова. Съ 2 рисунками. — Памяти почетнаго члена Академіи Лбиха. Записка Адъюнкта А. П. Карпинскаго. — О преміяхъ таурическаго дворянства, предлагаемыхъ за сочиненія по исторіи русскаго дворянства. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за февраль, мартъ, апрѣль и май 1886 года. — *Приложенія*: № 1. Временные барометрическіе максимумы въ Европѣ. П. И. Броунова. Съ 2 чертежами и 16 картамп. — № 2. Отчетъ о первомъ присужденіи премій Макарія, митрополита московскаго).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1... — » 75 »
№ 2... 1 » 10 »

— Томъ пятьдесятъ третій, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе*: Рыбы озера Ильменя и рѣки Волхова, Новгородской губерніи. Н. Варнаховскаго. Съ рисункомъ. — Правила о преміяхъ А. С. Пушкина. — *Приложенія*: № 3. Литовскій катихизисъ Н. Даукши. По изданію 1595 г., вновь перепечатанный и снабженный объясненіями Э. Вольтеромъ. — № 4. Отчетъ о двадцати восьми присужденіи наградъ графа Уварова).

Цѣна книжки: 1 руб. 60 коп.
Цѣна приложенія № 4 отдѣльно: — » 60 »

— Томъ пятьдесятъ четвертый. 1887. (*Содержаніе*: Обзоръ млекопитающихъ животныхъ долины рѣки Малки. К. Н. Россикова. — О снимкѣ съ китайской надписи, полученномъ Академіею отъ російскаго консула въ Капгарѣ г. Петровскаго. Донесеніе Академика В. П. Васильева. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь 1886 года. — *Приложенія*: № 1. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. — № 2. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій. Я. К. Грота. — № 3. О соотношеніяхъ между раздраженіемъ и возбужденіемъ при тетанусѣ. Н. Е. Введенскаго. Съ 13 таблицами. — № 4. Обзоръ источниковъ и литературы Русскаго родословія (по поводу книги П. Н. Петрова «Исторія родовъ Русскаго дворянства»). Александра Барсукова. — № 5. Грозы въ Россіи за 1884 годъ. А. Шенрока. Съ 1 чертежемъ).

Цена книжки: 4 руб. 20 коп.

Цена приложеній отдѣльно: № 1... —	90 »
№ 2... —	40 »
№ 3... 1 »	65 »
№ 4... —	50 »
№ 5... —	20 »

Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 1-ая. 1887. (*Содержаніе*: Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ за 1886 годъ, составленный и читанный Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ, въ публичномъ засѣданіи Академіи 29 декабря 1886 года. (Съ приложеніемъ изображенія медали Н. М. Пржевальскаго). — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1886 г., составленный Академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ и читанный имъ въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1886 года. — Личный составъ Императорской Академіи Наукъ. — Новые виды птицъ центральной Азіи. Статья почетнаго члена Академіи Н. М. Пржевальскаго. — *Приложенія*: № 1. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Д. З. Бакрадзе, члена-корреспондента Академіи Наукъ. — № 2. Объ интегральныхъ вычетахъ, доставляющихъ приближенныя величины интеграловъ. Н. Чебышева. — № 3. Присужденіе премій имени графа Дмитрія Андреевича Толстаго въ 1886 году. — № 4. Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 19 апрѣля 1886 года, въ память двухсотлѣтней годовщины дня рожденія В. Н. Татищева. (Съ приложеніемъ портрета В. Н. Татищева). — № 5. Замятка

— Томъ пятьдесятъ второй, книжка 2-ая. 1886. (*Содержаніе*: Фотографія въ примѣненіи къ астрономіи. О. Струве. — Обь одномъ видоизмѣненіи функціи $E(f(x))$ и о приложеніи измѣненнаго пріема къ изслѣдованію нѣкоторыхъ свойствъ квадратичныхъ и неквадратичныхъ вычетовъ простыхъ чиселъ вида $4k+1$. Академика В. Я. Буяковскаго. — Обь окончаніяхъ Ремаковскихъ волоконовъ въ мѣлищахъ лягушки. Людмилы Соллогубъ. Съ рисункомъ. — Археологическія изысканія и открытія д-ра Пояркова близъ Токмака. Статья П. Ядринцева. — Положеніе о завѣдываніи Азіатскимъ музеемъ Императорской Академіи Наукъ и о пользованіи имъ со стороны академикомъ и постороннихъ лицъ. — *Приложенія*: № 3. Очеркъ пхтіологической фауны Казанской губ. П. Варнаховскаго, кандидата естественныхъ наукъ. Съ одной картой. — № 4. Мужской половой аппаратъ чешуекрылыхъ, сравнительно-анатомическое изслѣдованіе П. Холодковскаго. Съ 5 таблицами рисунковъ. — № 5. Матеріалы къ познанію эмбриональнаго развитія *Agasicea*. Владиміра Шимкевича. Съ двумя таблицами).

Цѣна книжки: 2 руб. 5 коп.

Цѣна приложеній отдѣльно: № 3... — " 45 "

№ 4... — " 90 "

№ 5... — " 50 "

Томъ пятьдесятъ третій, книжка 1-ая. 1886. (*Содержаніе*: Къ аномаліямъ перваго шейнаго позвонка чловѣка. Д-ра А. Фортунатова. Съ 2 рисунками. — Памяти почетнаго члена Академіи Абиха. Записка Адьюикта А. П. Карпинскаго. — О преміяхъ таврическаго дворянства, предлагаемыхъ за сочиненія по исторіи русскаго дворянства. — Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Академіи за февраль, мартъ, апрѣль и май 1886 года. — *Приложенія*: № 1. Временныя барометрическіе максимумы въ Европѣ. П. И. Броунова. Съ 2 чертежами и 16 картами. — № 2. Отчетъ о первомъ присужденіи преміи Макарія, митрополита московскаго).

объ одной формулѣ, относящейся къ Теоріи Чиселъ. Академика В. Я. Бунаковского).

	Цѣна книжки: 1 руб. 55 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 1...—	» 20 »
№ 2...—	» 20 »
№ 3...—	» 20 »
№ 4...—	» 45 »
№ 5...—	» 10 »

—— Томъ пятьдесятъ пятый, книжка 2-ая. 1887. (*Содержаніе*: О движеніи поверхности, прикасающейся къ другой поверхности, неподвижной. Д. Бобылева. — Замѣтки по Буддизму. Академика В. П. Васильева. — Климатъ Енисейска по двѣнадцатилѣтнимъ наблюденіямъ 1871 — 1883 гг. М. Маркса. — О предстоящемъ сонсканиі награды графа Уварова. — Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи за январь, февраль и мартъ 1887 года. — *Приложенія*: № 6. О двухъ теоремахъ относительно вѣроятностей. П. А. Чебышева. — № 7. Развитіе палочекъ, колбочекъ и наружнаго ядернаго слоя въ сѣтчаткѣ зародыша человѣка. І. Костенича. (Съ одной таблицей). — № 8. Очеркъ физико-географическихъ условій Европейской Россіи въ минушіе геологическіе періоды. А. П. Карпинскаго. (Съ одною картою). — № 9. Общій способъ нахождения рациональныхъ дробныхъ частныхъ интеграловъ линейныхъ уравненій съ рациональными коэффициентами. В. Г. Имшенецкаго. — № 10. Къ вопросу объ опредѣленіи истинной температуры и влажности воздуха. Р. П. Савельева).

	Цѣна книжки: 1 руб. 70 коп.
Цѣна приложеній отдѣльно: № 6...—	» 10 »
№ 7...—	» 40 »
№ 8...—	» 40 »
№ 9...—	» 15 »
№ 10...—	» 25 »

—— Томъ пятьдесятъ шестой, книжка 1. 1887. (*Содержаніе*: О преміяхъ почетнаго члена Императорской Академіи Наукъ генерала-отъ-инфантеріи Федора Федоровича Шуберта. — Правила о присужденіи преміи Н. И. Костомарова за лучший малорусскій словарь. — Собраніе портретовъ въ Императорской Академіи Наукъ. — О новыхъ открытіяхъ въ области низшихъ кэмбрійскихъ образованій въ Эстляндіи. Докладъ Академика О. Б. Шмидта Физико-Математическому Отдѣленію Императорской Академіи Наукъ, читанный въ засѣданіи 13-го октября 1887 года. — *Приложеніе*: № 1. Критическій обзоръ млекопитающихъ и птицъ Кольскаго полуострова. О. Д. Плеске, ученаго хранителя Зоологическаго музея Императорской Академіи Наукъ).

	Цѣна книжки: 2 руб. 20 коп.
Цѣна приложенія отдѣльно: 2	» 10 »

Библиографія русская историческая. Годъ десятый, 1864. 1884.

Цѣна 1 руб. 80 коп.

Метеорологическій Сборникъ, издаваемый Императорскою Академіею Наукъ подъ редакціею д-ра Г. И. Вильда. Томъ IX. Съ 4 таблицами и 13 картами. 1885. (*Содержаніе*: № 1. М. Рыкачева, Магнитныя наблюденія, произведенныя въ Каспійскомъ морѣ лѣтомъ 1881 года. Съ 2 таблицами. — № 2. П. Броунова, О годовомъ ходѣ температурныхъ аномалій въ европейскихъ циклонахъ. Съ 1 таблицей. — № 3. Р. Бергмана, О надежности показаній волоснаго гигрометра, по наблюденіямъ, производимымъ на русскихъ метеорологическихъ станціяхъ. — № 4. А. Тилло, Результаты опредѣленій горизонтальнаго земнаго магнетизма, по наблюденіямъ Ивана Николаевича Смирнова, произведеннымъ на пространствѣ Европейской Россіи въ 1872 — 1878 гг. — № 5. А. Тилло, Изслѣдованіе о географическомъ распредѣленіи и пѣковомъ измѣненіи силы земнаго магнетизма на пространствѣ Европейской Россіи (съ 3 картами). — № 6. М. Рыкачева, Новые магнитныя карты Каспійскаго моря. Съ 3 картами. — № 7. Л. Шиндлера, Распредѣленіе вѣтровъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Съ 6 картами. — № 8. А. Шенрока, О малыхъ неправильныхъ колебаніяхъ барометра. Съ 1 таблицей. — № 9. Г. Вильда, Вліяніе качествъ и установокъ дождевѣра на его показанія. — № 10. Г. Вильда, Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1883 и 1884 гг. — *Мелкія сообщенія*: 1) Э. Лейста, Изслѣдованія надъ горизонтальнымъ напряженіемъ земнаго магнетизма въ окрестностяхъ Павловской Обсерваторіи. Съ одною картою. — 2) В. Срезневскаго, Барометрическое опредѣленіе высоты Онежскаго озера надъ уровнемъ моря. — 3) Р. Бергмана, Барометрическое опредѣленіе высоты Ладожскаго озера надъ уровнемъ моря. — 4) Г. Вильда, Замѣчанія о барометрическомъ опредѣленіи высоты Ладожскаго озера. — 5) Э. Штеллинга, Повѣрка Робинзоновыхъ анеометровъ при большихъ скоростяхъ). Цѣна тома 5 руб. 70 коп.

——— Томъ X. Съ 14 таблицами и 29 картами. 1887. (*Содержаніе*: № 1. И. Мильберга, Объ абсолютномъ опредѣленіи горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 2. Р. Лауренти, О личной погрѣбности при опредѣленіи степени облачности (съ 1 таблицей). — № 3. П. Мюллера, О нормальномъ ходѣ и о возмущеніяхъ въ ходѣ элементовъ земнаго магнетизма въ Павловскѣ во время дѣйствій полярныхъ экспедицій, съ августа 1882 до августа 1883 г. (съ 10 таблицами). — № 4. Г. Вильда, Новые опыты по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 5. Э. Лейста, Изслѣдованія надъ инклинаторами со стрѣлками

(съ 2 таблицами).— № 6. А. Шенрока, Грозы въ Россіи въ 1884 г. (съ 1 таблицей). — № 7. А. Тилло, Горизонтальное напряженіе земнаго магнетизма въ сѣверной Сибири (съ 1 картою). — № 8. П. Броунова, Пути антициклоновъ въ Европѣ. (Съ 16 картами).— № 9. Б. Срезневскаго, Пути циклоновъ въ Россіи за 1881—1883 гг. — № 10. Г. Вильда, Дальнѣйшія изслѣдованія по опредѣленію истинной температуры воздуха. — № 11. Э. Лейста, Погрѣшность въ опредѣленіи продолжительности качанія магнита, и влияніе ея на абсолютное опредѣленіе горизонтальнаго напряженія земнаго магнетизма. — № 12. Г. Вильда, Годовой отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 гг. — *Мелкія сообщенія*: 1) К. Лауренти, О кажущемся силоснутомъ видѣ небснаго свода и пр.—2) Б. Срезневскаго, Упрощенныя гипсометрическія таблицы. — 3) Р. Бергмана, Наблюденія надъ погодою, произведенныя діакономъ Истоминнымъ въ Ишмѣ).

Цѣна тома 6 руб. 45 коп.

Вильдъ, Г. Отчетъ по Главной Физической Обсерваторіи за 1885 и 1886 годы. 1887.

Цѣна 80 коп.

Вальтеръ, Э. А. Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 года. 1887.

Цѣна 80 коп.

Дубровинъ, Н. Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I. (Съ 1807—1829 годъ). 1883. Цѣна 2 руб.

—— Присоединеніе Крыма къ Россіи. Рескрипты, письма, реляціи и донесенія. Томъ первый. 1775—1777 гг. 1885.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

—— Томъ второй. 1778 г. 1885.

Цѣна 3 руб. 60 коп.

—— Томъ третій. 1779—1780 гг. 1887.

Цѣна 3 руб.

Калачовъ, Н. В. Доклады и приговоры, состоявшіеся въ Правительствующемъ Сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго. Томъ II. Годъ 1712-й. Книга 1 (январь—июль). 1882.

Цѣна 2 руб.

—— Томъ II. Годъ 1712-й. Книга 2 (июль—декабрь). 1883.

Цѣна 2 руб.

Доклады и приговоры подъ редакціею Н. О. Дубровина. Томъ III. Годъ 1713-й. Книга 1 (январь—июнь). 1887.

Цѣна 2 руб.

Цѣна I-го тома, вышедшаго въ свѣтъ въ 1880 году: 2 »

Отчетъ о двадцати восьми присужденіи наградъ графа Уварова. 1886.

Цѣна 60 коп.

Радловъ, В. В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть V. Нарѣчіе дикокаменныхъ киргизовъ. 1885.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

Радловъ, В. В. Часть VI. Нарѣчіе Тарачей. 1886. Цѣна 90 коп.

Рыкачевъ, М. Вскрытія и замерзанія водъ въ Россійской Имперіи. Съ 3 картами. 1886. Цѣна 3 руб. 50 коп

(Собраніе). Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22-го ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. 1887. Цѣна 20 коп

Стебницкій, І. И. О фигурѣ земли. 1887. Цѣна 10 коп.

Толстой, графъ Д. А. Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885. Цѣна 45 коп.

— Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. 1885. Цѣна 30 коп.

— Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. 1886. Цѣна 90 коп.

Шренкъ, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Томъ первый. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. Съ картовъ, 3-мя лит. и 5-ю фототип. таблицами. 1883. Цѣна 4 руб. 75 коп.

Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, VIIe Série, tome XXXIV.

— № 1. Alexander Stuckenberg. Materialien zur Kenntniss der Fauna der devonischen Ablagerungen Sibiriens. Mit 4 Tafeln. 1886. Цѣна 40 коп.

— № 2. Magnus Nyrén. Untersuchung der Repsold'schen Theilung, des Pulkowacr Verticalkreises nebst Auseinandersetzung der angewandten Untersuchungsmethode. 1886. Цѣна 80 коп.

— № 3. J. Setschenow. Ueber die Absorptions-coefficienten der Kohlensäure in den zu diesem Gase indifferenten Salzlösungen Mit 1 Tafel. 1886. Цѣна 85 коп

— № 4. D. Chwolson. Syrische Grabinschriften aus Semi-rjetschie. Mit 1 Tafel. 1886. Цѣна 60 коп.

— № 5. Hermann Struve. Ueber die allgemeine Beugungsfigur in Fernröhren. 1886. Цѣна 20 коп.

— № 6. A. Struve. Ueber die Schichtenfolge in den Carbonablagerungen im südlichen Theil des Moskauer Kohlenbeckens. Mit 1 Karte. 1886. Цѣна 1 руб. 15 коп.

- Mémoires.....** Tome XXXIV, № 7. H. Wild. Bestimmung der Inductionscoefficienten von Stahlmagneten. 1886. Цѣна 30 коп.
- № 8. O. Backlund. Comet Encke 1865 — 1885. 1886. Цѣна 40 коп.
- № 9. A. Morawitz. Zur Kenntniss der adephtagen Coleopteren. 1886. Цѣна 70 коп.
- № 10. N. v. Kokscharow. Die etwas näheren Bestimmungen der Waluweit-Krystalle von der Grube Nikolaje-Maximilianowsk. 1886. Цѣна 20 коп.
- № 11. H. Wild. Der magnetische Bifilar-Theodolith. Mit 2 Figuren-Tafeln. 1886. Цѣна 55 коп.
- № 12. P. Harzer. Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Mit einer Tafel. 1886. Цѣна 1 руб. 35 коп.
- № 13 et dernier. A. Enmann. Kritische Versuche zur ältesten griechischen Geschichte. I. Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultus. 1886. Цѣна 75 коп.
- Tome XXXV, № 1. A. v. Gutschmid. Untersuchungen über die Geschichte des Königreichs Osroëne. 1887. Цѣна 45 коп.
- № 2. A. Strauch. Bemerkungen über die Geckkoniden-Sammlung im Zoologischen Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Mit 1 lithographischen Tafel. 1887. Цѣна 70 коп.
- № 3. L. Struve. Bestimmung der Constante der Praecession und der eigenen Bewegung des Sonnensystems. 1887. Цѣна 30 коп.
- № 4. N. Uskow. Die Blutgefässkeime und deren Entwicklung bei einem Hühnerembryo. Mit 2 Kupfertafeln. 1887. Цѣна 90 коп.
- № 5. Th. Pleske. Beschreibung einiger Vogelbastarde. Mit 1 Tafel. 1887. Цѣна 80 коп.
- № 6. W. Radloff. Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus. Manuscript der Bibliothek der Marcus-Kirche in Venedig. Nach der Ausgabe des Grafen Kuun (Budapest 1880). 1887. Цѣна 1 руб.
- № 7. I. Setschenow. Weiteres über das Anwachsen der Absorptions-Coefficienten von CO₂ in den Salzlösungen. 1887. Цѣна 30 коп.

Mémoires..... Tome XXXV, № 8. E. Büchner. Zur Geschichte der kaukasischen Ture (*Capra caucasica* Güld. und *Capra cylindricornis* Blyth.) Mit 2 phototypischen Tafeln. 1887.

Цѣна 60 коп.

— № 9. G. Tamman. Die Dampftensionen der Lösungen. Mit 5 Tafeln. 1887.

Цѣна 1 руб. 75 коп.

— № 10 et dernier. J. Woldřich. Diluviale europäisch-nordasiatische Säugethierfauna und ihre Beziehungen zum Menschen. Mit Benutzung hinterlassener Manuscripte des Akademikers Geheimrathes Dr. Joh. Fried. Brandt bearbeitet und mit Zusätzen versehen von..... 1887.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome XXX. Avril 1885 — juillet 1886. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, M. Bogdanow, A. Bonsdorff, Al. Bunge, A. Famintzin, A. Gorloff, B. Hasselberg, A. Kessler, S. Kolotow, A. Krakau, E. Leyst, P. A. Muller, A. Nadéjdine, A. Nauck, A. Nikolski, M. Nyrén, K. Pogosheff, D. S. Przybytek, W. Radloff, F. Schmidt, O. Struve, A. Tarenetzky, Al. v. Tillo, J.-S. et M.-N. Vaněččok, N. Warpachowsky, W. Welikij, H. Wild, Th. Wittram).

— Tome XXXI. Avril 1886 — avril 1887. (Contenant les articles de MM.: O. Backlund, V. Bianchi, O. Chwolson, B. Imchénetsky, Imchénetsky et Bouniakowsky, A. Karpinsky, N. Katanoff, N. de Kokcharoff, C. J. Maximowicz, A. Nauck, W. Radloff, B. Rizza et A. Boutliéroff, C. Salemann, Carl Schmidt, O. Struve, N. Warpachowsky, J. Wiedemann, Ā. Zahálka).

Mélanges mathématiques et astronomiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome VI, livraison 3. 1885. (Contenu: O. Backlund. Ueber die Anwendung einer von P. Tschebyschew vorgeschlagenen Interpolationsmethode. — V. Bouniakowsky. Démonstration de quelques propositions relatives à la fonction numérique $E(x)$. Article 4me. — O. Backlund. Elemente und Ephemeride des Encke'schen Cometen für die Erscheinung 1884—1885. — Th. Wittram. Zur Berechnung der speciellen Störungen der kleinen Planeten).

Цѣна 30 коп.

— Tome VI, livraison 4. 1886. (Contenu: J. S. et M. N. Vaněččok. Nouvelle génération d'un faisceau de coniques. — A. Bonsdorff. Ableitung neuer Formeln zur Auflösung sphäroidischer Dreiecke. — M. Nyrén. Polhöhenbestimmungen mit dem Ertel-Repsold'schen Verticalkreise. — O. Backlund. Comet Encke. I. Bearbeitung der Erscheinung 1885 und die Verbindung derselben mit den vier vorhergehenden Erscheinungen. — O. Struve. Die Photographie im

Dienste der Astronomie. (Aus einem Vortrage des Akademikers O. Struve, gehalten in der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften am 4 Februar 1886).— O. Backlund. Dr. Harzer's Untersuchungen über einen speciellen Fall des Problems der drei Körper. Bericht an die Akademie der Wissenschaften. 1886).

Цѣна 35 коп.

Mélanges physiques et chimiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg, tome XII, livraison 3. 1885. (Contenu: B. Rizza et Boutlerow. Sur l'asarone.—Dr. B. Hasselberg. Zusatz zu meinen Untersuchungen über das zweite Spectrum des Wasserstoffs. — H. Wild. Bericht über eine neue Verification der Schwingungszahl der Normal-Stimmgabel Russlands im physikalischen Central-Observatorium. — S. Kolotow. Ueber das Verhalten des Oxymethylens zu Aminen. — Generalmajor Dr. Al. v. Tillo. Ueber die absolute Höhe des Ladoga-Sees und das Gefälle der Newa. — E. Leyst. Beobachtung auffallender Blitze. — A. Nadéjdine. La détermination de la température critique dans les tubes opaques. — A. Krakau. Ueber die Einwirkung von Aetzalkalien auf Cinchonin und einige andere China-Alkaloide. — A. Gorboff und A. Kessler. Ueber die Einwirkung von Natriumisobutylat auf Jodmethylen. — H. Wild. Ueber die Beziehungen zwischen den Variationen des Erdmagnetismus und den Vorgängen auf der Sonne. (Mit einer Curven-Tafel).

Цѣна 45 коп.

— Tome XII, livraison 4. 1886. (Contenu: Prof. A. Famintzin und D. S. Przybytek. Aschenanalyse des Pollens von Pinus sylvestris. — H. Wild. Temperatur-Minimum in Werchojansk im Winter 1884 auf 1885. — H. Wild. Erzielung constanter Temperaturen in ober- und unterirdischen Gebäuden. — H. Wild. Vergleich der durch Nivellement und der barometrisch bestimmten Meereshöhe des Ladoga-Sees. — H. Wild. Bericht über die Sitzungen des internationalen meteorologischen Comités und des internationalen Maass- und Gewicht-Comités im September 1885 zu Paris.—A. v. Tillo. Die Meereshöhen der Seen Ladoga, Onega und Ilmen, und das Gefälle des Ladoga-Sees.. Auszug aus einem Briefe an den Akademiker O. Struve. — Dr. P. A. Müller. Die Dauer der Sonnenrotation nach den Störungen der erdmagnetischen Elemente in Pawlowsk.—F. Schmidt. Ueber einige neue ostsibirische Trilobiten und verwandte Thierformen. (Mit einer Tafel).—H. Wild. Sonderbare Hagelerscheinung beobachtet am 16 (28) November 1885 in Bobruisk.—P. A. Müller. Ueber die electromotorische Differenz und die Polarisation der Erdplatten).

Цѣна 45 коп.

Mélanges physiques et chimiques..... Tome XII, livraison 5. 1887. (*Contenu:* O. Chwolson. Photometrische Untersuchungen über die innere Diffusion des Lichtes.— Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLV—XLVIII.— N. v. Kokscharow. Mursinskit, ein neues Mineral.— C. Zahálka. Beitrag zur Kenntniss der Phymatellen der böhmischen Kreideformation. (Mit einer Tafel).— A. Karpinsky. Zur Geologie des Gouvernements Pskow. (Mit einer Tafel). A. Karpinsky. Ueber einige graphit- und granatführende metamorphische Gesteine des Urals. Mit einer Tafel). Цѣна 45 коп.

— Tome XII, livraison 6 et dernière 1887. (*Contenu:* Benvenuto Rizza et A. Boutlerow. Sur l'asarone (2me partie).— Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen, XLIX.— H. Wild. Note sur l'effet du tremblement de terre du 23 février 1887 à l'Observatoire magnétique de Pawlowsk.— Prof. Dr. Carl Schmidt. Hydrologische Untersuchungen L.— M. Rykatschew. Das vormittägige Temperaturmaximum zur See in den Tropen, nach den auf der Korvette «Witjas» unter dem Commando des Flügeladjutanten Capitain I. Ranges S. O. Makarow angestellten Beobachtungen.— A. Karpinsky, Bemerkungen über die Regelmässigkeit in der Gestalt und dem Bau der Continente.— N. Békétoff. Recherches sur l'énergie de combinaison. Les oxydes de potassium et de lithium.— H. Wild. Polarisations-Photometer für technische Zwecke und Untersuchung von Wenham-Gaslampen mit denselben). Цѣна 35 коп.

Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Petersbourg. Tome XII, livraison 3. 1886. (*Contenu:* A. Tarenetzky. Ueber Sehnenretinacula und dieselben spannende Muskeln auf dem Rücken des menschlichen Fusses.— Dr. Al. Bunge. Bericht über fernere Fahrten im Lena-Delta und die Ausgrabung eines angeblich vollständigen Mammothcadavers. Aus Briefen an den Akademiker L. v. Schrenck. (Mit einer Karte).— W. Welikij. Ueber die Lymphherzen bei *Siriodon pisciformis*. Vorläufige Mittheilung.— Dr. Al. Bunge. Brief an den beständigen Secretär der Akademie über den Gang der von der Akademie veranstalteten Polar-Expedition.— M. Bogdanow. Kurze Bemerkung über *Plasianus Komarowii* n. sp.— L. Pogosheff. Ueber den Nerven in den Enden des *Musculus sartorius*.— A. Morawitz. Zur Kenntniss der chilenischen Carabinen).

Цѣна 60 коп.

— Tome XII, livraison 4. 1886. (*Contenu:* C. J. Maximovicz. Diagnoses plantarum novarum asiaticarum. VI. Insunt stirpes quaedam nuper in Japonia detectae.— A. Famintzin. Ueber Knospenbildung bei Phanerogamen).

Цѣна 45 коп.

Mélanges biologiques.... Tome XII, livraison 5. 1886. (*Contenu:* N. Warpachowsky. Eine neue Form von *Opalina*. — V. Bianchi. Ueber einen neuen Würger aus der Untergattung *Otomela* (*Otomela Bogdanowi*.) — A. Famintzin. Ueber Kuospenbildung bei Phanerogamen. (Mit einer Tafel). — V. Bianchi. Zur Ornithologie der westlichen Ausläufer des Pamir und des Alai).

Цѣна 30 коп.

Mélanges russes tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1886. (*Contenu:* Dr. W. von Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios von Amastra und die Zeit ihrer Abfassung. — E. Kunik. Ergänzende Bemerkungen zu den Untersuchungen über die Zeit der Abfassung des Lebens des h. Georg von Amastris. Ein Beitrag zur Aufklärung der russisch-byzantinischen Chronologie des 9ten Jahrhunderts. — F. G. Wiedemann. Zusätze und Berichtigungen zu dem syrjänisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch. 1880).

Цѣна 30 коп.

Mélanges asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome IX, livraison 1. 1883. (*Contenu:* Liste des travaux de M. Brosset, membre de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, † le 22 août (3 septembre) 1880. — B. Dorn. Nachträge zu der Abhandlung über die Münzen der Hele oder ehemaligen Chane von Turkistan. — O. Böhtlingk. Bemerkungen zu Ginakirti's *Kampakathânaka*, herausgegeben und übersetzt von A. Weber).

Цѣна 30 коп.

—— Tome IX, livraison 2. 1886. (*Contenu:* W. Radloff, Bericht über die Ausgabe des Sprachmaterials des Codex Comanicus. — W. Radloff, Bericht über die Kurdischen Sprachsammlungen des Prof. Albert Socin. — N. Katanoff, Castrén's koibalisch-deutsches Wörterverzeichnis und Sprachproben des koibalischen Dialectes. Neu transscribirt).

Цѣна 30 коп.

—— Tome IX, livraison 3. 1887. (*Contenu:* C. Salemann. Mittelpersische Studien. Erstes Stück. — C. Salemann. Bericht über des Mag. V. Žukovski Materialien zur persischen Dialektologie. — W. Radloff. Vorläufiger Bericht über eine wissenschaftliche Reise in die Krym im Jahre 1886. — N. Katanoff. Die aus dem Russischen entlehnten Fremdwörter des Sagai-Dialectes. — N. Katanoff. Verzeichniss der sagaischen Namen der Flüsse, Dörfer, Städte und Stämme, welche die Unterthanen des Steppengerichts der vereinigten Stämme (an der Mündung des Askys) bilden. — C. Salemann. Neue Erwerbungen des Asiatischen Museums).

Цѣна 50 коп.

Mélanges gréco-romains tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg. Tome V, livraison 1. 1884. (*Contenu*: A. Nauck. De Marci Antonini commentariis. — M. Schmidt, in Jena. Zweiter textkritischer Beitrag zu den Trachinierinnen).

Цѣна 80 коп.

— Tome V, livraison 2. 1885. (*Contenu*: A. Nauck. Kritische Bemerkungen).

Цѣна 40 коп.

Mittheilungen der internationalen Polar-Commission. — Bulletin de la Commission polaire internationale. — Communications from the International Polar Commission. Première livraison. 1882.

Цѣна 10 коп.

— Seconde livraison. 1882.

Цѣна 25 коп.

— Troisième livraison. 1882.

Цѣна 15 коп.

— Quatrième livraison. 1883.

Цѣна 20 коп.

— Cinquième livraison. 1884.

Цѣна 25 коп.

— Sixième livraison. 1884.

Цѣна 50 коп.

Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches und der angrenzenden Länder Asiens. Dritte Folge. Auf Kosten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von L. v. Schrenck und C. J. Maximowicz.

— Band I. 1886. Graf D. A. Tolstoi. Das akademische Gymnasium und die akademische Universität im XVIII. Jahrhundert. Nach handschriftlichen Documenten des Archivs der Akademie der Wissenschaften. Aus dem Russischen von P. von Kūgelgen.

Цѣна 90 коп.

— Band II. Gemischten Inhalts. 1887. 1) Eug. Büchner. Die Vögel des St. Petersburger Gouvernements. 2) Graf D. A. Tolstoi. Die Stadtschulen während der Regierung der Kaiserin Katharina II. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kūgelgen.

Цѣна 1 руб. 80 коп.

— Band III. 1887. Expedition nach den Neusibirischen Inseln und dem Jana-Lande. Mit 6 Karten.

Цѣна 2 руб. 10 коп.

Bésobrasof, W. Études sur l'économie nationale de la Russie. Région (centrale) industrielle de Moscou. Tome I. 1883.

Цѣна 1 руб. 60 коп.

— Tome II, première partie. 1886.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

— Tome II, seconde partie. 1886.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

Böhtlingk, Otto. Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung.
Sechster Theil, erste Lieferung. (घ—वेच). 1885.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

——— Zweite Lieferung. (वेघ—घ). 1886.

Цѣна 1 руб. 20 коп.

——— Siebenter Theil, erste Lieferung. (न — नुरङ्कपुत्र). 1887.

Цѣна 1 руб. 30 коп.

Leyst. Katalog der meteorologischen Beobachtungen in Russland und Finnland. Viertes Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Цѣна 3 руб. 50 коп.

Nauck, Aug. Iamblichi de vita Pythagorica liber ad fidem codicis Florentini. Accedit epimetrum de Pythagorae aureo carmine. 1884.

Цѣна 1 руб. 80 коп.

Pryn, E. und A. Socin. Kurdische Sammlungen. *Erste Abtheilung.* Erzählung und Lieder im Dialekte des Tür 'Abdin. Gesammelt, herausgegeben und übersetzt von a. *Die Texte.* 1887.

Цѣна 30 коп.

——— b. *Uebersetzung.* 1887.

Цѣна 45 коп.

Radloff, W. Proben der Volkslitteratur der nördlichen türkischen Stämme, gesammelt und übersetzt von... V. Theil. Der Dialect der Kara-Kirgisen. 1885.

Цѣна 2 руб. 40 коп.

——— VI. Theil. Der Dialect der Tarantschi. 1886.

Цѣна 1 руб. 10 коп.

Rykatschew, M. Ueber den Auf- und Zugang der Gewässer des Russischen Reiches. Mit 3 Tafeln. Zweiter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Цѣна 3 руб. 20 коп.

Struve, Otto. Sammlung der Beobachtungen von Sternbedeckungen während der totalen Mondfinsterniss 1884 October 4. 1885.

Цѣна 20 коп.

Tolstol, Graf D. A. Ein Blick auf das Unterrichtswesen Russlands im XVIII. Jahrhundert bis 1782. Aus dem Russischen übersetzt von P. v. Kügelgen. 1884.

Цѣна 50 коп.

Wahlén, E. Wahre Tagesmittel und tägliche Variation der Temperatur an 18 Stationen des Russischen Reiches. Dritter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Цѣна 4 руб. 25 коп.

Wiedemann, F. J. Grammatik der Syrjänischen Sprache, mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen. 1884.

Цѣна 1 руб.

Wild, N. Die Regen-Verhältnisse des Russischen Reiches. Mit einem Atlas (6 Karten). Fünfter Supplementband zum Repertorium für Meteorologie. 1887.

Цѣна съ атласомъ 6 руб.

Изданія Академіи продаются у комисіонеровъ оной: И. Глазунова и Эггерса и К^о въ С. Петербургѣ, Н. Киммеля, въ Ригѣ, и въ Комитетѣ Правленія Императорской Академіи Наукъ (В. О., набережная Большой Невы, близъ Дворцоваго моста, д. № 5). Покупателямъ, обращающимся за книгами въ Комитетъ, дѣляется уступка 25% съ объявленной цѣны.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ
С.-Петербургъ, Февраль 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Дессловскій*.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вав. Остр., 9 лин., № 12).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

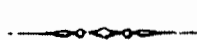
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

съ 1867 года

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогич и наукъ, критики и библиографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается: въ редакціи (По Троицкому переулку, домъ № 13) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуются исключительно въ редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкой въ С.-Петербургъ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ пріобрѣтать въ редакціи Журналъ Министерства за года 1869, 1870, 1871, 1875 (съ мартовской книжки) и всѣ слѣдующіе, платя за экземпляръ шесть рублей, за отдѣльныя книжки журнала — по пятидесяти копѣекъ за книжку, съ пересылкою въ другіе города.

6017

